

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855870 1

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ш Ы

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ XXXIX. — ТОМЪ CXXCVIII. — 1/18 ЮЛЯ, 1875.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1875.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592572
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

МИКЕЛЬ - АНДЖЕЛО

БОНАРОТТИ

ЗОДЧИЙ, ВАЯТЕЛЬ И ЖИВОПИСЕЦЪ *).

1475—1564.

Michel più che mortal, Angiol divino...

Въ весенній ясный день, около пяти часовъ пополудни, въ Римѣ, на Эсвилинскомъ холмѣ, цѣлое море блеску отъ вешняго солнца, которое клонится уже къ горизонту, и въ свержающей золотистой дымѣ выростають прозрачными силуэтами налѣво развалины цезарскихъ дворцовъ, увѣнчанныя рощами каменнаго дуба и кустами розъ; направо, внизу, тускнѣють закоптѣлыя и грязныя жилища новѣйшихъ римлянъ, а прямо передъ вами разсѣкаетъ знойную даль силуэтъ одинокой пальмы. Горькая дѣй-

*) Пособіемъ служили:

1. *Vita di Michel Angelo Buonarroti*, pittore, scultore, architetto e gentiluomo fiorentino. Pubblicata mentre viveva dal suo scolare *Ascanio Condivi*. 2 Ed. Firenze. MDCCXXXVI etc.

2. *G. Vasari*, Vite degli illustri pittori, scultori ed architetti etc. *Vita di Michel Angelo Buonarroti*.

3. *Michel Ange*, par Ch. Clément.

4. *Leben Michel Angelo's*, von H. Grimm. 2 Bde 1878.

5. *Michael Angelo Buonarroti*, sculptor, painter, architect. The story of his life and labours, by Charles Christopher Black, M. A. Trin. coll. Cambridge. London. 1876.

ствительность иногда разгоняет очарованіе этой изумительной картины: *Povero cièso, povero cièso!*.. раздается вблизи дребезжащій старческій голосъ; *per l'amor d'Iddio!*.. выкрикиваетъ это-то съ другой стороны... Нужно укрыться подъ портикѣмъ старинной базилики *S. Pietro in Vincoli*; но *povero cièso* бросается со всѣхъ ногъ и звонитъ усердно у низенькой двери, ведущей въ монастырскій дворъ. Передъ вами растворяется церковь и вы попадаете въ глубокой, сѣроватый сумракъ. Невидимая рука закрываетъ за вами двери, невидимая же рука отодвигаетъ дальше тяжелую кожаную занавѣсу, и тутъ только вы различаете, что вы въ длинной сумрачной базиликѣ, въ которую низкое солнце льетъ струи вечерняго свѣта, лежащагося на каменные плиты длинными желтыми четырехугольниками, отъ которыхъ еще сумрачнѣе, еще синѣе становится подъ сводами средняго нефа, и въ этомъ таинственномъ сумракѣ теряются верхи колоннъ. Невольно охватываетъ каждого таинственная, молчаливая торжественность; вы робко подвигаетесь впередъ и всматриваетесь въ темный потолокъ, съ котораго глядятъ на васъ мистическія тѣни, и за тѣмъ незамѣтно проходите всю глубину базилики, оглядываетесь налѣво и потомъ направо, и вдругъ невольно останавливаетесь: передъ вами изъ сумрака вырастаетъ грозный мраморный гигантъ и смотритъ въ пространство, какъ бы негодуя, что потревожили его молчаливый, уединенный покой... Такъ вотъ онъ, «Моисей» Микель-Анджело, созданіе этого гения, который смогъ воплотить великую идею вождя «народа божьяго» въ такихъ грандіозныхъ формахъ!

Колоссальное отервеніе силы и фантазіи въ творествѣ Бонаротти было кульминаціонною точкою въ развитіи флорентинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего итальянскаго и, даже больше, — всего европейскаго искусства въ эпоху Возрожденія.

Одаренный отъ природы безпредѣльной фантазіей, направленной исключительно на грандіозное, потрясающее, Микель-Анджело осужденъ былъ жить въ эпоху столь ужасную, что не безъ основанія ожидали тогда со дня на день второго пришествія и страшнаго суда. Его родной городъ, очагъ свободы и образованности, который онъ въ годы первой юности видѣлъ въ полномъ блескѣ и славѣ, на его же глазахъ превратился въ жалкій притонъ мелкой тиранніи. Глубоко затаивъ въ себѣ ненависть и презрѣніе ко всему его окружающему, Микель-Анджело съ годами дѣлается все суровѣе и суровѣе, и внутренній вопль сказывается въ его произведеніяхъ, которыя въ своей

совокупности оставляют впечатлѣніе какой-то грозной бури. Задумавъ символизировать «жизнь дѣятельную», онъ не могъ себѣ представить ее иначе, какъ въ образѣ гнѣвнаго Моисея-Карателя; или, охвативъ гениальною мыслью все человѣчество, онъ, со всѣмъ наслажденіемъ наболѣвшаго сердца, вывелъ людей на страшный судъ и заставилъ міръ быть свидѣтелемъ, какъ Христосъ, прообразъ кротости и любви, превращается въ безпощаднаго судію...

Такой характеръ всей художественной дѣятельности Мигель-Анджело коренится въ свойствахъ его эпохи, а свойства послѣдней были лишь логическимъ выводомъ изъ всей исторіи Флоренціи.

Флоренція принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, въ которыхъ жизнь, какъ лучи солнца зажигаемымъ стекломъ, сосредоточивается въ небольшую, но жгучую и сверкающую точку. Все, что совершалось въ остальной Италіи между 1250 и 1550 годами, безцвѣтно въ сравненіи съ исторіей этого одного города.

Древнѣйшая его исторія занята постоянною усобицею аристократическихъ фамилій, продолжавшеюся цѣлыя столѣтія и кончившеюся совершеннымъ ихъ истребленіемъ. Это взаимное истребленіе аристократовъ, въ XIII вѣкѣ, раздѣлившись на двѣ опредѣленныя партіи, подъ именемъ гвельфовъ и гибеллиновъ, было на руку трудолюбивымъ боргезамъ, буржуазіи, изъ которой образовался третій, средній классъ богатыхъ купцовъ и фабрикантовъ. Новое жизненное начало, таившееся въ этомъ среднемъ сословіи, ярче всего сказалось въ томъ обстоятельствѣ, что въ самое бѣдственное время отъ аристократическихъ междоусобій городъ сильно разросся, и изъ внѣшнихъ враговъ, самый опасный, Пиза была ослаблена и принуждена принять, выгодный для флорентинцевъ, торговый договоръ, вмѣстѣ съ ихъ мѣрою и вѣсами (1252).

Каждою перемѣною въ счастіи той, либо другой партіи аристократовъ искусно пользовались промышленные боргезы, чтобы захватить побольше правъ. Но надо обезопасить эти права, и вотъ замки вокругъ города скупаются и уничтожаются, запрещается строить ихъ ближе извѣстнаго разстоянія, въ самомъ городѣ опасныя башни и дворцы слабеваютъ. Слишкомъ поздно опомнились аристократы: когда гибеллины были окончательно побѣждены, гвельфы очутились лицомъ къ лицу съ сильною буржуазіей, которая закончила свою побѣду конституціей, по которой только тотъ могъ быть участникомъ въ правленіи, кто принадлежалъ къ какому-нибудь цеху: аристократамъ оставалось либо совер-

шенно ступшеываться, либо приписываться къ презрѣннымъ цехамъ. Своимъ блескомъ Флоренція обязана была этому новому населенію, высокое интеллектуальное развитіе котораго сосредоточивалось въ страстной привязанности къ дорого-купленной свободѣ и независимости. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ флорентинское населеніе могло пользоваться только въ стѣнахъ родного города и—оно обоготворяло свой городъ. Сознаніе своей силы въ единеніи, подъ эгидою свободы, одушевляло эту небольшую городскую общину, вѣрившую въ свое безсмертіе, и въ этомъ одушевленіи развертывавшую весь запасъ богатыхъ даровъ, которыми щедро надѣлила ее природа.

Все новое населеніе состояло, повидимому, изъ эгоистическихъ купцовъ и фабрикантовъ, но они мужественно бились за свою свободу. Себялюбивая политика и торговые барыши были ихъ единственнымъ интересомъ, но тѣмъ не менѣе у нихъ процвѣтала поэзія, и писались лѣтописи родного города. Скупые торговцы, и мѣнялы, они жили въ царственныхъ дворцахъ, и притомъ во дворцахъ, построенныхъ собственными мастерами, украшенныхъ живописью и ваяніемъ, которыя родились тутъ же, въ родномъ городѣ...

Но въ нѣдрахъ этого новаго населенія, едва оно почувствовало себя властелиномъ, образовался расколъ: цехи раздѣлились на *большіе* и *меньшіе*, между ними не замедлила обнаружиться вражда, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ революцій, изъ которыхъ выросло господство фамиліи Медичи, начинающееся съ конца XIV-го вѣка.

Первый изъ Медичи, Salvestro, въ 1370 г., гонфалоньеръ Флоренціи, выказалъ уже ту хитрость и энергію, которою отличалась впослѣдствіи вся фамилія. Завидуя силѣ «большихъ», въ числу которыхъ они не принадлежали, Медичи стали во главѣ демократической партіи и, уничтоживъ при ея помощи соперниковъ, остались единодержавными. Сальвестро, вызвавъ одну изъ опаснѣйшихъ революцій, вышелъ изъ нея, какъ гонфалоньеръ, со славою демократа, котораго любилъ народъ; но въ то же время безъ него не могли обходиться и большіе.

Послѣ него во главѣ фамиліи сталъ Вері деи-Медичи (Veri dei Medici). Для Флоренціи и всей Италіи наступило самое худшее время, время бессмысленной вражды всѣхъ противъ всѣхъ, время, когда единственнымъ побужденіемъ была жажда стяжанія, для удовлетворенія которой никто не останавливался ни передъ чѣмъ. Великія идеи были забыты; въ жизни пропала, такъ сказать, высшая духовная инстанція. Среди этого мрака спаситель-

всю звѣздою явились воскресенныя тогда идеи древняго міра о челоѣчествѣ и его назначеніи, выразившіяся въ античной философіи, знакомство съ которой по преимуществу и произвело *возрожденіе*. Однимъ изъ ревностѣйшихъ участниковъ въ этомъ воскресеніи древней образованности явился Космо деи-Медичи. Его усиліями Флоренція быстро дѣлается центромъ обновленія всей Италіи и всего міра.

Медичи представляютъ оригинальное явленіе: они были государами и въ то же время частными людьми. Они господствовали неограниченно, но никогда, повидимому, не отдавали приказаній. Ихъ можно назвать наслѣдственными совѣтниками флорентинскаго народа, владыками, толкователями и исполнителями общественнаго мѣстна; они долго управляли безъ титуловъ, имѣя за собою одно только право: они были необходимы. Правда, Медичи ничѣмъ не были лучше остальныхъ, патентованныхъ тирановъ этой эпохи: ложь, предательство, клятвопреступничество, ядъ и кинжалъ были имъ знакомы не менѣе, чѣмъ кому-либо другому. Но все это имъ прощали современники, за тотъ возвышенный умъ, который заставлялъ ихъ тѣсно связывать свое имя со всѣми явленіями въ высшей культурѣ.

Въ области искусства первыми плодами возрожденія, въ смыслѣ обращенія къ высшимъ интересамъ при помощи образованности древняго міра, было появленіе четырехъ художниковъ: Гиберти, Брунеллески, Массачіо и Донателло; они, такъ сказать, раздѣлили между собою наслѣдство, завѣщанное имъ праотцемъ итальянскаго искусства, Джотто. Л. Гиберти, при помощи изученія антиковъ, дошелъ до значительнаго совершенства въ ваяніи и оставилъ по себѣ вѣчную память, создавъ врата для флорентинской церкви San-Giovanni; по словамъ Микель-Анджело, они были бы достойны служить предверіемъ рая. Брунеллески старался воспользоваться тѣмъ же античнымъ искусствомъ для зодчества. Основательно изучивъ римскія руины и между прочимъ Пантеонъ, онъ первый постигъ античный способъ выводить своды, и приложилъ свои свѣдѣнія при построеніи St. Maria del Fiore, которую онъ закончилъ первымъ куполомъ по античному образцу. Но всѣ эти три художника, и Гиберти, и Брунеллески, и Массачіо, посвятившій себя главнымъ образомъ живописи, трудились надъ достиженіемъ одного техническаго мастерства.

Не техническое мастерство было задачею четвертаго члена этой художественной плеяды—Донателло, но—выраженіе волновавшихъ его идей. Поэтому, всѣ его работы носятъ на себѣ от-

печатокъ неоконченности, прерванности, но и необыкновенной живости. Онъ первый старался со всею энергіей схватить и передать самую дѣйствительность. Всѣ четверо, въ особенности Донателло, стояли съ тѣснѣйшей связи съ фамиліей Медичи. Донателло жилъ уже въ то время, когда запасъ художественныхъ произведеній древности возросъ до значительныхъ размѣровъ. Онъ навелъ Космо деи-Медичи на мысль сдѣлать собраніе такихъ произведеній и выставить ихъ публично. Такъ произошли знаменитыя сады St. Marco, въ которыхъ получилъ свое образованіе Микель-Анджело.

Такимъ образомъ, во времени выступленія на художественное поприще Бонаротти все уже было подготовлено какъ бы систематически: Гиберти, Брунеллески и Массачіо выработали технику всѣхъ трехъ искусствъ, въ которыхъ ему предстояло создать все величайшее; Донателло первый вышелъ изъ цехового искусства, крѣпко связавъ его характеръ со свойствами и судьбами личности, и, наконецъ, изученіе древности, на которое прежніе художники были наводимы случаемъ и личнымъ инстинктомъ, стало теперь легко доступною и необходимою школою.

Такова была художественная обстановка, въ которую суждено было попасть Микель-Анджело.

Родъ *Бонаротти Симоны* принадлежалъ къ числу самыхъ знатныхъ во Флоренціи; чрезъ своего предка Симона Каноссу онъ стоялъ въ родствѣ съ императорскою фамиліею. Но и въ самой Флоренціи многіе изъ предковъ Микель-Анджело занимали высшія государственныя должности. Отецъ его, Лодовико, былъ назначенъ подестю (podestà) въ Кьюзи, куда и отправился вмѣстѣ со своею девятнадцатилѣтнею женою Франческой, которая была беременна, что впрочемъ, не помѣшало ей сопровождать мужа верхомъ. На дорогѣ она была сброшена съ лошади, но, несмотря на все это, благополучно разрѣшилась, 6-го марта 1475 г. въ 2 часа ночи, сыномъ, которому дали имя Микель-Анджело. На слѣдующій годъ семейство вернулось уже во Флоренцію; Микель-Анджело былъ оставленъ въ Сеттиньяно, небольшомъ мѣстечкѣ, не доѣзжая Флоренціи, на выормку женѣ каменотеса, чѣмъ онъ впоследствии, шутя, объяснялъ свое пристрастіе къ ваянію. Затѣмъ онъ отданъ былъ учиться грамматикѣ въ Франческо да-Урбино; несмотря ни на увѣщанія, ни даже на побои, дѣло съ грамматикой не пошло далеко, и родители принуждены были согласиться отдать его въ мастер-

скую известнаго тогда художника Гирландайо; съ нимъ онъ познакомился чрезъ своего сверстника и пріятеля Граначчіо. Попадъ къ Гирландайо, Микель-Анджело тотчасъ же очутился среди большой художественной работы, такъ какъ его патронъ расписывалъ въ это время капеллу въ одной изъ флорентинскихъ церквей. Небольшой набросокъ, сдѣланный новичкомъ и представлявшій лѣса съ работающими художниками, заставилъ учителя замѣтить: «малый больше смыслить, чѣмъ я самъ». Удивленіе перешло, впрочемъ, скоро въ зависть. Первою картиною Микель-Анджело была увеличенная копія масляными красками съ гравюры Шопгауера, представлявшей искушеніе св. Антонія; эту копію Гирландайо потомъ приписывалъ себѣ. Натянутыя отношенія были прерваны раньше трехъ лѣтъ, назначенныхъ по контракту, такъ какъ поддѣлка одного рисунка Гирландайо, которую самъ онъ не сумѣлъ отличить отъ своихъ оригиналовъ, показала, что ученикъ переросъ учителя. Чрезъ того же пріятеля Граначчіо Микель-Анджело попадаетъ въ сады St. Магсо и становится известнѣе Лоренцо деи-Медичи, который въ это время стоялъ во главѣ своей фамиліи и правленія. Здѣсь онъ прежде всего свелъ дружбу съ каменотесами и, получивъ отъ нихъ кусокъ мрамора, сдѣлалъ первый опытъ въ ваяніи, вырубивъ маску стараго фавна, которому, по совѣту Лоренцо Медичи, выбилъ для вѣщей характеристики одинъ зубъ. Эта попытка заставила обратить на него вниманіе; Лоренцо Медичи призвалъ стараго Лодовико и съ его согласія взялъ юношу къ себѣ во дворецъ, гдѣ обращался съ нимъ какъ съ своимъ сыномъ, часто призывалъ его къ себѣ и пересматривалъ съ нимъ дорогія собранія камеєвъ, монетъ и т. п., и слушалъ его сужденія. Ученый Полиціано вводилъ его въ то же время въ знаніе древности, и однажды посовѣтовалъ ему изобразить въ рельефѣ борьбу Ирака съ кентаврами. Эта работа всѣхъ привела въ изумленіе. Художникъ Бертольдо, которому Лоренцо поручилъ надзоръ за молодежью, посѣщавшею его сады, знакомилъ его съ работами Донателло, обучалъ литейному искусству и вмѣстѣ съ другими заставлялъ рисовать съ Массачіо.

Такимъ образомъ, самые важные годы для развитія таланта Микель-Анджело провелъ въ счастливѣйшей обстановкѣ; но скоро должны были наступить и бури, которыя оставили въ его характерѣ еще болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ эти ясные дни.

Власть Медичи, принужденныхъ, въ концѣ-концовъ, пользоваться для своихъ цѣлей государственною казною, готова была перейти въ тираннію. Не было только силы, на которую могли бы опереться ихъ враги, Стропци, Содерини, Каппони и другія знатныя фамиліи, такъ какъ народъ былъ совершенно закупаенъ щедростію и либеральной политикою Медичи. Но эта сила вскорѣ была привлечена во Флоренцію самимъ Лоренцо. Извѣстный полигисторъ, Пико да-Мирандула, обратилъ его вниманіе на замѣчательный талантъ молодого проповѣдника Джироламо Савонаролы, который по настоянію Лоренцо, желавшаго имѣть вокругъ себя весь цвѣтъ итальянской образованности, былъ приглашенъ во Флоренцію и сдѣланъ пріоромъ монастыря св. Марка. Съ первыхъ же шаговъ новый пріоръ заявилъ свою независимость: не сдѣлалъ обычнаго посѣщенія Медичи, всѣ подарки отъ нихъ роздалъ бѣднымъ, возстановилъ древнее правило ордена, запрещавшее владѣть имуществомъ, и сталъ гремять противъ узурпаторовъ и всеобщаго разврата. Смыслъ его проповѣдей былъ тотъ, что настало время наказанія за господствующее язычество, но за этимъ наказаніемъ послѣдуетъ лучшее время для Италіи. Лоренцо, черезъ своихъ друзей, дѣлалъ увѣщанія новому пріору, но тотъ въ отвѣтъ пророчилъ ему скорое удаленіе изъ Флоренціи. И дѣйствительно, въ пасху 1492 года, Лоренцо заболѣлъ и умеръ на 44 году жизни въ окрестностяхъ Флоренціи, въ Карреджи.

Огорненіе Микель-Анджело было такъ велико, что, вернувшись въ домъ отца, онъ долго не могъ привыкнуть ни за какую работу. Вся Италія почувствовала смерть Лоренцо, какъ горькую утрату: съ нимъ вмѣстѣ исчезъ мудрый политикъ, который, по современному выраженію, былъ плотиною, сдерживавшею столкновеніе двѣхъ бушующихъ морей, а именно Ломбардіи и Неаполя.

Наслѣдникъ Лоренцо, Пьетро деи-Медичи по выраженію отца «дуракъ», былъ пустой честолюбецъ, не скрывавшій своихъ поползновеній сдѣлаться герцогомъ Флоренціи. Онъ и о Микель-Анджело вспомнилъ, когда во Флоренціи выпало необыкновенно много снѣгу; снѣжная статуя, сдѣланная Микель-Анджело, такъ понравилась Пьетро, что молодой скульпторъ опять былъ возвращенъ въ свое прежнее помѣщеніе во дворцѣ и вошелъ во всѣ свои прежнія права. Пьетро даже гордился присутствіемъ Микель-Анджело, но онъ столько же гордился и своимъ скороходомъ, котораго онъ не могъ обогнать на лошади. Въ это время Микель-Анджело удалось сдѣлать статую Иракла и

Распятие для монастыря St. Spirito. Последняя работа была особенно важна, такъ какъ при исполненіи ея настоятель монастыря предоставилъ въ распоряженіе Микель-Анджело трупъ, на которомъ онъ впервые ознакомился съ анатоміей, — занятіе, которому онъ впоследствии предавался съ увлеченіемъ.

Между тѣмъ Пьетро позволилъ вовлечь себя въ борьбу, загорѣвшуюся между Миланомъ и Неаполемъ, сталъ на сторонѣ послѣдняго, и такимъ образомъ навлекъ на Тоскану вторженіе французовъ подъ предводительствомъ Карла VIII. Еще до этого вторженія, извѣстіе о пораженіи союзныхъ войскъ при Рапалло, вѣсти о томъ, что Карлъ двигается на Романью, дурныя предзнаменованія и предостерегающія сновидѣнія, являвшіяся одному изъ самыхъ близкихъ лицъ къ семейству Медичи, — все это навело такую панику на флорентинцевъ и въ томъ числѣ на Микель-Анджело, что послѣдній бѣжалъ съ двумя друзьями въ Венецію. Недостатокъ въ средствахъ заставилъ ихъ, впрочемъ, скоро пуститься въ обратный путь. Въ Болоньи ихъ арестовали за несоблюденіе правилъ о входѣ въ городъ, и имъ грозила тюрьма, но счастливый случай свелъ Микель-Анджело съ богатымъ гражданиномъ Альдобранди, который освободилъ его и пригласилъ къ себѣ въ домъ въ качествѣ чтеца и скульптора. Благодаря его стараніямъ, Микель-Анджело получилъ между прочимъ и общественный заказъ окончить украшенія на рабѣ св. Доминика, такъ какъ Никола Пизано не успѣлъ додѣлать одного изъ ангеловъ, держащихъ канделябры.

Въ это же время прибылъ въ Болонью и Пьетро Медичи съ своимъ братомъ, изгнанные изъ Флоренціи Савонаролою. Въ Болоньѣ, гдѣ туземные тираны встрѣтили братьевъ упреками, оставаться было не безопасно, и потому они бѣжали далѣе, въ Венецію, а Микель-Анджело, преслѣдуемый завистью и интригами мѣстныхъ художниковъ, также принужденъ былъ удалиться, и возвратился въ отечественный городъ.

Флоренція измѣнилась въ этотъ короткій срокъ. Власть Медичи была вырвана съ корнемъ; дворецъ пустъ, сады св. Марка ограблены и сокровища искусства проданы съ аукціона. Художники частью разбѣжались, а тѣ, кто оставался, подъ вліяніемъ проповѣдей Савонаролы, мучились угрызениями совѣсти, считая свои художественныя произведенія за наущеніе діавола. Государство строго слѣдило за нравственностью въ нѣдрахъ самихъ семействъ; женщинамъ запрещено было наряжаться. Отъ внѣшней опасности, въ видѣ возвращенія Пьетро подъ прикрытіемъ французскихъ войскъ, откупились 120,000 золотыхъ дукатовъ и

титоломъ «возстановителя и защитника флорентинской свободы», которые республика поднесла Карлу VIII. Савонарола внутри боролся противъ партіи Медичи и третьей, средней, носившей названіе аррабіатовъ, и громилъ Римъ въ своихъ проповѣдяхъ. Папа отвѣчалъ ему запрещеніями и грозилъ экскоммуникаціей.

Время было мрачное. Мивель-Анджело нашель себѣ однако поддержку въ одномъ изъ оставшихся во Флоренціи членовъ фамиліи Медичи, Лоренцо, принявшемъ въ угоду народу прозвище Medici-popolani. Для него дѣлалъ въ это время Мивель-Анджело отрока Іоанна Крестителя. Въ то же время, по собственному замыслу, онъ изваялъ «Спящаго Амура». Новый повровитель Мивель-Анджело, въ восторгѣ отъ этого Амура, посоветовалъ ему придать статуѣ видъ древности и выдать за античное произведеніе, говоря, что за старое лучше заплатятъ. Хитрость удалась какъ нельзя лучше, но обманутымъ оказался не только покупатель, но и художникъ, такъ какъ посредникъ въ этомъ торгѣ изъ 200 полученныхъ дукатовъ выдалъ художнику только 30. Вскорѣ оба обмана открылись, и владѣлецъ подложнаго Амура, кардиналъ Ріаріо ди-Санъ-Джорджіо, вызвалъ Мивель-Анджело въ Римъ. Это произошло въ 1496 году. Мивель-Анджело былъ тогда 21 годъ отъ роду.

Знакомство съ кардиналомъ Санъ-Джорджіо не повело, впрочемъ, ни къ чему, такъ какъ послѣдній оказался изъ тѣхъ любителей, которые готовы преклоняться передъ разбитымъ горшкомъ, если этотъ горшокъ современнѣе пуническихъ войнъ, и не понимаютъ самаго геніальнаго созданія, если ему не исполнилось еще тысячи лѣтъ отъ дня появленія на свѣтъ. Нашлись, впрочемъ, другіе люди, съ умѣвшіе оцѣнить юное дарованіе. Такъ, для римскаго дворянина, Якопо Галли, Мивель-Анджело сдѣлалъ въ это время мраморнаго Вахха, болѣе человѣческаго роста. Нагой юноша лѣтъ 18 въ первомъ опьянѣніи, съ нѣжными какъ бы налитыми виномъ членами, переступаетъ невѣрнымъ шагомъ, косясь сластолюбивыми очами на чашу съ виномъ, которую онъ держитъ въ правой рукѣ въ уровень съ устами, а въ опущенной лѣвой виситъ кисть винограда, съ которой вradeтъ ягоды притаившійся сзади маленькій сатиръ. Характерный натурализмъ составляетъ разницу между этимъ новымъ Ваххомъ и античными изваяніями того же бога: въ греческомъ вааніи характерное отступало на задній планъ, уступая мѣсто высшему началу красоты.

Первымъ произведеніемъ, которое вдругъ сдѣлало Мивель-Анджело изъ уважаемаго скульптора первымъ ваятелемъ Италіи,

была его *la Pietà*, заказанная однимъ французскимъ кардиналомъ. Къ изумительному мастерству въ исполненіи здѣсь присоединился еще оригинальный, трогательный замыселъ: Марія держитъ на своихъ колѣняхъ мертваго сына и съ глубокимъ выраженіемъ покорности высшей волѣ смотрѣть на дорогое тѣло. Вы чувствуете печальныя думы этой мраморной головы и видите вѣсть съ нею сына еще младенцемъ, какъ онъ игралъ на этихъ же самыхъ колѣняхъ... И вотъ мать, все та же цвѣтущая дѣва, а сынъ, уже обросшій бородою, лежитъ бездыханень... Всѣ были въ восторгѣ, но одинъ острякъ замѣтилъ ядовито художнику: «гдѣ вы могли видѣть, чтобы мать была моложе сына?» «Въ раю», спокойно отвѣчала художникъ.

Въ 1499 году, Микель-Анджело опять во Флоренціи, гдѣ въ это время произошли весьма важныя событія. Савонарола палъ и былъ сожженъ на кострѣ. Микель-Анджело хотя и не принадлежалъ открыто къ его послѣдователямъ, но не могъ, конечно, не быть его сторонникомъ; въ старости онъ прилежно изучалъ его сочиненія. Это были двѣ родственныя силы, двѣ бури, поднятыя для очищенія смраднаго, затхлаго воздуха, которымъ была заражена итальянская жизнь. Разница лишь въ томъ, что у одного это было сознательною задачею: нравственными проповѣдями онъ желалъ устроить на землѣ царство небесное, у другого великое, обновляющее и возвышающее дѣйствіе выходило изъ его произведеній, плодовъ *непосредственнаго* вдохновенія.

Прибывъ во Флоренцію, Микель-Анджело отливаетъ бронзовую Мадонну, задумчиво держащую между колѣнъ младенца Іисуса (теперь въ Брюкнѣ), слѣдовательно, какъ бы символизируетъ ту думу, которая вложена въ его *la Pietà*, и съ которою дѣйствительно это новое произведеніе имѣетъ много сходства въ типѣ Богородицы. Въ это же время появилось его «Святое семейство», — писанная красками, нѣжная семейная картина, проникнутая глубокимъ элегическимъ чаяніемъ грядущаго. Но, какъ бы увлекшись своими скульптурными мечтами, онъ на этомъ же медальонѣ, въ глубинѣ, помѣстилъ полукруглый невысокій барьеръ и на немъ нѣсколько обнаженныхъ мужскихъ фигуръ, неизмѣющихся никакого отношенія къ «Св. семейству».

Но это были пробы въ сравненіи съ тѣмъ, что ему предстояло.

Въ это время флорентинская республика счастливо откупилась отъ внезапной опасности: подъ ея стѣнами явился Цезаре Борджиа и Пьетро Медичи. Микель-Анджело получилъ по этому случаю волоссальную мраморную глыбу съ порученіемъ сдѣлать

изъ нея «Давида», который представлялся идеальнымъ образомъ свободы, поразившей Голиаа тиранніи. Въ короткое время изъ этой глыбы, которая была уже обтесана прежде для другой цѣли и считалась испорченною, выросъ юноша гигантъ, гнѣвно смотрящій на невидимаго врага и машинально приготавлиющій пращу. Послѣ долгихъ разсужденій о томъ, гдѣ его поставить, онъ былъ помѣщенъ налѣво отъ входа въ дворецъ Синьории. Появленіе его было такимъ событіемъ, что съ этихъ поръ вошла въ употребленіе фраза: столько-то лѣтъ послѣ постановки Гиганта». И дѣйствительно, Давидъ флорентинской свободы поразилъ Голиаа: около этого самаго времени погибають два главныхъ врага флорентинской республики: Чезаре Борджія плѣнникомъ увезенъ былъ въ Испанію по повелѣнію новаго папы; Пьетро Медичи утонулъ въ рѣкѣ, въ битвѣ при Гарильяно.

Громкая слава вызвала зависть и породила Мивель-Анджело много враговъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ безпощадно высказывалъ свой судъ надъ чужимъ искусствомъ; такъ, по его словамъ, Перуджино, въ это время благополучно процвѣтавшій во Флоренціи, былъ «болваномъ, ничего не смыслившимъ въ искусствѣ» и т. п. Образовалась враждебная партія художниковъ, сгруппировавшихся вокругъ другой звѣзды флорентинскаго искусства, Леонарда да-Винчи, въ это время вернушагося, послѣ долгаго пребыванія въ Миланѣ, на родину. Чтобы удовлетворить соперника, республика, по предложенію гонфалоньера Содерини, поручила Леонардо расписать одну изъ стѣнъ въ залѣ, въ которой собирался флорентинскій парламентъ (consiglio grande). Такимъ образомъ, произошла знаменитая картина, отъ которой до насъ дошла лишь одна группа, и та въ гравюрѣ, представляющая свирѣпую схватку кавалеристовъ изъ-за знамени, въ которой принимаютъ такое же участіе и кони, вцѣпившіеся другъ въ друга зубами. Эта дикая свалка оставляетъ впечатлѣніе какаго-то фантастическаго сна, горячечнаго бреда, какъ и многія другія произведенія этого изумительнаго демоническаго фантаста.

Республика не осталась, впрочемъ, въ долгу у Мивель-Анджело, который, по предложенію того же Содерини, получилъ завязъ расписать другую стѣну. Впрочемъ, ему не удалось тотчасъ же вступить въ это соревнованіе: его ожидала новая блестящая и громкая будущность.

Юлій II, Винкула, вступилъ въ это время на папскій престолъ. Уже превлонный старикъ, онъ съ ненасытною жаждою старался какъ бы наверстать время, воспользоваться не-

большимъ числомъ лѣтъ, которыя оставались еще въ его распорядженіи, и проесть кипѣлъ за проектомъ въ его пылкой и нетерпѣливой головѣ. У него что было сказано, то должно было быть тотчасъ же и сдѣлано. Жившій въ Римѣ флорентинскій архитекторъ, Санъ-Галло, обратилъ вниманіе новаго папы на замѣчательный талантъ Микель-Анджело, и послѣдній долженъ былъ явиться въ Римъ. Впрочемъ, прошло много мѣсяцевъ, прежде чѣмъ папа нашель, чѣмъ его занять. Наконецъ, ему пришло въ голову заказать свою гробницу. Проектъ въ рисункахъ приводитъ Юлія II въ восхищеніе. Гдѣ помѣстить такой памятникъ? Микель-Анджело указываетъ на перестраивавшуюся со времени Николая V древнюю базилику св. Петра, въ которой, впрочемъ, выведена была къ этому времени одна только трибуна. Эта мысль понравилась и папѣ, но что будетъ стоить это сооруженіе? Тисячъ 100 скуди—было мнѣніе Микель-Анджело: «200 тысячъ!» рѣшилъ папа. Санъ-Галло и Браманте заговорили о возможности полной перестройки базилики. Папа немедленно потребовалъ и на это проекты; Браманте поручена была полная перестройка храма, а Микель-Анджело сдѣлалъ въ Каррару ломать мраморъ, сколько нужно для гробницы. Замысль была колоссальная. «Гробница должна быть открыта со всѣхъ четырехъ сторонъ; двѣ изъ нихъ, боковыя, предполагалось сдѣлать въ 18 локтей длиною; двѣ другія съ фронтовъ въ 12, такъ что площадь составляла полтора квадрата. Снаружи, со всѣхъ сторонъ, были ниши, предназначавшіяся для статуй, а внизу вѣждаго промежутка между двумя сосѣдними нишами выступало по четырехугольной базѣ; на нихъ должны были поставиться другія статуи въ видѣ плѣнниковъ, представлявшихъ искусства, живопись, ваяніе и водчество. Этими статуями художникъ хотѣлъ показать, что вмѣстѣ съ папою Юліемъ всѣ искусства стануть добычею смерти. Надъ этими нишами и статуями обходилъ вокругъ цимсъ; на его высотѣ помѣщались четыре большія статуи, къ числу которыхъ принадлежалъ Моисей, что теперь въ S. Pietro in Vincoli. Гробница, поднимаясь такимъ образомъ, заканчивалась плоскостью, на которой помѣщалось двое ангеловъ, державшихъ гробъ. Одинъ изъ ангеловъ, казалось, улыбался, какъ бы радуясь тому, что душа папы принята въ число святыхъ, другой—плакалъ, какъ будто скорбя о томъ, что міръ утратилъ такого человѣка. На одномъ изъ фронтовъ былъ входъ въ гробницу, ведшій въ небольшой повои, въ видѣ храма, въ серединѣ котораго стоялъ большой мраморный гробъ, гдѣ и должны были быть положены бранные останки папы. На всей гробницѣ должно было быть болѣе 40 изваяній,

не считая рельефовъ и бронзовыхъ украшеній» (Conditi). Микель-Анджело былъ въ самомъ одушевленномъ состояніи. Въ Каррарѣ, гдѣ ему пришлось провести восемь мѣсяцевъ, онъ задумалъ превратить цѣлую скалу, выдававшуюся въ море, въ человѣческую фигуру, чтобы она служила маякомъ. Когда ираморныя глыбы прибыли въ Римъ и остановились на площади св. Петра, весь Римъ изумился, а папа почувствовалъ такое расположеніе къ художнику, что зачастую приходилъ къ нему въ мастерскую и бесѣдовалъ какъ съ братомъ. Для большаго удобства онъ велѣлъ даже выстроить крытый ходъ изъ своего дворца до мастерской Микель-Анджело.

Зависть дѣлала между тѣмъ свое дѣло. Браманте, главный архитекторъ, старался удалить Микель-Анджело, боясь, какъ-бы онъ не открылъ недостатковъ при постройкѣ св. Петра; и вотъ онъ сталъ толковать папѣ, какое это дурное предзнаменованіе, когда кто-нибудь задумаетъ строить себѣ гробницу при жизни. Начались натянутыя отношенія, дошедшія, наконецъ, до того, что Микель-Анджело перестали пускать къ папѣ. «Въ такомъ случаѣ скажите вашему папѣ», замѣтилъ художникъ неупускавшему его слугителю, «что если я теперь ему понадобится, пускай онъ ищетъ меня гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ». Собравшись на скорую руку, онъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Рима, такъ что пять папскихъ гонцовъ нагнали его уже на флорентинской землѣ, гдѣ они не смѣли тронуть его, какъ флорентинскаго гражданина. Несчастные просили, чтобы онъ по крайней мѣрѣ отвѣтилъ на папское письмо и ихъ избавилъ бы отъ бѣды. Папа писалъ: «тотчасъ же вернуться. по долученіи этого письма, подѣ страхомъ нашей немилости». Микель-Анджело отвѣчалъ: «никогда не вернусь. За мою вѣрную службу меня прогнали, какъ негодяя. О гробницѣ, ваше святѣйшество, не желаю больше и слышать: наши условія слѣдовательно, нарушены, а въ новыя вступать не желаю».

Прибывъ во Флоренцію, Микель-Анджело принялся за начатый картонъ для залы парламента, и окончилъ его ко всеобщему изумленію. Сюжетомъ онъ взялъ одинъ эпизодъ изъ войны съ Пизвою, когда однажды флорентинцы въ жаркій день соблазнились искупаться въ Арно и были застигнуты врасплохъ неприятеlemъ. Толпа нагихъ, одѣвающихъ и полуодѣтыхъ мужскихъ фигуръ, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, вызванныхъ внезапнымъ переполохомъ—таково впечатлѣніе части этого картона, дошедшей до насъ въ гравюрѣ. Этотъ картонъ служилъ инволюю для всего слѣдующаго поколѣнія художниковъ, въ томъ числѣ и для Рафаэля. Впослѣдствіи онъ былъ гѣмъ-то разрѣ-

занъ на куски и, по словамъ Кондиви, въ его время эти куски береглись, какъ реликвиа.

Между тѣмъ папа не терялъ надежды на возможность возвращенія Микель-Анджело въ Римъ, и бомбардировалъ флорентинскую синьорію посланіями, требуя, и угрозами, и ласками, выдачи бѣглеца. Микель-Анджело думалъ-было уже бѣжать къ султану, желавшему имѣть его у себя, но послѣ увѣщаній генфалоньера онъ согласился ѣхать въ Римъ подъ охраною званія посланника флорентинской республики, — но пришлось ѣхать въ Болонью: папа, преслѣдуя свои политическіе замыслы, выступилъ противъ Болоньи и вошелъ въ нее безъ бою, такъ какъ тѣмошніе тираны, Бендиволи, бѣжали, а народъ привѣтствовалъ папу, какъ освободителя. И вотъ Микель-Анджело въ Болоньѣ. Одинъ изъ папскихъ слугъ, узнавъ его въ церкви, куда онъ отправился тотчасъ по пріѣздѣ, привелъ его къ папѣ, котораго они застали за завтракомъ. Увидѣвъ бѣглеца, папа грозно вскричалъ: «тебѣ бы слѣдовало придти и поискать насъ, а ты ждалъ, пока мы придемъ и тебя поищемъ». Папа намекалъ на положеніе Болоньи, относительно Флоренціи. Микель-Анджело сталъ на колѣни, оправдывался и просилъ прощенія. Юлій сидѣлъ нахмурившись. «Ваше святѣйшество, — вмѣшался одинъ изъ монсиньоровъ, которому Содерини особенно рекомендовалъ Бонаротти, — не извольте гнѣваться за его проступокъ: онъ поступилъ такъ по невѣжеству. Живописцы, внѣ своего искусства, всѣ таковы». «Ты говоришь ему грубости, — заеричалъ старикъ, — какихъ и мы бы ему не сказали. Невѣжа и бездальникъ ты, а не онъ. Долой съ моихъ глазъ!» Прислуга помогла оторопѣвшему монсиньору исполнить желаніе папы. Бурю пронесло... Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ папа поручилъ Микель-Анджело отлить его волосальную статую, чтобъ поставить ее надъ фронтономъ церкви св. Петронія. Модель была готова еще до отъѣзда папы и, когда послѣдній пришелъ на нее посмотреть, Микель-Анджело недоумѣвалъ, не дать ли статуѣ въ лѣвую руку книгу. «Какую книгу, — вскричалъ папа, — мечъ въ руку: я не буквѣждъ!» Эта статуя, впоследствии, была разбита во время народнаго возстанія.

Возвратившись во Флоренцію послѣ 16-мѣсячной работы, Микель-Анджело готовъ былъ приняться за исполненіе другихъ, давно обѣщанныхъ работъ, какъ папа снова вызвалъ его въ Римъ и, по наущенію Браманте и прочихъ враговъ Микель-Анджело, заставилъ его приняться за расписыванье потолка Сикстинской капеллы. Соперники думали погубить его славу, рассчитывая,

что онъ погубить себя на поприщѣ живописи, либо, въ случаѣ отказа, навсегда поссорится съ папою. Ни ссылки на непривычку къ живописной техникѣ, ни предложенія вмѣсто себя Рафаэля, ни первыя неудачи—ничто не могло измѣнить рѣшенія папы. Часто онъ самъ взбирался на подмости и тутъ, между небомъ и землею, въ присутствіи библейскихъ исполиновъ, происходили подобныя сцены. «Когда же ты кончишь съ этой капеллой?» — Когда будетъ возможно, ваше святѣйшество. «Когда будетъ возможно! Ты, кажется, ждешь, пока я велю тебя сбросить съ подмо- стокъ!»...

Колоссальное пространство, какъ потолокъ Сикстинской ка- пеллы, было расписано однимъ человѣкомъ въ короткій срокъ— 20 мѣсяцевъ, и какъ расписано! Сначала до конца, отъ Бога-Отца до послѣдней фигурки, служащей просто архитектурнымъ украше- ніемъ, все изобрѣтено самобытно, и отъ каждаго лица, отъ каж- дой позы вѣетъ могучимъ вдохновеніемъ. На этомъ потолкѣ, впервые христіанская легенда кристаллизовалась въ образы, ко- торые съ тѣхъ поръ сдѣлались каноническими. Съ тѣхъ поръ хри- стіанское человѣчество не можетъ себя представить иначе Бога-Отца, какъ представилъ его Микель-Анджело, не можетъ себя представить иначе пророковъ и сивиллъ, въ смутномъ чаяніи чувявшихъ появленіе Богочеловѣка. Задачею своею художникъ выбралъ весь ветхій завѣтъ отъ сотворенія міра, и провелъ его чрезъ всѣ важнѣйшіе мо- менты судебъ Израиля, включительно до пророковъ и языческихъ сивиллъ, предсказывавшихъ пришествіе Мессіи. Эта задача—пред- ставить начало всего человѣческаго—такъ же шла въ юнымъ го- дамъ художника, какъ позже въ его глубокой старости шель за- мысль изобразить предстоящій конецъ человѣческаго существо- ванія. Если вообще слова бессильны предъ созданіями наглядныхъ искусствъ, то это особенно вѣрно относительно великой эпопеи развертывающейся на потолкѣ Сикстинской капеллы. Можно на- звать только самое поразительное, какъ одухотвореніе Адама, ил- люстраціи образа пророковъ Іереміи и Даніила, сивиллъ Дел- фійской и Эритрейской и пр.

Когда половина работы была окончена, папою овладѣло та- кое нетерпѣніе, что онъ заставилъ Микель-Анджело прежде, чѣмъ тотъ наложилъ послѣдніе ретуши и поволоту, снять подмости, еще не успѣла улечься пыль, подымавшаяся отъ паденія грома- ныхъ лѣсовъ, какъ папа стоялъ уже въ капеллѣ и любовался чуднымъ созданіемъ вмѣстѣ съ сбѣжавшимся Римомъ. Браманте, видя, что вмѣсто ямы онъ устроилъ своему недругу небывалую славу, началъ хлопотать о томъ, чтобы окончаніе работы бы-

отдано Рафаэлю. Но это ему не удалось. Когда вся работа была окончена и лѣса сняты, папа вспомнилъ о недостающей позолотѣ; художникъ отдѣлался шуткою: «тамъ изображены простые и бѣднѣе люди, которые никогда не носили на себѣ золота».

Въ 1513 г. Юлій II умеръ, поручивъ своимъ наслѣдникамъ, Ровере, позаботиться объ окончаніи его надгробнаго монумента. Но едва Микель-Анджело успѣлъ приняться за него, какъ новый папа, Левъ X, Джованни Медичи, вызвалъ его изъ Каррары и потребовалъ, чтобы онъ занялся сооруженіемъ фасада фамильной церкви Медичи, Сантъ-Лоренцо, во Флоренціи. Съ этихъ поръ начинается бѣдственная для Микель-Анджело «трагедія надгробнаго памятника», какъ называется ее Кондиви. Каждый изъ новыхъ папъ, за исключеніемъ Адріана VI, а ихъ Микель-Анджело пережилъ еще шестерыхъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ старался занять художника работою для себя и, слѣдовательно, заставить его отложить всѣ начатія, такъ что наслѣдникамъ Юлія II, пришлось нѣсколько разъ перезаключать условіе съ художникомъ, пока наконецъ они не удовольствовались одною статуей «Моисей». Затѣмъ Льва X предстояла еще худшая участь: фасадъ С.-Лоренцо никогда не былъ исполненъ Микель-Анджело.

Протрудившись нѣсколько лѣтъ надъ черною работою, надъ выборомъ и перевозкою мрамора, причемъ опять сказалась его неутомно-предпримчивая натура въ открытіи новыхъ каменоломенъ и сооруженіи цѣлой дороги, Микель-Анджело вдругъ долженъ былъ прекратить работу, такъ какъ и нестоимый карманъ Медичи долженъ же былъ наконецъ опустѣть. Въ самую блестящую эпоху, когда этой фамиліи особенно везло, на нее напала смертность. Въ 1516 умираетъ Джуліано Медичи; въ 1519 Лоренцо Младшій—еще цвѣтущимъ юношею; родъ готовъ былъ вымереть. Оставались только папа, да кардиналъ Медичи, привѣсившій власть во Флоренціи. Измученный пошлыми дразгами, вернулся Микель-Анджело во Флоренцію и занялся своей «трагедіей». Въ это же время онъ исполнилъ статую Христа, держащаго крестъ (въ St. Maria sopra Minerva, въ Римѣ). Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ вымерли всѣ славные дѣятели блестящей эпохи: Рафаэль, Левъ X, Браманте, одинъ за другимъ сошли въ могилу. Наконецъ на папскомъ тронѣ снова появился Медичи, подъ именемъ Климента VII, человекъ близко знавшій Микель-Анджело и давно заговаривавшій съ нимъ о новомъ предпріятіи, о памятникѣ Джуліано и Лоренцо Медичи въ сакристіи церкви С.-Лоренцо. Но едва прошли неизбежныя дразги и переговоры съ фамиліей Ровере,

обжаловавшей Микель-Анджело передъ Климентомъ, какъ наступило тяжелое время для Медичи. Двусмысленная политика, которую вели они относительно французскаго короля и германскаго императора, привела къ тому, что императорское войско, направленное противъ Флоренціи, внезапно появилось передъ Римомъ и разграбило его. Папа сидѣлъ у себя въ плѣну въ крѣпости Святаго Ангела шесть мѣсяцевъ. Незаконные дѣти Джуліано и Лоренцо Медичи,—Алессандро и Ипполито, прибывшіе было во Флоренцію, оставили ее добровольно со всею своею партіей. Городъ получилъ прежнюю свободу, но ненадолго, такъ какъ едва папа почувствовалъ себя въ силахъ, какъ сейчасъ же направился противъ Флоренціи съ тѣми же самыми испанцами, которые держали его шесть мѣсяцевъ въ такомъ постыдномъ плѣну. Началась знаменитая осада Флоренціи, послѣдній актъ въ ея великой борьбѣ за свободу. Микель-Анджело назначенъ былъ главнымъ инженеромъ и начальникомъ всѣхъ укрѣпленій, и тутъ его геній показалъ себя съ новой стороны. Съ этою обороною родного города связано въ его жизни одно событіе, которое причиняло немало безпокойствъ почитателямъ Микель-Анджело, а именно его внезапное бѣгство въ Венецію. Дѣло, впрочемъ, объяснилось весьма просто. Во всей этой потрясающей драмѣ послѣдней отчаянной борьбы, на мрачномъ ея фонѣ, вырѣзывается мрачная фигура предателя Малатесты Бальони, главнокомандующаго войсками флорентинской республики. Наемникъ, которому было все равно, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, былъ въ то же время еще и негодеемъ, который ловко и незамѣтно приготовилъ предательство. Микель-Анджело прежде всѣхъ понялъ этого человѣка и попытался предупредить совѣтъ, но былъ осмѣянъ; тогда, видя съ одной стороны грозящую измѣну, съ другой, совершенное ослѣпленіе, и считая дѣло совершенно проиграннымъ, онъ бѣжалъ въ Венецію. Предатель повелъ дѣло еще тоньше и, не выступая открыто, погубилъ республику въ рѣшительную минуту. Впрочемъ, черезъ короткое время Микель-Анджело, видя, что борьба еще возможна, опять вернулся въ отечество и со славою поддерживалъ свои укрѣпленія. Но и среди заботъ обороны онъ находилъ время для художественныхъ занятій, въ тайнѣ работая надъ гробницами Медичи; въ это же время онъ написалъ для Феррарскаго герцога картонъ, представляющій Леду съ лебедемъ. Медичи до того были раздражены противъ него, въ особенности за обидное названіе, которое онъ предлагалъ дать площади, гдѣ былъ ихъ дворецъ,—назвавъ ее «площадью ублодковъ» (намекъ на незаконное происхожденіе

Алессандро и Ипполито), — что, овладѣвъ наконецъ городомъ, они велѣли всюду искать его защитника. Микель-Анджело едва спасся на колокольнѣ одной церкви и вышелъ на свѣтъ, лишь когда прошла первая зрость и папа обнародовалъ брѣве, въ которомъ Микель-Анджело давалась полная амнистія подь условіемъ — прияться за окончаніе ихъ фамильныхъ гробницъ. Какъ бы стараясь забыться отъ постыднаго настоящаго, Микель-Анджело неистово набросился на эту работу и въ короткій срокъ создалъ памятникъ, принадлежащій въ числу оригинальнѣйшихъ произведеній новѣйшаго искусства. Въ нишахъ противоположныхъ стѣнъ сакрестіи, надъ гробницами, онъ посадилъ по статуѣ, представляющей покойниковъ. Одна изъ нихъ, статуя Джуліано ¹⁾ и есть его знаменитый *il Pensiero* — «задумчивость», статуя, въ которой вылился вполне меланхолическій, мрачный характеръ оригинала. Подъ каждою изъ этихъ статуй расположились по двѣ фигуры, символизирующія всепоглощающее время въ четырехъ главныхъ его явленіяхъ: утра, дня, сумерекъ и ночи. Двѣ женскія фигуры, «*Angora di Michelangelo*» и «*la Notte*» перешли въ общее употребленіе, какъ мѣткій афоризмъ поэта.

По обычаю времени, на статую ночи писались экспромты. Отвѣтъ Микель-Анджело на одно изъ этихъ четверостишіи выдаетъ, что дѣлалось въ его душѣ въ эту пору. «Если ты не вѣришь, что эта Ночь жива, разбуди ее и она заговоритъ», писалъ льстивый сонетъ; художникъ отвѣчалъ отъ лица Ночи:

Сладокъ мнѣ сонъ, еще слаще быть камнемъ,
 Когда кругомъ бѣда и позоръ;
 Ничего не видѣть, ничего не слышать — вотъ завидная будущность:
 Не буди же меня, говори тише!..

Но событія и тутъ обогнали предпріятіе, и эти гробницы никогда не были вполне окончены. Новая интрига наслѣдниковъ папы Юлія заставила Микель-Анджело явиться въ Римъ и искать посредничества папы, а еще больше — предлога не возвращаться во Флоренцію, такъ какъ герцогъ Алессандро, дикій и строптивый, всегда ненавидѣвшій Микель-Анджело, подь вонецъ имѣлъ еще новую причину ждаты только удобнаго случая, чтобы отпистить ему. Дѣло было въ томъ, что Микель-Анджело отказался строить во Флоренціи цитадель, которая должна была служить оплотомъ тиранніи. Въ Римѣ папа задумалъ дать Микель-Анджело новую задачу, предоставивъ въ его распоряженіе глав-

¹⁾ Ошибочно называемая статуей Лоренцо II.

ную стѣну Сивстинской капеллы. Въ это время стала мелькать въ гловѣ Микель-Анджело первая мысль о «Страшномъ судѣ». Но Климентъ VII умеръ, не дождавшись «Страшнаго суда». Случай устроилъ впрочемъ такъ, что на папскій престолъ вступилъ человекъ, высоко цѣнившій геній художника. То былъ Павелъ III, Фарнезе. Когда на его предложеніе осуществить задуманную идею, Микель-Анджело сталъ отказываться, приведя въ извиненіе контрактъ, заключенный съ Ровере, папа вспыхнулъ: «Тридцать лѣтъ ждалъ я этой минуты», вскричалъ онъ, «и теперь, когда я папа, мнѣ отказаться отъ завѣтной мечты?!.. Гдѣ контрактъ, я разорву его!»

Микель-Анджело стоялъ на своемъ и думалъ даже оставить Римъ, но папа явился къ нему въ мастерскую съ восемью кардиналами и просилъ показать эскизы, уже сдѣланные для «Страшнаго суда». Микель-Анджело работалъ въ это время надъ «Моисеемъ»: «да одной этой статуи довольно, чтобы почтить папу Юлія», вырвалось у одного изъ кардиналовъ, и папа сдѣлалъ все, чтобы склонить Микель-Анджело на новый подвигъ. Такъ осуществилось, наконецъ, колоссальнѣйшее созданіе новѣйшаго искусства.

Во вѣднѣмъ расположеніи картины художникъ остался вѣрнѣнъ типу, давно сложившемуся въ итальянскомъ искусствѣ: снизу, слѣва, поднимаются оживающіе мертвецы, пробуждаемые трубами ангеловъ, составляющихъ центръ нижней половины этой фрески. Центромъ верхней—является Христосъ съ Богоматерью, окруженный сонмомъ праведниковъ, надъ которыми, еще выше, летаютъ ангелы съ орудіями истязаній Иисуса. Правая сторона (отъ зрителя) занята грѣшниками, низвергающимися въ геенну огненную. Моментъ схваченъ самый потрясающій: среди всей сумятицы воскресающаго міра вдругъ раздаются громовые перебаты: «идите отъ меня нечестивые въ огонь вѣчный», и эти слова заставляютъ всѣхъ окружающихъ Христа отъѣнѣть на мгновенье, и, какъ бы въ знакъ мгновеннаго исполненія суда, демоны уже низвергаютъ свои жертвы въ бездну, гдѣ принимаетъ ихъ Харонъ и вытрясаетъ ихъ, какъ рухлякъ изъ лодки, въ руки Вельзевулу.

Наивная откровенность, съ которою художникъ обошелся на колоссальной фрескѣ «Страшнаго суда» съ человѣческой наготою, волюла глаза тогдашнему фарисейскому лицемѣрью и произвела цѣлый рядъ то забавныхъ, то досадныхъ столкновеній. Осматривая съ восхищеніемъ новое созданіе и внутренне гордясь, что слава его

происхожденія останется за его царствованіемъ, Павелъ III вдругъ обращается къ сопровождавшимъ его кардиналамъ съ вопросомъ, какъ имъ нравится «Страшный судъ». «Ваше святѣйшество», отвѣчалъ папскій оберцеремоніймейстеръ, «этой картинѣ скорѣе кѣсто въ банѣ, чѣмъ въ первой капеллѣ всего христіанства». Микель-Анджело такъ понравилась неліцепріятность его суда, что онъ тотчасъ же по уходѣ высокихъ гостей придалъ его черты великому адскому суди, Миносу, который стоитъ въ правомъ нижнемъ углу, обвитый змѣемъ, оказывающимъ ему свои адскія ласки. Церемоніймейстеръ, въ ужасѣ и негодованіи на новое повшеніе, бросился къ папѣ и просилъ избавить его отъ позора. «Мой милый», отвѣчаетъ ему Павелъ III, «изъ чистилища я еще могъ бы вымолить твою душу, но изъ ада и я не властенъ тебя избавить». Нашлись однако люди, которые воспользовались этимъ же случаемъ, чтобы повредить самому художнику. Въ то время итальянское общество боялось одного злого языка, продажнаго Аретина, который жилъ въ Венеціи и оттуда безнаказанно разливалъ ядъ своихъ памфлетовъ. Считая своимъ долгомъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ со всѣми значительными людьми своего времени и получать отъ нихъ отъ времени до времени подачки, онъ старался завязать отношенія также и съ Микель-Анджело. Когда послѣдній былъ въ самомъ разгарѣ работы надъ своею великою фрескою, онъ вдругъ получилъ отъ Аретина длинное посланіе: «И вотъ я, Аретинъ, отъ котораго хвала и хула зависятъ въ такой степени, что почти всѣ, кому досталась въ удѣлъ слава или безчестіе, обязаны тѣмъ и другимъ моему перу, я, тѣмъ не менѣе, существо весьма незначительное и даже просто ничтожество, я привѣтствую васъ. Я бы не дерзнулъ этого сдѣлать, еслибы мое имя не потеряло нѣсколько отъ своего ничтожества чрезъ то уваженіе, какое всецѣль одинъ его звукъ любому сильному сего міра. И все-таки, передъ вами мнѣ ничего не остается какъ только благоговѣйное почтеніе! Королей довольно на свѣтѣ, а Микель-Анджело только *одна*!.. Фидій, Апеллесъ и Витрувій мерзнутъ передъ вами»... Далѣе слѣдуютъ совѣты художнику, какъ лучше выполнить картину «Страшнаго суда», и обѣщаніе пріѣхать въ Римъ, несмотря на зарокъ—никогда не ѣздить туда. Микель-Анджело отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ каждая фраза пропитана тонкою прошею. «Ваше письмо», пишетъ онъ, «въ одно время и огорчило меня и обрадовало. Обрадовало потому, что оно отъ васъ, единственнаго въ своемъ родѣ; огорчило потому, что моя картина уже настолько готова, что я не могу воспользоваться вашими

мыслями. Еслибы вы самолично присутствовали на страшномъ судѣ, вы не могли бы описать его лучше, чѣмъ какъ вы сдѣлали въ вашемъ посланіи. Что до вашего предложенія писать обо мнѣ, то конечно это доставить мнѣ величайшее удовольствіе... Если по этому случаю вы желали бы, или вамъ было бы приятно получить что-нибудь изъ того, чѣмъ я владѣю, то оно въ вашимъ услугамъ. Наконецъ, что до вашего прежняго рѣшенія не прѣзжать больше въ Римъ, то, пожалуйста, не имѣняйте его ради моихъ картинъ, это было бы уже слишкомъ много... Въ отвѣтъ Аретинъ пожелалъ получить какой-нибудь изъ рисунковъ Микель-Анджело, «изъ тѣхъ, которые онъ бросаетъ въ огонь». Подобные подарки были для него очень дороги, такъ какъ онъ потомъ продавалъ ихъ по высокой цѣнѣ. Но проходить годъ, другой, отъ Микель-Анджело нѣтъ ни писемъ, ни подарковъ. Аретинъ начинаетъ дѣйствовать черезъ посредниковъ, между прочимъ чрезъ Тиціана, и получаетъ въ подарокъ одинъ изъ тѣхъ рисунковъ, которые дѣйствительно бросаютъ въ огонь. Имъ онъ оказывается недовольнымъ и принимаетъ угрожающій тонъ. Наконецъ, видя, что все тщетно, онъ пишетъ художнику новое посланіе и въ копіяхъ распространяетъ его по своему обычаю всюду, гдѣ только можно:

«Познакомившись наконецъ со всею композиціей вашего «Страшнаго суда», я узнаю въ этой композиціи знаменитую грацію Рафаэля; но, какъ крещенный христіанинъ, я стыжусь той необузданной смѣлости, съ которою вы посягнули на изображеніе того, что составляетъ вѣчный пунктъ всѣхъ нашихъ благочестивыхъ упованій. Итакъ, этотъ Микель-Анджело, пользующійся такою громкою славою, тотъ самый Микель-Анджело, которому всѣ мы изумляемся, захотѣлъ показать людямъ, что онъ въ въ такой же степени лишенъ благочестія и религіозности, въ какой онъ владѣетъ искусствомъ!.. Возможно ли, чтобы вы, который не нисходите съ высоты вашего величія до сношеній съ простыми смертными, чтобы вы могли помѣстить подобную вещь въ высочайшій домъ божій?.. Если бы я не считалъ почти преступленіемъ дѣлать здѣсь какое-нибудь сравненіе, я похвастался бы тѣмъ, какъ удалось мнѣ въ моей «Наинѣ»¹⁾ съ разумною осторожностью выразить самое развратное, самое сладострастное содержаніе въ нѣжныхъ и благопристойныхъ словахъ, между тѣмъ какъ вы невыносимо срываете съ вещей послѣдній покровъ. Обработывая такую возвышенную задачу, вы лишаете ангеловъ ихъ небес-

¹⁾ Одна изъ новеллъ Аретина.

наго великолѣпія, а въ вашихъ сватыхъ нѣтъ и слѣда земной стыдливости. Даже язычники и тѣ одѣвали Діану въ платье, и если представляли Венеру обнаженною, то давали ей такую позу и ея рукамъ такое *движеніе*, что она казалась одѣтою. А вы, христіанинъ, до таковой степени подчиняете вѣру искусству, что иши мученики и святые дѣвы въ ихъ оскорбляющихъ стыдливость позакъ представляютъ такое зрѣлище, на которое не хватило бы духу смотрѣть прямо, даже въ публичныхъ домахъ!.. Но небо не оставитъ вашей дерзости безъ наказанія: чѣмъ изумительнѣе ваше послѣднее произведеніе, тѣмъ вѣрнѣе будетъ оно могилкою вашей славы». Затѣмъ онъ переходитъ къ самому себѣ: вонечно, онъ пишетъ такъ не изъ-за того, что его надежды на подарокъ были обмануты; «безъ сомнѣнія было бы лучше», продолжаетъ онъ, «если бы вы аккуратно исполняли ваши обѣщанія, хотя бы для того, чтобы заставить молчать злые языки, которые утверждаютъ, будто только какіе-то Герарды, да Томлазы ¹⁾ умѣютъ выманивать у васъ ласки. Но, вонечно, если даже кучи золота ²⁾, которыя оставилъ вамъ папа Юлій, для того, чтобы его бранные останки покоились въ саркофагѣ вашей работы, если даже такое количество денегъ не могло заставить васъ сдержать ваше обѣщаніе,—на что же могъ разсчитывать такой человекъ, какъ я? Но не ваша скарденость и не ваша неблагодарность, о великій живописецъ, виноваты въ томъ, что прахъ Юлія почтеть въ скромномъ гробу, но самыя доблести Юлія: Богу было угодно, чтобы такой папа былъ славенъ своими подвигами, а не волосальнымъ сооруженіемъ, которое вы соблаговолили бы вывести надъ его прахомъ. Но все равно, вы не сдѣлали того, въ чему вы были обязаны, а это называютъ *кражмою*... Если бы вы при сочиненіи вашей картины держались того, что сказано было въ моемъ письмѣ, извѣстномъ всему міру, о небѣ, адѣ и раѣ, тогда, смѣю утверждать, природа не имѣла бы нужды стыдиться, что она вложила въ васъ столь великій талантъ, а вы сами стоите какимъ-то идоломъ искусства. Напротивъ, Провидѣніе хранило бы ваше созданіе, пока стоитъ міръ»...

• Все это письмо написано было переписчикомъ и только *postscriptum* рукою автора. Вотъ оно:

«Теперь, когда мой гнѣвъ на жестокость, съ которою вы отвѣтали на мое почтительное предложеніе, нѣсколько уже охладился, и такъ какъ я, кажется, уже доказалъ вамъ, что если вы

¹⁾ Молодые друзья Микель-Анджело.

²⁾ Всего 5,000 скуди.

divino (di vino, изъ вина), то и я не dell'acqua (изъ воды), разорвите это письмо, какъ я самъ бы это сдѣлалъ, и поймите, наконецъ, что я стѣю того, чтобы короли и императоры отвѣчали на мои письма». Совершенно другое писалъ тотъ же Аретинъ къ граверу Энею Вико, сдѣлавшему гравюру съ «Страшнаго суда»: «Отсутствіе копій съ этой картины,—пишетъ онъ къ Вико,—наносить вредъ религіи, для прославленія которой она была задумана. Такъ какъ она представляетъ предназначенный Богомъ послѣдній день, то доброе дѣло дать возможность міру быть свидѣтелемъ этого зрѣлища—тріумфа однихъ и ужаса другихъ. Сынъ Божій и флорентинскій герцогъ воздадутъ вамъ за это и вѣчною и временною мздою. Итакъ, впередъ съ вашимъ похвальнымъ предпріятіемъ! Скандаль, который произведутъ въ средѣ лютеранъ художественныя вольности Микель-Анджело, ничуть не уменьшитъ вашей заслуги. Ваша задача лишь въ томъ, чтобы сдѣлать это произведеніе общедоступнымъ».

Но фарисейство, поддержанное происками Аретина, взяло верхъ, и еще при жизни Микель-Анджело особенно откровенная нагота на нѣкоторыхъ изъ женскихъ фигуръ «Страшнаго суда» была прикрыта ученикомъ и другомъ художника, Себастьяномъ дель-Пьомбо.

Наконецъ, пришелъ чередъ быть оконченнымъ и памятнику папы Юлія. Послѣ долгихъ переговоровъ и перезаключеній контрактовъ наслѣдники папы удовлетворились тѣмъ, чтобы Микель-Анджело сдѣлалъ одну статую, а остальное другіе художники подъ его руководствомъ. Эта одна статуя и есть его знаменитый «Моисей».

Надгробный памятникъ имѣетъ видъ одной изъ лицевыхъ сторонъ первоначальнаго плана, вставленной рельефомъ въ стѣну. Въ нишѣ, составляющей средину нижняго этажа, сидитъ Моисей. Направо и налѣво отъ него, также въ нишахъ, Рахиль и Лія, какъ символы дѣятельной и созерцательной жизни. Прямо надъ Моисеемъ, лежащая статуя папы, по бокамъ которой двѣ мужскія, сидячія. Вся эта обстановка ничтожна сравнительно съ главною статуей.

Микель-Анджело былъ въ это время уже 60-лѣтнимъ старикомъ, но судьба сулила ему въ эту позднюю пору испытать сладость первой взаимной любви.

Женщина, которую онъ былъ пораженъ и которая одна могла быть могла вполне его понять, была знаменитая красавица

и одна из первых аристократов своего времени—Витторія Колина. Рано овдовѣвъ, она провела нѣкоторое время въ уединеніи на островѣ Искія, гдѣ въ ней открылся поэтический талантъ, сдѣлавшій ее впоследствии одною изъ популярнѣйшихъ поэтессъ своего времени. Переселившись потомъ въ Неаполь, она явилась однимъ изъ ревностнѣйшихъ адептовъ кружка, образовавшагося подъ вліяніемъ реформаціонныхъ идей, шедшихъ изъ Германіи, кружка, душою котораго былъ пламенный проповѣдникъ Фрате Оккино. Когда папа вызвалъ его въ Римъ въ качествѣ своего духовника, вмѣстѣ съ нимъ переселилась и часть его свободной общины, а въ томъ числѣ и Витторія. То было свѣтлое время, послѣдняя вспышка свободного, полуязыческаго взгляда на міръ и идей возрожденія, вторгавшихся и кипѣвшихъ въ Италіи, время либеральнѣйшей политики относительно протестантовъ, какъ бы свѣтлое затишье передъ бурей іезуитскаго фанатизма, которая уже давала себя знать въ лицѣ кардинала Караффы. Въ это время познакомились Микель-Анджело и Витторія, и ихъ горячая дружба не прекращалась даже послѣ смерти Витторіи. Такъ Микель-Анджело, уже глубокой старикъ, въ минуты откровенности выражалъ горькое сожалѣніе, что даже въ послѣднюю минуту жизни его подруги онъ не дерзнулъ поцѣловать ее въ уста и ланиты, но скромно и благоговѣнно припалъ только къ ея рукѣ. Витторія въ то время, когда она познакомилась съ Бонаротти, также была уже не первой молодости. Ихъ взаимная любовь выражалась самою нѣжною внимательностью, взаимными услугами, подарками и перепискою въ прозѣ и сонетахъ. Часто собирався около нихъ кружокъ образованныхъ и талантливыхъ людей, по римскому, не такъ еще давно исчезнувшему, обычаю въ сакристіи какой-нибудь церкви, и тутъ, въ прохладномъ полукраѣ, начиналась живая и остроумная бесѣда въ родѣ той, которую записалъ одинъ изъ участниковъ, Донъ-Джуліо ди-Мачедонія, извѣстнѣйшій миниатюристъ этой эпохи.

Это свѣтлое время продолжалось недолго. Витторія умерла, и передъ смертію видѣла еще паденіе своей партіи и водвореніе іезуитовъ и инквизиціи. Члены этого просвѣщеннаго кружка одинъ за другимъ подвергались опалѣ, либо прямо бѣжали и дѣлались открытыми и заклятыми врагами римской церкви, какъ Фрате Оккино. Оставшихся не спасало никакое усердіе отъ инквизиціоннаго трибунала. Настало мрачное время реакціи и мракобсія. Къ этимъ общественнымъ бѣдамъ, которыя Микель-Анджело не могъ не чувствовать глубоко, присоединились еще домашнія: братья его частью умерли еще раньше, нахо-

нецъ умеръ и его дряхлый отецъ, для котораго онъ работалъ всю жизнь; новое поколѣнiе, совершенно иного характера, окружило Микель-Анджело, и онъ, всегда склонный къ уединенiю, замкнулся еще крѣпче. Всѣ его отношенiя къ молодымъ художникамъ, считавшимся его учениками, какъ Деллапорта, Виньола, Амманати, Вазари, Девольтерра, Кавальери, Марчелло Венусти и др., ограничивались тѣмъ, что молодежь подражала его особенностямъ, которыя были имъ не подъ силу и готовила въ недалекомъ будущемъ стиль «барокко», а самъ онъ, стоя на высшей точкѣ славы и пользуясь неограниченнымъ авторитетомъ, старался каждому изъ нихъ быть полезнымъ, насколько можно. Въ его внутреннюю жизнь не было доступа больше никому. Наконецъ и физическiя силы стали постепенно измѣняться, и Микель-Анджело оставляетъ, одну за другою, и живопись, и вазию. Послѣднимъ его значительнымъ живописнымъ произведенiемъ были двѣ фрески въ ватиканской капеллѣ Паолинѣ, которыя, впрочемъ, дошли до насъ въ крайне-испорченномъ видѣ, благодаря позднѣйшимъ поправкамъ и реставрациямъ. Но въ эту пору глубокой старости гений художника развернулся въ небываломъ блескѣ на поприщѣ третьяго искусства — зодчества.

Когда послѣдовательно перемерли старшiе строители храма св. Петра, включительно до Санъ-Галло, Павелъ III старался склонить Микель-Анджело взять на себя это дѣло. Микель-Анджело согласился быть архитекторомъ подъ условiемъ не получать никакого вознагражденiя, и вести всю постройку только для спасенiя души. Это независимое положенiе дало ему возможность преодолѣть всѣ интриги, устранить всѣ плутовства тогдашнихъ архитекторовъ, смотрѣвшихъ на колоссальное сооруженiе, какъ на дойную корову, — и привести великую задачу къ концу. Работа, выпавшая на долю Микель-Анджело, была самая главная во всей постройкѣ, а именно, выведенiе купола. Предчувствуя близкую смерть, художникъ сдѣлалъ самую тщательную модель своего проекта, и по этой модели и былъ выведенъ куполь, служащiй съ тѣхъ поръ образцомъ для всѣхъ подобныхъ колоссальныхъ сооружений.

Но до своей кончины Микель-Анджело пришлось еще пережить тяжелыя эпохи, въ которыя ему не разъ серьезно приходило на мысль распрощаться съ Римомъ. Такъ, Караффа, вступивъ на папскiй престолъ подъ именемъ Павла IV, думалъ-было велѣть совсѣмъ уничтожить «Страшный судъ», и только изъ уваженiя къ великому художнику приказалъ основательно прикрасить на немъ наготу.

Микель-Анджело было даже передано желаніе папы, чтобы онъ самъ занялся этою душеспасительною работою, но художникъ просилъ передать въ отвѣтъ: «пусть его святѣйшество сперва мѣръ исправить, а за картинами дѣло не станеть: онъ не убѣгуть». Этими моментами неудовольствія старался воспользоваться Юсцо II, тогда уже наслѣдственный герцогъ Флоренціи, чтобы, во что бы то ни стало, переманить Микель-Анджело въ свою столицу; но ни просьбы, ни самыя блестящія предложенія, ни хатайства учениковъ-друзей, ни высочайшій почетъ, который оказывали Микель-Анджело герцогъ и всѣ члены герцогской фамиліи всякій разъ, какъ кто-либо изъ нихъ пріѣзжалъ въ Римъ, не могли заставить художника вернуться въ измѣнившійся родной городъ.

18-го февраля 1564 года, на 89-мъ году жизни, великій художникъ скончался, въ полномъ сознаніи кратко выразивъ свою послѣднюю волю: «мою душу отдаю въ руки Бога, мое тѣло землѣ, все, что имѣю, родственникамъ». Люди, окружавшіе его смертный одръ, сообщили объ его желаніи быть похороненнымъ на родной землѣ. Тогда, боясь противодѣйствія со стороны римлянъ, флорентинскій посолъ велѣлъ потихоньку вынести гробъ за городъ, выдавъ его за купеческій товаръ. 11-го марта прибыло тѣло во Флоренцію. Послѣ 30-ти лѣтъ добровольнаго изгнанія Микель-Анджело вернулся группою въ родной городъ. Лишь немногіе знали, кто былъ ввезенъ въ свинцовомъ гробѣ черезъ городскія ворота. Герцогъ велѣлъ держать дѣло въ тайнѣ. Гробъ былъ отнесенъ и поставленъ въ церкви St. Pietro Maggiore. Слѣдующій день было воскресенье. Къ вечеру художники собрались въ церкви. Богатый покровъ изъ чернаго бархата, расшитаго золотомъ, покрывалъ гробъ, на немъ лежало золотое распятіе. Тѣснымъ кружкомъ столпились художники; старшіе взяли въ руки зажженные фавелы, молодые подняли гробъ на свои плечи, и процессія двинулась къ Santa Croce, гдѣ долженъ былъ быть погребенъ Микель-Анджело. Все дѣлалось безъ огласки; художники сошлись въ церковь поодиночкѣ, но тѣмъ не менѣе молва разнеслась по городу, и когда печальная процессія выступила изъ церкви, ее встрѣтила уже громадная масса народа и молча провожала гробъ до Santa Croce. Здѣсь, въ сакристіи, гробъ былъ открытъ. Народъ доиhsа въ церковь. Несмотря на то, что прошло уже три недѣли со дня смерти, Микель-Анджело лежалъ безъ всякихъ признаковъ тлѣнія, какъ будто онъ только-что скончался. Изъ сакристіи гробъ перенесли въ церковь къ готовой

могилѣ, но долго не могли ея закрыть: такая была масса народу а каждый хотѣлъ взглянуть на могилу. Не будь это ночью, говоритъ Вазари, пришлось бы выставить гробъ открытымъ. Но это были не тѣ флорентинцы, которые понимали, почему Микель-Анджело ушелъ и не хотѣлъ при жизни возвращаться, а потому опасенія герцога были излишни: прахъ великаго человѣка не произвелъ бы никакого политическаго волненія.

Въ юлѣ мѣсяцѣ были наконецъ окончены приготовления къ похоронному празднеству, устроенному художниками. Вазари описалъ эту церемонію во всѣхъ ея подробностяхъ: какъ была украшена церковь S.-Lorenzo, какія были эмблемы и надписи, что вѣкъ было сдѣлано. Придворный историкъ, Варки, сказалъ надгробную рѣчь. Единственный человѣкъ, который еще понималъ Микель-Анджело, — Бенвенуто Челлини, не присутствовалъ на этихъ похоронахъ. Племянникъ покойнаго, Леонардо Бонаротти, поставилъ своему великому дядѣ памятникъ въ Santa Croce изъ мрамора, подареннаго герцогомъ; онъ стоитъ теперь въ сосѣдствѣ съ гробницами Данте, Маккиавелли и Альфиери...

А д р . П р а х о в ѣ .

ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et C-ie. 1875. Tomes I-VIII.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Мы сказали, первымъ томомъ заканчивается корреспонденція Прудона 1841 года;—но вмѣстѣ съ этимъ заканчивается и цѣлый періодъ мыслительной жизни Прудона. Идя далѣе по тому же пути, мы по-прежнему будемъ строго держаться въ предѣлахъ избранной нами задачи, а именно—изучать процессъ мысли Прудона, какъ то отразилось въ его *письмахъ*. Прудонъ, какъ социальный критикъ, какъ публицистъ, можетъ и долженъ быть изучаемъ въ его *сочиненіяхъ*; это — не наша задача въ эту минуту; притомъ, съ этой стороны Прудонъ давно извѣстенъ читавшимъ написанное имъ. Письма Прудона ставятъ новую задачу—открыть внутренній процессъ его мысли, исторію его міровоззрѣнія. Быть можетъ, найдутся люди, которые не даютъ большой цѣны подобнаго рода изслѣдованіямъ, и имъ покажется, что изслѣдовать процессъ мысли Прудона, значить, заниматься вопросомъ, примѣрно: хорошо или дурно онъ игралъ на фортепіано? Мы знаемъ, что такое воззрѣніе на значеніе изслѣдованій процесса мысли возможно, и время отъ времени высказывается даже въ печати; но тогда не стоило бы издавать писемъ Прудона,

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78 стр.

такъ какъ весь ихъ интересъ именно и состоитъ въ томъ, что они вводятъ насъ въ интимную жизнь Прудоновской мысли, между тѣмъ какъ въ его произведеніяхъ предъ нами лежатъ одни послѣдніе результаты этой мысли. Вотъ почему избранная нами задача остается безъ всякой перемѣны: и при разсмотрѣніи послѣдующихъ томовъ мы будемъ по-прежнему стараться *на основаніи переписки*, а не сочиненій Прудона, показывать: черезъ какія фазы философскаго развитія мысль его должна была проходить, расчищая себѣ путь впередъ, — и такая задача намъ кажется далеко не лишненною серьезнаго интереса. Въ нашихъ глазахъ одно общее міросозерцаніе человѣка можетъ давать рѣшительный характеръ всему, что онъ дѣлаетъ, пишетъ, говоритъ и думаетъ. Пускай онъ въ той или иной сферѣ своей дѣятельности выскажетъ блестящую инициативу, какъ, напр., Прудонъ въ *критикѣ общественной несправедливости* (больше онъ ничего и не сдѣлалъ существеннаго), все-таки онъ остается, въ главномъ, мыслителемъ той или иной категоріи. Насъ могутъ спросить, напримѣръ: какъ же это могло такъ случиться, что Прудонъ прямо отъ теологической метафизики перешелъ къ «Мемуару о собственности»? Но онъ вовсе не дѣлалъ этого *скачка*, какъ теперь обнаруживается то изъ его писемъ, а въ теченіи двухлѣтняго перехода мало по-малу освобождался отъ многихъ своихъ метафизическихъ мечтаній. Притомъ, пребываніе въ метафизической фазѣ мышленія отнюдь не исключаетъ здоровой, *частичной*, критики общественныхъ явленій. Развѣ изъ того, что Прудонъ изучилъ и разобралъ учрежденіе собственности, показавъ всѣ ея *противорѣчія*, вытекаетъ, что онъ пріобрѣлъ научные взгляды на всю область человѣческаго вѣдѣнія? Отнюдь нѣтъ! Въ томъ-то и дѣло, что онъ всю свою жизнь былъ *частичнымъ* мыслителемъ, почему его болѣе обширные трактаты, какъ, напр.: «De la création de l'Ordre» и «De la justice», грѣшатъ метафизической основой, т.-е. апіорическимъ установленіемъ одного какаго-нибудь принципа. Когда Прудонъ писалъ свой первый мемуаръ о собственности онъ не только былъ еще «завязтый» метафизикъ, но даже если не чистый католикъ, то вѣрующій католическаго склада. Да и нѣтъ тутъ никакого вопіющаго противорѣчія. Мы знаемъ, что при самомъ расплывчатомъ мистицизмѣ можно стоять за социальное равенство и вооружаться противъ всѣхъ установленій экономическаго строя, считая ихъ узурпаціею и прерогативою капитала, т.-е. правомъ сильнаго. Противорѣчія тутъ, повторяемъ, нѣтъ, когда дѣло идетъ о критикѣ *отдѣльнаго общественнаго явленія* Дѣловой, не мистическій умъ Прудона внесъ въ эту критику весъ

научный запасъ свѣдѣній и приѣмовъ, какимъ онъ обладаетъ, почему его работа и обратила на себя вниманіе; но Прудонъ — *носителю общаго міровоззрѣнія* — въ это время продолжалъ развиваться и платитъ дань недостаткамъ своего умственного склада и литейскихъ обстоятельствъ. Вотъ эту-то сторону въ умственной жизни Прудона можно изслѣдовать только при помощи его переписки. Такой фактической анализъ переписки Прудона долженъ способствовать установленію болѣе правильныхъ взглядовъ на его умственный складъ; но мы вовсе не задавались исключительною цѣлью растолковывать читателямъ, наприм., что Прудонъ — не Дарвинъ и не Тиндаль. Конечно, чѣмъ разностороннѣе будетъ разработана дѣятельность и жизнь того или иного крупнаго человѣка, тѣмъ меньше останется недоразумѣній. Пускай другіе займутся подробной критикой Прудона, какъ соціальнаго изслѣдователя и политическаго дѣятеля; чѣмъ скорѣе появится такой трудъ — тѣмъ лучше будетъ въ интересѣ истины. Наша задача гораздо скромнѣе; но ея значеніе нисколько отъ того не умаляется. Если справедливо, что Прудонъ вложилъ въ свою интимную переписку главнѣйшіе моменты развивающагося міросозерцанія; если общій складъ идей и приѣмовъ имѣетъ всегда и во всемъ первенствующее значеніе у людей искреннихъ и сильныхъ по натурѣ, то и наша частная задача не только ясно обособляется, но и служитъ необходимой расчисткой для дальнѣйшихъ, болѣе специальныхъ изслѣдователей. Это правда, что въ наше время (болѣе практическое и дѣловое) теоретическій складъ идей, совокупность философскихъ и научныхъ воззрѣній не имѣютъ, по убѣжденію многихъ, большой важности для тѣхъ или иныхъ общественныхъ явленій, или въ дѣятельности отдѣльнаго человѣка. Отсюда можетъ породиться восклицаніе: «что намъ за дѣло до того, что Прудонъ былъ метафизикъ! Намъ важно то, что онъ въ то же время думалъ и писалъ о собственности!» Доводъ этотъ изобличаетъ только свое время и служитъ характеристикой его. Справедливость требуетъ однако сказать, что не только у насъ, но даже и на Западѣ понадается подобное же смѣшиваніе людей, принциповъ и теорій. Стоитъ только желающему взять въ руки хоть бы, напр., книжку А. Сюдра: «Исторія коммунизма», написанную, если не ошибаемся, на премию и показывающую, что авторъ читалъ всѣхъ писателей, о которыхъ онъ трактуетъ. И что же? Въ отдѣлѣ коммунистовъ «новѣйшаго времени» стоитъ Прудонъ. Историкъ коммунизма, конечно, прочелъ сочиненія Прудона; но какъ онъ ихъ читалъ, освободился ли отъ предвзятыхъ идей и предубѣжденій, спойно ли обсудилъ все, что слѣдовало? — вотъ вопросъ. —

А эта книжка разошлась во Франціи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, и всѣ повторяютъ фразы, вычитанныя у Сюдра и ему подобныхъ; весьма *приличныя* и убѣжденныхъ экономистовъ. Переписка Прудона отерываетъ намъ совершенно другіе горизонты въ его умственномъ развитіи, въ складѣ его ума; общепринятая сортировка людей по готовому шаблону и простое накладываніе на ихъ имена тѣхъ или другихъ этикетовъ оказываются неудобными. «Прудонъ въ его сочиненіяхъ» можетъ быть совершенно понятъ только при помощи «Прудона въ его письмахъ».

I.

За то время, которое обнимаетъ собою второй томъ, въ Прудонѣ совершился процессъ основной теоретической разработки всѣхъ существенныхъ частей его мировоззрѣнія. Какимъ захватили его политическія событія 1848 года, такимъ онъ и останется, по крайней мѣрѣ, до своего трехлѣтняго тюремнаго заключенія, которое прервало его журнальную дѣятельность и его банковое предпріятіе. Послѣдующій, третій томъ, не меньшаго объема, чѣмъ второй, представляетъ рѣзкую противоположность крайнею бѣдностію своего содержанія — *для нашей задачи*. Вы сразу же попадаете въ атмосферу ежедневныхъ сношеній главнаго редактора, переписывающагося изъ тюрьмы со своими сотрудниками о томъ: какъ надо вести ту, или иную политику въ ежедневныхъ передовыхъ статьяхъ и статейкахъ. Поэтому-то и приходится намъ совершенно иначе пользоваться различными томами одной и той же переписки... Нѣсколько писемъ второго тома, даже нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ, стоятъ цѣлаго тома, съ такимъ содержаніемъ, какъ, напр., упомянутый нами третій, хотя для біографа и онъ далеко не безынтересенъ. Достоинство второй половины того періода, который можно назвать *жиздительною*, насколько то проявляется въ перепискѣ, состоятъ и въ гораздо большей *ровности*, послѣдовательности, научности идей, новыхъ воззрѣній, приемовъ, точекъ зрѣнія. Вся эта переписка, по нѣмецкому выраженію «aus einem Guss», при всей своей разнообразной отзывчивости не только на собственные умственные требованія, но и на письма знаемыхъ, пріятелей и самыхъ близкихъ друзей. Начинается она 1842 годомъ и идетъ до половины 1849-го.

Изъ 14-ти писемъ, сохранившихся отъ 1842-го года, цѣлыхъ восемь приходится на долю Бергмана. Въ началѣ января этого

года Прудонъ проживалъ въ Безансонѣ, гдѣ продолжалъ свои труды, по философскимъ и экономическимъ вопросамъ. Въ письмѣ, отъ 2-го января, онъ говоритъ: «что же до меня, дорогой другъ, я все сильнѣе погружаюсь въ *экономію* и социалистическія изысканія; не писалъ тебѣ давно потому именно, что собирался послать тебѣ новую брошюру и дожидался ея конца. Нападки со стороны фурьеристовъ, вмѣстѣ съ особой важностью обстоятельствъ, заставили меня - взяться опять за перо и, защищая самого себя, пустить родъ программы болѣе значительнаго сочиненія, которое я теперь готовлю. Ты, я полагаю, въ состояніи будешь судить о дальнѣйшихъ трудахъ моихъ по этому объявленію; и, быть можетъ, не удивишься моему предсказанію, что черезъ два года я весь, со всѣмъ моимъ добромъ (*avec armes et bagages*), перейду къ правительству».

Но пока онъ собирался дѣлаться «правительственнымъ агентомъ», прокурорскій надворъ города Безансона привлекъ его къ ответственности, тотчасъ по отъѣздѣ его отсюда въ Парижъ. Прудонъ нивакъ не ожидалъ такого сюрприза, и въ письмѣ къ Бергману, изъ Парижа, отъ 23-го января, сообщаетъ объ этомъ съ искреннимъ изумленіемъ. Но онъ надѣется, что его оправдаютъ потому, что безансонскіе жители, изъ тѣхъ по крайней мѣрѣ, которые способны понимать то, что они читаютъ, смотрятъ на него довольно сповойно.

«Этотъ человекъ», говорятъ они, «ни коммунистъ, ни чистый республиканецъ; онъ требуетъ уничтоженія собственности; но говорить объ этомъ уничтоженіи, какъ объ *органическомъ преобразованіи*, совершающемся лишь посредствомъ развитія. По его мнѣнію, никакое *разрушеніе*, *замѣщеніе* или *революція* не годится. Стало-быть, онъ долженъ придти къ тому выводу, что собственность надо оставить тѣмъ, въ чьихъ она теперь рукахъ, требуя только развитія извѣстныхъ принциповъ, уже признанныхъ и долженствующихъ, по его теоріи, уравновѣсить собственность и сдѣлать ее всеобщей; стало быть, онъ желаетъ сохраненія іюльскаго правительства, съ такимъ министерствомъ, которое было бы способно выполнить такое преобразованіе и такое развитіе».

«И все это—*совершенно верно*; я подвергаю критикѣ собственность не какъ переходную форму, но какъ форму окончательную; я нападаю на людей министерства не за то, что они связаны съ іюльскимъ правительствомъ, а за то, что они желаютъ извратить его послѣдствія».

Онъ сообщаетъ, вслѣдъ за тѣмъ, что послалъ министру вну-

треннихъ дѣлъ, Дюпателю, еще до полученія извѣстiя о томъ, что его преслѣдуютъ — по экземпляру всѣхъ своихъ этюдовъ. Прудонъ надѣется на то, что министръ пойметъ его: «я ему показываю къ тому же, объясняетъ онъ Бергману, *какъ можно обратиться въ пользу правительства самыхъ радикальныхъ теорiй*». Эта своеобразная наивность, исходившая изъ демократической дѣятельности Прудона, никогда не оставляла его. Онъ былъ постоянно убѣжденъ въ томъ, что всякое правительство могло бы *утилизировать его доктрины и его личную инициативу*. Предъ такимъ прiателемъ, какъ Бергманъ, Прудонъ, конечно, не желалъ компрометтировать себя: слова его совершенно серьезны и проявляютъ твердую увѣренность въ выполнимости того, что онъ говорить. «Если въ обществѣ», доказываетъ онъ Бергману, «не должно быть ни замѣщенiя, ни перерыва, надо, чтобы каждая теорiя доказала свое необходимое происхожденiе отъ теорiи уже существующей, слѣдовательно, то, что она стремится сохранить послѣдную до того момента, когда сама начнетъ дѣйствовать».

И онъ прибавляетъ, въ видѣ объясненiя: «эти идеи, такiя сухiя и странныя въ ихъ фiзiологическомъ выраженiи, изумительны въ ихъ примѣненiи и историческомъ развитiи; надобно только растолковать ихъ министру, и дѣло мое будетъ выиграно этимъ лишь однимъ. Но сколько препятствiй!..»

Въ промежутокъ времени отъ 23-го января до 8-го февраля, когда Прудонъ снова пишетъ Бергману, происходилъ судъ, на который его вызывали въ Безансонъ. Подробности этого процесса извѣстны русскому читателю по выдержкамъ изъ книги Сень-Бѣва. Прудонъ начинаетъ свое письмо отъ 8-го февраля извѣщенiемъ о выигрышѣ процесса, и выводитъ изъ приговора самыя выгодныя для себя заключенiя: «такъ какъ этотъ приговоръ», рассуждаетъ онъ, «признаетъ, что я *человѣкъ размышленiя, а не революцiи, экономистъ, а не анархистъ, что я хочу, по выраженiю президента, обратиться (въ своей доктринѣ) правительствомъ и собственникомъ*, изъ этого вытекаетъ, что я могу все говорить совершенно такъ, какъ говорить учитель или другъ, и что я признаю стоящимъ внѣ лагерь заговорщичевоу. Отъ меня теперь зависитъ сохранить это великолѣпное положенiе». Но онъ не можетъ, при этомъ, не сознаться прiателю, что защита заставила его слишкомъ рано изложить свою теорiю равенства и собственности передъ судьями; а по этой теорiи выходитъ, что хартия июльской монархiи совершенно достаточна для осуществленiя того экономическаго строя, къ какому ведетъ его доктрина. Судьи-то оправдали его, но демократы остались не со-

всѣмъ довольны такими невинными соображеніями. Въ ихъ глазахъ Прудонъ ничего не выигралъ. Это ему извѣстно. Онъ и говоритъ Бергману: «начать съ равенства и уничтоженія собственности, чтобы кончить признаніемъ и развитіемъ хартии — это сбилось съ толку всѣхъ нашихъ демократовъ, такъ же точно, какъ и прокурора, во время засѣданія».

Но въ его головѣ—и то, и другое умѣщаются бокъ-о-бокъ, и не заключаютъ въ себѣ никакого противорѣчія.

«Однако-же», восклицаетъ онъ, «это такъ же прекрасно и плодотворно, какъ и вѣрно; надѣюсь — ты поймешь это».

Неизвѣстно: понялъ, или нѣтъ пріятель Прудона этотъ компромиссъ между доктриной экономическаго равенства и июльской монархіей; да и самъ Прудонъ не остановился на немъ, и не только въ июльской хартии, но и въ конституціи февральской республики (какъ это ясно будетъ впоследствии) не видалъ достаточныхъ основъ для своего «органическаго преобразованія». Хотя присяжные и оправдали его, но направленіе правительства стало ему ясно послѣ процесса. Двадцать дней спустя, пишетъ онъ профессору Тиссѣ (отъ 28-го февраля) уже безъ всякаго оптимизма:

«Этотъ процессъ разъяснилъ мнѣ нѣсколько пунктовъ.

«1) Непремѣнное желаніе правительства противиться всякой реформѣ и нейтрализовать каждое свободное обсужденіе: *это отнимаетъ у меня всякую надежду.*

«2) Все болѣе и болѣе деспотическое и аристократическое, моновольное, развращающее и ханжеское направленіе орлеанской династіи.

«3) Союзъ духовенства съ новой властью; его возрастающее вліяніе въ дѣлахъ, его недоброжелательство и неисправимая неспособность. Какъ и вы, я думаю теперь, что было бы глупостью падать католическія пошлости, *прикрытыя индугенціей (indulgences)* изъ-за того только, чтобы не огорчить нѣсколькихъ безобидныхъ людей; я собираюсь напасть на все это какъ слѣдуетъ».

Не одни клерикалы начинаютъ выставляться, въ глазахъ Прудона, въ настоящемъ свѣтѣ, даже и знаменитости по социализму вызываютъ въ немъ рѣзкіе отзывы, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ строкъ о Консидеранѣ, изъ того же письма къ Тиссѣ.

«Я только-что получилъ письмо отъ Консидерана; оно внушаетъ мнѣ мало уваженія къ нему. Консидеранъ *осмѣливается* (въ текстѣ: *ôse*) говорить мнѣ, что изъ всѣхъ моихъ сочиненій читалъ одно лишь «*Воскресенье*», и что онъ въ теченіи двухъ лѣтъ успѣлъ слегка просмотрѣть мою «*Собственность*» и т. д.;

но что онъ мнѣ отвѣтитъ, когда я опубликую мое послѣднее изданіе (что можетъ случиться черезъ двадцать или тридцать лѣтъ). Письмо это глупо и лживо (*bête et fausse*); люди всегда бываютъ глупы, когда покидаютъ правду. Впрочемъ, оно продиктовано тѣмъ духомъ интеллигентнаго подавленія, который всѣми примѣняется отлично, въ настоящую минуту. Я лично настолько счастливъ, что собралъ всѣхъ во-едино противъ моихъ изданій, что и производить, какъ я уже говорилъ, *заговоръ молчанія относительно меня*.

Въ слѣдующемъ письмѣ, адресованномъ также въ Тиссо все еще изъ Безансона, отъ 3-го марта, Прудонъ нападаетъ на своего земляка за то, что тотъ пламенный кантіанецъ: «говоря кантіанецъ», объясняетъ онъ, «я хочу сказать: увлеченный правовыми принципами Канта, его софистическимъ рационализмомъ, его теоріей чистаго разума и его психологіей. Вотъ мой вызовъ: или вы меня повалите, или я васъ поглочу». (Перифраза Гомера текста, когда Аяксъ обращается въ Улиссу: *Иліада*, XXIII, стихъ 724).

А еще не такъ давно Прудонъ съ любовью штудировалъ Канта и вообще нѣмецкую метафизику, насколько она была ему доступна въ переводахъ.

Отвѣчая Тиссо на его замѣчанія насчетъ того, какъ Прудонъ относится къ фурьеристамъ, онъ возражаетъ: «вы сожалѣете о томъ, что я не подвергнулъ болѣе подробной критикѣ систему Фурье: это оттого, что я желалъ обработать лишь вопросъ *распределенія*, единственный, задѣтый мною до сихъ поръ; а вопросъ *организации* я пока отложилъ. Каждому плоду — свое время. Политическая экономія, повторяю это въ который разъ, наука нарождающаяся; невозможно представить надлежащую критику системъ организаци, не разобравъ предварительно принципы и законы: а *законы* и *принципы* нельзя отрыватъ каждый день, ихъ нельзя доказывать внутренней очевидностью (*évidence intrinsèque*). Мой отвѣтъ фаланстерьянцамъ достаточенъ, такъ какъ онъ сводится къ такимъ заключеніямъ:

«Распределеніе у Фурье вытекаетъ изъ организаци.

«Но это распределеніе экономически ложно.

«Стало быть, общинный механизмъ (*mécanisme sociétaire*) логиченъ, *a priori*.

II.

Не забудемъ, что Прудонъ съ 1841 года принялся за такой теоретическій трудъ, въ которомъ онъ силится привести въ систему свои философскія, научныя и социальныя идеи. Сочиненіе это («De la création de l'ordre dans l'humanité») раздѣляется на шесть отдѣловъ, или *livres*, какъ онъ ихъ называетъ. Глава первая трактуетъ о *религии*; вторая о *философіи*, подъ которой Прудонъ разумѣетъ апіорическую метафизику, уже въ принципѣ имъ отвергаемую; третья о *метафизикѣ*, т. е. о тогдашней научной философіи Прудона, объ основахъ его міровоззрѣнія; четвертая—о *политической экономіи*; пятая—объ *исторіи*; и шестая объ *отправленіяхъ* (*les fonctions*). съ заключительными взглядами на общество.

Къ апрѣлю 1842 г., онъ уже обработалъ два отдѣла своей книги, и пишетъ отъ 3-го апрѣля, къ Флѣри: «Метафизика моя глупа; повѣрьте, это—нѣчто любопытное и чрезвычайное; но ее не поймутъ сразу, и всѣ кантіанцы нападутъ на меня. Послѣ этой метафизики пойдетъ экономія, потомъ философія исторіи, потомъ много кое-чего, на чтò я и намѣковъ не находилъ нигдѣ до сихъ поръ. Безполезно разъяснять вамъ, что во всемъ этомъ я излагаю одни лишь методы и законы: въ двухъ томахъ не развернешь картины человѣческаго ума и общества. Мнѣ хочется только открыть мину и показать ее направленіе; а зданія не воздвигнешь и въ пятидесяти томахъ. По-моему, это безвѣчный трудъ, требующій участія всѣхъ ученыхъ и всѣхъ вѣковъ. Если я не ошибаюсь, и если моя метафизика такъ же вѣрна, какъ я думаю, она должна вызвать революцію во всѣхъ наукахъ, нравственныхъ и философскихъ».

И тутъ Прудонъ ошибался съ порядочной долей наивности. Его *метафизика* не произвела никакой революціи въ *нравственности* и философскихъ *наукахъ*. Она прошла незамѣченной; а для темершей мыслящей публики представляетъ одинъ лишь интересъ замѣчательной попытки крупнаго ума. Прудонъ слишкомъ удовлетворялся формальнымъ мышленіемъ, хотя и уничтожалъ логическое философствованіе, отвергаемое имъ во второмъ отдѣлѣ своей книги. По частнымъ вопросамъ социальной критики, его сужденія и предсказанія, которыми такъ богата его корреспонденція, выходятъ гораздо вѣрнѣе и серьезнѣе. Такъ, добываясь отъ профессора Тиссо полной критики «Мемуара о собственности», онъ пишетъ ему, отъ 21-го апрѣля: «замѣчаю одну вещь:

въ собственности *экономисты* хотятъ видѣть не что иное, какъ пружину, которая до сего времени создала капиталы; *юристы* же—одну лишь верховность человѣка надъ вещью и передачу этой верховности, принципъ порядка и власти; *философы* видятъ въ ней, главнымъ образомъ, индивидуализированіе личности въ обществѣ и проявленіе «я» въ вещахъ. И такъ какъ и тѣ и другіе спрашиваютъ:—безъ собственности какъ понять образованіе капиталовъ; безъ собственности какъ вообразить себѣ принципъ порядка и правительства; безъ собственности куда дѣнется характерный признакъ личности?—то и выходитъ, что, несмотря на силу возраженій, несмотря на значительность сомнѣнія, никто не поколебленъ въ своихъ взглядахъ... Впрочемъ, признаю, что собственность, вопреки всѣмъ своимъ порокамъ (*vices*)—одинъ изъ тѣхъ принциповъ, которые не слѣдуетъ и невозможно даже покидать иначе, какъ замѣнивъ его другимъ принципомъ, свободнымъ отъ недостатковъ перваго и способнымъ имѣть всѣ его благія слѣдствія».

Въ письмѣ къ Бергману отъ 9-го мая, все еще изъ Безансона, Прудонъ сильно и послѣдовательно говоритъ о потакательствѣ французскаго учебнаго вѣдомства (*université*) безсодержательному клерикализму, господствующему въ массахъ рядомъ съ отсутствіемъ всякихъ прочныхъ вѣрованій. Онъ надѣется, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ критикѣ собственности, явится человѣкъ, способный нанести рѣшительный ударъ: «эклеетики, — пишетъ онъ, — поставлены будутъ въ необходимость формулировать свои обобщенія: нѣкоторое время продлится колебаніе; будутъ даже кричать на непрощеннаго бойца; потомъ помрутся съ нимъ, и мы заживемъ мирно. Вотъ на что я надѣюсь и чему я вѣрю. Такъ какъ ничто не дѣлается на свѣтѣ безъ маленькаго безпорядка и шума, надо на это идти и готовить минуту кризиса, какъ дѣлаютъ это искусные доктора. А у насъ — одни лишь эмпирики».

«Мнѣ хотѣлось бы, чтобы хоть одинъ изъ университетскихъ, на которыхъ доносить (клерикалы), вмѣсто того, чтобы вопить о клеветѣ, смѣло отвѣтилъ: «*нѣтъ, я болѣе не католикъ; а вы, вы — неутѣды*». Но эти господа предпочитали поступать подобно Вольтеру, писавшему противъ «*l'Infame*», продолжая говѣть».

Всего сильнѣе возмущаетъ его лицемѣрная ортодовсальность Бузена; но всѣми этими вопросами онъ интересуется мимоходомъ; въ это время его поглощаетъ книга «*De la création de l'ordre*», и онъ сообщаетъ Бергману: «я дѣлательно тружусь надъ моимъ новымъ сочиненіемъ. Ожидаю отъ него установленія всѣхъ

ной репутаціи и моего окончательнаго сопричисленія къ мыслителямъ. *Не смѣю еще надѣяться на то, что правительство пойметъ достоинство моихъ изслѣдованій*; люди власти всегда до такой степени предубѣждены, что истина пугаетъ ихъ, и они скорѣе припрятуютъ ее, чѣмъ будутъ распространять. Человѣкъ, предназначенный въ тому, чтобы во всякомъ открытіи найти новый источникъ и новый способъ организаціи, — такой человѣкъ еще не явился».

И вслѣдъ затѣмъ, Прудонъ говоритъ Бергману, что, быть можетъ, посвятить ему одну изъ главъ своей книги, или, какъ онъ выражается, «поставить ее (т.-е. главу) подъ патронатъ его имени». Это посвященіе дѣйствительно состоялось, и мы читаемъ въ «De la création de l'ordre» цѣлую страницу посвященія Бергману, съ примѣчаніемъ къ слову «метафизика», сдѣланнымъ самимъ Прудономъ при позднѣйшемъ изданіи книги. Вотъ текстъ этого примѣчанія:

«Мы уже замѣчали, что авторъ понимаетъ подъ *метафизической* то самое, что г. Огюсть Контъ называетъ *положительной философией*. Прибавимъ, что эта метафизика отвѣчаетъ по своей сущности тому, что нѣмцы называютъ *логикой*».

Замѣтимъ, съ своей стороны, что Прудонова метафизика, въ томъ видѣ, какъ она изложена во второй главѣ его книги, даже не обнимаетъ собою содержанія «положительной философіи» Бюста, которая не ограничивается логическою стороною мышленія; да и нѣмцы метафизическаго закала разумѣютъ подъ «логикой» нѣчто иное.

Пріятели своему Аккерману Прудонъ давно не писалъ, почему и долженъ былъ, въ письмѣ отъ 23-го мая, рассказать ему всю свою судебную исторію, которая обошлась ему не дешево, въ смыслѣ душевныхъ испытаній. Но онъ доволенъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что «уже около двухъ лѣтъ способствуетъ, болѣе всего-либо, перестановкѣ почвы политическихъ преній». Ему даже кажется, что этимъ путемъ онъ «косвенно послужилъ власти и порядку». Но онъ не обольщается себя популярностью. «Меня не любятъ, — говоритъ онъ Аккерману. — Бланки писалъ мнѣ: *правительство отдаетъ справедливость вашему характеру, но сомнѣется о вашемъ направленіи*. Что же! Я хочу, чтобы мое направленіе было направленіемъ правительства, и я васъ убѣждаю, что это будетъ такъ».

Далѣе онъ формулируетъ упреки, дѣланные съ разныхъ сторонъ его психологической доктринѣ, или, лучше сказать, идеѣ правды и справедливости (justice). Это мѣсто интересно, въ осо-

бѣности, потому, что Прудонъ остался съ тѣмъ же основнымъ воззрѣніемъ на свою «justice», когда писалъ о ней цѣлую большую книгу: «De la justice», о которой мы уже упоминали.

«Справедливость, говорятъ мнѣ, точно также, какъ и идея прекраснаго, есть понятіе, первоначальная и существенная форма нашей души; а я дѣлаю изъ нея физиологическую принадлежность (attribut physiologique), общую человѣку и животнымъ, которые отличаются между собою лишь количественно и тѣмъ еще, что извѣстныя идеи, присущія человѣку, отсутствуютъ у животныхъ. Разумѣется, еслибъ я не прочелъ всего, что было связано до меня, эта доктрина, такъ рѣзко заявленная, доказывала бы большое невѣжество; но я хотѣлъ лишь представить въ немногихъ словахъ и почти въ загадочной формѣ (d'une façon presque énigmatique) мои психологическія мнѣнія; надо видѣть конецъ. Я чисто-на-чисто отрицаю всю психологію и всю метафизику Канта; что же до физиологии, то я сильно боюсь: не принимаютъ ли господа нѣмцы свою неутомимую эрудицію за научную глубину; и хотя я не анти-физиологъ, но я не намѣренъ признавать ихъ верховный авторитетъ въ чемъ бы то ни было».

Далѣе, онъ очень остроумно и вѣрно характеризуетъ туманную манеру нѣмцевъ обрабатывать философскіе и всякіе другіе вопросы. Видно, что въ этому времени Прудонъ высвободился изъ-подъ обаянія нѣмецкихъ авторитетовъ совершенно *по-своему*, т. е. съ безцеремонностью мыслящаго простолюдина. «Меня не проведешь, — пишетъ онъ, — ни метафизикой, ни формулами Гегеля; я называю кошку кошкой, и не считалъ бы себя докой, говоря, что это животное есть дифференціація великаго цѣлаго, и что Богъ приходитъ къ самопознаванію въ моемъ мозгу. Если эту метафизику немного пожать, то легко придти къ такому выводу, что интеллигенція, находящаяся въ *скрытомъ* состояніи (*latente*) въ неорганической матеріи, достигаетъ *maximum*'а силы и дѣятельности въ человѣкѣ, что можетъ подойти одинаково и къ пантеизму, и къ матеріализму. Нечего сказать, глубокая философія!» «Абстрагируя изъ природы всякое различіе и всякую специализацію, остается нуль формы; это состояніе есть чистая тождественность...» или: «Всякое существо есть дифференцированная часть того же и проч.» Переверните это съ помощью тавтологическихъ формулъ и словесныхъ отвличенностей Гегеля, и вы произведете подобіе всемірной системы, которая покажется гениальной и глубокой; но ровно ничему васъ не научить.

«Впрочемъ, — продолжаетъ Прудонъ, — мое сочиненіе о политической организаціи будетъ кончено черезъ шесть мѣсяцевъ. Я

не стану въ немъ претендовать на то знаніе подробностей, которыми такъ увлекается Германія; *дважды-два-четыре*, мнѣ этого достаточно, и мнѣ нѣтъ надобности перечислять всѣ яйца, всѣхъ бызвъ, всѣ деревья, всѣ грибы, про которыхъ можно сказать: *дважды-два-четыре*. Точно тоже, для меня, и все остальное. Посятъ ли мнѣ доказывать, что система Гегеля не есть формула: *анализъ, антитезисъ, синтезъ*, принятая за законъ *дифференцірованія абсолютнаго*, и послѣдовательно примѣненная, съ шумомъ и большой церемоніей ко всѣмъ вопросамъ философіи, искусства, права и проч.?

«А для меня, любезный другъ, все это — дѣтство, а не наука».

Въ этомъ обширнѣйшемъ письмѣ, гдѣ Прудонъ подъ рядъ говорить о множествѣ предметовъ, замѣчательно еще и то, что мысль — сдѣлаться полезнымъ правительству или обратитъ его въ свои идеи, не перестаетъ копошиться въ его головѣ. Въ самомъ концѣ письма онъ опять повторяетъ: «буду добиваться того, чтобы сдѣлаться терпимымъ, даже въ глазахъ власти».

Книгу свою Прудонъ писалъ неровно: то съ энтузіазмомъ, то съ паденіемъ силъ, что онъ и сообщалъ другу своему Ангуану Готье въ письмѣ отъ 5-го іюля, прибавляя однако о своей увѣренности въ глубинѣ произведенія, которое начнетъ собою «встребленіе всѣхъ предрасудковъ». Другъ его стоялъ вдалекѣ отъ всякихъ метафизическихъ тонкостей, и Прудонъ своими словами «разясняетъ ему» суть книги:

«Въ этомъ году, — пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, — я печатаю всего одинъ томъ въ 500 страницъ; онъ будетъ содержать самую большую часть моихъ надеждъ (*espérances*), и въ томъ числѣ мой *методъ*. Представь себѣ, чтобы понять, что это такое, что арифметика не существуетъ, и что среди нашей цивилизаціи мы считаемъ такъ, какъ это дѣлали римляне, жетонами и особыми приводами. Вдругъ является человекъ съ десятью цифрами и ихъ сочетаніями, сложеніемъ, умноженіемъ, дѣленіемъ, извлеченіемъ корней, пропорціями, логарифмами; это было бы изумительно! Мой методъ есть четвертый терминъ слѣдующей серии: *геометрія, арифметика, алгебра...* своего рода вычисленіе, приложимое ко всѣмъ идеямъ и возможнымъ вопросамъ, такое же точное, какъ математика, но еще болѣе общее. Мнѣ нужно еще восемнадцать мѣсяцевъ, чтобы все это обработать; нужда, боязнь будущаго, желаніе быть указателемъ на неизвѣстномъ пути, съ самыхъ первыхъ шаговъ, заставляютъ меня ускорить изданіе моего труда».

Чтобы понять опредѣленіе, какое Прудонъ даетъ своему методу: «четвертый терминъ серіи», слѣдуетъ обратиться къ его книгѣ, гдѣ въ основу всего міровоззрѣнія положена догрина «порядка какъ совокупности явленій, расположенныхъ *серіями*, или *симметриями*». Прудонъ выводитъ изъ наблюденія міровой дѣйствительности *законъ серіи (loi sérielle)*, которымъ онъ, по-своему, объясняетъ и природу, и прогрессъ человѣческаго общества. Одно изъ его общихъ положеній всего нагляднѣе выражаетъ систему мышленія, до какой онъ дошелъ: «L'ordre (въ смыслѣ указанномъ нами) est tout ce que l'homme peut savoir de l'univers». Въ другомъ общемъ положеніи онъ доходитъ до трехъ фазъ развитія человѣчества, указанныхъ Огюстомъ Контомъ, если предположить, что съ доктриной Конта онъ, и въ это время, не былъ знакомъ: J'entends par Progrès la marche ascensionnelle de l'esprit vers la Science, par les trois époques consécutives de Religion, Philosophie, et Métaphysique ou méthode». Мы нарочно привели это мѣсто по-французски, чтобы переводъ его не подалъ повода къ недоразумѣніямъ. Сходство съ тремя «фазами» Конта тѣмъ поразительнѣе, что подъ «философіей» Прудонъ разумѣетъ *метафизику*, а подъ «метафизикой», какъ мы видѣли, нѣчто замѣняющее для него *положительное мышленіе* или «методъ».

Въ письмѣ къ Тиссо, отъ 31-го іюля, Прудонъ опять говорить про усиленные занятія, которыми онъ желаетъ смирить полѣты своего темперамента и воображенія; «я предполагаю сдѣлаться опять памфлетистомъ въ сорокъ лѣтъ; такъ какъ я могу добиться успѣха въ этомъ родѣ, то я и не хочу приступать къ нему налегкѣ». И опять находимъ мы выходку противъ фурьеристовъ, гораздо болѣе рѣзкую, чѣмъ въ первый разъ: «еслибы существовалъ Поль-Луи-Курье (восклицаетъ Прудонъ, рассказавъ Тиссо, какъ Консидерантъ обидѣлся его спокойнымъ и объективнымъ письмомъ), фурьеристовъ и ханжей достаточно было бы для его безсмертія; я постараюсь отдѣлывать ихъ хоть для собственной забавы».

Бергману Прудонъ сообщаетъ, отъ 29-го сентября, что книгу свою онъ началъ переписывать. Упомянувъ, во второй разъ, о посвященіи Бергману главы: «Метафизика», Прудонъ замѣчаетъ: «Подъ этимъ именемъ, до сей поры ничего незначившимъ, я далъ теорію всемірнаго закона (т. е. закона *серіи*, о которомъ мы выше говорили); однимъ словомъ, я прибавилъ 4-й томъ (онъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать: 4-й терминъ) къ этой серіи: *геометрія, ариметика, алгебра*... Это—ни болѣе, ни менѣе, какъ новая

наука, отъ которой я ожидаю радикальнаго переворота въ томъ, что называютъ *философіей*, совершенно такъ, какъ мои идеи о *собственности* ведутъ къ радикальному перевороту въ юриспруденціи». Бергману же написаны и два послѣднихъ письма, изъ 1842 года. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 26-го декабря, Прудонъ, сообщая о томъ, что книга его печатается медленно, цитируетъ ей полное заглавіе и содержаніе шести главъ, и говорить: «по моему, *религія* и *философія*—особенныя и переходныя состоянія разума, долженствующія *улетучиться* (*s'évapourer*) въ чистую науку. Однако, мое отрицаніе не касается *объективной реальности* религіи и философіи, а только ихъ *умозрительной формы*. Другими словами, я признаю законность поднимаемыхъ ими вопросовъ (значить, допускаетъ *анти-позитивные* предметы изслѣдованія), реальность отыскиваемого ими объекта; но я отвергаю ихъ заключенія...

«Я разумѣю подъ *метафизикой* всемірную теорію законовъ природы и мысли. Въ этой главѣ (т.-е. въ главѣ, названной «*Метафизика*») я претендую на то, что Кантъ объявилъ невозможнымъ, именно: обработать аподиктически вопросы нравственные, политическіе, философскіе, способомъ математиковъ, т.-е. построениемъ понятій, *construction des concepts*—(кантіанское выраженіе).

«Само собою разумѣется, что тутъ дѣло идетъ не о линіяхъ, не о цифрахъ, не о механикѣ или объ алгебрѣ, а о чемъ-то сложномъ съ ними. За-разъ я рѣшаю нѣкоторыя метафизическія задачи, каковы: абсолютное мѣрило вѣрности, реальность тѣлъ и проч.; рѣшенія эти совершенно новыя и показываютъ предметы съ изумительной точки зрѣнія. Эту-то главу, самую важную часть моего сочиненія, я и ставлю подъ твое покровительство.

«Политическая экономія есть приложеніе всемірной теоріи, следовательно, наука *a priori*. Исторія есть изложеніе тѣхъ же идей, показанныхъ въ самой природѣ и въ обществѣ, по абсолютнымъ законамъ, управляющихъ существующими функціями».

Вслѣдъ за этимъ идетъ текстъ самаго посвященія, уже упомянутого нами.

Во второмъ письмѣ, отъ 30-го декабря, мы наталкиваемся снова на фразу, показывающую, какъ Прудонъ занятъ былъ возможностью служить правительству, не измѣняя своимъ идеямъ и принципамъ: «мнѣ удастся въ одно и то же время: быть самымъ крайнимъ реформаторомъ эпохи, и пользоваться протекціей власти».

Издатели «Переписки» поставили подъ письмомъ къ Аккерману, идущимъ вслѣдъ за письмомъ къ Бергману, отъ 30-го де-

кабря, два года: 1842, 1843. Оно, дѣйствительно, могло быть писано въ концѣ одного или въ началѣ другого. Незвѣстность числа и мѣсяца произошла оттого, что начало письма было разорвано. Съ того мѣста, которымъ начинается сохранившійся отрывокъ (довольно большой), Прудонъ говоритъ, очевидно, о своей новой книгѣ, которую Аккерманъ уже получилъ отъ него. Онъ отвѣчаетъ на замѣчанія Аккермана и защищаетъ свою скромность, говоря, что онъ вовсе не желалъ равнять себя съ Гегелемъ, Кантомъ или Ньютономъ въ метафизическихъ (т.-е. по его наменгатурѣ — *научно-философскихъ*) вопросахъ:

«Безцеремонность, — продолжаетъ онъ, — съ какою я говорю о самомъ себѣ и о моихъ предшественникахъ, должна вамъ показаться лишь однимъ выраженіемъ чувства равенства, живущаго во мнѣ, равенства, въ которое я вѣрю всей душой и которое, по моему мнѣнію, должно со временемъ распространиться и на интеллигентныя личности. Охотно вѣрю, что я никогда не буду ни Кантомъ, не Лейбницемъ; мнѣ недостаетъ на это слишкомъ многого, не по природѣ, а со стороны житейской. Но признаюсь вамъ, вотъ уже два или три года, какъ умственная работа научила меня смотрѣть безъ боязни на всѣхъ этихъ великихъ гениевъ, которымъ, по справедливости, такъ изумляется толпа, находить ихъ гораздо ближе къ намъ, нежели намъ это кажется. Слѣдуя все той же психологій, я пришелъ къ тому убѣжденію (несколько этимъ не гордась), что я могу (какъ и каждый хорошо организованный человѣкъ) приобрести трудомъ и хорошимъ методомъ или вооруженіемъ себя (*instrumentation*) ту же самую умственную силу, какъ и тѣ люди, съ которыми вы меня иронически сравниваете; прибавлю, что умственная слабость, глупость, невѣжество, узость пониманія, являются пертурбаціями, *аномаліями*, которыя социальный прогрессъ долженъ устранить; настанетъ день, когда огромное большинство людей, не дѣлаясь тождественными, будутъ равныхъ способностей вмѣстѣ съ установленіемъ равенства въ заработной платѣ.

«Всѣ эти вѣроятія могутъ быть вздоромъ, но они уничтожаютъ даже тѣнь гордости, даже возможность самолюбиваго самомнѣнія».

III.

Въ концѣ письма Прудонъ говоритъ, что отправляется на всю недѣлю въ Парижъ; но слѣдующій, 1843 годъ, начинается измномъ къ Флѣри, отъ 22-го января, пущеннымъ опять-таки въ Безансона. Съ Флѣри Прудонъ толкуетъ на общую политическую тему революціоннаго движенія. Его объективная дѣльность въ политическихъ сужденіяхъ сказывается достаточно ярко въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«Нація хотѣла неодолимо и по меньшей мѣрѣ того, что создало учредительное собраніе, съ дальнѣйшей возможностью поправокъ и исправленій, и то, что установило это собраніе,—въ общемъ принципѣ представительнаго правленія, равенство передъ закономъ, свобода совѣсти и свобода печати. Но кто осмѣлится сказать, что эти принципы не могли бы дать своихъ результатовъ безъ катастрофъ 21-го января, 31-го мая, и проч., и проч.?

«Почему нація не могла удержаться въ принципахъ 89-го года, и какъ объяснить послѣдующія событія? По-моему, вышло все оттого, что съ эпохи 89-го года и въ то самое время, какъ эмансипировалась буржуазія, ставился и вопросъ пролетаріата, вопросъ, который могъ быть разрѣшенъ, какъ послѣдствіе реформы 89 г.; но народъ, возмущаемый нѣсколькими демагогами, привыкъ смотрѣть на этотъ вопросъ, какъ на послѣдній терминъ неоконченной серіи, именно: *король, духовенство, дворянство, буржуазія, народъ*. Видя противодѣйствіе де-Бальи, Лафайетта, даже Мирабо, а позднѣе жирондистовъ, народъ съ упорствомъ сталъ отдѣлять свои интересы отъ интересовъ буржуазіи: тѣмъ больше онъ встрѣчалъ препятствій, тѣмъ сильнѣе его вожаки кричали о контръ-революціи, тѣмъ движеніе дѣлалось неистовѣе, пока масса не одолѣла интеллигенціи и *statu quo* консервативной партіи. Но такъ какъ трибунамъ не хватало опытности, а рѣчами и чувствами не организуешь общества, республика не могла жить; буржуазныя учрежденія остались; стремленія пролетаріата ни къ чему не привели, и все надо начинать сызнова.

«На основаніи этого, я могу высказать мое мнѣніе о Робеспьерѣ. Отставляя къ сторонѣ дурныя и хорошія свойства этого человѣка, его ограниченность, его реторику и проч., я думаю, что въ немъ, какъ въ Дантонѣ и другихъ, не было ничего, кромѣ упованій и стремленій, не было вовсе оригинальныхъ идей, формулированныхъ доктринъ. Робеспьеръ, еслибъ онъ сдѣлался всемогущимъ, заставилъ бы насъ жить какъ пивогорейцевъ или

гражданъ республики Платона, т.-е., что его воля дѣлала бы все, какъ въ заведеніяхъ Оуэна, и ничто не могло бы существовать по личной энергіи и по абсолютнымъ законамъ. Робеспьеръ хотѣлъ быть отцомъ-аббатомъ, пріоромъ и святителемъ французскаго монастыря; онъ любилъ процессіи и парады; республика должна была радоваться и считать себя осчастливленной, а общее благосостояніе возрастать всякій разъ, какъ онъ дѣлалъ воззванія къ Верховному Существо, напудренный и разодѣтый, на Марсовомъ полѣ.

«Вотъ, любезный другъ, все, что мнѣ пришло въ голову по поводу вашего вопроса (на тѣму революціи); это не особенно учено и глубоко, поэтому-то оно, кажется, и вѣрно».

Въ этихъ воззрѣніяхъ Прудонъ содержитъ уже рѣзкій протестъ противъ догматизма французскихъ революціонныхъ вожаковъ, когда они дѣйствуютъ съ ограниченностью якобинизма. Прудонъ не измѣнилъ своему взгляду и впоследствии, выступивъ на дѣятельное политическое поприще, какъ депутатъ и журналистъ. Мистика социальнаго равенства—фурьеристы и догматики французскаго республиканизма—якобинцы, одинаково обличались имъ во имя болѣе здоровой, болѣе научной критики.

О посвященіи третьей главы своей книги Прудонъ опять пишетъ Бергману. Въ этомъ посвященіи онъ измѣнилъ то мѣсто, гдѣ говорить о религіи, чтобы выгородить Бергмана въ глазахъ его университетскаго начальства. Начинаетъ же онъ письмо отъ 4-го февраля сообщеніемъ о продажѣ своей типографіи съ дефицитомъ въ 7,000 франковъ ¹⁾ и о томъ, что префектъ не далъ ему мѣста, на которое онъ рассчитывалъ въ Безансонѣ. Вплоть до августа идутъ письма домашнія или дѣловыя; 4-го августа онъ пишетъ Морису изъ Ліона:

«Я не имѣю никакихъ извѣстій о моей книгѣ (рѣчь идетъ все о томъ же сочиненіи «De la création de l'ordre»); я сдѣлалъ ее такой вязкой, такой скучной и неудобоваримой, что у многихъ достанетъ мужества дойти до конца; а чтобы хорошо ее понять, надо читать медленно и по два раза. Правда, что тѣ не станутъ рассказывать, кто можетъ принести эту жертву. Они узнаютъ болѣе новыхъ вещей, чѣмъ сколько ихъ произведено въ теченіи послѣднихъ шестидесяти лѣтъ. Вотъ, въ ожиданіи приговоровъ критики, что я самъ сиѣю думать о моемъ сочиненіи.

«Если ваши дамы увидятъ нѣкоторые параграфы моего труда, гдѣ ставится вопросъ уничтоженія культовъ, скажите имъ пожалуйста,

¹⁾ По другому письму: въ 10,000 фр.

что тут метафизическія умозрѣнія, чуждыя привычкамъ прекраснаго пола, что дѣло идетъ вовсе не объ уничтоженіи честныхъ, возвышенныхъ, таинственныхъ чувствъ и сладостныхъ надеждъ, внутреннихъ религіей, а о томъ, чтобы доставить этимъ чувствамъ и этимъ надеждамъ научную, положительную основу, которая ихъ преобразовываетъ, очищаетъ, и отнимаетъ ихъ у теологической области. Вотъ что я могу сказать самаго простаго и яснаго объ этой главѣ, которая выставитъ меня сейчасъ же антихристомъ. Но ваши дамы давно развили въ себѣ терпимость и милосердіе; онѣ знаютъ, что и атеиста, если онъ совершенно честный человѣкъ, не слѣдуетъ отталкивать изъ-за одного этого; онѣ создали себѣ скорѣе дѣятельную религію, чѣмъ умозрительную вѣру. Позволю себѣ призвать ихъ къ этимъ привычкамъ сердца и ума, если когда-нибудь имъ захочется охуждать мое намѣреніе и мои взгляды».

Довольно замѣчательно это желаніе Прудона примирить съ собою даже и женщинъ-католичекъ. Нельзя назвать его *уклончи-сьми*, въ дурномъ смыслѣ; но онъ всегда сохранялъ особый складъ аргументаціи, по которой выходило, что его идеи, какъ онѣ ни страшны для консерваторовъ и людей традиціи, все-таки должны быть ими допускаемы и даже раздѣляемы. Несомнѣнно и то, что въ Прудонѣ жила, рядомъ съ смѣлостью, приводившей его къ штрафамъ и тюремнымъ заключеніямъ, своего рода осторожность, казавшаяся многимъ якобинцамъ подозрительной. И про смѣлость его можно сказать, что она была часто безсознательная, т.-е., что Прудонъ искренно вѣрилъ, въ данную минуту, въ невинность или въ неопасность того, что онъ защищалъ или проводилъ въ печати.

Своею жизнью въ Лионѣ онъ былъ сразу недоволенъ, и говорить Морису: «вы понимаете, что мнѣ вовсе не пристало барахтаться всю мою жизнь въ этой лионской грязи». Но онъ не скоро изъ нея выбрался, состоя на частной службѣ у своихъ друзей судопромышленниковъ. Надѣвъ на себя хомутъ судоприказника, Прудонъ нисколько не отказывается отъ теоретическихъ трудовъ и продолжаетъ вести переписку отвлеченнаго характера. Одинъ изъ его корреспондентовъ, Потье, поздравлялъ его съ постановкою закона *серій*, дѣлая однакожь и нѣкоторые возраженія. Прудонъ благодаритъ его въ письмѣ отъ 13-го августа и замѣчаетъ при этомъ, что вся его заслуга состоитъ лишь въ томъ, что онъ заявилъ о новой умственной эрѣ. Далѣе онъ говоритъ:

«Нѣтъ, открытіе закона *серій* ничего не измѣнитъ въ нор-

мальномъ ходѣ общества, совершенно такъ же, какъ открытіе Ньютона не разстроило теченія звѣздъ, ибо законъ серій самъ по себѣ—*норма*, въ силу которой развивается общество. Это положеніе составляетъ специальный объектъ моей книги. Измѣнятся отъ этого открытія одни лишь наши мнѣнія, наша умственная выправка, подобно тому какъ открытіемъ Ньютоновъ, Галилеевъ и Коперниковъ потрясены были системы астрономовъ. Что я говорю съ самыхъ первыхъ страницъ моей книги? Общество, для своего окончательнаго сформированія сообразно своей нормѣ, должно узнать ее, что до сихъ поръ оно проходитъ черезъ серіи испытаній или революцій, предѣлъ которыхъ есть познаніе абсолютнаго закона...

«Но вы, какъ истый ориенталистъ (Потье составилъ себѣ имя, какъ синологъ), вы ударяетесь въ фатализмъ. Фатализмъ? Какъ можете вы признавать эту старую ветوشь закономъ вселенной иначе, какъ признавая подъ нею: *summa lex, summa necessitas*? Забудьте, что это слово *фатализмъ* или *необходимость* ничего не представляетъ уму; каждый разъ, какъ его при мнѣ провозносятъ, со мною случается чуть не головокруженіе. Обратите также вниманіе на то удачное приложеніе, которое это слово позволяетъ мнѣ сдѣлать изъ моей критики философіи. Философы (Прудонъ хотеть сказать: *метафизики*) и отыскиватели *причины* разумѣютъ подъ *фатализмомъ, необходимостью, судьбой* непреодолимую *силу*: всемогущую, немолвимую, непоколебимую, т.-е. нѣчто совершенно непонятное. Мы же, *метафизики*, (т.-е. точные мыслители), искатели *законовъ и отношеній*, мы понимаемъ подъ фатализмомъ «высшее обусловленіе» каждой вещи, «почему» и «какимъ образомъ», дѣлающіе изъ каждой вещи то, что она естъ и отнимающіе у нея возможность быть, безъ пертурбаціи, чѣмъ-либо инымъ; какъ, напр., квадратный корень 64-хъ по необходимости 8, и не можетъ безъ противорѣчія закону серій быть ни 7-ю, ни 9-ю. Вотъ—вещи, едва усмотрѣнны математиками. Такимъ образомъ, для насъ, все, что — *сила, причина, а также и субстанція*—непонятно. Стало быть, если фатализмъ можетъ быть доступенъ нашей интеллигенціи (я не говорю нашему пониманію или внутреннему чувству, ибо внутреннее чувство—*чувствоумъ* но не различаетъ и не опредѣляетъ), то не въ качествѣ *силы* или *причины*, а какъ законъ. Если оно такъ, если фатализмъ—синонимъ *высшаго или всемірнаго закона*, надо отыскать и формулу этого закона, и ея специальные приложенія. Не мое дѣло рѣшать: удалось мнѣ это, или нѣтъ. Богъ въ этой системѣ, Богъ... есть не что иное, какъ безконечное я, котораго разумъ, le voir

адекватенъ съ этимъ закономъ серій или фатализмомъ, между тѣмъ какъ его воля, его свобода совершенно имъ подчинены. Богъ, въ силу того именно, что онъ всевѣдущъ и всемогуще - свободенъ, сознательно и произвольно сообразуется съ этимъ закономъ или фатализмомъ—субъективнымъ, объективнымъ и абсолютнымъ, такъ что про него можно сказать: *summa lex, summa necessitas, summa libertas...*

«Всѣ народы имѣли предчувствіе *высшаго закона*; но такъ какъ, по моимъ наблюденіямъ, народы — дѣти, дѣлаютъ *законъ* адекватнымъ съ *волей*,—они обратили въ символъ свою идею, представляя абсолютный законъ въ образѣ слѣпота божества, возсѣдающаго на мѣдномъ тронѣ, превыше всѣхъ свѣтилъ и проч. Теперь мы объясняемъ символъ, насколько можемъ; но еслибъ мы и ошибались, намъ все-таки не слѣдуетъ отличать *фатализмъ* отъ *закона*, потому что это значило бы—принимать символъ за идею, значило бы, разсуждать теологически, а не философски».

Онъ предвидитъ: какъ его будутъ «продергивать» (ereinter), и не боится этого. «Въ тридцать-четыре съ половиною года, — добавляетъ онъ, —я болѣе вооруженъ и дальше пошелъ, чѣмъ Руссо въ сорокъ; не имѣя того же таланта, я надѣюсь приобрести меньшее вліяніе». Какъ читатель видитъ, самоощущеніе—откровенная.

Все изъ Ліона, со своей рѣчной пристани, пишетъ Прудонъ и пріятелю Аккерману большое письмо отъ 20-го сентября, гдѣ онъ меньше говоритъ о себѣ, чѣмъ о пріятелѣ. Въ этомъ письмѣ есть только двѣ замѣчательныя фразы интимнаго характера. Одна заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ удачное предсказаніе: «безъ женщины, безъ привязанности, безъ страсти, кромѣ любви къ истинѣ, ненависти къ привилегіи и огромной наклонности къ прогулкѣ, разговору и шатанью (*flânerie*), я надѣюсь весело прожить мою цыганскую жизнь (*ma vie de bohémien*)». И въ самомъ концѣ письма: — «все это ничего не значить, вся суть въ томъ, чтобы видѣть и знать, выразить прекрасное и истинное».

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Аккерману, отъ 25-го ноября, Прудонъ говоритъ опять о женщинѣ, холостой и женатой жизни, и собираетъ ему оглавленіе своей книги: «*De la création de l'ordre*»; тутъ онъ снова прибѣгаетъ къ формулѣ, которую мы уже видѣли въ другихъ письмахъ: *геометрія, арифметика, алгебра, диалектика*, и выражается о метафизикѣ, т.-е. о философіи науки — такимъ образомъ: «метафизика есть теорія закона

серій, есть абсолютный методъ, тайно управляющій всеми науками, посредствомъ различныхъ примѣненій».

IV.

Въ теченіи 1844 года Прудонъ разбѣзжалъ. Письма его писаны то въ Парижѣ, то въ Лионѣ, то въ Мюльгаузенѣ, то въ Безансонѣ. Ихъ числомъ 17; но они представляютъ мало интеллигентнаго содержанія. Вплоть до писемъ къ Бергману, отъ 12-го мая, трудно сдѣлать хоть одну знаменательную цитату. Тутъ же мы наталкиваемся на такое сообщеніе: «въ будущему году я хочу резюмировать всѣ мои библическія работы въ одинъ томъ, который долженъ быть для насъ тѣмъ, чѣмъ для иѣмцевъ былъ Штраусъ». Морису онъ пишетъ чаще и больше. Изъ Лиона, отъ 27-го іюля, сообщаетъ онъ ему про главу одной изъ шволь, на которыя онъ не переставалъ смотрѣть трезвыми глазами: «Кабо — здѣсь въ настоящую минуту. Этотъ добрякъ (brave homme) уже указываетъ на меня, какъ на своего преемника по апостольству; я уступаю это наслѣдство каждому, кто мнѣ предложитъ чашку кофе. Многое множество новыхъ евангелій проповѣдуется теперь: евангеліе отъ Бюшэза, евангеліе отъ Пьера Леру, евангеліе отъ Ламенэ, Консидерана, г-жи Жоржъ-Зандъ, г-жи Флоры Тристанъ, евангеліе отъ Пеккёра и разныя другія. Я вовсе не желаю увеличивать числа этихъ безумцевъ; поэтому я и произвожу поразжающее впечатлѣніе на тѣхъ, кто меня видитъ въ первый разъ, когда они замѣчаютъ, что у меня есть здравый смыслъ». Въ другомъ письмѣ къ Морису, отъ 13-го августа, изъ Лиона же, онъ обсуждаетъ политическое и социальное положеніе Франціи и предвидитъ своруую катастрофу—гораздо болѣе радикальную, чѣмъ какою она оказалась въ 1848 году. Но эти общія соображенія не носятъ на себѣ ничего особенно характернаго: ихъ могъ написать каждый радикалъ того времени. Цѣннѣе для насъ нѣсколько строкъ изъ письма его къ книгопродавцу Гильомену отъ 15-го августа, также изъ Лиона: «*Нет*, пишетъ онъ, «вамъ не безызвѣстно, господинъ Гильоменъ, что я очень посредственный католикъ и еще болѣе посредственный поборникъ династїи; другими словами, что, сохраняя уваженіе къ знаніямъ и къ личностямъ, терпимость, обязательную для всѣхъ насъ въ такой вѣкъ, когда ничто не доказано, все подѣ сомнѣніемъ, я слѣдовалъ по темпераменту, или по убѣжденію (не все-ли это равно?) вплоть до конца по пути свободнаго изысканія, отерры-

тому Декартомъ и догмату народоуправства, указанному Руссо». Приятелю своему Турнё (первое письмо во всемъ собраніи до 1844 года), Прудонъ пишетъ 1-го сентября дѣловое письмо, кауясь, восвенно, на себя самого, какъ на человѣка, который долженъ испивать горькую чашу пренебреженія. Онъ сравнитъ себя съ Распайлемъ и находитъ, что при способностяхъ и усердіи онъ не дѣлаетъ и четверти того, на что былъ бы способенъ. Къ осени Прудонъ очутился въ Парижѣ, откуда и пишетъ отъ 4-го октября Аккерману, спрашивая его: что онъ думаетъ про Прудоновъ *законъ серій*? Тутъ же онъ сообщаетъ: какъ принята была его книга, не маскируя истину и выражаясь съ обычной независимостью: «вы спрашиваете: есть ли у меня *сторонники*? Признаюсь вамъ—очень скромно, или очень горделиво—что я не думаю. Потѣ находить мою теорію слишкомъ *искусственною* (*spécieuse*); но, прибавляетъ онъ, кто знаетъ: не найдется-ли болѣе общая теорія? Тиссо прямо выражается, что моя метафизика—никуда не годна; «*Revue indépendante*» объявило, что я *ошибся*, Пьеръ Леру упрекаетъ меня въ томъ, что я приписалъ Фурье первое предчувствіе закона серій, не объясняя ничего больше; большинство же говоритъ, что не понимаетъ меня.

«Кромѣ того, одни признаютъ политическую экономію и теорію отравленій; другіе въ восхищеніи отъ того, что я такъ отдѣлалъ (*sabré*) религію; но не соглашаются съ тѣмъ, что философія (т.-е. метафизика) ровно ничего не стоитъ, и *vice versa*; но вѣрно лишь то, что меня грабятъ съ рѣдкимъ нахальствомъ. Книжъ прочелъ свой прошлогодній курсъ по моей главѣ *о религіи*, которую онъ удлинилъ и переодѣлъ; нѣкій Пэккёръ, авторъ «*République de Dieu*» взялъ у меня всѣ свои идеи объ организаціи; каждый день я вижу брошюры, въ которыхъ я гораздо болѣе участвую, чѣмъ ихъ авторы, и гдѣ меня даже не цитируютъ. Республиканцы мало мнѣ признательны за мои труды, потому что я не слѣпой сторонникъ войны, парижскихъ фортификацій и разныхъ революціонныхъ воньвовъ (*dadass*); коммунисты, желающіе представить себѣ, какъ изъ двухъ противорѣчащихъ одинъ другому принциповъ (собственность и община) можно создать синтезъ, который поглощаетъ ихъ и преобразовываетъ, смотрятъ на меня почти какъ на поборника благой середины (*juste-milieu*). Я поставленъ въ самыя несчастныя условія; надо, чтобы я былъ правъ разомъ противъ всего міра, иначе я погибъ. Что меня, въ особенноти, приводитъ въ отчаяніе, это, во-первыхъ: отсталость французской публики по философскимъ вопро-

самъ; во-вторыхъ, ретроградная и нетерпимая монополія, захваченная университетскою братіей.

«Эти трудности почти-что непреодолимы. Но все-таки, если я не могу рѣзко измѣнить людей, я постараюсь, по крайней мѣрѣ, помѣстясь въ самой срединѣ ихъ предрасудковъ, привести ихъ къ моей точкѣ зрѣнія, совершенно такъ, какъ въ панорамѣ машинистъ измѣняетъ зрѣлище, заставляя оборачиваться зрителя. Поэтому, я и попытаюсь, для того, чтобы выдти изъ затрудненія, сдѣлать то, что Кантъ объявилъ невозможнымъ: я работаю надъ *популяризаціей метафизики*, приводя ее въ дѣйствіе. Для этого, я употребляю самую глубокую діалектику, гегелевскую; таковъ мой злосчастный удѣлъ: чтобы побороть самыя непреодолимыя отвращенія, я долженъ прибѣгать къ приѣмамъ, всего болѣе антипатичнымъ для здраваго смысла. Но большіе недуги надо лечить сильными средствами; послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла, я нашелъ, что добиться своего можно силой, и я тотчасъ же принялся за работу. Не обвиняя такой обширной программы, какова—созданіе порядка (т.-е. полная выработка закона серій), замыкаясь въ одномъ лишь воззрѣніи, я могу множественностью примѣровъ сдѣлать понятной мою точку зрѣнія самымъ маленькимъ умамъ, послѣ чего вести читателя повсюду, куда мнѣ захочется пройти съ нимъ».

Послѣ этого подробнаго изложенія своихъ философскихъ стремленій, Прудонъ переходитъ къ дружбѣ, которую онъ, дѣйствительно, *воздѣлывалъ* лучше всякаго другого. Его пріатели, и въ томъ числѣ Аккерманъ, переженились,—онъ и замѣчаетъ, по этому поводу, что женитба охлаждаетъ дружескія отношенія; замѣчанія его настолько своеобразны, что мы ихъ приведемъ здѣсь.

«Я думалъ, что любовь, семейное положеніе (*paternité*), увеличиваетъ въ людяхъ дружеское чувство; теперь я вижу, что это были парадоксъ и иллюзія. Выходитъ, что въ человѣкѣ любовь такъ же ограничена, какъ и интеллигенція. Та минута, когда намъ кажется, что мы достигли одной изъ вершинъ науки, и есть какъ разъ та, когда мы отрываемъ то, что мы ничего не знаемъ. Точно также минута, когда кажется, что сердце наше принимаетъ въ себя безконечныя привязанности, какъ разъ та, когда оно сосредоточивается и леденѣетъ. Еслибъ Орестъ женился на Эрміонѣ, онъ съ того же дня забылъ бы Пилада; эта знаменитая дружба существовала съ однимъ лишь условіемъ, съ условіемъ несчастной любви. Коммунисты, конечно, понимаютъ это, почему всѣ они, болѣе или менѣе, стремятся къ общности

женъ. Эта идея—противоестественна, но она вовсе не нелѣпа. Что вы объ этомъ думаете?»

Мы сдѣлаемъ еще выписку, все изъ того же письма, гдѣ Прудонъ говоритъ о социалистической партіи, начинавшей тогда приходить къ извѣстной цѣльности.

«То, что называютъ теперь во Франціи *соціальной партіей*, уже организуется. Уже нѣсколько писателей соединились между собою: Пьеръ Леру, Луи Бланъ, еще нѣсколько другихъ, о которыхъ вы не могли слышать, и вашъ недостойный другъ. Народъ хлопочетъ за насъ о помѣщеніи (placement) и пропагандѣ: онъ приписываетъ себѣ эту роль. Онъ проситъ объ одномъ: подавать ему примѣры единенія и обучать его. Жоржъ-Зандъ вполне вошла въ наши идеи; поставщики романовъ и фельетоновъ, не разделяя ихъ, удостоиваютъ однако того, что вводятъ ихъ въ моду, эксплуатируя эти идеи; и когда противорѣчія общины и демократіи будутъ разоблачены, и послѣдуютъ за утопіями Сенъ-Симона и Фурье, социализмъ, возведенный на ступень науки, *социализма, который есть не что иное, какъ политическая экономія*, овладѣетъ обществомъ и двинетъ его по направленію будущихъ его судебъ съ непреодолимою силой. Моментъ этотъ долженъ настать; тогда Франція займетъ безсмѣнное мѣсто во главѣ человѣчества.

«Социализмъ еще не сознаетъ самого себя; въ настоящее время онъ называетъ себя коммунизмомъ. Коммунистовъ тысячъ сто, быть можетъ, двѣсти. Я работаю изъ всѣхъ силъ, чтобы прекратить разногласіе между нами, продолжая вносить раздоръ во всѣхъ станъ. Поочередно: промышленный посредникъ, спекулянтъ, дипломатъ, экономистъ, писатель, я вызываю сосредоточеніе силъ, которое, если только оно не кончится болтовней, должно, рано или поздно, проявить себя ужасающимъ образомъ. Не пройдетъ и полвѣка, а въ этомъ не сомнѣваюсь, какъ европейское общество почувствуетъ наше могучее вліяніе. Впрочемъ, все это дѣлается среди бѣдъ: мы болѣе не заговорщики; мы пользуемся предоставленной намъ свободой».

Не много остается прибавить въ этой выпискѣ для полнаго усненія того *социализма*, во имя котораго работалъ Прудонъ, какъ публицистъ. Съ коммунистами и фаланстерьянцами онъ велъ постоянно войну и желалъ одного: освободить науку объ обществѣ и ученіе о социальной правдѣ (откуда — равенство) отъ всякаго мистицизма отъ всякаго вторженія субъективной фантазіи въ область фактовъ и положительныхъ наведеній. Въ этомъ смыслѣ, Прудонъ былъ и остался *социалистомъ*, мыслителемъ и гражданиномъ, не

только способнымъ добираться до верней общественной наурадицы, но и страстно стремиться къ ея прекращенію.

Изъ этой же цитаты видно, что Прудонъ нѣсколько мягче и терпимѣе сталъ относиться къ дѣятелямъ соціального движенія, каковы были П. Леру и Л. Бланъ, чѣмъ это мы видѣли выше; быть можетъ оттого, что онъ сталъ замѣчать ихъ приближеніе къ своимъ идеямъ.

Переписка 1844 года завершается большимъ посланіемъ къ Бергману отъ 24-го октября, все еще изъ Парижа, гдѣ Прудонъ проживалъ по цѣлымъ сезонамъ, раздѣляя свою промышленную службу между рѣбой и столицей. Онъ сообщаетъ Бергману сюжетъ новаго своего труда.

«Академія наукъ нравственныхъ и политическихъ предложила на конкурсъ: 1) задачу распредѣленія заработной платы, обнимающую собой и опредѣленіе цѣнности; 2) вопросъ *страхованія*, который въ сущности сводится къ *солидарности* или ассоціаціи; 3) послѣдствія, въ будущемъ, *вкуса къ матеріальному благосостоянію*; вопросъ приводящій, по-моему, къ перестройкѣ всей морали; 4) *нищету*, что подъ другой формой есть — вопросъ *неравенства положеній*.

«Такъ какъ я не успѣлъ въ конкурсѣ, закрытому съ 30-го сентября, то я хочу, не спѣша, сдѣлать кое-что получше. По-моему, эти четыре вопроса не могутъ быть разрѣшены одинъ безъ другого, но крайней мѣрѣ такъ вытечетъ изъ моего труда; они образуютъ одно нераздѣльное цѣлое, одну непрерывную дедукцію. Почему мы и не можемъ знать хорошо причины и леченія пауперизма, не зная законовъ труда и задѣльной платы, словомъ, закона *распредѣленія* (répartition) продукта, не зная существенныхъ формъ или условій *ассоціаціи*, не зная, посредствомъ изученія прошлаго, духа и стремленій настоящей минуты (практической сенсуализмъ, вкусъ къ матеріальному довольству).

«Точно также ассоціація не можетъ быть понята внѣ экономической науки и проч. Я опускаю остальное.

«Но ассоціація, мораль, экономическія отношенія, чтобы отнять у нихъ произвольный характеръ, должны быть изучаемы *объективно, въ вещахъ*. Надо повинуясь субъективную точку отправления, принимаемую доселѣ философами и законодателями, и искать, внѣ неясной идеи *справедливаго* и *благаго*, законы, могущіе служить къ опредѣленію этой идеи; ихъ слѣдуетъ получить объективно, посредствомъ изученія общественныхъ отношеній, созданныхъ экономическими фактами.

«Это, столь извѣстное, противопоставленіе *субъекта объекту*, будетъ изгнано изъ моей книги. Французскіе читатели сейчасъ бы бросили ее. Чтобы они ее поняли, надо поступать навыворотъ и начать съ тѣхъ именно фактовъ, которые производятъ это противопоставленіе, т.-е. восходить отъ *сидствѣй* къ *причинѣ* (древній стиль).

«Стало быть, я и буду доказывать, что всѣ данныя политической экономіи, законодательства, морали и управленія существенно противорѣчивы, противорѣчивы, говорю я, не только между собою, но и *въ себѣ*, но все-таки равно необходимы и неопровержимы. Мнѣ важется, что таковой трудъ, хотя его основная мысль и не нова, никогда еще не былъ выполненъ; на это нужны были различныя условія, въ которыхъ находятся немногіе.

«Ты понимаешь, какъ этотъ трудъ, давая ключъ къ толкованію умственной неурядицы, среди которой мы живемъ, можетъ способствовать къ уясненію и выработкѣ социальныхъ вопросовъ. Кто меня пойметъ, не станетъ уже кидаться въ исключительныя мѣнья; это было бы смѣшно. Нечего мнѣ прибавлять, что я дамъ, въ то же время, и теорію, и примѣръ синтетическаго разрѣшенія всѣхъ противорѣчій. Еслибъ нѣмецкіе философы, слишкомъ ревнивые насчетъ теологическихъ и *умозрительныхъ* заключеній, хорошенько изучали антиноміи, какія имъ попадались на глаза, и давали бы имъ хорошіе исходы, они вѣроятно принесли бы этимъ болѣе значительныя услуги, чѣмъ преждевременнымъ нагроможденіемъ своихъ системъ.

«Къ четыремъ вопросамъ, поставленнымъ академіей, я прибавлю аксіому пятого, именно: вопроса политическаго или правительственнаго, рѣшеніе котораго необходимо для осуществленія всевозможныхъ предыдущихъ синтезовъ. Я вончу философскими заключеніями объ *антиноміяхъ* и *социальныхъ противорѣчійхъ*, объ ихъ достоинствѣ, какъ діалектическаго элемента, о дальнѣйшихъ выводахъ, какіе онѣ допускаютъ относительно задачи достовѣрности (*certitude*) вопросовъ о душѣ, о Богѣ и проч., и наконецъ относительно мѣста, занимаемаго ими въ метафизикѣ (или теоріи серій). Сообщи мнѣ твои идеи.

«Вотъ, любезный Бергманъ, чтó меня занимаетъ въ настоящую минуту. Высшая моя цѣль — приучить людей разсуждать своимъ умомъ, предлагая имъ разсужденіе сначала въ конкретнѣйшей формѣ, дѣлая для нихъ занимательнымъ метафизическое умозрѣніемъ его послѣдствій въ обществѣ; словомъ, приводя для нихъ, такъ сказать, *метафизику въ дѣйствіе*. И признаться ли

тебѣ? Мнѣ кажется, что и я самъ иду лучше, вѣрнѣе и скорѣе съ тѣхъ поръ, какъ опираюсь въ моихъ умозрѣніяхъ на факты.

«Очень радъ, что тебѣ представился случай разсуждать о началахъ экономіи. Ты тотчасъ же почувствовалъ то, чего Сэй никогда не могъ понять, ибо онъ выставилъ принципомъ какъ разъ полное отсутствіе его, именно: *неопредѣляемость цѣнности* (*indétermination de la valeur*). Я это и говорилъ, недавно, экономистамъ: «вы вписываете, въ ваши книги, на двойной счетъ, мѣсяць труда на *приходъ* приващива, а напротивъ, 150 франковъ на его *debet*. Прекрасно; но почему мѣсяць труда стоить 150 франковъ?.. Стало быть, во всемъ счетоводствѣ, во всей бухгалтеріи есть одна сторона баланса гипотетическая, произвольная, и по всей вѣроятности, ложная. Слѣдуетъ вамъ вносить на *приходъ* *рабочаго* не *мысли*, не *день*, а его *продуктъ*, *оцѣненный* такимъ выраженіемъ, которое тотчасъ бы давало смыслъ заработной платы.

«Припомни теперь, что по Сміту цѣнность имѣетъ мѣриломъ своимъ *трудъ*, такъ что вопросъ былъ бы разрѣшенъ, еслибъ *трудъ*, или—что то же самое—продуктъ былъ равенъ самому себѣ по *качеству*, *количеству* и проч. Но этого не бываетъ, и этого то и нужно добиться посредствомъ прогрессивнаго воспитанія человѣчества. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ этого неравенства въ трудѣ, такъ какъ легко опредѣлить *среднія* цѣнности, можно было бы дойти до опредѣленія естественнаго *общаго тарифа* всѣхъ продуктовъ. Но для этого надо очистить идею цѣнности или всего, что чуждо дѣйствию работника, т.-е. всѣ соображенія собственности и привилегіи, всѣ эти пертурбаціи совмѣстничества и *laissez-faire*, другими словами: надобна общая *организация* рабочихъ и рыночный порядокъ дисциплинарнаго характера. Но тутъ экономисты впадаютъ въ разногласіе: одни хотятъ, чтобъ организовали все это; другіе желаютъ предоставить все теченію (*laisse toujours faire*), основываясь на неточности и промазѣ организаціонныхъ ученій. Таково положеніе вопроса, одного изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ обширныхъ, какое только человѣческой умъ можетъ ставить.

«А пока католичество прибираетъ къ рукамъ народъ и слѣтся задерживать успѣхи социализма; правительство только ему покровительствуетъ; партія *тормазовъ* (*des bornes*) собираетъ или чернитъ все, что на нее не похоже, но движеніе все-таки не останавливается. Вниманіе обращено все болѣе и болѣе на социальныя вопросы, народъ начинаетъ превращаться весь въ глаза

и уни, онъ сильнѣе отшатывается отъ католичества, до такой степени, что въ Лионѣ, рядомъ съ духовными конгрегаціями, гораздо болѣе многочисленный классъ населенія совершенно воздерживается отъ церемоній и отказался отъ крещеній, похоронъ, свадебъ, исповѣдей и конфирмацій.

«Это движеніе распространяется и ускоряется, изо-дня-въ-день, и—что особенно замѣчательно, я самъ убѣжденъ въ этомъ—оно сопровождается радикальнымъ улучшеніемъ нравовъ, народъ понимаетъ добродѣтель безъ цѣленогъ духовныхъ. — Разсуди, куда это ведетъ».

V.

Самый бѣдный численно оказывается, въ перепискѣ Прудона, 1845-й годъ. Отъ него сохранилось всего семь писемъ, изъ которыхъ четыре родителямъ, домашняго содержанія. Первое по порядку помѣчено 2-го января и писано въ Парижъ Морису, который среди пріятелей Прудона занимаетъ какъ бы срединное положеніе: у него съ нимъ долговые счеты; но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянный обмѣнъ мыслей и взглядовъ, и если не очень теплое, то ровное и почтительное пріятельство. Врядъ ли у должниковъ какихъ бы то ни было странъ случается много такихъ кредиторовъ, какъ этотъ Морисъ, за что Прудонъ и былъ ему постоянно и величественно признателенъ. Въ письмѣ отъ 2-го января, среди свѣдѣній и новостей дѣлового характера, выдѣляется такая фраза: «Существуетъ антипатія между вѣрой и чистымъ разумомъ; слѣдуетъ хорошенько вбить себѣ это въ голову»; а въ концѣ мы читаемъ сообщеніе, показывающее, что Прудонъ и въ это уже время пользовался порядочной репутаціей: «мои мемуары переведены по-нѣмецки и по-англійски, и меня знаютъ теперь вездѣ, гдѣ говорятъ на трехъ главныхъ языкахъ Европы. Отъ меня ждутъ продолженія моихъ первыхъ опытовъ; но у меня всегда была слабость: сгущать всѣ мои мысли въ одинъ компактный волюмъ, вмѣсто того, чтобы расходовать ихъ полегоньку. Но какъ бы то ни было, всѣ мои идеи тяготеютъ въ существенной формулѣ, и по мѣрѣ того, какъ теоріи проясняются, меня не только не считаютъ эксцентричнымъ, но отрицаютъ даже во мнѣ всякую оригинальность. Во всемъ и вездѣ отыскиваютъ моихъ предшественниковъ; оспариваютъ не законность моей доктрины, а ея принадлежность мнѣ. Вы увидите, что подъ конецъ я окажусь перекомбинаторомъ общезвѣстныхъ вещей».

Дальнѣйшій отчетъ о теоретическихъ работахъ находили мы въ письмѣ къ Бергману, отъ 19-го января, изъ Парижа: «я предпринялъ слишкомъ большое дѣло, чтобы идти такъ скоро, какъ я на это надѣялся. Начинаю я серію изъ шести мемуаровъ, можетъ быть даже изъ семи, которые должны появляться одинъ за другимъ: въ первомъ уже 400 страницъ. Это — общая критика политической экономіи съ точки зрѣнія общественныхъ антиномій. Надѣюсь выучить наконецъ французскую публичку тому, что такое діалектика; не печально ли, что въ Германіи каждый писатель подчиняется извѣстной методической формѣ и обозначаетъ всегда: какому логическому приему онъ слѣдуетъ; у насъ, во Франціи, бесконечно препираются, безъ всякаго толку, не приходя ни къ какому соглашенію. Вотъ эту-то необходимость дисциплины для разума я и заявилъ, если не ошибаюсь, первый, подъ именемъ теоріи или діалектики серій, частичное построеніе которой далъ уже Гегель. Судя по новымъ знакомствамъ, сдѣланнымъ мною въ эту зиму, я былъ очень хорошо понять многими нѣмцами, удивлявшимися тому труду, каковой я долженъ былъ одолѣть, чтобы придти въ одиночку къ вещамъ, уже существующимъ, по ихъ мнѣнію, въ Германіи.

«Я не могу еще судить о сродствѣ между моею метафизикою и логикою Гегеля, напримѣръ, потому что я *никогда не читалъ Гегеля*; но я увѣренъ, что буду употреблять его логику въ моемъ новомъ сочиненіи; а логика эта есть только частный случай, или, коли желаешь, самый простой случай *моей логики*».

Прудонъ говоритъ тутъ о своей книгѣ «Экономическія Противорѣчія» (*Contradictions économiques*), въ которой сведены въ одному, возможно полному, цѣлому всѣ тѣ аномаліи и *антиноміи* (любимое его слово), какія онъ нашелъ въ социальномъ строѣ современнаго общества. Практическая дѣятельность, среди которой онъ теперь жилъ, доставляла ему и текущій матеріалъ наблюденія надъ социальной и экономической неурядицей; но забота о *доктринахъ*, о *теоріи*, о *законкахъ* общественнаго движенія продолжаютъ представлять для Прудона *первоисточующій* интересъ. Онъ не только добивается ихъ формулированія, но онъ защищаетъ и ихъ принадлежность *ей* мыслительной инициативѣ. Онъ не желаетъ, чтобы его считали ученикомъ Гегеля, и рѣзко указываетъ на свою самостоятельность; по его толкованію выходитъ, что логика нѣмецкаго философскаго свѣтила того времени — одна лишь частица его метода и системы. Если это и претензія, то претензія, показывающая, какъ горячо Прудонъ былъ преданъ теоретическимъ вопросамъ, группировавшимся вокругъ его

мировоззрѣнія, и какъ узко и ошибочно было бы обрабатывать не только его переписку, но и всѣ его сочиненія—съ точки зрѣнія отрывочнаго и практическаго радикализма.

Изъ писемъ къ родителямъ мы возьмемъ одну лишь фразу, слышѣе всякихъ возгласовъ говорящую о суровой и честной бѣдности Прудона, даже и тогда, когда онъ могъ бы, состоя на службѣ у богатыхъ людей, жить лучше: «отдайте», пишетъ онъ матери своей, отъ 4-го декабря изъ Лиона, «зачините мои старые башмаки, которые вы должны были получить съ дилжансомъ изъ Пема». Нужно ли прибавлять къ этому хоть строчку?..

Въ 1846 году, Прудонъ тоже не особенно много переписывался. Сохранилось всего 14 писемъ, изъ которыхъ на долю прѣтелей досталось только пять: одно Бергману, одно Аккерману и три Морису. Съ книгопродавцемъ Гильоменомъ переписка была довольно дѣятельная: изъ 14-ти писемъ приходится четыре на его долю. Первое письмо, написанное въ новый годъ, въ Парижѣ, адресовано какимъ-то господамъ М*** и Б***, которыхъ еще не значило въ числѣ обычныхъ корреспондентовъ Прудона. Оно написано шутивымъ тономъ, сквозь который видна добродушная безцеремонность, отличавшая взгляды Прудона на женскій полъ. Г-жи М. и Б—его землячки, и все письмо окрашено въ провинціальныи колоритъ городскихъ толковъ. Кончая, Прудонъ обращается въ своимъ землячкамъ съ такимъ сообщеніемъ: «предупреждаю васъ, что я работаю, въ настоящее время, надъ большою книгою, гдѣ я разбираю міръ, Бога и людей, но гдѣ я не говорю ничего дурнаго о женщинахъ!.. Не подумайте пожалуйста, mesdames, что если я такъ отношусь къ женскому полу (въ подлинникѣ просто «sexe»), то это—изъ скромности. О, я не настолько злостенъ! Но я нашель, взявши все въ соображеніе, что въ этой толкотнѣ, которую зовутъ обществомъ, женщины—еще всего болѣе извинительная часть. Во вниманіе къ этому открытію, смѣю надѣяться отъ васъ, mesdames, ожидаю отъ вашей обязанности, требую отъ вашей справедливости, чтобы вы защитили меня отъ всѣхъ злыхъ языковъ, какіе вамъ попадутся подъ руки. Поэтому, еслибы меня начали обвинять въ мизантропіи, вы будете утверждать, что у меня самое любящее сердце, самое скромное, всего менѣе злостное, какое только когда-либо выходило изъ рукъ Создателя. Станутъ меня называть атеистомъ, на томъ основаніи, что я не оставилъ въ покоѣ, въ моей критикѣ, Вѣчнаго Отца, наравнѣ съ малымъ ближнимъ, вы будете опять-таки утверждать, что у меня столько же вѣры, сколько было ея у св. Петра, столько же надежды, какъ у св. Павла, мило-

сердія, какъ у св. Іоанна; и что я расчитываю жить и умереть благодаритію Спасителя нашего Іисуса Христа, котораго я могу упрекнуть развѣ въ одномъ томъ, что Онъ позволилъ взять себя».

Морису, отъ 15-го февраля, изъ Парижа, Прудонъ пишетъ о текущей политикѣ, какъ человѣку, интересующемуся настроеніемъ минуты, и, переходя къ себѣ и своей житейской долѣ, говоритъ:

«Я убѣжденъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, что мнѣ—нѣтъ мѣста на свѣтѣ, и я смотрю на себя, какъ на человѣка, находящагося въ состояніи постоянного возмущенія противъ существующаго порядка вещей. Близкій пріятель, возвращающійся въ высшихъ слояхъ, предостерегъ меня, изъ состраданія, чтобы я держался на-сторожѣ: я одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ всего сильнѣе ненавидятъ и опасаются. Поэтому, планъ мой таковъ: какъ только кончу сочиненіе, возвращаюсь въ Ліонъ, не буду даже дожидаться окончанія и скроюсь въ первыхъ числахъ марта».

Что онъ и сдѣлалъ, но нѣсколько позднеѣ, такъ какъ письмо, помѣченное 4-го апрѣля — Гильомеу — было написано еще въ Парижѣ. Вернувшись въ Ліонъ, онъ получилъ письмо отъ нѣмецкаго социалиста Маркса, сдѣлавшагося, въ послѣднее время, европейскою извѣстностью, а тогда только-что начинавшаго свою пропаганду. Мемуары и книги Прудона нашли въ немъ горячаго сочувствителя; но сразу же сказалась разница въ натурахъ и интеллигенціяхъ этихъ двухъ бойцовъ за социальную правду. Отвѣтъ Прудона, писанный въ Ліонѣ 17 мая—большое письмо, въ такой степени для насъ важное, что мы считаемъ необходимымъ привести его существенныя мѣста цѣликомъ.

«Прежде всего», говоритъ Прудонъ тотчасъ послѣ личнаго вступленія (въ которомъ онъ оговаривается на счетъ «природной лѣни», мѣшающей ему писать письмо), «хотя мои идеи объ организаціи и осуществленіи ея, въ настоящую минуту, вполне опредѣленны, по крайней мѣрѣ во всемъ, что касается принциповъ,—мнѣ кажется, что мой долгъ, равно какъ и долгъ каждаго социалиста, сохранять на извѣстное время древнюю или гадательную форму (*la forme antique ou dubitative*); однимъ словомъ, я исповѣдую, передъ публикой, почти абсолютный экономическій анти-догматизмъ.

«Поищемте вмѣстѣ, если вамъ угодно, законовъ общества, тѣ, какъ эти законы осуществляются, какимъ образомъ мы доходимъ до ихъ открытія; но, ради Бога! разъ разрушивъ всѣ догматы *a priori*, не будемъ, въ нашъ чередъ, хлопотать о томъ, чтобы учительствовать съ народомъ; не будемъ ударяться въ противо-

рѣчіе вашего соотечественника Мартина Лютера, который, поваливъ католическую теологію, тотчасъ же принялся, съ трескомъ отлученій и анаемъ, созидать теологію протестантскую. Вотъ уже три столѣтія, какъ Германія занимается уничтоженіемъ штукатурной работы Лютера; не станемъ же навязывать роду человѣческому новой обузы новой безтолевошциной. Всѣмъ сердцемъ привѣтствую мысль вашу: сопоставить когда-нибудь всѣ мнѣнія; займемся доброй и честной полемикой; подадимъ міру примѣръ знающей и предусмотрительной терпимости; но такъ какъ мы — во главѣ движенія, не будемъ дѣлаться вожаками новой нетерпимости, не будемъ играть въ апостоловъ новой религіи, хотя бы эта религія была религіей логики, религіей разума. Станемъ допускать и поощрять всякіе протесты, клеймить всѣ исключительности, всякаго рода мистицизмъ; никогда не станемъ признавать вопросовъ вполнѣ исчерпанными; и послѣ того, какъ мы востратимъ все, до послѣдняго нашего довода, начнемъ, коли нужно, снзнова, пуская въ ходъ краснорѣчіе и иронію. Съ этимъ только условіемъ я охотно вступлю въ вашу ассоціацію; иначе — нѣтъ!

«Долженъ вамъ сдѣлать также замѣчаніе насчетъ фразы вашего письма: *въ минуту дѣйствія (au moment de l'action)*. Можетъ быть, вы еще держитесь того мнѣнія, что никакая реформа невозможна теперь безъ насильственного переворота (*coup de main*), безъ того, что когда-то называли революціей, и что въ сущности есть не что иное, какъ толчокъ (*secousse*). Это мнѣніе (я его понимаю, извиняю, буду охотно оспаривать, такъ какъ я самъ долго раздѣлялъ его) — признаюсь вамъ — совершенно мною оставлено послѣ новѣйшихъ трудовъ моихъ. Мнѣ кажется, что намъ этого совсѣмъ не нужно для того, чтобы успѣть; поэтому мы и не должны выставлять революціонное дѣйствіе, какъ средство социальной реформы, ибо это, quasi-средство, было бы, просто-на-просто, призывомъ къ силѣ, къ произволу, короче сказать — противорѣчіемъ; я ставлю задачу такъ: *опустить въ общество, посредствомъ экономической комбинаціи, богатства, вышедшія изъ общества посредствомъ другой экономической комбинаціи* ¹⁾. Другими словами: обратить въ политической экономіи теорію собственности противъ собственности — такъ, чтобы вызвать къ жизни то, что вы, нѣмецкіе социалисты, называете *общинною (communauté)* и что я пока называю *свободой, равенствомъ*. А мнѣ сдается, что я знаю способъ разрѣшить эту задачу въ

¹⁾ Курсивъ въ оригиналѣ.

короткій срокъ: я предпочитаю поджаривать собственность на медленномъ огнѣ, нежели усиливать ея значеніе, продѣлавъ съ собственниками вторую варооломеевскую ночь.

«Мое новое сочиненіе, въ настоящую минуту уже на половину напечатанное, скажетъ вамъ еще кое-что на эту тѣму.

«Вотъ, любезный философъ, куда я теперь ушелъ; развѣ только ошибаюсь и заслуживаю исправленія отъ вашей руки, чему охотно подчиняюсь, ожидая моей очереди. Скажу вамъ, мимоходомъ, что таково настроеніе и рабочаго класса во Франціи; наши пролетаріи такъ жаждутъ знанія, что они плохо примутъ тѣхъ, кто имъ предложить испить одной крови. Словомъ, мы поступили бы какъ очень плохіе политики, еслибы заговорили тономъ истребителей; сильныя средства явятся сами собою; народъ не нуждается для этого въ поученіяхъ».

Конецъ письма носить личный характеръ. Прудонъ не со всѣмъ одобряетъ поведеніе нѣкоего Г***, по всей вѣроятности *Гриона*; но тотчасъ же прибавляетъ, что человѣку надо же чѣмъ-нибудь жить; стало, когда у него нѣтъ никакихъ ресурсовъ, кромѣ пера, онъ поневолѣ долженъ пускать его въ ходъ чаще, чѣмъ бы слѣдовало. Кромѣ того, онъ обязанъ тому же Г*** своимъ знакомствомъ съ сочиненіями Маркса, Энгельса и Фейербаха. Тотъ для него переводилъ ихъ.

Письмо въ Марксу даетъ намъ *настоящаго* Прудона-соціалиста, т.-е. такого критика общественной неурядицы, такого гражданина, который полагалъ исправленіе соціальныхъ бѣдъ не въ насильственныхъ переворотахъ, а въ подрываніи вредныхъ установленій путемъ нравственной борьбы, путемъ освобожденія разума и воли. Впослѣдствіи, когда онъ слѣлался парижскимъ журналистомъ, его языкъ нѣсколько измѣнился; онъ дорожилъ революціей и революціоннымъ движеніемъ; но и тогда онъ оставался вѣренъ принципамъ, высказаннымъ въ 1846 году нѣмецкому соціалисту, и держался не якобинскихъ традицій революціи — «*quand tѣme*», а результатовъ великой революціи 1789 года и всего послѣдующаго освободительнаго прогресса.

Книгопродавцу Гильомену Прудонъ сообщаетъ, отъ 18-го мая, изъ Ліона, о предполагаемомъ ходѣ ихъ изданія: въ немъ должна была произойти маленькая задержка, которою Гильоменъ, конечно, недоволенъ.

«*Мальтусіанскій* вопросъ,—добавляетъ Прудонъ,—который я, въ числѣ другихъ, разбираю, одинъ—такой важности, что можетъ доставить успѣхъ цѣлой книгѣ. Я не имѣю претензіи исчерпать его; но мнѣ кажется, что я его расширю. *Мальтусъ*

—писатель совершенно въ моемъ вкусѣ, и прекрасная личность; онъ, какъ и А. Смитъ, сдѣлалъ то, что могъ, онъ заслуживаетъ наше уваженіе. Мальтусъ былъ бы, я думаю, въ восхищеніи отъ того комментарія, который я ему готовлю. Смитъ, Сэй, Мальтусъ—эти три имени заключаютъ въ себѣ весь великій экономическій періодъ. Тѣ, кто имъ предшествовалъ, занимались однимъ испицизмомъ; тѣмъ же, кто идетъ за ними, остается выводить заключенія, а это, повѣрьте мнѣ, не легкое дѣло».

Изъ письма къ Аккерману, изъ Ліона же, отъ 2-го іюля, мы узнаемъ, что уже три мѣсяца передъ тѣмъ Прудонъ потерялъ отца.

«Это событіе, — пишетъ онъ пріятелю, — заставило меня совершенно отказаться отъ житія въ Безансонѣ; мать моя удалилась въ свою родную деревню, къ моему брату, который тамъ устроился; и доставляя маленькое содержаніе этой дорогой для меня женщинѣ, я также свободенъ, какъ еслибъ я былъ круглый сирота на свѣтѣ, безъ всякихъ семейныхъ связей, точно первошпенникъ Мельхиседекъ. Я не думаю, чтобы когда-нибудь мнѣ пришлось измѣнить такой родъ жизни. Моя непрочная и бродячая жизнь, полная неожиданностей и противорѣчій, требуетъ такой именно полной независимости, такого именно полного высвобожденія (degagement). Я работаю немного для куска хлѣба и иного, чтобы привести къ концу мои умозрительные труды; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ надѣюсь придти скоро къ цѣли, и, если все вамъ сообщать, любезный Аккерманъ, перейти тотчасъ же отъ идеи къ осуществленію. Но это — громадное дѣло; не хватитъ и восьмидневной бесѣды, чтобы дать о немъ приблизительное понятіе. Довольно съ васъ и того, что черезъ годъ я: или упаду въ нелѣпость и буду осмѣянъ, или же я начну самое обширное революціонное движеніе, самое радикальное и рѣшительное, какое когда-либо было видано на свѣтѣ.

«Можетъ статься и то, что я вовсе не такъ близокъ ни къ паденію, ни къ апогею, и что съ моими планами случится то же, что и со столькими другими вещами, казавшимися ихъ авторамъ горами, тогда какъ это были воровныя кучи. Но какъ бы тамъ ни было, я ни у кого не прошу пощады, кромѣ друзей своихъ».

Однако бродячая и непрочная жизнь, въ сущности, вовсе была не по вкусу Прудону. Онъ это высказываетъ очень рѣзко въ письмѣ къ Морису, отъ 27-го августа, изъ Ліона, и смотритъ на такое существованіе, какъ на временное средство для того, чтобы нанести «рѣшительный ударъ». Въ его головѣ сидитъ не

мало плановъ общественной реорганизации, и на одинъ изъ нихъ онъ намекаетъ Морису: «я не наживу миллионѣвъ, въ этомъ вы можете быть вполне увѣрены. Но случиться можетъ, что я случайно потрясу мнѣніе общества, чѣмъ это когда-либо было сдѣлано, и что представленный мною простой проектъ, въ которомъ *участіе капиталистовъ было бы бесполезно*, измѣнитъ совершенно существующій порядокъ вещей».

Изъ письма къ Бергману, отъ 22-го октября, мы узнаемъ, что пріятель Прудона—Аккерманъ умеръ мѣсяць спустя по получении отъ него послѣдняго письма. Бергману Прудонъ посылаетъ экземпляръ своихъ «Экономическихъ Противорѣчій» и говоритъ, что отнынѣ онъ вступаетъ въ «дѣятельную жизнь», что съ теоріей онъ покончилъ, и надѣется на хорошую дѣловую карьеру. Его *pia desideria* осуществились совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. Если, послѣ 1848 года, онъ и предался «дѣятельной жизни», то она далеко не принесла ему того, что онъ обозначаетъ, въ письмѣ къ Бергману, словами: «*existence confortable*». «Періодъ изысканій кончился для меня, — рѣшительно объявляетъ онъ,—новая карьера открывается предо мною, и скорѣе я узнаю: стою ли я, въ самомъ дѣлѣ, чего-нибудь, или я долженъ обречь себя на то, чѣмъ пробавляется девятьсотъ-девяносто-девять-тысячныхъ рода человѣческаго, т.-е.: пить, ѣсть, работать, шататься и умереть». Ниже онъ еще энергичнѣе восклицаетъ: «минута рѣшительная; дѣло идетъ для меня о нравственной жизни или смерти». Въ этомъ же письмѣ Прудонъ еще разъ сообщаетъ о смерти отца и сѣтуетъ на то, что онъ не сумѣлъ раньше исполнить обѣщаніе, данное старику—составить себѣ обеспеченное житейское положеніе.

Книгопродавцу Гильомону Прудонъ даетъ мысль, въ письмѣ отъ 7-го ноября, сдѣлать изъ своего магазина «поле битвы социальныхъ идей, которыя скоро, какъ вы сами видите, поглотятъ идеи политическія, мистическія, дипломатическія и философскія» (т.-е. метафизическія, слѣдуя Прудоновой номенклатурѣ). Онъ предсказываетъ, что черезъ два года въ общественномъ мнѣніи социальная экономія будетъ первенствовать надъ всѣмъ остальнымъ. «Но,—прибавляетъ онъ,—господа экономисты, не въ обиду будь сказано, должны еще кое-чему научиться, чтобы быть вполне компетентными, даже въ своей специальности. Говорю это, не желая вовсе умалять въ вашихъ глазахъ достоинства друзей вашихъ. Въ настоящую минуту, съ такими ничего незначащими словами, какъ *laissez faire, laissez passer*, нельзя удовлетворить людей, спрашивающихъ: *Que faut-il faire et par où faut-il passer*?»

Предвижу крики социалистовъ, будто бы я уничтожилъ политическую экономію, но пальцемъ не тронулъ социализма; то же, только въ обратную сторону, заговорятъ и экономисты. Еслибъ я могъ побить всѣхъ и cadaго, я достигъ бы какъ разъ предложенной мною цѣли: всеобщее примиреніе посредствомъ всеобщаго противорѣчія». Тому же, Гильомену, отъ 21-го ноября, онъ говоритъ о себѣ въ такихъ отвлеченныхъ выраженіяхъ: «антагонизмъ принциповъ составляетъ во мнѣ фактъ, служащій установленію необходимости принциповъ въ ихъ относительности и взаимности; такъ, что если Богъ и человѣкъ противоположны одинъ другому, то ихъ существованіе неполно до тѣхъ поръ, пока они не примирены. Это покажется вамъ очень темнымъ, не сомнѣваюсь въ томъ; но мнѣ остается одно: пригласить васъ заняться логикой. Заговори я съ вами объ алгебрѣ, вы бы меня не понимали, и я долженъ былъ бы обратить васъ къ занятіямъ алгеброй».

Послѣднее письмо, относящееся къ 1846 году, адресовано профессору Тиссѣ. Вѣроятно, по типографской опибкѣ, оно помѣчено, въ текстѣ, 13-мъ декабря 1839 года; но въ оглавленіи второго тома оно относится къ 1846 году (да и содержаніе его говоритъ за эту эпоху) и помѣчено 16-мъ декабря, почему оно и очутилось послѣднимъ въ ряду писемъ этого года. Писано оно въ Лионѣ. Прудонъ отвѣчаетъ на замѣчанія Тиссѣ, все еще касающіяся безконечнаго вопроса о собственности.

«Я просто доказываю,—пишетъ Прудонъ, съ 1840 года,—что собственность, по необходимости устанавливающаяся въ обществѣ, точно также по необходимости уничтожается въ немъ».

«Вотъ что я разумѣлъ уже въ первомъ моемъ мемуарѣ, когда я говорилъ, что я ни собственникъ, ни коммунистъ—двойное отрицаніе, значившее то, что собственность и общность—двѣ антиноміи, два принципа, въ одно и то же время и неосуществимые, и необходимые».

Прудонъ зналъ, что эта «человѣческая діалектика» (какъ онъ самъ называетъ ее) не по вкусу профессору; но логика Гегеля удовлетворяетъ его гораздо больше старья французскихъ университетскихъ мудрецовъ. «Скажите на милость,—спрашиваетъ онъ,—что значать всѣ эти устарѣлыя изреченія: *всякая вещь имѣетъ свои выгоды и неудобства; мудрость заключается въ срединѣ и избѣгаетъ крайностей; не слѣдуетъ смѣшивать употребленія со злоупотребленіемъ*, и другія глупости, которыя сводятся къ нелѣпнымъ представленіямъ, если ихъ проанализировать.

«Читая антиноміи Канта, я увидалъ въ нихъ вовсе не дока-

зательство слабости нашего разума, вовсе не примѣръ діалектической мелкости, но настоящей законъ природы и мысли. Гегель показалъ, что этотъ законъ гораздо общѣе, чѣмъ предполагалъ Кантъ; и можно, не слѣдуя за Гегелемъ въ его бесплодной попыткѣ построить міръ реальностей съ *априорными*, будто бы, истинами разума, — смѣло утверждать, какъ мнѣ кажется, что логика удивительно удобна, чтобы объяснять факты, которые мы, прежде того, разсматривали, какъ *неудобства, злоупотребленія, крайности* другихъ явленій».

VI.

Новая личность является въ перепискѣ Прудона, въ началѣ 1847 года. Женщина-писательница, получившая извѣстность во Франціи значительно позднѣе Жоржъ-Занда, прислала Прудону, въ концѣ 1846 года, при письмѣ экземпляръ своей книги: «*Essai sur la liberté considérée comme principe et fin de l'activité humaine*». Она выбрала псевдонимъ *Даніеля Стерна*, который доставилъ ей, въ скоромъ времени, большую извѣстность. Подъ этимъ псевдонимомъ выступила въ литературу *графиня д'Агу* (d'Agoult). Ей-то Прудонъ и написалъ письмо отъ 17-го февраля, находясь уже въ то время въ Парижѣ. Онъ хвалитъ ея книгу, защищаясь, въ то же время, отъ ея похвалъ, но не хочетъ съ нею хитрить; онъ прямо ей объявляетъ, что для полной съ нимъ солидарности необходимо, чтобы она выкинула изъ своего сочиненія: «всѣ общія мѣста, относящіяся къ эмансипаціи женщинъ и къ уничтоженію смертной казни. Объ этихъ двухъ важныхъ вопросахъ можно сказать кое-что иное, чѣмъ то, что толковали объ нихъ Жоржъ-Зандъ и Беккариа, два писателя одинаково сильные въ болтовнѣ (*verbiage*); но одинаково же неспособные въ философскомъ смыслѣ».

Графиня д'Агу, съ женской догадливостью, поняла, куда поведутъ Прудона его *взгляды* на женщину, и возражала ему. Прудонъ отвѣчаетъ ей отъ 25-го іюля, и этотъ отвѣтъ (хоть онъ уже извѣстенъ русскому читателю) мы приведемъ цѣликомъ, во всей его типичной рѣзкости. Писано письмо въ Парижѣ.

«*Pardieu, madame!* Вы сразу угадали: у меня нѣтъ шишки почтенія (*vénération*), и мнѣ бы хотѣлось раздавить ее на лбу всѣхъ остальныхъ смертныхъ. Къ чему же, скажите на милость, освободилъ я себя отъ страха Господня, отъ церковнаго авторитета, къ чему дразнилъ отца Лавордера, коли я долженъ подпа-

дать опять подъ иго электиковъ, экономистовъ, социалистовъ, литературщиковъ, всѣхъ кружковъ, оспаривающихъ, одинъ у другого, вниманіе и деньги публики? Переставъ обожать Иисуса Христа, зачѣмъ буду я ухаживать за Жоржъ-Зандъ и вѣнчать Беккаріа?

«Вы называете Беккаріа великимъ умомъ, великимъ сердцемъ!..

«Знаете ли, сударыня, кто былъ мой отецъ? Онъ былъ честный пивоваръ, которому никакъ нельзя было вбить въ голову, что для наживы надо продавать дороже, чѣмъ вещь самому стобить. Онъ настаивалъ на томъ, что такъ наживать деньги—безчестно. «Мое пиво», повторялъ онъ всегда, «стобить мнѣ столько-то, включая и заработную плату; дороже я не могу продавать!» Что же вышло? Мой добрякъ-отецъ жилъ бѣдно, умеръ бѣднякомъ и оставилъ дѣтей въ бѣдности.

«А вѣдь онъ слѣдовалъ, не догадываясь вовсе, тому же принципу, который долженъ былъ привести одного изъ его сыновей къ такому вотъ положенію: *собственность—кража*. Этотъ мастерской имѣлъ дѣйствительно великое сердце, потому что онъ, въ теченіи тридцати лѣтъ, добровольно отказывался отъ обогащенія; добавлю, что и умъ его былъ свѣтлый и честный, такъ какъ онъ не могъ никогда понять необходимости неравенства.

«А вспомнить ли потомство имя моего отца?

«Поэтому, нечего намъ толковать о Беккаріа. Знаменитость, доставленная этому краснобаю, есть просто несправедливость къ памяти цѣлаго милліона людей, нисколько не хуже его, нашедшихъ, вмѣсто всякой награды, темное небытіе. Беккаріа, возмущенный вмѣстѣ съ другими благородными личностями своей эпохи, злоупотребленіемъ казней и ужасовъ пытки, кое-какъ изложилъ протестъ, жившій во всѣхъ сердцахъ. Но, какъ мыслитель, онъ гораздо ниже своей задачи; онъ не создалъ вовсе теоріи наказанія, и ограничился приторной филантропіей, которой такъ же далеко до истины, какъ коммунизму — до настоящей организаціи.

«Имя Беккаріа осталось въ почетѣ между криминалистами. За это я и желалъ бы разбить поклоненіе ему. Съ Беккаріа философія остановилась на понятіяхъ преступленія и наказанія; когда начнутся дальнѣйшія изысканія, Беккаріа потеряетъ всякое значеніе.

«То, что я сейчасъ сказалъ, даетъ вамъ предчувствовать, каковъ будетъ мой отвѣтъ на другой вопросъ вашъ. Вы меня спрашиваете: зачѣмъ эти бѣдѣя, личныя, постоянныя нападки на все, что пользуется въ ученоемъ или литературномъ мірѣ какимъ-нибудь вѣсомъ?

«Во-первыхъ, мнѣ кажется, что я не нападаю на всѣхъ, и я могъ бы привести не одно исключеніе. Но не въ томъ дѣло. Развѣ вы думаете, что, взявшись за перо, я имѣлъ въ виду проложить себѣ дорогу въ литературу, администрацію или журнальную прессу? Нѣтъ, сударыня, я не литераторъ и во мнѣ нѣтъ ни одного изъ предразсудковъ, ни одной изъ слабостей этой профессіи. Я, собственно говоря, *дѣловой челоуѣкъ* (*homme d'affaires*). Это званіе показало мнѣ сразу, какая пропасть лежитъ между мною и всѣми тѣми, кто, подъ разными именами, занимается интересами народа и общественными дѣлами; я увидалъ, что обычная ловкость, т. е. вѣжливость, притворство, вниманіе, мягкость—въ сущности отсутствіе ловкости, и я сталъ жить по-своему. Или я совладаю со всѣми, или я провалюсь.

«Быть правымъ противъ всѣхъ на свѣтѣ!—подумаете вы. А почему же нѣтъ, если весь свѣтъ, въ то же время, раздѣляетъ мое мнѣніе! Число противниковъ пугаетъ васъ; меня же оно воодушевляетъ. Я думаю, что на этой дорогѣ... на которую я вышелъ, я долженъ буду непременно ошибаться, если случится хоть одно мнѣніе, мнѣ непротивное. Стало быть, съ точки зрѣнія моихъ теорій, я обязанъ былъ дѣлать то, что я сдѣлалъ; что же до личностей, то вы позволите мнѣ отослать васъ къ девятой сатирѣ Буало:

Qu'on prise sa candeur et sa civilité, etc.

«Вы знаете, какъ онъ отдѣлалъ Шапелэна. А вообразите себѣ, сударыня, что, вмѣсто стиховъ, дѣло идетъ о свободѣ, о правѣ на трудъ, о распредѣленіи продуктовъ, о равенствѣ, не предъ однимъ лишь закономъ, но передъ состояніемъ, объ отвѣтственности, добрыхъ нравахъ; когда дѣло идетъ о спасеніи народа, болѣе того, о прогрессѣ, цивилизаціи и обо всемъ человѣческомъ достоинствѣ, думаете ли вы, спрашиваю я, что я не вправѣ возмущаться, и, называя поименно моихъ противниковъ, въ сто разъ извинительнѣе, чѣмъ Буало?

«Быть можетъ, я ошибаюсь, но я, разъ рѣшившись такъ поступать, назадъ пятиться не стану. Война со всѣми, кто только держитъ перо! Это перешло во мнѣ въ состояніе теорій, и если бы когда-нибудь я заговорилъ съ публикой о моихъ мотивахъ, я бы это сдѣлалъ не изъ желанія оправдываться, а въ надеждѣ найти подражателей. Да развѣ не давно пора всѣмъ свободнымъ умамъ вооружиться противъ этой коалиціи философовъ, ученыхъ, журналистовъ, жонглеровъ всякаго рода, задушающихъ мысль и подавляющихъ разумъ?

«Но зачѣмъ, скажете вы, разоблачать слабыя стороны соціальной партіи ея торжествующимъ противникамъ? А зачѣмъ, отвѣчу я, въ свою очередь, эти вѣчныя сдѣлки съ заблужденіемъ, со зломъ? Легче ли намъ отъ всѣхъ этихъ палліативовъ? Знать свои недостатки—все равно, что одержать первую побѣду. Пускай наши противники смѣются, они гораздо ближе, чѣмъ думаютъ, къ слезамъ и зубовному скрежету...

«Еслибы я добивался имени чистенькаго (correct) писателя, я бы думалъ, какъ и вы, сударыня, что дурно поступаю, беря мои слова въ словарь Фурье, Канта, Гегеля, Сежъ-Симона, Адама Смита и многихъ другихъ, которыхъ очень недолюбливаютъ въ академіи. Но какое мнѣ дѣло до стила и до литературы!.. Когда я говорю публикѣ, я стараюсь объ одномъ: чтобы выраженіе было ясно, сильно, язвительно; у меня нѣтъ иной реторики. Я нахожу, что языки безпрестанно мѣняются, все равно, что общества; это—организмъ, куда постоянно входятъ новые матеріалы, въ то самое время, какъ другіе матеріалы выходятъ изъ него; желать останавливать ихъ въ извѣстный моментъ ихъ жизни, подъ предлогомъ чистоты, это—останавливать самый умъ, это—дѣлать общество неподвижнымъ. Во всѣ времена цуристы были самыми жалкими мыслителями, самыми бездарными писателями. Охотно допускаю, что языкъ Паскаля достаточенъ былъ бы для выраженія того, о чемъ мы думаемъ на языкѣ новѣйшихъ новаторовъ, но потерялись бы, à-propos, сила, колоритъ минуты. Языкъ Паскаля выразилъ все, что онъ могъ; слишкомъ нефилософски, слишкомъ мелочно—ратовать противъ неологизма.

«Я былъ бы счастливъ и гордился бы, еслибы получилъ одобреніе такого здороваго ума, какъ вашъ, почему и воспользовался бы вашимъ любезнымъ приглашеніемъ—прийти побесѣдовать съ вами. Но я чувствую, что разъ разговоръ перейдетъ въ споръ, я вамъ ни въ чемъ не уступаю, нетерпимость моихъ сужденій такъ же всплыветъ въ разговорѣ съ вами, какъ съ г. Бланкемъ или отцомъ Кабе, и вы, вмѣсто пріятнаго посѣтителя, получите докучнаго сворщика. Ваше воспитаніе, ваши привычки, все, наконецъ, отдѣляетъ васъ отъ человѣка, въ которомъ и есть одинъ лишь громадный гнѣвъ, для котораго его работы, мышленіе, политическая экономія, искусства—только орудія заговора. Сходитесь на минуту, и потомъ не видаться больше, это—недостойно насъ обоихъ: любовь къ вамъ—съ вашей стороны, тщеславіе—съ моей; въ концѣ концовъ—взаимное отвращеніе и презрѣніе. Меня тяготятъ такіе визиты, и я желаю встрѣчъ или съ сотрудниками, или съ врагами».

На это письмо нельзя, конечно, смотрѣть съ свѣтской точки

зрѣнія; оно показалось бы просто грубымъ; но и на взглядъ болѣе широкій въ немъ есть извѣстная доля угловатости и односторонности, продиктованныхъ, однако, здоровымъ чувствомъ искренняго протеста. Доводъ на счетъ Бекваріа—просто выходка весьма сомнительной логики, а о женщинахъ Прудонъ вполнѣ хотѣ и толковалъ «иначе, чѣмъ Жоржъ-Зандъ», но врядъ ли научиле и дѣльнѣе. Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ (сколько помнимо) русскіе читатели ознакомились съ этими суровыми и придирчивыми взглядами Прудона, вызвавшими рядъ очень талантливыхъ статей русскаго писателя, горячаго защитника женской эмансипаціи.

Морису Прудонъ сообщаетъ изъ Парижа, отъ 26-го марта, что его «умствованія (élucubrations) приходятъ къ концу, и пора ему приняться за практику; но на журнализмъ онъ плохо надѣется, и видитъ, что его всѣ ненавидятъ. Про фурьеризмъ онъ пишетъ, что на эту доктрину смотреть въ Парижѣ, какъ на огромную мистификацію, годную для опоражниванія кармановъ у простаковъ, подъ предлогомъ приготовленій къ эмансипаціи народа. Эти люди — достояніе исправительной полиціи». Хотя онъ и отчаявается въ своей журнальной дорогѣ, но въ письмѣ отъ 30-го мая, изъ Ліона, онъ уже говорилъ тому же Морису о еженедѣльномъ журналѣ, задуманномъ имъ къ осени, а пока онъ кончаетъ вещь, которая должна служить «манifestомъ» этому журналу. Онъ чувствуетъ себя въ «переходномъ положеніи», и это его раздражаетъ. Вопросъ: будетъ ли онъ чистымъ дѣльцомъ, или журналистомъ—еще не рѣшенъ имъ. Онъ сравниваетъ себя съ игрокомъ или пьяницей, желая такимъ сравненіемъ выставить на показъ свой публицистическій «зудъ». Пропаганда дорогихъ ему идей должна была преодолѣть соображенія дѣловой карьеры, и онъ это чувствуетъ. «Я бы,—поясняетъ онъ,—и теперь не былъ способенъ ни на что иное, кромя корректуры и набора, еслибъ социалистическая горячка не кинула меня въ экономическія изслѣдованія, гдѣ я могу, незамѣтно, произвести революцію. А экономическія изслѣдованія сдѣлали меня человекомъ, способнымъ къ дѣламъ; вотъ какъ это все держится одно за другое». Дальше онъ кончаетъ тѣмъ, что отказывается въ принципѣ отъ денежной дороги, объявляя, что ему дороже всего «идеи» и «умственные наслажденія». О еженедѣльномъ журналѣ «*Le Peuple*», Прудонъ уже гораздо опредѣленнѣе говоритъ Бергману въ письмѣ изъ Парижа, отъ 4-го іюня. Журналъ, по его расчету, долженъ давать ему 3,000 франковъ въ годъ.

«Вотъ моя жизнь,—обобщаетъ онъ,—мое положеніе, моя будущность. Если мнѣ можно будетъ бесѣдовать съ публикой иначе, какъ посредствомъ книгъ, и насильно вытащить на поле настоящихъ вопросовъ всю эту сволочь (saпaille) изъ журналистовъ, утилистовъ и экономистовъ, не сомнѣваюсь, чтобы оно не отразилось на общественномъ мнѣніи, на дѣлахъ и на правительственномъ мѣрѣ».

Съ замѣчаніями Бергмана насчетъ рѣзкостей, къ которымъ Прудонъ прибѣгаетъ въ своей книгѣ, послѣдній вообще согласенъ, но онъ хочетъ отвѣтить на вопросъ: почему при ясныхъ научныхъ симпатіяхъ онъ остается памфлетистомъ? «Я думаю, любезный Бергманъ, что форма моей книги, какъ и всякой земической вещи, вызвана необходимостью. То, въ чемъ ты меня упрекаешь, держится за теорію, которую я выработалъ о литературной отвѣтственности и личномъ характерѣ мнѣній; теорія эта явится когда-нибудь въ моемъ журналѣ. По-моему, въ дѣлѣ политики, практической морали, соціальной науки, всего того, что относится къ дѣятельной жизни и современному состоянію обществъ, теоріи не исчерпываются идеями, отвлеченностями; онѣ вбираютъ въ себя также интересы, вліянія, соглашенія, интриги, личности; ты понимаешь, почему, не имѣя никакихъ счетовъ съ лицами, я впадаю въ личные нападки по необходимости и съ преднамѣреніемъ, и даже въ нихъ я руководжусь научными соображеніями.

«Ты ставишь мнѣ въ упрекъ мой *прологъ* и мои размышленія о Богѣ, злѣ и т. д. Не поддался ли ты, любезный Бергманъ, сердечному настроенію; я же настаиваю на томъ, что вопросы о Богѣ, о судьбѣ человѣчества, объ идеяхъ, о достовѣрности, словомъ, что всѣ высшіе вопросы философіи (т.-е. метафизики) составляютъ существенную часть экономической науки, которая служитъ имъ высшимъ выраженіемъ.

«Скажи лучше, что намъ надобна теологія и метафизика; что мы не желаемъ слушать объ нихъ, что слѣдуетъ говорить о *мысляхъ*, а не о *злѣ*, о цѣнности *продуктовъ*, а не о цѣнности *идей*, о правительственной власти человѣчества, а не о Провидѣніи и проч. и проч. Но ты самъ понимаешь: какая непослѣдовательность заключается въ этомъ притязаніи разочарованныхъ умовъ, и я, конечно, не изъ тѣхъ, которые поддаются ему.

«Я глубоко сознаю: сколько еще остается сдѣлать, чтобы установить наши теоріи о Богѣ, душѣ, судьбѣ человѣка, достовѣрности и проч. Но я буду подвигаться полегоньку; и такъ какъ, въ концѣ-концовъ, я увѣренъ, вполнѣ увѣренъ, что приду

къ положительному и прямому результату въ социальній экономіи, я нахожу въ этомъ осуществленіи доводъ въ пользу дальнѣйшаго принятія другихъ моихъ теорій. Да, говорю я тебѣ, общество приближается къ состоянію, обратному тому, въ которомъ оно теперь находится, идя путемъ развитія тѣхъ самыхъ принциповъ, какіе привели его къ настоящему порядку. Вотъ это я и докажу помощью *a* плюсъ *b*, независимо отъ всякаго политическаго, религіознаго или философскаго соображенія».

Кончаетъ онъ просьбой, чтобы его другъ посмотрѣлъ на политическую экономію, какъ на философію счетоводства (*Philosophie de comptabilité*) и говорить, что всѣ экономисты хромаютъ на эту ногу. «Нѣтъ у нихъ ни одного довода, гдѣ бы не было ошибки въ счетѣ; это и послужитъ моею новой критикѣ точкой отправленія; сообрази, каково будетъ всеобщее изумленіе».

Пока созидался журналъ, задуманный Прудонъ, онъ долженъ былъ вернуться въ Ліонъ, откуда пишетъ книгопродавцу Гильомеу, отъ 19-го сентября, что получилъ памфлетъ Маркса, подъ заглавіемъ «Нищета философіи», направленный на его книгу: «*Philosophie de la misère*». Нѣмецкій социалистъ не преминулъ, разумѣется, обрушиться на человѣка, осмѣливагося отстаивать свои идеи въ письмѣ, написанномъ, какъ мы видѣли, съ полной умѣренностью. Прудонъ называетъ эту брошюру: «сплетеніемъ грубостей, клеветы, поддѣлокъ и литературнаго воровства», но выводитъ заключеніе, что его книги сильно читаются въ Германіи.

Последнее письмо Прудона изъ 1847 года, отъ 24-го октября, написано Бергману, въ Ліонѣ. Онъ очень доволенъ тѣмъ, что оставилъ службу у братьевъ Готье. Мы знаемъ, что она ему ничего не принесла. Онъ рассчитываетъ на издателя Гильомена и на экономическія работы въ Парижѣ. «Чтобы мнѣ было мѣсто въ обществѣ», говорилъ онъ, «надо, чтобы я провозвелъ въ немъ переворотъ». Съ такими мыслями онъ приступаетъ къ изданію своего журнала. Слово «мой» онъ оговариваетъ, такъ какъ денежная сторона дѣла ему не принадлежала. Объясненіе, написанное имъ, указываетъ на такую задачу, которую никто, кромѣ его, выполнить не въ состояніи. «Поэтому-то», заключаетъ онъ, я и называю журналъ моимъ, и желаю, чтобы онъ вполнѣ сообразовался съ моими идеями: *si no—no*».

«Ты понимаешь, что, дѣлаясь журналистомъ, я не буду также править моею ладьей, какъ и другіе, и вступать въ конкуренцію словъ съ моими будущими собратами по парижской прессѣ; пускай они справляются съ своимъ ремесломъ, какъ знаютъ. Пускай-

изъ продають передовыя статьи, фельетонныя романы, скверную критику, разныя извѣстія и объявленія. Это до меня не касается. Когда мы будемъ тамъ—мы и посмотримъ».

«Журналъ *«Le Peuple»* явится первымъ актомъ экономическаго переворота; въ немъ будетъ сидѣть планъ сраженія съ шталомъ, онъ послужитъ центральнымъ органомъ всѣхъ операцій боевой кампаніи, которую я начну противъ режима собственности. Отъ критики я перехожу къ дѣйствию, и оно начинается журналомъ».

Онъ надѣется, что въ хорошихъ соотрудникахъ недостатка не будетъ и все пойдетъ прекрасно, если только онъ останется живъ и здоровъ. Бергману не нравится заглавіе «Народъ». Прудону оно тоже не совсѣмъ по вкусу; но онъ его удержалъ, чтобы журналъ напоминалъ своимъ заглавіемъ прежній «Peuple», имѣвшій не только читателей, но и акціонеровъ. Это заглавіе дастъ ему сейчасъ же тему для первыхъ передовыхъ статей. «Народъ, — означаетъ онъ письмо, — собирательное существо, народъ — безгрѣшное и божественное цѣлое, — вотъ что будетъ преобладать въ моемъ органѣ, но, конечно, съ другой точки зрѣнія и въ другой формѣ, чѣмъ въ *Contrat social*. Насколько всѣ эти старыя теоріи о верховности народа — пусты и туманны, а стало быть и живы: настолько же найдешь мои мысли ясными, положительными, съ легкимъ и прямымъ осуществленіемъ».

Мы подошли къ 1848 году. Прудонъ, собираясь въ Парижъ, не догадывался, какъ и многіе другіе, о близости февральской революціи. Онъ собрался дѣйствовать и смотрѣлъ на себя, какъ на человека, закончившаго свое философское и социальное развитіе. На этомъ рѣшительномъ рубежѣ припомнимъ читателю, что, въ предпоследнемъ письмѣ къ Бергману, Прудонъ, несмотря на свои позитивныя попытки, въ сущности хранилъ въ себѣ замашки неисправимаго метафизика, вбрующаго въ то, что у него есть отбѣты на вопросъ о «причинѣ причинъ». Такое заявленіе для насъ важнѣе всякихъ личныхъ наведеній.

Д — Е В Ъ.

ГЕРМАНІЯ

НАКАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ

ХІІІ *).

АВСТРІЙСКІЙ ГАБСБУРГЪ.

Австрія—вторая Германія. Между ними много сходства. Этимъ отчасти объясняется ихъ долгое сожительство и тяжелая разлука въ наше время.

Подобно Германіи, Австрія полна противорѣчій, затрудняющихъ ея анализъ. Уже запутанность ея внутреннихъ отношеній доказывается, что это—средневѣковое явленіе. Въ послѣднее время Австрія перепробовала много системъ, чтобы принять болѣе приличный политическій видъ. Но она оставалась лже-государствомъ, механическимъ сборомъ разныхъ народностей, 'бытовъ и политическихъ отношеній, сдѣланныхъ между собою такъ-называемой «личною уніей», т. е. одною династіей, да и то пришлою. Австрія существовала въ системѣ европейскихъ державъ по принципу: въ семьѣ не безъ урода. Она жила не по внутренней необходимости, а по случаю, какъ Турція. Ея пресловутое «счастье» заключалось въ требованіяхъ европейскаго равновѣсія. Отсюда извѣстная фраза: «еслибы, къ счастью для Европы и особенно для Германіи, не было австрійской имперіи, то ее слѣдовало бы немедленно создать».

Наполеонъ I окрестилъ владѣнія Габсбурга официальнымъ именемъ *Австрійской имперіи*. Тогда же была разрушена Гер-

*) См. выше: май, 193; июнь, 595 стр.

манская имперія — и австрійскій государь пересталъ быть Янусомъ, одно лицо котораго было обращено на востокъ, а другое — на западъ. Правда, новый титулъ не имѣлъ никакого значенія. Онъ былъ принятъ только для того, чтобы «совершенно уравнять австрійскихъ государей съ наипреимущественными правителями Европы». Все осталось по старому. Но у Австріи хотъ явилось названіе. До XIX-го столѣтія и этого не было, и историкъ находилъ въ затруднительномъ положеніи, говоря о безыменномъ явленіи. Въ прошломъ вѣкѣ Габсбургъ назывался королемъ венгерскимъ и чешскимъ, эрцгерцогомъ австрійскимъ, герцогомъ бургундскимъ, княземъ графомъ (gefürsteter Graf) тирольскимъ, и т. д. безъ конца. Сверхъ того, онъ былъ римско-нѣмецкимъ императоромъ.

Мы уже характеризовали императора св. римской имперіи. Теперь разсмотримъ австрійскаго государя.

«Австрія» или «восточная Украина» (Oestliche Mark) основана Карломъ Великимъ, около 800 года, на развалинахъ державы аваровъ, соплеменниковъ гунновъ и мадяровъ. Тогда же она была заселена нѣмецкими колонистами. Это — нынѣшнее эрцгерцогство Австрія съ Вѣной, — ядро германскаго элемента въ имперіи. Украина сначала составляла часть Баваріи, но, лѣтъ двѣсти спустя, отдѣлилась отъ нея, какъ самостоятельное маркграфство, и была пожалована ничтожному феодальному роду во Франконіи — Баденбергерамъ. Вскорѣ Австрія, пользуясь борьбой гвельфовъ съ гибеллинами, стала герцогствомъ и получила небывалыя права. Privilegium 1156 г. объявилъ ее «наслѣдственнымъ и нераздѣльнымъ» владѣніемъ. Герцогъ австрійскій сталъ государемъ въ своей землѣ. Онъ даже судилъ подданныхъ отъ своего, а не отъ императорскаго имени. Онъ лишь номинально считался вассаломъ императора. На герцога почти не возлагалось никакихъ имперскихъ обязательствъ, а между тѣмъ онъ пользовался всѣми льготами фюрстовъ и занималъ въ имперскомъ сеймѣ первое мѣсто, послѣ курфюрстовъ, по правую руку императора, когда ему угодно было являться туда. Privilegium 1156 г. весьма важно. Оно создало независимое государство въ Германіи и установило отношенія между нимъ и имперіей, которыя не измѣнялись впослѣдствіи.

Черезъ сто лѣтъ, въ половинѣ XIII вѣка, вымеръ родъ Баденбергеровъ — и въ исторіи Австріи мирная эпоха процвѣтанія и независимости смѣнилась смутнымъ временемъ. Измученное неурядицей, австрійское земство само просило могущественнаго чешскаго короля, Оттоvara, принять его въ свое подданство. От-

токарь присоединилъ къ Чехіи герцогство Австрію, да кромѣ того, маркграфства Штирію, Карантію и Крайну, постепенно выдѣлившіяся изъ Баваріи. Но чешское господство было кратковременно. Въ 1273 году, Рудольфъ Габсбургскій былъ избранъ нѣмецкимъ императоромъ. Онъ уничтожилъ Оттокара. Въ награду за это, курфюрсты дозволили ему передать Австрію, Штирію и Крайну своимъ дѣтямъ, но не какъ обыкновенный, личный ленъ, а какъ независимое и наслѣдственное владѣніе всего *габсбургскаго дома*. Новые подданные Рудольфа были торжественно освобождены отъ присяги имперіи: его одного они должны были признавать своимъ господиномъ. Такъ было положено основаніе могуществу Габсбурговъ.

Это могущество—одно изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ явленій въ исторіи Европы. Габсбурги — истинное Провидѣніе Австріи, какъ великой державы. Они ее создали, во имя ихъ она существуетъ и теперь. Послѣ принципа европейскаго равновѣсія, это—второй случай, которымъ держится Австрія. Другія державы носятъ въ себѣ самихъ залогъ жизненности. Франція не разъ лишалась династіи, и осталась Франціей. Но отнимите Габсбурговъ у Австріи—и ея имя исчезнетъ съ политической карты Европы. Оттого-то Габсбурги такъ прочны.

Необходимость Габсбурговъ для Австріи тѣмъ яснѣе, что они уже давно выродились, не представляютъ замѣчательныхъ личностей. Въ габсбургскомъ домѣ два противоположныхъ типа: одинъ принадлежитъ среднимъ вѣкамъ, другой начинается съ XVI-го столѣтія.

Габсбурги перваго типа были отрицаніемъ среднихъ вѣковъ. Отъ нихъ вѣетъ рѣзкимъ воздухомъ новой исторіи. Въ нихъ нѣтъ рыцарскаго и церковнаго идеализма. Они также не походятъ на своихъ предшественниковъ, романтическихъ Гогенштауфеновъ, какъ московскіе князья на кievскихъ. Это — нѣмецкіе собиратели земли, суровые скопидомы, практическіе люди. Ихъ имя столь же прозаично, какъ и прозвище нашего Іоанна Калиты: «Габсбургъ» значитъ «зѣмокъ» для храненія «имущества» (Habe), кладовая.

Первые Габсбурги изъ ничего создали могущество своихъ потомковъ съ замѣчательнымъ хозяйственнымъ тактомъ. Въ половинѣ X-го вѣка это были ничтожные графы въ южной Швабіи. Ихъ имя появилось лѣтъ сто спустя, когда они построили себѣ зѣмокъ *Габсбургъ*, близъ впаденія Аара въ Рейнъ. Вскорѣ Габсбурги разжились, такъ что одного изъ нихъ прозвали «богачомъ». Ихъ земли все увеличивались. Владѣнія графа Рудольфа,

избраннаго императоромъ, были раскинуты отъ С.-Готарда до Шварцвальда, и отъ Баденскаго озера до Вогезовъ. вмѣстѣ съ богатствомъ пришло и вліяніе. Габсбурги занимали важныя должности, были епископами, аббатами, канониками, имперскими судьями и чиновниками. Во многихъ мѣстахъ имъ принадлежали важныя права.

Графы Габсбурги всѣмъ обязаны своей практичности и скопидомству. Они всегда держали деньги про запасъ, чтобы скушать земли у промотавшихся феодаловъ: Они дорожили браками, какъ выгодной спекуляціей. Не увлекаясь романтизмомъ, графы Габсбурги являлись, съ своей вымуштрованной дружиной, тамъ, гдѣ можно было получить что-нибудь болѣе существенное, чѣмъ рыцарская слава и честь. Они ловко пользовались борьбой императоровъ съ феодалами, становясь то на ту, то на другую сторону, но всегда такъ, что выходили сухими изъ воды. Тѣмъ же характеромъ отличалась внутренняя политика графовъ. Они смотрѣли на подданныхъ, какъ на непріятеля, котораго должно обирать въ свою пользу.

Вступленіе на имперскій престолъ династіи съ такимъ характеромъ, какъ Габсбурги, было однимъ изъ признаковъ времени. Тогда наставала новая эпоха въ исторіи среднихъ вѣковъ. Въ концѣ XIII-го столѣтія уже не было крестовыхъ походовъ. Начивалась смѣна одного міровоззрѣнія другимъ. Разлагалось рыцарство и папство. Подымались города. Повсюду чувствовалось приближеніе новаго времени.

Габсбурги, согласно съ своимъ характеромъ, повели дѣло на императорскомъ престолѣ въ духѣ новаго времени. Они замыслили основать на развалинахъ феодализма гордое зданіе абсолютной монархіи. Оттого-то Рудольфъ тотчасъ же закрѣпилъ за своимъ домомъ нѣсколько земель, какъ владѣніе независимое отъ имперіи: онъ понималъ, что только матеріальная сила можетъ придать вѣсь пустому титулу императора. Его преемники поставили себѣ цѣлью собирать земли, въ качествѣ австрійскихъ Габсбурговъ, а не нѣмецкихъ императоровъ. Цѣль была достигнута, такъ какъ Габсбурги были спеціалисты по этой части и особенно счастливо пользовались браками. Въ концѣ прошлаго вѣка оказываются, что къ ничтожнымъ владѣніямъ пращура Рудольфа были прирѣшены: герцогство Каринтія, княженное графство Тироль, Чешское королевство съ маркграфствомъ Моравіей, Венгерское королевство съ Трансильваніей, Славоніей, Кроаціей и Далмаціей, королевство Галиція, Австрійскіе Нидерланды или Бельгія.

Главное средство для исполненія основнаго замысла—матеріаль-

ная сила,—была приобрѣтена. Но достигли ли Габсбурги своей цѣли? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно взглянуть въ новый типъ Габсбурга и въ его политическое хозяйство.

Новый типъ Габсбурга сложился въ эпоху реформации. Основатель его—Карлъ V, тотъ самый императоръ нѣмецкій и король испанскій, который хвастался, что солнце не заходитъ въ его владѣнiяхъ. Родина его—Испанiя, и именно Испанiя новая, созданная коварною и желѣзною политикою Фердинанда и Изабеллы. Въ этомъ все дѣло. Правда, вскорѣ новый типъ распался; явились Габсбурги испанскiе и Габсбурги австрiйскiе. Первые сохранили въ чистотѣ свои начальныя черты, вторые нѣсколько исказили ихъ, приблизились къ типу нѣмецкаго фюрста. Эти, хотя и сглаженные, черты все-таки составляютъ основу типа австрiйскаго Габсбурга, точно такъ же, какъ отвислая нижняя губа, завѣщанная Карломъ V. Оттого-то, при всемъ сходствѣ между этимъ Габсбургомъ и фюрстомъ, мы тотчасъ же замѣтимъ разницу, если поставимъ ихъ рядомъ. Въ Габсбургѣ мы уловимъ всѣ черты фюрста, но онъ поразитъ насъ не только своими крупными размѣрами, а еще какимъ-то особеннымъ, именно испанскимъ отпечаткомъ.

Подобно фюрсту, Габсбургъ дурно воспитанъ, лѣнивъ, жаденъ и ограниченъ. Подобно фюрсту, онъ меньше всего походитъ на государственнаго мужа. Для него непостижимы политическiя, національныя задачи. Своими священными обязанностями онъ почитаетъ заботы о личномъ и династическомъ интересѣ. Но въ Габсбургѣ съ нѣмецкимъ фюрстомъ совмѣщается испанскiй грандъ, и еще болѣе испанскiй иезуитъ. Это—мрачная и суевѣрная натура, отъ которой вѣетъ могильнымъ холодомъ. Ей чужды свѣтлыя минуты, радость и вдохновенiе. Габсбургъ погруженъ въ меланхолiю, которая перешла у Рудольфа II въ помѣшательство. Онъ нелюдимъ и подозрителенъ, вѣритъ только въ дурныя стороны человѣческой природы. Габсбургъ недоступенъ впечатлѣнiямъ. Благодаря иезуитскому воспитанiю, испанской крови и бракамъ въ тѣсномъ родственномъ кругу, изъ него выработалась какая-то мумiя, засохшая среди узкаго умственнаго горизонта. Габсбургъ съ неумолимою строгостью, иногда даже съ холодной жестокостью, преслѣдуетъ свои недалекия цѣли. Его положенiе кажется ему божественнымъ установленiемъ, безъ котораго рухнетъ вселенная. Оттого онъ почитаетъ священнымъ долгомъ быть надменнымъ, повелѣвать и гнѣваться, не терпѣть противорѣчiй даже въ мелочахъ,—словомъ, непрестанно проявлять величiе.

Вся жизнь Габсбурга, съ минуты пробужденiя до опочива-

ныя—таинственный обрядъ. Послѣ Востока и Византіи, только въ Мадридѣ да въ Вѣнѣ придворная жизнь шла такимъ меланхолическимъ церемоніальнымъ маршемъ. Этикетъ фюрста—блѣдная виія съ этикета Габсбурга. Фюрстъ только силился подражать своему императору. У него были минуты отдыха отъ парадныхъ обязанностей. Отъ времени до времени имъ овладѣвало буйство—и при дворѣ наставала эпоха безпардоннаго кутежа. Тутъ попадались намѣки на разнообразіе, на жизнь, хотя съ самой жалкой ея стороны. Иногда почти можно простить фюрсту, какъ *enfant gâté*. Но Габсбургъ былъ весь поглощенъ сознаніемъ своего величія и долгомъ этикета. Жена и дѣти видѣли его лишь въ блескѣ испанскаго церемоніала. Охота,—почти единственная его забава,—была образцомъ чинной, степенной *noble passion*. Балы и маскарады при вѣнскомъ дворѣ были нестерпимо скучны. Габсбургъ появлялся на нихъ, какъ на официальныхъ аудіенціяхъ, — только для того, чтобы освятить ихъ своимъ присутствіемъ. Онъ молча, безъ улыбки, шествовалъ по заламъ, окруженный пышнымъ парадомъ, и тотчасъ же удалялся въ свое уединеніе. Габсбургъ вѣчно былъ окруженъ толпой напыщенныхъ царедворцевъ, которые никогда не отступали въ своихъ рѣчахъ отъ изстари установленныхъ формулъ. Нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Испаніи, не было столько вельможъ, завѣщанныхъ средними вѣвами, и строго раздѣленныхъ на ранги. Особенно проявлялось габсбургское величіе въ императорскомъ этикетѣ. Тутъ передъ изумленной Европой воскресалъ весь средневѣковой маскарадъ. Феодальные графы и маркизы, кравчіе и постельничіе окружали тогда самодовольнаго Габсбурга, и Гогенцоллернъ, въ качествѣ архи-слуги (*Etzkämmerer*), подавалъ ему тазъ для омовенія рукъ и несъ передъ нимъ скипетръ. Для довершенія сходства съ придворной жизнью Востока и Византіи недоставало только евнуховъ. Но ихъ замѣняли иезуиты, заимствованные у родины Игнатія Лойолы. Они, подобно евнухамъ, были неспособны въ семейной жизни, по своему обѣту, и были точно также злы и лукавы. Они были духовниками, наушниками и тиранами Габсбурга. Эти преторіанцы въ рясахъ, соединявшіе грубость и своекорыстіе солдатъ съ фанатизмомъ жрецовъ Астарты, играли Габсбургомъ, какъ своимъ послушнымъ орудіемъ. Искусно связывая ния божіе съ деспотическими стремленіями императора, они приучили его не дѣлать шагу безъ ихъ совѣта и о каждомъ его поступкѣ тотчасъ же доносили въ Римъ. Угрюмый Габсбургъ вѣчно сидѣлъ съ ними въ своемъ уединеніи, какъ въ мона-

стырѣ, — и здѣсь-то выработывались идеи, создавшія мрачный типъ политическаго хозяйства Австріи.

Если мы замѣтили выше, что у фюрста династическій интересъ иногда нарушался личнымъ произволомъ, который былъ душой его политикѣ, то Габсбургъ былъ гораздо послѣдовательнѣе его въ этомъ случаѣ. Нигдѣ нельзя наблюдать династическій интересъ въ такой полнотѣ и чистотѣ, какъ въ Вѣнѣ. Габсбургъ ничего не могъ постигнуть въ политикѣ, кромѣ одного — что Австрія существуетъ для его дома. Такое рѣдкое развитіе этого принципа имѣетъ историческое основаніе. Мы уже говорили, что Габсбурги — душа Австріи, и что даже ихъ враги желаютъ имъ долгоденствія. Разноплеменность и раздробленность этой державы поддерживаетъ ихъ династическій интересъ. Съ другой стороны, нѣмецкій фюрстъ могъ чувствовать хоть какую-нибудь связь съ своими подданными. Они были его одноплеменниками и земляками; фюрсты или жили здѣсь съ незапамятныхъ временъ, или даже были потомками популярныхъ племенныхъ герцоговъ. Но Габсбургъ — залетный гость въ Вѣнѣ: онъ явился изъ далека, съ Рейна, и совершенно случайно. А славянамъ и мадьярамъ онъ былъ чуждъ даже по національности: онъ также мало могъ понимать ихъ бытъ и нужды, какъ ихъ языки. Понятно, что династическій интересъ овладѣлъ бы Габсбургами, еслибы даже они не бывали въ испанской шеолѣ.

На такой высотѣ, какъ габсбургскій тронъ, нужно не мало ума, чтобы понять, что самое лучшее средство упрочить династическій интересъ — слить его съ національнымъ. Высокомерный Габсбургъ считалъ униженіемъ своего величія прислушиваться къ голосу массы. Онъ воображалъ, будто самъ знаетъ, что ей нужно. Отсюда постоянныя ошибки въ управленіи сверху и проявленія недовольства снизу. Но самыя естественныя и невинныя жалобы казались Габсбургу оскорбленіемъ его почти-божескихъ правъ. Вліяніе правительственныхъ нравовъ Испаніи и іезуиты поддерживали это чувство. Образовалась теорія, что должно уничтожать въ странѣ всѣ признаки старой независимости и всѣ проявленія новой жизни. Подобно фюрстамъ, Габсбурги стали подавлять земства и государственныя права областей, нѣкогда жившихъ самостоятельно. Ужасы Бѣлогорской битвы (1620) и кроваваго суда въ Эперіесѣ (1687), подорвавшіе чешскую и венгерскую національности, доказываютъ, какъ горячо вѣрили Габсбурги въ свой политическій догматъ. Къ концу XVIII-го вѣка земства были отчасти подавлены, отчасти лишены своихъ существенныхъ правъ. Чиновничество осѣтило народы Австріи. Оно служило только ди-

настическому интересу, и въ этомъ отношеніи было неумолимо и эвергично. Габсбурги награждали его за преданность и смотрѣли съвозъ пальцы на его несправедливости, грабежи и угнетенія. Австрійское чиновничество стало образцомъ испорченности и деспотизма.

Этого мало. Габсбургъ боялся умственного развитія, потому что оно производитъ движеніе мыслей, а всякое движеніе казалось въ Вѣнѣ заразой, погибелью. Габсбургъ чувствовалъ, что одинъ династическій интересъ — механическая, непрочная связь, что, при малѣйшемъ колебаніи, груды его народовъ распадется на свои составныя части. Отсюда крайній консерватизмъ, который только здѣсь можно наблюдать во всей его чистотѣ; отсюда инстинктивное отвращеніе Габсбурга въ интеллигенціи. Еслибъ можно было, онъ истребилъ бы всевозможныя книги и шьолы.

Впрочемъ, Габсбургъ почти дошелъ до этого въ прошломъ вѣкѣ. Едва только коснулась австрійцевъ реформація, эта умственная закваска Германіи, какъ на нее было воздвигнуто гоненіе. Въ 1546 г. вышелъ указъ испытывать въ вѣрѣ профессоровъ, а потомъ и учителей. Богатые люди стали посылать своихъ дѣтей учиться за границу. Тогда послѣдовало распоряженіе, чтобы поступали только въ строго-католическіе университеты.

Но Габсбургу казалось, что зараза все еще распространяется, и были выписаны врачи-спеціалисты. Въ 1551 году явилась первая колонія іезуитовъ въ Вѣнѣ. Вскорѣ святые патеры распространились по всей Австріи. Они засѣли на университетскихъ кафедрахъ, овладѣли школами, завели пансіоны, семинаріи и конвенты, а учителя и проповѣдники не-католики были изгнаны. При Фердинандѣ II-мъ, въ разгарѣ Тридцатилѣтней войны, протестанты не смѣли даже давать частныя уроки. Было совсѣмъ запрещено посылать дѣтей учиться за границу, а уже отправленныхъ возвращали насильно. Исповѣдывать лютеранство нельзя было даже дома, въ кругу семьи: шпионы въ рясахъ вынюхивали по домамъ, нѣтъ ли гдѣ нечистой совѣсти. Подъ страхомъ тюремнаго заключенія и штрафовъ, было повелѣно всѣмъ ходить въ церковь по воскресеньямъ и соблюдать посты. Кто указывалъ на свою совѣсть, запрещавшую исполнять этотъ указъ, того изгоняли немедленно изъ австрійскихъ предѣловъ. Тогда-то была подорвана въ корнѣ чешская національность съ ея гусситствомъ; въ потокахъ крови была утоплена ея высокая культура. Пражскій университетъ опустѣлъ — и «чешская» книга стала синонимомъ «рѣдвой» книги.

А «святые» патеры размножались съ быстротой чуждаднаго ра-

стенія. Они слились съ своими собратами, энергически производившими въ Польшѣ ту же адскую работу. Австрія вмѣстѣ съ Рѣчью-Посполитой составляли одну «провинцію» іезуитовъ, провинціалъ которой сидѣлъ въ Вѣнѣ, подлѣ Габсбурга. Въ половинѣ прошлаго вѣка въ одномъ эрцгерцогствѣ Австріи было девять большихъ разсадниковъ іезуитства—коллегій, семинарій, конвентовъ, пробствъ, резиденцій и т. д. Сюда завлекали всякаго, кто отличался знатностью происхожденія, богатствомъ или талантомъ. Отсюда выходили отряды святой рати, которые учреждали миссіи и резиденціи въ степяхъ Венгріи, въ ущельяхъ Трансильваніи и въ мирныхъ русскихъ селахъ отъ Галиціи вплоть до Кіева. Гдѣ не хватало этихъ неутомимыхъ бойцовъ, тамъ провинціалъ входилъ въ сношеніе съ благонамѣренными туземцами, выбиралъ изъ нихъ учителей и проповѣдниковъ: это былъ резервъ дѣйствующей арміи. По всей обширной державѣ господствовали книги съ іезуитскимъ штемпелемъ. Литература очутилась въ рукахъ святыхъ отцовъ, снабженныхъ безответственной и грозной цензурой.

Габсбургъ радовался работѣ своихъ заморскихъ опекуновъ. Іезуиты управляли за него. Іезуиты были образцовыми шпионами, вынюхавшими всѣ закоулки Австріи. Іезуиты знали помыслы подданныхъ и заправляли ихъ совѣстью. Іезуиты проповѣдовали безотчетное повиновеніе предрежающимъ властямъ, хотя, конечно, лишь потому, что сами орудовали этими властями и не нуждались въ Равальякахъ. Но всего болѣе радовало Габсбурга, что святые патеры уничтожали возможность всякаго движенія въ народѣ. Преподавая однѣ латинскія вокабулы, развивая одну память, подавляя розгами и мертвой схоластической индивидуальныя черты, іезуиты воспитывали дряблыхъ, безхарактерныхъ и тупоумныхъ поволѣннѣ, поклонниковъ рутинѣ, несмѣющихся, да и неумѣющихъ разсуждать.

Іезуитское иго въ Австріи продолжалось два вѣка: орденъ былъ уничтоженъ въ 1773 г., при Іосифѣ II. Но оно успѣло оставить глубокіе слѣды. Какъ въ Польшѣ оно искоренило блестящую культуру XVI вѣка и тѣмъ погубило націю, такъ въ Австріи были загублены имъ сѣмена просвѣщенія, появившіяся въ началѣ реформаціи. Въ прошломъ вѣкѣ Австрія погрязала въ невѣжествѣ, суевѣріи и развратѣ; за это время ее нужно вычеркнуть изъ списка цивилизованныхъ странъ.

Мало того. Іезуитское направленіе вѣдлось въ политическій бытъ Австріи. Патеры исчезли, а въ Вѣнѣ остались ихъ взгляды на народъ и мысль. Свободное, индивидуальное развитіе, просвѣ-

ченіе, литература, школы представлялись Габсбургу какими-то путями, заразой. Ненависть и бессмысленныя отношенія къ интеллигенціи продолжали проявляться то въ видѣ беспощадной цензуры, то въ видѣ подтягиванія всего подъ одну струнку. Въ 1770 году была устроена въ Вѣнѣ «центральная школьная дирекція», которая сдѣлала бы честь іезуитской опытности. Она разослала таблички съ прописаніемъ, что и какъ должно преподавать, до мельчайшихъ подробностей. Дирекція каждый день и каждый часъ знала, сидя въ Вѣнѣ, что именно задолбливаетъ иноплемя по всѣмъ закоулкамъ обширной имперіи. Цензура перешла отъ іезуитовъ также къ особой «цензурной коллегіи», которая усвоила правила своихъ мудрыхъ предшественниковъ. Она усердно рылась въ иностранныхъ книгахъ, однѣ сжигала, другія марала чернилами или вырывала у нихъ заразительныя листы. Мы уже знаемъ грустную и смѣшную исторію съ указателемъ запрещенныхъ книгъ, изданныхъ этою коллегіею. Можно себѣ представить, какой литературное развращеніе было слѣдствіемъ этихъ порядковъ! Когда, въ 1781 году, Іосифъ II отмѣнилъ цензуру, въ Вѣнѣ вышло 1172 книги въ полтора года, но что это были за книги! Здѣсь не было ничего, кромѣ грязныхъ стиховъ, радицательныхъ драмъ, комедій съ площаднымъ юморомъ, да трактатовъ о чертяхъ. Въ то время въ Вѣнѣ было нѣсколько плохихъ книжныхъ магазиновъ, а въ провинціяхъ изрѣдка встрѣчались лавчонки, въ которыхъ продавались столичные молитвенники и календари, да жалкія брошюрки.

Легко себѣ представить, каково было состояніе общества въ Австріи, подъ вліяніемъ подобнаго ховаяйства Габсбурга. Здѣсь мы видимъ то же, что у фюрстовъ, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Особенно тяжело было «канальѣ», потому что нигдѣ не было такой многочисленной и привилегированной аристократіи, какъ въ Австріи. Крѣпостное право было жестоко и повсемѣстно. О положеніи народа можно судить потому, что, при всей силѣ деспотизма Габсбурга, при массѣ штыковъ, чиновниковъ и іезуитовъ, часто вспыхивали мятежи. И это были не одни социальныя, а также и національныя возстанія.

Но достигъ ли Габсбургъ подобною внутренней политикою своей основной цѣли—утвержденія абсолютизма? Государственнымъ мудрецамъ того времени казалось, что Габсбургъ сдѣлалъ все, что нужно, а между тѣмъ оно было не такъ. И это—одно изъ главныхъ противорѣчій, которыми переполнена судьба Габсбурга и его Австріи. Изъ Австріи выработалась великая европейская держава, но не государство. Она оставалась по прежнему

уродливымъ средневѣковымъ явленіемъ, второю германскою имперіей. Она, какъ машина, то складывалась, то разбиралась. Провинціи приобѣтались и уступались, обмѣнивались, приростали и отваливались безъ смертельныхъ потрясеній. Въ Австріи не выработалось національнаго сознанія и высокихъ цѣлей, вытекающихъ изъ внутренняго развитія широкихъ общежитій. Ее справедливо упрекали въ недостаткѣ историческихъ памятниковъ и преданій. Изъ самого Габсбурга выработался мелкій деспотъ, но не государь. Забудьте его европейское значеніе — и передъ вами тотъ же фюрстъ, только въ крупныхъ размѣрахъ. Но несмотря на все свое испанское величіе, на большое войско и богатую казну, на выгодную для него вражду національностей, Габсбургъ добился лишь сомнительнаго абсолютизма. Онъ силенъ только для мелочныхъ угнетеній, и слабъ для громкихъ подвиговъ, для широкихъ порывовъ. Абсолютизмъ Габсбурга, подобно абсолютизму фюрста, проявляется только своею отрицательною стороною. Оттого онъ такъ ненавистенъ всему міру; оттого Вѣна даже въ XIX в. долго была гнѣздомъ и разсадникомъ самаго грубаго и безцѣльнаго консерватизма. Странная судьба! Габсбурги, бывшіе вначалѣ олицетвореннымъ протестомъ противъ средневѣвовщины, превратились потомъ въ ея главную опору.

Однако, причины этого страннаго явленія ясны. Ихъ двѣ, и обѣ весьма крупныя.

Во-первыхъ, Австрія была не цѣльное, а составное государство, лишенное народности, политическій скелетъ безъ органической жизни. Весьма важно, что она сложилась не сразу. Провинціи приростали въ ней постепенно, медленно; притомъ важнѣйшія изъ нихъ были пристегнуты уже не въ нѣжномъ возрастѣ. Передъ тѣмъ онѣ долго жили самостоятельно, успѣли выработать своеобразный типъ политическій, а отчасти даже культурный, и запастись историческими воспоминаніями. Это присоединялись не толпы, служащія матеріаломъ для націй, а самыя націи и государства.

Довольно припомнить образованіе варварскихъ государствъ на зарѣ среднихъ вѣковъ и всю исторію нашего отечества, чтобы понять, съ какимъ трудомъ рождаются политическія тѣла. А здѣсь сравнительно высокая культура, римская и славянская, боролась лишь съ инстинктивнымъ чувствомъ самосохраненія у дикихъ обитателей лѣсовъ и болотъ, у германцевъ и туранцевъ. По процессу образованія, Австрію должно сравнивать съ Востокомъ, гдѣ зачастую слагались и разлагались обширныя державы. Тамъ быстро рассыпалось даже смѣлое созданіе Александра Великаго,

который былъ не чета Габсбургамъ, который съ геніальной про-
ницательностью старался заложить прочную, культурную основу
объединенія. Габсбургъ же, съ своей политической недалеконид-
костью, болѣе походилъ на царей ассирійскихъ, чѣмъ на ма-
донскаго героя.

Быть можетъ, политика Габсбурга привела бы въ другимъ
сдѣлствіямъ, еслибы онъ съ самаго начала оперся на значитель-
ную культуру чеховъ и сдѣлалъ ее душой славянъ, этого боль-
шинства своихъ подданныхъ. Но, оставляя въ сторонѣ бесплод-
ныя предположенія и сентиментализмъ въ исторіи, должно ска-
зать, что Габсбургъ не вполне воспользовался и нѣмецкимъ эле-
ментомъ. Онъ и ему не довѣрялъ, онъ считалъ его лишь необ-
ходимымъ зломъ. Мы видѣли работу его «святыхъ опекуновъ», она
убивала нѣмецкую культуру.

Австрійскіе славяне привыкли жаловаться на ихъ онѣмече-
ніе. Но это—воплъ живучаго національнаго чувства, который
именно доказываетъ противное. Слабость нѣмецкаго элемента въ
Австріи ощущается живо, когда припомнишь силу французскаго
вліянія въ Эльзасѣ и Лотарингіи, и прусскаго — въ польскихъ
областяхъ.

Оттого-то, повидимому, Габсбургъ сдѣлалъ все, чтобы пода-
вить національный духъ въ своихъ владѣніяхъ, а цѣли не до-
стигъ. Уже не говоримъ про раньше отвалившіяся отъ Австріи
земли—про Миланъ, Венецію, Неаполь, Силезію, но довольно
такихъ свидѣтелей, какъ мадьяры, чехи и бельгійцы. Мадьяры
не разъ встряхивали габсбургскою короной; у нихъ ненависть
къ Габсбургу преодолѣвала даже религіозный фанатизмъ: они
приводили турокъ къ стѣнамъ Вѣны. Мадьяры не измѣнились
даже послѣ суда въ Эперіесѣ, гдѣ палачи рубили головы ихъ
вельможамъ до тѣхъ поръ, пока въ Пештѣ не признали наслѣд-
ственности венгерской короны въ домѣ Габсбурговъ. Пусть не
указываютъ намъ на пресловутое «*mogiamur pro rege nostro!*
(умремъ за нашего короля)». Это—сказка, созданная вѣнскими
предворцами, изъ которой потомъ и мадьяры извлекли свою
вользу. Это кричалъ супругъ Маріи-Терезіи, а Венгрія выста-
вила тогда требованія, которыя подрывали въ корнѣ господство
Габсбурговъ. Эти требованія повторились въ 1848 и 1866
годахъ, и всѣмъ извѣстно, къ чему привели они. Бельгійцы воз-
стали и едва не отдѣлились при томъ Іосифѣ II, который самъ
былъ врагомъ габсбургскихъ порядковъ. Славяне все еще заяв-
ляютъ о своей еще неугасшей народности и не нуждаются въ
историческихъ свидѣтельствахъ.

Вообще стоить прослѣдить отношенія народовъ Австріи къ Габсбургу въ трудныя минуты его жизни, чтобы опѣнить ихъ лженаціональный гимнь. Этотъ плацъ-парадный паеосъ ничего не выражаетъ. Силезцы нисколько не опечалились, когда отошли къ Пруссіи. Въ Австріи никто не чувствовалъ себя оскорбленнымъ, когда Карль VII баварскій отнялъ императорскую корону у Маріи-Терезіи, насмѣхаясь надъ Прагматической Санкціей. А эта бумага, утверждавшая наслѣдство за женщиной, была не дешево куплена вымиравшимъ Габсбургомъ у своихъ народовъ. Онъ обязался передъ сеймами Венгріи, Чехіи и Австріи соблюдать ихъ древнія привилегіи.

Вторая причина, почему Габсбургъ не превратился изъ леннаго господина въ государя, кроется въ его отношеніяхъ къ Германіи. Изъ Габсбурга не выработалось даже австрійскаго монарха, а онъ долженъ былъ играть роль нѣмецкаго императора. Съ Рудольфа до паденія священной римско-нѣмецкой имперіи, въ теченіи 533 лѣтъ (1273—1806), Габсбурги 397 лѣтъ занимали императорскій престолъ, и съ 1437 года непрерывно.

Въ послѣднее время въ Германіи привыкли приписывать всѣ бѣдствія покойной имперіи Габсбургу. Читатель увидитъ ниже, что мы не намѣрены брать на себя неблагодарную роль защитниковъ Габсбурга даже въ этомъ отношеніи. Но мы должны дополнить односторонній взглядъ нѣмецкихъ историковъ эпохи объединенія Германіи. По крайней мѣрѣ, иначе мы не въ силахъ уяснить себѣ отчетливо изучаемое явленіе.

Имперія, съ своей стороны, много повредила Габсбургу. Связь съ нею превращала Австрію въ европейскую, въ великую державу, притомъ съ раннихъ поръ, когда эта страна была еще слаба матеріально. Она отнимала у Габсбурга досугъ, когда онъ могъ бы оглядѣться у себя дома, заняться своими внутренними дѣлами.

Европейская роль вообще тяжела. За гордое сознаніе участія въ судьбахъ человѣчества народъ платится внутренней тревогой. Онъ вовлекается въ войны и нерѣдко въ міровыя стремленія, которыя изнуряютъ его. Особенно нужно имѣть въ виду это замѣчаніе при сужденіи о нѣмецкой великой державѣ.

Германія—средоточіе Европы. Она принуждена оглядываться на всѣ четыре стороны. Отдаленные острова, Сицилія, Англія и Архипелагъ, входятъ въ кругъ ея политики точно такъ же, какъ Парижъ, Римъ и Петербургъ. Кромѣ того, Габсбургъ, какъ ни прозаична его натура, долженъ былъ подчиниться преданіямъ, примыкавшимъ къ замку Каноссъ, къ именамъ гвельфовъ и гв-

белиновъ. Онъ не могъ выкинуть изъ головы Италию, упитанной нѣмецкой кровью, и папство, съ которымъ слита вся исторія нѣмецкихъ императоровъ. Средневѣковыя воззрѣнія тѣснились въ его душу. Послѣднимъ рыцаремъ, Донъ-Кихотомъ на тронѣ, былъ Габсбургъ Максимилианъ I, этотъ современникъ Лютера, очарованный «красавицей Италией», пропитанный романтизмомъ Гогенштауфеновъ.

Кромѣ мировыхъ стремленій, навѣянныхъ Германіей, государственныи бытъ имперіи вліялъ на внутреннюю политику Австріи. Могъ ли не увлекаться имъ Габсбургъ, стоя во главѣ его, совершая феодальные обряды, которые одни только льстили его самолюбію при пустомъ титулѣ императора? Габсбургъ вынесъ средневѣковыя преданія съ своей швабской родины. Онъ нашелъ ихъ цвѣтущими въ эрцгерцогствѣ Австріи. Онъ былъ окруженъ въ имперіи безжизненной, но величавой атмосферой феодализма.

Мы подошли къ весьма важнымъ отношеніямъ между Габсбургомъ и нѣмецкой имперіей. Теперь должно разобрать другую сторону вопроса. Попробуемъ выяснитъ, въ чемъ состояло вліяніе Габсбурга на имперію.

Мы снова попадаемъ въ рядъ противорѣчій. При всемъ фамиліномъ сходствѣ между Австріей и Германіей, онѣ были совершенно чужды и даже враждебны другъ другу.

Политическая отчужденность между ними возникла съ рожденія Австріи. Privilegium 1156 года доставило ей дѣйствительно привилегированное положеніе въ имперіи. Это «наслѣдственное и нераздѣльное» владѣніе Габсбурга сразу стало отрѣзаннымъ ломтемъ въ Германіи. Такимъ оно осталось навсегда. Имперское законодательство, при всякихъ перемѣнахъ въ немъ, поддерживало политическую отчужденность Австріи. Даже коренная реформа имперской конституціи въ концѣ XV-го вѣка не закрѣпила связей между Германіей и ея восточнымъ привѣскомъ. Напротивъ, Австрія была совсѣмъ изъята изъ круга имперскаго правосудія, да еще воздвигла собственный имперскій надворный совѣтъ, подавлявшій значеніе рейхскаммергерихта. Мы уже видѣли какъ мало касалась имперская администрація округовъ «австрійскаго и бургундскаго». Мало того. Если эрцгерцогство Австрія и Бельгія были хоть номинально пристегнуты къ имперіи, то Богемія, Силезія, Моравія, Галиція, Венгрія все не причислялись къ ея округамъ. Всѣ имперскія обязанности Габсбурга состояли въ доставленіи арміи да грошоваго сбора на вѣцларское судилище. Но этотъ сборъ былъ хронической недомыслией, на которую въ Регенсбургѣ уже давно махнули рукой. А

австрійская армія была вполнѣ самостоятельна. Она подчинялась собственнымъ командирамъ даже въ войнахъ, веденныхъ отъ имени имперіи. Словомъ, вся политическая связь между Австріей и Германіей заключалась въ «личной уніи». Передъ Маріей-Терезіей случайно попалъ на императорскій престолъ баварецъ (Карль VII). Онъ царствовалъ не долго; но все-таки при немъ Германія была въ войнѣ съ Австріей.

Политической отчужденности соотвѣтствовала культурная.

Въ отдаленную восточную Украйну мало проникла нѣмецкая мысль даже въ средніе вѣка. Австрійскіе нѣмцы не участвовали въ блестящей подготовкѣ реформаціи. А какъ только коснулось ихъ протестантское движеніе, тотчасъ же появились святые патеры. Однимъ изъ прямыхъ слѣдствій работы іезуитовъ было окончательное умственное отчужденіе Австріи отъ Германіи. Ничто не подвергалось въ Австріи такому яростному преслѣдованію съ ихъ стороны, какъ нѣмецкій учитель, нѣмецкія книги, мысли, возникшія за предѣлами Австріи. Ни съ какой стороны не замышляли они щелей такъ тщательно, какъ съ сѣверо-запада, откуда могъ подуть вѣтеръ, зараженный протестантизмомъ.

Чѣмъ усерднѣе работали патеры, тѣмъ больше разверзалась умственная пропасть между австрійскими и германскими нѣмцами. Въ прошломъ вѣкѣ послѣдніе почти не сталкивались между собой даже внѣшнимъ образомъ. Австрійца съ трудомъ выпускали за западную границу. Ѣздили только вельможи, но ихъ манилъ веселый Парижъ да bella Italia. Когда, въ концѣ XVIII-го столѣтія, забилъ родникъ нѣмецкаго «просвѣщенія», австрійскій нѣмецъ почти ничего не зналъ о немъ. Когда повсюду гремѣла слава Гёте, онъ зналъ его по слуху и восторгался доморощенными поэтами. Съ «Страданіями Вертера» его познакомила заѣзжая труппа итальянскихъ арлекиновъ, которая украсила свиданіе Вертера съ Лоттхенъ фейерверками, хлопушками и брилліантовыми «славами». Когда въ Германіи былъ богатырскій «періодъ бурныхъ стремленій», въ Австріи господствовала тишина кладбища. Это было очарованное спящее царство, охраняемое по границамъ неусыпной арміей черныхъ рясъ.

Понятно, что между Австріей и Германіей должна была образоваться полная отчужденность въ стремленіяхъ и цѣляхъ. Онѣ пролинали другъ друга, и обѣ съ равнымъ правомъ.

Мы видѣли, чего стоила Австріи связь съ имперіей. Но она была тяжелымъ игомъ и для имперіи. Габсбургъ и внѣ своей монархіи не могъ ничего постигнуть, кромѣ династическаго интереса. Онъ и сюда вносилъ свой мистическій Staatsraison или «го-

сударственную пользу». Онъ стремился превратить Германію въ орудіе своихъ личныхъ цѣлей. Габсбургъ много воевалъ во главѣ имперскихъ войскъ, и любилъ кричать о своемъ самопожертвованіи для фатерланда. Но въ сущности это была эксплуатация фатерланда. Габсбургъ боролся съ турками изъ-за своей Венгрии, съ французами—изъ-за своихъ Нидерландовъ, Испаніи и Италіи. Въ то же время Франція, при его участіи, приобрѣла много нѣмецкихъ земель. Она, можно сказать, подкупала его самого точно такъ же, какъ его полководцевъ и министровъ. Габсбургъ тревожился, проявлялъ энергію, когда опасность угрожала Вѣнѣ или Брюсселю, и былъ неповоротливъ, когда французы хозяйничали по-сю сторону Рейна.

Во время реформации, Габсбургъ, съ несвойственной ему отвагой, поднялъ мечъ на свое отечество. Столь же энергически опустошалъ онъ Германію въ Тридцатилѣтнюю войну, наводняя ее полчищами испанцевъ, итальянцевъ, мадьяръ и славянъ. И тогда-то погибъ для Германіи Metzъ, освобожденіе котораго потребовало столько всенѣмецкой крови, 222 года спустя, а Габсбургъ приобрѣлъ еще больше силы въ истощенной Германіи. Затѣмъ, Лудовикъ XIV преспокойно, среди мира, забиралъ пограничныя нѣмецкія земли, въ томъ числѣ Страссбургъ, а Габсбургъ стягивалъ имперскія войска въ Вѣнѣ, чтобы подавить мятежъ мадьяръ, которые привели турокъ подъ стѣны столицы. Когда палъ Людовикъ XIV, всѣ его враги пощипали французскаго орла, и Габсбургъ получилъ больше всѣхъ—чуть не всю Италію и Бельгію, а на Германіи остались всѣ пятна позора и всѣ раны, полученныя ею въ эпоху могущества блестящаго французскаго хищника. Во время войны за австрійское наслѣдство, Германія, отстаивая Марію-Терезію, была снова опустошена, но ничего не получила въ награду и рада была, что у нея хоть ничего не отняли.

Габсбургъ не только не былъ стражемъ на Рейнѣ, но самъ посматривалъ на Германію взоромъ хищника. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы оторвать клочокъ земли отъ имперіи и присоединить къ своему «наслѣдію». При всякомъ удобномъ случаѣ онъ ястребомъ налеталъ на фатерландъ.

Впрочемъ, у Габсбурга не было отваги, силы на подвигъ, хотя бы и отрицательнаго достоинства. Онъ и здѣсь придерживался іезуитско-жидовской политики. Браки и семейные договоры, подкупы и обманы, покупка и обмѣнъ земель, словомъ, политическое торгашество—вотъ германская система Габсбурга. Къ концу прошлаго вѣка онъ уже успѣлъ опутать верхнюю Гер-

манію съ востока, юга и запада. Здѣсь у него было много наслѣдственныхъ владѣній на верхнемъ Рейнѣ и въ Швабіи. Къ нимъ присоединялись разбросанныя повсюду землицы и феодальныя права, пріобрѣтенныя имъ подъ шумокъ. Здѣсь Габсбургу мѣшала только крупныя Виртембергъ и Баварія, но онъ уже дважды овладѣвалъ первымъ; а въ Баваріи до того распространились его интриги, что она едва не была поглощена при Иосифѣ II. Сѣверъ Германіи Габсбургъ надѣялся захватить, проведя мины изъ своего бургундскаго округа и пользуясь вліяніемъ императорской власти на мелкихъ фюрстовъ. Любопытно, что даже наканунѣ XIX-го вѣка у него еще мелькала надежда сдѣлать императорскую корону наслѣдственною въ своемъ домѣ. А тогда уже стоялъ у него поперекъ дороги отважный Гогенцоллернъ съ мечомъ въ рукѣ, на которомъ дымилась свѣжая австрійская кровь.

Однимъ словомъ, Габсбургъ, стражъ германской земли, былъ первымъ ея разорителемъ. То же самое противорѣчіе замѣчаемъ въ его отношеніяхъ къ государственному строю Германіи.

У нѣмцевъ было давно смутное пониманіе корня ихъ бѣдствій. Они давно ощущали крайнюю необходимость національнаго единства. Съ другой стороны, фюрсты, особенно болѣе крупныя, сознавая свою слабость, помышляли о взаимной порукѣ. Идея федераціи имѣетъ свою исторію въ Германіи. Развившись, она произвела бы германскій *соур д'ѣта*; но поэтому-то Габсбургъ ненавидѣлъ ее и боялся, какъ огня.

Федерація—смертельный ударъ для Австріи. Она доставила бы имперіи самостоятельность и подвосила бы вліяніе Габсбурга въ фатерландѣ. Она смела бы весь Содомъ мелкихъ владѣльцевъ. Имперскіе графы и юнкеры, города и села, аббаты и каноники были бы поглощены крупными фюрстами. А эти-то политическіе уродцы и были послушнымъ орудіемъ Габсбурга, изъ нихъ-то набиралась его конституціонная армія въ Германіи—партія «цезаріанцевъ». Ближайшихъ изъ нихъ Габсбургъ уже совсѣмъ приручилъ, оставивъ имъ одни титулы; отдаленныхъ онъ защищалъ отъ поглощенія фюрстами, что обезпечивало за нимъ ихъ преданность. Наконецъ, федерація неизбѣжно стала бы собирательницей нѣмецкой земли. Она потребовала бы у Габсбурга его нѣмецкую добычу.

Чѣмъ менѣе было внутренняго сродства между Австріей и Германіей, тѣмъ крѣпче держался Габсбургъ за внѣшнія связи—за свои нѣмецкія земли да за имперскую конституцію. Онъ первый поднималъ крикъ на всю Европу, какъ только опасность

угрожала имперскому наряду. Онъ подавлялъ проявленія конституціонной жизни въ Германіи. Послѣ своего церемоніала, Габсбургъ ничего не зналъ такъ хорошо, какъ имперскую конституцію, и съ фанатизмомъ іезуита защищалъ въ ней каждую букву. Онъ же былъ такъ опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ и такъ сраденъ къ нимъ! Вѣдь это значило прославиться на всю Европу, въ смыслѣ охранителя, главнаго столпа существующаго порядка, зачинателя революцій.

Габсбургъ до того свыкся съ противорѣчіями, изъ которыхъ складалась его жизнь, что не чувствовалъ, въ какую политическую величественность впадалъ онъ здѣсь. Онъ не допускалъ федераціи въ Германіи, которая была бы переходомъ отъ феодализма къ монархіи, а самъ мечталъ превратить фатерландъ въ австрійское государство. Онъ всегда готовъ былъ возжечь эту центральную революцію, отъ которой дрогнула бы вся Европа. Іосифъ II смѣло затѣялъ ее—и едва самъ не погибъ подъ ея первыми ударами.

Но въ отношеніяхъ между Габсбургомъ и Германіей было еще болѣе серьезное противорѣчіе. Они мѣшали, вредили другъ другу, а не могли жить врознь, нуждались другъ въ другѣ. Это—насильственный, но нерасторжимый бракъ. Только иностранный, притомъ наполеоновскій мечъ могъ разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ, и то лишь умертвивши германскую имперію.

Габсбургъ чувствовалъ, что если отнять у него Германію—онъ погибъ, не только рушится его европейское значеніе, но и расплывется его Австрія, его дорогое «наслѣдіе». Онъ не могъ смолоду превратиться въ славянина; онъ навсегда остался нѣмцемъ—и нѣмецкій элементъ былъ единственной связью въ его владѣніяхъ, которая поддерживала личную унію. Какъ ни былъ слабъ этотъ элементъ, какъ ни заглушалъ его династическій интересъ, его слѣды можно было замѣтить повсюду,—въ трансильванскомъ колонистѣ, въ командирѣ военной границы, въ венгерскомъ чиновникѣ, въ чешскомъ вельможѣ, въ вездѣсущемъ нѣмецкомъ учителѣ. Слѣдующій любопытный фактъ поясняетъ, какъ нуждается Габсбургъ въ фатерландѣ. Австрія, пропитанная деспотизмомъ и іезуитствомъ, естественно всегда жаловалась на недостатокъ «людей». Она брала ихъ взаймы у Германіи. Тутъ были всѣіе полезные люди, начиная съ мастеровыхъ и кончая инженерами. Внутреннее управленіе часто поручалось въ Вѣнѣ германскимъ нѣмцамъ. Конечно, тутъ часто попадались протестанты, но имъ позволялось лишь наружно переходить въ католичество и даже не посѣщать вѣнскія церкви. Въ этомъ случаѣ Габсбургъ смотрѣлъ на вещи просто. Одному путешественнику говорили въ

Вѣнѣ, въ прошломъ вѣкѣ: «когда встрѣтится надобность, мы обращаемъ нѣсколько штукъ сѣверныхъ нѣмцевъ въ католиковъ — и этого хватаетъ намъ надолго».

Германія, съ своей стороны, не могла обойтись безъ Габсбурга. Не даромъ она всегда выбирала его въ императоры. Еслибы не образовалось этого обычнаго престолонаслѣдія, Германію часто посѣщали бы бѣдствія борьбы за императорскую корону, которыми переполнены средніе вѣка. Габсбургъ, какъ глава имперіи, придавалъ хоть какую-нибудь связь этой грудѣ владѣній; безъ него она совсѣмъ развалилась бы, а главное—была бы подорвана ея будущность. Безъ внѣшняго единства негдѣ было бы развиваться національной идеѣ. Личная унія Габсбурга была, конечно, плохую формой, но все-таки формой, сосудомъ, въ которомъ приготовлялась нѣмецкая нація. Безъ этой формы иностранцы не церемонились бы съ Германіей и поглотили бы всю ее. При ней, прежде чѣмъ нападать на нѣмцевъ, нужно было подумать и обзавестись союзами; при ней Германія была великою державой, а война съ нею—грознымъ европейскимъ вопросомъ. Въ политикѣ рутина могущественна; здѣсь самая гнилая форма больше значить, чѣмъ самое свѣжее содержаніе.

Внутреннія отношенія Германіи приводили къ тому же слѣдствію. Мы уже знаемъ, что значила имперская конституція для фюрста (гл. XI). Онъ, конечно, былъ бы радъ, еслибы она провалилась, но только когда онъ окрѣпнеть, станетъ монархомъ, до тѣхъ же поръ онъ дорожилъ ею не менѣе Габсбурга и былъ завзятымъ консерваторомъ. Пока фюрстъ былъ слабъ—а онъ всегда былъ слабъ, и напрасно мечталъ объ усиленіи—имперская конституція была для него истинною благодатью. Онъ немедленно изобрѣлъ бы ее, еслибы ее не было.

Фюрстъ и Габсбургъ — заклятые враги. Они хотятъ нанести другъ другу смертельный ударъ — и одинаково ненавидятъ конституцію, которая не дозволяетъ имъ размахнуться. Но эта конституція—неизбѣжный союзникъ каждаго изъ нихъ. Какъ только противники сразятся, побѣдитель, кто бы онъ ни былъ, немедленно разорветъ ветхую хартію, но пока идетъ подготовка къ бою, они одинаково ревностно защищаютъ ее. Когда отважный Гогенцоллернъ, Фридрихъ II-й, воснулъ конституціи, напавши неожиданно на главу имперіи, фюрсты тотчасъ же сгрушировались на сторонѣ Австріи съ обнаженными мечами. А когда выродокъ изъ Габсбурговъ, Іосифъ II-й, безцеремонно попралъ конституцію, захвативши Баварію, образовался «союзъ фюрстовъ» подъ руководствомъ Фридриха II-го.

Мы уже не разъ упомянули Пруссію и Гогенцоллерна. Дальнѣйшее изложеніе становится невозможнымъ безъ обрисовки этихъ новыхъ участниковъ германской драмы.

XIV.

ПРУССКІЙ ГОГЕНЦОЛЛЕРНЬ.

Между истоками Неккара и Дуная, близъ города Гехингена, на одномъ изъ утесовъ Швабской Юры, стоитъ замокъ *Гогенцоллернъ*. Много столѣтій смотреть онъ на долину, разстилающуюся у его ногъ. Онъ былъ уже давно насиженнымъ разбойничьимъ гнѣздомъ, когда впервые отмѣчаются въ лѣтописи, подъ 1050 годомъ, имена двухъ его владѣльцевъ—графовъ Гогенцоллерновъ.

Однимъ изъ первыхъ фактовъ въ исторіи Гогенцоллерновъ была ихъ дружба и родство съ фамиліей швабскихъ же графовъ Габсбурговъ. Землики и жили неподалеку другъ отъ друга. Гогенцоллерну стоило только перевалиться черезъ Швабскую Юру и переплыть Рейнь, чтобы попасть въ гости въ Габсбургъ. Около 1250 года встрѣчаемъ въ лѣтописи имя Гертруды Гогенцоллернъ, отъ которой произошли всѣ Гогенцоллерны и Габсбурги: она была женой перваго императора изъ рода Габсбурговъ, Рудольфа. Съ этихъ поръ, въ одно время, зарождается могущество обоихъ фамилій. Разными средствами, но больше всего браками, Гогенцоллерны приобрѣли богатые имѣнія во Франконіи и въ Австріи, а также важный имперскій постъ — бургграфство Нюрнбергъ ¹⁾: съ послѣднимъ была связана судебная и военная власть надъ всю Франконскою провинціей. Особенно разбогатѣли Гогенцоллерны въ смутное время, послѣ Гогенштауфеновъ, когда Германія была на краю гибели. Они попользовались бѣдствіями отечества заодно съ своими друзьями, Габсбургами. Затѣмъ, бургграфъ Фридрихъ III-й выбивался изъ силъ, чтобы доставить императорскую корону Рудольфу, о которомъ и не думали курфюрсты. Такъ

¹⁾ Первымъ бургграфомъ нюрнбергскимъ былъ *Фридрихъ I* († 1201). Его сыновья раздѣлили обширные отцовскія владѣнія. Одинъ, Конрадъ, взялъ Нюрнбергъ, Франконію и австрійскія земли; другой, Фридрихъ II, получилъ швабскія владѣнія. Отъ перваго пошла *франконская* линія Гогенцоллерновъ, въ которой принадлежать прусскіе короли; отъ втораго — *швабская*, представителями которой служатъ нынѣшніе фюрсты von Hohenzollern.

Гогенцоллерны посадили Габсбурговъ на престолъ германской имперіи.

Прошло почти полтора вѣка. Друзья-земляки продолжали трудиться надъ утвержденіемъ своихъ домовъ. Гогенцоллерны походили на первыхъ Габсбурговъ характеромъ. Они копили деньги и вели образцовое хозяйство, доходя въ расчётливости до скряжничества. У нихъ не было рыцарской спѣси и буйнаго нрава; они не втягивались въ распри феодаловъ. вмѣсто того, чтобы гордо драться съ нюрнбергцами, которые роптали на ихъ стѣснительныя права, они продавали имъ эти права одно дороже другого. Гогенцоллерны не держали денегъ въ сундугѣ, но и не рисковали. Они давали займы забякамъ-рыцарямъ и Габсбургамъ подъ залогъ земель. Гогенцоллернамъ было рѣшительно все равно, кто ни сидѣлъ на императорскомъ престолѣ. Они вѣрно служили баварцу, люксембургцу, Габсбургу, съ каждымъ спѣшили породниться, и отъ каждаго получали новыя земли и привилегіи. Оттого-то какъ въ Швабіи Габсбурги, такъ во Франконіи Гогенцоллерны были первою феодальною фамиліей, по своему богатству и значенію. Въ 1411 году ихъ посѣтило новое и небывалое счастье: императоръ Сигизмундъ передалъ бургграфу Фридриху VI-му Бранденбургскую Украину (Марку) въ «наслѣдственное правленіе», по закладной въ 150,000 золотыхъ гульденовъ ¹⁾.

Бранденбургская Украина ровесница Австрійской: разомъ возникли эти два нѣмецкіе оплота противъ славянства. Но судьба ихъ различна: въ Австріи тотчасъ же утвердился феодализмъ, въ Бранденбургѣ же, еще съ половины XII-го вѣка, зародился новый порядокъ вещей. Здѣсь лѣтъ полтораста управлялъ замѣчательный асканскій или ангальтскій домъ, даровитый и энергическій. Маркграфы этой фамиліи не знали покоя. Они вѣчно воевали то съ славянами-язычниками, то съ внутренними врагами—съ «кюнкерами» да епископами. Они были почти независимы отъ имперіи, этого гнѣзда феодализма, и распорядились на своей Украинѣ, какъ монархи,—«по своему собственному благоволенію (bei sein selbst Hulden)», сказано въ тогдашнихъ законахъ. Въ борьбѣ съ вассалами асканцы опирались на низшіе классы. Они

¹⁾ По общепринятому мнѣнію, Сигизмундъ отдалъ Бранденбургъ Гогенцоллерну просто за долгъ. Но новѣйшій прусскій историкъ, Дройзенъ, старается доказать, что тутъ вовсе не было долговой сдѣлки и что Сигизмундъ нарочно составилъ закладную, чтобы упрочить Бранденбургъ за Гогенцоллерномъ. «Правда,—говоритъ онъ,—Марка была заложена бургграфу, но не за долгъ, а за издержки и труды, положенныя имъ на спасеніе почти пропащаго края» (Droysen: Geschichte der preussischen Politik, 2 Aufl., I, 204).

построили много городовъ, въ томъ числѣ Берлинъ (1200—1220) и призвали колонистовъ изъ Германіи. Тогда Бранденбургъ былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ новаго времени въ Европѣ. И онъ достигъ такого могущества, что съ половины XIII-го вѣка превратился въ курфюршество, т. е. сталъ рѣшать судьбу имперіи.

Эти успѣхи были приостановлены, когда вымеръ асканскій домъ (1319 года). Тогда настала печальная пора. Маркграфы часто мѣнялись, и это были личности одна другой ничтожнѣе. Феодализмъ разгулялся, поддерживаемый примѣромъ Германіи, гдѣ было въ разгарѣ вулачное право. Среди болотъ и лѣсовъ возникли замки, въ которыхъ скрывались хищные вассалы. Тогда-то сложился типъ прусскаго «юнкера».

Это—особый отпрыскъ великой семьи рыцарей. Европейскій рыцарь жилъ на неприступномъ утесѣ и нерѣдко обладалъ множествомъ земель, былъ потентатомъ. При всемъ его развратѣ, это внушало ему сознание собственного достоинства, какъ высшаго члена общества. Онъ нѣсколько стыдился своего разбойничества, и хоть на словахъ не отрицалъ правилъ рыцарской чести. Онъ зналъ наизусть старыя «пѣсни любви», которыми прикрывалъ свой пошлый взглядъ на женщину. Но въ то же время европейскій рыцарь, опираясь на матеріальныя средства, мало полагался на свои личныя силы, былъ трусливъ и совершалъ скорѣе кражи со взломомъ, чѣмъ разбой.

Не таковъ прусскій юнкеръ, черты котораго, конечно, въ новыхъ формахъ, сохранились у отдаленныхъ потомковъ, какъ видно, напримѣръ, изъ умныхъ романовъ Шпильгагена, а отчасти даже изъ современныхъ газетъ. Прусскій юнкеръ, это—мельпомѣстный степнякъ. Онъ жилъ не въ скалахъ, а на равнинѣ. Онъ былъ удаленъ отъ романтическихъ мѣстъ, гдѣ родился рыцарскій идеализмъ. Его окружалъ міръ дикарей да суровая и скудная природа. Прусскій юнкеръ привыкъ полагаться на собственный кулакъ. Это—кипучая отвага, запоздалый отголосокъ скандинавскаго берсеркерства. Это—не рыцарь, а разбойникъ, которому жизнь,—чужая ли, своя ли,—копѣйка. Прусскій юнкеръ грубъ, какъ первобытный человѣкъ. Пьянство, драка, грязное сладострастіе—вотъ его «центаврскіе» нравы. Онъ даже не прикрывается фразами, ибо признаетъ одинъ только нравственный законъ—собственныя низкія желанія. Оттого онъ искрененъ, но эта искренность порока отвратительна. Вольный казакъ, съ дикимъ азартомъ несущійся на влчѣ, съ поднятой нагайкой въ руку,—вотъ портретъ прусскаго юнкера конца XIV-го вѣка.

Въ то время юнкеры такъ опустошали Бранденбургъ, что въ немъ не оставалось живого мѣста. Тогда въ Европѣ говорили: «кто обойдетъ даже всю Германію цѣль и невредимъ, тотъ не избѣжитъ бѣды въ Бранденбургѣ». Во главѣ этихъ разбойниковъ, выступившихъ противъ «нюрнбергской сволочи», какъ называли они строгаго Гогенцоллерна, стояли: Бисмарки, Арнимы, Бредовы, Роховы, Алвенслебены, Веделли, Итцелплитцы, Шуленбургги, Гольцендорфы, Квитцовы, Путлицы, Баберштейны и др.

Но царство юнкеровъ быстро окончилось. Прибыль Гогенцоллернъ, курфюрстъ Фридрихъ I (какъ бурграфъ нюрнбергскій — Фридрихъ VI), съ своими франконцами — и въ полтора года были разрушены разбойничьи притоны. Вытѣсненные изъ своихъ замковъ, юнкеры преклонились передъ Фридрихомъ, какъ передъ своимъ государемъ. Гогенцоллерны сразу утвердили здѣсь основы абсолютизма, которыя съ тѣхъ поръ не переставали развиваться.

Ниже мы увидимъ ходъ развитія этихъ основъ. Теперь же попытаемся отвѣтить на важный вопросъ: почему, съ появленіемъ Гогенцоллерновъ, въ Бранденбургѣ сразу возникло государство? Почему здѣсь сразу былъ рѣшенъ споръ между монархіей и феодализмомъ, который повсюду тянулся долго и стѣбля потоковъ крови, а въ Германіи не былъ оконченъ до самаго Наполеона I?

Конечно, важно, что лѣтопись говоритъ о «большихъ пищаляхъ» (grosse Büchsen) франконцевъ. Уже шель XV вѣкъ. Но и изъ замковъ летѣли пули. Къ тому же юнкерская драма въ Бранденбургѣ разыгралась болѣе чѣмъ за полвѣка до рожденія Людовика XI, Фердинанда и Изабеллы и до начала войны «бѣлой и алой розы». И она окончилась въ одинъ походъ, можно сказать безъ кровопролитія, сравнительно съ тѣми ужасами, которыми сопровождалось истребленіе рыцарей во Франціи, Англии и Испаніи.

Причины зарожденія прусской монархіи лежатъ глубже — въ естественныхъ и общественныхъ условіяхъ страны.

Бранденбургъ въ Германіи — то же, что суздальская земля на Руси. Берлинъ, почти ровесникъ Москвѣ, былъ предназначенъ для такой же исторической роли, какъ и она. На этой нѣмецкой Украинѣ не было живописныхъ ущелій и неприступныхъ утесовъ, гдѣ таятся орлиныя гнѣзда феодальныхъ хищниковъ. Не было ни столбовыхъ дорогъ, соединяющихъ центры богатства и многолюдія, ни крупныхъ рѣвъ, гдѣ свободно возникаютъ могучіе города съ крѣпкими стѣнами и гордыми вѣчевыми башнями. Не было и тихихъ горныхъ долинъ съ свѣтлыми ручьями, призывающихъ къ созерцательной жизни, къ уединенію монастыря.

Слѣдовательно, здѣсь не было чистыхъ средневѣковыхъ типовъ — рыцаря, горожанина, прелата. Если и встрѣчались города, то они выросли не сами собой, а были созданиємъ мареграфовъ.

Бранденбургская Украина—жалкая сѣверная равнина, древнее дно морское. По ней разстился песокъ на необозримое пространство. Тамъ-и-сямъ чернѣли угрюмые лѣса да туманныя болота. Среди нихъ таились славяне—болѣе упорные и свирѣпыя звѣчники, чѣмъ финны, съ которыми пришлось бороться судальцамъ и москвичамъ. На нѣмецкой Украинѣ все было бѣдно, прозаично и скучно. Здѣсь прохожіе поэты не пѣли своихъ нѣжныхъ «пѣсень любви»; сюда не достигали отголоски романтизма южнаго рыцарства, нѣмецкихъ Мстиславовъ Удалыхъ. Идеальное и фантастическое было чуждо душѣ бранденбуржца. Онъ думалъ только о полезномъ и правдивомъ. Онъ трудился надъ неблагоприятной почвой, и грубѣлъ въ борьбѣ съ лютыми дикарями. Бранденбуржцы—всѣ на одинъ покрой: это — грубая, угрюмая и убійственно терпѣливая масса, въ которой нѣтъ отбѣнокъ, нѣтъ игры личнаго элемента.

Правда, вслѣдствіе всегерманской смуты, изъ нея выдѣлился юнкеръ, въ концѣ XIV-го вѣка. Но мы уже знаемъ, что этотъ матеріалистическій типъ—не рыцарь, а разбойникъ. И сколько ни грабилъ юнкеръ, онъ былъ голъ, какъ соколъ: ему грабить-то было нечего. Какъ ни раздувалъ онъ вѣрнопостное право, которое завелось и здѣсь съ конца XIII столѣтія, ему не хватало невольниковъ: страна была еще безлюдна, несмотря на непрерывную колонизацію изъ Германіи съ начала XI-го вѣка. Наконецъ, противъ юнкера дѣйствовало весьма прозаическое преданіе. Юнкеръ загулялъ поколѣнія на три, а передъ тѣмъ, въ теченіи пяти поколѣній, работали здѣсь суровые стражи порядка, асканцы. Мы уже видѣли, что ихъ управленіе—скороспѣлый образецъ монархизма среди разгула феодализма. Оно доказывало, что бранденбургская Украина была не имперія, а военная граница, конечно, требовавшая осаднаго положенія.

Это преданіе суждено было воскресить Гогенцоллернамъ. Имъ стоило только развивать сѣмена, посеянные асканцами въ менѣе благоприятное время, когда не было «большихъ пищалей».

Эта задача была тѣмъ легче для Гогенцоллерновъ, что они походили на Асканцевъ своими свойствами. Въ то же время они совсѣмъ разошлись съ Габсбургами. Любопытный примѣръ вліянія среды! Почти въ одно время Габсбурги вырождались, а Гогенцоллерны мужали. Новый типъ Габсбурга сложился въ испанской школѣ; типъ Гогенцоллерна выработался окончательно на

Украинѣ. Между ними такая же разница, какъ между Мадридъ и Берлиномъ.

Габсбургъ — олицетворенная флегма, Гогенцоллернъ — сантвиникъ. Тотъ идеаль консерватора, этотъ истый революціонеръ. Гогенцоллернъ отваженъ и нервенъ. Онъ любитъ играть въ большую игру, любитъ сильныя ощущенія. Онъ самонадѣянъ, какъ въ своихъ мысляхъ, такъ и въ поступкахъ. Если Гогенцоллернъ заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, онъ идетъ на проломъ и не задумывается о средствахъ. Въ минуты порыва онъ считаетъ себя стихійной силой, и тогда нѣтъ для него преградъ, нѣтъ ничего святого; тогда выступаетъ разрушительная сила его непреклонной воли и настойчивости. Онъ становится асветомъ, недоступнымъ мягкимъ движеніямъ души. Онъ не досыпаетъ ночей, не доѣдаетъ куска. Гогенцоллернъ не любитъ и не знаетъ покоя. «Immer vorwärts! Все впередъ!» къ неизмѣнной цѣли — вотъ его лозунгъ. Таковъ и вообще пруссакъ: Гогенцоллернъ — вѣрный представитель свойствъ своего народа.

Но эти революціонныя свойства — только одна сторона характера Гогенцоллерна. Съ ними какъ-то уживаются совсѣмъ другія черты, придающія солидность его порывамъ. При всей своей вдохновенности, Гогенцоллернъ такъ же не повѣтченъ, какъ природа Пруссіи. Это — практикъ и эгоистъ. Гогенцоллернъ взвѣшиваетъ всѣ мелочи предпріятія и подготавливаетъ его съ пунктуальностью ремесленника. Помня, что деньги вывели его изъ ничтожества, онъ всегда держитъ грошъ про запасъ. Чтобъ сберечь его, Гогенцоллернъ живетъ философъ-цивикомъ, экономничаетъ до скарденности. Оттого-то, если Гогенцоллернъ, какъ революціонеръ, — блестящій боецъ, военный вождь, то, какъ прозаикъ, онъ — искусный дипломатъ. Онъ любитъ вертѣть людьми, какъ куклами. Въ политикѣ онъ больше всего полагается на слабости.

Какъ натура разсудочная, Гогенцоллернъ презираетъ идеалы. Его интересъ — земной, ближайшій. Если Гогенцоллернъ взываетъ иногда къ возвышеннымъ стремленіямъ, то лишь для того, чтобы заручиться ихъ нравственнымъ влияніемъ. У Гогенцоллерна та же цѣль, что и у Габсбурга, но онъ смѣтливый дипломатъ. Сначала онъ догадался, что династическій интересъ тогда только крѣпокъ, когда сливается съ *народнымъ*. Позже онъ смекнулъ, что эта опора уже изветшала, что въ Германіи только тотъ упрочитъ свою будущность, кто привоветъ къ себѣ на помощь *національный* интересъ.

По цѣлямъ, политику Гогенцоллерновъ можно назвать не только династическою, но и сначала прусскою, потомъ — германскою; а

по средствамъ и характеру это—политика *революціонная*, соответствующая свойствамъ самой династіи и пруссаковъ. Съ нашей точки зрѣнія она представляетъ правильный организмъ, постоянно развивающійся по одной линіи. Здѣсь нѣтъ австрійскихъ противорѣчій. Намъ легко обрисовать типъ политическаго хозяйства Гогенцоллерновъ.

Династическій интересъ также древень, какъ человѣческія общества. Онъ былъ вездѣ, даже у феодаловъ, но далеко не вездѣ приводилъ онъ къ образованію прочныхъ политическихъ тѣлъ. Въ западной Европѣ онъ создалъ *государство* раньше всего на Бранденбургской Украинѣ.

Для государства прежде всего необходима крѣпкая внѣшняя форма—именно значительная и населенная территория да сильное правительство. Гогенцоллернъ никогда не упускалъ изъ виду землю. Онъ съ раннихъ поръ протягивалъ руки къ естественнымъ границамъ—къ Балтиѣ и богемскимъ горамъ, къ Вислѣ и Рейну. Онъ даже хваталъ дальше цѣли, предупреждая исторію. Такъ, въ 1618 г. Гогенцоллернъ завладѣлъ герцогствомъ Пруссіей (Восточная Пруссія) за Вислой, когда между этою землею и Бранденбургомъ еще лежалъ плотный слой польскихъ областей. Въ 1795 году онъ получилъ, опять за Вислой, новую Восточную Пруссію, которая принадлежитъ теперь Россіи. Почти въ одно время съ герцогствомъ Пруссіей Гогенцоллернъ получилъ Клеве, а потомъ и Гельдернъ—за Рейномъ; еще позже въ его рукахъ очутился весь средній Рейнъ, благодаря Вестфалии. Но нужно было наполнять пробѣлы между этими, смѣло намѣченными, границами. Гогенцоллернъ не забывалъ и этой задачи. Начиная съ 1648 года, онъ постепенно приобрѣлъ всю Померанію и Западную (польскую) Пруссію, т.-е. пополнилъ пробѣлы на востокѣ. Съ того же 1648 года онъ началъ подвигаться на западъ, захвативъ Магдебургъ и другіе города къ западу отъ Эльбы, а также Минденъ на Везерѣ, т.-е. на перепутьи между Магдебургомъ и Клеве. Въ наше время остается уже немного пробѣловъ. Прусская земля лежитъ сплошной массой, упираясь въ Рейнъ и Вислу и даже нѣсколько переступая за эти рѣки. Ей нужно приобрѣсти только Нидерланды. Затѣмъ, на югѣ одна Саксонія мѣшаетъ прусской границѣ протянуться отъ Майна до Силезіи, а на сѣверѣ одна Данія препятствуетъ овладѣть всѣмъ морскимъ берегомъ. Саксонія переживаетъ опасныя минуты, а на сѣверѣ у Пруссіи выставленъ форпостъ въ лицѣ Шлезвига, съ его нескончаемымъ національнымъ вопросомъ.

При этомъ расширеніи границъ ясно обнаружился револю-

ціонный характеръ Гогенцоллерна. Всякое новое приобретёніе означало погибель какой-нибудь отжившей средневѣковой силы — то Тевтонскаго Ордена (герцогство Пруссія), то феодальныхъ прелатовъ (Магдебургъ), то Польши и Австріи, съ ихъ устарѣлыми порядками. На нашихъ глазахъ Пруссія поглощаетъ послѣднихъ фюрстовъ, ведетъ переговоры съ парижскою коммуною, первая признаетъ неудачную испанскую республику, силится искоренить ультрамонтанство.

Тѣмъ же характеромъ отмѣчено развитіе государственной власти Гогенцоллерна.

Мы уже видѣли, какъ быстро расправился Гогенцоллернъ съ разгулявшимися юнверами. Лѣтъ сто спустя, когда эти буяны снова вздумали-было пограбить, курфюрстъ Іоакимъ I разомъ повѣсилъ ихъ штукъ сорокъ, приговаривая: «Я проливаю не дворянскую, а разбойничью кровь». Съ тѣхъ поръ совсѣмъ исчезъ феодализмъ. Юнверы стали сидѣть дома, пропивая и проживая послѣднее достояніе, а на войну они посылали своихъ кучеровъ, старостъ, рыбаковъ. Уже въ половинѣ XVII вѣка съ нихъ брали подать, взазмѣнъ личной военной службы (Lehnspfegelder).

Тогда же замолкли въ Бранденбургѣ «земскіе чины», эти нѣмецкія вѣча. Въ 1653 году было ихъ послѣднее собраніе. Въ позже приобретённыхъ земляхъ земства были сильнѣе, они протестовали нѣсколько времени. Но это былъ гласъ вошющаго въ пустынь. А если онъ не умолялъ отъ однихъ угрозъ, то съ нимъ поступали по примѣру Клеве. Тамъ, около половины XVII вѣка, земскіе чины устроили федерацію для защиты своихъ правъ, но явились солдаты изъ Берлина и расположились въ ихъ домахъ: эти гости показывали своимъ хозяевамъ бумагу, разрѣшавшую имъ дѣлать, что угодно. Два поколѣнія спустя, король Фридрихъ Вильгельмъ I уничтожилъ послѣдніе слѣды ленныхъ отношеній въ Пруссіи. На запоздалые протесты нѣкоторыхъ земствъ о своихъ правахъ онъ отвѣчалъ небрежно: «это—старая, забытая исторія». Наканунѣ революціи, если гдѣ и терпѣли остатки феодализма, то лишь въ томъ случаѣ, когда они были полезны для власти Гогенцоллерна.

Рядомъ съ искорененіемъ феодальной старины шло развитіе новыхъ элементовъ. Какъ только вспыхнула реформація, Гогенцоллерны начали покровительствовать ей, а въ 1615 году стали протестантами. Они тотчасъ же, съ своимъ практическимъ тактомъ, уразумѣли ея политическое значеніе. Они поняли, что она подрываетъ послѣднія основы средневѣковщины, и доставляетъ

фюрстамъ не только независимость отъ имперіи, но и матеріальныя средства роскошной церкви. Гогенцоллерны извлекли еще одну выгоду изъ реформаціи. Они подбирали протестантовъ, которыхъ выкидывали близорукія правительства католическихъ странъ. Ихъ пустынные земли стали убѣжищемъ для людей трудолюбивыхъ, образованныхъ и зажиточныхъ, доказавшихъ свою честность и свой характеръ добровольными страданіями. Неизмѣримъ умственный и матеріальный капиталъ, вложенный этими эмигрантами въ бѣдную нѣмецкую Украину. Наконецъ, Гогенцоллерны, сливаясь съ глубоко-національнымъ движеніемъ, приобрѣтали извѣстность, т.-е. нравственную силу въ Германіи.

Становясь на новый путь въ культурномъ отношеніи, Гогенцоллерны въ то же время быстро создавали новый политическій бытъ.

Идея этого быта опредѣлялась какъ возрѣніями Гогенцоллерновъ, такъ и историческими обстоятельствами. Мы уже замѣтили, что душой дѣятельности Гогенцоллерновъ былъ династическій интересъ, а онъ неразрывно связанъ съ властолюбіемъ. Время, когда Гогенцоллерны появились въ Бранденбургъ, было переходомъ отъ среднихъ вѣковъ къ новой исторіи, т.-е. эпохой зарожденія абсолютизма повсюду. Тогда, при неразвитости общества, нельзя было искоренить кулачное право безъ сильной власти. На нѣмецкой Украинѣ были свои условія, поддерживавшія направленіе эпохи. Этотъ «полупропащій» край—какъ называли ее тогда—истощенный разбоями юнзеровъ и разбитый на куски, могъ быть сложенъ въ цѣльную и стройную массу только вѣшнимъ могуществомъ, пришлою династіей. «Въ нашей землѣ порядка нѣтъ; придите владѣть нами»,—эта первая строка нашей исторіи повторяется и въ исторіи многихъ другихъ государствъ. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ только на сѣверѣ Германіи образовалось цѣльное владѣніе среди разной мелочи, оно тотчасъ же должно было войти въ сѣверную систему государствъ. Поставленный среди сильныхъ державъ—Голландіи, Скандинавіи и Польши, Бранденбургъ вскорѣ принужденъ былъ принять на себя европейскую роль, и тѣмъ болѣе тяжелую, что Гогенцоллернъ, какъ пришлецъ, долженъ былъ доказывать свои права на существованіе. Отсюда постоянныя войны. А онѣ вызываютъ солдатчину и укрѣпляютъ ея вождя, т.-е. ставятъ народъ въ осадное положеніе, развиваютъ абсолютизмъ.

Новый политическій бытъ началъ вырабатываться въ Бранденбургѣ съ первыхъ Гогенцоллерновъ. Уже второй изъ нихъ заслужилъ прозвище «Желѣзный Зубъ»; уже въ 1473 году явился законъ о престолонаслѣдіи по праву первородства и о нераздѣль-

ности Бранденбурга. Тогда же церковь и города, построенные Гогенцоллернами, уже почти вполнѣ зависѣли отъ нихъ. Только юнкеры, хотя и усмиранные, кичились еще своими древними правами и кричали свое veto на земскихъ сеймахъ. Въ началѣ XVI вѣка мы уже находимся въ монархической атмосферѣ, гдѣ даже носятя имена: «regnum, imperium». Эти ученые слова принадлежать питомцамъ университета въ Франкфуртѣ-на-Одерѣ, основаннаго Гогенцоллерномъ для изученія римскаго права, идея котораго—абсолютизмъ цезарей. А сто лѣтъ спустя, подлѣ арміи священнослужителей и ученыхъ, у Гогенцоллерна явилась армія чиновниковъ. Она была набрана изъ темныхъ лицъ, всѣмъ обязанныхъ курфюрсту, извлечшему ихъ изъ ничтожества. Но не было еще солдатъ и денегъ, этихъ нервовъ абсолютизма.

Бранденбургъ совсѣмъ превращается въ государство при Фридрихѣ-Вильгельмѣ, прозванномъ поэтому «великимъ курфюрстомъ» (1640—1688). Фридрихъ-Вильгельмъ — прусскій Петръ Великій. Между ними есть сходство даже въ характерѣ, но особенно въ задачахъ. Великій курфюрстъ былъ неуспыннымъ работникомъ на тронѣ. Онъ отличался практическимъ тактомъ, романтизмъ среднихъ вѣковъ былъ чуждъ его душѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ не былъ фанатикомъ въ религіи: ему было все равно, кто во чтѣ вѣруетъ, лишь бы было побольше подданныхъ — и онъ призывалъ въ себѣ переселенцевъ отовсюду. Не было у него и политическаго доктринерства. Знаменитый Staatsraison оправдывалъ въ его глазахъ всякое направленіе. Великій курфюрстъ изъ политическихъ выгодъ воевалъ за голландскую республику противъ, Людовика XIV, и за англійскую революцію противъ Якова II. Но этотъ практикъ былъ широкая, гогенцоллернская натура. Онъ завелъ флотъ, который осмѣлился соперничать съ испанскими армадами и достигалъ Гвиней. Онъ создалъ армію, которая дерзнула сразиться съ французами и шведами, и даже побѣдить. Фербеллинъ—его Полтава, Померанія—его Петербургъ. Уничтоживъ ленную зависимость отъ Польши, великій курфюрстъ оковчательно сбросилъ съ Бранденбурга оковы сильныхъ сосѣдей.

У великаго курфюрста каждый внѣшній успѣхъ сопровождался новымъ ударомъ феодализму. Его вѣрнымъ союзникомъ было время. Тридцатилѣтняя война разрушила все, а слѣдовательно и феодальные порядки, и зародыши культуры. Повсюду царствовала анархія и невѣжество, отупѣніе массъ. Все ждало грубой и коварной, но дѣйствительной силы, военной диктатуры, а съ запада доносились отголоски идеи абсолютизма, искусно выработанной французами. Во время войны некогда было спрани-

ваться у земскихъ чиновъ: деньги и солдатъ собирали безъ ихъ позволенія. Утихла буря, а новый порядокъ, родившійся изъ крови и разрушенія, остался. Великій курфюрстъ ввелъ акцизы — постоянный налогъ съ предметовъ потребления, — и на это на-вербовалъ постоянную армію. Затѣмъ онъ утѣшилъ юнкеровъ тѣмъ, что утвердилъ ихъ помѣщичьи права, т.-е. пожертвовалъ крестьянами, — и за это отнялъ у нихъ политическую власть, закрылъ земства. Стали управлять не средневѣковые «чины» и коллегіи, а самъ курфюрстъ «изъ кабинета» (im Geheim).

Результатъ правленія великаго курфюрста поразителенъ. Въ польвѣа была сломлена сила древняго сословнаго начала и провинціального духа; было поднято мѣщанство на счетъ феодальной аристократіи; была введена та система армій, финансовъ и законовъ, которая нынѣ вознесла Пруссію на степень важнѣйшей державы въ Европѣ. Страна, стоявшая въ Германіи на пятомъ планѣ, послѣ Австріи, Саксоніи, Пфальца и Баваріи, выдвинулась на второй.

Дѣло великаго курфюрста было заложено прочно. При его сынѣ, Фридрихѣ I, его признала Европа, даровавшая бранденбургскому курфюрсту титулъ *прусскаго короля* (1701). При его внукѣ, Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, было увѣнчано зданіе старой прусской монархіи.

То была неотесанная, циклопическая постройка, и Фридрихъ-Вильгельмъ I — послѣдній представитель типа Гогенцоллерновъ-пеллаговъ. Этотъ солдатъ на тронѣ — натура крайне грубая, первобытная, но желѣзная и цѣльная. Фридрихъ-Вильгельмъ I посвятилъ всего себя «государственной польвѣ», за которой не видѣлъ никакихъ другихъ правъ — ни гражданскихъ, ни личныхъ. Онъ смелъ послѣдній средневѣковой соръ и занялся подтягиваніемъ всѣхъ сферъ жизни въ одному идеалу порядка. Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ на свою задачу просто, не мудрствуя лукаво. Побольше солдатъ да денегъ — и основа политики обезпечена. Мы видимъ у него первый намекъ на всеобщую воинскую повинность: онъ набиралъ, сколько нужно, солдатъ, обучалъ ихъ и распускалъ по домамъ. Подлѣ этихъ «синихъ дѣтотъ» и «долговязыхъ ребятъ» по всей странѣ разсыпалась армія чиновниковъ, получившихъ строгую организацію. Это былъ первый *систематическій* бюрократизмъ въ Европѣ. Чиновники стали опекунами гражданъ во всемъ. Это были даже новые цензоры нравовъ и со-вѣсти.

Солдатчина, чиновничество, покорное мѣщанство — вотъ элементы государства прошлаго вѣка, замѣнившіе средневѣкового

рыцаря, прелата и гордаго бюргера. И всѣ они тянутъ не врознь, а къ одному могущественному центру. Надъ ними стоитъ, на неизмѣримой высотѣ, Staatsraison или непостижимая «тайна жизни государства» (arsana imperii), какъ говаривали юристы римскихъ цезарей. Фридрихъ-Вильгельмъ I выражался проще, въ духѣ своей первобытной наивности. «Мы», говорилъ онъ, «можемъ дѣлать, что угодно, ибо мы—король, и не нуждаемся ни въ какомъ помощникѣ». У него честь, свобода, жизнь человѣка зависѣли отъ подобныхъ лаконическихъ фразъ: «чепуха (Narrenprosen)!.. Долой—и конецъ (platt cassirt platt abgeschlagen)!.. Вотъ онъ пролежитъ у меня три дня подъ палками на гауптвахтѣ!» Однажды университетъ жаловался королю, что солдаты избили одного студента. «Не разсуждать! То мои подданные»—былъ отвѣтъ. Въ другой разъ солдаты возроптали на дурное помѣщеніе. Тотчасъ же было велѣно евреямъ отдать имъ свои квартиры и нанять ихъ бараки по назначенной цѣнѣ.

Цѣль, къ которой стремился послѣдній представитель первобытной прусской монархіи, была достигнута. Государь небольшой страны, которая по пространству была десятою, а по числу жителей четырнадцатою державой, оставилъ своему сыну третью въ Европѣ по числу и первую по выправѣ армію, и около 10 милліоновъ талеровъ запасной казны. Сверхъ того, онъ завѣщалъ подданныхъ, которые вызвали у Фридриха II, передъ смертью, восклицаніе: «я усталъ управлять рабами!»

Политическая идея, которой самоотверженно служилъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, укоренилась въ Пруссіи. Она только мѣняла формы. Фридрихъ II—первый представитель *новой* прусской монархіи; это — Гогенцоллернъ-элингъ, противоположный прежнимъ, пелазгическимъ натурамъ, но основа его дѣятельности — старая. Онъ придалъ только умъ, лоскъ «просвѣщенія» прежней циклопической формѣ. Послѣ Фридриха его прибавка исчезла, но сохранилось суевѣріе, что эта форма — единственное спасеніе Пруссіи. Кто не увлекается внѣшностью и буквой, тотъ даже теперь, послѣ уложенія 1848 г., замѣтитъ слѣды стараго государственнаго принципа Пруссіи: «подданные имѣютъ политическія права, но всѣ эти права, также какъ и обязанности, соединяются въ главѣ государства».

Впрочемъ, мы не станемъ теперь анализировать внутреннюю политику Фридриха. Намъ нужно прежде уяснить отношенія Гогенцоллерна къ германской имперіи.

И здѣсь Гогенцоллерны и Пруссія—противоположность Габсбургамъ и Австріи.

Между Пруссіей и Германіей не было явной политической отчужденности. Курфюрстъ бранденбургскій былъ важнымъ колесомъ въ механизмѣ имперскаго наряда. Первый Гогенцоллернъ на Украинѣ, курфюрстъ Фридрихъ I, былъ, съ согласія всѣхъ фюрствъ, «намістникомъ и правителемъ римско-нѣмецкой имперіи», т. е. замѣнялъ Габсбурга, который былъ поглощенъ борьбой съ гусситами. Послѣ него избраніе императора всегда зависѣло отъ того, на чьей сторонѣ былъ голосъ сильнаго курфюрста бранденбургскаго. Хотя Гогенцоллернъ, подобно Габсбургу, устраивалъ на своей Украинѣ наслѣдственное и независимое гнздо, но онъ не разрывалъ связей съ Германіей. Каждое его новое приобрѣтеніе въ сѣверо-восточномъ закоулкѣ Германіи было приобрѣтеніемъ «отечества», входившемъ въ составъ имперіи; каждый ключокъ земли, вырванный у славянъ и литовцевъ, становился Америкой, куда устремлялись нѣмецкіе переселенцы. Со времени реформаціи здѣсь образовалось истинное убѣжище нѣмецкой національности.

Реформація имѣетъ рѣшительное значеніе, какъ въ судьбѣ Габсбурга, такъ и въ судьбѣ Гогенцоллерна. Она разрывала послѣднія умственныя связи между Австріей и Германіей и закрѣпляла ихъ между Пруссіей и Германіей. Какъ только Гогенцоллернъ склонился въ ней, тотчасъ же былъ предрѣшенъ культурный, а слѣдовательно и національный вопросъ у нѣмцевъ. Католичество—реакція и застой; протестантизмъ—прогрессъ и умственное развитіе. Вся нѣмецкая культура возросла на почвѣ реформаціи. Поэтому, въ то время, какъ Австрія, въ лицѣ иезуитовъ, воздвигла китайскую стѣну между своими народами и нѣмецкой культурой, Пруссія стала очагомъ послѣдней. Съ этихъ поръ на бранденбургской Украинѣ зародился принципъ—учить и учиться, ибо наука даетъ умъ, а умъ—сила. И онъ утвердился, несмотря на ужасы Тридцатилѣтней войны и на грубость первобытныхъ Гогенцоллерновъ. Уже великій курфюрстъ устроилъ университетъ въ Дюйсбургѣ не для одного римскаго права. Сынъ его, король Фридрихъ I, полировалъ свой народъ прививкой французскаго образованія, знакомствомъ съ міромъ идеаловъ. Пруссія тогда же стала участницей и иногда даже центромъ нѣмецкихъ умственныхъ движеній, которыя сосредоточивались на сѣверѣ Германіи. Фридрихъ II былъ уже европейскимъ писателемъ и образцомъ «просвѣщеннаго» правителя.

Гогенцоллерны, даже тѣ изъ нихъ, которые были враждебны образованію, помогали прогрессу по-неволѣ, въ силу лучшаго въ протестантскихъ принциповъ, усвоеннаго ими. Они были

кальвинисты. Кальвинизмъ также относится къ лютеранству, какъ весь протестантизмъ къ католичеству. Когда утвердилась реформація, лютеранизмъ, забывъ свое революціонное происхожденіе, приблизился, по характеру, къ католичеству, онъ сталъ мертвой буквой; онъ развивалъ въ душѣ своихъ почитателей іезуитскія свойства — раболѣпіе передъ властью, фанатизмъ и умственный застой; онъ устарѣлъ и опустился. Свои таланты и живой духъ онъ завѣщалъ своему, по рожденію, кальвинизму, котораго ненавидѣлъ и преслѣдовалъ сильнѣе католиковъ. Кальвинизмъ — движеніе впередъ, энергія, смѣлость. Онъ привился въ свободныхъ государствахъ—въ Голландіи, Англіи и Швейцаріи. Старческой лютеранизмъ напоминаетъ, по характеру, Габсбурговъ, молодавый кальвинизмъ—Гогенцоллерновъ. Оттого-то онъ и понравился послѣднимъ. Связь Гогенцоллерновъ съ реформатскою церковью имѣетъ важное культурное значеніе. Она вводила въротерпимость на Украйнѣ, подавляла гибельный раздоръ въ протестантизмѣ и сближала раннюю представительницу абсолютизма въ Европѣ съ очагами политической свободы.

Умственная связь между Пруссіей и Германіей постоянно закрѣплялась. Уже во время Тридцатилѣтней войны Гогенцоллернъ держалъ знамя протестантизма, защищая его мечомъ, а съ начала XVIII-го вѣка онъ сталъ единственной опорой нѣмецкой реформаціи. Тогда протестантизмъ началъ падать подъ ударами католической реакціи. Курфюршество Пфальцъ отошло къ католическому Пфальцъ-Нейбургу; курфюрстъ саксонскій перешелъ въ католичество, продавъ свою совѣсть за польскую корону; а курфюршество Брауншвейгъ стало иностранною, англійскою державой. Судьба нѣмецкой національности выяснилась.

Въ своихъ отношеніяхъ къ имперской конституціи Гогенцоллернъ также представляетъ противоположность Габсбургу. Мы видѣли, какъ Габсбургъ, при всей отчужденности между Австріей и Германіей, дорожилъ этою конституціей, за-одно съ своими врагами, фюрстами. Онъ не могъ обойтись безъ имперіи, и тѣмъ крѣпче держался за нее, тѣмъ смѣлѣе выступалъ впередъ Гогенцоллернъ. Гогенцоллернъ былъ прирожденнымъ врагомъ имперской конституціи, ему хотѣлось поглотить фюрстовъ со всѣми ихъ имперскимъ нарядомъ. Мы знаемъ, что это желаніе было и у Габсбурга, но у него оно ослаблялось извѣстными противорѣчіями, которыхъ не было у Гогенцоллерна.

Гогенцоллернъ ненавидѣлъ имперію, какъ только можно ненавидѣть существо, противное намъ по возрасту, характеру, убѣжденіямъ и дѣламъ. Юный провозвѣстникъ абсолютизма въ

Европѣ, Гогенцоллернъ презиралъ этотъ хламъ сословной вольности среднихъ вѣковъ, саркастически насмѣхался надъ нимъ. Имперія не нужна была ему, да еще мѣшала его широкому размаху. Она не доставляла ему никакой выгоды, кромѣ титула курфюрста, а съ его бѣдной страны, уже истощенной его абсолютизмомъ, выжимала послѣдніе соки. Она вовлекала его въ европейскія войны, не всегда соответствовавшія его интересамъ. Высокомѣрныи и властолюбивыи Гогенцоллернъ былъ вассаломъ Габсбурга, влучалъ приказанія отъ него, какъ ленникъ отъ своего господина, подавалъ ему, какъ императору, таза для омовенія рукъ.

Съ другой стороны, фюрсты съ своимъ императоромъ питали не только отвращеніе, но и страхъ къ Гогенцоллерну. Они видѣли, что возвышеніе Бранденбурга было нѣмецкою революціей. Въ ихъ глазахъ Пруссія встала грознымъ призравомъ изъ хаоса Тридцатилѣтней войны. Не успѣли они окончательно сковать Габсбурга, какъ изъ рядовъ выдвинулась сила, которая тотчасъ же стала угрожать ихъ будущности. Самое существованіе этой силы было отрицаніемъ гнилой имперіи съ ея картоннымъ цезаремъ. Родившисъ протестомъ старому порядку вещей, она могла развиваться только посредствомъ разрушенія этого порядка, путемъ нѣмецкой революціи. Фюрсты чуяли это — и еще тѣснѣе смыкали свои ряды на сторонѣ Габсбурга. Даже протестантскіе князья, которыхъ самъ Габсбургъ толкалъ въ объятія Гогенцоллерна своимъ іезуитизмомъ, соединялись съ Пруссіей только по религіознымъ вопросамъ.

Борьба за существованіе между Пруссіей и имперіей была неизбежна. Любопытно было только знать, какія мѣры приметъ революціонеръ, нападающая сторона. Гогенцоллернъ съ замѣчательной отвагой началъ съ самой трудной части своего плана. Онъ сосредоточилъ свои удары на императорѣ, зная, что стобитъ вынуть ключъ въ сводѣ — и ветхое зданіе рухнетъ само собой.

Сначала соперничество между Пруссіей и Австріей дѣйствовало, какъ скрытая сила; съ Вестфальскаго мира оно стало обнаруживаться ясно. Великій курфюрстъ первый изъ нѣмцевъ сталъ въ новыя отношенія къ императору. Онъ былъ равноправнымъ союзникомъ, а не вассаломъ Габсбурга. Онъ велъ войны самостоятельно, по внушенію собственнаго интереса. По словамъ англійскаго дипломата, онъ «съ презрѣніемъ смотрѣлъ на своихъ сосѣдей, продавалъ имъ свои услуги по какой ему угодно цѣнѣ, зная, что ему всегда будутъ рады, когда бы онъ ни вздумалъ принять участіе въ танцѣ; за нимъ ухаживаютъ посланники Франціи, Голландіи, Даніи, курфюрстовъ саксонскаго и ганно-

версаго и самого *императора*». Такъ вассальная преданность императору подорвалась у Гогенцоллерна, когда онъ былъ еще курфюрстомъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ королемъ, одною изъ первыхъ силъ въ Европѣ. Равноправное отношеніе къ императору быстро стало династической традиціей въ Берлинѣ. Даже король Фридрихъ-Вильгельмъ I, этотъ типъ прусскаго реакціонера, тяготился внѣшнею зависимостью отъ Габсбурга. Въ Вѣну доносили про него: «тотъ не понимаетъ короля, кто думаетъ, что онъ подчинится кому бы то ни было въ свѣтѣ. Онъ знать не хочетъ власти императора, которая возвышается надъ нимъ, какъ надъ фюрстомъ». Всякое требованіе императора казалось ему оскорбленіемъ, и онъ воскликнулъ однажды, указывая на своего сына: «вотъ кто отмститъ за меня!» Онъ сказалъ своему наслѣднику на смертномъ одрѣ: «помни, что австрійскій домъ неизмѣнно держится правила — унижать, а не возвышать бранденбургскій домъ».

Это было справедливо. Габсбургъ платилъ Гогенцоллерну тою же монетой. Съ раннихъ поръ онъ понялъ опасность, грозившую ему съ этой стороны. Уже въ началѣ XVII-го вѣка онъ злился на бранденбургскій домъ, «котораго сильно придерживается каждый еретикъ, котораго давно ожидали и желали лютеране и кальвинисты». Во время Тридцатилѣтней войны, когда Габсбургъ уже былъ у цѣли, подавивъ княжескую оппозицію въ лицѣ двухъ сильныхъ курфюрстовъ: саксонскаго и пфальцскаго, у него вдругъ возникъ новый врагъ въ Берлинѣ — и онъ обрушился на него всею своею силой. Не говоря о свирѣпствованіи императорскихъ армій, «возстановительный эдиктъ», отнимавшій земли у протестантовъ, никому такъ не повредилъ, какъ Гогенцоллернамъ. Во время войны великаго курфюрста съ Людовикомъ XIV австрійскому корпусу приказано было только показывать оружіе французамъ, не употребляя его въ дѣло. Агенты императора разжигали чувство ненависти и страха въ Гогенцоллернамъ при дворахъ фюрстовъ, справедливо внушая имъ, что эти выскочки хотятъ поглотить ихъ. Затѣмъ Габсбурги твердили, что отнюдь не должно допускать появленія на Балтійскомъ морѣ «новаго короля вандаловъ». Правда, они должны были признать королевскій титулъ, дарованный Гогенцоллернамъ Европой; но тогда же такой замѣчательный полетикъ, какъ Евгенийъ Савойскій, горячо воскликнулъ: «министры, посовѣтовавшіе императору это признаніе, заслуживаютъ смертной казни». При Фридрихъ-Вильгельмѣ I соперники уже находились въ крайне напряженныхъ отношеніяхъ. И въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ готовились къ

борьбѣ. Императоръ Карлъ VI, чувствуя, что почва колеблется подъ габсбургскимъ наслѣдіемъ, спѣшилъ Прагматической Санкціей, гарантіей Европы, закрѣпить его за своею дочерью.

Эта борьба, грозный предвѣстникъ Садовой, дѣйствительно выразилась со вступленіемъ на престолъ Фридриха II въ Пруссію и Маріи-Терезіи въ Австрію, въ 1740 году.

Собственно говоря, тогда Фридрихъ началъ не войну Пруссіи съ Австріей, а страшную революцію, которая потрясла не одну Германію, но и всю Европу, и отражается своими послѣдствіями до нашихъ дней. Она дала новый видъ всѣмъ политическимъ отношеніямъ Германіи, которыя завершились при жизни Фридриха извѣстнымъ «союзомъ князей». Чтобы разобраться въ хаосѣ, который произвелъ Фридрихъ въ запутанной германской политикѣ, рассмотримъ идею нѣмецкой федераціи, не лишенную своей исторіи.

XV.

Нѣмецкое единство до Фридриха Великаго.

«Германія—это богоспасаемый хаосъ», выразился умный канцлеръ Густава-Адольфа. «Это—хаосъ, который трудно разсѣять», писалъ Фридрихъ II-й Иосифу II-му по поводу фатерланда. Сколько мы ни старались оглядѣться въ этомъ хаосѣ, намъ приходится еще разъ погрузиться въ него ради идеи національнаго единства у нѣмцевъ. Покоряемся необходимости.

Изъ общественныхъ свойствъ человѣка вытекаетъ національное сознаніе. На нихъ же основанъ и космополитизмъ, но онъ служитъ руководителемъ только развитыхъ натуръ, да и то не убивая чувства народности; для массъ же онъ — лишь религіозный долгъ, стоящій слишкомъ высоко надъ жизненными потребностями. Но національное чувство повсемѣстно и всѣмъ доступно, хотя часто оно проявляется только при крикѣ: «нашихъ бьютъ». Его не лишены даже азіатскія орды. Хорошенько порывшись въ исторіи нѣмцевъ, мы найдемъ его и у нихъ во всѣ времена.

Национальное чувство различно, какъ по степени силы, такъ и по формѣ своего проявленія. У французовъ, англичанъ, испанцевъ и русскихъ оно обнаружилось, и довольно рано, въ политической формѣ, т.-е. положительно и прагматически. У нѣмцевъ и итальянцевъ оно такъ запоздало, что долго существовало по-вѣрье объ его отсутствіи. Но оно было и здѣсь, только прояв-

лялось въ идеальной сферѣ и въ формѣ отрицанія, протеста противъ скрившейся его дѣйствительности.

Обѣ формы зависятъ отъ обстоятельствъ. Въ самомъ началѣ мы уже намекали на условія, развивавшія у нѣмцевъ особность (индивидуализацію) или эгоистическія свойства насчетъ общественныхъ. Съ теченіемъ времени къ этимъ условіямъ присоединялись новыя — и нѣмецъ сталъ образцомъ непокорства требованіямъ, стоящимъ внѣ его личныхъ истинствовъ, внѣ его семейной берлоги. Сложилась пословица: «Гдѣ два нѣмца, тамъ три мнѣнія».

Слѣды національнаго сознанія всегда замѣчались въ Германіи. Но нѣмцы очень долго были такъ упрямы и непрактичны, что ихъ попытки осуществить національныя мечты были или крайне слабы, или неудачны, а иногда даже комичны, ибо достигали противоположной цѣли.

Уже въ Карлѣ Великомъ громко сказалось національное чувство. Но его попытка была великимъ историческимъ пифомъ. Онъ вздумалъ создать нѣмецкое государство, да еще привить къ нему восполитивзмъ римской имперіи, когда еще не было нѣмецкаго народа. Но вскорѣ явился этотъ народъ — а съ нимъ и идея *нѣмецкаго* монарха. Впрочемъ, это была именно только идея, фантастическій образъ, преданіе, завѣщанное Карломъ Великимъ. Въ дѣйствительности нѣмецкаго монарха не было: какъ его имя ступевывалось подъ блескомъ титула римскаго императора, такъ его личность скрывалась отъ взоровъ нѣмцевъ за Альпами. Въ Германіи же развивались племенные особенности — и швабъ шелъ на франка, саксонецъ на баварца и т. д.

Къ концу среднихъ вѣковъ междуособія привели къ такому безначалію и забвенію національнаго чувства, что даже нѣмцамъ стало нестерпимо. Старый порядокъ очевидно вымиралъ. Прежде ленная система была хоть намекомъ на національную связь, теперь же вассалъ сталъ почти государемъ. Ленъ уже не связывалъ его съ политическимъ цѣлымъ. Вассалъ забылъ всѣ свои обязанности въ отношеніи націи. Феодализмъ утратилъ свою душу — и превратился изъ національной связи въ національный разбой.

Въ концѣ XV-го вѣка нѣмцы взялись поправить эту бѣду. Послѣ многихъ тревоженій они создали *федерацию фюрсттовъ*, подъ громкимъ именемъ «имперской конституціи».

Мы уже знаемъ, что такое эта пресловутая конституція. Она не походитъ ни на англійскую конституцію, ни на абсолютныя государства, ни на живую федерацію новаго времени. Всѣ эти

государственныя формы отличаются сильнымъ правительствомъ и отрицаніемъ феодализма. А въ имперской конституціи не было основъ государства—территоріи, національности и правительства. Можно сказать, что нѣмцы поправились изъ кулья въ рогожу. Въ феодализмѣ было, хотя и слабое, *подчиненіе* всѣхъ ленниковъ одному сюзерену. Федерация же фюрстовъ основана на *равенствѣ* всѣхъ ея членовъ. Это—мертворожденный политическій уродъ.

Но было бы легкомысленно видѣть здѣсь одну политическую неповоротливость нѣмцевъ и ихъ пристрастіе къ головоломнымъ системамъ. Въ имперской конституціи былъ свой смыслъ: иначе она не прожила бы болѣе трехсотъ лѣтъ. Она все-таки уничтожила кулачное право, давая просторъ только борьбѣ политическихъ единицъ, а не отдѣльныхъ личностей; къ тому же она слегка охраняла земскій миръ, защищая мелкіе чины отъ насилія крупныхъ. Но важнѣе всего, что имперская конституція была выразительницей духа народа. Нѣмцы всегда мечтали о національномъ единствѣ, а на дѣлѣ стремились къ особности. При такихъ свойствахъ, народъ или выработываетъ серьезную федерацию, или доходить до другой государственной формы путемъ плохой федерации. Образцомъ послѣдней была имперская конституція, но она все-таки поддерживала идею національнаго единства. Безъ нея нѣмцы уже давно перестали бы существовать, какъ нація, и утратили бы будущность, подобно евреямъ и полякамъ. Фигурное, формальное государство—лучше, чѣмъ никакого.

Бѣда не въ томъ, что нѣмцы создали федерацию, а въ томъ, что это—самая плохая федерация, которую могъ изобрѣсть только зафилософствовавшійся нѣмецъ. Вызванная въ качествѣ орудія противъ феодализма, она была основана на его началахъ. Въ ней сохранились мелкія владѣнія, старая, ничтожная власть императора и старый же феодальный имперскій сеймъ (Reichstag). Эти остатки феодализма были баластомъ, который задерживалъ развитіе Германіи. Онъ хорошо далъ почувствовать нѣмцамъ, что значить консерватизмъ à tout prix. Особенно важно, что императоръ боялся потерять послѣднія права при усиленіи федерации, и потому мѣшала ея развитію. Съ своей стороны, фюрсты, опасаясь усиленія Габсбурга, старались сохранить имперскій нарядъ въ его первобытномъ видѣ.

Задача нѣмцевъ была ясна. Они должны были понять, что въ своемъ стремленіи къ единству они напали на истинную форму, но что эта форма была обставлена дурно. У нихъ не

было другого исхода, какъ *развить* свою *федерацию*, утвердить ее на новыхъ началахъ: вотъ источникъ оппозиціи у нихъ существующему порядку. Конечно, ея сила соответствовала ясности національнаго сознанія. Какъ послѣднее, она проявлялась болѣе въ теоріи и отрицательно, чѣмъ на практикѣ и положительно.

Оппозиція началась съ самаго появленія имперской конституціи.

На практикѣ было сдѣлано мало. Въ XVI вѣкѣ фюрсты пытались замѣнить сеймъ какимъ-то имперскимъ «совѣтомъ» или «министерствомъ», но, конечно, безъ успѣха. Тогда же вспыхнули возстанія съ глубокимъ смысломъ. То были не средневѣковые разбои или самопомощь противъ лицъ, а кровавые протесты противъ гнилыхъ учреждений—противъ крѣпостнаго права, безсудія, пошлннъ и т. д. Эти протесты были тѣмъ серьезнѣе, что они прикрывались реформаціей, которая впервые вручила народу евангеліе.

Непосредственно политическое вліяніе реформаціи было не сильно. Въ теоріи оно было подорвано самимъ Лютеромъ, который отличался ограниченнымъ взглядомъ на государство. Лютеръ чувствовалъ зло, но видѣлъ его въ личностяхъ, а не въ учрежденіяхъ. Но на практикѣ реформація была отпоромъ старинѣ. Это случилось само собою. Габсбургъ, не уразумѣвъ своего положенія, сталъ противъ реформаціи—и фюрсты взяли за оружіе. Они побѣдили, и блистательно. Они отложились отъ Габсбурга, какъ протестантскіе государи, и подавили возстаніе низшихъ классовъ, которые пытались искоренить ихъ посредствомъ императорской власти. Мало того. Фюрсты принудили врага мятежей, Лютера, объявить, что возставать можно, если иначе нельзя сохранить своей вѣры. Въ то же время они обогатились имуществомъ упраздненной католической церкви.

Съ этихъ поръ фюрсты стали единственною оппозиціей старинѣ, олицетворенной въ императорѣ. Тридцатилѣтняя война была послѣднею попыткой Габсбурга побороть фюрстовъ. Мы уже знаемъ, что онъ потерпѣлъ окончательное пораженіе. Фюрсты, выгодно для себя, подновили имперскую конституцію—и тотчасъ же перемѣнили фронтъ. Они превратились въ упорныхъ консерваторовъ. Княжеская оппозиція исчезла. А со стороны низшихъ классовъ ея не могло быть: тогда образовался типъ «каналы».

Такъ прекратилась на цѣлое столѣтіе, до Фридриха Великаго, практическая оппозиція. Но идея національнаго единства еще не умерла совсѣмъ. Именно съ Вестфальскаго мира она проявилась въ оппозиціи теоретической.

Слѣды теоретической оппозиціи замѣтны и раньше, именно съ эпохи возрожденія, которая убила наивную вѣру въ божественность всего существующаго, даже зла. Тогда вездѣ, даже въ массахъ, возникла критическая точка зрѣнія, и она касалась всѣхъ сторонъ жизни. Отъ нея не ускользнуло зло, коренившееся даже въ болѣе свѣжемъ политическомъ бытѣ, напримѣръ, во Франціи и въ Англии.

Въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка въ Германіи часто слышались нападки на имперію. Себастьянъ Брантъ называлъ нѣмцевъ «несносною дурью» (unverträgliche Nagen) за то, что они виновуются ей. Существующій порядокъ вещей сталъ, наравнѣ съ папой, содержаніемъ народной сатиры. То добродушная шутка, то грубая насмѣшка надъ нимъ проходить по самымъ распространеннымъ книжкамъ того времени и отражается въ карриатурахъ. Въ то же время изрѣдка возникали робкіе проекты политическихъ реформъ.

Въ эпоху реформаціи теоретическая оппозиція не проявлялась прямо, ибо умы были увлечены религиознымъ вопросомъ, но косвенно она жила въ самой реформаціи, въ ея революціонныхъ принципахъ, въ ея новомъ міровоззрѣніи. Мы уже намекали, что тогда приврывались евангелиемъ всѣ общественныя волненія, служившія протестомъ старинѣ. И реформація благословила знамена Морица Саксонскаго и шмалькальденскаго союза.

Когда угасъ религиозный пылъ, и древній церковный идеализмъ смѣнился реальнымъ міровоззрѣніемъ, повсюду выдвинулся политическій интересъ—и въ Германіи воскресла теоретическая оппозиція.

Эта оппозиція серьезнѣе предреформаціонной. Она почти непрерывна, болѣе систематична и обширна; она опиралась на новыя общественныя и умственные силы.

Прежде это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, протестъ одинокихъ личностей, случайно попавшихъ въ патриоты. Онъ не былъ выраженіемъ общества, потому что самого общества не существовало. Послѣ Вестфальскаго мира зародилась общественная жизнь, вмѣстѣ съ превращеніемъ средневѣвой коммуны въ городъ. Городъ, это—соціальная республика. Здѣсь все основано на равенствѣ и свободномъ призваніи. Въ этой республикѣ власть—условныя правила приличій, которыя соблюдаются даже нарушителями законовъ. Ея армія—масса талантовъ и умовъ, да общественное мнѣніе съ его печатнымъ станкомъ. Ея граждане—выходцы отовсюду, несвязанные съ старинной родовыми преданіями.

Общественная жизнь сложилась вопреки феодализму, стѣснявшему дарованію и призванію. То было зерно новаго порядка вещей.

Изъ новыхъ умственныхъ силъ перваго была — литература. Какъ только зародилась она въ Германіи, въ одно время съ общественной жизнью, въ ней тотчасъ же отразилась воскресшая теоретическая оппозиція. Какъ ни слабы были ея зачатки, уже въ нихъ встрѣчаются выходы то противъ привилегированнаго дворянства и его друзей, фюрстовъ, то противъ императора. Въ концѣ XVII-го вѣка часто попадаются тяжеловѣсныя нѣмецкія остроты насчетъ «государственной пользы» (*Staatsraison*). Сатира даже касалась учреждений, и, конечно, болѣе всего — имперскаго правосудія. Она даже затрогивала, съ тонкимъ критическимъ тактомъ, любопытную язву той эпохи — теоретическое крючкотворство. «Теперь, — говоритъ Мошерошъ, — книги законовъ расплодились тысячами. Тутъ *codices, digesta, pandectae, institutiones, consilia, responsa*. Юристы напищали такую массу *Distinctionen, Divisionen, Conciliationen, Extravagantien, raisons d'état, Seditiionen, Processen, rixatum immortalium*, обмановъ и каверсъ, продѣлокъ и плутней, толкованій и объясненій, что самъ чертъ не разберетъ. Въ тридцать лѣтъ издано больше юридическихъ книгъ, чѣмъ прежде въ тысячелѣтіе, а справедливости все нѣтъ, ибо каждый силится написать нѣчто болѣе справедливое... Деньги — лекарство, безъ котораго мозгъ и языкъ юриста больны: это — душа, безъ которой они не могутъ жить».

Таковы были нѣмецкіе лже-юристы. Они знали только римское право, которому было болѣе тысячи лѣтъ отъ роду и которое касалось лишь гражданскихъ отношеній. Эти судейскіе умники XVI-го и XVII-го вѣковъ переносили опредѣленія частнаго права въ государственную область! Но рядомъ съ ними, съ половины XVII-го вѣка, появились истинные правовѣды — и это была вторая изъ новыхъ умственныхъ силъ, на которыя опиралась теоретическая оппозиція. Нѣмецкіе правовѣды раздѣлялись на двѣ школы. Одни слѣдовали началамъ Гуго Гроція, творца «естественнаго права», и требовали разумности въ существующемъ порядкѣ. Другіе пытались создать національное нѣмецкое право и вставали противъ римскаго. Но всѣ они сходились въ отрицаніи имперскаго наряда, въ признаніи необходимости преобразованій.

Съ начала XVIII-го вѣка стало подготавливаться «просвѣщеніе», которое проникло съ запада и въ Германію, гдѣ расцвѣло въ эпоху Фридриха Великаго. Нѣмецкое «просвѣщеніе» проявилось

преимущественно въ изящной словесности. Въ наукахъ, и особенно государственныхъ, оно было слабо. Въ этомъ смыслѣ оно не далеко ушло отъ эпохи возрожденія, только стало разнообразнѣе, и его вліяніе было обширнѣе. Политическое значеніе «просвѣщенія» въ Германіи состоитъ не въ выработкѣ государственныхъ теорій, а въ возбужденіи общественной мысли, политическаго образованія.

Подобно реформаци, «просвѣщеніе» было критическимъ приципомъ. То былъ богатирскій порывъ давно скованной мысли. Тогда Германія была переполнена широкими натурами, гениально-растрепанными поэтами въ душѣ, которые рукоплескали «Разбойникамъ» Шиллера. Это поволеніе поклонялось не ясному, но чарующему образу безграничной свободы, и ненавидѣло всякую государственную форму. Правда, оно было слабо умственно, не могло ясно поставить политическій вопросъ, но оно чувствовало весь позоръ Германіи и ненавидѣло мизерную имперскую конституцію. Одни, подъ вліяніемъ классицизма, мечтали о форумѣхъ и комиціяхъ, и у нихъ не сходила съ языка магическія слова—*respublica*, *populus*. Другіе, охваченные романтизмомъ, раздражали свое воображеніе величавыми образами Карловъ, Оттоновъ и Гогенштауфеновъ, при которыхъ казалась такою противною ничтожная фигура Габсбурга.

То же самое видимъ въ прозѣ. Она неясно понимала политическую задачу времени. Въ ней даже звучали противоположныя струны—то ненависть ко всякому государству во имя политической свободы, то проповѣдь новой, монархической идеи. Но, при всякой точкѣ зрѣнія, здѣсь слышался протестъ противъ имперіи. XVIII вѣкъ, и именно его вторая половина переполнена рѣзкими политическими памфлетами. Въ нихъ то вся имперская машина, то ея отдѣльныя колеса изображались мертвечиной, фантасмагоріей, нелѣпостью и позоромъ. К. Фр. Моверъ, расхваливъ нѣмцевъ, какъ первый народъ въ мірѣ, прибавляетъ: «и, тѣмъ не менѣе, мы, вотъ уже нѣсколько столѣтій, — политическая загадка, добыча сосѣдей, предметъ ихъ насмѣшекъ. Мы не согласны между собой, немощны отъ раздоровъ, достаточно сильны для того, чтобы вредить самимъ себѣ, и ничтожны для собственной защиты. Мы безчувственны къ чести нашего имени, равнодушны къ достоинству закона, ревнивы къ нашему верховному главѣ, подозрительны другъ къ другу. Мы—народъ великій и въ то же время презрѣнный, въ возможности счастливый, на дѣлѣ же весьма жалкій». Этотъ протестъ, конечно, оставлялъ свои слѣды.

Разжигать ненависть къ тормазамъ успѣха—значить готовить преобразование. Къ тому же «просвѣщеніе» проходило въ народъ глубже прежней критики: этимъ готовилось политическое общественное мнѣніе въ Германіи. Не одна взаимная любовь, но и ненависть къ общему врагу создастъ національное чувство.

Нѣмецкая литература второй половины XVIII-го вѣка дѣйствовала и непосредственно на возбужденіе этого чувства. «Мессіада» Клопштока пропитана національнымъ пафосомъ. Лессингъ освободилъ нѣмцевъ отъ культурнаго ига французовъ. Многія сочиненія читались съ одинаковымъ восторгомъ повсюду, wo die deutsche Zunge klingt. Протестантъ, католикъ и реформатъ, пруссакъ, швабъ и баварецъ — всякій дорожилъ именами ихъ авторовъ и считалъ ихъ своими, «нѣмецкими».

Но все это были только вѣстники нѣмецкой націи, и у младенца не было даже имени. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ нѣмецкомъ лексиконѣ не существовало слова «нѣмецкій народъ». Положительной идеи національнаго единства не понимали даже вожди общественнаго мнѣнія. Самъ пылкій пророкъ патриотизма, Клопштокъ, черпалъ свои вдохновенія не изъ нѣмецкаго, а еврейскаго міросозерцанія, и не изъ современности, а изъ первобытныхъ лѣсовъ Германіи. Онъ даже явно поклонялся восмополитизму. У остальныхъ писателей служеніе этому идолу эпохи было задачей жизни.

Скороспѣлый восмополитизмъ, возникшій раньше народнаго сознанія, вообще сдѣлалъ «просвѣщеніе» религіей будущаго, мало пригодной для настоящаго. Въ Германіи же онъ особенно губительно дѣйствовалъ на слабыя зародыши патриотизма. Здѣсь вожди «просвѣщенія» не только не ощущали его, но относились къ нему съ презрѣніемъ и насмѣшкой, съ высоты своего міроваго величія. Лессингъ, творецъ нѣмецкаго театра, говорилъ самодовольно: «я не понимаю любви къ отечеству. По мнѣ, это—по меньшей мѣрѣ героическая слабость, отъ которой я охотно отказываюсь». «Что такое нація?» спрашивалъ Гердеръ, и отвѣчалъ: «это—большой невыполотый садъ, полный плевель; это собраніе глупостей и недостатковъ, а также достоинствъ и добродѣтелей». Гёте проповѣдывалъ: «напрасно, нѣмцы, надѣетесь вы образовать націю. Вы можете только создать изъ себя чело^вчка объ этомъ и позаботьтесь». Лейбницъ предлагалъ свое перо кому угодно. Съ энергіей, достойной лучшаго употребленія, защищалъ онъ своихъ фюрстовъ-благодѣтелей. Послѣдующіе философы, не

исключая и Канта, увлекались космополитическою и нравственною идеей. Лучшіе нѣмецкіе публицисты эпохи «просвѣщенія», подобно Лейбницу, отстаивали княжескіе принципы. Особенно отличались этимъ духомъ прусскіе писатели, которые только за Берлиномъ и его государемъ признавали право на политическое существованіе. Въ самомъ концѣ прошлаго вѣка они называли національное чувство «политической небылицей (politisches Un-ding)», а стремленіе къ нему «коварной интригой *partii*» (hämischer Parteizweck). Берлинскіе публицисты выдавали сами себя, употребляя такія фразы. Они иначе не могли понимать патриотизмъ, какъ въ смыслѣ преданности Габсбургу, потому что сами были только приверженцами Гогенцоллерна.

Мы стараемся впрочемъ выяснитъ точку зрѣнія нѣмецкихъ писателей прошлаго вѣка, а не обвинять ихъ.

У нихъ не могло быть иного политическаго взгляда. Слово: «нѣмецкій народъ» не было тогда потому, что не было самаго предмета, который оно означаетъ. Извѣстное число милліоновъ, хотя бы даже одного племени, языка и религіи, еще не составляетъ націи, какъ дитя не составляетъ человѣка. Мы не называемъ націями предковъ нынѣшнихъ европейцевъ, жившихъ въ-разсыпную среди лѣсовъ и болотъ, въ родовомъ быту. Нѣмцы прошлаго вѣка жили также въ-разсыпную, среди раздробленности политической и неразвитости умственной. Они замкнулись въ семейномъ кругу и ничего не видѣли дальше своего крохотнаго лѣгосударства. Въ этихъ узкихъ рамкахъ они вели наивную, добродушную жизнь, почитая своего фюрста, какъ родоначальника. Они радовались, что никто не тревожитъ ихъ умственной спячки, не нарушаетъ ихъ будничныхъ заботъ. Вся ихъ политика состояла въ спѣсивомъ возвеличеніи своей земли и своего двора вѣчетъ сосѣднаго, нѣмецкаго же, государства. Имперія была для нихъ какимъ-то тридесатымъ царствомъ. По словамъ одного очевидца, «развѣ въ какомъ-нибудь имперскомъ городѣ спроситъ: что дѣлается въ Германіи? Каждый нѣмецъ считалъ себя австрийцемъ, пруссакомъ, саксонцемъ, ганноверцемъ, мекленбургцемъ: только тотъ называлъ себя нѣмцемъ, у кого не было никакого отечества». Въ глазахъ народа сѣверная Германія, гдѣ были крупныя фюрсты, съ Пруссіей во главѣ, совсѣмъ не причислялась къ «имперіи»; имперію видѣли только въ пестромъ и размельченномъ югѣ Германіи, который, очевидно, требовалъ внимательства имперскихъ властей для порядка. Переѣзжая изъ Ганновера въ Фульду, нѣмецъ восклицалъ: «ну, вотъ теперь я захожусь подъ рукою императора!»

Въ прошломъ вѣкѣ нѣмцамъ не доставало не одного сознанія народности; у нихъ не было гражданскаго чувства, безъ котораго немислима нація. Намъ знакомъ печальный типъ «каналъ». Понятіе о гражданинѣ было точно такъ же чуждо ему, какъ и любому фюрсту, но рабскій духъ господствовалъ даже въ высшихъ кругахъ, не исключая и «просвѣщенныхъ». Интеллигенція того времени въ теоріи поклонялась абсолютной свободѣ, а на дѣлѣ старымъ кумирамъ. Совсѣмъ другое была частная жизнь такихъ нѣмцевъ. свѣтилъ, какъ Лейбницъ, Вольфъ, Готтшедъ, Гёте. Умалчиваемъ о менѣ важныхъ примѣрахъ. Даже честный и мужественный патріотъ, Юстусъ Мёзеръ, сознавался, что «весьма важныя мѣстныя условія» заставляютъ его болѣе чѣмъ снисходительно относиться къ такимъ явленіямъ, какъ вѣрнопостное право. Мы уже знаемъ, какъ поэтъ Шубаргъ воспѣвалъ своего преслѣдователя, герцога Карла виртембергскаго. Другой пѣвецъ «просвѣщенія», Виландъ, проповѣдывалъ въ передовыхъ статьяхъ своего журнала: «безсмысленно приписывать народу право разсуждать о правительствѣ. Если писатели бросаютъ изъ своихъ бочекъ такіе гордые взоры на фюрстовъ, то это—болѣзненный признакъ господствующей теперь моды на цинизмъ». Даже въ 1793 году Фихте, сочувствовавшій принципамъ конституціонализма, просилъ читателя отнюдь не думать, будто онъ желаетъ примѣненія ихъ въ Германіи.

Понятно, что въ прошломъ вѣкѣ теоретическая оппозиція въ Германіи не могла идти дальше критики существующаго порядка, да и то не систематической. Ни въ одномъ сочиненіи того времени мы не встрѣчаемъ положительнаго идеала государства, лишь кое-гдѣ мелькаютъ намѣки на него. Но они не ясны. Особенно страдаютъ они разнородностью, которая подрывала всякое довѣріе къ нимъ. Какіхъ рецептовъ ни прописывалось для исцѣленія этого калѣвы—имперскаго наряда! Кто предлагалъ уничтоженіе императорства, кто усиленіе федеративнаго начала. К. Фр. Мёзеръ видѣлъ источникъ бѣдствій Германіи въ отсутствіи нижней палаты, основанной на древне-германскомъ правилѣ: «о маловажныхъ дѣлахъ совѣщаются вожди, о важныхъ—всѣ». Въ 1791 г. курфюрсту саксонскому былъ поданъ проектъ устройства «княжеской ганзы», т.-е. торговаго объединенія Германіи.

Спрашивается, какъ бы стали нѣмцы ломать свою имперскую машину, когда у нихъ не было плана и даже идеи новаго зданія?

Къ тому же, у теоретической оппозиціи не было вѣдшихъ условій для непосредственнаго переворота. Она жила въ цестрой

общественной средѣ, лишенной формъ и матеріальной силы, а оплоты старины стройно группировались въ политической сферѣ, окруженной солдатами, деньгами и чиновничествомъ.

Теоретическая оппозиція прошлаго вѣка была отрицательной смѣ. Она только приготовляла претвореніе пруссака, саксонца, нѣмца и т. д. въ нѣмца. За нею было будущее. Настоящее никогда не принадлежитъ отрицательнымъ направленіямъ.

Но какъ бы для того, чтобы возмѣстить недостатки теоретической оппозиціи, въ разгаръ «просвѣщенія», съ половины XVIII-го лѣта, воскресла правитическая оппозиція, дремавшая цѣлое столѣтіе. Ее взялъ на себя отважный революціонеръ—прусскій Гоццолернъ.

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

Лирическія стихотворенія *).

I.

Вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, мишурой золотой,
Хотѣлъ бы украсить, какъ гробъ дорогой,
Я книгу свою, и — напѣвы любви —
Туда скоронилъ бы я пѣсни свои.
О, если бы могъ я туда скоронить
Страданья любви и на вѣкъ ихъ забыть!
На гробъ любви и безумныхъ тревогъ
Расцвѣлъ бы холодный *покой* цвѣтовъ.
И горькія пѣсни есть въ книгѣ моей,
Которыя въ дни безутѣшныхъ скорбей
Въ душѣ накупѣли и, вырвавшись вонъ,
Разлили и ужасъ, и вопли, и стонъ,
Зажглись, запылали свирѣпымъ огнемъ
И множество искръ разбросали вкругъ!
Теперь въ нихъ потушли, погасли огни,
И блѣдны и холодны стали они,
Теперь онѣ мертвы... Но скоро любовь
Ихъ вновь оживить и согрѣетъ ихъ вновь.
Тогда, озаренныя свѣтомъ любви,
Къ тебѣ долетятъ эти пѣсни мои.

*) Переводятся въ первый разъ, за исключеніемъ второго, извѣстнаго, впрочемъ въ переводѣхъ и потому не многаго. Большая часть этихъ стихотвореній вошла въ составъ „Лирической Интермедіи“.

И чарами книга исполнится вдругъ,
 И станутъ смотрѣть эти буквы, мой другъ,
 Смотрѣть, умоляя, на очи твои,
 И нѣжно шептать о блаженствѣ любви.

II.

Ты помнишь, дитя, мы съ тобою
 Сидѣли на легкомъ челнѣ;
 Тиха была ночь, и волною
 Насъ мчало къ сѣдой глубинѣ.
 Вдали, надъ водой, возвышался
 Въ сіяніи островъ духовъ;
 Туманный тамъ свѣтъ колыбался,
 Мелькалъ хоромъ облаковъ.
 Къ намъ звуки любви доходили
 Оттуда въ ночной тишинѣ;
 А мы, безутѣшные, плыли
 Съ тобой по морской глубинѣ...

III.

Прекрасные глазки весеннихъ ночей
 Глядятъ на тебя съ высоты, утѣшая:
 Униженъ ты будешь любовью своей, —
 Любовь же возвыситъ тебя, неземная.
 На липѣ зеленой сидитъ и поетъ,
 Сидитъ и поетъ соловей, заливаясь;
 И только лишь въ душу мнѣ пѣснь упадетъ, —
 Душа оживетъ, отъ тоски пробуждаясь.

IV.

Поля и лѣса зеленѣютъ;
 Такъ сладко поетъ соловей...

Явилась весна молодая
 Съ цвѣтами и нѣгой ночей.
 Все тайныя думы наводятъ
 На душу больную мою;
 Я снова тоскую и плачу
 И снова я грустно пою.
 Поетъ соловей и щебечеть:
 — «Что-жъ пѣсня печальна твоя?»
 Ахъ, это старинная пѣсня,
 И часто пѣвалъ ее я!
 Пѣвалъ я ее, и тоскою
 Сжималось сердце мое,
 Твой дѣдушка, милый мой ангель,
 Бывало, все слушалъ ее!

V.

На морѣ утесъ одинокій торчить;
 На немъ я сижу съ безутѣшною думой.
 Реветь непогода и чайка кричить,
 А буйныя волны имъ вторять угрюмо.
 Любилъ я на родинѣ, много любилъ!
 Но рано пришлось мнѣ съ друзьями разстаться.
 О, гдѣ вы?.. Порывистый вѣтеръ свистить,
 А волны спшибаются, волны ярятся...

VI.

Разъ я видѣлъ, какъ по лѣсу
 Эльфы рѣвныя скакали;
 Громко ихъ рога трубили,
 Ихъ бубенчики звучали.
 Ихъ лошадки, словно лани,
 Были съ длинными рогами;
 Быстро эльфы пронеслися
 И исчезли за кустами.
 Ихъ царица, улыбнувшись,
 Мнѣ кивнула головою:

Смерть мнѣ это предвѣщало,
Или вновь любовь съ тоскою?

VII.

Желтыя листья валятся,
Вѣтеръ осенній реветъ...
Все, что прекрасно и мило,
Все увядаетъ и мретъ...
Солнечный лучъ по вершинамъ
Голаго лѣса скользить.
Это—лобзанья разлуки...
Лѣто, увы, улетить!
Грустно мнѣ, хочется плавать,
Сжалось сердце тоской:
Солнечный лучъ мнѣ напомнилъ
Нашу разлуку съ тобой.
Рано со мной ты разсталась,
Рано въ могилу сошла!..
Быль я увянувшимъ лѣтомъ,
Яркимъ лучомъ ты была...

VIII.

Распустился лѣсъ душистый,
Въ ясномъ небѣ тишина,
Солнце смотреть внизъ съ улыбкой:
Здравствуй, юная весна!
Все цвѣтеть и, заливаясь,
Громео свищутъ соловьи—
Пѣсни полныя отрады,
Пѣсни полныя любви.

IX.

Снова звуковъ полноъ я;
Дышетъ грудь широко.

Пѣснь весенняя, звучи,
Уносишь далеко!
Разливайся, услаждай
Слухъ фіалокъ звономъ;
Бѣлыхъ розъ не забывай, —
Къ нимъ летай съ поклономъ.

X.

Что бродишь ты ночью туда и сюда?
Смотри, покраснѣли цвѣты отъ стыда,
Фіалки въ лицѣ измѣнились!
И розы умолкли, и тихъ соловей,
И лиліи стали вдругъ смерти блѣднѣе,
Отъ страха къ землѣ преклонились.
О, мѣсяцъ! повѣдалъ мнѣ истину ты:
И чисты и святы всѣ эти цвѣты,
Невинны ихъ нѣжные взоры!
Хотѣлъ бы я слышать ихъ шопотъ глухой,
Когда безъ ума отъ любви огневой,
Я вель со звѣздами свои разговоры!..

XI.

Въ единое слово всѣ скорби
Свои я излить бы хотѣлъ;
То слово я отдалъ-бы вѣтру, —
Онъ живо-бы съ нимъ улетѣлъ.
Къ тебѣ-бы примчалъ онъ, голубка,
Печальное слово любви,
И ты-бы узнала всѣ скорби,
Всѣ горькія муки мои.
Ты стала-бы слышать то слово
И ночью, и утромъ, и днемъ,
И вѣчно-бы шептало то слово
Тебѣ о страданьи моемъ.

XII.

Я бродилъ вчера по саду;
 День сулилъ веселье всѣмъ;
 Все шепталось, ликовало,
 Только я одинъ былъ нѣмъ.
 И цвѣты, благоухая,
 Говорили, слышалъ я:
 «Будь, страдалецъ, нашимъ братомъ,
 И пройдетъ тоска твоя!»

XIII.

Любя тебя, я долженъ, бѣдный,
 Сворѣи бѣжать. Въ пылу нѣмомъ
 Какъ я хороню, печальный, блѣдный,
 При миломъ личиѣ твоемъ!
 Любя тебя съ волненьемъ страстнымъ,
 Я не могу ни ѣсть, ни спать.
 Я скоро сдѣлаюсь ужаснымъ, —
 Что-жъ дѣлать мнѣ, какъ не бѣжать?

XIV.

Своими думами тебя я оговалъ,
 И все, что думалъ я, и все, о чемъ мечталъ,
 Должна ты думать, ты должна мечтать, —
 Отъ духа моего тебѣ не убѣжать.
 Онъ вѣетъ на тебя любовью и тоской;
 Куда ты ни идешь, — онъ слѣдомъ за тобой.
 И днемъ, и ночью, и на тихомъ ложѣ сна, —
 Всегда твоя душа бываетъ имъ полна.
 Умру я, и тебя повину навсегда;
 За то мой духъ тебя не кинетъ никогда,
 Да, никогда!.. я знаю это... Словно домовой,
 Онъ будетъ жить въ твоемъ сердечкѣ, ангелъ мой!

Устрой тамъ тепленькое гнѣздышко ему,
 Мой другъ, блажному духу моему;
 Тогда за тридевять земель, пожалуй, поѣзжай, —
 И тамъ дасть знать себя мой старый негодай.
 Онъ будетъ вѣдь тогда въ твоёмъ сердечкѣ жить,
 И будешь ты его всегда съ собой носить,
 И думать станешь ты, о чемъ я все мечталъ:
 Своими думами тебя я оговалъ!

XV.

Замѣтно блекнуть помыслы живые;
 Мой часъ насталъ! Теперь скажу, что для себя
 До этихъ поръ считалъ я тайной: для тебя,
 Лишь для тебя одной я жилъ, Марія!
 Могила ждетъ меня. Въ землѣ холодной
 Найду я наконецъ отраду и покой.
 Но ты, Марія, въ горести бесплодной,
 Ты горько, горько плакать будешь, ангелъ мой!
 Нѣтъ, не рыдай, Марія! невозможно
 Бѣжать судьбы. Ты знаешь, все земное
 Великое, прекрасное, святое,
 Кончается или пошло, или ничтожно.

XVI.

Что меня ты нѣжно любишь,
 Это я давно узналъ;
 Но когда ты мнѣ призналась,
 Я рассудокъ потерялъ.
 По горамъ бродилъ я утромъ
 Съ торжествующимъ лицомъ;
 При закатѣ солнца плакалъ
 Я на берегу морскомъ.
 Мое сердце — тоже солнце,
 Также пламенно, красно, —
 Также въ море бурной страсти
 Погружается оно.

XVII.

О ней я думалъ цѣлый день,
 Мечталъ въ вечерней тишинѣ;
 Когда же пала ночи тѣнь,
 Она приснилась мнѣ во снѣ.
 Какъ роза юная цвѣла
 Она съ улыбкой на устахъ;
 Узорная канва была
 И пальцы у нея въ рукахъ.
 Въ ея очахъ огонь мечты
 И чудной нѣги былъ разлитъ.
 — «Что такъ сегодня блѣденъ ты?
 Что у тебя, скажи, болитъ?»
 Казалось страннымъ ей, что я,
 Рыдая, передъ ней стою.
 — «Скажи, что мучить такъ тебя?
 Открой мнѣ, другъ мой, грусть свою!»
 Въ ея очахъ такой покой,
 А я—страдаю горько я...
 — «Меня терзаешь ты, другъ мой,
 Въ разбитомъ сердцѣ боль моя.»
 Тогда рукой груди моей
 Она коснулась слегка.
 Проснулся я... прошла тоска,
 И весь тотъ день я полнъ былъ ей.

XVIII.

О, прислонись своей щекой
 Къ моей щекѣ холодной!
 Пусть слезы потекутъ рѣкой,
 Пускай текутъ свободно!
 О, прислонись къ моей груди
 Своею грудью нѣжной,
 И въ сердцѣ страстномъ пробуди
 Огонь любви мятежной.
 Когда-жъ въ груди моей больной

Огонь любви зажжется,
 Моя душа въ тотъ часъ святой
 Слезами захлебнется.

XIX.

Тебя я любилъ, я люблю и теперь!
 И если-бы мiръ всей громадою рухнулъ,
 Съвозъ груди развалилъ мой страстный огонь
 Прорвался-бъ, пылалъ, и во вѣкъ не потухнулъ.

XX.

Я грустно вступилъ въ галерею,
 Гдѣ съ ней мы въ любви объяснились.
 Шипѣли и ползали змѣи,
 Гдѣ слезы изъ глазъ ея лились.

XXI.

Гдѣ, скажи, твоя голубка,
 Про которую слагалъ ты
 Пѣсни намъ, когда огнями
 Страсти пламенной сгоралъ ты?
 Тѣ огни давно потухли,
 И голубка мной забыта.
 Эта внижечка — могила,
 Гдѣ любовь моя зарыта.

АЛЕКСѢЙ ГИЛЯРОВЪ.

ЕВРЕИ И ПОЛЯКИ

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

По новымъ матеріаламъ для юго-западнаго края.

Лѣтъ шесть тому назадъ, императорское русское географическое общество отправило члена своего, г. Чубинскаго, въ экспедицію въ нашъ юго-западный край, съ цѣлью этнографическаго и статистическаго описанія этого края. Г. Чубинскому удалось собрать множество разнаго рода матеріаловъ, получить отъ другихъ собирателей, какъ собраніе матеріаловъ, такъ и цѣлыя статьи и монографіи. Теперь это обширное собраніе издается географическимъ обществомъ подъ заглавіемъ: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ». Пова, съ 1872 по 1874 годъ, вышли: первый выпускъ перваго тома (вѣрованія и суевѣрія); томъ третій (народный дневникъ); томъ пятый (пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя); томъ шестой (народныя юридическіе обычаи, по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ), и первая половина седьмого тома (евреи и поляки). Каждый изъ этихъ томовъ имѣетъ немалое научное значеніе по своему матеріалу, но послѣдній томъ имѣетъ и общественный, и политическій интересъ, — почему мы и имѣваемся поговорить о немъ нѣсколько подробно. Это необходимо въ виду того въ особенности, что седьмой томъ изслѣдо-

ваній г. Чубинскаго, при всемъ своемъ публицистическомъ характерѣ, будучи частью многотомнаго и въ маломъ числѣ экземпляровъ изданнаго собранія, осужденъ на малое распространение въ публикѣ.

I.

Евреи и поляки въ нашихъ западныхъ губерніяхъ представляютъ не только народности, но вѣроисповѣданія и сословія: буржуазію и аристократію. Это обстоятельство не только усложняетъ всѣ явленія какъ религіозной, такъ и національной и сословной жизни этихъ губерній, но и затрудняетъ научное изслѣдованіе и выводы обо всѣхъ этихъ явленіяхъ. А то обстоятельство, что евреи и поляки въ западномъ край принадлежатъ къ классамъ общества, которые представляютъ такъ-называемые культурные слои общества, требуетъ совсѣмъ другихъ способовъ изслѣдованія, чѣмъ такъ-называемое этнографическое изслѣдованіе, обращаемое преимущественно на простонародье. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ случаѣ изслѣдованіе производится главнымъ образомъ черезъ опросъ, въ первомъ для успѣха дѣла надо не столько собирать данныя для характеристики быта, возрѣній и т. п. проявленій жизни, сколько наблюдать ихъ выраженіе въ собраніяхъ, учрежденіяхъ, въ печати. И если по чему-либо такого рода публичное проявленіе жизни этихъ сословій не имѣетъ мѣста, то, конечно, задача изслѣдованія ихъ жизни сильно затрудняется, тѣмъ болѣе, что относительно ихъ почти нельзя приложить метода опроса, да еслибъ и можно было, то далеко не всегда можно надѣяться получить правдивый отвѣтъ.

Въ тѣсномъ же смыслѣ статистическія данныя и объ этихъ сословіяхъ,—какъ на этотъ разъ и о крестьянскомъ,—могутъ быть собраны не столько экстренною, короткое время дѣйствующею экспедиціею, сколько хорошо устроенными постоянными статистическими учрежденіями. Вотъ почему, по необходимости, свѣдѣнія бытовыя и числовыя, сообщаемыя г. Чубинскимъ и его сотрудникомъ, о евреяхъ и полякахъ юго-западнаго края не могутъ быть ни полны, ни даже вполне точны. Что касается до евреевъ, то этнографическій очеркъ и очеркъ юридическихъ обычаевъ, основанныхъ на моисеево-талмудическомъ правѣ, составленные для собранія г. Чубинскаго г. Полинковскимъ, а также его приложение: «Объ общественномъ уравниніи евреевъ юго-западнаго края», во всякомъ случаѣ интересны и полезны—даже въ практи-

человѣкомъ отношеніи—для всякаго, живущаго въ этомъ краѣ. Статистическій же очеркъ еврейскаго населенія, его промышленности и т. п. заключаетъ въ себѣ только приблизительно вѣрныя данныя и расчеты, часто, видимо, писанные отъ руки,—такъ какъ данныя эти основаны на донесеніяхъ полицейскихъ,—а послѣдніе однодневныя переписи, въ разныхъ городахъ показали, какъ мало можно полагаться на нашихъ полицейскихъ статистиковъ. Признаемся, насъ нѣсколько удивляетъ та рѣшительность, съ которою г. Чубинскій опредѣляетъ, хотя и приблизительно, не только число евреевъ, занимающихся каждымъ отдѣльнымъ промысломъ, но даже количество дохода, ими отъ того получаемого¹⁾; только доходъ нищихъ-евреевъ, которыхъ г. Чубинскій насчиталъ 20,000 душъ, онъ затруднился опредѣлить. Приведемъ во всякомъ случаѣ числовыя данныя объ евреяхъ и о другихъ народностяхъ юго-западнаго края, какія выставлены г. Чубинскимъ на основаніи какъ полицейскихъ свѣдѣній, такъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приходскихъ списковъ. Всего въ трехъ губерніяхъ:

Малоруссовъ	4.850,000	(88,53%)
Евреевъ	750,000	(1,13%)
Поляковъ	91,000	(0,57%)
Великоруссовъ	50,000	(0,86%)
Нѣмцевъ	33,000	(0,56%)
Молдаванъ	12,000	(0,18%)
Чеховъ	7,000	(0,11%)
Прочихъ европейцевъ	1,000	{ (0,02%)
Цыганъ	1,000 (?)	
Карамовъ	450	
Татаръ	300	
	<hr/>	
	5.795,750	

Въ поясненіе числа поляковъ, малоруссовъ и великоруссовъ, здѣсь приведеннаго, слѣдуетъ сказать, что г. Чубинскій не всѣхъ католиковъ края считаетъ поляками. Католиковъ, по приходскимъ спискамъ, въ трехъ губерніяхъ 389,100 душъ — (по полицейскимъ 412,000 душъ). Изъ нихъ дворянъ 67,366, мѣщанъ 62,987, однодворцевъ 132,511, крестьянъ 126,236 (въ кievской губерніи 1,248, въ подольской 94,641, въ волынской 30,347). Принимая во вниманіе, что мѣщане, а особенно однодворцы и крестьяне-католики бытомъ болѣею частію мало отличаются отъ однословныхъ съ ними православныхъ, г. Чубинскій только од-

¹⁾ Любопытные могутъ его найти въ VII т. „Трудовъ“, на стр. 209.

нихъ дворянъ-католиковъ, 167,336, дѣлимомъ считается за поляковъ, — изъ остальныхъ же поляками считается мѣщанъ: 6,400, однодворцевъ — 13,200, крестьянъ — 5,060, — всего 91,000. Къ великоруссамъ г. Чубинскій относитъ, кромѣ всѣхъ раскольниковъ и старообрядцевъ (ок. 25,000), еще значительную часть русскихъ чиновниковъ, землевладѣльцевъ, купцовъ въ г. Киевѣ; — всего постоянно живущихъ великоруссовъ получается 50,000, а съ солдатами и прихожими рабочими до 100,000. Разсчетъ этотъ во всякомъ случаѣ остается на отвѣтственности г. Чубинскаго. Количество земли — у польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и русскихъ (малорусскихъ) крестьянъ г. Чубинскій разсчитываетъ такъ: у помѣщиковъ польскихъ — 6.000,000 десятинъ (на 6,000 семействъ), у русскихъ — до 1.500,000 (на 1,000 семействъ); у крестьянъ — 4.000,000 (на 3.070,000 душъ обоюго пола или 700,000 семействъ. Стоимость поземельной собственности у польскихъ помѣщиковъ г. Чубинскій опредѣляетъ въ 180.000,000 рубл., у русскихъ — 45.000,000 р.; годовой доходъ польскихъ помѣщиковъ до 30.000,000, т.-е. до 5,000 р. на семью; доходъ евреевъ — 36.200,000, т.-е. 290 р. на семью (изъ 6 душъ).

Самую слабую часть очерка объ евреяхъ представляется начало, въ которомъ г. Чубинскій касается общихъ сторонъ «еврейскаго вопроса», — указываетъ причины возникновенія его и касается средствъ разрѣшенія его, и такъ-называемой эмансипаціи евреевъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи серьезнѣе многихъ другихъ, если мы возьмемъ во вниманіе, что три только губерніи заключаютъ въ себѣ 750,000 евреевъ. У насъ не мало политиковъ, которые всѣ такъ-называемыя «язвы еврейства» въ западномъ краѣ объясняютъ коварствомъ или небреженіемъ польскаго правительства, которое всякими привилегіями накликало сюда евреевъ, поработившихъ потомъ этотъ край себѣ въ экономическомъ отношеніи. Объясненіе весьма простое. Ему соответствуютъ и практическія мѣры, тоже довольно простыя, которыя рекомендуются политиками такого рода: репрессалии противъ евреевъ, вѣроисповѣдныя привилегіи православнымъ купцамъ и предпринимателямъ, особенно переселяющимся изъ внутреннихъ, «нетронутыхъ еврействомъ» губерній. Польша, конечно, не безъ вины. Но чѣмъ, спрашивается виновата старая Польша въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи, такъ или иначе, но освободившейся отъ евреевъ въ XVII в. и въ которой еще въ началѣ XIX-го вѣка въ такомъ городѣ, какъ Лубны, былъ только одинъ еврей-купецъ, теперь евреи «забираютъ въ руки» всю экономическую жизнь края? При чемъ тутъ Польша, если то же мы видимъ и въ

Новороссiи, въ этомъ богатомъ краѣ, который былъ огражденъ отъ варваровъ энергической колонизаціей малорусскаго мужика, только за тѣмъ, чтобъ стать областью, гдѣ еврей господствуетъ надъ этимъ мужикомъ? Если всѣ невыгодныя стороны поселенія евреевъ въ западной Руси происходили отъ враждебнаго православно-русскимъ массамъ католическо-польскаго государства, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что русское государство, не дозволяя евреямъ селиться въ Великороссiи, способствовало сосредоточенію ихъ въ западномъ краѣ и въ южной Россiи? Очевидно, что причинъ, почему еврейство является такимъ вредно-эксплуаторскимъ элементомъ въ юго-западной Руси, надо искать глубже, — и мѣры для освобожденія тамошнихъ массъ отъ еврейской эксплуатаціи надо проецировать дѣйствительнѣе, чѣмъ репрессалии надъ евреями и переселеніе въ этотъ край русскихъ «кулаковъ». Такъ какъ теперь вѣра въ репрессалии, вмѣстѣ съ вѣроисповѣдною узостью, сильно ослабѣла, то этимъ объясняются тѣ колебанія и въ общественномъ мнѣніи, и въ самихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно евреевъ, — въ родѣ, напр., недавняго закона о недовозленіи евреямъ содержать шинки въ селахъ, тотчасъ послѣ изданія же парализованнаго отсрочкой его исполненія до 1-го января 1875 г., — срока, въ теченіи коего евреи, конечно, приняли мѣры къ тому, чтобъ вести торгъ водкою подъ чужимъ именемъ.

Объявляя еврейскій вопросъ въ Россiи важнымъ и требующимъ спокойнаго изученія для его разрѣшенія и объявляя, вѣроятно, во второмъ выпускѣ VII-го тома, изложить свой проектъ мѣръ по этому вопросу, — г. Чубинскій считаетъ необходимымъ предпослать этнографическимъ и статистическимъ даннымъ объ евреяхъ свой общій взглядъ на еврейскій вопросъ. Нельзя сказать, чтобъ взглядъ этотъ отличался прежде всего ясностью, и если мы остановимся на немъ, то только въ виду того, что такими же неясностями отличаются обыкновенно разсужденія объ еврейскомъ вопросѣ въ нашей печати. Справедливо говоря, что евреи представляютъ въ краѣ элементъ, эксплуатирующій трудъ крестьянина, и не менѣе справедливо отвѣчая евреямъ-публицистамъ, что всѣ невыгодныя стороны еврейскаго вопроса не устраняются одной «амансипаціей евреевъ» (мы прибавимъ, особенно такую, о какой у насъ только и говорятъ, т.-е. только уравненіемъ въ правахъ съ христіанами), — г. Чубинскій однакожъ говоритъ:

«Нельзя пренебрегать интересами христіанскаго рабочаго населенія, эксплуатируемаго евреями. Получивъ въ данное время всѣ

права, евреи подавятъ крестьянина и онъ, освобожденный отъ юридическаго рабства, попадетъ въ рабство экономическое.

«Нельзя забывать тѣхъ враждебныхъ чувствъ, съ которыми населеніе относится къ евреямъ (?!).»

«Нельзя забывать тѣхъ печальныхъ явленій народной мести, которыя ознаменовали собою вторую половину прошлаго столѣтія (?!).»

«Не надо забывать, что гонимый еврей дѣйствовалъ вмѣстѣ съ паномъ по отношенію къ крестьянину.»

«Не надо забывать, что крестьянинъ еще первое десятилѣтіе пользуется свободой,—а цѣлыя вѣка испытывалъ гораздо большія бѣдствія, чѣмъ еврей.»

Положимъ, все это и еще другое многое нельзя и не надо забывать,—да все-жъ-таки, что дѣлать съ евреями? Г. Чубинскій все вышеписанное сказалъ, кажется, въ подтвержденіе дальнѣйшей мысли, что «слѣдуетъ стремиться къ равноправности евреевъ,—но въ этомъ должна быть извѣстная (?) постепенность». Но какая постепенность?—постепенность ли предоставленія евреямъ правъ одного за другимъ,—или постепенность въ предоставленіи извѣстныхъ правъ извѣстнымъ категоріямъ евреевъ,—въ роляхъ того, какъ это и дѣлалось до сихъ поръ? Въ томъ и другомъ случаѣ, будетъ ли предупреждена эксплуатація евреями христіанскаго рабочаго населенія,—если еврей, какъ говорить и г. Чубинскій, и теперь, не будучи уравниенъ въ правахъ съ христіанами, все равно эксплуатируютъ этихъ послѣднихъ. Размышленіе надъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ приводитъ къ такому выводу, что ни постепенность эмансипаціи евреевъ, ни ограниченіе правъ ихъ не поможетъ бѣдѣ. Еврейство, въ этомъ смыслѣ, есть извѣстная, патологическая, положимъ, но все же естественная функція,—которая не можетъ быть устранена, пока не будутъ устранены условія, ея производящія; устраните «жидовъ» и «жидовъ»—евреевъ, будутъ «жидки» и «жиды» другого вѣроисповѣданія. Быть можетъ даже, существованіе въ западномъ краѣ «жидовъ», отличныхъ отъ массы языкомъ и вѣрою, имѣетъ и свои выгодныя стороны, потому что не даетъ уснуть общественной мысли и толкаетъ ее къ изслѣдованію экономической жизни и къ отысканію средствъ врачеванія ея болѣзней.

Сколько мы понимаемъ сущность еврейскаго вопроса въ западномъ краѣ,—онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія стороны: а) евреи представляютъ тамъ элементъ, не производящій цѣнностей; болѣе или менѣе всѣ они могутъ быть подведены подъ категорію купцовъ; б) этихъ купцовъ слишкомъ много, а потому

содержаніе ихъ слишкомъ дорого обходится рабочимъ классамъ; с) эти купцы выдѣляются изъ массы, какъ болѣе обособленная и болѣе солидарная корпорація, благодаря тому, что они вмѣстѣ и сословіе, и нація, и вѣроисповѣдное общество,—почему относительно евреевъ замѣчаемъ то явленіе, что тѣмъ гдѣ ихъ больше, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники; это явленіе противно закону конкуренціи,—но объясняется тѣмъ, что обязанные охранять свое существованіе тѣмъ больше, чѣмъ ихъ больше,—они тѣмъ вѣрнѣе держатся другъ за друга и производятъ стачку ¹⁾; d) евреи, вромѣ того, представляютъ особое общество,—въ которомъ, въ свою очередь, есть эксплуатируемые и эксплуатирующие,—и такъ какъ это общество связано отсталюю религіозною цивилизаціею, то въ немъ способны для эксплуатаціи однимъ другими легче; е) евреи, наконецъ, представляютъ классъ людей, принадлежащій къ религіи, которая, по старымъ понятіямъ объ отношеніи церкви и государства, — считалась и считается низшею, едва терпимою, чѣмъ и объясняются первоначально ограниченія ихъ гражданскихъ правъ. Всѣ эти стороны еврейскаго вопроса находятся въ связи между собою; такъ, напримѣръ, долговременное презрѣніе евреевъ христіанами усилило солидарность ихъ между собою, откровенность отъ другихъ; породило у нихъ убѣжденіе въ полной правотѣ всякаго рода эксплуатаціи христіанъ и т. п. Но тѣмъ не менѣе каждая сторона еврейскаго вопроса имѣетъ и самостоятельное значеніе, и каждая для своего устраненія требуетъ особыхъ мѣръ и притомъ проводимыхъ такъ, чтобы одна мѣра не мѣшала другой. Между тѣмъ, мы видимъ издавна смѣшеніе понятій о разныхъ сторонахъ еврейскаго вопроса, какъ у друзей, такъ и у враговъ еврейства. Защитники еврейской эмансипаціи, напримѣръ, готовы совершенно отрицать тѣ стороны вопроса, которыя мы отмѣтили буквами а, b, с, d. Наша такъ-называемая «либеральная еврейская пресса», органы «образованныхъ евреевъ»,

¹⁾ Между прочимъ, подтвержденіе сказанному можно видѣть изъ сравненія цѣнъ на предметы крестьянскаго производства и потребления въ Малороссіи на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра, какое мы находимъ въ статьѣ г. Волкова „О сельскихъ артеляхъ и о значеніи ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности“, напечатанной въ I томѣ „Записокъ Югозападнаго Отдѣла Императ. Рускаго Географич. Общ.“ (Кіевъ 1874), особ. стр. 278. Глиняные кувшины, которые у крестьянъ (производителей) продаются въ Борисполѣ по 8 коп., у евреевъ, въ Хвостовѣ, 15 к.; сапоги въ Б.—4—5 р., въ Хв.—5—6 р., и т. д. Цифры эти поучительны въ виду людно распространеннаго мнѣнія, что еврейская конкуренція способствуетъ пониженію цѣнъ. Это было бы такъ, еслибы евреи сами работали, а не скупали и продавали предметы, сработанные крестьянами.

«прогрессистовъ», представляеть въ этомъ отношеніи весьма любопытное явленіе: она только и говоритъ о притѣсненіяхъ евреевъ со стороны христіанъ и вовсе не примѣняетъ критики къ своимъ, исключая только жалобъ, и то косвенныхъ, на своихъ «старовѣровъ», заворенѣлыхъ въ дѣлѣ исполненія внѣшнихъ обрядовъ. Въ предпоследнее время эти прогрессисты выставляли, какъ предметъ своей заботливости, сближеніе евреевъ съ русскими, «обрусеніе» евреевъ, — хотя еще недавно они выставляли, какъ особый признакъ еврейскаго прогресса, замѣну такъ-называемаго «жаргона» литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ въ проповѣди и разговорѣ, — стремленіе, далеко не прекратившееся въ самой Одессѣ, этомъ центрѣ еврейскаго прогресса. Страннымъ образомъ прогрессивная партія еврейская не говоритъ даже о томъ, что весь нынѣшній паразитный бытъ евреевъ не ведетъ даже къ довольству массы еврейской, которая въ существѣ дѣла бѣдствуетъ страшно и служитъ только орудіемъ для обогащенія «еврейскихъ тузовъ», — и что эти послѣдніе въ сущности даже и не желаютъ полного уравненія правъ евреевъ съ христіанами, даже, напримѣръ, предоставленія всѣмъ евреямъ права жить по всей Россіи, — потому что тотъ бѣднякъ-еврей, который обираетъ бѣлорусса-мужика, такъ-какъ ему почти ничего не остается дѣлать другого, нуженъ для того, чтобы богатый еврей-подрядчикъ нанялъ подешевле рабочаго и т. п. Такимъ образомъ, эта яко бы прогрессивная еврейская партія не представляетъ собою ничего прогрессивнаго, критическаго, ни съ общей, ни съ частной еврейской точки зрѣнія: у ней не видно пониманія интересовъ массы ни христіанской, ни еврейской, а потому она не можетъ указать вѣрныхъ средствъ для рѣшенія еврейскаго вопроса.

Но и у противниковъ эмансипаціи евреевъ замѣтна односторонность или, лучше, неумѣніе различить разныя стороны еврейскаго вопроса. Еще въ средніе вѣка жаловались на способы торговаго еврейскаго, — но не за эти способы гнали евреевъ, а потому гоненія не только не уничтожали «жидовства» въ евреяхъ, а усиливали его. Теперь не средніе вѣка, — но время кантонистовъ-евреевъ не далеко. И теперь есть цѣлый рядъ ограниченій правъ еврейскихъ, который вовсе не уменьшаетъ эксплуатаціи евреями христіанскихъ массъ, а служитъ только остаткомъ средневѣковыхъ предразсудковъ прогивъ евреевъ. Таково, напримѣръ, запрещеніе имъ жить въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ вѣкахъ, полезное только купцамъ великорусскимъ, наслѣдникамъ тѣхъ «торговыхъ людей», которые не хотѣли допущенія въ московское царство не только евреевъ, но и англичанъ, голланд-

цель и т. п. Кому, напримѣръ, кромѣ мелкихъ чиновъ полиціи, принесло пользу недавнее переселеніе евреевъ изъ *однихъ* кварталовъ Кіева въ *другіе*? Извѣстная часть даже либеральной прессы радуется запрещенію евреямъ содержать шинки въ селахъ, но это запрещеніе основано на недовolenіи евреямъ покупать дома въ селахъ въ западномъ краѣ,—а это послѣднее, сосредоточивая евреевъ въ мѣстечкахъ, поддерживаетъ ихъ замкнутость, ихъ отчужденность отъ русскаго населенія, которая считается вреднымъ явленіемъ. Всѣ толкуютъ объ этой замкнутости,—о трудности для русскаго племени ассимилировать такую массу евреевъ, и однакожь наши брачныя законы, наши конфессіональныя школы и такое же веденіе метрическихъ книгъ, все ведетъ къ тому, чтобы удержать замкнутость еврейства. По принципамъ нашей системы отношеній между церковью и государствомъ, мы должны или сами «бюсти: правовѣрно ли евреи отрицаются отъ Христа», заводить специально-еврейскія школы, гдѣ директоры-христіане рѣшаютъ вопросы о «трефѣ» и «кошерѣ» и т. д.,—или же, взявъ съ евреевъ подати, не давать имъ школы, какія имъ нравятся, не держать еврейскаго законоучителя въ общинахъ учебныхъ заведенійхъ. Мы говоримъ о равноправности, о вѣротерпимости, о необходимости слить евреевъ съ христіанами,—а присяга, въ которой приводятъ евреевъ въ судѣ, заключаетъ въ себѣ оскорбительное недовѣріе къ евреямъ, равно, какъ и желаемое многими изъятіе метрическихъ книгъ изъ вѣдѣнія однихъ только раввиновъ. Мы съ такою постепенностью стремимся къ эмансипаціи евреевъ, что, не избавляя юго-западной Россіи отъ бремени еврейства какъ разъ въ то время, когда она переходитъ отъ натурального хозяйства къ денежному, дѣлаемъ Великороссію сопричастною только благу имѣть еврейскихъ концессіонеровъ, банкировъ, адвокатовъ и т. д., и т. д.

Очевидно, что выходъ изъ еврейскаго вопроса, выгодный для *большинства* и христіанъ и евреевъ, возможенъ только при послѣдовательномъ проведеніи мѣръ, вызываемыхъ каждою стороною еврейскаго вопроса. Въ вопросѣ этомъ, какъ мы видѣли, заключается нѣсколько вопросовъ: объ эмансипаціи производительныхъ классовъ въ юго-западной Руси отъ слишкомъ большого числа посредниковъ-вупцовъ, объ эмансипаціи еврейской массы отъ предрасудковъ и отъ эксплуатаціи ихъ своими падками, богачами, наконецъ объ эмансипаціи евреевъ отъ неравноправности ихъ съ христіанами. Первое требуетъ цѣлаго ряда дѣйствій для поднятія народнаго образованія и воспитанія въ народѣ самостоятельности, организаціи народнаго кредита и т. п.

Послѣднее, конечно, требуетъ только двухъ-трехъ законодательныхъ мѣръ. Второе было бы отчасти слѣдствіемъ перваго, — такъ какъ еврейская масса, увидѣвъ, что пожива на счетъ крестьянъ стала труднѣе, обратилась бы къ производительному труду; для полнаго же своего завершения, равно какъ и для достиженія цѣли всѣхъ желаній по еврейскому вопросу, для полнаго слитія евреевъ съ христіанами — потребовалась бы и эмансипація самихъ христіанъ отъ остатковъ средневѣковыхъ формъ общественной жизни, и такъ какъ первое, и это второе, конечно, вещи трудно осуществимыя, то мы не сомнѣваемся, что еврейскій вопросъ въ самыхъ его серьезныхъ сторонахъ останется у насъ въ томъ же положеніи, какъ и теперь, до тѣхъ поръ, когда настанетъ время, которое прошло уже для другихъ европейскихъ странъ — время уравненія правъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, т. е. осуществится самая легкая изъ всѣхъ мѣръ по еврейскому вопросу. Тогда, конечно, евреи въ западномъ краѣ станутъ въ такое же преобладающее положеніе, въ какомъ они находятся въ Галиціи, — и тогда только станетъ яснымъ для всѣхъ, куда собственно должны были направить свои труды тѣ, кто, исходя изъ заботъ о рабочихъ классахъ, плакался на эмансипацію евреевъ и желалъ хоть постепенности въ ея проведеніи.

Если же тогда будетъ еще труднѣе, чѣмъ теперь, противо-дѣйствовать еврейскому паразитству въ юго-западной Россіи, которая, повторяемъ, именно теперь, на переходѣ отъ натурального въ денежное хозяйство, попадаетъ въ руки евреевъ, несмотря ни на какіе палліативы противъ нихъ, то въ этомъ сильно будутъ виноваты тѣ малодогадливые друзья рабочихъ, христіанскихъ массъ, въ этомъ краю, которые опасались еврейской эмансипаціи и видѣли спасеніе въ палліативныхъ репрессаліяхъ противъ евреевъ. Тѣ, которые, слушая сѣтованія мѣстной интеллигенціи, были на сторонѣ всякихъ ограниченій правъ евреевъ, противныхъ общему духу новѣйшей политики нашего правительства, — могли бы гораздо больше послужить дѣлу ослабленія еврейскаго паразитства, если бы направили свою энергію на устройство школъ народныхъ, которыя въ юго-западномъ краѣ стоятъ десять лѣтъ на точкѣ замерзанія, на организацію сельскаго кредита въ западномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни земства, ни комитета о кустарной промышленности и т. п. Если бы друзья русскаго народа въ западномъ краѣ порѣшили для себя безповоротно, теоретически, вопросъ о гражданской равноправности евреевъ съ христіанами, они бы выяснили, что, напр., податная реформа гораздо больше облегчила бы оброку, который платитъ теперь

крестьянинъ «жиду», чѣмъ всякія стѣсненія правъ еврея на торгъ; что, напр., смотрѣніе за тѣмъ, чтобы «жиды» на базарѣ и на дорогахъ среди бѣлаго дня не хватали съ возовъ крестьянскихъ продуктовъ—(сены, какія можно видѣть при существованіи даже мирового суда),—гораздо болѣе радикальная мѣра для разрѣшенія еврейскаго вопроса, чѣмъ такія мѣропріятія, какъ перегонъ евреевъ изъ однихъ кварталовъ Кіева въ другіе, мѣра, которую привѣтствовала мѣстная печать, или же прицѣпки къ одеждѣ, свадебнымъ процессіямъ евреевъ, а особенно недопущеніе евреевъ къ такимъ профессіямъ, какъ акушерство, и много другихъ мелочей и стѣсненій, вторыми особенно богата волынская губернія.

По всей вѣроятности и изслѣдованіе г. Чубинскаго было бы полнѣе касательно евреевъ въ юго-западномъ краѣ, если бы ему были теоретически ясны всѣ стороны еврейскаго вопроса. Въ настоящемъ своемъ видѣ, за исключеніемъ этнографическаго и юридическаго очерка г. Полинковскаго, собственно экономическая и статистическая часть статьи объ евреяхъ въ «Матеріалахъ» экспедиціи г. Чубинскаго довольно неполна. Впрочемъ, мы охотно соглашаемся, что бѣглая и разносторонняя экспедиція одного человека и не могла собрать много свѣдѣній о деталяхъ экономическихъ отношеній евреевъ съ разными классами христіанъ. Тутъ необходимы спеціальныя наблюденія въ родѣ тѣхъ, какія напечатаны въ вышеупомянутой статьѣ г. Волкова, матеріалы для которой тоже отчасти доставлены г. Чубинскимъ. Такихъ наблюденій мы вправѣ ожидать отъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества.

II.

Еще болѣе неполонъ въ VII т. «Матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ г. Чубинскимъ» отдѣлъ: «Поляки юго-западнаго края»¹⁾. Съ статистическою частію этого отдѣла мы уже нѣсколько знакомы. Въ этнографическомъ отношеніи было бы интересно имѣть данныя о бытѣ католической шляхты и крестьянъ

¹⁾ Очеркъ этотъ (стр. 216—291) состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Введеніе; 2) Краткій историческій очеркъ ополченія юго-западнаго края; 3) Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ; 4) Нравы, обычаи, семейный и общественный бытъ; 5) Особенности литературы и языка; 6) Коренныя причины антагонизма съ великоруссами и вліяніе въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; 7) Статистическія данныя о восточникахъ и въ томъ числѣ о полякахъ юго-западнаго края.—Все это на 85 страницахъ.

волинской и подольской губерній, въ которой есть нѣсколько сель такъ-называемыхъ мазурскихъ, т.-е. чистыхъ поляковъ, переселенныхъ изъ царства польскаго. Но этихъ данныхъ вовсе нѣтъ въ «Матеріалахъ». Одни утверженія, что католическая шляхта и крестьяне мало или вовсе не отличаются бытомъ отъ православныхъ, кажутся намъ голословными. Въ очеркѣ быта бѣлоруссовъ, составленномъ для «Этнографическаго Сборника» г. Киркоромъ, приведены примѣры языка шляхты и крестьянъ-католиковъ, изъ коихъ видно, что языкъ этотъ достаточно полонизованъ. Желательно было бы имѣть такіе же примѣры и изъ малорусской области. Интересно бы было имѣть образцы пѣсенъ изъ волоній мазурскихъ въ подольской губерніи, а также образцы пѣсенъ, какія поетъ шляхта католическая. Три этнографическіе очерка (3—5), принадлежащіе г. Михальчуку, заключаютъ мѣстами интересныя данныя, но переданныя кратко и бѣгло, — а вромѣ того, въ этихъ, и безъ того короткихъ, очеркахъ тратится много мѣста на общія мѣста всѣхъ нашихъ разговоровъ о полякахъ: о прошломъ Польши, объ ультрамонтанствѣ и т. п. Изъ такихъ общихъ мѣстъ состоитъ почти весь очеркъ «Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ», — въ которомъ авторъ только мимоходомъ рассказываетъ такія интересныя вещи, какъ, напримѣръ, существованіе въ Волини и Подоліи смѣшанныхъ цеховыхъ братствъ изъ католиковъ и православныхъ, которыя являются въ полномъ составѣ въ костель и въ церковь на праздники, или, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православные ходятъ *на отпусты* въ костелы и поклоняются католическимъ чудотворнымъ иконамъ (въ Бердичевѣ, Брацлавѣ, Легичевѣ, Любарѣ, Тарнорудѣ и др.); не понимая латинскаго богослуженія и польской проповѣди, православные слушаютъ съ удовольствіемъ религіозную музыку и смотрять эффектные обряды. Авторъ затрогиваетъ такіе факты по поводу вопроса о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе, — мѣра, которая способствовала бы демократизаціи католицизма въ юго-западномъ краѣ, но которой противится теперешнее католическое духовенство въ этомъ краѣ, такъ какъ для него католицизмъ неразрывно связанъ съ полонизмомъ и латынью, исключая немногихъ, какъ говоритъ г. Михальчукъ, «товѣхъ политиковъ католицизма, которые благосклонно смотрятъ на эту мѣру, хотя и прикидываются ея противниками; они думаютъ, что эта мѣра упрочитъ за ними низшіе классы католическаго населенія и даже повліяетъ на православныхъ крестьянъ и мѣщанъ». Последняго, какъ извѣстно, опасаются и многіе «тонкіе политики» со стороны православной, — почему, между прочимъ,

«обрусеніе католицизма», о которомъ такъ много было говорено нѣсколько лѣтъ назадъ, подвигается медленно. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ вызываетъ много другихъ, довольно трудныхъ при нашей наклонности къ регламентации всѣхъ жизненныхъ явленій напимѣръ, вопросъ о проповѣди католической и православной, изъ коихъ послѣдняя, какъ извѣстно, обставлена цензурными формальностями и коей вмѣнено въ обязанность избѣгать всего простонароднаго, областного, — вопросъ о духовныхъ стихахъ (которые играютъ важную роль въ католическихъ обрядахъ, какъ отусты, рожанцы и т. п.). Въ XVII—XVIII в. въ западной Руси и униаты, и католики, и протестанты, а не одни православные старались писать, говорить и пѣть о религіозныхъ предметахъ на мѣстномъ языкѣ русскаго населенія. Послѣ же паденія Польши только православное стало считаться русскимъ, и, кромѣ того, жизненные проявленія самаго православія подверглись строгой регламентации. Соответственно этому, католицизмъ еще болѣе удалился отъ руссизма, чѣмъ это было въ польскомъ государствѣ даже въ XVIII в. Но тѣмъ не менѣе народная жизнь не скоро поддается регламентации, а потому въ западномъ краѣ должно быть немало проявленій и близости православія и католицизма съ мѣстнымъ народнымъ элементомъ, и близости ихъ между собою. Проявленія эти должны играть роль зародышей лучшаго порядка въ будущемъ.

Вотъ почему, въ ожиданіи того времени, когда свобода религіозной жизни дастъ энергическій толчокъ желанному процессу располоченія и расплыхчиванія религіозности западнаго края, интересно было бы болѣе подробное изслѣдованіе всякихъ проявленій религіозной жизни и взаимнаго соотношенія различныхъ ея элементовъ въ этомъ краѣ, — чѣмъ то, которое находимъ въ очеркѣ г. Михальчука.

Другая интересная сторона положенія польскаго католицизма въ юго-западномъ краѣ представляется тоже мимоходомъ разсказаннымъ въ этомъ очеркѣ фактомъ о томъ, какъ въ Кіевѣ появился въ 40-хъ годахъ, подъ влияніемъ русскаго философскаго направленія литературы, альманахъ «Gwiazda». Сколько разъ было говорено, что католическій романтизмъ — опора сепаратистическихъ тенденцій польской шляхты, а потому, казалось бы, враждебное этому романтизму изданіе должно было быть поддержано съ нашей стороны. Между тѣмъ, изданіе «Gwiazdy» было прекращено благодаря инсинуациямъ ультра-католической партіи, группировавшейся вокругъ редакціи «Tygodnika Petersburgskiego». Характерно, что редакторы «Gwiazdy», желая прикрыть анти-

іезуитское направленіе своего изданія, назначили выручку съ него на постройку костѣла. Но не менѣе характерно и самое прекращеніе изданія, которое подрывало основу враждебнаго Россіи направленія, прекращеніе, происшедшее по инсинуаціямъ изданія ультра-католическаго, которое считалось за самое благонамѣренное. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ догадливости нашего блага «панургова стада», котораго и существованія не подозрѣваютъ тѣ, кто такъ много кричитъ о томъ, будто вся критическая русская мысль есть дитя «польской интриги».

Самыя интересныя главы въ очеркѣ о полякахъ: глава о нравахъ, обычаяхъ, семейномъ и общественномъ бытѣ, и глава объ особенностяхъ литературы и языка. Большая часть первой наполнена описаніемъ такъ-сказать польской «обломовщины» недавняго времени, — описаніе, которое, конечно, очень строго къ польской шляхтѣ, и которому, для справедливости оцѣнки польской шляхты, мы бы желали только памяти о бытѣ русской интеллигенціи, описанной Гоголемъ, Тургеневымъ, Писемскимъ и т. д. Но, кромѣ того, объ главы заключаютъ въ себѣ указанія данныхъ, по которымъ мы можемъ судить о томъ процессѣ, въ которомъ у насъ совсѣмъ почти не имѣютъ понятія и никогда не говорятъ, когда зайдетъ рѣчь о жизни западнаго края. Какъ извѣстно, наши публицисты воображаютъ, что они открыли русскій характеръ этого края только въ 1863 г., и понятія не имѣютъ о томъ, что въ тридцатилѣтіе передъ тѣмъ польскій элементъ, въ юго-западномъ краѣ, постепенно все больше поддавался вліянію русскихъ массъ края, и что тотъ же процессъ, хотя въ меньшей степени, пропорціонально бблшей пассивности бблрусской народности сѣверо-западнаго края, замѣчается и въ этомъ послѣднемъ.

Уже въ XVIII в. большая часть дворянства въ юго-западномъ краѣ была оторвана отъ народа въ силу сословныхъ привилегій и предрасудковъ. Недавно разобранная въ «Вѣстникѣ Европы» переписка Браницкаго съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ не показываетъ со стороны польскаго правительства и польскихъ государственныхъ людей и тѣни пониманія причинъ, почему народъ шелъ въ гайдамаки. Ничтожный количественно кружокъ Костюшки, усвоившій идеи XVIII в., не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе. Характерно, что во время присоединенія юго-западнаго края къ Россіи еще были въ немъ остатки православнаго дворянства, — но ни отсюда не видно, чтобъ и онъ понимало нужды и раздѣляло интересы православнаго народа. Послѣднимъ въ этомъ отношеніи былъ Данило Братковскій, дв

рянинъ брацлавскаго воеводства, казенный шляхетскимъ судомъ за то, что шелъ въ крестьянскомъ платьѣ поднять, вмѣстѣ съ казаконъ Семеномъ Палиемъ, православно-крестьянское возстаніе. Это былъ послѣдній русско-народный шляхтичъ и первый *хлопомъ* въ правобережной Украйнѣ ¹⁾. Существовавшее еще въ 1775 году на Волыни и въ Подоліи дворянство православное успѣло стать католическимъ и вполнѣ польскимъ уже по присоединеніи этого края къ Россіи. Г. Юзефовичъ, котораго г. Чубинскій цитируетъ какъ авторитетъ, говоритъ по этому поводу: «нѣтъ сомнѣнія, что національная политика Екатерины Великой оберегла бы эти остатки, какъ добрый запасъ обратнаго обрусенія возвращеннаго Россіи края; но извѣстно, что, по кончинѣ мудрой государыни, ея политика по польскому вопросу испытала крутой поворотъ и уступила мѣсто формальному официальному признанію польской національности въ нашихъ западныхъ областяхъ, послѣ чего этимъ остаткамъ ничего не предстояло болѣе, какъ подчиниться началамъ, признаннымъ закономъ господствующими верховною властію самой Россіи». Въ такихъ историческихъ объясненіяхъ прошлаго, основанныхъ на поверхностномъ знакомствѣ съ предметомъ, лежить источникъ, — въ сожалѣнію, довольно распространенныхъ у насъ ложныхъ идей и плановъ о мѣропріятіяхъ въ настоящемъ. Екатерининская политика относительно «губерній, отъ Польши возвращенныхъ», именно и была причиною, почему польскій элементъ въ нихъ, особенно въ юго-западномъ краѣ, сталъ крѣпче подъ властію Россіи, чѣмъ былъ прежде, подъ властію Польши. Не въ томъ дѣло, что Екатерина II титуловала эти губерніи отъ Польши возвращенными, а Павелъ I и Александръ I смотрѣли на нихъ по временамъ, какъ на несправедливо похищенные, а въ томъ, что и Екатерина II не видѣла тутъ народа, а только шляхту, что она подерѣпила російской дворянской грамотой власть польской шляхты надъ русскими хлопами, раздала немало прежде вольныхъ сель, и даже мѣстечекъ (изъ коихъ, напримѣръ, Бѣлая-Церковь имѣла даже магдебургское право) польскимъ вельможамъ, съ цѣлью привлечь ихъ къ новому порядку вещей. Множество показаній современниковъ, какъ нѣмецкихъ, такъ и польскихъ, свидѣтельствуютъ, что польскіе паны въ областяхъ, доставшихся Россіи въ концѣ XVIII в., были чрезвычайно довольны русскими порядками и хвалились ими передъ своими собратами, доставшимися Пруссіи и

¹⁾ Объ немъ см. у г. Вл. Антоновича: „Послѣднія времена козачества на правомъ берегу Днѣпра“. Кіевъ, 1867.

Австріи, которыхъ правительства, болѣе вѣрныхъ духу XVIII в., сейчасъ же наложили руку на феодальныя привилегіи шляхты надъ народомъ польскимъ и русскимъ (въ Галиціи).

Какъ будто нарочно, чтобъ выставить неосновательность разсужденій г. Юзефовича, г. Чубинскій ставитъ рядомъ съ ними выписку изъ статьи г. Антоновича «О крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1799 годовъ»: «Въ 1792 году южно-русскій край былъ возвращенъ Россіи, и шляхетскій порядокъ долженъ былъ уложиться въ новыя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время оказалось, что формы эти не только не враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, въ которыхъ стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени подготовляли его осуществленіе. Шляхтичи терали, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи-Посполитой до «права меча», но за то экономическое ихъ господство было вполне признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которою въ Россію оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи-Посполитой ¹⁾. Хитрость и уловки въ отношеніи къ крестьянамъ (г. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи изобразилъ систему льготъ крестьянамъ со стороны пановъ въ прежнее время, въ виду возможности побѣговъ крестьянскихъ на Запорожье, а также такихъ движеній, какъ «уманьская рѣзня») сдѣлались лишни, явились средства удержать ихъ отъ побѣговъ, обращаясь въ администраціи, а не къ льготамъ и приманкамъ, какъ было прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (съ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данныя ими дарственныя записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права на поземельную собственность утверждались болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нерѣдко къ перегону жителей цѣлыми селами и мѣстечками на новыя мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее... Шляхта, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, наконецъ сломала долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полного торжества».

¹⁾ Мы должны, впрочемъ, прибавить, что и „право меча“ достаточно вознаграждаетъ правомъ отдать крестьянина въ солдаты, сослать въ Сибирь, а равно возможностью, при подкупной администраціи, состоявшей на добрую долю изъ своего брата, прикрыть и самое убійство крестьянина.

Въ этомъ процессѣ, который называется «ополяченіемъ» западной Руси, не было такимъ образомъ никакой «польской интриги» (какъ вообще, объяснять общественныя явленія такими *deus ex machina* показываетъ слабость историческаго образованія); это былъ естественный процессъ, совершавшійся въ силу идей, которыя господствовали въ извѣстное время всюду. По этимъ идеямъ только паны считались за политическую націю,—паны же всячески старались отдалиться отъ народа; что же мудренаго, что польскій панъ старался говорить по-латыни, что за нимъ шелъ панъ русскій, который говорилъ по-польски,—какъ потомъ онъ и другіе говорили по-французски,—что даже прежнее русское правительство, заставъ въ западномъ краѣ большинство пановъ польскимъ, внутри себя искренно считало край этотъ польскимъ? Что мудренаго, что государство, которое само было основано тогда на крѣпостномъ правѣ, поддержало, а не ослабило власть польскихъ пановъ надъ русскимъ хлопомъ? Одинъ официальный руссизмъ правительства Екатерины II-й былъ ничтоженъ въ своемъ вліяніи противъ такого сильнаго средства въ ополяченію края, какъ крѣпостное право и дворянская грамота. Что же мудренаго, что и самъ руссизмъ этотъ скоро подался, что бывшіе еще въ XVIII в. дворяне православные продолжали сливаться съ польскими, что само духовенство православное, даже въ самое послѣднее время, говорило въ семьяхъ по-польски, въ силу того, что Велико-русія далеко, по-русски говорятъ только хлопья, а окрестные паны—т.-е. единственные «порядочные люди» — поляки? Ничего удивительнаго и въ томъ, что именно послѣ присоединенія западнаго края, въ концѣ прошедшаго вѣка, въ русской имперіи, въ немъ исчезаетъ постепенно русскій католицизмъ, русское протестантство, даже русское униатство, и все не-хлопское,—даже то, что прежде, какъ кальвинисты, враждовало съ польскимъ государствомъ, становится само польскимъ и начинаетъ стремиться къ восстановленію Польши.

III.

Несмотря, однако, на всѣ уступки правительства Александра I-го польско-дворянскому элементу въ западномъ краѣ, гуманныя идеи этого правительства все же стали примѣняться сколько-нибудь систематически и въ западной Руси, и уже одно прекращеніе съ того времени раздачи крестьянъ помѣщикамъ слѣдуетъ считать за болѣе сильную преграду дальнѣйшему ополяченію края,

тѣмъ всѣ предыдущія поверхностныя мѣры. Со времени Александра I-го западный край начинаетъ покрываться учебными заведениями, пускай сначала польскими (такъ какъ эти заведения основывались помѣщиками), а потомъ уже русскими, тѣмъ не менѣе эти заведения свидѣтельствовали о проникновеніи въ извѣстные слои такихъ идей, которыя постепенно разложили старыя феодальныя идеалы. Подъ вліяніемъ новыхъ идей начинается, какъ на польской сторонѣ, такъ и на русской, постепенно растущая реакція въ пользу «хлопа» въ западной Руси, а потомъ и въ пользу народности этого хлопа.

Какъ мы сказали, VII-й томъ «Матеріаловъ», собранныхъ г. Чубинскимъ, заключаетъ хотя короткій, но интересный, особенно при полномъ почти незнакомствѣ нашей публики съ этимъ предметомъ, очеркъ того вліянія, какое производилъ въ теченіе XIX в. мѣстный народный элементъ на польское общество, литературу, языкъ, искусство, — исторію вниманія польской шляхты юго-западнаго края къ мѣстной русской народности. Поляки юго-западнаго края считали, конечно, эту народность равновидностью польской, какъ вообще всю эту землю частію Польши, — но дѣло въ томъ, что они стали постепенно изучать ее, изображать въ повѣстяхъ, разумѣется, по-своему, возбуждать, тоже по-своему, симпатію къ хлопамъ. На стр. 251—257 этого тома читатель найдетъ перечень польскихъ поэтовъ и романистовъ, которые брали сюжеты изъ исторіи и народнаго быта Украйны (Богданъ Залѣвскій, Северинъ Гоцинскій, Крашевскій, Корженѣвскій, М. Грабовскій, Чайковскій и др.); поэтовъ, которые даже стали писать по-малорусски (Падура, Осташевскій, Бонковичъ и др.); издателей этнографическихъ и музыкальныхъ сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ (Вацлавъ въ Олеска, Жегота Паули, Новосельскій, Рубликовскій, Коципанскій)¹⁾; композиторовъ, которые разработывали украинскія мелодіи, какъ, напр., самъ Монюшко; историковъ и археологовъ, какъ, напр., Чарноцкій, Бѣлевскій, Пржездецкій, и т. п.; филологовъ, какъ Ловинскій, который издалъ первую въ Галиціи малорусскую грамматику (у насъ первую и единственную издалъ Павловскій въ 1818 г.). На стр. 257—270 читатель найдетъ матеріалъ для заключенія о вліяніи малорусскаго языка не только на разговорный языкъ поляковъ юго-западнаго края, но

¹⁾ Въ числѣ этихъ собирателей былъ и Ходаковскій (Чарноцкій), котораго сборникъ пѣсенъ купилъ по его смерти М. А. Максимовичъ. Это едва ли не первый страстный археологъ и этнографъ южно-русскій между поляками и русскими. Уже въ началѣ XIX-го в. онъ сталъ (въ польскихъ журналахъ) говорить о древностяхъ, преданіяхъ и поэзіи южно-русской. Ходаковскій заслуживалъ бы біографіи.

и на литературный польскій. Это можетъ удивить читателя, который слышался толковъ нашей печати объ ополяченіи самихъ малоруссовъ и ихъ языка. Но самый выводъ объ этомъ ополяченіи основанъ частію на томъ, что польскій языкъ, — впрочемъ, въ основѣ столько же отличный въ одномъ и сходный въ другомъ съ малорусскимъ, какъ и съ великорусскимъ, — черезъ литературу усвоилъ много малорусскихъ словъ, которыя кажутся польскими, когда встрѣчаютъ ихъ въ рѣчи малорусса. Какъ можно замѣтить изъ вышедшаго перечня писателей польско-украинской школы, многіе изъ нихъ принадлежатъ къ первокласснымъ польскимъ писателямъ, — а потому странно бы было, еслибы они не внесли украинскаго элемента въ польскій литературный языкъ, — что, впрочемъ, началось еще въ XVI—XVII вв., со времени такихъ писателей, какъ Шимоновичъ и Зиморовичъ, галичане. О вліяніи хлопской малорусской рѣчи на языкъ польскихъ пановъ юго-западнаго края свидѣтельствуетъ изданный въ Краковѣ въ 1870 г. Кремеромъ «*Słowniczek prowincjonalizmów Podolskich*». Г. Михальчукъ выбралъ изъ этого лексикончика слова малорусскія и напечаталъ ихъ въ VII т. «Матеріаловъ» г. Чубинскаго.

Такая реакція среди самихъ поляковъ въ пользу «хлопскаго» элемента не осталась въ одной только области литературы, а переходила и въ жизнь: на стр. 246—248 того же тома «Матеріаловъ» находимъ, въ сожалѣнію слишкомъ короткія, указанія на такія явленія въ польскомъ обществѣ югозападнаго края, какъ *балагульство*, *козакофильство*, *пуризмъ* и *хлопоманія*. Первое г. Михальчукъ характеризуетъ такъ: «главные догматы балагульства: цинизмъ и шутовство. Это былъ въ грубой, уродливой формѣ протестъ противъ аристократизма, французоманіи, свѣтскихъ приличій. Балагулы отличались оригинальнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простотою костюма, а подчасъ и его неряшливостію; преимущественно носили одежду народную, малорусскую, съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, иногда для своеобразнаго шикю испачкавъ ее презрительно; пренебрегали принятыми условіями жизни. Гарцованіе на вояхъ, скачки, необузданный кутежъ, даже пьянство въ кабакахъ съ крестьянами и панибратство съ ними (хотя съ своими крестьянами балагулы обращались хуже другихъ пановъ), развратъ, сквернословіе, а въ особенности циническіе анекдоты, охоты съ попойвами — вотъ содержаніе жизни балагуловъ¹⁾... Балагульщина вызвала въ польскомъ обществѣ

¹⁾ Аналогическія балагульству явленія были и въ малорусскомъ и великорусскомъ обществѣ: въ первомъ, напр., процвѣтавшій въ 40-е годы въ черниговской и полтавской губерніяхъ кружокъ: «общество мочемордіа», во второмъ типъ, въ родѣ Кара-

и литературѣ двоякое къ ней отношеніе. М. Чайковскій, въ повѣсти «Анна», и г. Ржевускій, въ «Мѣшанинахъ обычаевыхъ» Яроша Бейлы, относились къ этому явленію съ безпощадною критикою; въ этомъ сошелся козакофилъ съ аристократомъ. («Мѣшанины» Ржевускаго вызвали апологию балагульства въ брошюрѣ Января Филипповича «Pomieszanie Jarosza Bejly»). Съ другой стороны, вліятельный козакофилъ Ш... и представитель эмигрировавшей аристократіи, Адамъ Чарторыйскій относились сочувственно къ балагульщинѣ. Первый имѣлъ въ виду возрожденіе козаччины, но уже польско-католической, а второй видѣлъ въ спартанскихъ (?) привычкахъ балагуловъ средство, воспитывающее людей для инсуррекции».

«Козакофильская литература внесла въ балагульщину отгнѣнонь политическій; подъ вліяніемъ ея балагульство преобразилось; хотя разгуль и другія привычки оставались, но оно явилось уже менѣе циничнымъ и болѣе тенденціознымъ». Тутъ не мѣсто много говорить о причинахъ рожденія козакофильства въ польскомъ обществѣ: довольно указать на то, что одно романтическое обращеніе къ старинѣ, объявившее всѣ европейскія общества въ началѣ XIX в., должно было натолкнуть польскихъ романтиковъ и байронистовъ въ югозападной Руси на козачество. Въ этомъ послѣднемъ польскіе романтики останавливались преимущественно на XVI в., когда во главѣ козаковъ стояли магнаты (Лянцекоронскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе, Зборовскіе и т. п.) и когда силы козаковъ вмѣстѣ съ магнатскими направлялись на борьбу съ турками. Въ XVII вѣкѣ козачества, когда оно вступило въ борьбу съ магнатствомъ, не охотно заглядывали польскіе козакофилы...

«Въ 30-е годы, — говорить въ другомъ мѣстѣ г. Михальчукъ (стр. 256), — въ мѣстной шляхтѣ особенно рѣзко проявилось козакофильство. *Польско-шляхетскіе патриоты подозревали въ этомъ даже украинскій сепаратизмъ* и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофиловъ, несмотря на то, что этотъ корифей сражался за ихъ же традиціи. Но тѣмъ не менѣе козакофильство было модой. Козацкія пѣсни распѣвались съ особою любовью; балагульство приняло козацкій характеръ. Барыни нерѣдко любили наряжаться въ малорусскіе костюмы, аристократическій дворъ одного изъ Ржевускихъ (воспѣтаго въ поэмѣ Мицкевича «Fagys») совсѣмъ было окозачился, разумѣется въ смыслѣ

таева, Чертопханова, Веретьева. При всѣхъ антипатичныхъ для теперешняго взгляда чертахъ своихъ, такіа явленія показываютъ, во всякомъ случаѣ, стремленіе вырваться изъ обиденной, ставшей слишкомъ узкой, рамки жизни. „То кровь кипѣла, то былъ избытокъ силъ“, не находившихъ себѣ приложенія, по разнымъ причинамъ.

козако-польскомъ: у него, въ качествѣ бандуриста, распѣвалъ думы Тымко Падура. Въ 1830 г. волынскій отрядъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго (отца), имѣлъ козацкій характеръ. Чайковскій, послѣ неудачи возстанія въ 1830 году, образовалъ въ Турціи нѣчто въ родѣ козацкой Сѣчи изъ разнаго сброда.

На Чайковскомъ можно отчасти видѣть, какъ то, какія во всякомъ случаѣ добрыя зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское козакофильство, такъ и то, что за сумбуръ и винограетъ представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею козачества и страха передъ тѣмъ, чтобы узнать ее такою, какою она была, — потому что тогда пришлось бы отречься отъ польскаго патріотизма. Польско-украинскій писатель, Чайковскій, составилъ въ своемъ умѣ фантастическое понятіе о козацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ возстановленіе союза съ Польшею козаковъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Расширивши такъ область своихъ симпатій, Чайковскій долженъ былъ выдти изъ области католицизма, сталъ говорить симпатично и о великоруссахъ, о православіи, о славянщинѣ, — и въ то же время сталъ магометаниномъ, Садыкъ-Пашою. Всю жизнь свою Чайковскій хлопоталъ объ обращеніи козацкой традиціи на службу Польшѣ, о поставленіи Польши во главѣ славянщины, — а между тѣмъ польскіе націоналы-централисты боялись козачества, какъ демократическаго элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго «Nemolaka» (Biblioteka Pisarzy polskich. Tom 65, Lipsk, 1873), — въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣйствительности съ вымыслами, крайне несообразными, — полно раздраженія противъ поляковъ, которые во время войны «сидятъ за печкою и поютъ съ іезуитами пѣсни: спаси насъ, Господи, отъ славянщины, отъ козаччины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго». Самъ Чайковскій, вѣжеться, не видѣлъ логическихъ послѣдствій козакофильства, которое у него оставалось чисто военно-національнымъ, шляхетскимъ.

Между тѣмъ время шло, вліяніе западныхъ идей 40-хъ годовъ, такъ или иначе, отражалось и на польскомъ обществѣ, университетъ кievскій дѣйствовалъ на него тоже. Въ университетской, польской, молодежи козакофильство пошло еще одною ступенью дальше. Въ средѣ этой молодежи, уже въ 50-е годы, въ концѣ, возникла секта такъ-называемыхъ *пуристовъ*. «Догматы этого кружка, — говорить г. Михальчукъ — серьезныя отношенія къ наукѣ, строгая нравственность, доходящая до цѣло-

мудрія, и философское направленіе». Мы считаемъ необходимымъ прибавить, что иные между пуристами нечужды были демократическаго католицизма, а весьма многіе пуризмъ видѣли не только въ цѣломудріи и простотѣ жизни и одежды (часто изъ верблюжьяго волоса), но и въ отдѣленіи отъ русскихъ. «Существованіе этой секты было непродолжительное, но она все-таки произвела свое вліяніе».

«Подъ вліяніемъ ея, съ одной стороны, козакофильство превращается въ такъ-называемую *хлопоманію*, а съ другой въ литературу возникаетъ беспощадная критика на господствующіе нравы; таковы корреспонденціи г. Савинскаго въ «Виленскомъ Курьерѣ» и его же сатиры, сатиры и комедіи Ап. Корженевскаго. Хлопоманія отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческо-панскія традиціи хлопоманы осмѣивали и называли «*мошродзѣйствомъ*» (отъ *Mosćcie panie dobrodzieju*, произносимаго скороговоркою). Польскіе хлопоманы сознавали историческія неправды Польши, по отношенію къ Украинѣ; они сознавали, что народъ—не «быдло», что нужно уважать его личность, заботиться объ его образованіи на его родномъ языкѣ. Большинство, впрочемъ, считало необходимымъ, чтобъ алфавитъ былъ принятъ польскій, но незначительное меньшинство допускало даже употребленіе русскаго алфавита. Хлопоманы сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. Уже изъ-за алфавита въ средѣ ея происходили ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначили собою двѣ противоположныя его группы: *болше* и *меньше* искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства. Этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шума, но ни къ чему не привелъ; маленькій кружокъ выдѣлвившихся украинофиловъ вскорѣ началъ рѣдѣть и, рѣшившись применить къ русскимъ, недосчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ, католика. За выдѣленіемъ изъ кружка хлопомановъ самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, применившихъ активно или пассивно къ общерусскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движеніемъ. Мало того, — иные, какъ, напр., г. Савинскій, отреклись отъ прежняго направленія и явились яростными обличителями хлопоманіи.

Такъ, повидимому, бесслѣдно кончилось движеніе, начатое писателями польско-украинской и козакофильской школы. Не было ли и это совершенно случайнымъ движеніемъ, прихотью фантазіи нѣсколькихъ поэтовъ? Или, быть можетъ, такова уже легкомысленная и непостоянная натура поляковъ, что они не могутъ долго предаваться одному направленію? — Ни то, ни другое. А то, — что польско-шляхетское общество юго-западнаго края, отпавившись отъ украинскаго романтизма козакофильства, дошло до такого пункта, что, дальше иди, должно было отречься совсѣмъ отъ Польши, а это такого рода переломъ, который не можетъ скоро совершиться даже въ наиболѣе передовыхъ слояхъ общества. А тутъ еще польско-украинское общество, иди ступенеобразно отъ Варшавы въ Кіеву, отъ Лянцворонскихъ въ Гантамъ, мало того, что не могло вычеркнуть совсѣмъ изъ памяти своей Хмельницкаго, — но еще встрѣтилось въ русскомъ обществѣ съ послѣдствіями акта, совершеннаго этимъ Хмельницкимъ, присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Пока поляки переходили отъ балагульства къ хлопотанію, — отъ чисто феодальныхъ идей къ рациональнымъ, подобный же переходъ совершался въ разныхъ сферахъ русскаго общества того времени, — отъ правительственныхъ до крайнихъ частныхъ. Когда государственные люди времени Екатерины II присоединяли провинцію за провинціей отъ Польши, они всего менѣе думали о національности; то, что при этомъ иногда вспоминалось наслѣдіе Владиміра Святого и т. п., не имѣло реальной силы: вѣдь и Марія-Терезія присоединяла Галицію по родству венгерскихъ королей съ Даниломъ Галицкимъ. Державы, раздѣлившія Польшу, присоединяли такъ, что, напримѣръ, Россія взяла между прочимъ чистую Жмудь, а уступила Австріи — Червонную Русь. Даже Карамзинъ, возставая противъ плана Александра I расширить царство польское до предѣловъ 1772 г., вспоминалъ о Владимірѣ Св. и уходилъ въ сѣдую древность, но ни слова не говорилъ о томъ, что и теперь на Волини и Украинѣ народъ — русскій. Только мало по-малу русское общество сдѣлало открытіе, что губерніи западнаго края русскія и въ настоящее время въ большинствѣ своего населенія. Этому открытію помогло возстаніе поляковъ въ 1830 г.

Съ тѣхъ поръ, въ 30-е и 40-е годы приняты были цѣлныи рядъ мѣръ къ тому, чтобъ придать краю русскій видъ и въ официальной жизни. Мѣры эти, впрочемъ, носили на себѣ слѣды гораздо болѣе системы официальной народности, нежели дѣйствительной, — о коей не могло быть рѣчи, такъ какъ русская масса народа въ краѣ все еще продолжала быть тогда крѣпостною.

Наши государственные люди того времени смѣшивали систему репрессалій противъ поляковъ съ системой реорганизаціи края въ духѣ русскомъ, да и эту послѣднюю понимали, конечно, не иначе, какъ въ формахъ, отвѣчавшихъ тогдашнимъ общимъ формамъ нашей общественной жизни. Вотъ почему большая часть мѣръ, тогда принятыхъ для обрусенія западнаго края, привели къ весьма ничтожнымъ послѣдствіямъ. Много польскихъ учреждений для образованія было закрыто,—но вмѣсто нихъ далеко не было открыто столько же русскихъ: такъ, не говоря о среднихъ и низшихъ школахъ, вмѣсто виленскаго университета и кременецкаго лицея, открытъ одинъ только кievскій университетъ (характерно,—что все-таки, какъ говорилось тогда, *для поляковъ*), да и тотъ скоро былъ закрытъ (въ 1839) и едва-едва не окончательно. Въ 1849 г. число студентовъ и въ Кіевѣ было ограничено комплектномъ, а вообще же въ то время податныя сословія не могли вовсе поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія, между тѣмъ какъ въ западномъ краѣ только эти сословія и были русскія. Въ VII-мъ томѣ «Матеріаловъ» г. Чубинскаго (стр. 225—230) приведена выдержка изъ записки г. Воронина, — чиновника по особымъ порученіямъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, — представляющая умную критику мѣръ, принятыхъ въ юго-западномъ краѣ послѣ возстанія 1830 г. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ воспроизвести эту выписку всю, — а она сильно сбавляетъ цѣну тѣмъ дивирамбамъ, какіе часто слышатся со стороны поверхностныхъ патриотовъ въ пользу кievской администраціи сороковыхъ годовъ. Въ это время выборная дворянская администрація и земскій судъ были замѣнены коронными, введенъ въ дѣйствіе русскій сводъ законовъ вмѣсто литовскаго статута (надо замѣтить, что этотъ статутъ практиковался въ послѣднее время не въ древне-русскомъ оригиналѣ, а въ польскомъ переводѣ, — и о существованіи перваго не знало огромное большинство какъ польскаго, такъ и русскаго общества), — но дѣла отъ того не пошли лучше. «Чиновничья орда», говорить г. Воронинъ, «имѣвшая непосредственное отношеніе къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи, или изъ бѣдной и необразованной польской же шляхты. Преобразование судопроизводства не принесло никакой пользы отправленію правосудія въ краѣ. Судъ сталъ производиться на русскомъ языкѣ, по русскимъ законамъ; — но злоупотребленія отъ того не уменьшились, а увеличились. Изъ публичнаго и гласнаго, какимъ былъ судъ по литовскому статуту, онъ сдѣлался закрытымъ, канцелярскимъ судомъ... Законъ о бракахъ ставилъ сильную преграду

въ распространенію въ краѣ католичества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, — говорить г. Воронинъ, «и польской національности», — но мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и русской, такъ какъ самъ г. Воронинъ говоритъ, что «въ высшемъ сословіи совершенно прекратились брачныя союзы католиковъ и православныхъ, а въ низшихъ они начали встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны всѣндзовъ¹⁾». Въ пользу православнаго духовенства была установлена барщина, которая тяжело легла на крестьянъ, на которыхъ падали и тѣ поборы, какія взимало правительство съ польскихъ пановъ. «Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія пана признавалась ослушностію, неповиновеніемъ и бунтомъ, и влекла за собою еще большее угнетеніе. Полицейскіе, да и другіе чиновники, являвшіеся для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ купленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали. Возникшее въ 1847 г. въ Галиціи крестьянское движеніе дало поводъ правительству къ попыткѣ ограниченія произвола дворянства въ отношеніяхъ его къ вѣрнопослушнымъ крестьянамъ. Въ 1847 г. торжественно были обнародованы инвентарныя правила. Они возбудили въ народѣ преждевременныя надежды на свободу и, подавая поводъ къ беспорядкамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, горько обманули ожидавшихъ крестьянъ. Правила эти составлены были тѣми самыми панами, на угнетеніе которыми они безпрестанно жаловались, и не принесли никакого облегченія крестьянамъ, а сдѣлались только неизсякаемымъ рудникомъ доходовъ полиціи и уздою, которою сдерживалась въ политическихъ видахъ польская заносчивость. Положеніе крестьянъ съ введеніемъ правилъ измѣнилось не къ лучшему, а къ худшему: введенныя правилами два рода барщины — тяглою и пѣшей — сдѣлали невыгоднымъ для помѣщиковъ удерживать разрядъ плуговыхъ крестьянъ, а для послѣднихъ тяглую барщину, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе рабочаго крестьянскаго скота и замѣтное объединеніе крестьянъ».

¹⁾ Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что такіе законы раздражаютъ людей извѣстной религіи и вообще, сливая вѣроисповѣданіе съ національнію, порождаютъ цѣлый рядъ препятствій къ тому слятію разнообразныхъ элементовъ въ одну національность, какое было дѣломъ политики въ отношеніи къ западнымъ краямъ и въ прежнее время.

IV.

Такимъ образомъ, система официальной русской народности вовсе не дѣлала ничего положительнаго, существеннаго для русскаго народа въ западномъ краѣ, а мѣры вѣроисповѣдныя, исходившія изъ этой системы, должны были способствовать болѣе тѣсному союзу между католицизмомъ и полонизмомъ, — вся же система вмѣстѣ, раздражая польско-католическій элементъ, должна была возбуждать въ немъ тенденціи польскаго централизма и парализовать дѣйствіе того процесса *украинскаго сепаратизма отъ Польши* и движенія отъ панства (польскаго и католическаго) къ хлопству (русскому и православному), какой явно замѣчался въ шляхетствѣ обществъ юго-западнаго края въ теченіи XIX-го вѣка. Но въ 30-е—50-е годы въ русскомъ обществѣ, подъ наружнымъ дѣйствіемъ системы официальной народности, шло также движеніе народно-культурное, анти-феодалное, въ двухъ существенныхъ направленіяхъ: въ такъ-называемыхъ западничествѣ и славянофильствѣ, — московскомъ великоруссофильствѣ, и харьковско-киевскомъ украинофильствѣ. Въ то же время, подъ влияніемъ различныхъ новыхъ культурныхъ теченій, и сама система государственнаго централизма все больше обращала вниманіе на массы народа. Разсказываютъ, что разъ, когда одинъ польскій помѣщикъ на официальномъ приѣмѣ у киевскаго генераль-губернатора Бибикова обратился къ нему по-французски, — то Бибиковъ пригласилъ его говорить по-русски. — «Я не могу по-русски», отвѣчалъ помѣщикъ. — А какъ же вы говорите съ крестьянами? — «По-хлопску», — отвѣтилъ панъ. — «Ну, то говорите со мной по-хлопску, я такой же русскій, какъ и ваши крестьяне», — сказалъ генераль-губернаторъ. Панъ, очевидно, былъ не изъ бойкихъ, и плохо говорилъ по-хлопски. Онъ могъ бы въ свою очередь озадачить генераль-губернатора, замѣтивши, что крестьяне его хоть и русскіе, а все-таки хлопцы, — да и генераль-губернаторъ врядъ ли долго выдержалъ бы разговоръ «по-хлопску». Очевидно, что для Бибикова его фраза была только ловкимъ *bon-mot*, какими онъ любилъ смущать польскихъ пановъ; характерно тутъ развѣ то, что жизнь въ юго-западномъ краѣ вызываетъ такія *bon-mot*. Но были въ русскомъ обществѣ уже и въ 40-е годы люди, для которыхъ такія фразы были вопросомъ жизни для Россіи.

Такіе люди были и между западниками, и между великоруссофилами, и украинофилами, вообще занимавшими, по идеямъ, середину между тѣми и другими. По отношенію къ западному

краю и Польшѣ имѣютъ особенное значеніе два послѣднія направленія въ русскомъ обществѣ. При всемъ томъ, что наше западничество, которое бы лучше назвать русскимъ гуманизмомъ, представляетъ и до сихъ поръ большинство культурныхъ силъ Россіи, главный факторъ ея прогресса, литературнаго и общественнаго,—оно въ чистомъ своемъ видѣ не выступало никогда активно въ вопросахъ, касающихся западныхъ краевъ, по столичному незнанію, и по петербургско-великорусскому провинціализму. Гуманизмъ западниковъ старыхъ и новыхъ оскорблялся тѣмъ нетерпимымъ характеромъ, съ какимъ проявлялась всегда русская реакція полонизму, и не видѣлъ такой же нетерпимости на польской сторонѣ. Выросшіе все-таки на почвѣ народности крѣпкой и обеспеченной, безпрепятственно могущей предаваться рѣшенію восполитическихъ, чисто-общественныхъ вопросовъ, русскіе западники смотрѣли съ сожалѣніемъ на людей, толкующихъ о западномъ краѣ, и не знали, что тамъ классы — народности, а потому тамъ всякій общественный вопросъ осложняется вопросомъ національнымъ. Гораздо больше другихъ русскихъ общественныхъ направленій столкнулись съ польскимъ вопросомъ въ западномъ краѣ славянофилы московскіе и кievскіе, или уврайнофилы ¹⁾).

Всѣ эти направленія въ русскомъ обществѣ 40—60-хъ годовъ выработали и приготовили общество къ ихъ принятію тѣ принципы, которые послужили опорой для обновленія Россіи послѣ 1856 г. Эти принципы не могли не повліять и на реакцію польскому элементу въ западномъ краѣ послѣ 1863 г. Эта реакція, конечно, въ значительной степени продолжала идти по колеѣ старой; многое изъ старыхъ началъ до-реформенной Россіи, что было уже оставлено во внутреннихъ краяхъ, возродилось, благодаря реакціи польскому возстанію и самъ западный край остался на полдорогѣ въ дѣлѣ реформъ. Возродившіяся идеи официальной народности на этотъ разъ соединились съ идеями національно-государственнаго централизма на прусскій ладъ, которая принесла съ собою часть западниковъ-гегелианцевъ, присоединившаяся къ реакціи польскому движенію,— и образовали политическую доктрину весьма смѣшаннаго и противорѣчиваго по мно-

¹⁾ „Съ русскимъ уврайнофильствомъ не слѣдуетъ смѣшивать,—говоритъ г. Михальчукъ,—русское же козакофильство, которое находило себѣ немногихъ послѣдователей болѣею частію въ числѣ малорусскихъ аристократовъ. Это послѣднее, впрочемъ, не долго существовало и скоро погнбло безвозвратно“. Сатиру на него представляетъ стихотвореніе Шевченка: „Потомокъ гетмана дурного“ и проч. „Кобзарь“, изд. 1867 г.

гимъ вопросамъ свойства (напр. по вопросу: католики западнаго края—русскіе ли?). Но во всякомъ случаѣ теперь уже государственная дѣятельность въ западномъ краѣ въ пользу русской народности имѣетъ подъ ногами такую почву, какъ освобожденіе крестьянъ, и борьба государства съ сепаратизмомъ польской шляхты послѣ 1863 г. сопровождается не только разрушительными мѣрами и репрессаліями, или такими мѣрами, какъ водвореніе крупнаго русскаго землевладѣнія посредствомъ запрещенія католикамъ покупки земель ¹⁾,—но и такими, какъ повѣрка уставныхъ грамотъ. Подобными мѣрами, совершенными въ силу принципа, на которомъ основана всероссійская реформа 19-го февраля, достигнуто, что политическая сила польско-шляхетскаго элемента въ западномъ краѣ можетъ считаться сломанною навсегда, особенно въ юго-западномъ краѣ, гдѣ народъ самъ раньше и энергичнѣе администраціи заявилъ себя противъ этого элемента. Дальнѣйшее укрѣпленіе послѣдствій органическихъ мѣръ въ пользу русскихъ массъ западнаго края требуетъ дальнѣйшихъ реформъ: земства, суда, освобожденія провинціальной печати, большаго вниманія къ народному образованію, вѣротерпимости и т. п.

Но въ западномъ краѣ все-таки продолжаетъ существовать довольно крупный процентъ шляхетско-польскаго элемента, желать устранить который сразу—съ государственной точки зрѣнія—было бы нелѣпостью (какъ признали и публицисты, вызвавшіе запрещеніе полякамъ покупать имѣнія), съ точки зрѣнія рациональной—дѣломъ весьма неблизкаго будущаго. Думать о возможности передѣлки его національности посредствомъ внѣшнихъ полицейскихъ мѣръ могутъ только люди, серьезно никогда не думавшіе объ общественныхъ переломахъ. Хотя мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшее держаніе западнаго края въ «исключительномъ положеніи» въ силу того, что онъ находится, благодаря польскому характеру большинства его дворянства, въ ненормальномъ состояніи (мы, впрочемъ, тѣмъ не менѣе не сомнѣваемся, что западный край и вообще русско-польскій вопросъ не выйдетъ изъ своего теперешняго глухого конца, пока все наше общество не выйдетъ изъ теперешняго застоя),—но все-таки развитіе его будетъ тормозиться, пока такъ или иначе не ассимилируется польское шляхетство съ русскимъ «хлопствомъ» края.

Мы видѣли, что въ теченіи XIX-го вѣка въ польскомъ обще-

¹⁾ Въ литовскихъ губерніяхъ въ силу этой, навѣянной русскими пруссаками, мѣры, земли переходятъ въ руки дѣйствительныхъ и замаскированныхъ до времени пруссаковъ.

ствѣ юго-западнаго края замѣчалось движеніе къ таковой ассимиляціи, — но мы видѣли, что оно кончилось, повидимому, ничѣмъ. Теперь въ этомъ обществѣ не слышно ни о козакофильствѣ, ни тѣмъ менѣе о хлопоманіи, — да и эта послѣдняя встрѣтила въ польскомъ обществѣ гораздо ббольшую реакцію, чѣмъ та, какую обыкновенно встрѣчаютъ даже самыя крайнія демократическія направленія. Тому причина, сказали мы, та, что польское общественное движеніе встрѣтилось наконецъ съ русскимъ, — и между ними возникла борьба за обладаніе не только краемъ юго-западнымъ, но и самими стихіями его народности, усвоить которую, не отрываясь отъ Польши, хотѣли бы передовые слои шляхетскаго общества. Стремясь, вмѣсто разрушенной исторіею унитарной Польши, возстановить федеративную Польшу, Литву и Русь, — какъ стали звать поляки то Малороссію, то и всю западную Русь въ отличіе отъ Россіи, Москвы, передовые шляхтичи юго-западнаго края встрѣтились съ русскими, которые дѣлали то же совершенно независимо, и принимая эту Русь или за отдѣльную народность, или за часть все-русской, но только не польской народности.

Изъ Харькова, Полтавы, потомъ изъ Кіева стали выходить труды художественныя, этнографическія, историческія, которые тоже говорили о Руси, объ Украйнѣ, — которую звали еще и *Малороссія*, о степяхъ, козакахъ, поселянахъ, но не только не по-польски, но даже съ довольно враждебнымъ къ польскому элементу отношеніемъ; — и такъ какъ авторамъ этихъ трудовъ было естественно ближе все украинское, то не мудрено, что скоро количественно и качественно ихъ произведенія оказались численнѣе, вѣрнѣе польско-украинскихъ. Вслѣдъ за изданіемъ пѣсенъ малороссійскихъ Цертелевымъ (1819) и грамматики малороссійскаго нарѣчія Павловскимъ (1818), пошли изданія малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827, 1834, 1849), Срезневскаго (1833—38), Дувашевича (1836), Метлинскаго (1854), Булиша (1855—56), Костомарова (1859), — которыя затмили прежнія польско-украинскія изданія. Археографическая коммиссія въ Кіевѣ и въ Петербургѣ, г. Бодянской въ Москвѣ издали акты и мемуары малорусскихъ хронистовъ XVII—XVIII вѣка; малоруссы историкъ, отъ Бантыша до г. Костомарова, стали изслѣдовать такія стороны польско-русской исторіи, о которыхъ полякамъ трудно говорить сповойно передъ чужими. Беллетристы отъ Котляревскаго и Квитки до Кулиша и Марка Вовчка представляли картины изъ народнаго быта и исторіи Украйны, которыя, по меньшей мѣрѣ не уступая въ художественности картинамъ

Крашевскихъ, Чайковскихъ и т. п., превосходили ихъ правдивостію. Въ довершеніе, въ этой не-польской, но несомнѣнно украинской литературѣ появился писатель-хлопъ, Шевченко, — и совершенно не въ духѣ Гоцинскаго, Грабовскаго, Чайковскаго, изобразилъ отношенія украинскаго козачества къ полякамъ. Передъ дѣйствительно народнымъ языкомъ этого хлопа-поэта жалокъ оказался языкъ пшты-нахлѣбника Падуры и т. п. Рядомъ съ этою чисто-украинскою литературою и обще-русская литература дала рядъ произведеній, какъ «Полтава» Пушкина, «Вечера» и «Тарасъ Бульба» Гоголя, которыя съ такимъ же правомъ могли назваться украинскими, какъ и произведенія Залѣскихъ, Гоцинскихъ и т. п., — но опять не имѣли въ себѣ ничего польскаго. «Энеида» Котляревскаго и «Пѣсни» Максимовича попадаютъ въ руки галичанина Марк. Шапкевича и полагаютъ начало русской литературѣ въ Галиціи. Во всѣхъ концахъ русскаго міра начинается рѣчь о Руси, объ Украйнѣ, о козакахъ, независимо отъ поляковъ; параллельно съ тѣмъ въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, во Львовѣ говорятъ и о славянщинѣ, и опять независимо отъ поляковъ. А народъ украинскій, несмотря на то, что его старались изобразить такъ идеальнымъ, такъ готовымъ служить панамъ, при всякомъ случаѣ показываетъ весьма недвусмысленную антипатію шляхты. Быле отчего привадуматься, — а потомъ воскликнуть: «сохрани насъ, Боже, отъ славянщины, отъ козачины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго».

Русское украинское движеніе долгое время не было замѣчаемо поляками, или смѣшиваемо было вообще съ официально-православною литературою, — противъ которой поляки были застрахованы достаточно твердыми для польскаго общества аргументами. Но уже въ 50-е годы нельзя было не замѣтить, что польская шляхта встрѣчается съ направлениемъ, которое грозитъ отнять у нея ореолъ оппозиціи и либерализма, вырвать изъ-подъ ногу почву народности и земскаго патриотизма. Мѣстомъ, гдѣ впервые встрѣтилось русско-украинское и польско-украинское направление было, какъ и слѣдуетъ ожидать, Кіевъ. Здѣсь же въ 40-е годы бывалъ часто польскій археологъ и этнографъ Свидзинскій, а въ 50-е годы жилъ повѣствователь и критикъ польско-украинской школы Мих. Грабовскій, впоследствии членъ правительства Велепольскаго; здѣсь же съ 40-хъ годовъ дѣйствовала коммиссія для разбора древнихъ актовъ, основанная по идеѣ М. А. Максимовича, и въ 1844—46 гг. существовало «Кирилло-Меодіевское братство», къ коему принадлежали Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко и др.

Мы не станемъ тутъ говорить о значеніи украинофильства въ ряду другихъ движеній въ русскомъ обществѣ, ни въ подробностяхъ характеризовать отношеніе этого движенія, а также другихъ, къ польскому; о томъ и другомъ было не мало говорено въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ же изданіи ¹⁾. Мы говоримъ теперь о польскомъ, а не о русскомъ обществѣ, и имѣемъ въ виду только выяснитъ, почему свелось почти до нуля движеніе польско-украинской шляхты къ сближенію съ русско-украинскою народностью. Для нашей задачи мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать два три указанія на столкновеніе между польскимъ и русскимъ украинофильствомъ. То мнѣніе, будто такъ-называемое украинофильство явилось подъ польскимъ вліяніемъ и было даже покровительствуемо польскими патриотами, какъ «орудіе польской интриги», мнѣніе, которое не разъ высказывалось въ нашей печати, не заслуживаетъ даже быть опровергаемо. Довольно припомнить, что первые малорусскіе писатели и ученые родились на лѣвомъ берегу Днѣпра и воспитались большею частію далеко отъ всякаго польскаго вліянія, въ Полтавѣ, Харьковѣ, даже Москвѣ и Петербургѣ, и что до сихъ поръ главная масса литераторовъ, этнографовъ и ученыхъ малорусскихъ почти исключительно состоитъ изъ лѣво-бережныхъ уроженцевъ ²⁾. Если иные изъ нихъ и дѣйствовали по временамъ на правомъ берегу, гдѣ они встрѣчались съ польскимъ населеніемъ, то они являлись туда съ совершенно готовымъ міровоззрѣніемъ, при которомъ обыкновенно приходили въ весьма острый разладъ съ польскими стремленіями, гораздо даже болѣе острый разладъ, чѣмъ тотъ, какой могъ бы развиться у нихъ, если бы они оставались на лѣвомъ берегу, вдали отъ этихъ стремленій ³⁾.

Разладъ этотъ обусловливается цѣлымъ ходомъ развитія украинскаго движенія въ XIX вѣкѣ. — Въ XVII вѣкѣ Малороссія присоединилась къ московскому государству отъ Польши, вслѣдствіе не одного національнаго сродства. Козаки, главные дѣятели въ

¹⁾ См. между прочимъ и „Характеристики“ русскаго общественнаго движенія, А. Н. Пшенина.

²⁾ Таковы Котляревскій, Цертелевъ, Павловскій, Квитка, Гребенка, Бодянский, Мелнискій, Максимовичъ, Лукашевичъ, Костомаровъ, Кулишъ, Марко-Водчозъ, Сторожено, Помисъ и т. д.

³⁾ Недавно во Львовскомъ журналѣ „Правда“ напечатана была биографія, по всему видно, добраго человѣка, но весьма незначительнаго малорусскаго поэта В. С. Кулиша. Тамъ, между прочимъ, рассказывается о той скупщинѣ, какую вызвало въ Кулишѣ начало польскаго движенія 1861—1863 гг., какъ удивлялись многіе на лѣвомъ берегу тому жару, съ какимъ кіевская университетская молодежь спорила съ поляками.

этомъ присоединеніи, надѣялись этимъ обезпечить свои права и привилегіи, — посольство избавиться отъ панства и жидовъ; всѣ вмѣстѣ желали видѣть обезпеченною вѣру православную, — но само духовенство кievское восо смотрѣло на подчиненіе Малороссіи Москвѣ, не желая подчиняться московскому патріарху. Національная реакція полонизму и вообще національное начало, хотя и проявлялось при этомъ, но вообще играло весьма слабую роль. Къ великоруссамъ, въ Малороссіи Хмельницкаго, не было ни симпатій, ни антипатій собственно національнаго свойства. Знакомство съ боярами и ратными людьми московскими, которые смотрѣли на малороссовъ, какъ на нечисто православныхъ, не замедлило возбудить антипатій, — противъ которыхъ однакожъ дѣйствовало религіозное тяготѣніе и монархизмъ, весьма скоро привившійся среди малорусской религіозной интеллигенціи, уже и подъ польскими королями гораздо больше роялистической, чѣмъ поляки. «Шатанія» козаковъ малорусскихъ отъ Виговскаго къ Мазепѣ, ихъ попытки возвратиться подъ польское подданство не имѣли въ себѣ никакихъ слѣдовъ національныхъ стремленій и вполне объясняются борьбою козацкаго порядка съ московскими государственными стремленіями. Послѣднія восторжествовали, — между прочимъ благодаря тому, что старшина козацкая стремилась сложиться по образцу польской шляхты и великорусскихъ дворянъ въ рабовладѣльческое или вообще привилегированное сословіе, а потому народъ въ Малороссіи оставался равнодушнъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ козацкой старшины. Послѣ Мазепы уже не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было сепаратизмѣ старшины малорусской, ни о ея тяготѣніи къ умравшей тогда Польшѣ. Еще старые звуки объ автономіи гетманской продолжали иногда доноситься изъ Малороссіи въ Петербургъ въ видѣ всеподданнѣйшихъ прошеній, но старшина больше заботилась объ уравниеніи правъ ея съ правами дворянъ великорусскихъ, что и было исполнено. Не только о Польшѣ, какъ о государствѣ союзномъ, но и о право-бережной Украинѣ вообще забыли и думать на Украинѣ лѣво-бережной, которая одна сохранила официальное имя Малороссіи. Почти также слабы были въ XVII-мъ вѣкѣ и также подались въ XVIII-мъ вѣкѣ и литературно-автономныя стремленія въ Малороссіи. Въ XVI-мъ вѣкѣ, когда на югѣ Россіи замѣчаются явленія своего рода возрожденія (renaissance), — понятіе о языкѣ русскомъ на югѣ, какъ и въ Москвѣ, не видѣлилось ясно изъ понятія о языкѣ церковно-славянскомъ, хотя и были люди, какъ, напр., переводчики Пересопницкаго евангелія, которые называли этотъ послѣдній «мовою

болгарскою», съ коей надо было перевести священное писаніе на «языкъ рускій» для «лѣпшаго выразумѣнія». Православная реакція, возбужденная униєю и поддержанная козаками, задержала на Украинѣ процессъ освобожденія народнаго малорусскаго языка отъ церковно-славянскаго, а союзъ съ православною Москвою, гдѣ такъ же самъ народный великорусскій языкъ не выдѣлился въ сознаниі книжныхъ людей отъ церковно-славянскаго, потянулъ на сѣверъ немало литературныхъ силъ малорусскихъ, которымъ, при тогдашнихъ понятіяхъ о литературномъ языкѣ, немного было нужно перемѣнять свой стиль, чтобъ дѣйствовать на сѣверѣ. Почти до половины XVIII-го вѣка на Украинѣ продолжала существовать своеобразная литература мемуаровъ, лѣтописей, драмъ, комедій, поученій, академическихъ лекцій съ большимъ или меньшимъ количествомъ мѣстнаго народнаго элемента въ языкѣ, но безъ яснаго сознанія отличій его отъ церковнаго или отъ того, тоже смѣшаннаго, литературнаго языка, каковой сталъ вырабатываться на сѣверѣ и къ которому тамъ стали прилагать названіе русскаго, каковымъ первоначально звали свой литературный языкъ малоруссы XVII-го вѣка;—малоруссы продолжали звать его такъ еще и въ XVIII-мъ вѣкѣ, между тѣмъ какъ и въ великорусской передѣлкѣ грамматики М. Смотрицкаго уже появился терминъ—малорусскій языкъ въ примѣненіи къ тому языку, для коего первоначально написана была эта грамматика. Со времени Ломоносова великорусскій элементъ въ литературномъ языкѣ сталъ все больше расти, и этотъ языкъ, исходя изъ государственнаго центра и будучи органомъ новой русско-европейской культуры, сталъ преобладать и у образованныхъ малоруссовъ, производя здѣсь разрывъ съ церковною славянщиною. Одновременно съ тѣмъ, реакція классицизму, обнявшая наше общество съ конца XVIII-го вѣка, и сентиментализмъ и романтизмъ вели за собою запросъ на юморъ, на народныя сцены, на идиллію въ поэзіи. Отвѣтомъ на этотъ запросъ на югѣ были произведенія Котляревскаго, Гоголя-отца, Гулака-Артемовскаго, Квитки и др., начинателей наивнаго литературнаго украинифильства. Параллельно этому шло изученіе прошлаго въ исторіи, а вмѣстѣ съ этимъ и обще-европейскій либерализмъ и смутно бродившія вначалѣ славянскія стремленія. Историки нашли въ прошломъ Малороссіи достойное интереса, либеральныя романтики—достойное воспѣванія. Явилась исторія Малой Россіи Бантыша. Люди оппозиціи находили въ прошломъ Малороссіи зародыши строя, къ которому они стремились въ силу новыхъ европейскихъ идей; это прошлое показалось имъ лучше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ:

Наливайки, Мазепы, Полуботки сіяли въ ореолѣ, заимствованномъ изъ чтенія Тита-Ливія. А такъ какъ на настоящее они смотрѣли глазами Тацита, то понятно, что та легкая племенная насмѣшка надъ «москалями», которая унаслѣдована у Котляревскаго, обихъ Гоголей (см. «Вечера»), Квитки, племенные ссоры XVII-го вѣка, — стала острѣе. На «москалей», «московскіе порядки» стали смотрѣть, какъ на губителей «воли козако-украинскаго народа». Собственно слово «народъ» тутъ ставилось по обычаю, а подъ нимъ разумѣлись только козаки, или еще чаще старшина. Любопытный памятникъ такого уже съ политическимъ оттѣнкомъ украинофильства представляетъ появившаяся въ 20-хъ годахъ и быстро распространенная въ рукописяхъ «Исторія Руссовъ», приписанная Конисскому. Что она не могла принадлежать Конисскому, это, при теперешнемъ состояніи исторической критики, нечего доказывать. Уже по ея очень новому, литературно-русскому, языку она несомнѣнно принадлежитъ XIX-му столѣтію. Но кто былъ ея авторомъ?—теперь это загадка, заняться рѣшеніемъ которой было бы интересно, пока еще время не ушло и есть надежда добраться до вѣрнаго рѣшенія. Много слѣдовъ указываетъ на происхожденіе «Исторіи Руссовъ» среди тѣхъ кружковъ изъ черниговскихъ и сѣверно-полтавскихъ потомковъ малороссійской старшины, которые болѣе или менѣе вьжуются и съ кружкомъ князя Репнина, бывшаго вице-короля саксонскаго и малороссійскаго генераль-губернатора. Не представляя теперь почти никакого интереса, какъ лѣтопись, «Исторія Руссовъ» любопытна, какъ политическій памфлетъ, написанный съ большимъ талантомъ. Къ антипатіи, какою отличаются малорусскія лѣтописи конца XVII-го вѣка противъ поляковъ, «Исторія Руссовъ» прибавила їдею насмѣшку, направленную и противъ московско-петербургскихъ порядковъ; въ ней нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ реализма и клерикальной точки зрѣнія старыхъ козацкихъ лѣтописей и хроникъ. Понятно, почему она такъ долго ходила въ рукописяхъ. Она была напечатана только въ 1846 г., уже въ то время, когда роль ея была собственно окончена, когда порожденное и ею новое направленіе въ украинофильствѣ переросло идеи этого памфлета.

Это—то направленіе, котораго поэтическимъ выразителемъ явился Шевченко. Оно приняло въ себя много сентиментальнаго романтизма, оно зачерпнуло и броженія тогдашнихъ умовъ, и патріотизма «Исторіи Руссовъ»,—но осложнилось загадъившимся на югъ Руси еще съ первыхъ временъ харьковскаго университета, со временъ Каразина и Северина Потоцкаго, славянофиль-

ствомъ, а также социальными идеями 40-хъ годовъ, которыя такъ прилипли по мужицкой натурѣ и памяти Шевченку. Когда, послѣ періода романтическаго отношенія къ традиціямъ и народной жизни украинской, у Шевченка наступилъ періодъ историческо-политическаго самосознанія, — онъ сталъ на точку зрѣнія «Исторіи Руссовъ», причемъ образы исторіи Украины дали у него перевѣсъ анти-польскому направленію надъ анти-московскимъ. На двѣ-три ядовитыя фразы, направленные противъ Москвы, — у Шевченка мы видимъ нѣсколько поэмъ, въ которыхъ, съ явнымъ сочувствіемъ въ одну сторону, описывается борьба украинскихъ казаковъ съ поляками. Но для украинскаго поэта не замедлилъ наступить переломъ, который сталъ поперекъ его исключительно національнымъ тенденціямъ и образамъ. Переломъ этотъ совершился подъ вліяніемъ болѣе глубокаго вдумыванія въ жизнь, вдумыванія, толкаемаго крестьянскимъ происхожденіемъ поэта, — а также подъ вліяніемъ того южно-русскаго славянофильства и тѣхъ идей 40-хъ годовъ, въ струю которыхъ попалъ Шевченко. Они заставили его написать стихотвореніе къ Б. З., въ коемъ особенно замѣчательны слѣдующія слова:

Отъ такъ-то, лаше, друже, брате,
Несити ксиондзы, магнаты,
Насъ разлучили, розвели, и проч.

Вмѣсто картинъ прошлаго Украины, поэтъ сталъ рисовать картины обще-русскаго до-реформеннаго порядка; самое это прошлое показалось ему полнымъ зародышей настоящаго бѣдственнаго положенія народа, — и онъ ѣдко осмѣивалъ козакофильство поклонниковъ «Исторіи Руссовъ», особенно между «потомками гетьмановъ дурныхъ». Эти насмѣшки, это отношеніе къ гетманщинѣ нанесли смертельный ударъ исключительному націонализму и сепаратизму, во имя историческаго строя и традицій среди украинофильства.

Когда, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ они вновь заговорили, на этотъ разъ поддержанные болѣе свободною печатью во всей Россіи и юношествомъ южно-русскимъ, — то уже объ исключительномъ націонализмѣ и особенно объ историческомъ сепаратизмѣ почти не было рѣчи. Если въ 60-е годы прошумѣла среди украинофильства струя антипатій къ полякамъ и слабийшая анти-московская, то она была главнымъ образомъ реакціей противъ тѣхъ препятствій и вражды, какую встрѣтили основныя стремленія тогдашнихъ украинофиловъ, — т.-е. стремленія въ духѣ мѣры освобожденія крестьянъ, образованія народа на

его языкѣ, обработки литературы малорусской. Съ 1857 по 1863 г. прошумѣлъ въ польской и русской литературѣ споръ между малорусскими и польскими писателями о народности правобережной Украйны и Галиччины, взаимные переворы изъ-за «хлопоманіи». Послѣ 1863 г. польская народность оказалась далеко въ наступательномъ положеніи даже за Вислою, а потому споры эти затихли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые русскіе патриоты попробовали и само украинофильство, открывшее перестрѣлку съ поляками по вопросу о народности западной Руси, изображать какъ порожденіе польской интриги. Въ 1861—1864 гг. прошумѣлъ въ нашей и галицкой печати споръ о самостоятельности и границахъ малорусской литературы сравнительно съ русскою, которую нѣкоторые украинофилы признавали только великорусскою. При этомъ не обошлось безъ укуровъ въ политическомъ сепаратизмѣ съ одной стороны, безъ раздраженія и сепаратистическихъ выходовъ съ другой. Но и этотъ споръ скоро затихъ. Когда, съ конца 60-хъ годовъ, украинское направленіе вновь появилось въ печати,—въ наукѣ, въ публицистикѣ и беллетристикѣ,—оно явилось не только безъ прежняго раздражительнаго отношенія къ полякамъ и великоруссамъ, но и раздвоенное, и по вопросу объ автономіи, даже литературной. Въ то время, когда одни,—преимущественно нѣкоторые беллетристы и поэты, воспитывавшіеся въ эпоху полемики по вопросу о малорусской народности и выступившіе на литературное поприще въ Галиціи,—продолжаютъ относиться ко всей русской литературѣ, какъ къ великорусской, другіе отличаютъ специально-великорусскій элементъ въ нашей новой литературѣ отъ обще-русскаго и признаютъ русскую литературу дѣйствительно обще-русскою, по крайней мѣрѣ, для русскихъ нашей имперіи. Къ этому воззрѣнію примыкаетъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей прежняго украинофильства, Н. И. Костомаровъ, который въ 60-е годы взялся было за изданіе книгъ для народнаго чтенія и священнаго писанія на малорусскомъ языкѣ. Въ своей статьѣ о малорусской литературѣ, помѣщенной въ изданіи г. Гербеля «Повѣія Славянъ», г. Костомаровъ говоритъ:

«Если было сочтено умѣстнымъ переводить священное писаніе съ церковно-славянскаго на русскій, то тѣмъ же самымъ казалось вполнѣ умѣстнымъ перевести его по-малорусски, потому что на русскомъ языкѣ для малоросса оно менѣе понятно, чѣмъ на славяно-церковномъ. Никто не думалъ, что первоначальное образованіе, полученное малоруссами на своемъ природномъ языкѣ, могло изгнать и устранить изъ Малороссіи языкъ обще-русскій:

напротивъ, существовала увѣренность, что, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія на своемъ нарѣчїи, малоруссы съ большею охотою пожелаютъ читать по-русски и скорѣе научатся русскому языку, приобрѣвши уже до этого нѣкоторую подготовку и развитіе».

Такимъ образомъ, наблюденіе надъ ходомъ общественно-культурнаго движенія въ Малороссїи, со временъ Мазепы до нашихъ дней, показываетъ постепенное ослабленіе здѣсь стремленій политическо-національной исключительности и постепенное усиленіе стремленій соціально-культурныхъ въ формахъ народныхъ и въ гармонїи съ подобными стремленіями сѣверно-русскими. Вотъ это-то движеніе, сложившись главнымъ образомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и совершенно независимо отъ движеній въ польскомъ и польско-українскомъ обществѣ, встрѣтилось съ польскимъ украинизмомъ какъ разъ въ то время, когда въ русскомъ украинизмѣ замѣтно совершался кризисъ въ послѣднемъ изъ выше-означенныхъ направленій. Разумѣется, что эта встрѣча польскаго и русскаго украинифильства не могла быть очень симпатичною, по противоположности ихъ основныхъ стремленій, при нѣкоторомъ сходствѣ наружномъ, дѣлавшемъ тѣмъ болѣе неприятнымъ взаимный сюрпризъ при встрѣчѣ.

Кажется, въ первый разъ оба эти движенія встрѣтились литературно въ полемикѣ между Мих. Грабовскимъ и г. Кулишемъ, мирно помѣстившейся въ одной книгѣ—во II-мъ томѣ изданныхъ г. Кулишемъ «Записокъ о Южной Руси» (1857 г.). Полемика эта произошла по поводу открытаго г. Судїенкомъ универсала Остринна отъ 1638 г., рисующаго польскія притѣсненія въ Малороссїи, и озаглавлена: «О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссїянъ въ XVII вѣкѣ». Грабовскій объясняетъ всѣ малорусскія возстанія (даже Хмельницкаго) частными обидами, нанесенными своевольными жолнерами тому или другому козаку малорусскому (см. особенно стр. 313), и т. п. причинами. Слѣдующія слова Грабовскаго особенно характерны: «что ни говори, а украинскія смуты были не что иное, какъ войсковыя бунты, мятежи черни, домашняя война». Грабовскій недоволенъ, что историки описываютъ съ удовольствіемъ «изгнаніе ляховъ изъ Украйны, какъ будто украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что подвигая козаками къ возстанію чернь, вслѣдъ за ненавистными ей жолнерами, прогнала и своихъ родовыхъ пановъ, и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ *лягами, недоляшками и ополячившимися панами*

были не только военные люди Рѣчи-Посполитой, не только необузданные своевольники и буяны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было чтó заграбить». Естественно послѣ этого, что вся польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ собратій изъ южно-русскихъ провинцій, и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмельницкаго «взбунтовавшимися мужиками» (стр. 317). Мы не станемъ слѣдить за аргументаціей г. Кулиша, которую не трудно угадать напередъ,—а выпишемъ только заключительныя слова его отвѣта (стр. 327): «Двѣ совершенно противоположныя (между прочимъ и по социальнымъ стремленіямъ) національности столкнулись на почвѣ, занятой польской политической системой и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу человѣчества, доказали, наконецъ, другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несовѣстимость. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у поляковъ прославы *русскими патриотами* и о которыхъ современныя лѣтописи наши говорятъ, что они *плакали по своимъ имѣніямъ на Украинѣ!* Они принесли свою пользу въ общей дѣятельности Рѣчи-Посполитой польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, въ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ татарщины и,—какъ мы вѣруемъ,—не напрасному шагу русскаго племени въ истинному самосознанію и самодѣятельности».

Для перваго раза, кажется, съ обѣихъ сторонъ было связано довольно ясно. Компромисса трудно было ожидать, пока кто-нибудь не уступилъ бы весьма существеннаго. Спустя нѣсколько лѣтъ, тотъ же г. Кулишъ напечаталъ въ «Основѣ» мнѣніе о корифеяхъ польско-украинской школы поэзій и беллетристики, въ коемъ отрицалъ совершенно правду и народный украинскій элементъ въ ихъ произведеніяхъ. Еще передъ тѣмъ, по поводу «Богдана Хмельницкаго» Костомарова произошла полемика между нимъ и г. Падалицею, начатая въ «Современникѣ» и продолжавшаяся въ «Основѣ». Въ это же время возвратившійся изъ ссылки Шевченко обратилъ на себя общее вниманіе; явилось новое изданіе его сочиненій, съ которыми только въ это время серьезно стали знакомиться поляки. Достойный доброй памяти и у русскихъ, польскій поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ), человѣкъ съ искренними симпатіями къ хлопству и одинъ изъ немногихъ бѣлоруссофиловъ, перевелъ нѣсколько пьесъ Шевченка (1861); другія («Гайдамаки» и «Наймичка») перевелъ уже упомянутый нами г. Савинскій, написавшій и *Studia nad literaturą ukraińską*. Шевченко испугалъ

польскую прессу. Самъ Сырокомля не рѣшился перевести «Тарасову вѣчь» и «Гайдамаковъ», объявивъ въ предисловіи къ своему переводу «Кобзаря», что Шевченко, писавши эти пьесы, омылъ перо свое въ кровь. Biblioteka Warszawska (1862, № 1) высила поэзію Шевченка «крикомъ вороньяго горла», объясняла его злость къ полякамъ тѣмъ, что, когда онъ былъ мальчикомъ, «нашъ его побилъ, за то, что онъ чуть не сжегъ дома» и т. п. Было известно каждому, большинство польскаго дворянства, жем искренно отдѣленія Польши съ западными губерніями отъ Россіи, не жаловало демократической фразеологій своей молодежи,—а тѣмъ больше возилось оно на хлопомановъ. Когда же нѣсколько изъ послѣднихъ появилось со статьями на страницахъ «Освобожденія» поляки-отцы вообразили, что потеряютъ сыновей своихъ, которые отрекутся отъ Польши для Украйны. Хлопоманія и украйнофильство стали казаться имъ не только гайдамачествомъ, но еще и интригою схизматичею Мосевы ¹⁾. Дѣйствительное освобожденіе крестьянъ со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, между прочимъ съ недоувѣріемъ, какое показывали крестьяне даже помѣщикамъ-либераламъ и народолюбцамъ,—вездѣ, и въ великой и въ малой Россіи, сильно поохладило въ нѣкоторыхъ слояхъ симпатіи къ народу ради народности,—а отношеніе крестьянъ къ нимъ въ время возстанія 1863 г. было таковаго рода, что должно было добить всякія идиллическія симпатіи польско-украинскихъ романтиковъ къ «нейзанамъ». Страхъ новой хмельницы, волынщины убилъ польское украйнофильство.

Спустя немного, ограниченія малорусской литературы, вызванныя инкриминаціями тѣхъ нашихъ изданій, которыя не ожи-

¹⁾ Въ дополненіе къ вѣнскимъ изъ польскихъ газетъ 1862—63 (первымъ выступило противъ хлопомановъ „Słowo“ въ 1859 г.), приведеннымъ въ статьѣ „Восточная политика Германіи“, можно указать на книгу, изданную Влад. Мицкевичемъ въ 1863 г. „La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un Oukrainien“ etc. Тутъ „un ukrainien“ жалуется на руссомановъ, называя ихъ: „les roussomanes ou les russiens, des jeunes gens de toutes classes, des hommes sans fortune, des esprits faux et des demi-savants“,—которые нападаютъ на польскую шляхту во множествѣ издаваемыхъ имъ книжекъ. „Un recueil de différentes poésies telle que Kobzar, Haidamaki, Chata, Narodni Opovidanné, Azbuki, Gramatki etc. forme une enorme batterie, dirigé contre les seigneurs ou, pour dire la vérité, contre les plus riches seulement. L'organe qui combat toutes les idées d'un communisme destructeur et d'un faux socialisme, c'est l'Osmosa, qui sort de Pétersbourg. Ce journal est plus nuisible aux polonais que Dzien (de Moscou), à cause d'une certaine nobilité et du choix circonspect de ses rédacteurs. Ces écrits trouvent un timide et faible écho dans le Słowo de Leop. mais le dernier journal mérite à peine qu'on fasse mention de lui...“ (24, 25). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ говоритъ, что правительство поощряетъ этихъ руссомановъ.

даннымъ образомъ произвели русскихъ украинофиловъ въ союзниковъ поляковъ и вѣсть съ тѣмъ повторили всѣ доносы польской прессы на хлопмановъ, вызвали у нѣкоторыхъ русиновъ и поляковъ въ Галиціи фразы объ общемъ союзѣ Польши и «Руси» противъ туранской Москвы, — но эти фразы, послѣ всего случившагося, говорились съ кислой миной, и не только не вели ни къ чему, но тотчасъ же смѣнялись жалобами, что малорусское движеніе въ Россіи и въ Галиціи есть «авангардъ Москвы для послѣдняго, самаго жестокаго раздѣла Польши»¹⁾. Недавно вравовская газета «Крај», рассматривая отношенія «Польши и Руси» съ горечью говорила о томъ, «чего хотѣла кіевская (польская) молодежь для русскаго (малорусскаго) народа и чѣмъ онъ заплатилъ въ 1863 г. за эти благія намѣренія». При такомъ настроеніи прежнія отношенія польской литературы въ украинскому элементу стали надолго невозможны.

Между тѣмъ и русское украинофильство почти совсѣмъ сошло со сцены, не успѣвъ выработать и высказать цѣльнаго, систематическаго міровоззрѣнія на текущіе вопросы внутренней и вѣшной политики, даже на польскій вопросъ, по которому оно выступило — было какъ застрѣльщикъ съ русской стороны²⁾. Во время разгара польскаго возстанія и послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ въ западномъ краѣ, уже не существовало спеціальнаго малороссійскаго органа въ Петербургѣ. Провинціальная же печать у насъ вовсе не можетъ считаться серьезною, по своему подначальному положенію. Въ 1863—66 гг., когда у насъ наиболѣе активно занимались только русскимъ вопросомъ, передовое мѣсто въ русской политической прессѣ въ глазахъ поляковъ занимали органы московскаго славянофильства («День», «Москва») и того смѣшаннаго, больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго направленія, которое характеризуетъ «Московскія

¹⁾ Еще недавно польская печать въ Галиціи, обсуждая вопросъ, какой органъ желателенъ для русиновъ въ Галиціи, выражалась о стремленіяхъ тамошнихъ «молодыхъ» такимъ образомъ: „Молодая Русь портитъ кредитъ себя у практичныхъ людей своими мечтами объ Украинѣ и казачинѣ“ (Газ. Narod. 1874, 52).

²⁾ Какъ благосклонны были въ началѣ 60-хъ годовъ къ шляхетскому элементу люди, которые потомъ приобрѣли себѣ было извѣстность какъ его противники въ юго-западномъ краѣ, можно видѣть на примѣрѣ г. В. Шулгина (Исторія кіевскаго университета, 1860 г., стр. 9 и слѣд.), потомъ редактора „Кіевлянина“, и г. М. Юзефовича (Объясненіе отъ председателя кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, 1861, стр. VIII), потомъ крупнаго публициста въ „Кіевлянинѣ“, корреспондента „Моск. Вѣд.“ и проч. Какъ мало знакома была съ западною Русью столичная печать, можно видѣть въ томъ, что въ „Парусѣ“ И. С. Аксакова (1859, 2) было помѣщено „Письмо изъ Польши“ съ помѣткою „Житомир“.

Вѣдомости». «День» старался-было установить на польскій вопросъ славяно-русскую, отличную отъ прусской, точку зрѣнія, держаться народныхъ, а не административно-централистическихъ началъ, — но смѣшивалъ славянство съ православіемъ, а русское вообще съ великорусскимъ, а потому и не имѣлъ вліянія на поляковъ. Да къ тому, во время возстанія ничто, кромѣ безусловнаго оправданія всѣхъ, самыхъ агрессивныхъ польскихъ требованій, не могло имѣть сочувствія среди поляковъ. По окончаніи же возстанія органъ московскаго славянофильства совершенно почти перешелъ къ тѣмъ прусскимъ началамъ, которыя представляли единственно послѣдовательное въ доктринахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и которыя, конечно, не могли найти себѣ пути къ умамъ самыхъ умѣренныхъ поляковъ. Событія 1866 г., славянскій съѣздъ, союзъ русской ретроградной партіи съ польскою («Вѣсть» и т. п.), наконецъ событія 1870—71 г. произвели совершенное потемнѣніе въ воззрѣніяхъ московскихъ изданій на польскій вопросъ. «Бесѣда» (1871—73) покушалась-было опять установить славянорусскую, отличную отъ прусской точки зрѣнія на этотъ вопросъ, но это намѣреніе, равно какъ и стремленіе редакціи «очистить» славянофильское направленіе отъ постороннихъ примѣсей, не удалось по внутреннимъ отношеніямъ въ кружкахъ славянофильскихъ и по внѣшнимъ обстоятельствамъ. По временамъ изъ тѣхъ круговъ, которые примыкаютъ тѣснѣе къ «западникамъ» 40-хъ—50-хъ годовъ, слышатся нѣсколько новыя голоса по польскому вопросу, далекіе отъ прежняго равнодушія или безусловнаго раздѣленія польскихъ тенденцій, а равно и отъ нетерпимости московскихъ публицистовъ 1863—66 гг., — но ихъ не настолькоъ много, чтобъ они могли произвести замѣтное вліяніе на русское и польское общество. Новое органическое и созидательное міровоззрѣніе на русско-польскія отношенія можетъ выработаться только при систематическомъ изученіи жизни какъ Польши, такъ и Литвы и западно-русскихъ краевъ, а это станетъ возможнымъ только при существованіи серьезныхъ и свободныхъ органовъ печати въ Варшавѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и т. п.

Говоря, въ предѣлахъ нашего предмета, только о юго-западномъ краѣ, приходится сознаться, что въ тамошнемъ польскомъ элементѣ мы имѣемъ дѣло съ племенемъ во всякомъ случаѣ незначительнымъ и весьма даровитымъ, что видно, напр., изъ того большаго числа дѣятелей, какое далъ польской литературѣ этотъ край — съ конца XVIII-го вѣка ¹⁾. Въ послѣдніе годы

¹⁾ Соответственно этому немалое число дѣятелей русской культурѣ дала гѣво-бережная Украина; такъ изъ одной полтавской губерніи съ половини XVIII-го

право-бережная Украина не производит никого и ничего и для польской культуры. Очевидно, что тамошніе поляки переживаютъ кризисъ. Обстоятельства поставили передъ ними дилемму — или быть пассивными свидѣтелями хода жизни, или подвинуть симпатіи ближе къ дѣятельности русскаго общества, такъ какъ край, въ коемъ они могутъ дѣйствовать, очевидно, часть русскаго, а не польскаго міра. Въ пассивномъ положеніи никакое общество долго оставаться не можетъ, не осуждая себя на разложене, на то, что жизненные вопросы будутъ рѣшаться безъ него. Для того, чтобъ помочь свѣжимъ силамъ польскаго общества въ юго-западномъ край выйти изъ теперешняго ненормальнаго состоянія, надо, чтобъ съ русской стороны образовалось и энергически проявилось такое направленіе, которое бы, оставаясь русскимъ, и будучи непремѣнно народнымъ, въ то же время давало мѣсто естественнымъ чувствамъ кровной связи съ краемъ и увлекало молодые умы широтою общественныхъ и культурныхъ стремленій. Такое направленіе несомнѣнно совершить то, чего прежде временно боялись польско-католическіе кружки юго-западнаго края еще въ 1860—63 гг.,—а именно отнять у нихъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобъ въ современномъ русскомъ обществѣ не было вовсе элементовъ для такого направленія: зародыши его существовали и въ прежнихъ движеніяхъ русской мысли, въ западничествѣ, въ московскомъ славянофильствѣ, въ украинофильствѣ. Но для того, чтобъ русская мысль подѣйствовала на поляковъ западнаго края, необходимо, чтобъ извѣстные нравственные элементы сложились въ систему и концентрировались въ направленіе, которое бы избрало своимъ центромъ мѣсто столько же русское, сколько и непосредственно прилегающее къ западному краю, или въ немъ самомъ лежащее.

Въ настоящее время мы прежде всего не имѣемъ вовсе никакихъ данныхъ для того, чтобъ сколько-нибудь вѣрно судить о томъ, чѣмъ морально живетъ польское общество вообще, а особенно въ западныхъ краяхъ. Вотъ почему намъ по меньшей мѣрѣ странно видѣть смѣло выраженными многія изъ тѣхъ за-

ѣтъ вышли Херасковъ, Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжнѣй, Гоголь, Котляревскій, Максимовичъ, Бодянский, Метлинскій, Остроградскій, и не мало ученыхъ, профессоровъ въ разныхъ русскихъ университетахъ. Замѣчательно, что послѣ Гоголя совсѣмъ не являютъ въ обще-русской беллетристичѣскаго украинца, и что украинскій бытъ у насъ или вовсе не воспроизводится въ беллетристичѣскаго, или воспроизводится по-малорусски. Право-бережная Украина только и дала въ послѣднее время крупнаго литератора—Шевченка.

ключеній, какія встрѣчаемъ въ главахъ очерка о полякахъ юго-западнаго края въ «Матеріалахъ» г. Чубинскаго: «Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ», и особенно коротенькая, но громко вышанная глава: «Коренныя причины антагонизма съ великорусами (?) и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія». Тутъ, кромѣ недостаточности данныхъ для заключеній, встрѣчаемся еще съ отсутствіемъ всякаго положительнаго метода для ихъ составленія. Мы бы не говорили объ этомъ, еслибы это не были обычныя у насъ особенности разсужденій о полякахъ. Такъ, мы встрѣчаемъ тутъ и либеральный укоръ польскому обществу въ его крайнемъ католицизмѣ, и приговоръ, что польское общество не цѣнитъ женщину, какъ человѣка, не расположено къ идеѣ о женской эмансипаціи и т. п. Антагонизмъ поляковъ и русскихъ объясняется къ-ряду и соперничествомъ за преобладаніе въ славянскомъ мірѣ,—и тѣмъ, что русская культура антипатична польскому обществу, помимо политическаго даже антагонизма. «Русское интеллигентное общество было всегда демократическимъ. Въ нашей литературѣ сильно развито критическое направленіе, самообличеніе и стремленіе страхнуть съ себя всякой романтизмъ. Не даромъ Россія называется мужицкимъ государствомъ, — ея интеллигенція ближе къ народу, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обществѣ» (стр. 270).

Авторъ этихъ строкъ, очевидно, не задалъ себѣ вопросовъ: «Кѣмъ называется? Чтѣ должно разумѣть подѣ словомъ интеллигентное общество? Кто въ Россіи сочувствуетъ эмансипаціи женщинъ, всѣ или нѣкоторые? Кто чуждъ религіознаго фанатизма?» и т. п. Во всякомъ случаѣ онъ не объяснилъ этого читателямъ. Къ тому же, онъ, очевидно, забылъ, что нѣсколько лѣтъ выше онъ говорилъ такія фразы: «демократизмъ повстанцевъ» (стр. 249), «безпощадная критика (пуристовъ) на господствующіе нравы» (стр. 248) и т. п. Для того, чтобъ сравнивать двѣ вещи, нужно, чтобъ онѣ были однородны. Такъ и сравненіе русскаго и польскаго общества можетъ быть только тогда поучительно, когда мы не забудемъ того, что и то, и другое распадается на извѣстные слои, между коими и надо проводить сравненіе, а равно и обстоятельства развитія того и другого. Надо сравнивать не польскаго магната съ какимъ-нибудь Бѣлинскимъ и т. п., а магната съ вельможей, всенда съ священникомъ, шляхтича съ помѣщикомъ, студента со студентомъ и т. п. Разница, конечно, найдется, но не такая качественная, какая получается у г. Чубинскаго. Окажется, мы ду-

маемъ, только то, что въ польскомъ обществѣ всѣ консервативные и реакціонные элементы болѣе сознательны, болѣе сплочены, чѣмъ въ нашемъ, а прогрессивные болѣе разсѣяны, — и при этомъ тѣ и другіе болѣе направлены на національные, чѣмъ на общественные вопросы. А большая часть этой разницы, при сличеніи условій развитія польскаго общества и русскаго объяснится тѣмъ, что Россія—самостоятельное государство, что русская народность обезпечена,—а польская нѣтъ. Разсѣянность польскаго прогрессивнаго элемента, его слабѣйшее дѣйствіе на общество объясняется между прочимъ эмиграціей; меньшая степень разлада между «отцами» и «дѣтьми» въ Польшѣ—общимъ давленіемъ извнѣ и т. п. При такихъ сравненіяхъ нельзя упускать изъ виду и того, что надо сравнивать явленія, происходящія въ одно время, потому что для каждой эпохи придется дѣлать особые выводы. Въ такомъ случаѣ, точнымъ, а не произвольнымъ, сравнительнымъ методомъ, произведенное изслѣдованіе надъ польскимъ обществомъ можетъ дѣйствительно привести къ уясненію практическихъ мѣръ по отношенію къ нему; но наши публицисты и даже изслѣдователи, какъ въ свою очередь и польскіе, обыкновенно поступаютъ иначе. Вотъ, на примѣръ, въ послѣднее время часто въ нашей печати поляки похваляются за то, что они начинаютъ «отрезвляться отъ увлеченій 1863 г. и безпристрастнѣе оцѣнивать Россію»:—это все вѣрно, но при этомъ вовсе не задаются мыслью о томъ, однимъ ли только полякамъ слѣдуетъ отрезвляться и не замѣчается ли «признаковъ отрезвленія» и у насъ? И въ книгѣ г. Чубинскаго говорится объ «измѣненіи быта (т. е. настроенія) поляковъ со времени неудачи повстанія», а особенно со времени событій 1870—71 г. Книга г. Чубинскаго говоритъ, на примѣръ, о томъ, что «поляки юго-западнаго края совершенно незнакомы съ русскими, какъ съ культурнымъ народомъ. Для нихъ русская интеллигенція являлась въ видѣ чиновника или офицера. Литературы русской они и не знали, и относились къ ней съ пренебреженіемъ. Вообще въ мнѣніяхъ поляковъ русскіе не обладаютъ умомъ и знаніемъ. Даже студенты университета ограничивались только обязательными для нихъ руководствами. Въ ихъ бібліотекахъ не было ни одной русской книги. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что до сороковыхъ годовъ наша литература была бѣдна, журнальная дѣятельность была не обширна. Хорошихъ научныхъ руководствъ почти не было,—было очень мало даже переводныхъ ученыхъ сочиненій... Только съ сороковыхъ годовъ, а въ особенности съ 1855

годъ русская журналистика и наука получили широкое развитіе и далеко опередили польскую литературу. И съ этого времени начинается нѣкоторый поворотъ въ польскомъ обществѣ» (стр. 272).

Въ этихъ словахъ, дѣло не обошлось однако безъ преувеличеній; заключенія также невѣрны отъ отсутствія сравненія или отъ невниманія къ тому, о какомъ собственно времени идетъ дѣло; наконецъ, есть и противорѣчія. Говоря не абсолютно, а сравнительно, едва ли поляки не больше знаютъ русскую литературу, чѣмъ мы польскую; о языкѣ ужъ и говорить нечего. Переводовъ съ польскаго у насъ очень мало, а до послѣдняго времени, напримѣръ, Мицкевича, не говоря уже, напримѣръ, о Брасинскомъ, совершенно почти не переводили у насъ, между тѣмъ важнѣйшія произведенія русскихъ поэтовъ довольно скоро послѣ появленія ихъ въ оригиналѣ переводились и по нѣскольку разъ часто знаменитѣйшими польскими поэтами¹⁾. До 1830 года вообще существовали довольно близкія отношенія между литературно-общественными дѣятелями польскими и русскими, а пока былъ виленскій университетъ, то проявлялось и научное общеніе: Лезевель, напримѣръ, написалъ критику на исторію Карамзина, а дѣльную критику, по времени; въ Вильнѣ вышелъ (въ сокращеніи польскомъ), скоро послѣ выхода въ Харьковѣ, «Обзоръ русскихъ древностей» Успенскаго и т. п. Послѣ 1830 года польское общество точно больше удалилось отъ русскаго, но не на-

¹⁾ Вотъ указаніе польскихъ переводовъ нѣкоторыхъ изъ произведеній русскихъ писателей: изъ Пушкина, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, переведенныхъ Мицкевичемъ, Одianceмъ, Ходзькомъ, Сабовскимъ и т. п. «Кавказскій плѣнникъ» перевелъ Н. Ф. Жабой въ 1828 г.; «Бахчисарайскій фонтанъ» — три раза (между 1828 и 1832); «Братья разбойники» и «Цыгане» — въ Варшавѣ въ 1842 г. и другой разъ въ Вильнѣ; «Евгеній Онегинъ» въ Вильнѣ въ 1847 г.; «Скупой Рыцарь», «Мядуна Всадникъ» и т. д. Изъ Лермонтова — лирическія стихотворенія переводили Сиромля, Левартовичъ, Сабовскій и др.; кромѣ того переведены «Герой нашего времени» (1844), «Мирра» (Сиромля, 1858), «Демонъ» (1860), «Хаджи-Абрекъ» (1856) и т. д.; Гребойдова — отрывки «Гора отъ ума» въ польскомъ переводѣ съ рукописи лишь въ печати (1830) раньше, чѣмъ вся шестая была напечатана по-русски (1833), а въ 1859 г. явился полный переводъ. Крылова басень есть два перевода: полный (1852) и избранная басни (пер. Глинскимъ, авторомъ «Bajaga Polskiego», въ 1861—62). Марлинскаго почти всѣ важнѣйшія вещи переведены въ 30—40-е годы. Даже нѣко пріятный полякамъ «Юрій Милославскій» переведенъ давно на польскій и т. д., и т. д. Красинскаго — «Небожественная комедія» переведена была въ самое послѣднее время въ «Русскомъ Вѣстникѣ», когда интересъ къ ней долженъ былъ сильно испариться у самихъ поляковъ; то же надо сказать о «Мазелѣ» Словацкаго.

столько все-таки, чтобъ совсѣмъ перестать слѣдить за русскою литературою. Какъ можно видѣть изъ списка переводовъ на польскій языкъ съ русскаго, поляки слѣдили за русскою литературою недовольно систематично; но то же слѣдуетъ сказать и о русскихъ. Русская литература и критика въ 40-е годы пошла въ глубь русскаго общества, стала принимать весьма серьезный характеръ, но въ то же время имѣла часто весьма домашній характеръ. Какъ только сфера литературы, науки, публицистики русской расширилась, то,—какъ говорить и г. Чубинскій,—и поляки стали обращать на нее больше вниманія. Тутъ, значитъ, не произошло никакого поворота у поляковъ, — а произошло только увеличеніе важности того явленія, на которое мы желаемъ, чтобъ поляки обращали вниманіе. А то, что же удивительнаго, если поляки не обращали вниманія, напримѣръ, на русскую переводную литературу, если таковой, по сознанию и г. Чубинскаго, вовсе почти не было? До послѣдняго времени условія нашей печати дѣлали невозможнымъ появленіе въ русскихъ переводахъ сочиненій передовыхъ въ ту эпоху историковъ и политиковъ Европы: Гизо, Маколея, Шлоссера, Гервинуса, Луи-Блана, Мишле и т. п.; цѣлыя области наукъ, какъ, напримѣръ, политическая экономія, были сплошь почти недоступны нашей литературѣ; до сихъ поръ ей мало или вовсе не доступны многія сочиненія по исторіи религій, по византійской исторіи и даже по восточнымъ древностямъ. Переводами же классиковъ, которые тоже притихли въ Россіи послѣ Александровскаго времени, а равно и переводами образцовыхъ поэтическихъ произведеній европейской поэзіи (Данте, Тассъ, Аріостъ, Камюэнсъ и т. д.), польская литература была богаче нашей. Въ послѣднее время русская переводная литература, особенно научная, стала расширяться и слѣдить за крупными новостями въ западной Европѣ, и она стала находить себѣ публику въ польской молодежи. Не подлежить сомнѣнію, что та энергія, каковую во многихъ мѣстахъ обнаруживаютъ въ послѣдніе два-три года поляки по части переводной литературы (особенно въ Варшавѣ), объясняется между прочимъ и сознаніемъ необходимости конкурировать въ умахъ молодежи съ русскою литературою. Пока еще русская переводная литература стоитъ впереди польской по научному отдѣлу; но если къ чему-либо притихнетъ то стремленіе русской печати слѣдить за важнѣйшими явленіями въ области европейской мысли, которое въ послѣднее время замѣтно въ ней, то поляки, при возможности печатать безпрепятственно книги въ Краковѣ, Львовѣ

Повзвани, конечно, обгонять насъ. Практическіе выводы изъ сказаннаго сдѣлать не трудно: нужно и намъ не впадать въ гнѣвъ, въ коемъ обвиняемъ поляковъ, а главное, нужно прежде всего заботиться о расширеніи нашей культуры и литературы, — тогда поляки перестанутъ игнорировать ее. Для того же, чтобъ наша культура повліяла на ассимиляцію поляковъ западнаго края съ русскими, нужно, чтобъ въ тамошнихъ центрахъ было побольше условій и простора для самодѣтельности русскаго общества. Два-три серьезныхъ независимыхъ журнала въ Кіевѣ, Вильнѣ, университетъ въ послѣднемъ городѣ, — повліяютъ больше, чѣмъ всѣ репрессалии и укеры полякамъ, затѣмъ они не хотятъ знать насъ, русскихъ, какъ культурный народъ.

М. Драгомановъ.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

Письма изъ Англіи.

ВТОРОЕ ПИСЬМО *).

I.

Е. А. Фриманъ: Comparative Politics. London, Macmillan, 1875, in 8°, 522 p ges.—*Серъ Генри Менъ*: Lectures on the early history of institutions. London J. Murray, 1875, in 8°, 412 pages.

Въ ряду заслугъ XIX-го столѣтія, конечно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ займетъ смѣлая рѣшимость, съ которою этотъ вѣкъ взялся за изслѣдованіе первобытной эпохи міровой жизни и тѣ блистательные результаты, которые были достигнуты имъ почти сразу, при разрѣшеніи новой задачи. Подобныя попытки повторялись въ древности много разъ, но средствъ къ точномъ изслѣдованію еще не существовало и потому поразительные, самъ по себѣ, выводы Фалесовъ и Демокритовъ страдали отсутствіемъ окончательной санкціи научнаго опыта и доказательствъ. Послѣ неимовѣрнаго усилія, сдѣланнаго Аристотелемъ, прошло цѣлыхъ двадцать вѣковъ, прежде чѣмъ возникло новое движеніе философской мысли и науки. Въ виду этого, нельзя считать продолж

*) См. выше: январь, 1875, 330 стр.

тельнымъ застоємъ промежутковъ времени, послѣдовавшій за возрожденіемъ и концомъ XVI-го столѣтія. Не болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ появились работы Кювье, Ламарка и Бюппа, а теперь уже громадныя успѣхи геологіи, естественной исторіи и филологіи пролили новый, почти феноменальный, свѣтъ на происхожденіе человѣка и общества.

Однако и при настоящемъ положеніи вещей существуетъ возможность заблужденія, тѣмъ болѣе опасная, что она замаскирована и обставлена самыми заманчивыми условіями. Умъ человѣческій, освоившись съ предметомъ, который ему нравится, склоненъ поддаваться увлеченію. Исходя изъ совершенно извѣстной и опредѣленной точки, онъ скоро теряетъ ее изъ виду и запутывается въ лабиринтъ гипотезъ и фантазій. Такого упрека сдѣлать Фриману невозможно, но все-таки его опытъ «Сравнительной Политики» можетъ показаться болѣе осторожному и вмѣстѣ робкому уму преждевременнымъ предпріятіемъ. По моему мнѣнію, авторъ вполне держится границъ современнаго положенія знаній о предметѣ. Книга его относится къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя, хотя и не сообщаютъ никакихъ оригинальныхъ открытій, тѣмъ не менѣе оказываютъ серьезныя услуги, обобщая факты и принципы, недавно приобрѣтенныя наукою.

Фриманъ, извѣстный уже раньше многими замѣчательными историческими сочиненіями ¹⁾, никогда еще не достигалъ той высоты концепціи, которой отличается послѣдній его трудъ. Опираясь на новѣйшія изслѣдованія въ области міеологіи и сравнительной филологіи, онъ попытался приложить тотъ же методъ къ политикѣ. По крайней мѣрѣ таково заявленное имъ намѣреніе; въ сущности же ему удалось при помощи открытій, сдѣланныхъ лингвистической, только освѣжить съ новой стороны сравнительную политикую. Послѣдняя, какъ и многія другія науки, ведетъ свое начало съ того дня, когда Аристотель, въ знаменитомъ своемъ трудѣ, сопоставилъ, для выводовъ своихъ, конституціи и нравы Спарты, Крита, Мегары и другихъ странъ, о которыхъ онъ оставилъ намъ столько драгоценныхъ свѣдѣній.

Конечно, подъ перомъ г. Фримана сравнительная политика получаетъ совершенно новую фязіономію. Параллель проводится уже не между одними городами и народами, а между

¹⁾ History of Federal government, from the Achain League to the disruption of the United States. London and Cambridge, 1868,—очень интересное сочиненіе, касающееся исторіи главныхъ федеративныхъ правительствъ; The History of the Norman Conquest. Oxford, 1870, 2-e edition; Historical Essays. London, 1871, 2 vol.

цѣлыми расами, и новыя изслѣдованія обнаруживаютъ изумительныя аналогии въ націяхъ, повидимому, совершенно различныхъ. Авторъ по преимуществу занялся арійскимъ племенемъ и въ особенности тремя его вѣтвями, которыя онъ считаетъ самыми доблестными и совершеннѣйшими его представителями: греками, римлянами и германцами. Сравнительная политика, какъ и слѣдовало ожидать, въ свою очередь выясняетъ и подтверждаетъ результаты, добытыя филологіею. Существуютъ и тутъ сбивчивыя пункты, которые могутъ ввести въ заблужденіе. Необходимо различать источники происхожденія явленій и не приписывать влиянію расы того, что проистекаетъ изъ непосредственной преемственности или изъ подражательности, какъ мы видимъ, напримѣръ, въ консульствѣ Бонапарта и въ учрежденіи сенатовъ первой и второй имперіи. Въ приведенномъ нами случаѣ, впрочемъ, едва ли кто-нибудь ошибется, но могутъ встрѣтиться и другія, аналогичныя явленія, происхожденіе которыхъ гораздо труднѣе опредѣлить. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что одинаковыя учрежденія могутъ порождаться одинаковыми обстоятельствами, помимо всякаго влиянія расы и происхожденія. Такъ, между прочимъ, не подлежитъ нивакому сомнѣнію, что основатели конституціи Соединенныхъ Штатовъ находились въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно законовъ Ахейскаго союза, и, несмотря на то, между обѣими конституціями существуетъ поразительное сходство, которое должно быть всецѣло приписано тождеству обстоятельствъ.

Отстранивъ сомнительные факты, слѣдуетъ считать всѣ одинаковыя учрежденія, встрѣчающіяся у поименованныхъ трехъ народовъ, за результатъ ихъ общаго происхожденія, что приводитъ къ заключенію, что первобытные арійцы, до распада, уже перешли первыя ступени политической жизни. Однимъ изъ поводовъ къ заблужденію, благодаря которому создалась искусственная пропасть, раздѣлявшая древніе народы отъ современныхъ націй, было ложное понятіе о древнемъ городѣ, разсматриваемомъ по отношенію его къ современному государству. Обыкновенно городъ признавался за ячейку народа, за нѣчто зачаточное и несовершенное. Фриманъ безъ труда разбиваетъ эту иллюзію, и третья «лекція», посвященная этому вопросу, составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ частей его книги. Городъ не только не можетъ считаться за первобытную и зачаточную форму, но онъ осуществлялъ собою высшій идеаль государства: взгляните только на Афины! Могущество этой республики длилось, правда, не болѣе двухъ вѣковъ, за то какое

могущество! Сколько дѣятельности и величія совмѣщается въ этомъ короткомъ промежуткѣ времени! Трудно возражать автору, когда онъ говоритъ, что одинъ день жизни Перикла стоилъ цѣлаго столѣтія жизни многихъ изъ современныхъ націй. Въ городѣ, способности напрягались сильнѣе и быстрѣе достигали полнаго развитія: срокъ дѣятельности становился короче, но результатъ получался одинъ и тотъ же и, быть можетъ, выходилъ, удовлетворительнѣе. Римъ, какъ городъ, никогда не доходилъ до совершенства Аѳинъ и, какъ думаетъ Фриманъ, по этой причинѣ былъ долговѣчнѣе. Хотя онъ никогда не превращался въ націю, въ собственномъ смыслѣ, но гораздо ближе подходилъ къ этому типу, чѣмъ греческіе города.

Помимо этого различія, исходный пунктъ у грековъ и у римлянъ, равно какъ и у тевтонскихъ народовъ былъ одинъ и тотъ же. «Основнымъ элементомъ во всякомъ первобытномъ политическомъ обществѣ», говоритъ авторъ, «является *семейство*, не въ томъ узкомъ современномъ значеніи слова, подъ которымъ мы привыкли въ настоящее время подразумѣвать только отца и дѣтей, но въ объемѣ, принимаемомъ семействомъ, когда изъ него образуется *кланъ* (родъ). Кланъ можетъ имѣть нѣсколько различныхъ формъ, иногда сохранять дикую независимость, разбойничій образъ жизни и приверженность къ наслѣдственному вождю, которыми отличаются кельтскіе кланы Великобританіи и Ирландіи. Иногда же, поднимаясь ступенью выше въ развитіи, онъ можетъ облечься въ форму «сельской общины» (*village-community*), каковую мы имѣемъ возможность наблюдать у восточныхъ и западныхъ арійцевъ. Кланъ и сельская община въ сущности одно и то же, съ примѣсью нѣкоторыхъ внѣшнихъ и географическихъ вліяній, заставляющихъ одну группу принимать болѣе прочный образъ жизни, другую долѣе придерживаться первобытной стадіи и даже спускаться ниже. Аѳинскій *γένος*, римскій *gens*, *Mark* и *Gemeinde* тевтонскихъ народовъ, сельская община на Востоцкѣ и ирландскій кланъ, какъ я уже сказалъ, совершенно родственны» (102 стр.). Выше и вслѣдъ за ними стоятъ группа болѣе сложная, обозначаемая латинскимъ терминомъ *civitas*, германскимъ *Hundred*, *Hundert*; за ней слѣдуетъ *контра* и затѣмъ уже государство, которое у грековъ и римлянъ воплощается въ *юродъ*, а у народовъ германскаго происхожденія въ *націю*. Точно также какъ «*Ealderman*» или «*Heretoga*» былъ главой *контра*, король признается главой націи. Въ прежнія времена король не считался собственникомъ земли: онъ былъ только главою народа. Это окончательно выяснено относительно королей

героическаго періода, и, надо замѣтить, такое законоположеніе повторяется у всѣхъ трехъ великихъ отраслей арійскаго корня. «Король-архонтъ» (Βασιλεὺς ἀρχων) въ Аѣнахъ и «*Rex Sacrif-culus*» римской республики служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Въстѣ съ тѣмъ они являются указаніемъ на то, что король руководилъ религіозными церемоніями.

Но ни одинъ изъ этихъ древнихъ королей не былъ облеченъ дѣйствительною *королевскою* властью, въ смыслѣ современнаго значенія этого слова, и король франковъ не пользовался большими правами, чѣмъ царь ахейцевъ у Гомера. Рядомъ съ ними существовалъ совѣтъ старѣйшинъ, умѣйшихъ и наиболѣе прославившихся мужей и народное собраніе. Городъ по своей природѣ одаренъ республиканскими стремленіями, и потому образованіе древнихъ республикъ объясняется самымъ естественнымъ путемъ. Смотри по тому, который изъ трехъ элементовъ: король (царь), народъ или собраніе, бралъ верхъ надъ остальными, устанавливалась та или другая изъ поименованныхъ формъ правленія, извѣстныхъ уже со временъ глубокой древности: монархія, аристократія (вѣрнѣе олигархія) или демократія. Фриманъ воздастъ должную честь аѣнской демократіи, такъ оклеветанной современными радикалами, не менѣе чѣмъ самими консерваторами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Аѣнахъ были иностранцы и рабы, но тѣмъ не менѣе каждый аѣнянинъ былъ гражданиномъ, пользовался гражданскими правами, безъ различія состоянія и общественнаго положенія, и участвовалъ также въ правахъ политическихъ. «Всѣхъ людей», восклицаетъ авторъ, «который, не принимая въ расчетъ условій времени и мѣстности, заботится о справедливости и свободѣ, можетъ съ любовью останавливаться на мысли, что онъ идетъ вслѣдъ за Солономъ, Клисееномъ, Аристидомъ и Перикломъ по пути, проложенному ими. Они прошли его ранѣ насъ: но у нихъ не было предшественниковъ» (стр. 211).

На мой взглядъ, авторъ тоже совершенно правъ, когда онъ настаиваетъ на аналогіи, существующей между народными собраніями въ Аѣнахъ и Римѣ и представительными собраніями новѣйшихъ государствъ. Вся разница заключается во внѣшнемъ фактѣ, въ матеріальной невозможности составить собраніе изъ 5 или 6 милліоновъ гражданъ. Справедливо замѣтить, что представительное собраніе составляетъ такую же естественную форму свободнаго государства для многочисленныхъ обществъ, какою было народное собраніе для болѣе сжатыхъ единицъ. Даже въ Римѣ существовало уже нѣчто среднее: подача голосовъ происходила по центуриямъ и трибамъ, а не поголовно; нѣкоторые изъ

отсутствующихъ гражданъ могли поручать свое право другимъ и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени избирали себѣ *представителей*.

Въ сущности, до сихъ поръ придавали слишкомъ много вѣса мнѣніямъ различіямъ, существующимъ между древними и современными обществами, и неправильно прерывали послѣдовательную нить исторіи. А между тѣмъ, развѣ Греція не вліяетъ до сихъ поръ на насъ своими твореніями, не продолжаетъ ли Римъ жить между нами со всѣмъ своимъ величіемъ и воспоминаніями? Въ Европѣ развѣ уже нѣтъ государей, которые могли бы повторить презрительный отвѣтъ перваго *императора*: «да, я не король, я *цесарь!*»

Филологіи принадлежитъ честь восстановленія естественной связи между различными націями древности и современной эпохи. Мнѣ кажется, что всѣ мы: нео-латинцы, славяне и германцы, имѣемъ законное право гордиться нашимъ происхожденіемъ отъ той же расы, которая породила грековъ-цивилизаторовъ и римлянъ-побѣдителей.

Насколько мнѣ извѣстно, книга Фримана есть первое изложеніе этихъ идей въ догматической формѣ. Онѣ носились въ воздухѣ, не спорю, но за нимъ остается заслуга ихъ опредѣленнаго выраженія. Онъ также пошелъ по новому пути, нигдѣ до него не пройденному, и прошелъ его съ успѣхомъ. Но критика никогда не утрачиваетъ своихъ правъ; надо сознаться, что въ этомъ сочиненіи существуетъ много важныхъ пробѣловъ. Авторъ заявляетъ, что онъ придаетъ слову *политика* то же значеніе, въ которомъ его употреблялъ Аристотель. Прекрасно; но стагирить подразумѣвать подъ этимъ наименованіемъ всю науку въ полномъ ея объемѣ, словомъ, соціологію, говоря языкомъ новѣйшей терминологіи, въ которую входятъ всѣ подробности, касающіяся до общественныхъ учрежденій, собственности, семьи, роли женщины и проч. Всѣ же эти предметы не затронуты въ книгѣ Фримана, которая почти исключительно посвящена разработкѣ чисто политическихъ учрежденій, т. е. различныхъ формъ государственнаго строя. Онъ могъ бы также почерпнуть очень важныя данныя въ изученія славянскаго племени, которое совершенно обойдено имъ. Но, въ концѣ-концовъ, въ виду успѣшнаго результата не приходится заявлять излишней требовательности. Книга эта, впрочемъ, есть не болѣе какъ изданіе лекцій, число которыхъ развѣ ограничено. Авторъ приложилъ къ нимъ очень почтенное количество замѣтокъ, снабжающихъ читателя всѣми необходимыми объясненіями.

Трудъ сэра Генри Мэна вращается въ той же сферѣ мысли, какъ и предыдущій; онъ появился недавно съ особеннымъ блескомъ. Авторъ, состоящій профессоромъ права въ Оксфордѣ, занималъ прежде очень видную юридическую должность въ Индіи и по своему оффиціальному положенію пользуется большимъ уваженіемъ, получившимъ еще больше силы послѣ напечатанія двухъ чрезвычайно важныхъ сочиненій. Въ первомъ изъ нихъ Мэнъ разработалъ исторію древнихъ законовъ о собственности, завѣщаніи, контрактѣ и т. д. ¹⁾ Во второмъ, «*Сельскія общины на Востокъ и на Западъ*» ²⁾, разсматривается образованіе первоначальныхъ обществъ, общинный бытъ въ средѣ разросшейся семейной группы, существующій почти въ одинаковой формѣ у восточныхъ и у западныхъ аріейцевъ. Эта книга доставила главные матеріалы для сочиненія Лавелэ ³⁾ «*О первобытной собственности*», которому предшествовала книга Насселя. Въ послѣднемъ трудѣ своемъ сэръ Г. Мэнъ дополняетъ изложеніе своего воззрѣнія на предметъ.

Безвозвратно прошло то время, когда писатели предавались совершенно произвольнымъ предположеніямъ относительно возникновенія обществъ, отыскивая въ такъ-называемомъ «природномъ состояніи» какъ корень, такъ и идеаль челоувѣчества.

Въ настоящее время намъ извѣстно, что слѣдуетъ думать о совершенствѣ, какое приписывалось à la Руссо первобытному состоянію, о которомъ австралійскіе дивари могутъ дать только слабое понятіе. Теперь знаютъ, чѣмъ былъ челоувѣкъ во времена каменнаго періода: жалкій современникъ пещернаго медвѣдя и мамонта! Знаютъ также, и отчасти благодаря сэру Г. Мэну, что первыя общества состояли изъ агрегата семей, жившихъ общинной жизнью, составляющею послѣдовательное звено вслѣдъ за семейнымъ или патриархальнымъ состояніемъ. «Владѣніе землею сообща цѣлою группою людей, считающихъ себя связанными между собой узами крови, — говоритъ авторъ, — должно отнынѣ быть причислено къ первичнымъ явленіямъ, характеризующимъ всѣ первобытныя общества, цивилизація которыхъ имѣетъ какую-нибудь аналогію съ нашей» (стр. 1). Это вполне установившійся фактъ для всѣхъ различныхъ отраслей аріейской расы, исключая обширной кельтской вѣтви, относительно которой можно было дѣлать

¹⁾ *Ancient Law: its connexion with the Early History of Society*, — первая книга, доставившая ему извѣстность.

²⁾ *Village-Communities on the East and West*. London, 1871, 8°.

³⁾ *E. de Lavéleye: De la propriété et de ses formes primitives*. Paris, 1874, in 8°.

только болѣе или менѣе вѣрныя предположенія, основываясь на нѣсколькихъ словахъ Цезаря и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ историковъ.

Этотъ-то пробѣлъ и пополняется книгой сэра Г. Мэна, раскрывающею передъ нами первобытныя учрежденія ирландскихъ кельтовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ выясняются изъ «*Brehon Law*», сборника древнихъ ирландскихъ законовъ, переведенныхъ и изданныхъ въ недавнее время; вышло въ свѣтъ пока три тома, изъ которыхъ первый появился въ 1863 г., а остальные на-дняхъ. Самый важный отдѣлъ представляетъ «*Senchus Mor*» (главная книга древняго закона). Трактатъ этотъ, повидимому, долженъ быть отнесенъ къ XI-му столѣтію; во всякомъ случаѣ, обычаи, описываемые въ немъ, принадлежать еще болѣе ранней эпохѣ. На поляхъ одной изъ рукописей находится слѣдующая любопытная и трогательная приписка, сдѣланная однимъ изъ членовъ семьи, которой рукопись принадлежала: «Лѣта тысяча триста сорокъ второго, по Рождествѣ Христовомъ, сею ночью: а настоящее лѣто—второе съ нашествія великой чумы на Ирландію. Написано это мною на двадцатомъ году моей жизни. Я, Гуго, сынъ конора Макъ-Эгана; читающій эти строки да помолится о спасеніи души моей. Эта ночь, ночь на Рождество, и я поручаю себя защитѣ Царя неба и земли, умоляя его сохранить меня здоровымъ и невредимымъ, меня и друзей моихъ посреди чумы. Гуго написалъ это на книгѣ отца своего, въ годъ великой чумы».

Кто были эти брегоны (Brehons), занимающіе собою вотъ уже три мѣсяца весь ученый міръ Англій и континента? Отвѣтить на это не легко. Нѣкоторые критики рѣшились выдти изъ затрудненія, причисливъ ихъ къ друидамъ Галліи. Но это опредѣленіе крайне несостоятельно; начать съ того, что друиды были священнослужителями, а тутъ этого вовсе нѣтъ. Древніе брегоны описываются иногда какъ потомки, иногда какъ сыновья короля или, скорѣе, вождя клана, носившаго этотъ титулъ. По преимуществу они исполняютъ роль судей и юристовъ. Позднѣе они утрачиваютъ родство съ королевскими семьями и образуютъ отдѣльныя поколѣнія наследственныхъ юристовъ, проживающихъ при княжескихъ дворахъ. Гуго, авторъ приведенной замѣтки, былъ въ числа такихъ наследственныхъ брегоновъ, состоящихъ при Макъ-Картисахъ. Вліяніе ихъ продолжалось вплоть до времени Елизаветы и даже позднѣе. Но что въ высшей степени интересно, это общая картина обычаевъ, рисуемая ихъ записками, обнаруживающая въ цѣломъ самое разительное сходство, съ одной

стороны, съ римскимъ, славянскимъ и германскимъ правомъ, а съ другой, съ обычаями индусовъ. Такимъ образомъ, *joint-family* Индіи, римское *gens*, сербская *задруга* и проч., повторяются въ соотвѣтственномъ видѣ въ ирландскомъ *sept*. Надъ нимъ стоитъ племя, состоящее изъ нѣсколькихъ септовъ (*sept*), признающихъ общую связь между собою и одного общаго вождя; случаются однако же примѣры, когда септъ достаточно значителенъ для того, чтобы самому образовать изъ себя племя. Этотъ пунктъ необходимо запомнить для избѣжанія путаницы, которая легко можетъ произойти отъ употребленія слова *племя* (*tribu*), для обозначенія двухъ различныхъ вещей. Въ первобытную эпоху земля составляла собственность племени. «Вокругъ полей не было ни канавъ, ни заборовъ, ни каменныхъ стѣнъ», говорится въ одной ирландской рукописи XII-го столѣтія, «и земля не были подѣлена до времени сыновей Аэръ-Слана». Въ эпоху «*Brehon Laws*» земля еще составляетъ общее достояніе, по крайней мѣрѣ въ теоріи, хотя большая часть ея уже присвоена нѣкоторыми семьями, и только общественныя земли, «*wastes*», весьма обширные участки, находятся въ распоряженіи всѣхъ членовъ племени. Когда собственникъ земли, членъ племени, умираетъ, вождь дѣлитъ участки его септа между остальными: это еще одинъ изъ обычныхъ пріемовъ системы общинной собственности. Но въ то время, какъ эта система удерживается у славянскихъ и индусскихъ народовъ, въ Ирландіи она скоро переходитъ въ феодальную форму, общую всей западной Европѣ. Сэръ Генри Мэнъ входитъ по этому предмету въ подробности чрезвычайно интересныя, которыя почти всѣ заимствованы изъ трактата брегоновъ, вносящаго, такимъ образомъ, совершенно новый элементъ въ исторію феодализма и видоизмѣненій собственности. До сихъ поръ извѣстны были только два главныхъ источника феодальныхъ учрежденій: *бенефиция* (*beneficium*), когда собственникъ или вождь уступаетъ землю своему леннику, который черезъ это становится его вассаломъ, и *коммендація* (*commendatio*), когда человѣкъ, обладая извѣстной собственностью, наоборотъ, уступаетъ ее другому, болѣе могущественному лицу, сохраняя за собой право пользованія, дѣлается ленникомъ послѣдняго, за что и пріобрѣтаетъ его покровительство. Изъ всего этого можно, кажется, заключить, что всѣ эти договоры, которые обыкновенно объяснялись общественной неурядицей, послѣдовавшей за паденіемъ Римской имперіи, скорѣе должны быть разсматриваемы, какъ простое продолженіе порядка вещей, существовавшаго уже въ первобытныхъ арійскихъ обществахъ. Вождь племени или клана, пользуясь сравнительно съ другими

большимъ надѣломъ, присвоеннымъ его должности, могъ прокармливать большее количество скота. Онъ часто снабжалъ имъ свободныхъ людей, на извѣстныхъ условіяхъ, и они становились его вассалами (*kyle*). Слова: *capital*, *cheptel* (по-англійски: *chatel*), играющія такую важную роль въ политической экономіи, очевидно ведутъ свое происхождение отъ этого обычая, существовавшего уже въ отдаленную эпоху, когда земля имѣла сравнительно ничтожную стоимость, а скоть, и преимущественно крупный скоть (по-англійски: *cattle*), считался головами (*caput, capita*) и составлялъ главное богатство, т.-е. настоящій «капиталъ».

«*Pecunia*,—говоритъ авторъ,—былъ, вѣроятно, терминъ, обозначавшій монету; онъ продержался въ употребленіи долѣе другихъ и одновременно служилъ наибольшему числу людей» (*pecunia* отъ *pecus*: стадо; стр. 147). Этимологія слова: *féodal, fief*, доказываетъ, что первоначальный корень его былъ, по всей вѣроятности, у германцевъ тотъ же самый, какъ и у кельтовъ. Англійское слово *fee* (вознагражденіе, гонораръ) однородно съ голландскимъ *vee* и нѣмецкимъ *Vieh*, означающихъ скотъ. Очень можетъ быть, что вездѣ вождь, уступая земли, давалъ и скоть, какъ въ Ирландіи, для пріобрѣтенія себѣ вассаловъ.

Возвореніе феодальной системы еще ускорилося въ этой странѣ, благодаря существованію въ ней *фуйдхировъ* (*fuidhirs*).

«*Brehon tracts*» обозначаютъ этимъ именемъ весьма многочисленный классъ бродягъ, «*out-laws*», которые, будучи изгнаны изъ среды своихъ племенъ, искали счастья на сторонѣ. Вожди клановъ часто давали имъ пріютъ, надѣляли ихъ землей изъ общинныхъ участковъ и обращали ихъ въ вассаловъ, денниговъ (*tenants*), надъ которыми пріобрѣтали полную власть.

Свободные люди, бѣднѣя, впадали все болѣе и болѣе въ зависимость отъ вождя, и такимъ, весьма понятнымъ, путемъ характеръ общинной и патриархальной жизни древняго племени утрачивался постепенно, въ то же время, какъ вождь превращался въ собственника и господина.

Мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-нибудь ранѣе сдѣлалъ такой рѣшительный шагъ въ выясненію началъ феодальной системы и даже, можно сказать, настоящей экономической системы. Ибо, если *лордъ*, вождь, пересталъ быть господиномъ и повелителемъ своихъ вассаловъ, онъ по прежнему остался собственникомъ земли. Впрочемъ, настоящая причина преобразования первобытныхъ общинъ вовсе не такъ односложна, какъ обыкновенно полагаютъ. «*Естественный коммунизмъ* первобытныхъ группъ,—говоритъ сэръ Г. Мэнъ,—былъ рассматриваемъ иногда, въ послед-

нее время, въ особенности же нѣкоторыми русскими публицистами, какъ предшественникъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, новѣйшикъ, наиболѣе радикальныхъ демократическихъ теорій. По-моему, ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого толкованія. Если желаютъ взглянуть на предметъ съ этой точки зрѣнія, то гораздо справедливѣе признать, что преобразованія древнихъ общинъ происходили чаще всего вслѣдствіе борьбы той или другой демократіи противъ аристократіи» (стр. 83). Въ Афинахъ, напримеръ, мы видимъ, что дѣло происходило именно этимъ порядкомъ; «демосъ» побѣдилъ эвпатридовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ вонецъ существованію древней племенной системы; но авторъ готовъ согласиться, что на Востоку событія шли инымъ путемъ. Слѣдуетъ ли, съ другой стороны, сожалѣть объ исчезновеніи первобытныхъ общинъ, совершившемся, какъ думаетъ Лавелъ, подъ вліяніемъ индивидуалистическихъ стремленій? Полагаемъ, что постановка самаго вопроса въ этой формѣ вполнѣ неправильна. Во-первыхъ, «индивидуализму» тутъ нѣтъ никакого мѣста. Тѣ общества, о которыхъ идетъ рѣчь, не имѣли ничего общаго съ теоретическимъ коммунизмомъ нѣкоторыхъ современныхъ умовъ.

Тамъ существовалъ фактъ чисто реальный и практический: были группы людей, жившихъ въ болѣе или менѣе сплоченныхъ общинахъ, былъ вождь. Какъ ни стараются доказать ограниченность власти этого вождя относительно самыхъ отдаленныхъ эпохъ, это утвержденіе можетъ быть и справедливо, но власть была, а слѣдовательно существовало неизбѣжное стремленіе къ ея расширенію. Съ другой стороны, въ группахъ, въ *септазахъ*, должно было лежать естественное стремленіе освободиться отъ неизбѣжныхъ неудобствъ общиннаго быта, равно какъ и отъ зависимости, отъ вождя. Движеніе это привело къ успѣху, группы семействъ—демократія, если хотите—одержала побѣду въ Афинахъ и Римѣ, въ лицѣ *демоса* и *плебса*. Въ средніе же вѣка побѣда осталась на сторонѣ вождя; даже въ странахъ, гдѣ, какъ, напримеръ, въ Россіи, сельская община удѣляла, власть вождя (помѣщика) приняла широкіе размѣры и уничтожить ее могло только могущественное внѣшательство свыше.

Къ сожалѣнію, я не могу указать всѣхъ важныхъ фактовъ, встречающихся въ изобиліи въ книгѣ сэра Г. Мэна. Приведу однако же одинъ изъ нихъ, до того любопытный, что я не могу обойти его молчаніемъ. Въ Индіи существуетъ до сихъ поръ одинъ странный обычай. Когда браминъ желаетъ вынудить уплату долга со стороны упорнаго должника, онъ отправляется къ его дому, садится на порогъ, запасшись ядомъ или бинжаломъ;

онъ ничего не ѣсть, грозя уморить себя голодомъ, если должникъ запирается у себя, или грозить убить себя, если тотъ пытается выдти изъ дому. Должнику приходится покориться, такъ какъ въ случаѣ смерти брамина на немъ будетъ лежать ничѣмъ некупимое преступленіе. Обычай этотъ носитъ названіе *дарна* (арестъ, запрещеніе); онъ запрещенъ нынѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, находящихся въ непосредственной зависимости отъ Англии, но въ остальныхъ провинціяхъ онъ продолжаетъ существовать. Въ одной изъ книгъ Брегоновъ говорится также, что въ случаѣ необходимости вытребовать долгъ съ высокопоставленнаго должника полезно «поститься противъ него». Должникъ, не удовлетворившій кредитора послѣ этого, «не получить платы ни отъ Бога, ни отъ людей». Читатель найдетъ также у Мэна столько же удивительное, сколько и поучительное, объясненіе обычая *сутти*, въ силу котораго въ Бенгаліи вдовы сожигали вмѣстѣ съ трупомъ умершихъ мужей ихъ. Постановленія древняго индусскаго законодательства относительно собственности замужней женщины были довольно либеральны, къ чему брамины, съ теченіемъ времени, относились все болѣе и болѣе враждебно. Въ Бенгаліи бездѣтная вдова, помимо боковой линіи родственниковъ, имѣла право на пользованіе имуществомъ мужа, подъ извѣстными условіями. И въ Бенгаліи именно англійскіе завоеватели нашли установившійся обычай *сутти*, не въ видѣ исключенія, а какъ общее правило, котораго держались богатые классы во всѣхъ случаяхъ, когда не было дѣтей. Не мало удивлялись религіозному фанатизму, побуждавшему будто бы родственниковъ мужа и собственную родню несчастной толкать ее въ огонь, несмотря на все ея сопротивленіе, между тѣмъ это былъ просто на-просто вопросъ о наслѣдствѣ, и родственники охотно пользовались средствомъ отдѣлаться такимъ благочестивымъ и быстрымъ способомъ отъ опаснаго конкурента на наслѣдство. Въ сущности, это адское изобрѣтеніе не включено ни въ одинъ изъ сборниковъ узаконеній и обычаевъ страны, что и дало возможность искоренить этотъ ужасающій обычай.

Надѣмся, что читатели, въ виду важности предмета, извинятъ намъ сухость приведенныхъ подробностей, которыя кажутся еще суше въ сжатыхъ размѣрахъ нашего разбора. Своимъ трудомъ Мэнъ внесъ въ науку неоцѣненный вкладъ и мы убѣждены, что всѣ интересующіеся исторіею источниковъ цивилизаціи пожелаютъ прочесть его книгу. «*Законы Брегоновъ*» имѣютъ для кельтскихъ народовъ то же значеніе, какое признано за законами двѣнадцати таблицъ въ отношеніи латинскихъ націй и многія точки

сопривосновенія съ обычаями восточныхъ аріевъ, обнаруженныя ими, подтверждаютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ выводы филологѣмъ.

Не желая нисколько уменьшать заслугъ переводчиковъ вельтскихъ рукописей, я нахожу однакоже, что нельзя не признавать того, что Мэнъ одинъ сумѣлъ выжать изъ нихъ весь жизненный сокъ, распутать хаосъ перекрещивающихся нитей и придти къ выводамъ, которые безъ него, вѣроятно, еще долго пролежали бы подъ спудомъ въ качествѣ темнаго и часто противорѣчиваго матеріала.

II.

Supernatural Religion, an inquiry into the reality of divine Revelation. London, Longman and Co, 1874, 2 vol., 490 and 512 pages.—*Джорджъ Смитъ*: Assyrian discoveries in 1873 and 1874. Sampson Low and Co, 1875, (иллюстрированное изданіе), VIII—462 pages.

Въ концѣ XVI-го столѣтія, одинъ индійскій императоръ, по имени Акбаръ, возымѣлъ странную мысль пригласить ко двору своему евреевъ, христіанъ, магометанъ, поклонниковъ Зороастра, браминовъ, и заставить перевести всѣ священныя книги, которыя удалось ему добыть. Говорятъ, что результатъ этого изслѣдованія не оказался выгоднымъ для магометанства. Но дѣло не въ томъ: важенъ тотъ фактъ, что этотъ индійскій императоръ въ сущности основалъ то, что Максъ Мюллеръ называетъ *сравнительною наукою религій*. «Внимательное изученіе источниковъ и развитія религій,—говоритъ онъ, — и критическій анализъ текстовъ священныхъ книгъ, на которыя онѣ указываютъ какъ на свои основы, дозволяетъ подвести ихъ подъ научную классификацію по образцу классификаціи языковъ. Сравненіе пунктовъ, одинаково присущихъ всѣмъ имъ, различеніе того, что составляетъ исключительную принадлежность каждой изъ нихъ, вызвало появленіе новой науки, касающейся всѣхъ насъ и въ которой рано или поздно придется принять участіе всѣмъ, кто питаетъ какой-нибудь интересъ къ религиознымъ идеямъ»¹⁾.

Не стану разбирать, удалось ли ученому профессору выполнить обѣщанія своей пышной программы, ни рѣшать создана ли имъ дѣйствительно та новая наука, которая была, какъ мнѣ ка-

¹⁾ *Max Müller*: Introduction to the Science of Religion. London, 1873.

зется, уже достаточно извѣстна до него французскимъ философамъ прошлаго столѣтiя, не говоря уже о современникахъ. Но какъ бы то ни было, изобрѣтенному названiю посчастливилось: *наука религiй* отнынѣ получила право гражданства, и мы обязаны отвести ей мѣсто; въ ея области можно отнести сочиненiя, упомянутыя выше.

Первое изъ нихъ, по порядку выхода въ свѣтъ и по значенiю, «*Supernatural Religion*», хотя и было издано уже болѣе года тому назадъ, не можетъ быть обойдено молчанiемъ, вслѣдствiе шума, вызваннаго его появленiемъ. Волненiе не улеглось еще до сихъ поръ: два или три журнала исключительно занимаются помѣщенiемъ полемическихъ статей, которымъ конца предвидѣть невозможно.

Авторъ, — сохранившiй инкогнито, — принадлежитъ къ числу людей, потрясенныхъ возгласомъ Штрауса: «продолжаемъ ли мы быть христианами?» — Онъ доказываетъ, что нѣтъ страны, гдѣ этотъ вопросъ требовалъ бы таково быстро разрѣшенiя, какъ та, которая имѣетъ епископовъ, подобныхъ Колензо, и декановъ, подобныхъ Стэнли. «Характеристическая черта вышней ходячей теологiи въ Англии, — говоритъ авторъ, — состоитъ въ стремленiи очистить христианское ученiе, съ близорукой ловкостью, отъ всѣхъ сверхъестественныхъ элементовъ, не согласующихся съ общественнымъ мнѣнiемъ, не догадываясь, что въ сущности они эти уничтожаютъ церковное христианство (ecclesiastical christianity). Многiе изъ членовъ англиканскаго духовенства надѣются задержать бѣгъ хищныхъ чудовищъ сомнѣнiя и невѣрiя, бросая имъ кусокъ за кускомъ всѣ догматы, на которыхъ христианство основываетъ свое божественное происхожденiе... Масса интеллигентныхъ людей Англии колеблется между двумя мнѣнiями и находится въ промежуточномъ положенiи: они отказываются отъ нѣкоторыхъ сверхъестественныхъ и самыхъ существенныхъ ученiй христианства, стараются одухотворить и переправить остальное въ нѣчто болѣе соответствующее требованiямъ ихъ разсудка, и затѣмъ ласкаютъ мысль сохранить утѣшенiя и надежды, протекающiя отъ истинъ, которыя, если не признавать ихъ божественнымъ откровенiемъ, становятся чистыми умозрѣнiями по поводу предметовъ, чуждыхъ разуму. Въ дѣйствительности они не имѣютъ болѣе серьезныхъ основанiй поступать частью своихъ вѣрованiй, чѣмъ сохранять другiя. Они строятъ домъ свой на песокъ, и волны, столько уже унесшiя, могутъ, въ одинъ прекрасный день, смыть и остальное. вмѣстѣ съ тѣмъ, посреди

общаго затмѣнія вѣрованій найдется не одинъ искренній человѣкъ, который глубоко страдаетъ, чувствуя свое безсиліе вѣрять и безсиліе отрѣшиться вполне отъ религіи, не имѣя средствъ получить яснаго и удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: гдѣ истина?» (стр. 15).

На каковой точкѣ зрѣнія мы бы ни стояли, нельзя упрекнуть автора за попытку разрѣшить эту задачу, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Книга его раздѣляется на три отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ разбираются аргументы, относящіеся до чудесъ. Во второй и третьей части, идетъ разработка документовъ, касающихся трехъ синоптическихъ евангелій, затѣмъ матеріала, относящагося къ четвертому. Эрудиція автора не подлежитъ сомнѣнію: въ немъ нельзя не признать настоящаго ученаго, совершенно знакомаго съ нѣмецкой и голландской теологіею, также какъ и съ литературой первыхъ временъ христіанства. Климентъ римскій, Варнава, Папій, Аполлинарій, Цельсій и другіе послѣдовательно изучены и проведены сквозъ горнило самаго подробнаго изслѣдованія.

Выводы этой книги мало разнятся отъ выводовъ сочиненія Мэтью Арнольда: *Litterature and Dogma*, о которомъ былъ помѣщенъ отчетъ въ предыдущей статьѣ, хотя они менѣе радикальны, чѣмъ у послѣдняго. Авторъ также желаетъ отложить въ сторону догматы и стоять за сохраненіе только христіанской морали. Гораздо ранѣе Фридрихъ-Великій, руководимый Вольтеромъ и его современниками, дошелъ до болѣе полныхъ выводовъ. Но такъ или иначе, книга возбуждаетъ интересъ, преимущественно въ средѣ теологовъ. Скажемъ вкратцѣ, что она подверглась очень суровой встрѣчѣ со стороны нашихъ *vicaires savoyards*, глубоко возмущенныхъ тѣмъ, что результатъ ихъ двусмысленныхъ ученій высказывается во всеуслышаніе, въ то время какъ они заботливо охраняютъ соглашеніе между требованіями общественнаго мнѣнія и своего сана.

Помѣщеніе книги Джорджа Смита: «Assyrian Discoveries» въ отдѣлѣ, предназначенномъ для науки религіи, хотя и можетъ показаться страннымъ съ перваго взгляда, вполне объясняется само собою при знакомствѣ съ содержаніемъ. Джорджъ Смитъ — ученый оріенталистъ, состоящій при Британскомъ музеѣ, на которомъ лежитъ спеціальная обязанность разбирать письмена многочисленныхъ ассирійскихъ цилиндровъ, находящихся въ коллекціи этого учрежденія. Въ 1874 году онъ попалъ случайно на текстъ, содержащій въ себѣ халдейскій разсказъ о потопѣ. Стастливая находка не замедлила разгласиться, о ней много говорили,

да и дѣйствительно, было о чемъ говорить. Собственники журнала «Daily Telegraph», вслѣдъ за опередившимъ ихъ «New-York-Herald», предложили Дж. Смиту тысячу гиней для путешествія на мѣсто, гдѣ стояла древняя Ниневія, съ тѣмъ, чтобы произвели тамъ новыя розысканія. Экспедиція удалась, и за ней послѣдовала вторая, снаряженная уже на этотъ разъ издженіемъ Британскаго музея. Результатъ всѣхъ этихъ изслѣдованій и ляжется теперь въ полномъ составѣ. Нѣкоторые отрывки помѣчались раньше въ «Daily Telegraph», какъ естественная дань за великодушную инициативу, оказанную этимъ журналомъ.

Извѣстно, что противъ города Мосула, на полъ-дорогѣ отъ Алеппо къ Багдаду, на лѣвомъ берегу Тигра находятся развалины знаменитой Ниневіи. Точнаго ничего не извѣстно о первыхъ временахъ халдейской монархіи и ассирійскаго царства; достоверно только то, что послѣднее существовало уже въ XIX-мъ столѣтіи до Р. X. Имѣются нѣкоторыя подробности даже объ эпохѣ между одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ столѣтіемъ, показывающія, что цивилизація въ этихъ странахъ была значительно подвинута въ то время, когда греки не имѣли еще подобія исторіи; уже это свидѣтельствуетъ о глубокой древности азіатскихъ монархій. До сихъ поръ произведенныя раскопки ограничивались почти только мѣстностями, гдѣ стояли четыре дворца. А именно дворцы: *Куонджикъ*, изъ которыхъ одинъ возобновленъ и украшенъ Сенахерибомъ (700 г. до Р. X.), другой Ассуръ-Бани-Паломъ (около 630 г.); дворецъ *Нимрудъ* (въ древности Калахъ), въ двадцати миляхъ на югъ отъ Ниневіи, построенный Ассуръ-Назиръ-Паломъ (въ 880 г.), и наконецъ дворецъ *Корсабадъ* (Дуръ-Саргина), въ девяти миляхъ на сѣверъ, построенный Саргономъ (около 710 г.). Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить Калахъ-Шерлатъ, древній Ассуръ, бывший первою столицею Ассиріи, раскопки котораго привели къ очень цѣннымъ результатамъ. Самыя важныя открытія Дж. Смиту удалось сдѣлать въ библиотекѣ Сенахериба, въ Куонджикѣ. Странная библиотека, гдѣ полки съ книгами и рукописями замѣняются рядами глиняныхъ плиточекъ и цилиндровъ или, вѣрнѣе, восьмигранныхъ призмъ, на поверхностяхъ которыхъ находятся надписи, начерченныя клинообразными письменами, по большей части на трехъ языкахъ: на мидо-скинскомъ (туранскомъ), ассирійскомъ (семитическомъ) и персидскомъ (арійскомъ). Тутъ же найдено было Смитомъ дополненіе знаменитой книги, содержащей описаніе халдейскаго преданія о потопѣ, изданіе котораго, хотя не въ полномъ еще видѣ, надѣлало столько шума три года тому назадъ.

Преданіе это было извѣстно ранѣе. Берозъ, халдейскій жрецъ, жившій въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х., составилъ греческій текстъ вавилонскихъ архивовъ, который, къ несчастію, былъ утраченъ, но отрывки изъ коего сохранились у различныхъ греческихъ историковъ. Халдейскій жрецъ, этотъ древній служитель Ваала или Бела, не пользовался, надо признаться, особеннымъ авторитетомъ въ средѣ классическихъ историковъ. Открытіе Смита имѣетъ еще и ту хорошую сторону, что оно доказываетъ подлинное существованіе труда вавилонскаго ученаго, подтверждая вполне вѣрность его текста, несмотря на нѣкоторыя незначительныя различія въ подробностяхъ. Халдейская легенда о потопѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она передается плитками дворца Куянджикъ, была сочинена, какъ кажется, за 2000 лѣтъ до Р. Х. Нѣкоторый герой, котораго Смитъ отождествляетъ съ библейскимъ Немвродомъ и котораго онъ временно называетъ Издубаромъ, отправляется за совѣтомъ къ Хазіадру (по-гречески Ксизіонъ), мудрецу, спасшемуся отъ потопа. Послѣдній, котораго Берозъ причисляетъ къ сонму вавилонскихъ царей, естественно спѣшитъ рассказать посѣтителю «таинственную исторію». Боги (Ану, Белъ, Нинипъ и проч.), рѣшили уничтожить «грѣшника и жизнь». Они положили спасти его, Ксизіона, и для того, чтобы укрыться отъ неизбежнаго потопа, присовѣтовали ему выстроить громадный корабль. «Укройся въ немъ ты, утварь твоя, имущество твое, богатство твое, а также твои рабыни и юные мужи, а звѣрей полевыхъ и животныхъ, населяющихъ долины, я соберу и пришлю къ тебѣ, и ты запрешь ихъ съ собой» (стр. 186). Начинается дождь, который продолжается только шесть дней, но затопляетъ всю землю, жители которой погибаютъ. Ксизіонъ выпускаетъ тогда голубя, затѣмъ ласточку, которые, не находя пристанища, возвращаются, наконецъ онъ выпускаетъ ворону, которая уже не возвратилась; спустя еще семь дней, т.-е. черезъ четырнадцать дней, корабль останавливается на горахъ Назиръ, находящихся, по свидѣтельству болѣе поздней записи, около 36-го градуса широты на востокъ отъ Тигра. Великій богъ, Ваальъ, заключаетъ съ Ксизіономъ договоръ; послѣдній возносится впоследствии на небо и получаетъ мѣсто въ обществѣ боговъ, въ награду за свое благочестіе.

Нѣтъ надобности настаивать на значеніи для религіозной критики этой подлинной страницы, считающей себя столько тысячелѣтій и превышающей древностью эпоху составленія книгъ Моисея. Ограничусь указаніемъ на одинъ фактъ, на который авторъ

спеціально обратилъ вниманіе: на еврейскомъ языкѣ слово «ковчегъ» означаетъ собственно ящикъ, сундукъ, и нѣтъ ни малѣйшаго намѣка въ библейскомъ разсказѣ на какіе-нибудь факты, относящіеся къ судоходству. Наоборотъ, выраженіе, употребленіе въ клинообразныхъ записяхъ, имѣетъ опредѣленный смыслъ «корабль». Его спускаютъ въ море, на него садятся, имъ управляютъ матросы, словомъ, все вообще носитъ отпечатокъ преданія, созданнаго народомъ, привышимъ къ судоходству. Это можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на берега Персидскаго залива, какъ на колыбель древней легенды.

Приведу еще одно описаніе ада, защищеннаго семью вратами и окруженнаго водами смерти: «жилище умершихъ, престолъ бога Ирвала, откуда ничто не уходитъ, откуда нѣтъ дороги къ возвращенію; мѣсто, гдѣ они вдыхаютъ о свѣтъ и гдѣ они живутъ во тьмѣ, питаюсь пылью и грязью; вожди окутаны крыльями, какъ птицы». Какъ видимъ, картина достойная занять мѣсто рядомъ съ ужасами средневѣковаго ада; мнѣ кажется, что это довольно замѣчательное предвѣщеніе извѣстнаго «*lasciate ogni speranza*» Данта. Многое можно было бы сказать еще, въ особенности по поводу будто бы семитическаго характера ассирійской цивилизаціи. Но предоставляю любознательнымъ читателямъ самимъ выводить заключенія и изучать книгу Джорджа Смита, не смотря на всю отчаянную сухость ея изложенія. Но въ этомъ случаѣ встаетъ напомнить, что для такого рода сочиненій содержаніе важнѣе формы.

III.

А. У. Китлакъ: The Invasion of the Crimea, its origin and an account of its progress down to the death of lord Raglan. Vol. V. Inkerman. Edinburgh and London, Blackwood and Co, 1875, XXXIV, 513 pag.—Сэръ Генри Раулинсонъ: England and Russia in the East. London, Murray, 1875.

Если пословица «*chi va piano, va sano*» гласитъ истину, то Кинглейвъ вправѣ разсчитывать, что онъ оставитъ послѣ себя капитальное произведеніе. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, какъ леди Рагланъ вручила ему бумаги и переписку покойнаго своего мужа, какъ официальную, такъ и частную, двадцать лѣтъ, какъ всевозможныя сообщенія доставляются ему отовсюду, а онъ едва справился съ половиной своего труда. Пятая часть, вышедшая недавно и которую здѣсь называютъ «*Inkerman volume*», можетъ служить прекраснымъ образцомъ его манеры писать.

Нѣтъ предмета, о которомъ публика пускалась бы такъ охотно въ критическіе толки, какъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Въ нихъ, какъ и въ медицинѣ, всякій считаетъ себя компетентнымъ судьей и спѣшитъ высказать свое сужденіе о болѣзни сосѣда или о военныхъ дарованіяхъ того или другого генерала. Правду сказать, сами специалисты часто поощряли эту несчастную манію, смѣшныя результаты которой можно нерѣдко видѣть въ европейской прессѣ послѣдняго времени. Моричъ Саксонскій, военный гений котораго не подлежитъ сомнѣнію, рѣшительно высказалъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее мнѣніе: «наука о войнѣ покрыта мракомъ, среди котораго нельзя идти увѣреннымъ шагомъ; рутина и предразсудки — естественное слѣдствіе невѣжества — составляютъ ея основы. Всѣ науки руководствуются принципами и правилами, одна война ихъ не имѣетъ... Въ войнѣ существуютъ правила для частныхъ, но они отсутствуютъ въ главныхъ предметахъ. Великіе полководцы, писавшіе объ этомъ предметѣ, не снабдили насъ ими». Въ то время еще не была написана «Исторія семилѣтней войны» Фридриха Великаго, и Жюмини еще не сочинялъ своего знаменитаго «Трактата военныхъ операцій», составляющихъ первое и необходимое основаніе современной военной науки. Послѣднія войны не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ ея существованія, отрицаемаго Моричомъ Саксонскимъ, а Пруссія доказала слѣпкомъ блистательно, какъ можно искусно пользоваться этой наукой.

Военныя операціи, совершавшіяся въ Крыму и Италіи, не свидѣтельствуютъ, правда, въ пользу научной теоріи. «Успѣхъ войны», говоритъ Фридрихъ II, «зависитъ въ бѣльшей степени отъ искусства главнокомандующаго, отъ знанія занимаемой имъ мѣстности и отъ умѣнья его пользоваться выгодами позиціи». Помимо этихъ условій, успѣхъ находится въ зависимости отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ и отъ храбрости и духа войска, что и подтвердилось въ Италіи и въ Крыму; достойно замѣчанія, что единственный генералъ, заслужившій прочную репутацію въ теченіи этой послѣдней войны, принадлежитъ Россіи, а не союзнымъ войскамъ: генералъ Тотлебенъ. Къ несчастію, Франціи пришлось убѣдиться на дѣлѣ въ достоинствѣ своихъ мнимо-великихъ полеводцевъ, образовавшихся въ школѣ крымской кампаніи и на поляхъ Ломбардіи ¹⁾.

Книга Кинглевъ доставляетъ новыя подрѣзненія этой истинѣ. Постараюсь не заходить слишкомъ далеко по этой опасной дорогѣ, но, въ-концѣ-концовъ, военныя дѣйствія описываются историками, далеко не посвященными въ тонкости тактики и въ этомъ отношеніи военная исторія принадлежитъ критикѣ. Трудно представить себѣ что-нибудь безпорядочнѣе сраженія подъ Инкерманомъ, гдѣ англичане оказали дѣйствительно неизмовѣрныя усилія храбрости, но не могли восполнить полнѣйшаго отсутствія инициативы и руководства со стороны главнокомандующаго. Авторъ различаетъ семь періодовъ въ продолженіи битвы 5-го ноября. Первый отъ 5 ч. 45 м. до 7 ч. 30 м. утра. Второй отъ 7 ч. 30 м. до 8 ч. 30 м. и т. д., до седьмого, продолжавшагося отъ часу пополудни до восьми часовъ вечера. 513 страницъ in 8°, восемь картъ и три плана потребовались для простаго изложенія хода этого дѣла. Еще одинъ шагъ, и Кинглевъ, не довольствуясь тѣмъ, что онъ описываетъ движеніе каждаго отряда, каждаго взвода, сообщилъ бы намъ имя, дѣйствія и мысли каждаго солдата. Не знаю, вынесутъ ли военные много удовольствія изъ описанія всѣхъ этихъ мелочныхъ подробностей, обсужденіе которыхъ нѣкоторые изъ нихъ сочтутъ, быть можетъ, за вторженіе въ чужую сферу, но я могу удостовѣрить, что для *статскаго* человѣка, въ числу которыхъ принадлежитъ пишущій эти строки я, слѣдовательно, неизмовѣющій никакихъ причинъ въ пристрастію или раздраженію, чтеніе этихъ тяжелыхъ страницъ приноситъ только ничѣмъ невознаграждаемую скуку.

¹⁾ Надо замѣтить однако, что въ 1870 году не было уже въ живыхъ Нізла и Перессѣ.—Ред.

Англійская пресса не раздѣляетъ моего мнѣнія. Что вамъ за дѣло,—спрашиваетъ она,—что у Кингльэа много досужаго времени, которое онъ можетъ посвящать своему труду; и кромѣ того, популярность его книги не служить ли ручательствомъ ея достоинствъ и успѣха? Популярность ея дѣйствительно обширна и изданія ея многочисленны, объ этомъ и спору нѣтъ; но это еще ничего не доказываетъ, исключая развѣ того, что англичане воть уже двадцать лѣтъ сряду бредятъ славою Брыма и Инвермана и набрасываются съ истинно-патріотическимъ жаромъ на полуофициальное сочиненіе, задавшееся цѣлью передать потомству разсказъ объ ихъ подвигахъ. Прежде всего сочиненіе Кингльэа одна изъ тѣхъ *biblia a-biblia*, о которыхъ говоритъ Чарльзъ Лэмбъ, изъ разряда «тѣхъ книгъ, которыя въ сущности не книги», но безъ которыхъ ни одна порядочная бібліотека не обходится. Вотъ что мы позволимъ себѣ замѣтить по части ея популярности; что же касается до размѣровъ этой книги, то это другой вопросъ. Нивому нѣтъ никакого дѣла, есть ли у Кингльэа достаточно досуга, чтобы написать семьдесятъ пять томовъ, а важно знать, намѣренъ онъ или нѣтъ создать прочный памятникъ *aere perennius*? Но для этого необходимо соблюдать *мѣру*; цѣлнй томъ въ 500 страницъ для описанія одной битвы, хотя бы и битвы подъ Инверманомъ, нарушаетъ всякое равновѣсіе и неминуемо придаетъ уродливый и карикатурный отгвновъ цѣлому. Впрочемъ, мы узнаемъ въ этомъ чисто-національную черту: отсутствіе мѣры и такта. Предпримуть ли англичане собраніе коллекцій—не найдется зданія достаточно обширнаго, чтобы помѣстить ихъ: имъ непременно понадобится имѣть отъ десяти до пятнадцати представителей каждаго зоологическаго вида, въ которомъ придется добавлять зародышей во всѣхъ степеняхъ развитія, дѣтенышей всѣхъ возрастовъ, и такъ безъ конца. Вадумаеть ли англичанка заняться своимъ туалетомъ—она одѣнется въ смѣсь голубого и зеленого, краснаго и лиловаго, нацѣнитъ безъ разбора ленты, кружевъ и золота, рискуя уподобиться какой-нибудь королевѣ съ дивныхъ острововъ. Родина Кингльэа—единственная страна, гдѣ возможно появленіе таковой книги.

Нужно ли говорить, что, несмотря на излишнее нагроможденіе подробностей, книга написана очень тщательно. Конечно, тотъ, у кого достанетъ храбрости преодолѣть ее до конца, найдетъ въ ней вещи, нелишенные интереса и отдастъ честь патріотическимъ чувствамъ автора, если не придетъ въ восхищеніе отъ писателя. Патріотизмъ заставляетъ его даже иногда впадать въ вопіющія несправедливости противъ французовъ: цифры ихъ

полюбовъ и убитыхъ, помѣщенные въ приложеніи, находятся въ прямомъ противорѣчій съ его повѣзаніями относительно ихъ роли во время битвы. Кингдэвъ черезчуръ тѣсно слилъ въ своемъ умѣ понятіе о всей французской націи съ образомъ безсовѣстнаго челоуѣка, стоявшаго во главѣ ея, котораго онъ такъ справедливо заклеилъ въ знаменитомъ повѣствованіи своемъ о переломѣ 2-го декабря; это составляетъ перлъ его перваго тома. Авторъ отдаетъ полную справедливость русской арміи; онъ, не влюблясь, заявляетъ, что въ сущности союзники, вмѣсто того, чтобы воспользоваться успѣхомъ, рѣшились на время отказаться отъ первоначальнаго намѣренія своего овладѣть главнымъ бастиономъ. «Вслѣдствіе чего русскіе, несмотря на проигранное сраженіе, могли добиться, по крайней мѣрѣ, одного изъ результатовъ, въ которымъ они стремились, предпринимая инверманское дѣло» (стр. 482). Послѣ этого читатель вправѣ задаться вопросомъ: кому же въ сущности принесло выгоду выигранное сраженіе? Вообще, въ виду настоящаго результата крымской кампаніи, т.-е. полнѣйшей ея безрезультатности, ретроспективный обзоръ ея исторіи утратилъ значительную долю интереса; въ этомъ нельзя не сознаться, какъ бы ни жаль было обезкураживать исторіографа, которому осталось еще не мало работы впередъ; по истинѣ, трудъ Сизифа кажется забавой въ сравненіи съ утесомъ, который ему предстоитъ двигать еще лѣтъ десять, пятнадцать сряду.

Ограничусь только упоминаніемъ о появленіи новой книги сэра Генри Раулинсона: «Англія и Россія на востокѣ». Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ шесть статей, изъ которыхъ только три не были напечатаны ранѣе; остальные первоначально появились въ разное время, въ *Quarterly Review*. Въ этомъ журналѣ помѣщена недавно ¹⁾ статья, специально посвященная разбору возрѣній англійскихъ писателей на средне-азиатскій вопросъ. Г. Раулинсонъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила; замѣтимъ только, что онъ принадлежитъ скорѣе къ лагерю оптимистовъ. Военныя заслуги автора и его ученость служатъ хорошей рекомендаціей его книги на которую обратять вниманіе всѣ интересующіеся этимъ важнымъ вопросомъ. За подробными свѣдѣніями отсылаемъ читателей въ упомянутую статью.

¹⁾ Февраль, 1875.

IV.

Э. Дауденъ: Shakspeare, a critical study of his mind and art. London, Henry S. King, 1875, IX, 430 pages. — Джорджъ Эллиотъ: The legend of Jubal and other poems, London, W. Blackwood, 1874, 242 pages.

Въ 1575 году, графъ Лейчестеръ, въ загородномъ дворцѣ своемъ Кенильвортъ, устраивалъ въ честь королевы Елизаветы празднества, длившіяся семнадцать дней. Зрѣлища, достойныя римскихъ цирковъ, кровавыя бои звѣрей, мифологическія аллегоріи, заимствованныя изъ воспоминаній счастливыхъ дней Греціи, утонченныя любезности рыцарства—все было пущено въ ходъ, все приходилось по вкусу и шло на потребу этой эпохѣ неудержимыхъ порывовъ и непосредственнаго наслажденія. Королеву встрѣчали великаны, сподвижники короля Артура; фея озера говорила ей поздравительныя рѣчи; божества полей и лѣсовъ, въ томъ числѣ и Вакхъ, богъ винограда, подносили ей дары своихъ царствъ; Тритонъ выступалъ изъ-подъ волнъ, чтобы передать ей привѣтствіе Нептуна, а краснощекія нимфы и дріады толпились вокругъ нея. Во главѣ ихъ выступала призрачная женщина озера, настоящее олицетвореніе волшебницъ *Fairy Queen* Спенсера, «облеченная въ одну шелковую бѣлую туннику, какъ лилія», съ обнаженными ногами, «подобными двумъ дивнымъ мраморнымъ колоннамъ, поддерживающимъ храмъ божества». Спереди «золотая перевязь спускалась вдоль ея бѣлоснѣжной груди между нѣжными персами... бѣлокурые ея локоны вились золотистыми нитами, небрежно разбѣгавшимися по плечамъ; когда же вѣтеръ раздувалъ ихъ, они то колыхались какъ широко развернутое знамя, то ниспадали длиннымъ покровомъ вдоль стана ¹⁾». И въ эти-то времена, когда на царскій столъ подавалось не менѣе двухъ сотъ дорогихъ блюдъ, когда фрейлины въ красныхъ атласныхъ платьяхъ и прорѣзными буфами на рукавахъ смѣялись, пѣли, танцовали и кокетничали съ молодыми вельможами, а Ралей выѣзжалъ въ серебряныхъ латахъ на прогулки съ королевой, въ эти самыя времена родился Шекспиръ. Генрихъ Гейне рассказываетъ исторію про одного честнаго и благочестиваго жителя Гамбурга, который нивагъ не могъ помириться съ мыслью, что Іисусъ Христосъ былъ родомъ израильтянинъ. Добрякъ не могъ думать безъ досады, что основатель христіанства, «какъ бы то ни было,

¹⁾ Spencer, *Fairy Queen*, Liv. II, Chant 3.

принадлежить къ породѣ этихъ длинноносыхъ и грязныхъ мелочныхъ торгашей, бродящихъ по улицамъ, вокругъ него, глубоко презираемыхъ имъ и въ особенности ненавистныхъ ему, когда они сунутся торговать оптомъ красками и праностами, какъ онъ самъ дѣлаетъ это, и вредять его интересамъ ¹⁾). Самъ Гейне испытываетъ то же чувство, вспоминая, что Шекспиръ англичанинъ. Но пусть онъ утѣшится: такіа аномаліи не могутъ существовать въ естественномъ порядкѣ вещей. Авторъ «Сна въ лѣтнюю ночь» не принадлежитъ утрюмой Англій, созданной пуританствомъ: онъ любимый сынъ веселой Англій, «*merry England*» эпохи Елизаветы и «*Fairy Queen*»; онъ ея Микель-Анджело и Рафаэль, самое яркое воплощеніе великаго возрожденія паганизма. Двадцать лѣтъ спустя его появленіе было бы невозможно. Благословимъ безсмертныхъ боговъ, и маленькій городокъ Стратфордъ на Авошѣ и 1564 годъ, за то, что они такъ встали произвели для блага человѣчества и чести Англій великаго Уильяма Шекспира. Вольтеръ въ «Философскихъ письмахъ», изданныхъ въ 1734 году, говоритъ слѣдующее: «Шекспиръ, въ которомъ англичане видятъ Софокла, процвѣталъ почти въ одно и то же время какъ Лопеде-Вега. Онъ создалъ театр. Онъ былъ одаренъ сильнымъ и плодотворнымъ геніемъ, полнымъ естественности и величія, но безъ малѣйшей искры вкуса и знанія правилъ». Совершенно справедливо, что вкусъ, «*bon goût*», XVIII-го вѣка значительно отличался отъ вкуса XVII-го и даже XIX-го столѣтій. Насколько проза этого періода сильна и ясна, а философія замѣчательна, настолько же поэтическая струя его бѣдна и литературная концепція мизерна. Но въ словахъ Вольтера есть еще другая ошибка, впрочемъ, весьма распространенная и происшедшая вѣроятно вслѣдствіе какихъ-нибудь отдѣльныхъ отрывковъ. До начала XVIII столѣтія на Шекспира смотрѣли въ Англій не только не какъ на Софокла, а скорѣе какъ на варвара. Бездарная и нравственная школа «*Spectator*'а» была тогда законодательницей вкуса въ Англій, гдѣ въ то время, какъ и во Франціи, было въ модѣ приходить въ восторгъ при чтеніи усыпительныхъ тирадъ Аддисоновскаго Катона, достойнаго предшественника Кребильоновскихъ трагедій. Незадолго передъ тѣмъ Шефтсбери называлъ автора Стелло «грубымъ умомъ», а Попъ нашелъ блестящее объясненіе его творчества въ необходимости «чѣмъ-нибудь прокармли-ваться!» Еще въ концѣ XVIII-го вѣка на его пьесы ходили

¹⁾ De l'Angleterre. Introduction.

смотримъ не иначе какъ съ оглядкой, и «King Lear» съ участіемъ Гаррика давался на Дрюриленской сценѣ съ поправками и передѣлками нѣкоего Наума Тота.

Какъ ни протестуютъ теперь противъ утвержденія, что Англія признала Шекспира только съ чужого голоса, но это святая истина. Нѣмецкая критика и школа французскихъ романтиковъ болѣе всего способствовали восстановленію его славы, которую его отечество привѣтствовало сначала болѣе изъ чувства гордости, чѣмъ вслѣдствіе сознательной оцѣнки. Пусть подождутъ сомнѣваться, — развѣ въ настоящую минуту не повторяется того же самаго относительно Байрона? Его знаменитость выросла цѣликомъ на чужеземной почвѣ, теперь начинаютъ отчасти знакомиться съ нимъ, а лѣтъ черезъ пятьдесятъ, когда достаточное количество *джентльменовъ* убѣдится въ справедливости мнѣнія, составившагося о немъ на континентѣ, его имя будутъ произносить *здѣсь* не иначе какъ съ почтеніемъ, и сдѣлается возможнымъ находить дешевыя изданія его сочиненій, со включеніемъ «Донъ-Жуана». Теперь для Лондона наступилъ періодъ настоящей шекспироманіи. Движеніе началось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ представленіемъ Гамлета, въ роли котораго м-ръ Ирвингъ выказалъ себя первостепеннымъ актеромъ, несмотря на нѣкоторыя утрировки. И вотъ, шесть мѣсяцевъ какъ «Гамлетъ» не сходитъ съ афиши театра *Лузит*. На мой взглядъ, это самое серьезное движеніе изъ всѣхъ предыдущихъ въ этомъ направленіи: пьеса дается въ первый разъ цѣликомъ. Я имѣю подъ рукою текстъ, составленный для представленія 1860 года, но и въ немъ есть еще воамутительныя искаженія. На этотъ разъ возрожденіе, какъ кажется, совершилось безповоротно, да и пора. Въдъ десять лѣтъ тому назадъ какъ отпраздновано трехсотлѣтіе великаго драматурга. Конечно, я не забылъ ни шума, ознаменовавшаго эту годовщину, ни овацій. Я знаю, какъ многочисленны обращающіяся въ странѣ изданія Шекспира, снабженныя замѣтками и комментаріями. Но что за замѣтки и что за комментаріи! Это точно изданіе *variorum* древняго классика, — вещь почтенная, но очень недостаточная. Конечно, очень интересно знать, что такое-то слово пишется черезъ *th*, такое-то черезъ *s* въ томъ или въ другомъ изданіи, что иного стиха недостаетъ въ *folio* 1632 г., а другой пропущенъ въ *folio* 1623 г. Вся эта ученость имѣетъ свою цѣль, но рядомъ съ критикой формы, очень важной и даже, если хотите, необходимой, существуетъ другая не менѣе необходимая вещь, критика идеи. А этой-то послѣдней и не существовало

здѣсь до сихъ поръ; ее можно было найти только въ Германіи, за исключеніемъ книги Газлитта.

На основаніи всего этого, сочиненіе Даудена, профессора дублинскаго университета, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Хотя его разборъ Шекспира страдаетъ нѣкоторой неполнотой, но въ немъ есть мѣста, превосходно изученныя, и англійская пресса должна быть польщена возможностью выставить этотъ трудъ рядомъ съ новымъ изданіемъ комментаріевъ на Шекспира нѣмецкаго ученаго Гервинуса. Это—серьезное предпріятіе, и тѣмъ болѣе интересное, что за него взялся наконецъ чистокровный британецъ. Какъ это ни кажется парадоксально, но до сихъ поръ всѣ сколько-нибудь замѣчательные трактаты о великомъ драматургѣ написаны нѣмцами. Стбитъ заглянуть въ многочисленныя цитаты автора, чтобы убѣдиться, что онѣ почти всѣ взяты изъ нѣмецкихъ сочиненій. Дауденъ начинаетъ свой трудъ съ перепечатки оныта хронологической таблицы Шекспировскихъ произведеній, помѣщенной г. Фурневалемъ во введеніи къ новому изданію комментаріевъ Гервинуса.

Эта таблица чрезвычайно любопытна, хотя, конечно, только приблизительно вѣрна; въ ней пьесы Шекспира раздѣлены на четыре періода, соответствующіе если не четыремъ различнымъ его манерамъ писать, то по крайней мѣрѣ видоизмѣненіямъ его гения. Первый періодъ, отъ 1583 до 1593, вмѣщаетъ въ себѣ между прочимъ «*Ромео и Юлію*», «*Сонъ въ лѣтнюю ночь*», и «*Ричарда III*». Во второмъ, отъ 1596 до 1601, когда поэту было за тридцать лѣтъ, написаны имъ «*Венеціанскій купецъ*», «*Веселыя Виндзорскія кумушки*», «*Какъ вамъ будетъ угодно*», а также первая и вторая части «*Генриха IV*». Въ третьемъ, самомъ плодovitомъ, и удивительномъ періодѣ, въ возрастѣ между 38 и 43 лѣтами (1602—1607), Шекспиръ произвелъ «*Гамлета*», «*Юлія Цезаря*», «*Отелло*», «*Макбета*», «*Короля Лира*», «*Антонія и Клеопатру*», «*Коріолана*», не считая «*Троилла и Крессиды*», «*Мъра за мъру*» и «*Тимона*»: единственный примѣръ, какъ мы полагаемъ, творческой силы человѣческаго мозга, создающаго почти непрерывно цѣлый рядъ крупнѣйшихъ произведеній. Послѣдній, четвертый періодъ, отъ 1607 до 1613, заключаетъ въ себѣ «*Бурю*», «*Цимбелина*», «*Генриха VIII*» и другія. Не продолжаю перечня, который желающіе найдутъ въ полной таблицѣ, въ изданіи Гервинуса. Ученый дублинскій профессоръ старается затѣмъ уяснить личность Шекспира. Ничего не можетъ быть страннѣе того, какъ большинство англійскихъ крити-

вовѣ относилось, до сихъ поръ, къ этому вопросу. Изъ того, что въ Стратфордѣ, въ регистрахъ *Court of Record*, найдено было предписаніе о взысканіи съ нѣкоего Филиппа Роджерса суммы 1 фунта, 30 шиллинговъ и 10 пенсовъ въ уплату У. Шекспиру, должникомъ котораго онъ состоялъ, выводилось напримѣръ заключеніе, что поэтъ былъ человекомъ практическимъ, что, впрочемъ, извиняли ему; что онъ исключительно былъ занятъ имущественными интересами, писалъ свои драмы ради того, «что надобно же кормиться», какъ сказалъ Попъ, и заботился о славѣ какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ. Подобное воззрѣніе могло выработаться только въ британскомъ мозгу, ссохшемся, въ силу закона естественнаго подбора, при переходѣ черезъ нѣсколько поворотливъ круглыхъ головъ, методистовъ и квакеровъ. Великія произведенія поэта служатъ самымъ краснорѣчивымъ аргументомъ противъ этой нелѣпости.

Дауденъ, хотя и непричастенъ общему умолочраченію критиковъ, но не даетъ ему достаточно энергическаго отпора.

Плохо удается ему также попытка произвести Шекспира въ поборника и вдохновителя протестантства. Желаніе католиковъ выставить его своимъ союзникомъ было уже достаточно комично, но зачисленіе его въ ряды сподвижниковъ Гуверовъ и Кранмеровъ превосходить всѣ вѣроятія. «Энергія, трезвое отношеніе къ дѣйствительности, самоуправленіе, терпимость», — говоритъ авторъ, — «недовѣріе къ маленькимъ средствамъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія, равнодушіе къ внѣшнимъ фактамъ сравнительно съ значеніемъ, придаваемымъ внутренней жизни, рѣшеніе все обсудить съ чисто человѣческой точки зрѣнія, — таковы будутъ основы нашего образа мыслей и нашихъ чувствъ, до тѣхъ поръ, пока вліяніе Шекспира будетъ продолжать дѣйствовать на образованіе нашего характера. Этотъ способъ чувствовать и мыслить составляетъ характерную черту протестантскаго идеала» (стр. 38). Пусть пойметъ это, кто можетъ. Такое опредѣленіе *протестантизма* не лишено оригинальности въ томъ отношеніи, что изъ него исключенъ религіозный элементъ. А съ устраненіемъ этого элемента, я нахожу, что англичанинъ становится не болѣе какъ германцемъ, саксомъ, съ отличительными свойствами своей расы, и слово «протестантъ» теряетъ всякое значеніе. Дауденъ доводитъ свою идею до конца и, превративъ Шекспира въ протестанта, задается вопросомъ: былъ ли онъ духовнымъ поэтомъ? — Онъ разрѣшаетъ его утвердительно, ссылаясь на мнѣніе одного извѣстнаго критика-реалиста В. Баггота, и въ заключеніе выра-

заетъ мнѣніе, что автору «Гамлета» было дано, быть можетъ, болѣе чѣмъ всѣмъ другимъ провидѣть «существованіе великой единицы, великой религіозной цѣли въ природѣ» и т. д.

Дѣло въ томъ, что ученый профессоръ самъ не вѣритъ ни одному слову изъ такихъ тирадъ, которыя написаны только для успокоенія англиканскаго лицемѣрія и ханжества. Онъ не можетъ удержаться, чтобы не выразить въ другомъ мѣстѣ своего сочувствія къ тому, что онъ называетъ «благороднымъ позитивизмомъ Шекспира», вполне постигшаго конкретные нравственные факты, но не интересовавшагося, какъ кажется, по крайней мѣрѣ въ качествѣ поэта, истинами или вещами, которыя считаются выходящими изъ границъ человѣческой провѣрки» (стр. 36). Это другое дѣло; вотъ это сказано языкомъ для насъ понятнымъ; желаемъ отъ души, чтобы соотечественники профессора поняли его также ясно и почерпнули въ толковомъ изученіи своего великаго поэта немного болѣе истинной гуманности и настоящей терпимости, которыя встрѣчаются въ такомъ изобиліи въ ихъ законахъ и такъ рѣдко проглядываютъ въ ихъ нравахъ. Нѣтъ, Шекспиръ не протестантъ, не пуританинъ и не католикъ, а если уже непременно хотять добраться до религіи, которой онъ служилъ отголоскомъ, придется указать на древнихъ боговъ и времена, когда его собратъ по генію и славѣ воспѣвалъ бога съ серебрянымъ лукомъ и сладострастную Венеру. Онъ первый, до Гёте, воскресилъ въ произведеніяхъ своихъ священный духъ древняго пантеизма Индіи, Греціи и Германіи. Единаго Бога онъ не знаетъ, и не къ нему обращаетъ онъ свои воззванія въ моменты душевныхъ потрясеній; когда старецъ Лиръ призываетъ на голову дочери своей, Гонерилы, проклятія и бѣдствія, онъ обращается къ всеобщей матери:

Hear, Nature, hear';

Dear goddess, hear! Suspend thy purpose, if
Thou didst intend to make this creature fruitful!

«Услышь, природа, услышь меня, добрая богиня! Отмѣни свои казненія, если ты собиралась даровать плодовитость этой твари». Лукреція не иначе зывала къ «alma mater».

Возраженіе, основанное на «Гамлетѣ» и призракъ—несостоятельно. Датскій принцъ говоритъ иногда какъ человѣкъ суевѣрный, но никогда какъ вѣрующій. Станный примѣръ вѣрующаго, который послѣ такого видѣнія не убѣждается вполне, а придумываетъ вещь какъ сцену съ актерами для выясненія сво-

ихъ сомнѣній! Знаменитый монологъ еще ярче обрисовываетъ эти колебанія, которыя разрѣшаются въ сценѣ съ могильщиками такою исповѣдью, которую любой пантеистъ или современный материалистъ согласился бы подписать обѣими руками. Одинъ комментаторъ ¹⁾ еще недавно старался доказать, что Шекспиръ былъ знакомъ съ философіею Джіордано Бруно, гостившаго въ Лондонѣ между 1585 и 1586 годовъ, у графа Лейчестера; Дауденъ склоняется отчасти на сторону этого мнѣнія, которое, впрочемъ, имѣетъ нѣкоторыя основанія. Что касается меня, то я могу только мимоходомъ затрогивать эти вопросы, о которыхъ написаны цѣлыя томы.

Разсмотрѣвъ довольно подробно главные драмы («Отелло», «Макбетъ» и проч.), затѣмъ болѣе бѣгло трагедіи, заимствованныя изъ исторіи Англіи и римскія пьесы («Коріолянъ», «Юлій Цезарь»), авторъ посвящаетъ разбору комедій только нѣсколько страницъ коротенькой главы подъ рубрикою «Шекспировскій юморъ». Въ этомъ состоитъ самый главный недостатокъ его труда. Кромѣ того, что онъ относится слишкомъ небрежно къ юмору, т.-е. въ остроумію, соли и шуткамъ, разсыпаннымъ въ трагедіяхъ, онъ только мелькомъ касается и всего прелестнаго фантастическаго отдѣла шекспировскаго театра. Неужели о такихъ перлахъ, какъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» и «Какъ вамъ будетъ угодно», достаточно было сказать нѣсколько словъ вскользь? Неужели довольно нѣсколькихъ строкъ для объясненія образовъ всѣхъ этихъ юныхъ влюбленныхъ, полныхъ огня и увлеченія: Розалинды, Петриды, Беатрисы, Орланда, бродящихъ по заколдованному лѣсу съ своими грѣзами и восторгами?

Комедіи Аристофана цѣнятся высоко, комедія Мольера признается неисчерпаемымъ сокровищемъ ума и философіи человѣческой природы; но ту же сторону у Шекспира обходятъ безъ вниманія, или удовлетворяются набросками въ родѣ слѣдующаго: «Подъ сѣнью зеленѣющаго сада, при свѣтѣ всходящей луны, у подножія древней колонны, Клавдіо и принцъ садятся, въ то время какъ пажъ поетъ нѣжный романсъ; вдали проходятъ влюбленные пары, перебрасываясь тонкими шутками, служащими эхомъ ихъ учащенныхъ сердцѣбіеній. Далѣе, подъ могучими дубами Арденскаго лѣса проходитъ красавица Розалинда подъ руку съ Целіо, оглашая воздухъ воркованіями и звонкими трелями: «кузина, хорошенькая маленькая кузина моя, еслибы ты знала, какъ глубоко я увязавъ въ любовь!»

1) Shakspeare. Forschungen. I. Hamlet. В. Tschichwig.

А между тѣмъ, что можетъ быть ярче и ослѣпительнѣе такого взрыва человѣческаго воображенія? Подъ этимъ шурпаніемъ птичьихъ крыльевъ, и пестротой тропическихъ бабочекъ, высоко летающихъ надъ землей и дѣйствительностью, безъ видной точки опоры, наоборотъ, скрываются настоящія черты человѣческихъ чувствъ и страстей. Этотъ родъ комедіи составляетъ исключительную собственность Шекспира; онъ созданъ имъ и могъ явиться только въ эпоху всеобщаго возрожденія, когда новая весна навѣвала человѣчеству всѣ обаянія природы и плоти, пробудившихся отъ летаргическаго полутора-тысячелѣтнаго оцѣпенѣнія. Раздѣляемъ вполнѣ мнѣніе Виктора Гюго, что также безумно пытаться подражать Шекспиру, какъ стремиться повторить Эсхила. Тѣмъ не менѣе двѣ или три комедіи Альфреда Мюссе составляютъ довольно удачныя сколки съ Шекспировской фантазіи.

Величіе Шекспира состоитъ именно въ томъ, что этотъ необычайный человѣкъ былъ столько же Гамлетомъ, сколько Оберономъ, что онъ рядомъ съ леди Макбетъ и королевой Гертрудой создавалъ Джульетту, Беатрису и Дездемону.

Теперь его слава упрочена окончательно; предоставимъ Англіи гордиться ею, но напомнимъ ей въ назиданіе, что Германія первая, устами Лессинга, привѣтствовала достойнымъ образомъ великаго человѣка въ то время, когда соотечественники отвергали его.

Во всякомъ случаѣ, Дауденъ — новаторъ въ области національной критики Шекспира (имя котораго онъ ореографируетъ Schakspeare, вѣроятно изъ желанія стать ближе къ произношенію). Поэтъ не могъ бы пожаловаться на этотъ разборъ, который хотя и не полонъ, но достоинъ предмета. Внѣшняя сторона книги можетъ служить блистательнымъ образчикомъ типографскаго искусства въ Англіи; ослѣпительной бѣлизны бумага, четкій шрифтъ и широкія поля ставятъ книгу въ разрядъ тѣхъ роскошныхъ изданій, страницы которыхъ такъ охотно перелистываютъ дамы. Конечно, дѣлу это повредить не можетъ; всѣ интеллигентные люди, въ томъ числѣ и ученые, любятъ пить хорошее вино изъ хорошаго хрустала.

Книга Джорджа Эліота: *Легенда Ювала*, о которой мнѣ остается дать отчетъ, не значительна ни по объему, ни по содержанію, но заключаетъ въ себѣ проблески несомнѣннаго дарованія и даетъ мнѣ случай сказать объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и любимыхъ романистовъ современной англійской литературы. Джорджъ Эліотъ — псевдонимъ, подъ которымъ пишетъ та-

лантливая женщина, принадлежащая къ кружкѣ философской школы позитивистовъ. Ея первыя сочиненія появились лѣтъ пятнадцать тому назадъ: «*Адамъ Бидъ*», «*Мельница на Флосъ*», «*Ромола*» и «*Миддльмарчъ*» (вышедшій три года тому назадъ) суть главныя ея произведенія и составляютъ, вмѣстѣ съ двумя или тремя другими романами, все ея литературное имущество. Какъ видимъ, она далеко не одарена чудовищной плодовитостью своихъ собратій. Но я не рѣшусь утверждать, чтобы причина такой воздержности со стороны автора не лежала въ трудности, которую онъ встрѣчаетъ въ концепціи и выполненіи своихъ работъ.

Относительно этого, весьма щекотливаго, пункта необходимо войти въ нѣкоторыя объясненія. Александръ Дюма (отецъ нынѣшняго Дюма) писалъ съ необыкновенной быстротой, и его работа изобиловала хорошими вещами; если справедливо, что онъ израсходовалъ даромъ сокровища своего воображенія, то нельзя не сказать, что сокровища эти существовали и съ помощью обработки многія изъ концепцій этого богато-организованнаго мозга могли бы легко превратиться въ прочныя и капитальныя художественныя произведенія. Бальзакъ, наоборотъ, писалъ туго и напрягалъ всѣ усилія для того, чтобы сообщить своему труду ту печать мысли и слова, благодаря которой его романы заняли чуть ли не первое мѣсто въ этомъ жанрѣ. Рискуя обрушить на себя негодованіе англійской прессы, я долженъ сказать, что Джорджъ Элліотъ не стоитъ ни въ условіяхъ Дюма, ни въ условіяхъ Бальзака. Напряжение и усиліе у него значительны, но воображеніе вполне отсутствуетъ. Обыкновенно сочиненія его имѣютъ въ виду разрѣшеніе опредѣленной нравственной задачи, что я вовсе не намѣренъ порицать, хотя прекрасное въ искусствѣ должно имѣть непосредственное нравственное значеніе, но здѣсь собственно дѣло идетъ о романѣ, и этотъ родъ требуетъ особенныхъ качествъ, которыхъ мы у него также не находимъ. На меня онъ производитъ впечатлѣніе нѣкоторыхъ виртуозовъ, продуктово школы, задавшейся цѣлью фабриковать пѣвцовъ изъ безголовыхъ людей; при помощи труда и времени получается болѣе или менѣе сносное мурлыканье, но не ищите ни тѣмбра, ни акцента; по моему мнѣнію, табаверки съ музыкой предпочтительнѣе.

Качества и недостатки Джорджа Элліота отразились всего сильнѣе на его пресловутомъ романѣ «*Ромола*». Такъ называется героиня, дочь благороднаго, но очень бѣднаго флорентинца, всецѣло погруженнаго въ разборъ и изученіе рукописей,

въ недавнее время сдѣлавшихся извѣстными. Сцена происходитъ въ концѣ XV-го столѣтія. Является молодой грекъ, Тито, выброшенный на берегъ вслѣдствіе кораблекрушенія, замѣчательный по красотѣ, привлекательной граціи и образованію. Онъ знакомится съ старикомъ Борди, отцомъ Ромолы, который въ восторгѣ отъ находки такого искуснаго секретаря. Дѣвушка, живущая въ пыльной атмосферѣ ветхихъ фоліантовъ, радуется не меньше отца появленію юноши; для нея это солнечный лучъ, проникшій въ ея добровольную тюрьму. Скоро молодые люди оказываются обвѣнчанными. Обнаруживается уже послѣ, что Тито негодяй: онъ покинулъ въ плѣну своего пріемнаго отца и учителя, старика Валтасара; онъ женится вторично на молодой и наивной крестьянкѣ; бракъ этотъ, правда, не серьёзный: въ день народнаго праздника на ярмаркѣ странствующій актеръ и фокусникъ, переодѣтый священникомъ, благословляетъ его, но бѣдная одуроченная не подозрѣваетъ обмана и самымъ честнымъ манеромъ нарождаетъ безпутному Тито молодое потомство.

Послѣдній, достигнувъ высоты почестей и благосостоянія, умираетъ во время возстанія, на половину захлебнувшись въ водахъ Арно и окончательно придушенный старикомъ Валтасаромъ, который появляется въ концѣ какъ олицетвореніе мщенія и наказанія. Прибавьте къ этому нѣсколько монотонныхъ эпизодовъ, четыре или пять главъ, посвященныхъ убійственнымъ разговорамъ, происходящимъ въ лавчѣнкѣ злосчастнаго цирюльника, затѣмъ появленіе на сцену Макбавелли, не возбуждающее ни малѣйшаго интереса—и вы имѣете полную картину драмы, чтеніе которой невообразимо скучно. Бѣдная Ромола на старости лѣтъ занимается утѣшеніемъ своей *подруги*, другой жены Тито, и чтеніемъ нравственныхъ наставленій ея дѣтямъ. «Мы не иначе можемъ достигать высшаго счастья,—говоритъ она,—которое составляетъ удѣлъ великихъ людей, какъ обнимая мыслями и чувствами весь остальной міръ, и отождествляя его съ собой; этотъ родъ счастья влечетъ за собой часто такъ много горя, что мы можемъ утѣшаться только мыслью, что мы предпочитаемъ его всему, потому что сознаемъ его превосходство надъ всѣмъ. Столько несправедливости и тяжелыхъ испытаній встрѣчается въ этомъ мірѣ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть великимъ, не отказавшись отъ всякой мысли объ удовольствіи и наградѣ». Такъ отецъ ея, старикъ Борди былъ великъ и честенъ, и умеръ въ бѣдности и горѣ. Братъ Джироламо (Савонарола, играющій значительную эпизодическую роль въ романѣ) былъ великъ, посвя-

тивъ всю жизнь свою борьбу съ неправдою, но всѣмъ извѣстенъ конецъ его. Ромола достигла нравственной высоты, предавшись всецѣло дочерней любви и служенію справедливости и добродѣтели, внѣ всякаго блеска и не претендуя на него,—и она кончаетъ свои дни еще безъизвѣстнѣе и грустнѣе трехъ первыхъ лицъ, съ спокойной совѣстью вмѣсто всякихъ утѣшеній.

Это—мораль чистаго стоицизма, съ усложненіемъ морали позитивизма или, вѣрнѣе, *отсутъ-континизма*, приверженцемъ котораго, хотя не вполне, состоитъ Джорджъ Эллиотъ. Еще новое подтвержденіе вѣрности опредѣленія этой доктрины профессора Гѣвсли: католицизмъ минусъ христіанство, т. е. всѣ негѣности католицизма безъ всего хорошаго, что заключаетъ въ себѣ христіанство. Очень печально, но должно признаться, что эта доктрина самоотверженія и самопожертвованія вполне безнравственна, будучи въ совершенномъ противорѣчій съ человѣческой природой. Скажите человѣку, что онъ долженъ жить и жертвовать собой для ближнихъ въ извѣстной степени, для того, чтобы другіе дѣлали для него то же, потому что жизнь въ обществѣ состоитъ изъ обоюдныхъ уступокъ и взаимныхъ услугъ;—но скажите ему, что онъ найдетъ въ исполненіи этого долга инныя удовольствія и награды, чѣмъ неизвѣстность и презрѣніе. Это, конечно, случается также, но не въ этомъ состоитъ цѣль,—совершенно напротивъ; а подобная мораль, когда она не создаетъ святыхъ или ангеловъ, ведетъ только къ размноженію плавсивыхъ личинокъ людей и лицемѣровъ.

Что же касается качествъ Джорджа Эллиота, то они заключаются въ прекрасномъ и обработанномъ слогѣ и въ серьезномъ, хотя и съ ложной точки зрѣнія, изученіи человѣческихъ страстей. Это единственный англійскій романистъ, насколько намъ извѣстно, у котораго Провидѣніе и божество замѣтны своимъ отсутствіемъ. Но, съ другой стороны, выставка сверхъестественной нравственности, которая развивается и растягивается безконечно, нагоняя тоску на читателя, снискиваетъ автору благорасположеніе пуританской критики.

«Легенда Ювала», о которой упоминалось выше, составляетъ небольшую поэму, написанную въ томъ же духѣ, какъ и романы автора. Библейскій изобрѣтатель лиры, осчастлививъ людей неогцненнымъ даромъ музыки, удаляется въ добровольное изгнаніе. Когда онъ возвратился, годы измѣнили его такъ, что онъ неузнаваемъ; въ это время его соотечественники задаютъ празднество въ честь Ювала, изобрѣтателя лиры. Онъ растроганъ, по-

трясенъ и восклицаетъ: «Я Юваль! это я, изобрѣтатель лиры!» Но они, считая его за нищаго и за обманщика, прогоняютъ его съ побоями. Бѣднякъ уходитъ и умираетъ въ одиночествѣ, въ то время какъ ангелъ прошедшаго доказываетъ ему, какъ онъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что наполнилъ жизнь свою и принесъ землѣ и міру даръ веселья и восторга: музыку. Нѣкоторыя строфы превосходны и носятъ отпечатокъ истиннаго таланта. Но правоучительность, которою пропитана поэма, способна убить всякую жизнь. Произведеніе Джорджа Эллиота оставляетъ то же впечатлѣніе, какое испытываешь, посѣщая склепы нѣкоторыхъ соборовъ, когда холодныя струи воздуха, пропитанныя запахомъ гниющихъ костей, охватываютъ васъ подъ темными сводами. Можетъ быть, въ этомъ ощущеніи есть нѣчто торжественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нездоровое.

А. РЕНЬЯРЪ.

Лондонъ, май, 1875.

АМЕРИКАНСКІЕ ПІОНЕРЫ

I.

Пустыни дальняго запада.—Заселеніе пустынь бѣлыми.—Стремленіе переселенцевъ на дальній западъ Америки.—Раздѣленіе Индіанъ-Территори на двѣ части.—Ридъ-Риверъ и его верховья.—Вента дяди Боя и ея посѣтители.—Скватеры.—Метисъ, хозяинъ венты.—Убійство въ вентѣ.—Скорыя похороны.—Продажа съ аукціона вещей убитаго.—Неожиданная находка.—Великодушный поступокъ метиса.—Завѣщаніе убитаго разбойника.—Поминки по обычаямъ пустыни.—Разсказы о подвигахъ разбойника пустыни.—Убійство товарища.—Дерзкій грабежъ.—Мечь разбойника.—Отношенія авантюристовъ къ разбойникамъ преріи.—Домашняя половина венты.—Семейство метиса.—Сдѣлка со скватерами.

Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ поѣздкахъ ¹⁾ изъ разныхъ отдаленныхъ пунктовъ такъ-называемыхъ «территорій», въ заселенные штаты и обратно, дали мнѣ возможность, ближе познакомиться какъ съ дикими преріями и дѣвственными лѣсами дальняго Запада, такъ и съ путемъ, которымъ неутомонные бѣлые, въ качествѣ піонеровъ, распространяють съ каждымъ днемъ все далѣе свою цивилизацію.

Проѣзжая, напримѣръ, отъ Пикстауна, на границѣ Мексики, до Чикаго, можно собственными глазами прослѣдить, черезъ какіе фазисы развитія проходили цивилизованные западные штаты, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго цвѣтущаго состоянія. Сдѣлавъ одинъ переходъ отъ Пикстауна, несчастной, чисто мексиканской деревушки, вовсе не заслуживающей названія города, разомъ очутишься въ совершенно дикой преріи. Здѣсь бродятъ

¹⁾ Одна изъ такихъ поѣздокъ послужила предметомъ особой статьи: „Сѣверо-американскія окраины“, напечатанной въ октябрьской и ноябрьской книгахъ промежуточнаго года.—*Ред.*

бесчисленныя стада бизоновъ, привлекая охотниковъ почти изъ всѣхъ индійскихъ племенъ. Здѣсь вы можете наткнуться на табуны дикихъ, нивому неприннадлежащихъ, мустанговъ, на ягуара, и сѣраго медвѣдя, пожалуй на боа-констриктора, не говоря уже о гремучихъ змѣяхъ, оленяхъ и другихъ мелкихъ обитателей пустыни.

Рѣдко встрѣтишь здѣсь бѣлаго челоуѣка, развѣ ближе къ мексиканской границѣ попадетса полудикій мексиканецъ съ своимъ краснымъ одѣяломъ, вмѣсто плаща, скачущій во весь опоръ. Богъ знаетъ куда и зачѣмъ, да еще рѣже увидишь транспортъ товаровъ, идущій въ Мексику, или гуртъ скота, направляющійся въ штаты. Самые авантюристы, наполняющіе Индіанъ-Территори и другія, ближайшія къ штатамъ, преріи, не охотно идутъ сюда.

Проѣдешь сотни миль, не увидавъ ничего, похожего на постройку или запаханное поле. О существованіи бѣлыхъ напоминають только желтые цвѣты, выросшіе на дорогѣ, взборожденной колесами тяжело-нагруженныхъ фургоновъ. Желтые изгибы дороги виднѣются далеко на гладкой преріи, указывая направление, котораго слѣдуетъ держаться. Бѣда потерять изъ виду эту желтую путеводную нить въ пасмурный зимній день, и не легко снова напасть на какую-либо дорогу.

При достаточномъ запасѣ зарядовъ можно прокормиться нѣсколько дней, но дальше заблудившемуся грозить голодная смерть, если раньше какой-нибудь индѣецъ не соблазнится скальпомъ попавшаго въ безвыходное положеніе бѣлаго. Покрытая сочною травю прерія часто прерывается вѣковыми, почти непроходимыми лѣсами, скалистыми горами и огромными бесплодными пространствами, на которыхъ иногда растутъ колючій кустарникъ, а чаще не растутъ ровно ничего. И люди и животныя спѣшатъ, какъ можно скорѣе, усиленными переходами, пройти эти унылыя, безводныя степи, гдѣ по сторонамъ дороги побѣлѣвшіе скелеты животныхъ и могилы людей, погибшихъ отъ жажды и утомленія, безпрестанно напоминають, что и вѣдущихъ можетъ постигнуть та же участь.

По мѣрѣ того, какъ подвигаешься далѣе на сѣверо-востокъ, мало-по-малу начинаютъ попадаться грубыя шалаши скватеровъ, по лѣсистымъ побережьямъ рѣвъ; далѣе блоггаузы, окруженныя выжженными лѣсами и клочками воздѣланныхъ полей; одинокія вѣсты или постоялыя дворы, наконецъ при переѣздѣ границы штатовъ, цѣлыя колоніи переселенцевъ, отдѣльныя фермы и городки. Мало-по-малу фермы, удаленныя прежде на нѣсколько десятковъ миль одна отъ другой, начинаютъ попадаться безпре-

станно, занимая своими полями всю прерію; городки, съ сколоченными изъ досокъ постройками, переходятъ въ большіе торговые центры, съ громадными зданіями, фабриками, вокзалами желѣзныхъ дорогъ, водопроводами и прочими изобрѣтеніями человѣческаго генія.

Ближайшее знакомство съ жителями само собою выясняетъ условія и порядокъ, при которыхъ владѣніе пустыней переходитъ постепенно отъ индійцевъ къ скватерамъ и рыцарямъ пустыни, потомъ къ піонерамъ, дальше къ разнаго рода спекулянтамъ и аферистамъ, наконецъ отъ нихъ, при усиленномъ наплывѣ переселенцевъ, къ янки, выходцамъ изъ восточныхъ штатовъ.

Пока въ мѣстности не утвердятся прочно янки, въ ней царствуетъ полнѣйшая анархія и беспорядокъ. Только съ прибытіемъ янки въ мѣстности начинаютъ проявляться общественныя учрежденія и мало-по-малу утверждается строй жизни, сходный съ соотвѣствующими штатами.

Хотя во всѣхъ частяхъ свѣта дикія мѣстности переходятъ въ цивилизованныя, переживая почти тѣ же фазисы развитія, но нигдѣ они не смѣняются съ такою быстротою, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Та степень развитія, достигнуть которой потребовалось бы въ Старомъ Свѣтѣ нѣсколько вѣковъ, достигается въ Америкѣ въ какіе-нибудь 15—20 лѣтъ. Эта быстрота развитія объясняется отчасти особымъ характеромъ переселенцевъ, какому возможно было выработаться только въ Соединенныхъ Штатахъ, отчасти неудержимымъ наплывомъ эмигрантовъ Старога Свѣта, стремящихся почти исключительно на дальній Западъ. Не беру на себя объяснять причины, почему именно переселенцы, какъ Новаго такъ и Старога Свѣта, стремятся на западъ сѣверо-американскаго материка, несмотря на то, что имѣется много другихъ незанятыхъ мѣстностей, поселеніе въ которыхъ сопряжено съ меньшими издержками, трудами и лишеніями.

Не говоря уже о свободныхъ мѣстахъ Южной Америки и Мексики, отличающихся безпримѣрнымъ плодородіемъ, но въ которыхъ трудно устроиться, но даже въ южные штаты Союза, куда всѣми силами стараются привлечь эмиграцію, переселенцы идутъ не такъ охотно. Поговорите съ любымъ эмигрантомъ изъ рабочихъ, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, ѣдущимъ въ Америку, и вы увидите, что онъ стремится на дальній Западъ. Если обстоятельства почему-либо не допустятъ его отправиться туда тотчасъ по прїѣздѣ въ Америку, у него все-таки остается завѣтное желаніе побывать въ этомъ Эльдorado переселенцевъ.

Оттого число переселяющихся на западъ считается ежегодно сотнями тысячъ.

Піонеры, едва успѣвшіе вытѣснить скватеровъ и индійцевъ, оказываются тотчасъ же окруженными массою мелкихъ фермъ, и въ большей части уходятъ далѣе искать соотвѣтствующаго ихъ куса мѣста. При достаточномъ развитіи земледѣлія является возможность и янки завести свои факторіи, начать спекуляціи, и не успѣвъ оглянуться, какъ пустыня обратилась въ цвѣтущій штатъ.

Индійскія Территоріи, съ которыхъ я началъ свое знакомство съ дальнимъ Западомъ, раздѣляются Красной рѣкой на двѣ части, въ которыхъ сѣверо-восточная часть уже занята блокгаузами піонеровъ, отстоящими, правда, еще на большія разстоянія одинъ отъ другого, но дающими уже возможность мелкимъ фермерамъ начать въ скоромъ времени свое переселеніе.

Юго-западная часть «Территоріи» — еще совершенная пустыня, гдѣ почти нѣтъ блокгаузовъ и гдѣ представителями бѣлыхъ служатъ скватеры по берегамъ рѣкъ, рыцари пустыни, живущіе охотой, а если случится, и грабежомъ, и наконецъ небольшое число владѣльцевъ стадъ полудиваго скота.

Скотоводство процвѣтаетъ въ этой части Территоріи и владѣльцы считают свои стада десятками тысячъ. Изъ числа этихъ владѣльцевъ, самая ничтожная часть принадлежитъ къ выходцамъ сѣверныхъ штатовъ Союза. По бѣльшей части это мулаты и негры, бывшіе отъ своихъ господъ во время рабства, и мексиканцы.

Они не строятъ блокгаузовъ, и, занимаясь исключительно скотоводствомъ, постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое.

Получивъ порученіе отъ моего патрона или, вѣрнѣе, главы нашего предпріятія отыскать удобное мѣсто и устроить постоянную переправу чрезъ Ридъ-Риверъ, я, въ сопровожденіи четырехъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, вачеро, отправился вверхъ по теченію рѣки, къ такъ-называемой вентѣ дяди Боя.

По собраннымъ предварительно свѣдѣніямъ, мѣстность, гдѣ расположена вента, представляла, по своему положенію, всѣ требующія условія. Оставалось убѣдиться, возможно ли здѣсь устройство моста или постоянного парома.

Ридъ-Риверъ у своихъ истоковъ не похожъ на ту широкую рѣку, которая въ границахъ штатовъ тихо течетъ въ плоскихъ берегахъ и сповойно несетъ на своихъ красноватыхъ отъ глины берегахъ огромные пласты гѣса, съ цѣлыми постройками на нихъ, браны съ хлѣбомъ и хлопкомъ, и гѣнится только отъ колесъ небольшихъ рѣчныхъ пароходовъ. Въ Индіанъ-Территоріи, какъ са-

мый Ридъ-Риверъ, такъ и множество впадающихъ здѣсь въ него притововъ имѣютъ совершенно другой характеръ. Хребетъ довольно высокихъ песчаниковыхъ скалистыхъ горъ будто хотѣлъ загородить дорогу рѣкѣ.

Прорывая эту преграду, рѣка дѣлаетъ тысячи самыхъ неожиданныхъ крутыхъ поворотовъ, заливая мѣстами довольно большія пространства и образуя здѣсь спокойныя озера, въ которыхъ течение почти незамѣтно. Мѣстами, стѣсненная обрывистыми берегами, она образуетъ стремнины, почти водопады, гдѣ покрытыя сѣдой пѣной волны несутся съ невѣроятною быстротой, разбиваются о встрѣчные камни и летятъ вверхъ столбами бѣлой водяной пыли. Врядъ ли здѣсь можетъ пройти не только пароходъ, но какое бы то ни было судно бѣлыхъ. Только жители пустыни рѣшаются ѣздить здѣсь по Ридъ-Риверу въ легкихъ индійскихъ челнокахъ, да равнодушные къ опасности скватеры спускаются внизъ на плотахъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, чтобы дальше, по выйдѣ въ прерію, связать ихъ въ тѣ шести-семи-ярусные плоты, въ нѣсколько десятковъ сажень длины, которыми лѣсъ доставляется въ Техасъ.

Преодолѣвъ наконецъ препятствія, Ридъ-Риверъ достигаетъ преріи, но здѣсь ему какъ будто становится жаль покинуть скалы, съ которыми онъ боролся, и рѣка нѣсколько десятковъ миль течетъ у самаго подножія хребта, составляющаго ея правый нагорный берегъ. Плоскій лѣвый берегъ покрытъ почти до самой воды дремучимъ лѣсомъ. Наши неутомимые мустанги быстро несли насъ по неширокому песчаному прибрежью, остающемуся во время низкой воды между лѣсомъ и рѣкою.

Быстро смѣнялись одинъ другимъ живописные виды, образуемые изгибами скалъ противоположнаго берега. Отрывавшіяся на каждомъ шагу картины при освѣщеніи восходящимъ солнцемъ были такъ великолѣпны, что ими могли не любоваться развѣ давно привыкшіе къ нимъ и на видъ совершенно равнодушные къ красотамъ природы рыцари пустыни. Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть красота мѣстоположенія и вообще то необъяснимое чувство, которое невольно овладѣваетъ человѣкомъ, попавшимъ въ величественную пустыню, играетъ въ привязанности вачеро къ ихъ бродячей жизни большую роль, чѣмъ они стараются выказать.

Красивыя скалы, долины и ущелья противоположнаго берега, очаровывая глазъ, представляли съ практической точки зрѣнія многія важныя неудобства. Мало того, что скалы, отгѣсно спускавшіяся въ воду, дѣлали невозможной переправу черезъ рѣку на

значительныхъ пространствахъ: ущелья и глубокіе овраги, пере-
сѣкая по разнымъ направленіямъ горы, крайне затрудняли про-
ѣздъ на большое разстояніе отъ рѣки. Верхомъ, рискуя сломать
собѣ шею, еще можно было пробраться какъ-нибудь по узкимъ
заканнамъ скалъ и крутымъ подъемамъ и спускамъ, но съ фурго-
номъ нечего было и думать пройти прямокомъ въ прерію, ле-
жащую по-ту сторону хребта.

По словамъ людей, хорошо знавшихъ мѣстность, существо-
вало для фургоновъ три удобныхъ прохода черезъ узкія изви-
стыя долины, перерѣзывающія горный хребетъ поперекъ. Луч-
шимъ изъ этихъ естественныхъ корридоровъ считался тотъ, кото-
рый выходилъ къ рѣкѣ не вдалекѣ отъ венты, и не представ-
лялъ ни слишкомъ крутыхъ поворотовъ, ни опасныхъ спусковъ
и подъёмовъ.

Вырываясь изъ горъ, Ридъ-Риверъ образуетъ крутое колѣно.
Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ удаляется отъ берега, оставляя открытой
довольно большую, бесплодную возвышенную площадку, оканчиваю-
щуюся отвѣснымъ утесомъ къ рѣкѣ.

Вента дяди Боя помѣщалась на этой площадкѣ и представ-
ляла собою грубо сложенную изъ камней двухъ-этажную, четырех-
угольную постройку, крытую дерномъ. Съ перваго взгляда, она
скорѣе походила на груды камней, нагроможденныхъ одинъ на
другой во время какого-нибудь геологическаго переворота, чѣмъ
на человѣческое жилище. Но, за отсутствіемъ красоты и, по-
видному, всякаго комфорта, за которыми вовсе не гнался строи-
тель, она удовлетворяла другимъ, болѣе настоятельнымъ нуждамъ
жителя преріи, требующаго отъ жилища немногихъ удобствъ,
лишь бы оно защищало отъ дождя и вѣтра. При сооруженіи
этой постройки имѣлась главнымъ образомъ въ виду возможность
отбить внезапное нападеніе и выдержать продолжительную осаду.
Въ этомъ отношеніи трудно было выбрать для постройки болѣе
удобное мѣсто, чѣмъ то, гдѣ расположена вента. Построенная
двумя сторонами на краю скалистаго обрыва, она могла считаться
совершенно неприступной со стороны рѣки. Бесплодная поляна,
на которой всѣ кусты, всѣ сколько-нибудь выдающіяся растенія,
обыкновенно растущія въ трещинахъ камня, были тщательно
уничтожены, давала возможность хозяину видѣть издали вся-
каго приближающаго къ вентѣ и въ случаѣ опасности принять
надлежащія мѣры къ защитѣ или къ своевременному бѣгству.

Частоволь изъ высокихъ бревенъ, вбитыхъ въ трещины кам-
ней, огораживалъ дворъ венты и въ то же время защищалъ ее со
сторонъ поляны. Во дворъ вели широкія, прочныя, кованныя

желѣзомъ, ворота. Сама вента имѣла три входа, снабженные тоже кованными желѣзомъ дверьми. Двѣ изъ нихъ выходили во дворъ. Одна вела въ помѣщеніе, гдѣ жило семейство хозяина, другая въ салонъ и была, равно какъ и ворота палисада, днемъ постоянно открыта настежь. Въ салонѣ, куда имѣлъ право входить всякій проѣзжающій, не ожидая приглашенія хозяина, продавались спиртные напитки и тутъ же приготовлялось кушанье для проголодавшихся посѣтителей. Третья дверь выходила на обрывъ и предназначалась для того, чтобы въ случаѣ крайней опасности спуститься по веревкѣ къ небольшой пещерѣ у самой рѣки, гдѣ была спрятана индійская лодка.

Узкія окна или бойницы, пробитыя кое-какъ, безъ всякаго порядка, плохо пропускали свѣтъ во внутрь постройки, но за то давали возможность удобно отстрѣливаться и видѣть со второго этажа не только всю поляну, но и рѣку, на значительное разстояніе вверхъ и внизъ.

Отъ зоркихъ глазъ одного изъ сыновей хозяина, по-очередно караулившихъ во второмъ этажѣ, служившемъ кладовой, не могло укрыться ничто приближающееся къ вентѣ, съ которой бы то ни было сторожа.

Несмотря на то, что декабрь былъ уже на исходѣ, солнце порядкомъ-таки припекало насъ и усиливало то естественное стремленіе къ отдыху, которое ощущаетъ человѣкъ, проскакавшій безъ остановки около пятидесяти миль. Неказистая вента, видная издалека, казалась намъ чрезвычайно привлекательною. Даже взмысленныя лошади, бѣгъ которыхъ сталъ замѣтно тяжелѣе и медленнѣе, какъ будто приободрились при видѣ дыма, поднимавшагося бѣлымъ столбомъ изъ трубы человѣческаго жилища. Весело фыркая, съ удвоенной энергіей стали онѣ взбираться по отлогому подъему и сами, какъ бы угадывая волю сѣдоковъ, повернули въ ворота и остановились у входа въ венту. Спросивъ себѣ пива, въ ожиданіи обѣда, мы усѣлись на грубо сколоченныхъ деревянныхъ табуретахъ у такого же грубаго, неуклюжаго, но чисто вытертаго стола.

Несмотря на усталость и желаніе отдохнуть подъ какой бы то ни было кровлей, вента произвела на меня крайне непріятное впечатлѣніе.

Представьте себѣ неправильную, четырехъ-угольную низкую комнату или, вѣрнѣе, большой полутемный подвалъ съ кривыми, покрытыми плѣсенью, стѣнами изъ нештукатуреннаго камня, пропитанную запахомъ подгорѣлаго сала и другихъ принадлежностей готовящагося тутъ же кушанья, наполненную дымомъ отъ

трубокъ полсотни джентльменовъ самаго подовѣрительнаго вида, шировавшихъ у разставленныхъ въ безпорядкѣ столовъ. Хохоть, бравъ и возмутительныя пѣсни пьяныхъ джентльменовъ особенно несприятно поражали меня послѣ величественной тишины, съ которою я успѣлъ свыкнуться въ пустынѣ.

Мнѣ страхъ какъ хотѣлось уйти изъ этого вертепа и расположиться гдѣ-нибудь на открытомъ воздухѣ, но усталыя лошади требовали отдыха, а остановившись недалеко отъ венты, можно было возбудить негодованіе, пожалуй, ненависть дяди Боя, человѣка могущаго много помочь и много повредить мнѣ въ исполненіи возложеннаго на меня порученія.

Сопровождавшіе меня вачеро, не разъ бывавшіе здѣсь и привычныя къ вентамъ въ преріи, чувствовали себя совершенно хорошо, и не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на страшный смрадъ, насъ окружающій, ни на другихъ посѣтителей, увлеклись уничтоженіемъ пива, подливая въ него для большаго вкуса виски. Еслибы я вздумалъ высказать свое желаніе, убраться поскорѣе, они по меньшей мѣрѣ изумились бы или, пожалуй, еще подняли меня на смѣхъ. Скрѣпя сердце, я рѣшился покориться обстоятельствамъ и поступить, какъ того требовало благоразуміе. Выпивъ нѣсколько глотковъ отвратительнаго майсоваго пива и закуривъ трубку, я сталъ разсматривать шировавшихъ. Въ числѣ посѣтителей, кромѣ разнаго разбора рыцарей пустыни, къ которымъ я успѣлъ уже приглядѣться, было нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ другому типу застрѣльщиковъ цивилизаціи, съ которыми я былъ знакомъ по наслышкѣ и видалъ только издали на плотяхъ, которые они гнали по Ридъ-Риверу. Несмотря на то, что костюмъ ихъ былъ одинаковъ съ костюмомъ жителя преріи и отличался только тѣмъ, что, вмѣсто лассо, неразлучнаго спутника степнаго наѣздника, у каждаго изъ нихъ видѣлся за поясомъ скватерскій топоръ съ широкимъ лезвіемъ. Ихъ можно было отличить съ перваго взгляда отъ другихъ авантюристовъ.

Состоя, за исключеніемъ небольшого числа норвежцевъ, изъ американцевъ, жителей пограничныхъ штатовъ, скватеры поселятся у береговъ рѣкъ въ лѣсахъ, не разбирая, кому они принадлежатъ. Устроивъ на скорую руку избу и лѣсопильный заводъ, они вырубаютъ годныя деревья, пилятъ ихъ и сплавляютъ для продажи. Скватеры попадаются иногда и въ заселенныхъ западныхъ штатахъ, гдѣ опустошаютъ лѣса богатыхъ землевладельцевъ, которые въ большей части случаевъ оказываются безсильны выгнать непрошенныхъ гостей, а пока заведутъ съ ними процессъ, скватеры успѣютъ окончить свое дѣло и удалиться,

оставивъ на мѣстѣ цѣннаго лѣса одни безобразные пни да кучи хвороста. Но такъ какъ подобная эксплуатація чужихъ лѣсовъ все-таки имѣетъ нѣкоторыя неудобства и можетъ повлечь за собою серьезныя непріятности; къ тому же большая часть скватеровъ имѣетъ старыя счеты съ законами, то они естественно стремятся болѣе на дальній Западъ, гдѣ землемѣры не успѣли еще опредѣлить, кому принадлежать, выросшіе безъ всякой помощи со стороны человѣка, участки лѣса или преріи. Сильные числомъ и семейными связями, а также ни передъ чѣмъ неостанавливающею смѣлостью, они могутъ считать себя вполне безопасными отъ индійцевъ, которыхъ они истребляютъ не изъ страха, а вслѣдствіе того озлобленія, которое питаютъ бѣлые и краснокожіе обитатели преріи другъ къ другу.

Въ пустынѣ партіи скватеровъ усиливаются примыкающими къ нимъ авантюристами. Но не всякій авантюристъ можетъ сдѣлаться скватеромъ. Кромѣ находчивости, смѣлости и выносливости, присущихъ всѣмъ рыцарямъ пустыни, для скватера необходимы огромная физическая сила и привычка по цѣлымъ днямъ рубить и ворочать огромныя бревна. Сама жизнь скватеровъ какъ нельзя лучше бракуетъ, если можно такъ выразиться, и выбираетъ годныхъ людей. Все сколько-нибудь слабое или погибаетъ, или бросаетъ эту трудную жизнь. Скватерами остаются только люди вполне пригодные для своего ремесла.

По скватерамъ, пировавшимъ въ вентѣ дяди Боя, можно было судить объ ихъ собратяхъ. Колоссальнаго роста, какъ будто подобранные одинъ къ другому, они своимъ тѣлосложеніемъ и всякимъ движеніемъ обнаруживали, выходящую изъ ряда обыкновенныхъ, физическую силу. Если тяжелый столъ, который я едва могъ сдвинуть съ мѣста, мѣшалъ подгулявшему скватеру встать съ табурета или пройти по вентѣ, онъ хладнокровно бралъ его одной рукой за ножку или верхнюю доску и переставлялъ по своему усмотрѣнію, повидимому, безъ малѣйшаго усилія, какъ какой-нибудь камышевый стулъ. Одинъ изъ нихъ, желая придать болѣе выразительности своимъ словамъ, ударилъ кулакомъ по столу—и всѣ четыре ножки подломились подъ расколотой надвое доской. Хорошо, что въ вентѣ, кромѣ грубыхъ столовъ, не было другихъ предметовъ, надъ которыми могли бы упражняться эти лѣсные геркулесы: ремонтровка поломанной мебели обошлась бы дорого хозяину венты. Своими ухватками скватеры сильно отличались отъ наѣздниковъ преріи. Привычка быть постоянно на-сторожѣ и болѣею частью одному въ безмолвной преріи, приучаетъ наѣздника къ молчаливости. При частыхъ столкнове-

нихъ съ индійцами они переняли у нихъ чрезвычайную сдержанность и обдуманность въ словахъ. Рыцарь пустыни рѣдко позволилъ себѣ кричать и болтать безъ толку; онъ говоритъ всегда тихо, выражаясь какъ можно сжатѣе, какъ бы скупясь сказать лишнее слово. Даже во время кутежа онъ пьетъ молча, и напиваясь пѣть и безчинствовать уже тогда, когда напьется со всѣмъ.

Скватеры представляли совершенную противоположность; они говорили громко, почти кричали, хохотали во все горло, отпустили плоскія шутки другъ надъ другомъ, ни мало не заботясь, шло ли имъ удачно или нѣтъ. Живя постоянно большими партиями, они привыкли считать себя всегда въ полнѣйшей безопасности, быть вездѣ хозяевами и не стѣснять себя въ чемъ бы то ни было. По отрывочнымъ разговорамъ можно было судить, что въ этихъ людяхъ, вслѣдствіе постоянной утомительной работы, смѣняющейся пьянствомъ, сномъ или перестрѣлкой съ краснокожими, развитіе мускуловъ совершилось насчетъ ихъ нравственной стороны. Одинъ изъ маленькихъ негровъ, прислуживавшихъ въ вентѣ, прервалъ мои наблюденія, начавъ готовить къ обѣду. Накрывъ столъ скатертью замѣчательной бѣлизны, онъ поставилъ противъ каждаго изъ насъ по оловянной тарелкѣ, блестящей какъ серебряная. На такихъ же блюдахъ были поданы кусокъ жаренаго мяса и рисовый пудингъ.

Сервировка и кушанья, приготовленные тутъ же двумя неграми-поварами, составляли разительный контрастъ съ остальной обстановкой венты. Поданное, по приказанію одного изъ моихъ спутниковъ, легкое калифорнійское вино было также очень не дурно, и, вопреки всякому ожиданію, я пообѣдалъ съ большимъ удовольствіемъ.

Послѣ обѣда одинъ изъ вачеро, часто бывавшій въ вентѣ, отправился со мною въ стойкѣ, чтобы познакомить меня съ самимъ дядей Боемъ, возсѣдавшимъ на качающемся креслѣ, за небольшою конторкой. Дядя Бой—человѣкъ лѣтъ пятидесяти; цвѣтъ его лица ничѣмъ не отличался отъ цвѣта загорѣлыхъ лицъ другихъ носителей, и его можно бы было принять за бѣлаго, если бы не пара черныхъ индійскихъ глазъ, никогда не мѣняющихъ выраженія, не выдавала въ немъ метиса. Дѣйствительно, онъ происходилъ отъ еврея и индианки. Протолевшій въ молодости въ южныхъ штатахъ Союза, онъ лѣтъ двадцать тому назадъ пріѣхалъ съ женою, квартирною, на Ридъ-Риверъ, гдѣ, благодаря вслѣдственнымъ отцовскимъ способностямъ, съ успѣхомъ содержалъ венту. Какъ метисъ, онъ былъ безопасенъ отъ индійцевъ;

услужливостью, умѣньемъ держать языкъ за зубами и строгон ажуратностью въ счетахъ снискалъ себѣ уваженіе авантюристовъ, и вента дяди Боя пользовалась громкою извѣстностью во всѣхъ Индіанъ-Территори.

Авантюристы дѣлали большіе круги, чтобы заѣхать въ венту дяди Боя. Скватеры нарочно останавливались вязать свои плоты неподалеку отъ венты, чтобы въ свободное отъ работы время по-пьянствовать и перевести лишніе доллары, полученные за некупленный лѣсъ, изъ своего пояса въ сундукъ дяди Боя, такъ обязательно угощавшаго своихъ посѣтителей севернымъ пивомъ, виски и отлично приготовленными кушаньями. Въ преріи не знали настоящаго имени метиса.

Дядя Бой было прозвище. Кто-то изъ авантюристовъ обратилъ вниманіе на особую интонацію въ голосѣ метиса, когда онъ крикомъ *бой* (мальчикъ) подзывалъ прислужника-негритенка. Къ чаще всего раздающемуся слову «бой», прибавили изъ вѣжливости дядя, и метисъ сталъ извѣстенъ въ преріи подъ этимъ прозваніемъ, кажется, даже самъ забывъ свое настоящее имя. Я слышалъ отъ вачеро нѣсколько разсказовъ о подвигахъ дяди Боя, и нѣкоторые изъ этихъ подвиговъ были не совсѣмъ благовидны. Также приходилось мнѣ слышать исторію его женитьбы на квартеронкѣ, которую онъ будто бы укралъ въ южныхъ штатахъ и, боясь преслѣдованія, ушелъ въ Индіанъ-Территори. По словамъ вачеро, дядя Бой жилъ со своей женой въ полномъ согласіи, имѣлъ отъ нея человекъ 15 дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери, замѣчательныя красавицы, кружили головы молодымъ наѣздникамъ и скватерамъ, и хотя рѣдко показывались въ общей залѣ, но однимъ своимъ присутствіемъ въ вентѣ способствовали тому, что посѣтели охотно просиживали лишніа сутки, выпивали лишніа кружки, въ надеждѣ хоть мелькомъ взглянуть на красавицъ пустыни, отличавшихся между прочимъ крайнею неприступностью и безукоризненнымъ поведеніемъ. Обмѣнявшись съ хозяиномъ обичнымъ пожатіемъ руки, я безъ дальнихъ околичностей сообщилъ ему цѣль своего приѣзда и, ссылаясь на рекомендацію моего патрона, хорошо извѣстнаго метису, просилъ его помочь мнѣ въ наймѣ скватеровъ для устройства переправы. За двадцать пять долларовъ вознагражденія, метисъ обѣщаль уговорить скватеровъ взяться за работу на возможно выгодныхъ условіяхъ, сказавъ, что дастъ мнѣ положительный отвѣтъ на слѣдующее утро. Когда, окончивъ переговоры, я возвратился къ столу, за которымъ сидѣли мои спутники, дядя Бой подошелъ къ кутившимъ скватерамъ, поговорилъ съ ними нѣсколько времени о стороннихъ предметахъ

и вдругъ, какъ бы только-что вспомнивъ о давно забытомъ дѣлѣ, попросилъ двухъ, менѣе пьяныхъ молодыхъ людей пригласить завтра пораньше стариковъ въ его венту для переговоровъ объ одномъ, касающемся до нихъ, дѣлѣ. Затѣмъ онъ удалился за свою конторку и сталъ сводить какіе-то счеты, нарѣзая, за неимѣніемъ грамоты, разныя черточки и крестики на гладко оструганныхъ палочкахъ, замѣнявшихъ у него конторскія книги.

Напоивъ своихъ успѣвшихъ остыть лошадей и задавъ имъ киску, я осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ предполагалось устроить переправу и, возвратясь въ венту, занялся составленіемъ разсчета. Мои спутники, спросивъ себѣ еще пива, принялись за обычное во время безопасныхъ отдыховъ занятіе, игру въ кости. Я нѣсколько привикъ къ обстановкѣ венты. Смердѣ и шумъ посѣтителей пересталъ почти совершенно безпокоить меня. Во дворъ венты въѣхалъ какой-то всадникъ. Привязавъ свою лошадь, онъ вошелъ въ салонъ, окинулъ взглядомъ всю комнату и, кивнувъ слегка хозяйку, усѣлся за свободнымъ столомъ неподалеку отъ насъ. Прислужникъ, не ожидая приказанія, поспѣшилъ принести ему виски и кусокъ холоднаго жареного. Повидимому, это былъ обычный посѣтитель венты, вкусы котораго тутъ были хорошо извѣстны прислугѣ. При входѣ незнакомца мои спутники какъ-то странно переглянулись и, казалось, больше, чѣмъ прежде, заинтересовались своей игрой. На лицѣ одного сѣдого, какъ лунь, наѣздника, выразилось какъ бы удивленіе, смѣшанное съ какою-то злобной радостью. Онъ оттолкнулъ свою кружку и перешелъ въ дальній уголъ венты, гдѣ, опершись рукою на столъ, не спускалъ глазъ съ незнакомца, который, не обращая ни на что вниманія, принялся за поданное ему мясо съ аппетитомъ, возможнымъ только въ пустынѣ послѣ продолжительной свачки верхомъ. Это былъ человекъ лѣтъ 30 или 35, средняго роста, сложенный замѣчательно красиво, такъ что даже невзрачный костюмъ авантюриста не могъ скрыть гибкости и изящества его фигуры. Красивое загорѣлое лицо его, освѣщенное задумчивыми глазами, было чрезвычайно симпатично.

Пообѣдавъ и выпивъ нѣсколько глотковъ виски, онъ быстро повернулся къ намъ и, дотронувшись до своей шляпы, крикнулъ приятнымъ звучнымъ голосомъ: «Hallo! Джентльмены. Сидѣть и пить одному скуча смертная! позвольте присоединиться къ вашей компаніи?»

Мои спутники казались такъ заинтересованы игрой, что не слыхали этихъ словъ.

Отодвинувъ свой табуретъ въ сторону и подвинувъ другой къ

столу, я пригласилъ новаго гостя занять мѣсто около меня. Лбы игравшихъ вачеро нахмурились и, пока незнакомецъ забиралъ со своего стола виски и сѣвшиль воспользоваться моимъ приглаше- ниемъ, одинъ изъ нихъ успѣлъ шепнуть мнѣ: «берегите свой поясъ, а пожалуй и голову!» Это предостереженіе озадачило меня, однако дѣлать было нечего и я вступилъ въ разговоръ съ новымъ сосѣдомъ.

Несмотря на нѣкоторое замѣшательство, овладѣвшее мною, вслѣдствіе загадочнаго предостереженія и страннаго поведенія стараго авантюриста, разговоръ завязался какъ-будто самъ со- бою. Замѣтивъ, что мои познанія въ англійскомъ языкѣ или томъ жаргонѣ, которыми говорятъ въ преріи, были достаточны для обыденнаго разговора, но затрудняли меня, когда дѣло шло о болѣе отвлеченныхъ предметахъ, незнакомецъ заговорилъ по- французски. Онъ говорилъ хорошо на этомъ языкѣ и мы могли объясняться безъ затрудненій.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о новостяхъ изъ штатовъ, объ индї- цахъ и дичи, разговоръ мало-по-малу принялъ болѣе серьезный характеръ. Очевидно, незнакомецъ получилъ хорошее образова- ніе, много читалъ, побывалъ въ Европѣ. Манера выразаться показывала въ немъ человѣка, принадлежащаго къ порядочному обществу. Увлечшись разговоромъ, я не слышалъ, какъ три че- ловѣка подѣхали къ вентѣ, и замѣтилъ ихъ только тогда, когда они вошли въ дверь. Остановившись у входа, они какъ-будто искали кого-то между посѣтителями. Увидавъ разговаривающаго со мной незнакомца, одинъ изъ новопрїѣзжихъ обратился къ нему на непонятномъ мнѣ нарѣчїи. Повидимому, онъ о чемъ-то про- силъ, чего-то требовалъ. Голосъ его изъ умоляющаго часто воз- вышался и въ немъ слышалась угроза.

Всѣ, бывшіе въ вентѣ, даже не въ мѣру выпившіе виски, нѣсколько притихли, не показывая однако же вида, что проех- ходящая передъ ними сцена сколько-нибудь интересуеть ихъ... Вачеро продолжали бросать кости, но я замѣтилъ, что счетъ вы- крикиваемыхъ очковъ былъ невѣренъ и деньги, выложенныя пе- редъ каждымъ, не передвигались отъ одного къ другому. Мой новый знакомый нѣсколько приподнялся на табуретѣ и отвѣчалъ на обращенную къ нему рѣчь односложными, насмѣшливыми за- мѣчаніями. Неприятная, злая усмѣшка искривила его лицо, ка- завшееся такимъ симпатичнымъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

Вдругъ, когда, должно быть, вновь прїѣзвшій сказалъ что-то очень обидное, онъ быстро всочилъ и съ громкимъ проклятемъ выхватилъ револьверъ. Три выстрѣла раздались одинъ за дру-

гимъ. Два первыя, негромкихъ, нѣсколько похожихъ на хлопанье бича, третій, заставившій дрогнуть стѣны венты, какой-то злобѣщій, съ громкимъ раскатомъ, очевидно былъ сдѣланъ изъ карабина.

Съ грохотомъ опрокинувъ свой табуретъ, мой новый знакомецъ замертво повалился на столъ, обдавъ кровью и мочгами меня, мои бумаги и сидѣвшихъ тутъ же игроковъ.

Придя въ себя отъ изумленія, когда разсѣялся дымъ отъ выстрѣловъ, я увидѣлъ убійцу со сбитой шляпой, хладнокровно стоявшаго на прежнемъ мѣстѣ, у входа, и спокойно заряжавшаго свой карабинъ. Затѣмъ онъ и его товарищи, не торопясь, сѣли на своихъ лошадей и поснакали по направленію къ лѣсу.

Никто изъ бывшихъ въ вентѣ не тронулся, чтобы задержать убійцу. Вся эта исторія ни до кого не касалась.

— Рано же кончилъ, бѣдный Рюбъ, — замѣтилъ дядя Бой, поднимаясь со своего кресла и подзывая прислужнича.

— А и разбойникъ же былъ покойный, не долго жилъ въ преріи, а и натворилъ-таки гадостей, — замѣтилъ кто-то.

— Хорошо, однимъ негодяемъ стало меньше въ преріи.

— Ничего, завтра же на его мѣсто явятся два новыхъ.

— Вѣдь какъ владѣлъ револьверомъ, а промахнулся же.

Эти и подобныя замѣчанія раздавались съ разныхъ сторонъ, пока дядя Бой подошелъ къ нашему столу. Убитый какъ упалъ, такъ и остался лежать верхнею частью туловища на столѣ, залитомъ кровью. Предсмертная судорога раза два пробѣжала по только-что полному здоровья и жизни тѣлу. Ноги вытянулись, рука выпустила револьверъ и красивое лицо, замѣтно для глазъ, стало терять свой живой цвѣтъ и принимало мало-по-малу то спокойное торжественное выраженіе, какое налагаетъ смерть. Глаза потускнѣли и, устремившись въ одну точку на потолокъ, приняли то странное выраженіе, которое трудно объяснить, но въ которомъ чудятся и упоръ кому-то, и общее прощеніе, и забвеніе прошлаго.

Вѣрно пущенная пуля попала прямо въ лобъ и прошла голову навзлеть, такъ что на лицѣ не было видно ни капли крови, которая текла изъ раны на затылкѣ. Пovyше лѣваго глаза виднѣлось только одно небольшое круглое отверстіе.

Дядя Бой безцеремонно столкнулъ еще теплый трупъ на полъ, пока мальчикъ, вѣроятно уже не въ первый разъ въ своей жизни, проворно стиралъ пескомъ и горячей водой свѣжую человѣческую кровь со стола, и принялся обыскивать убитаго. Вынувъ изъ кармановъ красиво отдѣланные револьверы, изыщную

табачницу, приборы въ огнестрѣльному оружію и, положивъ ихъ на табуретъ, онъ снялъ кожаный поясъ, взрѣзалъ его ножомъ убитаго, пересчиталъ золотыя монеты и отнесъ ихъ къ себѣ за выручку, замѣтивъ съ циническою улыбкою, что все равно эти деньги были бы пропиты и такъ или иначе перешли бы въ его кассу.

Негры-повара подняли трупъ и безъ дальнихъ околичностей выбросили въ рѣку.

По окончаніи этихъ несложныхъ похоронъ, дядя Бой обратился къ посѣтителямъ съ предложеніемъ устроить поминки по покойникѣ на тѣ деньги, которыя могутъ быть выручены за лошадь, оружіе и прочія вещи, оставшіяся послѣ убитаго и долженствовавшія, по его мнѣнію, быть тотчасъ проданными съ аукціона.

Незнаомецъ пріѣхалъ на отличной гнѣдой лошади, и вся сбруя и оружіе отличались не только хорошими качествами, но могли считаться щегольскими по наружной отдѣлкѣ.

Въ охотникахъ пріобрѣсти все это не было недостатка, и аукціонъ начался.

Сначала были проданы револьверы, карабинъ, отличный мексиканскій лассо, свитый изъ струнъ, ножъ и табачница.

Озадаченный происходившей передо мной сценой, я не могъ окончательно придти въ себя и выговорить ни одного слова. Не знаю, что больше поразило меня: дерзкое убійство, видъ внезапной смерти или то, почти скотское равнодушіе, тотъ цинизмъ, которымъ дышали слова и поступки разнокалиберной толпы, собравшейся въ вентъ. Я не обратилъ вниманія, что кровь, попавшая мнѣ на лицо и платье, стала застывать, образуя противную, полужидкую слизь. Прислужникъ-негръ вывелъ меня изъ остобенѣнія, принесъ воды, утиральникъ и предлагая смыть слѣды крови.

Тѣмъ временемъ на аукціонѣ очередь дошла до лошади съ сѣдломъ и уздечкой. Одинъ изъ авантюристовъ, взглянувъ въ дверь, еривнулъ:

— Да, Рюбъ ѣздилъ какъ городской джентльменъ съ цѣлымъ чемоданомъ; посмотримъ, что это онъ таскалъ съ собой.

Дѣйствительно, кромѣ кожаныхъ мѣшковъ для фуража, въ сѣдлѣ было прикрѣплено что-то въ родѣ чемодана. Отвязать его, внести въ венту и посмотреть, что въ немъ находится, было дѣломъ одной минуты.

Привыкшіе ничему не удивляться, жители пустыни чуть не вскрикнули отъ изумленія, когда чемоданъ былъ открытъ.

Въ немъ лежалъ окутанный въ чистое бѣлье и фланель полугодовой ребенокъ. Очевидно, заботливая рука укладывала его въ эту необычную люльку. Чисто вымытыя полотно и фланель были тщательно уложены, такъ, чтобы предохранить отъ ночного холода. Въ чемоданѣ было сдѣлано небольшое отверстіе, затянутое сѣткой, пропускавшей воздухъ, но не дававшей насѣкомымъ беспокоить ребенка. Тутъ же лежали два гуттаперчевые пузырька съ остроумной пружинкой, не дававшей выливаться налитому въ нихъ молоку и бульону.

Вопросъ, что дѣлать съ этой неожиданной находкой, не могъ не зародиться у собравшейся вокругъ чемодана толпы, и былъ тотчасъ же высказанъ молодымъ скватеромъ:

— Отправить безъ хлопотъ въ рѣку, — отозвался какою-то рыцарь пустыни.

— Вдвоемъ съ отцомъ, или какъ тотъ ему приходился-то: всегдѣ будетъ, — поддержалъ предложеніе скватеръ.

А между тѣмъ ребенокъ, очевидно, довольный тѣмъ, что открыли его темную люльку, выражалъ свое удовольствіе, махая ручонками и весело улыбался незнакомымъ аванюристамъ, видъ которыхъ, повидимому, нисколько не смущалъ его. Не понималъ онъ, какое страшное значеніе имѣли для него только-что сказанныя слова.

Суровое лицо дяди Боя сдѣлалось на минуту еще суровѣе, котомъ приняло какое-то странное, необычное выраженіе. Въ чертахъ лица промелькнуло что-то мягкое, человѣчное. Онъ окинулъ толпу своимъ безстрастнымъ, пристальнымъ взглядомъ, взглядомъ способнымъ, какъ мнѣ казалось, не только пересчитать сквозъ кожу, сколько золотыхъ гиней находится у человѣка въ поясѣ, но проникнуть въ самыя сокровенныя мысли и, вынимая ребенка изъ его люльки, сказалъ:

— Охота выдумывать глупыя шутки; у меня много своихъ, такъ этого не будетъ и видно между ними. Бетси! — крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь въ жилую половину.

— Ладно, дядя Бой, — замѣтилъ одинъ изъ сопровождавшихъ меня вачеро. — покорми его, пока онъ сумѣетъ держаться въ сѣдлѣ, а тамъ я сдѣлаю изъ него наѣздника на удивленіе всей преріи.

И нахмуренное лицо аванюриста приняло доброе выраженіе; казалось, даже слеза навернулась на непривыкшихъ плавать суровыхъ глазахъ.

— Корми его побольше мясомъ, а мы научимъ его однимъ

нахомъ валить деревья, — вмѣшались скватеры, и всей толпой овладѣло веселое, хорошее настроеніе.

Предлагавшіе сначала утопить ни въ чемъ неповиннаго ребенка ступевались куда-то.

На зовъ дяди Боя вошла немолодая женщина, съ хорошо сохранившимися остатками прежней красоты. Чистое платье и накрахмаленный чепецъ производили странное впечатлѣніе среди этихъ кожанныхъ, негрѣшившихъ излишнею опрятностью куртокъ и шляпъ.

— Богъ далъ намъ безъ хлопотъ еще ребенка, — обратился къ ней дядя Бой. — Возьми его.

— Чей онъ?

— Разбойника Рюба.

— А самъ Рюбъ?

— Кончилъ.

Женщина набожно перекрестилась и съ материнскою нѣжностью взяла на руки ребенка.

Кромѣ связки бѣлья, въ чемоданѣ нашли небольшую кожаную сумку, въ которой были зашиты двѣ вѣтанціи севингъ-банка въ С.-Люисѣ, и записка, написанная красивымъ, четкимъ почеркомъ. Въ запискѣ просили принять на свое попеченіе ребенка и при совершеннѣйшій передать ему билетъ севингъ-банка въ пять тысячъ долларовъ. Другой билетъ въ тысячу долларовъ долженъ служить вознагражденіемъ принявшаго на себя трудъ воспитывать ребенка.

Записка была переведена на нѣсколько языковъ.

Очевидно, убитый, ожидая, что съ нимъ всякую минуту можетъ случиться несчастье, и зная, что изъ ста случаевъ въ девяноста-девяти, посмертная его воля, согласно характеру жителей пустыни, будетъ выполнена съ точностью, старался, насколько возможно, обезпечить любимое существо.

— Жаль, что я поторопился взять къ себѣ на воспитаніе пострѣла. Поспѣшность стоить мнѣ тысячу долларовъ, — замѣтилъ, смѣясь, дядя Бой.

Попросивъ присутствующихъ на всякій случай хорошенько запомнить стоимость и № билетовъ, онъ вложилъ въ сумку оба билета, зашилъ ее и, пригласивъ одного изъ посѣтителей сдѣлать надпись, что въ ней хранятся деньги пріемыша, долженствующія быть отданы по принадлежности въ такомъ-то году, отдалъ ихъ на храненіе женѣ.

Когда женщина, унося съ собою ребенка и его состояніе, вышла, дядя Бой напомнилъ о поминкахъ. Деньги, вырученныя

на аукціонѣ, перешли въ выручку и служители стали разставлять на столахъ соотвѣтствующее количество виски, пива и вина. Началась общая попойка. Сопровождавшіе меня вачеро обязались честнымъ словомъ не напиваться до-пьяна, пока будутъ находиться при мнѣ. Но, видя, что кутежъ дѣйствуетъ на нихъ очень соблазнительно и не предвидя до слѣдующаго дня никакой надобности въ нихъ, я счелъ благоразумнымъ объяснить, что не считаю ихъ на службѣ до слѣдующаго утра и полагаю, что они могутъ распорядиться временемъ по своему усмотрѣнію. Давъ обѣщаніе быть совершенно трезвыми къ полудню слѣдующаго дня, они присоединились къ пирующимъ.

Только-что разыгравшаяся сцена вышибла хмѣль изъ головъ провавшихъ съ утра авантюристовъ. Ихъ равнодушіе и цинизмъ были больше налускные. Въ сущности, это былъ безшабашный, но не злой народъ. Къ тому же нельзя допустить, чтобы чело-вѣкъ, какъ бы онъ низко ни упалъ нравственно, могъ безъ нѣкотораго содроганія присутствовать при убійствѣ ближняго. Конечно, есть исключенія, но они, къ счастью, очень рѣдки. Съ начала поминовъ, когда виски не произвела еще своего дѣйствія, авантюристы поочереды рассказывали которое-нибудь изъ похожденій Рюба, появившагося въ преріяхъ лѣтъ пять тому назадъ, неизвѣстно откуда.

«Когда еще не было трансатлантической дороги», говорилъ преземистый широкоплечій авантюристъ, лицо котораго отъ солнца и непогоды утратило свой первоначальный цвѣтъ и походило на дурно выдубленную подошву, «и товаръ перевозился черезъ пре-ріи, благодаря хорошему подножному корму, многіе хозяева вели свои транспорты черезъ Индіанъ-Территори. Я и нѣсколько чело-вѣкъ изъ нашихъ занимались конвоировать транспорты по опаснымъ мѣстамъ. Красновожія собаки, какъ вы, джентльмены, помните, были тогда гораздо злѣе и смѣлѣе теперешняго. Трудное это было занятіе, за то прибыльное. Когда транспортъ про-ходилъ благополучно, хозяинъ на радостяхъ не жалѣлъ золоти-тыхъ иглей при расчетѣ и рѣдко случалось, чтобы каждому изъ насъ не приходилось получить вдвое противъ договорной цѣны.

«Разъ, проводивъ транспортъ изъ Новой Мексикки, мы получили расчетъ на границѣ Канзаса и разбрелись по преріи от-дохнуть до новой работы.

«Я отправился вдвоемъ съ Джорджемъ черезъ Территори къ Те-ласу. Хорошій вачеро былъ Джорджъ, веселый, привѣтливый; а такого добряка врядъ ли отыщешь другого. Рѣдко пропивалъ

онъ свои деньги, а больше раздавалъ на границѣ тѣмъ, кто былъ побѣднѣе или прорвался на какомъ-нибудь дѣлѣ.

«Да, впрочемъ, вѣроятно, нѣкоторые изъ васъ, джентльмены, знали скальпированнаго Джорджа, мексиканца?»

Нѣсколько человѣкъ авантюристовъ утвердительно кивнули головами.

«Весело было ѣхать съ нимъ. Всю дорогу онъ рассказывалъ разныя забавныя вещи, во весь голосъ пѣлъ пѣсни. Индѣйцевъ онъ не боялся и увѣрялъ, что краснокожимъ нечего съ него взять, пока не вырастетъ новый скальпъ на мѣсто снятаго, а на головѣ, какъ онъ ни старался, не показывалось еще ни одного волоска.

«Проѣхавъ больше половины дороги, мы наткнулись на слѣдъ, идущій по тому направленію, котораго намъ слѣдовало держаться. То былъ слѣдъ бѣлаго. Лошадь, вожаная не такими поковами, какъ вуютъ на границѣ, а стальными, легкими, шлифованными. Ёдущій впереди не торопился, ѣхалъ больше шагомъ, останавливаясь часто кормить лошадь. Мы скоро догнали его и поѣхали вмѣстѣ.

«Тогда я еще въ первый разъ видѣлъ Рюба и не зналъ о немъ ничего. По ухваткамъ видно было, что онъ новичокъ въ преріи, и хотя казался добрымъ малымъ, сразу не понравился мнѣ. Съ Джорджемъ они сошлись какъ нельзя лучше, учили другъ друга разнымъ пѣснямъ. А какъ начать толковать да спорить о разныхъ политическихъ дѣлахъ, да выборахъ, такъ только удивляешься, откуда у нихъ что берется. Ужъ на что ловокъ былъ говорить Джорджъ, не даромъ прежде, чѣмъ попасть въ преріи, какимъ-то важнымъ влереомъ былъ въ Мексикѣ, а часто не находилъ что сказать на слова Рюба. А дѣлишки у Рюба были плохія: ни одного заряда, ни щепотки табаку. Джорджъ подѣлился съ нимъ зарядами, а о табакѣ и говорить нечего. Втроемъ пріѣхали мы на границу. Въ вентѣ, какъ увидалъ Рюбъ наши игли, такъ глаза у него и заблестѣли. Я нанялся вести транспортъ. Джорджъ хотѣлъ-было тоже идти со мной, да переговоривъ съ Рюбомъ, передумалъ и поѣхалъ съ нимъ не знаю куда. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Джорджа. На второй остановкѣ къ нашему транспорту прибѣжала взмыленная осѣдланная лошадь съ окровавленнымъ сѣдломъ, и кинулась прямо къ моей. Смотрю—лошадь Джорджа. Наши лошади были куплены изъ одного табуна и вѣрно свелись между собою. Ну, думаю, кончилъ бѣдняга Джорджъ. Ужъ вѣрно краснокозіе, собаки, подкараулили его гдѣ-нибудь. Странно только, что лошадь ушла съ сѣдломъ и уздечкой. Мѣсяца че-

резь два, смотрю, у одного вачеро Джорджева собака. Это какъ образомъ? Оказалось, что какой-то транспортъ наткнулся въ преріи на собаку. Она выла надъ свѣже-взрытой землей. Откопали еще свѣжій трупъ, и узнали Джорджа. Убить онъ былъ въ револьвера въ затылокъ. Не индійская это была работа. Только поясъ срѣзанъ, больше ничего не было тронуто. Даже оружіе закопано тутъ же.

«У могилы слѣды скрыты, а подальше видѣли два слѣда, одинъ некованой, степной лошади, другой кованой легкой подковой. Собака увязалась за транспортомъ, да такъ и осталась у одного вачеро.

«Скоро какъ-то встрѣчаю въ вентѣ Рюба и спрашиваю, не знаетъ ли онъ, что случилось съ Джорджемъ. «А что, развѣ я обязанъ караулить всѣхъ пьяницъ въ преріи?» сказалъ онъ мнѣ, вмѣсто отвѣта, и сталъ набивать трубку изъ знакомаго мнѣ пестраго кисета Джорджа. «А какъ», спрашиваю, «попалъ сюда его кисетъ?» — «Подарилъ», говорить, «на разставаньи, какъ я ѣхалъ въ штаты, а онъ вернулся въ преріи». — «Джорджа убили», говорю: «не ты ли его уходилъ?»

«Онъ взглянулъ на меня звѣреть; потомъ давай жалѣть бѣднаго Джорджа, такъ что даже я чуть не повѣрилъ, что онъ здѣсь непричемъ.

«Я рассказалъ товарищамъ. Хотѣлъ-было вспомнить дѣдушку Линча, да отсовѣтовали: уликъ нѣтъ, что онъ убилъ, а если и убилъ, то, можетъ быть, въ ссорѣ. А кто знаетъ, кто былъ зачинщикъ? Такъ это и осталось».

Послѣ того, какъ всѣ выпили въ память Джорджа, началъ свой разговоръ совсѣмъ молодой авантюристъ, казавшійся, несмотря на свое сильно развитое, мускулистое тѣло, почти юношей.

«Я только-что убѣждалъ въ преріи. Проведя транспортъ въ качествѣ поводыря-матки, я получилъ много денегъ, сколько еще я не видалъ нивогда въ своей жизни. Вмѣстѣ съ другими вачеро, я сталъ кутить въ вентѣ на границѣ. Вачеро, пропивъ деньги, нанялись везти на быкахъ транспортъ въ Калифорнію; меня, ссылаясь на мою молодость, не наняли. Деньги скоро вышли, я пропилъ сѣдло, карабинъ и револьверы. Лошадь была хорошая. Жалко ее стало продавать, а съ перепоею опохмѣлиться такъ и тянетъ, да и ѣсть хочется. Просить у ховяина венты кредита совѣстно. Ну, какъ откажетъ? А если и дастъ, то чѣмъ отдавать долгъ? За молодость въ преріи нанимаютъ неохотно, особенно, когда нѣтъ ни сѣдла, ни оружія.

«Сижу и думаю. Зачѣмъ это было сразу пропивать все? Не-

зачѣмъ было и вовсе пить. Вѣдь полученныхъ денегъ хватило бы надолго. Да стоило ли убѣгать съ фермы, чтобы пропадать въ проклятой вентѣ? Хоть приходилось у отца работать изо дня въ день, да, по крайней мѣрѣ, былъ всегда сытъ, а по воскресеньямъ и повеселиться можно. А теперь что? Нанявшись, мерзни, какъ собака, въ преріи, караулъ матку, да бойся каждую минуту краснокожаго дьявола. Получилъ деньги, — пропилъ. Удовольствія никакого. Голова трещить. Заработка не предвидится».

Видно, и теперь воспоминаніе объ отцовской фермѣ вызвало много жгучихъ, горькихъ мыслей въ молодомъ захмѣлѣвшемъ авантюристѣ. Онъ не успѣлъ еще, подобно другимъ, запрятать воспоминанія о лучшихъ дняхъ, сожалѣніе о безпутно-убиваемой молодости, псдальше, въ самый темный уголокъ сердца. Но скоро, оправившись и хлебнувъ глотокъ виски, онъ продолжалъ:

«Въ это время въ венту пріѣхалъ Рюбъ и заговорилъ со мною. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ предложилъ мнѣ выпить и, смѣясь, сталъ увѣрять, что мое горе пустяки, что онъ мнѣ поможетъ вывернуться, если я общаю ему быть хорошимъ товарищемъ:

«— О деньгахъ хлопотать нечего; у меня у самого теперь два игля, одинъ порѣшимъ сегодня, а другой нуженъ будетъ завтра на дѣло.

«Такъ мы вдвоемъ и покончили игль. Я не могъ нарадоваться, что натенулся на такого славнаго, умнаго товарища. А какъ намъ придется зарабатывать деньги, мнѣ спросить и въ голову не приходило. Лишь бы была работа, а тамъ все равно, какая.

«На утро Рюбъ сказалъ мнѣ, чтобы я собирался съ нимъ ѣхать. Мои сборы были коротки. Съѣлъ на лошадь безъ сѣдла, подвязавъ одно непроплатое одѣяло, и былъ готовъ.

«Въ городѣ Рюбъ далъ мнѣ золотой игль, чтобы размѣнять въ мѣняльной лавкѣ, въ которую мы и вошли. Кромѣ насъ и мѣнялы, никого въ лавкѣ не было. Пока мѣняла, еврей, пробовалъ мой игль и на вѣсъ, и на зубъ, Рюбъ стоялъ молча и понгрывалъ тяжелой серебряной рукояткой ножа, какъ-бы ожидая, пока я выйду. Но какъ только мѣняла открылъ свою конторку, чтобы бросить въ нее мой игль, Рюбъ, ударомъ рукоятки ножа, сбиль его съ ногъ, выхватилъ изъ конторки сколько успѣлъ золотыхъ монетъ, бросился къ выходу и былъ таковъ. Я послѣдовалъ за нимъ. Гнались ли за нами или нѣтъ, окомнился ли мѣняла — не знаю. Съ тѣхъ поръ я не былъ въ томъ городѣ. Далеко въ преріи Рюбъ остановилъ лошадь и сказалъ, ухмыляясь: «у насъ

есть тѣмъ выкупить твое сѣдло и оружіе. Хватить и на добрую выпивку».

«Я-было обрадовался сначала, да раздумье взяло. Совѣсть зашла взять добытыя грабежомъ деньги. Я отказался наотрѣвъ, а что Рюбъ обозвалъ меня осломъ, и, смѣясь, поѣхалъ въ прерію.

«А все же дѣла мои были плохи. Вернулся въ венту, разсказалъ что случилось. Спасибо хозяину и добрымъ людямъ, возвратили сѣдло и оружіе съ тѣмъ, чтобы я отдалъ долгъ при первомъ заработкѣ, и помогли наняться въ вачеро къ піонеру».

Очередь разсказывать дошла до старика, странное поведеніе котораго бросилось мнѣ въ глаза въ то время, какъ Рюбъ пріѣхалъ въ венту.

«Сегодня промыселъ Божій сжалился надо мной и не допустилъ моимъ старымъ рукамъ обогреться кровью себѣ подобнаго. Еслибы тотъ не убилъ Рюба, разбойникъ не ушелъ бы отъ моей пули. Я узналъ этого изверга, какъ только онъ вошелъ, хотя до сегодняшняго дня не былъ увѣренъ, что его зовутъ Рюбомъ. По его милости я потерялъ все, что было дорого моему сердцу, и принужденъ опять на старости лѣтъ таскаться по преріи, пока не попаду подъ томагауэвъ.

«Я служилъ вачеро у одного піонера въ Арканзасѣ, не далеко отъ границы. Когда кругомъ поселились фермеры, выбрали констеблей, завели суды, стало незначѣмъ держать вачеро. Индійцы не смѣли уже переходить границу. Мой хозяинъ распустилъ вачеро и сталъ плантаторомъ. Я долго служилъ у него прежде; мы привыкли другъ къ другу, любили другъ друга. Мнѣ было за пятьдесятъ лѣтъ и уже не хотѣлось толкаться по преріи. Я остался у моего хозяина, или, лучше, друга, управлять плантаціей. Не имѣя своего семейства, я привязался къ семейству хозяина, у котораго было два сына и дочь, и привыкъ считать ихъ интересы своими.

«Восемнадцать лѣтъ вели мы удачно хозяйство. Въ кассѣ накопилось много долларовъ. Да не суждено видно было спокойно умереть подъ крышею красиваго дома, выстроеннаго нами года два тому назадъ; повадился ѣздить къ намъ на плантацію молодой иностранецъ. Онъ крѣпко увивался за Розой, хозяйской дочерью. Видно было, что онъ богатъ, сыпалъ, не жалея, золото, и сумѣлъ такъ обойти старика, что тотъ души въ немъ не чаялъ. Мнѣ онъ былъ сначала не по сердцу. Не нравился онъ и Розѣ, тотъ былъ изъ себя красавецъ и куда какой ловкій на языкѣ. Не лежало въ нему сердце, да и только.

«По торговымъ дѣламъ мнѣ часто случалось бывать на гра-

ницѣ. По старой памяти, зайдешь въ знакомую венту, встрѣтишься съ ребятами изъ пустыни, забудешь свою старость и вутнешь какъ бывало прежде. Такимъ образомъ, я зналъ почти все, что дѣлается въ преріяхъ. Слыхалъ, что между людьми на худомъ счету въ преріи, больше другихъ павостить, какой-то Рюбъ. То ограбить пограничную ферму, то перебить торговцевъ, рѣшившихся пуститься безъ нашихъ молодцовъ въ преріи. И обдѣлываетъ онъ эти дѣла такъ кругло. Никого живьемъ не выпустить, вещей не тронетъ, а оберетъ только деньги. Уликъ, чтобы судить по закону Линча, нѣтъ, а подозрѣніе явно на него; потому что гдѣ есть такое убійство, есть и слѣдъ лошади на стальныхъ подковахъ. А такія подковы видѣли только у гнѣдого коня Рюба. Наши ребята рѣдко вуютъ лошадей, а на стальныхъ подковы почти никогда. А впрочемъ, кто ихъ всѣхъ знаетъ. Есть много молодцовъ, что прачутся въ преріи, не показываясь людямъ; можетъ быть, у кого-нибудь изъ нихъ лошадь кована такими же подковами. А Рюбъ смѣло гуляетъ въ вентахъ и опирается отъ всякихъ обвиненій. Рѣшили, до поры до времени, не трогать его, какъ многихъ другихъ, а все-таки держаться подале.

«Разъ, вернувшись съ границы, застаю на плантаціи обычнаго гостя иностранца. Ъздилъ онъ къ намъ всегда верхомъ и не ставилъ лошадь въ конюшню, а привязывалъ къ столбу у изгороди сада. И на этотъ разъ конь стоялъ на томъ же мѣстѣ. Взглянулъ я на него, такъ какъ будто что-то меня и передернуло. Вспомнились рассказы въ вентѣ. Конь кованъ на легкія стальные подковы. Самъ звѣремъ такимъ и смотреть. Не городскому джентльмену кататься на такомъ конѣ. Подходящее на немъ скакать по преріи. Смотрю, хоть чисто вычищенъ, а все видно, что недавно былъ вѣрно взмыленъ; не на одномъ это десятѣ миль. И въ расчесанномъ хвостѣ забыли вынуть шишку степной колючей травы. Травы этой нѣтъ въ нашихъ мѣстахъ, а растетъ она только далеко въ преріи, на каменистыхъ полянахъ.

«Пошелъ, сообщилъ хозяину. Тотъ только расхохотался.

«Эва важность, говорить, что конь хорошъ, да подковы тонкія. Вѣдь кровныхъ лошадей всегда на хорошія подковы вуютъ.— Мнѣ и самому смѣшно стало. Да только нѣтъ!— Не первый годъ я толкаюсь по бѣлу-свѣту. Приглядѣлся къ разнаго сорта людямъ, а въ лошадакъ, какъ вы вѣрно слышали, понимаю толкъ. Плохо вѣрится, чтобы городской джентльменъ держалъ такого коня. Чужой не подходи; въ конюшню ничѣмъ не заходишь; а понимаешь всякое слово хозяина. Коня не воспитаешь такъ въ городѣ,

гдѣ много сторонняго люда, а выѣздить его такъ можно только постоянно толкаясь по преріи, да и не одинъ годъ.

«Посмотрите на этого коня, что я купилъ сегодня. Онъ самый стоялъ у насъ на плантаціи. Такъ и глядите, чтобы однимъ махомъ проскакать сотню миль прямикомъ черезъ овраги, а не составлять кавалькады съ разряженными леги. А волочка въ хвостѣ? А гдѣ онъ недавно такъ упарился?»

«Посвѣталъ иностранецъ нашу Розу, да отецъ, зная, что онъ не по праву дочери, говоритъ: «я бы съ удовольствіемъ, да дочь несогласна». Хотѣлъ переговорить съ самой Розой, да старикъ отсвѣтовалъ, говоря, что лучше это оставить и *быть попрежнему друзьями*. Какъ звѣрь какой, разсвирѣпѣлъ молодецъ. Вышелъ изъ дома, вскочилъ на коня, и, забывъ всю джентльменскую осанку, понесся прямикомъ черезъ маисъ. Приученъ былъ конь скакать между высокими стеблями. Съ тѣхъ поръ на плантацію онъ не пріѣзжалъ. Хозяинъ справлялся въ городѣ. Говорятъ, уѣхалъ куда-то, какъ и часто уѣзжалъ, а разныя вещи оставилъ въ квартирѣ. Вѣрно скоро вернется. Нѣтъ, дожидайся! Теперь не вернется!»

«Вскорѣ хозяинъ поѣхалъ съ семьей въ С.-Луисъ. Приглянулся тамъ Розѣ молодой плантаторъ изъ Техаса. Не долго мѣшкавъ, сыграли свадьбу. Молодые уѣхали въ Техасъ, а старикъ съ сыновьями вернулся на плантацію. Съ годъ шло у насъ все по старому. Объ иностранцѣ и его конѣ совсѣмъ и думать забыли. Проснувшись разъ ночью, слышу изъ своей комнаты странную суматоху на плантаціи. Собаки такъ и заливаются. Раздаются какіе-то странные стоны и крики, между которыми рѣзко выдѣляется, когда-то хорошо знакомый мнѣ, давно уже забытый, военный крикъ индійцевъ. Не успѣлъ я отдать себѣ отчета, не снится ли мнѣ это, какъ кто-то перевернулъ меня въ постели, скрутилъ такъ, что я не могъ двинуть ни рукой, ни ногой, и потащилъ на дворъ. Смотрю, всѣ наши постройки горятъ. Полный дворъ краснокожихъ таскаютъ что-то изъ дома, поджигаютъ, гдѣ плохо горитъ, и бѣсуются какъ черти въ аду. Скоро вся ватага кинулась къ лошади. Мнѣ заткнули ротъ, прикрутили къ одной лошади и повезли куда-то. Всю ночь и весь слѣдующій день скакали безъ отдыха, и остановились только, когда совсѣмъ стемнѣло въ такой грущобѣ въ горахъ, куда ужъ нивакъ не могла попасть почона. Разложили костеръ и подтащили къ нему меня. Смотрю: мой хозяинъ, его сыновья, человѣкъ пять мужчинъ и двѣ женщины, прислуга, спавшая на плантаціи въ домѣ, была тутъ, захваченная живьемъ. Индійцы были не одного племени. Шайка состояла изъ

разнаго сброда и распоряжался ею бѣлый. Всмотрѣвшись въ него, я узналъ нашего прошлогодняго гостя, иностранца. Закипѣло у меня въ груди, какъ я узналъ человѣка, который за нашу хлѣбъ-соль уничтожилъ плоды нашихъ многолѣтнихъ трудовъ. Попало бы ему отъ меня, еслибы я не былъ связанъ. Хотъ ругнуть бы его хорошенъко, да клѣпъ во рту не давалъ сказать ни слова. Впрочемъ, черезъ минуту отошло; я думалъ, что за жизнь моего хозяина и его семейства бояться нечего. Вѣдь вспомнить же, какъ его хорошо принимали, ласкали у насъ. Вѣдь не скотъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ. Ограбилъ, разорилъ, а вѣрно, коли привезъ сюда, возьметъ слово, что его не выдадутъ, и отпуститъ. А мы снова примемся за хозяйство и скоро поправимъ его.

«Не сбылись мои надежды. По приказанію разбойника, у моего хозяина вынули клѣпъ изо рта. *«Ну, теперь будемъ друзьями»*, говоритъ Рюбъ съ усмѣшкой (теперь я знаю, что это былъ Рюбъ) и указалъ на двухъ женщинъ. Въ минуту два краснокожихъ скальпировали и убили ихъ.

«Что ты дѣлаешь, извергъ?» крикнулъ мой хозяинъ. «*Я бы съ удовольствіемъ, да они несогласны»*, отвѣтилъ его же словами варваръ, кивнувъ на индійцевъ и приказывая убить хозяйскихъ дѣтей. Скальпировали и убили сперва одного, потомъ другого. Не будь я связанъ, зубами разорвалъ бы злодѣя! Страшно было слышать стоны бѣднаго старика. А бездушному извергу они были любы. Онъ только усмѣхался на слезы, просьбы и проклятія отца, на глазахъ котораго рѣзали его дѣтей. Ударъ томагаука прекратилъ отчаяніе моего добраго хозяина. Потомъ перебили прислугу, и очередь дошла до меня. Я сталъ творить молитву, какую вспомнилъ, и закрылъ глаза, ожидая удара.

«Долго ждалъ я. Уже предсмертный хрипъ несчастныхъ убитыхъ совсѣмъ затихъ; не слышно криковъ индійцевъ, только два голоса спорятъ о чемъ-то. Я открылъ глаза и увидѣлъ, что какой-то индѣецъ говоритъ съ Рюбомъ. Лицо краснокожаго алаха мнѣ показалось знакомо, да, впрочемъ, они всѣ на одинъ ладъ. Вслушиваюсь: индѣецъ требуетъ, чтобы по договору одного плѣнника отдали ему на потѣху деревни. Рюбъ не соглашался; однако долженъ былъ уступить. Подѣлили награбленные деньги и вещи, и разѣхались небольшими партіями въ разныя стороны. Меня опять привязали къ лошади, и человѣкъ пять краснокожихъ повели куда-то. Впрочемъ, я хорошо зналъ, куда!

«Отъѣхавъ немного, наша партія остановилась въ узкомъ ущельи, и расположившись на отдыхъ, порядкомъ-таки натанулась ураденной у насъ на плантаціи виски, и заснула въ растяжку.

Не спалось мнѣ въ ожиданіи столба пытки! Вдругъ слышу, кто-то тихонько подкрался ко мнѣ, острый ножъ перехватилъ ремни, крѣпко стягивавшіе мои руки и ноги. Кто-то вынулъ клѣпъ изъ рта, и пока я не успѣлъ еще опомниться и пошевелиться отеками членами, чуть слышимый голосъ прошепталъ: «узналъ ты дуга Миеа-Го?»

«Давно, когда нашъ округъ былъ еще преріей, а Микъ еще юнги ребенкомъ, мнѣ часто случалось охотиться съ нимъ.

«Позже мы захватили въ плѣнъ на разбоѣ шайку краснокожихъ, и съ ними Миеа. Жалею мнѣ стало малаго, и я пособилъ ему бѣжать. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и онъ, хоть краснокожая собака, а не забылъ услуги и, узнавъ меня, пустилъ въ дѣло всю свою хитрость, чтобы выручить стараго друга изъ бѣды. Первый разъ въ жизни пожалъ я отъ души руку индѣйцу, сѣлъ на приготовленную уже лошадь и погналъ, на сколько позволяли силы утомленнаго животнаго, къ границѣ. Въ знакомой вентѣ перемѣнилъ лошадь и поскакалъ поскорѣе въ городъ. Тутъ новое горе.

«Увидавъ пожаръ, сосѣдніе фермеры бросились-было на помощь, да какъ пріѣхали на мѣсто, видятъ, что тушить уже нечего. Догадались, чья это работа.

«Отъ нападеній индѣйцевъ отвыкли уже, да и давно не слышно было, чтобы краснокожіе забирались такъ далеко въ штаты. Пока давали знать въ городъ, пока снаряжали солдатъ, и съзывали охотниковъ, индѣйцы были уже въ преріи, а тамъ, запутавъ слѣды, вѣрно сбили погоню съ толку. Изъ нашихъ молодыхъ не случилось на бѣду никого близко границы. Да вы ужъ слышали объ этой исторіи. Пріѣхавъ я въ городъ. Меня сейчасъ подъ арестъ. Ловить индѣйцевъ не умѣли, а разобрали, что шайку завелъ такъ далеко бѣлый. И слѣдъ сапога нашли между слѣдами мокасинъ. Индѣйцы пробирались сутокъ пять по штатамъ, подвигаясь ночью впередъ, а днемъ прятались въ перелѣсахъ. Видно, вель ихъ человекъ хорошо знавшій мѣстность, да такъ ловко, что ни на одной фермѣ не возбудили ни малѣйшаго подозрѣнія. Порѣшили умныя головы, что вель не иначе какъ свой. А кто дружить съ молодцами въ преріи да съ индѣйцами и часто пьянствуетъ на границѣ? А кто остался какимъ-то чудомъ живъ, когда другихъ перебили? А кто возвратился въ преріи босикомъ и лишился возможности слычить сапогъ съ найденнымъ въ мѣстахъ, гдѣ прятались индѣйцы, слѣдомъ? Выходило, что индѣйцевъ завелъ на плантацію я. Моему разсказу, объ иностранцѣ на гнѣдой лошади и Микѣ, городскіе джентль-

меня, разумѣется, не повѣрили. Правда, другихъ болѣе ясныхъ уликъ не нашлось. Зять моего хозяина, пріѣхавъ узнать на мѣстѣ о случившемся, крѣпко заступился за меня. Онъ зналъ обо мнѣ отъ Розы.

«Когда судъ оправдалъ меня по недостатку уликъ, хозяйскій зять (долженъ быть хорошій человѣкъ) звалъ меня къ себѣ жить на плантацію. Я отказался. Какъ, думаю себѣ, показаться на глаза Розѣ послѣ того, какъ судъ заподозрилъ меня въ убійствѣ ея отца и братьевъ? Да, кромѣ того, какъ явиться мнѣ невредимымъ, мнѣ, обязанному, по давнишнему договору, отдать за нихъ всю свою кровь; мнѣ, не сдумѣвшему не только защитить ихъ, но даже не отыскавшему и не раздѣлавшемуся съ настоящимъ убійцей?

«Вотъ уже шесть мѣсяцевъ толкаюсь я по преріи, рассчитывая наткнуться на изверга. Много слышалъ я разныхъ рассказовъ про Рюба и шевелилось во мнѣ, что это его работа, но не былъ вполнѣ увѣренъ. Только сегодня въ первый разъ я встрѣтилъ его и обдумывалъ, какъ лучше свести съ нимъ старые счеты, когда безъ меня Всемогущій положилъ предѣлъ его преступленіямъ!

«Я купилъ гнѣдаго коня и представляю его въ городъ въ судъ. Надѣюсь, что изъ васъ, джентльмены, найдутся граждане штатовъ, которымъ не грозятъ неприятели въ судѣ. Прошу васъ подтвердить мои показанія въ судѣ, чѣмъ вы можете снять съ меня подозрѣніе въ безчеловѣчномъ поступкѣ, совершенномъ Рюбомъ!».

При послѣднихъ словахъ стараго вачеро, авантюристы переглянулись. Изъ всей толпы оказалось всего человѣкъ пять, которымъ не грозятъ въ судѣ неприятели. Можетъ быть, были и другіе, которымъ нечего было опасаться, но вызвались только пять. Они изъявили полную готовность сопровождать старика и подтвердить его показанія.

Перебранка, предшествовавшая убійству Рюба, происходила на португальскомъ языкѣ, понятномъ для нѣкоторыхъ присутствующихъ. Убійца, котораго никто изъ посѣтителей венты не видалъ прежде, требовалъ настоятельно, чтобы Рюбъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ съ какою-то женщиной; наконецъ, высказалъ свое предположеніе, что Рюбъ убилъ ее. Это-то обвиненіе въ убійствѣ до того взбѣсило Рюба, что онъ, забывъ всякую осторожность, крикнулъ, что пошлетъ допросчика въ его любезной, и далъ два выстрѣла изъ револьвера. Отвѣтныи выстрѣлъ изъ кабина положилъ его самого на мѣстѣ. Почти каждый изъ при

существующихъ знать о какомъ-нибудь походе, приписываемъ Рюбу. Всѣ его убійства и другіе грабежи показывали въ немъ, кромѣ ненасытной алчности, какую-то ничѣмъ необъяснимую жестокость, непонятное озлобленіе противъ попавшихъ въ его руки жертвъ. Многія убійства были совершены повидимому безъ всякой надобности, просто для удовлетворенія страсти къ убійству. Ни въ одномъ изъ разсказовъ не проглядывало ни одной черты того великодушія, можно сказать, того благородства, которыя безпрестанно встрѣчаются въ разсказахъ о похожденияхъ знаменитыхъ русскихъ разбойниковъ и способны, несмотря на ихъ страшныя преступленія, возбудить къ нимъ нѣкоторую симпатію. Изъ слышанныхъ мною въ вентѣ разсказовъ, ни одинъ самый искусный проповѣдникъ не могъ бы выбрать ничего для похвальной надгробной рѣчи. Дядя Бой, считавшій долгомъ сказать что-либо въ похвалу одному изъ своихъ частыхъ посѣтителей, припоминая все, что онъ слышалъ о Рюбѣ, наконецъ, что могъ самъ замѣтить при его частыхъ посѣщеніяхъ, не нашелъ сказать ничего другого, кромѣ того, что, подеутивши, Рюбъ былъ чрезвычайно щедръ; бросалъ золото зря и, когда хотѣлъ, разсказывалъ такія забавныя вещи, былъ такой хорошій собесѣдникъ, что съ нимъ незамѣтно летѣло время. Впрочемъ, прибавилъ дядя Бой, протрезвившись, Рюбъ жалѣлъ о промотанныхъ деньгахъ, дѣлался золъ и угрюмъ и уѣзжалъ, не сказавъ никому ни слова.

Всѣ разсказы относились къ тому времени, когда Рюбъ скитался въ преріяхъ; но не было ничего, что касалось бы его прошлой жизни и могло бы сколько-нибудь выяснить, что побудило человѣка, съ такими привлекательными наружными качествами, съ недюжиннымъ умомъ и познаніями, сдѣлаться такимъ страшнымъ разбойникомъ прерій. Въ разсказахъ не было также ничего, что могло бы разъяснить какъ сегодняшнюю сцену, такъ и присутствіе ребенка, за которымъ этотъ жестокій разбойникъ ухаживалъ съ такою заботливостью и котораго, очевидно, страстно любилъ. Разъясненіе всего этого, вѣроятно, умерло вмѣстѣ съ Рюбомъ.

На мой вопросъ, почему, зная, что Рюбъ такой вредный человѣкъ, до сихъ поръ не приняли мѣръ къ его обузданію и не нашлось никого, кто рѣшился бы остановить такую преступную дѣятельность, мнѣ отвѣчали: вы забываете, что здѣсь вольная пустыня и нѣтъ ничего похожего на администрацію. Всякій прибывшій сюда самъ заботится о себѣ, нисколько не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ, лишь бы они не касались его лично. А ка-

кая кому крайность навязывать себѣ непріятность, преслѣдуя чело-
вѣка, который его не трогаетъ. Положимъ, когда есть очевид-
ныя доказательства, здѣсь существуетъ судъ Линча, и Рюбу не
миновать бы веревки, если бы старикъ раньше узналъ въ Рюбѣ
предводителя шайки индійцевъ, убившихъ плантатора въ преріи.
Но, кромѣ этого случая, преступленія Рюба, несмотря на ихъ
очевидность, не подтверждались точными фактами или были со-
вершены въ предѣлахъ штатовъ, гдѣ есть свой судъ и констебли.
Всякій, совершившій какое бы то ни было преступленіе въ шта-
тахъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть преслѣдуемъ въ пре-
ріи, гдѣ и безъ того есть разбойники, немногимъ уступающіе
Рюбу. Жители преріи, имѣя достаточно основаній подозрѣвать
кого-либо въ разбоѣ, не трогаютъ его, но стараются не имѣть
съ нимъ ничего общаго. Разказы въ вентахъ лучше всякихъ
газетъ опубликуютъ все случившееся по всѣмъ преріямъ, и
ошелюванный такимъ образомъ авантюристъ не найдетъ ни за
что, между сколько-нибудь честными людьми, товарища, кромѣ
выпивки въ вентѣ, гдѣ онъ, какъ на нейтральной почвѣ, можетъ
считать себя въ относительной безопасности. Вы не могли не за-
мѣтить, что тутъ было нѣсколько чело-вѣкъ, которымъ стало не-
ловко, когда заговорили о щекотливыхъ предметахъ и которымъ
встрѣтилась настоятельная надобность разбѣжаться изъ венты.
Это хоть не перваго сорта; но все-таки порядочные астробы.

Мало-по-малу, когда віски произвела свое дѣйствіе, расска-
зы стали путаться и вся компанія, въ кутежѣ которой не прини-
мали участія только дядя Вой, старикъ вачеро, да я, казалось,
забыла причину этой попойки. Никому, даже молодому вачеро,
хвалившемуся за часъ тѣмъ, что онъ отказался отъ денегъ, до-
бытыхъ грабежомъ, не казалось страннымъ, что онъ пьетъ на
воровскія деньги, принадлежавшія чело-вѣку, котораго презиралъ
при жизни и о которомъ на поминкахъ рассказывали самыя не-
лестныя вещи. Но таковъ уже обычай. Если авантюристъ отпра-
вится къ предкамъ въ преріи, не сдѣлавъ никакого распоряже-
нія на счетъ своего имущества, оно пропивается первыми встрѣч-
ными въ ближайшей вентѣ.

Другое дѣло, если умирающій выразилъ свою волю, завѣ-
щавъ что-нибудь кому-либо. Врядъ ли кто изъ обитателей пре-
рій рѣшится не исполнить предсмертнаго распоряженія.

Одинъ изъ подпившихъ скватеровъ настаивалъ, чтобы я при-
нялъ участіе въ ихъ пирующей компаніи. Отговорившись тѣмъ,
что віски мнѣ противна, я поспѣшилъ выдти изъ венты.

Нѣсколько насмѣшекъ и не совсѣмъ лестныхъ эпитетовъ по-

слышались съ разныхъ сторонъ. Но сопровождавшіе меня вачеро приняли мою сторону и успѣли такъ хорошо зарекомендовать меня всей компаніи, что когда я, пройдясь немного по захватительно красивому берегу Ридъ-Ривера, возвратился въ сажень, авантюристы приняли меня очень благосклонно и не приставали съ своими предложеніями выпить. Ужъ вечерѣло. Я съ нѣкоторымъ безповойствомъ думалъ, что придется ночевать внѣ палисада венты, въ обществѣ пьяныхъ рыцарей пустыни. У дяди Боя было заведено, что посѣтителіи могли пить сколько угодно въ салонѣ, а ночевать, во избѣжаніе всякаго соблазна, внѣ венты, которая на ночь тщательно запиралась и во дворѣ спускались огромныя цѣпныя собаки.

Я привыкъ ночевать подь открытымъ небомъ. Меня смущали авантюристы, съ которыми приходилось спать вмѣстѣ. Конечно, судя по ихъ собственнымъ словамъ, они очень хорошіе люди, но когда въ поясѣ порядочная сумма денегъ, необходимая для предстоящихъ работъ, то сосѣдство съ подобными личностями не могло быть мнѣ особеннѣ пріятно.

Дядя Бой какъ будто угадалъ мои мысли и, подойдя, обратился ко мнѣ съ такими словами:

«Я полагаю, вамъ, какъ непостоянному жителю преріи, будетъ не совсѣмъ удобно ночевать внѣ венты, потому позвольте мнѣ просить васъ въ себѣ въ гости. Вамъ это будетъ спокойнѣе, да и моя семья будетъ рада поговорить съ городскимъ джентльменомъ». Подозрѣніе, не скрывается ли подь этой любезностью метка какого-нибудь умысла на мой поясъ, промелькнуло у меня въ головѣ. Но вспомнивъ, что если со мной что-либо случится, хозяину венты придется не совсѣмъ ловко раздѣлываться съ сопровождающими меня вачеро и ихъ товарищами, я не заставилъ дядю Боя повторять свое приглашеніе, и прошелъ съ нимъ на домашнюю половину. Несмотря на то, что часть венты, въ которой жило семейство хозяина, была выстроена такъ же, какъ и вся вента, съ единственной цѣлью защититься отъ непогоды и имѣть возможность выдержать нападеніе, я не могъ не изумиться комфорту, даже изяществу и порядку, царствующимъ въ домашней половинѣ. Очевидно, заботливая рука женщины хлопотала о приданіи тремъ-четыремъ просторнымъ комнатамъ возможно изящной обстановки.

Узкія кривыя окна были полузакрыты бѣлыми гардинами съ красивою цвѣтною вышивкою. Вьющееся растеніе въ родѣ плюща, усыянное розовыми, голубыми и бѣлыми цвѣтами, закрывало почти сплошь нештукатуренныя стѣны, образовало сводъ и скрывая отъ

глаза неровности камней и неотесанные бревна потолка, придавало комнатамъ видъ бесѣдки. Очень недурныя хромолитографiи, развѣшанныя по стѣнамъ, были со вкусомъ обложены вѣтвями, изъ-за которыхъ производили отличное впечатлѣнiе на глаза. Мягкая, уютная мебель составляла разительный контрастъ съ грубыми столами и табуретами салона. Нельзя сказать, чтобы эта мебель отличалась изяществомъ и новизною, но содержалась въ замѣчательномъ порядкѣ и была разставлена съ большимъ вкусомъ. Красивый коверъ покрывалъ полы.

Все въ этой части жилища дяди Боя напоминало о присутствiи элемента, чуждаго дикой жизни и грубымъ нравамъ прерiи. На меня эта обстановка не могла не произвести особенно благоприятнаго впечатлѣнiя, тѣмъ болѣе, что я во время своихъ скитаний по западнымъ окраинамъ Союза давно уже не бывалъ въ сколько-нибудь комфортабельно устроенной комнатѣ. Впечатлѣнiе, произведенное обстановкой, усиливалось семейной картиной, возможной только далеко, за нѣсколько сотъ миль отъ этой пустынной прерiи съ ея индiйцами и авантюристами. Трудно вѣрить, чтобы одна стѣна отдѣляла это мирное убѣжище отъ салона венты, гдѣ недавно, на глазахъ нѣсколькихъ десятковъ людей, совершено убiйство и гдѣ теперь еще пируетъ ватага авантюристовъ, собравшихся здѣсь Богъ знаетъ откуда, проводившихъ свою жизнь Богъ знаетъ какъ и рискующихъ каждую минуту попасть подъ томагаукъ индiйца или подъ пулю разбойника.

Семейство дяди Боя было въ сборѣ въ одной изъ комнатъ. Хозяйка и двѣ старшiя дочери шли у стола. Одинъ изъ сыновей хозяина, красивый молодой человекъ лѣтъ 18-ти, у котораго только нѣсколько вьющiеся волосы выдавали смѣшанную кровь, читалъ что-то вслухъ, лежа на кушеткѣ. Человекъ шесть дѣтей, отъ 13-ти до пятилѣтняго возраста, сидѣли чинно за большимъ столомъ, занимаясь, кто вырѣзываньемъ лошадокъ изъ бумаги, кто рисованiемъ, кто переписываньемъ каллиграфическихъ прописей. Вновь принятый членъ семейства спалъ въ люлькѣ, оказавшей поочередно свои услуги всему юному поколѣнiю обитателей венты.

Дядя Бой послалъ чтеца на свое мѣсто въ салонъ, и съ видомъ очень уставшаго человека опустился на кушетку. Лицо его приняло самое добродушное, веселое выраженiе. Трудно было повѣрить, чтобы это былъ тотъ самый дядя Бой, невозмутимо возсѣдавшiй въ качающемся креслѣ за стойкой, у котораго ни одинъ мускулъ лица, ни одинъ взглядъ не выдаетъ его мыслей, что бы ни совершалось передъ его глазами. Дядя Бой отрекомендо-

валъ меня своему семейству, какъ недавно прибывшаго въ Америку изъ Россіи.

«Мнѣ очень пріятно познакомиться,—обратилась ко мнѣ хозяйка,—съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ изъ страны, гдѣ рабство уничтожено безъ кровопролитія. Здѣсь не часто встрѣчаются русскіе. Да и тѣ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, уже давно покинули свое отечество и не могли ничего сообщить о тѣхъ интересныхъ перемѣнахъ, которыя произошли тамъ въ послѣднія десять лѣтъ».

Я не могъ не удивиться, услыхавъ такое привѣтствіе отъ хозяйки одинокой венты въ пустыняхъ дальнаго Запада, жены неграмотнаго метиса, и чуть было не высказалъ громко своего удивленія. Взглянувъ на столъ, я увидѣлъ большую кучу недавно полученныхъ журналовъ и газетъ, а въ углу стоялъ шкафъ, наполненный книгами. Очевидно, жена и дѣти дяди Боя получили лучшее образованіе, чѣмъ метисъ, и не забывали книгъ въ своей затворнической жизни въ пустынѣ. Дальнѣйшее знакомство съ хозяйкой и дочерьми подтвердило мои догадки. Оказалось, что жена дяди Боя, прежде чѣмъ выйти за него замужъ, воспитывалась вмѣстѣ съ дочерьми плантатора, бывшаго и ея отцомъ. Въ преріи сначала она обучала своихъ старшихъ дѣтей грамотѣ и приготавлиала къ поступленію въ школу, куда ихъ отсылали поочередно по достиженіи 12-ти лѣтъ. Обученіемъ младшихъ дѣтей занимаются теперь старшія дочери, получившія образованіе въ С.-Люисѣ, въ какомъ-то частномъ пансіонѣ. Въ вентѣ онѣ выписываютъ нѣсколько журналовъ и газетъ (доходящихъ, правда, не совсѣмъ своевременно и аккуратно до венты черезъ авантюристовъ), и, окончивъ дневныя занятія, по вечерамъ, читаютъ вслухъ. Дядя Бой очень любитъ присутствовать на этихъ домашнихъ литературныхъ вечерахъ, но необходимость неотлучаться изъ салона часто лишаетъ его этого удовольствія.

Жительницы венты, удаленной на нѣсколько сотъ миль отъ границъ цивилизованныхъ штатовъ, знали больше о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и даже у насъ, въ Россіи, чѣмъ многія изъ русскихъ женщинъ, живущихъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ большихъ русскихъ центровъ. Незнаніе своеобразной русской жизни мѣшало моимъ новымъ знакомымъ вполне понимать все значеніе реформъ, произведенныхъ въ Россіи. Эти реформы особенно интересовали ихъ, какъ мнѣ казалось, потому, что въ числѣ ихъ было уничтоженіе крѣпостнаго права, или рабства, какъ онѣ понимали. А все касающееся до уничтоженія рабства не можетъ не интересоватъ цвѣтныхъ обитателей

Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ юридически также уничтожено рабство, и по закону цвѣтные граждане имѣютъ одинаковыя права съ бѣлыми, но гдѣ на практикѣ еще не скоро водворится полная равноправность и бѣлые не будутъ себя считать принадлежащими въ высшей расѣ, и давать это чувствовать цвѣтнымъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Я постарался, какъ могъ, разъяснить имъ разницу между вѣрнопостнымъ правомъ и рабствомъ южныхъ штатовъ, преимуществу надѣленія землею передъ простымъ личнымъ освобожденіемъ и другія не совсѣмъ ясныя для слушательницъ вопросы.

Дядя Бой, замѣтивъ, что нашъ разговоръ долженъ также интересоватъ его сына, Вильяма, и можетъ принести ему нѣкоторую пользу, ушелъ, повидимому, не совсѣмъ охотно, замѣнивъ его за стойкой въ салонѣ. Незамѣтно прошелъ вечеръ. Послѣ вкуснаго ужина я простился съ лэди, при помощи Вильяма наполнивъ свою лошадь, задалъ ей кормъ, и отправился въ комнату, гдѣ спали сыновья дяди Боя. Вильямъ указалъ мнѣ на приготовленную кровать, сказавъ, что эта кровать его старшаго брата Артура.

— А гдѣ же самъ Артуръ?—спросилъ я.

— Онъ уже скоро годъ какъ въ штатахъ, работникомъ на фермѣ.

На мой вопросъ, зачѣмъ Артуръ поступилъ на ферму, и почему самъ Вильямъ остается въ вентѣ, онъ отвѣчалъ, что Артуръ учится хозяйству, а когда вернется, то очередь будетъ за нимъ, Вильямомъ. Теперь же надо кому-нибудь помогать отцу.

Передъ тѣмъ какъ ложиться, Вильямъ распредѣлилъ между братьями очередь караула въ верхнемъ этажѣ венты. По прошествіи двухъ часовъ, от караулившей свое время мальчикъ будилъ слѣдующаго, который бралъ съ собой изъ кухни очереднаго прислужника и отправлялся смотрѣть, нѣтъ ли чего подозрительнаго въ окрестностяхъ венты.

Несмотря на удобную постель и чистое бѣлье, я долго не могъ заснуть. Прошедшій день, полный столькихъ разнообразныхъ впечатлѣній, не могъ не привести меня въ нѣсколько возбужденное состояніе.

Меня занимали вопросы: какимъ образомъ могутъ здѣсь, въ преріи, уживаться рядомъ, часто въ одномъ человѣкѣ, самыя противоположныя контрасты? Какимъ образомъ авантюристы, по большей части вынужденные бѣжать изъ цивилизованнаго общества вслѣдствіе очень неблагоприятныхъ поступковъ, даже преступлений, вырабатываются здѣсь въ вачеро, пользующихся репута-

дѣю честности, которая уже подтвердилась не разъ на моихъ глазахъ?

Затѣмъ, какъ могутъ эти люди, согласные лучше погибнуть, чѣмъ позволить себѣ что-либо похожее на грабежь, воровство или убійство, находить удовольствіе въ безумномъ пьянствѣ, въ обществѣ самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ и негодяевъ, и хладнокровно присутствовать при совершеніи возмутительныхъ насилій, выслушивать такія предложенія, какъ убійство ребенка, наконецъ, и пропивать деньги, оставшіяся послѣ убитаго, отъявленнаго разбойника?

Какимъ образомъ жена метиса—образованная женщина, сьумѣвшая въ дикой пустынѣ дать человѣческое воспитаніе дѣтямъ? Наконецъ, что это за личности: разбойникъ Рюбъ и хозяинъ венты, дядя Бой?

Рюбъ—несомнѣнно человѣкъ, получившій хорошее образованіе, что не мѣшаетъ ему грабить и рѣзать кого ни попало. Изъ всѣхъ его похожденій въ преріи видно, что онъ заглушилъ въ себѣ всякое человѣческое чувство, а между тѣмъ онъ возитъ при себѣ и окружаетъ нѣжною заботливостью грудного ребенка?

Въ дядѣ Бой я видѣлъ, казалось, двухъ совершенно различныхъ людей: безстрастнаго, жаднаго содержателя венты, заботящагося только о томъ, чтобы въ его выручку попало побольше иглей, хладнокровно обирающаго убитаго и выкидывающаго его въ рѣку, и въ то же время хорошаго, добраго семьянина, умѣющаго при случаѣ не только сжалиться надъ беззащитнымъ ребенкомъ, взять его къ себѣ на воспитаніе, но и отказаться, въ пользу того же ребенка, отъ тысячи долларовъ, которыми онъ могъ бы воспользоваться, согласно волѣ завѣщателя. Что побуждаетъ, наконецъ, этого страннаго человѣка сидѣть въ своей вентѣ?

Какъ я слышалъ, содержатели вентъ на границахъ, а особенно въ самыхъ преріяхъ, въ нѣсколько лѣтъ наживаютъ большіе капиталы. Оно и не мудрено. Вѣдь всѣ деньги вачеро, другихъ авантюристовъ и скватеровъ остаются здѣсь. Рядомъ идетъ торговля съ индійцами. Дядя Бой около 20-ти лѣтъ торгуетъ въ вентѣ. Его вента считается самою прибыльною, такъ какъ здѣсь скватеры обыкновенно вяжутъ свои большіе плоты изъ пригнаннаго съ верховьевъ лѣса. Партіи скватеровъ, одна за другой, проживаютъ здѣсь по нѣсколькимъ днямъ и не упускаютъ случая по пьянствовать.

Здѣсь же самая удобная переправа, и хозяинъ каждаго проходящаго транспорта считаетъ не премѣннымъ долгомъ дать своимъ вачеро по пьянствовать денѣкъ-другой въ знаменитой вентѣ. Кромѣ

того, авантюристы и индійцы, бродящіе по преріи, очень любятъ эту венту, свозятъ сюда шеуры убитыхъ животныхъ, какія имѣются, деньги, и уѣзжаютъ безъ шеуръ и денегъ, съ тяжелыми отъ виски головами.

Должно быть, дядя Бой сколотилъ-таки порядочный капиталъ, съ которымъ могъ бы жить въ свое удовольствіе въ какомъ-нибудь городѣ, а между тѣмъ цѣлый день торчитъ въ грязномъ салонѣ.

Мало-по-малу гуль-голосовъ, долетавшій изъ салона, сталъ менѣе явственъ, мои мысли начали путаться и я заснулъ.

На другой день я проснулся, несмотря на пріобрѣтенную уже привычку вставать до свѣта, когда было совсѣмъ свѣтло. Спавшіе въ одной со мной комнатѣ тихонько вышли. По шуму, который слышался съ той стороны, гдѣ была домашняя кухня, можно было догадаться, что хозяйки уже встали. Пospѣшивъ на дворъ, я увидѣлъ, что мои вачеро, совершенно трезвые, уже убрали своихъ лошадей и кончили чистить мою.

Съ ихъ стороны это была большая любезность. Вообще вачеро, нанявшись къ кому-либо, способенъ позволить разрѣзать себя на куски, защищая хозяина, не пожалѣетъ ни себя, ни своей лошади, чтобы исполнить малѣйшее приказаніе, входящее или только касающееся договора при наймѣ, во ни за что не согласится исполнить что-либо изъ тѣхъ занятій, которое составляетъ спеціальность слуги. Вачеро не станетъ разсѣдывать или убирать лошадь хозяина, не подержитъ лошади, если она не даетъ садиться; поможетъ снять сапоги только въ томъ случаѣ, если хозяинъ будетъ раненъ или внезапно тяжело заболѣетъ. Это относится только до стороннихъ нанимателей. Другъ другу вачеро оказываютъ эти мелкія услуги, не считая ихъ унижительными. Оказалось, что, освободивъ ихъ вчера отъ караула моей особы и моего пояса, и взявъ эту обязанность на себя лично, я, вопреки собственному ожиданію, поступилъ очень дипломатично. Вачеро признали меня достойнымъ быть ихъ товарищемъ и оказали мнѣ маленькую товарищескую услугу, къ которой еще наканунѣ я не могъ бы ихъ ничѣмъ принудить. Кромѣ того, какъ я узналъ впоследствии, я обязанъ былъ рекомендаціи моихъ спутниковъ въ любезномъ приглашеніи дяди Боя. Онъ чрезвычайно остороженъ и принимаетъ кого-либо къ себѣ на домашнюю половину очень рѣдко, только тогда, когда у него разсѣются всякія сомнѣнія относительно приглашеннаго. Когда я отказался пить съ авантюристами и ушелъ изъ венты, чѣмъ подалъ поводъ къ разнаго рода насмѣшкамъ авантюристовъ, мои спутники заступились за

меня, съумѣли зарекомендовать меня съ отличной стороны передъ авантюристами и, ловко воспользовавшись моими хорошими отношеніями съ семействомъ патрона, выставить въ глазахъ дяди Боя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Поблагодаривъ за услугу, я пособилъ свѣтѣмъ вчеро задать лошадамъ кормъ и вошелъ въ отворенную уже венту.

Дядя Бой толковалъ съ четырьмя старыми скватерами. Увидя меня, онъ сказалъ, что трое изъ нихъ согласны помочь мнѣ устроить переправу. Ихъ партіямъ, въ ожиданіи товарищей съ верховьевъ, все равно, дѣлать нечего въ теченіи нѣсколькихъ дней. Считаая устройство постоянной хорошей переправы дѣломъ общепользымымъ, они не желаютъ брать никакой платы. Разумѣется только, что я долженъ угостить ихъ молодыхъ людей, чтобы веселѣе было работать.

Пока уговаривались о приблизительномъ количествѣ напитковъ и кушаній, потребныхъ на ежедневное угощеніе, въ венту собрались чуть ли не всѣ скватеры съ берега рѣки. Молодые скватеры не вмѣшивались въ торгъ, предоставляя начальникамъ партій рѣшать дѣло по своему усмотрѣнію.

Когда договоръ былъ заключенъ и скрѣпленъ взаимнымъ рукопожатіемъ, о немъ было сообщено остальнымъ скватерамъ.

Четвертый старикъ, сидѣвшій съ дядей Боемъ, объявившій еще до моего прихода, что считаетъ для себя неудобнымъ участвовать въ устройствѣ переправы, все время молчалъ. Когда договоръ былъ заключенъ, онъ попросилъ его выслушать, и, оговорившись, что, конечно, не его дѣло вмѣшиваться въ чужія дѣла, но какъ одинъ изъ старшихъ лѣсопромышленниковъ, онъ считаетъ долгомъ высказать, что его товарищи собираются дѣлать большую глупость, помогая въ устройствѣ переправы. Затѣмъ, онъ упрекалъ другихъ скватеровъ въ томъ, что когда, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, предлагалъ устроить прочную переправу, его предложеніе было отвергнуто. Тогда скватеры, на общемъ совѣтѣ, рѣшили, что усиленный наплывъ бѣлыхъ въ эти мѣста вредно повліяетъ на выгодность лѣсного промысла, и положили всѣми силами препятствовать этому наплыву. А теперь стоило только явиться горожанину и показать боченокъ виски, тѣ же скватеры съ радостью помогаютъ усиленію сообщенія съ тѣмъ берегомъ рѣки. Погодите, говорилъ онъ, вы собственными руками проложите сюда дорогу городскимъ торгашамъ. Горько придется вамъ расказываться, какъ сюда нагрянутъ землѣвры, судьи, констебли, раздѣлятъ лѣса на участки и не оставятъ намъ ни дюйма свободнаго мѣста.

Напрасно дядя Бой доказывалъ, что въ пятнадцать лѣтъ обстоятельства измѣнились, что скватеры и безъ того не въ состояніи помѣшать наплыву бѣлыхъ. Да и бесполезно мѣшать, такъ какъ у береговъ, въ южной части рѣки, лучшей лѣсъ уже вырубленъ, а теперь рубку производятъ на верховьяхъ, въ горахъ, куда врядъ ли скоро пойдутъ переселенцы. Упрямый старикъ остался при своемъ мнѣніи и, отозвавъ людей своей партіи, ушелъ въ венты на рѣку. Скватеры, не сказавъ ни слова, повиновались своему предводителю, хотя уходили съ видимымъ неудовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что, по моему приказанію, прислуга начала готовить завтракъ для вступившихъ въ договоръ трехъ партій. Имѣя въ виду работу, за завтракомъ скватеры пили умѣренно, рассчитывая наверстать вечеромъ, за ужиномъ.

Еще наканунѣ, осмотрѣвъ мѣсто, гдѣ предполагалось устраивать переправу, и посоветовавшись съ моими спутниками, я, по причинѣ переизвиваго дна и теченія рѣки, въ которой послѣ дождей вода сильно поднималась, нашелъ неудобнымъ строить мостъ, а рѣшилъ сдѣлать четыре прочныхъ плота или паромы, которые можно бы было передвигать отъ одного берега рѣки до другого помощью постоянныхъ канатовъ, протянутыхъ поперекъ рѣки.

Потому, послѣ бревеста, отправились въ лѣсъ заготовлять бревна для предстоящей работы.

II.

Устройство паромовъ.—Работа скватеровъ.—Столкновеніе съ начальникомъ скватеровъ и мировая.—Прошедшее метиса и кварталонки.—Доставка книгъ въ прерію.—Уравненіе правъ цвѣтныхъ съ бѣлыми.—Благодѣтельный пансіонъ.—Мечты метиса.—Расовая нетерпимость бѣлыхъ къ цвѣтнымъ.—Переселеніе богатаго пювера въ дикую прерію.—Каравль переправы.

Устройство переправы черезъ рѣку въ пустынѣ представляетъ много затрудненій по трудности рубить, тесать вѣвовыя деревья и перетаскивать ихъ на берегъ по неровной мѣстности.

Я думалъ провозиться за устройствомъ четырехъ хорошихъ плотовъ, при помощи 60-ти человѣкъ, по крайней мѣрѣ недѣли три, но, приступивъ къ работѣ и увидавъ, какъ принялись за нее скватеры, я убѣдился въ невѣрности своего расчета, такъ какъ при быстротѣ, съ которою работали скватеры, плоты могли быть спущены въ воду, снабжены канатами и пр., дней въ десять, много въ двѣнадцать.

По совѣту начальниковъ партій, было рѣшено употребить на плоты сосновыя деревья, имѣющія передъ дубомъ, орѣхомъ и другими огромныя преимущества. Именно: смолистая сосна не скоро гниетъ въ водѣ; по своей относительной легкости, не такъ сильно грузнетъ въ воду при намочаніи, чѣмъ даетъ возможность плотамъ поднимать бблшій грузъ и, наконецъ, сватары, вкрутивъ самый цѣнный лѣсъ у береговъ Ридъ-Ривера, не тронули сравнительно малоцѣнной сосны. Поэтому сосновыя деревья, годныя для устройства плотовъ, могли быть найдены почти у самой воды, что значительно облегчало работу.

Плоты устроиваются такъ: толстыя бревна тешутся съ трехъ сторонъ. Въ нихъ просверливаютъ отверстія, въ которыя впускаютъ, скативъ уже бревна въ воду, нетолстыя, но крѣпкія тиковыя иглицы. Надѣтыя на палицы бревна, обращенныя нетесаной стороной въ водѣ, плотно сдвигаются и скрѣпляются между собою желѣзными скобами. Съ обѣихъ сторонъ плота, по концамъ бревенъ, укрѣпляются орѣховыми шпигелями толстыя дубовыя поперечины. Скрѣпляя плотъ, эта же поперечина служитъ основаніемъ стойкамъ и продолбленнымъ столбамъ. Къ стойкамъ прилажены три или четыре ряда съѣмныхъ перекладинъ, образующихъ разборчатую изгородь вокругъ плота. Въ отверстія, продолбленныя въ столбахъ и снабженныя блоками, продѣваются два каната, одинъ по одну сторону плота, другой по другую. Канаты, свитые изъ крѣпкихъ стеблей лианы, протянуты съ одного берега на другой и наврочены концами на прочно утвержденныя въ землѣ столбы. При такомъ устройствѣ плотовъ или паромовъ можетъ быть предпринята переправа безъ всякой опасности. Значительная поверхность плота не позволяетъ ему погружаться въ воду, въ случаѣ еслибы нагрузка была произведена неравномѣрно. Высокая изгородь изъ перекладинъ не допускаетъ упасть въ воду или опрокинуть туда фургонъ и перевозимыхъ животныхъ, еслибы они и вдумали метаться отъ испуга. Человѣкъ четырехъ или пяти достаточно, чтобы подвигать нагруженный плотъ. Размѣры плотовъ должны имѣть около шестидесяти футъ длины и ширины, т.-е. на четыре плота нужно было срубить и обтесать до 100 штукъ сосновыхъ бревенъ 60-ти футъ длины и не менѣе двухъ съ половиною футъ толщины.

За эту работу мы и принялись, придя въ лѣсъ изъ венты. Весело было смотрѣть, какъ взялись за дѣло сватары. Незачѣмъ было понуждать ихъ къ работѣ. Не представлялось никакой надобности употреблять обычныя уловки, неизбѣжныя при рабочихъ другого закала, чтобы поддерживать въ нихъ энергію

и охоту къ работѣ. Стѣбало только объяснить въ чемъ дѣло, и можно было вполне положиться на скватеровъ. Стоить ли тутъ хозяинъ или нѣтъ—работа кипитъ въ привычныхъ сильныхъ рукахъ и исполняется одинаково добросовѣстно.

Съ веселою пѣснью всаживали скватеры свои широкіе топоры въ твердое дерево, будто въ мягкое тѣсто, и отхватывали безъ всякаго усилія огромныя щепы. Несмотря на свое массивное, тяжелое тѣлосложеніе, взбирались, съ легкостью кошки или обезьяны, на самыя вершины деревьевъ, опутывали верхніе сучья канатомъ, спускались внизъ и съ трескомъ валили подрубленныхъ у корня вѣковыхъ гигантовъ на землю. Не видавъ собственными глазами, трудно повѣрить, съ какою быстротою производилась рубка и валка деревъ. Обтесыванье бревенъ шло также быстро. Однимъ взмахомъ топора скватеръ отскальзывалъ щепы въ нѣсколько футъ длиною, годныя пожалуй на постройку. Правда, обтесанныя стороны бревна не выходили изъ-подъ топора скватера такъ гладки, ровны, какъ изъ-подъ топора хорошаго русскаго плотника, да намъ и не нужна была очень чистая работа.

Только глядя на работу скватеровъ, можно уяснить себѣ, какъ быстро исчезаютъ непроходимыя лѣса на берегахъ рѣкъ, не очень удаленныхъ отъ заселенныхъ штатовъ. А вырубка лѣсовъ, производимая скватерами, необходима для успѣшнаго развитія земледѣлія въ территоріяхъ и для распространенія въ нихъ цивилизаціи. Хотя преріи, покрытыя большую часть года высокою травою, не представляютъ для переселенца тѣхъ трудностей въ устройствѣ полей, какъ лѣса по берегамъ рѣкъ, однакою блогаузы и фермы, хозяева которыхъ намѣреваются заниматься хлѣбопашествомъ, предпочитаютъ трудную очистку полей изъ-подъ лѣса разработкѣ преріи. Причиною этому служить то обстоятельство, что въ открытыхъ преріяхъ часто свирѣпствуютъ сильныя ураганы и снѣжныя метели зимою, а лѣтомъ, за исключеніемъ небольшого числа хорошо закрытыхъ горами мѣстностей, какъ, на примѣръ, Индіанъ-Территори, бывають такія сильныя засухи, что всякая растительность выгораетъ. Положимъ, что послѣ перваго дождя трава даетъ новые побѣги, но жатва погибаетъ безвозвратно. Поэтому въ открытой преріи селятся преимущественно тѣ хозяева, которые занимаются скотоводствомъ и имѣють небольшія запашки.

Въ лѣсахъ, по близости рѣкъ, нѣтъ тѣхъ урагановъ и, вслѣдствіе близости воды, не бываетъ сильныхъ засухъ.

Но лѣса американскихъ пустынь представляютъ такія трудности, такую сплошную массу колоссальныхъ деревьевъ, перепле-

тенныхъ сверху до низу всевозможными вьющимися растеніями, или ліанами, что фермерамъ, особенно переселенцамъ изъ Европы, врядъ ли удалось бы съ успѣхомъ отнимать отъ лѣса нужныя подъ поля пространства, еслибы прежде скватерскій топоръ не прогулялся по этимъ вѣковымъ лѣсамъ, оставивъ въ нихъ огромныя скорогніющіе пни, дупловатыя легко сжигаемыя деревья, и сравнительно мелкій лѣсъ, съ которымъ легко справиться обыкновенному дровосѣку.

Независимо отъ той услуги, которую оказываютъ скватеры, подготавливая, такъ сказать, лѣса для прочнаго водворенія въ нихъ цивилизаціи бѣлыхъ, глядя на ихъ способъ, умѣнье и охоту работать, невольно почувствуешь уваженіе къ этимъ людямъ и забудешь многіе весьма крупныя недостатки, присущіе скватерамъ.

Стороннему наблюдателю, приходящему въ близкое столкновеніе съ жителями пустыни, не можетъ не броситься въ глаза одна отличительная черта ихъ характера. Эта черта, отчасти присущая всѣмъ американцамъ, но нѣсколько сглаженная, такъ сказать, отшлифованная у жителей заселенныхъ штатовъ, развита рѣзко у обитателей пустыни, особенно у скватеровъ. Именно, они ничего не дѣлаютъ вполонину. Рѣшившись разъ на что-нибудь, они упорно преслѣдуютъ опредѣленную цѣль, ни подъ какимъ видомъ не допуская уклоненій въ сторону, и прекращаютъ свою дѣятельность не иначе, какъ достигнувъ цѣли или встрѣтивъ непреодолимое препятствіе. Въ послѣднемъ случаѣ они безъ сожалѣнія тотчасъ же бросаютъ неудачное дѣло и съ удвоенной энергіей принимаются за другое. Этой стойкости или твердости нельзя назвать упрямствомъ, такъ какъ скватеръ, придя разъ къ убѣжденію, что затѣянное имъ дѣло почему-либо потеряло разумное основаніе или было невѣрно рассчитано, не станетъ его продолжать и не постыдится сознаться въ своей ошибкѣ. Во всякомъ дѣлѣ, въ каждомъ поступкѣ, начиная отъ самаго важнаго пустяговъ, проглядываетъ та же твердость и совершенное отсутствіе нерѣшительности, ложнаго стыда, вилянья, если можно такъ выразиться.

Скватеры, менѣе чѣмъ кто-либо, могутъ опасаться индійцевъ, но разъ они пришли къ заключенію, что индійцы зловредныя собаки, которыхъ должно уничтожать — и нието съ такимъ упорствомъ не истребляетъ краснокожихъ. Придя къ заключенію, что лѣсъ на корнѣ не можетъ быть собственностью какаго-либо лица, а принадлежитъ тому, кто его срубитъ, они считаютъ себя вправѣ рубить лѣсъ, гдѣ бы онъ ни росъ, и готовы поддерживать это право

всѣми средствами, даже открытою силой, уступая только въ тѣхъ случаяхъ, когда становится невозможнымъ одержать верхъ.

Опредѣливъ себѣ время для пьянства, скватеръ пьянствуетъ, забывъ все на свѣтѣ. Но за то если примется работать, то работаетъ съ увлеченіемъ, съ любовью, предается безраздѣльно дѣлу, забывая все, даже виски, кромѣ своей работы.

Благодаря этой чертѣ характера, въ партіяхъ скватеровъ царствуетъ строгая дисциплина и порядокъ.

Трудно сдѣлаться начальникомъ партіи скватеровъ. Нужно въ теченіи многихъ лѣтъ доказать свое умѣнье работать и вести дѣло, приучить скватеровъ уважать себя. Но разъ они изберутъ кого-либо, обыкновенно опытнаго старика, въ начальники на извѣстный срокъ, они оказываютъ ему слѣпое повиновеніе. Всякое распоряженіе начальника исполняется тотчасъ же безпрекословно. Но и начальникъ партіи долженъ быть остороженъ и не употреблять во зло своей власти, не то, по истеченіи срока, ему придется раздѣливаться съ обиженными и уже никогда не быть избрану въ начальники.

Не должно однако думать, чтобы скватеры сознательно работали въ себѣ эти качества. Скорѣе они явились вслѣдствіе исключительной обстановки и искони укоренившагося обычая. Вообще, скватеры крайне неразвиты нравственно, грубы, вспыльчивы и склонны къ насилию. Всю жизнь свою проводятъ они въ тяжелой работѣ для наживанія денегъ, употребляя ихъ единственно на пьянство, которому по своей неразвитости они предаются почти во все время, свободное отъ работы.

Какъ я уже сказалъ, устройство переправы шло успѣшнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Цѣлый день приходилось мнѣ быть въ лѣсу на работахъ, а вечера я проводилъ на домашней половинѣ венты дяди Боя, съ семействомъ котораго сошелся какъ нельзя лучше. Такимъ образомъ, я могъ быть вполне доволенъ своимъ положеніемъ, еслибы меня не смущало одно неприятное обстоятельство, могшее не только повредить успѣшному устройству паромовъ, но окончательно дискредитировать меня въ глазахъ обитателей преріи.

Старый скватеръ, отказавшійся принять участіе въ устройствѣ переправы, за что-то возненавидѣлъ меня и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы рассорить меня съ другими скватерами или, по крайней мѣрѣ, уронить въ ихъ мнѣніи и надѣлать мнѣ неприятностей. Я полагаю, что это онъ дѣлалъ потому, что его подчиненные, хотя и не высказывали неповиновенія, но были видимо недовольны тѣмъ, что онъ не позволилъ имъ участвовать

въ постройкѣ плотовъ. Старикъ началъ съ того, что приходилъ на мѣсто работы и, оговариваясь постоянно, что хотя, конечно, это и не его дѣло и, ссылаясь на свою старость и опытность, находилъ всѣ дѣлаемые мною распоряженія никуда негодными, и не жатѣль разныхъ эпитетовъ и насмѣшекъ на мой счетъ, когда я куда-нибудь отлучался.

Видя, что я не обращаю никакого вниманія на его замѣчанія и не желаю затѣвать ссоры, онъ перемѣнилъ тактику. Собралъ свою партію, онъ нарочно приходилъ въ венту тогда, когда нашъ завтракъ кончался; затѣвалъ кутежъ, интересные разговоры, стараясь соблазнить другихъ скватеровъ и удержать ихъ отъ работы. Разъ, какъ-то, когда я напомнилъ скватерамъ, что пора идти приниматься за дѣло и они дѣйствительно собрались уходить, старикъ уже въ глаза выругалъ меня пожирателемъ капусты, какъ въ насмѣшку зовутъ нѣмцевъ (онъ упорно продолжалъ считать меня нѣмцемъ), и поднялъ насмѣхъ скватеровъ, выбравшихъ себѣ, по его словамъ, въ начальники какого-то мальчишку изъ горожанъ. Боясь затѣять ссору съ полудикимъ скватеромъ, могущую кончиться очень скверно и для меня, и для порученнаго мнѣ дѣла, я долженъ былъ проглотить брань захлѣбывшаго старика и отправиться на работы. Я сталъ уже замѣчать, что неотвязныя насмѣшки старика начинаютъ производить свое дѣйствіе на скватеровъ и изглаживать то хорошее мнѣніе, которое они составили обо мнѣ по разговорамъ сопровождавшихъ меня вчеро. Надо было во что бы то ни стало раздѣлаться со старикомъ и восстановить себя во мнѣніи скватеровъ.

Еслибы все состояло только въ томъ, что приходится выслушивать дерзости стараго скватера, то, понятно, я счелъ бы за лучшее продолжать не обращать на нихъ вниманія, такъ какъ грубыя выходки полудиквара никакъ не могли оскорблять меня. Но тутъ на сценѣ былъ болѣе серьезный вопросъ. Позволь я скватеру безнаказанно издѣваться надъ собой, авантюристы сочли бы это за трусость съ моей стороны. Затѣй я открытую ссору, словами не отдѣлаешься; грубый старикъ не остановится передъ насиліемъ. Несмотря на мою, довольно значительную, физическую силу и сравнительную молодость, колоссальный старикъ могъ бы уничтожить меня однимъ ударомъ, не прибѣгая даже къ оружію.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ авторитетъ мой между жителями пустыни, привыкшими уважать больше всего грубую силу, смѣлость и особенно удачу, погибнетъ окончательно. Потерявъ кредитъ между авантюристами, его можно восста-

новить только годами, а до тѣхъ поръ никакая дѣятельность въ преріи немислима.

Положимъ, затѣвавъ открытую ссору съ скватеромъ, я могъ рассчитывать на поддержку своихъ вачеро; но если и удасть одолѣть старика въ дракѣ, то въ глазахъ авантюристовъ не велика заслуга пятерымъ нестарымъ людямъ поволотить чуть-ли не семидесятилѣтняго старика. Да это ни въ какомъ случаѣ не спасетъ моей репутаціи, а еще, пожалуй, заставитъ скватеровъ заступиться за одного изъ своихъ предводителей.

Пробоваль я говорить скватерамъ, не придавая, разумѣется особеннаго значенія дѣлу, что назойливость старика начинаетъ дѣлаться мнѣ неприятной, и что я полагаю за лучшее какъ-ни будь удалить его отъ нашихъ работъ, во избѣжаніе скандала.

На это мнѣ отвѣтили, что они привыкли къ придирчивому характеру своего товарища, воркотня котораго ихъ почти не стѣсняетъ. Если же мнѣ что-либо не нравится, то уже мое дѣло устранить неприятное обстоятельство; а имъ нечего мѣшаться въ чужія дѣла. При этомъ одинъ изъ предводителей замѣтилъ, что я бы лучше не начиналъ ссоры съ Беномъ, потому что, хотъ скватеры не станутъ вмѣшиваться въ частныя ссоры, но старый Бенъ, несмотря на его лѣта, стобитъ десятка молодыхъ, сьумѣетъ постоять за себя и не дастъ спуска никому.

Затѣмъ слѣдовали рассказы о разныхъ подвигахъ Бена, изъ которыхъ можно было заключить, что онъ умѣетъ пользоваться своей силой и отлично владѣетъ оружіемъ.

Очевидно, скватеры не допускали и мысли, чтобы я могъ въ чемъ-либо состязаться съ старымъ Беномъ. Положеніе мое было затруднительно, и я не зналъ какъ изъ него выйти: совершенно неожиданный случай помогъ мнѣ.

Бревна для двухъ плотовъ были уже приготовлены и спущены въ воду. Ихъ слѣдовало надѣть на иглицы. Тивовое дерево плохо растетъ на берегахъ Ридъ-Ривера, потому приходилось розыскивать поодиночѣвъ въ лѣсу годныя для иглицъ, высокія, ровныя, нетолстыя деревья. Скватеры разошлись по лѣсу въ поиски, а я сталъ размѣрять принесенныя уже въ берегу дрова.

При мнѣ былъ револьверъ и ножъ. Свой карабинъ я оставилъ неподалеку у дерева.

Старый Бенъ подошелъ, по своему обыкновенію, посмотрѣвъ что я дѣлаю, и, взглянувъ издали на заготовленные тивовыя деревья, обратился къ нѣсколькимъ скватерамъ, ожидавшимъ, повѣя я вончъ обмѣръ бревенъ, чтобы приняться тесать ихъ.

— Спасибо вамъ, что вы притащили къ берегу отмѣченныя мною деревья. Моимъ молодцамъ будетъ меньше хлопотъ.

Видя, что я продолжаю свое дѣло, онъ обратился уже прямо ко мнѣ, и потребовалъ, чтобы я не трогалъ деревьевъ, принадлежащихъ ему, такъ какъ онъ раньше меня намѣтилъ ихъ для сруба. Я промолчалъ и на эту нелѣпую выходку, не имѣющую въ обычаяхъ скватеровъ даже никакого основанія. Тогда старикъ скватеръ крикнулъ мнѣ, чтобы я тотчасъ оставилъ бревна, приправилъ свой возгласъ крѣпкимъ словомъ, и прицѣлился въ меня.

Направленное на меня дуло карабина произвело прескверное впечатлѣніе. Не обратить вниманія на эту угрозу уже нельзя. Старикъ не задумается пустить пулю. Сцена въ вентѣ живо представилась моему воображенію. Уступить—отъ насмѣшекъ не будетъ прохода, а и позволить убить себя тоже не приходится.

Эти мысли быстро промелькнули у меня въ головѣ и уступили необъяснимой злобѣ противъ старика, поставившаго меня въ такое положеніе. Забывъ всякую осторожность, не представляя себѣ ясно результаты моего поступка, я рѣшился напасть на скватера, а тамъ будетъ, что будетъ. Быстро сложился у меня въ головѣ планъ дѣйствій. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я отошелъ отъ бревенъ, отозвавшись, что не зналъ о принадлежности ихъ кому-либо, и сохраняя, насколько могъ, наружное хладнокровіе, сдѣлавъ небольшой обходъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ старикъ. Насъ раздѣляло разстояніе шаговъ въ двадцать. Брѣвъ карабина, при старикѣ не было оружія. Идя въ лѣсъ, онъ противъ обыкновенія почему-то не взялъ ножа и неразлучнаго спутника, тяжелаго топора. Злая, презрительная усмѣшка показала на лицѣ скватера и еще болѣе взбѣсила меня. Онъ былъ ювениль, что заставилъ меня уступить передъ угрозой, и окончательно дискредитировалъ въ глазахъ своихъ товарищей.

Огнувъ самодовольнымъ взглядомъ стоявшихъ тутъ скватеровъ, онъ уже опустилъ карабинъ, но, спохватившись, что я подхожу къ нему неспроста, опять приподнял на меня дуло и спустилъ курокъ почти въ упоръ. Но было уже поздно. Инстинктивнымъ движеніемъ руки, я успѣлъ отвести дуло въ сторону, и пуля прошла мимо. Собравъ всю свою силу, я рванулъ карабинъ изъ рукъ скватера и ударилъ его прикладомъ въ грудь. Пешатнулся старикъ отъ неожиданнаго удара, однако удержался на ногахъ... Хорошо еще, что я успѣлъ отсочить на нѣсколько шаговъ въ сторону, отбросить карабинъ и выхватить револьверъ. Старикъ было бросился на меня, но остановился, видя направ-

ленный на него револьверъ и машинально искалъ какого-нибудь оружія на своемъ поясѣ. Ни топоръ, ни ножъ не попадались подъ руку на привычномъ мѣстѣ.

Умно поступилъ Бенъ, что остановился. Сдѣлай онъ еще шагъ, я бы застрѣлилъ его. Нерѣшимость старика дала мнѣ время одуматься. Трудно выстрѣлить въ человѣка, да еще въ безоружнаго. Къ тому же, двое изъ сопровождавшихъ меня вачеро успѣли подскочить ко мнѣ съ своими карабинами. Услышавъ выстрѣлъ, стали сбѣгаться изъ лѣса и другіе скватеры. Подъ защитою вачеро, очевидно принявшихъ мою сторону, я могъ считать себя въ безопасности отъ нападенія Бена, почему, спрятавъ револьверъ и крикнувъ Бену, чтобы онъ убирался прочь и не совался впередъ, куда его не спрашиваютъ, пошелъ продолжать прерванное занятіе.

«Что-жъ ты не стрѣляешь?» — закричалъ мнѣ вслѣдъ Бенъ. Я не счелъ нужнымъ отвѣчать, очень хорошо зная, что, согласно обычаямъ пустыни, имѣлъ полное право безнаказанно отвѣчать на сдѣланный по мнѣ выстрѣлъ.

Одинъ изъ вачеро не могъ воздержаться отъ насмѣшки надъ старымъ скватеромъ. «А что, Бенъ, — сказалъ онъ: — говорилъ я тебѣ не лѣзь къ русскому! Ну, что вышло? Мало того, что отняли карабинъ, да и заряды жалѣть на старикаго осла!»

Собравшіеся скватеры насмѣшливо поглядывали на своего предводителя. Неудача не возбуждала ихъ сочувствія. Казалось, они были рады, что осадилъ дерзкаго старика, сварливость котораго и имъ надоѣла порядкомъ. Каждую минуту можно было ожидать, что скватеры разразятся градомъ насмѣшекъ. Я и прежде не питалъ ненависти къ старому Бену. Горячка моя прошла. Мнѣ стало жалъ свонфуженнаго старика, и я поспѣшилъ вывести его изъ неловкаго положенія, объяснивъ, что вовсе я не жалѣю заряда, а считаю всю эту исторію совсѣмъ не серьезной. Повздорили немного, и все тутъ. Карабинъ, по моимъ словамъ, выстрѣлилъ самъ, когда я его дернулъ и заставилъ Бена невольно слушать урокъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ долженъ быть славный малый, — обратился ко мнѣ Бенъ, обрадованный, что я сдѣлалъ первый шагъ къ миру. — Помиримся и будемъ друзьями, — прибавилъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Какъ желѣзными тисками сжалъ онъ мои пальцы. Я чуть не вскрикнулъ отъ этого дружескаго рукопожатія. Хорошо бы я былъ, еслибы поналъ въ эти лапы нѣсколько минутъ назадъ.

«Ну, теперъ пойдемъ выпьемъ по случаю мировой», обра

тися старикъ къ окружающимъ, и вся толпа направилась къ вентѣ. Войдя въ салонъ, Бенъ потребовалъ виски для общаго угощенія и, выхваляя мою ловкость, сталъ рассказывать все происшедшее. Я не остался у него въ долгу и поспѣшилъ высказать удивленіе къ силѣ и хладнокровію старика, что не мало польстило его самолюбію. Пока мы наперерывъ осыпали друга друга любезностями, началась попойка, отъ которой я могъ отговориться не иначе, какъ выпивъ стаканъ виски, въ знакъ заключенія мировой. Старый Бенъ, казалось, подгулялъ порядкомъ. Въ длинной рѣчи, нѣсколько путаясь въ словахъ, объяснял онъ, что вовсе не имѣлъ ничего противъ устройства плотовъ. Ему было досадно, что это дѣло поручено молодому горожанину, котораго онъ считалъ за моерую курицу и вовсе неспособнымъ привести въ исполненіе затѣянное дѣло. Понятно, ему не хотѣлось, чтобы скватеры принимали участіе въ навѣрно неудачномъ дѣлѣ. Но теперь, убѣдившись, что горожанинъ съумѣетъ найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вполне способенъ вести предпринятое дѣло, онъ предлагаетъ и своей партіи принять участіе въ устройствѣ паромовъ.

Хитрый старикъ воспользовался мировой, чтобы уничтожить неудовольствіе, возбужденное въ скватерахъ его капризомъ.

Разумѣется, я предоставилъ Бену объяснять свое поведеніе какъ ему было угодно. Я отъ души былъ радъ, что исторія кончилась такъ счастливо.

Бенъ былъ слишкомъ увѣренъ, что никто не осмѣлится вступить съ нимъ въ единоборство, такъ что мое неожиданное нападеніе, послѣ того какъ я прежде постоянно уступалъ его дерзкимъ выходкамъ, озадачило и изумило его. Не потерявъ онъ на минуту свое обычное присутствіе духа, мнѣ бы пришлось раскаиваться въ своей горячности. Но, такъ или иначе, мой кредитъ у авантюристовъ былъ восстановленъ, а этого только мнѣ и нужно было. Впослѣдствіи наши отношенія съ Беномъ были самыя дружескія. Онъ явился на другой день помогать намъ съ своею партіей. Число рабочихъ, устраивающихъ переправу, увеличилось такимъ образомъ 20-ю скватерами, и работа пошла еще быстрее.

Я сказалъ уже, что сошелся съ семействомъ дяди Боя. Меня нѣсколько не стѣснялись и охотно рассказывали эпизоды изъ прошлой жизни, и сообщали свои надежды въ будущемъ.

Мало-по-малу мнѣ стали ясны причины, побудившія дядю Боя жить въ своей скучной вентѣ, и я не могъ не сознаться, что эти причины были основательны. Въ молодости, дядя Бой

попробовалъ сперва разныхъ занятій. Нанялся надсмотрщикомъ за неграми на одной плантаціи въ Луизианѣ, недалеко отъ плантаціи отца его теперешней жены. Своею строгостью и умѣньемъ распорядиться работниками, онъ скоро приобрѣлъ довѣріе плантатора, который часто поручалъ ему покупку негровъ.

Отецъ жены дяди Боя имѣлъ большую плантацію и значительное число негровъ. Онъ не принадлежалъ къ числу безчеловѣчныхъ рабовладѣльцевъ; напротивъ, терпѣть не могъ тѣлеснаго наказанія и другихъ истязаній, употреблявшихся противъ негровъ для понужденія къ работѣ. Жена его умерла рано, оставивъ ему двухъ дочерей. Отъ мулатки-рабыни родилась у него Бетси, теперешняя жена дяди Боя.

Съ малолѣтства онъ воспитывалъ ее наравнѣ съ другими законными дочерьми. Дорого пришлось поплатиться челоуѣколюбивому плантатору за свою доброту къ чернымъ. Не вида надъ собою бича, глупые негры работали лѣниво. Хозяйство шло плохо и не приносило доходовъ. Долги росли. Сосѣди-плантаторы не влюбили своего челоуѣколюбиваго собрата, считая его обращеніе съ неграми чуть ли не возстаніемъ противъ рабовладѣнія, и рѣшили, во что бы то ни стало, погубить его. Скупивъ его векселя, они беспощадно требовали уплаты долговъ, чѣмъ довели до окончательнаго разоренія. Плантація и негры по оцѣнкѣ не могли покрыть номинальной цифры долговъ, почему вольноотпускная, недавно выданная квартеронкѣ Бетси, признана не дѣйствительной и она должна быть продана съ аукціона наравнѣ съ другими рабами. Кредиторы не хотѣли и слышать о признаніи вольноотпускной, такъ какъ за красавицу-квартеронку рассчитывали выручить значительную сумму денегъ.

Наступилъ день аукціона. Бетси, съ другими невольниками, пригнали въ аукціонную камеру. Ей, какъ болѣе цѣнному товару, сдѣлали нѣкоторую льготу, позволили надѣть рубашку, тогда какъ остальные негры, мужчины и женщины, были совершенно нагіе, чтобы покупателямъ удобно было осматривать тѣлосложеніе и опредѣлять степень годности къ работѣ.

Очередь дошла до Бетси, и ее, при разныхъ циническихкихъ замѣчаніяхъ толпы покупателей, забавлявшихся отчаяніемъ бѣдной дѣвушки, заставили взойти на возвышеніе, куда становился продаваемый невольникъ, пока о немъ шелъ торгъ.

Въ числѣ покупателей былъ и дядя Бой. Плантаторъ далъ ему значительную сумму денегъ для покупки негровъ на аукціонѣ.

Понравилась ли метису квартеронка, или въ немъ проснулось

заглушенное чувство жалости, только онъ вступилъ въ торгъ. Здѣсь же было нѣсколько богатыхъ плантаторовъ. Они не хотѣли уступить красивую квартеронку метису, и стали страшно набивать цѣну. Метись не уступалъ, и квартеронка осталась за нимъ въ тридцати тысячахъ долларовъ. Для уплаты этой суммы пошли не только всѣ хозяйскія деньги, но и запасный капиталецъ, собранный метисомъ. Уплативъ сполна деньги, метись потребовалъ, чтобы его новой рабыней была тотчасъ дана вольноотпускная, объявилъ Бетси, что она свободна и можетъ отправляться куда угодно.

Метись зналъ, что плантаторъ не проститъ ему своевольной растраты денегъ, и хотѣлъ бѣжать. Но, выходя изъ аукціонной камеры, наткнулся на своего хозяина, приказавшаго схватить его, отвести къ себѣ на плантацію, гдѣ и запереть въ невольничью тюрьму. Разумѣется, съ бѣлымъ нельзя было сдѣлать этого, но дядя Бой вѣдь былъ метись, т.-е. получеловѣкъ.

По требованію вліятельнаго плантатора, незаконно выданная вольноотпускная была уничтожена. Плантаторъ призналъ покупку своего повѣреннаго и Бетси поступила въ число его движимаго имущества.

Метису удалось выломать окошко тюрьмы, гдѣ онъ былъ запертъ. Хорошо зная мѣстность, онъ считалъ удобнѣе всего добраться до веранды, окружавшей плантаторскій домъ, и бѣжать черезъ большой, прилегавшій къ дому садъ. Добравшись благополучно до веранды, онъ увидѣлъ въ окно Бетси, которую плантаторъ позвалъ къ себѣ въ комнату и заперся съ нею на ключъ. Выломать окно, схватить со стѣны охотничій ножъ и ударить имъ плантатора—было дѣломъ одной минуты для метиса. Зная, гдѣ хранятся деньги хозяина, онъ выломалъ ящикъ письменнаго стола, вынулъ оттуда двѣ пригоршни золота, и, схвативъ испуганную Бетси, высочилъ опять на веранду, пробѣжалъ черезъ садъ въ маисовое поле, за которымъ шель густой лѣсъ. Положеніе бѣглецовъ было незавидное. Послѣ убійства плантатора нечего было ждать пощады, попавшись въ руки бѣлыхъ. А трудно вернуться отъ нихъ.

На утро, когда преступленіе откроется, бѣглецовъ будутъ розыскивать съ дрессированными собаками. Всю ночь метись несъ Бетси на рукахъ по лѣсу, употребляя извѣстныя ему индійскія хитрости, чтобы спутать слѣдъ. Шель по нѣсколькимъ миль ручьями, пользовался деревьями, поваленными вѣтромъ, и къ утру, выбившись изъ силъ, остановился отдохнуть въ лѣсу, среди топкого болота, на какой-то вочкѣ. Но напрасны были хитрости

метиса. Ему не удалось обмануть чутья собакъ и опытности погони, привычной преслѣдовать бѣглыхъ негровъ. Къ вечеру многочисленная погоня, съ стаей свирѣпыхъ собакъ, подѣхала къ болоту. Бѣглецы считали себя погибшими и прилегли къ кочкѣ. Но собаки, обнюхавъ берегъ болота, напали на какой-то слѣдъ и бросились въ сторону. За ними понеслась и погоня. Вѣрно напали на слѣдъ бывшаго здѣсь недавно бѣглаго негра. По лаю собакъ, можно было заключить, что они удаляются отъ болота. Мало-по-малу лай пересталъ быть слышенъ, и бѣглецы вздохнули свободно.

Много времени употребилъ метисъ, чтобы пробраться по заселеннымъ штатамъ. Приходилось идти лѣсомъ, минуя города и плантаціи. Ночью подвигались впередъ, днемъ сидѣли взообращившись на какое-нибудь дерево или въ расщелину скалы. Питаться приходилось орѣхами, лѣсными плодами и корнями. Наконецъ, ватерпѣвшись вдоволь всякихъ лишеній, избѣгнувъ счастливо охотниковъ на бѣглыхъ негровъ, нѣсколько разъ попадавшихся имъ на встрѣчу, они достигли западной части Техаса, бывшаго въ то время дикой преріей. Здѣсь метисъ могъ считать себя внѣ опасности. Купивъ на украденныя у плантатора деньги оружіе и двухъ лошадей, онъ отправился розыскивать племя индійцевъ, къ которому принадлежала его мать.

Владѣя хорошо языкомъ своей матери и имѣя друзей между своими краснокожими родственниками, онъ могъ оставить у нихъ на нѣкоторое время Бетси, не боясь, чтобы какая-либо опасность грозила ей. Скупивъ у индійцевъ кожи въ кредитъ, онъ отвезъ ихъ на границу, гдѣ обмѣнялъ на порохъ и виски. Нѣсколько мѣсяцевъ занимался онъ этой выгодной торговлей и успѣлъ скопить довольно крупную сумму денегъ.

Бетси не могла не быть признательною за нѣжную заботливость метиса. Къ тому же дядя Бой, какъ видно, былъ очень красивъ въ молодости, и она согласилась сдѣлаться его женою.

Молодой, привывшей къ нѣкоторой роскоши и комфорту квартеронкѣ, живя между индійцами, несмотря на ихъ расположеніе, казалась невыносимой. Поэтому, когда у метиса завелись деньги, онъ успѣшилъ увести Бетси въ С.-Франциско, гдѣ они обѣнчались у католическаго священника, и прожили нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ Калифорніи въ то время такъ-называемая золотая горячка уже начала проходить. Жителямъ, собравшимся въ этотъ благословенный уголокъ Америки со всѣхъ концовъ свѣта, начала надобдѣть господствующая анархія, и они принялись ст

американскою быстрою возстановлять общественный порядокъ, преслѣдуя и изгоняя не только завѣдомо вредныя, но и подозрительныя личности.

Хотя Калифорнія объявила себя свободнымъ, нерабовладѣльческимъ штатомъ, метисъ и квартеронка не могли считать себя въ безопасности, такъ какъ они обвинялись въ убійствѣ плантатора и подлежали аресту и суду въ любомъ изъ штатовъ Союза. Преступленіе и побѣгъ метиса не могли быть забыты, такъ какъ съ того времени прошелъ всего годъ, и скандалъ, надѣлавшій столько шума въ Луизианѣ, сталъ, благодаря газетамъ, извѣстенъ во всемъ Союзѣ.

Изъ газетъ же узнала Бетси, что ея отецъ не могъ перенести разоренія и застрѣлился. Законныхъ дочерей его взяла къ себѣ какая-то родственница.

Кромѣ опасности быть узнаннымъ, другое обстоятельство побуждало дядю Боя удалиться изъ Калифорніи. Добыча золота, соблазнительная издали, на практикѣ оказалась не особенно выгодною. Работая безъ усталы, дядя Бой не могъ отложить ни одного доллара. Къ тому же, онъ былъ метисъ и подвергался разнымъ притѣсненіямъ и насилію со стороны грубыхъ золотопромышленниковъ.

Бетси тоже не разъ приходилось переносить оскорбленія, такъ какъ пресловутое уваженіе американцевъ къ женщинамъ имѣло мѣсто только для кровныхъ бѣлыхъ лѣди, и ни въ какомъ случаѣ не практиковалось относительно цвѣтныхъ, не считавшихся людьми.

Недолго думая, дядя Бой отправился въ Индіанъ-Территорию, гдѣ охотились въ то время его краснокожіе друзья, выстроили свою венду и занялся торговлей.

Убѣдившись, что происхожденіе дѣлаетъ ее какою-то отверженной въ цивилизованномъ обществѣ, Бетси покорила своей участи, и какъ сама говорила, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ поселилась въ пустынь, далеко отъ бѣлыхъ, причинившихъ ей столько горя. Впрочемъ, ей не приходилось скучать въ одиночествѣ, такъ какъ одинъ за другимъ стали появляться на свѣтъ дѣти, на которыхъ она положила всю свою любовь, всю свою дѣятельность.

Пока старшія дѣти были очень малы, недостатокъ въ книгахъ былъ не особенно чувствителенъ для Бетси. Она удовольствовалась перечитываньемъ чуть не выученныхъ на память нѣсколькихъ книгъ, захваченныхъ ею въ С.-Франциско.

Подростающихъ дѣтей надо было учить, а пособій достать

неоткуда. Граница штатовъ была тогда очень далеко, и бѣли еще рѣдко показывались въ вентѣ, въ которой исключительно производилась торговля съ индѣйцами. Перевозку сырья въ штаты и промѣну ихъ на товаръ дядя Бой производилъ чрезъ одного безграмотнаго торговца изъ мексиканцевъ, прїѣзжавшаго раза два въ годъ въ венту. Самъ дядя Бой рѣдко отлучался изъ дома.

Такимъ образомъ, прїобрѣтеніе учебныхъ пособій было крайне затруднительно.

Дядя Бой, оказавшійся смолоду совершенно неспособнымъ понять хитрую науку чтенія и письма, вслѣдствіе чего остался на всю жизнь безграмотнымъ, былъ настолько уменъ, чтобы понять преимущество, которое даетъ образованіе, и хотѣлъ, во что бы то ни стало, учить своихъ дѣтей. Этому рѣшенію не мало способствовало и то, что метисъ понималъ, какъ будетъ неприятно видѣть Бетси, что ея дѣти растутъ невѣждами.

Онъ рѣшился самъ съѣздить въ штаты за нужными книгами. Придравшись къ тому, что торговецъ-мексиканецъ долго не ѣдетъ, онъ снарядилъ транспортъ и, поручивъ караулъ семейства и венты бывшимъ у него въ услуженіи бѣглымъ неграмъ и индѣйцамъ, не сказавъ Бетси объ истинной цѣли поѣздки, отправился на границу.

Бѣдная обстановка книжной лавки въ пограничномъ городѣ произвела на метиса дурное впечатлѣніе. Онъ проѣхалъ въ С.-Люисъ, и при помощи какого-то шепельнаго учителя, накупилъ множество книгъ и учебныхъ пособій. Кромѣ того, онъ уговорился съ книгопродавцемъ, чтобы, по требованію его жены, были высылаемы на границу книги, откуда онѣ могли быть доставляемы чрезъ торговцевъ или авантюристовъ въ венту.

Съ этихъ поръ Бетси могла удовлетворять своей любви къ чтенію, и слухнула передать эту любовь своимъ дѣтямъ.

Впрочемъ, доставка книгъ, закупленныхъ дядей Боемъ, не обошлась безъ маленькаго курьеза.

Метисъ, привезя свою покупку на границу, сталъ перетовывать книги изъ ящиковъ, въ болѣе удобные для перевозки выюкомъ, тюки. Купленные книги, по наружному своему виду, показались ему не похожими на составившееся у него понятіе о книгахъ вообще. Онъ началъ перелистывать ихъ одну за другою. Нѣкоторыя были съ черными картинками, другія вовсе безъ картинокъ и напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Подозрѣніе взошло метиса, не посмѣялись ли надъ нимъ учитель и книгопродавецъ, отпустивъ ему, можетъ быть, книгъ нехорошаго качества, такъ

какъ буквы въ книгахъ вовсе не походили на тѣ, что онъ видалъ въ городахъ на вывѣскахъ и афишахъ. Его ввело въ смущеніе еще то обстоятельство, что на одной изъ книгъ, которыя такъ часто перечитывала Бетси, была на оберткѣ раскрашенная картинка и замысловатыя узорныя буквы. Да и азбука, за которую въ былые годы его такъ часто сѣбли, имѣла тоже пестрыя буквы. Въ середину книгъ Бетси ему какъ-то не приходилось заглядывать.

Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ его надули и поѣздка пропала даромъ! Вѣдь совѣстно будетъ смотрѣть женѣ въ глаза. Вотъ, и выдумалъ метисъ средство поправить бѣду. Зашелъ въ забраккованную имъ прежде книжную лавку и закупилъ книгъ, обертки которыхъ были по-пестрымъ. Увидавъ, что книги завертываютъ въ афиши какого-то бродячаго цирка, раскрашенныя разными фигурами и пестрыми буквами, онъ закупилъ всѣ афиши, сколько ихъ ни оказалось въ лавкѣ, и довольный своею выдумкою отправился въ венту. Бетси осталась очень довольна книгами, привезенными изъ С.-Люиса и вдоволь насмѣялась надъ покупкою пестрыхъ афишъ. Однако, впоследствии оказалось, что выдумка дяди Боя была не такъ дурна. Дѣти, вѣроятно, по наследственной передачѣ вусовъ, плохо учились читать по азбукамъ съ черными буквами, а напротивъ, съ удовольствіемъ запоминали красивыя буквы афишъ. Примѣнивъ къ дѣлу обученія афиши, Бетси безъ особаго труда выучила дѣтей читать и писать. Дядя Бой не пропускалъ удобнаго случая говорить, что онъ не менѣе Бетси сдѣлалъ для образованія своихъ дѣтей, такъ какъ благодаря привезеннымъ имъ афишамъ устранились всѣ трудности преподаванія. По достиженіи 12-ти лѣтъ каждаго изъ сыновей отправляли въ школу для цвѣтныхъ, устроенную въ С.-Люисѣ. Въ школу для бѣлыхъ, дѣтей не принимали, несмотря на всѣ старанія дяди Боя. Это обстоятельство, не особенно важное для мальчиковъ, не могло не озабочивать метиса относительно подрастающихъ дочерей.

Вдругъ по всѣмъ штатамъ прошла вѣсть, и достигла одинокой венты въ пустынѣ, о начавшейся войнѣ за освобожденіе невольниковъ.

Посовѣтовавшись съ Бетси, дядя Бой отправился въ армию сѣверныхъ штатовъ и поступилъ въ нее проводникомъ. Ему удалось оказать нѣсколько услугъ противникамъ рабства. Воспользовавшись расположеніемъ отряда, къ которому принадлежалъ, онъ объявилъ о своемъ давнишнемъ преступленіи и потребовалъ суда. Разумѣется, судъ, состоявшій изъ отъявленныхъ противни-

ковъ рабства, признавъ причины, вызвавшія убійство плантатора, уважительными, и метисъ былъ оправданъ.

Когда граждане сѣверныхъ штатовъ одолѣли рабовладѣльцевъ и невольники были освобождены и сравнены въ правахъ съ бѣлыми, дядя Бой поспѣшилъ въ свою венту объявить Бетси два радостныя навѣстія, вслѣдствіе которыхъ они могли оставить венту въ преріи, и, какъ свободные отъ преслѣдованія, равноправные съ бѣлыми граждане, поселиться въ любой мѣстности Союза. Прибыльная торговля дала возможность составить уже порядочный капиталъ, чтобы считать все многочисленное семейство вполне обеспеченнымъ отъ нужды.

Вслѣдствіе ли природной осторожности дяди Боя, или онъ успѣлъ во время своего пребыванія въ арміи замѣтить, что уравненіе цвѣтныхъ съ бѣлыми, утвержденное законодательнымъ порядкомъ, не всегда практикуется на самомъ дѣлѣ, только метисъ не рѣшился покинуть свою венту совсѣмъ. Передавъ ее на время какому-то авантюристу, онъ забралъ свое семейство и отправился въ штаты.

Съ первыхъ же шаговъ онъ не могъ не убѣдиться, что поступилъ благоразумно, оставивъ за собою венту. Началось съ того, что на желѣзной дорогѣ его и все семейство съ наемниками перевели изъ вагона, предназначеннаго для бѣлыхъ, гдѣ они было помѣстились, въ вагонъ для цвѣтныхъ. Многие изъ бѣлыхъ требовали, чтобы негровъ и вообще цвѣтныхъ не пускали въ вагоны, гдѣ они ѣздятъ, и желѣзно-дорожная компанія должна была уступить этому дикому требованію ¹⁾.

Въ женскія школы, открытыя по правиламъ безразлично для дѣвочекъ всѣхъ цвѣтовъ, сначала съ радостью соглашались принять хорошо подготовленныхъ хорошенькихъ дѣвочекъ, но какъ только узнавали, что онѣ смѣшаннаго происхожденія, являлось множество затрудненій, и, въ концѣ-концовъ, начальство школы объясняло огорченной Бетси, что, съ своей стороны, оно не имѣетъ ничего противъ принятія ея дочерей въ число ученицъ, но что большинство родителей объявили категорически, что они не пустятъ своихъ дочерей въ школу, если въ ней будутъ обучаться цвѣтныя. Затѣмъ слѣдовала совѣтъ отдать дѣтей въ училище, специально назначенное для цвѣтныхъ. А этого Бетси не хотѣла, такъ какъ вслѣдствіе дурной домашней подготовки маленькихъ негровъ и мулатовъ, и укоренившемся мнѣнію въ ихъ природ-

¹⁾ До сихъ поръ на нѣкоторыхъ дорогахъ въ южныхъ штатахъ не допускають, чтобы цвѣтные входили въ вагоны, предназначенные для бѣлыхъ исключительно.

номъ тупоуміи и неспособности, курсъ школъ для цвѣтныхъ былъ гораздо ниже соответствующихъ школъ для бѣлыхъ, и преподаваніе шло крайне небрежно.

Во многихъ городахъ побывалъ метисъ съ своимъ семействомъ, и вездѣ встрѣчалъ то же самое. Правда, въ сѣверныхъ штатахъ относились къ нимъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ въ южныхъ, гдѣ не разъ приходилось выдерживать самое обидное, даже унижительное обхожденіе гордыхъ приверженцевъ рабства, не успѣвшихъ отстать отъ укоренившейся привычки презирать негровъ и вообще всѣхъ цвѣтныхъ; но полной равноправности не было нигдѣ.

Скрывать происхожденіе своихъ дѣтей метисъ не хотѣлъ, да это было бы невозможно, такъ какъ наружность выдавала привычному глазу смѣшанную кровь. Въ особенности желтый отбѣнокъ ногтей, который нѣтъ никакой возможности уничтожить, могъ бы всякую минуту выдать истину.

Сильно огорчали эти неудачи бѣдную Бетси. Она разочаровалась въ своихъ завѣтныхъ мечтахъ видѣть когда-либо своихъ дѣтей пользующимися человѣческими правами и занимающими почетное положеніе въ хорошемъ обществѣ. Мысль пробраться въ Европу не разъ приходила ей въ голову. Но Богъ знаетъ, не будетъ ли ихъ преслѣдовать и тамъ тоже ничѣмъ незаслуженное презрѣніе? Къ тому же, при совершенномъ незнаціи строя жизни, каково придется неграмотному метису вести свои дѣла? А вести дѣла онъ будетъ, такъ какъ уже не можетъ сидѣть сложа руки; навѣрно увлечется какимъ-нибудь предпріятіемъ и потеряетъ состояніе. Потерявъ разъ состояніе, добытое многолѣтними трудами, что дѣлать въ незнакомой странѣ? Дядя Бой нашель средство преодолѣть затрудненіе. Онъ рѣшилъ, что если общество не дастъ того положенія, какое онъ и его семейство можетъ занимать по закону и нравственному праву, то это положеніе должно быть завоевано. Для этого прежде всего нужны деньги, много денегъ. Положимъ, въ заселенныхъ уже штатахъ и съ деньгами ничего не сдѣлаешь. Но при быстромъ движеніи цивилизаціи на западъ, поселившись въ преріи, долженствующей въ непродолжительномъ времени сдѣлаться штатомъ, всегда возможно толковому человѣку добиться уваженія первыхъ переселенцевъ, занять между ними, несмотря на происхожденіе, почетное мѣсто и, оказывая постоянную поддержку правильному устройству штата, заставить забыть смѣшанную кровь дѣтей и приготовить имъ такимъ образомъ то положеніе, о которомъ мечтаетъ Бетси. Старая вента расположена для этой цѣли на очень выгодномъ мѣстѣ. Границы штатовъ съ каждымъ годомъ прибли-

жаются къ ней. Съ верховьями Ридъ-Ривера познакомились скваттеры. Бѣлые авантюристы, прежде такіе рѣдкіе гости, безвыходно кутятъ въ вентѣ, уважаютъ и любятъ дядю Боя. Индійцы появляются все рѣже и рѣже. Уже неподалеку устроено нѣсколько блокгаузовъ. Не сегодня, — завтра потянутся обозы переселенцевъ, мелкихъ фермеровъ. Къ тому времени надо сколотить сколько можно больше денегъ. Старшіе сыновья подрастутъ и научатся вести хозяйство. Оставивъ венту, можно устроить блокгаузъ, и, благодаря старымъ связямъ съ авантюристами, сдѣлаться разомъ сильнымъ піонеромъ, могущимъ легко оказывать покровительство и поддержку небогатымъ переселенцамъ. Бетси одобрила планъ своего мужа. Дѣвочекъ рѣшили оставить дома, доставляя имъ сколько возможно больше книгъ для чтенія. Счастливый случай заставилъ измѣнить рѣшеніе относительно дѣвочекъ.

Въ С.-Люисѣ, одна лѣди, ярая аболиціонистка, открыла частный пансіонъ, въ который принимали безъ различія бѣлыхъ и цвѣтныхъ, хорошо подготовленныхъ дѣвочекъ. Чтобы побудить бѣлыхъ, преимущественно переселенцевъ изъ Европы, отдавать своихъ дочерей въ ея пансіонъ, она обучала ихъ бесплатно. Многіе преподаватели согласились помогать этому благому дѣлу, и пансіонъ вошелъ въ славу. Состоятельные мулаты поняли значеніе этого пансіона и не жалѣли матеріальныхъ средствъ. Узнавъ объ этомъ пансіонѣ, дядя Бой помѣстилъ туда дочерей и, разумѣется, не поскупился на пожертвованіе въ пользу пансіона.

Затѣмъ, метисъ и Бетси снова поселились въ своей вентѣ. Имѣя опредѣленную цѣль впереди, Бетси съ удвоенной энергіей принялась за обученіе бывшихъ при ней дѣтей, и старалась пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ. Дядя Бой почти не выходилъ изъ-за стойки. Онъ сдѣлался еще жаднѣе, чѣмъ прежде; не упускалъ случая, подъ благовиднымъ предлогомъ, поживиться на счетъ заѣзжихъ авантюристовъ и индійцевъ. Въ то же время онъ всѣми силами старался быть полезнымъ кому только могъ, разумѣется, когда не приходилось выкладывать своихъ денегъ. Дѣло пошло блистательно. Торговля сырьемъ давала огромные барыши. Вента была полна посѣтителей. Вліяніе на авантюристовъ и почетная извѣстность дяди Боя росла въ преріяхъ.

Капиталъ значительно увеличился, и во время моего поступленія, по расчетамъ дяди Боя, чрезъ два года, когда возвратится Артуръ, и Вильямъ поучится годъ на какой-нибудь фермѣ, можно устроить блокгаузъ и завести обширное хозяйство.

А тамъ впереди уже виднѣется быстрое заселеніе дикой пре-

ріи. Індіанъ-Территори обращаются въ богатый штатъ, въ которомъ дядя Бой одинъ изъ почетныхъ гражданъ.

Уже болѣе года какъ дочери метиса, окончивъ курсъ въ пансіонѣ, поселились въ вентѣ, гдѣ съ ихъ возвращеніемъ жизнь стала гораздо веселѣе.

Изрѣдва семейство дяди Боя ѣздило къ двумъ или тремъ піонерамъ, миль за полтораста или за двѣсти.

Также семейства этихъ піонеровъ, не слишкомъ державшихся расовыхъ предразсудковъ и очень уважавшихъ дядю Боя, бывали иногда въ вентѣ.

Старый метисъ всматривался, изъ-за своей конторки, въ посетителей венты, и, замѣтивъ между авантюристами порядочнаго человѣка, приглашалъ его къ себѣ въ гости.

Такимъ образомъ разнообразилась нѣсколько затворническая жизнь молодыхъ дѣвушекъ. Несправедливое пренебреженіе къ цвѣтнымъ не могло не повліять и на дочерей дяди Боя, успѣвшихъ уже на себѣ испытать это пренебреженіе. Несмотря на всѣ старанія содержательницы пансіона, къ которой обитательницы венты питали чувство, близкое къ благоговѣнію, ей удалось искоренить въ своихъ ученицахъ расовой нетерпимости. Юныя воспитанницы изъ бѣлыхъ, перенимая привычки отъ старшихъ, всегда относились свысока къ своимъ цвѣтнымъ подругамъ, и не считали непристойнымъ при случаѣ попрекать ихъ происхожденіемъ. Когда дочери метиса перестали быть дѣвочками, онѣ не могли не замѣтить разницу въ обращеніи молодыхъ джентльменовъ съ ихъ бѣлыми подругами и съ ними. Случалось иногда, что ихъ принимали за бѣлыхъ, такъ какъ по лицу было трудно узнать въ нихъ цвѣтныхъ, и обходились съ должнымъ уваженіемъ, но какъ только замѣчали желтоватый оттѣнокъ ногтей, обращеніе тотчасъ измѣнялось и переходило въ обидно-повровительственный тонъ. Понятно, что все это не могло не отразиться на характерѣ и обращеніи дѣвушекъ. Онѣ какъ бы сами стыдились своего происхожденія.

Первые дни своего пребыванія въ вентѣ я замѣтилъ, что молодыя леди не снимаютъ перчатокъ, не только во время обѣда и ужина, но и работая иглой. Неужели же, подумалъ я, онѣ такъ заботятся о красотѣ своихъ рукъ, что никогда не снимаютъ перчатокъ. Не долго думая, я спросилъ ихъ объ этомъ. Дѣвушки страшно сконфузились. Бывшій тутъ Вильямъ объяснилъ мнѣ, что его сестры всегда надѣваютъ перчатки, когда есть кто-нибудь изъ бѣлыхъ, чтобы предательскіе желтые ногти безпрестанно не напоминали гостю, что онѣ имѣютъ дѣло съ цвѣтными.

Разумѣется, я поспѣшилъ увѣрить моихъ хозяекъ, что такая предосторожность относительно меня совершенно лишняя.

Замѣчательно, что, несмотря на несправедливости бѣлыхъ, въ словахъ метиса и его семейства я не замѣтилъ никакого озлобленія противъ притѣснителей. Напротивъ, они какъ бы сознавали превосходство бѣлой расы, и заботились только о томъ, чтобы сдѣлаться достойными стать съ бѣлыми на одну ногу.

Авантюристы безпрестанно прїѣзжали и увъзжали изъ венты. Черезъ нихъ вѣсть объ устройствѣ постоянной переправы чрезъ Ридъ-Риверъ быстро распространилась въ преріи. Не успѣли мы окончить работъ, какъ со стороны штатовъ прибылъ транспортъ переселенцевъ, рассчитывавшій переправиться на нашихъ плотахъ.

Это былъ пионеръ, продавшій свою землю въ Техасъ и подвигавшійся съ своимъ семействомъ, приемышами, работниками и всѣмъ хозяйствомъ далѣе на западъ, на ту сторону Ридъ-Ривера.

Медленно подвигался транспортъ, состоящій изъ 30 огромныхъ фургоновъ, запряженныхъ рослыми быками, къ вентѣ.

Впереди, вѣрнымъ, какъ-бы размѣреннымъ шагомъ, шелъ самъ старшій пионеръ въ широкополой войлочной шляпѣ, съ неизмѣннымъ длиннымъ карабиномъ за плечомъ, топоромъ и ножомъ у пояса, и коротенькой трубкой въ зубахъ. За нимъ шло нѣсколько молодыхъ людей, составлявшихъ передовую стражу.

Такой же арьергардъ шелъ за фургонами и гналъ запасное стадо быковъ. Фургоны были тяжело нагружены принадлежностями полнаго хозяйства.

По четыре и по пяти паръ сильныхъ быковъ, запряженныхъ въ каждый изъ такихъ фургоновъ, похожихъ скорѣе на подвижные дома, съ усиліемъ, медленно тащили ихъ по каменистой дорогѣ. Множество женщинъ и дѣтей всѣхъ возрастовъ шли около фургоновъ или сидѣли подъ хорошо устроенными для нихъ навѣсами наверху возовъ. За каждымъ фургономъ были привязаны на цѣпяхъ, покрытые попонами, заводскіе пенсильванскіе жеребцы и крупныя дойныя коровы. Быки, какъ упряжные, такъ и запасные, были все заводскіе, крупной рабочей породы.

Очевидно, это переселялся богатый, опытный пионеръ. Онъ велъ съ собою только жеребцовъ и заводскихъ быковъ, рассчитывая скупить для большого скотоводства кобылицъ и коровъ въ преріи. Чего только не было на его фургонахъ: и плуги, и кастроли, и кухонная посуда, разобранный локомотивъ, топоры, лопаты, утюги, веревки, холсты, нитки, полосовое желѣзо, однимъ словомъ все, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность при устрой-

ствѣ полнаго хозяйства. Огромные тюки, зашитые въ кожи, были вѣроятно съ товарами для промѣна.

Подойдя на разстояніе двухъ-сотъ шаговъ отъ венты, старшій піонеръ остановилъ транспортъ и велѣлъ составить кораль. По тому, какъ ловко и скоро было исполнено привязаніе, можно было судить, что хозяйство у этой партіи должно пойти хорошо.

Составивъ кораль, выпрягли быковъ и одна партія піонеровъ втѣвала ихъ въ дѣсь на настѣбу.

Женщины развели костеръ и стали готовить ужинъ.

Старшій піонеръ и незнаемые люди вошли въ венту.

Они, какъ принадлежащіе къ обществу умѣренности, не пили спиртовыхъ напитковъ, и зашли въ венту, чтобы познаться съ своимъ будущимъ сосѣдомъ, хозяиномъ знаменитой венты, и разспросить о положеніи дѣлъ по ту сторону рѣки.

Узнавъ, что переправа еще не совсѣмъ окончена, старшій піонеръ рѣшился дать отдохнуть своимъ быкамъ и предложилъ свою помощь для окончанія паромовъ. Такимъ образомъ, прибавилось еще сорокъ хорошихъ рабочихъ, правда, уступающихъ нѣсколько скватерамъ. Наконецъ, паромы были готовы. Канаты свиты, испробованы и натянуты. Сѣвды съ обѣхъ береговъ скопаны и сдѣланы удобными; самые причалы, къ которымъ приставтъ паромы, выложены крупными камнями, укрѣпленными отъ поджыванія рѣкой рядомъ свай, забытыхъ въ русло и засыпанныхъ сверху крупнымъ рѣчнымъ пескомъ.

При веселыхъ пѣсняхъ попробовали переправить ненагруженные паромы на ту сторону рѣки и обратно.

Оказалось, что все удалось выстроить хорошо. Тогда переезди транспортъ піонеровъ.

Старшій піонеръ не потратилъ даромъ время, проведенное имъ въ вентѣ дяди Боя. Сидя за ставаномъ лимонада, разсуждая съ испсомъ и старыми скватерами, онъ умѣлъ выказать имъ свой умъ, опытность, и зарекомендовать себя съ отличной стороны. Ко времени отъѣзда всѣ считали піонера завадычнымъ другомъ. Скватеры рѣшились даже отложить выпивку по случаю окончанія дѣла, чтобы проводить транспортъ черезъ горы и за-одно, сравнявъ нѣкоторые бугры и вогогоры, устроить хорошую удобо-проезжимую для фургоновъ дорогу.

Еще не успѣли мы переправить на другой берегъ поѣздъ піонера, какъ къ вентѣ подъѣхалъ другой транспортъ. Это торговецъ сырѣмъ везъ товаръ въ преріи, на ту сторону Ридъ-Ривера. По словамъ дяди Боя, пріѣздъ транспортъ былъ счастливымъ предзнаменованіемъ, что черезъ эту переправу пойдетъ

большая торговая дорога и результатомъ частаго проѣзда будетъ то, что эта мѣстность скоро заселится.

Окончивъ всѣ работы, я отправилъ одного изъ сопровождавшихъ меня вачеро въ блокгаузъ патрона съ подробнымъ отчетомъ. Такъ какъ устройство паромовъ обошлось значительно дешевле предполагаемой суммы, то я полагалъ умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько подарковъ трудившимся надъ плотами скватерамъ. Кромѣ того, я просилъ дать мнѣ инструкцію, что дѣлать дальше и какія мѣры принять для защиты плотовъ отъ индѣйцевъ и другихъ злонамѣренныхъ людей, которымъ наши плоты не могли особенно нравиться. Положимъ, съ одной стороны близость вентя защищала переправу, но съ противоположнаго, чрезвычайно пересѣченнаго и удобнаго для внезапнаго нападенія, берега переправа была совершенно беззащитна. Отправивъ вачеро, я и Вильямъ поѣхали догонять ушедшій уже, въ сопровожденіи скватеровъ, транспортъ піонера и настигли его недалеко отъ берега.

Самый удобный проходъ чрезъ горы былъ не что иное какъ широкая извилистая разсѣлина въ пещанниковомъ горномъ краѣ. Надо полагать, что эта разсѣлина была прежде очень глубока и суживалась книзу. Мало-по-малу скалы, разрушаясь и обваливаясь въ эту трещину, расширили ее сверху и завалили снизу, образовавъ родъ узкой долины, имѣющей отъ десяти до двадцати сажень ширины. Дно долины ясно говорило о частыхъ обвалахъ сосѣднихъ скалъ. Оно все состояло изъ осколковъ скалъ, плотно слежавшихся отъ времени, и представляло довольно ровную поверхность, загроможденную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камнями значительной величины. Проѣздъ по этой долинѣ, хотя съ рискомъ, былъ возможенъ для небольшихъ фургоновъ, запряженныхъ мулами, какіе обыкновенно употребляютъ торговцы сырѣмъ, но былъ непроѣздимъ для огромныхъ фургоновъ піонера.

Чтобы провести транспортъ, надо было почти на каждомъ шагу отваливать камни, засыпать ямы, выравнивать вогоры обивать выступы скалъ на поворотахъ. Безъ помощи скватеровъ піонеру пришлось бы потратить много времени, чтобы пройти около двадцати миль, на которыя тянется это ущелье. Вдобавокъ, въ каменистомъ проходѣ не растетъ ни клочка травы; вездѣ одинъ осколокъ камня. Съ обѣихъ сторонъ высокія отвѣсныя скалы, позволяющія видѣть надъ собою только узкую полосу неба. Взобраться на эти скалы можно въ немногихъ мѣстахъ, и то очень ловкому человѣку. Взогнать туда лошадь или быка и думать нечего.

Таковъ былъ самый лучший проходъ. Какovy же другіе, мѣнѣ удобныя? Благодаря гигантскимъ усиліямъ севатеровъ и піонеровъ, послѣ работы, продолжавшейся съ обѣда перваго дня до вечера, всю ночь напролетъ и весь слѣдующій день, транспортъ достигъ, наконецъ, того мѣста, гдѣ корридоръ начинаетъ расширяться мало-по-малу въ широкую долину, составляющую уже часть преріи, покрытой, несмотря на позднее время года, роскошною травою. Далѣе не встрѣчались препятствія для проѣзда.

Поспѣшили выпустить на кормъ быковъ, проведенныхъ полтора сутокъ безъ воды и корма, и улеглись отдохнуть отъ усиленной работы.

Утромъ, обмѣнявшись прощальными рукопожатіями и обѣщаніемъ не забывать другъ друга, севатеры, я, и Вильямъ вернулись назадъ, а піонеры продолжали свой путь. Впрочемъ, піонеры ушли всего нѣсколько миль отъ того мѣста, гдѣ мы разстались.

Старику понравилась небольшая, проросшая лѣсомъ, долина на берегахъ обильнаго хорошей водою ручья, и онъ рѣшилъ остановиться здѣсь, и, осмотрѣвшись хорошенько, начать строить блокгаузъ.

Проѣзжая обратно по проходу, я изумился громадности работы, произведенной въ такое короткое время. Непроѣздимый дня два тому назадъ корридоръ представлялъ теперь отличную дорогу. Хоть поѣзжай въ ресорномъ экипажѣ.

Я мысленно благодарилъ стараго піонера, догадавшагося пройти здѣсь со своимъ транспортомъ. Безъ него расчистку прохода пришлось бы производить намъ съ нашими вачеро, отличными наѣздивами, неутомимыми охотниками, сторожами и пастухами, но очень плохими работниками, въ особенности когда приходится имѣть дѣло съ камнями въ нѣсколько тоннъ вѣсу. Піонеръ оказалъ мнѣ и другую услугу своею помощью окончить скорѣе переправу.

Въ вентѣ мы застали первую партію севатеровъ, пригнавшихъ лѣсъ съ верховья. Не будь переправа окончена, съ завтрашняго дня севатеры оставили бы работу, такъ какъ имъ нужно было начать свое дѣло—перетаскивать пригнанный лѣсъ къ лѣсопильнямъ, устроеннымъ на горномъ притоѣ Ридъ-Ривера, гдѣ лѣсъ предполагали переработать въ брусъ и доски, и уже въ такомъ видѣ сплавлять внизъ по рѣкѣ, на продажу.

Сегодняшній день былъ посвященъ общей попойкѣ въ честь счастливаго окончанія переправы. Было выпито очень много виски. Къ угощенію, сдѣланному мною, присоединили еще спирто-

выхъ напитковъ на тѣ десять иглей, которые передалъ Вильяму на этотъ предметъ старый піонеръ въ благодарность за помощь при проводѣ транспорта чрезъ ущелье.

Къ вечеру возвратился мой посланный съ пакетомъ отъ патрона. Подарки, которые я полагаю раздать скватерамъ, были уже выправлены и должны были прибыть дня черезъ два, такъ какъ вачеро ѣхалъ ближайшимъ путемъ по берегу, гдѣ ѣхали мы, а транспортъ, по причинѣ начавшагося подъема воды, долженъ былъ обходить горы и лѣса и сдѣлать сотни полторы миль объѣзда.

Въ присланномъ пакетѣ, патронъ мой выражалъ свое удовольствіе въ успѣшномъ окончаніи устройства переправы и давалъ слѣдующую инструкцію для дальнѣйшихъ дѣйствій.

1) Изыскать средства для наивыгоднѣйшаго приведенія въ надлежащій видъ дороги черезъ ущелье, прилегающее къ переправѣ.

Благодаря скватерамъ и піонерамъ это было уже сдѣлано.

2) Такъ какъ по свѣдѣніямъ, дошедшимъ съ праваго берега Ридъ-Ривера, индійцы, по наущенію нѣкоторыхъ изъ бывшихъ авантюристовъ, высказываютъ неудовольствіе на устройство постоянной переправы, то послать вачеро, по имени «Скальпированный Пьеръ», въ сопровожденіи авантюриста, нанятаго по ея усмотрѣнію въ вентъ, и одного изъ метисовъ, сопровождающихъ транспортъ съ подарками скватерамъ, для переговоровъ съ начальниками племени. Пьеръ, хорошо знакомый съ обычаями индійцевъ, долженъ былъ успокоить ихъ, объяснить выгоду переправы для самихъ индійцевъ и обѣщать начальникамъ подарки которые и будутъ имъ посланы тотчасъ по возвращеніи Пьера.

3) Приискать чрезъ дядю Боя или бывающихъ у него авантюристовъ, не имѣется ли между скватерами или авантюристами желающихъ устроить блокгаузъ, но не располагающихъ достаточнымъ количествомъ денегъ для этого дѣла. Открыть такимъ охотникамъ для первоначальнаго обзаведенія кредитъ на счетъ компании, на самыхъ легкихъ условіяхъ, не превышая одна же суммы въ 20,000 дол., и не долѣе какъ на пять лѣтъ, вмѣстѣ при этомъ въ непремѣнную обязанность устроить блокгаузъ на правомъ берегу рѣки недалеко отъ переправы, которую онъ обязанъ караулить и защищать.

4) Поддерживать самыя дружескія отношенія со скватерами стараться, чтобы въ вентѣ было побольше авантюристовъ, готовыхъ подать помощь въ случаѣ надобности, и оставивъ вачеро и мет

совъ, вонвоирующихъ транспортъ съ подарками, при себѣ, содержать строжайшій караулъ и разъѣзды по нагорному берегу.

5) Если піонеръ, переправлявшійся черезъ Ридъ-Риверъ, выберетъ для блокгауза мѣсто не очень далеко, то стараться войти съ нимъ въ дружескія отношенія и сговориться съ нимъ вести за-одно покупку скота съ тѣмъ, чтобы убойный скотъ шелъ для нашей компаніи, а годный на племя поступалъ ему. Иначе, дѣйствуя порознь, мы будемъ только мѣшать другъ другу.

Затѣмъ, сожалѣя, что не можетъ лично повидаться со мною, такъ какъ долженъ ѣхать съ партией скота въ штаты, патронъ выражалъ увѣренность, что въ его возвращенію я устрою все какъ слѣдуетъ и можно будетъ перенести безъ затрудненій наше предпріятіе на правый берегъ Ридъ-Ривера.

Такого рода распоряженіе не могло не озадачить меня.

Окончивъ устройство переправы, я рассчитывалъ ѣхать въ штаты, надѣясь, что защищать переправу, вести нужные переговоры съ индійцами и піонерами будетъ назначенъ кто-либо другой, болѣе опытный въ этомъ дѣлѣ.

Однако дѣлать было нечего, приходилось приниматься за выполнение возложенныхъ порученій.

Какъ я уже сказалъ, дорога чрезъ ущелье была готова. Со скватерами я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и вѣроятно, раздача присланныхъ подарковъ, на которые они не могли рассчитывать, не испортитъ нашей дружбы. Сойтись съ піонеромъ, остановившимся не вдалекѣ, не представляло особенныхъ затрудненій. Точно также не трудно послать Пьера къ индійцамъ, распорядиться, чтобы имъ были доставлены подарки и позаботиться, чтобы въ вентѣ были постоянно вачеро, готовые намъ на помощь. Въ особенности о послѣднемъ хлопотать было нечего, потому что, во-первыхъ, самъ дядя Вой принималъ зависящія мѣры, чтобы его вента не оставалась безъ посѣтителей, а во-вторыхъ, стѣбло вачеро, изъ партии отданной въ мое распоряженіе, отпуская поочередно пьянствовать въ венту, и этого будетъ совершенно достаточно, чтобы подвадорить всякаго проѣзжаго авантюриста пробыть въ вентѣ для компаніи дня два лишніхъ, пока въ поясъ не останется ни одного игла. Но устройство постоянной надежной защиты паромовъ на правомъ берегу рѣки представляло много затрудненій. Безъ хорошо устроеннаго блокгауза въ виду переправы трудно защищать паромы, еслибы значительная партія индійцевъ или рыцарей пустыни вздумала ихъ уничтожить.

Положимъ, сначала на незначительный промежутокъ времени можно было содержать строгій караулъ и разъѣзды при помощи

отряженныхъ въ мое распоряженіе двадцати вачеро и трехъ метисовъ-лазутчиковъ. Но поддерживать таковой караулъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть цѣлаго года, было бы наглядно, такъ какъ, не считая моего содержанія, за которое я могъ заняться чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ караула паромовъ, каждый вачеро стбилъ компаніи пять долларовъ въ день жалованьемъ, да около доллара шло на содержаніе.

Изысканіе самаго дешеваго способа защищать переправу составляло, такъ-сказать, самую суть возложеннаго на меня порученія. А этого я и не зналъ какъ сдѣлать. Ни дядя Бой, ни бывшіе у него авантюристы не могли указать ниского подходящаго для этого дѣла. Напрасно справлялся я у скватеровъ, оставшихся очень довольными присланными подарками, состоявшими изъ топоровъ, пилъ, одѣялъ, зарядовъ и табаку, не пожелаетъ ли которая-нибудь партія оставить бродячую жизнь и воспользоваться случаемъ обзавестись осѣдлостію, — охотниковъ не оказывалось.

Съѣздивъ къ піонеру, расположившемуся бивуакомъ на избранномъ мѣстѣ, я, передавши ему свои соображенія насчетъ скота, попробовалъ-было уговорить его начать постройку блокгауза не такъ далеко, а на самомъ берегу рѣки. Старикъ счелъ выгоднымъ сойтись съ нами для закупки нужнаго скота и рѣшился обождать того времени, когда наша компанія перенесетъ свою дѣятельность на правый берегъ рѣки; устраивать же свой блокгаузъ гдѣ бы то ни было, кромѣ избраннаго имъ самимъ мѣста, отказался наотрѣвъ. Впрочемъ, считая переправу и для себя очень полезною и даже необходимою, онъ обѣщаль все время, пока я съ своими вачеро буду содержать караулъ, присылать поочередно по два человѣка изъ своей партіи намъ въ помощь, а если это окажется неудобнымъ, то нанять съ своей стороны четырехъ вачеро, долженствующихъ тоже находиться въ моемъ распоряженіи. Волей-неволей приходилось караулить собственными средствами. Согласно уговору, сдѣланному съ дядей Боемъ еще до начала работы, онъ взялъ на себя безвозмездное наблюденіе на лѣвомъ берегу, а я съ своими вачеро расположился бивуакомъ на правомъ берегу Ридъ-Ривера.

У самаго ущелья или прохода черезъ горы, на перевалѣ хребта, возвышалась одинокая скала. Какъ со стороны ущелья, такъ и съ сѣвера эта гора была совершенно неприступна. Со стороны же рѣки и преріи на нее можно было взлѣзть верхомъ, пользуясь выступами скалъ и неглубокими разсѣлинами или промоинами. Взобраться на нее со стороны преріи было значительно труднѣе, тогда какъ къ рѣкѣ вела довольно сносная лѣсная тро-

пинка, оканчивающаяся у самого побережья, нѣсколько сажень выше причаловъ паромовъ. По песчаному побережью можно было легко добраться до переправы.

Плоскую вершину этой скалы я избралъ мѣстомъ для бивуака. Отсюда былъ видѣнъ весь проходъ за исключеніемъ нѣсколькихъ поворотовъ, закрытыхъ скалами; съ одной стороны прерія на значительное пространство; съ другой—весь лѣсистый береговой склонъ хребта и Ридъ-Риверъ на далекое разстояніе, вверхъ и внизъ.

Наши плоты были совершенно ясно видны, и въ случаѣ опасности къ нимъ можно поспѣть во-время.

Трудно найти болѣе удобный пунктъ для наблюдательнаго поста. Чтобы пройти незамѣченнымъ къ нашей переправѣ нужно было прокрадываться нѣсколько десятковъ миль по склону хребта, покрытаго лѣсомъ, что было почти невозможно, такъ какъ голыя скалы прерывали лѣсъ и, по причинѣ овраговъ и отвѣсныхъ обрывовъ, трудно было предположить, чтобы кто-либо отважился на такой подвигъ.

Расположивъ бивуакъ на плоской вершинѣ скалы, приходилось держать караульныхъ только у самой переправы, что давало возможность усилить разъѣзды въ преріи. Метисы должны были пѣшкомъ осматривать лѣсной склонъ хребта и принимать участіе въ дальнихъ разъѣздахъ.

А. Курвскій.

ЭМИГРАНТЪ

САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ЯНА ЛАМА.

Koroniarz w Galicji, czyli Powagi powiatowe. Szkice współczesne,
przez N. M. Lwów.

Въ прежней польской литературѣ напрасно было бы искать сатирика въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Можно указать на писателей, которые отличались остроуміемъ и юморомъ, — такими писателями съ избыткомъ богата польская литература; но сатирика, въ истинномъ значеніи этого слова, она не представляетъ, да и вообще, при отсутствіи въ ней независимой отъ предразсудковъ и предубѣжденій литературной критики, ни одному писателю не указано принадлежащаго ему по праву мѣста и не опредѣлены дѣйствительное значеніе и характеръ его произведеній.

Въ исторіи польской литературы имена писателей располагаются обыкновенно по эпохамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ одному дается названіе философа, другому — историка, третьему — поэта и т. п., безъ всякихъ попытокъ опредѣлить дѣйствительное значеніе того или иного писателя въ ряду другихъ и указать степень вліянія его на развитіе современной мысли, науки и искусства. Но и при такой чисто-механической классификаціи, названіе сатирика носятъ все-таки очень немногіе польскіе писатели. Съ нѣкоторымъ правомъ можетъ претендовать изъ старыхъ писателей на названіе сатирика развѣ одинъ Христофоръ Опалинскій, писатель первой половины XVII столѣтія. Сатиры его имѣли въ свое время большой успѣхъ и были нѣ-

сколько разъ издаваемы ¹⁾. Написаны онѣ неримованными стихами и нападаютъ на роскошь и излишества шляхты, на ея крайній развратъ и безнравственность, сопряженные съ безчеловѣчнымъ угнетеніемъ хлопковъ. Сатирикъ, повидимому, не столько думывается, сколько инстинктивно доходить до пониманія внутреннихъ причинъ зла, лежавшихъ въ самомъ социальномъ устройствѣ польскаго общества. Это замѣчательно тѣмъ болѣе, что Опалинскій былъ панъ изъ пановъ, богатый и сильный. Сатира его противъ крайняго угнетенія хлопковъ оканчивается слѣдующими словами:

«...Bóg Polskę karze
Najwięcej za poddanych: ba i karać będzie,
Jeżeli się, polaku, nie obaczysz kiedy»,—

то-есть: «Богъ казнить Польшу больше всего за крестьянъ (poddanych, т.-е. крѣпостныхъ) и впредь не перестанетъ казнить, если поляки не образумятся». Въ литературномъ отношеніи, впрочемъ, сатиры Опалинскаго весьма слабы. Онѣ не чужды даже рѣзкой брани и похожи не столько на произведеніе художественной литературы, сколько на грозный обвинительный актъ противъ современнаго имъ общества. «Нѣтъ и слѣда поэзіи въ сатрахъ Опалинскаго, о ней онъ не имѣлъ понятія» — говоритъ Бартошевичъ въ своей исторіи польской литературы. Самъ Опалинскій, по словамъ того же историка, былъ человекъ «надменный, постоянно ссорившійся съ королемъ Яномъ-Казиміромъ, жадный и вѣроломный»...

Впрочемъ, нѣтъ ничего, удивительнаго въ томъ, что въ сферѣ художественныхъ произведеній польская литература бѣдна истинно-сатирическимъ элементомъ. Какъ выраженіе однихъ отрицательныхъ воззрѣній на жизнь, исполненныхъ ироніи и желчи, сатира не могла найти себѣ надлежащаго представителя въ польской литературѣ, исполненной вообще лиризма. Въ области лирики польская художественная литература богата поэтою замѣчательнѣйшими и гениальными представителями. Критическое отношеніе къ жизни, сатирической взглядъ на ея аномаліи совершенно противны прежнему польскому мировоззрѣнію, и если подобный взглядъ и отношенія къ жизни встрѣчаются иногда въ произведеніяхъ того или иного писателя, то всегда грѣшатъ нѣкоторою односторонностію и поверхностностію, старательно обходятъ принципы и такъ-называемыя «основы» общественныхъ, гражданскихъ

¹⁾ Въ 1698 г. они вышли вторымъ уже изданіемъ, подъ заглавіемъ „*Juvenalis Rejuvenus, to iest Satyry albo Przestrogi*“.

и социальныхъ отношеній, ограничиваясь трогательными помпшеніями развѣ о нѣкоторыхъ незначительныхъ улучшеніяхъ. Панъ Опалинскій, воевода познанскій, былъ бы вполнѣ доволенъ и, быть можетъ, не писалъ бы даже своихъ сатиръ, если бы шляхта не очень обременяла хлоповъ непосильными работами, меньше сплавала бы ихъ въ принадлежащихъ ей ворчмахъ северною водою и такимъ отвратительнымъ пивомъ, которымъ, по его словамъ — «можно бы отравить всѣхъ чертей въ аду». Оптимистическое отношеніе къ «жизненнымъ аномаліямъ», въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, лишь бы не вредили интересамъ шляхты, всегда было присуще и къ сожалѣнію до днесь свойственно истинно «шляхетско»-польскому мировоззрѣнію. Весьма естественно, что съ точки зрѣнія сословныхъ интересовъ не было въ мірѣ государственнаго порядка совершеннѣе польскаго, не было общества, въ которомъ всѣ условія жизни были бы столь превосходны!.. Гдѣ же тутъ мѣсто для сатиры?

Критическое отношеніе къ жизни и вытекающій отсюда сатирическій взглядъ на ея ненормальныя явленія и темныя стороны остались чуждыми польской литературы и въ ближайшія ея эпохи. Изъ писателей новаго времени имя сатирика приписывается Августу Вильонскому; его называютъ даже польскимъ Свифтомъ. Но, въ сущности, это былъ только человекъ веселаго нрава и не чуждый остроумія и нѣкотораго юмора, но отнюдь не серьезный мыслитель и весьма неглубокой скептикъ. На литературное поприще онъ выступилъ шута, уже на 35-мъ году своей жизни, и то благодаря только стѣсненнымъ своимъ обстоятельствамъ и безвыходности матеріальнаго положенія. Родился онъ въ княжествѣ познанскомъ въ 1805 году, и по смерти отца скоро прогулялъ все свое состояніе. Вильонскій переселился тогда въ царство польское, нѣкоторое время снималъ на аренду небольшія шляхетскія имѣнія и — остался буевально безъ сапогъ. Тогда онъ взялся за литературу.

«Ramoty i Ramotki» (разказы и побасенки) Вильонскаго, печатавшіеся въ сороковыхъ годахъ въ журналѣ «Biblioteka Warszawska» и изданныя потомъ нѣсколько разъ отдѣльно¹⁾, имѣли въ свое время громаднѣйшій успѣхъ, читались и перечитывались въ каждомъ домѣ и даже выучивались наизусть. Но причина такого успѣха лежала не въ художественныхъ достоинствахъ сатиры, а въ общихъ условіяхъ литературы и общественной

¹⁾ Они изданы вновь въ 1873 г. редакціей варшавскаго журнала „Tygodnik Ilustrowany“.

жизни, при которыхъ самые легкіе юмористическіе рассказы и эскизы, не чуждые близкаго, прямого отношенія къ жизни, могутъ возбуждать сильнѣйшій интересъ. И дѣйствительно, Вильонскій вѣчно весель, слегка насмѣшливъ, забавенъ, остроуменъ, и лишь весьма издалека намѣками, тщательно завернутыми, затрагиваетъ серьезныя стороны жизни.

Въ современной намъ польской сатирѣ, мы встрѣчаемъ еще весьма молодого писателя, но съ ясно опредѣлившимся сатирическимъ талантомъ. Это—Янъ Ламъ (Jan Lam). Его сатирическіе романы: «Rapna Emilia», «Kogoniarz w Galicji», «Głowy do złoty» и др. представляютъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательное литературное явленіе и, по своему характеру, художественнымъ приемамъ, по глубокой ироніи и сарказму, которыми они проникнуты, составляютъ положительную новость въ польской беллетристикѣ. Какъ галичанинъ, Янъ Ламъ рисуетъ и безпощадно бьетъ всѣ темныя стороны и нравы того блаженнаго уголка, гдѣ клерикальныя и шляхетскія традиціи, симпатіи и воззрѣнія, со всею ихъ ископаемостью, сохранились во всей своей непривкосновенности. Поле—чрезвычайно благодарное для даровитаго наблюдателя! Въ извѣстныхъ кружкахъ и въ редакціяхъ большинства польскихъ изданій, романы Лама не могутъ возбуждать въ себѣ сочувствія ни на мѣстѣ своего происхожденія, въ Галиціи, ни у насъ, въ Варшавѣ. Но энергическій сатирикъ, вѣрный характеру и направленію своего таланта, разъ вступивъ на свой путь, къ чему рѣшительно не привыкла польская публика и въ чемъ она такъ нуждается, вовсе не намѣренъ, повидимому, уклоняться съ своего пути и насиловать свои убѣжденія въ угоду исторически завѣщаннымъ вкусамъ читателя. «Я пренебрегалъ вашимъ общественнымъ мнѣніемъ и тогда, когда былъ еще бѣденъ и голъ, какъ истинный дервишъ этой католической страны», — говорить онъ устами одного изъ выводимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ:—«я пренебрегаю этимъ мнѣніемъ и теперь, когда у меня есть деньги и когда мнѣ стоило только позолотить гербы на дверцахъ моей кареты, встряхнуть банковыми билетами, лежащими въ моемъ портфелѣ, накормить десятка два лакейскихъ душъ и послать ихъ за этимъ мнѣніемъ, чтобы оно немедленно явилось ко мнѣ на службу и стало пресмыкаться у моихъ ногъ, лизать мои сапоги, какъ хорошо дрессированная собака»... Такія рѣчи вообще необычны въ устахъ польскаго романиста, и не могутъ не поражать своею энергіею и рѣзкостію публику, привыкшую искать въ художественномъ словѣ только измѣненія возвышенныхъ чувствъ, порывовъ къ туманному идеалу...

Изъ названныхъ нами произведеній Яна Лама мы нагѣрени познакомить читателя съ его «Koroniarz w Galicji»¹⁾, по нашему переводу «Эмигрантъ». Герой этого романа—молодой повстанецъ, бѣжавшій въ Галицію изъ русской Польши. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ льется человѣческая кровь, вслѣдствіе ли безотчетнаго увлеченія, вслѣдствіе ли политическаго или иного фанатизма, или по какимъ бы то ни было инымъ причинамъ, тамъ не можетъ быть ничего забавнаго и комическаго, тамъ не можетъ быть мѣста досушему зубоскальству и нахальному глумленію, которымъ способна предаваться только тупая бездарность и самодовольная посредственность... Содержаніемъ романа «Эмигрантъ» служить вовсе не трагическія сцены самаго возстанія, цѣлюю—не возбужденіе племенной ненависти и раздраженія; сатирикъ задался мыслью охарактеризовать то участіе, какое принесла въ возстаніи галиційская шляхта и тотъ пошло-комическій фарсъ сословнаго патріотизма, который былъ ею такъ нелѣпо разыгранъ. Въ сатиру заключена превосходная коллекція типовъ, напоминающая другое собраніе великолѣпныхъ типовъ, какое мы имѣемъ въ «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя. «Эмигрантъ» предъ вашими глазами развертываетъ панораму горячихъ патріотовъ и жалкихъ трусовъ, прятавшихся въ минуту опасности и потомъ хваставшихъ своими подвигами, политическихъ «повѣтовыхъ авторитетовъ», отличающихся невѣжествомъ, слабоуміемъ и мелкимъ эгоизмомъ; въ эту среду является, подобно Чичикову, герой романа, панъ Артуръ Кукельскій, типъ варшавскаго хлыща, живьемъ взятаго съ варшавской мостовой, со всею его пошлостью и самоувѣренностью, съ желаніемъ вѣчно рисоваться и ежеминутно спасать отечество подъ условіемъ собственной безопасности, не сознавая при этомъ, что отечеству всего нужнѣе было бы спастись отъ такихъ героевъ.

Сатирическая поэма Гоголя, безпощадно анатомировавшая нашу «интеллигентную» массу и нашедшая въ ней однихъ только Чичиковыхъ, Новдревыхъ, Собакевичей, Маниловыхъ и т. д., также оскорбила въ свое время нашихъ лже-патріотовъ; но огромное большинство публики восхищалось сатирическою поэмою Гоголя; наконецъ, эта поэма нашла себѣ такого истолкователя, какъ Бѣлинскій, и голосъ Бѣлинскаго покрылъ собою негодованіе «патріотовъ». Немногимъ могло придти въ голову обвинять Гоголя въ недостаткѣ любви къ отечеству, въ желаніи опозорить

¹⁾ Авторъ, т.-е. Янъ Ламъ, счелъ нужнымъ въ этомъ романѣ скрыть свое имя подъ буквами „N. M.“, но что романъ принадлежитъ ему—это не составляетъ тайны.

общественныя силы съ цѣлью возбудить въ нихъ недовѣріе и оправдать тѣмъ всякую болѣе энергическую опеку надъ ними. Совсѣмъ не то можеть ожидать искренняго и талантливаго сатирика въ огромномъ большинствѣ польской печати и въ извѣстныхъ общественныхъ кружкахъ. Мы уже объяснили выше причины тому, а теперь приведемъ въ подтвержденіе сказаннаго нами примѣръ, извѣстный нашимъ читателямъ.

Ровно годъ тому назадъ мы помѣстили въ «Вѣстникѣ Европы» историческую статью: «Польша и поляки при Станиславѣ Понятовскомъ», безъ всякихъ сатирическихъ намѣреній и на основаніи несомнѣнныхъ документовъ. Эти документы не составляютъ для поляковъ новости, и мы, знакомя съ ними русскаго читателя въ интересѣ науки и исторической истины, не думали взводить напраслины на недавнее прошлое польскаго общества. Но польскій лиризмъ таковъ, что онъ требуетъ непременно прикрытія мрачныхъ сторонъ прошлаго густою завѣсою молчанія, живетъ въ мірѣ постоянныхъ иллюзій и эгоистическаго самообольщенія, и пріучасть вѣрить и утверждать, что оно, это прошлое, не только не мрачно, но напротивъ—неподражаемо-прекрасно!..

Дѣйствительно, ни одинъ органъ польской печати не упомянулъ ни однимъ словомъ о тѣхъ сборникахъ, на основаніи которыхъ мы составили ту статью, не заинтересовался ими и не познакомилъ съ содержаніемъ ихъ своихъ читателей. Это—фактъ. Большинство этихъ органовъ живетъ въ своемъ собственномъ мірѣ, имѣеть свои собственные, исключительные принципы, свои исключительныя симпатіи и антипатіи, какъ французскіе легитимисты Сень-Жерменскаго предмѣстья. Органы эти полагають, что голосъ исторической истины не нуженъ польскому обществу и даже, пожалуй, вреденъ; они думаютъ, что полезнѣе кормить его навными разсужденіями о политикѣ Бисмарка, о Магъ-Магонѣ и пр.; они убѣждены, что для нравственной пользы нужно занимать общественный умъ археолого-меланхолическими размышленіями о вещественныхъ памятникахъ прошлаго, приковывать его вниманіе къ развалинамъ старыхъ часовенъ и старо-магнатскихъ замковъ, старательно отыскиваемыхъ и воспроизводимыхъ на литографическомъ камнѣ и на страницахъ иллюстрацій, не упоминая, впрочемъ, о томъ, что происходило въ этихъ замкахъ... Наша статья, или лучше сказать, интимная переписка послѣдняго польскаго короля, обнаруживала темныя стороны въ прошедшей жизни польскаго общества, и этого уже достаточно было, чтобы въ польской печати, и даже въ тѣхъ ея органахъ, которые сами

ведутъ борьбу съ своими мѣстными старовѣрами, вызвать почти негодование ¹⁾).

Если общественные нравы таковы, что спокойный голосъ исторіи допускается только подъ условіемъ пріятнаго,—то легко можно себѣ представить судьбу сатиры въ такомъ обществѣ, и отношенія туземной критики къ романамъ подобнымъ «Эмигранту».

Не дѣлая полного перевода и ограничиваясь анализомъ этой сатирической поэмы Яна Лама, появившейся года два-три тому назадъ, мы постараемся однако мѣстами держаться близко подлинника и передать главныя его особенности.

Въ 1863 г., въ самый разгаръ возстанія, галиційская шляхта готовилась принять въ немъ участіе и приступила къ формированію повстанскихъ отрядовъ или «корпусовъ»; но назначеніе ихъ, въ сущности, состояло не въ томъ, чтобы посылать ихъ противъ русскихъ войскъ, а въ томъ, чтобы они были будто ежеминутно готовы произвести «диверсію» и парализовать дѣйствія противныхъ силъ, занимавшихъ Подолію, Волынь и Украйну.

Послѣ пораженія, гдѣ-то около Сандомира, одной изъ мелкихъ повстанскихъ шаекъ русскимъ отрядомъ является во Львовѣ

¹⁾ Статья противъ насъ появилась въ журналѣ „Niwa“, въ прошедшемъ году, за подписью Болеслава Прусса (кажется, псевдонимъ). Мы упоминаемъ о ней потому, что пришлось къ слову; она внушена тѣмъ же лирическимъ „чувствомъ“,—а съ чувствомъ спорить нельзя и напрасно. Ограничимся небольшимъ замѣчаніемъ. Намъ обвинитель не говорить ни слова противъ документальной части статьи, противъ ея содержанія, какъ того слѣдовало бы ожидать, да и что могъ бы онъ сказать? Не можетъ же онъ утверждать, что мы сами сочинили письма къ королю Станиславу Августу, или получали ихъ отъ него! Вся бѣда въ заключительныхъ словахъ нашей статьи, которыя г. Пруссъ не хочетъ понимать, и, не касаясь связи ихъ съ содержаніемъ самой статьи и той цѣли, къ какой они направлены, привлекаетъ насъ къ суду за клевету на польское общество. Возврънія, убѣжденія и симпатіи молодого польскаго поколѣнія мы старательно отдѣляемъ отъ тенденцій поборниковъ традиционныхъ возврѣній; но г. Пруссъ не хочетъ видѣть этого существенно-важнаго обстоятельства — и весьма ловятно, почему: иначе ему нечего было-бы имъ возражать Насъ, впрочемъ, не удивляетъ то обстоятельство, что такое обвиненіе противъ насъ появилось не въ „Kronika Rodzinna“, не въ „Kurier Wagażawski“ и имъ подобныя варшавскихъ листкахъ, а въ „Niwa“, журналѣ, издаваемомъ людьми молодой польской генерации. Это обстоятельство несколько насъ не смущаетъ и не вводитъ въ заблужденіе. Мы не можемъ не видѣть всѣхъ усилій, съ которыми такъ усердно стараются опутать зотюгъ, во всякомъ случаѣ весьма дѣльный, журналъ фанатики традиционныхъ возврѣній... Но „Niwa“ должна помнить слова Бѣрне: „протиати чорт! одинъ палець, онъ скоро схватить всю руку“.

нѣкто Артуръ Кувельскій. Панъ Артуръ — красивый брюнетъ средняго роста, щегольски одѣтый, съ темно-синимъ *pinse-nez* на носу, при свѣтскомъ лоскѣ, не чуждъ нѣкотораго образованія и отлично владѣеть французскимъ языкомъ, — словомъ, панъ Артуръ принадлежитъ, по всѣмъ признакамъ, къ «сливкамъ» варшавскаго общества...

«Главный штабъ» вооруженныхъ галиційскихъ силъ, долженствующихъ сдѣлать ту диверсію, немедленно по прибытіи пана Кувельскаго въ Галицію, произвелъ его въ майоры и приказалъ ему явиться въ львовскую «экспедиціонную комиссію». Эта комиссія, не зная, что дѣлать съ майоромъ, отослала его въ новую какую-то комиссію, а та опять препроводила его къ какому-то комиссару, котораго во всемъ Львовѣ не оказалось и на лицо... Панъ Артуръ пожаловался въ «главный штабъ вооруженныхъ силъ»¹⁾. Пошли справки и переписка; оказалось, что Галиція пользуется автономіей, и потому центральныя варшавскія власти не должны вмѣшиваться въ мѣстныя распоряженія, въ которыхъ онѣ, впрочемъ, ничего и не смыслятъ. Недовольный и раздосадованный, Артуръ бродилъ изъ кондитерской въ городской садъ, изъ сада въ кондитерскую, ругая и проклиная «Галилею» (насмѣшливое прозвище Галиціи) и ея порядки, которые представляли, собственно говоря, только вѣрную копію старой гражданской и военной организаціи Австріи. Къ довершенію горя, майоръ долженъ былъ скоро бѣжать изъ гостинницы и скрываться отъ полиціи, приступившей къ тщательному обыску по всѣмъ отелямъ и заѣзжимъ домамъ, и принужденъ былъ даже ночевать нѣкоторое время подъ открытымъ небомъ, пока не сжалилась надъ нимъ судьба. Двѣ дамы, гуляя въ саду, замѣтили интереснаго молодого человѣка, робко скрывающагося между деревьями и видимо истомленнаго голодомъ... Тронутыя сожалѣніемъ и догадываясь о причинахъ его робости, онѣ, молча и знаками, пригласили Артура слѣдовать за ними. Какъ ни желательно было Артуру, чтобы Провидѣніе въ подобныхъ случаяхъ являлось всегда въ единственномъ числѣ, но голодъ подавлялъ всякія постороннія соображенія: впереди была одна непріятная перспектива полицейскаго ареста, и потому герой вовсе не претендовалъ на судьбу вообще и въ частности на галиційскую автономію, посланную ему вмѣстѣ двухъ покровительницъ.

Старшая возрастомъ имѣла темнорусые волосы, большіе черные глаза, смѣшной бѣлизны лицо, нѣсколько вдернутый носикъ.

¹⁾ Всѣ эти названія обозначены кавчыками въ подлинникѣ.

Меньшая спасительница была еще молоденькая дѣвушка, едва перешагнувшая за дѣтскій возрастъ, съ роскошными бѣлокурными волосами и голубыми глазами, исполненными выраженія нѣжности и какого-то нетерпѣливаго любопытства... Артуръ остолебѣлъ и растерялся отъ неожиданнаго впечатлѣнія, но вскорѣ овладѣлъ собой и принялъ самоувѣренно-спокойный тонъ. Въ немногихъ словахъ успѣлъ онъ передать своимъ спасительницамъ, что онъ точно повстанецъ изъ царства, что настоящее имя его покрыто пока тайною и что временно онъ называется Янъ Вара. Онъ далъ понять притомъ, что его дѣло очень важное, и русская и австрійская полиція въ эту минуту тѣмъ только и заняты, что ищутъ его, Яна Вару!..

Въ квартирѣ своихъ спасительницъ, на Іезуитской улицѣ, маіоръ Вара вдохнулъ свободно, а главное избавился отъ мученій голода. На первыхъ же порахъ, онъ узналъ, что находится въ домѣ пани Маргариты Шелищинской, по первому мужу Триещинской, а молодая подруга ея, Целина, дочь пана Шелищинскаго отъ перваго брака... Маіоръ выразилъ желаніе быть представленнымъ хозяину дому, но получилъ отвѣтъ уклончивый. Оказалось вскорѣ, что пана Маргарита разошлась съ мужемъ. Вотъ обстановка, при которой начались похождения Артура.

Цѣлыхъ двѣ недѣли пробылъ маіоръ въ домѣ Шелищинской, пользуясь всевозможными удобствами и комфортомъ въ качествѣ знатной особы, и, отправляясь въ армію, долженствовавшую произвести «диверсію», Артуръ съ избыткомъ снабженъ былъ всѣмъ необходимымъ.

Наканунѣ отъѣзда Артура, собрался вечеромъ въ салонѣ Шелищинской «военный совѣтъ», для обсужденія мѣръ, какія надлежало предпринять, чтобы маіоръ могъ приступить къ исполненію своей миссіи съ наибольшою безопадностію и, слѣдовательно, съ наибольшою пользою. Участіе въ совѣтѣ принималъ только пре-красный полкъ, изъ мужчинъ же допущенъ былъ какой-то старшій полковникъ, зачисленный въ резервъ и не участвовавшій пока въ военныхъ операціяхъ. Кружокъ считалъ, однако, не подлежащею спору аксіомой, что если полковникъ захочетъ стать въ главѣ арміи, то надѣлаетъ невѣроятныхъ чудесъ! Онъ командовалъ въ 48-мъ году отрядомъ народной гвардіи и обнаружилъ такіе таинческіе таланты, что самъ Дверницкій долженъ былъ сознаться, что ни одинъ легіонъ не дѣлалъ на-вараулъ и не забѣгалъ по-взводно, вправо и влѣво, съ такою отчетливостію и въ такомъ порядкѣ, какъ совершалъ эти эволюціи баталіонъ каптана Кватерницаго. Благодаря столь рѣдкимъ военнымъ заслу-

гамъ и талантамъ, общій голосъ давно произвелъ капитана въ майоры, въ данную же минуту онъ дошелъ въ общественномъ мѣнѣи до ранга полковника и пользовался репутаціей единственнаго въ мѣрѣ тактика...

Совѣтъ успѣшно обсудилъ и удовлетворительно рѣшилъ вопросъ насчетъ полной безопасности Артура. Укладывая свои вещи, онъ запряталъ въ чемоданъ, между прочимъ, двѣ фотографическія карточки своихъ дамъ, данныя ему каждою другъ отъ друга секретно, въ обмѣнъ на два его портрета въ полной майорской формѣ; положилъ также и розу, даръ Целины, врученную ему съ потупленнымъ взоромъ и орошенную горячими каплями слезъ; потомъ—фланелевую фуфайку, произведеніе собственныхъ рукъ Шелищинской, и тутъ же серебряный медальонъ падчерицы своей хозяйки, освященный въ Римѣ и, наконецъ, кожаный портфель съ замочкомъ, заключавшій поднесенные ему весьма цѣнные экземпляры гравюръ, производствомъ которыхъ занимается австрійскій цесарско-королевскій національный банкъ. Кромѣ того, Артуръ снабженъ былъ двумя бланковыми паспортами, французскимъ и русскимъ, визированными—одинъ во французскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, другой въ русскомъ консульствѣ въ Бродахъ. Оставалось Артуру рѣшить еще вопросъ, какое имя вписать въ бланковые паспорта. Онъ желалъ прискаты по возможности громкое имя, которое внушало-бы должное къ нему уваженіе среди той галиційской шляхты, которая, какъ ему было извѣстно, преклоняется и челомъ бьетъ передъ титулами и деньгами. Подумавъ немного, Артуръ схватилъ перо и вписалъ въ французскій бланкъ: «Henri de-la-Roche-Chouart, vicomte de Tourne-Broche et baron de Bargarolles»; въ русскій же бланкъ: «князь Святополькъ-Четвертинскій»... Все это звучитъ гораздо внушительнѣе—разсуждалъ Артуръ—не то что какой-нибудь... Бувельскій!

Наступила трогательная минута отъѣзда. Какой-то шляхтичъ, необыкновенно толстый и громаднаго роста, увѣзавшій въ деревню на собственныхъ лошадяхъ, взялъ съ собою майора и его чемоданъ съ фотографіями и фуфайками. Черезъ часъ во Львовѣ не осталось ничего, кромѣ сожалѣнія и слезъ, да двухъ фотографій въ полномъ майорскомъ мундирѣ, съ которыми Маргарита и Целина тщательно таились одна передъ другой.

Шляхтичъ гордился возложенною на него миссіей. Строго было ему внушено, что онъ везетъ чрезвычайно важную особу,

присланную французскимъ правительствомъ для изслѣдованія на мѣстѣ дѣйствительнаго положенія дѣлъ, что агентъ Наполеона III не говорить иначе, какъ по-французски, и потому не слѣдуетъ беспокоить его лишними разговорами. Съ тайнымъ благоговѣнiемъ поглядывалъ шляхтичъ на Артура, который съ гордымъ выраженiемъ лица, пуская дымъ своей сигары прямо въ носъ шляхтичу, развалился въ тряской бричкѣ съ возможнымъ комфортомъ, между тѣмъ какъ шляхтичъ, проникнутый важностию возложеннаго на него порученія, почтительно отодвигался на самый край брички и думалъ про себя: «вотъ они, французы, народъ прiятный, точно»...

Внезапный крикъ шляхтича вывелъ Артура изъ задумчивости. Въ ту минуту они были въ небольшой долинкѣ, къ которой примыкалъ слѣва густой буковый лѣсъ, опушенный орѣшникомъ, а справа разстился лугъ, за которымъ виднѣлось вдали каеостое мѣстечко, раскинутое на небольшомъ возвышенiи. По склону его тянулась, изгибаясь, узкая дорога.

— Жандармъ!— вскрикнулъ шляхтичъ съ отчаянiемъ.—И что мнѣ теперь дѣлать съ этимъ французомъ!.. Того и гляди, что угодишь ни за что, ни про что въ тюрьму!..

Артуръ съ недоумѣнiемъ смотрѣлъ на спутника и думалъ, что онъ шутитъ, но панъ Каэтанъ (такъ звали шляхтича) не шутилъ: не смотря на всю свою тучность, онъ быстро высочилъ изъ брички и шмыгнувъ въ кусты, бросивъ Артура, кучера и лошадей. Артуръ принялся вслѣдъ ему крѣпко ругаться по-польски. Жандармъ не обратилъ бы, конечно, никакого вниманiя на бричку Каэтана, но ругательства и проклятiя, которыми сталъ осыпалъ Артуръ всю «Галилею» и всѣхъ «галилейцевъ», невольно обратили на него вниманiе блюстителя общественнаго порядка. Быть можетъ, это каковой-нибудь «Ausländer», подумалъ жандармъ, по дошелъ къ бричкѣ и потребовалъ паспортъ.

— Plait-il?—спросилъ Кувельскiй.

— Pass, Reisepass,—повторилъ жандармъ.

Артуръ вынулъ изъ кармана документъ, въ которомъ значилось, что именемъ Е. В. императора французовъ приглашаютъ мѣстныя власти не чинить препятствiй Анри де-ла-Рошъ-Шуаръ виконту, барону и т. д., путешествующему для собственнаго удовольствiя по Германiи, Австрiи и далѣе, на Востокъ. Жандармъ однако не былъ убѣжденъ этимъ документомъ. Занявъ мѣствозлѣ Артура, онъ приказалъ возницѣ ѣхать далѣе.

Вскорѣ чемоданъ маiора Яна Вары, съ фотографiями, фуфайками и т. п., а также всѣ документы и бумаги, доставлены были

вмѣстѣ съ бричкою, въ цесарско-королевское уѣздное управленіе, въ г. Блотничаны, самъ же Артуръ, съ возницею, помѣщенъ былъ въ какомъ-то зданіи, напоминавшемъ амбаръ или сарай, но имѣвшемъ въ Блотничанахъ значеніе цитадели.

Но что случилось съ Казтаномъ? Необходимо было его отыскать, и съ этою цѣлью жандармами, съ толпою блотничанскихъ обывателей, произведена была въ лѣсу облава, не приведшая однако ни къ какому результату. Несчастный до такой степени ужаснулся отвѣтственности за сообщничество съ тайнымъ агентомъ Наполеона, что, шмыгнувъ проворно въ кусты, бѣжалъ безъ оглядки. Онъ найденъ былъ только на третій день и гдѣ-то очень далеко, въ безчувственномъ состояніи, вслѣдствіе совершеннаго изнеможенія; мѣстные жители, принявъ его за шпиона, избитаго повстанцами, передали его австрійскимъ властямъ, которыя, въ свою очередь, принявъ его за жандарма-вѣшателя, посадили въ тюрьму...

Нынѣ панъ Казтанъ занимаетъ почетную должность уѣзднаго вице-маршала, часто предсѣдательствуетъ въ разныхъ обществахъ и на общественныхъ собраніяхъ. Сосѣдь его и извѣстный ораторъ, когда выступаетъ съ публичною рѣчью, никогда не забываетъ прославлять добродѣтели и заслуги Казтана, и обыкновенно говоритъ:

«— Господа! Вотъ мужъ, который почти половину своей жизни провелъ въ тюрьмѣ за любовь къ родинѣ, и который всякій разъ, когда желѣзные запоры тюрьмы раскрывались для принятія вашихъ братьевъ, входилъ въ нее первый и выходилъ послѣдній».

Представителемъ власти въ Блотничанахъ былъ уѣздный начальникъ, герръ Финкманъ-фонъ-Финкмансгаузенъ, по мнѣнію высшихъ правительственныхъ сферъ—ein tüchtiger Beamter. Слабая сторона его состояла въ томъ, что онъ не зналъ другого языка, кромѣ нѣмецкаго, между тѣмъ, какъ всѣ эти «versprengte Ueberreste östlicher Nationalitäten», какъ удачно назвалъ ихъ однажды кавалеръ Гисера, постоянно обнаруживаютъ крайнее нерасположеніе къ изученію нѣмецкаго языка. Истину эту опытно извѣдалъ герръ Финкманъ въ Венгріи, гдѣ онъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ жилъ и начальствовалъ, и хотъ бы одного мадѣтра выучилъ нѣмецкому языку. Варварскій этотъ народъ оказался еще столь грубымъ, что выпроводилъ герра Финкмана весьма невѣжливо въ Галицію. Послѣ такой катастрофы, крайне печальной, герръ Финкманъ присланъ былъ начальникомъ въ Блотничаны, и пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ правительства.

Приведенный къ этому мученику закарпатскаго варварства, Артуръ упорно стоялъ на своемъ французскомъ діалектѣ, такъ что возможность объясненій между обвиненнымъ и властію оказалась немислимою. Все уѣздное управление единодушно заявило, что въ Блотничанахъ, кромѣ дочери аптекаря, никто не говорить по-французски. Представитель власти глубоко скорбѣлъ объ униженіи своего достоинства и авторитета, но дѣлать было нечего, и къ аптекарю посланъ былъ чиновникъ съ убѣдительною просьбою: представить на короткое время дѣвицу въ цесарско-королевское уѣздное управление.

Герръ Финкманъ не могъ скрыть своей радости при мысли о томъ, что въ рукахъ своихъ держитъ, по всей вѣроятности, одного изъ тѣхъ бездѣльниковъ-французовъ, которые, года четыре назадъ, надѣлали храброй цесарско-королевской арміи столько неприятностей на Минціо и Тичино... Съ сіяющей улыбкой принялъ онъ аптекаря, явившагося вмѣстѣ съ дочерью. При видѣ ея, Артуръ, повѣсившій было носъ, повеселѣлъ и подумалъ про себя, что если для испытанія политическихъ преступниковъ австрійцы не употребляютъ иныхъ орудій, то допросъ его въ блотничанскомъ управленіи во многихъ отношеніяхъ не лишеть быть привлекательности.

Какъ только допросъ былъ снятъ, хорошенькая переводчица успѣшила сообщить Артуру, что ему никакая опасность не угрожаетъ, такъ какъ одно веселое общество порѣшило предложить обильное угощеніе тюремному смотрителю, и въ эту ночь ей удастся освободить заключенныхъ и уволить цесарско-королевскую казну отъ лишнихъ расходовъ по транспортировкѣ ихъ въ Иглау. Вещи Артура давно уже находились въ обладаніи этого общества: они мгновенно исчезли съ брички, по прибытіи въ Блотничаны, и замѣнены старымъ сундукомъ съ хламомъ.

На прощаніи съ аптекаршей, Артуръ разсыпался въ увѣреніяхъ, что въ жизни своей еще не встрѣчалъ существа столь обворожительнаго. Живой румянецъ вспыхнулъ на лицѣ молодой дѣвушки; но она холодно и внушительно успѣшила замѣтить, что, съ своей стороны, она не встрѣчала болѣе... легкаго мысленнаго повстанца, развѣзжающаго съ глупымъ какимъ-то французскимъ паспортомъ. Артуръ подумалъ: «Толкуй что хочешь, а все-таки заинтересовалъ-то я тебя крѣпко!» Онъ былъ вполне убѣжденъ, что не можетъ не заинтересовать собою ея бы то ни было.

Артуръ и еще трое заключенныхъ въ тотъ же вечеръ дѣшались свѣжимъ и вольнымъ воздухомъ. Изъ тюрьмы Артуръ и

правился прямо въ аптеку: онъ рѣшился во что бы то ни стало увеличить львовскую коллекцію фотографій еще однимъ экземпляромъ.

Артуръ очутился вскорѣ передъ красивымъ домикомъ, надъ дверью котораго была надпись: «Аптека Бартомея Одварницкаго подъ королемъ Яномъ Собѣскимъ». Новая жертва Артура, значить, называлась Катерина Одварницкая. Онъ вошелъ въ сѣни, изъ которыхъ направо дверь вела въ довольно обширную залу; посрединѣ ея стоялъ длинный столъ, прикрытый бѣлою скатертью и уставленный тарелками.

Въ залѣ шелъ оживленный разговоръ, но табачный дымъ носился такими густыми клубами, что, несмотря на открытыя настежь окна, въ двухъ шагахъ нельзя было никого разглядѣть. Только спустя нѣсколько минутъ, Артуръ замѣтилъ, что онъ попалъ въ довольно многочисленное общество дамъ и мужчинъ, между которыми больше всего было Zuzügler'овъ,—такъ называли въ Галиціи уходившихъ въ повстанцы.

Къ новому гостю подошелъ хозяинъ дома, съ чувствомъ принявъ его въ свои объятія и представилъ затѣмъ всему обществу, всковеркая жестокое его французское имя.

— Извините,—проговорилъ Артуръ въ носъ и сквозь зубы, съ аристократическою полуулыбкой,—я желаю сохранить мое инкогнито и для *этихъ господъ*... Я называюсь Янъ Вара, маіоръ изъ штаба IX-го отдѣленія,—вотъ приказъ главнаго начальника вооруженныхъ силъ...

Пока аптекаръ вчитывался въ приказъ, цуциглеры громко стали выражать свое неудовольствіе: имъ не понравилось пренебрежительное: «эти господа!»... Къ счастью, это были люди болѣе или менѣе благовоспитанные. Общество раздѣлилось на группы, и въ каждой группѣ рѣчь шла о черезъ-чуръ оскорбительномъ обращеніи маіора. Одни утверждали, что всѣ люди братья, и что всѣхъ аристократовъ слѣдовало бы перевѣшать, чему старался противорѣчить одинъ только юноша изъ Кракова, который всѣхъ ближнихъ дѣлилъ на старшихъ и меньшихъ братьевъ и истребленіе шляхты не считалъ необходимостію, хотя нисколько не отвергалъ, что иные крайне ужъ много себѣ позволяютъ,—ораторъ значительно взглянулъ при этомъ на Артура. Надъ послѣднимъ, очевидно, собиралась буря, противъ него возставалъ и красный радикализмъ, и голубое ультрамонтанство. Но всего болѣе и невыносимѣе казалось Артуру то обстоятельство, что на него не обращала ни малѣйшаго вниманія моло-

денькая Катерина, занятая оживленнымъ разговоромъ съ нѣсколькими цуциглерами.

Одварницкій хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобы достойно принять въ своемъ домѣ маіора. Почтенный аптекаръ соединялъ въ своемъ лицѣ три должности, именно: аптекаря, бургомистра города Блотничанъ и—должность начальника того же города отъ имени возстанія. Въ качествѣ представителя послѣдняго, онъ считалъ своею обязанностью оказать возможное усердіе въ исполненіи порученій главнаго начальника вооруженныхъ силъ по отношенію къ маіору Варфъ. Помѣстивъ его на диванѣ, между своею супругою и казначейшею, онъ лично набилъ и подаль ему трубку на длинномъ чубукѣ, съ янтарнымъ мундштукомъ. Такую внимательность и всѣ услуги со стороны хозяина Артуръ принималъ *«avec une affabilité aussi gracieuse que charmante»*, какъ выразился онъ потомъ въ письмѣ своемъ къ пріятелю. Все это было, конечно, весьма лестно, но и дьявольски скучно. Всякій рядовой повстанецъ свободно могъ переходить отъ одной молодой дамы въ другой и ухаживать за ними, а тутъ страдай, сидя между двумя старухами, и толкуй съ аптекаремъ о томъ, почему, напримѣръ, Высокій вздумалъ напасть на Радзивиль, вмѣсто того, чтобы двинуться на Полѣсье и т. п. Это ужасно, но таковы вообще неудобства всякаго высокаго положенія... Артуръ скучалъ страшно, и ждалъ ужина съ крайнимъ нетерпѣніемъ.

По принятому въ Галиціи обычаю, дамы заняли весь передній уголъ стола, и только Артуръ и мѣстный униатскій священникъ посажены были ближе къ прекрасной половинѣ общества. Всѣ цуциглеры и городскіе *honoratioses* заняли противоположный конецъ стола. День былъ торжественный: аптекаръ справлялъ именины своей супруги. Пошли обычныя упрашиванія и даже жалобы, что панъ адъютантъ не желаетъ отвѣдать того-то, а попадьа-добродѣйка совсѣмъ почти не ѣстъ ничего и т. п. Когда налиты были бокалы, униатскій священникъ—*«gente Ruthenus, natione Polonus»*—поднялся съ мѣста и сказалъ небольшую рѣчь, въ которой заявилъ, что считаетъ нужнымъ извиниться передъ именинницей въ томъ, что *«не можетъ пить перваго бокала за ея здоровье, какъ велить обычай, ибо существуетъ иная именинница, за которую всѣ мы молимся и проливаемъ или должны проливать кровь»*... Ораторъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ *«всѣ»* и выразилъ сожалѣніе, что въ числѣ гостей не видитъ католическаго декана, въ присутствіи котораго слова его были бы еще вразумительнѣе. Спичъ этотъ принятъ былъ съ восторгомъ

всами, украинцами и великополянами, мазурами и галиційскими русинами, единогласно и громко воскликнувшими, вслѣдъ за ораторомъ: «*Sotwogu jej Hospody mnohaja lita!*..»

Спичъ послужилъ поводомъ къ оживленнымъ политическимъ разсужденіямъ, причемъ Артуру было объяснено, что униатскій священникъ принадлежитъ къ людямъ непростымъ, что въ 1831 г. онъ бѣжалъ изъ богословія, записался въ военную службу, совершилъ всю кампанію, потомъ снова принялся за богословіе и затѣмъ рукоположенъ былъ во священника. Увлеченный общедо бесѣдою, Артуръ не находилъ случая показать себя и повести рѣчь о своихъ аристократическихъ связяхъ, привычкахъ и т. п. Но и безъ того въ обществѣ этихъ простодушныхъ людей онъ напоминалъ собою парижскую шляпу на головѣ краснощекаго шляхтича—въ безенѣ домашняго издѣлія. Артуръ сыпалъ отборными словами, рисовался, и давно уже возбуждалъ нетерпѣніе въ униатскомъ священникѣ, человѣкѣ горячемъ и вспыльчивомъ. Говоря о языкѣ «московскомъ», Артуръ нѣсколько разъ назвалъ его «русскимъ»; священникъ всякій разъ поправлялъ пана Артура, но послѣдній какъ будто не слышалъ дѣлаемыхъ ему замѣчаній. Это возбѣсило священника, и онъ прочелъ пану майору энергическую рачею, совѣтуя ему впредь не давать москалямъ имени, которое они себѣ незаконно присвоиваютъ.. Сознавая свое интеллектуальное и общественное превосходство надъ простымъ галилейскимъ священникомъ и желая дать ему почувствовать всю разницу, существующую между ними, Артуръ возразилъ небрежно и пожимая плечами:

— Какія недѣлости! Всю эту этнографическую шарату выдумать, вѣроятно, какой-нибудь галилейскій ученый, ха-ха-ха!.. Истинный галилейскій мудрецъ—ха-ха-ха!..

Если великосвѣтскій варшавянинъ старался вызвать этими словами рѣшительный эффектъ, то результатъ превзошелъ всѣ его ожиданія... Священникъ всочилъ порывисто и, весь красный отъ гнѣва и негодованія, сильно ударилъ кулакомъ объ столъ и разразился бранью.

Цуциглеры и все остальное общество, очевидно, были на сторонѣ священника, всѣ старались даже помогать ему, явно выражая ему свое сочувствіе, а дѣвицы и дамы хихикали, говоря другъ другу: «и по дѣломъ! по дѣломъ!»... Только положеніе почтеннаго аптекаря было ужасно. Онъ умолялъ, убѣждалъ, обнималъ, дѣловалъ всѣхъ, приглашая къ единодушію и миру. Благодаря его усиліямъ и свѣжимъ бутылкамъ вина, миръ былъ наконецъ возстановленъ; но Артуръ рѣшился въ этотъ вечеръ не выступать

на сцену и все остальное время просидѣлъ, между аптекаршей и казначейшей, молча. Положеніе его было тѣмъ невыносимѣе, что все общество проводило время съ видимымъ удовольствіемъ. Какой-то бѣлокурый юноша занятъ былъ оживленнымъ разговоромъ съ Катериною, которая внимательно слушала его разсужденія о свободѣ, братствѣ и равенствѣ. За словами юноши внимательно слѣдилъ и священникъ, душевно радуясь, что растетъ такая славная молодежь... Разговоръ скорѣ сдѣлался общимъ, только Артуръ не принималъ въ немъ участія. дрожа передъ священникомъ, который пронизывалъ его грознымъ взглядомъ, лишь только онъ открывалъ уста. Окончательно сбитый съ позиціи, Артуръ спросилъ аптекаря о своихъ вещахъ. Увы! и тутъ была неудача. Оказалось, что, нѣсколько часовъ назадъ, какой-то важный господинъ, назвавшій себя чрезвычайнымъ комиссаромъ «жонда народоваго», высланнымъ изъ Варшавы съ спеціальною цѣлью подбирать повстанское оружіе и инныя вещи, приказалъ выдать себѣ чемоданъ маіора и уѣхалъ въ Забужъ, резиденцію Подборскаго, главнаго военнаго комиссара смежныхъ уѣздовъ. Артуръ грозилъ аптекарю военнымъ судомъ; но дѣлать было нечего, а потому маіоръ нѣсколько смягчился и только просилъ аптекаря приготовить ему на другой день, какъ можно раньше, лошадей въ Забужъ. Артуру отведена была чрезвычайно чистенькая комната; на подоконникахъ стояли въ горшкахъ цвѣты, наполнявшіе воздухъ благоуханіемъ. Осмотрѣвшись въ этомъ миломъ уголкѣ, Артуръ не могъ усомниться, что этотъ благовонный пріютъ уступленъ ему на предстоящую ночь панною Катериною... Надъ дѣвственною кроватью висѣлъ образъ Божіей Матери, съ заткнутою за нимъ пальмовою вѣтвію, а внизу, подъ образомъ, какіе-то фотографическіе портреты, всего больше заинтересовавшіе Артура. Это были: портретъ Одварницкаго, Одварницкой, а третій... о ужасъ!.. бѣлокураго юноши, въ мундирѣ вольнаго коннаго полка Эдмунда Рожицкаго ¹⁾. Портретъ снабженъ былъ собственноручною надписью: «не забудь меня.—Владиславъ Квасковскій.—1863». Открытіе это неприятно поразило Артура; съ гнѣвомъ и досадою бросился онъ въ постель и старался только какъ можно скорѣе заснуть. Раннимъ утромъ, на другой день, маіора не было уже въ Блотничанахъ.

Изъ разсказовъ аптекаря, маіору было вполне извѣстно, съ кѣмъ придется ему имѣть дѣло въ Забужѣ. Въ Блотничанскомъ

¹⁾ Такъ назывался одинъ изъ повстанскихъ полковъ.

повѣтъ Подборскій считался вторымъ, по порядку, великимъ чело-
вѣкомъ. Онъ исполнялъ должность военнаго комиссара, и если
не былъ назначенъ начальникомъ повѣта, то потому только, что
иногда этотъ занималъ панъ Броинскій, мужъ еще болѣе знамени-
тый, первая во всемъ округѣ политическая голова. На счетъ ума
и заслугъ Подборскаго, аптекарь могъ сообщить только, что жена
Подборскаго—женщина умная, образованная и чрезвычайно энер-
гическая, состоящая въ родствѣ съ ...скими, съ ...цкими и съ
...ами, т.-е. со всѣми почти галиційскими графами второй сте-
пени ¹⁾). Артуръ давно и очень много слышалъ объ этихъ гали-
ційскихъ графахъ, какъ объ особенной и крайне любопытной
породѣ людей. Размышленія его объ ихъ природѣ, нравахъ и
физиологическихъ отличіяхъ вскорѣ прерваны были неожиданнымъ
поворотомъ лошадей съ большой дороги на проселочную и бѣ-
лымъ столбомъ съ надписью: «деревня Забужъ». Спустя нѣ-
сколько минутъ, майоръ остановился передъ крыльцомъ довольно
большого зданія, съ четырьмя круглыми колоннами у подъѣзда,
подпиравшими небольшую верхнюю надстройку. Благодаря этому
подъѣзду и надстройкѣ, мѣстная прислуга и сосѣдняя мелкая
шляхта привыкла называть этотъ домъ «палацомъ», хотя Под-
борскій и его супруга всегда говорили только о своемъ «скром-
номъ шляхетскомъ домикѣ», напирая особенно на слово «шляхет-
скій» и стараясь этимъ показать, какую громадную честь дѣла-
ютъ они «простой шляхтѣ», зачисляя себя въ ея ряды... По
первому взгляду, забужскій «палацъ» представлялъ видъ удоб-
наго и вполне благоустроеннаго жилища, но при болѣе тщатель-
номъ наблюденіи оказывалось, что вся вѣшняя и внутренняя
обстановка его представляла нѣчто мизерное, подобно всѣмъ по-
мѣщичьимъ домамъ и всѣмъ галиційскимъ общественнымъ учреж-
деніямъ и институціямъ...

Стуль подъѣхавшей брички вызвалъ на крыльцо босоногого
лакея, съ пологою щеткой въ рукахъ. Пана не было дома, ушелъ
на охоту, была только пани. Артуръ приказалъ о себѣ доложить.
Лакей флегматически поставилъ щетку въ уголь, вытащилъ изъ
кармана бѣлые перчатки, напялил ихъ на руки и отправился
съ докладомъ. Артуръ не могъ удержаться отъ невольной улыбки,
глядя на эти приготовления...

Подборская сидѣла въ той комнатѣ, двери которой выходили
въ садъ, примыкавшій къ задней сторонѣ дома. Это была жен-

¹⁾ Это комическое названіе присвоено вновь испеченнымъ графамъ, купившимъ
этотъ титулъ за деньги. Такихъ забавныхъ графовъ въ Галиціи не перечесть.

щина, достигшая всей полноты развитія, т.-е. перегнагнущая за четвертый десятокъ,—это автору достовѣрно извѣстно; сама она считаетъ себя, съ нѣкотораго времени, только тридцать лѣтъ, но годъ тому назадъ ей было не больше двадцати-шести лѣтъ. Она глубоко убѣждена въ своемъ аристократическомъ происхожденіи и вполне вѣрить, что блескъ ея высокаго рода и положенія разливается и на все, ее окружающее... Сидя у столика и пробѣгая глазами небрежно газету «Czas», она слушала молоденькаго блондина съ закрученными вверхъ усиками, безъ умолку что-то говорившаго. Потокъ краснорѣчія прерванъ былъ босоногимъ лакеемъ, который вошелъ въ эту минуту въ комнату и, молча, остановился у порога, въ ожиданіи, пока прикажутъ ему говорить: такой былъ порядокъ.

— Что такое? — спросила Подборская.

— Какой-то панъ пріѣхалъ, ясне-пани.

— Пусть подождетъ во флигелѣ, пока воротится панъ... А какъ его зовутъ — не сказалъ?

— Янъ Вара, ясне-пани.

— Каковъ онъ?

— Похожъ на того графа, что прошлымъ лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Львова, только графъ будетъ почище.

— Проси, — сказала она, нѣсколько подумавъ.

Артуръ вошелъ и раскланялся съ изысканностью и рѣдкимъ шикомъ, прося извиненія за столь ранній визитъ. Только настоятельная необходимость видѣться сворѣе съ паномъ Подборскимъ заставила его явиться въ такое необычное время... Подборская съ граціею и достоинствомъ пригласила гостя занять мѣсто въ креслахъ.

Принято было въ то время за правило не представлять взаимно другъ другу незнакомыхъ людей, не спросивъ прежде на то ихъ согласія,—того требовало простое благоразуміе, понятная осторожность. Могло случиться, что «курьеръ» народоваго комитета протягиваетъ руку цесарско-королевскому «курьеру»... Только при такой осторожности возможно было поддерживать подобн *vivendi* между народowymi и цесарско-королевскими властями... Болтливый блондинъ нѣсколько оторопѣлъ и какъ будто жался при видѣ новаго гостя, но сейчасъ же подошелъ къ нему самъ и сказалъ дружески: «здравствуй»!..

— А-а!.. Здравствуй, — отвѣчалъ Вара сквозъ зубы, отчасти покровительственно, но голосомъ не вполне твердымъ.

— Вы, господа, знакомы?.. — спросила Подборская.

— Гм... да, знакомы, — отвѣчалъ блондинъ.

— Очень мало, — возразилъ Вара, съ очевидною цѣлью ослабить значеніе этого открытія.

Молчаніе. Майоръ внимательно разглядывалъ кончики своихъ лакированныхъ сапогъ; блондинъ вонфузливо игралъ шнурами своей «гусарки». Онъ былъ одѣтъ гусаромъ.

— Князь, — начала хозяйка, обращаясь къ блондину: — передъ востаніемъ, значить, вы вовсе не выѣзжали изъ Варшавы?

— Не выѣзжалъ вовсе, — отвѣчалъ гусаръ, стараясь не глядѣть на Артура, на лицѣ котораго отразилось не то удивленіе, не то недоумѣніе.

— Ахъ, да!.. Вчера вы обѣщали, князь, показать мнѣ портретъ княгини, вашей матери, и княжны, вашей сестры?

Вара сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе... Потупивъ глаза, гусаръ задумался, казалось, на минуту и какъ будто не рѣшался... Потомъ вынулъ изъ бокового кармана двѣ карточки и подаль ихъ Подборской.

— Это княгиня ваша мать, рожденная... Могу-ли спросить, князь?

— Рожденная... Радзивиль, — отвѣчалъ блондинъ.

— А это княжна?.. Ахъ, божественное существо! А имя?

Блондинъ какъ будто колебался нѣкоторое время, потомъ сказалъ смѣло:

— Олимпія.

— Княжна Олимпія Четвертинская, — повторила пани Подборская, и, подавая карточки Артуру, прибавила: — посмотрите, что это за прелестное существо!

Артуръ всвочилъ, словно ужаленный, взглянувъ на карточку, окинулъ блондина грознымъ взглядомъ, спряталъ карточки въ карманъ и сказалъ:

— Прошу меня извинить, но эти портреты принадлежать мнѣ... Съ вами же, Мосцишевскій, позвольте переговорить сейчасъ и наединѣ!..

— Но... послушай, Артуръ!.. — проговорилъ робко братъ княжны Олимпіи.

Подборская не опомнилась еще отъ изумленія, какъ Артуръ схватилъ подъ руку брата княжны Олимпіи и вышелъ съ нимъ изъ комнаты, унося съ собою портреты — чьи?.. Это были портреты Маргариты Шелищинской и Целины!..

Какого рода объясненія произошли между Артуромъ и блондиномъ, который оказался какимъ-то Мосцишевскимъ — это для насъ не важно. Нужно ли говорить, что Мосцишевскій этотъ былъ именно тотъ будто бы спеціальнѣйшій комиссаръ жонда на-

родоваго, который неожиданно явился въ Блотничаны и захватилъ чемоданъ Артура, съ фотографіями и паспортами...

Вскорѣ воротился съ охоты самъ Подборскій. Артуръ ждалъ представиться ему немедленно. Подборскій могъ служить идеаломъ военнаго комиссара!.. Рослый, плечистый, одѣтый почти по-военному, этотъ мужъ, украшеніе и гордость всего полвѣта, умѣлъ въ рѣшительныя минуты сохранить то торжественное самообладаніе и хладнокровіе, которыя составляютъ принадлежность только высшихъ умовъ. Сосѣди и друзья говорили о немъ: «на общественныхъ собраніяхъ онъ молчитъ... Видно, такъ нужно. Но еслибы человѣкъ этотъ заговорилъ когда-нибудь, то... слова его слѣдовало бы записать золотыми буквами!»

Молча принявъ Подборскій маіора Яна Вара и, храня торжественное же молчаніе, выслушалъ его жалобу на Мосцишевскаго и требованіе, чтобы «этотъ господинъ немедленно отправленъ былъ въ отрядъ».

— Какъ!.. Князь?.. — проговорилъ Подборскій, не понимая хорошенько, въ чемъ дѣло.

— Князь! — вскричалъ Артуръ, окидывая сконфуженнаго блондина презрительнымъ взглядомъ:—Этотъ господинъ случайно завладѣлъ моими вещами и моимъ паспортомъ... Мосцишевскій! —прикрикнулъ маіоръ: — маршъ во флигель и сейчасъ въ дорогу! Понятно?..

— Понимаю,—отвѣчалъ блондинъ, уходя поспѣшно.

— *C'est drôle, ma foi, c'est unique dans son genre!*— продолжалъ Артуръ къ немалому изумленію Подборскаго и Подборской, которая въ эту минуту вошла въ комнату, гдѣ происходила эта сцена. Подборская не могла не обратить вниманія на то, что Янъ Вара говоритъ по-французски съ неподражаемымъ акцентомъ, т.-е. обладаетъ высшею степенью салоннаго совершенства...

— Что такое?.. *Qu'y a-t-il?*—поправила она.

— Это неподражаемо! *Figurez-vous, madame*, этотъ господинъ, сынъ управляющаго однимъ изъ моихъ имѣній подъ Могилевомъ, захватилъ мой паспортъ и, полагая, что меня никто не знаетъ, вздумалъ играть здѣсь мою роль!..

Подборская вопросительно взглянула на мужа; тотъ кивнулъ утвердительно головой.

— Мошенникъ!—проговорилъ онъ сердито, хотѣлъ даже еще сказать что-то, но жена остановила его словами:

— Молчи! Скажешь какую нелѣпость!.. Признаюсь, — продолжала она, обращаясь къ Артуру:—этого господина я разг-

дала сразу, *ces gens-la ont des manières*, по которымъ узнать ихъ не трудно. Значить, я имѣю удовольствіе видѣть?..

— Яна Вару, маіора IX-го отдѣленія, — отвѣчалъ Кукельскій, раскланиваясь съ чувствомъ достоинства.

— Но «этотъ» называлъ васъ, кажется, Артуромъ и имѣлъ паспортъ на имя князя Четвергинскаго?

— Да, у него былъ *мой* паспортъ. Но... какъ повстанецъ, я называюсь Янъ Вара, и еслибы не исключительный случай, настоящее мое званіе и имя остались бы вамъ, конечно, неизвѣстны.

— Ахъ, мы бы и не знали, кого имѣемъ честь принимать въ своемъ домѣ!.. Что же ты стоишь и не подашь стула?.. Иди, впрочемъ, распорядись на счетъ обѣда.

Подборскій ушелъ исполнить распоряженіе супруги.

— *Quelle mystification!* — продолжала она. Я понимаю, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ князь можетъ и долженъ скрывать свое имя, *c'est très naturel*, но этотъ экономчикъ!..

— *Que voulez-vous, madame*, это наша «демократія»... Каждый изъ подобныхъ ему проповѣдуетъ какіе-то небывалые, красивые, нивелирующие принципы и, въ то же время, каждый желалъ бы выдавать себя за человѣка высшаго происхожденія. Мосцишевскій — князь! Ха, ха, ха!..

— Вполнѣ раздѣляю вашу веселость, князь, ошибка тутъ невозможна. Я понимаю, что можно все-какъ играть роль ученаго, военнаго, *enfin tout ce qui est du commun des martyrs*, но казаться человѣкомъ высшаго общества — нѣтъ, это невозможно. Такимъ человѣкомъ нужно родиться.

— *N'est ce pas, madame?* — отвѣчалъ Артуръ вопросомъ.

Вошелъ лакей и объявилъ, что обѣдъ готовъ. Замѣтивъ какую-то неисправность въ костюмѣ лакея, Подборская подозвала мужа и сказала шепотомъ: «дай ему по мордѣ». Когда она была уже съ Артуромъ въ «другой комнатѣ, раздался звонкій «хлясъ», свидѣтельствовавшій о томъ, что приказаніе было исполнено.

Когда хозяйка и гость сѣли за столу, Мосцишевскій уѣзжалъ изъ Забужа на господской подводѣ. Крестьянскія подводы для перевозки повстанцевъ употребляемы были только въ немногихъ округахъ.

Во дворѣ раздался въ то же время стукъ колесъ, и вскорѣ у подъѣзда остановились двѣ брички, съ которыхъ сошли четыре господина. Это были начальники мѣстной «организаци», которую Подборская ожидала къ обѣду и даже старалась протянуть время, распорядившись повременить съ супомъ.

Послѣ дружескихъ привѣтствій и объятій, гостямъ представ-

лень былъ майоръ Янъ Вара; затѣмъ всѣ вмѣстѣ сѣли въ столу. Началась рѣчь о театрѣ войны, о вѣроятности интервенціи въ пользу Польши со стороны западныхъ державъ, о громадныхъ трудахъ и издержкахъ, уже повесенныхъ и предстоящихъ въ будущемъ, на пользу родины.

— Всѣ бранять шляхту,—замѣтила хозяйка, — а безъ насъ шагу ступить не могутъ.

— Вѣрно, — подтвердилъ Сцислицкій, начальникъ Дыневичскаго уѣзда:—эти вотъ самые штабы, комитеты всякіе и пр. чтó дѣлаютъ? Намъ, не-военной шляхтѣ, велятъ сѣзжаться и разсуждать о томъ, какіе должны быть сухари для войска! Какъ ваше мнѣніе, Валентій?

— Я полагаю, что успѣхъ дѣла безъ пожертвованій невозможенъ.

— Конечно, но—сухари?

— Сухари? Что-жь, какіе кто хочетъ, такіе пусть и ваготовляютъ, для народоваго солдата это все равно.

— Вы, сосѣдь, я вижу, не признаете порядка и хотите опять повернуть къ *liberum veto*,—замѣтилъ Щенский, третій начальникъ уѣзда:—безъ порядка дѣло не пойдетъ.

— Если мы, жертвуя всѣмъ...

— Ахъ, да!.. Все, все въ жертву! — вскричалъ Сцислицкій, но вслѣдъ затѣмъ проговорилъ меланхолически: — увы! оземне вотъ совсѣмъ у меня пропали, всходы плохіе...

Вмѣстѣ съ обѣдомъ кончилась и конференція, вопросъ о сухаряхъ остался нерѣшеннымъ. Положено было собраться для обсуждения этого вопроса въ другой разъ, и затѣмъ, выхваливъ другъ друга за самопожертваніе во имя отчизны, шляхта встала отъ стола и сейчасъ же засѣла за зеленый столы.

Оставшись съ Артуромъ наединѣ, Подборская пригласила его въ садъ и повела снова рѣчь о текущихъ событіяхъ.

— Всѣ эти повстанцы очень странный народъ, — начала она: — требуютъ невозможнаго, и если желанія ихъ не исполняются, то претендуютъ всегда на насъ, на аристократію.

Подборская и Артуръ чувствовали себя въ эту минуту аристократами до мозга костей, вслѣдствіе того трудно-объяснимаго психологическаго факта, что нужно только захотѣть почувствовать себя аристократомъ, чтобы удалить отъ себя всякое сомнѣніе относительно княжескаго или графскаго своего достоинства... Если бы въ эту минуту какой-нибудь Сангушко велъ великодушскій разговоръ съ какой-нибудь Потоцкою, весь остальной

міръ не казался бы имъ до такой степени плебейскимъ и ничтожнымъ, какимъ онъ казался теперь князю Артуру и графинѣ Подборской.

— Ахъ! Эти демократы народъ рѣшительно неисправимый, — сказалъ Артуръ въ отвѣтъ на жалобный вопль польской аристократіи, вырвавшійся изъ устъ владѣтельницы Забужа. — Подняли они это возстаніе, Богъ знаетъ, изъ-за чего, и еслибы мы не захватили въ свои руки всего движенія, то неизвѣстно, куда бы оно насъ завело. Мы держались сначала въ сторонѣ, дѣйствовала демократія... *Tout simplement* денегъ мы не давали, и потому, когда возстаніе вспыхнуло, не оказалось ни оружія, ни иныхъ военныхъ запасовъ. *Malgré cela figurez-vous, madame, ces mauvaises têtes* стояли на своемъ, и тогда-то мы, *bon-gré mal-gré*, вынуждены были взять дѣло въ свои руки, чтобы предотвратить социальную-космополитическую-коммунистическую революцію, которая необходимо намъ грозила!

— *Mon Dieu!* — вскричала Подборская въ ужасъ: — возможно ли, послѣ событій 1848 года...

— *Je vous assure, madame!* Вопросъ касался поголовнаго истребленія шляхты и капиталистовъ, равномернаго распредѣленія имуществъ, уничтоженія семейныхъ узъ и всѣхъ нравственныхъ и религиозныхъ основъ. Да что говорить, *dernièrement* епископъ мнѣ случилось натолкнуться на подобныя теоріи, и не дальше, какъ въ Блотничанахъ, у аптекаря...

Подборская вся вздрогнула отъ ужаса и... прижалась къ князю Артуру, который продолжалъ:

— *Mais je vous dis, madame,* это было нѣчто ужаснѣе французскаго конвента! Вообразите себѣ сборище изъ полсотни свирѣпыхъ коммунистовъ, съ глазами налившимися кровью, въ красныхъ рубахахъ, съ засунутыми за длинныя голенища кинжалами, и въ срединѣ этой кровожадной толпы аптекаря, провозглашающаго тостъ за умерщвленіе всѣхъ князей, шляхты и шляхтянокъ, за уничтоженіе права наслѣдства и за свободу брачныхъ разводовъ и т. п.

— Но это вѣдь ужасно, невѣроятно, этотъ человекъ тоже имѣетъ дѣтей! У него, вы замѣтили, князь, есть дочь, что-ли?

— Есть, — отвѣчалъ князь, съ лѣнивою улыбкою: — *mais elle partage ses idées!* Ха, ха, ха!..

— О, я вижу, вы, князь, шалунъ! Тутъ что-нибудь есть... *Vous dites donc,* что она раздѣляетъ его идеи? Но, конечно, не на счетъ развода и не на счетъ уничтоженія наслѣдства? Да?

— *Pas précisément,* но — князь улыбнулся, — но эта блотни-

чанская красавица утверждаетъ и собственнымъ примѣромъ желаетъ доказать, что наши теории о необходимости брака — вздоръ, пустячная выдумка; ну, а потомъ... не нуженъ, конечно, разводъ, гдѣ нѣтъ брака.

— Ахъ, неужели? Значить, Одварница... дѣвушка эмансипированная? Не пыталась ли она и вамъ внушить свои понятія?... Ну, сознайтесь, князь!

— Съ своей стороны она употребляла всевозможныя усилія, направленные въ этой цѣли, но не могъ же я лишать счастья каждаго изъ этихъ санюлотовъ...

Внезапный крикъ ужаса вырвался изъ устъ Подборской и остановилъ дальнѣйшую рѣчь Артура: у самой той скамьи, гдѣ они сидѣли, стоялъ какой-то молодой человекъ. Оглянувшись тревожно, Артуръ испустилъ тоже внезапное восклицаніе, которое свидѣтельствовало, по меньшей мѣрѣ, о минутномъ отсутствіи въ немъ гражданской и военной отваги... Всючивъ съ мѣста, князь быстро ретировался въ сторону Подборской.

У скамьи стоялъ уже знакомый намъ юноша. Онъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ, сжимая конвульсивно въ рукахъ желѣзныя заступы, поднятый имъ тутъ же. Ни капли крови не было въ его лицѣ, глаза искрились, горѣли и страшно какъ-то глядѣли на Артура.

Князь тоже былъ блѣденъ, и если бы я вздумалъ утверждать, что онъ не дрожалъ въ эту минуту, то муза исторіи назвала бы меня лжецомъ, а мстительныя гаршіи загнали бы меня въ редакцію «Dziennika Lwowskiego», въ качествѣ достойнаго сотрудника этого не совсѣмъ правдолюбиваго органа. Поэтому, я долженъ сознаться, что мой богатырь весь дрожалъ отъ страха, забывъ въ ту минуту, что позорное чувство это рѣшительно не гармонируетъ съ принятою имъ на себя ролью потомка Рюрика, Игоря и Владиміра...

Юноша прибылъ въ Забузь по той же дорогѣ, по которой пріѣхалъ и Артуръ. Не найдя никого ни въ передней, ни въ залѣ, Квасковскій прошелъ въ садъ и такимъ образомъ подслушалъ неволью разговоръ Артура о вчерашнемъ вечерѣ у аптекаря. Читатели, безъ сомнѣнія, не могли не замѣтить, что разговоръ этотъ по многимъ пунктамъ не отличался ни точностью, ни вѣрностью, по нѣкоторымъ же напоминалъ даже знаменитый отчетъ «Dziennika Lwowskiego» объ одномъ изъ собраній депутатовъ...

Нѣсколько минутъ продолжалась нѣмая сцена. Забывъ о своихъ богатырскихъ предкахъ, князь настолько прижался къ Под-

борской, насколько возможно было это сдѣлать безъ нарушенія условій приличія, между тѣмъ какъ Квасковскій, сжимая въ рукахъ заступъ, напрасно старался дрожащимъ отъ негодованія голосомъ высказывать все то, что происходило въ его душѣ и сердцѣ.

— Что вамъ нужно? — проговорила, наконецъ, Подборская холодно и нѣсколько свысока.

— Я желалъ бы, если вы позволите, переговорить съ *этими...* господиномъ, — отвѣчалъ Квасковскій съ раздраженіемъ.

— Этотъ господинъ нашъ гость, а съ людьми незнакомыми, связующимися сюда, говорить обыкновенно мой мужъ. Потрудитесь обратиться къ мужу, онъ теперь дома.

Князь внутренно благословлялъ Подборскую, столь явно принявшую его сторону, въ виду не вполне деликатныхъ намѣреній со стороны противника. Князь бросалъ на желѣзную лопату подозрительные взоры, мысленно измѣрялъ ея калиберъ и думалъ о вѣроятности результатовъ, какими сопровождалось бы употребленіе ея въ видѣ холоднаго оружія... Къ счастью, въ присутствіи женщины Квасковскій чувствовалъ себя обезоруженнымъ, какъ человѣкъ благовоспитанный. Сознавая, что невозможно было бы ему дольше владѣть собой, онъ рѣшился не проговорить ни слова, молча поклонился Подборской и отправился искать ея мужа.

Князь вздохнулъ свободнѣе и немедленно разразился рыцарскимъ негодованіемъ, которое было бы ему такъ въ лицу нѣсколько раньше.

— Quelle insolence! — вскричалъ онъ: — вы замѣтили, какая дерзкая фізіономія у этого хлопомана? Признаюсь, если бы меня не стѣсняло ваше присутствіе, я бы ему намалялъ шею!.. Но обязанностью моею было *d'assouir à votre secours*; мнѣ показалось, что онъ хочетъ броситься на васъ.

— Ахъ, позвольте отъ души поблагодарить васъ, князь, за готовность вашу защитить меня отъ наглости этого человѣка... Такъ вотъ они каковы, эти хлопоманы!

— Вотъ, вы видите!.. А этотъ принадлежитъ къ опаснѣйшимъ и самымъ запальчивымъ. Я готовъ поручиться, что онъ побывалъ уже въ деревнѣ и зондировалъ настроеніе хлоповъ.

— Не совѣтую ему этого дѣлать... Во всякомъ случаѣ, это какой-то подозрительный индивидуумъ, и я сейчасъ же скажу мужу, чтобы онъ немедленно отправилъ его изъ Забужа подальше. Хлопы у насъ нѣсколько своевольны, и недоставало еще того только, чтобы эти господа начали тутъ свою пропаганду...

Подборская, въ сопровожденіи Артура, торопливо поспѣшила въ залъ и позвала мужа, чтобы дать ему надлежащія инструк-

ци. Онъ казался нѣсколько сконфуженнымъ и смущеннымъ, желалъ будто сказать что-то, но боялся жены.

— Что съ тобой?—спросила она, замѣтивъ его безпокойство.

— Видишь ли, душа моя, этотъ... какой-то Квасковскій пришелъ ко мнѣ съ страннымъ желаніемъ. Онъ объявилъ мнѣ, что считаетъ меня человѣкомъ благороднымъ и полякомъ, и потому, какъ человѣкъ благородный и какъ полякъ, я не долженъ отказывать ему въ небольшой услугѣ, которой ему просить больше не у кого, такъ какъ здѣсь никого онъ не знаетъ... Короче, онъ хочетъ вызвать князя на поединокъ и просить меня быть секундантомъ.

— Что такое?!—вскричала Подборская:—поединокъ теперь, во время повстанія, когда кровь наша нужна отечеству?.. Какъ ты могъ слушать подобное предложеніе!

Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе и признавая существованіе свое необходимымъ для пользы «справы», Артуръ заявилъ рѣшительно, что вызова на поединокъ не принимаетъ, тѣмъ болѣе, что противникъ его есть un homme de rien, очень подозрительнаго происхожденія и еще болѣе подозрительнаго характера. Подборскій призналъ вполнѣ правильнымъ такое разсужденіе; уѣздные начальники, приглашенные на совѣщаніе, присоединились съ своей стороны къ общему мнѣнію, и тѣмъ охотнѣе, что Подборская подробно растолковала имъ, какъ велика разница между княземъ, т.-е. однимъ изъ «нашихъ», и какимъ-нибудь хлопоманомъ. Рѣшено было сейчасъ же выпроводить Квасковскаго изъ Забужа, поручивъ исполненіе этого рѣшенія Подборскому. Долго возился Подборскій съ юношею, пока убѣдилъ его отказаться отъ своего намѣренія и скорѣе оставить Забужъ. Съ плохо срываемымъ бѣшенствомъ, Квасковскій вскочилъ въ бричку и уѣхалъ, оставивъ князя подъ непосредственнымъ покровительствомъ военнаго комиссара и его энергической супруги. Но, уѣзжая, онъ — по натурѣ своей запальчивый не менѣе самаго свирѣпаго мазура — поклялся, что не проститъ маіору Варѣ разговора его съ Подборской.

Освободившись отъ Квасковскаго, князь Артуръ далеко былъ отъ какихъ бы то ни было угрызений совѣсти за лживый разсказъ свой о Катеринѣ Одварницкой, отцу которой онъ обязанъ былъ освобожденіемъ своимъ изъ когтей Финкемана. Удовлетворяя общей просьбѣ, онъ повторилъ даже за чаемъ весь свой разсказъ, пополнивъ его новыми подробностями, до такой степени пикантными, что, въ сравненіи съ романтическими похождениями и успѣхами его въ Блотничанахъ, приключенія Донъ-Жуана казались блѣдными. Подборская поражена была ужасомъ: ея добро-

дельныя чувства возмущены были картиною социальна-коммунистической безнравственности!.. Мужчины же хохотали до слезъ и въ одинъ голосъ порѣшили, что этотъ варшавякъ — славная «штука»; — они не были еще посвящены въ тайну бѣлорусскаго происхожденія князя Артура. Наконецъ, всѣ были согласны въ томъ, что революціонныя агитаціи влонятся въ ниспроверженію общественнаго порядка, въ расторженію семейныхъ узъ и т. д. Убѣдительно и краснорѣчиво всѣхъ доказывала эту истину Подборская, пока мужчины не отправились опять на пулюку преферанса въ кабинетъ хозяина, оставивъ почтенную даму на стражѣ нравственности и общественнаго порядка наединѣ съ княземъ Артуромъ.

Пройдемъ молчаніемъ нѣкоторыя подробности дальнѣйшаго пребыванія Артура въ Забужѣ, и внесемъ въ нашу хронику только тотъ историческій фактъ, что самъ Подборскій вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что Артуръ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, дѣлающія его идеаломъ организатора силъ, имѣющихъ цѣлью «произвести диверсію». Нельзя спорить, что Подборскій сдѣлалъ въ этомъ случаѣ отчасти мнѣнію своей супруги, и нужно притомъ сознаться, что вообще автономическія супружескія права этого просвѣщеннаго и вліятельнаго гражданина представляли чрезвычайно много сходства съ автономіей галиційскою. Нашему сейму дозволяется, напр., свободно говорить о томъ, что декабрьскія постановленія весьма далеки отъ желаемаго совершенства, но если бы сеймъ вздумалъ прагматически воспользоваться этою свободою, ему грозило бы распущеніе. Подборскому дозволялось имѣть собственное мнѣніе на счетъ людей и ихъ достоинства, но малѣйшее злоупотребленіе подобною свободою грозило ему послѣдствіями, которыхъ онъ всѣми мѣрами старался избѣгнуть, подобно тому какъ наши депутаты стараются избѣжать новыхъ выборовъ. Депутатъ можетъ быть вторично и не избранъ; прогнанный женою мужъ можетъ не найти подъ собою «почвы», на которую можно было бы ему «опереться». Забужъ имѣлъ хорошую почву, и Подборскій, разъ опершись на него, держался крѣпко, пользуясь безконтрольно правами мужа и хозяина дома только въ выборѣ охотничьей дробы для своей дупстолки и развѣ еще правомъ наказывать лягавую свою собаку, да и то въ отсутствіи самой пани-добродѣйки. Во всякомъ случаѣ, Подборскій вскорѣ сдѣлался горячимъ приверженцемъ и трубою славы Артура, такъ что въ короткое время ближайшія и болѣе отдаленныя мѣстности узнали о томъ, что маіоръ Янъ Вара правявъ Провидѣніемъ къ совершенію великихъ дѣлъ,

что въ руки этого человѣка спокойно можно отдать судьбу отчизны и что «такихъ людей намъ нужно больше».

Послѣ такихъ вступительныхъ дѣйствій, рѣшено было облегчить маіору сношенія съ ясновельможнымъ паномъ Цыбульничкинымъ изъ Цыбуловичъ, главнымъ начальникомъ округа, съ тою цѣлью, чтобы оба начальника, гражданскій и военный, имѣли возможность сообща обдумать и предпринять всѣ мѣры, на правленныя въ рѣшительному «парализованію» Москвы. Самъ пани Подборская взяла на себя трудъ свезти маіора въ Цыбуловичи, въ избѣжаніе повторенія случайности, въ родѣ той, какая приключилась съ Каэтаномъ. Подана была закрытая коляска, запряженная четверкой лошадей; кучеръ и лакей надѣли новыя ливреи; Подборскій, по приказанію жены, отвѣсилъ пощечину горничной, не успѣвшей во-время подать въ экипажъ картонъ съ головнымъ уборомъ, безъ котораго столь важная дипломатическая экспедиція могла бы не привести къ ожидаемой патрістической цѣли. Когда все было готово, Подборская и Артуръ заняли мѣста, и коляска двинулась. Маіоръ увозилъ съ собою, кромѣ фотографій Шелищинской и Тржещинской, еще третью фотографію, данную ему на память тѣхъ пріятныхъ минутъ, которыя онъ — какъ увѣрялъ — провелъ въ Забужѣ. Портретъ на поминаль Подборскую только по платью, лицо же было будто чужое, гораздо моложе. Князь восхищался поразительнымъ сходствомъ и увѣрялъ, что въ Парижѣ даже ему не случалось видѣть фотографію, съ такою вѣрностію передающую черты орігинала и все выраженіе лица, и только крайне сожалѣлъ, что мнѣя годами десятью казалась старѣе оригинала... Разговоръ шире рещель вскорѣ на женскую красоту вообще и на красоту парижанокъ и варшавянокъ въ частности, воснулъ затѣмъ Капринны Одварницвой, а отъ нея перешель на яacobинизмъ, коммунизмъ и деморализацію. Князь много говорилъ о гибельномъ вліяніи французскихъ романовъ и выразилъ глубокое сожалѣніе, что вмѣсто романовъ Жоржа-Занда, не переводятъ для этого «низшаго» класса сочиненій Вейльо. Ставши опять на стражу общественной нравственности, Подборская и князь Артуръ вполне были согласны, что теоріи Жоржа-Занда, не подчиняющія челоуѣческаго сердца надлежащему контролю разума и совѣсти, весьма вредны, но не могутъ быть, конечно, опасны «для насъ» потому что «мы» имѣемъ уже въ крови и съ молокомъ материнъ вливаемъ возвышенныя и благородныя чувства, хранящія насъ отъ нравственнаго паденія. Такой вѣрный и глубокій анализъ сердца, какой представляетъ, напр., «Индіана», можетъ «наст

только приятно занять, но не испортить. Подборская не спорила, что анализъ это действительно глубоко, и сознавалась, что женщиной, то что случается иногда быть въ такомъ положеніи, когда... Тутъ она вздохнула глубоко. — «Ахъ, я понимаю васъ!» вскричалъ князь, съ чувствомъ хватая руку почтенной матроны, которой лицо выражало сильное волненіе, исполненное сорокалѣтней прелести. — «Ахъ, князь!».. прошептала она, но—въ это мгновеніе коляска, вѣзшая на мостъ, дрогнула и подскочила, а вскорѣ остановилась у подъѣзда дома ясновельможнаго Цыбульницкаго.

Я радъ несказанно — читатель мнѣ повѣрить — что въ эту минуту майоръ и супруга военнаго комиссара очутились у цѣли своего путешествія. Будучи весьма мало свѣдущъ въ «анализѣ тайнъ человѣческаго сердца», я не понимаю, какъ могъ Артуръ такъ скоро и легко понять госпожу Подборскую! Я былъ бы въ немаломъ затрудненіи, если бы мнѣ пришлось ближе уразумѣть сердце этой почтенной дамы и объясняться потомъ передъ читающею публикою. Къ счастью, мы находимся теперь въ Цыбуловичахъ и можемъ быть свидѣтелями встрѣчи двухъ великихъ мужей, занятыхъ вопросами болѣе серьезнаго свойства, чѣмъ анализъ сердца, основанный на нравственной его анатоміи, — мужей, погруженныхъ въ заботы на счетъ организациі отрядовъ, обязанныхъ «парализовать», а также на счетъ многихъ иныхъ вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ развивается дальнѣйшая нить приключеній и замѣчательныхъ подвиговъ моего богатыря.

Для соблюденія хронологическаго порядка, я принужденъ записать въ этомъ мѣстѣ, что въ то самое время, когда Артуръ прибылъ въ Цыбуловичи, до Шелищанской во Львовѣ дошли тревожные слухи о томъ, что задержанъ въ Блотничанахъ какой-то французъ, по имени Анри-де-ла-Рошъ-Шуаръ, виконтъ де-Турнь-Брошъ и баронъ де-Баркароль. Наша интересная знакомка, съ еще болѣе интересною Целиною, какъ громомъ поражены были этою вѣстью. Теряясь въ предположеніяхъ, какой исходъ могъ получить арестъ Артура, онѣ рѣшились подвинуть небо и землю на его освобожденіе. Не смотря на проливной дождь, который въ этотъ день ливня лилъ во Львовѣ, не смотря на крайнія неудобства, сопряженныя съ путешествіемъ по Галиціи для всякаго, кто не имѣетъ въ виду, посредствомъ гонда, омерзительныхъ ночлеговъ и иныхъ аскетическихъ упражненій, сподобиться вѣчнаго блаженства, несмотря на все это — около четырехъ часовъ по-полудни изъ Львова выѣхала извозничья карета, въ которой сидѣли двѣ наши знакомки съ запла-

ванными глазами, ежеминутно поглядывавшія въ окно и спрашивавшія прохожихъ: «скоро ли Блѣтничаны?»

Графъ Кипріанъ Цыбульницкій, владѣтель имѣнія Цыбулова, котораго названіе я позволю себѣ распространить на весь округъ, обнимающій Блѣтничаны, Забужь и иные важные пункты, входящіе въ предѣлы моего повѣствованія, — графъ Кипріанъ Цыбульницкій, говорю, былъ не только главнымъ начальникомъ всего округа, но и самымъ просвѣщеннымъ и глубокомысленнымъ обывателемъ.

Несмотря на то, что недавно еще поселился онъ въ этой мѣстности, получивъ по наслѣдству имѣніе, онъ успѣлъ, однако, сдѣлаться вскорѣ человекомъ популярнымъ. Несомнѣнно, что если бы выборы въ сеймъ происходили послѣ его переселенія, а не прежде, то достоинство депутата его бы не минуло, тѣмъ болѣе, что весь Цыбуловскій округъ, слѣдуя мнѣнію начальника Цыбуловскаго повѣта, пана Богдана Колтуновича, выбиралъ всегда въ сеймовые депутаты «пяста», т.-е. мужа, имѣющаго въ округѣ осѣдлость, наперекоръ агитациі «Gazety Narodowej», протежирующей обыкновенно въ это званіе какихъ-нибудь адвокатовъ, учителей и литераторовъ.

Благородное самолюбіе владѣтелей Цыбуловскаго округа не могло допустить, чтобы на сеймъ кто-либо иной, а не «пясть», былъ представителемъ собирательнаго государственнаго ума ста двадцати «цыбулосовъ», пользовавшихся правомъ избирательнаго голоса. Потому-то и были избираемы обыкновенно три «пяста», причемъ вовсе не обращалось вниманія на политическія ихъ убѣжденія. Главное условіе состояло лишь въ томъ, чтобы удостоившіеся избранія въ депутаты олицетворяли собой въ меньшей степени, сравнительно съ своими согражданами, тотъ идеалъ ячменно-гречневой самобытности, къ которому подходили болѣе или менѣе всѣ члены почтеннаго общества Цыбуловскихъ избирателей.

Идеалъ этотъ состоялъ въ полномъ и послѣдовательномъ отрицаніи всѣхъ приобрѣтеній человѣческаго ума, начиная съ изобрѣтенія письменъ финикійянами и цифръ арабами, и оканчивая слою пара, телеграфами, искусственнымъ удобреніемъ, компаніями на авціяхъ и иными заграничными нововведеніями, безъ которыхъ отцы наши жили — и было имъ такъ хорошо. Но если подобное міровоззрѣніе было преобладающимъ во всемъ округѣ и служило отцамъ и матерямъ въ нѣкоторомъ родѣ путеводною звѣздой при воспитаніи сыновей и дочерей, то невозможно было отвергать, что, за предѣлами Цыбуловскаго округа, знаію строч-

ныхъ и прописныхъ буквъ, а также четырехъ арифметическихъ дѣйствій обыватели привыкли придавать извѣстное значеніе и цѣну. И потому, въ силу той истины, что «съ волками жить — по-волчьи выть», для внѣшней репрезентации округа приходится поневолѣ выбирать такихъ обывателей, которымъ были бы болѣе или менѣе не чужды указанные сейчасъ познанія, которыя, впрочемъ, сами по себѣ излишни и не нужны.

Цифра обывателей, удовлетворяющихъ такимъ требованіямъ, была весьма ограничена, и потому Цыбуловскій округъ, въ изумленію всей Галиціи и иныхъ польскихъ земель, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ, въ какой онъ пристанетъ партіи — выбралъ въ депутаты одного «черно-желтаго» ¹⁾ обывателя, а другого — «ультра-краснаго».

Графъ Цыбульницкій не попалъ въ число избранныхъ, какъ я уже сказалъ, потому только, что въ округѣ былъ онъ человѣкъ новый. За то, назначеніе его начальникомъ народной организаціи, въ восьми смежныхъ между собою уѣздахъ, принято было безъ протестовъ, только незначительное число мальбонтентовъ — разумѣется, красныхъ — противилось этому выбору.

Я не понимаю, впрочемъ, въ чемъ могла упрекнуть графа Цыбульницкаго эта незначительная партія недовольныхъ. Это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ прогрессивный. Довольно сказать, что на пространствѣ ста квадратныхъ миль, съ населеніемъ въ 300.000 душъ разнаго званія, возраста и разныхъ профессій, существовала единственная библіотека — и эта библіотека существовала въ Цыбуловѣ. На пространствѣ тѣхъ же ста квадратныхъ миль никто не зналъ, что до Собѣскаго царствовали въ Польшѣ короли изъ дома Вазы, а еще прежде Ягеллоны, а еще прежде Пясты — это зналъ одинъ Цыбульницкій. Кромѣ этихъ свѣдѣній, онъ обладалъ еще и многими другими познаніями и могъ считаться ходячею энциклопедіей, тогда какъ сосѣди его тѣмъ только и напоминали какую-либо книгу, что сами обтянуты были въ телячью кожу.

Съ другой стороны, что касается до внѣшней представительности, то обыватель этотъ обладалъ вполне импонирующею физиономіей. Его сѣрые и пронизательные глаза, дипломатически выбритый подбородокъ, извѣстная внушительность и полная самоувѣренность, не могли не возбуждать въ нему уваженія и даже преданности. Великолѣпенъ былъ графъ Цыбульницкій, когда давалъ аудіенцію разнымъ мелкимъ существамъ, арендаторамъ,

¹⁾ Т.-е. австрійскаго централиста.

аптекарямъ, управителямъ имѣній и тому подобной каналии, исполняющей подначальныя функціи въ народной организаціи! По истинѣ, трудно понять, въ чемъ могло состоять недовольство противъ него со стороны цыбуловской оппозиціи.

Объ этомъ, быть можетъ, мы узнаемъ впоследствии, теперь же необходимо констатировать тотъ фактъ, что оппозицію составляли только «красные», ставя въ вину начальнику округа черезчуръ интимныя отношенія его къ цесарско-королевскимъ окружнымъ властямъ и тѣсную дружбу его съ цесарско-королевскимъ окружнымъ старостою. Но если бы оппозиція имѣла болѣе политическаго смысла, то могла бы легко догадаться, что графъ Цыбульницкій предчувствовалъ наступленіе новой эры... Дѣйствительно, въ 1863 г. этотъ, недостаточно оцѣненный, государственный мужъ словно читалъ въ будущемъ и, вслѣдствіе того, искалъ возможныхъ точекъ соприкосновенія съ правительствомъ, благодаря чему мы обяваны всѣми нынѣшними нашими завоеваніями. Но объ этомъ въ другой разъ. Въ настоящую минуту для насъ довольно знать, что графъ Цыбульницкій избранъ былъ начальникомъ округа и что, кромѣ всѣхъ заботъ и безпокойствъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, онъ вынужденъ былъ еще бороться съ внутреннею оппозиціей.

Послѣ церемоннаго представленія графу майора, Подборская подошла къ начальнику округа и сообщила ему полупешепотомъ о важномъ значеніи и высокихъ достоинствахъ гостя. Начальникъ съ удовольствіемъ выслушалъ все то, что считала нужнымъ сообщить ему Подборская, и былъ вполне согласенъ съ ея мнѣніемъ, что такой представитель вооруженнаго возстанія, какъ майоръ Янъ Вара, могущественно можетъ содѣйствовать подавленію «красной» оппозиціи въ Цыбуловскомъ округѣ и возвращенію ея на путь добра. Личная бесѣда съ княземъ Артуромъ еще сильнѣе укрѣпила его въ этомъ убѣжденіи. Князь вполне былъ съ нимъ согласенъ въ томъ, что повстаніе должно имѣть характеръ только демонстраціонный и должно служить только поводомъ для «дипломатической авіи», предпринятой тѣми, кто, по своему происхожденію и по складу обстоятельствъ, предопредѣлены вести, отъ имени народа, переговоры съ европейскими кабинетами.

— Красные, — утверждалъ князь, — мѣрославцы, социалисты, желаютъ столкнуть насъ въ хаосъ соціальной революціи, и даже самые умѣренные изъ нихъ... Но это безуміе!..

Начальникъ округа и майоръ взаимно протянули другъ другу руки, въ знакъ того, что вполне поняли другъ друга. Началь-

никъ округа подробно объяснилъ маіору, что въ Цыбуловскомъ округѣ замѣтенъ повсюду отличный духъ, кромѣ известной «красной» оппозиціи, поднимающей мѣстами своевольную свою голову. Она недовольна ничѣмъ, ни комитетомъ, ни штабомъ, ни народowymi властями и, очевидно, стремится къ захвату власти. Начальникъ выразилъ надежду, что маіоръ будетъ ему содѣйствовать въ подавленіи этихъ мятежныхъ вспышекъ, столь вредныхъ для народной sprawy, требующей прежде всего дисциплины и подчиненности. Маіоръ выразилъ полнѣйшую готовность поддержать начальника въ его спасительныхъ усиліяхъ.

При полномъ согласіи во взглядѣ на общественные интересы, не о чемъ было много разсуждать, и потому разговоръ перешелъ вскорѣ на другіе предметы. Князь Артуръ замѣтилъ мимоходомъ, что, проведя большую часть жизни за границей, во Франціи, Италиі, онъ весьма мало знакомъ съ мѣстными отношеніями. Графъ, въ свою очередь, разспрашивалъ его о польскихъ аристократическихъ семействахъ, живущихъ за границею, и на всѣ вопросы получалъ отвѣты, которые должны были его убѣдить въ обширныхъ родственныхъ связяхъ и аристократическихъ знакомствахъ Артура. Но графъ не принадлежалъ къ числу людей, довѣряющихъ первымъ признакамъ, и рѣшился подробнѣе провѣззаменовать князя.

..... Возвращаясь къ красной оппозиціи, графъ сообщилъ маіору, что во главѣ ея стоитъ Мелитонъ Кацпровскій изъ Цевковицъ. Графъ полагаетъ, что полезно было бы—если князь не имѣетъ ничего возразить противъ подобнаго предположенія—остановиться, ему, князю, квартирою въ Цевковицахъ, на все время формировація «парализующаго» корпуса, съ тою цѣлью, чтобы своимъ вліяніемъ и убѣжденіями постараться образумить сумасшедшаго шляхтича. Графъ прибавилъ, шутя, что пребываніе въ Цевковицахъ будетъ, конечно, не непріятно князю, такъ какъ Кацпровскій, кромѣ многихъ иныхъ божьихъ даровъ, имѣетъ трехъ премиленькихъ дочерей, очень образованнаго сына и отличнаго повара. Въ предупрежденіе же столкновеній съ цесарско-королевскою полиціей, графъ выразилъ готовность снабдить князя надлежащею легитимацией, признавъ его однимъ изъ своихъ родственникововъ. Князь охотно принялъ это предложеніе, и дѣло было улажено. Попрощавшись съ Подборскою, уѣхавшею обратно въ Забужъ, графъ приказалъ указать Артуру приготовленное для него помѣщеніе и, оставшись затѣмъ съ глазу на глазъ съ женою, предался неудержимому смѣху, къ немалому удивленію поспѣдней.

— Представь себя, моя милая, мадамъ Кацпровскую и ея дочерей и пана Мелитона, окружающихъ князя!... «Князь, князя, князю» и т. д., ничего больше и не услышишь въ Цевковицахъ!....

Графъ душевно ненавидѣлъ Мелитона Кацпровскаго, а графиня ненавидѣла его супругу. Графиня, однако, никакъ не могла понять, чему смѣется ея мужъ такъ истерически.

— Какая же ты недогадливая! — сказалъ графъ, и опять сталъ хохотать.

— Такъ этотъ князь....

— Ну, да! Этотъ князь такое же подражаніе князю, какъ парикъ Кацпровскаго подражаніе натуральнымъ волосамъ, или какъ Кацпровская подражаніе попугаю, говорящему по-французски: *bonjour*. Великолѣпно!... Надѣлю же я Кацпровскую княземъ: чего-добраго, которая-либо изъ дочерей ея надѣнетъ еще княжескую корону!... Графъ продолжалъ хохотать до слезъ, графиня тоже весело хохотала. Легши спать, графъ и графиня хохотали сквозъ сонъ, между тѣмъ какъ Артуръ отъ души поздравлялъ себя съ тѣмъ, что сумѣлъ графу «задать такого шику» и мечталъ о томъ, какого «шику задасть» онъ еще въ Цевковицахъ!... Подборская, воротившись домой, вся предалась мечтамъ о князѣ, который, проведя половину жизни за границей, вдругъ явился въ Забужь, чтобы понять «затруднительное положеніе женскаго сердца»...

Только Шелицинская и Целина не могли ни о чемъ мечтать въ эту ночь. Остановившись въ «первоклассной» ботничанской гостинницѣ, онѣ сдѣлались жертвою баснословнаго количества тѣхъ непримиримыхъ враговъ прекраснаго пола, тѣхъ маленькихъ и черныхъ чудовищъ, которыя созданы природою съ тою цѣлю, чтобы мстить за насъ мучительницамъ нашимъ за всѣ бессонныя ночи, за всѣ наши страданія. О снѣ не могло быть и рѣчи, и обѣ наши знакомки провели ночь въ разговорахъ, причемъ клялись въ вѣчной ненависти къ трусливымъ шляхтичамъ и къ черезчуръ усерднымъ бедирекс-форштегерамъ.

На другой день, раннимъ утромъ, когда въ Цыбуловѣ все погружено было еще въ глубокой сонъ, верховой нарочный скакалъ въ Телятинъ — имѣніе Колтуновича, начальника повѣта и ближайшаго помощника гр. Кипріана. Нарочный везъ съ собою маленькую записочку на тонкой бумагѣ, съ голубою печатью, составленною изъ гербовъ Польши, Литвы и Руси, и съ надписью вокругъ: «Начальникъ Цыбуловскаго округа». Содержание

записки, написанной мелкимъ почеркомъ, было такое: «№ 643. Н. Ц. О. К. Ц. предлагаетъ Н. П. Б. К. прибыть немедленно въ Цыбулово по очень важному и не терпящему отлагательства дѣлу». Подписано: «Н. Ц. О. К. Ц.». На конвертѣ печать съ гербомъ гр. Цыбульницкаго и его супруги и адресъ: «Вельможному пану-добродѣю Богдану Колтуновичу». Этотъ адресъ и печать, слѣдуетъ полагать, должны были скрыть истинный смыслъ начальныхъ буквъ, находящихся внутри конверта!... И это, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы догадаться, что буквы эти означаютъ: Начальникъ Цыбуловскаго округа Киприанъ Цыбульницкій и начальникъ повѣта Богданъ Колтуновичъ!... Но еслибы, вмѣсто этихъ загадочныхъ буквъ и печати, въ запискѣ просто было сказано: «Любезный сосѣдъ, ожидаю тебя въ наискорѣйшемъ времени, по важному дѣлу», то записка эта для Колтуновича, хотя имѣла бы вполнѣ ясный смыслъ, но потеряла бы все обаяніе...

Какъ бы то ни было, но спустя часа два по дорогѣ изъ Телятина мчалась нейтычанка, въ которой сидѣлъ Богданъ Колтуновичъ, съ официально-озабоченной фязіономіей. Обыватель этотъ сооруженъ былъ вполнѣ пропорціонально, только по отношенію къ головѣ природа нѣсколько погрѣшила, наградивъ почтеннаго шляхтича громаднымъ носомъ и лишивъ почти совсѣмъ головной чашки. Несмотря на то, при выборѣ повѣтоваго начальника, вниманіе высокихъ организаціонныхъ властей должно было остановиться на этомъ обывателѣ, хоть бы потому, что мать-природа столь же несимметрически устроила головы и у всѣхъ его сосѣдей, съ тою лишь разницей, что по отношенію къ однимъ обнаружила она особенное благоволеніе къ ушамъ, а у другихъ вся творческая сила ея ушла въ брюхо. Довозательствомъ и послѣдствіемъ этого служить тотъ фактъ, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія, въ XV столѣтіи, до нашего времени, во всѣхъ 38 помѣщичьихъ имѣніяхъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Цыбуловскаго повѣта, кромѣ восьми молитвенниковъ и пяти календарей, не продано было ни единого листа печатной бумаги. И потому, по отсутствію обывателя *наиспособнѣйшаго*, высокія народовыя власти вынуждены были назначить начальникомъ повѣта обывателя *наисереднѣйшаго*, а таковымъ именно и былъ панъ Богданъ Колтуновичъ.

Оказанное ему довѣріе онъ старался оправдать всѣми мѣрами. Прежде всего, открылъ онъ у себя канцелярію и завелъ въ ней строжайшій порядокъ; купилъ громадное количество чернилъ, бумаги и стальныхъ перьевъ; писца изъ своей винокурни опредѣлилъ протоволистомъ, регистратуру поручилъ старшему сыну,

эспедиціей же занимался лично, командировавъ въ помощники себѣ своего эконома.

Замѣчательный этотъ организаторъ утверждалъ, что во всякомъ благоустроенномъ обществѣ первая добродѣтель—послушаніе; принципъ этотъ онъ примѣнялъ къ тѣмъ, кто выше его, и къ тѣмъ, кто его ниже. По отношенію къ низшимъ себя, панъ Богданъ слѣдовалъ системѣ «наказаній и награды»,—той именно системѣ, которую одна креолева прекрасно формулировала въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ черновожимъ: «If you don't work, you shall be whipped — that is the punishment; if you work, you are not to be whipped—that is the reward»¹⁾. Но какъ наши мужики отличаются крайнею лѣнностію и работать не хотятъ, то изъ двухъ составныхъ частей этой системы Колтуновичъ всегда прибѣгалъ лишь къ первой, т.-е. къ битью. По отношенію къ высшимъ себя, система этого замѣчательнаго челоувѣка допускала только благоговѣніе и покорность. «Безъ аристократіи, мосци-добродѣю,—говаривалъ онъ,—мы были бы ничто. Вотъ у негровъ нѣтъ аристократіи, потому-то они и негры».

Единственнымъ представителемъ аристократіи во всемъ округѣ былъ графъ Цыбульницкій, и на его особу панъ Богданъ изливалъ все благоговѣніе, питаемое имъ въ аристократическимъ родамъ и именамъ; когда же гр. Киприанъ сдѣлался начальникомъ его ex-officio, панъ Богданъ принялся исполнять его распоряженія не только съ слѣпою покорностію, но съ какимъ-то внутреннимъ удовольствіемъ, не разсуждая ни о мотивахъ, ни о результатахъ того, что ему приказано. Несомнѣнно, что еслибы пану Н. П. Б. К. приказано было даже стать безотлагательно вверху ногами со всѣмъ семействомъ, съ цѣлью убѣдиться, способны ли пятки его исполнять функціи головы, то Н. П. Б. К. выполнилъ бы приказаніе тотчасъ же и буквально, вмѣстѣ съ женою, дочерью и сыномъ. Да и кто можетъ сказать, что результаты не соотвѣтствовали бы ожиданіямъ пана-шефа!

Панъ Богданъ принять былъ графомъ съ снисходительною улыбкою и приглашенъ былъ присѣсть. Вслѣдъ затѣмъ графъ сообщилъ ему подъ секретомъ, что въ домѣ у него находится потомокъ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій, князь А. Ч. Для избѣжанія столкновеній съ австрійскою полиціей, князь не можетъ называться въ Галиціи собственнымъ именемъ, но будетъ носить имя графа Константина Цыбульницкаго, властямъ же родовымъ онъ давно извѣстенъ подъ именемъ маіора Яна Вары;

¹⁾ Т.-е. „если не станете работать, то будете биты—это наказаніе; если станете работать, то не будете биты—это награда“.

что онъ на дняхъ прибылъ изъ Парижа и находится въ ближайшихъ сношеніяхъ съ принцемъ Наполеономъ, а также знакомъ со многими кузенами королевы Викторіи и что, наконецъ, панъ Богданъ теперь же возьметъ его въ свою нейтычанку и свезетъ въ Цевковицы. Мелитону Кацпровскому панъ Богданъ сообщить, подъ строгимъ секретомъ, всѣ полученныя имъ сейчасъ свѣдѣнія объ этой особѣ и поручить ее исключительной заботливости этого обывателя, какъ такую особу, которая представляетъ особенную важность не только для Польши, но и для иной значительной части стараго континента.

Панъ Богданъ остолбенѣлъ. Опъ былъ въ затрудненіи и не зналъ, благодарить ли графа и вообще народова власти за оказываемое ему довѣріе, или только дивиться тому, что существуетъ же въ мірѣ вообще и въ Цыбуловѣ въ частности человекъ, до такой степени отмѣченный Провидѣніемъ, что съ самимъ принцемъ Наполеономъ обращается на «ты», знакомъ съ кузенами королевы Викторіи, прѣзжаетъ изъ Парижа и — желаетъ съѣздить въ Цевковицы!... Панъ Богданъ былъ, такъ сказать, придавленъ важностію сообщеннаго ему извѣстія и чувствовалъ себя втянутымъ въ лабиринтъ какой-то дьявольски запутанной дипломатической интриги... Наполеонъ, Цевковицы, королева Викторія, Цыбулово и Парижъ, Телятинъ и Тюльери — все это перепуталось въ головѣ пана Богдана и привело его въ состояніе одурѣнія и столбняка, подобныхъ тѣмъ, какіе овладѣваютъ мыслію при метафизическихъ созерцаніяхъ идеи безконечности времени и пространства. Когда панъ Богданъ пришелъ въ себя и сталъ соображать, въ головѣ у него блеснула мысль, которую онъ считъ своимъ долгомъ сообщить графу.

— Панае начальникъ! — такъ называлъ онъ графа, когда обращался къ нему по «службѣ», — вамъ извѣстно, что панъ Мелитонъ принадлежитъ къ числу мальконтентовъ... Такъ не лучше ли было бы задержать у себя столь важную особу?

— Это почему? — спросилъ графъ, крайне удивленный тѣмъ, что слышитъ изъ устъ пана Богдана нѣчто въ родѣ робкаго возраженія.

— Простите великодушно, но... но я полагаю, что оппозиція, овладѣвъ княземъ....

— Называйте его графомъ и не проговоритесь какъ-нибудь безъ надобности передъ посторонними и особенно передъ какимъ-нибудь чиновникомъ.

— Совершенно справедливо, это я буду помнить. Такъ вотъ, завладѣвши «графомъ», оппозиція постарается перетянуть его на свою сторону...

— Эхъ, вы! Ну, сообразите сами: возможно ли, чтобы человекъ, посвященный во всѣ тайны кабинетовъ, сроднившійся съ дипломатіею, позволилъ, чтобы какой-нибудь Кацпровскій овладѣлъ имъ?...

Панъ Богданъ опять остолебенѣлъ, потомъ вскричалъ:

— Боже мой! Что за глупая голова!... Правда ваша, святая правда!... Такой человекъ!... Вотъ глупая-то голова!...

Вошелъ лавей и объявилъ, что поданъ завтракъ. Панъ Богданъ допущенъ былъ къ лицезрѣнію княжеской фizioноміи, украшенной темно-синимъ *rice-peiz* на черной ленточкѣ. Князь былъ въ черномъ сюртукѣ и въ брюкахъ, моднаго въ то время, кирпично-розоваго цвѣта. Его сіятельство изволилъ протянуть пану Богдану руку и привѣтствовалъ его нѣсколькими словами. Пока длился завтракъ, вещи Артура уложены были въ нейтычанку; когда все было готово къ отъѣзду, графъ любезно прощался съ княземъ, сказавъ по-французски: «*Ad revoir, cher cousin*», а Колтуновичу, на нижайшій его поклонъ, ласково кивнулъ головой! — «Трогай!» — прививнулъ панъ Богданъ. Дворовые снимали шапки и низко кланялись уѣзжающимъ, крестьянскія дѣти глядѣли на нихъ съ любопытствомъ, гуси и свиньи разбѣгались во всѣ стороны, какъ будто догадываясь, что Н. П. Б. К. везетъ въ Цеволицы князя А. Ч. Дорогой панъ Богданъ сталъ развивать свою любимую теорію о значеніи аристократіи, говорилъ опять о несчастномъ положеніи негровъ, которые, будучи лишены этого цвѣта нашего цивилизованнаго общества, осуждены вѣчно оставаться неграми. Артуръ былъ почему-то въ дурномъ расположеніи духа; слушая разсѣяннаго пана Богдана, онъ замѣтилъ желчно, что еслибы польскую аристократію переселить къ готтентотамъ и кафрамъ, то она изъ Африки сдѣлала бы Галицію, но насколько бы Африка отъ этого выиграла—это еще вопросъ!

— А вотъ и мой Телятинъ,—проговорилъ панъ Богданъ, и предложилъ «графу» ошастливить его бѣдный шляхетскій домъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ. Графъ охотно принялъ предложеніе почтеннаго шляхтича. Пока супруга пана Богдана угощала высокого гостя вяленою гусятиной, козьими лапками и разнымъ вареньемъ, начальникъ повѣта лично распоряжался запряжкою четверки лучшихъ своихъ лошадей въ тяжелую коляску, употреблявшуюся только въ исключительныхъ случаяхъ. Новый графъ и хозяинъ вскорѣ собрались опять въ дорогу, но когда они сѣли въ коляску, вороная кобыла не двигалась съ мѣста, а сѣрый меринъ обнаруживалъ желаніе поворотить мордой къ коляскѣ, а хвостомъ къ дышлу. Артуръ готовъ былъ уже высо-

чить изъ коляски, но панъ Богданъ остановилъ его и, упершись когънями въ возлы, началъ ублажать возницу по спинѣ ударами кулака съ невѣроятною быстротою и силою. Результатъ былъ удивительный: станувъ возжи, возница сталъ передавать, съ помощію кнута, получаемые удары лошадямъ, экипажъ тотчасъ двинулся и помчался, безъ особыхъ уже препятствій, по дорогѣ въ Цевковицы. Обратившись затѣмъ къ маіору, панъ Богданъ пояснилъ, что употребленное имъ сейчасъ средство есть единственное, съ помощію котораго въ Галиціи возможно двинуться впередъ...

Дорога изъ Телятина въ Цевковицы не представляла ничего особеннаго, если не считать особенностію сорока трехъ мостовъ на трехъ миляхъ пути. Мосты наши замѣчательны невѣроятною простотою своей конструкціи, непостижимою однако для какова бы то ни было иностранца: ни англичанинъ, ни французъ, ни нѣмецъ, никогда не въ силахъ будутъ понять, на какомъ основаніи три бревна, положенныя вдоль, и четыре чурбана, положенныя поперекъ дороги, называются у насъ мостомъ!...

По дорогѣ панъ Богданъ останавливался съ своимъ гостемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ и, между прочимъ, посѣтилъ пана Стемпецкаго въ Барцишовѣ. Когда Юлій Словацкій упрекалъ польскую шляхту въ преувеличенномъ поклоненіи старо-шляхетской грубости нравовъ, невѣжеству, — въ поклоненіи, которое, подъ видомъ уваженія къ традиціямъ и шляхетскимъ добродѣтелямъ, служитъ только тормазомъ въ гражданскомъ развитіи общества, то, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду пана Стемпецкаго, отличавшагося глубокимъ презрѣніемъ къ какому бы то ни было знанію и образованію, ведущимъ, по его мнѣнію, къ безбожію и матеріализму. Отращеніе свое къ «книжной наукѣ», какъ онъ выражался, внушилъ онъ и единственному сыну своему. Когда пришло время пристроить милаго сына, самъ почтенный обыватель очутился въ затрудненіи, какую избрать для него карьеру... Опредѣлили панича въ военную службу рядовымъ, auf acht Jahre Linie und zwei Jahre Reserve. Но что же случилось? Прошло не восемь лѣтъ, а только восемь дней, какъ сыновъ возвратился въ отеческій домъ и объявилъ изумленному родителю, что получилъ уже отставку. Панъ Стемпецкій взялъ въ руки билетъ и прочелъ... Причина отставки прописана была большими буквами: «Zu dumm!» Никогда старо-шляхетскія добродѣтели и традиціи не одержали еще болѣе блистательной побѣды надъ «современною мудростію», какъ въ настоящемъ случаѣ, къ несчастію, слишкомъ правдивомъ...

Изъ Барцишовиць путешественники наши отправились прямо въ Цевковицы—резиденцію пана Мелитона Кацпровскаго, котораго описали Артуру какъ предводителя крайней, красной, демократической и радикальной оппозиціи въ округѣ Цыбуловскомъ и даже въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ. Еслибы Артуръ зналъ хорошо Галицію, то репутація Кацпровскаго сразу показалась бы ему подозрительною. У насъ самый крайній консерватизмъ и самый крайній радикализмъ представляютъ собою только два разные способа общаго ничего-недѣланія. Одни недовольны тѣмъ, что дѣла идутъ слишкомъ быстро, и потому сторонятся отъ участія въ нихъ по «принципу» и по «убѣжденію», и такъ какъ убѣжденіе—вещь святая, то они пользуются репутаціей весьма почтенныхъ консерваторовъ. Другіе негодуютъ на то, что все идетъ вяло, медленно, поднимаютъ страшный крикъ и идутъ спать. Но Артуръ этого не зналъ, и потому достаточно отмѣтить только самый фактъ, что Кацпровскій считался цыбуловскимъ радикаломъ и предводителемъ красной оппозиціи, хотя трудно понять, какъ можно принадлежать къ оппозиціи, владея тремя прекрасными имѣніями, лѣсами, винокурнями, мельницами, достаточнымъ количествомъ банковыхъ билетовъ и принадлежа къ великому и знаменитому роду Кацпровскихъ!...

А родъ этотъ знаменитъ своею древностію, теряющеюся въ туманъ вѣковъ, хотя ни Опольскій, ни Нѣсецкій, составители польскихъ гербовниковъ, о немъ не упоминаютъ. По измѣнчивости судебъ человѣческихъ, нѣкто Блажей-Кацперъ, дѣдъ пана Мелитона Кацпровскаго, служилъ поваромъ у ясно-вельможной графини Банкруцинской, благодаря содѣйствію которой успѣлъ дать хорошее образованіе своему сыну Мацѣю. Послѣдній сдѣлался управителемъ имѣній своей благодѣтельница и держалъ мужиковъ въ ежовыхъ рукавицахъ, производя обыкновенно расправу на большомъ камнѣ, который и нынѣ показываютъ любопытнымъ, какъ интересный историческій памятникъ. Графиня питала въ Мацѣю полнѣйшее довѣріе и поручила ему всѣ свои дѣла, весьма запутанныя, до такой степени запутанныя, что, въ концѣ-концовъ, ничто не могло уже предотвратить принудительную продажу графскихъ вотчинъ, которыя и были куплены самимъ Мацѣемъ, прибравшимъ фамилію «Кацпровскій». Сынъ и наслѣдникъ его, панъ Мелитонъ Кацпровскій, женился на паннѣ Могоричевской, происходящей изъ хорошей подольской фамиліи, и въ настоящее время принадлежитъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ помѣщиковъ Цыбуловскаго округа.

Е. Л.

ПЕРВЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

КОМЕДИИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“

1827—1832.

Изъ воспоминаній участника.

Въ нынѣшнемъ году появились разомъ два изданія «Гора отъ Ума», одно подъ редакцію г. Гарусова ¹⁾, другое, подъ редакцію г. Веселовскаго ²⁾. Первое изъ нихъ назвало себя—по счету—*сороковымъ*.

Припомнимъ, что въ первыя 25 лѣтъ по смерти Грибоѣдова вышло всего 4 изданія и что остальные 36 приходятся на послѣднія 20, яснымъ становится, что явившееся полвѣка тому назадъ великое произведеніе раскупается русскими людьми съ такою же жадностью, съ какою дѣды и отцы ихъ расхватывали нѣкогда рукописные экземпляры комедіи. Понятно также, что уцѣлѣвшіе

¹⁾ „Горе отъ Ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Александра Сергѣевича Грибоѣдова,—по счету сороковое, по содержанію первое полное изданіе, содржаніе, при новой редакціи текста, 129 нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныхъ стиховъ, всѣ доселѣ извѣстные варианты комедіи, оцѣнку всѣхъ изданій и рукописей „Гора отъ Ума“ и буквально точный текстъ рукописи, подаренный Грибоѣдовымъ Вулгарину. Редакція полного текста, примѣчанія и объясненія составлены И. Д. Гарусовымъ. Изданіе Русской книжной торговли“. С.-Петербургъ 1875.

²⁾ „Русская Библиотека“, т. V. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. С.-Петербургъ. 1875.

отцы и дѣды съ живымъ интересомъ слѣдятъ за появленіемъ каждаго новаго ея изданія, ожидая найти въ немъ и большую, чѣмъ въ прежнихъ редакціонную исправность и разъясненіе нѣкоторыхъ не вполне понятныхъ мѣстъ и указаніе на личности, которыя могли служить автору подлинниками для его комедіи.

Я, какъ одинъ изъ людей близкихъ къ эпохѣ перваго появленія знаменитой комедіи, заинтересовался особенно изданіемъ г. Гарусова; въ немъ, судя по объему книги и по многообъщающему заголовку, надѣялся найти именно тѣ издательскія усовершенствованія, о которыхъ я только-что упомянулъ; но надежда моя осуществилась далеко не вполне: рядомъ съ небезынтересными объясненіями, указаніями и догадками, я нашелъ въ немъ столько лишнихъ страницъ, такіе существенные недостатки, что въ цѣломъ оно произвело на меня весьма неотрадное впечатлѣніе.

Въ предупрежденіе всякаго недоразумѣнія, спѣшу заявить, что я и въ мысляхъ не имѣю подвергать изданіе г. Гарусова подробному критическому разбору; дѣло это не мое; я выступаю какъ дилеттантъ, съ любовью изучавшій «Горе отъ Ума» съ самаго появленія въ публикѣ рукописныхъ экземпляровъ комедіи, какъ пламенный поклонникъ ея, которому тяжело встрѣтить не *ex suo est* видъ предметъ его почти полувѣковаго поклоненія... Потому-то считаю долгомъ сказать хоть нѣсколько словъ о тѣхъ недостаткахъ, въ которыхъ, по моему мнѣнію, должно упрекнуть упомянутое изданіе.

Въ замѣтѣхъ этой миѣ придется говорить о себѣ. Заранѣе прошу читателя не осудить меня за такую нескромность; но вѣдь иначе, право мое говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ осталось бы недоказаннымъ. Побуждаетъ меня высказаться еще и та мысль, что подробности, въ которыя я долженъ буду войти по этому случаю,—состоя изъ воспоминаній моихъ о любительскихъ представленіяхъ Грибоѣдовской комедіи, изъ которыхъ об одномъ только получили первое, и то поверхностное, понятіе читателя «Русской Старины»¹⁾),—покажутся быть можетъ любопытными читателямъ этихъ строкъ. Всякое новое свѣдѣніе о судьбахъ великаго произведенія Грибоѣдова не можетъ, миѣ кажется быть лишнимъ въ глазахъ его просвѣщенныхъ почитателей.

Въ изданіи г. Гарусова сказано (стр. 1): «Горе отъ Ума», в безчисленномъ множествѣ списковъ, прежде всего появилось в

¹⁾ Книжка VII за іюль 1874 г. Замѣтка, извлеченная изъ «Тифлискихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1832 г. о представленіи любителями «Гора отъ Ума» въ Тифлис:

Москвѣ, откуда распространилось повсюду. Петербургъ о комедіи узналъ гораздо позднѣе. Уже съ 1823 г. во многихъ семьяхъ москвичей были полные и рабски вѣрные списки комедіи¹⁾.

Сколько времени заключается въ этомъ *узrado*—остается невѣстнымъ.

Уничтоженъ ли былъ дѣйствительно Грибоѣдовымъ, какъ заявлено на V-й страницѣ изданія г. Гарусова, списокъ комедіи, самимъ авторомъ завезенный въ Петербургъ въ 1824 г., или нѣтъ; но дѣло въ томъ, что рукописные экземпляры «Горя отъ Ума», именно съ этого года, стало быть, только годомъ позже, тѣмъ въ Москвѣ, начали распространяться въ петербургскомъ обществѣ. Въ фактѣ этомъ удостовѣрился я, благодаря свидѣтельству нѣкоторыхъ петербургскихъ любителей Грибоѣдовской комедіи, старшихъ меня годами, и между прочимъ, заявленію П. А. Каратыгина, лично знавшаго автора и принимающаго участіе въ исполненіи «Горя отъ Ума» на сценѣ петербургскаго театра съ перваго дня ея постановки.

Исторія моего знакомства съ комедіею Грибоѣдова слѣдующая:

Когда въ 1829 г. я былъ переведенъ въ офицерскіе классы Главнаго Инженернаго училища, прежде всего, я переписалъ для себя... «Горе отъ Ума»; а въ 1830 я зналъ, и конечно не я одинъ, всю комедію наизусть.

Я жилъ тогда на Кабинетской улицѣ²⁾, въ домѣ Бимберга. Въ томъ же домѣ и въ томъ же нижнемъ этажѣ на улицу, по другую сторону воротъ, квартировалъ высокоталантливый комическій актеръ нашъ Василій Ивановичъ Рязанцевъ, перешедшій въ Петербургъ изъ Москвы, но увы, не долго восхищавшій петербургскую публику своею неподражаемою игрою; онъ умеръ въ 1831 г. отъ холеры. Въ запискахъ своихъ о петербургскомъ театрѣ («Русская Старина», 1872—1874 гг.), г. Каратыгинъ подробно говоритъ объ этомъ симпатичномъ артистѣ и отдаетъ должную дань его замѣчательнѣйшему таланту. Мимикъ онъ былъ несравненный. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ утратилъ, отъ воланій, звучность своего голоса и не рѣдко говорилъ на сценѣ чуть не шопотомъ; но этотъ шопотъ былъ до того внятень, благодаря необмысленной выразительности его довольно благо-

¹⁾ Въ статьѣ Вѣликскаго (отрывокъ которой помѣщенъ въ „Русской Библиотекѣ“, стр. LXXIII) годомъ распространенія „Горя отъ Ума“ въ рукописяхъ означенъ 1832; эта неточность есть, можетъ быть, простая опечатка.

²⁾ Нижняя Большая Московская.

образнаго лица съ легкимъ оттѣнкомъ татарскаго типа, что недостаткомъ этотъ придавалъ еще какую-то особенную рельефность его игрѣ. Этого мало: не открывая рта, онъ уже веселилъ публику. Выкатится бывало изъ-за кулисъ его небольшая кругленькая фигурка; молча, безъ улыбки, уставить на публику свои выпуклые глаза и театръ оглашается хохотомъ. Въ роли Фамусова онъ уступалъ, быть можетъ, только одному титану комедіи Щепкину, въ школѣ котораго, какъ я слышалъ, развился его талантъ.

Онъ жилъ холостякомъ и дверь его была открыта всякому и во всякое время. Это была добрая, русская натура, пропитанная юморомъ и безпечностью. Общество его было для меня сущимъ кладомъ; веселое расположеніе мое, артистическіе инстинкты находили въ этомъ обществѣ обильную пищу а игра его на сценѣ была для меня любимымъ предметомъ изученія, занимая меня гораздо болѣе, чѣмъ учебная программа Инженернаго училища. Благодаря именно блистательному исполненію Рязанцевымъ роли Фамусова, я просто сталъ бредить комедію Грибоѣдова. Впрочемъ, и болѣшая часть исполнителей главныхъ ея ролей... можно сказать, весь ихъ составъ, способствовали игрою своею развитію во мнѣ этой страсти.

Въ томъ же 1830-мъ году, когда комедія Грибоѣдова, преодолевъ многія препятствія, пробилла наконецъ себѣ, отдѣльными актами, дорогу на сцену петербургскаго театра, 3-е дѣйствіе, только-что разыгранное въ первый разъ въ бенефисъ А. М. Каратыгиной ¹⁾, повторено было въ петербургскомъ обществѣ молодыми любителями, и вотъ при каковой обстановкѣ.

Товарищъ мой по училищу, М. А. П., вращавшійся еще болѣе меня въ кружкѣ артистовъ и сильно пристрастившійся къ театру, пригласилъ меня участвовать въ масляничной затѣѣ слѣдующаго содержанія. Нѣсколько молодыхъ людей разучили 3-е дѣйствіе «Горя отъ Ума» и въ поклобающихъ костюмахъ и маскахъ въ томъ числѣ и я, исполнявшій роль Хлестовой, разѣзжали по городу въ каретахъ, съ шестью или семью человѣками музыкантовъ, и останавливаясь передъ освѣщенными окнами хорошихъ домовъ, посылали хозяевамъ визитныя карточки съ надписью 3-е дѣйствіе «Горя отъ Ума». Насъ приглашали войти; мы являлись съ своимъ оркестромъ, разыгрывали актъ и обанчивали шутовскимъ кадрилемъ; я, въ роли старухи Хлестовой, танцовалъ съ Фамусовымъ, Скалозубъ съ графиней Хрюминой, глухой князь

¹⁾ См. упомянутыя записки П. А. Каратыгина.

съ Натальей Дмитріевной, Молчалингъ съ княгиней. Я, между прочимъ, исполняя роль свою, такъ удачно подражалъ манерѣ и самому голосу известной тогда актрисы Ежовой, игравшей эту роль на петербургскомъ театрѣ, что иные присутствующіе принимали меня за эту любимую публикою актрису.

Въ изданіи Грибоѣдовской комедіи г. Гарусова ввралась между прочимъ одна оригинальная неточность. Неточность эта повторяется нѣсколько разъ въ этомъ изданіи и произошла, вонечно, отъ невнимательнаго прочтенія упомянутой выше статьи «Русской Старины» о любительскомъ исполненіи «Горя отъ Ума» въ Тифлисъ.

На, 244 стр. сорокового изданія въ выносѣхъ сказано: «въ первоначальной, поправленной Грибоѣдовымъ, рукописи, по которой игралось «Горе отъ Ума» въ *Тифлисъ, въ присутствіи автора*»...

На стр. 250, также въ выносѣхъ: «стихи 70—73 были въ 1827 г. Грибоѣдовымъ исправлены для *Тифлискаго* домашняго спектакля».

Въ объясненіяхъ и примѣчаніяхъ (стр. 415) редакторъ восклицаетъ: «гдѣ и у кого находится исправленная авторомъ рукопись для *Тифлискаго* театра?» ¹⁾.

При внимательномъ чтеніи этой статьи «Тифлисскихъ Вѣдомостей», всякому бросится въ глаза ошибка г. Гарусова ²⁾. Изъ статьи той нельзя не вывести заключенія, что попытка любителей въ *Тифлисъ* исполнить комедію была сдѣлана въ *первый* разъ въ 1832-мъ году. Вотъ какъ выразился подписавшій ее «Горетубанскій пустынный» (псевдонимъ Дмитрія Елисеевича Зубарева, исполнявшаго въ этомъ спектаклѣ роль Чацкаго):

«Еще задолго до представленія комедіи, толковали въ тифлисскихъ гостинныхъ о невозможности сыграть эту пьесу,—о неудобности оной для домашняго спектакля, и многое, и многое выливалось изъ устъ любителей сплетней; но, несмотря на всѣ сіи толки, 21-го января ³⁾, въ присутствіи г. главнокомандующаго Грузіею ⁴⁾, супруги его высокопревосходительства и всего тифлискаго beau monde, комедія «Горе отъ Ума» была представлена и исполненіе превзошло ожиданіе зрителей».

Въ изданіи г. Гарусова говорится однако объ исполненіи комедіи любителями въ Эривани въ 1827 г., во время пребыва-

¹⁾ Слѣдовало сказать—*спектакля*; театра въ Тифлисъ тогда не было.

²⁾ Статья эта цѣликомъ перепечатана въ изданіи г. Гарусова.

³⁾ 1832 г.

⁴⁾ Главноуправляющаго.

нія тамъ самого автора. Вотъ для *этого* спектакля онъ могъ сдѣлать какія-нибудь измѣненія; но никакъ не для *того*, который, какъ это будетъ видно далѣе, по моей инициативѣ состоялся въ 1832 г. въ Тифлисѣ, и на которомъ не могъ присутствовать Грибоѣдовъ, почивавшій уже въ то время въ монастырѣ св. Давида.

Когда въ 1831 году служебный вѣтеръ перенесъ меня изъ Петербурга на Кавказъ сапернымъ офицеромъ, инстинкты мои послѣдовали туда же за мною и не давали мнѣ установиться на пути исполненія служебныхъ обязанностей. Между прочимъ и болѣе всего, я жаждалъ театральныхъ наслажденій; но въ Тифлисѣ театра въ то время не было; не знавали тамъ и домашнихъ спектаклей. Тамъ безраздѣльно царила пѣсня сазандара (музыкантъ), звенѣлъ его чунгуръ (балалайка), пицала зурна (рожокъ), трещала даира (бубны), да подъ хлопанье ладошей порхала лезгинка... вотъ и все! Имѣло и это для меня свою прелесть; но для вкуса, вскормленнаго «млекою и медомъ» столичной жизни, этого было далеко недостаточно. Я тосковалъ по драмѣ, душа требовала *sicenses*... и я рѣшилъ добиться устройства домашнихъ спектаклей. Случай, и тутъ пришелъ ко мнѣ на помощь.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Тифлиссъ столкнулся я съ знакомцемъ моимъ по красносельскимъ лагерямъ, юнверомъ, княземъ Романомъ Александровичемъ Багратиономъ. Не долго думая, онъ ввелъ меня въ домъ дяди своего генералъ-лейтенанта, князя Романа Ивановича, брата знаменитаго бородинскаго героя. Семейство стараго князя состояло изъ жены, сестры княгининой — дѣвицы, молоденькой дочери и двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій занимаетъ теперь одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ имперіи; младшій, князь Иванъ, былъ впоследствии однимъ изъ украшеній кавказскихъ войскъ ¹⁾.

Князь и княгиня были добрейшіе изъ людей. Несмотря на небольшія средства свои, они жили открыто; домъ ихъ всегда былъ полонъ, съ утра и до поздняго вечера. Княгиня была отличная музыкантша, устраивала квартеты, за которыми нерѣдко слѣдовали танцы; а за танцами непремѣнно ужинъ съ кахетинскимъ, *compte de raison*, и шумною, веселою болтовнею.

Такою готовою для моихъ замысловъ почвою я не замедлилъ воспользоваться. Мы перешепнулись съ сіятельнымъ юнверомъ,

¹⁾ Этотъ молодой, отважный и всѣми сослуживцами высокооцѣненный герой, командовавшій Сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ, былъ взрубленъ черкесами во время поѣздки въ экипажѣ безъ ковола.

который на менѣ моего одержимъ былъ театральнымъ бѣсомъ — и вскорѣ домъ дяди его обратился въ шумную лабораторію театральныхъ затѣй. Вся наличная въ Тифлисѣ, и по происхожденію столичная молодежь завопила въ этой мастерской и огласила ея стѣны неумолчнымъ хоромъ веселости и лихорадочнаго оживленія. Добрые хозяева поощряли насъ и выражали намъ свою благодарность. Отыскивались и выписывались пьесы; жадно расхватывались и разучивались роли... Но какъ ставить водевили безъ музыки! Партитурами въ Тифлисѣ раздобыться, конечно, было нельзя; выписывать ихъ изъ столицъ было и неудобно при тогдашнихъ способахъ сообщенія... да и накладно! Какъ быть? Но вотъ, однажды, кто-то изъ нашихъ притащилъ вечеромъ въ князю въ домъ маленькаго, старенькаго, скромнаго вида человѣка съ скрипкою подъ мышкой и съ громкимъ именемъ... Степанъ Степановичъ Аправсинъ (sic), — такъ назывался этотъ милый старичокъ, — былъ отставной членъ петербургскаго театрального оркестра... Какъ и затѣмъ попалъ онъ въ Тифлисъ, что онъ тамъ дѣлалъ... право не знаю; знаю только, что онъ скоро сдѣлался общимъ нашимъ любимцемъ. Добрый, услужливый, терпѣливый, по цѣлымъ днямъ возился онъ въ столовой князя, надъ нотною бумагою, со скрипкою подъ подбородкомъ и съ пѣтомъ на лицѣ, то попиливая смычкомъ по струнамъ, то поскрипывая перомъ по бумагѣ; а съ нимъ хлопотали столичные выходцы, выжимая вмѣстѣ съ нимъ изъ памяти и напѣвая на всѣ лады всевозможные водевильные мотивы. Извѣстный въ тѣ времена, молодой шалунъ кн. П. А. Голицынъ, вызывается ему помогать на фортепьяно и вдругъ, посреди куплета, разражается камаринской или пѣсенкой Беранже въ родѣ «L'autre jour, me promenant»... и общій хохотъ, шутки и остроты прерываютъ на нѣсколько минутъ серьезную работу. Степанъ Степановичъ не принимаетъ участія въ этихъ шалостяхъ. Не уклоняясь отъ служебныхъ зачатій, весь погруженный въ налаживанье даннаго аккомпанимента, онъ вытягиваетъ его на скрипкѣ и разсыпается риторическими.

Для постановки пьесъ недоставало еще намъ опытнаго режиссера-руководителя. Нашелся и онъ. Чуть ли не изъ подваловъ тифлисской казенной палаты вытащили мы плѣсневѣвшаго въ ней, не очень уже молодого чиновника Лавровскаго, за небрежное отношеніе къ дѣлу служебному перешедшаго отъ 25 р. къ двумъ рублямъ мѣсячнаго жалованья. При самомъ своемъ появленіи въ нашъ кругъ, этотъ блѣдный, сутулый, отошавшій субъектъ въ своемъ, нивогда его не покидавшемъ фракѣ табачнаго цвѣта съ бархатнымъ воротникомъ, засверкалъ такою опыт-

ностью въ театральномъ дѣлѣ, такимъ сценическимъ дарованіемъ, вкусомъ и литературнымъ лоскомъ, что всѣ мы одушевились увѣренностью въ успѣхъ предпріятія. Кто-то изъ нашихъ пустилъ въ ходъ предположеніе, что этотъ непривзванный геній дебютировалъ когда-то на одной изъ столичныхъ сценъ, провалился и заглохъ въ канцелярской кабалѣ. Никто, даже я, короче другихъ съ нимъ сошедшійся, какъ-то не рѣшались допрашивать его объ этомъ... Это былъ болѣзненный, кажется даже чахоточный человѣкъ; желчный, капризный и очень дерзкій на языкъ, онъ былъ подчасъ невыносимъ; но... мы имъ дорожили какъ искуснымъ кормчимъ нашего театрального корабля и терпѣливо выносили тяжелое ярмо его ничѣмъ не стѣснявшагося деспотизма и причудъ. Особенно безцеремонно распорядился онъ моею особою и моимъ бѣльемъ, не запиравшимся никогда на ключъ. Содѣйствіе его оказалось особенно драгоценнымъ въ самомъ крупномъ нашемъ предпріятіи.

Развеселая труппа, исполнивъ въ присутствіи всего города, нѣсколько легкихъ пьесъ изъ репертуаровъ Хмельницкаго, Каратыгина, и прежде всего первое произведеніе этого послѣдняго— «Знакомые незнакомцы», мы принялись за постановку «Горя отъ Ума»... ни болѣе ни менѣе! Задача была трудная при составленіи персонала, въ особенности женскаго. Приходилось иногда буквально на колѣняхъ упрашивать мѣстныхъ княгинь и княженъ выступить на подмостки съ ихъ грузинскимъ акцентомъ и непривычною въ подобному дѣлу... Почти всѣ изъ нихъ познакомились съ театромъ только въ этомъ году, въ домѣ князя Багратіона. Предразсудки той эпохи, а главное—того края, женская ревность, городскіе толки, вліяніе родныхъ, глядѣвшихъ на наши актерскія затѣи съ азіатской точки зрѣнія, то и дѣло вырывали изъ рядовъ нашихъ одну хорошенькую княжну за другою. Настойчивость, достойная болѣе серьезныхъ пѣмей, перенесла насъ однакоже черезъ всѣ барьеры съ необыкновенною быстротою и легкостью. Мужчинамъ приходилась на долю двойная и тройная работа: и самимъ разучивать и изучать роли свои, и учить прекрасную половину персонала, трудясь, между прочимъ, надъ исправленіемъ произношенія нѣкоторыхъ. Особенно занимала насъ... *и въ этомъ отношеніи*, прелестная 17-лѣтняя княжна, исполнявшая роль Натальи Дмитріевны; въ словахъ: «бутылками и пребольшими», бутылки обращались у нея въ *буталки*.

Изъ уваженія къ предразсудкамъ, о которыхъ я говорилъ выше, мы, въ крайней досадѣ нашей, принуждены были урѣзать для представленія начало и конецъ комедіи, начать ее съ 7-го

явленія 1-го дѣйствія, т.-е. съ появленія Чацкаго и вѣщивъ отъѣдомъ Репетилова... Заигрыванья съ Лизой—Фамусова и Молчалина, ночныя свиданія Софьи съ симъ чиновникомъ казались мамашкамъ too shocking.

Роли, наконецъ, были разобраны и разучены. Я, 20-ти-лѣтній офицерикъ, игралъ Фамусова и, благодаря урокамъ Рязанцева въ Петербургѣ и Лавровскаго въ Тифлисѣ, исполнилъ свою часть къ удовольствію публики, поставленной, впрочемъ, силою обстоятельствъ, въ необходимость относиться къ спектаклямъ нашимъ съ особенною снисходительностью. Репетилова очень удачно разыгралъ братъ незабвеннаго нашего археолога, П. И. Севастьянова, Константинъ Ивановичъ. Чацкій былъ менѣе удаченъ. Собрѣтчикъ палаты, красавецъ, умница, образованный и весьма милый человѣкъ, Дмитрій Елисеевичъ Зубаревъ, не былъ одаренъ сценическимъ талантомъ... Исполненіе этой, впрочемъ, труднѣйшей, роли вышло у него поэтому довольно посредственнымъ. Онъ сознавалъ это, подшучивалъ остроумно надъ своею игрою и въ вышеупомянутомъ отзывѣ своемъ объ этомъ спектаклѣ, напечатанномъ имъ, подъ псевдонимомъ Пустынника Горетубанскаго, въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ», расточивъ похвалы другимъ исполнителямъ, непочтительно выразился только объ одной игрѣ Чацкаго, т.-е. своей. Софья, къ общему нашему огорченію, не удалась тоже; роль эту исполняла сестра хозяйки дома... Молоденькій хозяйскій сынъ весело и умно сыгралъ роль Лизы. Княжна Софья Ив. Орбеляни, въ роли Натальи Дмитриевны, была восхитительна и оригинальна. Мужа ея игралъ третій казачъ Лавровскій и, какъ можно себѣ представить, не положилъ охулки на руку. Молчалина исполнилъ довольно вѣрно товарищъ мой по училищу и по службѣ, Ольшевскій, бѣлокурый, небольшого роста, на тоненькихъ ножкахъ и скромнаго вида. Но Скалозубъ былъ несравнененъ; такого Скалозуба не бывало ни на одномъ публичномъ театрѣ. Кн. Романъ, представлявшій его, былъ высокъ и прямъ, какъ струнка, съ толстыми черными бровями и усами, съ великолѣпнымъ басомъ, съ выраженіемъ лица... Однимъ словомъ, ни къ какому исполнителю этой роли не подходили такъ близко слова Чацкаго:

-И прямизною стана
-Лицомъ и голосомъ герой!-

Хлестова была хороша; но рѣшительно не помню, кто у насъ изображалъ эту типическую московскую барыню. Играла съ нами очень красивая княжна, а впоследствии, княгиня Марья Ива-

новна Орбельяни,—это вѣрно... Можетъ быть, не она ли? Загорѣцкаго воспроизводилъ племянникъ тогдашняго тифлискаго губернатора, Завилейскій, и заслужилъ рукоплесканія.

Въ томъ же году, по случаю приѣзда изъ Цинандаль покойной Нины Александровны, вдовы Грибоѣдова, бывшей тогда во всемъ блескѣ, во всей свѣжести своей миловидной красоты, мы повторили это представленіе; но, увы, или въ самомъ дѣлѣ внезапное недоровье, какъ было объявлено, или тяжелое чувство удержали дома Нину Александровну; но дѣло въ томъ, что она не была на нашемъ спектаклѣ. Зала однакожь и въ этотъ разъ была полна отборнѣйшей публики и шумныхъ рукоплесканій.

Что это было за счастливое время для меня и для моихъ сотрудниковъ! Однѣ репетиціи наши чего стоили! При многострадальствѣ и разношерстности молодыхъ и безумно веселыхъ актеровъ-любителей, при порханьѣ и стрелотнѣ, за малыми исключеніями, прелестныхъ молоденькихъ актрисъ, при завываньѣ скрипокъ и фортепьяно любительскаго квинтета, репетировавшаго для представленія—въ этой не очень просторной княжѣйской столовой, обращающейся, въ данную минуту, въ спектакльную залу, репетиціи наши, право, можно было сравнить съ фейерверкомъ при солнечномъ освѣщеніи, какіе я видывалъ въ Персіи... Это было что-то очень шумное, очень головокружительное, очень оригинальное, очень веселое.

Мнѣ, разыгрывавшему постоянно главныя роли, нельзя было, особенно при постановкѣ «Горя отъ Ума», пропускать ни одной репетиціи, что, конечно, было мнѣ и по вкусу и очень на-руку; но служба требовала своей дани—и вотъ, не одинъ, а нѣсколько разъ, когда случалось мнѣ стоять въ караулѣ на Татарской площади, въ Метехѣ и другихъ, вдругъ являлся передо мною офицеръ, въ караульной формѣ, и подавалъ мнѣ, отъ плацъ-адъютанта, записку слѣдующаго содержанія: «подателю сего, прапорщику или подпоручику NN, имѣете вы сдать караулъ и явиться въ домъ кн. Р. И. Багратіона, на репетицію (такой-то пьесы)». И я, конечно, ни мало не протестуя, сгѣшилъ, по долгу службы, исполнять приказаніе начальства.

Скоро однако же спустилась завѣса на сценѣ моихъ театральныхъ походовъ въ Тифлисъ: меня отправили на производство работъ въ строящуюся тогда крѣпость Новые-Закаталы; но и въ этомъ дагестанскомъ захолустьѣ часто, по вечерамъ, разыгрывалъ я, съ горя, одинъ, сцены изъ великой комедіи кружку офицеровъ, постоянно собиравшемуся въ моемъ хорощенькомъ саперномъ домикѣ. А затѣмъ, въ продолженіе много-

лѣтнихъ моихъ кочеваній по Востоку—и на берегахъ Босфора Фракійскаго, и у подножія Вионискаго Олимпа, и въ виду Паренена и пирамидъ Джизы, и на взморьѣ Каспія и Персидскаго залива, и на развалинахъ Вавилона и Персеполиса, я неутомимо и безъ помощи *медіумовъ* вызывалъ, для моихъ перелетныхъ соотечественниковъ, знакомыя имъ тѣни Фамусовыхъ, Чацкихъ, Репетиловыхъ и всей компаніи.

Главный, на мой взглядъ, недостатокъ 40-го изданія «Горя отъ Ума» (повторившійся однажды и въ изданіи «Русской Библиотеки») — это допущенные въ текстъ комедіи непрошенныя гости, въ видѣ неумѣстно вставленныхъ вариантовъ. Тутъ встрѣчаются стихи, которыхъ чувство мое никакъ не допускаетъ безусловно признать истинно Грибоѣдовскими; стихи тяжелые, отличающіеся, между прочимъ, стоящими рядомъ, но не рѣмующими между собою, или короткими или длинными окончаніями. Къ тому же, ни одна изъ этихъ вставокъ не гармонируетъ вполне съ тономъ всей пьесы; напротивъ, они производятъ какую-то досадную какофонію, не дающую мнѣ узнавать старыхъ и добрыхъ друзей нашихъ — дѣйствующихъ лицъ «Горя отъ ума». Въ этомъ отношеніи особенно выдается, еще въ первый разъ встрѣчающаяся въ печати, длинная болтовня Хлестовой на балѣ, измѣняющая значительно характеръ столь знакомаго намъ лица: не стѣсняющаяся никакими общественными условіями, рѣзко и громко барабаниющая всѣмъ и каждому все, что ей взбредетъ на умъ, важная московская барыня обращается, въ этой болтовнѣ, въ какую-то базарную кумушку, трусливо лицемѣрную трещотку, которая по восточкамъ перебираетъ всѣхъ, и непременно всѣхъ, Фамусовскихъ гостей—когда они стоятъ въ ней спиною; но какъ только они подошли—тотчасъ же рассыпается передъ ними медовую лестью. Это, пожалуй, тоже Хлестова, да не та, съ которою мы полвѣка привыкли встрѣчаться на балѣ у Павла Аванасьевича. Вставка эта такъ длинна, что я не позволяю себѣ писать ее всю. Но какъ находите вы, напримѣръ, слѣдующія:

Плат. Мих. (послѣ словъ: Антонъ Антонычъ Загорѣцкій):

„На дняхъ онъ банкъ по шулерски сорвалъ.
 „Смигнулся съ шулеромъ такимъ же *записнымъ*:
 „И обыгралъ меня. Богъ съ *нимъ!*
 „Вчера укралъ билетъ, а слышалъ, какъ *сорвалъ*“.
 (При немъ остерегись: переносить *юраздъ!*
 И въ карты не садись: *продастъ*)¹⁾.

¹⁾ Шестъ короткихъ окончаній... и неловкая пунктуация.

Или:

Хлестова (послѣ словъ: Я за уши его
дирала—только мало):

„А это что за чучело? Свѣжи, кто онъ?”

Софья.

„Натали Дмитриевны мужъ, Платонъ Михайлычъ ¹⁾).

Хлестова.

„А! Знаю.—Здравствуйте! *Супруга*
„Ужъ вѣрно здѣсь: вы неразлучные два друга.Нат. Дмитр.—*подходя.*„Я кланялась, вы не *всмотрѣлись.*„Не мудрено, глаза подъ старость *прилядѣлись.*(Н. Д. *уходитъ*).„Ну вотъ такъ парочка! По чести *заглядѣть!* ²⁾).

Или:

Хлестова (послѣ словъ: Приятно-ли
намъ нѣтъ-ли?)

„Ужъ право нынче времена!

„Знакомятъ насъ, таща на балы...

(Опомнись).

„Ахъ!.. Онъ богатъ, полковникъ, скоро въ генералы...

„Ну, Софьюшка, сама себѣ *важусь чудна;*„Забывалась я... Чѣмъ не женихъ! Все въ *немъ...*„Вѣдь твой отецъ не скажетъ ничего *путемъ.*Молчалинъ—*подастъ ей карточку.*Я вашу партію составилъ: Мосье *Кокъ* ³⁾ и проч.

Или:

Скалозубъ (послѣ словъ: А книги со-
хранять такъ, для большихъ
оказій):

„Пусть ихъ лежать себѣ въ пыли!

„Отъ нихъ лишь злу намъ можно *научиться,*„Пускай въ нихъ тотъ и *копошится,*„Ни денегъ у кого, нѣтъ ни *земли.*

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! Нѣтъ, уже коли зло *престъчь,*—
Забрать всѣ книги бы да *сжечь.*¹⁾ Осталось безъ рѣшени... да и не удивительно!²⁾ Пять длинныхъ окончаній.³⁾ Четыре короткихъ.

Загорѣцкій—съ кротостью:

(Нѣтъ-съ, книги книгамъ розь!)

„Романы?.. Что за *среди*!

„А вотъ гдѣ зло, причина *бѣды*!

„Ученныя... Вотъ ихъ-то *брось*!..

„Какую-то ученую *мораль* ¹⁾

„Вчера читалъ, потѣлъ, понять трудился,

„А что *молодь* ученый *вралъ*?

„Никакъ я не добился“ и т. д.

Внося въ текстъ эту послѣднюю вставку, редакторъ изданія не обратилъ вниманія на то, что за три коротенькіе монолога до этого Фамусовъ провозглашаетъ, знакомую всѣмъ, ту же своего рода истину, но гораздо складнѣе, лучше и умѣстнѣе:

Ученье—вотъ чума! Ученость—вотъ причина,

Что нынче пуще чѣмъ когда

Безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній.

Или, вотъ еще четыре стихка:

Репетиловъ—по отъѣздѣ Хлестовой.

„Не удалось!.. Къ несчастью *опоздалъ*.

„Вотъ эта намъ была-бъ подъ *масть*;

„Заговорить, не дасть *пропасть*.

„Ужъ язычокъ! Ужъ бабушка-*нахаль*“.

Не осмѣливаюсь спорить. Быть можетъ, стихи, которые г. Гарусовъ *первыи* вставилъ въ текстъ своего изданія, и были когда-нибудь, какъ проба пера, написаны Грибоѣдовымъ. Но въ то же время, я увѣренъ, что самъ же Грибоѣдовъ выбросилъ ихъ какъ тяжелый баластъ, ненужный уже болѣе послѣ замѣны его хорошимъ товаромъ.

Оттого-то изъ сотенъ и тысячъ копій «Горя отъ Ума», они и зашли *только съ однимъ* экземпляръ, попавшемъ въ руки г. Гарусову. Нужны ли были, въ самомъ дѣлѣ, «Горю отъ Ума», этому совершенству своего рода, такіа и подобныя наклейки, — это все равно, какъ еслибы кто вздумалъ шитое платье украсить оставшимися обрѣзками, потому только, что они принадлежали тому же куску матеріи, изъ котораго оно выкроено. И можно ли было такъ хозяйничать съ давнишнимъ достояніемъ публики, съ любимымъ и изученнымъ всею Россіею произведеніемъ нашей литературы! Если уже г. Гарусовъ положилъ ознакомить русскихъ людей съ этимъ бравомъ, онъ просто могъ отве-

¹⁾ Тутъ уже рядомъ семь короткихъ окончаній!

сти ему мѣсто рядомъ съ вариантами, въ подстраничныхъ выносахъ или въ заулисныхъ примѣчаніяхъ къ комедіи! Тамъ прочли бы эти первоначальные наброски комедіи,—если только они принадлежать Грибоѣдову,—гораздо съ ббльшимъ интересомъ, чѣмъ всѣ эти ни къ чему не ведущія громоздкія этимологіи словъ: *бисквита, канва, скomoroxъ, симфонія, клобъ, фалотъ, юбой, архивъ* и сотни другихъ,—какими г. Гарусовъ снабдилъ свое изданіе. Какъ можно было, наконецъ, внести въ самый текстъ комедіи это шепелявенье и шамканье старой графини, въ родѣ слѣдующаго: *Шаскій* (вмѣсто Чацкій); *скаши покромше; пошаръ; пусурманъ* и т. д. Изданіе г. Гарусова имѣетъ свои достоинства, оно сдѣлано было съ любовью и усердіемъ, но было бы лучше, еслибы не грѣшило тѣмъ недостаткомъ, отъ котораго Талейранъ остерегалъ своихъ чиновниковъ.

Нельзя не быть благодарнымъ г. Веселовскому, редактору изданія въ «Русской бібліотекѣ», между прочимъ и за то, что онъ избавилъ своихъ читателей отъ такого празднаго обезображенія текста.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить надежду, что въ слѣдующихъ за симъ изданіяхъ не повторятся эти досадныя вставки въ текстъ комедіи—и это ломанье языка, и что взглядъ мой на этотъ предметъ читатели не найдутъ ошибочнымъ.

М. Г.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

Замѣчанія Ю. Э. Самарина на книгу „Задачи Психологии“.

Окончаніе.

III *).

Ю. Э. Самаринъ возстае въ особенности противъ моей попытки открыть и установить научныя основанія самопроизвольности. Онъ вполнѣ признаетъ свободу воли, но она, по его мнѣнію, не можетъ быть выведена изъ научныхъ предпосылокъ, приемами положительнаго знанія. Такимъ образомъ, по этому предмету, наше разногласіе относится, повидимому, не къ существу дѣла, а только къ методу изслѣдованія. Но по свойству нашего разномыслія о свободѣ воли, вся суть вопроса, въ настоящемъ случаѣ, и заключается въ правильности или неправильности метода. Ю. Э. Самаринъ вполнѣ правъ, говоря, что для меня самопроизвольность или свобода воли есть „ключъ позиціи“. Въ самомъ дѣлѣ, вся моя книга есть лишь попытка выяснить научныя основанія самопроизвольности, и если мнѣ это не удалось, то самая книга не имѣетъ никакой цѣны и никакого значенія. Напротивъ, еслибъ попытка моя оказалась удачною, то всѣ возраженія противъ нея существенно утратили бы свою убѣдительность и силу. Многіе относятся къ науѣ съ недовѣріемъ только потому, что она не даетъ ключа къ объясненію свободной воли и нравственной отвѣтственности, и, къ сожалѣнію, они вполнѣ правы. Этотъ проблѣмъ я отношу къ односторонности господствующаго въ наше время научнаго направленія; но Ю. Э. Самаринъ идетъ далѣе

*) См. выше: май, 361; июнь, 777 стр.

и думаетъ, что такая односторонность лежитъ въ самомъ существѣ, въ точкахъ отправленія, условіяхъ и приемахъ научнаго знанія. Остается рѣшить, кто изъ насъ правъ. Мнѣ представляется этотъ пунктъ капитальнымъ въ нашемъ спорѣ. Все остальное—только приготовленіе къ бою, осмотръ и повѣрка оружія. На мое горе у меня нѣтъ союзниковъ. Противники Ю. Э. Самарина, отрицая самопроизвольность, обѣими руками подписываютъ его приговоръ наукѣ, и аргументація его противъ положительнаго знанія получаетъ, вслѣдствіе того, особенный вѣсъ и силу.

Доводы Ю. Э. Самарина противъ того, что я говорю въ „Задачахъ Психологіи“ въ доказательство присутствія въ человѣкѣ свободной воли, существенно заключаются въ слѣдующемъ: всѣ событія, въ объективномъ смыслѣ, будто-бы, по моему же признанію, необходимы; случайныхъ и произвольныхъ событій нѣтъ. Значитъ, когда мы считаемъ дѣйствіе произвольнымъ, намъ это только такъ кажется, потому что мы необходимой причины его не знаемъ. Этимъ вопросъ, по мнѣнію Ю. Э. Самарина, вполне исчерпывается: произвольности нѣтъ. Однако я все-таки ее отыскиваю и для этого перечисляю всѣ дѣйствія произвольныя, относя къ числу ихъ даже тѣ, которыя выходятъ какъ результатъ борьбы разнородныхъ побужденій и признавая, что каждое ощущаемое побужденіе дѣйствуетъ необходимыми образомъ и вызываетъ произвольные поступки. Что же остается? Казалось бы, поступки, совершаемые безъ побужденій? Но я говорю, что такихъ поступковъ нѣтъ. Произвольный поступокъ отъ произвольнаго отличается только тѣмъ, что въ первомъ побужденіе вызвано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, а во второмъ побужденіе дано и отъ человѣка не зависитъ. Но вѣдь актъ выбора побужденія самъ по себѣ есть уже поступокъ. А такъ какъ поступка безъ побужденія нѣтъ, то онъ вызванъ какимъ-нибудь побужденіемъ, значитъ не есть произвольный. Я стараюсь выдти изъ этого затрудненія тѣмъ, что приписываю актъ самому человѣку совершенно въ спокойномъ состояніи, отрѣшившемся отъ всякихъ побужденій, волненій и страстей. Но, во-первыхъ, совершенно спокойное состояніе не можетъ быть условіемъ ни выбора, ни вообще какого бы то ни было процесса, ибо исключаетъ его возможность; да такое состояніе и немнимо. Человѣкъ можетъ только настраивать себя такъ или иначе и вслѣдствіе того только расширять или суживать кругъ своихъ самопроизвольныхъ дѣйствій. Во-вторыхъ, самъ человѣкъ, въ отличіе отъ человѣка мыслящаго, чувствующаго и желающаго, не есть человѣкъ самъ по себѣ—то отвлеченное, безсодержательное понятіе которое мною же, вмѣстѣ съ другими сущностями, объявлено функцией, не имѣющей реальнаго, дѣйствительнаго бытія; въ-третьихъ

отвлеченная мысль, на которой сознательно остановилось вниманіе, есть уже мысль, ставшая въ извѣстное отношеніе къ ощущающему субъекту. Выбора между многими отвлеченными понятіями и представленіями нѣтъ; кажущійся выборъ есть тоже механическая борьба когда-то пережитыхъ, воскресающихъ побужденій; наконецъ, въ четвертыхъ, самопроизвольность не имѣетъ объективныхъ признаковъ. Она только сознается человѣкомъ и потому не можетъ быть доказана положительной наукой; слѣдовательно, попытка ввести свободу воли въ кругъ положительнаго знанія не можетъ не быть безуспѣшна.

Внимательно разсмотрѣвъ всѣ эти возраженія, я нахожу, что они, главнымъ образомъ, вызваны моимъ способомъ изложенія, который, сознаюсь, могъ подать Ю. Θ. Самарину поводъ ошибочно истолковать мою мысль.

Прежде всего замѣчу, что вся моя аргументація въ пользу самопроизвольности не есть догматическая, а полемическая. Такой ея характеръ опредѣлился въ виду прочно установившагося въ мыслящихъ слояхъ отрицанія самопроизвольности дѣйствій и строго реалистическаго направленія. Но извѣстно, что полемизировать съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ можно не иначе, какъ ставъ на почву противника, принявъ его точку зрѣнія и вывода изъ нея же самой ошибочность сдѣланныхъ заключеній. Такого приѣма держался и я, стараясь отвоевать у реализма научныя основанія самопроизвольности. Вмѣсто того, чтобъ принять за точку отправленія психической фактъ, я, вмѣстѣ съ моими противниками, обратился сперва къ внешней, матеріальной сторонѣ поступка и отъ него шелъ далѣе, къ внутренней, психической. Доводы ихъ противъ самопроизвольности, казавшіеся мнѣ сильными, а слѣвшиль признать; отъ фактовъ, подававшихъ поводъ къ двойному толкованію, въ пользу и противъ свободы воли, я считъ полезнымъ отказаться. Я убѣжденъ, что Ю. Θ. Самаринъ не обратилъ бы противъ меня многого изъ того, что я говорю, еслибъ онъ замѣтилъ эту вынужденную особенность моего изложенія. Онъ, конечно, согласится, что не наставлять на фактъ, потому что онъ подлежитъ двойному толкованію, и согласится съ толкованіемъ, которое даетъ этому факту противникъ — двѣ вещи весьма различныя. Между тѣмъ Ю. Θ. Самаринъ нерѣдко принимаетъ одно за другое, и вслѣдствіе того приписываетъ мнѣ взгляды моихъ противниковъ. Такъ онъ полемизируетъ противъ мысли, что случайности и самопроизвольности нѣтъ, а есть одна необходимость. Но я подробно говорю о нихъ на стр. 156 и 157, 232 и 233, и вездѣ оспариваю взглядъ, который Ю. Θ. Самаринъ считаетъ за мой. Правда, на стр. 156 у меня сказано, что наука, смотря на понятія о случайности и самопроизвольности съ объективной точки

рѣнія, признаетъ одну необходимость; но тутъ я выразился не точно, и подъ наукой вообще разумѣлъ науку, изслѣдующую матеріальные факты. Въ этомъ можно удостовѣриться, сличивъ сказанное въ приведенныхъ мѣстахъ съ тѣмъ, что я говорю на стр. 35 и 36 о невозможности получить какое-нибудь понятіе о самопроизвольности посредствомъ изученія матеріальной, внѣшней стороны исполненнаго дѣйствія. Въ другихъ мѣстахъ я особенно налегаю на то, что явленія, подлежащія внѣшнимъ чувствамъ, не суть единственные предметы научнаго изслѣдованія.

Далѣе, на стр. 188 и 189, я дѣйствительно доказываю, что совершеніе поступка наперекоръ матеріальнымъ побужденіямъ, по внушенію психическихъ мотивовъ или убѣжденій разсудка, не есть еще признакъ самопроизвольности. Такъ какъ противъ самопроизвольности такихъ поступковъ можно возражать указаніемъ на механическую борьбу данныхъ мотивовъ, то я находилъ неудобнымъ ссылаться на такіе поступки въ доказательство самопроизвольности. Но Ю. Э. Самаринъ выводитъ изъ этого мѣста, будто бы, по моему мнѣнію, въ такихъ поступкахъ свободная воля ни въ какомъ случаѣ не участвуетъ. На возраженія мои, что я этого нигдѣ не говорю и не думаю, онъ пишетъ слѣдующее:

„Послѣднія два слова: *не думаю*, я принимаю съ радостью, какъ существенное amendementъ къ вашей книгѣ, которое потребуетъ, вѣроятно, нѣкотораго дополненія главы VII. На начальныя же слова „*не говорю*“ — позвольте возразить справкою (затѣмъ приводитъ мѣста со стр. 188, 190 и 191). Та же мысль, повторенная и на стр. 194, еще яснѣе высказывается въ опредѣленіи условій, при которыхъ только и можетъ обнаружиться психическая свобода; все они рѣшительно исключаютъ то сомнѣніе, въ которомъ находите человѣкъ въ моментъ борьбы побужденій: „совершенное спокойствіе“ отсутствие всякаго волненія или возбужденія, или аффекта“. Такой же всѣ подобранные примѣры такъ-называемой произвольной дѣятельности (стр. 192, 193, 196, 199). Остается объяснить, почему признаніе за психическою свободою способности участвовать, въ качествѣ самостоятельнаго фактора, въ борьбѣ побужденій, потребуетъ передѣлки главы VII. Придется, вѣроятно, признать цѣлую категорию поступковъ, вызванныхъ побужденіями *невольными*, но овладѣвши человѣкомъ и перешедшими въ дѣйствіе только потому, что эта присутствующая въ душѣ способность на сей разъ *вольно* обрѣкла себя на бездѣйствіе, воздержалась отъ употребленія въ дѣло самой себя, отстала мѣсто для законовъ механики и этимъ своимъ вольнымъ безучастіемъ и попусценіемъ все-таки отрицательно участвовала въ поступкѣ, который, вслѣдствіе этого, и получаетъ характеръ вольнаго. Объ этой категоріи нигдѣ въ книгѣ не упоминается; она даже по разумѣвательно отрицается на стр. 190, 193, 198 и др. Замѣты что я не утверждаю, чтобы всѣ сознательныя дѣйствія безъ исклю-

ченія были положительно или отрицательно вольны и несколько не отрицаю категоріи дѣйствій, совершаемыхъ роковымъ образомъ, въ силу непреоборимыхъ побужденій, даже не матеріальныхъ, а психическихъ. Возможность ихъ объясняется возможностью предшествующаго имъ момента самоубійства воли“.

Замѣчаніе это совершенно справедливо и я принимаю его тѣмъ охотѣе, что оно поправляетъ мое ошибочное изложеніе. Обративъ, въ виду колоссности, все вниманіе исключительно на одну чистую, безприхисную форму самопроизвольности, именно на ту, гдѣ воля дѣйствуетъ при отсутствіи всякихъ побужденій, я забылъ про смѣшанные, гдѣ она выступаетъ рядомъ съ данными, произвольными побужденіями. При такихъ смѣшанныхъ формахъ происходитъ одно изъ двухъ: или мы подавляемъ, заставляемъ молчать побужденія и затѣмъ дѣлаемъ между ними выборъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда никакая страсть не волнуетъ душу; или же, напротивъ, мы воздерживаемся отъ всякаго вмѣшательства въ борьбу побужденій, которая рѣшается по законамъ психо-динамики, перевѣсомъ болѣе сильнаго побужденія надъ болѣе слабымъ. Сознательно-умышленное, преднамеренное воздержаніе отъ вмѣшательства въ борьбу побужденій есть, безъ сомнѣнія, тоже дѣятельность воли, такая же вмѣняемая, какъ и всякая другая, хотя дѣйствіе ея и выражается отрицательно—воздержаніемъ отъ дѣйствія.

Ю. О. Самаринъ приписываетъ мнѣ также мысль, будто бы „всякое опредѣленное душевное состояніе (иначе: всякое ощущаемое побужденіе), дѣйствуетъ на человѣка необходимымъ образомъ и вызываетъ произвольные поступки“. Въ такой безусловной и категорической формѣ я не могу признать эту мысль за свою и, несмотря на разъясненія, сдѣланныя мнѣ впоследствии Ю. О. Самаринымъ, остаюсь при этомъ мнѣніи. Всякое ощущаемое побужденіе дѣйствуетъ на человѣка необходимымъ образомъ и вызываетъ произвольные поступки только при двухъ условіяхъ: во-1-хъ, когда нѣтъ другого побужденія, или другихъ побужденій, которыя его перевѣшиваютъ, или пересиливаютъ; во-2-хъ, когда самопроизвольность, по той или другой причинѣ, бездѣйствуетъ, не подавляетъ его. Самъ критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что если члвкъ пропуститъ послѣднюю минуту, когда онъ еще могъ пересилить въ себѣ искушеніе, то съ этой минуты побужденіе пріобрѣтаетъ „надъ душою власть неодолимую и она „идетъ“ ко дну, какъ камень, падающій въ силу закона динамики“. Только въ этомъ смыслѣ я и разумѣлъ власть побужденія надъ душою, когда оно или вызвано волею или не подавлено ею. Побужденіе, въ этомъ смыслѣ, можно сравнить съ гирей, или бабой, которой вбиваются сваи, или

съ молотомъ, которымъ бьютъ по наковальнѣ; пока веревка не выпущена, или пока рука не опустилась, гири и молотъ бездѣйствуютъ; но разъ веревка выпущена, или рука опустилась, дѣйствіе дѣлается роковымъ, неизбѣжнымъ, по законамъ механики. То, что сказано въ „Задачахъ Психологіи“ на страницахъ 194 и 195, служитъ подтвержденіемъ такой ограниченной, условной власти ощущаемаго побужденія, а не безграничной и не безусловной, какую предполагаетъ Ю. Э. Самаринъ. „Вы заявляете,—говоритъ онъ,—что выборъ, въ дѣйствительномъ и точномъ смыслѣ слова, можетъ быть названъ только тотъ, который дѣлается *безъ всякаго* побужденія. Не значитъ ли это, что ощущение побужденія, само по себѣ, исключаетъ проявленіе психической свободы?“ Дѣлая это возраженіе, Ю. Э. Самаринъ опять опустилъ изъ виду полемическій характеръ книги. Ощущеніе побужденія, само по себѣ, безъ одобренія или попущенія воли, остается ощущеніемъ и не переходитъ никогда въ дѣйствіе. Утверждая, что выборъ въ точномъ смыслѣ слова предполагаетъ совершенное отсутствіе побужденія, я высказалъ ту, мнѣ кажется, безспорную мысль, что дѣйствіе, вызванное побужденіемъ, котораго мы не замѣчаемъ, кажется самопроизвольнымъ, но на самомъ дѣлѣ оно не есть такое. Пока дѣйствуетъ побужденіе помимо воли, самопроизвольности нѣтъ; когда начинается дѣйствовать воля, побужденіе замираетъ, въ смыслѣ мотива дѣйствія или поступка. Очень можетъ быть, что я выразился не довольно точно; но вотъ мысль, которую я желалъ выразить.

Вся дальнѣйшая аргументація Ю. Э. Самарина, выведенная изъ сопоставленія моихъ разсужденій и выводовъ, также вертится на неправильномъ толкованіи моихъ словъ.

„Для спасенія произвольности,—говоритъ онъ,—нужно бы признать категорію дѣйствій сознательныхъ и въ то же время совершаемыхъ безъ всякаго побужденія.—Такихъ нѣтъ,—отвѣчаете вы, ибо и произвольныя дѣйствія совершаются не безъ побужденія; но отличительная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что побужденіе къ нимъ вызывается (или выбирается) произвольно самимъ дѣйствующимъ лицомъ. Но читателямъ было уже разъяснено выше, что самый актъ вызова или выбора есть уже психическій поступокъ, хотя юридически и невмѣняемый; здѣсь же говорится о побужденіи, какъ объ объектѣ этого поступка, о цѣли его, иначе о томъ, *что* вызывается, а нужно знать *чѣмъ* производится этотъ вызовъ или выборъ?—Вы отвѣчаете: ничѣмъ...“

Здѣсь недоразумѣніе очевидно происходитъ только отъ того, что Ю. Э. Самаринъ не принялъ въ расчетъ той точки зрѣнія, на которую я вынужденъ былъ стать, защищая самопроизвольность поступковъ противъ реалистовъ и матеріалистовъ. Они рассматри-

вають внѣшнюю матеріальную сторону дѣйствія и на ней останавливаются. Но съ этой стороны всякое дѣйствіе есть непременно результатъ какого-нибудь побужденія,—или внѣшняго толчка, или желанія, аффекта, страсти. Проф. Свѣчцовъ идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что всякое желаніе, аффектъ, страсть есть результатъ матеріальнаго, внѣшняго дѣйствія. Но даже и не вдаваясь въ такую крайность, нельзя не признать, что всякій внѣшний поступокъ есть всегда, непременно, послѣдствіе какого-нибудь матеріальнаго побужденія,—возбужденія чувства, желанія, страсти. Холодная, отвлеченная, безстрастная мысль, сама по себѣ, не можетъ стать источникомъ внѣшняго дѣйствія. Спрашивается, откуда же берется побужденіе въ этомъ реальномъ или матеріальномъ смыслѣ? Вотъ гдѣ я раскожусь съ реалистическими и матеріалистическими взглядами. Реалисты и матеріалисты утверждаютъ, что всякое побужденіе непременно вызывается или внѣшними толчками, или физическими и физиологическими состояніями тѣла; другими словами, всякое побужденіе есть непременно данное, произвольное. Отсюда слѣдуетъ, что свободы воли нѣтъ, что для нея нѣтъ мѣста. Я же, напротивъ, стою на томъ, что побужденія могутъ быть и данныя и вызванныя актомъ психической самодѣятельности, послѣдствіемъ способности души настроить себя такъ или иначе. Такое самонастроеніе можетъ производиться душою безъ всякаго побужденія, совершенно свободно. Это и есть выборъ побужденія по отвлеченнымъ, холоднымъ, безстрастнымъ мыслямъ и представленіямъ, выборъ совершенно свободный, ничѣмъ не мотивированный. Именно потому, что выборъ побужденія можетъ быть свободенъ, возможна вмѣняемость дѣйствій и поступковъ; они и вмѣняемы настолько, насколько свободны. Затѣмъ, смотря по поступку, вмѣняемость бываетъ нравственная или юридическая. Последняя примѣнима только къ поступкамъ, которые перешли во внѣшнее матеріальное дѣйствіе, а такіе поступки не мыслимы безъ побужденія, которое бываетъ или данное или самопроизвольно-вызванное въ насъ актомъ свободной воли. Нравственно же вмѣняемы поступки, не перешедшіе во внѣшнее дѣйствіе. Мы называемъ событія, совершающіяся въ нашей душѣ, поступками, когда относимся къ такимъ событіямъ съ умысломъ, одобреніемъ и пожеланіемъ, хотя бы умиселъ, одобреніе и пожеланіе вовсе не относились къ будущему внѣшнему дѣйствію и вовсе не имѣли его въ виду. Если я мечтаю о томъ, какъ отищу своему врагу, или о томъ, что лицо, отъ котораго я ожидаю огромное наслѣдство, умереть и я сдѣлаюсь обладателемъ его богатствъ, или если я, видя несчастнаго, пожалѣю внутренно, что не въ состояніи ему помочь, то всѣ такія нравственныя движенія будутъ поступками, дѣйствіями нравственно вмѣняемыми. Они, какъ и

внѣшніе поступки, могутъ быть результатомъ данныхъ побужденій, вторымъ мы добровольно подчиняемся, или же актами нашей самопроизвольности, безъ всякаго побужденія. Этимъ они существенно и отличаются отъ внѣшнихъ дѣйствій, которыя безъ побужденія, даннаго или вызваннаго нами самими, совершенно немислимы. Не обративъ вниманія на различіе поступковъ юридически и нравственно вмѣняемыхъ, Ю. Э. Самаринъ находитъ непослѣдовательность и противорѣчіе въ моихъ словахъ и спрашиваетъ: если дѣйствіе невозможно безъ побужденія, то какъ же возможенъ свободный выборъ мысли, или представленія, соответствующихъ извѣстному аффекту? Но никакой непослѣдовательности и противорѣчія не окажется, если принять въ расчетъ, что я имѣлъ въ виду одни дѣйствія, юридически вмѣняемыя, т.-е. внѣшнія. Они не выполнены безъ побужденія; а нравственно вмѣняемый поступокъ можетъ быть совершенъ безъ всякаго побужденія, хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что множество такихъ поступковъ мы совершаемъ безпрестанно подъ вліяніемъ разныхъ данныхъ побужденій—страстей, увлеченій и т. д.

Но главнѣйшимъ аргументомъ Ю. Э. Самарина все-таки остается тотъ, что самопроизвольность не можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія и есть фактъ личнаго сознанія, не поддающійся анализу. Противъ возраженій, направленныхъ на мою попытку ввести самопроизвольность въ кругъ научнаго знанія, отыскать его объективные признаки и опредѣлить его научную формулу, я привелъ рядъ опроверженій, не понимая, впрочемъ, ясно той части аргументаціи, въ которой Ю. Э. Самаринъ особенно налегаетъ на противорѣчіе, будто бы существующее между моимъ представленіемъ о *самомъ* человѣкѣ и моимъ отрицаніемъ субстанціи.

Въ главѣ V „Задачи Психологіи“, гдѣ разсматриваются врожденные свойства психическаго организма, я, на стр. 96 и слѣд., старался доказать, что существо, природа души не доступна нашему знанію; доступны намъ только явленія, т.-е. свойства души и ея строеніе. Объ нихъ я говорю очень пространно, и между прочимъ, на стр. 105 и 106, показываю, какимъ образомъ способность души, раздвояясь, обращается къ самой себѣ и къ тому, что въ ней содержится, есть источникъ ея самодѣятельности и самопроизвольности, причина психической инициативы и свободной воли. То же самое, но подробнѣе, излагается въ главѣ VII, о произвольной дѣятельности, на стр. 199—201. Самодѣятельность мы видимъ и въ животныхъ; психическую самодѣятельность—только въ человѣкѣ. Не касаясь недоступнаго знанію существа души, я старался объяснить механизмъ самопроизвольности—единственное, что наука доступна. Мнѣ казалось, что это совсѣмъ не то, что метафизическій и философскій *der*

Mensch an sich, человекъ по существу, и потому замѣчаніе, будто онъ является у меня въ концѣ книги, какъ Deus ex machina, казалось мнѣ несправедливымъ. То, что я говорю въ главѣ о волѣ, подготовлено главою о прирожденныхъ свойствахъ души и есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ же самыхъ мыслей. Далѣе, Ю. О. Самаринъ отрицаетъ возможность совершенно спокойнаго состоянія, изъ чего слѣдуетъ, что строгой разграничительной черты между самопроизвольными и произвольными дѣйствіями нѣтъ. Но я и не думалъ утверждать, что спокойное настроеніе и холодная, ничѣмъ не волнуемая мысль, сами по себѣ, составляютъ актъ воли; и при такихъ условіяхъ рѣшеніе можетъ быть результатомъ психо-механическихъ отношеній между различными мыслями и ображеніями; другими словами, я думаю, что разумное рѣшеніе еще не есть, само по себѣ, результатъ свободнаго акта воли. Я только утверждалъ, что актъ самопроизвольности невозможенъ, немислимъ, безъ спокойнаго настроенія и—что, конечно, почти тоже самое—пока чувство или желаніе влетаютъ въ мысли и сообщаютъ имъ ту или другую невольную окраску.

Такъ какъ настроеніе никогда не бываетъ совершенно спокойно, то отсюда, по мнѣнію Ю. О. Самарина, слѣдуетъ, что нѣтъ и не можетъ быть чистой самопроизвольности. Это, безъ сомнѣнія, справедливо, и полная самопроизвольность и чистая произвольность въ человекѣ, при дѣйствіи сознанія, представляютъ два крайніе, можетъ быть и недостижимые полюса, между которыми совершается человѣческая дѣятельность. Я не думаю и нигдѣ не высказывалъ мысли, будто самопроизвольность и произвольность отдѣляются между собою рѣзкою чертой, также какъ я не думаю, чтобъ можно было провести рѣзкую черту между матеріальнымъ и психическимъ міромъ. Мнѣ только хотѣлось показать, что рядомъ съ дѣйствіями, имѣющими причиною данныя побужденія, могутъ существовать дѣйствія, имѣющія причиною свободный починъ души,—свободный, разумѣется, настолько, насколько душа, неразрывно связанная съ тѣломъ, можетъ быть свободна. Я полемизировалъ не въ защиту безусловной свободы, а противъ исключительно механической теоріи человѣческихъ дѣйствій, — теоріи, которую считаю ненаучной и противорѣчащей очевиднымъ, несомнѣннымъ фактамъ. Но ни въ мысли, ни въ самопроизвольной дѣятельности положительная наука не въ состояніи указать ничего безусловнаго: то, что намъ кажется безусловнымъ есть отвлеченность, а не дѣйствительность. Вотъ плыветъ по морю корабль, или вотъ ѣдетъ экипажъ по дорогѣ. И тотъ и другой направляются человекомъ въ извѣстную цѣль, не лежащую ни въ бѣгѣ корабля, ни въ ѣздѣ экипажа. Отнимите руку, которая ими пра-

вить—и ходъ ихъ опредѣлится взаимнодѣйствиємъ тѣхъ элементовъ, которые въ обоихъ случаяхъ находятся въ игрѣ. Но тоже самое, возразятъ мнѣ, можно сказать и о лошади, которая щиплетъ траву, о птицѣ, вьющей гнѣздо, о пчелѣ, строящей соты? Конечно такъ. Я и объ нихъ говорю тоже самое. Вся разница въ дѣли, которая зависитъ отъ источниковъ самодѣятельности. Въ природѣ она есть данная, въ человѣкѣ—можетъ быть создана имъ самимъ.

Ю. Ө. Самаринъ не нашелъ эти объясненія удовлетворительными. Въ дополненіяхъ къ своимъ возраженіямъ онъ говоритъ слѣдующее:

„О самомъ человѣкѣ, какъ источникѣ вольной дѣятельности, я упомянулъ вскользь, не выяснивъ моей мысли, и оттого мое замѣчаніе легко могло показаться вамъ неосновательною придиркою. Позвольте мнѣ договорить недосказанное въ первомъ письмѣ.

„Что такое самъ человѣкъ? Вы отвѣчаете: это человѣкъ, отрѣшившійся отъ окружающей его матеріальной среды, отъ своего тѣла, отъ своихъ представлений, мыслей, желаній, побужденій, страстей, отъ всего содержанія своей психической жизни и отъ ея процессовъ („Задачи Психол.“, стр. 201 и 202). Стало быть, дополняя я. человѣкъ, совлекаясь съ себя всѣ свои признаки, опредѣленія и свойства, короче *сущность* человѣка. Но на стр. 148 (тамъ же) мы уже прочли, что сущность или субстанція (Ding an sich) есть чистая отвлеченность, не нѣчто непостижимое, а „миражъ ума“. Какими же чудомъ этотъ миражъ могъ превратиться въ олицетвореніе свободно творческой силы и сдѣлаться волящимъ субъектомъ? Вы говорите, что, освободившись отъ всего, душа вынуждается наконецъ искать точки опоры въ себѣ самой, а я дополняю ваши слова: и не найдетъ ея, ибо *сама* душа тоже, что сущность души, то есть опять таки призракъ. Вы разрѣшаете это недоумѣніе указаніемъ на способность души отражаться въ себѣ самой. Все ея внутреннее богатство остается при ней, но она совершенно сознательно относится къ нему какъ къ чему-то внѣшнему, постороннему; оттого-то де и можетъ она *сама* черпать изъ него любое, выбирать оттуда, по собственному своему почину, мотивы, опредѣляющіе ея свободную дѣятельность. Эту способность самоотраженія вы объясняете вольны: психическія дѣйствія и предлагаете свое объясненіе какъ дополненіе къ теоріи Ст. Милля, который, по замѣчанію вашему, оставилъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, какими образомъ воля можетъ обратиться въ побужденіе? Не знаю, вѣрно ли я васъ понялъ, но мнѣ представляется здѣсь недоразумѣніе. „Самъ человѣкъ, сама воля, сама душа“— всѣ эти выраженія, въ настоящемъ случаѣ, значатъ очевидно одинъ и тоже, употребляются вами и Миллемъ въ смыслѣ самоопредѣляющагося субъекта. Объяснить нужно процессъ самоопредѣленія, ни вы, ни онъ не объяснили его. Указанная вами способность души отражаться въ себѣ самой есть не болѣе какъ одно изъ условій безъ которыхъ самоопредѣленіе было бы не возможно, а отнюдь не причина его, не пружина свободной дѣятельности. Въ самомъ процессѣ самоопредѣленія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вамъ представляется, я встрѣчаю неразрѣшимое противорѣчіе. Душа, обесс-

бывшаяся отъ всего своего содержанія, не ощущающая никакого побужденія, созерцаетъ внутреннимъ зрѣніемъ множество какъ бы разложенныхъ передъ нею общихъ, отвлеченныхъ мыслей, изъ которыхъ каждая способна сдѣлаться мотивомъ для дѣйствія. Вдругъ эта душа на одной изъ нихъ останавливается, устраняя всѣ остальные; эту избранную ею мысль она себѣ усваиваетъ, тѣмъ самымъ подчиняется ей и такимъ образомъ отвлеченная мысль превращается въ побужденіе къ дѣйствію. Таковъ начальный моментъ вольной дѣятельности. Но повторяю еще разъ, чѣмъ же самая эта остановка, этотъ выборъ, это усвоеніе—не поступокъ самъ по себѣ, помимо всѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствій и проявленій *ad extra*, которыя могутъ и не осуществиться? По свидѣтельству людской совѣсти, это дѣйствительно и въ полномъ смыслѣ слова поступокъ, притомъ сознательный и вмѣняемый. Между тѣмъ, на стр. 189 „Зад. Психол.“ было уже разъяснено, что безъ мотива (иначе безъ побужденія) совершаются только дѣйствія безсознательныя, или хотя и сознаваемые, но происходящія рефлексивно. Стало быть, выборъ и усвоеніе отвлеченной мысли совершились въ силу предшествовавшаго имъ и сознаннаго душою побужденія; иначе она пребывала бы вѣчно въ спокойномъ созерцаніи. Откуда же взялось это побужденіе въ *самой* душѣ, то-есть въ душѣ, отрѣшившейся отъ всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ мотивовъ и какъ объяснить эту своего рода *generatio equivoca*? — На этотъ вопросъ не дали отвѣта ни покойные идеалисты, ни Ст. Милль, ни вы. Повторяю еще разъ: всѣ говорятъ въ сущности одно и тоже: человекъ сознаетъ себя свободнымъ, стало быть онъ свободенъ. Если ничего большаго и сказать нельзя, то дѣйствительная или только кажущаяся несостоятельность этого вывода, сама по себѣ, не давала бы темы для критики собственно на вашу книгу, но дѣло въ томъ, что вы сами отняли у себя право основываться на одномъ свидѣтельствѣ внутреннего сознанія: „еслибъ одно только сознаніе“, говорите вы („Зад. Псих.“, стр. 21) „устанавливало и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ точномъ ихъ изслѣдованіи“. Психическій фактъ вольнаго самоопредѣленія оказывается именно такимъ. Въ той же вашей книгѣ я читаю: „только благодаря обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ становится возможнымъ, на раду съ знаніемъ природы, и положительное знаніе духовной стороны человека“ (стр. 23). Но вѣсколько ниже вы же заявляете, что по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ непроизвольнаго (стр. 188), иначе: свойство вольности, присущее дѣйствію, не переходитъ въ явленіе. И дѣйствительно, я сознаю про себя, что могу поднять руку или не поднимать ея, вытянуть ногу или не вытягивать ея; но разъ то или другое дѣйствіе исполнено, никто никогда не докажетъ, чтобъ оно могло не совершиться...

„И такъ, сосуществованіе двухъ взаимно исключającychся факторовъ: съ одной стороны, психической свободы, засвидѣтельствованной внутреннимъ сознаніемъ, съ другой — роковой необходимости, открываемой во всѣхъ явленіяхъ и дознанная невозможность отыскать формулу ихъ примиренія—вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, приходитъ наука. Повидимому оставалось бы самое это логическое противорѣчіе

признать за фактъ, иначе за признакъ пертурбаціи въ самой жизни; но на этомъ я останавливаюсь, ибо дальнѣйшій шагъ дѣйствительно ввелъ бы насъ въ другую область“.

Всѣ эти возраженія, какъ мнѣ кажется, дѣло недоразумѣнія.

Отрицая сущность какъ миражъ ума и допуская въ то же время возможность такого состоянія человѣка, когда онъ отвлекаетъ себя отъ всего своего психическаго содержанія и относится къ нему, какъ къ чему-то внѣшнему и постороннему, я не противорѣчу самому себѣ. Я вездѣ говорю, что существа или сущности вещей мы понять не можемъ, что намъ доступны одни явленія. Итакъ, я не отвергаю сущности или существа; но то, *что мы считаемъ за сущность*, есть, конечно, не больше какъ отвлеченность, созданіе ума, фикція. Когда человѣкъ, отрѣшавшись отъ своего содержанія, разсматриваетъ его внутреннимъ зрѣніемъ, какъ нѣчто внѣшнее, это будетъ явленіемъ и, прибавлю, явленіемъ, совсѣмъ не тождественнымъ съ сущностью человѣка, которая все-таки останется для насъ, и послѣ выясненія этого факта, совершенно неизвѣстною. Способность раздвоенія и самонаблюденія мы должны принять какъ фактъ, совсѣмъ не зная его причины. Напротивъ, когда мы отвлекаемъ мысль вещь отъ всѣхъ ея опредѣленій, то въ результатѣ получится не живой фактъ, не наблюденіе дѣйствительнаго явленія, а результатъ или продуктъ умственной операціи, который, не имѣя ничего общаго съ реальнымъ фактомъ, есть лишь воображаемая сущность, или—что тоже—миражъ нашего ума.

Выше я подробно изложилъ свой взглядъ на процессъ самоопредѣленія въ поступкахъ нравственныхъ и во внѣшнихъ юридическихъ дѣйствіяхъ. Не стану отстаивать своей редакціи. Она безъ сомнѣнія неудовлетворительна, если такой осторожный и безпристрастный критикъ, какъ Ю. Э. Самаринъ, встрѣтилъ недоразумѣніе. Я стою только за основную мысль, а она заключалась въ слѣдующемъ: внѣшнее, юридически вмѣняемое дѣйствіе, переходящее въ матеріальный фактъ, невозможно безъ матеріальнаго же побужденія. Такимъ является чувство, желаніе, страсть и т. п. Психическій поступокъ вмѣняемый только нравственно, *можетъ* возникнуть вслѣдствіе акта самопроизвольности, необусловленнаго никакимъ побужденіемъ. Такой актъ возможенъ только вслѣдствіе способности души къ самоопредѣленію, зависящей отъ способности ея раздвоиться, оставаясь единой, отъ психическаго зрѣнія, наконецъ отъ того, что отвлеченная, общая мысль, по природѣ своей, холодна, безстрастна, не имѣетъ темперамента, вслѣдствіе чего всѣ общія и отвлеченныя мысли, какъ неимѣющія темперамента, по отношенію къ пожеланіямъ, безразличны. Все это, конечно, только условія самоопредѣленія. Ю. Э. Самаринъ, недовольствуясь ими, требуетъ, чтобы я указалъ, от

куда берется самый акт воли, почему он останавливается именно на такой-то, а не на другой общей мысли? Бэнь объясняет акт чистой воли, т.-е. стремление къ дѣятельности, накопленіемъ нервной матеріи, которая ищетъ разрядиться въ актѣ. Можетъ быть, онъ и правъ. Сознаюсь, меня этотъ вопросъ мало занималъ. Я принялъ стремление къ дѣятельности, психической и матеріальной, внутренней и внѣшней, какъ фактъ, стараясь только объяснить его формулу. Откуда бы стремление ни происходило, мнѣ казалось особенно важнымъ, въ научной психологіи, опредѣлить условия и формы его выраженія. Въ этомъ отношеніи, вопросъ Ю. Э. Самарина, почему самодѣятельность останавливается на той, а не на другой отвлеченной мысли, совершенно безпристрастной и холодной по своему темпераменту, имѣетъ особенную важность и не можетъ быть обойдена при научномъ изслѣдованіи психическихъ фактовъ. Но вопросъ этотъ, какъ мнѣ кажется, поставленъ Ю. Э. Самаринимъ неправильно. Поступокъ психическій, не переходящій въ матеріальный фактъ, можетъ быть произведенъ безъ всякой причины, безъ всякаго побужденія; самопроизвольное дѣйствіе, юридически вѣняемое, можетъ быть послѣдствіемъ только побужденія, но такого, которое вызвано актомъ воли, безъ всякаго побудительнаго повода. Въ томъ и другомъ случаѣ, о причинѣ поступка нельзя спрашивать. Онъ потому и самопроизволенъ, что не имѣетъ другой причины, кромѣ акта свободной воли. Итакъ, весь вопросъ о самопроизвольности сводится къ слѣдующему: возможенъ ли самопроизвольный поступокъ? Существуютъ ли такіе условия, при которыхъ самопроизвольность дѣйствія представлялась бы не абсурдомъ, а явленіемъ такимъ же естественнымъ и законнымъ, какъ дѣйствіе, вызываемое роковымъ сочетаніемъ данныхъ причинъ и побужденій? На эти вопросы я отвѣчалъ подробно въ „Задачахъ Психологіи“ и въ моихъ полемическихъ статьяхъ по ея поводу. Свобода дѣйствій вытекаетъ съ роковою необходимостью изъ сосуществованія и взаимнаго противопоставленія двухъ различныхъ порядковъ сочетаній однихъ и тѣхъ же фактовъ. Еслибъ каждый изъ этихъ порядковъ существовалъ самъ по себѣ, отдѣльно одинъ отъ другого, и оба образовали разобщенные между собою ряды явленій или звеньевъ, то о свободѣ, разумѣется, не могло бы быть и рѣчи, для нея не было бы никакихъ условий, потому что въ такомъ случаѣ каждый изъ порядковъ, отдѣльно взятый, представлялъ бы, въ способѣ сочетанія явленій или звеньевъ, одну такъ называемую необходимость, именно одну лишь роковую связь причинъ и послѣдствій. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть: только связь необходимости мы и отрываемъ, изслѣдуя матеріальную природу и логическое развитіе отвлеченной мысли. Вотъ причина, почему ни есте-

ственныя науки, ни логика не знаютъ свободной воли. Но въ дѣйствительности оба порядка, развиваясь каждый самъ по себѣ, по закону необходимости, кромѣ того, являются не разрывно между собою связанными и непрерывно между собою сопрясаются, безпрестанно другъ на друга дѣйствуютъ. Закона ихъ взаимнаго отношенія мы не знаемъ, точно также, какъ не знаемъ въ чемъ состоитъ связь психическаго съ матеріальнымъ, души съ тѣломъ; знаемъ только, что сочетаніе однихъ и тѣхъ же явленій или звеньевъ, въ томъ и другомъ порядкѣ, весьма различны между собою и измѣняются подъ вліяніемъ взаимнаго другъ на друга дѣйствія обоихъ порядковъ. Такъ человекъ передѣлываетъ существующія въ природѣ сочетанія явленій по своей мысли, согласно съ своими желаніями и потребностями, а природа разрушаетъ творческія созданія человека, когда онъ перестаетъ ихъ охранять и поддерживать. Точно такимъ же образомъ относятся наши идеалы и созданныя въ умѣ нашемъ образцы къ установившимся мыслямъ, привычкамъ, прирожденнымъ или нажитымъ наклонностямъ, которыя мы стараемся измѣнить или передѣлать.

Оба порядка, въ дѣйствительности, противопоставлены и взаимно другъ на друга дѣйствуютъ въ каждомъ единичномъ предметѣ, будетъ ли онъ принадлежать къ организованной или неорганизованной природѣ. Въ каждомъ оба порядка сосуществуютъ въ непосредственной и неразрывной связи; только въ неорганизованной природѣ они едва между собою различаются, и потому слѣдовъ ихъ противопоставленія мы почти не видимъ; въ организованной же природѣ различеніе ихъ и взаимное другъ на друга дѣйствіе заявляютъ себя, уже начиная съ низшихъ ея ступеней. Поднимаясь отъ нихъ постепенно къ челоуѣку, мы замѣчаемъ, что чѣмъ выше организація, тѣмъ различеніе, а вмѣстѣ и взаимодѣйствіе обоихъ порядковъ выступаютъ явственнѣе. Въ челоуѣкѣ, организмъ самомъ развитомъ, то и другое достигаетъ высшей своей точки и обнаруживается съ особенною силою и яркостью. Въ этомъ отношеніи, большая или меньшая развитость организма опредѣляется болѣею или меньшею способностью выработать въ себѣ образцы, по которымъ передѣлываются наличныя сочетанія фактовъ. Въ организмахъ, въ которыхъ эта способность слабѣе, образцы слагаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ данныхъ сочетаній; напротивъ, въ организмахъ, наиболѣе развитыхъ, образцы находятся въ очень малой зависимости отъ данныхъ сочетаній, отходятъ отъ нихъ далѣе, выработываются свободнѣе. Между развитыми намъ организмами послѣднія черты всего рѣзче и выпуклѣе замѣчаются въ челоуѣкѣ. Его идеалы и цѣли могутъ такъ далеко расходиться съ данными комбинаціями явленій, что

всякая связь между ними порывается и онъ, занятый исключительно своими цѣлями и идеалами, совершенно теряет самое чутье дѣятельности. Въ этой-то способности его отрѣшаться отъ всякихъ данныхъ, разорвать съ ними всякую связь и заключается условіе его свободы. Впрочемъ, и у самыхъ людей свобода бываетъ развита далеко не одинаково. Она, какъ я сказала, существенно зависитъ отъ степени способности отрѣшаться отъ данныхъ сочетаній фактовъ, и потому не только отдѣльныя лица, и одно и то же лицо въ разные періоды своего развитія, но и цѣлые народы и весь родъ человѣческой бывають болѣе или менѣе свободны.

Вмѣстѣ съ свободой, и изъ одного съ нею источника, рождаются дуалистическія воззрѣнія и безграничный личный произволъ. Не зная, откуда происходятъ эти явленія, не понимая, что противопоставленіе и взаимодействіе двухъ порядковъ вертятся лишь на различныхъ сочетаніяхъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, человѣкъ думаетъ, что оба порядка противоположны одинъ другому по существу, и вълѣдствіе того выдвигаетъ психическій порядокъ за предѣлы видимаго міра, создаетъ изъ свободы особый принципъ и возводитъ личный произволъ въ законъ своей дѣятельности. Во всѣхъ современныхъ философскихъ воззрѣніяхъ, при всемъ ихъ различіи, слышится, какъ основная нота, эти начальныя заблужденія. На нихъ, или на отрицаніи ихъ, строятся цѣлыя теоріи. Изъ-за противопоставленія двухъ порядковъ сочетаній фактовъ человѣкъ теряетъ изъ виду, что они не противоположны другъ другу по существу, и составляютъ лишь видоизмѣненія одного и того же общаго имъ общаго начала, котораго мы не знаемъ и знать не можемъ; что свобода есть лишь послѣдствіе ихъ различенія и противопоставленія и выражаетъ только способъ ихъ взаимныхъ отношеній, въ отличіе отъ ролевой связи причинъ и ихъ дѣйствій, которая опредѣляетъ отношенія явленій въ каждомъ изъ двухъ порядковъ отдѣльно; что индивидуальность, личность, въ которой оба порядка непосредственно связаны и нераздѣльны, не подходитъ исключительно ни подъ одинъ изъ нихъ, а подъ оба вмѣстѣ; что въ ней они между собою сталкиваются и потому въ ней же должно произойти ихъ взаимное соглашеніе. Возможность такого соглашенія дана единствомъ ихъ общаго начала, ихъ непосредственнымъ сосуществованіемъ; формулой же ихъ примиренія должно служить постепенное, медленное, но неудержимо совершающееся установленіе взаимнаго соответствія между обоими порядками, причемъ и въ томъ и въ другомъ значительно видоизмѣняются сочетанія составныхъ частей или звеньевъ.

Итакъ, Ю. Э. Самаринъ ошибается, приписывая мнѣ мысль, будто психическій порядокъ происходитъ изъ реальнаго, будто, по

моему мнѣнію, психической реальности нѣтъ, а есть одна матеріальная. Душа есть дѣйствительная живая психическая реальность, выработывающая изъ себя, подъ вліяніемъ матеріальнаго міра, особый нравственный порядокъ, служащій образцомъ для преобразования матеріальныхъ сочетаній. Вотъ какимъ образомъ возникаетъ круговоротъ жизни, воздѣйствіе обоихъ порядокъ другъ на друга, ведущее постепенно къ выработкѣ, соглашенію и примиренію обоихъ. Центромъ этого взаимодѣйствія является не метафизическій міръ, а живая личность, индивидуальная душа, въ которой отражается реальный міръ и въ которой зарождаются и возникаютъ отвлеченности, принимаемыя нами за метафизическія реальности. Онѣ потому только и живутъ, и до тѣхъ только поръ имѣютъ значеніе, пока поддерживаются индивидуальностью, особью. Самопроизвольность или воля, какъ стремленіе, какъ импульсъ, толчокъ, есть данное, обусловленное, по своему происхожденію, роковыми законами; свобода же воли есть результатъ взаимодѣйствія двухъ порядокъ, одинаковыхъ по существу и различающихся только способами сочетанія въ нихъ явленій и фактовъ. Именно потому, что взаимныя отношенія этихъ двухъ порядокъ не опредѣляются закономъ причинности, и возможна свободная воля. Потому же самому наука, отыскивавшая доселѣ, согласно съ своими стародавними преданіями, только условія явленій, совершающихся роковымъ образомъ, не была въ состояніи объять личность и существеннѣйшую ея характеристику—свободу воли. Взаимныя отношенія различныхъ сочетаній явленій въ обоихъ порядкехъ не подходятъ подъ законъ причинности и не поддаются ни подъ какія опредѣленія. Совершенная неуловимость фактовъ, въ которыхъ эти отношенія выражаются, вовсе не зависятъ, какъ многіе думаютъ, отъ чрезвычайной сложности самыхъ явленій, а единственно оттого, что взаимныя столкновенія двухъ порядокъ и ихъ сочетаній не опредѣляются никакими общими формулами.

Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду только самыя характеристическія явленія, тѣ, въ дѣйствительности весьма рѣдкіе и исключительные случаи, когда свобода воли выражается въ возможно-чистой, непримѣсной формѣ, и не беру въ расчетъ огромной обыденной массы явленій смѣшанныхъ, въ которыхъ акты свободной воли переплетаются съ рефлективными движеніями и произвольными обнаруженіями данныхъ побужденій. Въ научномъ изслѣдованіи предмета, такіе смѣшанные факты, къ тому же трудно поддающіеся анализу, и не могутъ идти въ расчетъ. Очень часто выборъ опредѣляется не совершенно свободно, а напримѣръ, извѣстнымъ предрасположеніемъ души, ея такъ сказать темпераментомъ, зависящимъ отъ врожденныхъ ея наклонностей, отъ воспитанія, жизненной

опытности—результата прожитого, прочувствованного и передуманного. Мы скажутъ, что такіа предрасположенія—тѣже побужденія, и что если допустить природныя или нажитыя наклонности, заставляющія предпочитать при выборѣ одно другому, то о безусловной самопроизвольности не можетъ быть и рѣчи. Но при изслѣдованіи явленій воли мы должны строго различать теоретическія основанія отъ практическаго ихъ примѣненія, принципъ отъ факта. Я стою на томъ, что принципа свободной воли отрицать нельзя, что только ошибочныя, ничѣмъ не доказанныя предпосылки, произвольно и ненаучно внесенныя въ изслѣдованіе свободной дѣятельности, могли привести къ отрицанію свободной воли. Что же касается до примѣненія этого принципа въ дѣйствительной, ежедневной практической жизни, то я готовъ признать, что изъ множества случаевъ, весьма и весьма немногіе, при строгомъ ихъ анализѣ, окажутся продуктами вполнѣ свободнаго акта воли. Скажу болѣе: если мы начнемъ изучать явленія воли, съ увѣренностью открыть въ каждомъ изъ нихъ безусловную самопроизвольность, то заранѣе отнимемъ у себя всякую возможность понять факты дѣйствительной жизни. Безусловное есть отвлеченность. Все дѣйствительное непремѣнно условно и относительно. Самопроизвольность уже не безусловна по своему содержанию: кругъ ея дѣятельности обусловленъ и ограниченъ наличными въ душѣ общими и отвлеченными понятіями. Что касается до степени ея, то и въ этомъ отношеніи мы напрасно стали бы искать чего-либо безусловнаго. Но не въ этомъ дѣло, не въ этомъ сущность вопроса. Самопроизвольность, какъ принципъ, противоплагается роковой связи извѣстной причины и ея извѣстныхъ дѣйствій и послѣдствій. Гдѣ такой связи нѣтъ, гдѣ въ одно и то же время является нѣсколько возможностей, т. е. гдѣ существуетъ на лицо нѣсколько равносильныхъ причинъ, производящихъ различныя послѣдствія, тамъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности теряетъ обыкновенную свою принудительность,—ту, какую имѣетъ, когда дѣйствуетъ одна. Вотъ почва, на которой зарождается самопроизвольность. Простѣйшая ея форма та, когда намъ предстоитъ сдѣлать выборъ между нѣсколькими дѣйствіями, одинаково нужными, насколько они могутъ быть совершенно одинаково нужны. Упражняясь безпрестанно въ такомъ выборѣ въ обыденной жизни, мы осваиваемся съ мыслью, что не связаны роковымъ образомъ тѣмъ или другимъ дѣломъ. Въ насъ вырабатывается мало по малу убѣжденіе и привычка свободно относиться къ предстоящему дѣлу, не испытывать на себѣ его роковой принудительности. Это убѣжденіе и эту привычку мы и называемъ свободой воли. Та же привычка и то же убѣжденіе переносятся повдѣе и въ міръ психическихъ, нравственныхъ поступковъ. Холодная, без-

страстная общая или отвлеченная мысль чрезвычайно способствует утверждению въ насъ убѣжденія въ существованіи самопроизвольности или свободной воли. Холодная, общія и отвлеченныя мысли и понятія, освобожденныя отъ аффекта, болѣе чѣмъ что-либо другое равносильны; къ тому же, каждая общая и отвлеченная мысль можетъ быть обращена въ дѣло очень различными способами, смотря по обстоятельствамъ, и это приучаетъ насъ свободно относиться къ различнымъ способамъ исполненія общей, отвлеченной мысли. Вотъ почему я думаю, что свобода воли, самопроизвольность, не есть врожденный фактъ, а результатъ нашихъ дѣйствительныхъ отношеній къ внѣшнему міру и къ событіямъ нашей внутренней, психической жизни. Отвлекаясь отъ этихъ отношеній ихъ характеристическій признакъ, именно ихъ относительную свободу, т. е. свободу сравнительно съ роковымъ дѣйствіемъ причинъ и ихъ послѣдствій, мы создаемъ отвлеченное понятіе о безусловной свободѣ и ищемъ ее въ дѣйствительныхъ явленіяхъ. Точно также поступаетъ и Ю. О. Самаринъ, усматривая въ человѣкѣ, отвлекшемъ себя отъ всѣхъ своихъ опредѣленій, чистую сущность человѣка. Этотъ человѣкъ „самъ по себѣ“, различенный отъ всѣхъ своихъ опредѣленій, есть въ дѣйствительности тотъ же самый живой и цѣльный человѣкъ, заключающій въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, всѣ свои врожденныя и нажитыя наклонности и предрасположенія, которыя опредѣляютъ его нравственную индивидуальность.

Послѣдній доводъ Ю. О. Самарина противъ попытки опредѣлить путемъ науки самопроизвольность состоитъ, какъ я уже сказалъ, въ томъ, что она есть фактъ личнаго сознанія, который, не имѣя никакихъ признаковъ, недоступенъ научному изслѣдованію. Въ доказательство онъ ссылается на мою книгу, гдѣ въ одномъ мѣстѣ сказано, что еслибъ психическіе факты были только дѣломъ личнаго сознанія, то о научной психологій не могло бы быть и рѣчи; въ другомъ говорится, что, только благодаря обнаруженію психической жизни во внѣшнихъ явленіяхъ, становится возможнымъ положительное знаніе духовной стороны человѣка; наконецъ, въ третьемъ, проводится мысль, что по наружнымъ признакамъ произвольное дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ непроизвольнаго; слѣдовательно, заключаетъ Ю. О. Самаринъ, самопроизвольность, не имѣя никакихъ признаковъ, не поддается научному изслѣдованію и должна быть признана исключительно за фактъ сознанія.

Очень можетъ быть, что я выразился не совсѣмъ точно и что слова мои подали поводъ къ недоразумѣнію; но по смыслу, какой связывалъ съ тѣмъ что сказано у меня на стр. 21, 23 и 188, протворѣнія по этому предмету въ моей книгѣ, кажется, нѣтъ. Чтобъ

объяснить точный смысл сказаннаго на стр. 188 о невозможности отличить, по наружнымъ признакамъ, самопроизвольное дѣйствіе отъ непроизвольнаго, надобно сравнить его съ тѣмъ, что я говорю на стр. 36. Здѣсь объясняется, что „съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ нельзя и догадаться, что существуютъ произвольныя движенія или свобода воли“, такъ какъ, „каждое такое движеніе, каждый актъ воли, производятъ во внѣшнемъ мірѣ только тѣ перемѣны, которыя допускаются естественными условіями и законами“. Итакъ, говоря, что произвольное дѣйствіе по наружнымъ признакамъ не отличается отъ непроизвольнаго, я, можетъ быть, не совсѣмъ удачно выразилъ ту мысль, что сочетаніе внѣшнихъ матеріальныхъ фактовъ въ дѣйствіи произвольномъ и непроизвольномъ во всякомъ случаѣ можетъ происходить только по закону роковой связи причины и ея дѣйствія или послѣдствія, и потому, если мы будемъ изучать только эту сторону, то такое изученіе никогда не приведетъ насъ къ различенію произвольнаго дѣйствія отъ непроизвольнаго. Между этою мыслью и тѣмъ, будто бы самопроизвольность доступна только личному сознанію и внѣшнимъ образомъ ничѣмъ не выражается, есть очень большая и существенная разница. Міръ психическихъ явленій есть не только субъективный, но и объективный, и объективенъ онъ настолько, насколько выражается во внѣшнемъ мірѣ доступнымъ для всѣхъ образомъ. Только тѣ психическія явленія, которыя не обнаруживаются ничѣмъ, не могутъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Спрашивается: почему мы говоримъ, разсуждаемъ и споримъ о свободной волѣ, о самопроизвольности? Очевидно потому только, что это психическое явленіе не осталось предметомъ личнаго сознанія, а обнаружилось какъ-нибудь во внѣ, хотя бы только въ словѣ, съ которымъ люди соединяютъ извѣстное представленіе, различаемое ими отъ другихъ. Это, конечно, еще не доказываетъ, что самопроизвольность или свобода воли не обманъ ума, не самообольщеніе; но во всякомъ случаѣ изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что психическій фактъ самопроизвольности, каковъ бы онъ ни былъ, не есть удѣлъ одного личнаго сознанія, а достояніе всѣхъ людей, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ объективный характеръ. Другой вопросъ—есть ли свобода воли реальный фактъ, или миражъ сознанія? Объ этомъ я подробно говорю въ своей книгѣ. Строгое подчиненіе внѣшней, матеріальной стороны самопроизвольнаго поступка законамъ природы отнимаетъ, какъ я сказалъ, всякую возможность различить его, съ этой стороны, отъ непроизвольнаго. Но эта сторона не есть единственная, доступная изслѣдованію. Всякій матеріальный фактъ, въ которомъ замѣшанъ психическій элементъ, имѣетъ, кромѣ матеріальнаго, и особый психическій смыслъ; матеріальная

сторона наждаго такого факта служить психической символомъ, по которому мы ее узнаемъ и котораго непосредственное матеріальное значеніе совсѣмъ другое. Не распространяя далѣе объ этомъ предметѣ, о которомъ я говорю выше и во многихъ мѣстахъ своей книги, я здѣсь замѣчу только, что сопоставленіе нѣсколькихъ или многихъ выраженій воли не по ихъ матеріальной, а по психической сторонѣ—даетъ объективное представленіе о самопроизвольности. Какъ мы угадываемъ по дѣйствию или поступку о невидимой и тщательно скрываемой цѣли, какъ мы, рассматривая дѣйствіе, заключаемъ объ умыслѣ или отсутствіи умысла, точно также, изслѣдуя дѣйствія, мы различаемъ сознательныя отъ бессознательныхъ, самопроизвольныя отъ непроизвольныхъ. Все наше знаніе психическихъ явленій основано единственно и исключительно на сравнительномъ изученіи слѣдствъ, оставляемыхъ во внѣшнемъ мірѣ психическою жизнью и представляемыхъ значками или символами. Не будь такихъ слѣдствъ, не зная мы, что психическая сторона символически выражается во внѣшнемъ мірѣ, мы бы должны были согласиться съ Ю. Э. Самаринимъ, что не только самопроизвольность и свободная воля, но и всѣ вообще психическія явленія суть исключительно факты нашего личнаго сознанія, неподлежащіе положительному изученію. Но объективный характеръ явленій свободной воли выясняется вполне чрезъ сравненіе ихъ между собою, почему я и считаю эти явленія доступными, наравнѣ съ другими, для научнаго знанія. Доказательствомъ можетъ служить примѣръ, на который я уже нѣсколько разъ ссылался въ своей книгѣ и въ возраженіяхъ проф. Сѣченову, а именно: если бы кто-нибудь захотѣлъ доказать, что можетъ, по произволу, выполнить всѣ знакомыя ему движенія, или перечислить наугадъ извѣстное число извѣстныхъ ему представленій, то, выразивъ словами или на письмѣ такое свое намѣреніе, онъ тѣмъ обнаружилъ бы его и оно такимъ образомъ перестало бы быть предметомъ одного личнаго его сознанія, а сдѣлалось бы объективнымъ фактомъ, доступнымъ всѣмъ и каждому. Затѣмъ, когда онъ началъ бы приводить это свое намѣреніе въ исполненіе, т.-е. сталъ бы произносить, писать, или и произносить и писать безсвязныя представленія о различныхъ матеріальныхъ и психическихъ предметахъ, или дѣлать различныя движенія, обозначая ихъ сперва точно также словами или на письмѣ, то всѣ такія дѣйствія его не были бы предметомъ одного его личнаго сознанія, но сдѣлались бы вмѣстѣ и объективными фактами, доступными для всѣхъ и наждаго. Изъ соображенія этихъ фактовъ, всякій долженъ будетъ вывести заключеніе, что дѣйствующее лицо въ самомъ дѣлѣ можетъ по произволу совершать тѣ дѣйствія, какія захочетъ. Я полагаю, что такое заключеніе, какъ основанное

на объективных фактах, было бы совершенно правильно, и послѣ такого опыта всѣ узнавшіе о немъ должны бы были, по объективнымъ признакамъ, согласиться, что представившій опытъ въ самомъ дѣлѣ способенъ самопроизвольно вызывать изъ своей души различныя хранящіяся въ ней представленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражать и приводить ихъ въ дѣйствіе. Слѣдовательно, не на основаніи одного личнаго сознанія, но и по объективнымъ даннымъ, самопроизвольность и свобода воли должны быть признаны за психическій фактъ и этотъ фактъ, какъ мы видѣли, можетъ подлежать научному изслѣдованію, наравнѣ съ прочими.

Въ заключеніе, позволю себѣ обратить противъ Ю. Э. Самарина аргументъ, приведенный мною противъ проф. Сѣченова, хотя и по другому поводу. Ю. Э. Самаринъ признаетъ, что естественныя науки изучаютъ матеріальные факты по объективнымъ признакамъ и потому не отрицаетъ научнаго характера естествознанія. Однако не трудно доказать, что и матеріальныя и психическія явленія суть въ одинаковой мѣрѣ факты нашего личнаго сознанія, и потому слѣдовало бы признать одно изъ двухъ: или что никакія явленія вообще не могутъ быть предметами научнаго знанія, или что если матеріальные факты подлежатъ научному изслѣдованію, то ему должны быть доступны, въ одинаковой мѣрѣ, и факты психическіе. Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ о числѣ, формѣ, цвѣтѣ, вкусѣ, запахѣ и т. д. матеріальныхъ предметовъ, вообще о впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ нихъ, какъ объ объективныхъ явленіяхъ. Но всѣ эти явленія не иное что, какъ факты личнаго нашего сознанія, о которыхъ мы въ точности даже не знаемъ, одинаково ли они сознаются всѣми людьми. Объ этихъ фактахъ, точно также какъ и о произвольности, произвольности и свободѣ мы заключаемъ по ихъ обнаруженіямъ въ словѣ, образѣ, вообще въ символѣ, т. е. въ матеріальныхъ фактахъ, которые находятся въ постоянномъ отношеніи и правильномъ соответствіи съ этими психическими фактами. Такое соотношеніе и соответствіе не основаны на связи причины и послѣдствія и въ концѣ-концовъ не подлежатъ анализу и повѣркѣ. Никто еще не объяснилъ и едва ли когда-нибудь объяснитъ, почему извѣстное расположение молекулъ отражается въ насъ впечатлѣніемъ краснаго цвѣта, а другое—зеленаго, почему извѣстная мелодія возбуждаетъ въ насъ грусть, а другая—веселое настроеніе, почему извѣстному преступленію или проступку соответствуетъ именно такое, а не другое названіе или высканіе.

Повторяю: психическіе факты, доступные личному сознанію каждаго, имѣютъ, во вѣншемъ своемъ проявленіи, опредѣленные условныя признаки, по которымъ факты такого рода могутъ стать пред-

метомъ научнаго изслѣдованія. Не будь этого, психологія какъ наука была бы немнслима, психологическія наблюденія были бы чисто личными впечатлѣніями, которыхъ ни сравнить ни повѣрить не было бы никакой возможности. Но иное дѣло—проявленіе, обнаруженіе психическаго факта во внѣ, иное дѣло—матеріальный фактъ, въ которомъ первый проявляется, самъ по себѣ. Все что создано человѣкомъ есть и матеріальный фактъ и въ то же время выраженіе человѣческой мысли, взгляда, понятія. Изслѣдованіе матеріальнаго факта, въ которомъ мы ничего другаго не видимъ, кромѣ роковой связи причинъ и ихъ послѣдствій, никогда не можетъ привести насъ къ открытію самопроизвольности или свободной воли, именно потому, что всякій матеріальный фактъ можетъ быть созданъ не иначе, какъ по закону такой роковой связи. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ самопроизвольность, какъ и сознаніе, не заявляли себя въ объективныхъ фактахъ, по которымъ мы можемъ ихъ изслѣдовать. Возьмемъ для примѣра движеніе парохода, совершающаго правильные и срочные рейсы между двумя опредѣленными пунктами, или игру артистовъ, исполняющихъ сегодня одну, черезъ недѣлю другую музыкальную пьесу. Разложивъ эти весьма сложные факты на ихъ составныя части, мы увидимъ, что каждая изъ этихъ частей связана съ другою роковою связью причинъ и послѣдствій, и изъ такого, самаго тщательнаго анализа мы должны будемъ придти къ заключенію, что въ этихъ фактахъ мѣста для самопроизвольности нѣтъ. Но посмотримъ на тѣ же самыя факты съ другой стороны, какъ на символы, значки психическихъ явленій, и самопроизвольность намъ въ нихъ выкажется со всевозможною ясностью. Стоитъ только припомнить, что пароходъ движется при весьма различныхъ состояніяхъ погоды, вѣтра, волнъ, между одними и тѣми же точками, въ сроки, назначенные заранѣе впередъ; что артисты точно также исполняютъ различныя пьесы въ различное время, по заранѣе заготовленному распisanію; что они для этого впередъ собираются и сыгрываются; что публика стѣзжается ихъ слушать точно также въ заранѣе назначенное время и т. д. Изъ этихъ фактовъ, явно указывающихъ на цѣлесообразность дѣйствій или поступковъ, предвидѣнныхъ впередъ, рассчитанныхъ и выполняемыхъ, несмотря на измѣняющіяся обстоятельства и обстановку, часто наперекоръ препятствіямъ, видно, что роковымъ сдѣленіемъ причинъ и послѣдствій руководила воля, приводившая въ сочетаніе тѣ условія, которыя уже сами собою производили извѣстное роковое явленіе. Если взять психическое состояніе лицъ, рѣшившихся выполнить всѣ описанныя движенія, прежде чѣмъ они были выполнены, то безъ сомнѣнія никто, кромѣ нихъ, не зналъ и не могъ знать о томъ, что въ нихъ происходило. Въ этомъ смыслѣ,

первоначальный, еще не выразившийся во внешнем поступке акт воли доступен только сознанию, как и образ, сложившийся в душе художника, пока он его не выразил в своем произведении. Далее: если взять внешнее действие, в котором выразился акт воли и разъять его на составные его части, то в каждой из них нет возможности открыть выражение воли. Таким образом, в приведенных случаях и Ю. Э. Самарин и проф. Сѣменовъ, согласные в отрицании воли какъ объективнаго факта, совершенно правы. Но какъ тотъ, такъ и другой могутъ не иначе, какъ съ очевидной натяжкой, отрицать внешнее выражение акта воли въ цѣлой совокупности явленія, въ сочетаніи внешнихъ фактовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ не естественному или случайному ходу вещей, а руководящему внимательству или направленію человѣка.

Ю. Э. Самаринъ видитъ сосуществованіе двухъ взаимно исключавшихъ другъ друга факторовъ: психической свободы и роковой необходимости. Онъ полагаетъ, что отыскать формулу ихъ примиренія невозможно и потому это логическое противорѣчіе надо признать за фактъ, иначе, за признакъ пертурбаціи въ самой жизни. Вполнѣ признавая фактъ пертурбаціи, о которой я даже говорю въ „Задачахъ Психологіи“, я никакъ не могу, по изложеннымъ выше соображеніямъ, согласиться съ тѣмъ, будто два фактора, о которыхъ идетъ рѣчь, исключаютъ другъ друга, и будто бы психическая свобода доступна одному личному сознанию, а роковая необходимость, напротивъ, открывается во всѣхъ явленіяхъ. Оба фактора, опредѣляющіе дѣйствительность, не могутъ быть названы исключавшими другъ друга, когда мы ихъ иначе и не знаемъ, какъ въ тѣснѣйшей и неразрывной связи и непрерывномъ взаимодѣйствіи. Самопроизвольная дѣятельность, какъ мы видѣли, выражается не въ одномъ личномъ сознаниі, но и въ сочетаніи внешнихъ фактовъ, и потому столько же доступна въ ней научному изслѣдованію, какъ и роковая связь причинъ и послѣдствій. Наконецъ, сосуществованіе двухъ элементовъ, взаимныя отношенія которыхъ намъ неизвѣстны, не трудно услѣдить не въ однихъ явленіяхъ самопроизвольности и необходимости въ человѣкѣ, но и на низшихъ ступеняхъ природы, гдѣ одинъ изъ факторовъ, именно психическій, только не заявляетъ себя такъ ярко, своеобразно, какъ въ человѣкѣ и потому мало обращаетъ на себя вниманіе и даже вовсе не признается многими, въ томъ числѣ и Ю. Э. Самаринимъ.

Б. Кавліинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1875.

Десятилѣтіе земскихъ учреждений.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.— Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ области войска донского.— Историческій взглядъ на военное управленіе областью.— Вопросъ о подвѣдомственности донского земства.— Земство уфимское.— Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.— Литературныя диковины.

Когда, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вводились главные изъ современныхъ намъ преобразованій, казалось, что наименѣ затрудненій къ осуществленію на всемъ пространствѣ имперіи могло представить введеніе земскихъ учреждений. Элементы для земской реформы были вездѣ готовы и вездѣ одинаковы; въ дѣйствительности, они заключались только въ передачу управленія нѣкоторыми мѣстными дѣлами изъ однихъ рукъ въ другія. Осуществленіе реформы крестьянской казалось гораздо труднѣе, такъ какъ она не только создавала новые органы управленія, но глубоко измѣняла бытъ огромной части населенія. Что касалось введенія судебныхъ уставовъ на всемъ пространствѣ государства, то легко было предвидѣть, что, даже и независимо отъ какихъ-либо постороннихъ затрудненій, оно не могло осуществиться очень скоро уже потому, что для него не доставало юридически-образованныхъ людей. Здѣсь надобно было создать силы. Но какіе элементы требовалось создавать вновь для передачи нѣкоторыхъ мѣстныхъ, по преимуществу хозяйственныхъ дѣлъ изъ рукъ администраціи въ руки выборныхъ отъ общества? Никакихъ. Предметы обложенія и основы ценза — земля, дома, лавки, промыслы были на лицо одинаковымъ образомъ, во всѣхъ губерніяхъ. Для введенія земскаго самоуправленія нельзя было ожидать, пока образуется достаточное число опытныхъ и способныхъ людей, потому что такіе люди, очевидно, и могли образоваться только опытомъ, практикою. Сверхъ того, не было основанія думать, что въ остальныхъ губерніяхъ землевладѣльцы, горожане и крестьяне менѣ спо-

способны къ самоуправленію, чѣмъ въ тѣхъ 33-хъ губерніяхъ, которыя получали земскія учрежденія первоначально и одновременно.

Съ января 1864 года прошло уже 11¹/₂ лѣтъ, а между тѣмъ районъ земской Россіи остается почти тотъ же, какъ онъ былъ установленъ первымъ шагомъ къ осуществленію земской реформы. Примѣненіе труднѣйшаго изъ преобразованій — крестьянскаго, далеко обогнало распространеніе земской реформы; за исключеніемъ балтійскаго края, крестьянская реформа прошла по всей территоріи государства. Даже учрежденіе общихъ судебныхъ установленій, для которыхъ требовалось подготовить людей, сдѣлало болѣе быстрые успѣхи соотвѣтственно первоначальнымъ своимъ размѣрамъ, и если одна часть судебного преобразованія — введеніе мировой юстиціи — не распространилось въ равной мѣрѣ, то препятствіемъ тому послужилъ именно застой реформы земской. Замедленіе земской реформы даже существенно, въ неблагопріятномъ смыслѣ, повліяло на примѣненіе мировыхъ установленій въ западной полосѣ имперіи, заставивъ придать тамъ мировому суду характеръ бюрократическій. До настоящаго времени земскія учрежденія введены только въ половинѣ государства: изъ 68 губерній и 14 областей, составляющихъ имперію и царство польское (не считая Финляндіи), земскія учрежденія имѣются только въ 34 губерніяхъ. Исключивъ царство польское, Сибирь, Кавказъ и Среднюю Азію, мы видимъ, что изъ 49 губерній собственно Европейской Россіи, пятнадцать, то-есть почти цѣлая треть, не имѣютъ доселѣ земскихъ учрежденій. Нельзя не согласиться, что земская реформа, несмотря на свою относительную легкость, значительно отстала въ своемъ ходѣ отъ другихъ важнѣйшихъ преобразованій нынѣшняго періода.

Обнародованный въ истекшемъ мѣсяцѣ законъ о примѣненіи городского положенія къ городамъ западныхъ губерній даетъ поводъ упомянуть о потребности этихъ губерній и въ земскихъ учрежденіяхъ. Обнародованный нынѣ, утвержденный 29-го апрѣля, законъ постановляетъ, что городское положеніе будетъ примѣняться къ городамъ, не состоящимъ въ частномъ владѣніи, въ губерніяхъ: вилешской, витебской, волынской, гродненской, кievской, ковенской, минской, могилевской и подольской, постепенно, по ближайшимъ мѣстнымъ соображеніямъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Доселѣ, какъ извѣстно, въ самой кievской губерніи только Киевъ имѣлъ учрежденія, опредѣленныя городovýmъ положеніемъ 1870 года. Теперь оно будетъ постепенно распространяемо на всѣ города названныхъ губерній, кромѣ владѣльческихъ городскихъ поселеній. При этомъ устанавливаются, въ видѣ временной мѣры, нѣкоторыя особенности: избраніе городского головы требуетъ утвержде-

нія министерства внутреннихъ дѣлъ не только въ губернскихъ городахъ, но и во всѣхъ вообще городахъ названныхъ губерній въ тѣхъ случаяхъ, когда губернаторъ встрѣтилъ бы затрудненіе ко вступленію избраннаго лица въ отправленіе должности. Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ городской голова въ какомъ-либо городѣ западнаго края можетъ быть назначаема и прямо отъ правительства, но не иначе, какъ по представленію министерства чрезъ комитетъ министровъ. Со введеніемъ городского положенія, города западнаго края освобождаются отъ вѣдѣнія дѣлами приписанныхъ къ нимъ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ, а для городовъ этого послѣдняго разряда и для мѣстечекъ настоящей законъ опредѣляетъ временныя правила общественнаго управленія, впредь до примѣненія городского положенія.

Такой важный шагъ впередъ въ реформѣ городского управленія подаетъ поводъ полагать, что едва ли уже могутъ существовать въ настоящее время серьезныя препятствія ко введенію въ западныхъ губерніяхъ и земскихъ учрежденій. Обыкновенно указываются причины политическія и нельзя не признать важности этого возраженія. Но спрашивается, продолжаютъ ли еще и нынѣ существовать тѣ препятствія въ политическихъ причинахъ, какія представлялись въ 1863 году? Вѣдь самый годъ первоначальнаго введенія земскихъ учрежденій въ 33-хъ губерніяхъ былъ годомъ усмиренія польскаго возстанія. Что политическія причины должны были удержать въ то время отъ распространенія земской реформы на западныя губерніи, что въ 1865 году земскія учрежденія были введены въ 33-хъ губерніяхъ, а въ западныхъ введены не были—представлялось естественнымъ. Но неужели же съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось и для дальнѣйшихъ шаговъ къ распространенію земской реформы продолжаютъ существовать въ прежней силѣ тѣ политическія препятствія, которыя представлялись убѣдительными при первомъ шагѣ этого преобразованія? Въ этомъ нельзя не усомниться, припомнивъ саміе факты 1863 года, какъ они были официально удостовѣрены въ свое время, а именно, принявъ во вниманіе, что и въ самый разгаръ мятежнаго движенія, оно въ западныхъ губерніяхъ было дѣломъ ничтожнаго меньшинства населенія. Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ; западныя губерніи выдержали новую, весьма строгую систему управленія. Если, при неограниченныхъ полномочіяхъ мѣстной администраціи, ей въ столь продолжительный періодъ не удалось бы устранить въ край элементы, угрожавшіе общественной безопасности, то было бы основаніе счесть дѣло совершенно безнадежнымъ. Къ счастью, ничего подобнаго нѣтъ, и самыя амнистіи, превращеніе дѣлъ по конфискаціямъ, даже возвращеніе въ край высланныхъ изъ него на жи-

тельство во внутреннія губерніи служили удостовѣреніемъ, что правительство давно считаетъ западный край совершенно замиреннымъ, никакихъ опасностей общественному спокойствію тамъ не усматриваетъ. Иначе и быть не можетъ. Если бы непосредственно послѣ усмиренія ничтожныхъ вспышекъ, происшедшихъ въ западно-русскихъ губерніяхъ въ 1863 году, и уцѣлѣла тамъ еще какая-либо искра, то она давно должна была погаснуть подъ нарощими съ тѣхъ поръ слоями новыхъ, огромныхъ по своему значенію, фактовъ: измѣненія въ условіяхъ крестьянскаго надѣла въ западныхъ губерніяхъ, мѣръ къ объединенію царства польскаго съ имперією, наконецъ, политическихъ событій послѣднихъ годовъ, которыя, значительно возвысивъ международное могущество и значеніе Россіи, вызвали новое, примирительное направленіе въ умахъ, не только въ самомъ царствѣ польскомъ, но и въ средѣ, казавшейся наименѣе доступною примирительному обороту мысли—въ средѣ польской эмиграціи.

Посвящая нашу бесѣду на нынѣшній разъ вопросамъ о земствѣ, мы не могли не поставить на первомъ планѣ крупнѣйшаго факта—медленности распространенія, можно даже сказать застоя, земской реформы въ Россіи и не провѣрить главнаго объясненія, которое обыкновенно представляется по этому предмету. Мы убѣждены, что даже въ тѣхъ губерніяхъ, къ которымъ обыкновенно относятся политическія препятствія ко введенію земскихъ учреждений, такихъ препятствій въ настоящее время въ дѣйствительности не существуетъ вовсе. Можно было бы указать на примѣръ Германіи въ ея дѣйствіяхъ относительно Эльзаса-Лотарингіи, гдѣ не ничтожная часть населенія, но вся масса населенія была положительно враждебна имперіи, и гдѣ однако же образовано было мѣстное самоуправленіе не черезъ 11, но черезъ 1 годъ послѣ присоединенія той области къ Германіи. Но пусть чужой примѣръ показался бы неубѣдительнымъ,—намъ совершенно довольно своихъ поводовъ къ распространенію земскаго самоуправления на западныя губерніи имперіи безъ всякой дальнѣйшей отсрочки. Сущность ихъ сводится на то, что никакой мысли о „сепаратизмѣ“ въ губерніяхъ этихъ существовать нынѣ не можетъ, и что если въ нѣкоторой части ихъ населенія, то-есть въ средѣ оставшихся землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, и остается еще какое-либо чувство недовольства, то оно можетъ зависѣть уже прямо отъ того исключительнаго положенія, въ которомъ тѣ губерніи остаются, и такимъ исключительнымъ положеніемъ—среди котораго тѣ лица естественно чувствуютъ себя какъ бы изгнанниками изъ административной, судебной и общественной жизни края—подобное чувство можетъ только поддерживаться, устраняя искрениую солидарность съ интересами всего русскаго обществен-

наго развитія, къ которому они не призваны, виѣ котораго они прямо поставлены.

Но,—могутъ сказать намъ,—если по вашему предположенію, само правительство въ настоящее время не можетъ болѣе имѣть въ виду политическихъ причинъ, которыя бы въ дѣйствительности препятствовали введенію земскихъ учрежденій въ западномъ краѣ, почему же оно однако не вводитъ ихъ? Не служитъ ли это какъ бы удостовѣреніемъ, что политическія препятствія къ тому продолжаютъ существовать и въ настоящее время? На это можно возразить, что, по свойству дѣлъ человеческихъ, бываетъ иногда большое разстояніе между двумя моментами сознанія: тѣмъ моментомъ, въ которомъ поводы перестаютъ существовать въ дѣйствительности, а потому перестаютъ быть для насъ очевидными, и тѣмъ моментомъ, когда въ насъ образуется, наконецъ, опредѣленное сознаніе, что положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось и мы рѣшаемся положительно принять для своихъ дѣйствій новыя основанія, соответствующія новой, ясно сознанной нами дѣйствительности. Промежутокъ между этими двумя моментами и есть періодъ сомнѣнія, колебаній, недоразумѣнія. Намъ кажется, что въ такомъ именно періодѣ уже нѣсколько лѣтъ находится вопросъ объ уравниніи западно-русскихъ губерній въ правахъ съ прочими губерніями, объ окончательной отмѣнѣ того особаго рода сепаратизма, въ которомъ находится западный край, отрѣзанный нынѣ отъ Россіи уже только совершенно особою системою всей его администраціи и отношеній этой администраціи къ разнымъ слоямъ населенія.

Впрочемъ, разстояніе между двумя моментами, на которые мы только что указали, еще не заключаетъ въ себѣ всего, иногда долговременнаго періода, который проходитъ между измѣненіемъ обстоятельствъ и дѣйствительнымъ принятіемъ мѣръ, соответствующихъ такому измѣненію. Съ момента, когда уже состоялось рѣшеніе—принять новыя мѣры или издать новое положеніе, истекаетъ еще болѣе или менѣе продолжительное время до окончательной выработки проектовъ, утвержденія и затѣмъ введенія ихъ въ дѣйствіе. Періодъ этотъ, вслѣдствіе разности почина и участія многихъ вѣдомствъ въ обсужденіи, бываетъ иногда таковъ, что въ продолженіи его успѣваетъ совершиться нѣкоторые новыя измѣненія въ положеніи дѣлъ, такъ какъ одна реформа обгоняетъ другую, и потому приходится нѣсколько разъ возвращать и передѣлывать самый проектъ, который уже былъ составленъ.

Примѣромъ естественнаго замедленія такого рода можетъ служить ходъ вопроса о земствѣ по отношенію къ другой области, къ

которому мы теперь обратимся. Мы говоримъ о предположеніи введенія земскихъ учреждений въ области войска донскаго. Вотъ область, которую уже ни десять, ни двадцать, ни сто лѣтъ тому назадъ нельзя было заподозрить въ политической неблагонадежности. Населеніе ея искони поголовно-служилое, происхожденія великорусскаго. Способность къ самоуправленію на Дону должна быть признаваема, такъ какъ самоуправленіе существовало тамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Естественно, что въ первоначальныхъ же предположеніяхъ о введеніи земскихъ учреждений имѣлось въ виду распространить ихъ въ возможно-скоромъ времени на донскую область. Дѣйствительно, уже черезъ мѣсяць послѣ утвержденія общаго земскаго положенія 1864 г. дано было войсковому начальству предписаніе разработать вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ донской области. Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, для разработки вопроса назначались на мѣстѣ одна за другою три комисіи, смѣнилось три войсковыхъ навазныхъ атамана, и только нынѣ, уже при четвертомъ атаманѣ, вопросъ этотъ, сколько извѣстно, дозрѣлъ, наконецъ, до обсужденія въ высшемъ законодательномъ учрежденіи. Вотъ какъ продолжителенъ бываетъ иногда, даже при полномъ отсутствіи политическихъ препятствій, промежутокъ между первоначальнымъ предположеніемъ и окончательной выработкой мѣры.

Въ настоящемъ случаѣ замедленіе объясняется слѣдующимъ образомъ. Послѣ первоначальнаго предписанія, въ 1864 же году, выработка правилъ о примѣненіи земскихъ учреждений къ донской области поручена была комитету, учрежденному въ Новочеркасскѣ собственно для составленія проекта новаго войскаго положенія. Но комитетъ этотъ уже въ концѣ 1865 года былъ закрытъ, и работы его по примѣненію земскихъ учреждений остались неоконченными. Затѣмъ, въ 1866 году, уже по мѣстному почину, то-есть по утвержденному ходатайству названнаго атамана, назначенъ былъ на Дону особый комитетъ изъ лицъ всѣхъ сословій и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ атамана, для разработки того же вопроса. Этотъ комитетъ выработалъ полный проектъ, который и былъ представленъ въ военное министерство въ 1867 году. Затѣмъ прошло три года безъ новаго шага въ этомъ вопросѣ, а въ теченіи этого времени состоялся цѣлый рядъ новыхъ законовъ относительно донскаго войска, такъ что многія основанія, вошедшія въ первый проектъ, совершенно измѣнились. Тогда новый наказный атаманъ сталъ ходатайствовать о возвращеніи проекта, для пересмотра его, что и было исполнено въ концѣ 1870 года. Затѣмъ въ 1871 году назначена была на мѣстѣ новая, третья комиссія, которая выработала правила о примѣненіи земскихъ учреждений къ области войска

донского. Проектъ этотъ поступилъ въ военное министерство въ 1872 году. Между тѣмъ, судебная реформа на Дону обогнала земскую, причемъ для мировыхъ установлений, за неизмѣнимъ земскихъ учреждений, пришлось вводить временныя правила для образованія избирательныхъ собраній. Въ обсужденіи въ военномъ министерствѣ перваго проекта (1867 года), участвовали члены отъ другихъ вѣдомствъ, и препятствіемъ къ окончательному рѣшенію въ то время послужило соображеніе, что прежде вопроса о введеніи земскихъ учреждений въ области войска, долженъ бы быть рѣшенъ вопросъ объ устройствѣ въ ней городскихъ поселеній, а этотъ вопросъ не могъ быть рѣшенъ до утвержденія общаго городского положенія. Въ 1870 году издано было и общее городское положеніе. По составленіи новаго проекта, комитетомъ 1871 года, проектъ этотъ съ 1872 года по настоящее время обсуждался въ комитетѣ иррегулярныхъ войскъ, съ участіемъ членовъ отъ другихъ вѣдомствъ, разсматривался въ военномъ совѣтѣ и наконецъ, какъ мы слышали, поступилъ въ окончательномъ видѣ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Мы сдѣлали очередь хода этого дѣла именно съ цѣлью показать, что, и независимо отъ какихъ-либо препятствій, самая разработка вопросовъ иногда требуетъ продолжительнаго времени.

Если теперь обратимся къ соображеніямъ о необходимости земскихъ учреждений для донской области, то напомнимъ еще разъ, что правительство съ самаго начала нисколько не сомнѣвалось въ этой необходимости. Мѣстное самоуправленіе нужно Дону, какъ и другимъ областямъ имперіи. Но этого сказать мало и едвали мы не вправѣ будемъ прибавить, что донской области оно еще нужнѣе, чѣмъ другимъ, уже потому, что въ этомъ краѣ власти гражданская и военная соединены въ одномъ вѣдомствѣ. Коснуться этой стороны дѣла намъ тѣмъ болѣе необходимо, что нынѣ спрашивается: въ чемъ вѣдѣніи должны состоять земскія учрежденія на Дону—военнаго ли министерства, какъ предполагаетъ проектъ, или министерства внутреннихъ дѣлъ, которое завѣдуетъ контролемъ земскаго управленія во всей имперіи? Этотъ вопросъ есть главный въ ряду отдѣльныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ о примѣненіи земскихъ учреждений къ донской области. Мы разсмотримъ собственно этотъ главный, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, вопросъ, вопросъ о завѣдываніи, и затѣмъ ограничимся краткимъ изложеніемъ проекта. Нити нашего разсужденія не будетъ прервана, если мы теперь же вы скажемъ предпочтеніе къ поставленію донского земства въ положеніе, одинаковое со всѣмъ русскимъ земствомъ, заявимъ, что отношенія донского земства къ министерству внутреннихъ дѣлъ казались бы намъ естественнѣе. Высказываемъ эту мысль при самомъ

началѣ, потому что она находится въ связи съ самымъ убѣжденіемъ объ особенной необходимости земскаго самоуправленія для области донскаго войска. Для этого надо бросить взглядъ назадъ.

Прошло три вѣка съ тѣхъ поръ, какъ войско донское было признано грамотою Ивана Грознаго 1570 года. Что такое было это войско? Оно, какъ извѣстно, образовалось изъ выходцевъ изъ разныхъ странъ, но преимущественно изъ московскаго государства, составившихъ военную, но чисто-демократическую общину. Что въ XVI и XVII вѣкахъ донская область пользовалась самоуправленіемъ, въ которомъ все устройство, даже командованіе въ походѣ основывалось на выборномъ началѣ, а впоследствии самоуправленіе утрачено, это было естественно, даже неизбежно. Въ самой московской Руси XVI вѣка оставались еще слѣды самоуправления и земскаго устройства, во всякомъ случаѣ въ болѣе степені, чѣмъ въ Россіи конца XVIII и первой половины XIX столѣтій. Понятно, что вѣтви одной народности, соединяясь въ могущественное государство, могли охотно принести въ жертву особенности своего внутренняго устройства, свою самостоятельность и самоуправленіе. Но изъ самой этой готовности къ жертвамъ въ пользу объединенія и уравниенія съ остальными областями, съ цѣлью раздѣлять ихъ судьбу, какова бы она ни была, логически истекала бы необходимость, чтобы такое полное уравниеніе въ самомъ дѣлѣ осуществилось. Между тѣмъ, для донской области такое уравниеніе именно и не осуществилось. Утративъ, для сравненія съ ядромъ государства, часть своихъ прежнихъ правъ, она не уравнилась съ нимъ въ обязанностяхъ, и несла ихъ въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ всѣ прочія части государства до самаго послѣдняго времени, когда поголовная воинская повинность стала обязанностью всего населенія Россіи.

Здѣсь мы должны упомянуть, что въ проектѣ примѣненія земскихъ учрежденій къ области донскаго войска, какъ онъ составленъ былъ въ военномъ вѣдомствѣ, предположено оставить и впредь весьма значительное различіе въ постановкѣ внутренняго управленія въ этой области: ея земскія учрежденія предположено отдѣлать въ военное вѣдомство. „Земскія учрежденія области войска донскаго“ — такъ предполагаетъ проектъ — „въ установленномъ порядкѣ подлежать вѣдѣнію министерства военнаго, по главному управленію ирегулярныхъ войскъ. По отношенію къ земскимъ учрежденіямъ области, военному министру принадлежать всѣ права и обязанности, предоставленныя министру внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ въ губерніяхъ“. Такое исключительное положеніе, создаваемое для одной части русскаго земства, не могло не вызвать возраженія. Такъ какъ въ комитетѣ ире-

гулярныхъ войскъ въ обсужденіи проекта принимали участіе представители другихъ вѣдомствъ, то естественно, возраженія были заявлены до составленія окончательнаго проекта. Но возраженія, предъявленные противъ приведенной, существенной его статьи, не убѣдили большинство военныхъ членовъ комитета. Изложимъ вкратцѣ, какъ они извѣстны изъ слуховъ, предъявленные аргументы за и противъ сравненія земскихъ учреждений на Дону съ земствомъ въ губерніяхъ, то есть въ пользу и противъ поставленія ихъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Съ одной стороны возражалось, что земскія учреждения въ донской области должны быть подчинены вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ уже потому, что они—земскія учреждения, то есть по самому существу и кругу ихъ дѣятельности. Надзоръ за дѣйствіями земскихъ учреждений вообще долженъ быть сосредоточенъ въ одномъ вѣдомствѣ, иначе разрѣшеніе возникающихъ затрудненій не можетъ быть направляемо въ томъ однообразномъ смыслѣ, въ какомъ должны направляться всѣ однородныя дѣла. Разрѣшеніе затрудненій по введенію въ дѣйствіе какого-либо учрежденія можетъ происходить скорѣе и удобнѣе дѣйствіемъ того вѣдомства, которое, имѣя уже передъ глазами опытъ прежнихъ лѣтъ, приобрѣло въ томъ навыкъ. Правда, отсутствіе разнообразнаго рѣшенія однородныхъ вопросовъ могло бы устраняться сношеніями между двумя вѣдомствами; но, во-первыхъ, на эти сношенія тратится время, а во-вторыхъ, при нѣкоторомъ желаніи, ихъ иногда можно и обойти, при несогласіи же двухъ вѣдомствъ, приходилось бы доводить подобныя дѣла до высшихъ установленій. Военное вѣдомство—возражали еще—должно вѣдать только военную часть, по самому своему назначенію, ни сколько не касаясь прочихъ частей государственнаго управленія, и если до сихъ поръ управленіе донской областью и было, вслѣдствіе особыхъ причинъ, подчинено военному министерству, то положеніе ея въ настоящее время уже не представляетъ тѣхъ особенностей, которыя вызывали бы необходимость дальнѣйшаго выдѣленія ея изъ общей системы управленія. Нѣкоторыя дѣла, подлежащія земству, по самому роду своему должны быть утверждаемы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ, напр., постановленія земства о взиманіи сборовъ съ проѣзжающихъ по земскимъ дорогамъ и мостамъ, постановленія объ открытіи и перенесеніи армарокъ. Наконецъ, приводилось еще, что административное подчиненіе области военному министерству само по себѣ не можетъ служить препятствіемъ подчиненію земства общему завѣдыванію, т. е. вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ судебная часть въ донской области подчинена же мини-

стерству юстиціи, а часть почтовая — министерству внутренних дѣлъ.

Приведенныя возраженія нельзя не признать вѣскими. Но большинство членовъ комитета нашли болѣе убѣдительными другіе аргументы, которыми доказывалась потребность поставить въ донской области и самое земство подъ вѣдѣніе министерства военнаго. Главнымъ изъ этихъ аргументовъ былъ тотъ, что административное подчиненіе области войска донского военному министерству „имѣть за собой вѣковой опытъ“. Оно освоило это министерство съ гражданскимъ бытомъ и хозяйствомъ донскихъ козаковъ настолько, что едва ли какое-либо другое вѣдомство, „не имѣющее за собой предыдущей вѣковой практики, обширныхъ архивовъ и спеціального по козачьимъ дѣламъ учрежденія“, въ состояніи будетъ правильнѣе руководить земскими дѣлами въ донской области, чѣмъ именно военное министерство. Затѣмъ другой главный аргументъ указывался въ томъ соображеніи, что на населеніи донского края лежитъ особая, весьма важная въ государственномъ отношеніи, повинность воинская, „исправное отбываніе которой тѣсно связано съ хозяйственнымъ и экономическимъ состояніемъ края, такъ какъ козаки отбываютъ эту повинность при собственномъ обмундированіи, вооруженіи и на своихъ строевыхъ лошадяхъ“. Вотъ два важнѣйшіе изъ представленныхъ съ другой, военной стороны, аргументовъ, важнѣйшіе именно потому, что они—аргументы спеціальныя, основанныя на отношеніяхъ военнаго министерства къ донскому козачьему войску. Прочія доказательства, приведенныя въ пользу подчиненія земскихъ учреждений на Дону—военному министерству, насколько мы имѣли случай съ ними ознакомиться, не имѣли особаго значенія и могутъ быть оставлены въ сторонѣ: Они или заключаютъ въ себѣ соображенія слишкомъ общаго свойства, какъ, напр., что благосостояніе края имѣетъ вліяніе на отправленіе въ немъ воинской повинности, или составляютъ только „возраженія противъ возраженій“, въ родѣ того, напримѣръ, что сношенія между двумя вѣдомствами все равно окажутся необходимыми, которому бы изъ нихъ ни были подчинены земскія учрежденія на Дону, такъ какъ министерство внутренних дѣлъ, по особенностямъ мѣстнаго быта, будетъ вынуждено къ сношеніямъ съ военнымъ министерствомъ, а безъ нихъ встрѣчалось бы съ непрерывными недоразумѣніями и колебаніями. Но два важнѣйшіе, именно спеціальныя аргумента, приведенные нами выше, заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ: „вѣковой опытъ“ и существованіе „отдѣльнаго учрежденія по козачьимъ дѣламъ“, а затѣмъ—весеііе донскими козаками службы съ собственными вещами, оружіемъ и лошадями.

Положимъ, само военное министерство не можетъ въ строгомъ смыслѣ сослаться на „вѣковой опытъ“ управления донской областью, такъ какъ военное министерство учреждено въ текущемъ столѣтїи, а донское войско признано въ его устройствѣ три столѣтїя тому назадъ. Но что донская область всегда находилась въ исключительномъ положенїи, въ полномъ административномъ подчиненїи военному вѣдомству—совершенно справедливо и это составляетъ коренной фактъ всего вопроса. Спрашивается только, въ какую сторону говорятъ послѣдствїя, изъ этого факта происшедшія для донской области, когда рѣчь идетъ о томъ, что можетъ лучше обезпечить ея благосостояніе—сравненїе съ губерніями или продолженїе исключительнаго порядка въ отношенїи административномъ? Здѣсь мы возвращаемся къ исторической сторонѣ вопроса. Выше уже было сказано, что пожертвованїе самоуправленїемъ, основаннымъ на выборныхъ началахъ, со стороны донского населенїя было естественно, такъ какъ пожертвованїе это потребовалось для уравнинїя области съ московскимъ ядромъ государства. Но соотвѣтственно тому требовалось бы и уравнинїе въ повинностяхъ. Между тѣмъ, такого уравнинїя не послѣдовало. Имѣя въ населенїи Дона готовую конную армію, государство оставило въ этой области поголовную воинскую повинность и постепенно стало болѣе и болѣе употреблять козаковъ на службу внѣшнюю. Еще при Петрѣ I-мъ число козаковъ разныхъ войскъ, находившихся при арміи въ разныхъ походахъ, возрасло съ 5 до 15 т. чел.; въ 1812 же году, козачье ополченїе составляло болѣе 100 т. чел. Въ настоящее время изъ всего числа 66 собственно донскихъ полковъ два гвардейскіе состоятъ постоянно на службѣ въ одной третей части состава, а изъ остальныхъ находятся на службѣ постоянно 16 полковъ. Возраставшая тягость военной повинности сопровождалась постепенной отгнѣною выборнаго самоуправленїя. То и другое, повторимъ еще разъ, было естественнымъ послѣдствїемъ включенїя донской области въ обширное государство. Но гораздо менѣе естественнымъ представляется тотъ фактъ, что донское войско, жертвуя выборнымъ самоуправленїемъ для объединенїя съ прочими частями государства, не прїобрѣтало однакоже дѣйствительнаго уравнинїя въ тѣхъ условїяхъ, которыя могли бы быть выгодны, что, теряя свои особыя прїимущества, оно не прїобрѣтало общихъ, равныхъ правъ. А это было прямымъ послѣдствїемъ того, что донская область была поставлена въ исключительное завѣдыванїе военнаго управленїя. На нее не были распространены ни общїе законы о воинской повинности, ни всѣ общїя гражданскїя учрежденїя, а въ той мѣрѣ, въ какой гражданскїя учрежденїя въ ней и были созданы, учрежденїя эти были

все-таки поставлены внѣ общаго круга ихъ въ имперіи, были подчинены атаману и чрезъ него центральному военному управленію. Пока мѣстныя должности были выборныя, соединеніе въ рукахъ выборныхъ лицъ властей военной и гражданской только соответствовало особому характеру войскового быта и не представляло неудобствъ, такъ какъ войсковое управленіе имѣло характеръ земскаго военнаго управленія; оно представляло самоуправленіе военнаго населенія. Но по мѣрѣ того, какъ должности, начиная отъ войскового атамана и до низшихъ его подчиненныхъ, превращались изъ выборныхъ въ бюрократическія, донское самоуправленіе получало совсѣмъ иной смыслъ. Тогда соединеніе въ тѣхъ же рукахъ всѣхъ отраслей мѣстной власти установило на Донѣ такое полновластіе мѣстной администраціи, какого съ начала нынѣшняго столѣтія уже не было въ остальныхъ частяхъ Россіи. Это самоуправленіе особаго рода, то-есть полновластіе мѣстнаго начальства, не могло быть гарантіею для интересовъ большинства населенія, совсѣмъ напротивъ: оно только подчинило массу населенія полному преобладанію офицерскаго, начальствующаго наслѣдственнаго класса, устранивъ станицы отъ всякаго вліянія на дѣла. А между тѣмъ, эта система управленія давала мѣстной власти самостоятельность только по отношенію къ мѣстному населенію, къ станицамъ, но никакъ не по отношенію къ центральной военной администраціи. Напротивъ, въ рукахъ центральной военной администраціи, мѣстная власть служила совершенно пассивнымъ орудіемъ во всѣхъ случаяхъ, когда военное вѣдомство проявляло свою волю. Зато и военное вѣдомство, съ своей стороны, оставляло мѣстный наслѣдственный офицерскій классъ свободнымъ въ его видахъ и дѣйствіяхъ по отношенію къ интересамъ массы населенія.

Фактическая картина того, что отсюда произошло и не могло не произойти, подтвердить очеркъ, который мы теперь сдѣлали въ общихъ выраженіяхъ, и уже не будетъ нуждаться въ особыхъ разъясненіяхъ. Въ донской козачьей военной общинѣ, которой всѣ члены были равны и выдвигались изъ рядовъ только избраніемъ и личными заслугами, ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1775 году, начальники и офицеры были переименованы въ общіе военные чины; результатомъ этого было, что они всѣ вдругъ превратились въ потомственныхъ дворянъ. Однимъ этимъ приказомъ измѣнены были всѣ внутреннія отношенія въ донскомъ населеніи на будущее время. Потемкинъ, который въ томъ же 1775 году уничтожилъ Запорожье, очень юрешно понималъ, какую легкою мѣрой можно было совершено измѣнить прежнее устройство и прежній характеръ общины донской. Распоряженіе о переименованіи донскихъ офицеровъ въ русскіе чины

послѣдовало по его докладу. Въ прежнія времена только нѣкоторые донцы получали дворянство и всегда за особыя личныя заслуги. Войсковыя же должности не давали дворянства, да и не могли давать его потому уже, что были выборныя. Но Потемкинъ перешагнулъ чрезъ это юридическое затрудненіе. Люди, бывшіе въ должностяхъ командировъ въ данное время, по выборамъ, вдругъ были превращены въ потомственныхъ дворянъ и на Дону былъ созданъ однимъ этимъ распоряженіемъ потомственный офицерскій классъ. Понятно, что мѣстные интересы такимъ образомъ разъединились. Земля въ области была собственностью общественною: войсковою и станичною. Изъ нея выборные командиры получали опредѣленныя дачи, по должностямъ, въ пользованіе, но дачи эти оставались собственностью войсковою. Созданіе наследственнаго дворянскаго класса не могло не имѣть послѣдствіемъ задержаніе и присвоеніе себѣ этимъ классомъ войсковыхъ земель. Получивъ дворянство, командиры и ихъ потомки приобрѣли право владѣть крѣпостными и стали заселять войсковыя земли, бывшія въ ихъ пользованіи—крѣпостными, которыхъ покупали на высылку въ имперію и приобрѣтали, сверхъ того, въ бѣглыхъ, селившихся на тѣхъ же земляхъ. Вслѣдствіе того, къ двумъ классамъ, на которые уже распалось населеніе Дона—дворянству и козачеству—постепенно присоединился новый третій классъ—крестьянство крѣпостное; на Дону образовалось крѣпостное право. Задержаніе войсковыхъ земель офицерскимъ или дворянскимъ классомъ все болѣе расширялось и мало-по-малу обращалось въ фактъ, освященный давностью, а задержанныя войсковыя земли превращались въ земли вотчинныя.

Постепенная отмѣна выборовъ на должности командировъ, которые были вмѣстѣ гражданскими начальниками, производила то послѣдствіе, что войско и станицы, становясь безгласными, не имѣли возможности охранять земельной собственности войска и станицъ. Фактъ удержанія части войсковыхъ земель донскимъ дворянствомъ былъ, наконецъ, признанъ юридически. Отношенія центральнаго военнаго управленія къ внутреннему устройству и мѣстному управленію земли войска донскаго, какъ отношенія эти существовали до реформъ настоящаго царствованія, установились главнымъ образомъ по мысли и подъ непосредственнымъ руководствомъ Чернышева, который, въ концѣ царствованія императора Александра I, имѣлъ случай близко ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Дону, а потомъ, бывъ долгое время военнымъ министромъ, юридически утвердилъ то, что Потемкинымъ было вызвано къ жизни. Въ 1835 году послѣдовалъ повелѣніе о надѣлѣ крестьянъ донскихъ помѣщиковъ землями по 15 десятинъ на душу и земля эта признана была потомственною собственностью помѣщиковъ, съ обязанностью платить въ вой-

свою казну 1½ коп. съ десятины въ годъ. Впослѣдствіи срочные участки, вновь назначавшіеся козачьимъ офицерамъ по чинамъ, были обращены въ потомственное владѣніе. Такимъ образомъ произошло, что въ настоящее время во владѣніи станицъ состоитъ менѣе 8 милліоновъ десятины удобной земли, а болѣе 3 милліоновъ десятинъ удобной земли находятся въ частномъ владѣніи и пользованіи, въ томъ числѣ до 400 т. десятинъ у крестьянъ-собственниковъ и временно обязанныхъ, а затѣмъ войсковой земли осталось всего до 1½ милл. десятинъ.

Мѣстное управленіе, поступившее въ руки наслѣдственного класса, какъ уже сказано, было полноправно, но полноправно только въ отношеніи къ остальному населенію, которое было лишено всякаго голоса въ войсковыхъ дѣлахъ, такъ какъ выборный принципъ удержался только въ станицѣ. По отношенію къ центральному военному управленію мѣстная власть никакой самостоятельности въ дѣйствительности имѣть не могла; но и самая тѣнь такой самостоятельности была устранена, когда въ главные начальники области стали назначать наказного атамана, а не войскового, и притомъ въ наказные атаманы всегда назначалось лицо некозачьяго происхожденія. Естественно, впрочемъ, что наказный атаманъ, хотя самъ не былъ природнымъ козакомъ, поставленный въ среду исключительно козачьяго дворянства, которое занимало всѣ должности, по военному и гражданскому управленію, становился самъ главою этого класса. Чтобы разъяснить характеръ таковаго особаго рода „самоуправленія“, какое существовало на Дону послѣ отмѣны самоуправленія выборнаго, представимъ себѣ, что, напр., въ новгородской губерніи всѣ государственныя и общественныя должности заняты исключительно новгородскими дворянами и не могутъ быть заняты никѣмъ инымъ: военное и гражданское управленіе, финансовая и судебная части находились бы исключительно въ рукахъ природныхъ новгородскихъ дворянъ и сельское управленіе было бы подчинено надзору учреждений, составленныхъ исключительно изъ членовъ мѣстнаго землевладѣльческаго класса. Но и это сравненіе еще недостаточно, такъ какъ и при подобныхъ условіяхъ новгородская губернія все-таки входила бы въ общій составъ гражданскаго управленія имперіи, подлежала бы непосредственному надзору разныхъ министерствъ. Въ донской области всѣ сношенія съ высшими властями имперіи велись не иначе какъ чрезъ наказного атамана, который въ свою очередь дѣйствовалъ только доносеніями военному министру. Между тѣмъ военное министерство, имѣя совершенно иное назначеніе, занятое исключительно военными дѣлами, не имѣвшее и людей, специально ознакомленныхъ съ поземельными дѣлами и разными юридическими вопросами, которые ему при-

ходилое разрѣшать въ высшей инстанціи по донской области, по необходимости должно было полагаться во всемъ если не на войсковое начальство, то на тѣхъ же донскихъ дворянъ, которые служили при департаментѣ военныхъ поселеній, а затѣмъ при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ. Вотъ почему, не было въ Россіи ни одного губернаторства или генераль-губернаторства, въ которомъ мѣстная власть могла бы быть на дѣлѣ такъ безконтрольна, какъ въ области войска донского, и въ самомъ центральномъ управленіи ни одинъ департаментъ въ рѣшеніи бытовыхъ и имущественныхъ вопросовъ не имѣлъ въ дѣйствительности такой полноправности, какъ департаментъ военныхъ поселеній или образованное изъ него вѣдѣніе управленіе иррегулярныхъ войскъ. Вопросы объ отводѣ срочныхъ участковъ, о надѣлѣ землею по числу душъ крестьянъ, правда рѣшались военнымъ совѣтомъ, но мы не отступимъ отъ правды, сказавъ, что это была простая формальность, такъ какъ, по сложности и особенностямъ подобныхъ вопросовъ, военный совѣтъ не могъ не утверждать заключенія начальника отдѣленія департамента, принятаго начальникомъ департамента.

Итакъ, вотъ каковы были для области послѣдствія „вѣбового опыта“, на который нынѣ ссылаются въ пользу поставленія самого земства на Дону въ исключительныя условія — въ вѣдѣніе военного вѣдомства. Именно вслѣдствіе существованія такого исключительнаго положенія, подчиненія всего управленія въ донской области военному вѣдомству, произошло искусственное созданіе крупныхъ землевладѣльцевъ, утвержденіе крѣпостного права, уменьшеніе войсковой земли, отдача всей мѣстной власти въ руки природнаго землевладѣльческаго класса, полная безгласность станицъ, относительная безконтрольность такого сословнаго управленія даже со стороны центральныхъ властей, наконецъ, нѣчто въ родѣ безвыходности положенія для всякаго мѣстнаго уроженца, который заслужилъ бы немилость мѣстнаго начальства. Козакъ, родившійся козакомъ, долженъ былъ всю жизнь оставаться козакомъ; козаки обязаны были поголовною службой, и имъ не было выхода изъ козачества. Правда, за то и мѣстными начальниками ихъ (кромѣ наказнаго атамана) могли быть только природные козаки; но для человѣка, случайно попавшаго въ немилость у мѣстнаго начальства, указанное условіе нисколько утѣшительно не было; онъ могъ знать напередъ, что изъ 10-ти въ 9-ти случаяхъ, если не болѣе, мнѣніе и рѣшеніе мѣстнаго начальства, имѣвшаго сословный характеръ, будетъ подтверждено и самыми высшими инстанціями въ Петербургѣ.

Мы сочли умѣстною полную откровенность при этомъ историческомъ обзорѣ. По счастью, относительно донской области еще ни-

когда не возникало и заподозриванія въ стремленіяхъ къ „сепаратизму“. Даже изъ извѣстной московской фабрики сепаратизмовъ никогда еще не выходило такого издѣлія, которое называлось бы сепаратизмомъ донскимъ. Великорусское происхожденіе донского населенія, вѣрная его служба государству устраняли всякую мысль о какихъ-либо сожалѣніяхъ о томъ, что исчезло, что наконецъ давно забыто. Смѣшно было бы думать, что говорить о прежнихъ правахъ Новгорода неумѣстно, потому что этимъ возбуждалось бы какое-либо сожалѣніе въ нижнѣйшемъ населеніи Новгорода. Мы говоримъ только о томъ, что Новгородъ былъ уравненъ въ правахъ со всеми губерніями, а Донъ уравненъ не былъ. Мы выставяемъ всѣ невыгоды, происшедшія отъ исключительнаго подчиненія Дона военному вѣдомству, прямо съ той цѣлью, чтобы доказать неудобства подчиненія ему же самого земства на Дону. Если земскія учрежденія Дону необходимы, чѣмъ какой-либо изъ мѣстностей Россіи, то это именно потому, что Донъ слишкомъ долго стоялъ въ исключительныхъ условіяхъ подчиненія военному вѣдомству, что при этихъ условіяхъ голосъ станицъ, то-есть массы населенія, давно замолъкъ, а мѣстное управленіе стало вмѣстѣ и словнымъ и неудобно-контролируемымъ со стороны высшихъ властей. Вотъ почему Дону особенно необходимо земство: оно возвратитъ станицамъ голосъ въ областныхъ дѣлахъ, вліяніе на ихъ ходъ, оно уменьшитъ сословный характеръ мѣстнаго управленія, наконецъ оно приведетъ къ нѣкоторому косвенному, но весьма полезному именно въ данномъ случаѣ, вліянію на бытовныя дѣла области — другое вѣдомство, министерство внутреннихъ дѣлъ, подобно тому, какъ судебная реформа увеличила въ области прямое вліяніе министерства юстиціи. А составители проекта полагали самое земство въ донской области подчинить военному министерству! Но вѣдь это лишило бы земскую реформу въ области важной доли того особаго значенія, какое она должна получить тамъ по обстоятельствамъ. Нельзя еще не замѣтить, что такъ какъ козаки и впредь будутъ отправлять воинскую повинность на особыхъ основаніяхъ, такъ какъ и впредь населеніе останется прежде всего донскимъ войскомъ, то уже изъ самаго этого факта будетъ истекать нѣкоторая служебная зависимость всѣхъ жителей области отъ военнаго министерства и спеціально отъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ. Уже одного этого соображенія, казаясь бы, достаточно, чтобы не подчинять тому же министерству донского земства, чины котораго всѣ люди служилые, или служившіе. Едва ли можно сомнѣваться, что въ отношеніяхъ своихъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ донское земство могло бы быть болѣе самостоятельно, чѣмъ сколько оно можетъ быть въ отношеніяхъ къ управленію иррегулярныхъ войскъ, которое распредѣляетъ козаковъ

на службѣ, представляетъ ихъ къ занятію военныхъ должностей и полученію военныхъ чиновъ. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, однажды допустивъ подобное исключеніе изъ общей подвѣдомственности для земства донской области, законодательство установило бы прецедентъ, который не могъ бы не имѣть послѣдствій. Со временемъ, при учрежденіи земства туркестанскаго, въ которомъ по необходимости преобладалъ бы также служилый элементъ, оказалось бы сообразнымъ съ бывшимъ примѣромъ подчинить и это земство военному министерству. Затѣмъ, земство въ приморской области восточной Сибири пришлось бы подчинить министерству морскому. Разъ допущенный принципъ дробленія земства по вѣдомствамъ могъ бы повести къ такому дробленію даже и въ великорусскихъ губерніяхъ. Такъ, земство сѣверныхъ губерній можно было бы подчинить морскому министерству по нѣкоторымъ изъ тѣхъ соображеній, которыми поддерживается нынѣ военная подчиненность земства донскаго, а именно: особенностями воинской повинности и сравнительно большимъ ознакомленіемъ какого-либо вѣдомства съ мѣстнымъ бытомъ; вѣдь сѣверныя губерніи должны служить преимущественно для укомплектованія флота и морское вѣдомство въ дѣйствительности можетъ быть лучше знакомо съ особенностями быта сѣверныхъ мореходовъ и рыболововъ, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Изъ предшествующаго очерка ясно, почему именно въ донской области введеніе земства можетъ вызвать новую эру экономическаго быта: слишкомъ долго край находился подъ управленіемъ одного мѣстнаго класса, наполнявшаго всѣ мѣстныя учрежденія и стоявшаго, благодаря исключительному положенію войска, между самимъ центральнымъ управленіемъ и массою донскаго населенія; слишкомъ долго молчали станицы, лишеныя всякаго участія въ рѣшеніи экономическихъ областныхъ вопросовъ. Одно земство пробудитъ ихъ къ жизни и отмѣнитъ мѣстное полновластіе сословнаго элемента. Но именно для того, чтобы земство могло произвести ту перемѣну, для которой оно главнымъ образомъ нужно Дону, необходимо прежде всего не ставить его самого въ то исключительное положеніе, въ которомъ область оставалась вѣка.

Укажемъ на нѣкоторыя другія особенности въ проектѣ о примѣненіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ къ донской области. Обязанности, возложенныя по отношенію къ земству въ губерніяхъ на губернаторовъ, въ донской области предполагается возложить на наказнаго атамана; губернскому и уѣзднымъ собраніямъ будутъ соответствовать областное и окружныя собранія. По существовавшему доселѣ порядку, земскія повинности въ донской области отправлялись на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ губерніяхъ, а именно, въ дон-

ской области всѣ повинности, не исключая и тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ разряду государственныхъ, выполнялись въ предѣлахъ области мѣстными средствами и дѣлились только на общія для всѣхъ сословій и частныя; самый денежный сборъ на общія повинности взимался не съ однихъ податныхъ сословій и не съ ревизскихъ душъ, какъ въ имперіи, но разлагался на земли, принадлежащія всѣмъ сословіямъ и на торговые свидѣтельства. Вотъ почему и въ нынѣшнемъ проектѣ не признано удобнымъ вводить дѣленія общихъ повинностей на два разряда—государственныхъ и мѣстныхъ земскихъ и исключать первыя изъ вѣдѣнія земства. Въ проектѣ предположено, что земскія учрежденія въ области будутъ завѣдывать и тѣми денежными сборами, которые соотвѣтствуютъ разряду государственныхъ денежныхъ сборовъ въ губерніяхъ. Весьма важны нѣкоторыя особыя условія организаціи избирательныхъ съѣздовъ. Въ губерніяхъ, какъ извѣстно, въ съѣздѣ землевладѣльцевъ имѣютъ право голоса лица, владѣющія недвижимой собственностью отъ 200 до 800 сотъ десятинъ земли, въ разныхъ мѣстностяхъ, смотря по цѣнности земли; въ донскомъ земствѣ участіе въ окружномъ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ предположено предоставить лицамъ, владѣющимъ землею въ размѣрѣ не менѣе 200 десятинъ. Въ губерніяхъ, кромѣ съѣздовъ землевладѣльцевъ, имѣются только съѣзды городскіе и сельскіе; на Дону предполагается, кромѣ землевладѣльческихъ съѣздовъ, слѣдующіе: отъ торговаго сословія, отъ станичныхъ обществъ и отъ сельскихъ (т. е. крестьянскихъ) обществъ. Причины такого отступленія слѣдующія: въ донской области нѣтъ городскихъ поселеній въ томъ видѣ и съ тѣми учрежденіями, какъ они существуютъ въ губерніяхъ; поэтому торговое сословіе призывается къ участію въ земскихъ выборахъ отдѣльно. Станицы и крестьянскія общества разнятся между собою по общественному устройству и по праву владѣнія своими землями, а потому станицамъ дается и представительство въ земствѣ отдѣльное отъ крестьянъ. Станицамъ предоставляется избирать гласныхъ въ окружное собраніе отъ каждой станицы по одному, а въ нѣкоторыхъ станицахъ—по два, въ томъ вниманіи, что такъ какъ станицамъ принадлежитъ болѣе половины всѣхъ удобныхъ земель въ области, то на станицахъ и будетъ лежать главнымъ образомъ уплата земскихъ сборовъ.

Не касаясь тѣхъ отступленій отъ общаго устройства земскихъ учреждений, которыя на Дону въ самомъ дѣлѣ вызываются мѣстными особенностями, мы остановили наше вниманіе на томъ существенномъ отступленіи, которое проектъ, какъ говорятъ, предполагаетъ въ подчиненности всего донского земства, и постарались разъяснить,

что поставленіе донскаго земства въ подвѣдомственность военному министерству кажется противорѣчащимъ главной пользѣ, какой можно бы ожидать отъ введенія на Дону земства, и быть можетъ послужило бы къ нѣкоторому его стѣсненію.

Все, что могло бы вести, хотя косвенно, къ какому-либо новому еще ограниченію самостоятельности земства, безъ сомнѣнія, и вездѣ противорѣчило бы главной пользѣ, какой можно ожидать отъ земства въ настоящее время. Главная польза, имъ приносимая, заключается не столько въ его дѣятельности, сколько въ возможно-нестѣсненномъ его существованіи. Земство, особенно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, сдѣлало, по мѣрѣ своихъ средствъ, очень много въ теченіи десятилѣтій. Но такъ какъ большая половина его средствъ поглощается расходами обязательными и затѣмъ въ его распоряженіи остается всего десятокъ милліоновъ на удовлетвореніе потребностей 354 уѣздовъ въ народномъ образованіи, леченіи, призрѣніи и продовольствіи, то неудивительно, что главное значеніе земскихъ учрежденій доселѣ заключается все-таки въ томъ, что мѣстныя общества имѣютъ въ немъ голосъ для заявленія и обсужденія своихъ нуждъ и охраненія своихъ интересовъ,—корень, изъ котораго со временемъ должны произрасти и достаточныя средства для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, сѣтъ постоянныхъ общественныхъ комиссій, которыя изучаютъ нужды и средства Россіи, наконецъ, школа, въ которой приготавливаются общественные дѣятели, а постепенно и самая программа практической дѣятельности. Сколько бы ни было осуществлено доселѣ земствомъ непосредственныхъ успѣховъ, главная польза его все-таки въ томъ, что въ губерніяхъ есть довѣренный общественный органъ, принадлежащій всѣмъ сословіямъ. Пусть бы земство само создало гораздо меньше того, что имъ сдѣлано, и все-таки самое существованіе его имѣло бы большое значеніе, даже не для будущности только, но и для настоящаго времени: многія злоупотребленія устранены самымъ фактомъ его существованія и пустое нѣкогда пространство, отдѣлявшее администрацію отъ массы отдѣльныхъ личныхъ единицъ народа, пространство, которое не передавало звука, наполнилось живою средой. Пусть изъ этой среды исходили бы даже только одни „слова“, какъ на то жалуются иногда торопливные прогрессисты. Но давно ли, спросимъ мы ихъ, общественное слово въ Россіи сдѣлалось уже излишней роскошью, на которомъ приходилось бы жаловаться? Развѣ фактъ общественнаго безмолвія не выставляется тѣми же прогрессистами, какъ коренная причина застоя всегда, когда они бросаютъ взглядъ лѣтъ за двадцать назадъ.

Сами представители земства иногда строго относятся къ своимъ

успіають, удивляються, какъ мало то, что земству удалось сдѣлать въ теченіи истекшаго десятилѣтія, въ сравненіи съ тѣмъ, что остается сдѣлать, въ сравненіи съ массою потребностей неудовлетворенныхъ или плохо удовлетворенныхъ. Если такое настроеніе является побужденіемъ къ энергической работѣ въ службѣ обществу, то, разумѣется, оно можетъ быть полезно; но было бы вполне нераціонально впадать въ подобное настроеніе въ смыслѣ унынія и мысли о безсиліи земства. Въ крайнемъ случаѣ, повторяемъ, уже одно существованіе земства плодотворно, самый этотъ минимумъ приносимой имъ пользы во всякомъ случаѣ имѣетъ важное значеніе. Укажемъ въ видѣ примѣровъ на заявленія земства по вопросу о прямыхъ податяхъ, на поддержаніе земствомъ мысли о необходимости для Россіи учительскихъ семинарій и реальныхъ училищъ. Само земство основывало тѣ и другія заведенія, но не подлежитъ сомнѣнію, что заявленіе и ходатайство земства весьма много содѣйствовало къ тому, чтобы разъяснить самому высшему управленію дѣйствительную необходимость учрежденія тѣхъ и другихъ училищъ, что голосъ земства не остался безъ вліянія на то, что самимъ правительствомъ сдѣлано и дѣлается въ настоящее время для учрежденія ихъ. Эта мысль должна быть нравственной поддержкой добросовѣстнымъ людямъ въ земствѣ, когда имъ случается приходиться въ нѣкоторое уныніе въ виду громадности задачи и недостатка наличныхъ средствъ у земства для полного удовлетворенія и десятой части очевидныхъ потребностей народа въ школахъ, медицинской помощи, призрѣніи и какомъ-нибудь содѣйствіи къ улучшенію земледѣлія или промысловъ. Земское строительство есть дѣло долговременной формаціи. Что поле, отведенное подъ гѣсъ, пока покрыто еще только кустарникомъ, это не должно лишать насъ надежды. Главное все-таки въ томъ, чтобы былъ кустарникъ и въ томъ, конечно, чтобы онъ могъ расти свободно.

При оцѣнкѣ непосредственныхъ, осязательныхъ результатовъ работъ земства, не надо никогда упускать изъ виду, что оно съ самаго начала находилось, а отчасти находится и доселѣ, въ положеніи такого благотворительнаго комитета, который имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи тысячу рублей для оказанія помощи отъ голода цѣлому уѣзду. Юнѣйшее изъ губернскихъ земствъ начало свою дѣятельность весною нынѣшняго года; это—земство уфимской губерніи. Посмотримъ, какова задача, выпадающая на его долю, хоть по нѣкоторымъ отраслямъ земскаго дѣла. На полтора милліона населенія имѣется на лицо штатныхъ медиковъ—14, то-есть по одному врачу на 100 тысячъ души! Народныхъ школъ, по удостовѣренію губернатора, теперь меньше, чѣмъ было до 1861 года. Общественное призрѣніе „обезпечивается“ процентами съ капитала въ 400 т. р., но

нѣкоторыя больницы тѣмъ не менѣе находятся въ неудовлетворительномъ состояніи. Недостатокъ учителей, акушерокъ, фельдшеровъ — обстоятельство, которое и въ „земскихъ“ губерніяхъ далеко еще не устранено, здѣсь является особенно онцутительнымъ. Натуральныя повинности неуравнительно обременяютъ населеніе и т. д. Вотъ какое поле отерывается для работы уфимскаго земства. Оно начинается свою дѣятельность, имѣя передъ собой 10-ти-лѣтній земскій опытъ другихъ губерній и можетъ избѣгнуть недоразумѣній и колебаній по многимъ вопросамъ, которые уже получили разъясненіе въ другихъ мѣстахъ, можетъ избѣгнуть нѣкоторой потери времени. Но можно ли будетъ удивляться, въ виду обширности задачи, если и по прошествіи 10-ти лѣтъ, уфимскіе земскіе дѣятели признаютъ, что они успѣли сдѣлать мало для замѣтнаго улучшенія быта 1½ миллионнаго населенія.

Передъ нами лежитъ обзоръ земской дѣятельности рязанской губерніи за девятилѣтіе, съ 1866 по 1875 годъ, составленный новой губернской управой. Вотъ какъ обрисовывается она положеніе земскаго дѣла по прошествіи девятилѣтія земской работы: „Для внутренняго сообщенія намъ достаются плохія дороги съ плохими на половину мостами и съ гатами не всегда и не вездѣ проѣздными; для обезпеченія продовольствія—истощенныя поля и пустыя запасныя магазины; для охраненія здоровья — чистый воздухъ и то, для бѣльшей части населенія — вѣкъ дома, а для заболѣвающихъ три сельскіихъ и двѣнадцать городскіихъ больницъ, изъ которыхъ при трехъ по одному только врачу одновременно на больницу и на весь уѣздъ; для призрѣнія неимущихъ — двѣ богадѣльни на 60 мужчинъ и 50 женщинъ, на всю губернію; для обезпеченія отъ пожаровъ — застроенныя проулки въ селеніяхъ и соломенные крыши на деревянныхъ постройкахъ; и для приведенія всего этого въ порядокъ — огромныя недоимки въ земскихъ сборахъ, и менѣе 400 начальныя школъ на полутора-милліонное населеніе“. Въ характеристикѣ этой преобладаетъ горькая иронія; однако въ вѣрности картины и тѣмъ менѣе можемъ усомниться, что она годится не для одной рязанской губерніи, но и для большинства нашихъ губерній. Во всякомъ случаѣ и въ тѣхъ „земскихъ“ губерніяхъ, которыя богаче рязанской, каковы, на примѣръ, московская или вятская, положеніе дѣла ближе къ представленной сейчасъ картинѣ, чѣмъ къ какому нибудь, хотя бы скромному идеалу оконченнаго благоустройства. Причины такого несоотвѣтствія успѣховъ потребностямъ очевидны. „Подождемъ обвинять земскихъ дѣятелей перваго девятилѣтія“, говоритъ обзоръ рязанской управы: „они видѣли все это и не могли не обратить вниманія на такое ненормальное состояніе почти всѣхъ

отраслей земскаго хозяйства; но, съ другой стороны, они не могли не придти къ убѣжденію, что скоро помочь горю нельзя, что на это нѣтъ средствъ, что новые источники земскаго дохода еще неизслѣдованы, а старые почти иссякли" и т. д. Показывая, какъ много остается сдѣлать, новая рязанская управа имѣла цѣлью, повидимому, очистить себя отъ нареканія въ будущемъ: „вступая въ права наслѣдства, будемъ осторожны: примемъ его по описи, такъ какъ рано или поздно намъ самимъ придется отсчитываться передъ тѣми, кто намъ наслѣдуетъ". Но изъ самыхъ данныхъ обзора оказывается въ дѣйствительности, что, въ сравненіи съ имѣвшимися средствами, рязанское земство и за истекшее девятилѣтіе осуществило вовсе не такъ мало даже и осязательныхъ, матеріальныхъ успѣховъ: начать съ того, что оно успѣло переложить большую часть натуральныхъ повинностей на общій денежный сборъ, что уже само по себѣ представляетъ трудное и весьма полезное дѣло. Взглянувъ на таблицу сѣмѣтныхъ назначеній по земскимъ учрежденіямъ рязанской губерніи, мы видимъ, что сумма ихъ за девятилѣтіе составила не много болѣе 5 милліоновъ рублей. Изъ этого итога большая половина пошла, конечно, на вкритіе расходовъ обязательныхъ; такъ, содержаніе мировыхъ установленій судебныхъ и крестьянскихъ, и исправленіе повинностей дорожной и подводной, потребовали уже болѣе половины всей 5-милліонной суммы. На медицинскую часть въ девятилѣтіе было ассигновано до 582 т. р., на народное образованіе 375 т. р., причемъ расходъ на эти статьи былъ столь неодинаковъ во уѣздахъ, что въ данковскомъ уѣздѣ издержано на медицинскую часть 54 т. р., на образованіе 46¹/₂ т. р., а въ михайловскомъ уѣздѣ на обѣ эти потребности, вмѣстѣ взятыя, издержано всего 11 т. руб., между тѣмъ какъ въ совокупности средства этихъ двухъ уѣздовъ вовсе не представляютъ такой несоразмѣрности: въ первомъ итогъ всѣхъ ассигнованій былъ 305 т. р., а во второмъ 225 т. р. Различіе въ направленіи земской дѣятельности въ двухъ названныхъ уѣздахъ становится еще болѣе замѣтнымъ, если сравнить ихъ издержки на содержаніе самихъ земскихъ управъ: данковскій уѣздъ далъ на медицинскую часть и школы 100 т. р., издержавъ на управы 31³/₄ т. р., а михайловскій, далъ на медицинскую часть и школы всего 11 т. р., т. е. въ 9 разъ менѣе, издержавъ на управы 42¹/₂ т. р., то есть на ¹/₃ болѣе. Подобныя цифры весьма краснорѣчивы. Изъ сопоставленія другихъ данныхъ, онѣ объясняются весьма просто: будучи бѣднѣе другихъ уѣздныхъ земствъ и обязанное принимать почти равное съ ними участіе въ расходахъ обязательныхъ, михайловское земство предпочло произвестъ сокращеніе въ издержкахъ на

врачебную и школьную часть, чѣмъ въ расходѣ на содержаніе личнаго земскаго состава.

Но возвратимся къ обзору общихъ результатовъ дѣятельности земства рязанской губерніи. Число народныхъ школъ въ губерніи не увеличивалось за послѣдніе годы: оно теперь около 400 какъ было и въ 1868 году, но земство дало имъ подготовленныхъ его назначеніемъ и на его счетъ учителей. Для подготовки учителей, оно уже въ 1869 году открыло четырехклассное училище, въ которомъ старшій преподаватель получаетъ 1800 рублей въ годъ, и изъ 5 преподавателей ни одинъ не получаетъ менѣе 900 р. жалованья. Учительское училище помѣщено въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, который земство выстроило для него, съ издержкою въ 30 т. рублей. Изъ этого училища вышли и поступили въ народныя школы 40 вполне основательно подготовленныхъ учителей. Затѣмъ земство съ 1869 г. постоянно учреждало учительскіе курсы, на которые издержано до 15 т. р.; всѣхъ слушавшихъ курсы въ теченіи этого времени было 462 человека, изъ которыхъ впрочемъ далеко не всѣ, конечно, были удостоены свидѣтельствъ на право преподаванія. Но то, что сдѣлано, представляетъ во всякомъ случаѣ немаловажную услугу постановкѣ школьнаго дѣла въ губерніи. Расходы рязанскаго земства по этому предмету постоянно возрастали и обратились, въ 24 т. р. за 1866 годъ, въ 70½ т. р. за 1874 годъ. По медицинскій части земству удалось улучшить содержаніе больницъ и учреждений нѣсколько новыхъ; оно выстроило новый домъ для умалишенныхъ. Несмотря на весьма значительныя затраты рязанскаго земства, въ его совокупности, на медицинскую часть, она все-таки далеко не организована удовлетворительно, и помѣтно, что при таковой разности въ расходахъ, какая проявляется въ сравненіи 9-ти лѣтъ нѣхъ затратъ на эту часть земства сапожковскаго—99.600 р. и земства михайловскаго—7,600 р., не могло быть и рѣчи о введеніи по уѣзду одинаковой системы охраненія народнаго здоровья. В этомъ отношеніи заслуживаетъ еще примѣчанія опредѣленіе губернскаго собранія, въ силу котораго въ распоряженіи губернской управы всегда должна находиться особая сумма въ 12 т. р. для привативероначальныхъ мѣръ противъ холеры на случай ея появленія. Указывая на многія положительныя и освященные заслуги рязанскаго земства, мы недалеко отъ того, чтобы присоединить къ нимъ заслугу отрицательную: отказъ по предложенію объ учрежденіи въ Рязани земскаго банка. Земство было побуждено къ такому отказу простымъ соображеніемъ, что на помощь кредиту мѣстныхъ землевладѣльцевъ имѣются уже четыре банка и, стало быть, въ пятый

нѣтъ никакой надобности. Какъ ни убѣдительно это соображеніе само по себѣ, но въ наше время оно представляется похвально оригинальнымъ. Изъ него явствуетъ, что разанское земство не усмотрѣло земской потребности въ томъ, чтобы предоставить выгоды нѣсколькимъ спекулянтамъ.

Еслибы требовалось краткое опредѣленіе современной жизни нашего общества, то можно бы характеризовать ее одной чертой: она нуждается въ фельетонѣ. Жизнь уже вышла изъ той литературной рамки, въ которой рѣшительно всѣ факты по необходимости должны были оставаться безыменными, и выраженіе общественныхъ стремленій возможно было только въ отвлеченной формѣ критики литературной. Литературная критика въ смыслѣ перспективы интересовъ общественныхъ, повидимому, отжила свое время. Большую часть реальныхъ явленій можно уже называть по имени. Но есть предѣлъ, за который можетъ проникать только фельетонъ. Въ область фельетона прошлый мѣсяцъ внесъ цѣнный вкладъ, въ видѣ объясненія нынѣшняго издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о причинахъ нѣкотораго невольнаго перерыва въ выходѣ этой газеты и еще въ видѣ одной петербургской корреспонденціи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по тому же предмету. Не имѣя фельетона, мы однакоже обязаны заявить, какое впечатлѣніе должны были произвести эти „разъясненія“ въ средѣ той печати, которая ни при комъ не состоитъ. Изъ объясненія издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ мы узнаемъ, что онъ поручалъ гр. Салиасу просить г. Каткова „уступить“ новой редакціи „двѣ-три литературныя силы“ изъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“; что по сообщенію гр. Салиаса „г. Катковъ никого рекомендовать не могъ“; что гр. Салиасъ былъ приглашенъ 5-го января на обѣдъ ультра-консервативныхъ литераторовъ и издатель былъ весьма радъ этому обстоятельству, ожидая, что тѣ литераторы „дадутъ намъ два-три таланта, въ которыхъ у нихъ недостатка быть не могло“. Но, къ сожалѣнію, ожиданія не сбылись: „пообѣдали, познакомились и никого не дали“. Замѣтимъ, что издатель не предъявлялъ никакихъ специальныхъ требованій къ тѣмъ „силамъ“, которыя онъ выписывалъ, и къ тѣмъ „талантамъ“, которые могли быть поданы гр. Салиасу послѣ мороженаго. Издатель не требовалъ, чтобы ему доставили ученыхъ критиковъ, публицистовъ или фельетонистовъ. Онъ зналъ опредѣлительно только число нужныхъ ему предметовъ; заказывалъ двѣ-три „силы“ въ Москвѣ, а потомъ ровно такое же число „талантовъ“ въ Петербургѣ. Какъ бы то ни

было, но объясненіе издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вовсе не показалось намъ забавнымъ. Оно во всякомъ случаѣ искренно и если его нельзя не отнести къ тому, что въ живописи называется „русскимъ жанромъ“, то все-таки приходится сказать, что этотъ „жанръ“ вызываетъ на размышленія.

За то издатель „Московскихъ Вѣдомостей“, г. Катковъ, пользуясь этою газетой на тѣхъ же правахъ, которыя принадлежатъ по отношенію къ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ г. Баймакову, и петербургскій корреспондентъ первой газеты сыграли въ этомъ дѣлѣ буффонаду самаго карнавальнаго свойства. Къ г. Каткову обращались въ крайности за „силами“, онъ никого рекомендовать не могъ, а потомъ самъ обвиняетъ г. Баймакова въ намѣреніи возстановить въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ прежнюю редакцію этой газеты! Съ своей стороны, петербургскій корреспондентъ г. Каткова утверждаетъ, что правительство въ правѣ ожидать, чтобы газета, составляющая принадлежность академіи наукъ или министерства народнаго просвѣщенія, „не шла въ разрѣзъ съ видами и стремленіями правительства, а *тѣмъ болѣе* съ видами и стремленіями вѣдомства, къ которому она причислена“. Въ этомъ приговорѣ замѣчательно „тѣмъ болѣе“. Это печатается въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, принадлежащихъ московскому университету, стало быть, составляющихъ „принадлежность“ министерства народнаго просвѣщенія, тою же редакціей, которая до 1866 года, какъ извѣстно, „не шла въ разрѣзъ съ его видами и стремленіями“. Со свойственнымъ той же редакціи изяществомъ, въ корреспонденціи говорится о „кабакѣ“, котораго владѣлецъ дома имѣетъ право не допускать въ домъ, сданномъ имъ кому-либо въ аренду. Но, кромѣ названнаго заведенія, есть еще разные роды заведеній, которыхъ домовладѣлецъ можетъ не допускать въ своемъ домѣ, а независимо отъ домовладѣльца, сами жильцы и сосѣди, также какъ и читатели „Московскихъ Вѣдомостей“ имѣютъ право ожидать, чтобы безобразія не выходили изъ тѣхъ предѣловъ, которые устанавлиются общею терпимостью.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

IV *).

Шарль де-Ремюза.—Скачки и игра.—Торжества въ память Бозльды.—Осужденіе Ла-Фонтэна.—Трагическій Парижъ.

I.

Событіе, наиболѣе взволновавшее Парижъ въ теченіи нынѣшняго мѣсяца, конечно—смерть Шарля Ремюза.

Дѣйствительно, онъ былъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ. Но одной его личностью нельзя объяснить всего шума, который былъ поднятъ его погребеніемъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь участвовали другія причины, изслѣдованіе которыхъ представляетъ живѣйшій интересъ.

Ремюза было семьдесятъ-восемь лѣтъ отъ роду. Онъ принадлежалъ къ тому крупному поколѣнію людей, которое выступило на политическое поприще между 1820 и 1830-ми годами, въ концѣ реставраціи. Въ продолженіи пятидесяти лѣтъ эта многочисленная группа не сходила со сцены, принимая участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ нашей исторіи, и можно сказать, что она вынесла монархію, имперію и двѣ республики, не израсходовавъ всѣхъ своихъ силъ и не встрѣтивъ себѣ достойныхъ соперниковъ. Эти люди были настоящими, хотя буржуазными, сынами '93 года. Въ нихъ жила любовь къ свободѣ, позволявшая имъ покоряться всѣмъ требованіямъ фактовъ, дѣлать различныя пробы и видоизмѣнять свой лозунгъ. И въ послѣднее время, послѣ всѣхъ прожитыхъ катастрофъ, въ парламентѣ все они же выступаютъ, какъ самые свѣжіе, самые интеллигентные и самые способные представители страны. Это примѣръ необыкновенной живучести. Политическій персоналъ нашъ не обновился; двѣ республики не могли выставить ни одного государственнаго человѣка, принадлежащаго имъ исключительно; что касается имперіи, то она просто пользовалась услугами дѣльцовъ.

И, повторяю, одни они, основатели конституціонной монархіи, оказались стойкими. Самый извѣстный между ними—Тьеръ, но вслѣдъ за нимъ непосредственно стоялъ Ремюза, и кончина его какъ будто приблизила самого Тьера къ могилѣ. Его смерть кажется погребаль-

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441 стр.; май, 482 стр.; июнь, 874 стр.

нымъ звономъ всего поколѣнія. Вотъ почему Парижъ ощутилъ такое глубокое потрясеніе при этихъ похоронахъ. Вѣдь это цѣлый міръ кончается.

Одинъ роялистъ очень мѣтко сказалъ, что если Тьеръ возвысился до свободы, то Ремюза снизошелъ до нея. Первый, будучи сыномъ мелкаго буржуа, боролся за свою собственную эмансипацію и торжество; послѣдній же, сынъ камергера Наполеона I-го и знатной дамы-писательницы, перешелъ на сторону революціонеровъ чисто изъ-за пытливости любознательнаго ума и любви къ новымъ задачамъ. Встрѣча этихъ двухъ людей на попримѣ современной свободы породила одну изъ тѣхъ прочныхъ, глубокихъ и неизмѣнныхъ привычекъ, которыя составляютъ самое рѣдкое явленіе въ политическомъ мірѣ.

Обликъ де-Ремюза носить чисто французскій колоритъ. Этотъ либераль 1830 года сохранилъ весь букетъ царедворца стараго режима. Изысканно вѣжливый, чрезвычайно деликатный, онъ во всемъ держался строго границъ хорошаго тона. Выдающеюся чертой его было любопытство, но въ любопытствѣ его не было ничего дикородчанаго; его увлекли къ себѣ самыя различныя отрасли знанія, но онъ предавался имъ только какъ свѣтскій человѣкъ. Онъ коснулся литературы, писалъ пѣсни до Беранже; позднѣе, въ драмахъ, оставшихся ненапечатанными, онъ подражалъ театральнымъ смѣлостямъ Виктора Гюго, преклонялся передъ философией сначала вмѣстѣ съ Кондильякомъ, затѣмъ съ Кантомъ и Викторомъ Кузенномъ; лучшіе годы своей жизни употребилъ на произведеніе историческихъ сочиненій, весьма высокаго достоинства. Я не говорю уже объ его переводахъ Цицерона и Гёте, къ которымъ онъ одно время пристрастился. Но во всѣ эти различныя занятія онъ вносилъ одно и то же чувство наслажденія открывать новые горизонты, новые кругозоры для своей наблюдательности. Кромѣ того, онъ имѣлъ гибкій и рѣдкій талантъ скрывать подъ плѣнительнымъ остроуміемъ болѣе серьезныя качества. Онъ родился академикомъ. Въ 1847 году, когда онъ занялъ въ институтѣ кресло Ройе-Коллара, его вступительная рѣчь имѣла громаднй успѣхъ, и въ теченіи двадцати-пяти лѣтъ онъ былъ од нимъ изъ усерднѣйшихъ академикомъ, никогда не пропускаая ни одного засѣданія: всегда улыбающійся и довольный являлся онъ въ средѣ своихъ сотоварищей.

Политическая дѣятельность де-Ремюза можетъ быть еще характеристичнѣе. Въ очень ранней молодости, сойдя со школьной скамьи онъ зачислился въ ряды доктринеровъ и вступилъ въ борьбу съ рестаураціей, подъ знаменами Гизо. Но послѣдній былъ черезъ-чуръ непреклоненъ для такого подвижнаго ума, каковымъ былъ Ремюза

дно искавши новыхъ истинъ. Онъ, впрочемъ, испытывалъ необходимость не въ господствѣ, но въ другѣ, съ судьбой котораго онъ могъ бы связать свое счастье. Это была одна изъ роковыхъ потребностей его сложнаго темперамента, слишкомъ втянувагоса въ науку, чтобъ желать дѣятельности, и слишкомъ дѣятельнаго по природѣ, чтобъ совсѣмъ запереться въ кабинетѣ. Впрочемъ, онъ иногда забывалъ о собственномъ существованіи. Ему нуженъ былъ союзникъ, который бы все видѣлъ кругомъ и шелъ впередъ, не опуская головы. Словомъ, онъ предпочиталъ второе мѣсто, что избавляло его отъ случайнаго труда наблюдать постоянно надъ почвой, на которую приходится ступать. Тьеръ занялъ мѣсто руководителя, котораго онъ откидывалъ. Я уже сказалъ, что едва они встрѣтились, какъ Ремюза сошелся съ нимъ, проникся имъ, никогда не измѣнилъ ему и всюду слѣдовалъ за нимъ. Впрочемъ, онъ сохранилъ свою личность, продолжалъ свои литературные труды, выступалъ только по собственному усмотрѣнію; но когда онъ выступалъ, то всегда находился или по правую, или по лѣвую сторону рядомъ съ Тьеромъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ совершилъ революцію 1830 года, поддерживалъ Луи-Филиппа, подавалъ голосъ противъ либеральныхъ идей, потомъ перешелъ въ оппозицію и ниспровергъ монархію, воздвигнутую его же руками; онъ вмѣстѣ съ нимъ испугался въ 1848 году своего дѣла, испутился отъ него, смѣшался съ противниками республики; за тѣмъ боролся противъ принца Луи, подвергся ссылкѣ послѣ перерыва 2-го декабря и дулся въ продолженіи двадцати лѣтъ на имперію. Вмѣстѣ съ нимъ, наконецъ, онъ появился снова на сценѣ, послѣ нашихъ бѣдствій, и величаво посвятилъ себя спасенію страны. Эта длинная карьера краснорѣчиво объясняетъ, что за чело-вѣкъ былъ де-Ремюза. Онъ во всемъ соблюдалъ середину, не вдаваясь никогда ни въ какія крайности; онъ обладалъ тѣмъ равновѣсіемъ ума, которому противны всякія увлеченія. Два раза завоевавъ свободу, онъ испугался ея и употребилъ все усилія, чтобы снова ея. И въ этой чертѣ проглядываетъ опять академикъ, охотникъ до раснаго изложенія, остроумный, тонкій и безукоризненный, но на котораго неприятно дѣйствуетъ уличный шумъ. Замѣтьте, что умомъ онъ все понимаетъ и все донускаетъ, но вслѣдствіе темперамента онъ держится принциповъ высокорожденныхъ людей; признавая свободу и духъ времени, какъ философъ и историкъ, онъ тѣмъ не менѣе желаетъ жить спокойно въ той высшей средѣ, въ которой выросъ.

Въ послѣдніе годы, де-Ремюза выпала на долю прекрасная роль. Политическая карьера, казавшаяся уже оконченной, подарила его славнымъ подвигомъ, который не забудется исторіею. Въ тотъ грозный моментъ, когда Тьеръ былъ избранъ президентомъ республики, онъ

немедленно вспомнилъ о своемъ другѣ и предложилъ ему гдѣто посланника въ Вѣнѣ. Но Ремюза отказался. Позднѣе, онъ согласился принять портфель иностранныхъ дѣлъ только послѣ многократныхъ повторенныхъ просьбъ и вслѣдствіе прямого обращенія къ его патриотизму. И тутъ-то онъ оказалъ дѣйствительно великія услуги странѣ и содѣйствовалъ во многомъ быстрому освобожденію территорій. Въ рѣчи, произнесенной на его могилѣ Жюлемъ Симономъ, его сотоварищемъ по министерству, находятся знаменательныя указанія на эти обстоятельства. „Въ то время, когда публика, равно склонная къ отчаянію и надеждѣ, думала, что миръ уже обезвеченъ, важной часъ, каждая минута приносили новыя случайности, способныя все испортить. Все, приобретенное путемъ упорныхъ усилій, могло разрушиться отъ малѣйшаго усложненія. Приходилось начинать снова переговоры на иныхъ основаніяхъ, находить всякій разъ для новаго затрудненія новую поправку, скрывать отъ публики свои неудачи, свои обасы, чтобы не повергнуть ее въ отчаяніе; при этомъ приходилось еще выносить несправедливыя упреки со стороны незнающихъ и наконецъ говорить отъ имени побѣжденной и въ то время занятой непріятельскими войсками Франціи такимъ языкомъ, котораго бы и могли устыдиться ни страна, ни ея будущее“. Извѣстно, съ какою усѣхою де-Ремюза выполнилъ эту трудную задачу. Онъ сошелъ въ могилу, увѣнчанный ореоломъ своего великаго дѣла.

Поприще этого свободнаго мыслителя должно было замкнуться республиканизмомъ. Онъ послѣдовалъ за Тьеромъ до конца. Оди коже, мы сказали бы ложь, приписывая ему энтузіазмъ и увѣри что онъ привѣтствовалъ республику съ пыломъ двадцатилѣтняго любовника. Онъ былъ черезъ-чуръ скептиченъ, слишкомъ глубоко разочарованъ долгою жизнью и анализомъ, чтобы воспламениться к какой бы то ни было формѣ правленія. Кромѣ того, онъ невольн сохранилъ сожалѣнія о либеральной монархіи, бывшей нѣкогда предметомъ его мечтаній. Онъ посвятилъ труды свои на пользу республики по благоразумію, въ силу логики, не видя другого исхода. Монарх умерла, имперія страшила его, а быть можетъ, въ обращеніи е участвовала опять-таки любовь къ новымъ путямъ, властвовавши надъ нимъ во все продолженіе его жизни. Самая великая похвала которой можно почтить его, заключается въ томъ, что даже противники отнеслись къ его памяти съ уваженіемъ. Во всѣхъ партіяхъ кончина его вызвала одни приличные отзывы. Можно было упрекнуть его за нѣкоторые политическіе промахи, за скромность, за второстепенную роль, которой онъ старательно держался позади Тьера за окончательное отсутствіе оригинальности. Но онъ былъ неизмѣнн добръ, и этого оказалось достаточно, чтобы оградить его гро

отъ тѣхъ комковъ грязи, отъ которыхъ не изъяты часто самыя благородныя могилы во время политическихъ свалокъ.

Я видѣлъ Тьера у гроба его друга, въ церкви Мадлены. Онъ былъ очень потрясенъ. Онъ не могъ провожать покойника до кладбища, силы измѣнили ему, руки его дрожали. Ремюза былъ старше Тьера однимъ или двумя годами, никакъ не болѣе. Какъ я уже замѣтилъ, эти похороны кажутся похороннымъ звономъ цѣлаго поколѣнія. Изъ него остается только два или три знаменитыхъ представителя.

Между ними стоитъ еще одинъ во весь ростъ, безъ малѣйшаго старческаго дрожанія. Ему семьдесятъ-три года, а онъ сохраняетъ весь огонь двадцати лѣтъ. Я говорю о Викторѣ Гюго. Я не могу отдать себѣ отчета, почему я испытываю непобѣдимое желаніе заговорить о немъ здѣсь, и указать на него, какъ на патріарха мощнаго поколѣнія начала нынѣшняго столѣтія. Никто изъ друзей не видывалъ его больнымъ. Онъ вынесъ горе схоронить жену, своихъ сыновей, все свое семейство. Ежедневно онъ провожаетъ на кладбище кого-нибудь изъ друзей и идетъ пѣшкомъ за гробомъ, подставляя непокрытую голову солнечному зною или дождю. Онъ точно вызываетъ смерть, какъ тѣ могучіе дубы, о твердую кору которыхъ разбиваются топоры дровосѣковъ. А что за жизнь выпала на его долю! Въ Парижѣ онъ былъ царемъ литературы; въ области искусства боецъ и побѣдоносный завоеватель; пооднѣе, онъ вступилъ въ борьбу съ императоромъ, засѣлъ на утесъ, выжидая его смерти, похоронилъ его и вернулся въ Парижъ триумфаторомъ. Теперь онъ снова переживаетъ свою молодость. Онъ опять владычествуетъ надъ литературой. Царить онъ въ улицѣ Клиши, въ обширномъ помѣщеніи, которое занимаетъ. Каждое воскресенье вечеромъ принимаетъ онъ свой дворъ, всѣхъ юныхъ поэтовъ, которые приближаются къ нему не иначе какъ съ трепетомъ. Это настоящее возвращеніе весны, продолженіе прежнихъ знаменитыхъ вечеровъ Place-Royale, когда вся наличная литература дежурила въ его передней.

Викторъ Гюго работаетъ все также усердно, какъ будто его репутация была еще не установлена. Его приближенные говорятъ, что у него въ рукописяхъ хранится еще болѣе томовъ, чѣмъ насчитывается его изданныхъ произведеній. Говорятъ, тамъ есть нѣсколько драмъ, съ поль-дюжинны романовъ и масса стихотвореній. Въ настоящее время онъ ованчиваетъ продолженіе къ своей восхитительной *Légende des siècles*. Кромѣ того, онъ пишетъ большое сочиненіе: *Les quatre vents de l'esprit*, раздѣляющееся на четыре слѣдующіе отдѣла: *Le vent du drame*, *Le vent de l'épopée*, *Le vent de la comédie* и *Le vent de la satire*. Онъ встаетъ съ разсвѣтомъ и, выкупавшись

въ холодной водѣ, запирается и не выходитъ изъ своей рабочей комнаты вплоть до полудня. Послѣ полудня онъ правитъ корректуру, дѣлаетъ замѣтки и занимается до вечера. Быть можетъ, онъ обязанъ этой суровой гигиенѣ своимъ несокрушимымъ здоровьемъ. Во всемъ Парижѣ нельзя отыскать болѣе занятаго человѣка, болѣе ярваго писателя, упорно воздвигающаго ежедневно, камень за камень, свой литературный памятникъ славы. Онъ преспокойно говоритъ о громадныхъ сочиненіяхъ, которыя рассчитываетъ предпринять.

Въ воскресные вечера поэтъ читаетъ своимъ поклонникамъ вновь оконченные стихи. У него сохранился звучный голосъ, читаетъ онъ съ нѣкоторымъ пафосомъ, но съ величайшимъ достоинствомъ. На другой день по Парижу разносится вѣсть, что Викторъ Гюго прочелъ новое стихотвореніе. Вокругъ него продолжаетъ горѣть много восторговъ и обожанія. Если его крайнія политическія убѣжденія возбуждаютъ противъ него какъ человѣка сильныя негодованія и явы насмѣшки, за то всѣ безъ изыатія преклоняются передъ писателемъ. Онъ уже пользуется апофеозомъ потомства, продолжая свою творческую дѣятельность. Ламартинъ впалъ въ дѣтство, Миссе умеръ пьяный, надъ Вальзакомъ разразился ударъ въ самомъ полномъ разгарѣ его генія. Одинъ Викторъ Гюго устоялъ невредимъ, безъ малѣйшаго ослабленія умственныхъ способностей, бодрый, юный и могучій. Когда наступитъ смерть, она застигнетъ его съ перомъ въ рукахъ и, конечно, дастъ ему время придумать послѣднюю рѣчь, прежде чѣмъ унесетъ его.

II.

Память о жертвахъ живетъ не долго. Уже забываютъ Ремюза и все еще продолжаютъ говорить о *Сальваторѣ*. Безъ сомнѣнія, ничто такъ не занимало Парижъ въ этотъ мѣсяцъ какъ *Сальваторъ* и де-Ремюза. *Сальваторъ* — лошадь, получившая первый призь на послѣднихъ скачкахъ.

Во время царствованія Лудовика XVI нѣкоторые молодые вельможи придумали устроить лошадиную скачку въ равнинѣ Sablonville. Эта забава не принялась, несмотря на то, что королевѣ Маріи-Антуанеттѣ она, повидимому, пришлась по вкусу. Такова была первая попытка ввести во Франціи скачки. Воже! какъ мы далеко ушли нынѣ отъ этого скромнаго начинанія. Въ настоящее время скачки волнуютъ Парижъ такъ же, какъ онѣ волнуютъ Лондонъ. Съ тѣхъ поръ, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ герцогъ Моринъ учредилъ большой призь, съ цѣлю открыть международное ристалище, гдѣ

бы французскія лошади могли состязаться съ англійскими, пристрастїе публики въ этому зрѣлищу, съ году на годъ, все болѣе и болѣе усиливается. Воскресенье, въ которое назначается скачка на большой призъ, сдѣлалось днемъ народнаго праздника. Лавки закрываются, улицы пустѣютъ и всѣ экипажи города направляются къ Булонскому лѣсу. Съ одиннадцати часовъ утра становится уже положительно невозможнымъ добыть малѣйшую таратайку, а въ аллеяхъ, окружающихъ гипподромъ, встрѣчаются самые поразительные экипажи, кабріолеты, вышедшіе изъ употребленія, повозки для перевозки мебели, наполненные народомъ, даже простыя телѣги, въ которыхъ стоятъ дамы. Я уже не говорю о волненіи, охватывающемъ весь Парижъ. Кто выиграетъ призъ, французская или англійская лошадь?—вотъ животрепещущій вопросъ, сообщающій городу совершенно особую фizioномію. Вообразите себѣ Парижъ безмолвнымъ, задумчивымъ, подъ палящими лучами іюньскаго солнца, Парижъ, расфранченный по-праздничному, съ лихорадочнымъ пульсомъ двойнаго опьяненія шампанскимъ и азартной игрой, говорящій шепотомъ, какъ въ игорномъ домѣ, до той секунды, пока неистовое „браво“ не загрохочетъ отъ Булонскаго лѣса до Тюльери, и пронесется по всей волнѣ экипажей, спускающейся по Елисейскимъ полямъ.

Начиная съ девяти часовъ утра, цѣлыя семейства отправляются въ путь. Эта настоящая поѣздка за-городъ. Берутся короба съ провизіей; около полудня, утомясь отъ шатанья по лѣсу, выбираютъ гдѣ-нибудь укромное мѣстечко въ тѣни, на границѣ круга, и приступаютъ къ завтраку. Мужчины снимаютъ сюртуки и остаются въ жилетахъ, барыни расправляютъ юбки, чтобы прикрыть ими ноги. Это очень весело. Трава служитъ скатертью. Куда ни взгляни, модъь всѣми деревьями, въ нѣжныхъ тайникахъ листвы, всюду только и видишь, что людей, занятыхъ ѣдой. Нѣсколько тысячъ буржуазныхъ семействъ лежатъ въ растяжку за десертомъ, гогоча раскатыстымъ смѣхомъ въ то время, какъ пробки съ пивныхъ бутылокъ летать съ шумомъ pistolетныхъ выстрѣловъ. И тутъ же молодья и красныя женщины, протанувшия на животѣ, въ своихъ свѣтлыхъ платячкахъ, наслаждаются прохладой, обѣивающей ихъ плечи; рядомъ ребятишки, наѣвшись сластей до отвала, спятъ модъь открытымъ небомъ. Отцы, въ ожиданіи открытія бѣга, играютъ вдоль дорожекъ въ пробку. Такъ потѣшается публика мелкихъ торговцевъ, мелкихъ рентьеровъ, словомъ, всѣ, располагающіе посвятить цѣлый день удовольствію.

Къ полудню начинаетъ прибывать настоящая толпа. По всѣмъ аллеямъ двигаются сплошныя массы народа. Одни доставляются

сюда желѣзными дорогами, другіе пріѣзжаютъ въ омнибусахъ, въ лодкахъ, наконецъ приходятъ пѣшкомъ. Плещутся мелкимъ шагомъ изъ-за двухъ лѣ, фланируя по окрестностямъ и наслаждаясь малѣйшими дорожными приключеніями. Между тѣмъ потокъ экипажей все прибываетъ; коляски, кареты, фіакры и повозки для перевозки мебели въ перемежку, по-братски, катятся рядомъ. Въ теченіи двухъ часовъ слышится постоянный гулъ колесъ, точно морской приливъ затопляетъ мало-по-малу все обширное поле. Вокругъ пустого гипподрома тѣснится толпа, а за ней до тридцати рядовъ экипажей обрамляютъ ристалище. Болѣе ста тысячъ зрителей толпятся подъ знойнымъ солнцемъ на этой пространной равнинѣ, которая представляетъ собой гигантскій, копошащійся муравейникъ, усѣянный черными точками, между которыми тамъ-и-сямъ выступаютъ свѣтлыя пятна, или яркимъ пятномъ блеститъ какой-нибудь женскій уборъ.

Подмостки переполнены такъ, что того и глади подломятся. Весь оффиціальнй міръ находится на лицѣ: тутъ и маршалъ Макъ-Магонъ, министры, депутаты, словомъ—всѣ сановники. Дамская галерея пестрѣетъ, какъ цвѣтущая клумба, своими шляпками, которыя въ нынѣшнемъ году мода украшаетъ самыми видными цвѣтами.

Красныя розы, красныя маки и красная герань пользуются особеннымъ благоволеніемъ. Эти огромные деревянные бараки, повышающіеся ступенями и унизанные рядами головъ, какъ луковичами, имѣютъ самый странный видъ издали посреди обширнаго горизонта. Туалеты исчезаютъ, видны только бѣловатые круги лицъ на пестромъ фонѣ голубыхъ, желтыхъ, зеленыхъ и розовыхъ пятенъ. Нѣсколько лентъ развѣваются по вѣтру. Напряженная жизнь, свѣтящаяся изъ всѣхъ этихъ глазъ, струится изъ этой человѣческой смѣси; вое-гдѣ военный мундиръ горитъ золотой искрой.

За амфитеатромъ, лихорадочная толпа толчется около входа въ площадкѣ съ вѣсами. Это и есть самое святилище скачки. Я пронижаю туда съ тренетомъ. Языкъ, которымъ говорится тутъ, уснащенъ весь англійскими словами и недоступенъ для пониманія непосвященныхъ. Конюхи, жокеи и спортсмены прохаживаются, важно разговаривая шопотомъ между собой. Спорять о достоинствахъ скакуновъ, въ то время какъ book-makers выкрикиваютъ цѣны состоявшихся пари на каждаго изъ состязующихся. Гамъ растетъ до неимоверныхъ размѣровъ. Держащіе пари съ разинутыми ртами и лихорадочными движеніями пускаютъ кавіа-то варварскія слова въ мирную высь голубого неба.

На лугу, впрочемъ, шумъ имѣетъ болѣе игривый характеръ. Во всѣхъ экипажахъ распивается шампанское, чтобы умѣрить нетерпѣ-

ніе. Даже опорожняютъ корзины, раскупориваютъ бутылки. Нѣсколько женщинъ влѣзло на скамьи и, стоя со стаканомъ въ рукахъ, смѣются и посылаютъ поклоны вдаль другимъ женщинамъ, поднимая высоко свои ставаны, въ которыхъ солнце зажигаетъ искры. Въ то же время, господа въ лайковыхъ перчаткахъ, съ розетками въ петлицахъ, пробираются между колесъ, чтобы подойти къ дамамъ съ своими привѣтствіями. Развѣваются вуали, шлейфы бьютъ по шеямъ лошадей, звенить смѣхъ. Веселье разливается кругомъ съ легкимъ оттѣнкомъ безстыдства, и вся эта пирушка подъ открытымъ небомъ принимаетъ нѣсколько сомнительный тонъ. Довольно трудно отличить здѣсь порядочныхъ женщинъ отъ непорядочныхъ: онѣ пьютъ тѣ же вина, обмѣниваются поклонами съ одними и тѣми же мужчинами и носятъ одинаковые туалеты.

Прекрасный предлогъ всего этого: улучшение конной породы. Что за уморительная мистификація! Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ учрежденъ большой призъ, а позаботился ли кто-нибудь удостовѣриться, улучшило ли это или нѣтъ коннозаводство? А во имя этого улучшения двѣсти или триста тысячъ человѣкъ суетятся, женщины напяливаютъ на себя двухъ-тысячные туалеты, выпивается нѣсколько тысячъ бутылокъ шампанскаго и проигрываются или выигрываются миллионы. Что же, не вполне ли достаточно, чтобы праздникъ, честный или безчестный, носилъ приличный ярлыкъ? Благодаря пресловутому улучшенію, скачки составляютъ благородную забаву, на которой присутствіе официального міра совершенно уместно. А между тѣмъ, несомнѣнно, что въ этотъ день Лонпанская площадь превращается въ чудовищный игорный домъ, въ величину кубическаго километра. Игра, преслѣдуемая въ парижскихъ трущобахъ, тутъ является среди бѣлаго дня и ликуетъ съ неудержимой наглостью. Весь этотъ сбѣжавшійся людъ, всѣ эти скромные пѣшеходы, всѣ эти элегантные франты, прѣбывшіе въ коляскахъ — игроки. Мужчины играютъ, женщины играютъ. Пьющіе пиво и пьющіе шампанское, даже пьющіе чистую воду—всѣ тоими одинаковой жадной игры. Надъ всѣмъ этимъ народомъ носится одна и та же страсть, и эту страсть колышетъ вѣтеръ надъ всѣми этими потными лбами, горящими подъ зноемъ двухчасоваго припека.

Наконецъ, скачка на большой призъ началась. Въ два приѣма лошади заскакивали. Но, вотъ, сигнальщикъ опустилъ свой флагъ, и лошадей спустили на кругъ. Всѣ притаили дыханіе. Дамы взираются на козлы и оттуда смотрять, стоя; пѣшеходы лѣзутъ на колеса сосѣднихъ экипажей, мужья сажаютъ себѣ женъ на плечи. Въ ложахъ анфитеатра блѣдными пятнами лица принимаютъ каменную неподвижность. Только-что гудѣвшая толпа превращается въ мертвую.

Но вѣдь это и не мудро: деньги зрителей летать въ облакѣ пыли, поднимаемой лошадиными копытами. По мѣрѣ того, какъ вихрь животныхъ несется вокругъ гипподрома, блѣдная толпа вытягиваетъ шею и слѣдитъ за красными куртками жокеевъ. Затѣмъ, когда лошади приближаются къ столбу и шансы выясняются, игроки выходятъ изъ оцѣпенѣнія и сердито выкрикиваютъ подавленные слова. Такъ и кажется, что они хотятъ подогнать бѣгущихъ, то вскакивая руками вверхъ, то громко повторяя имя лошади, несущей ихъ счастье. Нѣкоторые даже хлещутъ воздухъ, подгибаютъ ноги, повачиваются, какъ будто сами сидятъ верхомъ на спинѣ скакуна. На минуту волненіе достигаетъ степени настоящаго умопомѣшательства, которое разомъ овладѣваетъ этими двумя или тремястами тысячъ головъ. Раскрытые рты испускаютъ бессознательные звуки, слышатся глухія ворчанья и нервные взрывы хохота, покаянаго на рыданія. И внезапно, въ самомъ разгарѣ этого напряженія, изъ всѣхъ устъ вырывается колоссальный возгласъ и обѣгаетъ толпу, какъ порывъ урагана. Шляпы летятъ вверхъ, руки машутъ по воздуху, по всему протяженію равнины. Женщины махаютъ зонтиками. Сначала нельзя ничего разобрать изъ этого стона голосовъ, перекрещивающихся въ воздушныхъ волнахъ. Наконецъ, отдѣляется слово, имя французской лошади: *Сальваторъ! Сальваторъ! Сальваторъ!* Французская лошадь взяла большой призъ.

Въ нынѣшнемъ году, борьба между Франціей и Англіею представляла особенный интересъ. Скачки на большой призъ происходили, какъ я уже упомянулъ, въ двѣнадцатый разъ. Франція насчитывала шесть побѣдъ, на сторонѣ же Англіи было ихъ пять. Вопросъ заключался въ томъ, будетъ ли установлено равновѣсіе или Франція удастся окончательно восторжествовать надъ своей могущественной соперницей. Торжество вышло полное, превышающее всѣ ожиданія. *Сальваторъ* пришелъ первымъ. Вторымъ—*Момо*, третьимъ *Пертлексъ*; затѣмъ слѣдовали еще три французскія лошади: *Сен-Сиръ*, *Рабасъ* и *Пенсакола*. Наконецъ седьмымъ прискакалъ англійскій жеребецъ *Сеймуръ*. Присутствовавшіе на бѣгахъ англичане могли только поздравлять плечами подъ тяжестью такой неудачи. Нужно прибавить, что высланныя Англіей въ нынѣшнемъ году лошади были не особенно опасные соперники. Толпа скоро поняла легкость одержанной побѣды и стала выражать свой восторгъ нѣсколько тише.

Наконецъ, къ четыремъ часамъ совершилось самое блестящее возвращеніе со скачекъ, какого уже не бывало со временъ имперіи. Даже въ годъ выставки, въ 1867, видъ развѣда по Елисейскимъ полямъ не былъ торжественнѣе. Экипажи ѣхали въ четыре ряда вдоль всей аллеи и были такъ многочисленны, такъ близко тѣсни-

лись одинъ къ другому, что могли подвигаться только шагомъ. Нѣкоторыя изъ дамъ прищипали въ груди черныя съ краснымъ банты въ честь побѣдившаго коннаго завода. Звонкіе переливы смѣха слышались изъ экипажей, прилипчивая веселость бѣгала вдоль длиннаго поѣзда, вдоль этого движущагося полотна, несшаго въ своихъ изгибахъ всю роскошь Парижа. Между тѣмъ на тротуары, по обѣ стороны аллеи, другая публика любопытныхъ высыпала посмотрѣть на это зрѣлище. Подъ деревьями боковыхъ аллей въ три ряда возсѣдали дамы, выставлявшія на показъ нныя туалеты, нныя кружева и нныя украшенія, въ то время, какъ косые лучи заходящаго солнца обдавали нижнія вѣтви деревьевъ пурпурными и золотыми полосами, которыя волыкались, какъ знамена, въ вечернемъ воздухѣ. Торжествующій Парижъ возвращался домой, какъ нѣкогда побѣдоносный Римъ вступалъ въ Римъ среди возгласовъ народа.

Но подъ всѣмъ этимъ великолѣпнымъ язва продолжаетъ существовать; эта язва—ожесточенная игра. Рана прикрыта, но отъ этого она не менѣ отвратительна. Труднѣе всего понять, почему правительство, преслѣдующее безпощадно игорные дома, допускаетъ явное грабительство свачекъ. Ежедневно газеты сообщаютъ, что полицейскимъ комиссаромъ произведенъ обыскъ то того, то другого глухого кабака, причемъ накрыто имъ съ полдюжины мошенниковъ, голодныхъ бѣдняковъ, полуживыхъ отъ всякихъ лишеній. Какая польза отъ такихъ мѣръ, если рядомъ съ ними, въ извѣстный день, Ломанскій лугъ превращается въ зеленое поле, въ присутствіи и подъ покровительствомъ всѣхъ властей страны! Я знаю, что судебная власть еще недавно возбудила преслѣдованіе противъ агентуръ взаимныхъ парі и присудила ихъ къ закрытію. Но вѣдь это оказывается пустою игрой словъ, которою невозможно удовлетворить абсолютную нравственность. Всѣ знаютъ отлично, что заключаются парі на громадныя суммы, и что скачки служатъ исключительно предлогомъ для колоссальной лотереи. Сколько людей разоряются на эти парі, точно также, какъ и въ рулетку; только тутъ все прикрыто знаменитымъ ярыкомъ: улучшение конской породы. О, лицемѣріе честныхъ вывѣсокъ!

Возвращаясь со свачки въ прошедшее воскресенье, мнѣ невольные вспомнились вечеръ, проведенный мною въ игорномъ домѣ, куда я ковалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я полюбостествовалъ взглянуть на одинъ изъ этихъ притоновъ, которыми кишитъ Парижъ, и попросилъ пріятеля свести меня туда. Тотъ, который ны посѣтили, находился въ улицѣ Серпантъ, въ Латинскомъ кварталѣ. Входъ былъ устроенъ черезъ овощную лавочку, тѣсную, грязную, вонючую, гдѣ нѣсколько кочановъ салата и канусты лежало на пыльных полкахъ.

Слова, послужившія намъ входнымъ билетомъ и сказанныя на ухо моимъ пріятелемъ старухѣ, шелушившей въ углу горохъ, заставили меня улыбнуться. Онъ спросилъ ее: „Есть ли у васъ подслащенный шпинатъ?“ А она отвѣчала: „конечно, войдите“. Черезъ стеклянную дверь, находившуюся по-ту сторону лавочки, мы вышли на узкій дворикъ, похожій на колодезь. Бѣлесоватый свѣтъ спускался съ крышъ, запахъ помоевъ, плѣсени и нечистоплотной нищеты поднимался съ мостовой.

Пріятель мой подошелъ къ круглой двери, нѣчто въ родѣ двери погребца, находившейся подлѣ водочачальни. Онъ указалъ мнѣ гвоздь, который надобно было выдернуть, чтобы отворить дверь. Сойдя съ нѣсколькихъ ступенекъ, мы очутились передъ второй дверью. Здѣсь пришлось позвонить. Появился какой-то высокой верзила, и, наконецъ, мы были впущены. Отъ второй двери скользкія ступени подвала были покрыты ковромъ, придержаннымъ на каждомъ уступѣ мѣдными прутьями. Стѣны были обтаныты кретономъ съ большими голубыми разводами, и подземелье, какъ альковъ, освѣщалось нѣжнымъ свѣтомъ, пропускаемымъ матовыми стеклами лампъ. Все било на таинственность и должно было казаться заманчивымъ юнымъ негодяемъ, прибывающимъ изъ провинціи въ Парижъ, съ цѣлью „побѣситься“.

Внизу находилось два салона, т.-е. подвалы со сводами, обтанытые такимъ же голубымъ кретономъ. Ничѣмъ незаслоненный свѣтъ двухъ маленькихъ люстръ здѣсь изобличалъ пятна и изъяны всей этой двусмысленной роскоши. Кресла лоснились, диваны были покрыты каплями застывшаго стеарина и круглыми дырками, прожженными отъ папиросъ. Но кому было дѣло до всего этого? Находитесь въ подвалѣ, ступать по коврамъ — вотъ въ чемъ состояла главная крестость, вотъ верхъ фантастичности. На столахъ звенѣло золото, на диванахъ привѣтливо смѣялись женщины. О, мечты юности, мечты, рождающіяся при чтеніи Байрона и Мюссе и приводяція въ улицу Серпантъ въ подвалъ овощной торговли, мебелированный обносками дома терпимости!

Пріятель мой былъ знакомъ съ мѣстной публикой. Шайка шулеровъ обнищала тутъ студентовъ-первокурсниковъ; проходимцы-шутлера, искатели золотого руна, были красивые мужчины. Одинъ итальянецъ, напомаженный, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, велъ крупную игру. Два другихъ господина, гладко выбритые, съ почтенной осанкой и представительностью, загребали золото съ добродушнымъ видомъ. Одинъ изъ нихъ нюхалъ и сморкался съ чисто-буржуазнымъ блаженствомъ. Но болѣе всѣхъ поразилъ меня хозяинъ дома. Онъ не игралъ. Онъ принималъ игроковъ, какъ будто давалъ настоящий вечеръ, въ настоящемъ салонѣ. Это былъ маленькій человѣчекъ, сладкорѣчивый

имъ пономарь, вѣжливый до крайности, съ невиннѣйшимъ видомъ, который казался и не догадывался, что у него происходитъ игра. Онъ былъ обязанъ процвѣтаніемъ подвала своему утонченному обхожденію.

Что касается публки, то она состояла изъ вѣчныхъ элементовъ, которыми наполняются игорные дома. Все мальчики, только-что со-считавшіе съ школьной скамьи и жаждущіе наслажденій. Я замѣ-лялъ одного провансальца, который съ упоеніемъ говорилъ о мар-сельскихъ женщинахъ, другого, уроженца Пикардій съ насмѣшливой любовью, и еще юношу изъ Бордо, восхищеннаго окружающей рос-кнью. Эта молодежь предпочитала игорный домъ кафе, имъ здѣсь было привольнѣе, и я готовъ побожиться, что не одинъ изъ нихъ испыталъ сладостный трепеть, обращаясь къ старухѣ съ вопросомъ: „есть ли у васъ подслащенный шпинать?“ Кромѣ того, сюда манили ихъ женщины. Конечно, онѣ были такія же, какъ тѣ, которыхъ они встрѣчали ежедневно на тротуарахъ. Но здѣсь, въ этомъ подзе-мьѣ, полулежація на диванахъ, онѣ принимали какой-то адскій отблескъ. Онѣ олицетворяли собой зло, соединяя въ себѣ распут-ство и игру; это были демоны, преслѣдуемые полиціей, и въ обще-ствѣ которыхъ становилось обворожительно попасть въ тюрьму.

Вдобавокъ, эта труппа была свидѣтельницей драмы. Пріятель рассказывалъ мнѣ, что одинъ юноша, болѣе романтической, чѣмъ осталь-ные, покусился здѣсь на самоубійство. Онъ выстрѣлилъ себѣ въ горло, но, по счастью, оторвалъ только кончикъ лѣваго уха. Но кровь была пролита и оставила темное пятно на кончикѣ кресла; хозяинъ, вѣроятно, догадался не выводить его. Эта кровь придавала еще болѣе моническаго колорита его дому и увеличивала впечатлѣніе нович-ковъ. Пятно было и мнѣ показано. Суевѣрные игроки увѣрили, что они всегда выигрываютъ, когда сидятъ на креслѣ самоубійцы.

Эксплуатація велась тутъ по всѣмъ правиламъ. Хозяинъ давалъ студентамъ деньги взаймы за огромные проценты. Онъ наводилъ справки и бралъ векселя только тѣхъ мальчиковъ, родные которыхъ имѣли видимыя имуществы. Этотъ почтенный негодяй потер-пѣлъ переворотъ въ своемъ благосостояніи, благодаря внимательству полиціи, которая сдѣлала обыскъ въ его подвалѣ. Нѣсколько мѣся-цевъ спустя послѣ моего посѣщенія я узналъ, что одна женщина донесла на него за то, что онъ отказалъ дать ей взаймы пять франковъ.

Быть можетъ, было бы лучше официально разрѣшить игру во франціи. Намъ въ толпы на скачкѣ свидѣтельствуетъ, что недугъ уже неизлечимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что скрытый порокъ развивается подъ тѣмъ запрещеннаго порока. Законы противъ страстей тоже,

что оружія безъ рукоятей: ими нельзя дѣйствовать. Они походятъ въ кодексѣ въ качествѣ пугаль. Мало-по-малу, по примѣру воробьевъ, которые кончаютъ тѣмъ, что садятся на чучель, навѣшанныхъ на вишневые деревья, люди осѣдываютъ законъ и скачутъ на вѣкъ по запретному раю. Порокъ въ человѣкѣ какъ потъ: какъ ни беи, онъ неизбѣжно долженъ выступить наружу.

Одинъ остроумный юноша, охотникъ до парадоксовъ, сообщилъ мнѣ полный проектъ устройства новаго общества, основанный на законномъ и уравненномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей и страстей. Онъ увѣрялъ, что зло исчезнетъ съ того дня, когда человечество пресытится. По его мнѣнію, зло есть только голодъ и жажда, превратившіеся въ ожесточеніе, вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго воздержанія. Тотъ, кто будетъ пить и ѣсть, будетъ добрѣ. Эта шутка остроумнаго юноши часто заставляла меня содрогаться.

III.

Какъ только скачки оканчиваются, Парижъ пустѣетъ. Гостиницы закрываются и встрѣчаешь на каждомъ шагѣ кареты, навьюченные чемоданами, направляющіяся къ желѣзно-дорожнымъ дебаркадерамъ. Въ былыя времена только очень богатые люди могли лѣтомъ уѣхать изъ Парижа. Самыя небольшія путешествія стоили дорого и требовали значительныхъ приготовленій. Но теперь передвиженія совершаются съ такой легкостью, что нѣтъ того буржуазнаго семейства ни того чиновничьяго хозяйства, которые бы не проводили частію лѣтняго сезона на какомъ-нибудь морскомъ побережьи или на канихъ-либо водахъ. Замѣтимъ, что и мода много тому содѣйствовала. Считается признакомъ дурного тона проводить дома жаркій сезонъ. Однако же въ нынѣшнемъ году отъѣзды затянулись по милости мурого расположенія духа небесъ, которыя послѣ роскошнѣйшаго и соблаговолили побережью намъ ужасающій июнь. Началось съ страшной бури, о свирѣпости которой деревья нангихъ садовъ и наши дымовыя трубы долго будутъ помнить; въ нѣсколько секундъ весь народъ былъ усѣянъ обломками вѣтвей и штукатурки. Затѣмъ воли дождь, который въ нѣсколько пріемовъ возобновлялся съ необыкновенной силой; всякій часъ приносилъ съ собою маленькій потопъ. И въ виду этого, всѣ, уложившіе уже свои чемоданы, предусмотрители снова разложили бѣлье свое по шкафамъ и стали выжидать солнечнаго свѣта. Что за радость ѣхать забыть на лово природы въ такую сырость. Одинъ изъ друзей моихъ, уѣхавшій слишкомъ торопливо пишеть мнѣ изъ нормандскаго захолустья, въ которое онъ забралъ

что онъ съ утра до вечера занимается сожиганіемъ дубовыхъ стволовъ, и все-таки не можетъ согрѣться, потому что въ нашихъ деревьяхъ ни двери, ни окна не запираются, а камни имѣютъ въ большей части случаевъ обыкновеніе дымитъ. Слѣдовательно, теперь всѣмъ уже полагалось бы выѣхать изъ Парижа, а между тѣмъ отъѣздъ не состоялся. Это придаетъ городу видъ тревожной скуки. Вообразите себѣ цѣлое народонаселеніе, которое вдругъ, по какой бы то ни было причинѣ опоздало на поѣздъ и зѣваетъ въ желѣзно-дорожной станціонной заглѣ.

Между тѣмъ нельзя пожаловаться на скудость событій. Пища для впечатлѣній является безпрестанно. Этотъ мѣсяцъ особенно щедръ на развлеченія. Не успѣла почва гипподрома остыть отъ свачекъ, какъ уже маршалъ Макъ-Магонъ произвелъ на Лоншанской равнинѣ смотръ всей парижской арміи. Стеченіе народа было необычайное. Никогда еще парижане не выказывали такой любви къ стройнымъ войскамъ, марширующимъ подъ открытымъ небомъ, какъ послѣ нашихъ поражений. Помысли объ отплатѣ тутъ непричемъ. Народъ просто помнить, что въ его прошедшемъ есть цѣлые вѣка военной славы, и несогласенъ быть вычеркнутымъ изъ списка сильныхъ націй. За то какіе взрывы рукоплесканій раздаются, когда частица нашей прежней славы, когда горсть солдатъ является передъ его глазами. Въ нихъ онъ привѣтствуетъ душу самой націи. Нѣтъ, Франція не сдастся еще всякому, кто захочетъ овладѣть ею. Смотръ сошелъ бы наиблагополучнѣйшимъ образомъ, если бы по окончаніи его, именно въ тотъ моментъ, когда маршалъ уѣзжалъ съ гипподрома, не разразился страшнѣйшій ливень надъ Булонскимъ лѣсомъ. Зрителей собралось до ста тысячъ человекъ, а не было ни одного экипажа, такъ какъ полиція запретила фіакрамъ подѣзжать близко къ параду изъ опасенія какихъ-нибудь несчастій. Женщины въ особенности приходили въ отчаяніе и подбирали свои юбки насколько могли; мужчины заботились защитить свои шляпы, прикрывая ихъ платками. Всѣ кинулись искать убѣжища въ чащѣ лѣса, но дождь былъ такъ силенъ, что пронизывалъ насквозь листву. Какъ истый ребебокъ, публичка кончила тѣмъ, что помирилась съ приключеніемъ и драма перешла въ комедію: вскорѣ можно было слышать только крины хохота. Въ Парижѣ всему смѣются: смѣются дождю, смѣются въ праздники, прогуливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ укрѣпленій. Мнѣ случилось видѣть одну молодую женщину, прелестную блондинку, которая забавлялась отъ всего сердца тѣмъ, что крупныя капли дождя падали ей на шею: это щекотало ее, какъ она говорила.

Въ Руанѣ дождь насолить похуже. Руанъ возымѣлъ счастливую мысль отпраздновать столѣтній юбилей одного изъ популярнѣйшихъ

своихъ уроженцевъ: Воэльдѣ, автора *Dame Blanche*, родившагося въ 1775 году. Муниципалитетъ рѣшился устроить все на широкую ногу; программа представляла самую заманчивую перспективу увеселеній: иллюминація, процессія съ факелами, фейерверкъ, участіе орфеоновъ, спектакль-гала, спускъ воздушнаго шара, банкетъ, словомъ, чего только тамъ не было; три дня непрерывныхъ празднествъ! Въ заключеніе торжества было послано приглашеніе парижской прессѣ. Но, увы! съ перваго же вечера страшнѣйшій ливень затушилъ всѣ планки; съ той поры вода не прекращала струиться и праздникъ потонулъ въ самомъ ужасающемъ сумбурѣ, который только можно себѣ представить. Минутами однакоже, во время перерывовъ программы, солнце выглядывало изъ-подъ облаковъ, блуждающій лучъ скользилъ по городу; но едва праздникъ возобновлялся, дождь, какъ будто сторожившій его, принимался поливать съ новой силой, выстукивая заунывную дробь на отсырѣвшихъ барабанахъ и превращая мѣдныя инструменты въ гидравлическія машины. Я душевно сочувствую горю руанскаго населенія, но не могу не признать въ этомъ заслуженнаго наказанія. Руанъ никогда не сдѣлалъ для другого знаменитаго сына своего, Корнеля, и половины тѣхъ изъявленій почета, которыми онъ помянулъ Воэльдѣ, бывшаго въ сущности не болѣе какъ пріятнымъ композиторомъ. Французскій буржуа, впрочемъ, никогда не поколеблется между талантомъ и гениемъ: онъ всегда превознесетъ талантъ, а передъ гениемъ будетъ испытывать тайный страхъ и неловкость человѣка, попавшаго въ стѣснительное общество. Гений не допускаетъ шуточекъ, онъ нагоняетъ скуку и давитъ. Въ особенности Корнель, высокій, суровый, героическій до гигантскихъ размѣровъ. Развѣ возможно было осмѣлиться пускать ракеты изъ-за спины такого колосса, и не смѣшно ли было бы освѣтить его величавое чело четырьмя планками. Воэльдѣ—другое дѣло: это просто милый человѣкъ, музыкантъ-трубадуръ, и его статуя какъ разъ создана для иллюминаціи. Стоитъ поставить свѣчу къ его ногамъ, и онъ весь будетъ освѣщенъ. Онъ олицетвореніе счастливой посредственности, легкаго творчества, общеденнаго, но пріятнаго ума. Кромя того, онъ всѣмъ понятенъ, а эт великая заслуга. Чтѣ же можетъ быть естественнѣе чувствовать Воэльдѣ и предавать забвенію памятникъ Корнеля, мрачнаго, властительнаго, облеченнаго во все его безсмертное величіе? Да здравствуетъ Воэльдѣ!

Въ промокшемъ Парижѣ одно изъ весеннихъ утѣшеній нашихъ — женщины, выходящія на улицу въ свѣтлыхъ платьяхъ. Въ ливень сколько бѣлыхъ чулокъ показываются до колѣнъ! Примо, женщина, снимая тяжелый зимній нарядъ, похожа на развѣ

тывающуюся почку, которая, сбросивъ твердую чешую, выставляетъ сочную зелень своихъ свѣжихъ листьевъ. Отъ нея вѣетъ пиновикомъ, сиренью и весенними цвѣтами; она точно менѣе одѣта въ своихъ легкихъ и свѣтлыхъ тканяхъ, черезъ которыя сквозятъ ея плечи. Лѣтніе цвѣта платьевъ по преимуществу голубые и розовые очень блѣдныхъ оттѣнковъ. Костюмы отличаются обворожительной фантастичностью, юбки складываются большими складками, поверхъ которыхъ закругленные передники съ причудливыми бантами, лифы кроются на манеръ вирасть. Каждая женщина, которую встрѣчаешь, кажется букетомъ, составленнымъ на новый ладъ. Могущественныя, торжествующія, онѣ снуютъ въ свободномъ воздухѣ какъ вылетѣвшія изъ заперти птицы. Онѣ постукиваютъ каблуками своихъ маленькихъ сапожекъ. Свѣтлыя ткани придаютъ ихъ кожѣ бѣлизну особеннаго качества, нѣчто бархатистое, присущее только-что распустившимся цвѣтамъ. Первые, рѣшающіяся одѣться по-лѣтнему, приносятъ красные дни въ складахъ своихъ оборокъ. Глядя на нихъ, кажется, что видишь ихъ послѣ долгой разлуки такими, какими всегда мечталъ любить ихъ. Въ такой моментъ ихъ власть такъ сильна, что онѣ могутъ выдумывать самыя странныя моды, не боясь изуродоваться и показаться дурными.

Въ нынѣшнемъ году разразилась эпидемія на клѣтчатая матеріи, не въ мелкую клѣтку, а громадными клѣтками, трехъ которыхъ хватаетъ на всю длину лифа. Можно подумать, что дамы шили себѣ платья изъ парусины, купленной ими первоначально для матрацовъ. И, несмотря на это, онѣ все же изящны. Онѣ вольны наряжаться въ куртку арлекина, сочинять самыя невозможныя сочетанія, вырѣзывать лифы и отдѣлки платьевъ своихъ изъ пресловутыхъ клѣтокъ, и кроить остальное, т.-е. рукава и юбку, изъ одноцвѣтныхъ тканей; онѣ сохраняютъ за собой право быть радостью нашихъ гуляній и вѣчнымъ украшеніемъ весеннаго Парижа.

Уплативъ, въ качествѣ хроникера, дань любезности дамамъ, мнѣ приходится выкладывать цѣлый грузъ желчи, накипѣвшей на душѣ за нынѣшній мѣсяць. Дѣло въ слѣдующемъ. Нѣкій издатель, г-нъ Барро, задумалъ напечатать подражаніе роскошному изданію сочиненій Ла-Фонтэна, извѣстнаго подъ именемъ изданія генеральныхъ откупщиковъ (*éd. des Fermiers généraux*). Онъ нѣсколько лѣтъ употребилъ на приготовленія къ этому изданію, предназначавшемуся исключительно для однихъ библіофиловъ, заказалъ особенный шрифтъ, озаботился заготовленіемъ особенной бумаги, словомъ, приобрѣлъ всю матеріальную часть. Онъ намѣревался воспроизвести во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ изданіе восемнадцатаго столѣтія. Одними изъ самыхъ любопытныхъ деталей книги должны были слу-

жить гравюры Эйзена, доски которыхъ были поручены самымъ искуснымъ художникамъ для переделки, съ помощью которыхъ надѣялись получить прекрасные оттиски. Первый томъ, *Сказки*, находился уже въ печати, на что было получено разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ вдругъ Барро узнаетъ, что прокурорскій надзоръ возбуждаетъ противъ него преслѣдованіе за оскорбленіе общественной нравственности. Судебная власть, болѣе щепетильная на этотъ разъ по части цѣломудрія, чѣмъ министерство, переполошилась изъ-за нѣсколькихъ смѣлыхъ изображеній въ некоторыхъ картинахъ. Процессъ состоялся, и Барро признанъ виновнымъ. Но самое возмутительное то, что судъ постановилъ разбить доски гравюръ Эйзена. Это подняло настоящій бунтъ въ артистическомъ мірѣ. Какъ! столѣтнія гравюры, произведенія, составляющія эпоху въ исторіи художества, будутъ истребляться, разбиваться молотомъ, потому что они носятъ еще слишкомъ теплые слѣды восхитительной шаловливости восемнадцатаго столѣтія! Въ такомъ случаѣ, отчего же не разрубить на куски греческихъ статуй, за ихъ наготу и не изорвать полотень, на которыхъ величайшіе мастера позволили себѣ изобразить слишкомъ горячо любовь. Еще хуже то, что самъ Ла-Фонтэнъ не вышелъ цѣлъ и здравъ изъ этой кутерьмы: судьи и его не пощадили и дали отзывъ объ его *Сказкахъ*, какъ о вредномъ и безнравственномъ сочиненіи. Этого еще не доставало. Теперь остается только жечь Рабелэ, Ренье, Врантома, а вслѣдъ за ними всѣхъ національныхъ романистовъ и драматурговъ. Что же, это будетъ ауто-да-фе девятнадцатаго вѣка. Если исправительные трибуналы примутся судить нашихъ великихъ людей, имъ придется выводить ихъ всѣхъ къ позорному столбу, потому что ни одинъ изъ нихъ не писалъ для молодыхъ дѣвицъ. Литература цѣлаго народа не можетъ состоять исключительно изъ трактатовъ, предназначенныхъ для пансіоновъ барышень. Человѣческій гений имѣетъ свои вольности. Забудьте также, что новое изданіе Ла-Фонтэна должно было печататься въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и разойтись по рукамъ весьма немногихъ любителей. Тѣмъ не менѣе, цѣломудренные юристы пожелали дать примѣрную остротку.

Въ сущности, это весьма серьезное столкновеніе. Я указываю на него, какъ на фактъ, выражающій одну изъ самыхъ странныхъ сторонъ нашихъ общественныхъ нравовъ. Въ современномъ обществѣ безъ сомнѣнія, существуютъ двѣ нравственности: одна, для обыкновеннаго обихода, допускаетъ разныя сдѣлки, но другая, литературная мораль — строгая особа, которой предписывается носить только закрытыя платья.

Обыденная нравственность всѣмъ извѣстна. Она заключается дл.

коммерсантовъ—въ срочной уплатѣ по векселямъ; для судебныхъ приставовъ—въ аккуратной продажѣ четырехъ сорочекъ неисправныхъ плательщиковъ, согласно постановленіямъ судебного кодекса. Она же пробавляется ложью приличій, смѣется въ душѣ надъ предубодѣніемъ, мирится съ мелкими подлостями, когда онѣ малы и граціозны, но возмущается сильно грубыми выходками людей, называющихъ вещи по имени и живущихъ непритворно, такъ, какъ имъ нравится.

Литературная нравственность абсолютно строга. Это воплощенное цѣломудріе, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Какъ только вещь написана, необходимо наблюдать, чтобы она была одѣта какъ для выѣзда въ большой свѣтъ, въ свѣжихъ перчаткахъ, застегнута на всѣ пуговицы, чисто выбрита. Прежде чѣмъ выпустить въ печать фразу, авторъ, уважающій себя, обязанъ осмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ, разглядѣть, достаточно ли она вычищена и приглажена, не оскорбитъ ли она чей-либо скромности какимъ-нибудь неряшествомъ туалета. Затѣмъ, онъ слѣдитъ за ней отеческимъ окомъ, когда она ложнается одобреніе дамъ. „Чудесная фраза! какая дѣвственность и какой отборный тонъ. Она выросла въ монастырѣ, и наши дѣвщины могутъ забавляться ею!“ Но покажи фраза только кончикъ плеча, приди въ малѣйшій беспорядокъ, и дамы, декольтирующіяся сами до поясницы, станутъ отзываться о ней, какъ о погибшемъ созданіи, съ которымъ нельзя водить знакомства, и будутъ презрительно обходить ее во всемъ неприступномъ спокойствіи своей наготы.

Вѣчная комедія! Всего того, что говорится, нельзя писать. Литературная мораль должна быть традиціонной замарашкой, ея дѣло заботиться о кастрюлѣ съ супомъ, въ то время, какъ старшая сестра ея, мораль будничнаго обихода, разодѣтая въ шелкъ, можетъ побезничать съ проѣзжимъ принцемъ. Молчать о нашихъ гадостяхъ! Вотъ правило, которому повинуются человѣчество! Крадите, отнимайте чужихъ женъ, удовлетворяйте широко всѣмъ похотямъ, это ничего. Вы—человѣкъ; ваши братья, по духовнымъ немощамъ, отпустятъ вамъ, найдутъ для васъ облегчающія вину обстоятельства. Притомъ же, обо всемъ этомъ говорится только шепотомъ. Вы молчите, вы не выходите изъ границъ уговора. Весь свѣтъ знаетъ, что г-жа С*** имѣетъ любовниковъ, и всѣ ее принимаютъ. Мужъ молчитъ, скандала нѣтъ, слѣдовательно, и нѣтъ ничего.

Дѣлайте, но не пишите. Когда захотите сообщить непристойную исторію, расскажите ее на ушко дамамъ, онѣ будутъ хотовать какъ злоумынныя; но, ради всего—не печатайте. Еслибы г-жа С*** совершила на бумагѣ то, что она творила въ иныхъ мѣстахъ, ея репутація погибла бы безвозвратно. Когда пишешь, необходимо надѣть платье, вывернуть свои манжеты. Между мужчинами принято быть какъ можно

болѣе рѣзкимъ; съ дамами это допускается, смотря по степени близости, и позволительно очень многое. Но съ листомъ чистой бумаги требуется обращаться съ полной сердечной непорочностью. Впрочемъ, и тутъ есть степени, существуетъ цѣлый сводъ дозволеннаго и недозволеннаго, кодексъ очень сложный и очень трудно примѣнимый. Такъ, въ водевилѣ или опереткѣ можно позволить себѣ вольность, даже очень большую вольность. Самые скандальные намеки, самые рискованные куплеты вызываютъ лишь улыбку, особенно если актеръ или актриса подчеркиваютъ смыслъ и извращаютъ его вопреки намѣреніямъ автора. Позволительно также, не имѣя никакого таланта, написать книгу, гдѣ повѣствуются походенія любой Марго: книга выдержитъ десять изданій и будетъ покоиться подъ кружевными изголовьями. Но главное, чтобы не было таланта. Вотъ, въ немъ-то и заключается верхъ неприличія и безстыдства. Мнѣ часто приходилось бесѣдовать съ великими писателями, и я знаю, каковы ихъ страданія. Они имѣютъ недостатокъ чувствовать сильнѣе остальныхъ людей и говорить во всеуслышаніе то, что чувствуютъ. Ихъ произведенія, въ которыхъ слышится бѣшеніе пульса, гдѣ люди живутъ, пугаютъ толпу, въ которой они вращаются. Толпа не привыкла видѣть, чтобы книга дышала. Когда на столѣ салона книга начинаетъ шевелиться и сообщаетъ ощущение тепла рукамъ, которыя ее держатъ, заговариваетъ громкимъ голосомъ, она становится пугаломъ, ее слѣдуетъ бросить въ огонь, для домашняго спокойствія. Требуются книги мертвыя, которыя бы никого не беспокоили, которыя бы развлекали также безвредно, какъ вязальный крючекъ или вышиванье по канвѣ. Жизнь безстыдна, талантъ — мерзость, правда доводитъ до помойной ямы. Мнѣ приходитъ на память одинъ эпизодъ, оставившій во мнѣ сильное впечатлѣніе. Былъ я однажды у пріятеля, одного очень талантливаго писателя, онъ читалъ мнѣ главу новаго романа, который собирався печатать. Является господинъ съ знакомъ отличія въ петлицѣ, улыбающійся и приличный; онъ подсаживается и дослушиваетъ конецъ главы. Въ большомъ саду забывается влюбленная чета; весна за-одно въ этой любви, рассказъ дышалъ нѣжностью и откровенностью греческой сказки; говоря просто, это любящіе Дафнисъ и Хлоя подъ персиковымъ деревомъ въ полномъ цвѣтѣ. Сцена была непорочна и смѣла, къ тому же преисполнена такой неподражаемой граціи и таланта, что надобно было быть идиотомъ или пошлякомъ, чтобы краснѣть отъ этихъ двухъ античныхъ обливовъ.

Однако же господинъ выказывалъ признаки безпокойства. Очевидно, ему было совѣсть не по себѣ. Его цѣломудріе оскорблялось. Когда же мой пріятель окончилъ чтеніе, онъ не могъ превозмочь своего негодованія. Въ теченіи битаго полчаса онъ влялся, что ни

стремимся къ погибели, и винилъ современную литературу въ упадкѣ нравовъ, словомъ, наизывавъ всю длинную вереницу извѣстныхъ общихъ мѣстъ о предметѣ. Когда онъ ушелъ, я обратился къ приятелю съ вопросомъ:

— Кто этотъ строгій господинъ?

— Онъ-то!—отвѣтилъ мой собесѣдникъ:— вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ живетъ съ воспитательницей своей дочери; теперь дочь вышла замужъ; но гувернантка осталась въ домѣ; жена все знаетъ, все выноситъ. Впрочемъ, это очень богатый человѣкъ, съ обширнымъ кругомъ знакомыхъ, вездѣ хорошо принятъ. Ему даже удалось втереть свою любовницу въ нѣкоторые салоны, куда онъ ѣздитъ съ женой. Ограничиваются тѣмъ, что пересмѣиваются за его снисходительнымъ смѣхомъ.

IV.

Трагическій Парижъ, Парижъ убійствъ и самоубійствъ съ нѣкоторыхъ поръ снова возвышаетъ свой страшный глухой голосъ. Никогда еще жизнь не казалась такимъ невыносимымъ бременемъ. Было замѣчено не разъ, что вслѣдъ за сильными социальными потрясеніями наступаетъ отвращеніе отъ жизни и жажда гробового сна. Народныя бѣдствія ложатся на нѣкоторыя плечи какъ бы тяжелѣе, и они не находятъ въ себѣ силъ вынести ихъ гвѣта. Это тлетворное повѣтріе распространяетъ смерть въ воздухѣ. Эпидемія самоубійствъ, какъ чума, рождается внезапно, неизвѣстно откуда. Въ нѣкоторые дни въ Парижѣ цифра самоубійствъ доходить до десяти, среднее число ихъ ежедневно два или три. Я убѣжденъ, что въ одномъ Парижѣ самоубійствъ совершается больше, чѣмъ во всей Франціи. Городъ этотъ предназначенъ бичу самой массой бѣдствующаго въ немъ населенія, безчисленнымъ количествомъ одинокихъ скорбей и своимъ несмолкающимъ шумомъ, заглушающимъ столько рыданій. Всѣ дошедшіе до отчаянія пріѣзжаютъ сюда убиваться, какъ бы они пошли топиться въ волны океана. Но, повторяю, никогда еще повѣтріе смерти не уносило столько жертвъ.

Люди убиваются отъ нищеты и отъ умопомѣшательства. Ихъ тѣла находятъ въ Сенѣ, подъ лодками, или плавающими въ глубинѣ зеленыхъ водъ; рѣка пересѣкаетъ городъ, будто для того только, чтобы сплывать кровь съ мостовой. Иные предпочитаютъ веревку, другіе отравляются вѣшать въ сосѣдніе лѣса, въ Венсенъ или Булонь, большинство же не идетъ такъ далеко, и вѣшается на первой попавшейся балкѣ. Вѣшаются за воротами, на чердакахъ, вдоль бор-

ридоровъ. Недавно былъ найденъ трупъ повѣсившагося, который не далъ себѣ даже труда взобраться до пятого этажа своей конуры и привязалъ свою петлю къ периламъ лѣстницы. Отравленій встрѣчается мало, однѣ женщины еще глотаютъ лауданумъ или фосфоръ отъ пачки спичекъ; этотъ родъ самоубійства не всегда удаченъ. Женщины также открываютъ себѣ артеріи и садятся въ ванны, смерть наступаетъ тогда тихо въ теплой водѣ. Одна дѣвочка шестнадцати лѣтъ, помѣшавшись отъ несчастной любви, старалась убиться этимъ способомъ. Что касается угля, то онъ по прежнему остался усыпителемъ бѣдняковъ, дешевымъ лекаремъ, который всегда находится подъ рукой. Какъ только горячій угаръ понесется изъ-подъ запертой двери, въ рабочемъ кварталѣ, тотчасъ слышится возгласъ: „кто-нибудь да убивается тутъ!“ Дверь выламываютъ, и иногда поспѣваютъ еще вѣремя, чтобы спасти хрипящаго на постели умирающаго. Самоубійство острымъ оружіемъ вещь рѣдкая; требуется слишкомъ много мужества для того, чтобы вонзить въ свое тѣло блестящее лезвіе. Пистолеть гораздо удобнѣе; тутъ достаточно небольшого движенія пальца, часто одного нервнаго содроганія, особенно теперь, когда изобрѣтенъ револьверъ; если первый выстрѣлъ дастъ осѣчку, остается въ запасѣ четыре или пять пуль, чтобы покончить съ собой. Наконецъ, вышли изъ употребленія и общественныя зданія; едва ли ежегодно услышишь объ одной или двухъ личностяхъ, сбросившихся на мостовую съ высотъ Нотръ-Дамъ или Вандомской колонны. Между тѣмъ, этотъ гигантскій скачекъ былъ прекраснымъ родомъ смерти, въ этомъ полетѣ въ безконечное пространство, можетъ быть, разбивались въ безсознательномъ головокруженіи.

Мнѣ бы хотѣлось указать вскользь на нѣкоторыя драмы, потрясшія нервы Парижа. Одинъ старый живописецъ убился отъ голода въ канурѣ, служившей ему жильемъ, подлѣ укрѣпленій; это былъ талантливый артистъ, картины котораго нѣкогда имѣли успѣхъ на выставкѣ. Одна женщина, проискавъ недѣлю работы, взяла въ кредитъ мѣрку углей и зажгла ихъ; легла, обнявши своихъ двухъ дочерей, двухъ бѣлокурокъ дѣвочекъ, и нашли три трупа окоченѣлыя, синіе и обнявшіеся. Двое стариковъ восьмидесяти лѣтъ, мужъ и жена, пришли въ отчаяніе, не захотѣли дожидаться смерти; они торопились, желали отправиться вмѣстѣ, и страшно обезобразили друга друга бритвою. Что сильный человѣкъ, которому надоѣдаетъ бушеваніе крови въ жилахъ, рѣшается сразу остановить свое сердце, еще понятно, но самоубійство старика возмущаетъ; спрашиваешь себя, за чѣмъ такое нетерпѣніе, когда всѣ уже горечи жизни допиты до дна и требуется небольшое усиліе мужества, чтобы дождаться конца? Но въ нынѣшнемъ году много стариковъ потеряли терпѣніе и, кажется что они-то по преимуществу и отчаялись въ жизни. Но есть нѣчто

еще грустнѣе самоубійства старика—это самоубійство ребенка. Громадная жалость перевертываетъ всѣ ваши внутренности. Для того, чтобы ребенокъ убился, вѣдь надобно же ему было пережить всѣ страданія взрослого человѣка. Какъ подумаешь только обо всей той ужасающей работѣ, которую продѣлала эта маленькая головка, чтобы дойти до заключенія о необходимости смерти! Вѣдь это убитая надежда, дерево погибшее на всходѣ, отрицаніе и оскорбленіе самой жизни. Бичъ коснулся даже дѣтей. Бѣдный, десятилѣтній мальчикъ утопился, потому что его прогналъ хозяинъ, а онъ боялся вернуться къ родителямъ, которые его били. Другой ребенокъ повѣсился отъ ревности: его сестрѣ оказывали предпочтеніе. Наконецъ, двѣнадцати-лѣтній школьникъ надѣлъ себѣ петлю на шею по неизвѣстной причинѣ; быть можетъ, онъ убился изъ философіи, потому что жизнь успѣла надоесть ему. О, что за ветошь стала жизнь! И какъ на нее плюютъ всѣ! Младенцы и тѣ даже отворачиваются отъ нея. Они убиваются изъ презрѣнія къ ея радостямъ, еще не успѣвши хорошенько узнать ее. Старики сожальютъ, что жили, и отказываются жить долѣе. Это общій вопль протеста. Иной разъ самъ Парижъ опущается смущеніе передъ зрѣлищемъ побѣга всѣхъ этихъ страдалцевъ. Того и гледи, если повѣтріе усилится еще, что все населеніе потеряетъ голову и не хватитъ тогда гвоздей на балкахъ и воды въ рѣкѣ для желающихъ. Всѣ стануть убиваться массаами, по инерціи, съ однимъ желаніемъ заснуть добрымъ сномъ земли, когда майское солнце грѣетъ могилы.

Рядомъ съ этимъ улицы обгаются еще кровью преступленій. Убиваются и убиваютъ! Одни наносятъ себѣ удары по страсти къ смерти, другіе кричатъ отъ испуга подъ ударами убійцъ. И всѣ отбиваются, всѣ переселяются на столы Морги. Но все это та же кровь, льется-ли она въ мукахъ страха, или въ восторгѣ освобожденія. Черные слѣды ея все равно пятнаютъ Парижъ. Убійства также, какъ и самоубійства, чрезвычайно многочисленны. Трагическая смерть паритъ надъ нашими жилищами. Въ особенности же въ прошлую зиму такъ и сыпались удары ножемъ и желѣзной полосой. Уже десять лѣтъ какъ не было такого обилія присужденныхъ къ смертной казни, а палачъ пересталъ считать головы, которыя ему приходится отсѣкать. Въ газетахъ, отдѣлъ хроники убійствъ постоянно обильно наполненъ. Отравленія, удушенія, распоротыя груди, разрѣзанныя шеи, развожженные головы не перестаютъ чередоваться; едва хватаетъ на нихъ цѣлаго столбца. Затѣмъ, по недостатку новаго матеріала слышываютъ рассказы о какой-нибудь старой рѣзні, о какомъ-нибудь отвратительномъ событіи, ужасъ котораго увеличивается еще его таинственностью. Благодаря нашей прессѣ, которая щеголяетъ вѣр-

ностью и быстротой своихъ свѣдѣній, мы живемъ въ постоянной тревогѣ. Впрочемъ, многіе читатели это любятъ. Распространенныя газеты, такъ-называемые листки съ новостями приглашаютъ даже въ число своихъ редакторовъ настоящихъ полицейскихъ агентовъ-любителей. Какъ только совершится гдѣ-нибудь преступленіе, они отправляются, производятъ общее слѣдствіе, результаты котораго являются въ нескончаемыхъ статьяхъ. Описывается мѣстность, исторія происшествія, прилагаются портреты жертвъ, излагаются размышленія самого редактора, который пускается въ преслѣдованіе виновныхъ, если настоящая полиція не сумѣла наложить на нихъ руку. Въ такомъ случаѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ редакторъ ведетъ свое слѣдствіе, защищаетъ свою систему, публично сообщаетъ официальнымъ слѣдователямъ свои замысловатыя гипотезы. Иногда двѣ соперничающія газеты ведутъ тяжбу за одно преступленіе, каждая заявляетъ о томъ, что она первая открыла его, и обвиняетъ противницу въ враждѣ. Это страстная погоня за убійствами, неистовый бѣгъ взапуски; кто первый перечислитъ удары ножа, дастъ скорѣе отчетъ о допросѣ обвиняемыхъ и всѣ прочія подробности. Полиціанты-любители выражаются не иначе, какъ: „мое преступленіе“, какъ иной сказалъ бы: „моя побѣда“. Если бы имъ предоставлена была воля, они бы перерыли всѣ бумаги полицейскаго пристава и судебного слѣдователя, чтобы сообщить публикѣ болѣе подробныя свѣдѣнія. Ихъ претензія—помогать своимъ содѣйствіемъ розыскамъ правосудія, но часто послѣднее бываетъ вынуждено просить ихъ помолчать. Нельзя скрыть истинной правды, что расходъ на экземпляры газеты возрастаетъ на треть всякій разъ, когда номеръ содержитъ отчетъ объ одномъ изъ этихъ омерзительныхъ процессовъ. Тутъ простая спекуляція на ужасное. Толпа любитъ ужасы.

Боже, зато и сколько этихъ ужасовъ! Мелкіе буржуа безмятежно читаютъ всѣ эти страхи по утрамъ, за чашкой *café au lait* и испытываютъ только легкую, поверхностную пріятную дрожь; сложивъ газету, они перестаютъ думать обо всемъ этомъ и мирно идутъ прогулять по солнышку. Но у нервныхъ темпераментовъ эта дрожь не проходитъ; кончается тѣмъ, что живешь постоянно въ какомъ-то облакѣ крови. Я замѣтилъ, что преступленія идутъ всегда волной. Случается, что цѣлыхъ три недѣли кряду, иногда даже мѣсяцъ, продолжается рѣзня; кровь течетъ ручьями; всякое утро слышишь о какой-нибудь новой драмѣ, то въ отдаленномъ кварталѣ, то дверь объ дверь съ вашей квартирой. Точно какал-то туча разражается надъ Парижемъ, убійство расточаетъ свои удары то тамъ, то сямъ съ слѣпымъ фатализмомъ. Проводишь цѣлые дни подъ давленіемъ кошмара, въ которомъ видишь бѣшенаго человека-звѣря, бѣгающаго по улицамъ, кусающаго и душащаго прохожихъ. Затѣмъ

слѣдуетъ затишье, недѣли двѣ не услышишь даже о парашнѣ. Всѣ живутъ въ согласіи и дружбѣ, какъ одно любящее семейство, пока одному изъ братьевъ не вздумается схватить за горло другого брата и ознаменовать этия новый приступъ припадка бѣшенства. Вѣроятно, по толпѣ пробѣгаютъ какія-то тлетворныя дуновения сумасшествія убійствъ.

Въ послѣднее время по Парижу прошла такая полоса преступленій. Въ окрестностяхъ его, въ разстояніи нѣсколькихъ льѣ, убито отъ восьми до десяти человѣкъ, и полиціи не удалось отыскать виновныхъ. Черезъ каждые два или три дня въ уединенныхъ домахъ находили трупы убитыхъ. Ударъ, причинившій смерть, былъ вездѣ одинъ и тотъ же, ударъ въ темя желѣзной полосой. Жертва—старикъ или старуха, утнувшися носомъ въ полъ, лежали въ крови. Удостоверились въ одномъ, что убійство совершено было въ сумерки, когда еще ворота не запирались, потому что ни въ одномъ случаѣ не нашлось слѣдовъ взлома или вторженія, и спрошенные сосѣди клялись всѣми святыми, что не слышали никакого шума. Эти страшныя исторіи долго занимали весь Парижъ. Убійства прекратились, но убійцы не отысканы. Догадливые журналисты предположили, что жители селенія, гдѣ произошли убійства, должны знать виновныхъ, но боятся ихъ мести, и потому не хотятъ давать правосудію никакихъ указаній. Нѣсколько лицъ было задержано, но по недостатку уликъ пришлось ихъ выпустить. Быть можетъ, эта ужасная тайна такъ никогда и не выяснится, развѣ только какой-нибудь каторжникъ, попавшій на галеры за другое преступленіе, сознается и въ этомъ на смертномъ одрѣ.

Въ самомъ Парижѣ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, точно всѣ порочныя инстинкты проснулись, зарычали и оскалили зубы. Вотъ, на примѣръ, высокій молодой человѣкъ, очень тихой наружности, хорошо воспитанный, закололъ служанку трактира, въ который зашелъ завтракать. Ему давно хотѣлось убить женщину, больше ничего. Когда онъ посмотрѣлъ на служанку, подававшую ему котлету, онъ сказалъ себѣ, что эта ему годится и онъ убьетъ ее, когда позавтракаетъ. Онъ взялъ ножъ и запустилъ его ей въ грудь. Судъ отправилъ его въ домъ умалишенныхъ. Затѣмъ, какое-то животное убило мебельнаго торговца, съ цѣлью украсть его облигаціи. Какъ только деньги поступили въ его распоряженіе, имъ овладѣла манія безостановочнаго передвиженія: онъ покатилъ въ Метцъ, въ Брюссель, возвратился въ Парижъ, откуда въ тотъ же вечеръ снова выѣхалъ; онъ жилъ только на желѣзныхъ дорогахъ, бросая деньги направо и налево, чтобы поскорѣе израсходовать ихъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ выдумалъ самую нелѣпую исторію о находкѣ облигацій въ нѣмецкомъ вагонѣ. Его гильотинировали. Другое тупого-

ловое животное умерщвляетъ банкира и забываетъ свою шляпу подлѣ трупа. Передъ судомъ онъ не находитъ другой защиты, вромѣ утверждения, что много шляпъ бывають похожи одна на другую. Этому тоже отрубили голову. Наконецъ, на этихъ дняхъ, сынъ убилъ мать ударами кочерги. Это дѣло, въ настоящее время, когда я пишу, остается еще неразъясненнымъ и ужаснымъ. Газеты получили приказаніе молчать о немъ. Мать нашли на постели съ страшно раздробленной головой. Кочерга, вся въ крови, была подъ кроватью. Сосѣди ничего не слышали, въ комнатѣ все найдено въ порядкѣ, никакихъ вещей не пропадало. Вѣроятно, опять какая-нибудь уродливость, расстройство мозга или сердца. Ничего не можетъ быть мрачнѣе этой вереницы людей, обогранныхъ кровью; они представляютъ собой большое человѣчество и, глядя на нихъ, минутами, нападаетъ страхъ, при мысли, что бы вышло, если бы внезапно человѣческій разумъ омрачился вслѣдствіе какого-нибудь повальнаго недуга и городъ вдругъ населился одними подобными волками.

Но преступленіе, наиболѣе другихъ встревожившее общественное мнѣніе—убійство вдовы Ружье. Старуху убили втроемъ Малльо, Товень и Жоржъ, всѣ трое бродяги, жившіе кражей, а подѣ часть пукавшіе въ ходъ и ножи. Въ этотъ день у нихъ не было денегъ. Они сидѣли у Жоржа, восемнадцати-лѣтняго парня, и разсуждали о томъ, чѣмъ бы имъ поужинать. Такимъ образомъ, сповойно, не торопясь, дѣло порѣшилось. Уже давно они изучали его. Они сѣли въ омнибусъ, проѣхали весь Парижъ, покуривая свои папирсы, какъ добродушные зѣваки. Приѣхали въ Вожираръ, вошли къ вдовѣ Ружье и придушили ее. Затѣмъ унесли все, что могли забрать съ собой, всего на нѣсколько сотенъ франковъ. Въ тюрьмѣ, Малльо сдѣлалъ полное признаніе, онъ разсказалъ всю свою жизнь, чрезвычайно необыкновенную жизнь, проведенную отчасти на каторгѣ; въ Кайеннѣ онъ чуть не женился на краснокожей. Всѣ трое были приговорены къ смертной казни. Но сознаніе Малльо спасло ихъ головы. Маршалъ Макъ-Магонъ смягчилъ ихъ наказаніе на пожизненную ссылку въ каторгу. Еще послѣдняя подробность: Товень и Жоржъ, возбѣшенные исповѣдью Малльо, обвиняли его въ своей гибели и грозили задушить его, но когда они узнали о смягченіи, они залились слезами и всѣ трое просили позволенія обняться. Они бросились въ объятія другъ друга, плакали и обнимались въ одномъ изъ тюремныхъ корридоровъ.

По крайней мѣрѣ, уже теперь, во Франціи, преступленіе не совершается цѣлыми вооруженными шайками, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Желѣзныя дороги избавили насъ отъ внуковъ Мандрина и Картуша. Въ настоящее время убійца, по большей части, одинокій звѣръ, промышленяющій и работающій за свой личный

счета. Только одинъ уголокъ страны, Провансъ, служить еще убѣжищемъ легендарнымъ разбойникамъ. Нужно побывать въ этой Греции, нѣжащейся въ горячихъ лучахъ своего жаркаго солнца и любовно дремлющей подъ тощей тѣнью своихъ миндальныхъ деревьевъ, чтобы встрѣтить еще шайки классическихъ воровъ, останавливающихъ дилижансы и убивающихъ возчиковъ. Фра-Діаволо распѣваетъ тамъ свои дуэты съ трактирными служанками. На это есть очень много различныхъ причинъ: трагическіе горизонты, дороги идущія по ущельямъ, обвалы утесовъ, куда залетаетъ развѣ только дроздъ, насвистывая свою пѣсню. Все здѣсь какъ будто приспособлено для убійствъ. Дорога изъ Э въ Марсель имѣетъ свои знаменитыя мѣста, въ которыхъ во всѣ времена находили убитыхъ,—это вошло въ обыкновеніе. Затѣмъ, если мѣстность доставляетъ надлежащія декораціи, Пиемонтъ поставляетъ актеровъ. Когда пиемонтезецъ проштрафится дома, онъ перебирается во Францію, чтобы переждать время, пока о немъ позабудется. Онъ заранѣе знаетъ, что найдетъ себѣ занятіе въ обширныхъ мастерскихъ, устроенныхъ для желѣзно-дорожныхъ сооружений. Они отличныя землекопы, выносливы въ работѣ, трезвы, дѣятельны и во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе мѣстнаго рабочаго люда. Только они говорятъ особеннымъ языкомъ, угощаютъ другъ друга ударами ножей и составляютъ опасное населеніе, къ которому принадлежатъ тѣ подозрительныя фигуры, которыя бродятъ по ночамъ по глухимъ дорогамъ. Зимой, когда работы прекращаются, случается, что съ шести часовъ вечера на улицахъ останавливаютъ прохожихъ. Обыватели только ускоряютъ шаги и жмутся ближе къ домамъ. Тѣмъ и ограничиваются. Свѣжутъ: „это пиемонтезцы шалать“, и этимъ достаточно объясняется приключеніе. Бываетъ, что какой-нибудь мелкій торговецъ, разбогатѣвшій работникъ, пойдетъ въ свой „bastidon“, и находитъ дверь взломанною. Вино выпито, луковицы съѣдены, украдено двѣ вружки и одна скамья. Опять пиемонтезцы. Къ несчастью, бываютъ и болѣе важные случаи, организуются настоящія ассоціаціи.

Съ помощью мастерскихъ, они скрываются въ подвижномъ составѣ рабочихъ и имѣютъ развѣтвленія и сообщниковъ по всему протяженію страны. Въ такихъ случаяхъ, они эксплуатируютъ ее въ широкихъ размѣрахъ и цѣлые мѣсяцы кѣ-ряду наводятъ на нее страхъ. Отъ времени до времени, жандармерія разставляетъ свои тенета; посылаютъ нѣсколькихъ на гильотину, другихъ на каторгу, но хвостъ шайки остается невредимъ и чудовище скоро снова оживаетъ и пускаетъ въ ходъ свои зубы. Сколько головъ ни руби, онѣ вновь вырастаютъ.

Въ послѣдніе годы имперіи одна изъ такихъ бандъ съ ружьями нападала на дилижансы. Недавно еще другая банда продолжала

существовать, но эта была менѣе романтическихъ свойствъ. Начальникъ ея, Фонтана, любилъ порядокъ и домовитость. У него былъ загородный домъ. Онъ дѣлалъ запасы на зиму и собиралъ въ кладовыя добычу. У него былъ найденовъ запасъ хлѣба, картофеля и солонины. Здѣсь была главная квартира, не то что какая нибудь пещера, какъ въ сказкахъ, нѣтъ, порядочный загородный домъ, въ которомъ разбойники, вымывши руки, жили какъ добрые буржуа; къ тому же эти господа прибѣгали къ убійству только, какъ къ мѣрѣ осторожности. Двое изъ членовъ, Галетто и Гарбаррино, ввели его какъ средство, предохраняющее отъ болтовни. Они держались принципа убивать сначала, а потомъ обыскать. Итакъ, они убивали, затѣмъ обыскивали, иногда не находили ничего. Тогда трупъ бросали въ какой-нибудь оврагъ, съ презрѣніемъ, заслуженнымъ человѣкомъ, у котораго не было ни гроша.

Они убили четырехъ человѣкъ на одной фермѣ, и могли унести, только пару серегъ. Изъ-за ста-пятидесяти франковъ убили сторожа моста. Убили столяра изъ-за серебряныхъ часовъ, пары панталонъ и жилета. Убили старуху неизвѣстно изъ-за чего. Съ этой точки зрѣнія, убійство совершается безъ малѣйшей борьбы; рѣжутъ человѣка, какъ борова, чтобы получить его кровь. Когда имъ не попадался никто по дорогѣ, они ограничивались кражей. Между тѣмъ ихъ кладовыя наполнялись, они ѣли, пили; по вечерамъ, лежа на травѣ, любовались звѣздами. Это былъ своего рода кровавый Декамеронъ. Въ то время, какъ мужчины занимались разсказами о своихъ подвигахъ, Арезъ, любовница атамана, кроила штанишки своему ребенку изъ панталонъ жертвъ. Эти праздные и практическіе негодяи умѣли изъ всего извлекать выгоду. Галетто довелъ свою изобрѣтательность до того, что вырѣзалъ кусокъ мяса изъ бедра убитой старухи, намѣреваясь, вѣроятно попробовать, нельзя ли будетъ употреблять убитыхъ на ѣду. Они, пожалуй, дошли бы до того, что перестали бы обращаться за провизіей къ мяснику.

Въ сущности они были не болѣе, какъ узколюбивыи и вульгарными разбойниками, звѣрье, не имѣющее ничего общаго съ человѣчествомъ. Въ нихъ говорила волчья кровь: Дѣдъ Галетто, обезглавленный въ Италиі, пекъ пироги изъ мяса зарѣзанныхъ имъ дѣвушекъ. Маленькій сынъ Фонтаны и Арезы, мальчикъ лѣтъ пяти, отвѣчалъ судебному слѣдователю: „Папа и мама? они *играютъ* въ воровъ“. И въ голубыхъ глазахъ и на невинныхъ губахъ играла счастливая улыбка наслажденія природнаго разбойника, родившагоса на свѣтъ затѣмъ, чтобы кусаться.

E. Z-1-

ЧТО ДУМАТЬ О СПИРИТИЗМѢ?

По поводу письма проф. Вагнера.

III *).

Мы видѣли, что, рассказавъ о гармоникѣ, висѣвшей передъ его глазами на воздухѣ, г. Вагнеръ оставляетъ самъ это явленіе подъ сомнѣніемъ, котораго впрочемъ не высказалъ рѣшительно. Во всякомъ случаѣ, это единственное проявленіе скептицизма въ отношеніи къ спиритическимъ явленіямъ, которое намъ удалось подмѣтить въ его письмѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ довѣріе г. Вагнера заходятъ такъ далеко, что, мы увѣрены, покажется чрезмѣрнымъ даже многимъ изъ убѣжденныхъ спиритовъ. Для примѣра приведемъ собственными словами г. Вагнера слѣдующее обстоятельство, сопровождавшее его опыты со „стологовореніемъ“.

„Столъ вытребовалъ французскую азбуку, которую произносилъ Бредиѣ, и совершенно правильно сложилъ:

„Licht! mehr Licht!“

— къ крайнему удивленію всѣхъ насъ, *которые очень хорошо знали, что Бредиѣ ни слова не знаетъ по-нѣмецки*“ (стр. 864). Нужно сказать, что этотъ Бредиѣ — профессиональный медиумъ, который является въ спиритическіе сеансы по найму, за 30 р. въ вечеръ. Описавши его біографію и внѣшнія качества, самъ г. Вагнеръ прибавляетъ: „понятно, что личность подобнаго рода внушала очень мало довѣрія“ (стр. 861). Между тѣмъ, г. Вагнеръ не только за себя, но и за всѣхъ присутствующихъ увѣряетъ, что г. Бредиѣ не знаетъ ни слова по-нѣмецки. Спрашивается, какимъ образомъ *могъ* въ этомъ удостовѣриться г. Вагнеръ? Очевидно, основываясь только на показаніи самого же г. Бредиѣфа, „личности, по его же собственнымъ словамъ, внушающей очень мало довѣрія“; собирать же достовѣрныя свѣдѣнія въ Парижѣ о томъ, не знаетъ ли г. Бредиѣ нѣсколькихъ фразъ по-нѣмецки, было бы просто смѣшно, и мы увѣрены, что

*) Вслѣдствіе недоразумѣнія, весьма возможнаго при далекомъ разстояніи и необходимости письменныхъ сношеній, эта часть статьи, написанная авторомъ одновременно съ предыдущею („В. Евр.“ іюнь, стр. 906), не могла быть напечатана нѣкѣтъ и является въ печати только теперь; но она собственно составляетъ заключеніе той статьи, уже прежде напечатанной, и должна потому применитъ къ ней непосредственно. — *Ред.*

г. Вагнеръ этого не дѣлалъ. Да и вообще вопросъ о томъ, знаетъ или не знаетъ г. Бредифъ нѣмецкій языкъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, такъ какъ, по разсказу г. Вагнера, въ сеансѣ участвовало нѣсколько другихъ лицъ, знающихъ нѣмецкій языкъ, и вообще языкъ, на которомъ столяръ диктуетъ свои изреченія, получилъ бы особенное значеніе только тогда, еслибъ онъ не былъ извѣстенъ ни одному изъ присутствующихъ. Тогда дѣйствительно было бы неизбежно заключить, что собесѣдующая интеллигентная сила находится внѣ круга участвующихъ въ сеансѣ. Но, сколько мы знаемъ, такого, безусловно удостовѣреннаго, факта еще никогда не бывало въ лѣтописяхъ спиритизма — вотъ, поразительный примѣръ, до какой не точности въ свидѣтельскихъ показаніяхъ могутъ доходить люди подъ вліяніемъ предвзятой мысли, даже ученые, которыхъ самая специальность обыкновенно пріучаетъ къ крайней осторожности въ изслѣдованіяхъ.

Перейдемъ теперь къ той части письма г. Вагнера, которая способна произвести наиболѣе одушевленія къ спиритизму въ одной части публики и всего болѣе подорвать кредитъ его въ другой. Мы говоримъ объ описанныхъ имъ такъ-называемыхъ „лицевыхъ сеансахъ“ (face seance). Странное названіе это происходитъ отъ того, что въ теченіи ихъ передъ глазами вѣрующихъ является лицо или какая-нибудь часть неизвѣстнаго, но подобнаго человѣку организма. Чтобъ достигнуть этого, г. Вагнеръ и его общество, по образцу англійскихъ спиритовъ, помѣщали своего медиума въ особое темное пространство, тщательно связывали его по рукамъ и по ногамъ, а сами располагались полукругомъ въ слабо освѣщенной комнатѣ передъ занавѣскою, отдѣлявшею ихъ отъ медиума. Медиумъ впадалъ при этомъ въ „магнетическій“ сонъ, и спустя нѣсколько времени, за занавѣскою появлялась рука, вовсе непохожая на руку медиума, выстукивала на тамбуринѣ подъ тактъ музыки, звонила въ колокольчикъ, писала по-французски разныя фразы на бумажкѣ, и т. д. Свойства этой руки описаны г. Вагнеромъ съ живостью и наглядностью, въ которыхъ мы узнаемъ мастера. По окончаніи сеанса внимательно осматривались помѣщеніе медиума и тѣсныя, связывавшія его. Все было находимо въ совершенной исправности, такъ что г. Вагнеръ заблаговременно энергически протестуетъ противъ всякаго подозрѣнія въ томъ, что описанныя явленія могли быть поддѣланы медиумомъ или его, проскользнувшимъ въ помѣщеніе, помощникомъ.

Для публики, незнакомой со спиритизмомъ, мы должны прежде всего замѣтить, въ защиту г. Вагнера, что какъ ни страненъ его разсказъ, но онъ не заключаетъ въ себѣ ничего небывалаго или неслыханнаго. Подобныя явленія, при подобныхъ условіяхъ, были уже

многokrатно наблюдаемы и описаны людьми не только безукоризненно добросовѣстными, но и обладающими несомнѣннымъ научнымъ авторитетомъ въ своей области. Въ рѣдкомъ номерѣ спиритическихъ журналовъ въ Англии, а особенно въ Америкѣ, не встрѣчаются въ послѣднее время такіе же или еще болѣе удивительные рассказы о „матеріализаціи“ духовъ и ихъ „дематеріализаціи“ силою нѣкоторыхъ особо-одаренныхъ медиумовъ (materialisation and dematerialisation of spirit-forms). Лѣтъ десять назадъ обыкновенно сообщалось о появленіи такимъ путемъ *рукъ*, затѣмъ стали воспроизводиться *лица*, а наконецъ *полные образы* какихъ-то странныхъ существъ, двигающихся, говорящихъ, доступныхъ не только зрѣнію, но и осязанію. Большею частью эти существа представляютъ по голосу и чертамъ лица поразительное сходство съ медиумомъ, такъ что они считаются нѣкоторыми мистическимъ *двойникомъ* послѣдняго. Но иногда они, напротивъ, вовсе не похожи на медиума или даже похожи на кого-нибудь изъ умершихъ родственниковъ участвующихъ. Въ англійскихъ спиритическихъ журналахъ въ три послѣдніе года помѣщались безчисленные рассказы о словахъ и дѣйствіяхъ *Джона Кинна* и *Кэти* (она же *Энни Моранъ*). Это ни болѣе, ни менѣе, какъ матеріализирующіеся при сеансахъ духи-покровители медиумовъ м-ра Вильямса и миссъ Кукъ. Такіе духи, принявшіе оболочку своихъ медиумовъ, выходятъ изъ-за занавѣски, гдѣ скрывается медиумъ, въ средину спиритическаго кружка, бесѣдуютъ съ его членами, цѣлуютъ и позволяютъ себя цѣловать, играютъ на фортепьяно, снимаются фотографически въ различныхъ позахъ съ помощью электрическаго свѣта, даже *принимаютъ пищу*. Мало этого. Въ лондонскихъ спиритическихъ кружкахъ нѣсколько разъ появлялся при тѣхъ же условіяхъ „духъ“, называвшій себя *Петромъ*, который, въ величайшему скандалу присутствовавшихъ, ругался, богохульствовалъ, требовалъ водки и даже, если насъ не обманываетъ память, пилъ ее.

Все это засвидѣтельствовано письменными удостовѣреніями и подписями множества въ высшей степени респектабельныхъ и отчасти ученыхъ людей, которые говорятъ о неподдѣльности всѣхъ этихъ чудесъ съ такимъ же непоколебимымъ убѣжденіемъ, съ какимъ, вѣроятно, говорили передъ судомъ инквизиціи многіе свидѣтели въ процессахъ вѣдьмъ въ средніе вѣка. Но между ихъ показаніями и показаніями г. Вагнера все-таки есть огромная разница, и именно въ томъ, что первые дѣлаются исключительно *въ спиритическихъ журналахъ*. Онѣ пишутся, слѣдовательно, для своей особой публики, которая совершенно въ правѣ довольствоваться коротенькими корреспонденціями, подписанными участниками сеанса, что въ Ньюкестлѣ или Брайтонѣ совершился фактъ матеріализаціи такого или другого вида. Подобно этому, финансовая публика доволь-

ствуется короткими биржевыми извѣстіями своей газеты, или ученая публика краткими отчетами объ успѣхахъ науки въ реферирующихъ журналахъ. Сомнѣніе въ томъ, не составляютъ ли подобныя извѣстія результатъ смѣлаго обмана съ одной стороны и недостатка проницательности или физическихъ знаній съ другой,—върующей спиритической публикѣ, разумѣется, и въ голову не приходитъ.

Совсѣмъ иное однако, когда подобное сообщеніе выходитъ изъ своей специальной сферы и адресуется къ массѣ публики вообще. Банкиръ считаетъ тогда своею обязанностью подробно разъяснить выгоды и солидность рекомендуемаго имъ предпріятія, ученый сообщаетъ не только полученный имъ результатъ, но и путь, приведшій къ его достиженію, имѣя въ виду такимъ образомъ внушить даже людямъ, вѣ науки стоющимъ, довѣріе къ ея новому приобрѣтенію. Справедливость заставляетъ поэтому требовать, чтобы и спиритъ, дѣлая сообщеніе не въ собственномъ специальномъ органѣ, а въ журналѣ, предназначенномъ для большой публики, умѣлъ придать этому сообщенію характеръ объективной истинности, а не простого субъективнаго убѣжденія, что явленія происходили именно путемъ, признаваемымъ имъ за истинный. Читатель долженъ видѣть, что въ лицѣ автора онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который и при такихъ, повидимому, необыкновенныхъ обстоятельствахъ, сохранялъ способность спокойнаго обсуждения, а не съ человѣкомъ, отдававшимся безконтрольно своимъ впечатлѣніямъ. Естественно поэтому желать, чтобы спиритъ, адресующійся къ массѣ публики, являлся передъ нею не человѣкомъ другого міра, съ которымъ никакое соглашеніе невозможно, а здравомыслящимъ собесѣдникомъ, способнымъ стать на точку зрѣнія своихъ читателей и признать полную законность ихъ естественнаго скептицизма, полную необходимость элемента убѣдительности въ его сообщеніи.

Съ этой точки зрѣнія разсказъ проф. Вагнера о видѣнныхъ имъ случаяхъ „матеріализаціи“ не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Слѣдую привезенной изъ Америки модѣ, г. Вагнеръ и его товарищи обращали прежде всего вниманіе на то, чтобы возможно затруднить непосредственное участіе въ этихъ явленіяхъ медиума. Г. Вагнеръ подробно описываетъ способъ связыванія медиума тесемками, причемъ петли накладывались главнымъ образомъ на конечности медиума. Не только безчисленные побѣги связанныхъ такимъ образомъ плѣнныхъ, но и образцы подобнаго искусства, показываемые еще и теперь мелкими фокусниками на ярмаркахъ, должны бы однако давно уже убѣдить спиритовъ въ ненадежности этого способа для предотвращенія мистификаціи. Многія лица, въ особенности дамы, способны съ помощью напряженія мускуловъ, приводящихъ большой палецъ и мизинецъ, сдѣлать свою ручную кисть тоньше

предплечія. Если петля наложена на послѣднее, то она очень легко соскальзываетъ съ конечности и точно такъ же легко можетъ быть на нее вторично надвинута. Если г. Вредифъ обладаетъ этою способностью, то ему очень легко было освободить руки изъ описанной перевязи, *вынувши ихъ изъ стуртука* безъ всякаго поврежденія тулевыхъ мѣшечковъ. Намекъ же на эту способность мы видимъ въ томъ, что появившаяся рука имѣла, по словамъ г. Вагнера, *узкую форму*. Если для успѣха опыта необходимо, чтобы медиумъ сидѣлъ отдѣльно и за занавѣскою, то единственный серьезный контроль могъ бы быть доставленъ приспособленіемъ въ родѣ того, которымъ банкиры предохраняютъ отъ взлома свои окна и кассы. Материалъ для этого приспособленія: гальваническій элементъ, нѣсколько проволокъ и какой-нибудь сигнальный аппаратъ, который даждь бы въ то же мгновеніе свѣдѣніе о всякомъ движеніи медиума, можно найти во всякомъ физическомъ кабинетѣ или физиологической лабораторіи. Само собою разумѣется, что во время расположенія сигнальных проволокъ, медиумъ долженъ оставаться съ завязанными глазами. Тогда безъ всякихъ перевязокъ онъ тотчасъ выдастъ себя, если захочетъ злоупотребить своею свободою.

Но еще гораздо недостаточнѣе были предосторожности, принятыя г. Вагнеромъ противъ появленія въ помѣщеніи медиума посторонняго лица, ассистента или ассистентки медиума. Медиумъ помѣщался въ амбразуру двери, закрытой портьерою. Дверь эта запиралась на ключъ, и ключъ участники опыта *брали къ себѣ*. Эта, на первый взглядъ очень цѣлесообразная предосторожность, на самомъ дѣлѣ была непростительною оплошностью. Если медиумъ связанъ такъ, что его личное участіе въ явленіяхъ невозможно, то его бояться нечего и оставленный въ запертой двери ключъ былъ бы гарантіею того, что она не могла быть отворена вторымъ ключемъ сзади. О томъ, что находилось за этою дверью: корридоръ, передняя или жилая комната, было ли осмотрѣно это помѣщеніе предварительно, съ чѣмъ оно сообщалось съ другой стороны—въ письмѣ г. Вагнера не говорится ни слова. Наконецъ, не исключена возможность еще одного простого объясненія. Если драпировка двери, какъ это часто бываетъ, была много шире самой двери и снабжена достаточно широкими складками, то при извѣстной смѣлости и искусствѣ, которыя мы должны же предполагать въ лицѣ, исполняющемъ роль китайской женщины, оно могло выбрать для своего помѣщенія промежутокъ между косякомъ и драпировкою, тотчасъ возлѣ сидящихъ за столомъ свидѣтелей опыта. Между тѣмъ, г. Вагнеръ настаиваетъ только на невозможности постороннему лицу проникнуть сквозь дверь или косяки ея въ помѣщеніе медиума, и не принимаетъ въ соображеніе еще и этой возможности. Если, поэтому, были воз-

можно такіе недосмотры въ чисто-физическихъ условіяхъ сеанса, то тѣмъ возможнѣе предположеніе ихъ относительно строгаго и безпристрастнаго взвѣшиванія психическихъ обстоятельствъ.

Допустимъ однако, вмѣстѣ съ г. Вагнеромъ, что описанныя имъ явленія „матеріализаціи“ совершались не съ помощью мистификаціи, а предполагаемымъ имъ сверхъестественнымъ путемъ. Допустимъ, что въ помѣщеніи медиума, дѣйствіемъ какою-то психической силы, изъ какихъ-то проэлементовъ образуются сначала химическіе элементы, входящіе въ составъ человѣческой руки, потомъ изъ этихъ элементовъ нужныя органическія соединенія, а изъ нихъ клѣточки, ткани, и наконецъ *рука*. Вѣроятно, что для миллионовъ спиритовъ этимъ и ограничивается все чудесное въ процессѣ матеріализаціи, такъ какъ дальнѣйшія дѣйствія этой новообразованной руки представляются имъ уже совершенно естественными. Но г. Вагнеръ долженъ согласиться, что еще безконечно чудеснѣе то, что совершается послѣ самаго акта „матеріализаціи“. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Вагнеръ: „всего интереснѣе было прикосновеніе этой руки, которая намъ являлась, или, правильнѣе, говоря, при насъ образовалась, руки совершенно теплой, маленькой, женской, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенной человѣческой руки. Каждый изъ насъ, кто пожелалъ вдвинуть свою руку за занавѣску, чувствовалъ, какъ трогали его руку или пожимали его пальцы. Съ меня рука пробовала стащить кольцо и очень явственно зацѣпляла его ногтемъ. Черезъ сукно занавѣски всѣ мы совершенно явственно ошупывали эту руку; я сжималъ ея пальцы, ошупывалъ на нихъ ногти. Точно также эта рука или эти руки, въ свою очередь, схватывали и сжимали наши руки, утягивали ихъ внутрь темнаго помѣщенія“ (стр. 871).

Естествоиспытателю, при изслѣдованіи безконечной окружающей его природы, вовсе не рѣдкость встрѣтить явленіе, которое представляется ему на первый взглядъ отступленіемъ отъ общихъ законовъ природы, извѣстныхъ въ моментъ изслѣдованія. Но въ безчисленномъ множествѣ подобныхъ случаевъ, въ концѣ-концовъ, оказывалось, что дѣло идетъ не о нарушеніи общаго закона, а только объ его нѣсколько особенномъ проявленіи вслѣдствіе вліянія какихъ-нибудь побочныхъ условій. Когда, напр., г. Вагнеръ открылъ явленіе педогенеза у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, то оно могло показаться на первый взглядъ исключеніемъ изъ общаго закона размноженія уже развитыхъ индивидуумовъ. Но дальнѣйшее знакомство съ процессомъ размноженій показало, что нѣтъ никакого основанія связывать этотъ процессъ съ однимъ только возрастомъ индивидуума, и педогенезъ явился поэтому только одною изъ формъ генеза вообще, нѣсколько не болѣе удивительною, чѣмъ всѣ другія.

Какъ бы ни было поэтому странно представившееся естествоис-

питателю явленіе, но, дѣйствуя въ духѣ и по методу своей науки, онъ можетъ быть увѣреннымъ, что въ концѣ-концовъ разгадка и въ этомъ случаѣ будетъ получена согласно съ общимъ понятіемъ о единствѣ законовъ, управляющихъ міромъ. Ему нужно только отличать связи, соединяющія необыкновенное явленіе съ болѣе точно изслѣдованными, и то поставляя новыя, то устраняя прежнія условія при воспроизведеніи явленія, удостовѣриться, какое изъ этихъ условий для явленія существенно, и въ какой связи находится это условіе съ особенностями явленія. Такое активное, *опытное* изученіе явленія составляетъ гордость и силу новаго естествознанія въ противоположность почти исключительно пассивному, основанному только на *наблюденіи* явленій, изученію природы въ древніе и средніе вѣка.

Спрашивается, есть ли хоть намѣкъ на такое активное отношеніе г. Вагнера къ явленіямъ матеріализаціи? Очевидно, нѣтъ. Онъ самъ, какъ и спириты вообще, часто называетъ свои засѣданія *опытами*, несмотря на то, что въ этихъ засѣданіяхъ дѣло почти исключительно ограничивается однимъ пассивнымъ *наблюденіемъ* явленій. Если астрономъ ограничивается исключительно наблюденіемъ звѣзды, отстоящей отъ него на билліоны миль, то это дѣлается имъ поневолѣ; и намъ въ голову не приходитъ обвинять его за это неизбѣжное по сущности дѣла ограниченіе. Но чѣмъ оправдать въ естествоиспытателѣ совершенно пассивное отношеніе къ такому явленію, которое возникаетъ въ его непосредственной близости, и притомъ обнаруживаетъ претензію на совершенно особенное происхожденіе?

Если за занавѣскою появляется рука, во всѣхъ отношеніяхъ похожая на человѣческую руку, то г. Вагнеръ, въ качествѣ зоолога, непремѣнно долженъ былъ придти къ слѣдующему заключенію: эта рука пробуетъ стащить съ меня кольцо. Значить, у нея есть мускулы, сгибающіе пальцы. А эти мускулы прикрѣпляются къ предплечію. Слѣдовательно, у этой руки, если она въ самомъ дѣлѣ рука, а не какое-то безыменное чудовище, должно быть еще по крайней мѣрѣ предплечіе. Эта рука теплая. Намъ достовѣрно извѣстно, что теплота руки зависитъ отъ притока къ ней теплой крови, а притокъ этотъ обусловливается дѣятельностью сердца. Слѣдовательно, и къ этой рукѣ должно принадлежать по крайней мѣрѣ какое-нибудь сердце, питающее ее теплою кровью. Далѣе: рука эта способна колебать занавѣску, сжимать мои пальцы, писать карандашемъ на бумагѣ, и такъ далѣе, т.-е. она способна производить самыя разнообразныя координированныя движенія. Очевидно, слѣдовательно, что она обладаетъ не только нервами, но и мозговыми клетками, такъ-называемыми координационными центрами мышечныхъ движеній.

Возможно ли, чтобъ предплечіе, сердце, координаціонные центры заключались въ той же рукѣ, которую видѣлъ и ощупывалъ г. Ваг-

неръ? Г. Вагнеръ, мы увѣрены, первый отвѣтитъ, что это абсолютно невозможно, что такое предположеніе превосходило бы всякое понятіе о чудѣ, не говоря уже о законахъ мышленія вообще. Г. Вагнеръ не имѣетъ конечно и тѣни сомнѣнія въ томъ, что *форма* каждой части нашего организма условливается *формой* всѣхъ другихъ его частей, и что наша рука, слѣдовательно, имѣетъ свою форму, между прочимъ, *именно потому*, что наше сердце лежитъ въ грудной полости, а координаціонные центры въ полости черепа. Обыкновенный спиритъ, для котораго не имѣютъ обязательности факты физиологии и сравнительной анатоміи, можетъ не понимать силы этого аргумента, но г. Вагнеръ навѣрно пойметъ все его значеніе. Онъ согласится, что какъ бы ни была велика творческая способность „психической силы“, но создать образованіе, по формѣ „ничѣмъ не отличающееся отъ человѣческой руки“, и у котораго сердце и координаціонные центры находились бы *въ немъ самомъ*, а не внѣ его, — психическая сила не въ состояніи. Отрицать это значило бы отрицать не только законы природы, которые мы можемъ знать не вполнѣ, но и законы мышленія вообще, т.-е. отрицать возможность какой-нибудь правильной логической операціи. Какъ ни странно покажется это на первый взглядъ, но достовѣрно то, что образованіе изъ ничего *цѣлаго* человѣческаго организма составляетъ нѣчто безконечно болѣе простое, чѣмъ образованіе одной человѣческой руки, дѣйствующей, какъ таковая, безъ участія всѣхъ другихъ частей организма. На основаніи безчисленныхъ данныхъ опыта, мы должны считать для себя первое только *невозможнымъ*, тогда какъ второе не только *невозможно*, но и *немисливо*.

Но если это такъ, то въ чемъ же должна была состоять обязанность естествоиспытателя въ виду представляющихся ему явленій „материализаціи“? Его спеціальная наука говоритъ ему, что то, что онъ видѣлъ и держалъ въ своихъ рукахъ, можетъ быть только неразрывно связанная съ цѣлымъ часть живого организма изъ породы двурукихъ. Онъ долженъ бы считать издѣвательствомъ надъ своимъ научнымъ достоинствомъ, еслибы кто-нибудь вздумалъ увѣрить его въ противномъ. Но если такое постороннее утвержденіе, по какиъ-нибудь причинамъ, казалось ему уравнивающимъ несомнѣнныя данныя науки, то его обязанность состояла въ рѣшеніи вопроса *опытомъ*, а не въ гипотезированіи о невѣдомыхъ силахъ природы. Отъ непосредственнаго рѣшенія загадки его отдѣляла только легкая занавѣска, отдернуть которую было въ его власти. Этими внесенно бы было въ явленіе новое условіе, повидимому, весьма существенное, такъ какъ закрытая занавѣска составляетъ *conditio sine qua non* только для одного успѣшнаго проявленія материализаціи. Держа въ рукѣ эту таинственную руку, отдернуть занавѣску, чтобы

однимъ взглядомъ убѣдиться, на обычномъ ли мѣстѣ сердце и мозговые центры этой руки, т.-е. принадлежитъ ли она цѣлому индивидууму, попавшему за занавѣску, или передъ нами осуществился изъ триллионовъ шансовъ тотъ одинъ, когда всѣ тысячелѣтнія построения человѣческаго разума оказываются ложными передъ совершенно новымъ порядкомъ явленій,—вотъ простая форма опыта, прежде которой никакія разсужденія о причинахъ „новообразованія“ для человѣка науки не могутъ имѣть мѣста.

И что, въ самомъ дѣлѣ, могло бы удерживать насъ отъ произведенія подобнаго опыта? Слово, данное медиуму, не прикасается къ занавѣскѣ? Но, мнѣ кажется, самая щекотливая совѣсть могла бы успокоиться, еслибы оказалось, что медиумъ, связавшій насъ словомъ, не болѣе какъ низкій обманщикъ. Если же, паче чаянія, за занавѣскою открылась бы въ самомъ дѣлѣ лабораторія таинственной психической силы, то кто изъ истинныхъ людей науки не готовъ бы былъ на всевозможныя экспіаціи своего проступка ради открытія такой великой истины.

Спириты утверждаютъ, что попытки разоблаченія такимъ насильственнымъ путемъ истины могутъ имѣть въ высшей степени опасныя послѣдствія какъ для медиума, такъ и для того, кто рѣшается разыграть роль „юноши въ Саисѣ“. Фактъ однако убѣждаетъ насъ въ совершенно противномъ. Такъ, въ спиритическомъ журналѣ „Psychische Studien“ за 1874 годъ мы встрѣчаемъ описаніе слѣдующаго обстоятельства. Среди спиритическаго кружка, въ которомъ участвовали многія sommités спиритическаго міра, матеріализировался нѣсколько разъ „духъ“ *Кэти*, о которомъ мы выше упоминали. Къ участию въ одномъ изъ засѣданій въ декабрѣ 1873 года былъ допущенъ также еще изъ постороннихъ лицъ нѣкто г. Фольманнъ, давшій обѣщаніе оставаться совершенно пассивнымъ во время сеанса и не прикасаться къ явленію. Но, при появленіи *Кэти*, г. Фольманнъ внезапно бросился къ ней и заключилъ ее въ свои объятія. *Кэти*, какъ и всякая благовоспитанная дѣвушка въ подобномъ случаѣ, вскрикнула, но вырваться изъ его рукъ не могла. Два присутствовавшіе джентльмена должны были оказать ей эту услугу, освободили ее изъ объятій, и извергнули святотатца изъ комнаты. *Кэти* убѣжала за занавѣску, откуда послышались стоны медиума, миссъ Кукъ. Послѣ этого приключенія миссъ Кукъ была нѣсколько времени больна, и сеансы съ *Кэти* прекратились. Но когда медиуму дали торжественное обѣщаніе, что подобное насиліе ни въ какомъ случаѣ не повторится, то представленія *Кэти* въ кругу избранныхъ адептовъ стали продолжаться по прежнему; она была даже любезнѣе съ своими созерца-

телями чѣмъ когда-нибудь, дарила имъ свои волосы, части своей одежды, цвѣты и т. д., какъ ни въ чемъ не бывало ¹⁾).

Другой, также безобидно окончившійся случай, былъ слѣдующій. Въ маленькомъ нѣмецкомъ городѣ Аригеймѣ явились для представленій два знаменитые лондонскіе медиума, ясновидецъ Тэйлоръ и физическій медиумъ Бастианъ. При одномъ изъ сеансовъ, въ совершенно темной комнатѣ, участвующіе, вмѣстѣ съ ясновидящимъ медиумомъ, образовали цѣпь вокругъ физическаго медиума, сидѣвшаго на стулѣ. Вскорѣ начали обнаруживаться разныя необыкновенныя явленія, откуда-то сверху неслись звуки гитары. Вдругъ, съ помощью электрической проволоки, въ комнатѣ было зажжено яркое пламя. При свѣтѣ его всѣ увидѣли физическаго медиума, державшаго надъ головой гитару, которая выпала у него изъ рукъ при этой неожиданности. Медиумы тотчасъ бѣжали, но по всей вѣроятности это событіе не имѣло для нихъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, такъ какъ они, по возвращеніи въ Лондонъ, тотчасъ же публиковали о возобновленіи ихъ спиритическихъ сеансовъ на прежнихъ условіяхъ. Съ другой стороны изъ лицъ, устроившихъ эту неожиданность, пострадалъ только одинъ, получившій легкій ушибъ въ голову отъ выпавшей изъ рукъ физическаго медиума гитары ²⁾).

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что попытка *опытнымъ* путемъ, постановкою новыхъ условій, рѣшить вопросъ о сущности „материализаціи“, не сопровождается фатальными послѣдствіями ни для кого. Утвержденія спиритовъ въ противномъ, слѣдовательно, не имѣютъ серьезнаго значенія и опытному изслѣдованію открывается въ этомъ отношеніи свободный путь.

Нужно замѣтить притомъ, что даже нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся между спиритами, имѣвшіе сотни случаевъ видѣть явленія материализаціи, высказываютъ печатно крайнее сомнѣніе въ ихъ истинности. На такой точкѣ зрѣнія находится, напримѣръ, лондонскій судья *Коксъ*, у котораго г. Вагнеръ заимствовалъ свою теорію „психической силы“. Мы считаемъ себя поэтому въ правѣ оставить при нашемъ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, четвертую категорію спиритическихъ явленій, т.-е. явленія „материализаціи“, совершенно въ сторонѣ. За то, мы надѣемся доказать, что замѣчаемыя при спиритическихъ опытахъ *движенія массъ* и *звуки*, а равно и *интеллектуальный* иногда *характеръ* этихъ явленій, могутъ быть объяснены безъ мистической подкладки, и соотвѣтственно избранному нами эпиграфу, безъ гипотезы новой силы.

¹⁾ Замѣчательнъ исходъ этого дѣла для г. Фолькманна. Спиритическія газеты развилась, разумѣется, громами и молніей на нарушителя слова, но вскорѣ толки объ этомъ происшествіи прекратились: г. Фолькманнъ, по извѣстіямъ спиритическихъ газетъ, самъ сдѣлался *пламеннымъ спиритомъ*.

²⁾ Фактъ этотъ заимствованъ нами изъ „Psychische Studien“, 1875. Heft I, pag. 41.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе Комитета 14-го апрѣля.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, помощникъ предсѣдателя Н. А. Некрасовъ, казначей П. А. Гайдебуровъ, и члены: К. Д. Кавелинъ, О. Ѳ. Миллеръ и Н. С. Таганцевъ.

1) Выдано 50 р. вдовѣ автора нѣсколькихъ литературныхъ и ученыхъ сочиненій, находящейся въ затруднительномъ положеніи.

2) Выдано 200 р. писателю, по крайне разстроеному здоровью нуждающемуся въ заграничномъ леченіи.

3) Выдано 150 р. писателю, поставленному въ крайнее положеніе съ двумя малолѣтними дѣтьми смертью жены, также занимавшейся литературнымъ трудомъ.

4) Выдано 25 р. на похороны бывшаго профессора и автора специальныхъ сочиненій, умершаго въ больницѣ умалишенныхъ.

5) По желанію писателя, сдѣлано сношеніе съ редакціей газеты о возвращеніи его статьи.

6) Отклонено одно ходатайство о пособіи за силою § 5 устава и одно о ссудѣ, за непредставленіемъ поручительства.

7) Изъявлена благодарность Общества П. И. Вейнбергу, А. Н. Майкову, Н. А. Некрасову, А. Н. Плещееву и А. С. Суворину за участіе въ литературномъ чтеніи въ пользу Общества, и Г. К. Рѣпинскому за содѣйствіе Комитету въ устройствѣ этого чтенія.

8) Представленъ казначеемъ слѣдующій отчетъ за мартъ:

Къ 1-му марта въ кассѣ было 57,993 руб. 64 коп. Поступило: взносы 187 лицъ 3,265 р.; пожертвованія: М. М. Жеребцова и неизвѣстной по 100 р.; собранныхъ въ Тифлисѣ чрезъ князя Н. Д. Чавчавадзе 90 р.; пожалованные Государемъ Императоромъ 1,000 р.; процентныя деньги отъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ за 1874 г. 86 р. 60 к.; проценты съ капитала 986 р. 62 к. и возвратъ части ссуды 500 р.; всего 6,128 р. 22 к. Израсходовано: на пенсіи 9 лицамъ 550 р., на единовременныя пособія 7 лицамъ 900 р.; на воспитаніе 3-хъ лицъ 240 р.; въ ссуду 1-му лицу 300 р.; за храненіе процентныхъ бумагъ 8 р. 15 к.; за доставку членамъ напоминаній о взносахъ 52 р.; всего 2,050 р. 15 к. Къ 1-му апрѣля въ кассѣ 62,071 р. 71 к.

Засѣданіе Комитета 28-го апрѣля.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, казначей П. А. Гайдебуровъ, секретарь П. А. Ефремовъ, члены: К. И. Бестужевъ-Рюминъ, К. Д. Кавелинъ, А. А. Краевскій, О. Э. Миллеръ и М. С. Стасюлевичъ.

- 1) Выдано 25 р. писателю, временно находящемуся въ затруднительномъ положеніи.
- 2) Выдано 50 р. на погребеніе писателя, извѣстнаго своими многочисленными и полезными трудами.
- 3) Выдано въ ссуду одному лицу 300 р. и другому 350 р. за поручительствомъ членовъ Общества.
- 4) По желанію писателя сдѣлано сношеніе съ редакціею газеты о высылкѣ ему гонорара.
- 5) Отклонены ходатайства: одно о пенсіи и три о пособіи за силою § 5 устава и за недавнею выдачею пособія двумъ изъ просителей, и одно о ссудѣ.
- 6) Отказано писателю въ передачу его сочиненій въ редакціи для напечатанія, такъ какъ въ сношенія съ редакціями онъ можетъ войти помимо Комитета.
- 7) Изъявлена благодарность Общества за пожертвованіе 22 воспитанникамъ учебнаго заведенія 28 р. въ память умершаго ихъ товарища.

Общее собраніе, происходившее 9-го мая, въ присутствіи 24 членовъ Общества, по открытіи его предсѣдателемъ, началось чтеніемъ слѣдующаго *отчета секретаря*: „Милостивые государи! Въ нынѣшнемъ собраніи Комитетъ имѣетъ честь представить вамъ отчеты за истекшую треть года, съ 1-го января по 1-е мая. Къ числу 483 членовъ Общества въ это время прибавилось 23, и вышло 10, изъ которыхъ трое умерли (Е. П. Мочалкинъ, Н. И. Пущинъ и В. М. Федоровъ) и 7 сложили съ себя званіе членовъ. Затѣмъ, съ 1-го мая членовъ числится 496. *Денежная пособія* за январьскую треть года, сверхъ произведенныхъ по назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, были слѣдующія: 1) *Пенсіи*, изъ которыхъ одну Комитетъ призналъ необходимымъ увеличить на 60 р. въ годъ, съ 180 р. на 240 р., въ виду крайне бѣдственнаго положенія семейства, пользующагося этой пенсіей. Оно состоитъ изъ матери, болѣе 20-ти лѣтъ лежащей въ параличѣ безъ всякаго движенія, и изъ престарѣлой дочери, почти потерявшей зрѣніе въ послѣднее время и постигнутой тяжелой болѣзью, препятствующей ей заниматься работою. 2) *Выдачи на воспитаніе и ученіе* были вновь назначены двумъ лицамъ: сестрѣ писательницы 60 рублей, и малолѣтнему сыну умершаго профессора 100 рублей; а постоянными, учрежденными съ 1872 года, четырьмя стипендіями для студентовъ и вольнослушателей 1-го курса с.-петербургскаго университета, по 125 рублей въ годъ каждая, воспользовались на вторую половину учебнаго года тѣ же самыя лица, которыя получили въ прошедшемъ году первую половину этихъ сти-

пенсій. Стипендія, учрежденная въ память Е. П. Ковалевскаго, на текущее полугодіе, согласно отзыву совѣта харьковскаго университета, была сохранена за прежнимъ же стипендіатомъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ, но продолжающимъ свои занятія для подготовки къ ученой дѣятельности. 3) *Единовременная пособия* были назначены 22 лицамъ и семействамъ на сумму 2,245 р., въ томъ числѣ одному лицу въ 600 р., 1 въ 300 р., 1 въ 200 р., 1 въ 150 р., 3 по 100 р., 3 по 75 р., 7 по 50 р. 4 по 25 р., и 1 въ 20 р. (последнему по назначенію 1874 г., вдобавокъ къ выданному тогда пособию). Сверхъ того, выдано на погребеніе одного писателя 50 р., и другого 25 р. Въ числѣ лицъ, получившихъ пособіе, одно воспользовалось имъ два раза: сначала 50 р., и потомъ еще 25 р. Что же касается пособія въ 600 р., то во вниманіе къ сравнительной значительности этой суммы, не часто встрѣчающейся въ практикѣ Комитета, должно замѣтить, что оно было назначено на продолжительную заграничную поѣздку, необходимую для леченія писателя, застигнутаго среди своей дѣятельности тяжелой болѣзью, отнявшей у него возможность къ работѣ, при совершенномъ отсутствіи средствъ къ жизни. 4) *Ссуды* были назначены шести лицамъ въ разнѣрѣ 2,850 р., въ томъ числѣ одному въ 1,500 р., 1 въ 350 р., 3 по 300 р., и 1 въ 100 р. Возвратъ этихъ ссудъ обезпеченъ рчательствомъ членовъ Общества, причемъ за возвращеніе первой вручилиась 5 членовъ и въ настоящее время третья доля ея, именно 500 р., за долго до истеченія срока, уже поступила въ уплату.

Неденежная пособия Общества были слѣдующія: 1) По ходатайству Комитета, благосклонно принятому членомъ Общества, М. С. Ступинскимъ, малолѣтній сынъ покойнаго профессора, въ случаѣ неудачнаго жребія при баллотировкѣ, будетъ принятъ за уменьшенную плату на воспитаніе въ заведеніе Человѣколюбиваго Общества. 2) Больному писателю выданъ бесплатный билетъ для пользованія въ лечебномъ заведеніи. 3) Пяти лицамъ оказано посредничество въ сношеніяхъ съ редакціями газетъ и журналовъ по истребованіямъ гонорара за статьи и по возвращеніямъ рукописей. 4) Объ одномъ лицѣ сообщено химическому Обществу при с.-петербургскомъ университетѣ съ препровожденіемъ списка работъ этого лица. 5) По просьбѣ писателя, не имѣющаго средствъ къ воспитанію дочери, Комитетъ ходатайствовалъ о помѣщеніи ея на казенный счетъ въ учебное заведеніе.

Отклонено 18 просьбъ 17-ти просителей о пособіи, въ томъ числѣ: 9 по невозможности согласить ходатайства съ требованіями устава Общества, 5 по имѣвшимся свѣдѣніямъ о просителяхъ, какъ, напримеръ, полученіе ими пенсій или тому подобное, 4 по неоднократному назначенію пособій въ близкіе сроки, причемъ дальнѣйшія выдачи выходили бы уже изъ предѣловъ устава. Одному лицу отказано въ пенсіи, по ничтожности его литературныхъ трудовъ и за собранными о немъ свѣдѣніями. Въ *ссуды* отказано 5-ти лицамъ, по неизбѣжно основаній къ выдачѣ ея и за непредставленіемъ достаточнаго поручительства; 3 лицамъ отказано въ напечатаніи ихъ сочиненій на счетъ Общества, за недостаточностью на это средствъ; одному въ передачу его сочиненій въ разныя редакціи для напечатанія, такъ

какъ это можно сдѣлать помимо Общества, и одному въ присоединеніи урочковъ, за неизмѣнимъ въ виду требованій.

Прочія занятія Комитета были:

1) Согласно постановленію общаго собранія, 2-го февраля нынѣшняго года, относительно составленія проекта *устава ссудо-сберегательной кассы литераторовъ*, Комитетъ обратился къ членамъ Общества Е. И. Ламанскому, М. Н. Островскому и Н. Θ. Фандеръ-Флиту, которыми въ настоящее время и разрабатывается этотъ проектъ.

2) По постановленію того же собранія произведена выборка изъ приходо-расходныхъ книгъ членскихъ взносов и особыхъ пожертвованій, подлежащихъ обращенію въ *неприкосновенный капиталъ*. Согласно выборкѣ, капиталъ этотъ съ перваго мая составлялъ 19,647 р., изъ которыхъ 15,347 р. подлежатъ расходованію по постановленіямъ общихъ собраній, а 4,300 р. составляютъ капиталъ, съ котораго могутъ быть расходуемы только проценты, именно капиталъ имени В. Θ. Корша 2,000 р., И. Т. Лисенкова и Б. И. Утина по 1000 р. и Н. М. Василевскаго 300 р.

3) По порученію Комитета и по соглашенію казначея и секретаря съ членомъ Общества главнымъ бухгалтеромъ Государственнаго Банка И. А. Слѣпушинымъ, часть свободныхъ суммъ Общества обращена въ *процентныя бумаги*, которыхъ и куплено: для капитала имени В. Θ. Корша 6% закладныхъ листовъ харьковскаго земельного Банка, краткосрочныхъ, на 2,000 р. нарицательной стоимости (по 93%) и для капитала Общества 5% закладныхъ листовъ херсонскаго земельного Банка на 1,200 руб. (по 88³/₄%). Сверхъ того, составлена коммиссія изъ членовъ Комитета и Общества для соображенія о замѣнѣ части принадлежащихъ Обществу процентныхъ бумагъ другими, приносящими больше процентовъ.

4) Въ теченіе великаго поста было устроено въ пользу Общества *литературное чтеніе*, которое доставило 735 р. 67 к. чистаго дохода. Въ устройствѣ этого чтенія дѣятельно содѣйствовалъ Комитету членъ Общества Г. К. Рѣплицкій, а участіе въ чтеніи приняли—И. И. Вейнбергъ, А. Н. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, А. Н. Плещеевъ и А. С. Суворинъ. С.-Петербургское русское купеческое собраніе, какъ всегда, безвозмездно предоставило свой залъ для этого чтенія, а книжные магазины Черкесова и Комп. и А. Θ. Бабунова безвозмездно же продавали билеты. Объявленія о чтеніи бесплатно печатались редакціями „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Голоса“, а въ этихъ же газетахъ, а также въ „Недѣли“, „Финансовомъ Обзорѣнн“ и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ бесплатно были печатаемы извлеченія изъ журналовъ засѣданій Комитета.

Денежныя *пожертвованія* въ пользу Общества за истекшую треть года, подробно указанна въ отчетѣ казначея, простирались до 2,502 р. 60 к., въ томъ числѣ 1,903 р., собранные литераторами подъ именемъ неприкосновеннаго капитала имени В. Θ. Корша, для выдачи процентовъ въ пособіе одному изъ студентовъ с.-петербургскаго университета и 28 р. отъ учениковъ старшаго класса одной изъ гимназій, въ память умершаго ихъ товарища.

Изъ прочитаннаго затѣмъ отчета казначея видно, что къ 1-му

января 1875 года въ кассѣ было 58,426 р. 47 к. Вновь поступило 15,701 р. 89 к. Затѣмъ, къ 1-му мая въ кассѣ 63,547 р. 95 к., въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала 19,647 р. По стипендіи въ память Е. П. Ковалевскаго состояло къ 1-му января 8,283 р. 48 к., поступило процентовъ 215 р. 82 к. и израсходовано: на выдачу стипендіату 150 руб. и за сохраненіе процентныхъ бумагъ 2 р. 80 к., затѣмъ въ кассѣ состоитъ 8,346 р. 50 к.

Въ заключеніе О. Э. Миллеръ прочелъ отрывокъ изъ путешествія по острову Цейлону проф. И. П. Минаева.

Засѣданіе Комитета 9-го мая 1875 г.

Присутствовали: предсѣдатель В. П. Гаевскій, казначей П. А. Гайдебуровъ, секретарь П. А. Ефремовъ и члены: К. Д. Кавелинъ, О. Э. Миллеръ, М. М. Стасюлевичъ и Н. С. Таганцевъ.

1) Выслано 50 р. престарѣлому сыну писателя, живущему насчетъ благотвореній. 2) Выдано 75 руб. вдовѣ писателя, оставшейся послѣ его смерти съ двумя малолѣтними дѣтьми безъ средствъ къ жизни. 3) Выдано 50 р. на погребеніе писательницы, умершей въ бѣдности. 4) Отклонено одно ходатайство о пособіи, за силою § 5-го устава, и два о ссудѣ, за неимѣніемъ основаній къ выдачѣ ея. 5) Изъявлена благодарность Общества П. Е. Басистову за содѣйствіе Комитету, А. Рѣдкину—за пожертвованіе 40 р. и Е. И. Гасабову—за предложеніе пожертвовать 5% въ пользу Общества изъ суммы отъ продажи печатаемой имъ книги для употребленія въ народныхъ школахъ. 6) Прочитанъ отчетъ казначея за апрѣль. Къ 1-му числу въ кассѣ состояло 62,071 руб. 71 коп. Вновь поступило: 6,091 р. 67 к., въ томъ числѣ: вносы 14-ти членовъ 220 р., сборъ съ литературнаго чтенія 735 р. 67 к., отъ продажи книгъ Общества 5 р., пожертвованіе учениковъ гимназіи въ память умершаго товарища 28 р., пожертвованіе въ капиталъ имени В. Э. Корша для выдачи изъ процентовъ пособія одному изъ студентовъ санктпетербургскаго университета 1,903 р. и приобрѣтено процентныхъ бумагъ на 3,200 р. Израсходовано 4,615 р. 43 к., именно: на пенсіи 8-ми лицамъ 657 р., на единовременныя пособія 4-мъ лицамъ 425 р., на пособія и воспитаніе двумъ лицамъ 140 р., на погребеніе двухъ лицъ 75 р., въ ссуду одному лицу 350 р.; за храненіе процентныхъ бумагъ 1 р. 75 к. и на покупку процентныхъ бумагъ 2,966 р. 68 к. Затѣмъ, къ 1-му мая въ кассѣ состоитъ 63,547 р. 95 к.

Засѣданіе Комитета 20-го мая 1875 г.

1) Выдано 50 р. больной дочери умершаго автора двухъ замѣчательныхъ ученыхъ изданій. 2) Выдано 500 руб. писателю, подвергшемуся серьезной болѣзни, требующей полнаго спокойствія и продолжительнаго леченія внѣ Петербурга. 3) Изъявлена благодарность Общества В. Е. Якушину за пожертвованіе 10 р., М. М. Ста-

слюевичу за пожертвованіе 200 руб. и И. А. Слѣпушкину за содѣйствіе Комитету.

Засѣданіе Комитета 3-го іюня 1875 г.

1) Выдано 100 р. вдовѣ недавно умершаго писателя, оставшейся съ двумя дочерьми безъ всякихъ средствъ. 2) Выдано 50 р. больной дочери умершаго автора ученыхъ изслѣдованій. 3) Выслано 75 р. больной вдовѣ писателя, неимѣющей средствъ на леченіе. 4) Отклонены просьбы трехъ лицъ о пособіи за силою § 5-го устава, и не разрѣшены двѣ просьбы о ссудѣ за силою § 3-го правилъ о ссудахъ. 5) Изъявлена благодарность Общества за содѣйствіе Комитету И. Н. Буличу, А. М. Унковскому и петербургскому отдѣленію коммерческаго банка въ Варшавѣ. 6) Прочитанъ отчетъ казначая за май. Къ 1-му мая въ кассѣ было 63,547 руб. 95 коп. Поступили: вносы 11-ти лицъ 110 р.; отъ Государя Великаго Князя Владиміра Александровича 200 р.; пожертвованія: М. М. Стасюлевича 200 р., А. Рѣдкина 40 руб. и В. Е. Якушина 10 руб.; проценты съ капитала 470 р. 75 к., всего 1,030 р. 75 к. Израсходовано: на пенсіи четыремъ лицамъ 380 руб.; въ пособіе на воспитаніе одному лицу 120 руб.; на единовременныя пособія четыремъ лицамъ 675 р.; на погребеніе одного лица 50 р.; въ ссуду одному 300 р. и за храненіе процентныхъ бумагъ 5 р. 60 к., всего 1,530 р. 60 к. Къ 1-му іюня въ кассѣ 63,048 р. 10 к.

М. Стасюлевичъ.

ЭМИГРАНТЪ

САТИРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ЯНА ЛАМА.

Окончаніе *).

Ни одинъ благоразумный человѣкъ въ Галиціи не станетъ утверждать, что демократы и радикалы обязаны непременно жить въ ямѣ, прикрытой хворостомъ, питаться брюквой, желудями и возимъ молокомъ, одѣваться въ сырыя шкуры хищныхъ звѣрей и пить одну ключевую воду. Напротивъ, идеальное равенство положенія, равенство передъ закономъ, равенство обязанностей и «равенство благосостоянія» вполне мирятся съ понятіемъ о комфортѣ всякаго рода, и даже не лишаютъ представителей демократіи права принимать живѣйшее участіе въ прибыльныхъ предпріятіяхъ, мѣстныхъ и заграничныхъ, и увеличивать — съ помощію «синдикатства» и иныхъ благородныхъ изобрѣтеній — свое благосостояніе на счетъ простофиль и глушцовъ. И если, вмѣсто прикрытой хворостомъ ямы, представитель демократіи соорудитъ себѣ красивый домъ съ мѣдною крышей, заведетъ хорошаго повара и снабдитъ свой погребъ превосходнымъ виномъ, то все это нисколько не противорѣчитъ понятію равенства, потому что все это дозволяется имѣть каждому, и каждый все это имѣть можетъ, лишь бы умѣлъ... въ-время покупать и продавать акціи. Тѣмъ болѣе позволителенъ нѣкоторый комфортъ, соединенный даже съ невинною роскошью, такимъ лицамъ, какъ панъ Мелитонъ Кацировскій, который по наслѣдству получилъ всѣ средства, позволяющія ему жить богато и открыто...

*) См. выше: іюль, 278 стр.

Можно бы громадный томъ написать о разницѣ, существующей въ понятіи о комфортѣ, о пышности и роскоши въ разныхъ частяхъ земныхъ полушарій и даже въ разныхъ уголкахъ Польши. Можно держать пари, что, напримѣръ, полякъ въ Познани и Конгрессовкѣ съ одной стороны, и полякъ въ Галиціи и на Волыни — съ другой, при однихъ и тѣхъ же средствахъ, устроятъ свою жизнь различнымъ образомъ. Первые двое заведутъ у себя лучшую кухню, стануть курить лучшія сигары и больше стануть расходовать денегъ на книги и журналы; за то двое послѣднихъ выстроятъ болѣе обширные дома, назовутъ ихъ «палацами», окружатъ себя многочисленнѣйшею дворней и заведутъ великолѣпные экипажи. Само собою разумѣется, что въ этихъ палацахъ половина комнатъ, въ зимнее время, не будетъ отапливаться, дворня будетъ предаваться праздности, лошади околѣвать отъ голода и въ великолѣпнѣйшей каретѣ одна по крайней мѣрѣ дверца всегда будетъ испорчена. Для соблюденій условій «хорошаго тона», каждый изъ послѣднихъ станеть переносить мучительнѣйшій голодъ до четырехъ и пяти часовъ по-полудни; когда же настанеть обѣденная пора, то окажется, что пьяный поваръ все изгадилъ, продымилъ и прожегъ. Въ кладовой всегда чего-нибудь будетъ недоставать, чаще всего... муки и хлѣба, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя изобилуютъ пшеницею и рожью. Одинъ знакомый мнѣ подоольскій помѣщикъ продаетъ ежегодно отъ 3 до 10 тысячъ корцовъ пшеницы; но когда пріѣзжаетъ во Львовъ, то не можетъ нарадоваться бѣлому хлѣбу, котораго несчастный никогда не видитъ дома. Если мнѣ докажутъ, что въ Галиціи нѣтъ такихъ помѣщиковъ, которые, имѣя по двѣсти штукъ рогатаго скота, все-таки покупаютъ, въ теченіи болѣе половины года, молоко у деревенскихъ бабъ, я откажусь отъ своихъ словъ и возьму ихъ назадъ.

Господскій домъ въ Цевковицахъ устроенъ былъ вполне по галиційской системѣ. Въ немъ было просторно, но негдѣ было пріютиться; много было дворни, но мало прислуги; громадныя приготовленія на кухнѣ, но нечего было ѣсть; много лошадей, но чрезвычайно мало книгъ.

Владѣлецъ Цевковиць, панъ Мелитонъ Кацпровскій, отличался высокимъ ростомъ и холодною физиономіей; волосы на головѣ были у него всегда причесаны гладко и очень старательно, и это служило поводомъ графу Цыбульницкому утверждать, будто панъ Мелитонъ носить парикъ. Какъ бы то ни было, но благодаря этой прическѣ, а также общему очертанію черепа и выраженію лица, съ большими на-выкатъ глазами, голова пана

Мелитона представляла большое сходство съ тѣми произведеніями античнаго искусства, которыя употреблялись для разрушенія стѣнъ и назывались таранами. Когда панъ Мелитонъ, отстаивая легальнымъ путемъ наши права и, ничего не отстоявъ, обращался обыкновенно къ сосѣдямъ съ словами: «головой стѣны не прошибешь», — сосѣди только улыбались, думая про себя, что противъ такой головы не устоять никакой стѣнѣ!...

Панъ Мелитонъ отстаивалъ только легальныя дѣла и путемъ тоже легальнымъ, и тутъ-то скрывается ключъ къ разгадкѣ отношеній его къ графу Цыбульницкому. Первый былъ «легальной головой», по крайней мѣрѣ одною изъ легальныхъ головъ цыбуловскаго округа, а графъ Киприанъ — «не-легальнымъ» ея подобіемъ. Панъ Мелитонъ въ свою продолжительную политическую карьеру могъ убѣдиться, что въ нашихъ аристократическихъ родахъ очень часто глава фамиліи исполняетъ легальныя должности, между тѣмъ какъ сынъ его забавляется не-легальной ролью президента какаго-либо общества, ролью отца отечества, моральнаго диктатора и т. п., пока не состарится и не посѣдѣетъ настолько, что будетъ признанъ достойнымъ заправлять дѣлами легальными... Если иные «аристократы» такъ дѣлаютъ, то почему бы не дѣлать этого и мнѣ, — спрашивалъ себя панъ Мелитонъ и порѣшилъ быть легальнымъ представителемъ своего округа, и потому не желалъ лично мѣшаться въ повстанскую организацію, имѣя притомъ въ виду сыграть въ будущемъ роль примирителя и посредника между властями народowymi и цесарско-королевскими; но, въ то же время, онъ желалъ, чтобы первенствующая роль въ оружной организаціи поручена была непременно его сыну, пану Винцентію... Къ сожалѣнію, его желаніе не было исполнено. Должность оружного начальника возложена была на гр. Киприана, панъ же Винцентій едва удостоился избранія въ повѣтовые начальники. Очевидно, панъ Винцентій не могъ не считать себя обиженнымъ: онъ не желалъ посвящать своихъ высокихъ дарованій и глубокихъ политическихъ знаній такой ничтожной сферѣ дѣйствованія... Возложенную на него патріотическую обязанность онъ исполнялъ такъ небрежно и нелѣпно, что вскорѣ лишенъ былъ и этой мизерной должности. Тогда-то панъ Мелитонъ и Винцентій усмотрѣли, что народова организація въ краѣ, и особенно въ цыбуловскомъ округѣ, ведется плохо и непатріотично, тогда-то они принялись группировать вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ, съ цѣлью ниспровергнуть стоявшую во главѣ организаціи «партію»... Если не ошибаюсь, то королевства Галиція и Лодомерія, вмѣстѣ съ великимъ гер-

погствомъ Краковскимъ, весьма часто бывають ареной подобныхъ политическихъ агитацій, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, — агитацій, возбуждаемыхъ какими нибудь X. и У. и направленныхъ исключительно къ удовлетворенію личнаго тщеславія. Антагонизмъ разыгрывается вполне по цыбуловской программѣ. Панъ Винцентій вступилъ въ борьбу съ графомъ Кипріаномъ вовсе не изъ-за личныхъ интересовъ или тщеславія — Боже избави! Тутъ сталкиваются принципы «красные» съ принципами «бѣлыми». Въ странѣ выступаетъ на сцену не тщеславная и пустая личность пана X. или пана У., тутъ сталкиваются только «революція», «федерация», «демократія», «народная партія» и т. п. Что нужды въ томъ, кто займетъ мѣсто поближе къ министерству и кто будетъ держать въ рукахъ ту тряпку политическаго самоуправления, которое — свидѣтель Богъ! — выпало на долю Галиціи какими-то непостижимыми судьбами, безъ всякихъ съ ея стороны усилій, заслугъ или преступленій. О, объ этомъ, конечно, нието у насъ никогда не помышляетъ, не такъ ли?...

Панъ Богданъ Колтуновичъ, хотя принадлежалъ къ «бѣлымъ», принять былъ, однако, очень вѣжливо и радушно со стороны пана Мелитона. Пока панъ Богданъ, удалившись съ хозяиномъ на тайную конференцію, посвящалъ его въ тайну высокаго политическаго значенія, представляемаго княземъ А. Ч., панъ Винцентій старался занять эту знаменитость разговоромъ.

Партія была далеко неравная. Каждый варшавякъ, за ничтожными исключеніями, обыкновенно говоритъ столько, сколько двое галичанъ вмѣстѣ взятыхъ. Артуръ же въ обыкновенномъ своемъ состояніи говорилъ за четверыхъ, между тѣмъ какъ панъ Винцентій при всякихъ обстоятельствахъ умѣлъ молчать за восьмерыхъ. Совсѣмъ напрасно Артуръ силился оживить разговоръ неудержимымъ потокомъ своего краснорѣчія — панъ Винцентій молчалъ и курилъ сосредоточенно трубку, и когда переставалъ курить на минуту, желая, повидимому, что-то сказать, то приподнималъ только голову, поглядывалъ на потолокъ и — принимался курить опять. Выведенный изъ крайнихъ границъ терпѣнія, варшавянинъ чувствовалъ сильнѣйшее желаніе вытолкать своего собесѣдника за дверь, но, помня о своемъ княжескомъ достоинствѣ и догадавшись, что имѣетъ дѣло съ галиційскимъ «англичаниномъ», Артуръ рѣшился озадачить его совершеннѣйшимъ хладнокровіемъ и невозмутимою флегмой. Развалившись на диванѣ, онъ принялся курить сигару, упорно глядѣлъ въ потолокъ, или разглядывалъ свои сапоги, не произнося не единого слова. Взаимное молчаніе длилось бы и по настоящую минуту,

еслибы не было прервано паномъ Богданомъ и Мелитономъ, возвратившимися по окончаніи тайной конференціи. Послѣдній при этомъ счелъ нужнымъ почему-то вторично раскланяться съ Артуромъ и сейчасъ же скрылся въ сосѣдней комнатѣ. Когда онъ опять воротился къ гостямъ, въ сосѣднихъ комнатахъ послышалась суетня, бѣганіе, звяканіе ключей, сдержанная брань и руготня, стукъ переставляемыхъ стульевъ и иные признаки, свидѣтельствовавшіе о томъ, что къ достойному принятію гостей готовятся дамы. Артуръ ободрился и ждалъ только минуты, чтобы «задать шипу».

Въ столовой происходило немалое движеніе. До слуха проголодавшихся гостей долеталъ звонъ ножей, тарелокъ и стакановъ и возбуждительно дѣйствовалъ на ихъ аппетитъ; но суетня длилась часа полтора, и все это время гости и хозяйка вынуждены были продолжать принужденный разговоръ о предметахъ «постороннихъ», такъ какъ приличіе не дозволяло касаться политики и текущихъ событій въ присутствіи двухъ политическихъ антагонистовъ, т.-е. Колтуновича и Кацпровскаго,—виновать, въ присутствіи представителей противоположныхъ принциповъ: «бѣлыхъ» и «красныхъ». Вскорѣ разговоръ окончательно истощился и настало полнѣйшее молчаніе; только панъ Богданъ, мучимый страшнымъ аппетитомъ, вздыхалъ меланхолически, похлопывая рукою по колѣну, и произносилъ иногда: «о, да, да!... Плохія времена, пане-добродѣй!»

— Гм!... Да!... Плохія, пане-добродѣй,—отвѣчалъ панъ Мелитонъ, послѣ долгаго размышленія.

Сообразивъ все относящееся къ этому предмету, панъ Винцентій замѣчалъ, спустя полчаса:

— А!... Что-жь дѣлать!...

И послѣ значительной паузы прибавлялъ:

— Пане-добродѣй!

Такой разговоръ между тремя свѣтилами цыбуловскаго округа Артуръ находилъ крайне скучнымъ и безтолковымъ. Съ большимъ трудомъ скрывалъ онъ свое нетерпѣніе, стараясь казаться хладнокровнымъ, какъ князь и притомъ князь со сплиномъ. Раздражалъ его особенно своимъ волчьимъ и плохо скрываемымъ аппетитомъ панъ Богданъ, осужденный на жгучую пытку, такъ какъ пробило уже три, три съ четвертью, половину четвертаго, четыре часа... о дамахъ же и насчетъ обѣда не было ни слуху, ни духу. Принимая во вниманіе, что съ десяти часовъ утра до четырехъ пополудни шляхетскій желудокъ требуетъ, кромѣ свѣжаго воздуха и жалобъ на плохія времена, еще нѣсколько фун-

товъ говядины и соотвѣтственнаго количества овощей, чтобы поддерживать мыслительныя способности въ таковой головѣ, какою обладалъ панъ Богданъ, принявъ все это во вниманіе, легко будетъ понять, почему этотъ достойный мужъ чувствовалъ себя въ эту минуту какъ-то особенно «глупо». Но время мучительно тянулось, а въ столовой царствовала мертвая тишина, какъ-будто поваръ порѣшилъ отсрочить обѣдъ на завтрашній день. Какая ужасная мысль! Панъ Богданъ чувствовалъ себя еще «глупѣе».

Почтенный владѣлецъ Телятина, безъ сомнѣнія, былъ бы гораздо терпѣливѣе, еслибы ему были извѣстны причины продолжительнаго отсутствія дамъ и непріглашенія къ обѣду. Прежде всего, по поводу неожиданнаго прибытія гостей, повару приказано было прибавить къ обѣду четыре цыпленка и какое-то бламанже. Цыплятъ нужно было изловить, убить и изжарить — этого нельзя было сдѣлать вдругъ. Кромѣ того, къ мадамъ Кацпровской какъ разъ въ это время пришла съ визитомъ жена униатскаго священника, недавно назначеннаго въ Цевковицы приходскимъ пробощемъ. Невозможно же было пригласить къ обѣду особу столь низкаго происхожденія, нужно было отъ нея какъ-нибудь отдѣлаться; но особа низкаго происхожденія вовсе не предполагала, чтобы, живя въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, можно было оставаться безъ обѣда до четырехъ часовъ, и потому продолжала «себѣ» сидѣть, вмѣсто того чтобы «себѣ» убраться. Одно уже это обстоятельство подѣйствовало очень раздражительно на деликатныя и крайне нѣжныя нервы Кацпровской; раздраженіе еще усилилось, когда жена пробоща повела рѣчь о своихъ родственныхъ отношеніяхъ.

— Къ моему дѣду должно было перейти въ собственность хорошее имѣніе на Подолѣ, состоявшее изъ двухъ деревень, но старшій братъ моего дѣда обманулъ его и пустилъ по-міру, вслѣдствіе чего и покойный мой отецъ принужденъ былъ вступить въ духовное званіе.

— А какъ звали вашего отца? — спросила небрежно Кацпровская.

— Фамилія моего отца—Могоричевскій.

Боже великій! Какая-нибудь попадья смѣетъ происходить изъ той же фамиліи, что и Кацпровская! Это ужъ было слишкомъ для нѣжныхъ нервовъ Кацпровской, и она упала въ обморокъ. Разумѣется, попадья сейчасъ же ушла; но пока слабонервная дама приведена была въ чувство, пробило пять часовъ, и тогда только явился лакей и объявилъ гостямъ, что «панъ просить».

Первый вошелъ въ салонъ графъ Цыбульницкій, или князь А. Ч., вслѣдъ за нимъ панъ Богданъ, потомъ панъ Мелитонъ и наконецъ панъ Винцентій. Наружный видъ двухъ салоновъ пани Кацпровской былъ великолѣпенъ! Въ одномъ — зеленые обои и голубая мебель, въ другомъ — голубые обои и зеленая мебель. Только сама пани Кацпровская, при всѣхъ нравственныхъ совершенствахъ, далеко не отличалась внѣшнюю красотою и, вдобавокъ, обладала такимъ казофоническимъ голосомъ, что человѣку постороннему, находящемуся въ другой комнатѣ, трудно было бы догадаться, слушая ея голосъ, человѣкъ ли говоритъ, или гавкаетъ Бижу, любимая собачка слабонервной дамы.

Эта особа, исполненная «дистинкціи», сидѣла на диванѣ; тутъ же были и три ея дочери — всѣ въ черныхъ платьяхъ, съ черными желѣзными крестивками на шеѣ, стянутыя черными ремнями кушаками, съ изображеніемъ бѣлаго орла на пряжкѣ, и съ черными колечками на пальцахъ рукъ. Это было время всеобщаго траура, когда наши дамы оплакивали несчастіе отечества... Теперь нашимъ дамамъ весело, теперь они украшаютъ себя всѣми цвѣтами, какихъ нѣтъ и въ радугѣ, и носятъ на себѣ больше золота, нежели сколько найдется его въ краковскомъ мраморномъ саркофагѣ Казимира Великаго... Чувство патриотическое, какъ и всякое иное, возникаетъ прежде всего въ сердцѣ и обнаруживается посредствомъ траура; потомъ переходитъ оно въ ноги и проявляется въ балахъ и танцахъ съ патриотическими цѣлями; затѣмъ совсѣмъ испаряется, или поручается на сохраненіе писателямъ и журналистамъ, которые провѣтриваютъ его иногда, подобно изношенному платью, чтобы показать, что стоятъ «на стражѣ», хотя лично облакаются въ иной, обще-славянскій костюмъ....

Всѣ три Кацпровскія были прекрасны. Старшая изъ нихъ, Меланія, обладала личивомъ, носившимъ на себѣ печать глубокой грусти и поэзіи. Эта дѣвица любила людей, цвѣты, ласточекъ, луну, оплакивала невинныхъ цыплятъ, погибавшихъ подъ ножомъ повара, таяла отъ восторга при чтеніи сочиненій Ленартовича и питалась рисовою кашей со сметаною и вареньемъ. Вопреки своему имени, она была блондинка, съ темно-сѣрыми глазами, которые назывались голубыми, и съ блѣднымъ лицомъ, имѣвшимъ репутацію алебастрового. По мнѣнію мѣстныхъ филологовъ, слово «меланхолія» произошло отъ имени старшей дочери пана Кацпровскаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться, если понятіе «меланхолія» принять за равнозначущее съ понятіями «сонливость» и «апатія». Очевидно, Меланія была существо очень

интересное, представляла собой крайне нѣжный цвѣтокъ, достойный ближайшаго изученія. Найдись охотникъ до подобныхъ изслѣдованій, мы посовѣтовали бы ему предварительно напиться вѣриваго кофе, для предотвращенія катастрофы, случившейся съ паномъ Криспиномъ Криспиновскимъ, молодымъ сосѣднимъ помѣщикомъ. Подвергнувъ надлежащему изслѣдованію состояніе пана Мелитона, этотъ молодой человѣкъ сталъ частенько посѣщать Цевеовицы и нерѣдко оставался на-единѣ съ Меланіей. Однажды, находясь съ нею на балконѣ, выходившемъ въ садъ, онъ оперся о перила и—задремалъ. Подгнившія перила не выдержали, панъ Криспинъ полетѣлъ внизъ и ударился головой о кирпичъ, лежавшій на землѣ. Голова осталась цѣла, ибо черепъ былъ очень вѣроенъ, но содержаніе ея, крайне жиденькое, подверглось сильному сотрясенію, и панъ Криспинъ вскорѣ поплатился жизнію за свою пламенную любовь. Катастрофа эта неблагоприятно подѣйствовала на всѣхъ остальныхъ искутителей сердца Меланіи... Только въ послѣднее время нашелся такой человѣкъ, который настолько сумѣлъ владѣть собой, что не только ни разу не заснулъ въ присутствіи панны Меланіи, не только избѣжалъ поврежденія той части своего организма, которая имѣется у него для ношенія шляпы и для почесыванія въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но даже умѣетъ нынѣ избѣгать болѣе опасныхъ испытаній, какъ достойный зависти супругъ Меланіи...

Средняя сестра—Роза. Такъ какъ старшая сестрица взяла въ полное и исключительное свое обладаніе «жанръ» печальный и меланхолическій, то средняя выработала другой «жанръ» и старалась олицетворять собой капризъ и шаловливую злость. Панна Роза имѣла тоже свѣтлорусые волосы, но глаза у нея были цвѣта кофейнаго; такъ какъ подобный цвѣтъ глазъ рѣшительно «не принять» въ высшемъ обществѣ, то глаза панны Розы, по желанію мамыши, принято было называть черными. Какъ бы то ни было, но панна Роза была премиленькая дѣвушка, и притомъ она сама очень хорошо знала, что она премиленькая.

Меньшая сестра, Владислава, не олицетворяла пока ничего, ни грусти, ни кокетливаго каприза. Она сидѣла сповойно, съ симметрически сложенными на колѣняхъ руками, между тѣмъ какъ Меланія, держа въ лѣвой рукѣ увядшій цвѣтокъ, молчаливо его разглядывала, склонивъ печально голову. Роза держала себя совсѣмъ иначе: схвативъ Бижу, она теребила его за уши, собачка при этомъ визжала, а Кацпроевская полусерьезно шепелявила: «Mais, Rose, soyez donc raisonnable!...»

Въ эту минуту вошелъ и торжественно представленъ былъ

графъ Цыбульницкій, о которомъ всё давно уже знали подъ секретомъ, что это князь А. Ч. и маіоръ Янъ Вара. Артуръ превзошелъ самого себя! Онъ поклонился съ неслыханною, съ истинно-княжескою граціей, и восторгъ свой и радость, по случаю пріятной для него чести быть представленнымъ столь прелестнымъ дамамъ, выразилъ протяжнымъ восклицаніемъ: «Mesdames!», исполненнымъ невѣроятнаго изящества и великосвѣтскости. Пригласивъ графа занять мѣсто въ креслахъ, Кацпровская обратилась къ нему сейчасъ же съ вопросомъ:

— Вы недавно въ Галиціи, графъ?

— Недавно, мадамъ.

— Если не ошибаюсь, вы прямо изъ Парижа?

— Нѣтъ, я прямо съ поля битвы, — отвѣчалъ нашъ богатырь, обводя всѣхъ взглядомъ, выразившимъ желѣзную энергію и спартапское безстрашіе.

— Съ поля битвы! — проговорила испуганно Кацпровская, между тѣмъ какъ Меланія испустила глубокій вздохъ и робко взглянула на внявъ своими печальными глазами, а Роза кокетливо улыбнулась, устремивъ свой взглядъ въ ринсе-пез Артура; только Владислава не знала, повидимому, что дѣлать — вздохнуть или улыбнуться. Когда она собиралась сдѣлать то и другое, вошедшій лакей объявилъ, что обѣдъ поданъ. Съ граціей, которая напоминала времена Людовика XIV или эпоху Станислава Понятовскаго, Артуръ подавъ руку Кацпровской, панъ Богданъ предложилъ свою Меланіи, панъ Мелитонъ Розѣ, а панъ Винцентій повелъ Владиславу — съ такою торжественностію, что могъ бы служить образцомъ любому изъ артистовъ львовской сцены, въ роли римлянина, шествующему въ Капитолій, съ цѣлью умертвить Юлія Цезаря. Когда торжественное шествіе приблизилось къ обѣденному столу и всѣ заняли свои мѣста, панъ Богданъ сталъ безпокойно оглядываться, ища глазами водки, безъ которой онъ къ столу никогда не садился. Но подобный *mauvais genre* не былъ въ обычаѣ въ Цевковицахъ, и панъ Богданъ, вспомнивъ о томъ, что негры остаются неграми по неизмѣнню у себя аристократіи, принялся самоотверженно хлебать супъ.

За обѣдомъ господствовало натянутое и тяжелое молчаніе, которое видимо стѣсняло всѣхъ. Упорнѣе всѣхъ молчалъ панъ Винцентій, молчаливѣйшій изъ смертныхъ. Панъ Богданъ чувствовалъ неутолимый голодъ и былъ страшно сердитъ, когда супъ оказался полухолоднымъ и какимъ-то водянистымъ, а говядина,

приправленная какимъ-то безбожнымъ соусомъ, напоминавшимъ сажу, разведенную въ водѣ, оказалась жесткою и безвкусною. Панъ Богданъ не испускалъ ни одного звука, приходилъ постепенно все въ большее раздраженіе и въ душѣ ругалъ Кацпровскаго, этого «краснаго», который рѣшился, видно, морить голодною смертію своихъ политическихъ антагонистовъ... Панъ Богданъ находилъ, что въ Телятинѣ у него кухня не въ примѣръ лучше, даромъ, что Кацпровскій — поварской внучъ по прямой линіи... Злость пана Богдана перешла почти въ свирѣпость, когда подали спаржу. Стараясь сохранить всевозможное приличіе, онъ оттолкнулъ, однако, отъ себя тарелку.

— Вы, любезный сосѣдъ, очень мало кушаете,—замѣтила Кацпровская.

— А спаржа великолѣпная,—прибавилъ Артуръ.

— О, графъ, я это знаю отлично... Домъ Кацпровскихъ давно у насъ извѣстенъ хорошею кухнею,—отвѣчалъ панъ Богданъ мрачно, взглянувъ искоса на пана Мелитона.

Понятно, что Кацпровской сдѣлалось дурно и она тутъ же упала въ обморокъ... Пока приводили ее на балконъ въ чувство, Артуръ успѣлъ завязать съ Розою разговоръ и рассказывалъ ей объ извѣстныхъ ему по опыту разныхъ видахъ и случаяхъ обморока. Разъ, напр., на рукахъ у него умиралъ кузень его, князь Радзивиллъ, пораженный пулею въ битвѣ съ москалями; въ другой разъ великолѣпный замокъ его объять былъ пламенемъ; москали тиранили жителей... Онъ спѣшитъ съ своимъ отрядомъ на спасеніе погибавшихъ, врывается въ пылающій замокъ, стѣны котораго съ трескомъ падаютъ и разваливаются и—о ужасъ! — не находятъ уже тѣхъ, кого исскалъ и кого хотѣлъ спасти, не находятъ матери своей и сестры. Въ эту минуту онъ былъ уже близокъ къ обмороку, но—силою воли успѣлъ поддержать въ себѣ всю свою энергію. Вскорѣ онъ узналъ, что княгиня-мать и княжна-сестра находятся въ безопасномъ мѣстѣ, успѣвъ скрыться изъ замка до прибытія москалей. Роза съ большимъ вниманіемъ слушала князя, молчаливо ему улыбалась и находила его въ высшей степени *comme il faut*.

Кацпровская, между тѣмъ, придя въ чувство и оправившись отъ обморока, воротилась къ столу въ сопровожденіи мужа и Меланіи, съ лицомъ нѣсколько измѣнившимся, но полныхъ гордаго спокойствія. Ничто изъ семейства Кацпровскихъ не было, вонечно, настолько безтактенъ, чтобы дать понять, что обморокъ Кацпровской, рожденной Могоричевской, находился въ какой бы то ни было связи съ намекомъ Богдана о кулинарной извѣстности

сти ихъ рода. Обѣдъ продолжался и сдѣлался даже оживленнѣе. Артуръ пустился въ разказы о повстаньѣ, о своихъ кузенахъ Замойскихъ, Плятерахъ, Чарторыйскихъ, Ходкевичахъ, Волловичахъ и Радзивиллахъ, о конференціяхъ своихъ съ принцемъ Наполеономъ и иными французскими знаменитостями. Слыша эти аристократическія имена, панъ Богданъ не могъ не выразить глухъ чувствъ благодарности въ небесамъ, давшимъ намъ аристократію, безъ которой мы похожи были бы на негровъ и пр.

— Нѣтъ!—возразилъ горячо его сіятельство:—въ Польшѣ нѣтъ аристократіи! Правда, преданія наши не говорятъ объ абсолютномъ гражданскомъ равенствѣ, но было у насъ равенство «шляхетское»; у насъ говорили: «шляхтичъ въ своемъ огородѣ равенъ воеводѣ». Станемъ же лелѣять это равенство, не станемъ возвышаться одни надъ другими, и тогда между нами не будетъ негровъ.

По истинѣ, великолѣпенъ видъ вѣкового дуба, по могучему стволу котораго свободно вѣтся ничтожное ползучее растеніе; величественъ цезарь Октавій-Августъ, протягивающій дружески руку Циннѣ; трогателенъ до слезъ преемникъ Григорія VII, Иннокентія и Льва X, именующій себя смиренно «слугою слугъ Божьихъ»; но для каждаго галиційскаго шляхтича стократъ величественнѣе и достойнѣе благоговѣнія *князь*, который говоритъ о шляхетскомъ равенствѣ и цитируетъ самую фальшивую подъ солнцемъ и самую живую польскую поговорку о томъ, будто «шляхтичъ въ огородѣ» и пр. Скажи эту нелѣпость любой *князь* или *графъ* польскому шляхтичу, и для послѣдняго, послѣ Господа Бога и Пресвятой Дѣвы, не будетъ въ мірѣ иного святого, иного покровителя и ясно-вельможнаго добродѣя, кромѣ его, князя, и никому шляхтичъ не будетъ такъ низко кланяться и порываться такъ униженно цѣловать руки и ноги, какъ ему, князю... О, мы народъ чрезвычайно демократическій, республиканскій!

Какимъ образомъ Артуръ догадался, какъ нужно говорить въ Цевковицахъ — это для меня остается тайною; вѣрно лишь то, что ему удалось затронуть самую слабую струну и привлечь этимъ къ себѣ всѣ сердца. Панъ Мелитонъ думалъ про себя: «вогъ человекъ!»... Супруга его думала: «разумѣется! Да и почему бы Меланія не могла выйти за князя Сангушко?».. Меланія больше чѣмъ когда-либо олицетворяла собой печальный образъ меланхолии, Роза цыкала подобно розѣ, а Владислава не олицетворяла ни меланхолии, ни розы; всѣ же три дѣвы думали про себя то же, что думалъ папѣ, что думала маманъ, а, можетъ быть, еще что-либо и больше.

Когда обѣдъ кончился и всѣ встали изъ-за стола, панъ Богданъ считалъ свою миссію также оконченною и сейчасъ же попрощался съ хозяевами и Артуромъ.

...Воротившись домой, въ свой Телятинъ, панъ Богданъ немедленно отправилъ въ Цыбулово донесеніе слѣдующаго содержания:

«№ 577.—Н. П. Б. К.—Ясно-вельможному Н. Ц. О. К. Ц.—Приказаніе ваше относительно князя А. Ч. исполнено лично нижеподписавшимся, согласно съ вашими указаніями.

«Н. П. Б. К.»

«Р. S. Кажется, пане графъ-добродѣй, у насъ будетъ хорошая погода. Завтра я прикажу у себя въ Телятинѣ носить пшеницу; панъ графъ-добродѣй у себя сдѣлаетъ, конечно, то же самое. Я намѣренъ платить работникамъ за каждую копу, потому что если подрядить ихъ на поденную работу, то ничего мошенники не стануть дѣлать. Съ величайшимъ почтеніемъ ясно-вельможнаго пана графа-добродѣя нижайшій слуга—*Богданъ Колтуневичъ*».

Донесеніе это не удовлетворило гр. Цыбульницкаго. Панъ Богданъ приглашенъ былъ на другой день лично пожаловать въ Цевковицы, для болѣе подробныхъ объясненій. Кромѣ надлежащаго доклада о спаржѣ и обморокѣ Кацпровской, панъ Богданъ долженъ былъ, по требованію графа, дать полнѣйшій отчетъ о всѣхъ мелочахъ, даже о томъ, часто ли Роза улыбалась и глубоко ли вздыхала Меланія. Узнавъ отъ Богдана о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ Артуромъ въ Цевковицахъ, графъ нисколько не скрывалъ своей радости, въ немалому изумленію почтеннаго начальника повѣта, который напрасно ломалъ голову надъ тѣмъ, съ какою цѣлью начальникъ округа до такой степени интересуется этимъ предметомъ. Коснувшись, для приличія, извѣстнаго уже намъ вопроса о сухаряхъ — такъ какъ бесѣда не могла быть лишена «официальнаго» характера—графъ передалъ пану Богдану, для пересылки Артуру, полученные вчера изъ Забужа пакетъ и письмо. Лаконическій адресъ: «маіору Яну Варѣ» написанъ былъ, очевидно, женскою рукою. Изъ рапорта военнаго комиссара, Подборскаго, было видно, что какія-то двѣ дамы прибыли третьяго дня въ Забужь изъ Львова и ищутъ маіора Вару; но такъ какъ онѣ не предъявили со стороны народныхъ властей никакого письменнаго удостовѣренія о своей личности, то военный комиссаръ, боясь измѣны, счелъ нужнымъ

скрыть мѣстопробываніе маіора и обязался только доставить ему врученный дамами пакетъ и письмо.

Лишнее было бы говорить, что дамы эти были—Маргарита и Целина. Узнавъ въ Блотничанахъ о выѣздѣ Артура въ Забужъ, и не зная, что съ нимъ случилось, онѣ отправились вслѣдъ за нимъ, неся ему помощь и содѣйствіе... Подборская съ перваго взгляда узнала въ нихъ тѣ же лица, которыя видѣла на фотографическихъ карточкахъ, отнятыхъ Артуромъ у бѣлокураго гусара. Произошла крайне любопытная сцена. Напрасно Подборская старалась увѣрить «княгиню» и «княжну», что онѣ не имѣютъ надобности, находясь въ польскомъ шляхетскомъ домѣ, скрывать свое имя и званіе, между тѣмъ какъ Маргарита, съ своей стороны, вынуждена было долго и упорно протестовать противъ предположенія, будто Шелищинская есть не болѣе, какъ псевдонимъ. Затѣмъ, когда такое предположеніе оказалось неосновательнымъ, въ умѣ Подборской возникло иное, еще болѣе ужасное, именно—что «князь» сдумѣлъ «понять», кромѣ ея сердца, много еще иныхъ сердець!.. Съ этой минуты обращеніе Подборской съ своими гостями сдѣлалось болѣе чѣмъ холоднымъ, и когда ея мужъ, воротившись съ охоты, чуть не проговорился было относительно мѣстопробыванія Артура, пани-добродѣйка прикрикнула на супруга крайне раздраженнымъ и пискливымъ голосомъ: «Молчи! молчи!»... Послѣ взаимныхъ и весьма неприятныхъ недоразумѣній, наши знакомки уѣхали изъ Забужа обратно во Львовъ.

Пакетъ и письмо, адресованные на имя маіора Вары, доставлены были въ Цевковицы чрезъ повѣтоваго курьера, пана Лагошевскаго. Письмо было дружеское и трогательное; въ немъ Маргарита выражала мнѣніе, что женщины обязаны приносить себя въ жертву для тѣхъ, кто жертвуетъ собою для пользы отечества, глубоко скорбѣла о несчастномъ приключеніи въ Блотничанахъ, умоляла всегда и прямо обращаться къ ней, въ случаѣ какой-либо надобности, и не забывать «ихъ», т.-е. Маргариту безъ Целины, если это возможно, а если невозможно, то хоть вмѣстѣ съ Целиною. Послѣдняго комментарія въ письмѣ не было; принадлежитъ онъ, собственно говоря, мнѣ. Пакетъ заключалъ въ себѣ два экземпляра продолговатыхъ билетовъ, съ гравированнымъ на нѣмецкомъ языкѣ удостовѣреніемъ и общаніемъ, что цесарско-королевскій австрійскій національный банкъ выдастъ предъявителю—когда-нибудь, конечно—сто гульденовъ серебромъ. По настоящее время, правду сказать, національный австрійскій банкъ ни разу не исполнилъ еще этого общанія; несмотря на

то, билеты этого рода весьма полезны, и обладающіе значительнымъ ихъ количествомъ могутъ быть глубоко увѣрены въ любви и уваженіи своихъ согражданъ.

Мнѣ приходится въ другой уже разъ сожалѣть о непостоянствѣ и неблагодарности моего героя. Письмо Маргариты служило доказательствомъ ея дружбы и искренней преданности. Между тѣмъ, Артуръ не призвалъ его въ своимъ устамъ, ни въ сердцу — нѣтъ! Онъ сказалъ только: «добрая душа!» спряталъ письмо и деньги въ карманъ и, раскрывъ окно въ садъ, безпокойно сталъ искать чего-то глазами. Утро было пріятное. Въ воздухѣ разлито было благоуханіе и дышало утреннею свѣжестью... Съ Артуромъ происходило что-то странное, чего онъ самъ хорошо не понималъ. Онъ зналъ, что въ Цевковицахъ удалось ему ловко «задать шипу» и обворовать всѣхъ, а между тѣмъ успѣхъ этотъ не очень его радовалъ, не столько по крайней мѣрѣ, сколько могъ бы радовать его прежде. Словомъ сказать, Артуръ былъ влюбленъ не шутя!.. Вдругъ лицо его вспыхнуло и грудь заволыкалась отъ сильнаго внутренняго волненія. Въ аллеѣ мелькнули два сѣренькихъ платица и двѣ соломенные шляпки, черная и бѣлая. Черная шляпка взошла въ бесѣду и сѣла на скамью, принявъ такую позу и выраженіе лица, какъ будто готовилась быть моделью виньетки для собранія элегій и трогательныхъ пѣснопѣвнй. Это была Меланія. Бѣлая шляпка начала бѣгать по дорожкамъ сада, между крыжовникомъ, малиною, мальвами и георгинами, останавливаясь иногда и наклоняясь надъ кустами цвѣтовъ. Это была Роза. Нравился ли ей князь Артуръ?.. Быть можетъ.

Невозможно быть болѣе княземъ, чѣмъ былъ имъ князь А. Ч. По отношенію въ этому пункту ни малѣйшее сомнѣніе не могло имѣть въ Цевковицахъ мѣста. Артуръ давно уже разсказалъ пану Мелитону и Винцентію всю свою родословную, и вся семья Бацпроевскихъ скорѣе усомнилась бы въ существованіи Цевковицъ, чѣмъ въ княжескомъ достоинствѣ Артура. Панъ Мелитонъ и его супруга не безъ глубокаго удовольствія замѣтили, что Роза произвела на князя сильное впечатлѣніе. Если бы спросить графа Бириана, то онъ сталъ бы утверждать, что князь произвелъ тоже громадное впечатлѣніе на Розу...

Схвативъ щегольскую и легкую *панаму*, Артуръ такъ же выбѣжалъ въ садъ.

...Однажды, въ послѣобѣденное время, рѣшено было сдѣлать маленькую экскурсію въ окрестности, — мужчины верхомъ на ло-

падахъ, а дамы въ экипажѣ. Прѣвзжая возлѣ униатской церкви, они увидѣли на крыльцѣ священническаго дома четырехъ мужчинъ, въ обществѣ священника, его жены и двухъ дочерей. Мужчины эти были въ бурвахъ изъ толстаго сукна, въ синихъ шараварахъ и въ круглыхъ бараньихъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ. Они курили трубки съ коротенькими чубуками и бесѣдовали съ священникомъ и его семьей. Невозможно было усомниться, что это были «цуциглеры»—выдавали ихъ костюмы и фizioноміи, къ священнику же привела ихъ необходимость. Въ домъ Кацпровскаго, какъ въ центрѣ красной демократической партіи, находили себѣ пріютъ только такіе цуциглеры, которые носили титулы князей, графовъ и т. п., всѣ же остальные признаваемы были только за «Капопенfutter»—пушечное мясо, и не имѣли доступа къ цевковицскому палацу. Но наши повстанцы вообще обладали удивительнымъ инстинктомъ и сметкой относительно всего того, что предохраняло ихъ отъ голодной смерти. Томимые голодомъ, цуциглеры эмигрировали отъ пана Кацпровскаго къ священнику Ильчишину и приняты были послѣднимъ съ сердечнымъ радушіемъ. Жена его, рожденная Могоричевская, имѣла нервы менѣе слабыя, чѣмъ кузина ея, Кацпровская, лучше смотрѣла за кухней и считала своею обязанностію кормить «поляковъ», какъ «на убой». Слѣдуетъ прибавить, что эти «поляки» были всѣ почти изъ Украйны, съ чувствомъ расгѣвали малорусскія пѣсни, мечтали о козачествѣ и проигнаны были демократическими принципами.

Панъ Мелитонъ и Винцентій, отвѣчая на поклонъ священника и всего общества, вовсе не замѣтили, что князь пришелъ въ сильное смущеніе и потупилъ глаза, стараясь не глядѣть на цуциглеровъ. Съ другой стороны, панъ Мелитонъ и его сынъ не могли не обратить вниманія на одного цуциглера, который быстро сосвочилъ съ крыльца и грознымъ взглядомъ окинулъ кавальяду.

Это былъ знакомый уже намъ юноша, Владиславъ Квасковскій.

При видѣ бѣлокурого врага, Артуръ не могъ не почувствовать нѣкотораго безпокойства. Памятная сцена, происшедшая въ саду въ Забужѣ, служила доказательствомъ, что нынѣшніе хлопоманы вовсе не чужды того задора и отваги, какими отличались въ свое время Хмельницкіе, Дорошенки и пр., и такъ какъ ихъ было въ Цевковицахъ четыре человекъ и численное превосходство было, очевидно, на ихъ сторонѣ, то въ перспективѣ улыбались нашему герою, какъ результатъ новой домашней войны.

если не новыя Желтыя-Воды, казацкіе списы и висѣлицы, то по крайней мѣрѣ—нагайки.

...По возвращеніи съ прогулки, Артуръ немедленно ушелъ наверхъ въ свою комнату, съ цѣлюю — во-первыхъ—перемѣнить востокъ, во-вторыхъ — обдумать свое положеніе и дальнѣйшій планъ кампаніи. Онъ нимало не сомнѣвался, что Квасковскій откроетъ наступательныя дѣйствія... Въ виду обстоятельствъ трагическихъ, слѣдовало придать своей фizioноміи трагическое выраженіе; подойдя къ зеркалу, Артуръ однимъ движеніемъ руки привелъ свою прическу въ трагическій беспорядокъ, помялъ на шеѣ бантъ и мрачно наморщилъ чело. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, онъ вынулъ изъ чемодана большой шестиствольный револьверъ, спряталъ его подъ фалды сюртука и желалъ уже подойти опять къ зеркалу, чтобы убѣдиться, видѣнъ ли изъ-подъ сюртука револьверъ и насколько присутствіе этого инструмента гармонируетъ съ общимъ выраженіемъ лица, полного отчаянной рѣшимости,—какъ на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги и вслѣдъ затѣмъ открылась дверь... Артуръ быстро оглянулся и—увидѣлъ передъ собой пару высочайшихъ голенищъ, надъ которыми поднималась подъ потолокъ громадная, широкоречная, жилистая и мощная фигура, при видѣ которой становились понятными тѣ пудовыя кирасы, двуручные мечи и пятисаженныя копы, о которыхъ пишутъ археологи. Фигура почти касалась потолка головою и обладала лицомъ морщинистымъ, которое изрублено было во многихъ мѣстахъ ударами холоднаго оружія.

— Здѣсь Янъ Вара? — проговорила фигура акцентомъ, по которому сразу можно было признать въ ней жмудина.

— Вы находитесь въ присутствіи маіора Яна Вары, состоящаго въ штабѣ IX отдѣленія, — отвѣчалъ Артуръ свысока.

— Пустое, братишка! — проговорилъ великанъ тономъ насмѣшливо-убѣдительнымъ: — я имѣю дѣло не къ маіору какому-то, а къ одному болвану, братишка, который клевететь и чернить женщинъ и прячется самъ за юбку, когда приходится ему плохо — вотъ что, братишка! — Сказавъ это, жмудинъ съ ледянымъ спокойствіемъ сталъ озираться кругомъ, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ ли тутъ еще другого «болвана» — чтобы какъ-нибудь не ошибиться.

— Это дерзость!.. — вскричалъ грозно маіоръ.

— Пустое! — проговорилъ опять великанъ съ невѣроятнымъ спокойствіемъ въ голосъ, подступая ближе къ Артуру, который ретировался къ окну, положивъ руку на револьверъ: — не станемъ терять времени, братишка! Дѣло простое — ты подлець, вотъ

что. Очернить невѣсту Квасковскаго ты очернилъ, а удовлетвореніе дать отказался! Поломать тебѣ кости слѣдуетъ, братишка, вотъ и все!

Артуръ положительно растерялся и инстинктивно направилъ дулю револьвера въ великана.

— Пустое, братишка! — сказалъ послѣдній почти нѣжнымъ голосомъ, спокойно овладѣвая револьверомъ и двумя пальцами сильно сжимая руку Артура:—дѣло ясное, я бы могъ тебя задушить, какъ воробья, но, видишь-ли, Квасковскій прислалъ меня съ инымъ порученіемъ. Это славный малый! У него больше чести, чѣмъ у тебя духовъ и помады. Драться онъ съ тобою будетъ и просить меня быть у него секундantomъ. Ты возьмешь отпускъ изъ штаба, а онъ изъ эскадрона, и оба отправитесь на границу. Въ первой стычкѣ, оба пойдете въ первый огонь, въ сопровожденіи вашихъ секундantomъ. Кого убьютъ перваго, тотъ проигралъ — и шабашъ. Что-жъ, какъ ты объ этомъ думаешь, братишка?

Артуръ растерялся до такой степени, что ничего не понимая изъ словъ жмудина, пожималъ только плечами и ежеминутно поглядывалъ на дверь, ожидая лакея съ приглашеніемъ на чай. Но лакей не являлся, между тѣмъ какъ жмудинъ, развалившись на диванѣ и играя револьверомъ, терпѣливо ожидалъ отвѣта.

Постепенно Артуръ началъ приходить въ себя. Онъ понялъ, наконецъ, что великанъ не имѣетъ намѣренія поломать ему бока, но явился отъ имени Квасковскаго, въ качествѣ его секунданта...

— Хорошо,—сказалъ Артуръ, послѣ нѣкотораго размысленія:—я принцу себѣ секунданта и вы условитесь... Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?..

— Я — Янъ-Креститель Вивштилло, бывшій ротмистръ арміи Кошута, потомъ бимбашъ султанско-турецкой арміи, потомъ гарибальдійскій маіоръ, потомъ баталіонный командиръ въ арміи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, а теперъ польскій солдатъ, братишка, — не маіоръ больше, не маіоръ... Прочь!..— проговорилъ онъ въ заключеніе, движеніемъ руки останавливая Артура, который хотѣлъ было пожать ему руку по-товарищески, слыша такое разнообразіе военныхъ чиновъ.

— Ну, жду твоего секунданта у священника,—сказалъ Вивштилло поднимаясь. Тяжелые его шаги вскорѣ опять послышались на лестницѣ, и если бы Артуръ имѣлъ охоту послѣдовать за великаномъ, то имѣлъ бы удовольствіе выслушать слѣдующій разговоръ:

— Маіоръ!.. Ну, маіоръ!.. Штабный!.. Тьфу!.. Плянуть и

растереть!.. Срамъ и позоръ!.. Конѣцъ этого монолога состоялъ изъ невѣроятной смѣси энергичнѣйшихъ междометій и ругательствъ мадьярскихъ, англійскихъ, турецкихъ и итальянскихъ, собранныхъ жмудиномъ въ разныхъ концахъ земного шара. Сказать мимоходомъ, самыя безбожныя ругательства были католическо-венгерскія, менѣе ужасны протестантско-англійскія, турецкія же сравнительно съ первыми могли бы показаться почти молитвою.

На другой день вся цеввовицкая интеллигенція, кромѣ Бижу, по натурѣ своей не любопытнаго, знала уже, что панъ Винцентій отправился въ домъ священника, чтобы опредѣлить условія поединка. Артуръ разсказалъ пану Винцентію, что «невинная шутка» по отношенію къ одной дѣвицѣ, Катеринѣ Одварницею, была только предлогомъ, въ сущности же вся эта исторія съ Квасковскимъ есть нечто иное, какъ продѣлка «бѣлыхъ», рѣшившихся, во что бы то ни стало, разъ навсегда раздѣляться съ нимъ, княземъ... Въ присутствіи пана Мелитона и Винцентія написано было Артуромъ духовное завѣщаніе, къ которому приложенъ былъ русскій паспортъ, для доказательства тождественности лица, и оба документа вручены пану Мелитону на сохраненіе. Не смотря на свою опытность и почтенныя лѣта, панъ Мелитонъ не могъ воздержаться отъ слезъ, при мысли о томъ, что послѣдній мужской потомокъ старшей линіи дома князей Четвертинскихъ (такъ сказано было въ завѣщаніи) такъ легкомысленно рискуетъ жизнію, отказывая свои волости матери и сестрѣ, а польской Рѣчи-Посполитой передавая права свои на великое княжество Кіевское, унаслѣдованныя имъ отъ Владиміра Св. и иныхъ предковъ, превосходящихъ древностію рода Гвельфовъ и Бурбоновъ...

Артуръ сидѣлъ въ голубомъ салонѣ и игралъ съ Бижу. Меланія, подавленная извѣстіемъ о предстоящемъ поединкѣ, страдала мигренью и ушла въ спальню вслѣдъ за матерью, которая, подъ вліяніемъ того же извѣстія, мучилась спазмами. Сердце Розы сжималось отъ боли, но, какъ дѣвушка съ характеромъ, она осталась въ салонѣ съ Владиславою и сидѣла на диванѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Артура.

Трудно было узнать рѣзвую, веселую и шутливо воективную Розу: глубокая печаль отражалась на ея лицѣ, сдавленные вздохы вырывались изъ груди. Она печально слушала разсказы Артура о разныхъ военныхъ приключеніяхъ, изрѣдка улыбаясь какою-то болѣзненною улыбкою.

— Великій Боже!—проговорила она, глубоко вздыхая:—труссы бѣгутъ съ поля битвы и живутъ себѣ спокойно, а люди мужественные и отважные, избѣгнувъ вражескихъ пулю, нерѣдко гибнутъ подъ ударами братской руки!..

— Что вы хотите сказать,—спросилъ Артуръ, притворяясь крайне удивленнымъ...

Въ эту минуту Роза подошла къ нему, взяла мужественную его руку въ свои крошечныя бѣлыя ручки и дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Вы такъ спокойны, а вскорѣ... Боже мой!.. Обильныя слезы, хлынувшія изъ ея прекрасныхъ глазъ, прервали ея слова; глядя на сестру, зарыдала и Владислава.

— Вы приводите меня въ крайнее изумленіе!

— Напрасно вы стараетесь скрывать передо мною, — я все знаю!.. Вамъ угрожаетъ опасность, къ вамъ подосланъ убійца, простой разбойникъ, чтобы лишить васъ жизни.

— Возможно ли?—вскричалъ Артуръ:—неужели панъ Винцентій?.. Но такія вещи нужно скрывать передъ женщинами: довольно будетъ для нихъ узнать обо всемъ, когда дѣло кончено и когда нужно подумать о похоронахъ!..

Громкія рыданія раздались въ зеленомъ салонѣ, и даже самъ Артуръ не могъ овладѣть собою, Роза проговорила сквозь слезы:

— Вы безжалостны!

— А вы чистѣйшій ангелъ!—вскричалъ Артуръ и, не взирая на присутствіе Владиславы, опустился съ кресель на колѣни, схватилъ ручку Розы и покрылъ ее горячими поцѣлуями.

— Князь!.. Что вы дѣлаете!.. — проговорила Роза, отнимая руку и обтирая другую глаза.

— О, простите!.. Только вы одна, только такой ангелъ можетъ сколько-нибудь привязывать къ жизни, — проговорилъ Артуръ, поднимаясь на ноги.

— Если бы это была правда, вы бы не рисковали жизнію безъ надобности,—отвѣчала Роза, не переставая плакать.

— Роза! Но если этого требуетъ честь?

— Но у васъ есть мать, сестра, которыя для васъ должны быть дороже самой чести.

— Нѣтъ, нѣтъ въ мірѣ ничего дороже чести, и даже то святое, сладостное и вмѣстѣ мучительное чувство, которое...— Артуръ мгновенно остановился, вспомнивъ о присутствіи Владиславы, потомъ продолжалъ:

— Такъ какъ вамъ все уже извѣстно, благодаря нескромности пана Винцентія, то я позволю себѣ обратиться къ вамъ

съ двумя маленькими просьбами, которыя вы однѣ можете исполнить и которыя должны быть извѣстны только вамъ однимъ, это—последнія просьбы скитальца, гибнущаго далеко отъ родныхъ...

Въ такія минуты, когда человѣкъ виситъ между жизнью и смертію, невозможно отказывать ему въ такихъ пустякахъ, какъ интимный и коротенькій разговоръ наединѣ. Розѣ не оставалось ничего болѣе, какъ выйти съ Артуромъ на балконъ, оставивъ сестру въ зеленомъ салонѣ на диванѣ.

Первая просьба Артура состояла въ томъ, чтобы когда-нибудь, при удобномъ случаѣ, Роза не забыла вручить или переслать матери его, княгинѣ Аглаѣ, небольшой пакетъ съ его портретомъ и локономъ черныхъ его волосъ, а также передать послѣднія его прощальныя слова матери и сестрѣ.

Тутъ Роза опять зарыдала и не могла проговорить долгое время ни одного слова. Успокоившись нѣсколько, она стала самыми трогательными словами умолять князя, чтобы онъ, изъ любви къ своей матери и сестрѣ, не давалъ себя убивать; но князь упорно стоялъ на своемъ и собирался на тотъ свѣтъ съ такою торопливостію, какъ будто боялся опоздать на поѣздъ желѣзной дороги, отходящій черезъ двѣ минуты...

Другая просьба имѣла болѣе личный характеръ и состояла въ томъ, чтобы Роза посвятила когда-либо нѣсколько минутъ воспоминанію о бѣдномъ скитальцѣ, погибшемъ вдали отъ родныхъ и пр. и пр.

Новыя слезы, новыя клятвы, новая торопливость на тотъ свѣтъ и—наковецъ: открытіе важной взаимной тайны.

— Люблю, люблю тебя больше жизни, люблю тебя первымъ и последнею любовью, ангелъ ты мой, Роза!.. и пр.

— Но... Мы такъ недавно знаемъ другъ друга!

— Ахъ, увидѣть тебя одинъ разъ, значить — полюбить тебя на цѣлую вѣчность и пр.

Принимая во вниманіе короткій срокъ, предоставленный въ семь мірѣ Артуру, трудно было долше скрывать отъ него, что онъ тоже любимъ. Еще нѣсколько слезъ, и—пора было воротиться въ зеленый салонъ.

Князь представлялъ собою образецъ спокойствія и готовности умереть хладнокровно. Одна только мысль нѣсколько тревожила его: какъ бы панъ Винцентій не поддался черезчуръ этому жмудскому звѣрю и какъ бы взаправду не пришлось стрѣляться съ Квасковскимъ. Опять на счетъ палашей... не будутъ ли они черезчуръ тяжелы, да и эти хлопоманы ловко рѣжутъ!.. Не лучше

ли, въ самомъ дѣлѣ, отправиться было бы въ застрѣльщики? Тутъ возможны всякія случайности,—неимѣніе подводы, болѣвныя, жандармы, ударить бы также можно съ дороги и т. п.

Прошелъ еще часъ, пока панъ Винцентій воротился. Онъ былъ крайне доволенъ результатомъ своей конференціи съ Вивштилло. Послѣдній сразу не желалъ отказаться отъ своей мысли, т.-е. чтобы предоставить неприятельскимъ пулямъ порѣшить между противниками, но панъ Винцентій весьма убѣдительно доказалъ, что Артуръ никакъ не можетъ отлучиться изъ Цевковицъ безъ разрѣшенія высшихъ властей; послѣднія же ни въ какомъ случаѣ не дадутъ такого разрѣшенія, вслѣдствіе невозможности подвергать ослабленію силы, долженствующія «парализовать» Москву... Самъ онъ, панъ Винцентій, безъ ущерба интересамъ отечества, тоже не можетъ, въ качествѣ секунданта, отлучиться изъ Цевковицъ.

Вивштилло предложилъ было потомъ какой-то американскій пединоуъ, состоящій въ томъ, что оба противника сядутъ каждый на бочонкѣ пороху. Въ обоихъ бочонкахъ пробуравлено будетъ отверстіе, заткнутое фитилемъ, зажженнымъ съ свободнаго конца. Кто взорванъ будетъ на воздухъ первый, тотъ и проигралъ... Понятно, что панъ Винцентій и слышать не хотѣлъ о такомъ пиротехническомъ экспериментѣ, да и самъ Вивштилло призналъ потомъ, что жалко двухъ бочонковъ пороху для такого «дурацкаго» дѣла. Затѣмъ рѣшено было драться на сабляхъ, съ тѣмъ условіемъ, что послѣ первой крови борьба должна быть прекращена.

Имѣя въ виду, что во всемъ округѣ не было никакого холоднаго оружія, кромѣ кухонныхъ ножей, и что единственный транспортъ палашей, предназначенный для народной кавалеріи, долженствующей «парализовать» Москву, зарытъ былъ въ землю въ деревнѣ Бродзискѣ, у пана Дольскаго,—пунетъ этотъ и былъ выбранъ мѣстомъ встрѣчи двухъ противниковъ. На другой день, по-утру, туда отправились панъ Винцентій и Артуръ на лошадахъ Кацпировскаго, а Вивштилло съ Квасковскимъ на крестьянской подводѣ, которую цевковицскій войтъ, по просьбѣ отца Ильчишина, съ большою готовностію нарядилъ панамъ «по-лякамъ».

Нежданныхъ гостей Дольскій принялъ съ открытыми объятіями и былъ радъ несказанно, когда узналъ, что одинъ изъ нихъ родомъ съ береговъ Днѣпра, другой съ береговъ Вилии, а третій съ береговъ Буга.

— А я, братецъ ты мой, съ береговъ Вороны, — повто-

рялъ онъ, обнимая каждаго изъ гостей, и угощая ихъ водвой и на-скоро приготовленной закуской. Этотъ шляхтичъ обладалъ чрезвычайно типичною физиономіей. Извѣстный Каульбахъ увидѣлъ однажды такую физиономію въ альбомѣ Матейки, и когда узналъ, что это не фантазія, а вѣрный портретъ лица дѣйствительно существующаго, то сказалъ: «теперь я понимаю, отчего у васъ въ Польшѣ почти ежедневно происходятъ возстанія». Необыкновенно живые и огненные глаза, смуглый цвѣтъ лица, большая черная борода и порывистость движеній, превосходящая всякое вѣроятіе,—все это дѣлало изъ пана Дольскаго личность, въ высшей степени подоврительную въ политическомъ отношеніи. Знакомый намъ герръ Финеманъ одинъ разъ только видѣлъ гдѣ-то мелькомъ пана Дольскаго и не могъ скрыть своего удивленія, что такой индивидуумъ свободно вращается въ свѣтѣ, а не сидитъ въ Шпильбергѣ. Но мѣстный бециркс-форштегеръ, честнѣйшій нѣмецъ, не имѣлъ привычки запираить людей на ключъ за ихъ физиономію, и потому панъ Дольскій нерѣдко оставался на свободѣ даже и тогда, когда иные патриоты «входили въ тюрьму первые и выходили послѣдніе». А между тѣмъ ни одно революціонное движеніе, ни одинъ общественный фактъ не обходились безъ его участія: когда было повстанье, онъ транспортировалъ и скрывалъ оружіе и повстанцевъ, а когда не было повстанья, то агитировалъ на выборахъ; тогда онъ ничего почти не ѣлъ и вовсе не спалъ, но присутствовалъ вездѣ... Патриотическая дѣятельность его представляла самый рѣзкій контрастъ съ такъ-называемымъ «самопожертвованіемъ во имя общественной пользы», проповѣдуемымъ нашими великими аристократами и великими демократами. Дольскій былъ небогатый арендаторъ небольшого имѣнія, но онъ готовъ былъ каждую минуту бросить хозяйство, вскочить въ полночь съ постели, пренебречь болѣзнью и скакать сотни верстъ ради какихъ-либо пустяковъ, лишь бы они имѣли малѣйшую связь съ общественною пользою. Если народъ постигнуть былъ какимъ-нибудь несчастіемъ—Дольскій былъ несчастенъ, но никогда не падалъ духомъ; когда же блеснетъ малѣйшій лучъ надежды, радости его не было тогда предѣловъ, между тѣмъ какъ къ личнымъ своимъ огорченіямъ и радостямъ, удачамъ и неудачамъ, онъ относился съ невѣроятнымъ равнодушіемъ. Иначе нѣсколько понимаютъ общественные интересы ихъ руководители и высокородные опекуны, для которыхъ эти интересы служатъ развлеченіемъ за чашкою ароматическаго кофе, если только не имѣютъ прямого отношенія къ личной ихъ пользѣ. Еще недавно одинъ ясно-вельможный и едва ли даже не сія-

тельный благодѣтель заявлялъ всѣмъ, что въ предстоящую бытность свою въ Вѣнѣ, или въ Дрезденѣ и Берлинѣ онъ сдѣлаетъ нѣчто спасительное для отечества, что именно — не помню, но нѣчто весьма полезное и благодѣтельное. По возвращеніи его народъ собѣжался, чтобы скорѣе узнать о совершеніи великаго дѣла.

— Ну, виновать! — произнесъ сіятельный благодѣтель:—со всѣмъ не было свободнаго времени,—столько хлопотъ съ этими желѣзно-дорожными дѣлами! Притомъ жена моя была въ Карлсбадѣ, нужно было туда съѣздить...

Дольскій былъ не таковъ. Для самаго малозначительнаго дѣла онъ всякую минуту готовъ былъ бросить жену, дѣтей, всѣ желѣзныя дороги и всѣ личные интересы. Но такихъ личностей у насъ мало, а въ Цыбуловскомъ округѣ личность Дольскаго является исключительнымъ явленіемъ. Въ одномъ можно было его упрекнуть — въ страсти говорить рѣчи при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Узнавъ о кровожадныхъ намѣреніяхъ Артура и Квасковскаго, онъ и теперь сталъ краснорѣчиво доказывать, что пролетіе братской крови... и пр., но видя полнѣйшую безуспѣшность своихъ убѣжденій, сейчасъ же приказалъ парубку принести четыре палаша изъ какой-то ямы, гдѣ они были спрятаны, и лично повелѣ своихъ гостей въ полуразвалившійся сарай, какъ самое удобное и безопасное для поединка мѣсто.

Жмудинъ поставилъ противниковъ на позицію. Было очевидно, что ни тотъ, ни другой не умѣютъ обращаться съ оружіемъ. Зажмуривъ глаза и широко размахивая саблей, Квасковскій бѣшено наскочилъ на Артура, который, протянувъ саблю впередъ, какъ будто желая, согнать муху, сѣвшую на брюхѣ хлюмана, послѣшно отступалъ въ стѣнѣ.

— Кровь!—проговорилъ флегматически панъ Винцентій.

— Стой!—вскричалъ Викпткилло.

Кровь дѣйствительно показалась. Квасковскій слегка ранилъ Артура въ руку. Завидя кровь, студентъ бросилъ палашъ... Въ одно мгновеніе изъ запальчиваго врага онъ превратился въ нѣжнаго друга и сталъ вытаскивать изъ своихъ кармановъ ворпю и иные предметы, нужные для перевязки раны. Последняя состояла въ томъ, что остриемъ сабли онъ разрѣзалъ кожу на мизинцѣ Артура.

— Пустое, братишка!—проговорилъ Викпткилло:—заживетъ сама, пока доѣдемъ до Цевковицъ. Кусокъ англійскаго пластыря — и больше ничего не надо.

Тревожимый безпокойствомъ, Дольскій вбѣжалъ въ сарай; но,

узнавъ, что дѣло кончено благополучно и «удовлетвореніе» дано, онъ сейчасъ же самъ сталъ въ надлежащую позицію и обратился къ противникамъ съ рѣчью, убѣждая ихъ подать взаимно другъ другу руку. Когда тѣ исполнили его желаніе, всѣ гости тотчасъ же отправились обратно въ Цевковицы. Дорогою панъ Винцентій упорно молчалъ, радуясь тому, что такъ ловко удалось ему уничтожить интриги «бѣлыхъ», составившихъ заговоръ на жизнь Артура; молчалъ также и Артуръ, воображая тотъ эффектъ, какой произведетъ онъ, раненый, на Розу. Квасковскій былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и всю дорогу распѣвалъ веселыя пѣсни. За то Викштекило былъ весьма мраченъ, во-первыхъ, потому, что жмудинъ всегда и всѣмъ бываетъ не доволенъ, во-вторыхъ, потому, что онъ никакъ не могъ понять, на какомъ основаніи глупое размахиваніе палашемъ въ какомъ-то сараѣ позволительно считать «благороднымъ удовлетвореніемъ»!.. А между тѣмъ такъ именно и бываетъ, и въ наше время такъ именно и понимаютъ честь, какъ равно и «удовлетвореніе»!

По возвращеніи въ Цевковицы, Артуръ отправился прямо въ свою комнату; какъ раненому, ему необходимо было спокойствіе. Но спокойствіе это было постоянно нарушаемо прислугою, посылаемою снизу узнать, не нуждается ли въ чемъ ясне-панъ графъ? Но ясне-панъ графъ не нуждался ни въ чемъ; онъ ждалъ только времени, когда ему можно будетъ явиться въ общество, не возбуждая подозрѣній, что онъ вовсе раненъ не былъ. Если бы не подобное опасеніе, онъ давно бы предъявилъ дамамъ свою фізіономію, осѣненную блистательнымъ ореоломъ безстрашія. Но онъ долженъ былъ ждать, скучать и страдать, утѣшаясь мыслию, что симпатіи Розы *теперь* окончательно принадлежать ему, если бы даже и не принадлежали уже раньше. Желая отдать полную и надлежащую справедливость моему герою и отстранить упреки читателей въ томъ, что выводимыя мною на сцену лица представляютъ весьма мало честныхъ и благородныхъ сторонъ, я долженъ сказать, что къ чувству радости, одушевлявшему Артура, примѣшивалось чувство глубокой тоски. Сказать ли правду? Ахъ, я долженъ сознаться, что присвоенный Артуромъ громкій титулъ составлялъ для него въ эту минуту страшно-тяжелое бремя и что онъ сожалѣлъ искренно о своемъ необдуманномъ и рискованномъ поведеніи, сожалѣлъ о томъ, что не сыгралъ глупой своей роли у Шелищинской или въ какихъ-нибудь Блотничанахъ, но не здѣсь, не въ Цевковицахъ!.. Онъ сторалъ желаніемъ въ

эту минуту обладать сердцемъ Розы не какъ самозванный князь или графъ, а какъ простой Артуръ Кувельскій. Онъ пришелъ къ сознанию, нѣсколько позднему, что играть роль князя можно въ некоторое время для развлеченія, но играть подобную роль постоянно, всю жизнь, особенно передъ Розою — это было выше его силъ. Влюбленные, подобно пьянымъ, чувствуютъ неодолимое влеченіе говорить правду, особенно передъ существомъ обожаемымъ. Артуръ предвидѣлъ, что раньше или позже ему невозможно будетъ не «выйти изъ роли», и въ такія минуты онъ чувствовалъ въ душѣ желаніе броситься къ ногамъ Розы и высказать ей всю правду. Но всякій разъ его удерживало отъ подобнаго шага страшное опасеніе... Что, если дочь Кацпровскаго любила его, Артура, не ради его самого и личныхъ его достоинствъ, а только ради мнимаго его титула и вымышленнаго соціальнаго положенія?.. При этой мысли онъ обливался холоднымъ потомъ, въ глазахъ у него темнѣло и мутилось въ головѣ, и онъ продолжалъ свою роль, подавляя голосъ совѣсти...

Прошло недѣли двѣ. Въ продолженіе этого времени Артура постоянно навѣщали панъ Мелитонъ и Винцентій, даже Кацпровскія считали христіанскимъ и патріотическимъ долгомъ посѣщать больного какъ можно чаще. Обыкновенно приходила Меланія съ Владиславою, или Роза съ Владиславою. Въ присутствіи Меланіи, князь бывалъ полонъ свойственной ему фантазіи, рассказывалъ о своихъ родственныхъ аристократическихъ связяхъ, о княжескихъ своихъ помѣстьяхъ и о своемъ княжескомъ поединкѣ съ Квасковскимъ.

— Дрался я, какъ левъ—je vous assure! И говорятъ еще, будто раса ничего не значить! Плебей можетъ быть отваженъ, mais il n'a pas cet entrain, въ отвагѣ его есть что-то медвѣжье...

Слушая всѣ эти рѣчи, Меланія становилась болѣе и болѣе печальною и молчаливою; только глаза ея, казавшіеся прежде двумя грустными элегіями на смерть сорваннаго цвѣтка, теперь сдѣлались похожими на исполненный отчаянія монологъ изъ четвертаго или пятаго дѣйствія трагедіи. Но Артуръ былъ безчувственъ къ элегіямъ и равнодушенъ къ трагическимъ монологамъ; онъ тосковалъ только за Розой, онъ думалъ только о ней.

Прошло лѣто, прошла и осень. На пятнадцать миль въ окружности всѣ уже знали, что Роза Кацпровская влюблена въ кузена гр. Цыбульницкаго, квартирующаго въ Цевковицахъ, который, съ своей стороны, влюбленъ въ Розу, и что взаимная ихъ любовь не составляетъ больше и тайны...

Между тѣмъ отряды, «парализующіе» Москву, безъ конца

парализовали ее. Съ театра военных дѣйствій приходили извѣстия болѣе и болѣе трагическія; необходимость бросить скорѣе на непріятеля резервы, долго сберегаемые, становилась болѣе и болѣе очевидною и настойчивою. Цуциглеры терали всякое терпѣніе, уходили тайкомъ съ постоянныхъ квартиръ и спѣшили на бой. Многіе жаловались на голодъ, многихъ хватала австрійская полиція и наполняла ими тюрьмы. Пошли учащенные обыски, и только чудомъ какимъ-то нѣскольکو сотенъ цуциглеровъ спаслось отъ ареста. Въ концѣ декабря 1863 г. всѣ стали громко выражать свое удивленіе и неудовольствіе, что «народовыя военныя власти» не посылаютъ «парализующихъ» отрядовъ на театр дѣйствія, дивились тому даже окружные начальники и военные комиссары... Настало общее охлажденіе, разочарованіе, перешедшія вскорѣ въ общій переполохъ. Глубокое малодушіе обляло шляхту, вообразившую, что партія «красныхъ», пользуясь беспорядками и общимъ разстройствомъ дѣлъ, подниметъ хлоповъ, съ помощію которыхъ перерѣжетъ всю шляхту и произведетъ рѣшительную революцію въ Галиціи. Графъ Цыбульницкій вытребовалъ къ себѣ пана Богдана и живо изобразилъ передъ нимъ неслыханныя бѣдствія, грозящія странѣ.

— Видите сами, — говорилъ онъ, — что необходимо на что-нибудь рѣшиться. Лично на себя я не могу взять ничего... Но вы, пане Богданъ, пригласите къ себѣ всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ для необходимыхъ совѣщаній и старайтесь предупредить зло общими силами.

Немедленно по всѣмъ направленіямъ панъ Богданъ разослалъ депеши, и, спустя нѣскольکو дней, въ Телятинѣ съѣхалось нѣскольکو десятковъ представителей «бѣлой» партіи. Раздавались разные голоса, высказывались разные мнѣнія, но всѣ согласны были въ томъ, что Галиціи неизбежно грозитъ снова 1846-й годъ ¹⁾. Далекое не вся Галиція была подобнаго мнѣнія, но въ Цыбуловскомъ округѣ направленіе умовъ было свое, особенное. Собранные въ Телятинѣ представители поражены были ужасомъ и сами не знали, что предпринять и на что рѣшиться. Ждали, что скажетъ панъ Броевскій, одинъ изъ повѣтовыхъ начальниковъ и одна изъ умнѣйшихъ головъ въ повѣтѣ. Панъ Броевскій, самъ про себя говорившій, что онъ — «Korf», произнесъ приблизительно слѣдующее:

— Намъ не остается ничего болѣе, какъ отдать себя подъ поворовительство австрійскихъ властей. Нужно составить письмен-

¹⁾ Извѣстное возстаніе крестьянъ, сопровождавшееся истребленіемъ пановъ.

ную декларацію, въ которой прямо слѣдуетъ заявить, что на будущее время мы рѣшительно отказываемся отъ какаго бы то ни было содѣйствія повстанью, изъ опасенія неизбежной революціи, готовой вспыхнуть въ цыбуловскомъ округѣ.

— Но это доносъ! — вскричалъ какой-то шляхтичъ: — это было бы безчестно и подло, и я никогда не подпишу такой бумаги.

— Да!—да!.. Это было бы безчестно,—отозвалось нѣсколько голосовъ. Но мнѣніе ихъ не было уважено. Они бросили совѣщаніе и уѣхали. Всѣ остальные поддались внушенію пана Броевскаго и подписали актъ, о которомъ онъ говорилъ только какъ о проектѣ, но который лежалъ у него въ карманѣ вполнѣ уже готовый.

Въ уголовномъ цесарско-королевскомъ кодексѣ находится параграфъ, по которому повиненъ бываетъ въ «государственной измѣнѣ» не только тотъ, кто совершаетъ преступленіе, но и тотъ, кто, зная о немъ, скрываетъ его отъ властей. Пусть же всѣ недовольные деклараціею, подписанною у пана Богдана, не забываютъ этого параграфа!..

Собравшейся въ Телятинѣ шляхтѣ совершенно ясно было доказано, что «красные» стремятся къ захвату власти, чтобы потомъ двинуть за кордонъ всѣ «парализующіе» отряды. Такое предположеніе, конечно, не подтверждено было никакими доводами, но кто объять страхомъ, тому не нужны доводы. Помѣщики глубоко вѣрили, что на почвѣ цыбуловскаго округа замышляется государственная измѣна! Извѣстно, что такое преступленіе сопровождается иногда очень неприятными послѣдствіями. Статья цесарско-королевскаго уголовного кодекса говоритъ лаконически и ясно: «Die Strafe dieses Verbrechens ist der Tod» (наказаніе за это преступленіе—смерть).

Примите въ соображеніе, милостивые государи, какими грозными для отечества послѣдствіями сопровождалась бы подобная кара, еслибы она обрушилась на собравшихся въ Телятинѣ мужей! Возможна ли Польша безъ полявовъ?—Нѣтъ! Откуда взять полявовъ, если цесарско-королевскія власти ихъ перевѣшаютъ? Не откуда!

Таіе аргументы, краснорѣчиво развитые паномъ Броевскимъ, побудили собравшуюся у пана Богдана шляхту подписать составленную первымъ декларацію. Панъ Броевскій, впрочемъ, клялся, что декларація предъявлена будетъ только «высшимъ народонымъ властямъ», съ цѣлію показать имъ, какъ смотреть цыбуловскій округъ на партію «красныхъ». Я убѣжденъ, что

панъ Броевскій остался вѣренъ своей клятвѣ, и что если декларация, о которой рѣчь, хранится нынѣ въ архивѣ Львовскаго цесарско-королевскаго намѣстничества, гдѣ она очутилась вскорѣ послѣ сеймика въ Телятинѣ, — то это произошло вслѣдствіе какого-нибудь непредвидѣннаго и непріятнаго случая...

Какъ бы то ни было, но цесарско-королевскія власти познакомились съ этимъ документомъ, и, узнавъ изъ него, сколько благомыслящихъ обывателей обитаетъ въ цыбуловскомъ округѣ, немедленно украсили орденомъ старосту этого округа ¹⁾. Иныя въ виду, съ другой стороны, обезпечить существованіе столь лояльныхъ мужей, цесарско-королевское правительство объявило всю Галицію въ осадномъ положеніи, приказало сформировать сельскую стражу и предприняло инныя мѣры, которыя, въ мартѣ 1864 г., какъ громъ поразили весь край и положили конецъ дѣятельности народной организаціи. Суровый тонъ правительственныхъ распоряженій сопровождался всеобщей паникою. Больше всего упали духомъ тѣ, кто всего менѣе сознавалъ себя виновнымъ передъ правительствомъ. Во многихъ мѣстахъ пуццигеры были по просту вытолканы за дверь, а запасы аммуниціи, оружіе и инныя повстанскія вещи — побросаны въ воду. Положеніе повстанцевъ — не-галичанъ было ужасно!.. Правительство дало имъ для явки только два дня сроку; неуспѣвшіе явиться — должны быть переданы русскимъ властямъ. Арестуемые военными патрулями, или задержанные сельскою стражей, эти несчастные препровождаемы были на кордонъ, или наполняли собою тюрьмы.

Слѣдуетъ питать надежду, что когда-нибудь исторія раскроетъ истинный смыслъ и характеръ этихъ событій. Я коснулся ихъ только мелькомъ и потому только, что они весьма сильно повлияли на судьбу моего героя.

Въ своихъ отношеніяхъ къ Розѣ онъ былъ все еще далекъ отъ рѣшительнаго шага, когда осадное положеніе неожиданно застигло его, наравнѣ со всѣми остальными выходцами. Насколько тронула его гибель «народовой sprawy» — этого я не умѣю сказать; но для сердечныхъ его дѣлъ ударъ былъ страшный! Не менѣе ужасенъ былъ онъ и для Розы. Подъ первымъ впечатлѣніемъ грозныхъ извѣстій, влюбленные впали въ глубокое отчаяніе. Со слезами на глазахъ Артуръ изображалъ передъ Розой горькую судьбу скитальца, вдали отъ нея, на чужой землѣ, между тѣмъ какъ она забудетъ его, выйдетъ замужъ и будетъ счастлива. Роза горько плакала, когда онъ говорилъ о своей судьбѣ, и еще больше

¹⁾ Административная должность, соответствующая губернаторской.

плакала, когда онъ выражалъ сомнѣнiе на счетъ ея вѣрности. Никогда, никогда она не забудетъ его и не желаетъ быть женою другого! Съ глубокимъ вздохомъ Артуръ сознался, что въ настоящую минуту онъ не можетъ даже и мечтать о рукѣ Розы, потому что, по полученнымъ имъ свѣдѣнiямъ, москаля конфисковали всѣ его имѣнiя, что онъ теперь нищій, родители же Розы не отдадутъ ее за нищаго. Такое признанiе составляло почти половину полнаго сознанiя, которое готово было давно, уже сорваться съ устъ Артура, и потому съ безпокойствомъ и бiенiемъ сердца онъ ожидалъ, какое впечатлѣнiе произведетъ оно на Розу. Она задумалась на минуту—но только на минуту—и съ громкимъ рыдавiемъ проговорила, что она, какъ полька, готова дѣлать съ нимъ бѣдность, даже изгнанiе, что родители не станутъ препятствовать ей послѣдовать влеченiямъ ея сердца. Въ сотый разъ Артуръ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и высказать всю правду—но и на этотъ разъ рѣшимости у него не хватило.

А между тѣмъ онъ понималъ и чувствовалъ очень хорошо, что скрывать правду дольше было невозможно, что будетъ гораздо хуже, если простая случайность откроетъ истину... При томъ гр. Цыбульницкiй, съ которымъ въ послѣднее время Артуръ нѣсколько разъ имѣлъ случай встрѣтиться, побуждалъ его постоянно искать руки Розы, причемъ разными намѣками и вообще самымъ деликатнымъ образомъ давалъ ему понять, что вовсе не считаетъ его княземъ или чѣмъ бы то ни было подобнымъ.

— Шляхтичъ готовъ все отдать за громкiй титулъ, — говорилъ графъ: — но ваши отношенiя къ Розѣ до такой степени сдѣлались всѣмъ извѣстны, что панъ Мелитонъ отдастъ вамъ дочь, хоть бы вы даже были не князь, а какой-нибудь кельверъ...

Артуръ и самъ рассчитывалъ отчасти на то, что разсужденiя графа Киприана были вполне справедливы. Ободренный при томъ признанiемъ Розы, Артуръ рѣшился переговорить съ паномъ Мелитономъ о своемъ положенiи и узнать осторожно его мнѣнiе относительно своихъ намѣренiй.

Не менѣе своихъ сосѣдей панъ Мелитонъ пораженъ былъ осаднымъ положенiемъ, но онъ полагалъ, что еслибы графъ Цыбульницкiй пожелалъ взять «князя» подъ свое покровительство, какъ близкаго своего кузена, то дальнѣйшее пребыванiе послѣдняго въ странѣ не встрѣтило бы особенныхъ затрудненiй. Тамъ легче можно было это уладить, что, какъ извѣстно, князь имѣлъ легитимационный знеть на имя графа *Эдуарда Цыбуль-*

никако; нужно было лишь убѣдиться, что графъ Кипріанъ, въ случаѣ надобности, не откажется признать его официально за своего родственника.

— Молодой графъ Цыбулицкій, — говорилъ панъ Мелитонъ, — можетъ оставаться въ краѣ, не возбуждая подозрѣній полиціи. Онъ можетъ быть въ гостяхъ у родныхъ, или имѣть въ виду женитьбу...

Артуръ, при послѣднемъ намѣвѣ, нѣсколько смѣшался и покраснѣлъ, но панъ Мелитонъ съ чувствомъ пожалъ ему руку и просилъ вѣрить въ дружбу и расположеніе въ нему всего семейства Кацпровскихъ, вполне заслуженныя имъ по его самопожертвованію во имя общаго блага и по рѣдкимъ личнымъ качествамъ. «Мой домъ, — сказалъ въ заключеніе панъ Мелитонъ, — прошу васъ считать за свой собственный».

Герой понялъ, что пану Мелитону было бы очень пріятно, еслибы въ Цевковицахъ князь Артуръ Четвертинскій могъ считаться своимъ человекомъ. Но—увы!—онъ не былъ, онъ не хотѣлъ и не могъ оставаться дольше княземъ Четвертинскимъ. Волнуемый самыми противоположными чувствами и мыслями, встрѣчая повсюду однѣ опасности и бездну серьезныхъ затрудненій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственный для него якорь спасенія, это—графъ Кипріанъ. Къ нему-то онъ рѣшился обратиться; послѣ трогательнаго прощанія съ Розою, онъ сѣлъ въ экипажъ и отправился въ Цыбулово.

Дѣвицы Кацпровскія и даже сама маменька, глядя въ окно за отъѣзжающимъ Артуромъ, обливались горькими слезами.

Прошло не болѣе двухъ дней, какъ страна объявлена была въ осадномъ положеніи, и фizioномія ея совершенно измѣнилась, — такъ казалось Артуру. Въ самомъ же дѣлѣ, кромѣ сельскихъ карауловъ на перекресткахъ дорогъ и по всѣмъ деревнямъ (караулы эти нигдѣ не задержали цевковицкаго экипажа, который всѣмъ былъ извѣстенъ) — никакихъ иныхъ перемѣнъ не было. Вслѣдствіе исключительнаго своего положенія, Артуръ находилъ еще, что мартъ мѣсяцъ никогда не казался до такой степени неприятнымъ, какъ въ 1864-мъ году. Но что бы онъ сказалъ, еслибы вздумалъ заглянуть въ дома, мимо которыхъ проѣзжалъ, и посмотрѣлъ бы на фizioноміи, объята паникой!..

У насъ въ Галиціи — много людей отважныхъ и мужественныхъ, есть Бруты и Катоны... до перваго переполоха. Наши Маріи и Грамки уходятъ тогда въ себя, нѣкоторые уходятъ въ

тюрму, и только одинъ Корнелій Кречуновичъ не перестаетъ доказывать несправедливость кадастра вездѣ и всегда — имѣемъ ли мы конституцію или осадное положеніе, революцію или резолюцію... И если бы Артуръ заглянулъ по дорогѣ въ шляхетскіе дворцы, то убѣдился бы, какъ убійственно подѣйствовало одно распоряженіе цесарско-королевскаго намѣстничества на нравственное состояніе «почтенной, просвѣщенной и независимой» части общества въ этой политически-зрѣлой и лояльной странѣ!..

Но Артуръ не заглядывалъ никуда. Проѣзжая лѣсомъ, онъ встрѣтилъ на дорогѣ двоихъ молодыхъ людей въ буркахъ и синихъ шароварахъ. Это были выходцы изъ Волыни, выгнанные со двора какимъ-то шляхтичемъ. Они рассказали Артуру, что ихъ есть еще въ лѣсу десятка два, что двое сутокъ они скитаются безъ пищи и зимней одежды и что одинъ изъ нихъ боленъ тифомъ и лежитъ въ горячкѣ. Они спрашивали Артура, нѣтъ ли какихъ распоряженій изъ «штаба», но Артуръ не могъ ничего сообщить имъ на этотъ счетъ и совѣтовалъ имъ явиться въ «бециркъ». Совѣтъ этотъ отвергнуть былъ съ негодованіемъ повстанцами. Артуръ пожалъ плечами и уѣхалъ дальше, дивясь упорству этихъ людей; самъ онъ давно уже на все махнулъ рукой.

Подобное поведеніе моего героя можетъ назвать геройскимъ развѣ одинъ авторъ статей въ газетѣ «Przegląd Polski», избравшій себя эниграфомъ: «Непрерываемость Тарговицы», — и его сторонники. Эти люди по «принципу» разорвали всякую связь съ народомъ, Артуръ сдѣлалъ то же самое изъ «страха», и потому, оставивъ въ сторонѣ разницу побужденій, Артуръ можетъ считаться въ мнѣніи этихъ людей богатыремъ. Онъ былъ богатырь и потому, что ѣхалъ въ Цыбулово съ рѣшимостію до такой степени героической, что любой изъ свитающихся въ лѣсу повстанцевъ предпочелъ бы тысячу разъ подставить лобъ подъ неприятельскія пули или очутиться на висѣлицѣ, чѣмъ увидѣть себя въ положеніи Артура. Рѣшимость высказаться откровенно передъ гр. Киприаномъ — служила доводомъ глубокаго самоотверженія и раскаянія. Отказаться отъ блистательной роли князя и вдругъ низойти на степень обманщика, пустого фанфарона и лжеца — это было ужасно! А эта ядовитая улыбка, которая и прежде не сходила съ устъ гр. Киприана, когда онъ обращался къ Артуру!.. Сколько разъ чувствовалъ онъ желаніе выскочить, подобно пану Каэтану, изъ экипажа и броситься въ лѣсъ, пристать къ волыняцамъ, или явиться съ повинною головою къ австрійскимъ властямъ, — но мысль о Ровѣ всякій разъ удерживала его

отъ подобнаго шага... Вскорѣ экипажъ остановился у подъѣзда; прислуга встрѣтила Артура столь же почтительно, какъ и тогда, когда Подборская въ первый разъ привезла его въ Цыбулово.

У гр. Кяпріана въ это время былъ панъ Стемпецкій. Узнавъ о томъ, что страна объявлена въ осадномъ положеніи, онъ явился къ начальнику округа съ жалобой и упреками на то, что въ пасекѣ у него спрятано большое количество зарядовъ, съ которыми онъ не знаетъ что дѣлать, и что онъ вовсе не желаетъ побрякивать дѣнями въ Шпильбергъ потому только, что кому-то вздумалось поднимать *какое-то* повстаніе!.. Онъ приглашалъ начальника округа взять эти заряды, такъ какъ легко можетъ случиться какое несчастіе, можетъ на воздухъ взлетѣть пасека, или мужики сдѣлаютъ доносъ, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ этотъ проклятый газетчикъ Добжанскій уничтожилъ барщину, вавалии хлопны отказались отъ всякаго повиновенія:—«и пускай чортъ возьметъ—мосци-добродію— всѣ эти фармазонскія ваши затѣи, телеграфы, *фини-мини* и организаціи!.. Прежде, мосци-добродію, шляхтичъ жралъ галушки съ сыромъ, сидѣлъ за печкой—и было хорошо! А теперь что? Вотъ у меня всходы пропали овсѣмъ, пшеницу чортъ взялъ, сѣна ни-ни!.. И плати еще тутъ подати, корми повстанцевъ!.. Иной еще курить хочетъ, дай ему «шварць-дрей-кенигъ», до венгерскаго и не дотронется»... Невозможно было бы описать все то, что говорилъ панъ Стемпецкій; скажу лишь мимоходомъ, что всякій разъ, когда этотъ знаменитый обыватель бывалъ въ дурномъ расположеніи дуа, то уничтоженіе барщины, изобрѣтеніе телеграфовъ, всякія *фини-мини* и тысячу иныхъ безбожностей приписывалъ одному и тому же «проклятому газетчику», который въ его глазахъ являлся истиннымъ олицетвореніемъ антикрита. Графу удалось все-какъ успокоить пана Стемпецкаго обещаніемъ убрать заряды изъ пасеки. Почтенный помѣщикъ, постоянно проклиная Добжанскаго, попроцался съ графомъ и уѣхалъ.

Графъ обратился теперь къ Артуру, скромно сидѣвшему въ уголку, и сразу заявилъ, что въ эту минуту онъ лучше не начальникъ округа и что Артуру слѣдуетъ теперь во-всемъ обращаться къ своему ближайшему военному начальству. Маіоръ отвѣчалъ, что жаждетъ переговорить съ графомъ по личному дѣлу; послѣдній выразилъ благосклонную готовность выслушать маіора. Во время довольно продолжительной аудіенціи, Артуръ высказалъ всю правду... Въ заключеніе, онъ умолялъ графа взять его подъ свое покровительство, оградить отъ австрійскихъ властей и быть посредникомъ между нимъ и родителями Розы.

Графъ зналъ теперь положительно, что передъ нимъ не князь, а... Артуръ Кувельскій!.. По мѣрѣ того, какъ Артуръ оканчивалъ свою исповѣдь, физиономія графа изъ суровой и серьезной превращалась въ улыбающуюся и адски-самодовольную. Сказавъ все, Артуръ съ ужасомъ ожидалъ, — что будетъ?..

— Дѣло не важное, — проговорилъ графъ послѣ нѣкотораго размышленія. — Кацпровскій тоже не отъ Готфрида Бульонскаго происходитъ и не отъ Пантагенетовъ!.. Авось дѣло уладится. Что касается до легитимационнаго листа, то самъ ты посуди, панъ Кувельскій, могу ли я исполнить желаніе Кацпровскаго, переданное мнѣ тобою? Мой вузень вскорѣ лично ко мнѣ прѣдетъ, и нельзя же будетъ вамъ обоимъ носить одно и то же имя, въ виду частыхъ обысковъ, которыхъ слѣдуетъ неизбѣжно ожидать теперь. Кацпровскій самъ можетъ имѣть какихъ-нибудь вузеновъ, и ему гораздо легче оказать тебѣ эту маленькую услугу, какъ будущему своему зятю... А жениться-то, я вижу, больно хочешь?..

— Да, графъ, — но...

— Да, — только этотъ княжескій титулъ стоитъ теперь поперекъ дороги?.. Кстати, я долженъ сказать тебѣ, панъ Кувельскій, что роль князя сыгралъ ты мастерски!.. Что-жъ, Кацпровская влюблена въ тебя вѣриво?..

— Да, мы любимъ другъ друга искренно.

— Ну, и прекрасно! Дѣвушка молодая, не имѣющая еще тридцати лѣтъ, и красивый молодой человекъ, къ тому же эмигрантъ, говорящій такъ хорошо по-французски — *il n'y a aucun inconvénient*, напротивъ — прекрасная пара! Я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось васъ женить... Кацпровскому я напишу, панъ Кувельскій, непременно напишу, и отошлю письмо съ его же человѣкомъ.

Кивнувъ благосклонно Артуру головой, графъ направился въ свой кабинетъ.

— Осипъ! — кликнулъ онъ лакея, остановившись въ дверяхъ: — проводи этого пана во флигель...

Спустя часа два панъ Мелитонъ получилъ слѣдующее письмо:

«Любезный сосѣдъ! Оба мы попали въ-просакъ. Твой князь Четвертинскій сейчасъ совнался передо мной, что онъ никогда княземъ не былъ. Настоящее имя его и фамилія — Артуръ Кувельскій. Отецъ его служилъ экономомъ у одного изъ болѣе богатыхъ помѣщиковъ царства польскаго; Артуръ воспитывался вмѣстѣ съ его сыномъ. Основаніемъ этого воспитанія служили

путешествія за-границу и французскій языкъ. Легко теперь понять, любезный сосѣдь, какимъ путемъ панъ Кувельскій приобрѣлъ манеры и усвоилъ привычки, которыя способны обмануть самый опытный глазъ. Къ сожалѣнію, онъ не приобрѣлъ никакихъ знаній, которыя могли бы обезпечить его существованіе. Когда умеръ отецъ его товарища и когда послѣдній—какъ выражается самъ Кувельскій—«пустилъ его въ трубу», то бѣдному молодому человѣку осталось одно: воспользоваться единственнымъ искусствомъ, которое онъ успѣлъ приобрѣсть, наравнѣ съ знаніемъ французскаго языка—именно, взяться за завивку волосъ. Не могу не сознаться, что для меня крайне непріятно было узнать, что мнимый нашъ князь—не болѣе, какъ парикмахеръ, непріятно потому особенно, что въ округѣ всѣмъ извѣстны отношенія Кувельскаго—какъ это и самъ онъ призналъ предо мною—къ одной изъ вашихъ дочерей, кажется—средней, и горячая взаимная ихъ любовь, столько же доступная сердцу парикмахерскому, сколько и княжескому.

«Зная ваши демократическіе и радикальные принципы, я принимаю на себя—по просьбѣ того же Кувельскаго—роль посредника между нимъ и вами, любезный сосѣдь, и увѣдомляю васъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе и желаніе вступить съ дочерью вашею въ законный бракъ.

«Извѣщая васъ объ этомъ, я радъ случаю пожелать молодой четѣ всякаго благополучія, а вамъ и всему вашему дому засвидѣтельствовать должное почтеніе.

«Киприанъ Цыбульницкій».

«P. S. Молодой человѣкъ ждетъ у меня вашего отвѣта».

Если читатель былъ настолько благосклоненъ, что обратилъ надлежащее вниманіе на все то, что сказано было мною, въ предшествующихъ главахъ, о нравахъ, обычаяхъ, привычкахъ и порядкахъ, установившихся въ цевковицеомъ домѣ, то очень легко можетъ вообразить, какое громовое впечатлѣніе должна была произвести на все семейство Кацпровскихъ неожиданная эпистола гр. Кипріана. Не говоря уже о страшномъ разочарованіи на счетъ князя Артура-Святопола Четвертинскаго, *alias* графа Эдуарда Цыбульницкаго, *alias* маіора Яна Вары, *nes non* Анри де-ла-Рошъ-Шуара вивонта де-Турнброша и барона де-Баркароля, а *recte* Артура Кувельскаго,—не говоря о страшной пыткѣ, соединенной съ такимъ неожиданнымъ разочарованіемъ,

можно было съ ума сойти уже отъ одного саркастическаго тона, какимъ дышало письмо гр. Кипріана, и отъ злостнаго предположенія съ его стороны, будто вельможный, даже почти ясно-вельможный Мелитонъ Кацпровскій, владѣтель Цевеовиць, отецъ отечества и многочисленнаго семейства, способенъ отдать свою дочь за варшавскаго парикмахера!.. Графу Кипріану достаточно было извѣстно, что въ прекрасномъ королевствѣ, Галиціей называемомъ, о демократическихъ принципахъ говорится только для «глупой улицы», и если молодымъ потомкамъ аристократическихъ фамилій,—каковъ, на примѣръ, панъ Винцентій Кацпровскій,—позвоительно иногда, для развлеченія, или для популярности и карьеры, играть роль запальчивыхъ демократовъ, то это еще не значить, чтобы подобныя принципы позволено было вносить въ семейныя отношенія и принимать въ семью какую-нибудь голытьбу низкаго происхожденія. Но Артуръ Кувельскій былъ не только голякъ и человѣкъ низкаго происхожденія, но—о богот!—онъ былъ еще парикмахеръ. Пусть онъ не князь, пусть не имѣетъ замка на берегу Днѣпра, пусть не состоитъ въ дружбѣ съ сыномъ вестфальскаго короля,—будь онъ себѣ блюдолизъ, мошенникъ и шулеръ,—преступленіе его все-таки не было бы такъ ужасно и сарказмъ гр. Кипріана не былъ бы такъ убійственъ!.. По понятію «обывательства» цыбуловской провинціи и иныхъ провинцій галиційскихъ, существовать собственнымъ трудомъ—непростительная пошлость. Ни одинъ цыбуловскій «обыватель» не отдалъ бы свою дочь даже за Лелевеля и Мицкевича, пока бы эти «щелкоперы» не предъявили доказательствъ на владѣніе какимъ-либо помѣстьемъ, хотя бы послѣднее—это ужъ само собою разумѣется—было заложено *primo loco* въ кредитномъ обществѣ, *secundo* у кого-либо изъ богатыхъ пановъ, и *tertio, quarto et quinto* у Арона Гольдгланца въ Тарнонолѣ, въ Бродахъ, и во многихъ иныхъ мѣстахъ. Попадаются, вонечно, и болѣе прогрессивныя цыбуловцы, которые отдали бы своихъ дочерей даже за голышей,—но никогда за врачей, учителей, ни за купцовъ или ремесленниковъ.

Легко понять послѣ этого, что письмо гр. Кипріана должно было привести въ неописанное негодованіе пана Мелитона, и нѣтъ ничего удивительнаго, что супруга его падала въ обморокъ на всѣхъ диванахъ и креслахъ, въ обоихъ своихъ салонахъ.

А Роза?..

Гм... панна Роза?.. Но, позвольте, мнѣ некогда,—я долженъ возвратиться къ моему герою, который ждетъ уже три дня отъѣта изъ Цевеовиць. Ждетъ и—страдаетъ. Онъ сознается пе-

редь собой, что совѣсть его не чиста, что онъ слышеомъ долго игралъ крайне двусмысленную роль, вмѣсто того, чтобы служить дѣлу, которому присягалъ. Но Роза должна ему простить, должна его извинить. Ему казалось, что, съ своей стороны, онъ любить бы ее пламенно даже и тогда, еслибы она была не Кацпроевская, еслибы оказалось, что она—дочь эконома, что она крестьянка, или воспитанница дома подкидышей. Почему же она перестала бы его любить только за то, что, удовлетворяя свѣтскимъ требованіямъ, онъ вздумалъ прикрываться громкимъ псевдонимомъ?..

А между тѣмъ отвѣта все не было.

Будучи не въ состояніи переносить долге мучительную неизвѣстность, Артуръ рѣшился возвратиться въ Цевковицы, не дожидаясь отвѣта, и обратился къ гр. Киприану съ просьбою дать ему подводу. Графъ внимательно посмотрѣлъ на Артура. Онъ сильно перемѣнился, былъ блѣденъ и казался больнымъ. Нѣчто въ родѣ сожалѣнія отразилось на дипломатической фізіономіи экс-начальника округа. Не безъ нѣкотораго добродушія онъ сталъ убѣждать Артура отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ безъ паспорта невозможно будетъ проѣхать ему и полъ-мили и не быть арестованнымъ сельскою стражей. Черезъ нѣсколько дней графъ собирался въ Станиславовъ и предложилъ Артуру свезти его туда, подъ видомъ лакея, а оттуда дать ему возможность безопасно эмигрировать въ Валахію. Подобное предложеніе со стороны столь знатнаго пана было, по-истинѣ, великодушно; но Артуръ его не принялъ. Онъ пересталъ думать о личной безопасности; какая-то неодолимая и тайная сила влекла его въ Цевковицы. Онъ видѣлъ издали Розу, облитую слезами, съѣдаемую тоскою, ожидающую его съ мучительнымъ нетерпѣніемъ...

По странному стеченію обстоятельствъ, Артуръ нигдѣ не былъ задержанъ. Телѣжка его въѣхала во дворъ въ ту минуту, когда Меланія и Роза выходили изъ оранжереи. При видѣ своего божества, онъ соскочилъ съ телѣги и бросился впередъ съ крикомъ: «Роза!.. ненаглядный мой ангелъ!..»

Но у ангела лицо было до такой степени неподвижно, что если бы не покраснѣвшій нѣсколько отъ холода носикъ, легко можно было бы подумать, что это ходячая мраморная статуя. Артуръ остолбенѣлъ.

— Роза!—вскричалъ онъ дрожащимъ и глухимъ голосомъ.

Роза измѣрила его холоднымъ взоромъ отъ ногъ до головы, какъ будто въ первый разъ его видитъ. Половину жизни отдавъ бы онъ за искру гнѣва, негодованія, даже презрѣнія на ея

лицѣ,—но, нѣтъ!—лицо ея было безмолвно. Спокойно и холодно прошла она мимо и—скрылась въ дверяхъ дома.

Ноги подкосились у Артура, въ глазахъ потемнѣло... Вдругъ онъ почувствовалъ, что чья-то рука коснулась его руки. Онъ взглянулъ—передъ нимъ была Меланія.

— Какъ вы несчастны, Артуръ!—проговорила она съ глубокимъ и истиннымъ сожалѣніемъ.

— Но ваша сестра!.. Роза?..

— Ахъ, Артуръ, не вините насъ!..—Она хотѣла еще сказать что-то, но съ крыльца долетѣлъ въ эту минуту пискливый крикъ.

— Melanie! Melanie!..—кричала сама Кацпровская.

Бросивъ Артуру прощальный взглядъ, Меланія поспѣшно отошла отъ него.

Артуръ не могъ сомнѣваться, что въ Цевковицахъ ему дѣлать больше нечего. Добиваться свиданія съ паномъ Мелитономъ или Винцентіемъ онъ и не думалъ, тѣмъ болѣе, что обоихъ ихъ, по словамъ лакея, не было будто бы и дома. Артуръ обратился къ эконому съ просьбою дать ему подводу до ближайшаго мѣстечка, но эконому объявилъ, что ясне-панъ запретилъ давать лошадей кому бы то ни было безъ его разрѣшенія. Положеніе было въ высшей степени непріятное. Подозвавъ проходившаго крестьянскаго парня, Артуръ упросилъ его снести, за извѣстное вознагражденіе, вещи его къ священнику.

Въ домѣ отца Ильчишина давно уже не было ни одного цуциглера, за то тамъ былъ австрійскій патруль, подъ командою унтеръ-офицера. Воины были мертвецки пьяны и не помѣшали Артуру уложить вещи свои на бричку почтеннаго священника и уѣхать—куда? Артуръ и самъ этого не зналъ.

Было холодно. Несмотря на сильнѣйшее нравственное потрясеніе, недавно испытанное, Артуръ почувствовалъ вскорѣ сильный голодъ, потому что весь этотъ день оставался натошакъ. Но въ Галиціи гораздо легче найти великаго человѣка, чѣмъ тарелку порядочнаго супа, или сколько-нибудь сносную гостиницу. Съ своей тряской брички Артуръ видѣлъ вокругъ, на безграничное разстояніе, только обнаженные поля, безъ всякихъ признаковъ человѣческаго жилья... Чувство одиночества и беспомощности овладѣло молодымъ человѣкомъ. Везшій его пономарь лѣниво понукалъ лошаденку и съ любопытствомъ на него поглядывалъ. Любопытство это отчасти его безпокоило. «Какъ бы онъ меня

не выдалъ!..» думалъ про себя Артуръ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дороги расходились, пономарь оборотился и спросилъ:

— А куда пойдѣмо?

Артуръ не говорилъ по-малорусски, но понялъ вопросъ пономаря. Сообразивъ, что, желая казаться мѣстнымъ уроженцемъ, въ видахъ личной безопасности, нужно обращаться съ народомъ на его языкѣ, Артуръ проговорилъ спокойно:

— Ступай прямо.

— Ге?..—спросилъ пономарь, разинувъ ротъ.

— Што ты не понимаешь? Ступай прямо.

— Та въ яку браму?—спросилъ пономарь, не понимавшій русскаго слова «прямо» и полагавшій, что ему велятъ ѣхать въ *браму* (т.-е. въ ворота).

Артуръ выразилъ удивленіе, что русскій человѣкъ не понимаетъ русскаго языка. Пономарь утверждалъ, что онъ «Бигъ-мѣ!» русинъ, но такого русскаго языка, точно, не понимаетъ. Затѣмъ, почесывая затылокъ, онъ спросилъ Артура:

— А препрашаю гоноръ паньски, цы панъ може... москаль?

Мысль эта показалась Артуру гениальною. Конечно,—подумалъ онъ,—москаль долженъ быть дорогимъ гостемъ въ странѣ, въ которой такъ усердно хватаютъ эмигрантовъ.

— Ну, да, да! Я русскій,—подтвердилъ онъ.

Пономарь больше не оглядывался и сталъ энергично гнать лошадей. На поворотѣ стояла корчма, а передъ нею импровизированная застава изъ необтесанныхъ брусевъ. Крестьянскій паренъ въ овчинномъ тулупѣ караулилъ заставу. При видѣ подъѣхавшей брички, онъ схватилъ восу, прикрѣпленную къ длинной палкѣ, и вскричалъ:

— *Halt!*

— Та вступи́сь, чого хочешь?—убѣждалъ его пономарь.

— *Najn!*—отвѣчалъ паренъ,—я маю *befel! Gwerr-raus!*..—крикнулъ онъ во все горло. Изъ корчмы выбѣжали двое пьяныхъ мужиковъ. Бричку и пономаря знали они очень хорошо, но обстоятельство это придало имъ только болѣе охоты показать свою власть и официальное значеніе.

— А кого то везѣте? Поляка?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Эй, ни! То явись москаль!.. Та возми́ть го собѣ, най йду до дому!

Въ одно мгновеніе Артуръ былъ схваченъ... Надѣлая его ту-маками, мужики связали ему веревкою руки и свели въ корчму. Къ счастью, вскорѣ явился жандармъ съ патрулемъ и отнял Артура у пьяныхъ мужиковъ. Развязавъ ему руки, онъ надѣлъ

на нихъ вандалы, посадилъ Артура на подводку и повезъ съ собою—въ Блотничаны.

Благодаря простой случайности, городокъ этотъ въ другой разъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ Артура. Приняла его та же самая велья. Сойдя съ подводки, онъ замѣтилъ въ толпѣ любопытныхъ—такъ ему показалось—аптекаря Одварницеаго съ Катериною. Холодъ, голодъ, усталость такъ сильно подѣйствовали на Артура, что всякія воспоминанія, въ виду грозной дѣйствительности, совершенно почти въ немъ ступшеывались.

Двери камеры не были заперты на-глухо, но возлѣ нихъ стоялъ часовой съ ружьемъ. Въ самой камерѣ, наполненной арестантами, царствовала унылая тишина. Въ числѣ арестантовъ Артуръ разглядѣлъ Виештвилло и Квасковскаго—опять тяжелое воспоминаніе. Оба они закованы были въ цѣпи, какъ подозрѣваемые въ намѣреніи бѣжать. Ихъ отправляли по этапу въ Броды, для передачи русскимъ властямъ, въ числѣ многихъ иныхъ арестантовъ. Несмотря на грозную перспективу, не слышно было въ камерѣ ни одного болѣзненнаго стопа, ни одной жалобы...

Артуръ холодно поздоровался съ товарищами заключенія, присѣлъ на внесенный за нимъ чемоданъ, закрылъ руками лицо и глубоко задумался. Никто не мѣшалъ ему думать, только Виештвилло старался подъ часъ его ободрить и обращался къ нему съ своимъ: «пустое, братишка!»

Въ Блотничанахъ теперь герръ Финкманъ былъ не единственный представитель власти; для надзора за арестантами командированъ былъ ему въ помощники пѣхотный поручикъ. Обстоятельство это послужило къ выгодѣ арестантамъ, потому что поручикъ былъ менѣе суровъ, чѣмъ герръ форштегеръ, и не запрещалъ никому посѣщать арестантовъ и приносить имъ пищу. Какія-то двѣ женщины вскорѣ вошли въ камеру и принесли двѣ корзины съ закусками разнаго рода, чему былъ очень радъ проголодавшійся Артуръ. Поддѣрживъ свои силы, онъ сдѣлался веселѣе и разговорчивѣе, сталъ рассказывать о своихъ приключеніяхъ съ свойственнымъ ему преувеличеніемъ, не касаясь, впрочемъ, эпизода съ Розою. Всѣ слушали молча, а жемудинъ замѣтилъ: «пустое!»...

Вскорѣ дверь снова отворилась, и въ камеру вошла Катерина съ матерью. Квасковскій быстро всочилъ съ мѣста; лицо его мгновенно покрылось краскою и опять поблѣднѣло. Всѣ арестанты молча и почтительно поклонились вошедшимъ женщинамъ. Прекрасные глаза Катерины были красны отъ слезъ, вся она казалась убитою, была поражена отчаяніемъ—ни тѣни прежней

живости въ ней не было. Артуръ спрятался въ уголь камеры, стараясь быть незамѣченнымъ: рѣдкій гость—краска стыда, появился на его лицѣ.

— Да спасеть васъ Пресвятая Дѣва,—проговорила Катерина дрожащимъ голосомъ,—завтра...

Это «завтра» не требовало никакихъ объясненій. Всѣ поняли, что завтра арестанты, подъ сильнымъ вонвоемъ, отправлены будутъ на границу и переданы будутъ русскимъ властямъ. Извѣстіе это произвело на всѣхъ подавляющее, мертвящее впечатлѣніе, поразило всѣхъ ужасомъ. Одинъ жмудинъ, повидимому, не поддался ему. Подойдя къ Квасковскому, онъ шепнулъ ему:

— Бѣги, пока есть время!.. Я задушу часового!.. Слышишь ли?.. Спасайся!..

— Боже мой! Неужели это возможно?..—вскричала Катерина, разслушавъ послѣднее слово жмудина.

— Это невозможно, — проговорилъ Квасковскій, печально опустивъ голову.

Болѣзненный стонъ вырвался изъ груди несчастной дѣвушки и съ громкимъ рыданіемъ она повисла у него на шеѣ. Въ эту минуту одинъ изъ арестантовъ указавъ рукою на дверь, всѣ оглянулись и увидѣли въ рѣшетчатомъ ея оконцѣ усатое лицо стараго венгерскаго солдата, стоявшаго на часахъ. По морщинистому лицу и по усамъ его текли слезы... Проворчавъ какое-то проклятіе, мадьяръ поспѣшно спряталъ голову.

Я не берусь и не сумѣю описать сцену прощанія Катерины съ Квасковскимъ,—она была тяжела. Мать вывела изъ камеры свою несчастную дочь почти въ безсознательномъ состояніи. Въ камерѣ настало глубокое безмолвіе. На дворѣ дулъ порывистый вѣтеръ, въ окно съ желѣзною рѣшеткою стучали капли дождя, смѣшаннаго съ снѣгомъ. На улицѣ слышно было изрѣдка городское, еще неулегшееся, движеніе...

Въ снѣгахъ снова раздались чьи-то шаги и вскорѣ въ дверяхъ появилась фигура, закутанная въ медвѣжью шубу. Крикъ «а-а» огласилъ камеру. Когда фигура сняла съ себя шубу и очутилась на срединѣ камерѣ, то оказалось, что это былъ панъ Богданъ Колтуновичъ, Н. П. и пр., во всемъ своемъ великолѣпшіи.

Почтенный этотъ обыватель сразу началъ рѣчь о дождѣ и снѣгѣ, о вѣроятности плохого урожая и тому подобныхъ предметахъ, крайне интересныхъ для людей, которымъ на другой день предстояла транспортировка въ Броды!.. Выведенный изъ

терпѣнія, жмудинъ прервалъ метеорологическія и агрономическія разсужденія пана Богдана словами:

— Пустое!.. Вотъ, если вы порядочный человекъ, то помогите намъ спасти этого вотъ братишку (онъ указалъ на Квасковскаго). А то не можете ли вы всѣхъ насъ выпустить отсюда на свѣжій воздухъ.

— Это трудно!—отвѣчалъ панъ Богданъ,—ничего сдѣлать для васъ мы не можемъ. Наварили ваши—сами и расклебывайте! Да и что вздумалось вамъ затѣвать какіе-то бунты, революціи, заговоры!.. Правительство весьма правильно дѣйствуетъ, приказавъ хватать васъ и передавать въ руки законной вашей власти...

Жмудинъ поднялся во весь ростъ, дыша бѣшенствомъ и грозой.. Онъ былъ страшенъ! Я воздерживаюсь отъ всякихъ предположеній,—но несомнѣнно одно, что если маіоръ Виештвилло схватить и бросить что-либо о землю, то поднимать ужъ будетъ нечего. Къ счастью, въ эту минуту въ оеонцѣ снова появилась фязіономія стараго мадьяра и послышались слова:

— Kapitányom ugam! gerek idő! (Капитанъ, пожалуйста сюда).

Виештвилло понялъ, что слова эти относились къ нему и что мадьяръ желаетъ ему что-то сказать. Онъ подошелъ къ дверямъ и между нимъ и мадьяромъ произошелъ какой-то интимный разговоръ, частію на венгерскомъ и частію на словацкомъ языкѣ, между гѣмъ какъ панъ Богданъ безпрепятственно продолжалъ свою рѣчь о томъ, что «высшее правительство» вынуждено было положить конецъ беспорядкамъ, во имя общественной безопасности и т. п.

Окончивъ свой разговоръ съ мадьяромъ, жмудинъ проговорилъ шутливо:

— Квасковскій,—поди-ка сюда, братишка!

— Что такое?—спросилъ Квасковскій, подходя къ нему какъ-то машинально.

Вмѣсто отвѣта, жмудинъ взялъ шубу пана Богдана и надѣлъ ее на Квасковскаго.

— Ну, что?.. Поглядите, господа,—развѣ не истинный галиційскій шляхтичъ?..

Панъ Богданъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ: «что все это значитъ?»

— Ничего!.. Хочу посмотрѣть, въ лицу ли Квасковскому этотъ костюмъ. А ты продолжай, продолжай,—ужъ больно красиво говорить изволишь...

Панъ Богданъ не заставилъ просить себя дважды и сталъ

доказывать бунтовщикамъ, что безъ аристократіи живутъ только негры и что «красные», стремясь къ уничтоженію аристократіи и шляхты, стремились къ отнятію у народа самаго благороднѣйшаго въ его организмѣ члена, неприкосновенность котораго признана даже Москвою. Панъ Богданъ до такой степени былъ тронутъ заботливостію Москвы о неприкосновенности аристократіи и шляхты, что открыто сознался въ своей симпатіи къ Москвѣ и заявилъ, что хранить у себя купленную имъ у какого-то словака бумажную салфетку, съ изображеніемъ на ней двуглаваго московскаго орла, на одной сторонѣ—бѣлаго на красномъ полѣ, а на другой—краснаго на бѣломъ полѣ. Панъ Богданъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ этой салфетки родъ штандарта и встрѣтить съ нимъ русскія войска, въ случаѣ вторженія ихъ въ Галицію...

— Довольно,—крикнулъ Виштвилло,—можешь теперь убраться себѣ въ чорту!..

Панъ Богданъ оглянулся,—Квасковскаго не было, но не было и шубы. Почтенный владѣтель Телятина оробѣлъ и бросился къ дверямъ, но тутъ встрѣтился съ суровой фізіономіей мадьяра, который грозно прикрикнулъ, загородивъ дорогу штыкомъ:

— Nem szobat! (Нельзя). Только «lengyel-ur» въ шубѣ могъ выйти изъ камеры!..—проговорилъ онъ мрачно.

Когда каковой-нибудь вѣтрогонъ угодитъ въ тюрьму или очутится подъ висѣлицей, то эти маленькія неприятели не составляютъ для него особеннаго безпокойства, и онъ не любитъ обыкновенно говорить о нихъ. Но для столь почтеннаго обывателя, какъ панъ Богданъ, одна ночь, проведенная въ тюрьмѣ, оказалась невыносимымъ мученіемъ. Нравственныя страданія его нисколько, однако, не смягчили сердца герра Финкмана фонъ-Финкмангаузена, который на другой день приступилъ къ строжайшему допросу и разслѣдованію, какимъ образомъ, вмѣсто «eines ausländischen Wühlers», въ тюрьмѣ очутился одинъ изъ самыхъ лояльныхъ подданныхъ его цесарско-королевскаго величества!.. Если бы панъ Богданъ былъ менѣ лояленъ, то не избѣжать бы ему процесса въ военномъ судѣ по обвиненію въ «Vorschubleisten bei Verbrechen», но даже герръ Финкманъ не рѣшился заподозрить столь вѣрнаго подданнаго королевско-апостольскаго величества въ соучастіи въ бѣгствѣ Квасковскаго. Панъ Богданъ былъ выпущенъ на волю, за Квасковскимъ же послана была погоня по всѣмъ трактамъ, но напрасно—онъ словно въ воду кануль.

За исключеніемъ Артура, всѣ остальные арестанты посажены были на подводы и отправлены, подъ конвоемъ жандармовъ и солдатъ, къ границѣ; Артуръ же приведенъ былъ въ канцелярію герра Финкмана для снятія допроса. На этотъ разъ вещи его подвергнуты были строгой ревизіи, и отняты были у него револьверъ и русскій паспортъ на имя князя Четвертинскаго. Документъ этотъ долженъ былъ сдѣлаться для него роковымъ, потому что герръ Финкманъ, — говоря мимоходомъ, не узнавшій Артура, — порѣшилъ, на основаніи его, препроводить Артура, какъ русскаго подданнаго, вслѣдъ за другими арестантами, въ Броды, для передачи русскимъ властямъ.

По возвращеніи въ камеру, Артуръ подавленъ былъ глубокою тоскою и не далеко былъ отъ отчаянія. По своему характеру, далеко не воинственному, немного зла сдѣлалъ онъ русскимъ, но и сдѣланнаго имъ было достаточно для того, чтобы совершить далекое путешествіе... Погруженный въ печальныя размышленія, герой нашъ сидѣлъ въ тюремной камерѣ, напрасно стараясь примириться съ своею судьбою. Вдругъ кто-то постучалъ осторожно въ дверь, запертую теперь, по случаю бѣгства Квасковскаго, на замокъ. Артуръ подошелъ къ оконцу и увидѣлъ въ немъ честную фізіономію аптекаря Одварницкаго. При этой встрѣчѣ, Артуръ сильно сконфузился, предполагая съ полною достовѣрностію, что Квасковскій рассказалъ ему сцену, случившуюся въ Забужѣ. Аптекарь дѣйствительно зналъ обо всемъ, но это не подвѣствовало нисколько на его рѣшимость оказать Артуру возможную помощь. Онъ пришелъ спросить Артура, не нуждается ли онъ въ чемъ-либо и нѣтъ ли возможности освободить его отъ транспортировки въ Броды? Артуръ находилъ это невозможнымъ, онъ не зналъ въ Галиціи никого, кто бы захотѣлъ хлопотать объ его освобожденіи.

— Не знаете ли вы во Львовѣ кого-либо изъ людей вліятельныхъ?

— Никого, кромѣ одной дамы...

— Не та ли это дама, которая была здѣсь вскорѣ послѣ вашего отъѣзда отсюда и которая про васъ такъ подробно разспрашивала? Не сообщить ли ей о томъ, что васъ желаютъ выдать русскимъ?

Артуръ до такой степени упалъ духомъ, что рѣшительно не вѣрилъ въ возможность освобожденія. Удовлетворяя лишь желанію аптекаря, онъ далъ ему адресъ Шелищинской.

Два дня еще провелъ Артуръ въ блотничанскомъ заключеніи. На третій день у дверей камеры появился отрядъ цесарско-воро-

левской пѣхоты, состоявшій изъ троихъ солдатъ, которые тутъ же зарядили ружья, чтобы показать арестанту, что всякая попытка съ его стороны къ сопротивленію или бѣгству была бы бесполезна. На дворѣ ждала его подвода.

Путешествіе должно было продолжаться три дня, потому что дороги въ этихъ мѣстахъ, особенно въ это время, были ужасны. По ночамъ арестантъ останавливался въ корчмахъ; если же приходилось ночевать въ повѣтовомъ городѣ, то арестанта отводили въ тюрьму. Кто путешествовалъ по Галиціи подобнымъ образомъ, тотъ согласится, что весьма несправедливо корчмы наши приобрѣли репутацію самыхъ грязныхъ и неудобныхъ мѣстъ отдохновенія; напротивъ — каждый согласится со мною, что царствующій въ нихъ еврейско-польскій безпорядокъ представляетъ высшую степень элегантности и комфорта сравнительно съ повѣтовыми тюрьмами.

Въ самый день выѣзда Артура изъ Блотничанъ, на дорогѣ обогнала подводу, на которой онъ ѣхалъ, наемная коляска съ евреемъ-кучеромъ на козлахъ. Артуру показалось, что изъ коляски бросилъ на него кто-то внимательный взглядъ, но было уже темновато и трудно было разглядѣть сидѣвшихъ въ коляскѣ. На другой день, проѣзжая черезъ повѣтовый городъ, конвойный капралъ, сопровождавшій Артура, получилъ приказаніе повернуть съ арестантомъ въ городъ Z., гдѣ былъ военный судъ, и явиться къ военному аудитуру. Одновременно къ подводу подошелъ прилично одѣтый господинъ и спросилъ:

— Это вы Янъ Вара?

— Да—я.

— Очень пріятно познакомиться, — проговорилъ незнакомецъ, протягивая Артуру руку; послѣдній въ эту минуту почувствовалъ въ своей рукѣ клочекъ свернутой бумаги. Незнакомецъ тотчасъ исчезъ. Боясь обратить на себя вниманіе конвойныхъ, Артуръ поспѣшно спряталъ въ карманъ бумагу, не узнавъ ея содержанія. Только дорогой онъ могъ развернуть ее и прочесть украдкой слѣдующее: «Фамилія твоя — Шелицинскій Генрихъ, отъ роду 27 лѣтъ, вѣроисповѣданія римско-католическаго; родился ты въ Римницахъ, въ Галиціи, отцу твоему было имя Мацей, а матери — Варвара. Назадъ тому шесть лѣтъ вступилъ ты въ законный бракъ съ Маргаритою изъ Конопинскихъ, по первому браку Тржещинскую, вотчинницею Дембовки и Баранца, находящихся въ львовскомъ округѣ, а также владѣлицею каменнаго дома во Львовѣ № 1966²/₄. Уже три года, какъ бросилъ ты жену и считаешься за-границей. Заучи все это хорошо наизусть».

Въ городѣ Z. аудиторъ принялъ Артура съ какой-то горькой улыбкой и приказалъ профосу отвести его въ тюрьму.

Военная тюрьма въ Z. давала довольно вѣрное понятіе объ удобствахъ и пріятностяхъ варшавской цитадели и очень мало свидѣтельствовала о томъ, что при-дунайская имперія принадлежить къ числу государствъ сколько-нибудь цивилизованныхъ. Но и грязная яма для больного свитальца—кровать; для лойяльнаго галичанина и «Staatsgrundgesetze» — конституція; для Артура же, видѣвшаго въ перспективѣ нѣчто другое, — заключеніе въ Z. и допросъ въ австрійскомъ военномъ судѣ были даже пріятны, потому что возбуждали въ душѣ его какую-то надежду. Онъ на все былъ готовъ, лишь бы не быть выданнымъ въ руки русскихъ властей. Профосъ отвелъ его прежде въ свою комнату и произвелъ тщательную ревизію его вещамъ; при этомъ были конфискованы всѣ письменныя принадлежности, фотографіи и бинокль, который могъ служить—какъ утверждалъ профосъ — для дѣлей военныхъ. Взяты были также всѣ деньги и дозволено было арестанту имѣть на рукахъ не болѣе одного гульдена. Затѣмъ профосъ, — приземистый венгерскій еврей, выбранный на эту должность потому, что судъ не питалъ довѣрія къ мадырамъ, стоявшимъ въ городѣ гарнизономъ, — позвалъ двухъ солдатъ и подъ воиномъ ихъ отвелъ Артура въ тюремную камеру. Камеры были расположены вдоль длиннаго корридора. Невозможно вообразить что-нибудь менѣе приспособленное къ помѣщенію людей! Камера, въ которую введенъ былъ Артуръ, имѣла въ длину двѣнадцать шаговъ, а въ ширину не болѣе пяти. Въ обыкновенное время камера эта назначалась для шестерыхъ арестантовъ, подозрѣваемыхъ въ кражѣ лошадей, и уголовно-гражданскій судъ, имѣя въ виду здоровье этихъ гражданъ, строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы никогда не помѣщалось ихъ болѣе въ этой камерѣ. Гражданскіе судьи полагаютъ, вѣроятно, что хотя гипническій спортъ, практикуемый на краденыхъ лошадяхъ, не заслуживаетъ похвалы, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ подвергать спортсменовъ удушенію. Военные судьи—менѣе сантиментальны; они загоняли въ каждую камеру по восемнадцати политическихъ преступниковъ... Ночью особенно камера представляла полнѣйшее подобіе палубы американскаго пакетбота... Кромѣ желѣзной печки и кадки съ водой, въ камерѣ стоялъ большой деревянный ушатъ, однимъ запахомъ своимъ достаточно указывавшій на свое назначеніе. На официалномъ языкѣ такой ушатъ извѣстенъ подъ названіемъ «кибла»; его выносили изъ камеры, одинъ разъ въ сутки, съ большою церемоніею и подъ прикрытіемъ военной силы, и вносили обратно

въ камеру съ такими же предосторожностями и церемоніей, въ сопровожденіи самого профоса. Послѣдній въ этомъ случаѣ обнаруживалъ удивительную энергію, сообразительность и бдительность, достойныя не тюремнаго профоса, а по крайней мѣрѣ хранителя государственныхъ сокровищъ какого-нибудь небольшого королевства, въ родѣ напр. Лодомеріи.

Водвореніе Артура въ этомъ пріютѣ, изображавшемъ въ «тѣснѣйшемъ» смыслѣ наше цесарско-королевское отечество, совершилось по всѣмъ предписаніямъ формы. При содѣйствіи профоса, возымѣвшаго къ Артуру большое сочувствіе, вслѣдствіе найденныхъ у него десятковъ и сотенъ гульденовъ, отданныхъ въ депозитъ аудитору, — нашему арестанту удалось устроить себѣ въ камерѣ помѣщеніе подалеже отъ «кнбля».

Трудно было пошевелиться въ камерѣ, переполненной арестантами. Были здѣсь люди разнаго званія и возраста, изъ всѣхъ уголковъ Польши. Былъ здѣсь и эмигрантъ, участвовавшій во всѣхъ мѣстныхъ и заграничныхъ возстаніяхъ, начиная съ 1831 г., совершенно свышійся съ тюрьмою, которая служила для него почти постояннымъ мѣстопребываніемъ; былъ и молодой студентъ, только и помышлявшій объ освобожденіи, чтобы опять удрать въ шайку; былъ и львовскій ремесленникъ, буйный и шумливый, всегда недовольный, проклинающій пановъ, штабы, командировъ, дурную пищу, вонь и тѣсноту; былъ подольскій мужикъ, отличавшійся рѣдкимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ; былъ и жидъ, обвиненный въ доставкѣ повстанцамъ оружія; былъ и помѣщикъ, которому угрожало восьмидневное заключеніе за укрывательство троихъ пуциглеровъ, и который, чувствуя на главѣ своей ореолъ мученичества, взывалъ въ сокрушенной душѣ: «Высокій Судъ Пусть же будетъ не моя, а Твоя воля!».. Былъ, наконецъ, и одинъ венгерець, поспѣшавшій въ ряды повстанцевъ при первомъ извѣстіи о вооруженномъ возстаніи. Кромѣ этихъ категорій была еще одна, въ иныхъ мѣстахъ неизвѣстная: въ камерѣ содержался нѣкто Іозефъ Жолевичъ, — арестантъ добровольный, содержавшійся только для удобства военнаго суда, который, имѣя задачей убѣдить всѣхъ подсудимыхъ, что они, нарушая общественный порядокъ, совершили преступленіе, самъ по себѣ и совсѣмъ былъ счастливъ въ сопоставленіи доводовъ и не вполнѣ сообразителенъ при производствѣ дознаній. Играя роль неумолимаго мстителя врагамъ отечества, Жолевичъ рассказывалъ своихъ военныхъ и революціонныхъ подвигахъ товарищамъ за заключенія, которые, въ свою очередь, рассказывали ему о себѣ и о своихъ дѣлахъ. Жолевичъ затѣмъ доносилъ обо всемъ ауди

тору, военный же судъ присуждалъ виновныхъ къ заключенію отъ 1-го до 6-ти мѣсяцевъ, продержавъ каждаго изъ нихъ, во время производства дознаній, отъ 3-хъ до 8-ми мѣсяцевъ.

Жолкевичъ не скрывалъ желанія сблизиться съ Артуромъ; но жестокія испытанія, перенесенныя послѣднимъ въ цыбуловскомъ округѣ, приучили его къ осторожности и сдержанности. Онъ высказалъ только, что онъ изъ царства польскаго, что былъ въ отрядѣ Замечка и называется Кувельскій, но ни слова о княгинѣ-матери, княжнѣ-сестрѣ, ни о замкѣ на берегу Днѣпра... Въ тотъ же день Жолкевичъ отрапортовалъ аудиторю, что новый арестантъ—личность скрытная, подозрительная, скрывающая даже свою фамилію.

На другой день Жолкевичъ спросилъ небрежно Артура, не знакомъ ли онъ былъ въ Львовѣ съ Шелицинскою? Артуръ смѣшался, но отвѣчалъ, что знаетъ нѣсколько эту даму. Черезъ часъ аудиторъ зналъ уже объ этомъ признаніи, а Жолкевичъ получилъ за свои заслуги изъ военной кассы 30 крестеровъ. Отводя его въ камеру, конвойный капралъ толкнулъ его ногой и ругнулъ: «Verfluchter полякъ!» — съ цѣлью показать арестантамъ, что изъ числа ихъ военный судъ больше всего ненавидитъ и преслѣдуетъ Жолкевича. Послѣдній сталъ жаловаться передъ Артуромъ на грубость солдатъ и на то, что аудиторъ грозитъ еще ему, Жолкевичу, палками!.. Это тронуло Артура, и онъ сознался откровенно, что Шелицинскую знаетъ очень хорошо, но не желаетъ, чтобы обстоятельство это сдѣлалось суду извѣстнымъ, чтобы не подвергнуть даму эту неприятностямъ...

Въ героѣ нашемъ, очевидно, произошла удивительная перемена—онъ сталъ говорить вдругъ чистую правду!.. Но аудиторъ обладалъ чрезвычайно опытнымъ глазомъ и сразу разгадалъ, что имѣетъ дѣло съ неисправимымъ лжецомъ, — и потому рѣшился не вѣрить ни одному его слову. Призванный къ допросу, Артуръ объявилъ, что онъ называется Кувельскій, родомъ изъ царства польскаго, что участвовалъ въ повстаніи и бѣжалъ на австрійскую территорію. Затѣмъ онъ сталъ убѣдительно просить, чтобы ему дозволено было эмигрировать въ Германію или Швейцарію. Аудиторъ передавалъ все это своему писцу по-нѣмецки и самодовольно и лукаво улыбался. Окончивъ допросъ, аудиторъ объявилъ Артуру, что не выпуститъ его изъ тюрьмы, пока онъ не скажетъ «всю правду».

Аудиторъ былъ правъ, если не вѣрилъ Артуру и лукаво улыбался. Аудиторъ давно уже узналъ «всю правду» — и вотъ какимъ образомъ:

На другой день послѣ отправки Артура изъ Блотничая, передъ квартирою окружного старосты остановилась еврейская коляска, изъ которой вышли двѣ женщины, обѣ очень красивы и обѣ расплаканныя. Онѣ ворвались къ старостѣ, и одна изъ нихъ, старшая, красивая брюнетка, рассказала старостѣ слѣдующую исторію, прерывая рассказъ свой громкимъ плачемъ: «муж мой, Генрихъ Шелищинскій, этотъ негодяй большой руки, бродяга и любитель всѣхъ женъ, кромѣ собственной, — бросилъ меня назадъ тому три года и скитался съ тѣхъ поръ гдѣ-то за-границей. Воротившись недавно назадъ, онъ опять утекъ и присталъ къ повстанцамъ. Случайно я встрѣтила его потомъ во Львовѣ и слѣдила уже за нимъ постоянно, но — что-жъ! — онъ опять успѣлъ скрыться, и только теперь я узнала, что этотъ негодяй выдаетъ себя за какого-то Артура Кувельскаго, будто бы выходца изъ царства польскаго, и желаетъ быть отданнымъ въ руки московскихъ властей, лишь бы убѣжать отъ жены. Въ Москвѣ никто ему не докажетъ, что онъ вретъ, что никакого Кувельскаго никогда на свѣтѣ не было, — продержатъ и выпустятъ, и онъ—о, я его хорошо знаю—женится непременно на какой-нибудь москowitzѣ!.. Ахъ, пане староста, умоляю васъ—не отдавайте его москалямъ и заставьте его начальническою вашею властью исполнять супружескія обязанности! Клянусь вамъ, что я, съ своей стороны, выпарапаю ему глаза при первомъ удобномъ случаѣ».

Панъ староста самъ былъ женатъ и зналъ очень хорошо, что сладкое супружеское ярмо дѣйствительно можетъ подъ часъ возбудить въ человѣкѣ охоту убѣжать въ Сибирь, переселиться на луну, или на иную планету, гдѣ земныя узы теряютъ свою обязательную силу. Рассказъ Шелищинской былъ притомъ до такой степени правдоподобенъ, дышалъ такою энергіей, столько было правды въ жалобахъ ея на невѣрность мужа и такъ рѣшительно клялась она выпарапать ему глаза, что панъ староста не колебался ни минуты. Войдя въ соглашеніе съ военнымъ судомъ, онъ приказалъ воротить съ дороги мнимаго москowitzа подданнаго Артура Кувельскаго, князя Артура Четвертинскаго тожъ, и доставить его въ Z. для снятія съ него допроса въ военномъ судѣ.

Аудитору приказано было: доказать Кувельскому, что онъ вовсе не Кувельскій, а Генрихъ Шелищинскій, потомъ наказать его, во-первыхъ, за самовольную отлучку изъ края, во-вторыхъ— за нарушеніе общественнаго порядка и, въ-третьихъ, — за незаконное присвоеніе вымышленныхъ именъ и бродяжество съ фаль

живыми паспортами; затѣмъ—передать его мѣстной политической власти.

Всѣ усилія аудитора поэтому направлены были къ тому, чтобы во всей точности выполнить такое приказаніе. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ Артуръ много разъ призываемъ былъ къ допросу и убѣждаемъ сказать «правду»; но онъ упорно стоялъ на своемъ и утверждалъ, что называется Кувельскій. Шелищинская и Целина, выписанныя нарочно изъ Львова горничная и кухарка спрятаны были въ залѣ суда за оконными занавѣсками, когда на дворъ выведены были для прогулки арестанты: всѣ сразу указали, кто изъ нихъ—Генрихъ Шелищинскій. Судъ не могъ долѣе колебаться сомнѣніями насчетъ очевиднаго заpiresательства Артура. Въ послѣдній разъ, призвавъ его къ допросу, аудиторъ выставилъ ему на видъ всю бесполезность его упорства и все безразсудство его желанія обмануть судъ, которому давно все извѣстно. Затѣмъ, аудиторъ прочелъ подсудимому показанія Шелищинской, Целины, горничной и кухарки, и потребовалъ чистосердечнаго сознанія, какъ относительно галиційскаго его происхожденія, такъ и относительно дѣйствительнаго имени и фамиліи, грозя ему, въ противномъ случаѣ, пожизненнымъ заключеніемъ въ слѣдственной тюрьмѣ.

Не взирая на всю свою ловкость, тутъ только понялъ Артуръ, съ какою цѣлью всунута ему была въ руки извѣстная записка. Но онъ поклялся никогда болѣе не прикрываться чужими именами. Страхась дальнѣйшихъ затрудненій, которыя могли бы еще ухудшить его положеніе, онъ не пожелалъ воспользоваться случаемъ, представлявшимъ всѣ шансы въ его пользу, и потому упорно продолжалъ стоять при первомъ своемъ показаніи.

Такое упорство ни къ чему однако не повело. Аудиторъ потерялъ всякое терпѣніе. Созванъ былъ военный судъ. Шесть странныхъ фигуръ, въ бѣлыхъ мундирахъ и синихъ штанахъ, поднявъ два пальца, исполнили присягу, что будутъ судить Артура—«не взирая на силу или слабость, на бѣдность или богатство, на дружбу или вражду,—по правдѣ и совѣсти, принимая на себя отвѣтственность предъ Богомъ и его величествомъ». Преступникъ былъ спрошенъ, что можетъ онъ сказать въ свою пользу и не желаетъ ли измѣнить въ чемъ-нибудь своихъ показаній? Послѣ отрицательнаго отвѣта, подсудимый удаленъ былъ изъ залы суда. Когда его ввели опять подъ стражу въ залу, прочтенъ былъ торжественно приговоръ, по которому «Генрихъ Шелищинскій, какъ ложно именующій себя Артуромъ Кувельскимъ, а также княземъ Четвертинскимъ, равнымъ образомъ, при-

нимая во вниманіе инья преступленія его и противозаконныя дѣйствія, присужденъ былъ въ трехмѣсячному заключенію, со включеніемъ въ оное число двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, во время нахождения подъ судомъ, и съ освобожденіемъ отъ третьяго мѣсяца заключенія, по снисходительному усмотрѣнію мѣстнаго военнаго начальника и въ видѣ особой милости».

Итакъ—Артуръ былъ чистъ. Аудиторъ передалъ его профосу, профосъ—бецирку, бециръ—магистрату, а магистратъ пьяному десятскому, который на другой день долженъ былъ передать его другому пьяному десятскому и т. д., пока, по истеченіи недѣли, Артуръ не приведенъ былъ «по пѣшему хожденію», во Львовъ, куда онъ вошелъ чрезъ Лычаковскую заставу, и пока не былъ отданъ въ отеческія руки мѣстной цесарско-королевской полицейской дирекціи.

Никто, конечно, не посмѣетъ усумниться въ рѣдвой проникательности цесарско-королевской полиціи вообще и львовскихъ ея органовъ въ частности, какъ скоро дѣло коснется, натурально, преступленій и проступковъ политическихъ. Вполнѣ достовѣрно, что еслибы тождественность личности нашего героя возбуждала малѣйшее сомнѣніе, цесарско-королевская полиція нарядила бы, не медля ни минуты, строжайшее разслѣдованіе для открытія истины. Но сходство Артура съ Генрихомъ Шелицинскимъ доказано было съ такою очевидностію, а показанія жены его и прислуги отличались такою категоричностію, что органы власти не могли колебаться никакими сомнѣніями. Самъ Артуръ подтвердилъ, наконецъ, все то, чего отъ него требовали. Въ нѣкоторое затрудненіе поставили его было только два пункта: зачѣмъ онъ бросилъ жену и зачѣмъ такъ упорно скрывалъ передъ судомъ свое имя? На оба эти пункта онъ могъ отвѣчать не иначе, какъ жалобой передъ цесарско-королевскою полиціей на Маргариту, которую онъ и описалъ, какъ самую ужасную Ксантишу, отъ которой онъ готовъ бѣжать даже въ антиподамъ. Тутъ онъ повторилъ прежнюю свою просьбу: дозволить ему выѣхать за границу; но просьба эта встрѣтила крайне неблагоприятный приемъ, и Артуру дано было понять, что отлучаться изъ Львова ему вовсе не дозволяется, подъ угрозой наказанія, указаннаго въ какомъ-то параграфѣ—въ какомъ именно, не помню—второй части уголовного кодекса.

Что же оставалось дѣлать герою? Ему оставалось одно: отправиться на іезуитскую улицу, въ домъ подъ № 1966²/₄ и

увѣдомить Маргариту о странномъ опредѣленіи судьбы и полиціи, по которому онъ долженъ вступить немедленно въ исполненіе обязанностей ея отсутствующаго мужа,—само собою разумѣется, только по отношенію къ внѣшнимъ условіямъ супружескаго сожителства.

Собственно говоря, что же оставалось дѣлать и Маргаритѣ?

Вникнувъ въ сущность дѣла, обѣ стороны пришли къ заключенію, что противодѣйствовать опредѣленіямъ судьбы и цесарско-королевской полиціи—значило бы бунтовать противъ логическаго порядка дѣлъ и противъ законной власти, и что необходимо примириться съ тѣмъ, чего нельзя измѣнить. Съ одной стороны, панъ Артуръ, *post tot discrimina*, не могъ не сознаться, что лучше же ему сдѣлаться образцовымъ мужемъ, счастливымъ отцомъ и мирнымъ обладателемъ каменнаго дома и двухъ помѣстій, нежели быть поселенцемъ гдѣ-нибудь въ отдаленной губерніи. Съ другой стороны, Маргарита уже годъ назадъ усматривала въ Артурѣ поразительное сходство съ своимъ мужемъ; въ настоящее же время, когда почти несомнѣннымъ становилось извѣстіе, что Генрихъ Шелищинскій, напрасно стараясь сорвать въ Монако банкъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ—не было никакого логическаго основанія колебаться въ выборѣ ему преемника. Нужно было только слѣдить зорко, чтобы интернированный Артуръ въ точности подчинился распоряженію власти и не убѣждалъ бы какъ-нибудь изъ Львова, пока не снято будетъ осадное положеніе.

Извѣстно, что оно прекращено было только въ апрѣлѣ 1865 г. Но еще до этого времени удалось какъ-то пану и пани Шелищинскимъ выхлопотать заграничный паспортъ. Прибывъ въ Монако и констатировавъ на мѣстѣ фактъ исчезновенія Шелищинскаго № 1 изъ этой юдоли *трантъ-каранта* и рулетки, пани Шелищинская, предъ лицомъ правъ божескихъ и человѣческихъ, сдѣлалась Кувельскою, а Артуръ—законнымъ ея супругомъ, въ силу акта, совершившагося въ маленькой церкви капуциновъ, въ городѣ Роккабрунѣ, принадлежавшемъ нѣкогда княжеству Монако.

Въ качествѣ правдиваго историка, я долженъ былъ бы здѣсь сказать, что если мой герой, послѣ тѣхъ горькихъ неудачъ, жертвою которыхъ онъ сдѣлался въ Цевковицахъ, питалъ еще какія-либо поползновенія къ женитьбѣ, то намѣренія его склонялись скорѣе на сторону Целины... Но съ тѣхъ поръ, какъ цесарско-королевская полиція передала его въ руки Маргариты—не могло быть и рѣчи о личныхъ его желаніяхъ и намѣреніяхъ: Марга-

рита сама все за него дѣлала и предпринимала. Артуръ дѣгался, говорилъ, дѣйствовалъ, повертывался направо и налево, садился и вставалъ—только по волѣ Маргариты. Когда она порѣшила, что нужно отправиться за границу—Артуръ тоже сталъ утверждать, что за-границу съѣздить нужно; когда она заявила желаніе отослать Целину къ какой-то теткѣ—онъ сталъ доказывать совершенную необходимость отослать ее къ теткѣ; когда же она велѣла ему надѣть фракъ и идти въ церковь къ вѣнцу—онъ повиновался безъ малѣйшаго противорѣчія и позволилъ себя обвинять безропотно. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что Артуръ можетъ послужить образцомъ всѣмъ мужьямъ и что пани Маргарита, заполучивъ третьяго мужа, держать возжи супружеской колесницы въ опытной и энергической рукѣ!..

По снятіи военнаго положенія, счастливая чета поселилась въ деревнѣ, потому что ничто такъ не портитъ молодыхъ мужей—по мнѣнію Маргариты, какъ постоянное пребываніе во Львовѣ. Общество мужчинъ—туда еще ни шло, но женщины, по общему мнѣнію, чрезвычайно опасны. Даже въ деревнѣ прекрасный полъ былъ совершенно изгнанъ изъ общества Кужельскихъ, и если Артуръ, дѣлая по сосѣдству неизбежныя визиты, сталкивался иногда съ дамами и дѣвицами, то не иначе, какъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ и бдительною опекой заботливой своей жены. Целина вовсе не показывалась уже въ домѣ своей мачихи. Говорятъ, что въ бумагахъ мужа Маргарита нашла какую-то фотографію, подавшую будто бы поводъ къ страшнѣйшей супружеской бурѣ... Но людскіе языки часто болтаютъ зря, а я по принципу воздерживаюсь отъ повторенія всякихъ сплетенъ, особенно въ печати. Говорятъ даже, что Артуръ, для разнообразія, готовъ былъ бы, съ радостью, теперь удрать хоть въ отдаленную губернію, но—это опять-таки едва ли справедливо.

И находятся еще люди, которые осмѣливаются утверждать, будто мы не любимъ «эмигрантовъ» и гонимъ ихъ изъ Галиціи!..

Е. Л.

АНГЛІЯ

и

ЕЯ ВИДЫ НА РОССІЮ

въ XVI-мъ вѣкѣ.

По новымъ документамъ.

Въ 1858 году, въ Лондонѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ документами британскаго музея, относящимися къ исторіи первыхъ сношеній Англии съ Россіей. Я руководился при этомъ указаніями, заключающимися во 2-мъ томѣ изданныхъ А. И. Тургеневымъ въ 1842 году «Актъ историческихъ, относящихся къ Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ». Я нашелъ, однако, что Тургеневъ далеко не исчерпалъ запасъ любопытныхъ документовъ по этой части, которые находятся въ собраніи рукописей сэра Роберта Коттона (въ британскомъ музеѣ), не воспользовался ни одною изъ имѣющихся въ немъ подлинныхъ грамотъ нашихъ царей, и не всегда руководствовался лучшими списками съ англійскихъ документовъ. Впрочемъ, не всякій даже англичанинъ можетъ свободно разбирать англійскія рукописи XVI столѣтія: онѣ написаны шрифтомъ, подходящимъ къ готическому, съ употребленіемъ извѣстныхъ сокращеній (подъ титлами) и съ орфографіею до того своеобразною и причудливою, что нерѣдко, разобравъ даже всѣ составныя буквы какаго-нибудь слова, приходится задумываться надъ его значеніемъ. Мнѣ пришлось потому начать съ того, чтобы ближе освоиться съ палеографическими особенностями англійской скорописи

XVI вѣка и, научившись свободно читать тѣ рукописи, которыя уже были напечатаны въ сборникахъ Гавлюйта и Тургенева, въ трудахъ Гавлюйтова общества (издаваемаго записки Флетчера и Горсея) и въ англійскомъ переводѣ сочиненія нашего академика Гамеля: «*Tradescant der Aelttere*» (England and Russia),—приступить къ снятію копій со всѣхъ документовъ. Вскорѣ однако же я убѣдился, что, для полноты труда, необходимо получить доступъ въ лондонскій королевскій архивъ. Мои личныя отношенія облегчили мнѣ этотъ доступъ, и я былъ первымъ изъ русскихъ допущенъ къ просмотру русскихъ дѣлъ въ лондонскомъ архивѣ (State Paper Office). Чтобы дать понятіе объ историческихъ союзищахъ, которыя въ нихъ содержатся, достаточно будетъ сказать, что дѣла эти заключаютъ не только наказы гоццовъ, и посланниковъ англійскихъ, но также и донесенія толмачей при нашихъ посланникахъ о содержаніи наказовъ, данныхъ этимъ послѣднимъ при отправленіи ихъ изъ Россіи; толмачи были почти безъ исключенія слугами англійскаго общества купцовъ, торговавшихъ съ Московіею, и поэтому считали себя обязанными указывать англійскимъ дипломатамъ, какія именно изъ посольскихъ требованій необходимо удовлетворить и въ какой мѣрѣ ихъ слѣдуетъ удовлетворить.

Послѣднее время своего пребыванія въ Лондонѣ (1859 г.) я посвятилъ на копировку этихъ документовъ, и ихъ собралось у меня значительное количество за періодъ времени съ перваго прибытія англичанъ въ Россію до царствованія Алексѣя Михайловича включительно. Они были пополнены потомъ документами, списанными мною въ музей Ашмоля въ Оксфордѣ, а впоследствии и въ московскомъ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Имѣя въ виду въ непродолжительномъ времени приступить въ полному изданію собранныхъ мною такимъ образомъ документовъ за первыя сорокъ лѣтъ, отъ прибытія Ченслера въ Холмогоры (1553) и до принятія англійскихъ гостей въ Россію подъ личное покровительство Бориса Ѳедоровича Годунова (1593), я намѣренъ въ настоящей статьѣ познакомить читателей съ тѣми новыми историческими данными, которыя заключаются въ тѣхъ документахъ; они бросають во многихъ случаяхъ новый свѣтъ на первыя наши сношенія съ Англійей и значительно дополняютъ то, что было извѣстно до сихъ поръ. Изъ 82 документовъ, которые войдутъ въ составъ предполагаемаго мною изданія, *тридцать-семь* не были еще напечатаны ни въ одномъ ни англійскомъ, ни русскомъ сочиненіи.

I.

Въ половинѣ шестнадцатаго вѣка въ Англіи замѣтили, что запросъ на англійскіе товары и произведенія значительно уменьшился; что то, за чѣмъ въ прежнее время сосѣдніе имъ народы прїѣзжали въ Англію, сбывается по низкой цѣнѣ, даже когда привозится на продажу въ страны сосѣднихъ народовъ; напротивъ, мѣстный запросъ на иностранные товары постоянно увеличивается и цѣны на нихъ неимоверно поднимаются. Торговые люди Англіи начали обсуждать средства къ отвращенію такого упадка торговли и остановились на мысли, что имъ слѣдуетъ, по примѣру испанцевъ и португальцевъ, искать новыхъ источниковъ къ обогащенію, открытіемъ новыхъ странъ и учрежденіемъ новыхъ торговыхъ сношеній. Послѣ многихъ совѣщаній съ находившимся въ то время въ Лондонѣ знаменитымъ Себастьяномъ Каботомъ, по его совѣту, было рѣшено снарядить эскадру для отысканія и открытія на сѣверо-востокѣ пути къ новымъ и невѣдомымъ дотолѣ народамъ. Для снаряженія этихъ кораблей постановлено было составить общество, каждый членъ котораго долженъ былъ внести не менѣе 25 фунт. стерл. Скоро собрано было 6 тыс. фунтовъ, и на нихъ куплены, исправлены и снаряжены три корабля: главнымъ начальникомъ надъ ними былъ назначенъ «честный и достойный мужъ» сэръ Югъ Виллогби; главнымъ кормчимъ—Ричардъ Ченслеръ.

Такова сущность разсказа Клемента Адамса о началѣ и учрежденіи англійскаго «общества купцовъ, искателей открытія странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній неизвѣстныхъ, доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ». Та же мысль лежитъ въ основѣ грамоты Эдуарда V-го, разукрашенной отвлеченными разсужденіями о томъ, что торговлю исполняется завѣтъ Бога Всеблагодатнаго и Всемогущаго, данный людямъ «стремиться и желать, да ищетъ каждый вступить въ общеніе съ другими, любить и взаимно быть любимымъ, оказывать благодѣянія и взаимно принимать благодѣянія».

Главнымъ руководителемъ новаго предпріятія былъ Кабота— въ то время одинъ изъ ученѣйшихъ представителей космографіи, науки, которая съ открытіями Колумба и Васко-де-Гамы была ниспровергнута съ своихъ прежнихъ основаній, и искала новыхъ для себя данныхъ. Страсть къ морскимъ путешествіямъ, кромѣ врожденнаго стремленія всѣхъ поморянъ къ морю, поддержива-

лась тогда возвращавшимися съ дальняго запада мореплавателями, которые, вездѣ встрѣчая почетъ, платили за оказываемое имъ гостепрѣимство разсказами иногда и сказочными, а иногда и въ точности своей похожими на сказки, о всемъ ими видѣнномъ, слышанномъ, испытанномъ... Самые разказы о лишеніяхъ, ими претерпѣнныхъ, объ опасностяхъ, которымъ они подвергались, разжигали въ молодежи, ихъ слушавшей, жажду удали, ревность къ подвигамъ, любопытство чрезъ то же пройти и то же испытать.

Если не предположить въ этомъ случаѣ участія наклонности къ приключеніямъ въ англійскомъ народѣ и научной пытливости образованныхъ сословій, то трудно было бы объяснить, что въ числѣ первыхъ учредителей общества встрѣчаются и имена первыхъ сановниковъ: лорда казначея маркиза Винчестера, лорда дворецкаго графа Арѣнделя, лорда хранителя государственной печати графа Пемброка, главнаго адмирала лорда Гоуварда Эффингемскаго и друг.; трудно такъ же понять, какъ рѣшились 126 человекъ отправиться, сами не зная куда, въ какія-то страны, къ какимъ-то народамъ. Наконецъ, можно ли допустить мысль, чтобы въ послѣднихъ предсмертныхъ мученіяхъ голода и холода, изнемогающую руку Виллогби сталъ заносить свои научныя наблюденія, еслибы имъ руководила одна корысть прибыли, а не страстная любовь къ наукѣ, не жажда познаній для себя, не жертвованіе собою для добытія знаній своимъ соотечественникамъ.

11-го мая 1553 года, снаряженные корабли вышли изъ Темзы. Имена ихъ были: «Благая Надежда», адмиралъ сэръ Югъ Виллогби; «Эдуардъ Благое Предпріятіе», главный кормчіи Ричардъ Ченслеръ; «Благое Упованіе», шкиперъ Корнелій Дерфуръ. Постоянно задерживаемые вѣтрами около береговъ Англій, въ концѣ іюня они должны были отвязаться отъ своего первоначальнаго намѣренія плыть сперва къ берегамъ Шотландіи и рѣшились взять направленіе прямо на востокъ. 14-го іюля они приплыли къ острову Гельголанду; оттуда, поднявшись на сѣверъ, 2-го августа были въ виду Вардегууса, но за вѣтрами не могли войти въ его гавань. Виллогби успѣлъ только назначить эту гавань сборнымъ мѣстомъ, на случай если корабли будутъ разсыяны бурей: вслѣдъ затѣмъ набѣжавшій шквалъ оправдалъ его предвидѣніе — когда шквалъ миновался, Ченслеръ потерялъ изъ вида «Благою Надежду» и «Благое Упованіе», вошелъ въ Вардегуускую гавань и, напрасно прождавъ ихъ тамъ цѣлые семь дней, рѣшился пуститься въ дальнѣйшій путь. 24-го августа онъ присталъ къ устью Двины, близъ монастыря св. Николая, и узналъ отъ нагнанныхъ имъ рыбаковъ, что онъ во вла-

дѣлать царя московскаго. «И царя и великаго князя приващия, холмогорскіе выборные головы: Филиппъ Родіоновъ, Фофанъ Макаровъ съ Холмогоръ писали къ царю и великому князю въ Москвѣ, о приходѣ отъ аглицкаго короля Едварта посла Рыцера и съ нимъ гостей». Въ октябрѣ корабль Ченслера, по нѣ распоряженію, введенъ на зимовье въ Унскую губу, а 23-го ноября, по государеву указу, Ченслеръ отпущенъ съ гостями въ Москву.

Прибытіе Ченслера въ Москву случилось въ самую свѣтлую эпоху жизни Іоанна, когда онъ только-что вышелъ побѣдителемъ изъ конечной борьбы съ Казанью и вынесъ изъ многотруднаго похода славное имя покорителя царства Казанскаго; когда окруженный синклитомъ доблестныхъ «стратилатовъ», какъ называютъ ихъ Курбскій, онъ могъ предвидѣть легкое покореніе царства Астраханскаго, и надѣяться на укрощеніе крымцевъ; обезпечивъ себя со стороны татаръ, окруженный искренней любовью народа, онъ могъ въ обширномъ, истинно государскомъ умѣ своемъ —наслѣдїи своего соименника дѣда, помышлять о совершеніи начатаго дѣдомъ великаго дѣла строенія и образованія своего царства. Огромны были богатства московскія, многочисленны рати, собравшіяся по слову царя; храбро стояли онѣ въ полѣ, мужественно выдерживали онѣ осадныя сидѣнья; но не могъ не сознавать царь, что не совладать ему ни со шведомъ, ни съ мечевоспами, ни съ поляками и литовцами, пока у него не будетъ «размысловъ хитрыхъ, навичныхъ къ градскому разоренію», проутелей, «которые могутъ дѣлать крѣпости, башни и дворцы»; онъ не хуже польскаго короля зналъ, что ему нужно «и оружіе доселѣ ему неизвѣстное, и мастера, и художники»; что долѣ его побѣждаютъ только потому, что онъ невѣжественъ въ художествахъ и незнакомъ съ политикою; — и онъ жаждалъ близенія съ Западомъ! Но Западъ для него былъ закрытъ: кевнивымъ окомъ слѣдилъ его непримиримый врагъ-сосѣдъ, король польскій, чтобы немногіе, отваживающіеся переѣхать за литовскій рубежъ, нѣмецкіе купцы не ввозили въ Москву никакихъ товаровъ, могущихъ послужить ко вреду Литвы и Польши, не привозили въ Россію людей, могущихъ способствовать къ величенію ея могущества. Напротивъ, король употреблялъ купцовъ этихъ для лазутчества, и по пересылкамъ ихъ зналъ о томъ, что дѣлалось и что замышлялось на Москвѣ.

Этимъ объясняется та ласка, съ какою Іоаннъ принялъ присланную ему Ченслеромъ грамоту Эдуарда, та готовность, съ которою онъ «Рыцарта и гостей англійскія земли пожаловалъ, въ

свое государство Россійское съ торгомъ изъ-за моря на корабляхъ имъ велѣлъ ходитъ безопасно, и дворы имъ покупать и строить невозбранно». Отпуская Ченслера, Іоаннъ увѣрялъ Эдуарда (въ то время уже умершаго) въ своемъ «сердечномъ и доброусердномъ», «съ благонамѣреніемъ дружественномъ желаніи», поручая Ченслеру «для лучшаго уразумѣнія» его грамоты «разумно повѣдать» о семъ желаніи.

15 марта (1554) Ченслеръ съ товарищами былъ отпущенъ изъ Москвы и, приѣхавъ на Двину, жилъ у корабля до весны и «отошелъ въ свою землю». По приѣздѣ же въ Англію составилъ «книгу о великомъ и могущественномъ царѣ (императорѣ) русскомъ и великомъ князѣ московскомъ и о владѣніяхъ, порядкахъ и произведеніяхъ сюда относящихся». Изъ этого сочиненія, написаннаго слогомъ, по своему времени весьма правильнымъ, видно, что Ченслеръ былъ человѣкъ образованный, наблюдательный и много видѣвшій (между прочимъ, одна бѣглая замѣтка указываетъ, что онъ видѣлъ французскій дворъ); нельзя не удивляться, какъ много собралъ онъ свѣдѣній о произведеніяхъ разныхъ частей Россіи, о рынкахъ, на которые они привозятся, о нравахъ, обычаяхъ, религіи, образѣ жизни, военномъ дѣлѣ, порядкѣ судопроизводства и проч. въ Россіи, гдѣ оставался не болѣе восьми мѣсяцевъ, не зная языка, и изъ этого времени едва ли пробывъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, гдѣ единственно и могъ найти иностранцевъ, знавшихъ какой-либо иной языкъ кромѣ русскаго. Впрочемъ, въ отношеніи наблюдательности всѣ первоначальныя извѣстія англійскихъ пригациковъ московскаго общества поражаютъ всякаго, читающаго ихъ, мѣткостью и вѣрностью своихъ наблюдений: донесенія ихъ, не только складомъ рѣчи, но и самымъ почеркомъ часто обличающія въ писавшихъ непривычку владѣть перомъ, иногда содержать въ себѣ замѣтки драгоцѣнныя какъ для исторіи торговли, такъ и для узнанія бытовои жизни Россіи времени царя Ивана Васильевича.

Между тѣмъ въ Архангельскѣ слѣдующею зимою заморскіе борелы принесли чудную вѣсть: «нашли-де они на Мурманскомъ морѣ два корабля: стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а людъ на нихъ мертвъ; а товаровъ на нихъ сказали много». Это былъ злополучный сэръ Югъ Виллогби съ своими товарищами (83 чел.). Разставшись у Вардегууса съ Ченслеромъ, онъ былъ занесенъ въ Бѣлое море и тамъ, войдя 14-го сентября въ губу, образуемую устьемъ рѣки Арзины, видѣлъ постепенное вымирание своего экипажа отъ голода и холода: изъ собственноручной найденной при немъ записки было видно, что онъ былъ живъ еще въ яв-

варѣ мѣсяцѣ. По государеву указу, посланы были съ Холмогоръ лучшіе люди переписать и запечатать весь товаръ и привезти его въ Холмогоры вмѣстѣ съ кораблями, и съ пушками и съ пищальми и со всей корабельною снастью.

Извѣстія, сообщенныя Ченслеромъ о приѣмѣ его въ Россіи и о дозволеніи царя англичанамъ вести торгъ съ его страной, были послѣдствіемъ утверженіе королевою Марією и ея супругомъ Филиппомъ устава для «купцовъ, предпринимающихъ открытіе странъ, земель, острововъ и областей невѣдомыхъ и до тѣхъ предпріятія моремъ обыкновенно не посѣщаемыхъ». Хартія, содержащая этотъ уставъ, удостоена королевскаго утверженія въ Вестминстерѣ, 6-го февраля 1555. Общество должно было состоять подъ главнымъ завѣдываніемъ правителя, каковымъ назначался Себастьянъ Кабота пожизненно, и 4-хъ консуловъ съ 24-мя помощниками, избираемыхъ на годовой срокъ. Обществу предоставлялось право дѣлать свои открытія по направленію на сѣверъ, сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ; употреблять королевскіе знамена, флаги и штандарты; завоевывать и принимать подъ королевскую англійскую державу всѣ языческіе города, укрѣпленія, селенія, острова и земли невѣрныхъ народовъ; отражать силу иноземцевъ, которые старались бы вредить ихъ плаванію или торговлѣ и сами ѣздить по отрываемымъ ими морскимъ путямъ. Англичанамъ, не принадлежащимъ къ обществу, запрещалось также ѣздить или торговать тѣми путями безъ разрѣшенія общества, подъ страхомъ отобранія ихъ кораблей и товаровъ: приѣмъ половина отобраннаго имѣла поступить въ королевскую казну, а другая—быть отдана въ пользу общества.

Всѣ эти и еще нѣкоторыя другія привилегіи Марія и Филиппъ пожаловали обществу за себя, своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ.

1-го мая того же 1555 г. на торжественномъ собраніи общества было постановлено отправить Ченслера въ Россію на томъ же «Благомъ Предпріятіи» и съ нимъ послать для учрежденія торговли на мѣстѣ двухъ членовъ, Ричарда Грея и Георга Клишгворса; подъ начальствомъ же Ченслера отправлялся на кораблѣ «Филиппъ и Марія» агентъ Иванъ Брукъ, который долженъ былъ остаться въ Вардегуусѣ и стараться учредить тамъ снѣговой торгъ для вывоза въ Англію сушеной рыбы, тюленьяго жира и другихъ произведеній рыболовства и, смотря по ходу дѣла, ожидать обратнаго проѣзда Ченслера изъ Россіи или прежде въ возвратиться въ Англію.

Загѣмъ, всѣ отправлявшіеся въ путь были приведены надѣ

евангелиемъ въ присягѣ на вѣрную службу обществу, и Ченслеру, Греку и Биллингворсу были вручены королевскія грамоты въ царю (отъ 1-го апр. 1555 г.), писанныя на трехъ языкахъ: греческомъ, польскомъ и итальянскомъ.

Наказъ, данный обществомъ агентамъ, въ высшей степени замѣчательнъ своею отчетливостію, подробностію и предусмотрительностію: въ главныхъ чертахъ онъ заключался въ безусловномъ подчиненіи всѣхъ служителей общества агентамъ, которымъ предоставлялась полная власть наказывать ослушныхъ и нерадивыхъ, а если бы они признали нужнымъ, то даже и отдавать ихъ русскимъ властямъ для наказанія по мѣстнымъ законамъ. Подчиненіе было до такой степени полное, что запрещено было даже отлучаться на ночь изъ своего дома безъ особаго дозволенія агента. Мѣстные законы, какъ церковныя, такъ и гражданскія, велѣно было соблюдать строго, всѣ пошлины и подати платить исправно, вести себя добропорядочно и смиренно. Еслибы царь захотѣлъ присвоить себѣ или предоставить кому-либо одному право вести торговлю съ англичанами, то назначить возможно высшую цѣну за англійскіе товары и, наоборотъ, возможно низшую за русскіе, имѣя въ виду, что первоначальныя цѣны будутъ служить руководствомъ на послѣдующее время. Относительно свѣдѣній, собраніе коихъ, по мѣрѣ возможности, возлагалось на всѣхъ служащихъ, имъ поставлялось въ обязанность доносить обществу обо всемъ, что они узнаютъ: о нравахъ, обычаяхъ, пріемахъ торговли русскихъ, о тѣхъ товарахъ, которые съ пользою для Англіи могутъ быть вывозимы изъ Россіи и привозимы въ нее; о природныхъ произведеніяхъ страны; объ употребляемыхъ въ оной деньгахъ, вѣсахъ, мѣрахъ; о пошлинахъ, способахъ перевозки и проч.

Замѣчательно, между прочимъ, что ѣхавшіе въ Россію обязаны были внести въ общество денежныя залоги и свидѣтельства благонадежныхъ поручителей въ своемъ добромъ и честномъ поведеніи.

Попытка Брука завести торгъ въ Вардегуусъ, повидимому, не удалась: по крайней мѣрѣ Ченслеръ прибылъ къ пристани св. Николая съ обоими кораблями «Благимъ Предпріятіемъ» и «Филиппомъ и Маріею»; тамъ же засталъ онъ приведенные изъ Арзиной губы два корабля Виллогби: «Благую Надежду» и «Благое Упованіе», и узналъ, что ему не суждено передать первоначальному предпріятію порученіе общества: «что общество скорбитъ объ его долгомъ отсутствіи, желаетъ имѣть извѣстія о

немъ и его спутникахъ, обнять ихъ, свидѣться съ ними, принять ихъ какъ дорогихъ и возлюбленныхъ братьевъ».

Вслѣдъ за Ченслеровыми кораблями на Двинское устье прибыли «Голландскія и Брабантскія земли корабли, а на нихъ торговые иноземцы и съ русскими людьми торговали на Борельскомъ устьѣ по 95 (1587) годъ». Не видно, впрочемъ, чтобы до самаго восшествія Елисаветы на престолъ, общество осмѣливалось приносить королевѣ Маріи жалобы на это нарушеніе ихъ привилегій подданными ея супруга Филиппа Испанскаго; за то жалобы эти не прекращаются во все правленіе Елисаветы, которая почти въ каждой изъ своихъ грамотъ къ Іоанну настаиваетъ на запрещеніи нидерландцамъ ходить торгомъ къ Бѣломорскимъ пристанямъ, которыя общество считало своимъ исключительнымъ достояніемъ.

Ченслеръ прибылъ съ Киллингворсомъ въ Москву 4-го октября, оставивъ Грея въ Вологдѣ. Черезъ десять дней они были милостиво приняты царемъ, который, по ихъ просьбѣ о пожалованіи имъ грамоты на повольный торгъ въ Россіи, поручилъ имъ передать свои требованія на письмѣ думному дьяку Михаилу Васильевичу Висковатову. Висковатовъ переговаривался съ ними весьма дружелюбно; совѣтовалъ учредить торгъ въ Холмогорахъ; но Киллингворсъ просилъ отложить этотъ вопросъ до времени, желая разузнать, какіе рынки будутъ для англичанъ выгоднѣе и гдѣ они будутъ менѣе зависѣть отъ русскихъ купцовъ, не безосновательно предполагая, что холмогорская торговля, какъ болѣе отдаленная отъ Москвы, должна быть сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Результатомъ переговоровъ было пожалованіе обществу англійскихъ гостей царской грамоты на беспошлинную торговлю всякими товарами по всей Россіи. Споры между гостями и русскими купцами подлежали рѣшенію самого царя; въ случаѣ обвиненія гостя, товары и пожитки его не подлежали отбранію въ царскую казну, а отдавались агенту. Взаимные споры гостей между собою разбирались агентомъ, по требованію воего царскіе приказные люди должны были сажать виновныхъ въ тюрьму или доставлять агенту орудія для наказанія. Кромѣ того, царь повелѣлъ отдать Ченслеру Виллогбіевы корабли со всѣмъ описаннымъ на нихъ товаромъ, и рѣшилъ отправить съ нимъ посломъ вологодскаго намѣстника, Осипа Григорьевича Непею, который, получивъ отпускъ 25-го марта 1556 года, въ сопровожденіи 16 человекъ русскихъ, отправился въ Холмогоры и съѣзъ на Ченслеровъ корабль «Благое Предпріятіе»; на одномъ

изъ прочихъ трехъ кораблей поѣхало еще болѣе десяти человекъ русскихъ.

II.

Корабли пустились въ море 20-го іюля; они везли богатый грузъ: на «Благомъ Предпріятіи» было восса, тюленьяго жира, сала, мѣховъ, войлоковъ, канатной пряжи на шестьдесятъ тысячъ фунт. стерл.; на «Благой Надеждѣ» находилось все имущество Непеи, цѣнностію на шесть тысячъ фунт. стерл. Но изъ всѣхъ четырехъ кораблей только одинъ, «Филиппъ и Марія», прибылъ въ Лондонъ и то уже на слѣдующій годъ (18-го апр. 1557 г.); остальнымъ же тремъ, — именно тѣмъ, которые совершили первое плаваніе въ Бѣлое море, — не суждено было возвратиться къ берегамъ Англій. «Благое Упованіе», разбившись о норвежскія скалы, пошелъ ко дну со всѣмъ экипажемъ; «Благая Надежда» пропала безъ вѣсти; а «Благое Предпріятіе», послѣ четырехмѣсячнаго бурнаго плаванія, наконецъ, въ бурную ноябрьскую ночь вошелъ въ шотландскую губу, Петислго, чтобы тамъ разбиться о скалы. Ченслеръ, заботясь единственно о спасеніи посланника, погибъ самъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и съ болѣею частію своего экипажа; потонули и семь русскихъ изъ числа сопровождавшихъ Непею; изъ товаровъ то, что не потонуло, было разграблено прибрежными жителями такъ, что, несмотря на всѣ розыски, сдѣланные, по требованію Маріи, шотландскимъ правительствомъ, общество получило въ возвратъ не болѣе, какъ на 500 фунт. своихъ товаровъ.

Извѣстіе объ этомъ несчастіи, случившемся 7-го ноября, едва получено было въ Лондонѣ черезъ мѣсяць, 6-го декабря: немедленно были отправлены нарочные, чтобы снабдить Непею всѣмъ нужнымъ; слѣдствіе, розыски и другія подобныя промедленія еще болѣе, чѣмъ два мѣсяца задерживали его въ Шотландіи. Наконецъ, 18-го февраля 1557 г., онъ прибылъ въ Бервикъ — первое англійское укрѣпленіе на рубежѣ Шотландіи: отсюда начался ему самый почетный приѣмъ, который сопровождался величайшею торжественностію, когда онъ приблизился къ Лондону: за 12 миль отъ столицы онъ былъ встрѣченъ отрядомъ 80 купцовъ, верхами, въ богатыхъ одеждахъ, съ золотыми цѣпями на груди; за 4 мили отъ Лондона ему былъ приготовленъ ночлегъ; на утро, 28-го февраля, ему былъ принесенъ въ даръ богато-убранный аргамакъ, и 140 купцовъ, членовъ московскаго общества, въ сопро-

вожденіи своихъ слугъ присоединились къ его шествію. На чертѣ города его привѣтствовалъ лордъ мэръ со всѣми старшинами въ англійскихъ одеждахъ. Затѣмъ, Непея вѣхалъ въ Лондонъ верхомъ между виконтомъ Монтегю и лордомъ мэромъ, предшествуемый членами общества; весь этотъ конный поѣздъ замыкался отрядомъ слугъ общества также верхами. При вступленіи посланника въ приготовленное ему помѣщеніе, ему поднесены были дары королевскіе.

Король Филиппъ въ это время былъ во Фландріи: приемъ Непеи во дворѣ былъ отложенъ до его возвращенія: до того времени Непея показывали всѣ любопытные предметы въ Лондонѣ. Наконецъ, 25-го марта, въ самую годовщину своего отпуска изъ Москвы, онъ представлялся королеві и королю; затѣмъ, переговоры съ нимъ были поручены лорду епископу Илійскому и главному королевскому секретарю сэру Вильяму Нейту, которые съ величайшею похвалою отзывались о степенности, разсудительности и сановитости посланника. 23-го апрѣля, въ день св. Георгія, Непея имѣлъ отпускъ и прямо изъ дворца былъ приведенъ въ Вестминстерскій соборъ, гдѣ на особо для него приготовленномъ сѣдалищѣ, присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи, по случаю праздника ордена Подвязки. Въ заключеніе, 29-го апрѣля, ему данъ былъ въ залѣ суконнаго цеха роскошный ужинъ. 3-го мая онъ отправился въ Гравезендъ, гдѣ сѣлъ на корабль «Припрозъ»; корабль этотъ считался адмиральскимъ во флотиліи, состоявшей еще изъ трехъ кораблей; капитаномъ на немъ былъ Антонъ Дженкинсонъ. Лицо это слишкомъ замѣчательно, чтобы не упомянуть о предшествовавшей его службѣ.

Изъ сохраненной Гаклюйтомъ автобіографической его записки видно, что Дженкинсонъ началъ свои путешествія 2-го октября 1546 г.; въ теченіи десяти лѣтъ, предшествовавшихъ поступленію его на службу обществу, онъ проѣхалъ Фландрію, Нидерланды, ѣздилъ черезъ Германію въ Италію, оттуда черезъ Пьемонтъ во Францію, былъ въ Испаніи и въ Португаліи, плавалъ по Средиземному морю, посѣтилъ острова Родосъ, Мальту, Сицилію, Кипръ, Кандію и друг., объѣздилъ всю Грецію, большую часть Турціи, былъ въ Малой Азіи, на Ливанѣ, въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ, видѣлъ прибрежные города Африки: Алжиръ, Триполи, Гуньсъ и проч., и проч., и проч. Свидѣтельствомъ его ума и его наблюдательности остались многочисленныя его замѣтки, встрѣчающіяся въ отчетахъ объ его путешествіяхъ; а за его умѣнье вести переговоры ручается успѣхъ его въ сношеніяхъ съ разными владѣтелями Каспійскаго побережья и югозападной Азіи,

основаніе торговли Англійи съ Персіей черезъ Россію и, наконецъ, настоятельное требованіе, выраженное во многихъ грамотахъ царя Ивана Васильевича, чтобы Елисавета прислала говорить съ нимъ о *государскихъ дѣлахъ* именно *Антонна Якина*, а не кого-либо иного.

Корабли прибыли въ пристани св. Николая 12-го іюля, Непея съ тѣми англичанами, которые были имъ наняты въ Лондонѣ на службу царскую, отправился въ Москву 20-го числа, немедленно по выгрузкѣ предметовъ, купленныхъ имъ въ Англійи для царской казны; но Дженкинсонъ выѣхалъ въ Холмогоры не прежде, какъ когда всѣ привезенные на корабляхъ англійскіе товары были выгружены, а заготовленные русскіе товары нагружены на корабли и затѣмъ самые корабли отправлены обратно въ Англійю. Въ Холмогорахъ и въ Вологдѣ онъ также дѣлалъ довольно продолжительныя остановки, знакомясь съ ходомъ торговли, такъ что въ Москву онъ пріѣхалъ лишь 6-го декабря. Ласково принятый царемъ, онъ прожилъ въ Москвѣ всю зиму и сумѣлъ снискать отъ царя такое благоволеніе, что когда имъ была заявлена просьба о дозволеніи ѣхать для открытія новыхъ торговыхъ путей за Волгою, то царь не только на это соизволилъ, но велѣлъ ему ѣхать изъ Нижняго Новгорода до Астрахани съ вновь назначеннымъ въ Астрахань воеводой, а на дальнѣйшій путь приказалъ снабдить его охранными грамотами на имя разныхъ владѣтелей, чрезъ области которыхъ ему могло случиться проѣзжать.

Изъ Москвы Дженкинсонъ выѣхалъ 23-го апрѣля 1558 г. въ Астрахань пріѣхалъ 14-го іюля. Маршрутъ его по Волгѣ весьма любопытенъ: въ него поденно записаны мѣста, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ. Между прочимъ, онъ пишетъ, что въ это самое время почти все Ногайское побережье совершенно обезлюдѣло: междоусобныя войны, голодъ, моръ истребили болшую часть ногайскихъ ордъ, остальные ногайцы потянулись въ Астрахани, надѣясь тамъ найти себѣ пропитаніе, но, прогнавъ ихъ оттуда, гибли отъ голода въ такомъ огромномъ числѣ, что берега Волги около города были покрыты горами мертвыхъ и смердящихъ тѣлъ.

10-го августа Дженкинсонъ, первый изъ англичанъ, вынулъ флагъ съ краснымъ крестомъ св. Георгія на каспійскихъ водахъ; съ нимъ было всего двое англичанъ; товаровъ везъ онъ съ собою такое количество, что впоследствии, для подъема ихъ потребовалась тысяча верблюдовъ. Истинная цѣль его путешествія была, сколько можно догадываться, — открытіе пути въ сѣ

зочный *Катай*. Онъ плылъ сперва на востокъ и, держась береговъ, наконецъ, вышелъ на землю, на Мангышлакскомъ полуостровѣ; здѣсь, навьючивъ товары свои на верблюдовъ, нанятыхъ у кочевыхъ туркменовъ, онъ началъ свои блужданія по степямъ туркменскимъ; послѣ мѣсячнаго похода, 14-го октября прибылъ въ Ургенджъ, 23-го декабря—въ Бухару, откуда выѣхалъ въ обратный путь, 8-го марта 1559 г., за нѣсколько дней до разграбленія Бухары владѣтелемъ самаркандскимъ. Послѣ шестинедѣльнаго перехода по песчанымъ пустынямъ, послѣ мѣсячнаго бурнаго плаванія по Каспійскому морю, 28-го мая, Дженкинсонъ съ своими товарищами прибылъ въ Астрахань, откуда отпущенъ подъ прикрытіемъ 100 стрѣльцовъ и, наконецъ, 2-го сентября, пріѣхалъ въ Москву, везя съ собою посланцевъ, отправленныхъ въ царю владѣтелями: бухарскимъ, балхскимъ и ургенчскимъ, и 25 русскихъ, вывезенныхъ имъ изъ плѣна туркменскаго. Пріѣздъ его былъ угоденъ царю; привезенные подарки: бѣлый буйволоный хвостъ и татарскій барабанъ—милостиво приняты. Товаровъ для общества привезено имъ 600 верблюжьихъ вьюковъ. Съ наступленіемъ весны, выждавъ въ Вологдѣ вскрытія рѣкъ, Дженкинсонъ, наконецъ, отправился въ Англію, послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Въ Лондонѣ онъ представилъ королевѣ Елисаветѣ (въ его отсутствіе наслѣдовавшей престолъ послѣ Маріи) привезенную имъ татарскую дѣвушку Ауру-султаншу.

Нельзя довольно дивиться отвагѣ Дженкинсона въ совершеніи этого путешествія: втроемъ, съ двумя своими соотечественниками, не зная языка тѣхъ странъ, куда отправлялся, не зная даже, куда онъ отправляется, десять мѣсяцевъ провелъ онъ, то странствуя по невѣдомымъ степямъ, окруженный хищниками, постоянно слѣдившими за его караваномъ, то проживая въ поселеніяхъ, среди этихъ самыхъ хищниковъ. Онъ вывелъ убѣжденіе, что торговля въ этихъ странахъ невозможна, но въ то же время развѣдалъ о томъ, какъ завести торговлю съ Персією, и представилъ обществу всѣ свѣдѣнія, какія только могъ собрать по этому предмету. Результатомъ его путешествія было рѣшеніе общества пригласить его на дальнѣйшее служеніе и поручить ему учрежденіе торговли съ Персією ¹⁾; за успѣхъ таковой торговли, новиздному, ручались и непрерывныя войны шаха Томаса (второго шаха изъ династіи Софіевъ) съ султаномъ Салиманомъ II,

¹⁾ Дженкинсонъ, при отправленіи Непен изъ Англіи, нанялся въ службу общества на четыре года (1556—1560), за ежегодное жалованье по 40 фунт. ст., т. е. около 300 рублей въ годъ.

которыя препятствовали привозу европейскихъ товаровъ въ Персію со стороны Турціи.

III.

14-го мая 1561 г. Дженкинсонъ вновь отправился въ Россію: онъ везъ съ собою грамоту Елисаветы къ Іоанну съ просьбою о пропускѣ его въ Персію, и другія ея грамоты, писанныя на латинскомъ, итальянскомъ и еврейскомъ языкахъ, на имя «могущественнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго государя великаго Софія, повелителя персовъ, мидянъ, парянъ, гирканцевъ, кармаційцевъ, маріянъ, народовъ по сю сторону и по ту сторону рѣки Тигра и всѣхъ племенъ и обитателей между моремъ Каспійскимъ и Персидскимъ заливомъ». Общество, съ своей стороны, въ наказѣ своемъ, поручая Дженкинсону стараться о проѣздѣ съ товарами въ Персію, Каспійскимъ ли моремъ или инымъ путемъ, предоставляло ему самыя неограниченныя полномочія: его усмотрѣнію предоставлялось опредѣлить количество товаровъ, которые онъ признаетъ нужнымъ взять въ Персію, и гѣхъ, которые онъ сочтетъ за лучшее продать въ Россіи; при невозможности ѣхать въ Персію и невыгодности цѣнъ, даваемыхъ въ Россіи, онъ могъ направить товары въ Польшу или какимъ-либо способомъ въ Константинополь. Ему предоставлялось также, по своему выбору, поднести царю драгоценности изъ особаго сундука, отъ котораго ему былъ врученъ ключъ. Онъ могъ исправлять недостатки, которые найдеть въ счетоводствѣ и веденіи торговли агентовъ. При этомъ—все съ мыслью объ открытіи сѣверо-восточнаго проѣзда въ Китай, ему поручалось послать особое лицо, изъ служителей общества, для изслѣдованія пролива около Новой Земли.

20-го августа Дженкинсонъ пріѣхалъ въ Москву и просилъ дьяка доложить царю объ его пріѣздѣ. «Но его высочество былъ занятъ великими дѣлами: онъ готовился вступить въ бракъ съ княжною Черкесскою, Магометова закона (Марією Темгрюкою), и повелѣлъ, чтобы нѣсколько времени никакой чужестранецъ, ни посланникъ, ни иной, не былъ къ нему допускаемъ, кромѣ того, онъ повелѣлъ, чтобы *въ продолженіи трехъ дней пока будетъ праздноваться это торжество, городскія ворота оставались запертыми, и чтобы никто ни иноземецъ, ни рускій (кромѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ его двора) не выходилъ изъ время сею торжества изъ своего дома: причина такового повелѣнія неизвѣстна и по сей день*».

Дженкинсонъ не сразу получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Персію: отказъ его сообщить грамоту Елисаветы на предварительный просмотръ, прежде личнаго поднесенія ея царю, вызвалъ нерасположеніе дьяка посольскаго приказа (Висковатова), и слѣдствіемъ этого было объявленіе Дженкинсону, что ему пропуска въ Персію дать нельзя, потому будто бы, что царь воюеть съ черкесами. Дженкинсонъ уже потерялъ-было всякую надежду и распродалъ въ Москвѣ часть товаровъ, назначенныхъ для Персіи. Но Непей дружелюбно вступился за него и успѣлъ примирить его съ дьякомъ, который тогда только и доложилъ царю ходатайство Дженкинсона. Дженкинсонъ получилъ опасныя грамоты не только къ шаху, но и къ разнымъ другимъ владѣтелямъ и, какъ онъ пишетъ, сверхъ того, получилъ отъ царя нѣкоторыя важныя порученія. Одновременно съ нимъ отпущенъ изъ Москвы персидскій посланникъ, съ которымъ онъ весьма подружился во время плаванія до Астрахани, продолжавшагося цѣлыя шесть недѣль (съ 27-го апрѣля до 10-го іюня). Изъ Астрахани онъ отправился на двухъ стругахъ съ 50-ю стрѣльцами, которые проводили его до Дербента.

Странствованія Дженкинсона въ Персію и обратно не относятся къ предмету настоящей статьи: достаточно будетъ сказать, что въ Казвинѣ (столицѣ шаха Томаса), онъ былъ принятъ весьма недружелюбно и, напротивъ, снискалъ личную пріязнь Абдул-хана, владѣтеля Ширванскаго (или, какъ онъ его называетъ, царя Гирканскаго), который далъ англичанамъ жалованную грамоту на повольный и беспошлинный торгъ въ Ширванѣ и Шемахѣ¹⁾.

Одно обстоятельство, о которомъ нельзя умолчать, было посѣщеніе Дженкинсона уже на обратномъ его пути изъ Персіи, въ Шемахѣ, какимъ-то армяниномъ; армянинъ этотъ былъ отправленъ къ нему отъ грузинскаго царя за совѣтомъ: какъ просить у царя Ивана Васильевича покровительства и защиты отъ нападеній турокъ и персіянъ, постоянно грабившихъ и разорявшихъ Грузію. Опасаясь лазутчиковъ, которые бы могли разсорить его съ Абдул-ханомъ Ширванскимъ, Дженкинсонъ ограничился совѣтомъ обратиться съ этою просьбою къ царю чрезъ посредство его тестя, черкесскаго князя Темгрюка.

¹⁾ Послѣ Дженкинсона были отправлены туда еще пять транспортовъ съ английскими товарами; но убіеніе прикащиковъ, частое разграбленіе товаровъ и самая негнрность и ненадежность ушлати въ этой торговлѣ, представлявшей опасности и на сушомъ пути, и на морѣ, и на самой Волгѣ, имѣли послѣдствіемъ совершенное ея прекращеніе въ 1681 г.

Дженкинсонъ возвратился въ Москву 20-го августа 1563 г.: царь былъ весьма доволенъ отчетомъ объ его путешествіи, объявилъ, что употребить его на дальнѣйшія сношенія и, въ знакъ своей къ нему милости, далъ новую жалованную грамоту англійскимъ гостямъ. Около года пришлось Дженкинсону оставаться еще въ Россіи и уже, при отплытіи прибывшихъ по веснѣ кораблей, онъ 9-го іюля 1564 г. отправился въ обратный путь въ Англію, изъ которой выѣхалъ за три года передъ тѣмъ.

IV.

Можно догадываться, что труды, подъятыя Дженкинсономъ въ этомъ путешествіи, были вознаграждены принятіемъ его въ число членовъ купеческаго общества: по крайней мѣрѣ въ первой пожалованной послѣ того царемъ грамотѣ (1567 г.), его имя стоитъ въ числѣ именъ тѣхъ англійскихъ гостей, которымъ она была пожалована. Во всякомъ случаѣ, какъ только представилась необходимость обратиться съ ходатайствомъ къ царю, въ пользу общества вновь палъ на Дженкинсона, который 4-го мая 1566 г. опять отплылъ изъ Англіи въ Россію. Поводомъ къ его отправленію на этотъ разъ послужили весьма потревожившіе общество слухи, что нѣкій итальянецъ, Рафаэль Барберини, поселившись въ Россіи, старается вредить англійской торговлѣ, внушая царю, что товары, привозимыя англичанами, не суть англійскіе и могутъ быть гораздо выгоднѣе приобретаемы изъ первыхъ рукъ отъ голландцевъ и нѣмцевъ. Данное Дженкинсону порученіе—требовать высылки Барберини и недопущенія никакихъ иноземцевъ къ устью Двины, было тѣмъ затруднительнѣе, что Барберини былъ принятъ царемъ по привезенному имъ письму отъ самой Елисаветы, у которой онъ его выманилъ подъ предлогомъ, что ѣдетъ въ Россію для взысканія долговъ съ разныхъ англичанъ, тамъ пребывающихъ. Дженкинсонъ исполнилъ это порученіе съ совершеннымъ успѣхомъ, и, сверхъ того, испросилъ у царя новую жалованную грамоту, по которой всякому, англичанину ли или иноземцу, не принадлежащему обществу, запрещался пріѣздъ въ устья Двины, въ Холмогоры, въ Колу, въ Мезень, въ Печенгу, на Соловецкіе острова, въ Печору, на Обь,—даже въ Вардегуусъ. Обществу же не только подтверждалось владѣніе даннаго ему въ Москвѣ двора «у Максима Святого за торгомъ» (на Варварѣ) и разрѣшалось учредить свои склады на Двинѣ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани,

Астрахани, Новгородѣ Великомѣ, Псковѣ, Ругодивѣ (Нарвѣ) и Юрьевѣ Ливонскомѣ (Дерптѣ), но, сверхъ того, предоставлялось беспошлинно провозить товары въ Шемаху, въ Бухару и въ Чагатай, т. е. Самаркандѣ (*Чадай*—откуда и пресловутый *Катай*).

Разгадку такой готовности Іоанна слѣдуетъ, кажется, искать въ тогдашнемъ состояніи его духа: со времени брака его съ червешенкою начался тотъ дикій, необузданный разгулъ его страстей, который кровавою чертою выдѣляетъ его царствованіе въ бытописаніяхъ Россіи; напрасно дѣлать его казни на эпохи—сплошнымъ, кровавымъ потокомъ заливаютъ онѣ послѣднія двадцать лѣтъ его жизни, по временамъ суживая, но ни на минуту не прекращая своего бурнаго теченія. Едва ли проходитъ день безъ пытокъ и казней: въ нихъ однихъ онъ видитъ залогъ своей безопасности отъ измѣны, которая всюду ему чудится; всѣ заботы его устремлены на охраненіе своего здоровья, на скопленіе себѣ богатствъ, на сооруженіе твердынь для храненія ихъ, на подборъ вокругъ себя такихъ людей, для которыхъ единственнымъ оплотомъ отъ ненависти народа была бы невредимость грознаго властителя. Вотъ почему Дженкинсонъ на пути въ Москву видитъ, какъ 10 тысячъ рабочихъ спѣшатъ сооруженіемъ неприступныхъ твердынь въ Вологдѣ. Вотъ почему въ Москвѣ онъ застаётъ и все царство и самую столицу раздѣленными на «земщину» и «опричнину». Вотъ почему царь, самъ сознавая, какъ нестерпимо его мучительство для его народа, являетъ угодливость ко всѣмъ просьбамъ Елисаветы и заискиваетъ ея доброжелательства на случай, если бы «по тайному ли заговору, по внѣшней ли враждѣ онъ былъ вынужденъ повинуть Россію» и искать у нея, единственной своей союзницы, убѣжища для себя и для своей семьи.

Предположеніе это объясняетъ многое: становится понятнымъ, почему Іоаннъ въ грамотѣ, посланной съ Дженкинсономъ, требуетъ присылки архитектора, который умѣетъ строить крѣпости, башни и дворцы—онъ соорудитъ для царя безопасное жилище; доктора и аптекаря—они будутъ блюсти его здоровье; мастеровъ для отысканія золота и серебра—они увеличатъ его казну. Невольно представляется воображенію, какъ Іоаннъ, подъ покровомъ ночи, самъ, скрытыми переходами, вводитъ Дженкинсона въ свой теремъ и тамъ, въ присутствіи только одного своего совѣтника, черезъ толмача Рюттера, даетъ тайный наказъ о предложеніи Елисаветѣ союза дружбы, но союза такого, чтобы врагъ одного изъ нихъ былъ врагомъ другого, чтобы невзгода каждаго была бы невзгодою обоихъ, чтобы если одинъ повинетъ свое го-

сударство, то государство другого было бы для него открыто, какъ свое собственное владѣніе.

Съ этимъ порученіемъ Дженкинсонъ былъ отпущенъ въ Англію тою же осенью, вѣроятно черезъ Литву, потому что въ ноябрѣ того же 1567 г. онъ уже письменно изложилъ его въ Лондонѣ: царь спѣшилъ—онъ требовалъ отвѣта къ Петрову дню (29-го іюня), слѣдовательно, съ весенними кораблями.

Но въ расчетъ Елисаветы не могло входить заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза съ Іоанномъ: ожидать отъ Россіи помощи въ своихъ войнахъ съ католическими державами она не могла; вступать въ борьбу съ враждебными Россіи Польшею и Швеціею было также противно выгодамъ Англіи. Россія была для Англіи не государствомъ, имѣющимъ какое-либо политическое значеніе, а не болѣе какъ выгоднымъ торговымъ рынкомъ, на которомъ сбывались издѣлія англійскія и откуда получались сырыя произведенія, необходимыя для поддержанія англійской промышленности. Назначенный царемъ срокъ миновалъ, а отвѣта на посланное имъ предложеніе ему дано не было: онъ оставался даже въ неизвѣстности, выполнилъ ли Дженкинсонъ данное ему порученіе.

V.

Тѣмъ временемъ для англійскаго общества купцовъ, торгующихъ съ Московіею, возникла важная опасность—утратить свое до сихъ поръ безраздѣльное господство въ русской торговлѣ: съ уничтоженіемъ ордена меченосцевъ, владѣнія его распредѣлились между королями шведскимъ и польскимъ, и упрочилось за царемъ владѣніе восточныхъ частей Эстляндіи и Лифляндіи. Еще дѣдъ Іоанна, основаніемъ Ивангородской крѣпости, отдѣленной только рѣкою отъ города Нарвы, указалъ на то значеніе, которое онъ придавалъ господству надъ этой мѣстностью, предоставлявшею Россіи пристань на Балтійскомъ морѣ; съ приведеніемъ подъ власть Россіи западной окраины Волхова, Пейпуса и Нарвы открывалась для Іоанна возможность учредить безопасный торговый путь изъ Пскова и изъ Новгорода въ Нарву и, ставъ твердою ногою на Балтійскомъ побережьѣ, прорубить въ Европу то окно, которое отереть суждено было Петру не ранѣе какъ черезъ полтора вѣка. Іоаннъ не только усвоилъ себѣ мысль великаго своего дѣда о важномъ значеніи Нарвы, но въ овладѣніи ею усматривалъ еще возможность исправить огромную ошибку

этого дѣла, разореніемъ Новгорода уничтожившаго сношенія съ Ганзою. Іоаннъ вознамѣрился привлечь въ Нарву торговлю любчанъ и, соглашаясь, въ угоду Елисаветѣ, закрыть Бѣломорскія пристанища для всѣхъ иноземцевъ, кромѣ англичанъ, въ то же время открылъ въ Нарвѣ торгъ всѣмъ иноземцамъ и по преимуществу любчанамъ. Московскій агентъ англійскаго общества также учредилъ тамъ свою контору; но посланные имъ туда приказчики Рюттеръ и Гловеръ, чрезъ посредство Чаппеля, вступили въ прямыя сношенія съ англійскими купцами, принадлежавшими къ другому обществу англичанъ, торговавшихъ въ Любекѣ и въ Германіи, и такимъ образомъ способствовали подрыву Бѣломорскаго общества. Послѣднее взволновалось и спѣшило въ самое началѣ положить предѣлъ опасному соимѣстничеству: по его настояніямъ, вслѣдъ за возвращеніемъ Дженкинсона Елисавета послала въ Нарву гонцовъ Манлея (въ октябрѣ 1567) и Миддлтона (въ февралѣ 1568) съ требованіемъ схватить означенныхъ приказчиковъ и отправить ихъ въ Англію; но Іоаннъ особенно благоволилъ къ Рюттеру, бывшему переводчикомъ при Дженкинсонѣ, и къ Гловеру, также участнику «въ томъ дѣлѣ съ начала, какъ у царя съ королевною быти братству и любви»; Чаппель также, съ опасностью жизни, исполнялъ разныя порученія царя въ Любекѣ; при томъ Манлей и Миддлтонъ, «обнявша гордостью, ни котораго отвѣту не учинили» о томъ, исполнилъ ли Дженкинсонъ царское порученіе? Оба гонца, равно какъ и третій—Гудманъ, по повелѣнію царя, были задержаны впредь до полученія отвѣта Елисаветы. Къ принятію этой мѣры побудили его и навѣсты отложившихся приказчиковъ, увѣрявшихъ, что гонцы не имѣютъ никакого полномочія отъ Елисаветы, что грамоты, привезенныя ими, подложны и что они лазутчики короля польскаго, всячески старающагося препятствовать нарвской торговлѣ; послѣднее же могло казаться Іоанну тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что еще до пріѣзда Дженкинсона въ 1567 году, Сигизмундъ II, надѣясь возбудить подозрѣнія царя на англійскихъ гостей, подсылалъ подложныя отъ себя на ихъ имя благодарственныя грамоты, снаряжалъ въ Данцигѣ корабли для захвата судовъ, идущихъ въ Нарвѣ, убѣждалъ датчанъ и шведовъ не допускать этого плаванія и угрожалъ Елисаветѣ, что «лишитъ жизни, свободы, женъ и дѣтей» тѣхъ изъ ея подданныхъ, которые будутъ возить товары, оружіе, мастеровъ и художниковъ въ Нарву въ «мосвалю—этому не только временному недругу короны польской, но и истинному врагу всѣхъ свободныхъ народовъ».

Въ этихъ обстоятельствахъ Елисавета рѣшилась отправить

чрезвычайнаго своего посланника къ царю: для порученія этого она избрала одного изъ своихъ царедворцевъ, бывшаго уже въ посольствахъ, начальника почтъ Тому Рандольфа; главное его порученіе состояло въ томъ, чтобы съ помощью посланныхъ съ нимъ двухъ агентовъ возстановить порядоки въ дѣлахъ торговыхъ и требовать высылки приказчиковъ, вредившихъ торговлѣ общества; о договорѣ союза онъ не долженъ былъ самъ заводить рѣчи; если же съ нимъ заговаривать, то отвѣчать уклончиво, чтобы избѣгнуть приглашенія Англіи къ участию въ войнахъ Россіи съ Польшею и Швеціею; о тайномъ порученіи Дженкинсона велѣно объявить царю, что королева, зная могущество и мудрость царя, усумнилась въ достовѣрности словъ, переданныхъ Дженкинсономъ; что, впрочемъ, въ случаѣ непредвидѣннаго бѣдствія, царь будетъ дружески принять ея въ Англію; съ своей же стороны она, уповавшая на милость Божію, вполне увѣрена въ своей безопасности какъ отъ своихъ подданныхъ, такъ и отъ внѣшнихъ враговъ.

Въ грамотѣ своей къ царю Елисавета упоминала лишь о торговыхъ дѣлахъ; остальную часть своего наказа Рандольфъ долженъ былъ изложить словесно, избѣгая всякихъ письменныхъ документовъ.

Рандольфъ прибылъ къ пристани св. Николая 23-го іюля 1568 года, но въ Москву пріѣхалъ только 15-го октября: англичанамъ было запрещено его встрѣтить, его и его свиту не выпускали нигуда изъ отведеннаго имъ дома и никого не допускали къ нимъ; въ грамотахъ своихъ къ Елисаветѣ Іоаннъ объясняетъ это тѣмъ, что Рандольфъ не хотѣлъ совѣщаться съ боярами ни о какихъ дѣлахъ, прежде чѣмъ будетъ принятъ царемъ; но вѣрнѣе, кажется, предположить, что царь не хотѣлъ, чтобы посоль и посольскіе люди знали о томъ, что дѣлалось на Москвѣ, гдѣ въ это время происходили казни, неистовствовали опричники, лишился сана митрополитъ Филиппъ... Могли также вліять на царя и навѣты московскихъ приказчиковъ общества, которые, опасаясь обличенія своихъ злоупотребленій агентами, прибывшими съ Рандольфомъ, старались клеветать на посла, даже возбуждали подозрѣніе въ подлинности грамотъ, привезенныхъ имъ отъ королевы. Последняя догадка подтверждается жалобой Рандольфа на то, что какъ письма, присланныя на его имя изъ Англіи, такъ и тѣ, которыя были имъ туда отправлены, были, по прояскамъ и доносамъ Беннета и Рюттера, перехвачены въ Нарвѣ и переданы для перевода одному изъ главныхъ зачинщиковъ—Ральфу Рюттеру.

Впрочемъ, Іоаннъ въ послѣдующихъ своихъ письмахъ объяс-

няеть долгое непринятіе Рандольфа Божиимъ посѣщеніемъ — моровымъ повѣтріемъ.

Наконецъ, Рандольфъ 9-го февраля 1569 года былъ принятъ царемъ; но ему не было оказано обыкновеннаго посольскаго почета: часть для приѣма былъ назначенъ весьма ранній—8 часовъ утра; ни для него, ни для его свиты не было прислано лошадей, такъ что онъ принужденъ былъ занять верховую лошадь для себя, а свиту вести во дворецъ пѣшкомъ; по прибытіи въ посольскій приказъ, его заставили ждать тамъ цѣлые два часа, а по представленіи царю, онъ не удостоился приглашенія къ царскому столу.

Нѣсколько дней спустя царь потребовалъ его къ себѣ вечеромъ на совѣщаніе. Совѣщаніе это было обставлено большою таинственностію: присланный отъ царя бояринъ (князь Вяземскій?) въ темную, холодную ночь самъ провелъ во дворецъ Рандольфа, переодѣтаго въ русское платье. Совѣщаніе длилось около трехъ часовъ и Рандольфъ возвратился домой только подъ утро. На другой день царь отправился въ Александровскую слободу и принялъ Рандольфа уже только въ началѣ апрѣля, но на этотъ разъ принималъ весьма милостиво, даровалъ англійскимъ гостямъ новыя привилегіи, разрѣшивъ имъ вести черезъ Россію торгъ съ Персіею, искать желѣзную руду въ Вычегдѣ и переплавлять металлъ въ Москвѣ, въ Новгородѣ и во Псковѣ; англичанамъ, заведшимъ отдѣльную отъ общества торговлю въ Нарвѣ, запрещено было ее продолжать и обществу предоставлено право захватывать иноземные корабли, которые стали бы ходить въ Бѣломорскому побережью, съ тѣмъ, чтобы половина добычи шла въ царскую казну. Но особенно замѣчательна статья жалованной грамоты, по которой англійскій дворъ въ Москвѣ изъ земщины передавался въ вѣдѣніе опричнины. Соображеніе этого обстоятельства съ тѣмъ, что всѣ переговоры съ Рандольфомъ были ведены извѣстнымъ любимцемъ Іоанна, однимъ изъ главныхъ опричниковъ, княземъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, указываетъ, что Іоаннъ смотрѣлъ на сношенія свои съ Англіею не какъ на дѣло международное, но какъ на лично его и Елисаветы касавшееся.

Вручая Рандольфу эту грамоту, царь велѣлъ ему ѣхать за собою въ Вологду, объявивъ, что оттуда отпустить съ нимъ посланникомъ въ Елисаветѣ Андрея Григорьевича Совина. Отправленіемъ этого посла царь такъ торопился, что, на другой же день по отпускѣ Рандольфа въ Вологдѣ, Совинъ объявилъ Рандольфу

дольфу, что ему на отъездъ дано три дня, по истеченіи которыхъ его пожитки будутъ выкинуты.

Цѣль посольства Рандольфа, повидимому, была достигнута: общество англійскихъ гостей получило не только подтвержденіе, но и распространеніе своихъ повольностей; совмѣстничество иноземцевъ въ бѣломорской торговлѣ было устранено, подорваніе этой торговли тѣми англичанами, которые завели было собственный торгъ въ Нарвѣ, прекращено въ самомъ началѣ, и главный зачинщикъ этой торговой смуты — Гловеръ, выданъ Рандольфу для отвѣта передъ обществомъ. Но требованіе Іоанномъ заключенія наступательнаго и оборонительнаго договора обозначилось настоятельнѣе, и хотя Рандольфу удалось устранить себя отъ заключенія такого договора, но онъ не могъ отговориться отъ отвоза въ Англію Совина, а Совину былъ данъ наказъ съ прописаніемъ условий, которыя должны были быть включены въ договоръ и въ которыхъ ему запрещено было допустить какія-либо измѣненія.

Требованія царя заключались въ томъ, чтобы Елисаветѣ и ему стоять за одно противъ обоюдныхъ враговъ; помогать другъ другу войскомъ, казною и всѣми военными потребностями, подданныхъ своихъ невозбранно допускать селиться въ обоихъ государствахъ и дозволить имъ вести торговлю, свободную отъ пошлинъ и отъ всякихъ ограниченій. Тайною статьею оба государя должны были обязаться, въ случаѣ невзгоды одного изъ нихъ, дать союзнику убѣжище въ своемъ государствѣ. Договоръ долженъ былъ быть обоюдно укрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ, выдачею грамотъ за государственными печатами и взаимною присылкою посланниковъ для присутствованія при крестномъ цѣлованіи. Посланникомъ отъ Елисаветы долженъ былъ быть Антонъ Дженкинсонъ и онъ долженъ былъ ѣхать въ Россію при обратномъ отъѣздѣ туда Совина.

Для совѣщаній съ Совинымъ Елисавета назначила довѣреннѣйшихъ своихъ сановниковъ — лордовъ своего тайнаго совѣта. Переговоры эти длились около года (съ іюля 1569 до мая 1570); но они не привели ни къ какому результату. Лорды объясняли, что королева, прежде чѣмъ вовлечь Англію въ войны царя съ его недругами, должна была убѣдиться въ справедливости поводовъ къ этимъ войнамъ и испытать успѣхъ своего посредничества въ устраненіи ихъ. Совинъ настаивалъ на дословной перепискѣ требованій царя, считая несообразнымъ съ достоинствомъ своего государя, чтобы правильность его дѣйствій была обсуждаема Елисаветой. — Елисавета надѣялась, что царь,

одумавшись, откажется отъ своихъ требованій, и когда, съ наступленіемъ весны, Совинъ настоятельно просилъ отпуска, отпустила его безъ Дженкинсона, въ то время (можетъ быть, и не безъ намѣренія) находившагося внѣ Лондона, и, снабдивъ его не договоромъ, а двумя грамотами: одною «обычною, какъ проѣзжею» (какъ называлъ ее въ послѣдствіи Іоаннъ), другою тайною, за своею подписью и собственною, малою, печатью. Первою, составлявшею отвѣтъ на явные предметы посольства Совина, она обязывалась блюсти союзъ съ Россіею, оказывая взаимную помощь противъ общихъ враговъ и предотвращая всякій вредъ, который кто-либо пожелаеъ нанести Россіи, второю, тайною—она общалась Іоанну съ семействомъ и приближенными убѣжище въ Англіи, на случай—еслибы «по тайному ли заговору, по внѣшней ли враждѣ»—онъ будетъ вынужденъ оставить Россію.

Подобный отвѣтъ не могъ удовлетворить Іоанна, достигшаго въ это время полнаго разгара того безпримѣрнаго въ исторіи тиранства, когда уже не поименно, не десятками, не сотнями, а болѣе чѣмъ тысячу вписывались въ синодики казнимыя по его повелѣнію жертвы ¹⁾. Неистовою бранью разразился онъ въ письмѣ въ Елисаветѣ, посланномъ вслѣдъ за возвращеніемъ Совина (24-го окт. 1570). «Мы думали, — пишетъ онъ, — что ты въ своемъ государствѣ государыня, что ты имѣешь государскую власть и заботишься о своей государской чести и о выгодахъ своего государства; поэтому мы и хотѣли дѣлать съ тобою дѣла по-государски. Но мы видимъ, что твоимъ государствомъ правятъ помимо тебя люди, даже не то, что люди, но «мужики торговые», а ты какъ есть дѣвица, такъ по дѣвичью и ведешь себя («а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица»). Послѣ того намъ нечего продолжать съ тобою нашихъ сношеній: возврати намъ нашу жалованную грамоту; впрочемъ, если и не возвратишь ее—все равно уничтожаемъ и ее и всѣ прежнія ей подобныя грамоты. Посмотримъ, каково-то будетъ безъ нихъ тѣмъ «торговымъ мужикамъ», которые изъ-за своихъ торговыхъ прибылей пренебрегли нашею государскою честью и государственными выгодами. И безъ англійскихъ гостей Московское государство «нескучно» было».

Грамоту эту привезъ состоявшій на службѣ общества, бывшій при Совинѣ толмачемъ, Данило Сильвестръ. Но еще до его пріѣзда въ Лондонѣ получено извѣстіе, вѣроятно черезъ Нарву,

¹⁾ См. въ синодицѣ: „Помяни Господи души рабъ своихъ тысящу пятьсотъ пяти человекъ“ (Н. Устряловъ „Сказанія князя Курбскаго“, изд. 2-е. Спб. 1842; стр. 417).

что царь не только отнялъ повольности у английскихъ гостей, но велѣлъ захватить всѣ ихъ товары и прекратить торговлю общества, не принимая никакихъ жалобъ гостей на неплатежъ имъ долговъ. Обществу грозила опасность лишиться выгодной торговли съ Россією, и видѣть превращеніе только-что учрежденныхъ имъ сношеній съ Шемахою и Персією, черезъ которыя Англія имѣла надежду подорвать торговлю венеціанцевъ и португальцевъ съ востокомъ.

Недоумѣвая о причинахъ такихъ поступковъ царя, Елисавета поспѣшно отправила къ нему гонцомъ Роберта Беста, прося объяснить, чѣмъ заслужили ея подданные такую опалу? Какъ видно изъ отвѣта Іоанна на грамоту, привезенную Бестомъ ¹⁾, Елисавета высказываетъ предположеніе, что царь прогнѣвался на то, что нанятые Совинимъ въ Англіи корабельные мастера не были отпущены изъ Англіи; что съ привезенныхъ имъ пожитковъ и товаровъ взята въ Англіи пошлина и что ему не оказано должнаго почета; и затѣмъ оправдывается въ этихъ, ею же высказанныхъ обвиненіяхъ. Но не на то гнѣвался Іоаннъ: о корабленникахъ ему «кручины не бывало», на пошлину ему никто не жаловался, а если Совину и было задержаніе въ переговорахъ и безчестіе въ кормахъ, не на то его гнѣвъ, а на то, что она не цѣловала креста на своей грамотѣ передъ Совинимъ и не учинила съ нимъ никакого договора. «И до тѣхъ поръ продолжится наша опала на твоихъ гостей,—пишетъ царь,— пока не приплешь къ намъ своего посла (добраго человѣка) и съ нимъ Дженнinsonа». И тутъ же въ концѣ грамоты добавляетъ: «и теперъ дошелъ до насъ слухъ, что Дженнinsonъ къ намъ пріѣхалъ; и когда мы его выслушаемъ, то увѣдомимъ тебя о послѣдующемъ».

Дѣйствительно, во время написанія этой грамоты (въ августѣ 1571 г.), Дженнinsonъ уже былъ въ Холмогорахъ, откуда немедленно отправилъ Сильвестра въ Москву извѣстить царя о своемъ пріѣздѣ. Но на всѣхъ путяхъ къ Москвѣ были поставлены заставы по причинѣ морового повѣтрія и Сильвестръ за 90 верстъ до Вологды былъ задержанъ въ Шуйскомъ острогѣ, такъ что Дженнinsonъ цѣлые четыре мѣсяца не зналъ, что съ нимъ стало. Онъ рѣшился послать другого гонца окольною дорогою (вѣроятно черезъ Повѣнецъ на Новгородъ); но и эта попытка оказалась неудачною: гонецъ вскорѣ возвратился съ извѣстіемъ,

¹⁾ Грамоты этой я въ рукахъ своихъ не имѣлъ, но содержаніе ея подробно описано въ отвѣтной грамотѣ царя.

что, попавшись на заставу, едва избѣгнувъ опасности быть сожженнымъ вмѣстѣ съ своею лошадыю (ибо такъ велѣно было поступать со всѣми, кто будетъ пытаться миновать сторожевыя заставы). До половины января пробылъ Дженкинсонъ въ Холмогорахъ, подвергаясь всякимъ обидамъ со стороны начальныхъ людей и получая отовсюду самыя тревожныя слухи: съ наложеніемъ царской опалы на англійскихъ гостей, все ихъ имущество, всѣ ихъ товары были отъ нихъ отобраны; имъ отказывали въ платежѣ должныхъ имъ денегъ; выстроенное въ Ярославлѣ судно для плаванія въ Шемаху, за находившимися тамъ приказчиками общества и за купленными ими въ Персіи товарами, было задержано въ Астрахани; наконецъ, въ самой Москвѣ, выжженной въ маѣ того года Девлетъ-Гиреємъ, сгорѣло товаровъ, сложенныхъ на англійскомъ подворьѣ, цѣнностію до 10 тысячъ рублей. Вѣроятно, доходили до Дженкинсона слухи и о томъ, что царю было не до заботъ не только о дѣлахъ англійскихъ «торговыхъ мужиковъ», но и объ устройствѣ своего государства, разореннаго голодомъ, моромъ, нашествіемъ крымцевъ. Сперва царь Иванъ Васильевичъ отомщалъ позоръ своего бѣгства передъ Девлетъ-Гиреємъ казнию тѣхъ бояръ, которыхъ обвинялъ въ призваніи его; потомъ занялся смотривами себѣ невѣсты, изъ числа созданныхъ со всего государства красавицъ, леченіемъ избранной между ними Марѣи Собакиной, устройствомъ брачнаго съ нею торжества; наконецъ, сѣтованіемъ о преждевременной ея кончинѣ, сѣтованіемъ, сопровождавшимся, какъ бы въ тривну по ней, новыми казнями людей, обвиняемыхъ въ томъ, что они напустили на нее порчу!

Повидимому, казни эти успокоили Грознаго и вселили въ немъ убѣжденіе, что со смертію своихъ внутреннихъ супостатовъ онъ прочно утвердилъ свою личную безопасность; по крайней мѣрѣ, когда Дженкинсонъ былъ, наконецъ, допущенъ предстать предъ него въ Александровской слободѣ и потомъ, когда получилъ въ Старицѣ свой отпускъ, Іоаннъ объявилъ ему, что онъ на время отлагаетъ свои тайныя дѣла, т. е. переговоры о взаимной клятвѣ его и Елисаветы во всякое время дать другъ другу убѣжище. При этомъ царь объявилъ, что предастъ забвенію свое неудовольствіе на англичанъ, возвращаетъ имъ всѣ ихъ повольности и велитъ на будущее время давать имъ охранную стражу при плаваніи ихъ по Волгѣ для торговли съ странами за-каспійскими.

Пересматривая бумаги, касающіяся этого посольства Дженкинсона, нельзя не остановить вниманія на исполненномъ цар-

ственного достоинства отвѣтъ Елисаветы на уворъ царя, что, какъ настоящая дѣвица она позволяетъ другимъ править своимъ государствомъ. «Никакіе вущы,—пишетъ она,—не правятъ нашимъ государствомъ; управляемъ мы имъ сами, и управляемъ, какъ приличествуетъ дѣвѣ и королевѣ, Богомъ поставленной; и нѣтъ того государя, которому бы столь охотно повиновались подданные, какъ намъ; за что мы воздаемъ благодареніе Богу!» Не лишень достоинства и отвѣтъ Іоанна, когда, по его жалобамъ на поведеніе англійскихъ гостей, Дженкинсонъ просилъ его назвать имена виновныхъ. «Ты ихъ не узнаешь: я простилъ ихъ,—отвѣчалъ царь,—а что значило бы мое царское прощеніе, если бы я предоставилъ твоей королевнѣ ихъ наказывать!»

Главная цѣль посольства Дженкинсона была такимъ образомъ достигнута: онъ возстановилъ бѣломорскую и за-каспійскую торговлю лондонскаго общества. Однако же вознагражденіе убытковъ хотя отчасти было обѣщано, но не послѣдовало. Притомъ обращеніе съ нимъ царя показываетъ большое измѣненіе въ прежнемъ къ нему благорасположеніи: изъ года, проведеннаго имъ въ Россіи (съ 26-го іюля 1571 до 23-го іюля 1572 г.), семь мѣсяцевъ былъ онъ продержанъ въ Холмогорахъ (до 18-го января), полтора мѣсяца въ Переяславлѣ (съ 3-го февраля до 23-го марта); по принятіи его царемъ въ Слободѣ высланъ въ Тверь, гдѣ еще около двухъ мѣсяцевъ (до 13-го мая) безъ дѣла ожидалъ пріѣзда царя въ Старицу и на другой же день по полученіи отпуска отправленъ обратно въ Холмогоры. Въ Москву онъ не былъ допущенъ. Оставить Сильвестра въ Старицѣ для полученія новой жалованной грамоты, денегъ, должныхъ царемъ обществу, и англичанъ, которыхъ выдача, по требованію Елисаветы, была ему обѣщана, — не было ему дозволено, съ обѣщаніемъ, что и грамота, и деньги, и англичане будутъ сданы ему въ Вологдѣ. Посланный отъ него въ Новгородъ съ напоминаніемъ о семъ слуга не отпущенъ въ нему обратно; наконецъ, по жалобамъ его на какаго-то царскаго чиновника Безсона, оскорблявшаго его (въ Холмогорахъ?), и въ его присутствіи бывшаго англичанъ и поносившаго королеву, обѣщано наказать этого Безсона лишь подъ условіемъ, чтобы пріѣзжавшіе въ Нарву въ 1568 году гонцы королевы Малей и Мидльтонъ были также наказаны.

23-го іюля 1572 г. Дженкинсонъ навсегда простился съ Россією. По прибытіи въ Лондонъ онъ представилъ отчетъ о своемъ посольствѣ и затѣмъ подалъ обществу записку, въ которой, изложивъ перечень своихъ двадцатипятилѣтнихъ странство-

ваній въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Россіи, онъ говоритъ въ заключеніе: «и нынѣ, утомленный и состарившійся, я намѣренъ отдохнуть въ своемъ домѣ, утѣшенный главнѣйше тѣмъ, что моя служба была достойно оцѣнена и вознаграждена ея величествомъ и другими, кому я служилъ».

VI.

За увольненіемъ Дженкинсона отъ службы обществу, переговоры съ царемъ были въ слѣдующіе годы поручаемы Данилѣ Сильвестру. Посланный къ царю въ 1573 году, онъ привезъ Елисаветѣ письмо отъ него, отъ 20-го августа 1574 г., съ извѣстіемъ, что царь вновь опалился на англійскихъ купцовъ по случаю открытія сношеній Томы Гловера и Ральфа Рюттера съ его недругомъ, королемъ польскимъ, и приказалъ по этому случаю захватить въ царскую казну всѣ товары, находившіеся въ англійской конторѣ въ Вологдѣ; гнѣвался онъ на нихъ и за то, что въ числѣ взятыхъ у шведовъ нашими войсками плѣнныхъ были шотландцы, которыхъ русскіе, какъ говорящихъ по-англійски, принимали за англійчанъ. За то и привилегіи англійскихъ гостей были возобновлены уже не въ прежней силѣ и, вмѣсто прежней, совершенно беспошлинной торговли, имъ разрѣшено торговать лишь съ уплатою таможенныхъ пошлинъ, впрочемъ, на-половину меньшихъ противъ платимыхъ другими иностранцами. Но, по донесенію Сильвестра, главное неудовольствіе Іоанна заключалось въ томъ, что Елисавета не возобновляла прежнихъ съ нимъ переговоровъ и, по неумѣстной, какъ находилъ царь, горделивости, не хотѣла включить въ тайный договоръ условія о томъ, что и сама, на случай нужды, желаетъ имѣть убѣжище въ Россіи, а также и въ томъ, что она не изъявляетъ готовности утвердить тайный договоръ крестнымъ цѣлованіемъ, подписью членовъ своего совѣта и привѣщеніемъ большой государственной печати. Удовлетвореніе этихъ требованій, по словамъ Сильвестра, совершенно бы обезопасило положеніе англійскаго общества въ Россіи и доставило бы великія выгоды его торговлѣ.

Справедливость указанія Сильвестра доказывается заключительными словами привезенной имъ грамоты царя (20-го августа 1574 г.). «А если захочешь отъ насъ ббльшей въ себѣ любви и дружбы, то обдумай и исполни то дѣло, которымъ можешь увеличить свою любовь въ намъ».

Елисавета была крайне изумлена этими требованіями царя,

который еще за два года передъ тѣмъ, въ послѣдній къ нему прїѣздъ Дженкинсона, повидимому, совершенно отъ нихъ отказался. По опыту зная, чего могутъ ожидать ея подданные отъ самовластиа Іоанна, она опасалась его раздражить, но въ то же время сдѣлала послѣднюю попытку уклониться отъ прямого исполненія его желаній. Попытка эта выразилась въ новой послылкѣ къ царю Сильвестра, наказъ коего написанъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Сильвестру было поручено объяснить, что королева прежде всего заботилась о соблюденіи тайны своихъ переговоровъ съ царемъ: поэтому она и не могла ни учинить крестнаго цѣлованія, ни приказать привѣсить государственную печать къ своей грамотѣ, ибо, по установленіямъ королевства Англіи, какъ то, такъ и другое требуетъ участія столькихъ сановниковъ, что соблюденіе тайны послѣ сего будетъ невозможно; что допускать подписаніе совѣтниками грамотъ, подписанныхъ королевою, по англійскому обычаю, было бы несомнѣнно съ государскимъ достоинствомъ. Но замѣчательнѣе всего изложеніе отказа Елисаветы на требованіе царя, чтобы она, подобно ему, просила на случай нужды убѣжища въ Россіи. «Вы объясните царю,—наказываетъ она Сильвестру,—что подобная просьба съ нашей стороны подать нашимъ подданнымъ мысль, что мы имѣемъ поводъ чего-либо отъ нихъ опасаться; а такой мысли для нихъ достаточно будетъ, чтобы дѣйствительно поставить насъ въ опасное положеніе. Не сомнѣваемся, что царь, оказывающій намъ столь великую дружбу, не захочетъ подать къ сему поводъ».

Сильвестръ засталъ царя Ивана Васильевича въ ту невѣроятную эпоху его жизни, когда объявивъ касимовскаго царя Саинъ-Булата «великимъ княземъ Семіономъ Бекбулатовичемъ всея Русіи» и называя себя и своихъ сыновей въ подаваемыхъ ему челобитныхъ московскими князьями: «Иванцомъ Васильевымъ съ дѣтишками съ Иванцомъ, да съ Федорцомъ», онъ проживалъ въ Москвѣ вѣвъ Кремля въ своемъ опричномъ домѣ, гдѣ и былъ принятъ Сильвестръ 29-го ноября 1575 г. «Ты видишь,—сказалъ ему царь,—какъ сбылись наши опасенія, побудившія насъ вести тайные переговоры съ нашею сестрою, королевною! Измѣны нашихъ подданныхъ довели насъ до того, что мы передали правленіе государствомъ чужеродцу! Зачѣмъ не согласилась она на наши предложенія: твердый взаимный союзъ упрочилъ бы нашу державу, и побудилъ бы насъ дать ея подданнымъ всякія повольности, какихъ бы только они могли пожелать. Неразумно поступила сестра наша, не принявъ наше предложеніе».

Но иначе заговорилъ царь два мѣсяца позже (29-го января 1576 г.), отпуская Сильвестра, послѣ того, какъ заключилъ дружественный договоръ съ присланными отъ Цезаря послами: рѣчь царя при этомъ случаѣ очевидно записана Сильвестромъ съ дословною точностью. Смыслъ ея таковъ: «Мы знаемъ, какъ велики выгоды, извлекаемыя англійскими гостями отъ повольностей, которыя имъ были милостиво пожалованы нами. Между тѣмъ не видимъ отъ сестры нашей никакой взаимности за нашу къ ней дружбу. Ни одно изъ нашихъ желаній не было ею исполнено. Даже нынѣ она неумѣстно возноситъ надъ нами и находитъ неприличнымъ для себя выразить намъ ту же просьбу (объ убѣжищѣ), съ какою мы къ ней обратились. Поэтому объяви ей, что мы требуемъ отъ нея безусловнаго согласія на наши предложенія. Отказъ ея будетъ имѣть послѣдствіемъ передачу всей торговли, которая теперь уступлена нами англичанамъ, въ руки венеціанцевъ и германцевъ, отъ которыхъ они получаютъ большую часть товаровъ, къ намъ привозимыхъ. Не думай, чтобы мы не были властны сіе учинить: правда, мы передали другому нашу державу; но мы можемъ, по своему произволу, вновь во всякое время ее воспріять: наши семь вѣнцовъ, нашъ скипетръ, вся царская утварь, всѣ царскія сокровища, вся казна государственная въ нашихъ рукахъ».

Елисавета видѣла, что невозможно было долѣе уклоняться, и спѣшила отправить обратно Сильвестра съ своимъ отвѣтомъ къ царю: но отвѣту этому не суждено было дойти до царя. По прибытіи въ Холмогоры, — пишетъ Горсей, — Данило Сильвестръ «сталъ пересматривать свои платья, собираясь везти къ царю грамоту королевы; портной только-что примѣрилъ на немъ въ одной изъ комнатъ верхняго жилища англійскаго подворья новую одежду изъ желтаго атласа и едва успѣлъ сойти съ лѣстницы, какъ ударила громовая стрѣла и убила Сильвестра на мѣстѣ, пройдя черезъ внутренній вѣротъ его новаго платья и выйдя изъ правой стороны его гѣла. Молніей были также убиты находившіеся при немъ мальчикъ и собака, и въ одно мгновеніе сожжены его ларчикъ, письма и весь домъ. Царь былъ крайне пораженъ, когда онъ о семъ услышалъ, и сказалъ: да будетъ воля Божія!»

VII.

Въ слѣдующіе затѣмъ три года Іоаннъ, кажется, не имѣлъ никакихъ особенныхъ сношеній съ Англіей. Заботы о войнѣ съ Швеціей и въ особенности съ Польшей, повидимому, поглощали все его вниманіе: нужно было заботиться не столько о сохраненіи завоеваній въ Ливоніи, сколько объ охраненіи областей русскихъ уже Полоцкѣ, Сокольѣ, Нарва (Ругодивѣ) съ Ивангородомъ были отвоеваны неприятелемъ; Великія Луки въ области псковской, Яма (Ямбургъ), Копорье, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), Корела (Кексгольмъ) въ бывшей Вотской пятинѣ прежней области новгородской—были отвоеваны врагами. Царь имѣлъ необходимость и необходимость неотложную въ боевыхъ припасахъ—мѣди, свинцѣ, селитрѣ, сѣрѣ, порохѣ и проч. Съ требованіемъ о присылкѣ этихъ припасовъ Іоаннъ рѣшился отправить въ Елисаветѣ *юрами*, т. е. сухимъ путемъ, одного изъ привязчиковъ общества, нѣкоего Еремѣя Горсея, который успѣлъ обратить на себя его вниманіе своею находчивостію и своими разсказами объ устройствѣ англійскихъ кораблей и ихъ вооруженіи. Горсей подвергался большой опасности: ему предстояло проѣхать всю Ливонію и Курляндію, гдѣ его могли схватить поляки какъ русскаго лазутчика, Померанію и Мекленбургъ, гдѣ того же могъ онъ ожидать отъ шведовъ; не прежде, какъ по приѣздѣ въ Любекъ и Гамбургъ, могъ онъ считать жизнь свою въ безопасности. Въ какой мѣрѣ отчаянность его попытки была сознаваема самимъ царемъ, видно изъ того, что, по приказанію царскому, грамота Іоанна была вложена въ деревянную баклажку съ водою, которую онъ долженъ былъ держать спрятанною въ гривѣ своего воя. Послѣ разныхъ приключеній, Горсею удалось, однако же, достигнуть Гамбурга, откуда онъ прибылъ въ Лондонъ, вручилъ Елисаветѣ вынутую изъ баклаги грамоту и весною 1581 годъ привелъ въ Россію тринадцать судовъ, нагруженныхъ требованными царемъ припасами, цѣнностію всего на девять тысячъ фунтовъ стерл. Царь милостиво похвалилъ Горсея за успѣшное и скорое исполненіе порученія: отъ королевы же былъ онъ награжденъ возведеніемъ въ званіе ея тѣлохранителя (званіе, со отвѣтствовавшее дворянскому). Съ этого времени Горсей при соболѣ себѣ первенствующее мѣсто въ средѣ англійскихъ гостей въ Москвѣ, которое, какъ видно, совершенно самопроизвольно продолжалъ занимать до самой кончины Іоанна, и позже, въ первые года царствованія Θεодора.

Въ слѣдующемъ 1582 году Іоаннъ отправилъ къ Елисаветѣ посла, дворянина Ѳедора Андреевича Писемскаго и при немъ подъячаго Епифана-Неудачу Васильевича Ховралева. Имъ поручено было привести въ окончанію дѣло о союзѣ дружбы и любви и сватать за царя одну изъ родственницъ королевы «князю хантинскую» — Марію Гастингсъ, дочь графа Гонтиндонскаго. Англійскому толмачу Писемскаго, Эгидію Броу, было кромѣ того, приказано тайно передать королевѣ, что царь имѣетъ намѣреніе прибыть въ Англію.

Извѣстіе объ этомъ намѣреніи не оставалось тайною: народный голосъ приписывалъ его нѣмчину (Бомелію), за два года передъ тѣмъ зажаренному въ Москвѣ, лютому волхву, нарицаемому «Елисей», который, по словамъ псковскаго лѣтописца, «приведе царя на конецъ ¹⁾, еже бѣжати въ англійскую землю и тамо жениться». Съ болѣею еще подробностью говоритъ объ этомъ Горсей, прибывшій въ Россію въ 1572 году и съ того времени до 1591 года, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ поѣздокъ въ Англію, постоянно пребывавшій въ Москвѣ, имѣвшій доступъ къ царскому двору и лично извѣстный самому Іоанну: «Елисей Бомелій ввелъ царя въ заблужденіе, увѣривъ его, что англійская королева молода и что ему весьма возможно на ней жениться».

Какъ лѣтописное сказаніе, такъ и замѣтка Горсея относительно Бомелія опровергаются соображеніемъ чиселъ начала тайныхъ переговоровъ царя съ Елисаветою, пріѣзда Бомелія въ Россію и обстоятельствъ жизни Іоанна. Записка съ изложеніемъ требованія Іоанна о клятвенномъ обѣщаніи ему убѣжища въ Англію подана Дженкинсономъ въ ноябрѣ 1567 года; а Бомелій, содержащійся за свои предсказанія въ тюрьмѣ, былъ отпущенъ изъ Англіи въ Россію по просьбѣ Совина, посланнаго царемъ къ Елисаветѣ для переговоровъ объ этомъ убѣжищѣ, только два съ половиною года спустя, въ маѣ 1570 года. Обманывать царя относительно лѣтъ и наружности королевы также едва ли могъ рѣшиться Бомелій: Совинъ нѣсколько разъ былъ ею принимаемъ и въ теченіи своего десятидневнаго пребыванія въ Лондонѣ едва ли могъ не узнать, что Елисаветѣ въ то время было уже 37 лѣтъ и что она только тремя годами моложе царя. Притомъ

¹⁾ Т.-е. навелъ на мысль, какъ правильно напечатано въ Псковской Лѣтописи М. П. Погодина. М. 1887 г. стр. 209. Въ изданіи же Археографической Комиссіи (Поля. Собр. Лѣт. Спб. 1848 г. Т. IV, стр. 318) ошибочно напечатано: „наконецъ“ въ одномъ словѣ, что уничтожаетъ смыслъ всего предложенія.

начавшееся еще въ 1560 году сватовство на дочери Сигизмунда польскаго, продолжавшееся уже и по выходѣ ея въ замужство (въ 1562 году); окончательно прервалось по высылкѣ ея мужемъ, королемъ Іоанномъ шведскимъ, московскихъ пословъ въ іюль 1567 г., т.-е. за два мѣсяца до написанія (въ сентябрѣ) грамоты, посланныхъ съ Дженкинсономъ. Слѣдовательно, до сего отправленія Іоаннъ едва ли могъ думать о бракѣ съ Елисаветою. Невѣроятно также предполагать въ немъ эту мысль и по возвращеніи Совина изъ Англіи, потому что въ концѣ слѣдующаго 1571 года Іоаннъ вступилъ въ третій бракъ съ Маркою Собакиною, а по ея смерти, созвалъ соборъ для утвержденія своего четвертаго брака съ Анною Колтовскою. Затѣмъ и изъ всѣхъ переговоровъ царя съ Дженкинсономъ въ 1572 г. и съ Сильвестромъ въ 1574 и 1575 годахъ, видно, что Іоаннъ высказывалъ относительно Елисаветы раздраженіе, несомнѣнное съ мыслью о вступленіи съ нею въ бракъ.

На основаніи всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ можно утвердительно сказать, что Іоаннъ имѣлъ мысль бѣжать въ Англію почти за три года до пріѣзда Бомелія, и что преданіе о сватовствѣ его на Елисаветѣ представляется совершенно безосновательнымъ.

VIII.

По пріѣздѣ своемъ въ Англію, Писемскій не могъ быть скорѣе принятъ королевою по причинѣ свирѣпствовавшей въ то время прилипчивой болѣзни, вѣроятно оспы, которою болѣла и избранная царемъ невѣста: осмотръ Маріи Гастингсъ, который былъ порученъ Писемскому, былъ отложенъ до совершеннаго ея выздоровленія; на снятіе съ нея портрета Елисавета не соглашалась до того времени, пока рябины, оставшіяся на лицѣ Маріи, не побѣлѣютъ и не поизглядятся. Переговоры о союзѣ также шли весьма медленно по причинѣ неуступчивости посланника. Сама избранная невѣста, повидимому, не прельщалась предлагаемою ей будущностью и, хотя въ Англіи еще живы были современники шестибрачнаго Генриха VIII, но едва ли молодая англичанка могла плѣняться мыслью, что будетъ шестою или седьмою супругою 50-лѣтняго царя. Къ тому же во время пребыванія Писемскаго въ Лондонѣ пришло извѣстіе, что тогдашняя супруга Іоанна (Марія Нагая) разрѣшилась отъ бремени сыномъ (царевичемъ Димитріемъ). Наконецъ, назначенный для отправле-

нія съ Писемскимъ, сэръ Вильямъ Россель не хотѣлъ ѣхать въ Россію. Между тѣмъ посланникъ скучалъ бездѣйствіемъ и съ наступленіемъ весны торопиль окончаніемъ порученныхъ ему дѣлъ: 18-го мая онъ былъ допущенъ видѣть невѣсту; 5-го іюня назначенъ посломъ къ Іоанну сэръ Еремѣй Баусъ, и двѣ недѣли спустя (21-го іюня), Писемскій съ Баусомъ отплыли въ Россію.

Баусу были даны самыя подробныя наказы: относительно союзаго договора онъ долженъ былъ настоять на включеніи условія, тобы одинъ союзникъ не былъ обязанъ вступать въ войну съ противникомъ другого, не истощивъ сперва всѣхъ усилій къ умеренію враждующихъ сторонъ; причемъ Баусъ долженъ былъ предложить посредничество королевы въ войнѣ царя съ королемъ шведскимъ, не принимая однако же на себя обязательства самому ѣхать въ Швецію и не откладывая изъ-за этого дѣла своего выѣзда изъ Россіи. Сватовство Маріи Гастингсъ Баусу было поручено отклонить сперва подъ предлогомъ нездоровья ея, а если царь будетъ настаивать, то по причинѣ несогласія ея сродниковъ на этотъ бракъ и невозможности королевѣ ихъ къ тому принудить. Въ случаѣ прибытія царя въ Англію, ему обѣщалось отъ королевы, что онъ будетъ принять съ тою ласкою, каковой можетъ ожидать любезный союзникъ и что для него будетъ сдѣлано все, что можетъ королева *при своихъ малыхъ средствахъ*. Главная цѣль настояній Бауса должна была заключаться въ подтвержденіи обществу всѣхъ его повольностей, исключительнаго права торговли въ Бѣломъ морѣ и свободы отъ всякихъ поборовъ.

О посольствѣ Бауса сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ: собственная его записка съ краткимъ отчетомъ объ его пребываніи въ Россіи — она исполнена самохвальства; представленныя имъ по возвращеніи въ Англію жалобы на претерпѣнныя оскорбленія — онѣ обличаютъ тщеславіе, придирчивость, склонность къ сплетнямъ; рассказъ объ его посольствѣ въ запискахъ Горсея, изъ которыхъ невозможно не вынести убѣжденія въ наглости и въ тщеславіи Бауса; и наконецъ официальные записи посольскаго приказа, неопровержимо доказывающія, что въ веденіи переговоровъ Баусъ безпрестанно путался въ своихъ отвѣтахъ, отрекался отъ собственныхъ своихъ словъ, и когда былъ уличаемъ, ссылался на недостаточность своихъ наказовъ. Онъ обвинялъ передъ царемъ думнаго дьяка Щелкалова въ подкупѣ нидерландскимъ купцомъ де-Валемъ, чиновниковъ царскихъ въ невыдачѣ сполна отпускаемыхъ кормовъ, пристава, сопровождавшаго его изъ Холмогоръ, въ намѣреніи потопить его ладью. Не соглашаясь на перемирію Марією Гастингсъ вѣры, онъ увѣрялъ царя, что

Елисавета можетъ предложить на выборъ десять другихъ невѣстъ, которыя и болѣе близки ей по родству и красивѣе по наружности, чѣмъ Марія, а на другой день въ отвѣтной палатѣ говорили, что такихъ увѣреній не дѣлалъ; когда же былъ уличенъ въ неправдѣ, то отзывался, что у него нѣтъ наказа называть этихъ невѣстъ, а что если Елисавета разрѣшитъ, то готовъ будетъ прислать царю ихъ портреты. Въ самый день представленія къ царю, Баусъ пошелъ въ Кремль пѣшкомъ оттого, что приведенная ему подъ-верхъ лошадь была, на его взглядъ, не столь хороша какъ, та, на которой сидѣлъ назначенный его сопровождать бояринъ. Наконецъ, при самомъ первомъ своемъ приемѣ царемъ, когда, по обычаю, посольскій дьякъ хотѣлъ взять отъ него грамоту Елисаветы, въ присутствіи царя, обвуженнаго всѣмъ своимъ дворомъ, сталъ препираться о томъ, что королева не къ нему, Щелкалову, пишетъ. Въ личныхъ переговорахъ съ царемъ, выводилъ Іоанна изъ терпѣнія: на замѣчаніе царя, что онъ, Баусъ, не знаетъ посольскихъ обычаевъ, отвѣчалъ, что знаетъ и изучилъ ихъ на посольствѣ во Франціи; на упоминаніе царя объ императорѣ Римскомъ, о короляхъ французскомъ и испанскомъ—отвѣчалъ, что они не чета его государынѣ.

И между тѣмъ грозный царь Иванъ Васильевичъ не только терпѣлъ всѣ эти наглые выходки Бауса, но ставилъ ихъ въ примѣръ вѣрнопопданнической преданности и даже снисходилъ до извиненій передъ Баусомъ, когда не могъ воздерживать своего нетерпѣнія: однажды онъ назвалъ Бауса неучемъ, но въ тотъ же вечеръ прислалъ къ нему своего любимца Бѣльскаго для объясненій, изъ своихъ царскихъ рукъ избилъ Щелкалова и велѣлъ бросить въ тюрьмы чиновниковъ, на которыхъ жаловался Баусъ; другой разъ, въ порывѣ гнѣва, прогналъ Бауса изъ дворца: но вслѣдъ затѣмъ прислалъ удостовѣрить его, что переговоры не прерваны, увеличивалъ его кормы, соглашался на всѣ его просьбы, подтверждалъ и распространялъ, по его ходатайству, повольности англійскихъ гостей, громогласно, предъ своими боярами, объявлялъ ему, что если Елисавета не пришлетъ ему невѣсты, онъ самъ поѣдетъ за нею въ Англію. Понятно, сколько злобы накопѣло въ это время въ русскихъ къ ненавистному свату, который, въ своей вичливости, самъ хвалится въ своихъ запискахъ, что въ это время, кто только хотѣлъ милости у царя, искалъ знаковъ его, Бауса, вниманія.

Непродолжительно было самообольщеніе Бауса: 18-го марта 1584 г., распѣвая, по своему обычаю, веселыя пѣсни, царь Иванъ Васильевичъ, послѣ ванны сидѣлъ полуодѣтый на постели,

потребовалъ шахматы, началъ ихъ разставлять, но только-что хотѣлъ поставить короля, повалился навзничъ въ обморокъ, которымъ и окончилось его царствованіе. Въ ту же ночь управление государствомъ перешло въ руки назначенныхъ имъ пѣстунами въ слабоумному сыну пяти боярамъ, а на утро во всѣ концы московскаго царства полетѣли гонцы съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ царя Теодора Ивановича. На самомъ же дѣлѣ захватилъ всю власть дядя его, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ: — ближайшимъ исполнителемъ его велѣній сдѣлался давнишній недоброжелатель англичанъ и личный, непримиримый врагъ Бауса — думный дьякъ Андрей Щелкаловъ. — «Твой англійскій царь умер!» — прислалъ онъ сказать Баусу, велѣлъ оцѣпить его домъ, держать его со всѣми его слугами подъ строгимъ карауломъ и никого не допускать до какихъ-либо съ нимъ сношеній, закидывая грязью и камнями всякаго, кто посмѣетъ высунуть голову съ его двора.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ содержался Баусъ въ этомъ заточеніи, трепеща каждую минуту за свою жизнь; и опасенія его были небезосновательны: ожесточеніе противъ него было такъ велико, что, если вѣрить Горсею, въ пятичленной верховной думѣ возникалъ вопросъ о преданіи его смертной казни и только представленія Горсея о томъ, что Елисавета не оставитъ его смерть неотомщенною, успѣли спасти ему жизнь. Наконецъ, черезъ девять недѣль вытребовали Бауса въ Кремль: въ Посольской палатѣ онъ былъ встрѣченъ Щелкаловымъ и его братомъ, которые объявили ему, что новый царь не намѣренъ продолжать переговоровъ, начатыхъ прежнимъ; несмотря на сопротивленіе Бауса, насильно отняли у него его шпагу, не дали ему даже накинуть епанчи, и потащили предъ царя, не допустивъ, чтобы его сопровождалъ толмачъ. Въ заключеніе, несмотря на его отказъ, ему вручили грамоту царя на имя королевы, и, подхвативъ подъ руки, вывели изъ палаты съ объявленіемъ, что на выѣздъ изъ Москвы ему дается трое сутокъ.

«Еще благодари Бога», велѣлъ ему передать на другой день Щелкаловъ, «что не случилось съ тобою ничего худшаго: заупрямься ты идти въ царю — тебя бы изрубили на куски и выкинули бы за Кремлевскія стѣны!»

И болѣе благоразумнаго человѣка, чѣмъ Баусъ, могли бы вывести изъ терпѣнія подобные поступки: онъ же кипѣлъ бѣшенствомъ безсильной злобы и въ то же время трепеталъ за свою безопасность; онъ велѣлъ было всѣмъ англійскимъ гостямъ выѣзжать изъ Москвы и провожать его до моря, но, разумѣется, его

не послушали. Горсей, однако же, проводилъ его до перваго привала, тайно вручилъ ему подарокъ (сорокъ соборей) отъ Бориса Ѳеодоровича Годунова съ просьбою передать королевѣ увѣреніе въ его преданности и съ обнадеживаніемъ, что всѣ дѣла устроятся.

Наконецъ, послѣ долгаго пути до пристани Св. Николая, послѣ новыхъ (мнимыхъ или дѣйствительныхъ) оскорбленій отъ своего пристава (ничтожнаго сына боярскаго Никифора Суцова), 12-го августа 1584 г., едва ставъ на палубу англійскаго корабля, Баусъ отослалъ ему и царскую не содержащую ничего важнаго грамоту и царскій поминокъ—три сорока соборей, «которые не стоили и 40 ф. ст. и дряннѣе коихъ не сыщешь во всей Москвѣ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ письмо, въ которомъ излилъ всю свою желчь на боярина Юрѣва и на дьяка Щелкалова, выражая надежду, что «Ѳеодоръ, который, какъ онъ слышалъ, вѣнчался на царство, велить срубить головы съ плечъ этихъ двухъ самозванныхъ царей».

«Зачѣмъ было ему пріѣзжать сюда! Да помилуетъ насъ всѣхъ Господь!» писалъ лондонскому обществу англійскій холмогорскій приващикъ, посылая на томъ же кораблѣ, на которомъ ѣхалъ Баусъ, наскоро снятый списокъ съ его ругательнаго письма.

IX.

Со вступленіемъ на престолъ Ѳеодора исчезло всякое иное вліяніе, кромѣ власти его знаменитаго шурина, многоумнаго Бориса, — который во всѣхъ современныхъ англійскихъ запискахъ величается *бояриномъ-покровителемъ*. Благорасположеніе Бориса къ англичанамъ и личная его пріязнь къ Горсею были всенародно заявлены въ самый день царскаго вѣнчанія (10-го іюня 1584 г.), когда, при возникшемъ въ царскихъ палатахъ спорѣ, кому изъ иноземныхъ гостей первому поднести царю подарки, Борисъ велѣлъ Брабантскому купцу де-Валю уступить первенство Горсею. Еще и прежде Борисъ оказывалъ Горсею милость: во время смятеній, послѣдовавшихъ въ Москвѣ за смертью царя Ивана Васильевича, по просьбѣ Горсея онъ приставилъ охранную стражу къ англійскому подворью, давалъ Горсею совѣты, какъ вести себя по отношенію къ Баусу во время содержанія этого послѣдняго подъ карауломъ, далъ ему свободный къ себѣ доступъ и проч. Судя по сохранившимся официальнымъ запис-

камъ лондонскаго общества, Горсей часто употреблялъ такое до-
вѣріе во вредъ общества. Поводомъ къ тому были неустройства,
возникшія въ управленіи дѣлами общества въ Москвѣ.

До времени, пока единственнымъ морскимъ путемъ въ Россію
было плаваніе бѣломорское, бѣломорская торговля признавалась
достоянствомъ однихъ англичанъ и при томъ одного лондонскаго
т. н. московскаго общества; правда, приходили туда и корабли
«земли Брабантскія», но плаваніе ихъ производилось какъ бы
тайкомъ, и въ каждой жалованной грамотѣ царь подтверждалъ
за обществомъ исключительное право приходить въ бѣломорскія
пристани. Но, съ покореніемъ Нарвы, царь открылъ этотъ при-
морскій рынокъ для всѣхъ иностранныхъ гостей и черезъ Нарву,
вмѣстѣ съ любчанами и гамбургцами, проникли въ Москву ан-
гльскіе гости, не принадлежавшіе московскому обществу, а тор-
говавшіе въ Ганзейскихъ городахъ. Когда Нарва отошла отъ
Россіи, то нѣкоторые изъ этихъ гостей продолжали свой само-
стоятельный, отдѣльный отъ общества торгъ, провозя свои товары
сухимъ путемъ черезъ Литовскій рубежъ или, какъ говорится въ
тогдашнихъ грамотахъ, *черезъ горы*. Къ этимъ гостямъ присоеди-
нились впоследствии многіе привазчики общества, отказывавшіеся
отдавать отчетъ въ имѣвшихся у нихъ на рукахъ товарахъ и
въ полученныхъ за нихъ деньгахъ: въ особенности число этихъ
приказчиковъ увеличилось въ то время, когда царь Иванъ Ва-
сильевичъ, опалившись на *торговыхъ мужиковъ* королевы Ели-
саветы, захватилъ ихъ товары, отнял ихъ повольности и запре-
тилъ принимать отъ нихъ какія-либо жалобы на неплатежъ имъ
долговъ. Баусъ успѣлъ было склонить его на восстановленіе ис-
ключительныхъ правъ общества: но кончина Юанна уничтожила
все, чего Баусъ достигъ своими домогательствами, и все, что Ю-
аннъ отдавалъ на жертву покровительствуемому Елисаветою об-
ществу въ угоду ей и въ надеждѣ найти въ ней подобную же
погодливость по поводу своихъ *великихъ государскихъ долъ*—убѣ-
жища въ Англіи и женитьбы на англичанкѣ. Позорно высланный
изъ Россіи, ознаменовавшій дерзостями отплытіе свое отъ рус-
скихъ береговъ, негодуя на агента общества за послушаніе его
приказанія, чтобы всѣ англичане выѣхали за нимъ изъ Москвы,
Баусъ, по прибытіи въ Лондонъ, безъ сомнѣнія представилъ въ
самыхъ черныхъ краскахъ положеніе дѣлъ общества въ Москвѣ:
сѣдствіемъ сего было отправленіе въ томъ же году двухъ аген-
товъ для повѣрки счетовъ: Пикова въ Москву и Чаппеля въ
Каванъ; московскій агентъ Трумбуль выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу

въ Холмогоры и на время своего отсутствія передать московскую контору Горсею.

По прибытіи въ Москву, Пивокъ открылъ большія злоупотребленія: недостатокъ товаровъ, вымышленные счета, недочетъ суммъ; тоже нашель и Чаппель въ Казани. Пивокъ рѣшился немедленно отправить донесеніе обществу; но, опасаясь, чтобы Горсей не получилъ о томъ извѣстія, онъ отправилъ это донесеніе съ довѣреннымъ приваэичномъ Горнби, котораго послалъ съ какимъ-то купцомъ, ѣхавшимъ изъ Москвы въ Польшу. Горсей успѣлъ однако-же заблаговременно о томъ узнать и донесъ, что Пивокъ и Чаппель сносятся съ Литвою во вредъ Россіи: Горнби былъ схваченъ, письма его переданы для перевода Горсею и Горсею сообщнику Маршу; послѣдствіемъ было преданіе Горнби пыткѣ на дыбѣ и огнемъ (отъ чего онъ потомъ умеръ) и заключеніе Пивова и Чаппеля въ тюрьму.

Между тѣмъ, при посылкѣ гонцовъ съ извѣщеніемъ о восшествіи Теодора на престолъ, рѣшено было отправить гонца къ Елисаветѣ. Гонцами въ Англію посылались обыкновенно толмачи, знавшіе англійскій языкъ, и для того избирались преимущественно слуги общества, немедленно по пріѣздѣ въ Лондонъ сообщавшіе обо всемъ происходившемъ на Москвѣ; это не могло входить въ расчеты Горсея и потому, вѣроятно по его указанію, на этотъ разъ былъ избранъ пріѣзжавшій въ 1569 г. въ Лондонъ толмачомъ при Совинѣ, лифляндецъ Регинальдъ (Романецъ) Бекманъ, бывшій когда-то на службѣ общества, но впоследствии сдѣлавшійся сторонникомъ фламандцевъ и, слѣдовательно враждебный Англіи.

По возвращеніи своемъ въ Москву (лѣтомъ 1585 г.), Бекманъ жаловался на худой пріемъ Елисаветы: говорилъ, что она безъ дѣла держала его съ марта по іюнь мѣсяцъ; что онъ три раза былъ къ ней приглашаемъ и принять только на четвертый разъ «въ капустномъ огородѣ, гдѣ сѣютъ лукъ да чеснокъ»; что отпускъ ему данъ не самой королевой, а какимъ-то писцомъ, который поручилъ ему передать поклоны царю.

На самомъ же дѣлѣ, Елисавета, въ то время занятая смутами, возбуждаемыми Марією Стюартъ внутри королевства, послышкою католическихъ эмиссаровъ изъ Рима, вѣстями о заготовленіи знаменитой «армады» въ Испаніи, не слѣшила пріемомъ царскаго гонца, который не могъ отправиться въ Россію ранѣе лѣтняго плаванія кораблей общества; но приняла его милостиво не въ огородѣ, какъ говорилъ Бекманъ, а въ паркѣ, куда допускались для бесѣды съ нею одни приближенные и отличенные

ею сановники; отпускъ Бекману чинилъ не писецъ, а государственный ея секретарь Вэльсингэмъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ политическихъ дѣятелей ея правленія, столь справедливо прославленнаго мудростію своихъ политическихъ дѣяній.

Но дѣйствительно нельзя не предполагать, чтобы въ рѣчахъ она не высказала, хотя отчасти, того огорченія, которымъ отзывается посланная ею съ Бекманомъ грамота къ царю: да и трудно было надменной Елисаветѣ примириться съ мыслью, что ея посланникъ, представитель ея величества, могъ подвергнуться поруганію дьяка Щелкалова, что у него вырвали его шпагу, что его насильно тащили предъ лицо чужого государя и потомъ за руки выводили изъ дворца!

Х.

Вслѣдъ за возвращеніемъ Бекмана въ Москву (въ августѣ 1585 г.), съ отвѣтомъ царя на привезенную имъ грамоту королевы былъ посланъ Горсей. Для Горсея весьма важно было предупредить тѣ извѣстія, которыя должны были быть получены въ Лондонѣ объ его самовольствѣ и объ его злоупотребленіяхъ по управленію московскою конторою: поэтому, не ожидая весеннихъ кораблей, онъ отправился въ Ригу, гдѣ между прочимъ исполнилъ порученіе Годунова убѣдить вдову Магнуса (короля ливонскаго), дочь князя Владиміра Андреевича Старицкаго и, слѣдовательно, внучатную сестру царя, Евѳимію, возвратиться въ Россію; изъ Риги Горсей чрезъ Курляндію, Пруссію, Мекленбургъ и Померанію, прибылъ въ Гамбургъ, а оттуда моремъ въ Лондонъ. Повидимому онъ успѣлъ удовлетворительно объяснить положеніе дѣлъ обществу и внушить высокое понятіе о своемъ значеніи въ Россіи: послѣднее, впрочемъ, подтвердилось тайнымъ порученіемъ, даннымъ ему отъ Бориса Годунова, привезти изъ Англіи искуснаго врача и повивальную бабку. Борисъ въ то время, сознавая, что его власть зависитъ лишь отъ продолжительности жизни царя, заботился о продолженіи царскаго рода и, за долго до отъѣзда Горсея, говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ: по крайней мѣрѣ этимъ объясняется выраженіе въ сохранный Горсеемъ запискѣ его отъ 15-го августа 1585 г. «По тому дѣлу, о коемъ мы въ послѣдній разъ совѣщались въ Троицынъ день, мы не сомнѣваемся, что ты о немъ позаботишься усердно и поступишь разсудительно относительно доктора Якоби, такъ, чтобы онъ пріѣзжалъ, *запасишь вѣсѣмъ нужнымъ*».

Грамота Елисаветы, привезенная Горсеемъ въ царю, написана въ самомъ примирительномъ духѣ: она какъ бы извиняется за Бауса, не знавшаго обычая являться предъ царемъ безъ оружія, въ первое время по кончинѣ его отца; проситъ снисхожденія за тайную посылку гонца на Литву, объясняя ее желаніемъ Пиеока скорѣе доставить отчетъ обществу; ручается за то, что Чаппель не любчанинъ, а англичанинъ; проситъ царя снять съ ея гостей опалу и возвратить имъ всѣ ихъ повольности въ полномъ ихъ пространствѣ; но съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ жалобы Бекмана на его пріемъ въ Англію, называя ихъ клеветою.

По возвращеніи Горсея съ лѣтними кораблями велѣно было повивальную бабу задержать въ Вологдѣ: можно предполагать, что, неохотно допуская лекаря-иноувѣрца до леченія, русскіе нашли бы слишкомъ большимъ соблазномъ допустить воспріятіе царскаго дѣтища повитухою-бусурманкою; во всякомъ случаѣ, она, послѣ содержанія въ Вологдѣ въ продолженіе цѣлаго года, была прямо оттуда отослана обратно въ Англію. Самъ же Горсей былъ принятъ съ прежнею милостію Годуновымъ и, получивъ для общества новую жалованную грамоту, въ августѣ слѣдующаго 1587 года вновь былъ отправленъ въ Елисаветѣ.

Но въ этотъ пріездъ Горсей уже не встрѣтилъ прежняго пріема отъ общества: напротивъ, отъ него потребованъ былъ отчетъ въ его самовольныхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ пришли извѣстія въ Лондонъ; притомъ онъ узналъ, что для разясненія настоящаго положенія англійскихъ дѣлъ въ Москвѣ туда назначается къ отправленію одинъ изъ королевинныхъ секретарей у принятія челобитныхъ, Эгидій Флетчеръ, и при немъ довѣренный отъ общества агентъ, Августинъ Фульсъ. Горсей рѣшился скрытно уѣхать изъ Лондона и отправился въ Россію. Но и здѣсь онъ нашелъ относительно себя совершенную перемѣну: причиною этой перемѣны былъ давнишній врагъ англійской торговли, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, питавшій личную вражду къ Горсею за бранныя слова, которыми Горсей его по какому-то случаю оскорбилъ.

При самомъ началѣ учрежденія обществомъ торговли съ Персіею однимъ изъ прикащиковъ по этой торговлѣ былъ нѣкто Антонъ Маршъ; впоследствии этотъ Маршъ воспользовался опалой Іоанна на общество, чтобы, не отдавъ своихъ отчетовъ, испросить себѣ отдѣльную привилегію на торгъ съ Сибирью и съ Астраханью; въ этомъ торгѣ, хотя и производившемся въ пользу обществу, принималъ участіе Горсей, посредствомъ кото-

раго Маршъ успѣлъ даже сдѣлать значительные денежные займы изъ царской казны и у Бориса Годунова. Вѣроятно впоследствии Горсей поссорился съ Маршемъ, котораго, какъ видно, не безкорыстно принялъ подъ свою защиту Щелкаловъ: по указанію сего послѣдняго, Маршъ переписалъ всѣ свои личные долги на имя общества: кабалы его (заемныя письма) были предъявлены къ взысканію и, несмотря на указанія агентовъ, что Маршъ не только имъ не товарищъ, а еще ихъ должникъ и противникъ, Щелкаловъ обратилъ все взысканіе (на сумму болѣе 23 тысячъ рублей) на имущество общества, основываясь на данныхъ ему Маршемъ доказательствахъ, что онъ имѣлъ у себя въ товарищахъ между прочимъ Горсея въ то время, когда Горсей управлялъ англійскою конторою въ Москвѣ. Негодованіе англійскихъ гостей обратилось на Горсея, котораго единственнымъ покровителемъ остался Борисъ Годуновъ. Но и этотъ послѣдній не могъ принять его открыто подъ свою защиту, потому что Щелкалову удалось предъявить противъ Горсея два важныя обвиненія: собственноручное письмо, въ которомъ Горсей, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, подговаривалъ холмогорскаго агента снарядить корабли для захвата всѣхъ иностранныхъ судовъ, приходящихъ въ Бѣлое море; и показаніе англичанина — слуги Горсея, будто Горсей однажды сказалъ про Федора Ивановича: «не царемъ бы ему быть, а монахомъ!»

Едва ли, впрочемъ, не вліянію Бориса Федоровича слѣдуетъ приписать, что, прежде окончательнаго отобранія у англичанъ конфискованныхъ Щелкаловымъ товаровъ, рѣшено было отправить Марша съ гонцомъ Бекманомъ въ Лондонъ, для пересмотра его дѣла совѣтниками Елисаветы. По странному совпадению времени, случилось, что Бекманъ прибылъ въ Лондонъ 7-го сентября, а 17-го того же мѣсяца прибылъ въ Холмогоры посланникъ королевы, Флетчеръ; Бекманъ былъ принятъ Елисаветою 1-го ноября; Флетчеръ пріѣхалъ въ Москву 25-го ноября и принятъ царемъ 19-го декабря.

Отправление Флетчера въ Россію изъ Англійи произошло въ самое время, когда совершалось величайшее событіе Елисаветина царствованія, истребленіе знаменитой *Непобѣдимой Армады*, когда рѣшался вопросъ быть или не быть Англійи! ¹⁾ По-

¹⁾ Любопытно донесеніе о томъ Бекмана (оно было написано имъ по-нѣмецки и переведено въ современномъ русскомъ переводѣ): „А вѣстей новыхъ узнавъ я, что въ шестое пріѣзда, іюля 19-го, сюда приходили корабли испанскаго короля съ тѣмъ, чтобъ взорвать англійскую землю, и они были разбиты и обращены въ бѣгство съ

нятно, что въ виду всепоглощающаго интереса приготовленій къ отраженію испанцевъ, Елисавета, какъ сама сознавала въ послѣдствіи, хотя и повелѣла послать приличный подарокъ, но подарокъ, который былъ посланъ отъ ея имени, былъ дѣйствительно неудовлетворителенъ: онъ состоялъ, какъ видно изъ грамоты Бориса Федоровича на ея имя, изъ монеть — «поминковъ золотыхъ и въ полн-золотаго и въ четверть золотаго, и въ деньгу золотаго; поминковъ, какихъ прежде между ею и царемъ не было». Подарки эти, поднесенные Флетчеромъ царю, были на другой же день возвращены ему, а, по примѣру царя, и Годуновъ отказался отъ принятія тѣхъ подарковъ, которые были присланы ему королевою; кромѣ того, когда Флетчеръ вручилъ въ отвѣтной палатѣ письма королевы къ царицѣ Иринѣ и къ нему, Годуновъ оскорбился тѣмъ, что съ нимъ еще присланы были грамоты отъ совѣтниковъ королевы къ нему, Годунову, и къ дьяку Андрею Щелкалову. «Немалая поруха моему боярскому сану», писалъ онъ Горсею, «что королева и ея сановники писали мнѣ не пригоже, смѣшивая дьяка со мною». При такихъ обстоятельствахъ Флетчеру трудно было ожидать какого-либо успѣха въ своихъ переговорахъ, тѣмъ болѣе, что веденіе этихъ переговоровъ поручено было Щелкалову. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1589 г. прибылъ изъ Англии гонецъ Митчель съ грамотою, въ которой Елисавета уже прямо обвиняла Щелкалова. Маршъ передъ ея совѣтниками и передъ правленіемъ общества былъ доведенъ до письменнаго сознанія, что всѣ показанія его въ Москвѣ даны изъ страха и по принужденію Щелкалова, что Щелкалову хорошо извѣстно, что Маршъ вель особенный отъ общества торгъ,

великимъ срамомъ; кораблей этихъ было, какъ говорятъ сами испанцы, всего 142 большихъ и малыхъ и на нихъ было 30 тис. человекъ. Юля 27-го былъ у нихъ бой съ кораблями королевны, и испанскихъ кораблей было взято и приведено въ Англію 4 малыхъ и 2 большихъ и испанцевъ много побито, а остальные испанскіе корабли едва успѣли спастись во Флиссингенъ въ Зеландію; англійскіе корабли ихъ преслѣдовали съ такимъ ожесточеніемъ, что ни одинъ человекъ не могъ высадиться на землю, и испанцы, не могли устоять противъ нихъ, обратились вспять, но, встрѣченные противными вѣтрами, были прибиты бурей къ ирландскимъ берегамъ, гдѣ погубило 19 большихъ кораблей, со всѣми бывшими на нихъ людьми; много другихъ кораблей было брошено къ берегамъ Голландіи, такъ-что, по достовернымъ извѣстіямъ, въ Испанію возвратилось только 42 корабля и на нихъ едва ли 3,200 человекъ; всѣ остальные побиты и потонули; большіе корабли были до того разстрѣляны англичанами, что потонули всѣ. Королевна же не потеряла ни одного корабля, а людей ея, по здѣшнимъ извѣстіямъ, убито всего отъ 40 до 43 человекъ*. (Статейный списокъ прѣзда и пребыванія въ Россіи англійскаго посла Елизара Флетчера, стр. 57—58).

имѣя повольную грамоту на торговлю въ Астрахани и въ Печорѣ, что Щелкаловъ имѣеть въ рукахъ своихъ его товаровъ на 10 тыс. руб., что Щелкаловъ же, вопреки требованію агента общества, отпустилъ съ устьевъ-Колы въ Гамбургъ его корабль, съ грузомъ товаровъ, которыхъ достаточно было бы для уплаты его долговъ. Въ заключеніе, Елисавета просила передать все дѣло на обсужденіе Бориса Ѳедоровича и требовала освобожденія своихъ гостей отъ всякихъ уплатъ за Марша. Флетчеръ былъ допущенъ къ царю для полученія отпуска, 22-го апрѣля, еще до пріѣзда Митчеля; напрасно онъ настаивалъ на новомъ представленіи царю, для подачи ему привезенной Митчелемъ грамоты королевы; ему отвѣчено, по государеву приказу, что ему самому быть у государя непригоже, какъ потому, что онъ уже получилъ отпускъ, такъ и по той причинѣ, что Елисавета, мимо прежняго обычая, не сама приняла царскую грамоту отъ Бекмана, а велѣла ее взять у него своему лорду казначею. Флетчеръ принужденъ былъ поворотиться: 2-го мая, онъ прислалъ грамоту въ посольскій приказъ, къ дьякамъ Андрею Щелканову и Постнику Дмитріеву, а 6-го мая выѣхалъ изъ Москвы; вмѣстѣ съ нимъ отосланъ въ Англію, по требованію Елисаветы, бѣглый Горсей ¹⁾.

Между тѣмъ, розыскъ Маршева дѣла былъ порученъ боярамъ Ивану Васил. Годунову и князю Василию Иван. Шуйскому. Не соглашаясь совершенно освободить общество отъ отвѣтственности за Марша, они рѣшили, что оно должно уплатить сполна его долги только въ царскую казну (2,700 р.) и Борису Ѳедоровичу (4 тыс. р.), другимъ же, частнымъ лицамъ, признали возможнымъ сбавить долги на половину, ограничивъ ихъ суммою 8375¹/₄ руб. Но еще не успѣлъ Флетчеръ доѣхать до Вологды, какъ тамошнему воеводѣ, князю Вадбольскому, велѣно задержать его въ этомъ городѣ; причиною тому былъ пріѣздъ новаго англійскаго гонца, Юрія Боуза, который привезъ съ собою Антона Марша и весь розыскъ объ его долгахъ, произведенный въ Лондонѣ. Дѣло было пересмотрѣно вновь и, за

¹⁾ Любопытно сравненіе подлинника того мѣста грамоты Елисаветы, гдѣ она пишетъ о Горсеѣ, съ современнымъ русскимъ переводомъ. Елисавета писала: „мы не мало дивимся, что онъ (Горсей) такъ неразумно вздумалъ уѣхать, и мы не полагаемъ, чтобы тѣ (предъявленіе противъ него споры) касались вашего пресвѣтлѣйшества или вашихъ совѣтниковъ“. Въ переводѣ: „А тому ся добръ дивимъ, что онъ дуракъ такъ сдѣлалъ, и въ той брани начаемся, что онъ вашего пресв—ва ближнихъ людямъ много доуки чинилъ“.

челобитьемъ и печалованьемъ «царскаго величества шурина, боярина и воююшаго, *содержателя* государства казанскаго и астраханскаго, Бориса Фёдоровича Годунова», велѣно вмѣсто приванныхъ подлежащими уплатѣ 23,553 р., удовольствоваться вытymi у англійскихъ гостей товарами на сумму 7,800 руб. Двѣ же лично ему принадлежавшія кабалы Марша, одну въ 5,700 руб., другую въ 3000 р., Борисъ Фёдоровичъ отослалъ королевѣ, «положивъ ихъ на ея волѣ, какъ она произволить». Рѣшеніе это посланъ былъ объявить Флетчеру въ Вологду двинскій воевода Розгильдей Любучениновъ, которому, кромѣ того, было поручено передать ему Марша и распорядиться отправленіемъ посла въ Англію, куда Флетчеръ и отправился, веза съ собою Горсея и Марша, въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1589 года.

Надобно предполагать много ловкости и много изворотливости въ Горсеѣ, чтобы понять, какими путями онъ успѣлъ послѣ своего бѣгства изъ Англій въ Россію и послѣ высылки обратно изъ Россіи въ Англію, вновь снискать себѣ благорасположеніе Елисаветы. Не позже какъ въ апрѣлѣ слѣдующаго же 1590 года онъ былъ уже отправленъ ею въ Москву съ грамотою, въ которой она укоряла царя въ оскорбленіи ея посланника Флетчера давнишнимъ врагомъ англичанъ Щелкаловымъ; требовала отъ царя: сдѣлано ли сіе съ его вѣдома? И въ заключеніе просила снять съ Горсея опалу, которой онъ подвергся напрасно по навѣтамъ своихъ недоброжелателей.

Нельзя не упомянуть, что, какъ видно изъ бумагъ лондонскаго архива государственныхъ бумагъ, лондонское общество купцовъ усиленно ходатайствовало о томъ, чтобы Горсей не былъ посылаемъ въ Москву и что посылка эта совершилась единственно по настоянію государственнаго секретаря, сэра Франциска Веллингтона; между тѣмъ извѣстно, что этотъ знаменитый дипломатъ Елисаветы, лично честный (онъ умеръ едва не въ бѣдности), считался двоедушнымъ въ дѣлахъ политики и выбиралъ себѣ агенты или, точнѣе сказать, въ лазутчики преимущественно людей опороченныхъ и именно потому вполне ему преданныхъ неразборчивыхъ въ средствахъ къ исполненію его повелѣній. Поэтому едва ли ошибочно будетъ предположить, что выборъ Веллингтона остановился на Горсеѣ именно потому, что порученіе, данное Горсею къ царю, не было пріятно и что пріятно еще до пріѣзда въ Москву онъ обязывался исполнить другія порученія, сопряженные съ немалыми опасностями: Горсей до женъ былъ объявить въ Гамбургъ и другихъ ганзейскихъ гор

дахъ запрещеніе Елисаветою всякихъ сношеній съ Испанією, проѣхать въ Кёльнъ на предполагавшійся (но не состоявшійся) съѣздъ протестантскихъ сторонниковъ королевы; проѣхать въ Копенгагенъ для переговоровъ съ датскимъ королемъ, негодовавшимъ на Елисавету за то, что она противилась браку датской принцессы съ Іаковомъ шотландскимъ (впослѣдствіи преемникомъ Елисаветы на англійскомъ престолѣ); наконецъ проѣхать въ Варшаву для переговоровъ съ королемъ польскимъ, также не хорошо расположеннымъ къ Елисаветѣ.

Горсей прибылъ изъ Варшавы черезъ Вильну въ Смоленскъ и хотѣлъ скрыть свое имя, но былъ узнавъ тамошнимъ воеводою княземъ Иваномъ Голицынымъ, который хорошо зналъ его въ Москвѣ, имѣя тамъ домъ по сосѣдству съ англійскимъ дворомъ. По приѣздѣ въ Москву Горсей не былъ допущенъ предъ царя. Когда отъ него вытребовали грамоты, онѣ оказались запечатанными, не по обычаю, малою печатью королевы; царскій титулъ былъ въ нихъ написанъ съ умаленьемъ чести, безъ полного перечисленія всѣхъ княжествъ и областей. Щелкаловъ, сильно уличаемый въ этихъ грамотахъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, настаивалъ на непринятіи ихъ; но всегдашній печальникъ за англичанъ, Борисъ Ѳеодоровичъ, убѣдилъ царя принять ихъ и велѣть выслушать Горсея въ посольскомъ приказѣ. Послѣ того, Горсей былъ однакоже высланъ изъ Москвы въ Ярославль, гдѣ содержался до лѣта слѣдующаго года; въ іюлѣ 1591 года онъ былъ отправленъ въ Англію при грамотѣ, которая была поручена англійскому гостю Франциску Черри и въ которой Ѳеодоръ писалъ Елисаветѣ, чтобы если она желаетъ сохранить съ нимъ дружбу и любовь, то пересылалась бы съ нимъ черезъ хорошихъ людей, а не черезъ такихъ плутовъ и негодаевъ, каковъ Горсей.

Дружба и любовь русскаго царя была залогомъ слѣдующихъ большихъ выгодъ для Англіи, чтобы Елисаветѣ пренебречь ею: она отвѣчала Ѳеодору грамотою, въ которой представляла свои оправданія на высказанныя имъ обвиненія; соглашалась на соблюденіе впредь требованій царя о прописаніи полного титула; объявляла себя удовлетворенною по всѣмъ имѣвшимъ съ ея стороны неудовольствіямъ; высказывала еще нѣкоторыя просьбы по денежнымъ дѣламъ ея гостей московскаго общества; но, не ставя ничего выше полного союза и дружбы съ царемъ, просила ни въ какомъ случаѣ не нарушать ихъ, а прилагать попеченіе о содержаніи ихъ навѣки ненарушимо. Къ Годунову она писала столь же

дружественно, отзывалась въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о знатности его рода, объ его мудрости и великихъ заслугахъ, содѣлавшихъ его главнымъ совѣтникомъ и правителемъ столь великаго монарха; извиняясь своими великими государственными дѣлами, просила сноситься по всѣмъ дѣламъ англійскихъ гостей съ ея государственнымъ казначеемъ лордомъ Бёрлеемъ.

И Борисъ Федоровичъ принялъ англичанъ подъ свою высокую руку, даровалъ имъ во всѣхъ дѣлахъ свою могущественную защиту и оборону и заслуженно стяжалъ приписываемый ими ему титулъ *боярина-покровителя* (лорда протектора). Съ слѣдующаго же 1593 года прекратились всякіе поводы англійскимъ гостямъ жаловаться на притязанія русскихъ приказныхъ людей и уже не представлялось съ тѣхъ поръ случаевъ, которые бы угрожали нарушеніемъ между королевою и царемъ того дружества и той любви, каковыя бывали между ею и «благороднѣйшимъ родителемъ его, преславной памяти Иваномъ Васильевичемъ, государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи».

Юрій Толстой.

ШЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

*Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon
par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et Cie. 1875. Tomes I-VIII.*

VIII *).

Рѣшительный, въ судьбѣ Прудона, 1848-й годъ засталъ его въ Парижѣ. Переписка тотчасъ же оживляется, и число сохранившихся писемъ восходитъ почти до тридцати. Конецъ 1847-го года принесъ ему горькую вѣсть о кончинѣ матери, о чемъ онъ извѣщаетъ пріятеля своего Мориса, отъ 22-го января. «Вотъ я и одинъ, — говоритъ онъ, съ видимою душевною тоской, достаточно-таки охладѣвшій, разочарованный, до тошноты брезгливый. — Но какъ я себѣ ни повторяю, съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Лионъ, что у меня больше нѣтъ ни семьи, ни дома, ни званія, ни положенія, я все-таки не могу вѣрить въ такое полное, нищенское, одиночество, я не привыкаю къ той мысли, что никто больше не занимается мною, что у меня нѣтъ больше этой старушки-матери...

«Я чертовски работаю, я нахожусь въ полнѣйшей увѣренности, преслѣдуя съ такой рѣшительностью цѣль мою, добиваясь ея съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ; я ни въ чемъ не дѣлаю никакихъ уступокъ, ни отъ чего не отказываюсь. Я знаю людей, оцѣниваю прекрасно дѣйствительность, мое одиночество, мое стѣс-

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78; июль, 88 стр.

ненное положеніе; и со всѣмъ тѣмъ, не обольщая себя живыми надеждами, я все-таки не теряю въ будущее и въ себя самого вѣры, на которую я минутами смотрю, какъ на безуміе. Одна вещь, сводящая меня, какъ слѣдуетъ, къ дѣйствительности и дѣлающая мнѣ жизнь горькою — это старая привязанности: онѣ уходятъ, и ничто не является имъ на смѣну».

И точно пророчествуя (и на этотъ разъ довольно удачно), Прудонъ такъ резюмируетъ свое положеніе: «какъ я уже вамъ говорилъ, уѣзжая: я твердо надѣюсь на то, что вопросъ разрѣшится для меня черезъ пять-шесть мѣсяцевъ; я буду чѣмъ-нибудь, я буду тѣмъ, чего я стою, у меня будетъ ясное положеніе, или я все брошу и займусь дѣлами, чтобы ничѣмъ больше уже не заниматься». Замѣчательнѣе также и конецъ письма, гдѣ онъ, наканунѣ революціи, высказываетъ чувство негодованія противъ вожаковъ оппозиціи, съ которыми ему придется вскорѣ идти если не рука объ руку, то все-таки подъ однимъ общереспубликанскимъ знаменемъ: «самое большое счастье, какое могло бы выпасть на долю французскому народу: еслибъ сто оппозиціонныхъ депутатовъ были брошены въ Сену съ жерновымъ камнемъ на шею. Они во сто разъ хуже консерваторовъ, ибо въ нихъ сидитъ еще лицемѣріе».

На другой день революціи, 25-го февраля, т.-е. черезъ мѣсяцъ, Прудонъ пишетъ тому же Морису, и ему первому говорить о днѣ 24-го февраля. «Революція,—пишетъ онъ, въ видѣ вступленія,—можетъ показаться любопытной, когда о ней судятъ по рассказамъ; но когда вы бываете свидѣтелемъ ея, она страшно утомляетъ вашу умъ—тѣмъ смятеніемъ и той пустотой, какія въ ней заключаются». И затѣмъ слѣдуетъ изложеніе событій, всѣмъ извѣстныхъ, съ разными замѣтками о поведеніи и роли оппозиціи съ О. Барро во главѣ. Самыя характерныя строки изъ этого письма—слѣдующія: «республика отдана въ опеку нѣсколькимъ честнымъ людямъ и болтунамъ перваго разряда, совершенно бездарнымъ. *День 24-го февраля продлится безъ идеи*». «Конечно, прогрессъ Франціи пойдетъ своимъ чередомъ, что бы ни случилось, посредствомъ ли революціи, или иначе; но онъ могъ бы быть совершенъ и съ падшимъ правительствомъ, каково бы оно ни было, и это обошлось бы дешевле».

«Вы знаете, любезный Морисъ, какъ мало для меня значать всѣ эти политическія прибаутки, громко величаемыя неприкосновенными правами народа: всеобщая подача голосовъ, правительство большинства, парламентская система и проч., и проч. Я ищу кое-чего по-положительнѣе; вотъ почему, мало уважая по-

рядомъ, ниспровергнутый вчера, я также мало вѣрю въ сегодняшнюю систему».

Свое собственное участіе въ революціонной катастрофѣ 24-го февраля Прудонъ описываетъ довольно подробно. Хотя отрывокъ, который мы выпишемъ, и не относится прямо къ нашей задачѣ, но мы его приводимъ какъ характерный образецъ Прудонова «себѣ на умъ»; не увлекшагося внѣшностью чисто-политическаго переворота, ни мало не измѣнишаго социальной неурядицы современнаго общества: «съ самаго утра, вчера — въ четвергъ, я пустился на развѣдки. Больше пятьсотъ баррикадъ перерѣзываютъ улицы Парижа и перекрестки: это — лабиринтъ изъ цѣлыхъ пятьсотъ Фермопилъ. Къ полудню, хорошо все осмотрѣвъ, я отправился въ бюро *Реформы*, въ улицу Жанъ-Жака Руссо, около почтамта. Радикальный комитетъ требовалъ лишь отмены сентябрьскихъ законовъ съ кое-какими ничтожными поправками; вчера утромъ онъ прибавилъ уже избирательную реформу на *широкійхъ основахъ*; въ полдень требовалъ сверхъ того *организации труда*, еще съ какою-то тамъ плоскостью (*platitude*), а въ два часа говорилъ уже о провозглашеніи республики. Послѣ того, какъ президентъ Флоконъ поддерѣжилъ насъ цитатой изъ Робеспьера, точно полководецъ, дѣлающій раздачу воды своимъ солдатамъ, мнѣ поручили набрать у типографщика слѣдующія трескучія слова:

«Граждане, Луи-Филиппъ приказываетъ бить васъ, какъ и Карлъ X; пускай онъ и отправится туда же, куда и Карлъ X».

«Кажется, это была счетомъ первая республиканская манифестація.

«Граждане,—сказалъ мнѣ отецъ Флоконъ (*père Flocon*), въ той типографіи, гдѣ я работалъ: — вы занимаете революціонный постъ; мы полагаемся на вашъ патріотизмъ». «Вы можете положиться,—смѣясь отвѣтилъ я ему:—я не повиную моей работы до тѣхъ поръ, пока не кончу ея».

«Спустя четверть часа по раздачѣ этой прокламаціи, перестрѣлка началась въ Пале-Роялѣ, а вскорѣ и Тюльери были взяты. Вотъ какое участіе принималъ я въ революціи.

«Я былъ въ центрѣ возстанія, и была минута, когда эти господа думали, что армія гнала инсургентовъ въ нашу сторону, чтобы освободить почтамтъ; мы были бы, слѣдовательно, такъ сильно скомпрометтированы. Поэтому бюро *Реформы* и было покинуто. Я не хвалюсь храбростью, но увѣряю васъ: я очень

былъ счастливъ, глядя, какъ вся эта братія переносилась въ то самое время, какъ я отмѣчалъ черты высокаго и смѣшнаго.

«Долженъ я себя упрекнуть еще въ томъ, что вырылъ одно дерево на Биржевой площади, выломалъ рѣшетку на бульварѣ «*Bonne Nouvelle*» и носилъ камни для баррикады.

«Молодой человекъ, въ мундирѣ воспитанника Лѣсной Школы, проходя мимо одной баррикады, гдѣ былъ я, былъ привѣтствованъ криками: «*Да здравствуютъ школы!*» Онъ отвѣтилъ на нихъ граціознымъ и аристократическимъ движеніемъ руки. «Позвольте,—строго сказалъ я ему:—куда же вы идете? Надо оставаться здѣсь и работать наравнѣ съ другими!» Если бы вы видѣли, какъ онъ перепугался, и я отвернулся, чтобы онъ не видѣлъ моего смѣха. Онъ, навѣрно, принялъ меня за ужаснаго явобинца.

«Вообще же, рабочій лучше своихъ вожаковъ. Онъ, въ одно и то же время, веселъ, храбръ, забавенъ и честенъ. Восемьдесятъ-тысячъ солдатъ, собранныхъ вокругъ Парижа, не больше сдѣлали, чѣмъ одинъ простой патруль. Только и набрались страху, что буржуа да умные люди. Но надо и то сказать, что если рабочій выказалъ отвагу, онъ въ сущности не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія. Все сдѣлала деморализація власти и арміи. Успѣхъ возстанія не зависитъ, какъ обыкновенно думаютъ, отъ настоящаго сраженія; онъ происходитъ главнымъ образомъ, и даже единственно, отъ общности и быстроты движенія. Чтобы добиться этого, надо занять войско на нѣсколькихъ пунктахъ, заставить его бѣгать за инсургентами отъ баррикады къ баррикадѣ, пока ихъ вездѣ строятъ; а когда первый толчокъ всѣхъ увлечетъ, когда городъ будетъ весь взбудораженъ, войско одумается, начнетъ колебаться; правительство отступаетъ и входитъ въ переговоры; народъ дѣлаетъ натискъ—и все кончено. Я тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ томъ, что съ десятью тысячами солдатъ, желающихъ исполнить свой долгъ, генералъ легко сладитъ съ возстаніемъ; почему я и ожидалъ новаго вандемьера.

«Вчера вечеромъ, провозглашеніе республики казалось очень смѣшнымъ: точно, будто слово республика совсѣмъ не существуетъ по-французски. Но увлеченіе овладѣть массой; радикальная партія сумѣетъ воспользоваться вчерашней побѣдой, и даже, несмотря на подчиненіе республиканцевъ всеобщей подачѣ голосовъ, республика не уступитъ и народному голосованію. Найдутъ средства сдѣлать такъ, чтобы всеобщее голосованіе было за республику,—на это есть свои приемы. Республиканцы предприим-

чивы, а люди благой среды такъ разстроены, такъ нерѣшительны!

«Завтрашняя биржа, сберегательныя кассы, банковыя операціи и поведеніе другихъ державъ повѣдаютъ намъ скоро, какую степень довѣрія возбуждаетъ временное правительство. А пока,— война для пронаганды, и потомъ разстройство нашихъ финансовъ, торговый и финансовый кризисъ со всѣми ихъ послѣдствіями кажутся мнѣ съ нынѣшняго же дня неизбѣжными.

«Что касается до меня, я останусь въ моемъ одиночествѣ и постараюсь осмотрѣться. Время теперь плохое для научныхъ занятій, а мнѣ всё-таки нельзя терять времени на шатанье. Быть-можетъ, новый порядокъ вещей употребитъ меня на что-нибудь? Какъ знать? Быть-можетъ, я буду въ оппозиціи? И этого нельзя знать.

«Слышу, какъ увіеры кричатъ: *Да здравствуетъ республика! Долой плутовство!* Бѣдняки! *Плутовство* со всѣхъ сторонъ опутало ихъ; даже тѣ, кто собирается управлять, слѣпыя орудія и первыя жертвы этого плутовства. Интрига забралась повсюду; болтовня торжествуетъ: мы сдѣлали повтореніе 10-го августа и 29-го іюля, увлеченные нашими историческими романами, не замѣчая того, мы всё превратились въ комическія фигуры.

«То, что происходитъ на моихъ глазахъ, и въ чемъ я самъ участвовалъ, не имѣя вѣры — совершенно искусственная вещь (*factice*), или я не могу распознать ничего самороднаго и непосредственнаго. Хорошо, еслибъ я ошибся! Съ этого дня я начинаю вѣрить въ наше паденіе, если здоровыя и серьезныя идеи, заимствованныя кое-гдѣ помимо рѣчей Робеспьера, не оживятъ нашихъ умовъ и характеровъ.

«Можетъ быть и то, что я плохо поставленъ, чтобъ хорошо судить. Тѣло мое находится — посреди народа, но мысль моя — въ другомъ мѣстѣ! Направленіе моихъ идей уже привело меня къ тому, что я ни съ кѣмъ не могу сойтись изъ моихъ современниковъ; лучше я самъ обвиню въ лживости свою точку зрѣнія, чѣмъ ихъ осуждать за безуміе».

Врядъ-ли хоть еще одинъ парижанинъ, или вообще французъ передоваго склада мыслей, съ твоей трезвостью отнесся къ революціи 1848 года, въ которой самъ, волей-неволей, принималъ участіе. *Иначе* Прудонъ и не могъ писать о февральской катастрофѣ. *Иначе* могъ писать только человѣкъ, для котораго высшія политическія формы значили все, человѣкъ формальнаго радикализма, а не мыслитель, любившій во всемъ добираться до корня. Каковы бы ни были недодѣланности Прудонова міровов-

зрѣнія, у него къ 24-му февраля 1848 года сидѣла въ головѣ совокупность философскихъ и социальныхъ идей, не позволяющая удовлетворяться ни шумихой якобинства, ни мистицизмомъ коммунистическихъ шкѣлъ, потерпѣвшихъ также побѣдѣе фiasco въ февральскую республику. Развѣ все письмо не дышетъ здоровымъ скептицизмомъ чловѣка съ научными стремленіями, не желающаго уступать подъ натискомъ революціонной вспышки того, что онъ долгими годами выработалъ и систематизировалъ? Но бовѣ-о-бовѣ сидѣлъ въ немъ и живой чловѣкъ изъ народа. Признавши революцію и республику, какъ факты, онъ хочетъ, чтобы изъ нихъ вышло что-нибудь порядочное; онъ отливается съ явной симпатіей на движеніе, охватившее Европу, тотчасъ послѣ февральскихъ дней, что мы видимъ уже въ письмѣ отъ 26-го февраля, къ тому же Морису. Намѣтивъ, какъ можетъ пойти революціонная пропаганда въ Европѣ, онъ продолжаетъ:

«Внутри (Франціи) идетъ то же движеніе, социальный вопросъ поставленъ, и надо работать надъ его разрѣшеніемъ. Всѣ партіи, даже простофили (*les dupes*) становятся на сторону народа; каждый жертвуетъ на алтарь отечества—кто легитимизмомъ, кто конституціонной монархіей, и проч. Надо, чтобы всѣ согласились ладиться съ республикой; прочь—всякая благая средина, всякое колебаніе».

Онъ вѣритъ, что новое правительство расположено къ социальнымъ реформамъ, и рѣшается пристать къ нему. Въ постскриптумѣ Прудонъ сообщаетъ, что нѣсколько «гражданъ съ ружьями въ рукахъ» приходили спрашивать его: когда онъ выпуститъ свою новую книгу? «Какъ я уже вамъ говорилъ,—прибавляетъ онъ,—республика лишена идей. И наверху объ этомъ толкуютъ, и внизу доказываютъ то же. Пиши я такъ, какъ Ламартинъ, я черезъ мѣсяць былъ бы первый чловѣкъ во Франціи», и онъ кончаетъ просьбой никому объ этомъ не говорить: могутъ подумать, что онъ желаетъ играть роль, а въ сущности онъ остается тѣмъ же скептикомъ, смѣющимся даже надъ тѣмъ, «чему самъ вѣритъ».

Доктору Magé—доброму своему знакомому—Прудонъ пишетъ отъ 1-го марта въ томъ же тонѣ: «То, что случилось, хорошо потому уже, что оно — совершившійся фактъ; но клянусь вамъ, я нисколько не взволнованъ, и, быть можетъ, я единственный чловѣкъ во Франціи, не увлеченный революціоннымъ духомъ послѣ того, какъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ. Что было вѣрно для меня вчера, то вѣрно и сегодня: республика журнала *National* ничего въ этомъ не измѣнитъ. Книжки пляшутъ

теперь въ ратушѣ, какъ онѣ плясали, недѣлю тому назадъ, въ Бурбонскомъ дворцѣ. Нравственная порча—та же, эгоизмъ также великъ, мистификаціи — также потѣшны, надувательства также громадны. Только одинъ добрый и честный народъ остается все тотъ же: онъ всегда доволенъ, всегда полонъ вѣры, всегда — жертва обмана, онъ одинъ чего-нибудь стѣбитъ.

«Когда вы найдете удобнымъ побывать здѣсь, вы меня отыщете въ моей философской бочкѣ; я живу безвѣстно и скрытно, собираю республиканскія дурачества и готовлюсь пробираться карточью временное правительство».

Каждое новое письмо съ политическими взглядами проявляетъ то же здорово-скептическое отношеніе къ революціи и республикѣ съ ея вожаками, хотя Прудонъ и не можетъ не откликаться сочувственно на движеніе, охватившее тогда весь западъ. Фактору своей бывшей типографіи, Югену, съ которымъ давно уже не переписывался, онъ сообщаетъ о выходѣ своего новаго труда. «Надѣюсь,—прибавляетъ онъ,—что это сочиненіе приведетъ меня, наконецъ, къ чему-нибудь. Въ настоящую минуту я могу сказать, что мнѣ принадлежитъ монополія тѣхъ идей, въ которыхъ всего болѣе нуждаются,—идей экономическихъ. Созидатели утопій потратили все свое знаніе; въ ихъ рукахъ — власть, они рубятъ, рѣжутъ и ничего не производятъ. Всѣ смѣются надъ національными мастерскими; г. Луи-Бланъ освистанъ; г. Консидеранъ — безсиленъ. Наконецъ-то распознаютъ, что у этихъ шарлатановъ социализма нѣтъ ничего въ головѣ, и множество народа становится на мою сторону. Я жду. Я болѣе, чѣмъ когда-либо, увѣренъ въ моихъ идеяхъ. Деньги спрятались: я обойдусь и безъ нихъ; кредитъ умеръ, я заставляю его воскреснуть безъ всякаго насилія. Но надо ждать; минута для меня еще не наступила, она только приближается.

«Въ Безансонѣ пронесся слухъ, какъ мнѣ говорить, будто я правительственный комиссаръ. Еслибъ немножко подумали, то конечно сейчасъ бы сообразили, что это — невозможно. Люди, находящіеся, въ настоящую минуту, во власти, почти всѣ мои враги; это — секта журнала *National*, въ которой также мало идей, какъ и сердца; а она меня боится больше Гизо. Люди эти смѣются надъ социальной реформой и стараются только о томъ, какъ бы имъ исподволь надѣть на народъ намордникъ, совершенно такъ, какъ дѣлалъ Луи-Филиппъ; поэтому-то мы уже находимся въ полной реакціи.

«Соціальныя идеи отгиснуты назадъ — подобно тому, какъ республиканскія идеи были послѣ 1830 г. Теперь даютъ гг. Луи-

Блану и Консидерану уходить, и въ одинъ прекрасный день закроютъ Люксембургъ и распустятъ комиссію. Словомъ, собираются, подъ шумокъ, похоронить социальный вопросъ. Объявятъ войну, чтобы занять 50,000 рабочихъ; издержать 100 миллионовъ для забавы другихъ 50,000; дадутъ кое-какія бездѣлушки, на томъ и покончатъ.

«Какъ видите, все то же ослѣпленіе; но успѣхъ не будетъ отвѣчать надеждамъ контръ-революціонеровъ. Здѣсь 15,000 вооруженныхъ пролетаріевъ, и они не дадутся даромъ въ руки. Социальный вопросъ долженъ получить разрѣшеніе, или горе странѣ!»..

Нѣсколько ниже Прудонъ сообщаетъ о томъ, что онъ попалъ въ два парижскихъ избирательныхъ списка; но на свое избраніе онъ рассчитываетъ мало, такъ какъ партія *National*'я ему враждебна и боится его. Онъ всю надежду движенія возлагаетъ на клубы, и собирается издать свой проектъ социальной организаціи, чтобы потомъ обсуждать его въ клубахъ и отправляться въ палату подавать петицію: «*avec nos fusils*» — подчеркиваетъ онъ, иначе дѣло кажется ему невыполнимымъ.

«Въ головахъ совсѣмъ нѣтъ идей, — замѣчаетъ онъ, — всѣ видятъ въ этой революціи — простую случайность; никто не понимаетъ, что она значить; самые пылкіе какъ ни стараются, все же не больше, какъ якобинцы; а это слишкомъ старо для насъ».

Морису, отъ 21-го марта, онъ пишетъ, что его кандидатура быстро поднимается въ Парижѣ, и что онъ ее принимаетъ хотя бы для того, чтобы судить хорошенько о состояніи умовъ. Въ политическомъ смыслѣ онъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, и разсуждаетъ объ этомъ съ обычной смѣсью искренности и ѣдкости: «Мое положеніе — несравненно! Я — человекъ, внушающій больше всѣхъ страха, слѣдовательно, моя примирительная рѣчь можетъ имѣть всего больше эффекта. Никто не можетъ говорить пролетаріямъ и буржуа, правительству и массѣ такъ, какъ я: такъ хорошо и съ равнымъ авторитетомъ. Еслибъ кто-нибудь напалъ на правительство, какъ я нападаю — былъ бы разорванъ на части; а кто повторилъ бы мои прежнія положенія — былъ бы разстрѣлянъ. Одинъ я могу выйти сухъ, и, быть можетъ, высвободить и республику. Чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ больше я вижу, что я одинъ пользуюсь монополіей моихъ идей. Развѣ только со мной случится бѣда, или несправедливость неразлучна съ судьбой общества; а то я долженъ пойти далеко и высоко подняться. Но я ничего больше не потребую (если выпадетъ на мою долю счастье — служить странѣ своей) — какъ на-

учнаго назначенія, позволяющаго мнѣ изучать на свободѣ французскій народъ и продолжать мои экономическія прогулки (flâneries)».

Прудонъ сообщаетъ дальше слухи о всеевропейскомъ революціонномъ броженіи, и считаетъ себя однимъ изъ стимуловъ нѣмецкой революціи. Все это, по его мнѣнію, дѣлаетъ ненужной войну изъ-за пропаганды революціонной идеи. «Черезъ три дня, кончаетъ онъ письмо, — а издамъ, послѣ двухъ первыхъ выпусковъ моей книги, предложеніе правительству о трудѣ, кредитѣ и обращеніи. Это будетъ частное приложеніе моего принципа и даже все разрѣшеніе, предлагаемое мною». Очевидно, онъ разумѣетъ этюды, вошедшіе впоследствии въ VI-й томъ полнаго собранія его сочиненій: «Solution du problème social. Organisation du crédit et de la circulation. Banque d'échange. Banque du peuple».

IX.

Кромѣ Парижа, и въ родномъ департаментѣ Прудона — въ Дубсѣ — нашлось не мало согражданъ, пожелавшихъ послать его въ «учредительное собраніе». Онъ отвѣчаетъ этимъ землякамъ письмомъ отъ 3-го апрѣля, изъ Парижа. Его исповѣданіе вѣры, конечно, таково, какимъ ему слѣдовало быть, т.-е. на первомъ планѣ стоитъ: *соціальный вопросъ*, благо рабочаго класса и разрѣшеніе общественной неурядицы путемъ *мирнымъ*, а не дальнѣйшими насильственными вспышками: «нѣтъ другого спасенія, — пишетъ онъ, — для рабочаго класса, для буржуазіи, для всей націи, какъ въ дружественномъ соглашеніи всѣхъ партій въ дѣлѣ разрѣшенія соціальной задачи». Онъ нисколько не желаетъ гладить по головѣ своихъ единомышленниковъ и вдаваться въ тогдашній явобинскій оптимизмъ.

«Любезные земляки, — восклицаетъ онъ, — я не желаю бы увеличивать тревогу; но мнѣ невозможно скрыть отъ васъ: отечество въ опасности! Его можно спасти лишь доброй волей, добросовѣстностью всѣхъ и каждаго. Его можно спасти лишь коренной реформой нашихъ экономическихъ учрежденій. А эта реформа предполагаетъ справедливую оцѣнку всѣхъ интересовъ, она не исключаетъ ничьей жертвы: борьба за (или для) васъ — это смерть». Письмо кончается цѣлымъ рядомъ обвиненій, направленныхъ противъ временнаго правительства. Прудонъ обвиняетъ его въ томъ, что оно поселило раздоръ между рабочими и буржуазіей, тратитъ суммы на такую затѣю, какъ «національ-

ныя мастерскія», и въ томъ, что оно преступило предѣлы своей власти, настряпавъ различныхъ законовъ; но ниспроверженія временнаго правительства Прудонъ все-таки не желаетъ.

«Соціальный вопросъ, — взываетъ онъ, въ видѣ заключенія, въ своимъ землякамъ,—поставленъ; вы отъ него не уйдете. Работайте, протяните руку вашимъ патронамъ; а вы, патроны, не оттапливайте тѣхъ, кто были вашими рабочими».

Вслѣдъ за этимъ кандидатскимъ посланіемъ идетъ письмо отъ 8-го апрѣля, къ «гражданину Луи-Блану, секретарю временнаго правительства», хотя Прудонъ жестоко нападалъ всегда на устроителя «національныхъ мастерскихъ»; но онъ все-таки нашелъ нужнымъ послать ему экземпляръ перваго выпуска своей книги: «*Solution du problème social*», вмѣстѣ съ *Specimen'омъ* этюда о кредитѣ и обращеніи. Прудонъ сразу заявляетъ, что въ обѣихъ вещахъ есть немало неприятнаго для временнаго правительства и лично для Луи-Блана, въ чемъ онъ и извиняется, давая искреннія объясненія. Онъ имѣлъ право судить о поведеніи правительства; а оно надѣлало, по его мнѣнію, разныхъ ошибокъ; только его сужденія вышли, по обыкновенію, чрезчуръ рѣзки. «Несчастье мое,—поясняетъ онъ,—состоитъ въ томъ, что страсти мои смѣшиваются съ моими идеями; тотъ свѣтъ, который освѣщаетъ другихъ, меня сожигаетъ. Когда я критикую какую-нибудь теорію, невольно предполагая, что авторъ похожъ на меня, я разсуждаю такъ, какъ будто бы въ немъ — воля и пониманіе — вещи тождественныя. А когда я самъ ошибаюсь, мнѣ дѣлается совѣстно, и я обвиняю себя точно въ преступленіи. Мнѣ невозможно измѣнить это несчастное расположеніе ума». А въ Луи-Бланѣ онъ видитъ совершенно противное свойство, и думаетъ, что изъ нихъ двоихъ вышелъ бы «полный человѣкъ». У Прудона, по собственному сознанію, страсти исходятъ изъ головы, а у Луи-Блана изъ сердца. Поэтому, онъ предлагаетъ Луи-Блану союзъ противъ ихъ общаго врага — *буржуазіи съ капиталомъ*, чтобы хорошенько послужить республикѣ. Въ своемъ примирительномъ обращеніи Прудонъ идетъ такъ далеко, что говорить слѣдующее о «національныхъ мастерскихъ»:

«Вашъ проектъ—организовать національныя мастерскія, заключаетъ въ себѣ одну вѣрную мысль, которую я одобряю, несмотря на мои нападки.

«Мысль эта вамъ самимъ ясна; но, кажется, вы ее считаете второстепенною, тогда какъ по-моему она — все: я хочу сказать, что подъ именемъ національныхъ мастерскихъ вы разумѣете *мастерскія основнаго характера, мастерскія-принципы*, если я

могу такъ выразиться, ибо всѣ мастерскія — національныя, хотя онѣ и остаются, да и должны всегда остаться свободными.

«Васъ наполняетъ необходимость осуществить принципъ, дать плоть и видъ новому праву, новому учрежденію, потому предоставить его собственному развитію силу идеи, энергіей принципа.

«Хотите ли вы, гражданинъ, взять на себя хлопоты передъ временнымъ правительствомъ о разсмотрѣніи и, если состоится принятіе моего проекта, организаціи кредита? Я же, за это, возьмусь за организацію вашихъ мастерскихъ.

«Мой проектъ *мысового банка*, составляющій существенную часть моего *Specimen'a*—столько же моя идея, сколько и ваша. Ее-то вы искали и, быть можетъ, остановились на ней, въ вашихъ этюдахъ о системѣ Лоу; ее имѣли въ виду всѣ экономисты. *Мысовой банкъ*, посредствомъ обобщеннаго полномочія (*par la généralisation du mandat*), представляетъ собою великую пружину организаціи труда.

«Если вы найдете, по прочтеніи, что я ошибся, мнѣ остается—опустить глаза; я отказываюсь отъ занятій экономическими вопросами.

«Въ противномъ же случаѣ, возьмите мою идею подъ свое покровительство, и уступите мнѣ вашу идею; позвольте мнѣ вамъ сказать, гражданинъ, устройство національныхъ мастерскихъ — дѣло, выходящее изъ круга вашей дѣятельности, — не потому, чтобы вы не были на него способны, но ваше положеніе запрещаетъ вамъ это.

«Вы—членъ правительства; вы представляете собою не какую-либо партію, но совокупные интересы общества. Вы болѣе не членъ *Реформы*, ни авторъ книги: «*Организація труда*»; и всякій починъ, окрашенный въ тенденцію, противную какому-либо классу общества,—вамъ запрещенъ. Вы настолько же принадлежите буржуазіи, какъ и пролетаріату. Покровительствуйте эмансипаціи рабочихъ классовъ, поощряйте ее; научите рабочихъ тому, что имъ слѣдуетъ дѣлать; но сами не вмѣшивайтесь, не компрометируйте вашу отвѣтственность. Вы—государственный человѣкъ, вы представитель прошлаго и будущаго».

Въ обмѣнъ за услугу, о которой Прудонъ проситъ, онъ предлагаетъ Луи-Блану заняться разработкой матеріаловъ, собранныхъ люксембургской комиссіей по рабочему вопросу, и написать проектъ тѣхъ новыхъ соціальныхъ формъ, какія слѣдуетъ создать въ средѣ рабочихъ. Кончая, Прудонъ говоритъ, что письмо его написано имъ подъ преобладающимъ вліяніемъ

чувства (*sensibilité*), восстанавливающего въ немъ душевную гармонию. И въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ слышится нѣкоторое возбужденіе и какая-то особая мягкость. Онъ, конечно, просить не за себя, но онъ, во всякомъ случаѣ, *проситъ*; а не будь у него такого серьезнаго мотива, онъ не сталъ-бы просительно предлагать обмѣнъ услугъ человѣку, какъ Луи-Бланъ, къ которому онъ никогда не чувствовалъ ни теоретической, ни человѣчной симпатіи.

На другой же день, 9-го апрѣля, онъ отправляетъ большое письмо къ Морису и спрашиваетъ его вначалѣ: получилъ-ли онъ его финансовый проектъ? Я отложилъ къ сторонѣ,—поясняетъ Прудонъ,—всѣ соображенія по философіи, политикѣ и праву, чтобы поставить на видъ одну экономическую комбинацію. Этого не поймутъ, а еслибъ и поняли, то оно мало придется по вкусу. Всѣ мечтали о счастіи безъ труда, а я начинаю возгласомъ: надо работать!..

«Постоянно работать! Работать все больше и больше! Ибо уменьшить для всѣхъ задѣльную плату пропорціонально, значитъ: увеличить для всѣхъ же количество труда. Какъ я ни толкую, что, увеличивая на половину труды, каждый изъ насъ будетъ вдвое болѣе тратить, среднимъ числомъ, и что бѣднымъ придется лучше богатыхъ,—хотятъ имѣть избытокъ богатства, но безъ труда!..

«Не знаю: хорошо ли будутъ приняты мои идеи—такія простые и разительныя—которыя я разовью въ менѣ сухой формѣ. Одно могу сказать: чрезъ все это нужно будетъ пройти, или иначе—настанетъ избытокъ нищеты и безпорядка».

Этого предисловія достаточно, чтобы сообразить, въ какомъ тонѣ будетъ Прудонъ говорить о временномъ правительствѣ. Съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше раздражается противъ якобинцевъ; но его здравый смыслъ не терпитъ безпредметныхъ криковъ и возгласовъ. Онъ любитъ формулировать свои нападки ясно и точно. Такъ и въ этомъ письмѣ мы находимъ фактическую филиппику.

«Комедія—въ полномъ разгарѣ: она тѣмъ лучше разыгрывается, чѣмъ убѣжденнѣе актеры, смотрящіе на себя совершенно серьезно. По болѣе части это—хорошій народъ; но такого невѣжества и такой умственной узкости, что я просто въ отчаяніи! Ни въ правительствѣ, ни среди клубистовъ нѣтъ ни единаго человѣка, кто бы понималъ эпоху, революцію, вопросъ и положеніе дѣлъ. Модная литература, болтливая демократія, всевозможныя утопіи, всевозможныя мечты—находятся во власти. Они не ви-

дять, несчастные, слѣдующихъ простыхъ вещей: 1) что департаменты, если правительство не измѣнится, откажутся платить подати; 2) что армія, уже находящаяся въ разстройствѣ, будетъ бессильна противъ народа; 3) что новобранцы не пойдутъ на службу; 4) что остановка въ дѣлахъ вызоветъ голодъ въ Парижѣ; 5) что у правительства нѣтъ ничего, изъ чего-бы оно могло извлечь деньги; 6) что всѣ, даже богатые люди, живутъ въ кредитъ, и потому реквизиціи, прогрессивные налоги и всякая другая дрянь—ничего не дадутъ.

«Временное правительство идетъ на всѣхъ парусахъ; оно опредѣлило штрафъ въ 50 франковъ за первый разъ, и въ 100 франковъ за второй—противъ хозяевъ мастерскихъ, которые будутъ заставлять работать болѣе десяти часовъ; оно платитъ 1 фр. 50 с. и 2 фр. въ день цѣлой массѣ тунеядцевъ, дѣлающихъ видъ, что копаютъ вдоль дорогъ, а вечеромъ присутствующихъ въ клубахъ, гдѣ они поддерживаютъ революціонныя предложенія. Декреты изготавливаются, отменяются, измѣняются; въ нихъ есть доводы, достойные господина де-ла Палисса (т.-е. комическія общія мѣста); все, что дѣлается—выходки, которыя поведутъ къ какой-нибудь катастрофѣ.

«Никогда еще подобный вихрь не охватывалъ какую-либо страну».

О своей кандидатурѣ Прудонъ говоритъ Морису съ совершеннымъ равнодушіемъ, почти съ презрѣніемъ. Кандидатовъ явилось такъ много, что ему просто тошно становится. Въ такомъ же духѣ пишетъ онъ и Пильсу, демократу, о которомъ еще будетъ рѣчь въ его слѣдующей корреспонденціи. Въ письмѣ—отъ 13-го апрѣля, послѣ характеристики партіи журнала *National* и яacobинцевъ съ Ледрю-Ролленомъ и Барбесомъ во главѣ, онъ переходитъ къ «сектѣ коммунистовъ», т.-е. къ Луи-Блану. Еще недѣли не прошло съ того письма, которое мы привели выше, но Прудонъ не чувствуетъ, вѣроятно, возможности мѣнять свои взгляды на этого вожака тогдашнихъ «утопистовъ», какъ онъ называетъ всѣхъ творцовъ апіорическихкихъ социальнихъ доктринъ.

«Въ Л.-Бланѣ одною — все почти зло,—не обинуясь говорить онъ.—Л.-Бланъ стбитъ Франціи, каждый день, 100 милліоновъ. Его планы ведутъ ее силою къ коммунизму; а такъ какъ Франція не коммунистка, то и выходитъ остановка въ работѣ, торговлѣ, дѣлахъ; мы гаемъ, мы тощаемъ, не двигаясь съ мѣста, какъ кусокъ льду на солнцѣ. Здѣсь, всѣ почти осбистываютъ и срываютъ этихъ кретиновъ, которые увѣряютъ насъ, что готовы

жертвовать своими головами; но какой республикѣ прозь въ ихъ головахъ?!»

Покончивъ характеристику партій и направленій, Прудонъ извѣщаетъ о появленіи въ свѣтъ своего проекта организаціи труда. Журналы отнеслись къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Одинъ только Эмиль де-Жиранденъ, редакторъ тогдашней «*Presse*», обѣщалъ ему перепечатать проектъ цѣликомъ. За мѣчательно сужденіе о немъ Прудона: «этотъ человекъ, котораго считаютъ глубоко-одареннымъ, способнымъ, умнымъ и т. д.— непонятое существо. Это—болѣзненная голова, безъ царя (*cerveau fêlé*), горячечный темпераментъ, малякъ, забіяка, болтунъ. Мнѣ занимательно было взглянуть на эту личность; никогда я съ нимъ не поссорюсь, потому что не буду смотрѣть на него серьезно».

Черезъ нѣсколько строкъ Прудонъ снова возвращается къ Луи-Блану и говоритъ: «Л.-Бланъ ненавидитъ меня (*me veut mal de mort*). Мои насмѣшки и критическія нападки взяли его за живое; негодованіе перешло въ комиссію, гдѣ онъ предсѣдательствуетъ, и рѣшено: — вычеркнуть мое имя изъ списка кандидатовъ».

Если оно было такъ, то Прудону слѣдовало пожалѣть о своемъ письмѣ отъ 8-го апрѣля къ «гражданину» Луи-Блану, тѣмъ болѣе, что оно было написано не въ насмѣшку, не въ видѣ мистификаціи, а вполне искренно, даже съ особымъ колоритомъ задушевности, о которомъ онъ самъ упомянулъ. Такихъ промаховъ приходится немало на всю его жизнь: они происходили не отъ легкомыслія, и не изъ тщеславія, а отъ желанія что-нибудь сдѣлать для разрѣшенія экономической неурядицы и отъ слишкомъ дѣлового отношенія къ вопросамъ, предполагающаго и въ другихъ такую же прямоту и простоту.

Какъ мы видѣли, Прудонъ жаловался на то, что журналы умышленно умалчиваютъ объ его этюдахъ и проектахъ. Но вотъ въ «*Débats*» уже и тогда очень извѣстный политико-экономъ, Мишель Шевалье, въ статьѣ объ организаціи труда, цитировалъ Прудона вмѣстѣ съ нѣкимъ Пекёромъ, какъ главу особой секты коммунистовъ, которыхъ онъ называетъ *коммунистами равенства и продолжателями Бабефа*. Прудонъ, разумѣется, возмутился и пишетъ Мишелю Шевалье, видя, что ученый профессоръ приравнялъ его къ Луи-Блану и объявилъ, что его *система* такъ же бессильна и бесплодна, какъ и Луи-Блановская «*Organisation du travail*».

Письмо писано 14-го апрѣля. Оно замѣчательно, какъ экономическое «исповѣданіе вѣры» и доказываетъ, что даже при

жизни Прудона, въ самый разгаръ его дѣятельности, случались такіе примѣры непониманія и ложныхъ «вличень», и *въ какомъ мірѣ?*—Въ мірѣ ученыхъ профессоровъ политической экономіи. Удивительно ли, послѣ того, что Прудонъ и по-днесъ, въ глазахъ многихъ, грубый и закоренѣлый коммунистъ.

«Выходитъ (лишетъ онъ Шевалье, изложивъ мотивъ своего обращенія), что я, который опровергъ коммунизмъ такъ, что избавилъ отъ этого труда кого бы то ни было въ будущемъ, я очутился вдругъ въ рядахъ коммунистической проскрипціи.

«Я, идеи котораго не имѣютъ ничего общаго съ идеями г. Луи-Блана; я, не бывавшій ни разу въ Люксембургѣ,—я похороненъ вами въ одной ямѣ съ г. Луи-Бланомъ!

«Навонецъ я, не напечатавшій по сіе время ничего, кромѣ критикъ (критика политической экономіи, критика социализма, коммунизма, фурьеризма, сенъ-симонизма; критика монархіи, демократіи, собственности и проч. и проч.), я слышу какъ провозносятъ приговоръ надъ моей *системой*, а эта система никогда и не нарождалась.

«Третьяго дня, «*Constitutionnel*» цитировалъ меня, какъ коммуниста; на-дняхъ «*Revue des Deux Mondes*» представляла меня читателямъ тоже, какъ коммуниста; *естъ*, кромѣ тѣхъ, кто меня читаетъ, думаютъ, что я — коммунистъ, и всякій непременно тотчасъ же объявитъ мою *систему* ложною, невыполнимою, противною свободѣ, пагубною для общества, для семейства, и разнымъ другія, болѣе или менѣе нелюбезныя опредѣленія.

«Я оставлялъ безъ вниманія всѣ эти пошлости, боясь, что мои возраженія будутъ приняты за рекламы, и если, въ настоящую минуту, я рѣшился обратиться къ вамъ, то потому, что считаю дѣломъ общаго интереса нарушить мое молчаніе. Было бы слишкомъ удобно отвѣчать: что критическія нападки, дѣлаемые вотъ уже двадцать лѣтъ на социальныя учрежденія—не что иное, какъ *коммунизмъ*; и враги февральской революціи слишкомъ бы скоро покончили съ пролетаріатомъ.

«Оставьте же, пожалуйста, г. Луи-Блана и его утопію. Г. Луи-Бланъ вовсе не олицетвореніе новой социальной системы. Вотъ какъ, для каждаго добросовѣстнаго писателя, долженъ быть поставленъ вопросъ».

«Народъ, сдѣлавшій февральскую революцію—ни сенъ-симонистъ, ни фурьеристъ, ни коммунистъ, ни бабувистъ; онъ даже ни яacobинецъ, ни жирондистъ».

«Но народъ прекрасно понялъ вотъ эти двѣ вещи: во-первыхъ, что политика ровно ничего не значить; во-вторыхъ, что

политическая экономія, въ такомъ видѣ, какъ ей учили: гг. Сэй, Росси, Бланки, Воловскій, Шевалье и проч., въ сущности—экономія собственнивовъ; а примѣненіе ея къ обществу—роковымъ органическимъ путемъ рождаетъ нищету.

«Мнѣ кажется, что я больше всѣхъ способствовалъ установленію этого мнѣнія. То, что экономически вѣрно относительно частнаго лица, ложно, какъ только пожелаютъ распространить это на все общество; это положеніе заключаетъ въ себѣ всѣ мои критическіе этюды. Такимъ образомъ, наприимѣръ, *чистый и валовой* продуктъ, различные для индустриіи, для народа—тождественны; пониженіе задѣльной платы—объединеніе для рабочаго, если оно его касается, но оно же дѣлается увеличеніемъ богатства, когда примѣняется во всѣмъ; а съ точки зрѣнія коллективной—то же выходитъ со всѣми теоремами старой политической экономіи, которая, повторяю еще разъ, есть *не что иное, какъ домашняя экономія*. Но чего требуетъ теперь народъ? Народъ требуетъ, и этотъ-то вопросъ онъ и поставилъ 24-го февраля, чтобы, — не касаясь личной свободы, подъ какии-бы лицомъ она себя ни проявляла,—передѣляли политическую экономію (публичную или социальную, какъ вамъ угодно) на такую, которая не представляла бы собою лжи; ибо это значитъ: лгать предъ народомъ и справедливостью—объяснять обществу навыки (*pratiques*) эгоизма. Факты на лицо для доказательствъ.

«Что-же дѣлаютъ социалисты для удовлетворенія такого желанія народа?

«По такой же ошибкѣ, какъ и экономисты, они хотятъ на все общество распространить принципъ братства, существующій въ семействѣ, и принципъ солидарности, составляющій основу гражданскихъ и торговыхъ обществъ, опредѣляемыхъ закономъ. Отсюда фаланстерьянская утопія и столько другихъ, не менѣе вамъ извѣстныхъ, чѣмъ мнѣ.

«Между тѣмъ, братство и солидарность въ социальномъ тѣлѣ такъ же непохожи на домашнее братство и солидарность коллективныхъ обществъ, какъ законы кредита, производства и обращенія, съ точки зрѣнія народа, непохожи на правила частнаго кредита, частнаго производства и потребления.

«Я развилъ въ сочиненіи, появившемся восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, это основное различіе. Еслибы экономистамъ угодно было взять въ соображеніе мои замѣчанія, они бы могли предупредить февральскія событія, и социальная революція совершилась бы безъ катастрофы. И еслибы социализмъ, въ частности же г. Луи-Бланъ, были способны принять добрый совѣтъ,

который я противопоставлялъ ихъ мечтаніямъ, мы бы не имѣли теперь печальнаго зрѣлища, доставляемаго намъ Люксанбургомъ. Но, относясь ко всѣмъ критически, я долженъ былъ ожидать того, что меня никто не станетъ слушать; поэтому-то я и требую одного: чтобы на меня, по крайней мѣрѣ, не клеветали! По-моему выходить, стало быть, что экономисты и социалисты преслѣдуютъ одинаковымъ образомъ недостижимую цѣль: первые примѣняя къ обществу правила частной экономіи; вторые—примѣняя къ нему частное братство. Все это прежній и всегдашній индивидуализмъ, субъективность, противорѣчіе.

«Вотъ что я не перестаю говорить въ теченіи восьми лѣтъ. Вообще же я былъ скупъ на утвержденія (affirmations), я не обнародовалъ никакой системы, и никто не выправѣ говорить, что я способенъ или нѣтъ—излечить нищету.

«Желая однако дать понятіе о томъ, чѣмъ должно быть, по моему мнѣнію, разрѣшеніе социальной задачи, я напечаталъ проектъ организаціи обращенія и кредита, который и позволяю себѣ доставить вамъ.

«Или я очень ошибаюсь, или вы не найдете въ немъ и тѣни коммунизма, или бабувизма; но увидите политическую экономію, построенную на иныхъ основахъ, чѣмъ принципы Ж. Б. Сэя и Рикардо.

«Такъ какъ и по вашему выходитъ, государь мой, что наступилъ день обсужденія всякихъ системъ, вы меня премного обяжете и поступите справедливо, разобравъ образчикъ моей системы. Народъ слишкомъ далеко зашелъ, чтобы пятиться назадъ; абсолютно надо установить одинъ изъ новыхъ принциповъ: право капиталиста и рабочихъ; надо, словомъ, чтобы социальный вопросъ былъ исчерпанъ. Если же этого не будетъ — ожидайте всѣхъ ужасовъ гражданской войны, всѣхъ жалкихъ выходовъ аграрнаго переворота».

Письмо это, изъ котораго мы вывели нѣсколько незначительныхъ фразъ конца, стоило бы вдѣлать въ рамку и ставить въ видѣ зеркала при всѣхъ преніяхъ о существѣ и средствахъ социальныхъ реформъ. Не одинъ здравый смыслъ видѣнъ въ словахъ Прудона. Различіе, противоположность, какія онъ указываетъ между домашними, частными свойствами и коллективными сторонами человеческой жизни—глубокая, научно-вѣрная и плодотворная мысль. До тѣхъ поръ, пока научно не будетъ установлено, что *частныя* свойства человѣка нельзя обобщать и, на основаніи ихъ, строить апріорныя теоріи социального прогресса, какъ бы эти обобщенія ни были радужны, до тѣхъ поръ всевоз-

можныя дикости будутъ находить послѣдователей, а люди съ любовью къ ближнему и съ дарованіемъ предаваться искренно своимъ выдумкамъ или поспѣшнымъ выводамъ. На пути расчлененія социальна-коллективныхъ и частныхъ общественныхъ явленій Прудонъ стоитъ впереди всѣхъ своихъ современниковъ, и его доводы остаются до сихъ поръ разительны вѣрными!

Х.

Въ промежутокъ между письмами къ Луи-Блану и Мишелю Шевалье, и пріятельскими сообщеніями Прудона доктору Магё, былъ основанъ журналъ «*Le Peuple*», о которомъ Прудонъ пишетъ отъ 3-го мая, что журналъ пошелъ бойко, а отъ 18-го успокоиваетъ Магё на счетъ финансоваго положенія журнала, приводя тотъ фактъ, что въ кассѣ находится 25,000 франковъ. Магё, судя по послѣднему письму Прудона, великодушно предлагалъ свою денежную помощь. А конфискаціи номеровъ начались съ первыхъ же недѣль существованія журнала.

«Что же касается политики,—разсказываетъ Прудонъ своему пріятелю,—вы можете судить по отчету о засѣданіи національнаго собранія, отъ 28-го текущаго мѣсяца, и по тому, что вамъ говорить журналы про агитаціи въ клубахъ,—какъ я добѣжаю правительству моимъ законнымъ сопротивленіемъ и моимъ республиканскимъ правомъ, принципы котораго я, въ отдѣльности, развиваю отъ времени до времени.

«Словомъ, консерваторы всякихъ оттѣнковъ мало-по-малу дошли до заявленія, что они хотятъ республики, если угодно, *честной*, но все-таки республики. У меня остается еще хвостъ монтаньяровъ (крайняя лѣвая), социалистическихъ клубистовъ и проч., не стоящій четырехъ су; а мое возрастающее вліяніе ужасно ихъ раззадориваетъ. Вотъ какова будетъ, приблизительно, моя тактика.

«Вы уже знаете, что я хотѣлъ, прежде чѣмъ приму участіе въ свалкѣ (*avant de descendre dans la rue*), скомпрометтировать вожаковъ. Это пришлось не по вкусу, такъ что я, въ свою очередь, хочу оставить совсѣмъ заговорщиковъ и революціонныхъ дѣлъ мастеровъ и показать всю ихъ механику (*la ficelle*) народу, который все прекрасно понимаетъ.

«Послѣ того «*Peuple*» будетъ дѣлать замѣчанія, предостереженія, будетъ судить, смѣяться, отдѣлывать монтаньяровъ и социалистовъ, когда они пойдутъ по еривой дорогѣ».

Письмо это не помѣчено Парижемъ, и Прудонъ говорить въ концѣ его, что проѣхался по всей Бельгii, боясь гдѣ-либо останавливаться, такъ какъ преслѣдованіе и поиски полиціи уже начались. Онъ прибѣгаетъ въ разнымъ хитростямъ для обозначенія простого адреса, боясь конечно, что письмо будетъ перехвачено. Неудивительно, что вкушая, на первыхъ же порахъ, сладости февральской республики, онъ восклицаетъ въ послѣднихъ строкахъ того же письма: «республика — проститутка, не стоящая того, чтобы я пожертвовалъ ей собою вполнѣ».

Черезъ десять-двѣнадцать дней, онъ пишетъ какому-то товарищу-земляку, Абраму, званіемъ нотариусу, изъ Парижа, отъ 31-го мая, и излагаетъ ему цѣлое *profession de foi*, которое тотъ вытребовалъ отъ него, предлагая ему не менѣе трехсотъ избирателей. Вся эта программа стѣбитъ сообщенія—цѣлкомъ, хотя въ ней и нѣтъ ничего такого, чего нельзя бы было ожидать отъ Прудона на основаніи всего предыдущаго.

«Прочитывая безчисленные циркуляры; видя, съ какою легкостью люди самые умные компрометируютъ себя, даже не подозрѣвая этого, своими парламентскими глупостями; перебирая, наконецъ, въ головѣ—опасность подобнаго испытанія, признаю тебѣ откровенно, мнѣ пріятнѣе было бы, въ интересахъ своей репутаціи, совсѣмъ не высказываться.

«Но слѣдуетъ все-таки отвѣтить на твое письмо: оно такъ категорично и требовательно, что, читая его, я думалъ, что держу въ рукахъ судебную повѣстку. Какъ ты себя ни облекаешь въ равенство и братство, я сейчасъ же распозналъ чловѣка формы (*l'homme du protocole*). Если ты этого хочешь, скажу тебѣ по-просту и въ самомъ понятномъ изложеніи: чтѣ я такое, и чтѣо я хочу. Ты можешь, если желаешь, сдѣлать изъ моей немного гальской (*gauloise*) деклараціи эстра-судебный актъ.

«Фамилія моя горскаго происхожденія, извѣстна своимъ благочестіемъ, гражданской доблестью, уваженіемъ къ традиціямъ Франшконтѣ; все это вещи, которыя привлекутъ въ моей кандидатурѣ сочувствіе жителей кантона Мартѣ.

«Мое политическое прошедшее извѣстно, и ты можешь его засвидѣтельствовать. Я республиканецъ не вчерашняго дня, а позавчерашняго (*de l'avant veille*); мои мнѣнія сложились уже, если не ошибаюсь, въ 1827 или 1828 году, когда никто еще не зналъ, чтѣ такое *марсельеза*. Въ этомъ отношеніи я представляю собою всѣ желаемыя гарантіи вѣрности республикѣ.

«Но я долженъ добавить, что съ 1827 идеи мои немного измѣнились, въ томъ смыслѣ, что я ни жирондистъ, ни мон-

таньярь, ни даже бабуистъ; умъ мой шель въ уровень съ вѣкомъ. Поэтому, я считаю конституцію 1793 г. совершенно такъ же лишенной значенія, какъ и хартію 1830, и если я не одобряю политики временного правительства, то потому именно, что оно дало намъ повтореніе 92 г., не понимая того, что мы живемъ въ 1848 г. Стало быть, еслибъ я былъ членомъ національнаго собранія, я потребовалъ бы отчета у временного правительства, когда оно явится читать намъ свою тронную рѣчь, въ томъ духомъ революціонномъ духѣ, каковой заключается во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и которому я приписываю три-четверти теперешняго всеобщаго недомогательства.

«Что же до моихъ социальныхъ идей — это пунктъ самый щекотливый. Конечно, не преминуть рассказать простодушнымъ горцамъ, что я написалъ ужасные слова: *собственность—кража*. Отсюда будутъ заключать, что я хочу общности состояній, женъ, дѣтей, не знаю еще чего: быть можетъ общности ногъ и рукъ!

«Ты смѣло и громко говори, что я не желаю вовсе, чтобы кого бы то ни было разводили; напротивъ, я желаю, чтобы всѣ тѣ, кто взялъ себѣ жену, держались своихъ женъ; я недостаточно филантропъ, чтобы раздѣлять то, что соединила любовь. Вообще же, я такъ мало коммунистъ, что меня, какъ противника общности, икарійцы вычеркнули изъ списка ихъ кандидатовъ.

«Мое знаменитое опредѣленіе: *собственность—кража*, есть вопросъ умозрительной экономіи, подлежащій преніямъ между комиссаромъ временного правительства, г. Древономъ, и мною, и мало не касающійся дѣловой практики, т.-е. единственнаго предмета, интересующаго нашихъ согражданъ. Когда я говорю, что *собственность—кража*, я разумѣю, напр., что крестьяне вообще очень мало зажиточны, что они не ѣдятъ достаточно мяса, не пьютъ довольно вина, что ихъ хлѣбъ слишкомъ смѣшанъ съ ячменемъ, овсомъ и другими крахмалистыми веществами, что они слишкомъ дорого платятъ за соль; словомъ, что черезъ ихъ руки не проходитъ достаточно денегъ. Для нихъ звонкая монета такъ же рѣдка, какъ въ Парижѣ вотъ уже съ мѣсяць; все это—безпорядокъ, который я разсчитываю устранить.

«Я не стану напирать на мою религіозную вѣру. Когда мнѣ ничего не говорятъ—я пожалуй всему вѣрю (j'ai la religion de charbonnier). Но какъ только хотятъ меня заставить вѣрить, умъ мой сейчасъ же становится на дыбы; въ моей натурѣ лежитъ всегдашнее противорѣчіе авторитету. Я вообще очень уважаю духовныхъ, какъ и всѣхъ исполнителей публичныхъ должностей

но я всегда возмущался противъ церкви, не менѣе чѣмъ противъ правительства.

«Я желаю, чтобы государство платило священникамъ до тѣхъ поръ, пока религія составляетъ одинъ изъ принциповъ общества; но я не хочу, чтобы заработная плата, даваемая государствомъ, дѣлалась для религіи средствомъ въ существованію, ибо она превращалась бы сама въ паразитный продуктъ, она перестала бы быть принципомъ. Вотъ почему я потребую въ національномъ собраніи, чтобы каждый священникъ, который будетъ засматриваться на женщинъ во время обѣдни, былъ лишенъ своего званія и сдѣланъ женатымъ».

Все это правдиво и вытекаетъ изъ прошедшей жизни Прудона; только фразу насчетъ возмущенія противъ правительства должно принимать не въ смыслъ яеобинскаго доктринаризма, а въ смыслъ дѣлового социальнаго протеста во имя общественной гармоніи и справедливости. Рѣзкій языкъ Прудона, и въ печати, и въ интимной перепискѣ, подавалъ непрерывные поводы къ недоразумѣніямъ, выдумкамъ и даже просто бессмысленному вранью на его счетъ. Что же мудренаго, что и въ республиканскомъ Парижѣ 1848 года на него смотрѣли, какъ на какое-то *чудище*, о чемъ онъ и пишетъ отъ 17-го іюня Югену, кончая свое письмо: «я здѣсь — предметъ страннаго любопытства. Почти удивляются тому, что у меня нѣтъ ни рога, ни когтей. Ужасъ, внушаемый мною (т.-е. его именемъ) въ нѣкоторыхъ департаментахъ — просто смѣшонъ»; точно также и Магэ пишетъ онъ отъ 28-го іюня, все изъ Парижа, что онъ: «для столькихъ — предметъ ужаса». И такъ противно ему все, что творится въ Парижѣ, и въ правительствѣ, и среди буржуазіи, и въ журналахъ, что у него вырывается фраза: «я тогда только утѣшусь, когда народъ всѣхъ насъ выгонитъ пинками». Эти слова вызваны іюльскими событіями, въ которыхъ Прудонъ не принималъ участія, какъ отертый врагъ правительства; но въ качествѣ депутата онъ «постоянно ходилъ по театру битвы», и нѣсколько разъ, когда онъ, для пропуска, называлъ свое имя національнымъ гвардейцамъ, онъ видѣлъ, какъ они «блѣднѣли и пятились на четыре шага назадъ». Формально онъ остался на сторонѣ собранія; да онъ, и не будучи депутатомъ, не сталъ бы драться, не считая такого исхода разумнымъ. Но это не мѣшаетъ ему въ письмѣ къ Магэ рассуждать съ полной безпощадностью мыслящаго социалиста.

«Увѣраю васъ, что это осталось до другого раза (онъ говорить такъ, сообщивъ выше, что возмущеніе подавлено); половина, если не три-четверти населенія Парижа, — поколеблено; я это самъ

видѣль; если они не принимали участія въ возстаніи, причиною была внезапность (*spontanéité*) движенія и неточность мотива. Красное знамя, черное знамя, бѣлое знамя, трехцвѣтное знамя, социалисты, бонапартисты, англичане, русскіе, каторжники: словомъ, невозможный маседуанъ.

«Злосчастный парижскій буржуа — выбился изъ силъ. Онъ требуетъ также громко, какъ и рабочій, труда, кредита и хлѣба. И будьте благонадежны, не собраніе дастъ ему все это. Черезъ двѣ недѣли мы попадемъ на самое дно бездны; обыкновенными путями нельзя направить дѣловой міръ. Второй взрывъ, но уже рѣшительный — неизбеженъ.

«Национальное собраніе представляетъ собою жалчайшее зрѣлище по своей нерѣшительности и глупости. Это — торгошаи (евангельскаго) храма, ажіотирующие на республику. (Тутъ вставлена фраза, уже цитированная нами). П. Леру провалился, какъ и Л.-Бланъ. Только я еще ничего не говорилъ; но я буду говорить объ однихъ лишь положительныхъ вопросахъ. Я буду ясенъ и категориченъ, я поставлю *casus belli*. Надѣюсь, что всѣ распознаютъ, по первой моей рѣчи, въ какомъ мы положеніи». Брату своему Шарлю онъ пишетъ отъ 6-го іюля маленькое письмоцо, гдѣ стоятъ слѣдующія строки, показывающія, что Прудонъ, не желая служить «и нашимъ, и вашимъ», умѣлъ однако сохранять особаго рода объективизмъ въ минуты политическихъ катастрофъ: «вопреки всеобщей ненависти, — пишетъ онъ, — обращенной на меня, у меня всегда есть какой-нибудь министръ, который, при случаѣ, можетъ помочь мнѣ».

Раздраженіе противъ національнаго собранія идетъ у Прудона crescendo. Въ письмѣ къ своему новому корреспонденту, Лангуа, тогда еще морскому офицеру, выразившему симпатію его личности и идеямъ, онъ сообщаетъ ему, что «въ эту минуту (письмо отъ 16-го іюля), поглощенъ *мизерабельными* законодательными занятіями». Въ письмѣ къ Потье, отъ 7-го августа, онъ называетъ національное собраніе «курятникомъ». Объ эту пору журналъ «Le Peuple» превратился уже въ «Représentant du Peuple». Преслѣдованія обрушились на него съ новою силою. Доктору Магэ пишетъ онъ отъ 16-го августа (письмо не помѣчено никакимъ городомъ):

«Я, какъ саламандра, живу въ огнѣ. Повинутый, преданный, изгнанный, ненавидимый всѣми, я борюсь со всѣмъ свѣтомъ и привожу въ разстройство реакцію и всѣхъ враговъ республики». Большія подробности содержатся въ письмѣ, отъ 24-го августа, къ Потье, гдѣ онъ начинаетъ тѣмъ, что проситъ у него

гостеприимства на нѣсколько дней въ Вилль-Эврарѣ, и продолжаетъ:

«Мой журналъ запрещенъ во второй разъ рѣшеніемъ совета министровъ. Примѣненіе закона показалось недостаточнымъ этимъ господамъ: имъ больше нравится осадное положеніе. Но когда это осадное положеніе кончится? Осмѣливаюсь отвѣтить: никогда! Нѣтъ, никогда осадное положеніе не кончится по волѣ правительства; кончится оно лишь по волѣ народа. Другими словами: Франція — подѣ режимомъ сабли до тѣхъ поръ, пока она не поступитъ подѣ режиму *республики, демократической и социальной*. Вотъ и устроивайтесь!

«Вникните въ наше положеніе. Я старался дать цѣль, имя, дѣло, реальность, сущность февральской революціи, провозглашая принципъ *безвозмездности кредита* и прогрессивнаго сокращенія всѣхъ рентъ и процентовъ, выполняемаго безъ насилія, безъ лишенія собственности и съ выгодой для всѣхъ. Вотъ на это-то и накидываются съ клеветой. Но *идея*, сѣмя — уже заброшены; *что бы ни токовали*, сѣмя выростетъ и покроетъ землю своими вѣтвями. Мнѣ остается поливать его и ждать.

«Мы находимся въ ужасной путаницѣ. Кромѣ меня, созвѣщающаго чего она стобѣтъ, ясно понимающаго положеніе, я не вижу ни одной интеллигенціи, которая бы не сбилась съ пути. Въ этой электрической грозѣ искра не замедлитъ вылетѣть; что же она произведетъ? Я въ безпокойствѣ и даже почти въ испугѣ. Всѣ виды реакцій: легитимистская, бонапартистская, орлеанистская поднимаютъ голову; партизаны трехъ претендентовъ составили коалицію, и я ни мало не сомнѣваюсь, что само правительство въ заговорѣ. Ждутъ только случая, чтобы снять маску; нуждаются въ какомъ-нибудь взрывѣ и ищутъ его. Народъ предупрежденъ и стоитъ на-сторожѣ, недвижно; а это выводитъ изъ себя интригановъ. Но такое положеніе слишкомъ двойственно, чтобы долго длиться; надо «всего ждать».

Кончая письмо, Прудонъ спрашиваетъ: можетъ ли онъ, въ случаѣ надобности, располагать квартирой Потье, въ Rue St. Dominique? Онъ серьезно боится ареста и замѣчаетъ: «вы видите, я беру предосторожности. Я еще не заговорщикъ; но я долженъ думать о своей безопасности, все равно, что заговорщикъ».

Послѣ травли, какову февральское правительство произвело съ журналомъ «*Représentant du Peuple*», Прудонъ со своими сотрудниками рѣшился появиться подѣ возобновленнымъ заглавіемъ: «*Peuple*», о чемъ онъ и сообщаетъ, отъ 2-го сентября,

Абраму, изъ самаго зданія палаты. Большой промежутокъ времени, вплоть до 18-го декабря, остался совсѣмъ безъ писемъ. Прудонъ былъ въ эти слѣдующе три мѣсяца поглощенъ работой журналиста и политической борьбой. Въ этотъ же промежутокъ случилась и дуэль Прудона съ Феликсомъ Пиа, о чемъ онъ говоритъ въ большомъ письмѣ къ Антуану Готье, помѣченномъ, какъ мы сказали, 18-мъ декабря:

«Ты правъ въ одномъ: я сдѣлалъ большую глупость, выйдя на дуэль. Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось, я собирался схватиться съ этимъ предрасудкомъ, какъ и со столькими другими. Я взялъ въ свидѣтели двухъ дуэлистовъ, двухъ экспертовъ, которые показали мнѣ, что я ровно ничего не смыслю. Мы выстрѣлили другъ въ друга, Пиа и я, какъ два звѣря, въ двадцати-пяти шагахъ. Я бы не прочь былъ получить пулю въ бедро или въ икру, чтобы отдохнуть недѣль шесть.

«Мнѣ показалось, что Пиа немногимъ больше смыслилъ, чѣмъ я; мы пожали другъ другу руку, чтобы не говорить потомъ другъ съ другомъ».

Свое политическо-соціальное «profession de foi» онъ опять высказываетъ съ обычною рѣзкостью и прямою:

«Конечно, въ февралѣ, я хотѣлъ, чтобы революція случилась по-позднѣе; и здѣсь ты найдешь людей, которые тебѣ перескажутъ, что я дѣлалъ для этого, что могъ. Но разъ дѣло завязалось, я не могъ не пользоваться случаемъ; я рассудилъ, что слѣдовало повалить сначала людей *National'a* и *Реформы*, а потомъ поставить социальный вопросъ нѣсколько послѣднѣе, чѣмъ Луи-Бланъ. Этимъ я и занимался съ первыхъ выборовъ до сей минуты».

Ему кажется, что его идеи усваиваются, и онъ такъ формулируетъ извѣстные ему факты:

«Идея уничтоженія денежнаго процента и всякаго рода ренты — въ настоящую минуту популярна; двадцать писателей пропагандируютъ мои идеи, и пропаганда дѣлаетъ ужасающіе шаги. Вскорѣ пять милліоновъ голосовъ, доставшихся Бонапарту, закричатъ: *долой капиталъ!*»

А нѣсколько дальше Прудонъ, какъ говорится, «безъ ложной скромности», заявляетъ: «безъ меня, безъ того, что я сдѣлалъ съ 23-го апрѣля по 1-е декабря, социальная революція была бы разрушена и погребена съ Луи-Бланомъ, Кабэ, Консидераномъ, Пьеромъ Леру и всѣми прочими. Ты думаешь — это мало: прогнать всю эту возню?»

О своемъ же матеріальномъ положеніи онъ прибавляетъ

ниже: «ты увидишь, что я выйду изъ національнаго собранія и изъ республики такимъ же, каковымъ я вошелъ въ нихъ, т.-е. бѣднымъ Іовомъ».

Еще одно письмо, отъ 26-го декабря, въ доктору Magé, заканчивается собою 1848 г. и въ нему же принадлежитъ, непомѣченное никакимъ числомъ, письмо въ г. Турнѣ. Въ немъ Прудонъ еще разъ сравниваетъ себя съ саламандрой, живущей въ огнѣ, и говоритъ, что со дня на день ждетъ своего сожженія. «Но если я упорствую,—поясняетъ онъ,—это потому, что я вижу тутъ большой социальный и философскій интересъ; а смѣлость и трескъ (éclat) были необходимы, чтобъ поставить передъ публикой вопросъ труда и полный пересмотръ нашихъ учреждений. Клеветы, оскорбленія, предательство нашихъ противниковъ, наконецъ преслѣдованія—навозъ, на которомъ выростетъ и поднимется новое зерно».

XI.

Не долго еще пришлось Прудону говорить и дѣйствовать на свободѣ. Уже въ первомъ письмѣ изъ 1849 года (всѣхъ писемъ приходится на этотъ годъ до тридцати), отъ 2 февраля, онъ извѣщаетъ доктора Magé, что въ полдень того же дня онъ долженъ явиться въ комиссію, назначенную отъ національнаго собранія для составленія доклада по вопросу о его преслѣдованіи. Какъ онъ самъ выражается, началось «его политическое единборство съ Бонапартомъ». Видя, какъ его почтенные собраты вообще ведутъ себя, онъ вправѣ вскричать: «то, что здѣсь происходитъ—верхъ мерзости, трусости и измѣны. А собраніе такъ слабо, такъ безопасно и такъ глупо, что можно отчаиваться не въ республикѣ, вступившей въ область чего-то рокового, но во всѣхъ насъ». Менѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, 15-го февраля, собраніе допустило судебную власть преслѣдовать Прудона, о чемъ онъ и даетъ знать Морису въ тотъ же самый день; но такой фактъ не мѣшаетъ ему предаваться усиленной работѣ, какъ редактору и основателю «Банка», которому тоже суждено было погибнуть. Онъ прекрасно сознаетъ опасность своего положенія, но навадь идти не хочетъ и не намѣренъ власть оружія:

«Вы видите, жизнь моя—борьба, ужасная борьба (une lutte atroce). Сегодня съ фурьеристами, вчера съ монтаньярами; въ другой разъ съ коммунистами, женщинами-соціалистами и проч. Постоянно—съ экономистами, роялистами, католиками. Я уже два или три раза терялъ популярность, и опять ее приобретаю, смотря по тому,

какъ обстоятельства подтверждали мои предвидѣнія и мою тактику. У меня есть до ста писемъ, гдѣ меня хотять разстрѣлять, вскрыть мнѣ животъ, отравить, повѣсить; а я все еще живъ. Движеніе въ мою пользу начинается въ Парижѣ захватывать и мелкую буржуазію, что и заставляетъ трепетать *Constitutionnel*. Журналъ мой имѣетъ 200,000 читателей, и съ того времени, какъ я примирился съ Горой, меня поддерживаютъ всѣ провинціальныя республиканскія журналы, что и связываетъ со мною, путемъ общности идей, болѣе милліона гражданъ. Карьера моя только лишь начинается, и повѣрьте, очень еще далеко до того, чтобы я, подобно столькимъ другимъ, былъ и въ социализмѣ челоуѣкомъ выдохшимся, повонченнымъ».

Какому-то А. М. F*** Прудонъ пишетъ, отъ 2-го марта, изъ національнаго собранія, что онъ — узникъ, рабъ, и просить придти къ нему обѣдать въ зданіе собранія, если желаетъ повидаться съ нимъ. Онъ охотно разсуждаетъ съ нимъ на тѣмъ тогдашняго политическаго положенія, отчасти оправдываясь, отчасти *демонстрируя* по своей привычѣ:

«Я не подстрекать февральской революціи; я желалъ медленнаго, мѣрнаго, рациональнаго, философскаго прогресса; событія, людская глупость, въ особенности глупость этихъ придирчивыхъ и крючкотворныхъ (*mitoyens*) буржуа, къ которымъ вы принадлежите, рѣшили по другому. Я далъ себѣ обѣщаніе, что, насколько она будетъ зависѣть отъ меня, февральская революція не будетъ бесплодной; я сказалъ себѣ, что надо въ одинъ годъ уйти столько, сколько уходятъ въ цѣлое столѣтіе, рискуя иначе сдѣлать глупость.

«Я думаю, что цѣль, предположенная мною, будетъ достигнута. Толкуйте, сколько хотите, что Франція не желаетъ знать красныхъ. Къ чему это приведетъ? Какъ будто тутъ дѣло въ *солъ* Франціи! Какъ будто, въ эту минуту, мы не находимся подъ властью *необходимости*.

«А эту необходимость нужно выдѣлать и показать, и этому-то и послужить прекрасно социалистская и демократическая агитация. Старый міръ падаетъ лохмотьями: со всей вашей философией и давнишней практикой вы его не оживите. Волей-неволей, вся Европа, вслѣдъ за Франціей, поплыла на социальной революціи, которая закрутитъ собою, пожалуй, и ея творцовъ, и ея противниковъ. Ни въ чьей власти не лежить воспрепятствовать этому; ядъ принять и поглотить социальнымъ тѣломъ; какъ бы больной ни корчился, надо ему обновить свое тѣло и выпустить всѣ кишки (*qu'il rende tripes et boyaux*)».

Отданный собраніемъ на растерзаніе судебной власти, т.-е. клеветамъ принца-президента, Прудонъ разсудилъ удалиться въ Бельгію, откуда и пишетъ Гильемену, отъ 8-го марта, изъ Брюсселя. Онъ обращается къ этому книгопродавцу по дѣлу о «*Народномъ банкѣ*», который только-что передъ тѣмъ былъ имъ пущенъ въ ходъ. Онъ защищаетъ это предпріятіе, тотъ духъ порядка, точности и безворыстія, каковой господствовалъ во всемъ его обиходѣ.

«То, что мы хотѣли совершить медленно, единственно посредствомъ инициативы гражданъ, посредствомъ импульса, даннаго пролетаріатомъ, противники наши хотятъ, чтобы мы сорвали однимъ разомъ, въ одинъ день, съ боя. Ихъ обезпечиваетъ свободный, законный, самобытный опытъ социализма; они хотятъ, чтобы социализмъ навязывалъ себя Франціи, Европѣ путемъ парламентскимъ и правительственнымъ! Пускай посчитаются съ нами».

Все изъ своего тайника, Прудонъ обращается, отъ 26-го апрѣля, и къ «гражданамъ-членамъ социально-демократическаго парижскаго комитета», назначившаго Прудона своимъ кандидатомъ. Онъ убѣждаетъ ихъ не вдаваться въ нетерпимость, принять въ среду свою всѣхъ, кто можетъ быть полезенъ демократическому движенію, даже послѣ іюньскихъ дней, вырванныхъ глубокою яму между пролетаріемъ и буржуа. Часть разсужденій и доводовъ Прудона—очень характерна.

«Удивляюсь я тому, что почтенные вожди социальной партіи, наговоривши такъ много объ амнистіи на трибунѣ, не явились сказать и вамъ: правительство отказываетъ намъ въ амнистіи? Хорошо же, даруемъ ее сами тѣмъ изъ нашихъ братьевъ, кто, въ минуту вихря, стали-было нашими врагами; не будемъ производить раскола въ республикѣ: производить въ ней расколъ, это значить—желать заново начинать нечестивую іюньскую распрю. Довольно этихъ ужасныхъ возмездій! Развѣ намъ мало легитимистовъ, имперіалистовъ, орлеанистовъ, чтобы такъ обдавать одни другихъ вартечью? Нужно ли намъ, среди нашей несчастной безурядицы, брать за образецъ и за законъ неумолимую политику, которая одна ее породила, а потомъ старалась постоянно, систематически, поддерживать? Неужели народъ и буржуазія до такой степени не понимаютъ другъ друга, что принимаютъ себя за враговъ, тогда какъ они представляютъ собою лишь двойную сторону одной и той же идеи.

«Буржуазія—я говорю, главнымъ образомъ, о средней—республиканскаго духа, и по натурѣ, и по темпераменту. Справь-

тесъ въ исторіи: вотъ уже четырнадцать вѣковъ, какъ она борется съ королевскою властью и готовится къ республикѣ, и, повѣрьте, не ея вина, если въ 89 году, думая, что нашла демократію, она попала въ руки доктринѣровъ англомановъ. Никогда, по собственному внушенію, французская буржуазія не подумала бы о теоріи конституціонныхъ качель (*de la bascule constitutionnelle*); путемъ своихъ муниципальных побѣдъ, она выработалась и созрѣла для республики. Пять разъ въ теченіи сорока лѣтъ, въ 90, 95, 99, 1814 и въ 1830-мъ г. Журденны революціи, бары-булавы, соединившись съ педантами доктрины, портили въ странѣ нашей это чисто національное учрежденіе—республику; они испортили ее и въ шестой разъ, въ 1849 г., если вы, по безпричинному упорству, откинете въ ихъ объятія республиканскую буржуазію.

«А народъ, за исключеніемъ рабочаго класса большихъ городовъ, не отличающагося отъ мелкой буржуазіи, естественно наклоненъ болѣе къ социализму, а потому самому менѣе рѣшителенъ въ своемъ республиканствѣ. Это можетъ, на первый взглядъ, показаться страннымъ. Фактъ, однако, вѣренъ. Для социалиста, болѣе занятаго осуществленіемъ матеріальнаго благосостоянія, чѣмъ неотложностью политическаго права, менѣе противна власть, чѣмъ республиканцу. Разспросите на бульварѣ перваго попавшагося каретнаго извозчика: онъ вамъ скажетъ, что если дѣла въ застоѣ — виноватъ не президентъ республики, а конституція. Точно такъ же разсуждаетъ крестьянинъ: по его сужденію, выходить, что нужны не демократы, вещь слишкомъ теоретическая, а господинъ, король, императоръ, для уменьшенія податей, уничтоженія ростовщичества и уравниенія состояній; то, чего городской республиканецъ ждетъ отъ науки и закона, утопистъ деревни ожидаетъ отъ щедрости государя.—Такъ же точно разсуждаютъ вѣдь и отцы социализма: Платонъ, Муръ, Сентъ-Симонъ, вплоть до автора *Икаріи*—все они взяли точкой отправленія монарха, диктатора или законодателя, котораго они облекали верховною властью, воображая, что достаточно абсолютнаго самодержавства, чтобъ сдѣлать все возможное добро. Деспотизмъ — не диктатура, это—крайняя ступень подавленія и мизеріи, это—смерть республикѣ.

«Республика — говорю съ точки зрѣнія философіи исторіи, не касаясь личностей—въ высокой степени буржуазна; социализмъ, монархія, утопія—въ высовой степени народны. Теперь же надо согласить оба термина, осуществить за-разъ и политическое и матеріальное равенство, а вы произвели бы расколъ въ респуб-

нѣтъ потому только, что часть республиканцевъ — буржуа: лучше же сразу объявить, что вы не желаете совсѣмъ республики. Но тогда скажите мнѣ, на какихъ основахъ укрѣпите вы социализмъ, въ ожиданіи того момента, когда онъ найдетъ и заставитъ всѣхъ признать свою формулу?

«Я знаю, что васъ щемитъ за сердце и останавливаетъ покровъ вашего сочувствія: это печальные іюньскіе дни. Іюнь сдѣлался несмыслимымъ пятномъ для двухъ-третей націи».

И тутъ Прудонъ защищаетъ нѣкоего Гинара, бывшаго въ іюнѣ на сторонѣ буржуа. «Истинные іюньскіе люди, — восклицаетъ онъ, — тѣ, кто хладнокровно и съ преднамѣреніемъ разжегъ междуусобицу и до сихъ поръ старается раздуть потухающія головешки.

«Граждане, — кончаетъ Прудонъ свое увѣщаніе, — не будемъ навязывать никогда народу мыслей мщенія и ненависти. Такія мысли никогда не заходятъ ему на душу, а если и приходятъ, такъ не долго тамъ остаются. Сильно опибутся тѣ, кто, желая быть пріятными народу, будутъ лѣстить его обидамъ. Рано или поздно онъ взглянетъ, какъ на предателей, на тѣхъ, кто, служа его злобымъ возмездіямъ, произведетъ раздоръ въ демократіи: знайте, что это такъ же вѣрно, какъ и республиканскій духъ огромнаго большинства національной гвардіи».

Послѣднія письма были писаны или изъ Бельгіи, или изъ парижской засады Прудона, гдѣ онъ скрывался отъ полиціи; но одинъ изъ его «пріятелей» донесъ на него. Его арестовали какъ разъ передъ отъѣздомъ въ Швейцарію, гдѣ онъ рассчитывалъ выждать событія. Обо всемъ этомъ Прудонъ сообщаетъ пріятелю своему Морису, отъ 7-го іюня, уже изъ тюрьмы С.-Пелажи. Съ этого момента начинается тюремный періодъ жизни Прудона, когда его переписка получаетъ чисто-журнальный, такъ-сказать, «ежедневный» характеръ. Письмо въ Морису предпоследнее во 2-мъ томѣ.

«Вотъ я и въ безопасности (бодро пишетъ онъ), на нѣкоторое время. Я — узникъ; но мой умъ свободенъ, такъ веселъ и живъ, какъ никогда не былъ. Я устроюсь такъ, чтобы какъ можно больше работать и наполнить скуку тюрьмы. Для этого надо никакъ не меньше, чѣмъ всѣ ресурсы моего воображенія, вмѣстѣ съ научной и политической борьбой. Постараюсь не быть ниже моего прошедшаго и дѣлаться болѣе и болѣе достойнымъ уваженія честныхъ людей».

Въ концѣ письма онъ спрашиваетъ:

«Вы навѣрно слышали, въ послѣднее время, о моей поле-

миѣ съ красными журналами. Сначала они меня обдали ругательствами за то, что я защищалъ конституцію, а потомъ пристали къ моему миѣнію. Благодаря миѣ, революціонеры будутъ все больше и больше входить въ законность, и тамъ, непобѣдимые, они не преминутъ, если только большинство будетъ также продолжать, какъ начало, сдѣлаться господами».

Посылая свои привѣтствія семейству Мориса, Прудонъ восклицаетъ: «а вѣдь я вовсе не былъ созданъ такимъ ужаснымъ революціонеромъ», намекая на яростное преслѣдованіе, которое на долгіе годы лишило его свободы.

Черезъ нѣсколько дней его перевели въ историческую тюрьму Консьержери.

ХІІ.

Въ третій томъ «Переписки» переходитъ еще 20 писемъ 1849 года. Всѣ они носятъ на себѣ тотъ уже *практическій* характеръ, какимъ отмѣчены тюремныя сношенія Прудона съ близкими людьми и разными личностями журнальнаго и другихъ міровъ. Не мѣшаетъ припомнить здѣсь, что кружокъ ближайшихъ единомышленниковъ Прудона, сплотившійся съ 1846 года, въ которомъ Даримонъ игралъ роль главнаго популяризатора его идей, вошелъ и въ кадры редакціи Прудоновыхъ журналовъ, мѣнявшихъ заглавія, послѣ запрещеній, но не мѣнявшихъ духа. Къ именамъ Даримона, Шарля Эдмона, Матея, Кретена и другихъ, присоединяется имя Ланглуа, съ которымъ Прудонъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ своего заключенія, начинаетъ усердно переписываться по текущимъ дѣламъ.

Первое письмо 3-го тома, отъ 22-го іюня 1849 г., адресовано главному редактору газеты «*Presse*», Эмилю Жирардену, игравшему тогда такую видную роль въ журнализмѣ. Прудонъ, хоть и понималъ нравственную несостоятельность этой личности, но не разъ обращался къ нему съ различными предложеніями и даже просьбами, считая солидарность съ нимъ, до извѣстной степени, возможною. Въ письмѣ отъ 22-го іюля, сообщивъ о запрещеніи газеты «*Peuple*», редакція которой была занята «*militairement*», Прудонъ прямо просилъ Жирардена о поддержкѣ, говоря, что «*Peuple*» и «*Presse*» должны современемъ образовывать «могущественный союзъ». Онъ хвалитъ поведеніе Жирардена, какъ журналиста, находить даже, что съ 13-го мая этотъ политическій хамелеонъ «съ-разу и безъ усилій занялъ первое

мѣсто въ республиканской Франціи». Дальше заявленія дѣлаются еще сильнѣе: «мало того, что мы собраты, мы стали почти-что единомышленники (co-religionnaires)». Если эти строки искренни, значитъ, Жирарденъ сумѣлъ показать себя съ «назоваго конца» даже такому здоровому свѣтлыку, какъ Прудонъ; если же это—дипломатія, слѣдуетъ пожагѣть о томъ, что, въ интересахъ дѣла, Прудонъ льстилъ ему.

Отъ 2-го іюля, продолжая сидѣть въ Консержеріи, онъ опять пишетъ Эмилю Жирардену и вдается въ пространныя политическія соображенія. Дѣльность Прудона вездѣ брала свое. Коль скоро онъ призналъ полезнымъ, для торжества дорогихъ ему идей, содѣйствіе Жирардена, онъ тотчасъ же начинаетъ съ нимъ искреннія и дѣльныя сношенія. И третье посланіе отправляетъ онъ ему, 11-го іюля, но уже въ другомъ тонѣ. Поводомъ къ письму послужила нескромность Жирардена, рассказавшаго своимъ читателямъ, что будто—первое лицо, какое пожелалъ увидать Луи-Наполеонъ, по прїѣздѣ въ Парижъ, былъ Прудонъ, и что его же приглашалъ къ себѣ въ Фросдорфъ—графъ Шамборъ. Не желая, чтобы злоупотребляли его именемъ и подробностями его частной жизни, Прудонъ самъ рассказываетъ, какъ состоялось его свиданіе съ Луи-Наполеономъ. Было это 26-го сентября 1848. Прудонъ былъ приглашенъ Бонапартомъ и отправился къ нему съ членомъ крайней республиканской партіи, г. Шмельдомъ, желая нарочно, чтобы при свиданіи былъ посторонній свидѣтель.

«Разговоръ,—сообщаетъ онъ дальше,—шелъ объ организаціи труда, финансахъ, внѣшней политикѣ, конституціи. Г. Луи Бонапартъ говорилъ мало, слушалъ меня благосклонно и казался согласнымъ со мною почти во всемъ. Онъ вовсе не поддается клеветамъ, распространяемымъ противъ социалистовъ; онъ порицалъ, безъ околичностей, политику генерала Кавэньяка, запрещенія журналовъ, осадное положеніе и эту альпійскую армію, вторая, казалось, говорила Италіи, возставшей для своей независимости: *«сердце мое и хочетъ, и не хочетъ»*; онъ находилъ какъ нельзя больше смѣшными и нелѣпыми финансовыя выдумки гг. Гарнье-Пажеса, Гудшо и Дюклера, не умѣвшихъ, подъ вліяніемъ финансоваго комитета, отвѣтить на всѣ запросы организаціи кредита чѣмъ-либо инымъ, какъ словами: *«ассигнаціи и бумажныя деньги»*.

Прудонъ подалъ Бонапарту совѣтъ, разъ попавши въ президентны, оставить всякія притязанія на престолъ Франціи и под-

чиниться волѣ народа и конституціи. На это кандидатъ въ президенты отвѣчалъ уклончиво и въ общихъ выраженіяхъ.

«Вообще же, — добавляетъ Прудонъ, — мы могли полагать, — и г. Жоли, и г. Шмельцъ и я, — что человекъ, бывшій въ бесѣдѣ съ нами, не имѣлъ уже ничего общаго съ заговорщикомъ Страсбурга и Булони и что возможно было республикѣ, погибшей когда-то отъ руки Бонапарта, быть основанной въ наши дни другимъ Бонапартомъ».

Собесѣдники Луи-Наполеона были слишкомъ честны и прямы, почему и вдалились въ обманъ. Но Прудонъ приводитъ замѣтку изъ своей записной книжки, отъ 26 сентября, показывающую, что онъ все-таки кое-что разсмотрѣлъ:

«26-го сентября. Визитъ Луи Бонапарту. Этотъ человекъ кажется благонамѣреннымъ: рыцарская голова и сердце; болѣе наполненъ славой своего дяди, чѣмъ личнымъ самолюбіемъ. Вообще же будничныи умъ. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ добился громкой судьбы, когда къ нему поближе присмотрятся и узнаютъ. Скорѣе *недооцрять*. Это — привычка всѣхъ претендентовъ исцѣля сначала вожаковъ партій».

На счетъ же Шамбора Прудонъ объявляетъ извѣстіе «Прессы» чистою выдумкой.

Все это дѣло вышло изъ того, что приспѣшникъ Бонапарта, Бассано (черезъ посредство котораго состоялось свиданіе 26-го сентября), началъ обвинять Прудона чуть не въ измѣнѣ послѣ его рѣзкихъ нападокъ на политику принца-президента. Прудонъ пишетъ длинное объяснительное посланіе и этому Бассано, отъ 16-го іюля. Слѣдующимъ за тѣмъ письмомъ начинается рядъ пріятельскихъ записокъ, въ которыхъ, кромѣ «текущихъ дѣлъ», изрѣдка попадаются фразы, возгласы, мысли, напоминающіе Прудона прежнихъ эпохъ. Такъ въ письмѣ къ Морису, отъ 29-го октября уже изъ тюрьмы С.-Пелажи, мы читаемъ: «повѣрьте, черезъ шесть мѣсяцевъ, черезъ годъ, или я сильно ошибаюсь, или обо мнѣ заговорятъ въ Европѣ сильнѣе, чѣмъ говорили во Франціи, въ прошломъ году; быть можетъ, гвалтъ начнется съ появленіемъ «Признаній» (книга его — *Confessions*, только-что имъ оконченная). Дай-то Богъ, чтобы консервативная публика хорошо ее приняла».

Въ теченіи 1849 года должны были судиться по политическому процессу его ближайшіе пріятели. Прудонъ даетъ имъ совѣты, и въ частности одному изъ нихъ — Ланглуа, котораго правительство считало душою заговора. Въ журналѣ Прудона — *Voix du Peuple* — Ланглуа дѣйствительно игралъ роль и въ концѣ

1849 года Прудонъ то-и-дѣло пишетъ ему по дѣламъ журнала. Эмиль де-Жиранденъ продолжаетъ его занимать, и въ письмѣ отъ 10-го ноября онъ, прочтя жиранденовскую статью, говоритъ: «мы съ вами—два полуса революціи; отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы мы черезъ шесть мѣсяцевъ потрясли весь старый міръ». Но онъ собирается критиковать «систему» Жирандена и объявляетъ ему: «главный пунктъ, на который будетъ обращена моя критика, это то, что, по-моему, вы слишкомъ рѣзко нападаете на собственность и клонитесь, сами о томъ не догадываясь, къ всеобщей регламентаціи посредствомъ государства; такъ что вы, гораздо больше меня, социалистъ, чему я конечно не завидую, но я нахожу это весьма опаснымъ для вашего проекта».

Для любителей пивантнаго таковой отрывокъ особенно курьезенъ: Прудонъ, выговаривающій Жирандену за то, что тотъ слишкомъ рѣзко нападаетъ на собственность!..

Книгопродавцу Гильемени онъ сообщаетъ не менѣ пивантную новость, отъ 3-го декабря:

«Кстати о *Народномъ Банкѣ*. Я долженъ извѣстить васъ о большомъ дѣлѣ, затѣянномъ между С.-Пелажи и Елисейскимъ дворцомъ. Луи Бонапартъ долженъ ни больше, ни меньше, какъ сдѣлаться компаньономъ *Народнаго Банка*. Я доставлю публикаціи, статуты и т. д.; дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе и, быть можетъ, правительство или президентъ, не знаю ужъ кто изъ нихъ, сдѣлаетъ для насъ то, что сдѣлано было для *cités ouvrières*; возьметъ на себя починъ акціонерной компаніи, посредствомъ крупной подписки».

Это — вовсе не наивность. Полстраницы ниже мы читаемъ въ томъ же письмѣ:

«Если это дѣло уладится, Гора, экономисты, иварійцы, фаланстерьянцы — все будетъ раздавлено; Луи Бонапартъ, такъ или иначе, займетъ мѣсто въ республикѣ, что меня, въ сущности, очень мало трогаетъ: лучше ужъ онъ, чѣмъ Луи-Бланъ».

Тутъ нѣтъ и никакой несплѣдовательности, хотя на иное обоняніе это и не совсѣмъ хорошо пахнетъ: для Прудона личности и политическія формы были всегда до такой степени второстепенными вещами, что онъ готовъ былъ бы сейчасъ же заключить союзъ на жизнь и смерть съ тогдашнимъ президентомъ республики, лишь бы тотъ исполнялъ сущность его стремлений. Въ такой попыткѣ онъ видѣлъ исполнимое дѣло; а въ идеяхъ и системахъ идеалистовъ, въ родѣ Луи-Блана, — «проклятую ложь», какъ онъ выражался...

Душа газеты «*Voix du peuple*» жила вмѣстѣ съ Прудономъ

въ тюрьмѣ С.-Пелажи. Оттуда получались инструкціи, идеи и обобщенія. Письма въ Ланглуа, помѣченные 4-мъ и 14-мъ декабря, могутъ служить образцами такихъ руководящихъ посланій. Въ первомъ изъ нихъ Прудонъ говоритъ между прочимъ: «мы все идемъ впередъ, мы основываемъ, мы развиваемъ, мы покровительствуемъ, мы охраняемъ. А эти глупые и неблагодарные демократы говорятъ, что мы—продались; все сплочивается противъ насъ еще разъ, все рычитъ противъ «Voix du peuple». Люди же, въ родѣ Ланглуа, сидя въ своей тюремной кельѣ, желаютъ, какъ обличаетъ ихъ Прудонъ, автократически командовать республикой. Такие же строгіе и правдивые выговоры находимъ мы и въ письмѣ отъ 14-го декабря: «Нѣтъ,—воскликаетъ Прудонъ,—вы не имѣли права возмущаться (vous insurger), ибо большинство народа, созданнаго вами, высказалось въ смыслѣ большинства представителей; меньшинство же народа не имѣло бы также права производить возстаніе. А чего не могло дѣлать меньшинство народа, какое право на то имѣло меньшинство парламента?»

«Конечно, не я принадлежу къ вѣрующимъ въ непогрѣшимость большинства; но до тѣхъ поръ, пока не существуетъ другого мѣрила достовѣрности, какъ баллотировка и законъ количества (du nombre), надо имъ подчиняться».

ХІІІ.

Съ 1850 года начинается длинный списокъ журнальныхъ писемъ, большею частью адресованныхъ Прудономъ Даримону—какъ главному своему сотруднику; а въ лицѣ его и во всѣхъ членахъ кружка, работавшаго въ Прудоновомъ органѣ. Переписка 1850 года, едва не достигающая внушительной цифры ста писемъ, занимаетъ весь почти третій томъ, за исключеніемъ первыхъ 75 страницъ. Но вся эта масса писемъ представляетъ для характеристики Прудона сравнительно малую добычу. Въ большинствѣ случаевъ такъ бы могъ писать и другой редакторъ, сидящій взаперти, своимъ сотрудникамъ. Прудонъ много работалъ въ тюрьмѣ, писалъ цѣлыя книги; но переписывался онъ почти исключительно съ редакціей своего журнала, и вопросы его интеллигентнаго развитія имъ почти не задѣвались. Онъ каждый день долженъ былъ дѣлать замѣчанія, остерегать, поощрять, оуждаты или хвалить. Хотя въ тонѣ его записокъ и объясненій

тельныхъ посланій не чувствуется ничего начальническаго, какъ у насъ говорятъ — «генеральскаго»; но все-таки онъ имѣлъ дѣло съ людьми моложе себя, менѣ развитыми и знающими, находящимися подъ нравственнымъ авторитетомъ его личности. Бездѣль сказывается сильная натура, дѣловой умъ, твердый характеръ, и не смотря на то — впечатлѣніе переписки гораздо мельче, скажемъ больше: менѣ выгодно для Прудона, какъ исторической фигуры. Такова уже сфера ежедневной печатной возни съ публикой и сверстниками по эпохѣ и ремеслу. И въ письмахъ Прудона вы найдете такіе компромиссы, такія противорѣчія, такія спѣшныя сужденія, каковыхъ бы не было, еслибъ не спѣшность самой дѣятельности, еслибъ не беспощадная «злоба дня». Реакціонное направленіе тогдашняго правительства республики, пошлость разныхъ органовъ печати, — все это раздражало Прудона, лишеннаго свободы и возможности дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, и вызывало проявленія его натуры, не всегда строго соотвѣтствовавшія его общимъ принципамъ. Такъ, уже въ письмѣ отъ 15-го января къ Даримону онъ говоритъ: «прежде чѣмъ умремъ, надѣюсь, что успѣемъ привить ядъ возмущенія всей странѣ», — и сказано это черезъ мѣсяць послѣ строгаго выговора Ланглуа. Нѣсколькими строчками ниже находимъ такой крикъ политической ярости: «надо разбить общество, если мы хотимъ его спасти; нашъ послѣдній аргументъ, санкція нашей критики — возмущеніе. Я не хочу нести на себѣ позоръ, оставаясь журналистомъ, когда свобода печати уничтожена; надо или говорить, или переломать перья». Черезъ мѣсяць, отъ 14-го февраля, Прудонъ пишетъ все тому же Даримону: «наша идея *анархїи* — пущена; *безправительство* (*non-gouvernement*) растетъ также, какъ когда-то *безсобственность* (*non-proprété*). Надо, стало быть, дѣйствовать теперь подобнымъ же образомъ. Послѣ отрицанія собственности, денежнаго роста, мы засѣли за учрежденіе банка дароваго кредита. Также точно, послѣ отрицанія государства, мы должны дать почувствовать, что дѣло идетъ о довершеніи прогрессивнаго движенія, состоящаго въ упрощеніи *usque ad nihilum*, а не въ осуществленіи внезапной и прямой анархїи. Вы понимаете!.. Все это — основанное на свободѣ, на свободномъ обсужденіи».

Слова Прудона заключаютъ въ себѣ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой обыкновенно придаютъ своей «анархїи» такъ называемые «анархисты», слагающіеся создать изъ ученія о всеобщемъ уничтоженіи нѣчто въ родѣ системы. Прудонъ, даже въ жару публицистическаго гнѣва, разумѣлъ подъ своей *анархїей* упраздненіе

всякой государственной регламентаціи, самую высшую ступень самоуправленія; а вовсе не *уничтоженіе всего*, выработаннаго цивилизаціей и полный хаосъ общественнаго броженія. Въ его крестьянскомъ умѣ, воспитанномъ на изысканіяхъ метода и закона, ничего подобнаго не могло ни зародиться, ни созрѣть. Но недоразумѣнія были очень возможны, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что на современниковъ такіа фразы и формулы дѣйствовали самой худшей своей стороною.

Даже въ полемическомъ раздраженіи Прудонъ не переставалъ быть защитникомъ правильной, нормальной самостоятельности, безъ всякаго вмѣшательства диктатуры или мистическо-соціального догматизма. По поводу новаго изданія «Спора» между Бастіа и имъ самимъ, онъ пишетъ Даримону отъ 16-го февраля, что «невозможно» было бы «сдѣлать взаимный кредитъ обязательнымъ посредствомъ государственнаго декрета». Ниже онъ такъ говоритъ про умѣстность народнаго возстанія: «менѣе, чѣмъ когда-либо, нужно, чтобы народъ думалъ о сопротивленіи; надо, чтобы онъ скользилъ, какъ угорь, въ рукахъ реакціи». А на другой день тому же Даримону онъ «наказываетъ»: «пожалуйста, не по-тавайте тѣмъ безумцамъ, которые требуютъ, чтобы кандидаты непременно дрались въ іюньскіе дни; этого нельзя допускать». Всей редакціи онъ шлетъ, отъ 19-го февраля, программу, по которой слѣдовало бы спрашивать кандидатовъ. Вотъ она:

- „Общая амнистія;
- „Уничтоженіе законовъ о печати;
- „Реформа законовъ о податяхъ;
- „Рекрутская система для арміи;
- „Народное образованіе;
- „Тарифы таможенныя и водяной;
- „Уничтоженіе транзита;
- „Упрощеніе администраціи;
- „Уничтоженіе компаній, имѣющихъ монополіи на эксплуатацію каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и проч. и проч.“.

Программа эта резюмируетъ всѣ тогдашнія *via desideria* Прудона, какъ журналиста и соціальнаго писателя, примѣненныя въ потребностямъ и *возможностямъ минуты*. Какъ читатель видитъ, въ ней нѣтъ ничего утопическаго. Журналомъ «Voix du peuple» онъ вообще доволенъ и говоритъ, что чѣмъ меньше онъ самъ въ немъ пишетъ, тѣмъ онъ ему больше нравится. Около того же времени (отъ 20-го февраля) Прудонъ обращается съ большимъ просительнымъ письмомъ въ префекту полиціи. Въ это время онъ былъ уже женатъ. Въ тюрьмѣ С.-Пелажи, гдѣ онъ

выскаживалъ свой срокъ, ему жилось еще сравнительно недурно. Онъ могъ принимать друзей, видѣться съ женой и даже выходить на честное слово. Но журналъ «Voix du Peuple» продолжалъ издаваться по его идеямъ. Правительство Луи-Бонапарта подозрѣвало его во всѣхъ рѣзкихъ статьяхъ, и затѣяло противъ него новое преслѣдованіе. Онъ былъ переведенъ въ Консьержери, стѣсненъ въ выходѣ и приемѣ посѣтителей; и въ перспективѣ у него была *секретная*, при первой сильной выходкѣ журнала его единомышленниковъ. Положеніе сдѣлалось слишкомъ тягостнымъ. Прудонъ и пожелалъ его исправить. Не отрекаясь отъ своего прошедшаго, онъ напоминаетъ префекту полиціи, у котораго просить прежнихъ послабленій, что его направленіе никогда не было разрушительнымъ, что на возмущеніе 13-го іюня онъ не переставалъ смотрѣть какъ на дѣло противозаконное, такъ какъ: «право возстанія погашается учрежденіемъ всеобщей подачи голосовъ». Далѣе онъ указываетъ на свою постоянную примирительную роль, на неустанное желаніе согласить интересы классовъ, для чего собственно онъ и напечаталъ свои *Признанія*, и наконецъ на свою безопадную критику всѣхъ социалистскихъ утопій, ссылаясь даже на толки, ходившіе на биржѣ—что онъ, Прудонъ, содѣйствовалъ порядку и восстановленію нормальнаго хода дѣлъ своими нападками на утопистовъ и либерализмомъ своихъ стремленій. Это письмо вызвано, конечно, тяжелой дѣйствительностью; но Прудону все-таки не слѣдовало писать его съ такими доводами. Слова его—правдивы; только не префекту полиціи говорить ихъ, обращаясь къ нему съ просьбою о послабленіи... Слухъ о письмѣ тотчасъ же разнесся по демократическимъ кружкамъ Парижа, и мы видимъ, что позднѣе Прудонъ раздражительно говорить на эту тѣму въ запискѣ Даримону, совѣтуя въ видѣ отвѣта пропечатать все письмо въ журналъ. Такое средство врядъ ли послужило цѣли. Ему могли всегда сказать, что просилъ онъ исключительно *о себѣ*; не имѣлъ, стало-быть, за себя и смягчающихъ обстоятельствъ ходатайства за другихъ. Первымъ же слѣдствіемъ этого неудачнаго, хотя, быть можетъ, и практическаго шага было то, что Прудонъ отказался отъ всякаго участія въ «Voix du peuple», о чемъ онъ писалъ и Карлье—префекту полиціи, завѣряя, что онъ жаждетъ предаться научнымъ и философскимъ трудамъ во весь періодъ своего заключенія. Да и Даримону онъ «ставитъ на видѣ», чтобы «Voix du peuple» поддержалъ его обращеніе къ префекту «умѣренностью» и «примирительнымъ духомъ». Свою переписку съ редакціей онъ не сократилъ. Письма и записки идутъ своимъ

чередомъ, и мы находимъ даже большое посланіе отъ 26-го февраля по внѣшней политикѣ, гдѣ заключительная нота враждебна, какъ всегда, крайностямъ демагогіи и коммунизма. «Ограничимся тѣмъ, заключаетъ онъ, что успокоимъ буржуазію, чтобы сдѣлать потомъ революціонный порывъ болѣе общимъ и могучимъ». Въ предпоследнемъ февральскомъ письмѣ отъ 27-го числа нельзя обойти молчаніемъ тирады: «Франція, когда она не представляетъ благой середины (*juste milieu*)—монтаньярка; когда она не лобызаетъ... деспота, она прячется въ юбки Конвента! Спасемъ ее отъ нея самой, путемъ самаго широкаго примѣненія принциповъ: народъ, народъ, непрерывно и повсюду». А въ письмѣ отъ 28-го февраля, бьетъ въ глаза характерный возгласъ на счетъ Э. Жирардена: «*Que cet homme est bête*». Въ продолженіи марта, отъ котораго сохранилось 14 писемъ, стоить отмѣтить, какъ выходящія изъ рамокъ журнальныхъ инструкцій и замѣтовъ, адресованныхъ Даримону, два письма: опять префекту полиціи и какому-то «Г. Б***-сыну изъ Феррè-Бернара». Изъ письма къ префекту видно, что Прудонъ былъ, послѣ перваго своего обращенія, возвращенъ въ С.-Пелажи, откуда его перевели опять въ Консьержери, гдѣ помѣстили такъ хорошо, что онъ не можетъ не видѣть въ этомъ тюремномъ комфорта доказательствъ вниманія къ нему префекта, за что онъ усердно благодаритъ его; но сожалѣетъ все-таки о своей высокой и неудобной комнатѣ въ С.-Пелажи. Онъ проситъ перевести его снова туда, такъ какъ тамъ у него цѣлый кружокъ друзей и демократовъ, находящихся подъ его вліяніемъ, за которыхъ онъ, такъ сказать, нравственно обязанъ отвѣчать. Письмо это, даже и на совершенно объективный взглядъ, не производитъ хорошаго впечатлѣнія, хотя вполнѣ вѣрно, что такой человѣкъ, какъ Прудонъ, никогда не вдавался въ абсолютизмъ и нетерпимость. Но онъ ненавидѣлъ и презиралъ правительство президента, зналъ прекрасно, чего ждать отъ его клики... и находилъ возможнымъ очень мягко переписываться съ префектомъ полиціи. Г. Б*** обратился къ нему за совѣтомъ и руководствомъ: Прудонъ, видя, что ему всего 17 лѣтъ, весьма сурово отклоняетъ отъ себя всякія сношенія съ нимъ и чуть не говоритъ, что на мѣстѣ «*monsieur son père*» онъ его разложилъ бы... въ ожиданіи совершеннотгія.

На апрѣль приходится слишвомъ пятнадцать писемъ—редакціоннаго содержанія, за исключеніемъ двухъ писемъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 27-го и 28-го апрѣля, и одного къ префекту полиціи. Прудона внезапно перевели въ крѣпость Дил-

ленсъ (Dullens) и посадили въ секретную. Онъ жалуется на это министру и говоритъ въ письмѣ отъ 27-го числа: «разумѣя социализмъ и революцію иначе, чѣмъ другія социальныя школы, я предполагалъ, защищая республиканскіе принципы и побуждая въ экономическимъ реформамъ,—энергически опровергать то, что я называю *утопией*, т.-е. съ одной стороны коммунистическую коалицію, которая меня ненавидитъ, съ другой демагогическую партію, на которую я не менѣе могу жаловаться, чѣмъ на клеветы реакціонеровъ». Префекту онъ писалъ о томъ-же, отъ 24-го апрѣля. Въ редакціонной перепискѣ выдѣляются двѣ фразы о ничтожествѣ Жирардена, какъ политическаго кандидата, и о кандидатурѣ романиста Е. Сю, на которую Прудонъ смотритъ, какъ на величайшую неловкость и якобинскій макіавелизмъ. Въ Дюлленсѣ у Прудона было слишкомъ мало свободы, и это отражается на числѣ писемъ: ихъ въ маѣ насчитывается всего одиннадцать: всѣ въ редакцію, или какимъ-нибудь членамъ журнальнаго кружка, опять-таки за исключеніемъ одного письменнаго обращенія къ директору крѣпости. Въ письмѣ къ «редакторамъ *Voix du peuple*», отъ 1-го мая, стоитъ фраза, резюмирующая собою всю публицистическую политику Прудона: «*Inflexibilité dans les principes, transaction perpetuelle avec les circonstances et les hommes*» ¹⁾. Имъ же отъ 5-го мая онъ пишетъ: «могу лишь подтвердить вамъ то, что я уже вамъ говорилъ во всѣхъ моихъ письмахъ: приготавлийтесь рѣзво различать нашу школу, *школу неограниченной, прогрессивной свободы*, отъ социалистическихъ сектъ, которыя подъ различными именами стремятся, во имя общества, къ тому лишь, чтобы убить личность». Въ томъ же письмѣ есть и другое поученіе: «оставьте немного политику; народъ жаждетъ науки, а вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, какъ мы продѣлываемъ съ нимъ одни маневры». Письмо къ Матэю, отъ 6-го мая, есть также обращеніе ко всей редакціи. Въ немъ Прудонъ отговариваетъ своихъ единомышленниковъ отъ всякой попытки новаго народнаго возмущенія. Его доводы дышатъ простотой, честностью, дѣльностью истиннаго друга народной массы. «*Le pays avant tout!*» восклицаетъ онъ, и въ его устахъ это—не фраза. Только Прудонъ умѣлъ, не отдавая ни малѣйшей дани буржуазной пошлости, оставаться человѣкомъ дѣла и умѣренности на высотѣ самыхъ прогрессивныхъ и великодушныхъ принциповъ. Въ концѣ письма онъ сообщаетъ о своихъ товарищахъ по заключенію въ крѣпости Дюлленсъ:

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

«Я здѣсь вмѣстѣ съ Распайлемъ; онъ живетъ схимникомъ и совершенно серьезно смотритъ на свою бывшую кандидатуру въ президенты; вмѣстѣ съ Барбесомъ, республиканцемъ съ того свѣта; съ Блавкѣй, обладающимъ рѣдкой проникательностью, немного пессимистомъ, холоднаго характера, который всегда будетъ портить его крупные замыслы; съ Сорбьѣ — большимъ головою и сердцемъ; наконецъ съ двумя молодыми руанцами, которыхъ я не знаю. Я забылъ про Альбера — этого Пилада Луи-Блана.

«Право, не знаю, почему я очутился со всѣми этими гражданами, которыхъ я необычайно уважаю; но ни съ однимъ изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ Гюбера, я не имѣю никакой связи; я — новый человекъ, *человѣкъ полемики, а не баррикады, человекъ, который могъ-бы достигъ своей цѣли, обѣдая каждый день съ префектомъ полиціи...* Это забавно!» Въ крѣпости Прудону приходилось такъ плохо, что онъ предлагаетъ редакціоннымъ друзьямъ особый языкъ, гдѣ, напр., «Voix du peuple» будетъ называться *Maison*, а правительство или реакція: *la Compagnie des Gondoles*. Шарлю Эдмону (т.-е. опять-таки своему кружку) онъ пишетъ отъ 12-го мая, что заключеніе въ крѣпости Дюленсѣ позволило ему изучить весь генеральный штабъ революціи, всю «медвѣжью яму», какъ онъ выражается. Онъ перечисляетъ эти личности — отъ Консидерана до Делеклюза, и присоединяетъ къ нимъ Ламартина, Кремьѣ, Бюшеза, Кавѣньяка, Марраста и Жирардена, которыхъ достаточно изучилъ въ палатѣ и въ прессѣ. Ему пришла мысль составить объ нихъ родъ *рапорта*, который, по его мнѣнію, «въ двадцать-четыре часа уничтожилъ бы демагогическую партію»; но онъ видитъ, что это слишкомъ бы было на руку торжествующей реакціи. Молодому единомышленнику своему, Ланглуа, Прудонъ пишетъ, отъ 18-го мая, цѣлое посланіе, самое интересное въ мыслительномъ отношеніи за весь этотъ періодъ. Вначалѣ онъ оспариваетъ теорію безконечнаго прогресса, которую выставилъ, повидимому, Ланглуа въ своихъ соображеніяхъ. Прудонъ указываетъ ему на важную роль свободы, личной и коллективной, и стоитъ за возможность застоя цивилизаціи и даже преждевременнаго уничтоженія нашего земного человѣчества. Форма Прудоновыхъ доводовъ отзывается метафизичной, что читатель увидитъ изъ слѣдующаго мѣста: «Вы забываете, мой другъ, что человѣчество непогрѣшимо гораздо больше въ своихъ мысляхъ, чѣмъ въ своихъ дѣлахъ, что, во всякомъ случаѣ, идея человѣчества не поглощена еще вся этимъ бѣднымъ земнымъ (terrestre) человѣчествомъ, часть котораго составляемъ мы съ вами, что *человѣкъ*, т.-е. свободный и прогрессивный умъ —

вѣченъ и безконеченъ, какъ Богъ, его противобразъ; словомъ, что мы, жители этого шара, очень легко можемъ заблудиться и погибнуть, какъ погибла идея (другіе скажутъ, раса) египетская, ассирійская и проч., причемъ человѣческая непогрѣшимость останется неприкосновенной». Отъ этого метафизическаго взгляда Прудонъ переходитъ къ тогдашней внутренней политикѣ, и не скрываетъ своего пессимизма. По его мнѣнію, во Франціи и въ Европѣ дѣло республики и широкаго прогресса потеряно. Упрекаетъ онъ Ланглуа и за нетерпимость по поводу толковъ о сношеніяхъ Прудона съ префектомъ полиціи. Онъ ставитъ себя выше подобныхъ якобинскихъ мелочей и приводитъ примѣры, доказывающіе, что и въ демократическомъ мірѣ господствуетъ вражда и исключительность сектантовъ. Кончаетъ онъ формулированіемъ уже извѣстнаго намъ *profession de foi*: всегда и во всемъ хотѣлъ онъ быть примирителемъ интересовъ, всегда желалъ онъ основать, на революціонной почвѣ, «партію, могучую умомъ, честностью, принципами, такую партію, которая бы поглотила всѣ другія и дѣйствовала правильно, мирно, скоро — для осуществленія всѣхъ предвидѣнныхъ и приготовленныхъ реформъ». Съ новой силой объявляетъ Прудонъ, что онъ — врагъ республиканскаго формализма и догматизма, политики à la Робеспьеръ, котораго онъ не переставалъ ненавидѣть. Было бы лучше всего, по его прежнему убѣжденію, добиться того, чтобы народъ *отказался платить подати*, видя, какъ его лишаютъ правъ, чѣмъ науськивать его на возстаніе. Но отказа въ податяхъ якобинцы боятся не меньше правительства, потому что они сами держатся за принципъ власти и абсолютизма — и безъ него погибли. Въ такомъ же духѣ написано посланіе къ редакціи отъ 22-го мая, гдѣ онъ требуетъ воздерживаться отъ политическихъ статей и давать «соціальную науку: положительную, глубокую, практическую, всемірную, неумолимую». Журналъ «*Voix du peuple*» былъ снова остановленъ; но Прудонъ считаетъ это выгоднымъ для редакціи, предлагая ей программу, заключающуюся въ приведенныхъ нами строкахъ. Последнее майское письмо на имя Ланглуа, отъ 25-го числа, наполненное разными подробностями минуты, содержитъ въ себѣ такой энергическій протестъ: «вся эта каналья: люксембургская, иварійская, фаланстерьянская, якобинская, эти людобѣды, желавшіе быть *сами собою* прежде всего, они-то что дѣлаютъ? А интриганы, говорившіе объ отказѣ податей, когда «*La Voix du peuple*» подхлѣстывалъ ихъ, что они говорятъ, что предлагаютъ?»

XIV.

На июнь приходится всего шесть писемъ такого же характера. Первое, отъ 2-го июня, къ Марку Дюфрессу, написанное уже въ парижской Консьержери, есть не что иное, какъ рядъ отвѣтовъ на вопросы, поставленные Дюфрессомъ и касающіеся программы журнала. Посланіе это занимаетъ цѣлыхъ 14 страницъ. Многіе изъ отвѣтовъ Прудона нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ. Нѣкоторые пункты интересны тѣмъ, что знакомятъ въ сжатой формѣ съ такими взглядами Прудона, которые онъ не развивалъ въ другихъ письмахъ того же періода. Такъ, въ отвѣтъ на XI-й вопросъ, Прудонъ высказывается противъ обязательнаго обученія, доставляемаго государствомъ; но онъ въ то же время желаетъ отнять у духовенства всякое вліяніе въ этомъ дѣлѣ. Такое же противорѣчіе есть и въ отвѣтъ на XII-й вопросъ, гдѣ съ *терпимостью* онъ требуетъ полнѣйшаго уничтоженія католичества путемъ преслѣдованій, вѣроятно нравственныхъ, а не материальныхъ. *Общину* онъ признаетъ верховною вершительницей всѣхъ вопросовъ внутренней политики и прибавляетъ, что это для него — самый вѣрный принципъ, хотя его и называли глупо *жирондинизмомъ*. По внѣшней политикѣ стоятъ обмолвки, кажущіяся теперь курьезами; но не слѣдуетъ забывать, что съ этими «обмолвками» Прудонъ такъ и умеръ. Про Италію онъ рѣшительнымъ тономъ говоритъ, что она *никогда* не составитъ одной національности, а про нѣмцевъ, что «германское единство — теорія нѣмецкаго метафизика». Въ заключеніи онъ высказывается такъ:

«Мой планъ былъ бы — если бы я сдѣлался вашимъ сотрудникомъ — послѣ новаго подтвержденія и защиты всѣхъ моихъ предыдущихъ заключеній, овладѣть мнѣніемъ посредствомъ новой грандіозной теоріи, которая бы предупредила и поглотила всѣ критики, *теорію прогресса по себѣ* ¹⁾, т. е. вѣчнаго движенія революціонныхъ идей; однимъ словомъ, философіи реформъ. Этихъ я спасъ бы все: абсолютизмъ принциповъ и медленность примѣненій. Тогда бы поняли, что если истина есть то, что *есть*, она еще болѣе то, что *дѣлается* (*devient*); тогда бы журналъ, даже въ своихъ исключеніяхъ изъ общихъ правилъ, могъ быть оправ-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

данъ и защищенъ отъ всякихъ упрековъ. Тогда революціонная партія представляется разомъ непоколебимой въ своихъ принципахъ, практической и возможной».

Отъ іюля сохранилось всего два письма: къ Даримону, отъ 17-го, и къ Бутвилю (бывшему учителю въ коллежѣ S-te Barbe, умершему въ Парижѣ въ 1870 г.), отъ 20-го іюля, гдѣ Прудонъ благодаритъ его за переводъ предисловія Грюна, которое онъ желалъ-было прежде помѣстить во главѣ одной изъ своихъ книгъ. Теперь онъ остался равнодушенъ къ выводу Грюна—будто бы «Феноменологія духа» Гегеля содержитъ въ себѣ его экономическія заключенія *potentialiter*, какъ говорятъ метафизики, и будто бы нѣмцы обязаны, «по Гегелю», сдѣлаться социалистами. Изъ восьми писемъ, приходящихся на августъ, замѣчательнѣе всѣхъ остальныхъ большое теоретическое письмо къ г-ну Х***, приславшему Прудону эскизъ послѣднихъ шестидесяти лѣтъ «Французской Исторіи». Прудонъ разбираетъ значеніе *демагогии*, и съ обычной ясностью и вѣскостью указаній доказываетъ тотъ, все еще неизвѣстный реакціонерамъ фактъ, что такъ-называемые «демагоги», т.-е. вожаки народныхъ массъ, люди партій, играютъ самую незначительную роль въ минуту государственныхъ катастрофъ. Кромѣ указаній на прошлое, на свидѣтельство Робеспьера и Марата, Прудонъ приводитъ собственный опытъ съ 24-го февраля. Въ тюрьмѣ, гдѣ онъ перезнакомился со всѣми «демагогами», онъ былъ изумленъ той «малой долей настоящей власти всѣхъ этихъ демагогическихъ *мулъ*, которыхъ реакція обдають взрывами своего негодованія». Народная масса, въ роковую минуту, не слушается людей строгаго мышленія, послѣдовательности, логики. Поэтому-то люди, какъ Барбесъ—глава тогдашней воинствующей демократіи—въ сущности были ея первыми солдатами, а вовсе не вождями; а человекъ, какъ Бланки, «l'homme de conseil», по выраженію Прудона, вовсе не давалъ самъ толчка, а всегда принужденъ былъ ему слѣдовать. Поэтому-то демагогія, если на нее взглянуть съ этой точки зрѣнія, и должна получить совсѣмъ иной интересъ: въ глазахъ историка «она становится,—заключаетъ Прудонъ,—почти достойной уваженія и святой». Про себя же онъ прибавляетъ, что не будь онъ «homme de réflexion», человекъ, задавшійся цѣлью превращать инстинктивныя проявленія народа въ сознательныя дѣйствія, будь онъ «идолопоклонникъ, какъ фурьеристы», онъ сдѣлался бы «партизаномъ и панегиристомъ демагогіи». Въ письмѣ на имя Даримона, отъ 24-го августа, есть такая фраза о Луи-Наполеонѣ: Cet homme, d'ail-

leurs, est de ceux que l'on conspue, mais qu'on ne tue pas. Почему такъ и неприятно натѣнуться въ концѣ третьяго тома на письмо къ президенту республики, отъ 28-го ноября, съ просьбою объ облегченіи участи, хотя письмо это и было потомъ уничтожено, какъ слишкомъ «личное», по замѣчанію самого автора, находящемуся подъ текстомъ. Письмо это, названное «петиціей», было замѣнено ходатайствомъ объ общей амнистіи.

Во всякомъ случаѣ, врядъ ли слѣдовало Прудону обращаться къ человѣку, замышлявшему 2-е декабря, во имя солидарности, объединяющей ихъ, какъ враговъ «старыхъ партій». На этой фальшивой нотѣ намъ приходится закончить обзоръ 1850 года, гдѣ всѣ остальные письма съ сентября по конецъ декабря писаны изъ Консьержери. Считая съ петиціей, на всѣ четыре послѣднихъ мѣсяца приходится всего одиннадцать писемъ, журнальнаго или дѣловаго содержанія, адресованныхъ Даримону, Дюфрессу, Жирардену, Морису, Лалу и Гильемону. Въ приложеніи къ третьему тому есть еще три письма къ г-ну Деларажазу (два изъ 1843 года и одно изъ 1847 г.) и г-ну G***, по содержанію—для нашей задачи существенныя лишь въ томъ смыслѣ, что и въ 1843 году, какъ мы это знаемъ, Прудонъ стоялъ за положительный взглядъ на общество, какъ на образующійся организмъ, «измѣняющій» свои формы, почему и нельзя никогда утверждать, что оно находится въ абсолютномъ безпорядкѣ.

Вторая наша статья обняла, вромѣ расцвѣта мыслительныхъ силъ Прудона—въ смыслѣ теоріи и метода—и разгаръ его публицистической дѣятельности, ослабленной, но не задушенной вполне его тюремнымъ заключеніемъ. Надѣмся, что теперь читателю достаточно ясно, съ чѣмъ Прудонъ приступилъ къ дѣятельности журналиста. На всѣ вопросы, относившіяся къ «злобѣ дня», у него были готовы: положенія, афоризмы, или доводы *à priori desideria*. Никакой поворотъ внутренней политики не заставлялъ его врасплохъ. Натискъ борьбы былъ такъ силенъ, что ему некогда было продолжать систематическую разработку своихъ соціально-философскихъ идей; а ежедневное примѣненіе его запаса къ журнальной пропагандѣ постарались придушить, насколько это было въ средствахъ реакціонной власти. Сидя въ различныхъ тюрьмахъ, облеченный на относительно бездѣйствіе, какъ журналистъ, Прудонъ могъ бы предаться чисто-мысли-

тельными, научно-критическими трудами. Онъ къ нимъ и взываетъ каждый разъ, какъ хочетъ расположить къ себѣ администрацію, но журналъ, основанный имъ, не даетъ ему возможности удалиться въ тихія сферы спокойнаго анализа и синтеза. Онъ продолжаетъ быть душой изданія, и вся его переписка изъ тюремъ проникнута интересомъ минуты. Прудонъ, какъ мы уже замѣтили выше, — мыслитель и изслѣдователь—является въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ до половины 1849 года. Чаше, чѣмъ желательно, наталкиваетесь вы на противорѣчія, уступки, даже софизмы и то, что, французы зовутъ: «des expédients» — рядомъ съ рѣзкостями и обмолвками. Но можно ли судить объ этихъ проявленіяхъ тревожнаго жданья, объ этихъ нервныхъ припадкахъ могучей интеллигенціи, забывая, что все это писано въ теченіи тюремной неволи, поглотившей цѣлый періодъ жизни человѣка въ полномъ блескѣ своихъ душевныхъ даровъ. Нельзя привести лучшаго оправданія.

Д-Е ВЪ.

АМЕРИКАНСКІЕ ПІОНЕРЫ

III *).

Искусство метисовъ подражаться.—Проспекторы.—Свинцовая руда и компанія для разработки ея.—Кочующіе скватеры.—Осѣдлые скватеры.—Артеи скватеровъ.—Лѣсопильни скватеровъ.—Плоты гѣса.—Охота за скальпами.—Ссора двухъ скватеровъ.—Уголовный кодексъ скватеровъ.—Понятія скватеровъ о воровствѣ и частной собственности.—Корчевальная машина.—Постройка блокауза.—Колоніальный плугъ.—Работа плугомъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ.—Нападеніе разбойниковъ.—Конокрады.—Преслѣдованіе конокрадовъ.—Четверногий жокакъ.—Поимка конокрадовъ.—Ночной караулъ.—Судъ Линча.—Исполненіе приговора.—Приготовленія къ экспедиціи въ преріи на правомъ берегу Красной-Рѣки.

Устроивъ караулъ переправы, я все-таки принималъ мѣры, чтобы изыскать способы сдѣлать его дешевле. Пробовалъ сдать его въ аренду, съ тѣмъ, чтобы взявшійся караулить плоты бралъ съ проѣзжающихъ умѣренную плату. Это оказалось невозможнымъ по причинѣ еще рѣдкаго проѣзда и неопредѣленности могущаго получиться дохода.

Во время своихъ разъѣздовъ я часто заѣзжалъ къ піонеру, на лѣсопильни скватеровъ и въ венту. Иногда бывали и у насъ, на бивуакѣ, гости. Семейство дяди Боя сошлось со своими новыми сосѣдками, составлявшими семейство піонера. Это были, правда, почти необразованныя женщины, но хорошія, работающія семьянинки, и отличныя хозяйки. Женщины, переправляясь другъ къ другу въ гости, изъ венты къ піонеру и обратно, заходили и къ намъ на бивуакъ. Все это нѣсколько разнообразило первое время скучное занятіе караула. Но, недѣли черезъ двѣ,

*) См. выше: июль, 214 стр.

отсутствіе живого дѣла дало себя знать. Мною овладѣла невообразимая тоска. Только проживъ самъ нѣсколько дней жизнью вачеро, приставленнаго караулить что-либо отъ неизвѣстной опасности, могущей явиться каждую минуту, но болѣею частью вовсе не существующей, я могъ понять, почему вачеро, окончивъ свою работу, ищетъ, во что бы то ни стало, какого-нибудь развлеченія, и, не имѣя подъ руками ничего другого, находятъ это развлеченіе въ пьянствѣ, буйствѣ и игрѣ.

Понятно, что люди, не имѣющіе впереди ни ясно опредѣленной цѣли, ни нравственныхъ интересовъ, по болѣею части мало развитые, предаются разгулу, чтобы избавиться отъ ужасной скуки и тоски, противъ которыхъ не могли помочь мнѣ и книги изъ небольшой библіотеки венты.

Невообразимо долго тянулись дни, которые приходилось проводить въ длинныхъ разъѣздахъ и въ осматриваньи приглядѣвшейся мѣстности съ вершины скалы во время караула у бивуака. Во время отдыховъ какъ-то плохо читалось. Съ нетерпѣніемъ считалъ я, сколько дней осталось до того времени, когда могутъ прибыть къ переправѣ наши компаньоны и измѣнить мою скучную обязанность караульнаго на какое-нибудь болѣе интересное дѣло.

Пьеръ возвратился изъ своего посольства къ индійцамъ. По его мнѣнію, индійскіе начальники не особенно враждебно относятся къ переправѣ, устроенной въ гористой мѣстности, неудобной для охоты.

Хотя не слѣдовало слишкомъ полагаться на видимое равнодушіе краснокожихъ, можно было все-таки предполагать, что съ ихъ стороны врядъ ли скоро начнутся какія-либо враждебныя дѣйствія.

Подарки, о которыхъ стоворился Пьеръ съ начальниками ближайшихъ племенъ, должны были состоять изъ табаку, виски и одѣялъ. Все было привезено къ вентѣ транспортомъ съ подарками для скватеровъ. По возвращеніи Пьера, мы воспользовались тѣмъ, что какой-то торговецъ ѣхалъ въ ту сторону, гдѣ находились индійцы, присоединили къ его транспорту два своихъ фургона, и, подъ конвоемъ четырехъ вачеро, отправили подарки по назначенію.

По возвращеніи Пьера, моя обязанность стала значительно легче. Я могъ отлучаться на большее время изъ бивуака, зная, что тамъ есть вполне надежный человѣкъ.

Утромъ и вечеромъ высылались разъѣзды въ прерію. По возвращеніи разъѣзда, всякій разъ приходилось выслушивать сте-

реотипную фразу, что все спокойно и не замѣчено ничего подозрительнаго.

Было даже досадно, что не встрѣчается ничего, что бы могло сколько-нибудь разсѣять тоскливое разнообразіе караула.

Разъ, посланный въ разъѣздъ, вачеро возвратился ранѣе обыкновеннаго, и не шагомъ, а вскачь. Очевидно, онъ замѣтилъ что-нибудь и спѣшилъ довести до свѣдѣнія.

Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ ущелья, онъ замѣтилъ партію бѣлыхъ, человекъ въ сорокъ, появленіе которыхъ казалось подозрительнымъ. Это не могли быть ни торговцы, ни переселенцы, такъ какъ съ ними было всего три не очень нагруженныхъ фургона. Это не были также вачеро. Вачеро не имѣютъ съ собою фургоновъ, а могутъ быть узнаны по кожаному костюму, оружію, и главное по тому, что пускаются въ преріи не иначе, какъ верхомъ.

Замѣченная партія была гѣшая и, насколько позволяла рассмотреть дальность разстоянія, была вооружена короткими карабинами и одѣта въ лохмотья городскаго платья.

Согласно данному мною приказанію, вачеро не подѣзжалъ близко къ стоянкѣ, и постѣпилъ къ бивуаку.

Нужно было узнать, что это за люди и съ какими намѣреніями они подошли такъ близко къ охраняемой нами переправѣ.

Пославъ четырехъ человекъ для усиленія караула на плотяхъ и распорядившись, чтобы Пьеръ, съ свободными отъ караула вачеро, слѣдилъ, что будетъ происходить въ преріи, и былъ готовъ спѣшить мнѣ на помощь въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій, я, въ сопровожденіи четырехъ вачеро и одного метиса, отправился къ тому мѣсту, гдѣ, по указанію разъѣзднаго, расположилась подозрительная партія.

Хотя численное превосходство было на сторонѣ вновь прибывшихъ, я счелъ лишнимъ поднимать тревогу въ вентѣ или въ лагерѣ піонера, не узнавъ истинныхъ намѣреній пришельцевъ. Мы были на лошадяхъ, слѣдовательно, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій могли всегда ускользнуть и успѣть призвать на помощь севатеровъ, піонеровъ и авантюристовъ изъ венты.

Метисъ, разспросивъ разъѣзднаго, взялся провести насъ незамѣченными до стоянки пришельцевъ.

Дѣйствительно, пользуясь оврагами, онъ подвелъ насъ такъ близко, что мы могли слышать гулъ голосовъ и трескъ сухого валежника, разложеннаго среди стоянки костра.

Пришельцы остановились довольно далеко отъ оврага и при-

близиться къ нимъ еще незамѣченными было уже невозможно. Оставивъ насъ дожидаться въ оврагѣ, метисъ соскочилъ съ лошади и, пользуясь неровностями мѣстности и кустами высокой травы, неслышно, какъ змѣя, поползъ къ лагерю.

Въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть искусство, которымъ обладаютъ индѣйцы и метисы подкрадываться. Понятна мнѣ стала постоянная бдительность, и кажущіяся съ перваго раза бесполезными предосторожности, какія постоянно принимаютъ жители пустыни во время своихъ поѣздовъ въ преріи. Безъ постоянного караула и разныхъ предосторожностей, нельзя уберечься отъ шайки краснокожихъ, имѣющихъ способность и обыкновеніе незамѣтно подрастаться къ самому лагерю и сдѣлать свое нападеніе съ такою быстротою, что нѣтъ возможности приготовиться къ защитѣ.

Нашъ метисъ подползъ почти къ самому востру, обползъ вокругъ стоянки, высмотрѣлъ все, сосчиталъ не только людей, но и число ружей, револьверовъ, ножей и, подслушавъ нѣсколько словъ изъ разговоровъ пришельцевъ, возвратился къ намъ, не возбудивъ никакого подозрѣнія, не заставивъ даже оглянуться двухъ караульныхъ у фургоновъ.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ метисомъ, стало ясно, что эти люди пришли сюда безъ дурныхъ намѣреній. Хотя вся партія была вооружена очень хорошо, но по разорванной обуви и платью, по отсутствію хлѣба за ужиномъ, состоявшимъ изъ какой-то дичи, вагонецъ, по тому, что въ фургоны запрягались лошади, бѣлая латна на спинахъ которыхъ ясно говорили о томъ, что онѣ взяты въ-подъ сѣдла, и что пришельцы курили по нѣскольку челоуѣкъ изъ одной трубки, вслѣдствіе недостаточнаго запаса табаку, можно было заключить, что эти люди давно странствуютъ по преріи и не только не въ состояніи напасть на кого-нибудь, а горѣ нуждаются въ помощи.

Считая дальнѣйшія предосторожности излишними, мы выѣхали въ оврага и подѣхали прямо къ стоянкѣ. Караульные всполошились-было, замѣтивъ, что передъ ними, какъ изъ земли, выскли вооруженные всадники, но вида, что насъ всего шестеро наши карабины загнуты за спину, успокоились.

За крутымъ берегомъ оврага, въ которомъ насъ оставилъ етисъ, нельзя было видѣть стоянки. Но какъ только мы выбрались на ровное мѣсто, вачеро узнали тотчасъ въ незнакомцахъ роспекторовъ. Лопаты, кирки и буры, виднѣвшіеся на фургонахъ, ясно говорили объ ихъ занятіи.

«Проспекторами» называются на западѣ искатели золота и раз-

личныхъ металлическихъ рудъ. Обыкновенно люди, которымъ оочень не повезло на золотыхъ приискахъ Калифорніи, или на другихъ рудникахъ, подыскиваютъ себѣ партію изъ такихъ же, какъ они сами, разорившихся джентльменовъ, общими силами запасаются нужными инструментами, оружіемъ, небольшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, и отправляются въ глухія неислѣдованныя пустыни проспектировать или искать счастья. Иногда, хотя очень рѣдко, проспекторамъ удается напасть на золото или какую-нибудь руду и поправить свои денежные обстоятельства. По большей же части, они уже болѣе не возвращаются; вѣроятно, дѣлаются жертвами краснокожихъ, или погибаютъ отъ лишений, забравшись въ какую-нибудь трупобу. Если же и возвращаются, то въ такомъ несчастномъ видѣ, что уже теряютъ охоту въ другой разъ искать золото и принимаются за какое-либо занятіе, не сулящее такихъ громадныхъ барышей, но за то дающее болѣе обезпеченный доходъ.

Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, я напрямикъ сказалъ имъ о цѣли нашего пріѣзда, и просилъ ихъ отвѣчать мнѣ также откровенно. Начальникъ партіи, французскій горный инженеръ, какъ я узналъ впоследствии, объяснилъ мнѣ, что мѣсяцевъ шесть тому назадъ они вышли проспектировать изъ Канзаса. Пока были средства, возобновляли запасы у встрѣчныхъ торговцевъ, потомъ стали страшно бѣдствовать. Мулы пали отъ истомленія. Пришлось впрягать въ фургоны съ инструментами верховыхъ лошадей, которыя тоже не выдерживали возовъ по горнымъ дорогамъ и безпрестанно падали. Хлѣбъ и виски давно вышли. Кормилась охотою, да и то рассчитывая заряды, приходившіе къ концу. Табаку осталось очень немного. Поиски какой-либо руды, стоящей разработки, оказались тщетны, и проспекторы рѣшили какъ-нибудь добраться до штатовъ. Но, дойдя до мѣста сегодняшней стоянки, оказалось, что идти далѣе невозможно. Измученныя лошади не могли тащить фургоны; люди тоже съ трудомъ передвигали ноги. Затѣмъ партіей овладѣло какое-то отчаяніе, и, несмотря на то, что самъ начальникъ не терялъ бодрости, онъ уже не въ силахъ поддержать долѣе бодрости духа въ другихъ, и не знаетъ, что съ ними будетъ дальше. Наружный видъ партіи не оставлялъ никакого сомнѣнія, что французъ говорилъ правду. Удивительно, какъ они изнурили лошадей въ богатой травой преріи до такой степени, что бѣдныя исхудалыя животныя легли не далеко отъ фургоновъ, пощипывая траву, растущую около нихъ. Утомленіе ихъ было такъ велико, что видъ хорошаго пастбища не могъ заставить ихъ подняться на ноги

Не въ лучшемъ состояніи были и люди. Изнуренныя лица ясно говорили о перенесенныхъ лишеніяхъ, и приняли какое-то тупое выраженіе; платье обратилось въ неопредѣленныя лохмотья. Отъ обуви не осталось никакихъ остатковъ. У многихъ ноги были обвязаны тряпичами. Оружіе было въ порядкѣ. Но что въ немъ пользы, когда нѣтъ зарядовъ!

Я предложилъ проспекторамъ пройти къ намъ на бивуакъ, оставивъ фургоны подъ карауломъ моихъ вачеро. Оказалось, что у всѣхъ ноги были до того изранены и обиты долгою ходьбою по скаламъ и волочкамъ, что пройти десятокъ миль до бивуака почти невозможно для несчастныхъ скитальцевъ.

Пославъ сопровождавшихъ меня вачеро на бивуакъ за хлѣбомъ и виски для ужина проспекторовъ, я поспѣшилъ въ лагерь піонера, чтобы потолковать съ нимъ, какъ лучше выручить попавшихъ въ бѣду людей.

Услышавъ о бѣдственномъ положеніи проспекторовъ, женщины въ лагерь живо собрали разныхъ съѣстныхъ припасовъ, бѣлья и холста для перевязки израненныхъ ногъ, и отправили это на стоянку. Самъ піонеръ сѣлъ на одну изъ стоявшихъ всегда на-готовѣ лошадей, и поскакалъ со мною въ венту, куда мы пріѣхали уже подъ вечеръ, когда тамъ собрались по окончаніи работъ скватеры.

Піонеръ такъ хорошо сумѣлъ объяснить необходимость помочь проспекторамъ, и дать имъ возможность добраться до границы, что положено было тотчасъ же устроить въ пользу несчастныхъ складчину. Дядя Бой снялъ свою шляпу и предложилъ желающимъ класть въ нее, что сколько можетъ.

Въ одну минуту всѣ запустили руки въ пояса, и въ шляпу частымъ дождемъ посыпались иглы, дѣбль-иглы, золотые и серебряные доллары, испанскіе доллары, нѣмецкіе талеры. Мелкой монеты не бросалъ никто.

Въ вентѣ не осталось никого, кто бы не далъ чего-нибудь. Одинъ авантюристъ, пропившій уже всѣ деньги, продалъ тутъ же съ аукціона одинъ изъ своихъ револьверовъ, и бросилъ выреченныя деньги въ шляпу.

Собранныхъ денегъ оказалось не только достаточно для покупки изъ запаснаго магазина венты полныхъ костюмовъ, обуви и одѣялъ для сорова двухъ проспекторовъ, но и осталось до шестисотъ долларовъ на покупку муловъ и на расходы въ первое время по возвращеніи въ штаты.

Несмотря на то, что была уже ночь, старый піонеръ, я и нѣсколько человѣкъ авантюристовъ тотчасъ же отправились на

стоянку проспекторовъ и отвезли имъ купленные вещи и остальные деньги.

Мы застали проспекторовъ за ужиномъ. Вѣски и сытный ужинъ съ хлѣбомъ, котораго они давно не ѣли, произвели на нихъ отличное дѣйствіе. Куда дѣвалось прежнее отчаяніе! Привезенное нами платье и деньги совсѣмъ развеселили искателей золота, шумно изъявлявшихъ свою радость.

Сознаніе, что они вышли изъ крайне затруднительнаго положенія, и находятся вблизи отъ бѣлыхъ, готовыхъ оказать имъ помощь, заставило ихъ забыть всѣ перенесенныя лишения и опасности. Они еще не составили себѣ плана дальнѣйшихъ дѣйствій, но понимали, что съ возвращеніемъ бодрости такъ или иначе сумѣютъ поправить свои дѣла. Они бы и сейчасъ готовы были приняться за какую-либо работу, еслибы физическое изнуреніе и раны на ногахъ не дѣлали отдыхъ на нѣсколько дней необходимымъ. Общимъ совѣтомъ было рѣшено, что проспекторы переберутся на другой день къ вентѣ, гдѣ стоянка для нихъ удобнѣе, и, отдохнувъ нѣсколько дней, рѣшатъ: возвратиться ли въ штаты, гдѣ ихъ не ждало ничего хорошаго, или наняться работать у піонера.

Такъ какъ лошади проспекторовъ были не въ состояніи везти фургоновъ до венты, то піонеръ обѣщалъ на другой день прислать своихъ быковъ.

Піонеръ уѣхалъ въ свой лагерь, а я на бивуакъ.

Мало-по-малу проспекторы стали оправляться отъ послѣдствій своего странствованія.

Прежде всѣхъ оправился Вилье, горный инженеръ. Дня черезъ два онъ ходилъ уже по горамъ, производя изслѣдованія. Это былъ замѣчательно веселый малый. Во время своихъ экскурсій онъ часто заходилъ къ намъ на бивуакъ, гдѣ у него нашелся землякъ, то же французъ, вачеро, скальпированный Пьеръ.

Дядя Фой, всмотрѣвшись въ характеръ веселаго француза, пригласилъ его къ себѣ на домашнюю половину, гдѣ Вилье чрезвычайно остроумно и увлекательно сообщалъ обитательницамъ основанія горнаго дѣла, и вообще естествознанія. Въ этихъ отрасляхъ обитательницы венты были недалеки, и Бетси не упустила случая дополнить свѣдѣнія своихъ дѣтей въ предметахъ, которые не преподаются въ общеобразовательныхъ школахъ, и о которыхъ сама она имѣла не совсѣмъ ясное понятіе.

У Вилье была коллекція минераловъ, собранная во время его странствованій. Какъ-то разъ онъ показалъ своимъ ученикамъ

коллекцію. Вильямъ, разсматривая кусочки минераловъ, увидѣлъ кусокъ свинцоваго блеска и сообщилъ, что такого камня много на берегу Ридъ-Ривера, не очень далеко отъ венты.

На другой день, когда Вилье, не обратившій большого вниманія на сообщенія молодого человѣка, пришелъ въ венту, Вильямъ подаль ему нѣсколько кусковъ свинцовой руды. Вилье тотчасъ же отправился съ нимъ на мѣсто и нашель дѣйствительно довольно богатую залежь свинцовой руды, содержащей небольшое количество серебра.

Вилье, обрадованный находкой, почти бѣгомъ прибѣжалъ на нашъ бивуакъ и сообщилъ, что теперь нашлось средство поправить дѣла партіи проспекторовъ. Конечно, выплавка свинца по дешевизнѣ металла не такъ выгодна, какъ золотая россыпь, но, при благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, можетъ дать хорошій заработокъ.

Устройство плавильныхъ печей и другихъ принадлежностей не можетъ обойтись дорого. Топливо подъ руками—жги лѣса сколько хочешь.

Выплавленный металлъ, правда, съ нѣкоторыми затрудненіями можетъ сплавляться по Ридъ-Риверу въ штаты. Часть свинца можетъ быть распродана въ преріи, куда теперь ввозится изъ штатовъ значительное количество этого необходимаго для жителей пустыни металла. Остановка была только за денежными средствами для перваго обзаведенія, хотя въ маломъ видѣ. Этому горю можно было помочь. Мѣстонахожденіе руды отстояло недалеко отъ нашихъ плотовъ. Если проспекторы начнутъ разработку руды, и поселятся около нашей переправы, то имъ ничего не стоить взять на себя караулъ. Въ такомъ случаѣ я могъ сдѣлать имъ кредитъ изъ суммы, предназначенной патрономъ для обезпеченія переправы. Однако я не рѣшился предложить кредитъ неизвѣстному человѣку, не посовѣтовавшись первоначально съ піонеромъ и дядей Боемъ. Сильно подмывало меня вступить въ компанію съ проспекторами, но такъ какъ въ данной мнѣ инструкціи я былъ уполномоченъ открыть кредитъ насчетъ компаніи, а никакъ не на вступленіе отъ ея имени въ какія-либо спекуляціи, удержался, боясь могущей пасть на меня отвѣтственности. Въ то время, какъ къ намъ пришелъ Вилье, была моя очередь караула, почему я не могъ самъ тотчасъ отлучиться и посовѣтовалъ Вилье, взявъ одну изъ нашихъ лошадей, сѣздить въ лагерь піонера, и переговорить съ нимъ о найденной рудѣ. Черезъ нѣсколько времени я видѣлъ со своей скалы, какъ ста-

рый пионеръ и Вилье проѣхали въ венту. Откарауливъ очередь, я послѣшилъ туда же.

Разработка свинцовой руды нисколько не противорѣчила интересамъ дяди Боя и пионера. Напротивъ, она могла способствовать привлеченію ббльшаго числа переселенцевъ въ эту мѣстность. Пріѣздъ жителей преріи за свинцомъ могъ оживить торговлю. А этотъ пріѣздъ долженъ непременно усилиться еще и потому, что, какъ сообщилъ Вилье, на одномъ изъ притоковъ Ридъ-Ривера, въ горахъ вулканическаго происхожденія, есть самородная сѣра. Подвозя селитру изъ Техаса, гдѣ ее готовятъ въ большомъ количествѣ изъ навоза, при дешевизнѣ угля, можно воспользоваться этою сѣрою, и устроить со временемъ, когда выплавка свинца пойдетъ удачно, пороховой заводъ.

Естественно, что въ мѣстности, гдѣ находится самая удобная переправа, извѣстная далеко вента, наконецъ, есть возможность достать изъ первыхъ рукъ порохъ и свинець,—вещи болѣе необходимыя въ пустынѣ, чѣмъ хлѣбъ, гдѣ, наконецъ, по близости можно приобрести продукты сельскаго хозяйства и производить промѣнъ сырья, не можетъ не произойти большого скопленія народа; а тамъ—до образованія города—всего одинъ шагъ. Старый пионеръ и дядя Бой какъ нельзя лучше понимали выгоды отъ разработки руды, и рѣшились принять участіе въ предпріятіи Вилье и его товарищей, давъ нужную сумму денегъ.

По расчету инженера, на покупку принадлежностей въ штатахъ нужно употребить около шести тысячъ долларовъ.

Необходимыя плавильныя печи, выломка руды и заготовленіе топлива могли быть произведены самими проспекторами.

Шесть тысячъ долларовъ были собраны такимъ образомъ: вся сумма разбивалась на шесть паевъ, изъ которыхъ по два приходилось на долю пионера и дяди Боя, и по одному—Пьеру, имѣвшему свой капиталецъ, и мнѣ. Трудъ проспекторовъ долженъ былъ цѣниться по средней заработной платѣ въ сосѣднихъ штатахъ, и затѣмъ чистая прибыль дѣлилась такъ: семьдесятъ процентовъ поступало проспекторамъ, а тридцать на внесенный капиталъ, по пяти на каждый пай. Я рѣшился взять пай не иначе, какъ только потому, что проспекторы обязались караулить переправу, и рассчитывая, въ случаѣ, если компанія признаетъ эту затрату неправильною, оставить пріобрѣтенный пай за собою.

Пионеръ и дядя Бой положительно отсовѣтовали мнѣ распорядиться компанейскими деньгами для усиленія предпріятія Вилье, такъ какъ въ инструкціи была ясно опредѣлена цѣль, для которой я имѣлъ право открывать кредитъ. По достиженіи этой

цѣли, понятно, мое уполномочіе прекращалось. Вилье не былъ извѣстенъ никому изъ давшихъ на предпріятіе деньги, почему піонеръ послалъ одного изъ своихъ сыновей сопровождать его въ штаты. Проспекторы начали мало-по-малу выздоравливать и участвовать въ караулѣ переправы, что дало мнѣ возможность отослать лишнихъ вачеро и значительно сократить расходъ по караулу.

Къ устройству построекъ для свинцово-плавильнаго завода предполагалось приступить не ранѣе, какъ черезъ три недѣли по возвращеніи Вилье съ покупками изъ штатовъ; тогда же долженъ былъ быть окончательно переданъ мною караулъ переправы проспекторамъ, если до того времени мой патронъ не признаетъ нужнымъ сдѣлать какое-нибудь новое распоряженіе. Въ свободное отъ караула время проспекторы начали рубить лѣсъ и жечь его на уголь.

Пустынные окрестности венты дяди Боя, въ теченіи моего пятинедѣльнаго пребыванія, значительно оживились. Съ верховьевъ безпрестанно прибывали къ лѣсопильнямъ новыя партіи скватеровъ съ своимъ лѣсомъ. Скоро набралось на лѣсопильняхъ до четырехъ-сотъ человѣкъ: Изъ штатовъ прибыло также слишкомъ двѣсти человѣкъ скватеровъ, успѣвшихъ сплавить, сбыть свой товаръ, и возвратившихся для новой рубки. Вновь прибывшія партіи пристали къ бывшимъ на лѣсопильняхъ.

Благодаря изобилію и высокому паденію воды, лѣсопильни были устроены очень хорошо, и работали успѣшно. Скватеры сами говорили, что рѣдко случалось находить имъ такое удобное мѣсто для лѣсопиленъ, которыя должны, по ихъ мнѣнію, просуществовать на этомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ. Верховья Ридъ-Ривера и его притоки со своими нетронутыми лѣсами могли доставить работу всѣмъ здѣшнимъ скватерамъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Все огромное количество лѣса, вырубленнаго въ этотъ промежутокъ времени, должно быть распилено на этихъ лѣсопильняхъ, такъ какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ распилка не будетъ такъ удобна и не обойдется такъ дешево. Мой прежній врагъ, а потомъ пріятель, старый Бенъ, чрезвычайно гордился удачнымъ выборомъ мѣста для лѣсопиленъ, такъ какъ онъ первый нашелъ это мѣсто и указалъ товарищамъ.

Старый піонеръ, осмотрѣвъ внимательно окрестности, нашелъ также, что выбранная имъ полянка удовлетворяетъ его желаніямъ, и рѣшилъ строить блокгаузъ немного повыше того мѣста, гдѣ стоялъ его лагерь. Проспекторы устроили временныя жилища или шалаши нѣсколько ниже нашей переправы, у са-

мага мѣста нахождения руды. Такимъ образомъ наша переправа находилась внутри неправильнаго четырехъугольника, между вен-той, лѣсопильнями, рудникомъ и лагеремъ пионеровъ, защищавшимъ въ то же время и горный проходъ со стороны преріи.

При такомъ положеніи трудно бы предположить, чтобы кто-либо могъ пробраться съ дурнымъ намѣреніемъ въ нашѣмъ плота-мъ. Нападеніе сильной партіи индійцевъ было также немы-слимо. Благоприятное время для враждебныхъ дѣйствій было про-пущено. Въ случаѣ нападенія пришлось бы имѣть дѣло почти съ тысячею рѣшительныхъ, привычныхъ къ схваткамъ, людей. На такое число бѣлыхъ индійцы не рѣшаются нападать. Къ тому же по свѣдѣніямъ, полученнымъ чрезъ авантюристовъ и торговцевъ, незамѣтно было никакихъ враждебныхъ намѣреній со стороны ближайшихъ племенъ, продолжавшихъ удаляться на юго-западъ, слѣдомъ за стадами бизонныхъ.

Наблюдательный постъ на скалѣ оказался почти бесполез-нымъ, такъ-какъ ночью съ него ничего не было видно по темнотѣ, а днемъ всю окрестность застилалъ туманъ. Почему, отославъ всѣхъ вачеро, кромѣ Пьера и трехъ вачеро изъ сопровождав-шихъ меня съ самаго начала, я снова перебрался въ венту.

Возможность помѣститься не на открытомъ воздухѣ, — мнѣ и Пьеру въ вентѣ, а вачеро въ одной изъ хижинъ проспекторовъ, явилась очень кстати. Ночи стали невыносимо холодны. Часто падали небольшіе дожди и туманы, предвозвѣстники тѣхъ страш-ныхъ ливней, которые бываютъ въ этой мѣстности въ концѣ января и въ февралѣ, и продолжаются обыкновенно нѣсколько недѣль сразу. Смочшее кожаное платье не успѣвало высыхать въ теченіи дня, и причиняло во время ночей такой сильнѣйшій холодъ, что не было возможности согрѣться подъ нѣсколькими теплыми одѣялами. По утрамъ руки у меня такъ коченѣли, что часто я не былъ въ состояніи отвязать свою лошадь отъ лассо. Поддерживать огонь на бивуакѣ по причинѣ дождя и росы было крайне затруднительно.

Частыя посѣщенія лѣсопиленъ дали мнѣ возможность ознако-миться съ бытовыми условіями и ходомъ занятій скватеровъ. Скватеры раздѣляются на два разряда. Одни занимаются исклю-чительно рубкою и сплавомъ лѣса, не строятъ постоянныхъ жи-лицъ, устраиваютъ временныя лѣсопильни, и, вырубивъ лѣсъ въ одномъ мѣстѣ, переходятъ на другое, куда переносятъ свои лѣсо-пильни. Другой видъ скватеровъ составляетъ переходную ступень къ пионерамъ или хлѣбопашцамъ, въ которыхъ со временемъ, когда вырубятъ по близости лѣсъ, они и переходятъ. Эти скватеры

кроме рубки леса, устраивают, смотря по средствамъ, дѣшевые блокгаузы или укрѣпленные хижины, постоянныя лѣсопильни, рубать лесъ по близости своихъ жилищъ и занимаются на вырубленныхъ мѣстахъ хлѣбопашествомъ, иногда скотоводствомъ. Такіе поселки устроиваются старыми скватерами, имѣющими большое число взрослыхъ женатыхъ сыновей; къ нимъ пристають въ качествѣ работниковъ малосемейные скватеры, не желающіе разставаться на долгіе промежутки времени съ своими семействами. Мало-по-малу, дѣнный лесъ около поселка исчезаетъ, уступая мѣсто пахатнымъ полямъ, приносящимъ несравненно больше выгодъ, чѣмъ рубка лесовъ, и обитатели поселковъ перестаютъ заниматься сплавомъ леса, продаютъ принадлежности лѣсопильныхъ заводовъ и устремляютъ всю свою дѣятельность на хлѣбопашество и скотоводство.

На верховьяхъ Ридъ-Ривера, въ мою бытность, было всего два или три такихъ скватерскихъ поселка, но число ихъ должно было быстро возрастать, по мѣрѣ того, какъ мѣстность стала безопаснѣе отъ индійцевъ. Скватеры, работавшіе по близости венты, принадлежали къ первому разряду, т. е. исключительно занимались рубкой леса, и вели кочевую жизнь, оставаясь на одномъ мѣстѣ только такой промежутокъ времени, какъ позволялъ имъ ихъ промыселъ.

Между этими скватерами много женатыхъ, но они не берутъ съ собою семействъ, оставляя ихъ въ штатахъ, на низовьяхъ рѣкъ, по которымъ сплавляютъ лесъ. Съ семействами они видятся раза два или три въ годъ, когда сплавляютъ свои плоты. Женщины и дѣти моложе 17—18 лѣтъ почти никогда не сопровождаютъ партій скватеровъ.

Партіи или артели состоятъ изъ 50—100 человекъ, подъ распоряженіемъ выборнаго начальника. Условія между членами партій бывають различныя. Иногда на первоначальное обзаведеніе складываются всѣ по-ровну, ведутъ общіе расходы и дѣлятъ также по-ровну барыши. Случается, что только нѣкоторые члены вносятъ деньги на первоначальныя издержки, и за это пользуются большею долею въ барышахъ. Иногда, несмотря на то, что вклады денегъ одинаковы, не всѣ члены пользуются равной долей барыша, а по степени способности къ работѣ. Наконецъ, когда одинъ скватеръ беретъ всю первоначальную затрату, то, кроме доли за свою работу, онъ получаетъ половину всей чистой прибыли. Топоры и другіе инструменты или составляютъ общую собственность, или же каждый скватеръ долженъ самъ приобретать и поддерживать ихъ собственными средствами. Въ

одномъ всѣ партіи сходятся—это въ томъ, что начальники у нихъ выборные на извѣстный срокъ. Начальникъ получаетъ на свою долю пятую часть всей чистой прибыли и не можетъ быть смѣненъ до окончанія срока выбора. Какъ я уже сказалъ, скватеры выбираютъ себѣ въ начальники опытныхъ, преимущественно молодыхъ людей и оказываютъ имъ слѣпое повиновеніе. Даже тѣ изъ скватеровъ, насчетъ которыхъ собрана экспедиція, не пользуются никакими преимуществами при выборахъ начальника. Самихъ ихъ рѣдко выбираютъ и впоследствии они работаютъ наравнѣ съ другими, также повинуются начальнику и только при окончаніи операціи отличаются отъ другихъ тѣмъ, что получаютъ болѣе денегъ. Когда скватеръ, состарившись, начинаетъ чувствовать, что уже неспособенъ работать, какъ прежде, то спѣшитъ выдти изъ артели. Обыкновенно къ этому времени у него подрастаютъ сыновья и уже по нѣскольکو лѣтъ работаютъ съ отцомъ. Устарѣвшій скватеръ, забравъ своихъ сыновей и подготовивъ еще небольшое число своихъ товарищей, устраиваетъ себѣ постоянное жилище и пополняетъ собою ряды полу-скватеровъ, полу-хлѣбопашцевъ.

При рубкѣ лѣсовъ вблизи штатовъ, въ мѣстностяхъ сравнительно безопасныхъ отъ индійцевъ и гдѣ сплавъ лѣса не представляетъ большихъ затрудненій, партіи работаютъ поодиночкѣ, не строятъ своихъ лѣсопиленъ и доставляютъ бревна на ближайшіе лѣсные склады.

Удаляясь отъ границъ въ дикія мѣстности, нѣсколько партій вступаютъ между собою въ союзъ и работаютъ сообща. Распоряженіе дѣлами такихъ соединенныхъ партій принадлежитъ совѣту начальниковъ партій, рѣшающихъ вопросы большинствомъ голосовъ, или избирающихъ изъ среды себя главнаго начальника. Какъ совѣты, такъ и избранные ими начальники заботятся объ общихъ дѣлахъ, отнюдь не вмѣшиваясь въ частныя дѣла каждой партіи, и дѣлаютъ свои распоряженія чрезъ начальниковъ отдельныхъ партій. Скватеры, устроившіе лѣсопилины близъ венты дяди Боя, принадлежали къ двѣнадцати артелямъ, вступившимъ въ союзъ на три года подъ управленіемъ совѣта начальниковъ. Четыремъ партіямъ, помогавшимъ мнѣ устроить переправу, поручена была постройка лѣсопиленъ и вырубка ближайшаго къ нимъ лѣса. Остальныя восемь партій все время рубили лѣсъ на верховьяхъ и притокахъ. Выручка за лѣсъ должна была дѣлиться пропорціонально численности партій. Прибывшія изъ штатовъ три артели, увидѣвъ, въ какомъ удобномъ мѣстѣ поставлены лѣсопилины, присоединились къ прежде прибывшимъ, съ условіемъ

получить при продажѣ лѣса перваго сплава меньшую долю, такъ какъ они не участвовали въ первоначальныхъ работахъ.

Старый Бень, первый увидавшій мѣсто для лѣсопиленъ, могъ вполне гордиться своею находкою.

Горный берегъ Ридъ-Ривера отступаетъ на нѣсколько саженъ отъ рѣки, образуя широкое песчаное побережье, и спускается къ этому побережью пятью уступами или террасами. Довольно глубокой ручей, взявъ свое начало въ горномъ озерѣ, течетъ нѣкоторое пространство по плоской возвышенности, и, достигая уступовъ, образуетъ пять водопадовъ. При впаденіи въ рѣку быстрое теченіе ручья размыло прибрежный песокъ и образовало широкую, доходящую до нижняго уступа бухту. Террасы на уступахъ достаточно широки, чтобы устроить на нихъ лѣсопильные сараи.

Скватеры воспользовались какъ нельзя лучше удобствами этого мѣста. По числу уступовъ, устроены пять лѣсопиленъ съ наливными колесами. Ручей запруженъ на самомъ верху перваго уступа и его вода проведена, деревянными желобами, на колеса перваго сарая. Отработавъ здѣсь, вода идетъ на колеса втораго сарая и т. д. Верхній сарай предназначенъ для того, чтобы имѣющійся въ немъ механизмъ встаскивалъ бревна изъ бухты въ нижній сарай, потомъ во второй, и такъ до четвертаго. Обработанный во всѣхъ четырехъ сараяхъ лѣсъ спускаютъ по наклонному дощатому желобу обратно въ бухту.

Бухта, образованная впаденіемъ ручья, была расширена и сдѣлана удобною, какъ для ввода въ нее лѣса съ рѣки, такъ и для сплава обработанныхъ на лѣсопильныхъ бревенъ. Между сараями были устроены наклонныя плоскости для перетаскиванья бревенъ, и удобныя лѣстницы для людей. Вообще шлюзы, колеса, и другія принадлежности отличались чрезвычайною прочностью и замѣчательною вѣрностью работы и расчета. Очевидно, между скватерами были опытные механики, достигшіе, вслѣдствіе многолѣтней практики, замѣчательной степени совершенства въ устройствѣ лѣсопиленъ.

Порядокъ работы по лѣсопильнямъ былъ такой: пригнанный въ бухту лѣсъ тщательно осматривался и изъ него выбирались длинныя, ровныя, мачтовыя бревна, которыя не поступали на лѣсопильни, а сплавлились цѣликомъ. Бревна, въ которыхъ при наружномъ осмотрѣ оказались какіе бы ни было недостатки, напр. небольшая кривизна, толстые сучья или даже простое утолщеніе коры, поступали въ нижній сарай, гдѣ четыре ленточныя пилы, обрѣзая обаловки, приготовляли изъ него четырехъ-угольный брусъ.

Если брусъ оказывался безъ недостатковъ, его переправляли въ наклонный жолобъ, по которому и спускали обратно въ бухту. Оказись въ брусѣ самые незначительные недостатки, его перетаскивали во второй сарай, гдѣ рѣзали на широкія, толстыя пластины. Хорошія пластины спускались въ бухту, а имѣющія недостатки въ третій сарай, гдѣ ихъ рѣзали на брусья такой толщины, какой обыкновенно дѣлаютъ основанія подъ деревянные дома. Забравованные брусья рѣжутся въ четвертомъ сараѣ на доски.

Скватеры, во время своихъ прежнихъ путешествій съ плотами внизъ по Ридъ-Риверу, успѣли очистить фарватеръ отъ затонувшихъ деревьевъ, взорвать нѣкоторые камни, уничтожить пороги. Они полагали возможнымъ, связавъ плоты у лѣсопиленъ, прямо гнать ихъ отсюда, не перевязывая, а счаливая плоты между собою, по мѣрѣ того, какъ рѣка будетъ становиться шире, и дѣлать менѣе крутые повороты. Нижній ярусъ плотовъ состоялъ изъ мачтового лѣса. На нихъ влялся ярусъ пластинъ, затѣмъ, тонкіе брусья въ три или четыре яруса. Одинъ или два яруса этихъ брусьевъ должны были при полной нагрузкѣ плота быть выше поверхности воды, тогда какъ мачтовый лѣсъ, пластины, и нижній ярусъ бревенъ были въ водѣ. Дальше, уже выше уровня воды, помѣщались толстыя брусья, предназначавшіеся для столярныхъ фабрикъ, а на самомъ верху, какъ-бы служа крышею, лежали доски.

Бывая на лѣсопиляхъ, я не зналъ, чему больше удивляться, — толщинѣ, длинѣ и отличному качеству бревенъ, или силѣ и ловкости, съ которою скватеры справлялись съ этими страшно-тяжелыми бревнами.

Старый Бенъ охотно отвѣчалъ мнѣ на разспросы о ремеслѣ скватеровъ, объ ихъ бытовыхъ условіяхъ, рассказывалъ эпизоды изъ своей долгой, полной приключеній, жизни въ пустынныхъ лѣсахъ.

Разъ, сидя на борту жолоба, служившаго для спуска бревенъ, Бенъ рассказывалъ мнѣ и сидѣвшимъ съ нами начальникамъ партій, не принимавшимъ личнаго участія въ работахъ, а наблюдавшимъ за общимъ ходомъ работъ и распилкой, что-то изъ своей давно пропедшей молодости. Въ то время онъ не былъ скватеромъ и занимался охотою за скальпами. Это было чрезвычайно выгодное занятіе, такъ какъ правительство платило за каждый представленный скальпъ индѣйца порядочную сумму денегъ, доходившую по временамъ до 25 долларовъ. Понятно, что находилось много охотниковъ, убивавшихъ краснокожихъ только

для того, чтобы снять скальпъ. Эта безнравственная мѣра немало способствовала къ увеличенію ненависти между бѣлыми и краснокожими обитателями преріи. Въ настоящее время премія за доставленный скальпъ отмѣнена, и число охотниковъ за скальпами стало меньше, хотя эта безчеловѣчная охота не прекратилась со-всѣмъ. Ею занимаются и теперь такъ-называемые разорители индійскихъ кладбищъ. Индійцы помѣщаютъ на могилахъ своихъ воиновъ высокій шестъ, къ которому привязываютъ всѣ скальпы, добытые умершимъ. Снять съ шеста эти скальпы считается у индійцевъ величайшимъ преступленіемъ и кровной обидой, не только для родственниковъ, но и для всего племени, къ которому принадлежалъ умершій.

Разорители кладбищъ, собравшись партіями или поодиночкѣ, собираютъ высохшіе скальпы, убиваютъ и скальпируютъ попавшихся въ ихъ руки индійцевъ и продаютъ скальпы торговцамъ волосами, которые въ свою очередь перепродаютъ срѣзанные съ кожи и разсортированные волосы парикмахерамъ и отправляютъ партіями въ Европу, гдѣ они идутъ для приготовленія шиньоновъ и др. украшеній. Скальпы, снятые съ индійцевъ, по жидкости и исключительно черному цвѣту волосъ, не такъ цѣнятся въ торговлѣ, какъ скальпы бѣлыхъ, особенно женщинъ, приоб-рѣтенные на кладбищахъ индійскихъ племенъ, близкихъ отъ границы.

Бенъ умѣлъ рассказывать. Слушая его, казалось, переживаешь самъ всѣ тревоженія жизни охотника за скальпами. Волосы становились дыбомъ при описаніи ужасныхъ истязаній, которымъ подвергались бѣлые, попавшіе въ руки индійца, — и индійца, захваченнаго бѣлыми.

Вдругъ, несмотря на то, что самъ Бенъ увлекся своимъ рассказомъ и не обращалъ никакого вниманія на окружающее, онъ остановился на полсловѣ, вскочилъ и, крикнувъ: «подожди, Робъ!» — бросился внизъ къ бухтѣ. То же сдѣлалъ и другой, бывший съ нами начальникъ, крикнувъ, чтобы подождалъ какой-то Виль. Остальные скватеры не тронулись съ мѣста и завели совершенно спокойно разговоръ о только-что слышанномъ рассказѣ. Я взглянулъ въ ту сторону, куда побѣжалъ Бенъ. Внизу, на берегу бухты стояли два молодыхъ скватера съ револьверами въ рукахъ, готовые стрѣлять другъ въ друга. Услышавъ возгласы начальни-ковъ, они остановились въ нерѣшимости. Оказалось, что пока мы сидѣли у нижняго сарая, скватеры, работавшіе у бухты, начали перекидываться насмѣшками. Одинъ изъ скватеровъ, не отличавшійся умомъ, Виль, служилъ, какъ обыкновенно, мишенью

для остроты. Надоѣли ли Вилю постоянныя насмѣшки, или Робъ ужь слишкомъ задѣлъ его за живое, только Виль, не находя словъ отвѣтить насмѣшнику, схватилъ смокшую въ водѣ щепу или осколокъ коры, и швырнулъ Робу въ лицо. Такое оскорбленіе дѣйствіемъ ввѣсило Роба. Не надѣясь одолѣть очень развитого физически Виля, онъ выхватилъ револьверъ; то же сдѣлалъ Виль, и безъ вмѣшательства начальниковъ, сцена, начавшаяся съ шутокъ, могла окончиться очень печально для одного изъ молодыхъ скватеровъ. Начальники, пользуясь своимъ авторитетомъ, порядкомъ распекли спорщиковъ, доказывая одному, что шути не должны переходить извѣстныхъ границъ, другому, что можно болтать языкомъ, а рукамъ не давать воли, заставили спрятать револьверы и помириться.

Другіе начальники не вмѣшивались въ дѣло, потому что поссорившіеся скватеры принадлежали не къ ихъ партіямъ и ссора касалась только начальниковъ, къ артелямъ которыхъ принадлежали Робъ и Виль.

Послѣ того, какъ состоялась мировая, Бенъ возвратился на свое мѣсто, и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой разговоръ. Я не могъ удержаться, чтобы не спросить, какія бы вышли послѣдствія, если бы начальникамъ не удалось во-время предупредить перестрѣлку, или если бы который-нибудь изъ скватеровъ ослушался. На это мнѣ передали содержаніе выработаннаго скватерами уголовного кодекса, вошедшаго въ обычай скватеровъ съ давнихъ временъ. Вотъ главные пункты этого оригинальнаго не писаннаго, но строго исполняемаго кодекса:

На обязанности начальника партіи лежитъ принимать мѣры для предупрежденія столкновеній съ оружіемъ въ рукахъ между членами артелей. На этотъ предметъ начальникъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., когда скватеръ буйствуетъ въ пьяномъ видѣ, велѣть скватерамъ обезоружить буяна. Въ перебранки и драки безъ оружія начальникъ не вмѣшивается.

Если ссора произошла между скватерами двухъ партій, то въ прекращенію ея принимаютъ мѣры начальники обѣихъ партій сообща.

Если одинъ скватеръ убьетъ другого, то убійца судится судомъ, состоящимъ изъ имѣющихся на лицо начальниковъ и равныхъ имъ по числу выборныхъ, на этотъ случай, отъ скватеровъ.

Число судей не можетъ быть менѣе двѣнадцати, и если не имѣется на лицо шести начальниковъ, то недостающіе до этого числа пополняются по выбору присутствующихъ начальниковъ.

Судъ разбираетъ причины, побудившія къ убійству.

Если убитый первый выстрѣлилъ, т.-е. былъ зачинщикомъ ссоры, то убійца оправдывается.

Если убійство произошло въ горячности, безъ обдуманнаго впередъ намѣренія и зачинщикомъ оказался убійца, то его приговариваютъ къ значительной пенѣ въ пользу семейства убитаго, если у него таковое осталось; если же нѣтъ, то въ пользу артели, къ которой принадлежалъ убитый.

Убійство заранѣе обдуманное наказывается смертью, повѣшеніемъ.

Раны наказываются штрафомъ.

За воровство самой ничтожной вещи у члена своей партіи или партіи, вступившей въ союзъ, виноватый изгоняется со срамомъ, и лишается всѣхъ затраченныхъ въ предпріятіе денегъ.

До ссоръ, дракъ съ посторонними, убійствъ и воровствъ у непринадлежащихъ къ артелямъ, скватеры не касаются. Въ случаѣ явнаго нападенія съ цѣлью грабежа или убійства на одного изъ товарищей, скватеры, понятно, заступятся за него.

Если кто-либо изъ скватеровъ занимается воровствомъ у постороннихъ, то хотя артели не изгоняютъ его до окончанія срока, но въ послѣдствіи ему трудно уже вступить въ какую-либо артель. Это дѣлается для того, чтобы воровство нѣсколькихъ личностей не испортило отношеній всѣхъ скватеровъ съ прибрежными жителями тѣхъ рѣкъ, по которымъ они сплавливаютъ лѣсъ.

Понятія скватеровъ о воровствѣ и частной собственности тоже своеобразны, если можно такъ выразиться. Я говорилъ уже, что они придерживаются того мнѣнія, что лѣсъ, гдѣ бы онъ ни росъ, можетъ рубить всякій, кто вздумаетъ, поэтому рубить лѣса землевладѣльцевъ не есть воровство. Кража осѣдланной лошади, упряжного мула и заводскаго жеребца считается преступленіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ убійство.

Если бы скватеръ оказался виновнымъ въ такомъ преступленіи, то сами товарищи приговорили бы его къ повѣшенію. Дѣло другое поймать въ случаѣ нужды лошадь изъ степного табуна; это даже не проступокъ. Воровство дойной коровы съ фермы, или причиненіе ей какого-либо вреда, хотя не уголовное преступленіе, но поступокъ крайне предосудительный, влекущій за собою непріятіе въ артели. Но застрѣлить быка, корову или теленка, отбившихся отъ стада въ преріи, для того, чтобы вырѣзать кусокъ мяса на жаркое, дѣло обыкновенное. Зачѣмъ же вачеро не караулили свое стадо и дали животному отбиться.

Свиньи, также какъ и лѣсъ, не могутъ быть частною соб-

ствешностью. Стоитъ только пустить кому-либо пару свиней въ лѣсъ и прикармливать ихъ время-отъ-времени разными негодными остатками отъ хозяйства, и они безъ всякой помощи и караула хозяина скоро расплодятся въ лѣсу. Нѣтъ основанія, чтобы пущившій въ лѣсъ свиней имѣлъ большее право на ихъ потомство, чѣмъ первый встрѣченный. На этомъ основаніи скватеры стрѣляютъ чужихъ свиней какъ лѣсную дичь. Свинина составляетъ, между прочимъ, ихъ любимую пищу. Застрѣливъ свинью, скватеры обрѣзаютъ ей уши и тщательно зарываютъ ихъ въ землю, чтобы хозяинъ не узналъ какъ-нибудь свою свинью по нарѣзамъ на ушахъ. Скрываютъ свои поступки скватеры не потому, что считаютъ ихъ дурными, а чтобы не рассердить хозяина свиньи, глупаго фермера, неспособнаго постигнуть справедливость теоріи скватеровъ на право владѣнія свиньями.

Вообще, вслѣдствіе оригинальности взглядовъ, усвоенныхъ скватерами, а еще больше вслѣдствіе ихъ до крайности безцеремоннаго, даже дерзкаго обращенія и грубости, проглядывающей въ ихъ манерахъ и поступкахъ, человѣку, который сталкивается съ ними въ первый разъ, трудно избѣгнуть недоразумѣній и непріятностей. Но, познакомившись ближе съ ихъ обычаями, какъ я убѣдился на опытѣ, съ этими странными людьми легко поддерживать дружескія отношенія.

Время дождей приближалось, и пионеръ, не желая оставаться при такой непріятной погодѣ подъ открытымъ небомъ, принялся за постройку блокгауза. Семейство пионера и его работники не гуляли въ то время, какъ стояли лагеремъ на избранномъ мѣстѣ. Они успѣли приготовить большое пространство для полей. Изъ не очень толстаго лѣса приготовили большой запасъ бревенъ. Мелкую поросль и вѣтви сложили въ большія кучи, сожгли и разсыпали по землѣ золу. На толстыхъ деревьяхъ, которыя рубить было бы трудно, обрубали сучья, ободрали кольцомъ кору у корня, и, подложивъ въ выкопанную подъ стволомъ яму дровъ, обожгли. Этимъ способомъ замариваются слишкомъ большія и толстыя деревья. Они тотчасъ высыхаютъ, скоро гниютъ и падаютъ года черезъ три или четыре. Чтобы пни отъ срубленныхъ деревьевъ не мѣшали дальнѣйшей обработкѣ, ихъ частью выжгли, частью вырвали помощью корчевальной машины, состоящей изъ горизонтальнаго вала, укрѣпленнаго на прочныхъ подставкахъ. Въ валу придѣлано вертикальное колесо или воротъ съ нѣсколькими рукоятками. Толстая дѣшъ съ желѣзными складными врычьями на одномъ концѣ наворачивается на валъ при вращеніи ворота. Заложивъ врычья въ то мѣсто пня, гдѣ отъ него начинаютъ рас-

ходиться толстые корни, человекъ четыре пионеровъ начинаютъ поворачивать ворота, и цѣпь, нависая на валъ, вытягиваетъ пень изъ земли. Когда нижняя часть пня поднялась дюймовъ на пять надъ поверхностью земли, корни обрубаютъ и откатываютъ пень въ краю поля. Изъ пней, сложенныхъ рядомъ и наваленныхъ одинъ на другой, устриваютъ некрасивую, но очень прочную ограду воеругъ участка. Ліаны скоро начинаютъ расти на пняхъ, перепутываютъ ихъ своими стеблями, и, несмотря на то, что самыя пни сгниваютъ черезъ нѣсколько лѣтъ, все-таки вокругъ поля остается непроницаемая для животныхъ изгородь изъ густо-переплетшихся ліанъ и кусковъ гнилого дерева. Несмотря на то, что м-ръ Джекинсъ,—такъ звали стараго пионера,—увеличилъ число своихъ работниковъ, нанявъ нѣсколько человекъ авантюристовъ и проспекторовъ, не пожелавшихъ участвовать въ разработкѣ руды, онъ не считалъ число людей, бывшихъ въ его распоряженіи, достаточнымъ для быстрой постройки блокгауза,—тѣмъ болѣе, что освобожденный отъ лѣса кусокъ поля долженъ былъ быть непременно поднять плугомъ до дождей, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ дождей, съ открытіемъ весны, приступить къ посѣву маиса и пшеницы.

Нанявъ поденно проспекторовъ, не имѣвшихъ до пріѣзда Вилъе неотложной работы, онъ съ своею обычною ловкостью уговорилъ скватеровъ остановить на нѣсколько дней свои лѣсопильни и помочь ему въ постройкѣ.

Точно также какъ при устройствѣ плотовъ, скватеры согласились работать безъ платы, за одно угощеніе. На мѣстѣ, назначенномъ для постройки, собралось до восьмисотъ человекъ и, понятно, что блокгаузъ началъ выростать съ чрезвычайно быстрой скоростью.

Блокгаузъ строился по плану, принятому въ пустынѣ для блокгаузовъ крупныхъ пионеровъ. Все трехъ-этажное зданіе окружало большой четырехъ-угольный дворъ, въ который вели только одни кованныя желѣзомъ ворота. Всѣ входы въ блокгаузъ шли со двора. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась кухня, она же и столовая, конюшни и хлѣвы. Во второмъ—жилая помѣщенія и кладовая. Въ третьемъ—амбары для зернового хлѣба. Въ нижнемъ этажѣ всѣ окна выходили на дворъ. Выходяція наружу окна были узки и служили бойницами.

Постройка производилась очень простымъ способомъ: размѣтивъ колыями мѣсто постройки, вкопали въ землю и обложили камнями толстые столбы, длиною во всю вышину постройки. Столбы отстояли на такое разстояніе другъ отъ друга, чтобы заготовленные при рас-

чистѣя дѣла бревна хватали отъ одного столба до другого. Въ столбахъ были протесаны пазы. Отесавъ бревна съ двухъ сторонъ и стесавъ нѣсколько концы, ихъ вкладывали горизонтально между двумя столбами—такъ, что стесанные концы плотно садятся въ пазы столбовъ, а отесанные стороны приходились одна вверхъ, другая внизъ. Бревна выбирались совершенно прямыя, такъ что тесаная нижняя сторона одного дерева приходилась очень плотно къ тесаной сторонѣ другого.

Коробки для дверей и оконъ дѣлались изъ нетесанныхъ бревенъ, въ которыхъ вынималась четверть для рамы. Нельзя сказать, чтобы эта работа отличалась большою аккуратностью и чистотою.

Выведа стѣны перваго этажа, для ббольшей прочности прибили деревянными гвоздями, на-крестъ, между столбами съ наружной стороны стѣны, обалочки, привезенныя съ лѣсопилень; настлали полъ изъ толстыхъ пластинъ, взятыхъ оттуда же, и принялись за постройку стѣны втораго этажа, тѣмъ же порядкомъ, какъ вывели стѣны нижняго. За вторымъ этажемъ вывели третій. Для крыши стропилъ не ставили, такъ какъ она состояла вся изъ неотесанныхъ бревенъ, укрѣпленныхъ однимъ концомъ на верхнемъ бревнѣ наружной стѣны, и другимъ, верхнимъ концомъ, наверху внутренней стѣны, выведенной нѣсколькими футами выше наружной. Поверхъ бревенъ настлали рядъ обалочекъ. При расчиствѣ поля было заготовлено столько бревенъ, что ихъ достало не только на блокгаузъ, но еще и на три большихъ, постоянныхъ корабля, устроенныхъ за-одно въ нѣкоторомъ разстоянн отъ блокгауза. Обалочки были взяты съ лѣсопилень даромъ, такъ какъ ихъ не сплавляли въ штаты по малоцѣнности и жгали, чтобы не занимали даромъ мѣста. Пластины и доски для дверей, рамъ, столовъ и скамеекъ, которые сколачивались тутъ же болѣе опытными плотниками, сватеры продали м-ру Джекинсу по очень выгодной цѣнѣ.

Окончивъ деревянную работу законопатили щели между бревнами разбитыми или, скорѣе, раздавленными стеблями сухой лианы, заготовили большое количество размоченной глины и обмазали ею всю наружную сторону стѣны. Крышу тоже обмазали глиной, а поверхъ ея укрѣпили деревянными шпильками пластины дерна, нарѣзаннаго плугомъ на длинныя подосы.

Черезъ четыре дня послѣ закладки, въ новомъ блокгаузѣ уже праздновали новоселье. Затѣмъ сватеры отправились на свои лѣсопилни, проспекторы жечь уголь, а пионеры, размѣстившись въ новомъ жилищѣ, принялись за обработку своего поля.

Меня очень интересовало, какъ піонеры будутъ работать плугомъ на мѣстѣ, только-что освобожденномъ изъ-подъ дѣса. Правда, они были частью выжжены, частью выкорчеваны. Но въ землѣ осталось очень много толстыхъ корней, переплетшихся между собою и представлявшихъ, повидимому, непреодолимые препятствія для плуга.

Однако, благодаря навыку и приспособленнымъ къ дѣлу инструментамъ, піонеры успѣшно преодолевали затрудненіе. Работа производилась большимъ, двухволеснымъ, колониальнымъ плугомъ, снабженнымъ крѣпкимъ, длиннымъ, наклоннымъ рѣзакомъ. Рѣзакъ, имѣющій на верхней части два зубца, подходит острымъ концомъ подъ корень, и выворачиваетъ его, дѣйствуя какъ клинъ, или разрываетъ своими зубцами. Если корень оказывается слишкомъ толстымъ, то плугъ останавливается и корень приходится устранять уже другими средствами. То же самое повторяется и съ камнями. Не очень крупные камни выворачиваются, а передъ большими плугъ останавливается.

Въ плуги впрягли по шести паръ хорошо сѣзженныхъ быковъ. Кромѣ плугатора и двухъ вожаковъ, у каждаго плуга шли челоуѣкъ 8 или 10 рабочихъ, вооруженные ломомъ, кирками, широкими топорами и специально приспособленными для распиливанія корней въ землѣ короткими, толстыми пилами. Каждому плугу былъ отведенъ особый участокъ, чтобы остановка одного плуга не задерживала работы другихъ. Когда плуги разѣхались по своимъ мѣстамъ, началась работа, нѣсколько похожая на ориво лядъ у насъ, въ Россіи. Но соха пашеть не глубоко и по своей легкости можетъ быть легко перенесена черезъ толстый корень или пень, тогда какъ тяжелый колониальный плугъ не можетъ пройти препятствія, прежде чѣмъ оно не будетъ уничтожено. Широкий лемешъ идетъ на глубинѣ 8 — 10 вершковъ и выворачиваетъ полосу въ 12 вершковъ шириною. Понуждаемые крикомъ вожаковъ, быки съ усиліемъ, но ровно, тащатъ плугъ. Слышится трескъ перерываемыхъ рѣзакомъ корней и прочный отваль медленно переворачиваетъ черную ленту плодородной земли, состоящей преимущественно изъ перегноя лѣсной, падавшей въ теченіи тысячелѣтій на землю. Болѣе или менѣе толстые корни наполняютъ эту ленту и портятъ ея правильную форму. Большая часть корней перерывается только съ одной стороны или не перерывается вовсе, а вытягивается изъ земли. Согнувшись отъ напора плуга, они даютъ ему пройти, потомъ выпрямляются и торчатъ изъ земли. Сопровождающіе плугъ рабочіе вытаскиваютъ эти торчащіе корни, обрубаятъ или опилю-

вають крѣпко сидящіе въ землѣ и складываютъ въ кучи. Пройдя нѣсколько шаговъ, быки останавливаются. При крикѣ вожаковъ, переведя духъ, быки дѣлають усилія, чтобы сдвинуть плугъ. Напрасно: рѣзецъ зацѣпилъ за слишкомъ толстый корень, и плугъ не трогается съ мѣста.

Привычныя животныя, видя бесполезность своихъ усилій, не повторяють ихъ понапрасну, и спокойно ждуть, пережевывая жвачку, пока рабочіе не уничтожатъ препятствія и не перекинуть или не выворотятъ корня, часто болѣе фута толщиной.

Даже смотрѣть тяжело на такую медленную, прерывающуюся безпрестанно работу, а участвовать въ ней—чистое мученье.

Проработавъ свои четыре часа, быки и люди выбиваются изъ силъ и должны отдыхать до слѣдующаго дня. Привычныя къ тяжелой работѣ, сильные пионеры до того утомлялись, что, возвратившись въ блокгаузъ, отказывались отъ обѣда, и только послѣ продолжительнаго отдыха могли приняться за ѣду.

Не легко достаются переселенцамъ въ дѣвственные лѣса эти богатые урожаи, которымъ такъ завидуютъ хлѣбопашцы заселенныхъ штатовъ.

Самъ м-ръ Джекинсъ, несмотря на свои лѣта, ходилъ наравнѣ съ другими плугаторами на работу и выбиралъ для своего плуга самый трудный участокъ. Правда, сопровождавшіе его отборные работники не давали слишкомъ утомляться старею, но все-таки примѣръ хозяина чрезвычайно поддерживалъ бодрость и энергію пионеровъ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней мучительной работы, участокъ, предназначенный для посѣва тотчасъ послѣ дождей, былъ взорванъ, выборонованъ и сложенные въ кучи корни сожжены.

Пионеры принялись за менѣе утомительныя занятія, и м-ръ Джекинсъ могъ отдохнуть отъ несоответствующихъ его лѣтамъ трудовъ. Въ это время онъ часто пріѣзжалъ въ венту поболтать съ дядей Боемъ.

Во время одного изъ такихъ посѣщеній, онъ пригласилъ меня проѣхать съ нимъ до блокгауза, переночевать тамъ и возвратиться на другой день къ очереди караулить плоты. Какъ всегда, въ мое отсутствіе начальство надъ карауломъ принялъ на себя Пьеръ, и мы со старымъ пионеромъ, переправясь на паромѣ черезъ рѣку, углубились въ ущелье. Отъѣхавъ около пяти миль отъ переправы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье, идущее до этихъ поръ довольно прямо, дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ, на близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, мы увидѣли впереди четырехъ всадниковъ, въ которыхъ узнали авантюристовъ, уѣхав-

нихъ за нѣсколько часовъ изъ венты, гдѣ они плясывали два дня и гдѣ другіе авантюристы удалились отъ нихъ, какъ отъ людей, пользующихся незавидной репутаціей въ преріи.

«У этихъ молодцовъ надобно на умѣ», замѣтилъ м-ръ Джекинсъ. Дѣйствительно, зачѣмъ они могли стоять тутъ? изъ венты они поѣхали совсѣмъ въ другую сторону. По мокрымъ лошадымъ видно, что они переправлялись черезъ рѣку вплавь, въ чемъ не имѣлось никакой надобности, такъ какъ у самой венты есть паромы. Очевидно, они выѣхали изъ венты, сдѣлали большой кругъ, чтобы отклонить подозрѣніе, переплыли рѣку и караулятъ кого-то въ ущельѣ. Завидѣвъ насъ, всадники поѣхали шагомъ, по одному съ нами направленно. Мы догнали авантюристовъ, не доѣзжая нѣсколько до одного изъ поворотовъ ущелья, гдѣ дорога была пошире. Приготовивъ на случай револьверы, мы обмѣнялись обычнымъ, при встрѣчѣ, Halo! и, стараясь держаться подалеже отъ непрошенныхъ спутниковъ, на рыскахъ проѣхали мимо.

— Пойдите, старый джентльменъ!—крикнулъ намъ вслѣдъ одинъ изъ авантюристовъ,—мнѣ надо переговорить съ вами.

— Некогда,—отвѣтилъ ему м-ръ Джекинсъ, заворачивая за скалу и пуская свою лошадь въ карьеръ. Я послѣдовалъ его примѣру. На счастье, подо мною былъ мой полувзрванный жеребецъ, котораго я обыкновенно берегу, разѣзжая на запасныхъ лошадяхъ. Онъ могъ поспорить въ быстротѣ съ лошадью м-ра Джекинса и оставить далеко за собою степныхъ лошадей. Намѣренія авантюристовъ скоро выяснились. Они тоже показались изъ за скалы и гнались за нами. Четыре пули прожужжали около насъ и, не сдѣлавъ никакого вреда, пролетѣли мимо, такъ какъ разстояніе между нами и авантюристами было уже достаточно велико. Очевидно, они караулили м-ра Джекинса, полагая, что онъ поѣдетъ домой одинъ и рассчитывая легко одолѣть и ограбить его. Увидавъ, что пионеръ не одинъ, они не рѣшились сдѣлать открытаго нападенія и хотѣли остановить его, чтобы застрѣлить въ упоръ, а потомъ покончить и со мною. Этого имъ не удалось, и они рѣшили гнаться за нами и стрѣлять въ догонку. Послѣ перваго выстрѣла они не успѣли зарядить карабины, какъ другой поворотъ ущелья скрылъ насъ у нихъ изъ вида.

Далѣе, оглядываясь, я видѣлъ, что они не теряютъ надежды насъ настигнуть и продолжаютъ гнаться за нами; но, благодаря быстротѣ нашихъ лошадей, разстояніе между нами и нашими преслѣдователями возрастало такъ быстро, что стрѣлять не было возможности.

Прискакавъ въ блокгаузу, м-ръ Джекинсъ распорядился, чтобы

нѣсколько человѣвъ піонеровъ сѣли на лошадей, и мы поскакали обратно къ ущелью, съ цѣлью поймать разбойниковъ.

Но этого не удалось. Авантюристы успѣли выѣхать изъ ущелья. Встрѣтившійся намъ разѣздъ, состоявшій изъ моего вачеро и піонера изъ блокауза, видѣлъ, что какіе-то четыре человѣка проскакали по направленію къ сѣверу и скрылись въ горахъ.

Уже вечерѣло. Было бы бесполезно производить поиски въ темнотѣ, когда не видно слѣда. Къ тому же авантюристы не станутъ ждать, пока ихъ схватятъ, а вѣроятно уже теперь стараются ускользнуть подальше, запутавъ слѣды, насколько это возможно. Пришлось возвратиться въ блокаузъ, такъ сказать, съ пустыми руками, къ великой досадѣ стараго піонера, появившагося раздѣлаться съ негодяями, если они попадутся когда-либо ему въ руки.

Мало-по-малу, впечатлѣніе непріятной встрѣчи въ ущельѣ выгладилось. М-ръ Джекинсъ увлекся разговоромъ о хозяйствѣ, и долго послѣ ужина рассказывалъ мнѣ о своихъ прежнихъ занятіяхъ, мечталъ о томъ, что можно сдѣлать на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь устроилъ свой блокаузъ. Было далеко за полночь, когда мы разошлись спать.

Но авантюристы рѣшились, кажется, не давать намъ покоя въ эти сутки. Не успѣлъ я раздѣться, какъ недалеко отъ блокауза раздались два выстрѣла изъ револьвера—обычный призывъ на помощь, и въ блокаузѣ поднялась тревога. Захвативъ оружіе, я выскочилъ, узнать въ чемъ дѣло. Піонеры спѣшили къ мѣсту, откуда слышались выстрѣлы. Я побѣжалъ за ними.

Выстрѣлы раздались со стороны корала, куда загоняли на ночь лошадей. Для караула корала были назначены два человѣка, которые должны были спать поочереды. Подбѣжавъ къ коралу, мы услышали слабые стоны и увидѣли, при свѣтѣ зажженныхъ сосновыхъ корней, употребляемыхъ вмѣсто факеловъ, что лошади угнаны изъ корала и у раствореннаго входа лежатъ безъ чувствъ оба караульные. По тому, что въ рукахъ одного изъ нихъ былъ револьверъ, можно было догадаться, что это онъ поднялъ тревогу. Около обоихъ раненыхъ стояли порядочныя лужи крови, текшей изъ нѣсколькихъ ранъ ножомъ въ грудь. Три собаки, бывшія при караульныхъ, лежали удавленные въ разныхъ мѣстахъ, неподалеку отъ корала. Раненыхъ тотчасъ же перенесли въ блокаузъ для поданія возможной помощи.

— Это работа тѣхъ четырехъ негодяевъ, — воскликнулъ м-ръ Джекинсъ:—во что бы то ни стало, ихъ надо изловить.

Не совсѣмъ легко было исполнить это желаніе піонера.

Воры утнали всѣхъ лошадей, бившихъ въ коралѣ, такъ что для преслѣдованія могли быть употреблены только 14 лошадей, оставленныхъ по обыкновенію на всякій случай въ коралѣ. Кромѣ этихъ лошадей, приходилось пустить въ погоню лошадей, на которой ѣхалъ самъ м-ръ Джекинсъ и моя. Такимъ образомъ могло образоваться 16 всадниковъ, — число совершенно достаточное, чтобы захватить воровъ, еслибы удалось настичь ихъ. Но въ этомъ-то и было главное затрудненіе. Неизвѣстно, сколько времени назадъ было сдѣлано нападеніе и въ какую сторону усаkali воровъ. Какъ припомнили караульные въ блокгаузѣ, лай собакъ, со стороны корала, былъ слышенъ въ послѣдній разъ слышномъ за часъ времени; онъ вдругъ прекратился, и слышавшіе полагали, что собакъ уняли хозяева. Ночью не было возможности рассмотреть слѣды и распутать тѣ петли и объѣзды, какіе обыкновенно дѣлаютъ въ преріи, чтобы сбить съ толку погоню. Отложить преслѣдованіе до утра было тоже нельзя. Воры могли усаkali на такое разстояніе, что ихъ не будетъ возможности догнать. Даже и теперь на ихъ сторонѣ было большое преимущество.

Кромѣ того, что конюводы выѣхали значительно раньше погони, они могли пересаживаться съ одной лошади на другую и менѣе утомлять ихъ, чѣмъ мы, принужденные скакать все время на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ. Кромѣ того, лошадь м-ра Джекинса и моя сдѣлали нѣсколько часовъ назадъ около пятнадцати миль въ карьеръ и не успѣли еще совершенно оправиться отъ такой усиленной работы.

Разсчитывать, что угнанныя лошади произведутъ задержку, было нельзя, такъ какъ свышшіяся лошади піонеровъ ни за что не стануť отставать одна отъ другой и отбиваться въ сторону.

Для насъ же, при разыскиваніи слѣда, остановки были неизбежны. Но главное затрудненіе состояло въ томъ, какъ опредѣлить направленіе, по которому усаkali воровъ и не сбиться съ толку во время самаго преслѣдованія.

Но эти затрудненія, казавшіяся мнѣ неразрѣшимыми, ничего не значили для постоянныхъ жителей преріи. Одинъ изъ нанятыхъ піонеромъ вачеро, мексиканецъ, обладалъ очень тонкимъ слухомъ. Приложивъ ухо къ землѣ, что дѣлали безуспѣшно многіе изъ насъ, онъ услышалъ отдаленный топотъ удалявшихся конюводовъ. Кромѣ того, въ блокгаузѣ осталась лошадь, очень дружная съ одною изъ угнанныхъ. Сидѣвшій на ней піонеръ спустилъ поводъ, давая ей идти, куда она захочетъ, и умное животное, заржавъ, направилось въ ту сторону, откуда слышался топотъ.

Такимъ образомъ уже не было возможности сбѣгаться со слѣда. Передавъ раненыхъ на попеченія женщинъ, м-ръ Джекинсъ, въ сопровожденіи меня и 13-ти піонеровъ, пустились въ конюшю. Лошадь, долженствовавшая служить проводницею, была пущена впередъ, безъ сѣдла. До разсвѣта скакали мы за нашими четвероногимъ вожакомъ. Время отъ времени, мексиканецъ соскакивалъ съ лошади, прикладывалъ на секунду ухо къ землѣ, вскакивалъ опять въ сѣдло и сообщалъ, что топотъ слышится впереди, хотя нельзя опредѣлить, дальше или ближе чѣмъ прежде.

На разсвѣтѣ мы убѣдились, что слухъ авантюриста и истинный лошади не ошиблись. Передъ нами ясно виднѣлся слѣдъ проскакавшаго табуна.

Нашъ четвероногій вожакъ велъ насъ однако не постоянно по слѣду. Часто на какомъ-нибудь поворотѣ лошадь приостанавливалась, какъ-бы соображая что-то, потомъ, испустивъ громкое ржаніе, бросала слѣдъ и скакала цѣликомъ черезъ прерію. Сначала думали, что она не хочетъ больше догонять своего пріятеля, но, по совѣту вачеро, послѣдовали за нею. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени выѣхали опять на слѣдъ, оставивъ за собою замысловатую петлю, сдѣланную ворами, и могущую надолго задержать погоню, еслибы людямъ пришлось разбирать хитро перепутанные слѣды. Лошадь не поддавалась на обманъ, который сбѣгъ бы съ толку самаго опытнаго рыцаря пустыни, и заставила воровъ даромъ потерять добрыхъ полчаса времени.

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ блокгауза, петли и круги стали чаще. Часто слѣдъ пропадалъ у ручья и выходилъ на другой берегъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ выше или ниже. Благодаря лошади, за которой мы скакали, намъ не пришлось потерять ни минуты времени и мексиканецъ сообщилъ, что топотъ табуна слышится совершенно ясно и что мы, очевидно, приближаемся къ нему. Было уже за полдень. Долгая скачка до крайности утомила лошадей. Лошадь м-ра Джекинса и моя не отставали еще отъ свободной лошади, хотя движенія ихъ стали замѣтно тяжелѣе и медленнѣе. Другихъ лошадей приходилось уже подгонять ударами. Человѣка два отстали далеко.

Не менѣе лошадей утомились и люди. Про себя я могу сказать, что едва держался въ сѣдлѣ и готовъ былъ бранить себя за участіе, принятое мною въ погонѣ. Спина и ноги болѣли невыносимо.

Мексиканецъ сообщилъ намъ, что ясно слышанный передъ тѣмъ топотъ прекратился вовсе. Это значило, что воюкрады тоже утомились, и, считая себя, благодаря искусному запутыванью слѣ-

даль и дальности разстояній, внѣ опасности, расположились отдохнуть.

Это свѣдѣніе придадо всѣмъ бодрости, и мы стали-было понимать своихъ усталыхъ лошадей. Но м-ръ Джекинсъ счелъ болѣе разумнымъ остановиться часа на два, отдохнуть. Воры уже не могутъ уйти отъ насъ, не перепортивъ украденныхъ лошадей, на что они рѣшатся только въ крайности. Не было основанія и намъ загонять своихъ лошадей. Во время отдыха, разстояніе между нами и ворами не увеличится, а продолжая преслѣдованіе на измученныхъ лошадяхъ, мы встревожимъ воровъ и дадимъ имъ возможность опередить насъ на успѣвшихъ вздохнуть украденныхъ лошадяхъ.

Прошло много времени, пока мы выводили своихъ лошадей, отерли лившуюся съ нихъ пѣну и, навязавъ на лассо, пустили пастись. Мексиканецъ все время лежалъ, приложивъ ухо къ землѣ. Топота не было слышно. Лошади и люди успѣли уже отдохнуть, а по словамъ мексиканца воры не трогались съ мѣста. Очевидно, они считали себя въ полнѣйшей безопасности и остановились на продолжительный отдыхъ. М-ръ Джекинсъ велѣлъ садиться въ сѣдла. Нашъ вожакъ отдохнулъ сворѣе другихъ лошадей, нетерпѣливо поглядывалъ въ ту сторону, куда слѣдовало ѣхать, и авалъ, время отъ времени, своего товарища произвольнымъ ржаніемъ. Чтобы не встревожить воровъ, мы поѣхали шагомъ, навязавъ на лассо нетерпѣливаго провожатаго.

Часа черезъ два ѣзды, лошадь стала ржать чаще и издали донеслось такое же отвѣтное ржаніе. Чтобы эта переключка лошадей не подняла преждевременной тревоги, одинъ изъ пионеровъ пересѣлъ на нашего вожака и сдерживалъ его слишкомъ громкія выраженія радости. Къ мѣсту, гдѣ былъ табунъ, можно уже было теперь проѣхать безъ вожака. Слѣдъ, котораго мы продолжали держаться, привелъ насъ къ крутому берегу ручья. Выѣзда на другой берегъ не было видно. Значить воры спрятались гдѣ-нибудь подъ обрывомъ, проѣхавъ нѣкоторое разстояніе ручьемъ. Сквозь прозрачную воду ручья привычный глазъ вачеро разсмотрѣлъ нѣсколько конскихъ слѣдовъ, направленныхъ вверхъ по теченію. Раздавшееся не вдали ржаніе лошади подтвердило догадку вачеро, что воры остановились на полянкѣ подъ обрывомъ, миляхъ въ полутора отъ того мѣста, гдѣ мы находились.

Осторожно поѣхали мы краемъ обрыва, ожидая увидѣть внизу табунъ и коновладовъ.

Дѣйствительно, на небольшой полянкѣ, у ручья, паслись укра-

денныя лошади. Сначала людей не было видно, но скоро замѣтили, что прямо подъ нами, подъ защитою нависшаго обрыва, помѣстились тѣ самые четыре авантюриста, которые стрѣляли по м-ру Джекинсу и по мнѣ въ ущельѣ. Двое изъ нихъ спали, а двое, вмѣсто того чтобы караулить, до того увлеклись игрою въ кости, что не слышали, какъ мы подъѣхали.

Громкое ржаніе нашего вожака, раздавшееся надъ ихъ головами, заставило опомниться игроковъ и проснуться отдыхавшихъ.

Увидѣвъ насъ, конокрады схватили свои карабины и прижались къ обрагу, такъ-что сверху стрѣлять въ нихъ было нельзя, изъ-за нависшаго обрыва.

— Сдавайтесь!—крикнулъ имъ м-ръ Джекинсъ.

Отвѣта не послѣдовало. Снизу послышалось только шелканье вводимыхъ курковъ. Конокрады, зная, что имъ, въ случаѣ сдачи, не миновать петли, рѣшились защищаться до послѣдней крайности.

Піонеры не хотѣли убивать конокрадовъ безъ суда, хотя въ сущности приговоръ суда Линча въ этихъ случаяхъ заранѣе извѣстенъ. Конокрады, покусившіеся на жизнь караульныхъ, должны быть повѣшены. Было бы короче прямо перестрѣлять ихъ, но піонеры смотрѣли на дѣло иначе. Имъ недостаточно было лишить жизни вредныхъ людей. Лишеніе жизни должно быть совершенно легальнымъ порядкомъ, съ соблюденіемъ обычныхъ формальностей.

Но взять живьемъ четырехъ вооруженныхъ человекъ, рѣшившихся защищаться, тоже не совсѣмъ легко. Прежде, чѣмъ ихъ схватить, они успѣютъ положить на мѣстѣ не одного человека. Это обстоятельство однако не смутило піонеровъ. Пославъ восемь человекъ въ объѣздъ, такъ чтобы, спустившись къ ручью, они могли подъѣхать къ самымъ конокрадамъ, м-ръ Джекинсъ велѣлъ остальнымъ спѣшиться и выбрать такое мѣсто, откуда, подъ защитою неровностей обрыва, можно бы было цѣлить въ четырехъ человекъ, прижавшихся къ обрыву. Между спѣшившейся партіей, въ которой принадлежалъ и я, и конокрадами было разстояніе шаговъ въ двадцать-пять, такъ что стрѣлять въ нихъ было легко.

Увидѣвъ подъѣзжающую конную партію, конокрады приложились съ намѣреніемъ выстрѣлить, но гнѣшіе піонеры предупредили ихъ. Четыре выстрѣла, сдѣланные сыновьями м-ра Джекинса, отличными стрѣлками, выбили карабины изъ рукъ осажденныхъ авантюристовъ. Неудачно пущенная пуля перебила руку одному изъ нихъ. Прежде чѣмъ авантюристы опомнились, послан-

ные въ объѣздъ піонеры нагнули на нихъ свои лассо, сбили съ ногъ, отобрали оружіе и скрутили такъ, что ни о защитѣ, ни о побѣгѣ нечего было и думать.

Раненому авантюристу перевязали раздробленную руку и заѣли, положивъ плѣнниковъ рядомъ на землю, казалось, забыли объ ихъ существованіи. Переловивъ угнанныхъ лошадей, осмотрѣли, насколько они пострадали отъ усиленнаго перегона и, убѣдившись, что онѣ не испорчены и находятся всѣ на лицо, снова выпустили на пастбу, вмѣстѣ съ лошадьми, на которыхъ мы пріѣхали. Уже вечерѣло. М-ръ Джекинсъ предложилъ переночевать на мѣстѣ и утромъ двинуться въ обратный путь. Понятно, всѣ охотно приняли предложеніе.

Объ ужинѣ заботиться было нечего, такъ какъ, согласно принятому въ преріи благоразумному обычаю, у всякаго было въ мѣшкѣ для фуража небольшое количество хлѣба и нѣсколько шипецъ манса. У захваченныхъ въ плѣнъ авантюристовъ имѣлся небольшой походный котелокъ, такъ что хлѣбомъ и отвареннымъ въ водѣ мансомъ мы могли утолить свой голодъ.

Плѣнники тоже получили свою порцію. На время ужина имъ развязали руки. Теперь я только могъ хорошо рассмотреть коноврадовъ. Трое изъ нихъ были люди пожилые, тогда какъ четвертый едва ли достигъ двадцати-лѣтняго возраста. Мнѣ жаль было смотрѣть на этого молодого человѣка, который могъ бы еще, исправиться, еслибы попалъ въ другое общество. Но я хорошо зналъ, что судъ суровыхъ жителей пустыни врядъ ли пощадитъ его. Вѣроятно, завтра же, его повѣсятъ, какъ стараго несправимаго негодяя.

Послѣ ужина развели большой костеръ, назначили очередь караула и улеглись спать.

Мнѣ пришлось караулить вмѣстѣ съ мексиканцемъ. Вачеро помѣстился поближе къ лошадямъ, я сидѣлъ у костра.

Несмотря на нѣкоторую привычку, врядъ ли часы тянутся когда бы то ни было такъ долго, какъ во время ночного караула, въ зимнюю ночь, среди преріи. Безмолвіе ночи, прерываемое изрѣдка какимъ-то зловѣщимъ шумомъ высокой степной травы, колеблемой рѣзкимъ порывистымъ вѣтромъ, мутное темное небо, падающій, въ видѣ мелкихъ капель, туманъ или дождь, сами по себѣ способны нагнать сплнъ на самаго веселаго человѣка. Но вотъ, вдали раздался какой-то странный звукъ. Не то кто-то призываетъ на помощь, не то вѣтеръ завываетъ въ какой-нибудь далекой разсѣлинѣ горъ. Пронесся этотъ звукъ, какъ-бы прокатился по преріи, и замеръ. Съ другой стороны

послышался другой такой же отвѣтный звукъ, явственнѣе, ближе потомъ третій, четвертый, пятый, все ближе и слышнѣе. Это мелкіе степные волки вышли на добычу, бродячье около лагеря и заводячье свой концертъ, наводящій на душу тоску, граничащую съ ужасомъ. Раздирающій ухо вой, похожій то на плачь ребенка, то на вопль умирающаго, то на какое-то погребальное пѣніе, то на визгъ побитой собаки, не прекращается до разсвѣта, то ваткая, то возобновляясь съ новою силою, то гдѣ-то далеко, то чуть не у самаго лагеря.

Этотъ вой не беспокоитъ никого. Пioniеры храпятъ себѣ въ своихъ одѣялахъ; лошади спокойно пасутся или лежатъ, изрѣдка пофырывая и бряча вынутыми изо рта удилами. Даже собаки, свернувшись у костра, встрепенулись и наострили уши только при первомъ завываніи, но, распознавъ въ чемъ дѣло, спрятали морды и не трогались съ мѣста.

Не знаю, какъ на другихъ караульныхъ, но на меня этотъ вой всегда производилъ до крайности непріятное впечатлѣніе и дѣлалъ то, что я смотрѣлъ на ночной караулъ, какъ на пытку. Обычное, непріятное во время ночного караула чувство усиливалось еще тѣмъ, что, несмотря на всѣ старанія, я не могъ отогнать мысли объ участи четырехъ взятыхъ плѣнниковъ, лежавшихъ близко отъ меня, и которыхъ я долженъ былъ теперь караулить и сберечь для неизбежной петли. Во время погони я испытывалъ чувство охотника, преслѣдующаго дичь. Теперь, когда увлеченіе прошло, я почти раскаявался, что принялъ участіе въ этой погонѣ. Вѣдь эти четыре человѣка хорошо знаютъ, что ихъ ожидаетъ. Что-то они чувствуютъ и думаютъ въ эти послѣдніе часы своей жизни? Признаюсь, у меня не хватило духу посмотреть, спятъ они или нѣтъ. Я старался думать о чемъ-либо другомъ. Но мысли объ участи захваченныхъ авантюристовъ, въ особенности молодого человѣка, не выходили изъ головы. Уже время караула приходило къ концу, какъ я услышалъ не то стонъ, не то сдержанное рыданіе. Это плавалъ молодой плѣнникъ. Днемъ, при людяхъ, онъ сдерживался и казался такимъ же равнодушнымъ къ своей участи, какъ и его товарищи, не выразившіе ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ страха или отчаянія, въ виду того, что ихъ ожидало. Даже раненый не стоналъ, несмотря на боль въ рукѣ. Молча лежали они до ужина, молча поужинали и также молча позволили себя связать опять, и улеглись у костра. Ночью молодой человѣкъ не выдержалъ и заплакалъ. Мнѣ хотѣлось его утѣшить. Но что

связать, когда мы оба очень хорошо знали, что я рѣшительно ничѣмъ не могу помочь ему.

Я слыхалъ, что вачеро иногда позволяютъ бѣжать плѣнникамъ. Нѣсколько разъ приходила мнѣ мысль перерѣзать ремни, которыми былъ связанъ молодой человекъ и дать ему уйти. Но къ чему бы повело это? Пѣшкомъ онъ не можетъ уйти далеко и будетъ пойманъ, какъ только замѣтятъ его побѣгъ. Угнать лошадь изъ-подъ надзора мексиканца невозможно. Оставя въ сторонѣ то, что мнѣ самому придется дорого поплатиться за помощь конокраду, если піонеры догадаются, что я помогъ ему бѣжать, Богъ знаетъ, исправится ли самъ молодой человекъ, если случайно вырвется на свободу? И къ тому же, какое право имѣлъ я идти наперекоръ обычаямъ людей, принявшихъ меня такъ хорошо, и не оправдать довѣрія, которое они мнѣ выказали. Хоть жаль молодого плѣнника, а дѣлать нечего: надо было предоставить его собственной судьбѣ.

Наконецъ, время караула кончилось. Мексиканецъ подошелъ къ востру и спросилъ меня, не пора ли будить очередныхъ. Услыхавъ всхлипыванья юноши, онъ обратился къ нему:

— Нечего теперь плакать, какъ бабѣ! Вѣдь говорили тебѣ не разъ: брось свою скверную компанію! Ну, теперь и не на кого пенять, коли придется поскакать на веревкѣ.

Всхлипыванья утихли.

Еще больше стало мнѣ жаль молодого человека, и я, самъ плохо вѣря своимъ словамъ, сталъ опровергать мексиканца, говоря, что повѣсятъ ли еще плѣнниковъ—неизвѣстно, такъ какъ это зависитъ отъ приговора суда. Мексиканецъ пожалъ плечами и принялся будить очередныхъ піонеровъ.

Утромъ, навязавъ табунъ на лассо и прикрутивъ плѣнниковъ къ ихъ лошадямъ, мы направились обратно къ блокгаузу, куда доѣхали уже поздно вечеромъ.

Караульные при коралѣ, раненые во время нападенія конокрадовъ, пришли въ чувство. Хотя ихъ раны были глубоки, но за ихъ жизнь опасаться было нечего. Это извѣстіе видимо обрадовало м-ра Джекинса, бросавшаго во время дороги не совсѣмъ дружелюбные взгляды на плѣнниковъ.

Узнавъ, что во время нашего отсутствія Пьеръ, не зная причины моей долгой отлучки, уже пріѣзжалъ въ блокгаузъ размысливать меня, я, простившись съ піонерами, проѣхалъ въ венту.

На другой день утромъ пріѣхалъ туда же м-ръ Джекинсъ, въ сопровожденіи начальниковъ сватеровъ. Разсказавъ о кражѣ

лошадей и поймѣвъ воровъ, піонеръ потребовалъ, чтобы они были тотчасъ судимы по закону Линча. Самъ м-ръ Джекинсъ отказался принимать участіе въ судѣ, такъ какъ онъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ и долженъ былъ явиться въ судъ въ качествѣ обвинителя.

По старинному обычаю, для дѣйствительности приговора достаточно, чтобы судъ состоялъ изъ трехъ добросовѣстныхъ постороннихъ лицъ. Но такимъ числомъ судей довольствуются только въ тѣхъ случаяхъ, когда негдѣ взять большаго числа. Теперь же судъ долженъ былъ состоять изъ представителей всѣхъ отдѣльныхъ группъ, собравшихся по близости блокгауза, въ которомъ было совершено преступленіе.

Скваттеры дали двадцать-восемь представителей: четырнадцать начальниковъ и четырнадцать выборныхъ отъ партій. Проспекторы выбрали изъ среды себя двухъ представителей; авантюристы, бывшіе въ вентѣ, тоже двухъ; піонеры четырехъ, въ томъ числѣ сына м-ра Джекинса и, наконецъ, наша, самая малочисленная партія, одного—Пьера. Я не могъ быть судьей, потому что не пробылъ еще пяти лѣтъ въ Америкѣ и какъ сопривосновенный къ дѣлу, такъ какъ конокрады стрѣляли по мнѣ въ ущельѣ. Предсѣдателемъ суда былъ избранъ дядя Бей, что чрезвычайно дѣстило самолюбію метиса.

Судъ въ полномъ составѣ отправился въ блокгаузу, осмотрѣлъ вораль, откуда были угнаны лошади, мѣсто, гдѣ лежали раненные караульные и убитыя собаки. Осмотрѣли также мѣсто, гдѣ предъ совершеніемъ воровства скрывались конокрады, и убѣдились, что слѣдъ къ этому мѣсту шелъ изъ ущелья, гдѣ произведено было нападеніе на м-ра Джекинса и меня.

Осмотръ мѣста и слѣдовъ производился съ такою тщательностію и добросовѣстностію, которая сдѣлала бы честь любому слѣдователю.

По слѣду оказалось несомнѣннымъ, что пойманые авантюристы были тѣ самые, которые нападали на м-ра Джекинса и меня. Послѣ неудачнаго нападенія, авантюристы дождались ночи въ лѣсу, подѣхали на разстояніе одной мили къ блокгаузу, привязали лошадей и полземъ подкрались къ воралю, куда зарваны были лошади піонеровъ. Бросившихся-было къ нимъ собакъ удавили ловко накинутымъ лассо, такъ что ни одна изъ нихъ не успѣла взвизгнуть. Затѣмъ набросились на караульныхъ, накинули на стоявшаго на очереди лассо и нанесли какъ ему, такъ и спавшему тутъ же товарищу нѣсколько ранъ ножомъ.

Раны, очевидно, были сдѣланы двумя небольшими, окровавленными ножами, отобранными во время поимки у двухъ конокрадовъ.

Окончивъ осмотръ, судьи размѣстились полукругомъ, подъ высокимъ орѣхомъ, росшимъ невдалекѣ отъ блокгауза, и начали опросъ подсудимыхъ и свидѣтелей. Кругомъ размѣстилась большая толпа любопытныхъ, собравшихся съ лѣсопилень, изъ венты, стоянки проспекторовъ и блокгауза.

Подсудимые рѣшительно отказывались отвѣчать на вопросы. Они упорно молчали, бросая злобные взгляды на судей. Показанія свидѣтелей вполнѣ подтвердили виновность подсудимыхъ. М-ръ Джекинсъ разсказалъ о произведенномъ на насъ нападеніи. Я подтвердилъ его показаніе. Одинъ изъ раненыхъ караульныхъ заявилъ, что, стоя поочереди на караулѣ, онъ замѣтилъ, что собаки бросились съ лаемъ отъ корала въ темноту, но тотчасъ же замолкли. Затѣмъ онъ почувствовалъ, что лассо охватило его шею и сбilo съ ногъ. Чтѣ-то холодное съ болью вошло въ грудь; затѣмъ онъ уже ничего не помнилъ до тѣхъ поръ, какъ въ блокгаузѣ его привели въ чувство. Другой піонеръ проснулся отъ удара ножомъ, но тотчасъ же потерялъ сознаніе. Придя на минуту въ себя, онъ пробовалъ приподняться, но не могъ. Сдѣлавъ почти безсознательно два выстрѣла изъ револьвера, онъ опять впалъ въ безпамятство, въ которомъ и нашли его прибѣжавшіе на выстрѣлы. Раненые не могли сами придти для дачи показаній, почему ихъ принесли на носилкахъ изъ блокгауза, и послѣ снятія допроса снова унесли обратно.

Участовавшіе въ поимкѣ конокрадовъ клятвенно подтвердили, что представленные четыре человѣка именно тѣ, которые были схвачены съ поличнымъ.

Сомнѣнія въ виновности подсудимыхъ не могло быть.

По окончаніи судебного слѣдствія, судъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, дяди Боя, обратился къ толпѣ, молча стоявшей кругомъ, съ вопросомъ: не знаетъ ли кто-нибудь подсудимыхъ и не можетъ ли разсказать что-либо изъ ихъ прошлой жизни, чтѣ могло бы повліять на степень строгости приговора. Нѣсколько человѣкъ авантюристовъ, пріѣхавшихъ изъ венты, выступили изъ толпы и поочереди высказали, что они давно знаютъ двухъ изъ обвиняемыхъ, какъ людей дурнаго поведенія, подозрѣваемыхъ въ разнаго рода грабежахъ и воровствѣ. Было даже совершено два или три убійства, въ которыхъ явно подозрѣвались эти два рыцаря пустыни, хотя не имѣлось явныхъ уликъ. Про третьяго ни-

кто не могъ сказать ничего, такъ какъ онъ недавно прибылъ въ прерію. Про молодого человѣка знали, что онъ, прѣхавъ въ прерію, нѣсколько разъ занимался какъ вачеро, пропивалъ заработанныя деньги, сошелся съ разбойниками и разбѣжалъ съ ними послѣ того, какъ разъ, пьяный, упустилъ свою лошадь въ прерію и былъ вырученъ случайно наѣхавшими на него теперешними товарищами изъ самаго затруднительнаго положенія.

Судъ обратился къ обвиняемымъ, предлагая имъ сказать что-либо для опроверженія вводимыхъ на нихъ обвиненій, но, не получивъ никакого отвѣта, удалился въ блокгаузъ для совѣщаній.

Зная мнѣніе судей до суда, я не сомнѣвался относительно того, каковъ будетъ приговоръ. Рѣдко судъ Линча произноситъ другой приговоръ, кромѣ приговора къ повѣшенію. Это и немудрено, такъ какъ этотъ судъ собирается только въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ вполне изобличенъ въ совершенномъ имъ преступленіи. На этотъ разъ я ошибся нѣсколько въ своихъ предположеніяхъ. Когда судъ вышелъ изъ блокгауза, дядя Бой, какъ предсѣдатель, объявилъ приговоръ:

«Два авантюриста, завѣдомо занимавшіеся грабежомъ, еще до совершенія послѣдняго преступленія, приговорены къ повѣшенію, такъ какъ, кромѣ кражи лошадей и вооруженнаго нападенія на проѣзжающихъ, съ нихъ были сняты окровавленные ножи, которыми были нанесены караульнымъ раны, не имѣвшія своимъ слѣдствіемъ смерти независимо отъ желанія наносившихъ раны.

«Третій авантюристъ, не уличенный въ нанесеніи ранъ караульнымъ, былъ признанъ виновнымъ въ соучастіи въ вооруженномъ нападеніи, не имѣвшемъ вредныхъ послѣдствій, и въ соучастіи въ кражѣ лошадей, — почему судъ не рѣшается наказать его смертію, а налагаетъ на него, въ видѣ наказанія, обязанность исполнить смертный приговоръ надъ своими осужденными товарищами.

«Четвертаго, молодого человѣка, судъ не признавъ виновнымъ и постановилъ, посоветовавъ ему избѣгать впередъ дурныхъ товарищей, отпустить послѣ исполненія приговора надъ осужденными».

Пока дядя Бой сообщалъ рѣшеніе суда, я смотрѣлъ на подсудимыхъ, желая видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ приговоръ. Осужденные оставались такъ же равнодушны, какъ прежде. Ни однимъ движеніемъ не выразили они волновавшихъ ихъ чувствъ, какъ будто все это до нихъ вовсе не касалось.

Приговоренный судомъ исполнять должность палача, услыхавъ

приговоръ, громко протестовалъ противъ него, говоря, что пусть и его повѣсятъ самого, а онъ ни за что не станеть вѣшать товарищей.

— Не хочешь по добру, такъ заставить! — замѣтилъ ему одинъ изъ скваторовъ.

Услыхавъ, что судъ приговорилъ освободить его, молодой человекъ не могъ скрыть своей радости; но взглядъ, брошенный на бывшихъ товарищей, заставилъ его снова опечалиться. Очевидно, ему было жаль ихъ. Но сдѣлать что-либо для нихъ было не въ его власти.

Приговоръ долженъ былъ быть исполненъ тотчасъ же.

Осужденнымъ развязали ноги, посадили на лошадей и повезли къ высокому дубу, стоявшему на дорогѣ къ ущелью. Дубъ долженъ былъ служить висѣлицей. Нѣсколько человекъ скваторовъ и авантюристовъ взяли на себя заставить освобожденнаго вонюкара исполнить обязанность палача. Молодой человекъ долженъ былъ присутствовать при казни въ качествѣ зрителя. Толпа, бывшая на судѣ, отправилась на мѣсто казни посмотреть на ея исполненіе. Мнѣ было противно присутствовать при этой операци, и я отправился вмѣстѣ съ судьями въ блокгаузъ. Изъ окна комнаты, гдѣ мы находились, былъ видѣнъ дубъ съ собравшеюся подъ нимъ толпою народа. Случайно выглянувъ въ окно, я увидѣлъ это мѣсто казни, хотѣлъ-было отойти, но какое-то странное чувство, чувство, котораго я не могу вполне объяснить, но которое не даетъ человеку возможности оторвать глазъ отъ зрѣлища, дѣйствующаго на него крайне неприятно, какъ-бы невольно заставило меня прослѣдить за концомъ разыгравшейся сегодня драмы. Несмотря на дальность разстоянія, я видѣлъ какъ человекъ взлѣзъ на дерево и привѣшилъ петли къ двумъ сучьямъ; подъ эти петли подвезли на лошадяхъ осужденныхъ; человекъ, сидѣвшій на деревѣ, накинулъ на нихъ петли. Лошадей заставили выскочить изъ-подъ осужденныхъ, — и послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ движеній все было для нихъ кончено.

Отъ толпы отдѣлились два всадника и поскакали въ прерію; отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе отъ мѣста казни, они пожали другъ другу руки и, направясь въ разные стороны, скрылись вдали.

Судьи, подобно мнѣ, не могли, кажется, оторваться отъ ужаснаго зрѣлища. Неужели, думалось мнѣ, въ нихъ не шевельнулся вопросъ: «по какому праву они присвоили себѣ власть отнять жизнь у себѣ подобныхъ?»

Впрочемъ, они могли успокоить свою совѣсть необходимостью.

Не позволять же въ самомъ дѣлѣ разнымъ негодямъ безнаказанно воровать, грабить и убивать другихъ людей. Вѣдь этапъ отъ нихъ житья не будетъ въ преріи. И во всякомъ случаѣ судъ, по закону Линча, все же лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго суда, когда естественно развилась бы между жителями месть, и могли бы производиться убійства только ватѣмъ, чтобы оградить себя, можетъ быть, отъ воображаемой опасности.

По окончаніи казни всѣ отправились въ венту, чтобы по возможности освободиться отъ неприятнаго чувства, произведеннаго этимъ происшествіемъ, кто виномъ и игрою, кто разговорами о совершенно постороннихъ предметахъ.

Дубъ, на которомъ повѣсили конокрадовъ, находился у самой дороги. Я замѣтилъ, что не совсѣмъ удобно было выбирать это мѣсто; мнѣ отвѣтили, что обыкновенно вѣшаютъ вблизи дороги съ цѣлью предупредить подозрительныя личности о томъ, что ихъ ожидаютъ, если они осмѣлятся совершить преступленіе въ этой мѣстности, и показать проходящимъ транспортамъ, что они могутъ считать себя въ нѣкоторой безопасности, такъ какъ грабежъ и конокрадство не сходятъ даромъ.

Не знаю, можетъ быть, оставляя разлагающіеся трупы болтаться на деревѣ, близъ дороги, очень назидательно для жителей пустыни; на меня, по крайней мѣрѣ, видъ посинѣлыхъ висѣльниковъ, съ высунутыми языками, производилъ впечатлѣніе близкое къ ужасу, и съ этихъ поръ я избѣгалъ ѣздить мимо дуба и сталъ рѣже посѣщать блокгаузъ м-ра Джеркинса. Я замѣтилъ, что и на видъ равнодушнымъ ко всему вачеро тоже не нравилось это неприятное зрѣлище, особенно ночью, и они стали возвращаться изъ развѣда гораздо ранѣе прежняго, стараясь проѣзжать за свѣтло мимо дуба. Впрочемъ, дней черезъ пять кто-то догадался перерѣзать веревки и сбросить трупы на землю, гдѣ волки въ одну ночь не оставили ни косточки, ни клочка кожаной одежды.

Разъ вечеромъ, когда я, по обыкновенію, сидѣлъ на домашней половинѣ венты, вбѣжалъ въ комнату сынъ дяди Боя съ извѣстіемъ, что къ вентѣ приближается очень большой транспортъ на мулахъ. Выйдя изъ венты, я тотчасъ узналъ въ числѣ всадниковъ, сопровождавшихъ транспортъ, нашего патрона, м-ра Макса Требера и Вилье. Наконецъ-то кончился срокъ моего скучнаго караула переправы!

М-ръ Максъ и Вилье встрѣтились въ Товсонѣ и, узнавъ, что имъ приходится идти по одному направленію, соединили свои транспорты въ одинъ и прибыли вмѣстѣ къ переправѣ.

Транспортъ м-ра Макса былъ нагруженъ товаромъ для про-

мѣна на скоть въ преріи, лежащей на правомъ берегу Ридъ-Ривера.

Чтобы отдохнуть хорошенько до предстоявшаго труднаго путешествія въ малоизвѣстныя еще преріи, рѣшено было, что транспортъ простоятъ у венты трое сутокъ. Этимъ временемъ м-ръ Максъ осмотрѣлъ устроенную мною переправу и принялъ отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Переправа оказалась устроена хорошо; расходы значительно ниже предположенныхъ; безопасность переправы вполне обезпечена. Вообще патронъ остался доволенъ исполненіемъ вложеннаго на меня порученія и призналъ всѣ мои распоряженія, включая затрату тысячи долларовъ на свинцово-плавильный заводъ, вполне правильными. Караулъ плотель передала окончательно Вилье и его партіи, а я и Пьеръ должны были отправиться вмѣстѣ съ транспортомъ въ преріи для закупки скота.

М-ръ Максъ поблагодарилъ скватеровъ за оказанную имъ помощь, устроилъ отличное угощеніе начальникамъ партій и подарилъ имъ нѣсколько отличныхъ машинныхъ ремней для лѣсопилены и вновь изобрѣтенную машинку, для оттачиванья большихъ пилъ, отъ которой скватеры пришли въ восторгъ. Въ то же время онъ со своею всегдашнею ловкостью вызвалъ скватеровъ на предложеніе помочь проспекторамъ въ постройкѣ свинцово-плавильнаго завода.

Съ семействомъ дяди Боя онъ былъ чрезвычайно любезенъ. Пригласилъ Бетси и ея дочерей пріѣзжать къ нему въ блокгаузъ, чтобы познакомиться съ м-съ Треберъ и ея дочерьми. Это приглашеніе гордаго явни пришло какъ нельзя болѣе по вкусу дяди Боя, не знавшаго, какъ выразить свою благодарность и услужить м-ру Максу.

Сдавъ переправу проспекторамъ, м-ръ Максъ отправился со мною къ м-ру Джекинсу. Оказалось, что они были нѣсколько знакомы, такъ какъ часто встрѣчались на пограничныхъ выставкахъ.

Безъ всякихъ затрудненій былъ составленъ планъ дѣйствій при закупкѣ скота сообща. Блокгаузъ м-ра Джекинса былъ избранъ главнымъ складомъ привозимыхъ изъ штатовъ товаровъ и сборнымъ пунктомъ для купленнаго скота. Такимъ образомъ, намъ не приходилось таскать съ собою по преріи огромный транспортъ товаровъ и гуртъ закупленнаго скота. Разбившись на нѣсколько партій, мы могли разѣзжать по преріи съ небольшимъ количествомъ товара и, промѣнявъ его на скоть, возвращаться къ блокгаузу м-ра Джекинса за новымъ количествомъ. Товары

м-ра Джекинса, предназначенные для промѣна на скотъ, были присоединены по оцѣнкѣ къ нашимъ. Пріятно было видѣть, какъ два янки, м-ръ Максъ и м-ръ Джекинсъ, заключали между собою договоръ. По возможности, всё мелочи были предусмотрѣны. Это дѣлалось для предупрежденія могущихъ возникнуть впоследствии недоразумѣній, а отнюдь не имѣло въ себѣ того торгашничества, того желанія закрутить своего будущаго компаньона какимъ-нибудь пунктивомъ контракта, чтобы при первой возможности начать судебное дѣло и заставить порядкомъ поплатиться за недосмотръ при заключеніи договора, какъ мнѣ случалось это видѣть при мелкихъ и крупныхъ сдѣлкахъ въ нашемъ отечествѣ. М-ръ Максъ и м-ръ Джекинсъ настолько уважали себя и другъ друга, что считали недостойнымъ прибѣгать къ такому рода ухищреніямъ. Въ расцѣнкѣ товаровъ тоже, какъ вообще въ торговыхъ сдѣлкахъ между чистыми американцами, не было желанія, съ одной стороны какъ-нибудь сбить цѣну, а съ другой—повысить противъ дѣйствительной. Цѣна товарамъ опредѣлялась съ двухъ словъ, безъ длинныхъ торговъ и ни къ чему неведущихъ споровъ.

Первую экспедицію въ преріи рѣшено было сдѣлать вмѣстѣ всѣмъ участвующимъ въ предпріятіи, чтобы на практикѣ, съ общаго совѣта, опредѣлить образъ дѣйствій, долженствующій быть возможно одинаковымъ во всѣхъ отдѣльныхъ партіяхъ, имѣющихъ развѣзжать современемъ по преріи. Такое однообразіе въ дѣйствіяхъ начальниковъ отдѣльныхъ экспедицій было крайне необходимо для успѣшнаго хода предпріятія. Еслибы кто-нибудь изъ агентовъ сталъ давать за скотъ высшую цѣну, или легче браковать, то скотовладѣльцы, вступившіе въ сдѣлку съ другими агентами, могли бы имѣть претензіи на то, что должны были подчиниться менѣе выгоднымъ условіямъ. Пожалуй, сочли бы такой образъ дѣйствій обманомъ. При болѣе стѣснительной покупкѣ которой-либо партіи могъ получиться такой же результатъ. А возбуждать неудовольствіе или сомнѣніе въ честномъ веденіи дѣла въ полудивихъ, упрямыхъ скотовладѣльцахъ преріи было не только неблагоразумно, но даже опасно. Западъ разъ въ голову богатаго жителя преріи, что его обманули, съ нимъ ни за что не вступишь впередъ ни въ какую сдѣлку. Онъ лучше перебьетъ весь свой скотъ на шкуры, чѣмъ продастъ хоть одну штуку человѣку, которому не довѣряетъ, а при случаѣ и нарочно постарается еще сдѣлать какую-либо непріятность.

По заключеніи договора съ м-ромъ Джекинсомъ, компанейскіе товары перевезли къ нему въ блоггаузъ, отобрали нужное количество для первой экспедиціи, уложили ихъ на двадцать

фургоновъ и подъ конвоемъ шестидесяти вачеро направились въ преріи. Кромѣ нанятыхъ вачеро, въ экспедиціи участвовали: м-ръ Джекинсъ съ двумя старшими сыновьями и всѣ члены нашей компаніи, въ томъ числѣ и я. Вагенмейстеромъ, или главнымъ распорядителемъ во время пути былъ избранъ м-ръ Максъ, хотѣвшій было уступить этотъ постъ болѣе пожилому и опытному м-ру Джекинсу. Но старшій піонеръ отказался наотрѣвъ, говоря, что уже отвыкъ отъ преріи, посвящаемой индійцами, проживъ нѣсколько лѣтъ въ безопасной мѣстности.

Во время однообразной, скучной жизни, которую приходилось вести въ вентѣ и ея окрестностяхъ, въ качествѣ караульнаго, я не могъ дожидаться той минуты, когда придется промѣнять эту скучную жизнь на болѣе разнообразное странствованіе по малозвѣстной преріи, познакомиться съ которой ближе мнѣ очень хотѣлось. Но когда мое желаніе исполнилось и, распростившись съ обитателями венты и ея окрестностей, мы вышли въ открытую прерію, мною овладѣла тоска. Жаль мнѣ стало мѣстности, съ которою я успѣлъ нѣсколько свыкнуться, и съ людьми, которыхъ я, несмотря на ихъ недостатки, полюбилъ.

Не знаю, вслѣдствіе ли способности скоро сживаться со всякой обстановкой, привыкать ко всякому положенію, или вслѣдствіе того, что дѣйствительно нельзя не привязаться къ обитателямъ преріи, но только мнѣ, послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ вентѣ, не хотѣлось уѣзжать изъ мѣстности, обратившейся на моихъ глазахъ изъ пустыни въ довольно многолюдный уголокъ.

Нѣсколько времени постоянныхъ, близкихъ сношеній со скватерами, піонерами, наѣздниками и проспекторами дало мнѣ возможность освоиться съ характеромъ и привычками этихъ людей.

Одна изъ причинъ, заставляющая привязаться къ обитателямъ преріи, состоитъ, по моему мнѣнію, въ замѣчательной прямотѣ характера этихъ людей. Въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ они не прибѣгаютъ ко лжи или виланью. Всякій изъ нихъ считаетъ себя въ правѣ, и даже обязаннымъ, говорить и дѣйствовать согласно съ своими мыслями, не надѣвая на себя маску, чтобы угодить кому бы то ни было. Такой способъ высказывать свои мнѣнія и поступать согласно съ ними кажется, съ непривычки, нѣсколько грубымъ, но эта прямотушная грубость нравится мнѣ больше, чѣмъ ни къ чему не ведущая, лицемѣрная вѣжливость, скрывающая часто затаенную вражду. При откровенности скватеровъ знаешь, по крайней мѣрѣ, какъ держать себя съ каждымъ изъ нихъ. Ихъ склонность къ самоуправству и насилію есть от-

части слѣдствіе ихъ прямого характера. Разъ житель преріи придетъ къ какому-нибудь убѣжденію, онъ готовъ поддерживать его всѣмъ, что только отъ него зависитъ. Исключительная обстановка даетъ ему возможность прибѣгать къ насилию, какъ къ ближайшему и вѣрнѣйшему средству, и житель преріи прибѣгаетъ къ этому средству предпочтительно передъ всякими другими. Измѣнись обстановка такъ, чтобы можно было обходиться безъ помощи ножа или револьвера, — и обитатель преріи будетъ употреблять ихъ въ дѣло такъ же рѣдко, какъ и любой горожанинъ изъ самаго цивилизованнаго общества.

Но, кромѣ прямоты и твердости характера, этихъ передовыхъ застрѣльщиковъ цивилизаціи нельзя не уважать за ихъ стойкость въ исполненіи обязательствъ и договоровъ, неутомимую эвергію въ работѣ и инстинктивное, если можно такъ выразиться, стремленіе къ общественному порядку. Нельзя не удивляться строгой дисциплинѣ, которой добровольно подчиняются, не признающіе надъ собою никакой власти люди, въ артеляхъ севатеровъ, въ блокгаузахъ піонеровъ и въ партіяхъ вачеро, сопровождающихъ транспорты. Едва соберутся нѣсколько человѣкъ въ данной мѣстности, какъ они начинаютъ уже заботиться объ общественной безопасности и благоустройствѣ. Сейчас же заключаются свято исполняемые договоры между сосѣдями; для пресѣченія преступленій является судъ Линча.

Судъ Линча, несмотря на свою суровость, носитъ однако въ себѣ зародышъ, лежащій въ основаніи всего уголовного права Соединенныхъ Штатовъ, именно, что человѣкъ можетъ быть осужденъ и наказанъ только тогда, когда совершенное имъ преступленіе будетъ доказано съ очевидною ясностью. Кромѣ того, судьи обыкновенно рѣшаются на смертные приговоры только въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый оказывается заворенѣлымъ преступникомъ.

Конечно, судъ Линча, въ мало заселенныхъ мѣстностяхъ, не можетъ водворить полной безопасности, такъ какъ на мѣсто одного осужденнаго явятся изъ штатовъ нѣсколько подобныхъ ему негодяевъ. Но достаточно и того, что первые переселенцы въ пустыни приносятъ съ собою и распространяютъ понятіе, что какой бы то ни было судъ предпочтительнѣе самоуправства и полной анархіи.

Переселенцамъ, слѣдующимъ за севатерами и піонерами, не приходится переименовывать или вводить новые порядки, а только развивать зачатки общественныхъ отношеній, учрежденныхъ ихъ

предшественниками, чтобы завести въ мѣстности порядковъ, одинаковый съ заселенными штатами. Какъ бы презрительно ни относились къ первымъ переселенцамъ въ пустыню, гордые своею цивилизаціею жители большихъ городовъ восточныхъ штатовъ, имъ не слѣдуетъ забывать, что, только благодаря труду, энергіи и здравому смыслу піонеровъ, при первоначальномъ устройствѣ занимаемой ими мѣстности, можетъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ распространяться цивилизація въ пустыняхъ дальняго запада.

Кто знаетъ,—не обладай піонеры присущими имъ качествами, цивилизація англо-саксонской расы не одолѣла бы пустынь и достигла бы, быть можетъ, такихъ же жалкихъ результатовъ, какъ цивилизація испанцевъ, предпринятая въ болѣе одаренныхъ природою странахъ, при несравненно благопріятнѣйшихъ условіяхъ.

А. БУРВСКІЙ.

ПАОЛО И ФРАНЧЕСКА

ИЗЪ ДАНТА.

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

Inferno. Canto V.

.....И сказалъ я ¹⁾: поэтъ! мои взоры влекутся
Къ той четвѣ неразлучныхъ и скорбныхъ тѣней,
Что, какъ вѣтеръ безплотны, по вѣтру несутся...
И поэтъ отвѣчалъ: ты узнаешь о ней.
Злополучной любовью, что ихъ погубила,
Заклинай ихъ,—и будетъ по просьбѣ твоей.
И едва сила вихря ихъ къ намъ обратила,
Я воскликнулъ: о скорбныя тѣни, сюда!
Прилетайте повѣдать о томъ, что вамъ мило,
Если вамъ не отказано въ этомъ! Тогда—
Словно голуби, нѣжной заботой томимы
О завѣтныхъ утѣхахъ родного гнѣзда,
Быстрокрылые, мчатся подъ кровъ свой родимый,—
Такъ онѣ, вострепнувшись, покинули строй
Безотрадныхъ тѣней, ураганомъ гонимый:
Такъ могучъ былъ призывъ мой. Мы здѣсь, предъ тобой,
Чья благая душа такъ полна сожалѣньемъ
Къ намъ, омывшимъ грѣхи свои кровью живой!

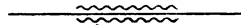
¹⁾ Данте, сопровождаемый Вергилиемъ, спускается во второй кругъ ада; въ толпѣ грѣшныхъ тѣней, которыхъ мчитъ и крутитъ адскій вихрь, вниманіе Данте особенно привлекаютъ двѣ тѣни, о которыхъ онъ и спрашиваетъ Вергилія.

Еслибъ небо отвѣтило нашимъ молениямъ,
 Мы молили-бъ его тебѣ миръ даровать
 За твое состраданіе къ нашимъ мученьямъ.
 Что желаешь, скажи намъ,—тебѣ отвѣчать
 Не замедлимъ мы, волю твою исполняя,
 Пока вѣтеръ утихнувшій будетъ молчать.
 Родилась я на взморьѣ, гдѣ По, ниспадая,
 Въ лонѣ моря находить желанный покой,
 Своихъ спутниковъ быстрыхъ съ собой увлекая.
 О любовь, сердца нѣжнаго пламень родной!
 Она Паоло сердце глубоко плѣнила
 Моей юной, моею убитой красой.
 О любовь! равнодушьемъ она запретила
 Намъ платить за нее: я была ей вѣрна,
 И—ты видишь, и здѣсь я люблю, какъ любила.
 О любовь! насъ обоихъ сгубила она:
 Ждетъ Каина ¹⁾ того, чьей злодѣйской рукою
 Наша жизнь молодая на смерть предана!
 Такъ повѣдала тѣнь. Я поникъ головою,
 Состраданія полный, и долго молчалъ,
 Пока дивный поэтъ не спросилъ: что съ тобою?
 О, мнѣ тяжело, учитель,—ему я сказалъ:
 Сколько сладостныхъ грезъ, сколько пылкихъ желаній
 Привели ихъ сюда!—И потомъ продолжалъ,
 Обратясь къ этимъ жертвамъ преступныхъ мечтаній:
 О Франческа, я плачу, и скорбною душой
 Преклоняюсь предъ силой твоихъ я страданій.
 Но припомни то время изъ жизни былой,
 Время первыхъ и сладостныхъ вздоховъ желанья...
 Какъ отъ нихъ вы до страсти дошли роковой?
 И она мнѣ въ отвѣтъ: нѣтъ сильнѣе страданья
 (Твой сопутникъ ученый то долженъ понять),
 Какъ въ несчастѣ о счастьи воспоминанье.
 Но когда ты такъ сильно желаешь узнать,
 Какъ впервые любовь наши души плѣнила,
 Свой рассказъ со слезами я стану мѣшать.
 Мы однажды вдвоемъ,—время праздное было,—
 О любви Ланчелотта читали рассказъ.
 Мы сидѣли одни, намъ ничто не грозило.

¹⁾ Каина—мѣсто братоубійцъ въ аду.

О любви мы читали тогда, и не разъ
 Наши взоры сливались, сердца замирали,
 И румянецъ въ лицѣ загорался и гасъ.
 Но одно насъ сгубило: когда прочитали,
 Какъ лобзаньемъ съ устъ милой улыбку онъ снялъ,—
 Тотъ, съ кѣмъ я неразлучна и въ мѣрѣ печали,
 Самъ, дрожа весь, къ устамъ моимъ жадно припалъ...
 Галеотто былъ авторъ той повѣсти грѣшной...
 Дальше мы не читали... Такъ призракъ вѣщалъ,
 А другой, весь внимая ему, безутѣшный,
 Такъ ужасно рыдалъ, удрученный тоской,
 Что я обмеръ при видѣ той музѣ вромѣнной,
 И безъ чувства на землю упалъ, чуть живой.

Александръ Орловъ.

ГЕРМАНІЯ

НАКАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ

Окончаніе.

XVI *).

СОЮЗЪ ФЮРСТОВЪ И НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА РОССІИ.

Создать нѣмецкую націю не въ одной теоріи, но въ политическомъ смыслѣ, можно было только разрушивши имперскую конституцію. Уже не говоря о Габсбургѣ, каждый значительный фюрстъ желалъ попользоваться наслѣдіемъ покойницы, но неудачно. Лучшимъ примѣромъ служить Баварія — самая крупная нѣмецкая земля до возвышенія Бранденбурга. Ея Виттельсбахи постоянно стремились захватить въ свои руки судьбы Германіи. Но ихъ усилія были тщетны и даже смѣшны. Баварія—вторая Австрія. Въ ней только населеніе нѣмецкое, но по духу она не нѣмецкая земля. Въ борьбѣ съ Габсбургами Виттельсбахи старались затмить ихъ, стоя на одной съ ними почвѣ, — и стали болѣе консервативны и католичны, чѣмъ императоры. Поэтому они не могли рассчитывать на сочувствіе въ Германіи и, ища опоры извнѣ, стали орудіемъ Франціи. Все нѣкогда важное значеніе Баваріи израсходовалось на эту коварную, исключительно династическую политику — и Габсбургъ нѣсколько разъ едва не захватилъ ея. А курфюрстъ Карлъ-Теодоръ самъ согласился отдать ее императору за австрійскіе Нидерланды. Безсмысленно

*) См. выше: май, 198; июль, 595; июль, 78 стр.

смотрѣлъ онъ, какъ Фридрихъ II, Екатерина II и Людовикъ XVI встревожились за его интересы, и равнодушно принялъ обратно свою родину изъ ихъ рукъ.

Разрушить ветхую имперію могла только молодая Пруссія. Самое ея существованіе было протестомъ противъ средневѣковщины. Ея общественный и государственный строй былъ отрицаніемъ феодализма. Въ ней находило пріютъ все гонимое стариной. Она была средоточіемъ протестантизма и нѣмецкой культуры. Она взростила Фридриха II, этого передового бойца «просвѣщенія» на тронѣ. Къ ней были обращены надежды нѣмцевъ, оппозиціонныя направленія, симпатіи юношества и новой литературы.

Пруссію называютъ нѣмецкимъ Пьемонтомъ. Здѣсь центръ тяжести нѣмецкой націи. Отсюда вышло собраніе нѣмецкой земли. Всѣ условія, какъ естественныя, такъ и историческія, предназначали эту роль Пруссіи. А между тѣмъ ей было трудно исполнить нѣмецкую задачу.

Попытаемся объяснить это любопытное явленіе.

Пруссія — государство безспорно свѣжее, современнаго типа, и чисто нѣмецкое. Къ ней подходилъ и Гогенцоллернъ, какъ типъ новаго времени. Юношеская отвага и революціонный задоръ необходимы странѣ, которой суждено было разрушить имперскую конституцію. Но нѣмецкіе историки эпохи объединенія Германіи грѣшатъ очевидными натяжками, когда, забывая свои собственные взгляды недавняго времени, стараются дальше проводить параллель между Гогенцоллерномъ и Пруссіей. Они указываютъ на патріотическія фразы великаго курфюрста и даже Фридриха-Вильгельма I. Не будемъ говорить о нѣмецкомъ фельдфебелѣ на тронѣ. Но неужели курфюрстъ XVII вѣка, хотя бы и Великій, понималъ, какъ нынѣшніе историки, предметъ, котораго тогда не было и въ поминѣ, котораго не понимали, столѣтъ спустя, Лессинги, Гердеры, Гете, Канты и даже самъ Фридрихъ II? Указываютъ еще на то, что великій курфюрстъ не дружилъ, а воевалъ съ врагами нѣмецкаго отечества. Но это одна изъ самыхъ слабыхъ натяжекъ, къ которымъ приводитъ сентиментализмъ въ исторіи. Великій курфюрстъ воевалъ со шведами, потому что они владѣли Помераніей, необходимой для Бранденбурга. Съ другой стороны, иностранные союзы не составляють преступленія противъ патріотизма. Извѣстно, въ какія отношенія вступалъ нѣмецкій «патріотъ», Фридрихъ II, съ главными врагами нѣмецкаго отечества — съ Россіей и Франціей, и какъ Гогенцоллернъ отнесся къ нѣмецкой націи въ 1848 году.

Мы уже имѣли случай высказаться о свойствахъ династическаго интереса. Кто не хочетъ вносить романтизма и идеализаціи въ науку, тотъ согласится, что эти свойства всегда и вездѣ одинаковы. Слѣдовательно, должно или устраниваться отъ приговоровъ, или же относиться съ особенной строгостью къ тому династическому интересу, который обставленъ условіями наиболѣе благоприятными для націи.

Трудно гдѣ-либо найти болѣе такихъ условій, чѣмъ въ Пруссіи. Здѣсь можно было каждый династическій шагъ сливать съ національнымъ интересомъ. Посмотримъ, какъ поступали Гогенцоллерны.

Гогенцоллернъ точно также смотрѣлъ на имперію, какъ Габсбургъ и Виттельсбахъ. Онъ желалъ поглотить ее для собственнаго возвышенія. Онъ и сдѣлалъ бы это сразу, еслибы былъ въ силахъ. Но такъ какъ онъ самъ укрѣплялся постепенно, то и поглощеніе имперіи происходило по частямъ. Путь, избранный Гогенцоллерномъ для достиженія своей цѣли, былъ тотъ самый, къ которому стремился каждый крупный фюрстъ: это — уничтоженіе Габсбурга, съ цѣлю надѣтъ на себя его корону.

Но Гогенцоллернъ былъ обставленъ самыми счастливыми условіями, между тѣмъ какъ каждый фюрстъ, вступавшій на этотъ самый путь, вызывалъ всеобщее негодованіе: нѣмцы видѣли за Гогенцоллерномъ чисто-нѣмецкую Пруссію, которая устраняла мрачную перспективу превращенія Германіи въ Австрію и тѣмъ спасала ихъ культуру.

Фюрсты могли бороться съ Габсбургомъ только при помощи европейскихъ державъ, — Пруссія была сама европейская держава. У нея были союзы, армія и казна. Гогенцоллернъ былъ настолько силенъ, что могъ открыто бросить перчатку Габсбургу, не прибѣгая къ интригамъ, которыя подрываютъ нравственное вліяніе государствъ.

Конечно, Гогенцоллернъ не могъ одинъ уничтожить Габсбурга. Онъ долженъ былъ искать союзниковъ въ имперіи. И Габсбургъ, и всякій крупный фюрстъ дѣлалъ то же самое. Но и здѣсь на долю Гогенцоллерна выпала благодарная роль: Габсбургъ набиралъ свою партію изъ феодальныхъ остатковъ, а Гогенцоллернъ — изъ болѣе живыхъ элементовъ. Задача Гогенцоллерна состояла въ усиленіи федераціи. Только посредствомъ союза сильныхъ князей надѣялся онъ покончить съ своимъ соперникомъ, а потомъ уже не трудно было поглотить свое орудіе, превратить федерацію въ гогенцоллернскую имперію.

Мы восхулились такимъ образомъ вопроса о политическихъ

партіяхъ въ Германіи. Партіи — признакъ развитія социальныхъ и государственныхъ формъ. Онѣ встрѣчаются тамъ, гдѣ есть общественное совнаніе. Онѣ представляютъ борьбу не сословій или властолюбивыхъ фамилій и кружковъ, а разныхъ точекъ зрѣнія на средства къ достиженію одной и той же цѣли—національнаго прогресса. Понятно, что въ Германіи партіи возникли поздно и подъ чуждымъ вліяніемъ. Онѣ зародились лишь послѣ толчка, даннаго французской революціей. Онѣ вытекли изъ теоріи, изъ политическихъ школъ эпохи «просвѣщенія» и лишь подъ косвеннымъ вліяніемъ Англіи. Оттого-то онѣ доселѣ представляютъ незаконченный и подчасъ даже неясный видъ.

Впрочемъ, до Вестфальскаго мира въ Германіи еще было нѣкоторое оживленіе и намеки на партіи. Боролись то гвельфы съ гибеллинами, то паписты съ протестантами. Лже-партіями были эти междуусобія; но въ нихъ все-таки была своя историческая жизнь. Съ Вестфальскаго же мира до Фридриха (1648—1740) была самая глухая пора въ германской политикѣ. Здѣсь не было даже сословныхъ партій, не говоря уже про торіевъ и виговъ. По словамъ полинявшей сказки, великій Гогенштауфенъ дремалъ въ Киффгейдерѣ, поджидая лучшей поры; а послѣдній Гвельфъ на нѣмецкой землѣ служилъ прусскимъ генераломъ.

Впрочемъ, и въ это время встрѣчается громкое названіе партій. Но это даже—не эгоистическіе Бургиньоны и Арманьяки или Бѣлая и Алая Роза: это—скорѣе голубые и зеленые византійскаго гипподрома. Они препирались на имперскомъ сеймѣ о томъ, кому сидѣть на красномъ, кому на зеленомъ креслѣ. То были *партіи имперскихъ чиновъ*, а не націи. Онѣ настолько же понимали общее благо, насколько ихъ Staatsraison подходилъ къ понятію народнаго интереса. Онѣ смотрѣли на имперію, какъ на дойную корову, выкармливавшую ихъ династическій интересъ.

Тогда уже созрѣвало соперничество между Габсбургомъ и Гогенцоллерномъ. Австрія и Пруссія искали союзниковъ въ имперіи. По всей Германіи проходили ихъ мины. Онѣ чернили другъ друга въ глазахъ фюрстовъ, какъ измѣнниковъ отечества, т.-е. нарушителей имперской конституціи. Въ канцеляріяхъ Вѣны и Потсдама продажные публицисты уже очинивали перья для замысловатыхъ дедукцій, комментаріевъ, сентенцій, консультацій и т. д., на основаніи одного и того же «нѣмецкаго государственнаго права». Фюрсты, въ свою очередь, сознавали, что пришла пора стать имъ открыто подъ то или другое знамя. Одни изъ нихъ склонялись къ императору и назывались *цезаріанцами*

или австрійцами. Другіе придерживались Гогенцоллерна: это — *конфедераты* или пруссаки.

Цезаріанцы—огромное большинство имперскихъ чиновъ. Но все это мелочь, дряблые остатки феодализма, которые могли прозябать только подъ сѣнью конституціи. Тутъ видимъ графовъ, какъ простыхъ, такъ и овязенныхъ, конкеровъ, аббатовъ, имперскіе города и села,—словомъ, богоспасаемый хаосъ, патриархально-дремлющій юго-западъ «отечества». Эти господа были дѣйствительно послушными орудіями Габсбурга. Они вослились на него, только когда онъ требовалъ у нихъ денегъ и войскъ. Они воображали, что будутъ вѣчно жить у него на содержаніи, потому что онъ очень любитъ ихъ. Конфедераты — тузы имперскаго наряда. Они даже назывались еще «курфюрстіанцами». Они ощущали въ себѣ признаки силы и воображали, что могутъ жить безъ конституціи, европейскими потентатами. Гогенцоллернъ понималъ вліяніе этихъ тузовъ на сеймъ и старался обратить ихъ въ своихъ адвокатовъ.

Конфедераты дѣйствительно считались пруссаками. Но они вовсе не были послушными орудіями Гогенцоллерна. Даже для такихъ умныхъ политиковъ, какъ они, было очевидно, какъ стѣснительно числиться въ пруссакахъ. Конфедераты болѣе побаивались своего Гогенцоллерна, чѣмъ цезаріанцы своего Габсбурга. Инстинктъ самосохраненія внушалъ имъ недоувѣріе и отвращеніе къ нему, какъ къ журавлю, присланному къ лягушкамъ. Нѣкоторые додумывались даже до новой идеи, служившей основаніемъ третьей партіи. Это—*особняки* или приверженцы «особаго союза» (Sonderbundsparthei). Они замышляли составить союзъ, независимый отъ обоихъ коварныхъ опекуновъ отечества, даже враждебный имъ. Такъ какъ особнякомъ приходилось бороться съ европейскими державами Германіи, то они искали покровительства иностранцевъ, и именно Франціи.

Фридрихъ II, въ первую половину своего царствованія, поступилъ безтактно, увлекаясь своей матеріальной силой и «просвѣщеннымъ» остроуміемъ. Онъ думалъ, что сразу вытѣснить Габсбурга изъ «отечества» и тотчасъ же поглотить фюрстовъ. Онъ жестоко насмѣхался не только надъ имперскимъ нарядомъ, но и надъ крупными фюрстами. Онъ отзывался о нихъ, какъ о продажныхъ душахъ. «Point d'argent, point de prince d'Allemagne» (Нѣтъ денегъ—нѣтъ тебѣ и фюрста!), восклицалъ Фридрихъ на всю Европу. «Фюрсты, — говорилъ онъ, — позоръ нашего вѣка: изъ-за нихъ я краснѣю за Германію». Онъ называлъ ихъ ропотъ «кваганьемъ лягушекъ», а имперскій сеймъ — «при-

зракомъ и собраніемъ формалистовъ, которые играютъ роль дворяншекъ, лающихъ на луну». Конечно, фюрсты отвѣчали Фридриху тѣмъ же. Они называли его измѣнникомъ отечества, Мак-кравелемъ. Противъ него было написано много желчныхъ памфлетовъ. Въ то же время выяснилась та гогенцоллернская, династическая политика Фридриха II, которая возбудила негодованіе даже по всей Европѣ.

Оттого-то трудно было Фридриху сдѣлать выгодный подборъ фюрстовъ. Въ первые четыре года своего царствованія, онъ четыре раза пытался устроить союзъ фюрстовъ и бросался во всѣ стороны—не только къ конфедератамъ, но даже и къ цезаріанцамъ. Но удачи не было. Фюрсты или стояли за Австрію, или держались въ сторонѣ, частью опасаясь мести Габсбурга, а больше изъ недовѣрія къ своему новому другу и благодѣтелю. Фридрихъ покинулъ дипломатическія мины и взялся за мечъ, чтобы уничтожить Габсбурга безъ помощи фюрстовъ. Дерзость пруссавовъ и ужасы затѣянныхъ ими войнъ окончательно запугали фюрстовъ и восстановили ихъ противъ Фридриха. Партія цезаріанцевъ росла, партія особняковъ оживилась и даже составила планъ независимаго и вооруженнаго союза.

При такихъ отношеніяхъ только особенная сила могла толкнуть фюрстовъ въ объятія Гогенцоллерна. Этою силой былъ Габсбургъ, Іосифъ II.

Іосифъ II—дита «просвѣщенія», и по немъ можно судить о нравственной силѣ этого направленія. Онъ болѣе походилъ на Гогенцоллерна, чѣмъ на Габсбурга. Это—любознательный типъ Габсбурга-революціонера. Но Іосифу не доставало практичности Гогенцоллерна.

Мы говоримъ только про личность Іосифа. Идея же у него старая, габсбургская. Совершенно новъ былъ только способъ ея осуществленія, да нѣкоторые мотивы. И Іосифъ заботился о династическомъ интересѣ. Все, даже себя самого, приносилъ онъ въ жертву этому кумиру. Ему хотѣлось замѣнить у него глинаныя ноги несокрушимую «*Rocher von Bronze*», выражаясь неподражаемымъ жаргономъ прусскаго короля. Къ этому древнему мотиву присоединялся новый, который раздражалъ Іосифа до болѣзненности и приводилъ въ трепетъ всю маститую атмосферу Габсбурга. Іосифъ былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ приверженцевъ «просвѣщенія» и не могъ сдерживать своей ненависти къ старинѣ. По силѣ этой разрушительной страсти онъ стоялъ выше Фридриха.

Вопреки габсбургскимъ преданіямъ, Іосифъ рѣшился смѣлою

рукой сразу уничтожить имперскій нарядъ и стать могущественнымъ монархомъ Германіи. Вскорѣ про него уже начали говорить, какъ про отъявленнаго нарушителя имперской конституціи, что равнялось названію: «измѣнникъ отечеству». Въ эту-то минуту Іосифъ выдвинулъ свой знаменитый баварскій планъ, который долженъ былъ перевернуть вверхъ дномъ все въ Германіи. Мы уже упоминали, какъ курфюрстъ Карлъ-Теодоръ согласился уступить Іосифу Баварію за австрійскіе Нидерланды. Присоединить богатую, многолюдную и сосѣдную съ Вѣной Баварію къ Австріи значило рѣшить судьбу Германіи въ смыслѣ габсбургскаго монархизма. Былъ прямо поставленъ великій германскій вопросъ: Габсбургъ или Гогенцоллернъ?

Уже пятнадцать лѣтъ протекло послѣ семилѣтней войны. Фридрихъ утомился. Онъ понялъ, что сразу не уничтожишь Габсбурга. Довольно было съ него, что онъ предрѣшилъ германскій вопросъ, выдержавши войну почти со всей Европой. Къ тому же, его маленькая и бѣдная страна обанкротилась отъ этого подвига. Да и самъ Фридрихъ былъ уже не прежній герой. Онъ износился физически и нравственно, извѣрился въ людей и въ собственные силы. Онъ боялся войны, какъ огня, и готовъ былъ продать всю Германію, лишь бы избѣгнуть войны безъ ущерба для себя. Онъ обратился къ орудію слабыхъ—къ хитрости. Последняя половина его царствованія (1763—1786)—дипломатическій походъ, и не лишенный блеска.

Въ одряхлѣвшему Фрицу какъ нельзя лучше шла роль охранителя не только у себя дома, но и въ имперіи. Лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ это было не возможно. Это значило бы соперничать съ специалистами по части консерватизма, съ Габсбургами, и даже работать въ ихъ пользу. Но теперь на австрійскомъ престолѣ сидѣлъ выродокъ въ семьѣ Габсбурговъ—и Гогенцоллернъ съ Габсбургомъ помѣнялся ролями. Фридрихъ сталъ уличать вѣнскаго революціонера въ разбоѣ. Изъ его канцелярій расходились по дворамъ фюрстовъ дедушціи, комментаріи и т. д., достойные Габсбурга или какого-нибудь дюжиннаго фюрста. Въ нихъ съ грубымъ прусскимъ паэосомъ изливались чувства любви Гогенцоллерновъ къ «отечеству», къ «нѣмецкой свободѣ», къ священной хартіи—имперской конституціи.

Странныя слова въ устахъ Гогенцоллерна, и еще какого! Конечно, фюрсты не вѣрили имъ. Они встревожились, не знали, что дѣлать, очутившись между двухъ огней, какъ вдругъ умеръ послѣдній Виттельсбахъ—и австрійскія войска заняли Баварію. Партіи особняковъ и конфедератовъ слились, цезаріанцы смути-

лись. Фюрсты, скрѣпя сердце, склонились къ Пруссіи, а Фридрихъ внезапно явился въ Богеміи съ арміями.

Фридрихъ рѣшился воевать, зная притомъ, что Австрія была хорошо подготовлена къ войнѣ! Вотъ лучшее доказательство тому, что уничтоженіе Габсбурга — жизненная задача Гогенцоллерна, для которой онъ поставитъ на карту все на свѣтѣ. Судьба Австріи была ясна уже тогда. Война за баварское наслѣдство началась точно такъ же, какъ война 1866 года. Прусскія арміи вторглись въ Богемію по тѣмъ же самымъ дорогамъ и, по всей вѣроятности, кровопролитіе произошло бы при Садовой.

Но то была беззвонная война. Фридрихъ струсилъ тотчасъ же. Иосифъ подражалъ ему. Противниковъ развели иностранныя державы, и во главѣ ихъ Россія.

Далѣе германская исторія уже непонятна безъ объясненія политики Россіи относительно Германіи.

Съ XV-го вѣка, когда начались дипломатическія сношенія между Москвою и Вѣной, до появленія Пруссіи, Россія была въ дружбѣ съ Австріей. Съ возвышеніемъ Пруссіи наши отношенія въ Германіи стали сложнѣе и запутаннѣе. Мы должны были зорко слѣдить за *нѣмецкимъ равновѣсіемъ*, безъ котораго намъ угрожала опасность въ будущемъ. Отъ проницательности Петра I-го не могло ускользнуть значеніе германскаго междоусобія. Онъ хотѣлъ «основать *новую систему въ Германіи*», при которой можно бы было «держатъ въ почтеніи тѣ державы, которыя хотятъ всѣмъ предписывать законы».

Изъ этихъ державъ одна была старая, всѣмъ понятная. Отношенія Россіи къ Австріи уже стали преданіемъ семи поколѣній. Пруссія же ставила новую международную задачу, къ которой должна была прилаживаться русская политика.

Соперничество между юною Пруссіей и обивленною Россіей лежало, такъ сказать, въ самыхъ зародышахъ этихъ сосѣднихъ государствъ, которыя въ одно время стали одно имперіей, другое — королевствомъ. Задачей Пруссіи было объединеніе Германіи. Задачей Россіи было соблюденіе нѣмецкаго равновѣсія. Стбитъ прослѣдить архивскія откровенія ¹⁾, начиная съ Петра I-го, чтобы убѣдиться въ этомъ. И эти отношенія обнаруживались тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе усиливалось то или другое государство, чѣмъ даровитѣе было правительство въ Петербургѣ или Берлинѣ. Ко-

¹⁾ Русскій архивъ до смерти Елисаветы Петровны разработанъ С. М. Соловьевымъ. Сношенія Россіи съ Германіей въ 1780 годахъ исследованы нами по московскому архиву мин. ин. дѣлъ.

вечно, наибольшій интересъ представляетъ здѣсь эпоха Фридриха II и Екатерины II.

Фридрихъ сначала не придавалъ значенія Россіи и даже употреблялъ въ сношеніяхъ съ нею угрожающій тонъ. Онъ не ошибался. При дворѣ Анны Леопольдовны шла борьба партій. Минихъ, преданный Берлину, преодолѣлъ — и Россія заключила оборонительный союзъ съ Пруссіей: въ это самое время союзница Фридриха, Франція, подняла противъ насъ Швецію и интриговала въ Турціи! Но вслѣдъ за тѣмъ вступила на престолъ дочь Петра Великаго.

Тогда положеніе дѣлъ выяснилось, благодаря силескимъ войнамъ. Всѣ дипломаты были тревогу, замѣтивъ, что, въ лицѣ Пруссіи, въ Европѣ завелся безпокойный революціонный элементъ. Въ Петербургѣ всѣ правительственныя лица, даже личные враги, сходились въ этомъ мнѣніи. Они думали, выражаясь словами канцлера Бестужева, что противодѣйствовать Пруссіи значило «соблюдать славную систему Петра I», и что «поведеніе и поступки прусскаго короля будутъ всегда натуральнѣйшимъ предметомъ и наидостойнѣйшею аттестаціей нашему отечеству». Братъ канцлера пояснялъ систему Петра такъ: «главное правило всякой здравой политики — заблаговременно не допускать, чтобы сосѣдъ мой пришелъ въ наибольшую силу, мнѣ самому весьма предосудительную». Россія заключила оборонительный союзъ съ Австріей, который продолжался во все царствованіе Елисаветы и привелъ ее къ участию въ семилѣтней войнѣ.

При Петрѣ III былъ заключенъ союзъ между Россіей и Пруссіей, который поразилъ всѣхъ своей внезапностью точно такъ же, какъ при Аннѣ Леопольдовнѣ.

Сверхъ всякаго ожиданія, Екатерина II послѣдовала примѣру Петра III. Въ 1764 году она заключила союзъ съ Пруссіей на восемь лѣтъ. Но старые договоры съ Австріей остались въ силѣ. Это было началомъ той нѣмецкой политики, которой Екатерина никогда не вмѣняла. Вѣрная преданіямъ Петра Великаго, она сразу поставила себѣ цѣлью — *пользоваться нѣмецкимъ междоусобіемъ для выгоды своей страны.*

Послѣдствія союза Екатерины съ Фридрихомъ важны для объясненія мотивовъ обоихъ монарховъ. Они были выгодны Россіи и Пруссіи: всякому понятно значеніе раздѣла Польши и присоединенія Крыма. Больше всѣхъ выиграла Россія, которую самъ же прусскій герой считалъ главнымъ врагомъ Германіи.

Этотъ *прусскій* смыслъ политики Фридриха еще болѣе выяснился въ слѣдующіе годы. Тогда Екатерина серьезно стара-

лась упрочить «новую систему» Петра. Фридрихъ помогалъ ей. Онъ всячески усиливался вовлечь ее во внутреннія дѣла Германіи, рассчитывая, что она станетъ его орудіемъ для низверженія Габсбурга.

Какъ только провѣдалъ Фридрихъ о баварскомъ планѣ Іосифа, онъ тотчасъ же донесъ о немъ Екатеринѣ. «Здѣшнему двору это весьма на руку,—писалъ тогда саксонскій посланникъ въ Петербургъ:—Россія теперь можетъ стать для Германіи тѣмъ же, чѣмъ была для нея Франція при Лудовикѣ XIV. Это—великая и лестная роль»¹⁾. Впрочемъ, Екатерина притворилась равнодушной въ дѣламъ Германіи. Чтобы подороже продать свое участіе въ нихъ, она промолчала.

Вслѣдъ затѣмъ въ головѣ Фридриха зародился планъ союза *фюрстовъ* (Fürstenbund), направленнаго противъ Габсбурга. Дѣло было трудное. Восторженный почитатель и агентъ Фридриха, Домъ²⁾, говоритъ: «Большинство думало, что Фридрихъ не будетъ равнодушнымъ зрителемъ безправія (т.-е. захвата Баваріи Іосифомъ), что онъ или воспротивится ему, или одобритъ его и станетъ подражать ему. Многие были склонны приписать ему последнее... У всѣхъ еще сохранялось свѣжее воспоминаніе о раздѣлѣ Польши. Что же, спрашивали, развѣ германская конституція непривосновеннѣе и священнѣе польской? А обстоятельства, повидимому, благопріятствовали разрушенію и этой конституціи... Даже изъ приближенныхъ Фридриха многие раздѣляли мнѣніе, что прежде всего нужно стоять за очевидную пользу и не упускать удобнаго случая, предлагаемаго старымъ соперникомъ, доставить Пруссіи внутреннюю силу и округленіе, котораго ей еще недостаетъ. Полагали, что братья короля, принцъ Генрихъ и Фердинандъ, были того же мнѣнія. Конечно, и отъ самого короля не ускользнула заманчивость этого искушенія; но, безъ сомнѣнія, никто вѣрнѣе его не могъ взвѣсить всѣ опасности для Пруссіи, если поддаться соблазну... Правда, насиліе, совершенное надъ Польшей, удалось и еще оставалось безнаказаннымъ, но Европа была возмущена имъ и, пожалуй, не стерпѣла бы другого, и еще болѣе вопіющаго. Отпоръ могъ явиться даже въ самой Германіи. Во всякомъ случаѣ слѣдовало ожидать, что вся ненависть за несправедливость обрушится на Пруссію, а всѣ выгоды достанутся Австріи. Правленіе послѣдней было во многихъ отношеніяхъ мягче, не такъ ненавистно сосѣдямъ. Различныя

¹⁾ *Hermann*: Geschichte des russ. Staates, VI, 6.

²⁾ *Dohm*: Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Lemgo u. Hannover, 1814. I, 40, 43—46.

условія давали возможность Австріи облечь подчиненіе имперскихъ земель въ смягчающія (*mildernde*) формы... Не таково было положеніе Пруссіи. Сравнительно большія государства на сѣверѣ Германіи уже и до этого съ завистью смотрѣли на недавнее возвышеніе и возрастающее величіе Пруссіи. При всякомъ удобномъ случаѣ, они заботливо препятствовали курфюрсту бранденбургскому выставлять чрезмѣрныя притязанія, опираясь на свой новопріобрѣтенный королевскій титулъ. Саксонцы, ганноверцы, гессенцы и другіе сѣверные нѣмцы никогда не превратились бы въ пруссаковъ такъ быстро и послушно, какъ жители раздробленной южной Германіи — въ австрійцевъ».

Фридрихъ самъ понималъ, какъ трудно было привлечь фюрстовъ, осмѣянныхъ имъ самимъ передъ Европой. Онъ не задумался обратиться къ Екатеринѣ за поддержкой. По его настояніямъ, нѣкоторые фюрсты пожаловались ей на своего императора и заявили о своемъ намѣреніи составить княжескій союзъ. Но Екатерина снова промолчала. Фридрихъ разгнѣвался на «тупоумныхъ» министровъ «варварской» Россіи — и принужденъ былъ начать баварскую войну.

Въ то же время и Австрія старалась склонить Россію въ свою пользу. Но Екатерина отдѣлывалась то молчаніемъ, то вѣжливыми фразами. Въ Вѣнѣ разозлились на петербургскій дворъ: не рѣшаемся привести по этому поводу слишкомъ сильныя выраженія скромной Маріи-Терезіи ¹⁾).

Почти полгода спустя послѣ начала баварской войны, Екатерина прервала молчаніе, но такъ, что на нее снова разозлились оба соперника. Она потребовала у Іосифа оставить Баварію въ покоѣ, но дала почувствовать, что не намѣрена оружіемъ защищать Фридриха. Старый Фрицъ теперь только понялъ, что «знави дружбы Россіи въ Пруссіи служили лишь желанію Екатерины вмѣшиваться въ дѣла Германіи, и чрезъ то распространить свое вліяніе на всю Европу ²⁾». И опять записки прусскаго цезаря уснащаются такими отзывами о русскихъ министрахъ: «неспособность, невѣжество, глупость» и т. под.

Тешенскій миръ, которымъ окончилась баварская война (1779), имѣетъ большое значеніе въ нашей исторіи. Онъ далъ право Россіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла нѣмцевъ, т.-е. *доставилъ ей вліяніе въ Германіи*. Но еще важнѣе его значеніе въ

¹⁾ *Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz, herausgeg. v. Arneth.* Wien. 1868. II, 818.

²⁾ *Oeuvres de Frédéric le Grand, édit. par Preuss.* Berlin. 1874. VI, 165.

судьбахъ Германіи: Австрія *утратила свое политическое значеніе въ Германіи, и оно перешло къ Пруссіи.*

Баварская война доставила Фридриху популяриность въ «отечествѣ», которой онъ искалъ подъ конецъ своей жизни, какъ днюмать. Большинство, которое доселѣ отвращалось отъ него, какъ отъ безбожника, революціонера и макіавелиста, начало примиряться съ нимъ. Старый Фрицъ становился національнымъ героемъ. Его называли «Великимъ», «Единственнымъ». О немъ ходили рассказы съ легендарнымъ отгѣнкомъ. Въ гнѣздѣ нѣмецкаго католичества—въ избѣ баварскаго крестьянина—запелась лампада передъ его портретомъ, повѣшеннымъ рядомъ съ иконой святаго патрона страны.

Теперь Фридриху легче было устроить союзъ фюрстовъ. А онъ нуждался въ немъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Иосифъ оказался опаснымъ Габсбургомъ. Онъ принудилъ Фридриха къ войнѣ, на избѣжаніе которой старикъ тратилъ всѣ свои силы въ теченіи пятнадцати лѣтъ. Къ тому же выяснилось, что на иностранныхъ друзей рассчитывать нельзя. Фридрихъ слишкомъ поздно убѣдился, что самолюбіе мѣшало ему понять патриотическую политику Екатерины.

Этого мало. Вслѣдъ за Тешенскимъ миромъ, въ 1781 году, Екатерина внезапно перемѣнила свою дипломатическую позицію. Она извлекла всѣ выгоды изъ прусскаго союза — и взялась за Вѣну, которая тогда могла доставить намъ больше пользы, чѣмъ Берлинъ. Къ тому же Австрія, получившая хорошій урокъ отъ Екатерины, сама заискивала въ Петербургѣ. Такое выжиманіе сока изъ нѣмецкаго междуусобія считалось тогда примѣненіемъ «новой системы» Петра I. Насколько сознательна была эта идея, видно изъ документовъ. Вотъ мнѣніе, поданное Екатеринѣ, 12-го (23) января 1781 г., конференціей, составленной для обсужденія союзнаго проекта, присланнаго изъ Вѣны: ... «При извѣстномъ и безпрестанномъ между собою соперничествѣ австрійскаго и бранденбургскаго домовъ можетъ съ перваго взгляда показаться, что равной третиго съ однимъ и другимъ изъ нихъ союзъ, въ существѣ вещей, не вмѣстителенъ, и что потому вѣсны интереса и дружбы должны будутъ скоро на одну сторону уступить. Подлинно таково положеніе курфюрста саксонскаго: ему надобно быть другомъ и другомъ явнымъ одной или другой стороны, а инако бѣдственною жертвою обѣихъ: но положеніе ея императорскаго величества совсѣмъ инаково. Ея слава, ея могущество возрасли до таковой высоты, что ей свойственно стало быть арбитромъ сего соперничества домовъ австрійскаго и бранденбургскаго, слѣдо-

вательно же, и удерживать ихъ обоимъ своимъ правосудіемъ въ предѣлахъ умѣренности. Каждый изъ нихъ, имѣя съ ея императорскимъ величествомъ непосредственныя обязательства взаимной обороны и гарантіи, будетъ, конечно, непрерывно предъ соперникомъ своимъ стараться о непостановленіи себя въ случай обратитъ оныя въ противничью пользу. Такимъ образомъ, доволѣ со стороны Россіи будутъ наблюдаемы строгая справедливость и совершенное равенство къ обоимъ союзникамъ, старому и новому, до тѣхъ поръ можно съ величайшею вѣроятностію ручаться за цѣлость мира и тишины въ Германіи; а по онымъ и за постоянное въ ней возвращеніе высочайшей ея императорскаго величества инфлуенціи, которой положено между тѣмъ въ Тешенѣ слабое и прочное основаніе. Всѣ нѣмецкіе дворы и области начали уже понимать и чувствовать, что безопасность и благосостояніе ихъ зависятъ много отъ руки ея величества».

Екатерина одобрила идею конференціи. Россія стала врагомъ Фридриха. Другая старая его союзница, Франція, была вовлечена въ борьбу Англій съ ея американскими колоніями. Фридрихъ былъ одинокъ въ Европѣ. Онъ энергически взялся за идею союза фюрстовъ, покинутую сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Но, видно, даже теперь трудно было совсѣмъ преодолѣть полюбленное отвращеніе фюрстовъ въ Пруссіи. По крайней мѣрѣ, Фридрихъ опять началъ съ иностранныхъ державъ, съ Россіи и Франціи. Этотъ нѣмецкій патріотъ приглашалъ ихъ устроить дѣла чечества, т. е. запугать фюрстовъ. Онъ живыми красками описывалъ имъ опасность, угрожающую Петербургу и Версалю отъ Германіи, объединенной Габсбургомъ. Мало того. Онъ представилъ Екатеринѣ планъ, какъ утвердить вліяніе Россіи въ Германіи, и предлагалъ устроить союзъ фюрстовъ «подъ покровительствомъ русскаго двора»¹⁾.

Но Гогенцоллерну опять помогъ Габсбургъ. Стремленіе въ аваріи стало болѣзнію Іосифа. Первая неудача только разожгла о. Въ 1784 г., въ Вѣнѣ возникъ проектъ «обмѣна земель» (т. е. австрійскихъ Нидерландовъ на Баварію). Подобно Тешенскому миру, этотъ проектъ былъ рѣшительнымъ ударомъ Габсбургу и торжествомъ Гогенцоллерна. Онъ не только не удался, но еще свелъ фюрстовъ съ Фридрихомъ.

И здѣсь дѣло не обошлось безъ Россіи. По сознанію самого

¹⁾ См. призыванія прусскаго агента на русской службѣ, барона Ассбургга: *Denk würdigkeiten*, Berlin, 1842, p. 70.

Иосифа, его проектъ былъ плодомъ надеждъ, возбужденныхъ въ немъ союзомъ 1781 года ¹⁾. Екатерина дѣйствительно исполнила условія договора. Она поддерживала проектъ и даже испытала за него дипломатическое оскорбленіе. Но она не шла дальше переговоровъ и съ примѣрнымъ благоразуміемъ не обратила вниманія на обиду. Не Екатерина виновата въ новой неудачѣ Иосифа, а онъ самъ. Сначала Фридрихъ самъ себя обманулъ, воображивъ, что Россія заключаетъ союзы не въ свою, а въ чужую пользу. Теперь Иосифъ точно также должно воображилъ, будто Екатерина станетъ воевать изъ-за того, чтобы усилить своего со-сѣда, который притомъ постоянно вредилъ ей въ турецкихъ дѣлахъ. Еслибы даже Екатерина была недогадлива, то не даромъ же Фридрихъ читалъ ей лекціи насчетъ опасности, угрожающей Россіи отъ сильной, объединенной Германіи.

Замѣчательно, какъ при всѣхъ этихъ благоприятныхъ условіяхъ Фридриху все еще не легко было добиться своей цѣли въ отечества. Какъ ни устрашилъ фюрстовъ проектъ объята земель, они не сразу кинулись въ объятія Фридриха. Сначала они задумывались о томъ, какъ бы избавиться отъ вогтей и Габсбурга, и Гогенцоллерна. Этимъ объясняется множество проектовъ «лигъ» и «уній», возникшихъ въ ихъ средѣ, съ конца 1783 года ²⁾. Но сами фюрсты, по обыкновенію, ничего не могли сдѣлать. Ихъ планы—столпотвореніе вавилонское. Каждый предлагалъ свое—кто единый все-германскій союзъ, кто союзъ нѣсколькихъ фюрстовъ. Почти повсюду встрѣчаемся только съ надеждами на помощь иностранцевъ—то Россіи, то Франціи. Наконецъ, Фридрихъ встрѣчалъ препятствія въ кругу своихъ приближенныхъ. Берлинская министерія старалась угождать не старику, дыша-шему на ладонь, а наследнику престола.

Но затрудненія только подстрекали Фридриха. Казалось, воскресъ юный Фрицъ. Союзъ фюрстовъ возбуждалъ угасавшія силы старика. Онъ былъ послѣднимъ исходомъ его непримиримой ненависти къ Габсбургу. Фридрихъ считалъ его заклинаніемъ близкой бѣды. Онъ писалъ своимъ министрамъ: «Это—послѣднее средство нѣмецкой имперіи противъ честолюбивой прозорливости императора, питающаго тираническіе замыслы... Приняла мнѣ

¹⁾ *Joseph II und Katharina v. Russland. Ihr Correspondenz, herausgeg. v. Arneth, Wien, 1869, p. 224.*

²⁾ Для ихъ уясненія вѣзкамъ обстоятельныя денешнія нашего посланника въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, Николая Румянцова.

пута... Это—не бездѣлица: Пруссія погибла, если не устроить себѣ этой единственной опоры... Огня, огня, господа!»¹⁾

Фридрихъ побѣдилъ всѣ препятствія. Въ 1785 году состоялся союзъ князей. Сначала это былъ договоръ только между тремя курфюрстами — бранденбургскимъ, саксонскимъ и брауншвейгскимъ. Потомъ присоединилось девять фюрстовъ: Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Гота, Цвейбрюкенъ, Майнцъ, герцогъ Брауншвейгскій, Баденъ, Гессенъ-Кассель, оба Ангальта (Кётенъ и Дессау) и Оснабрюкъ. Еще позже, уже послѣ Фридриха, въ 1786—1789 годахъ, пристали: Аншпахъ, Бирвенфельдъ, оба Мекленбурга (Шверинъ и Стрелицъ) и коадьюторъ Куръ-Майнца.

Въ текстѣ союзнаго договора нѣтъ ничего особеннаго и новаго. Тутъ обычная фразеологія имперскихъ канцелярій: «соблюденіе системы нѣмецкой имперіи», «поддержаніе свободы и безопасности каждаго члена имперіи», и т. под. Исчислены подробно *desideria* насчетъ имперскихъ учрежденій, которыя рисуются здѣсь въ томъ самомъ свѣтѣ, въ которомъ они изображены у насъ. Вся сила договора была скрыта въ его приложеніяхъ—въ «секретныхъ» и «секретнѣйшихъ» статьяхъ. Здѣсь союзники обязывались выставить определенное число войскъ для защиты своихъ владѣній отъ всякихъ посягательствъ, причемъ прямо было указано на баварскій планъ Іосифа.

Такъ осуществилась любимая идея грознаго Гогенцоллерна, освящавшая завать его жизни.

По своему историческому значенію, союзъ фюрстовъ напоминаетъ войну за баварское наслѣдство.

Непосредственно, въ *ту минуту*, это значеніе казалось неважнымъ. Несмотря на всѣ благоприятныя обстоятельства, договоръ былъ, такъ сказать, выжатъ Пруссіей. И для этого понадобилась со стороны Фридриха вся сила воли, глубокое убѣжденіе въ необходимости дѣла, даже небывалая уступчивость! По-вѣрно, что на союзномъ актѣ отразились слѣды неискренности и опасеній, окружавшихъ переговоры. Онъ страдаетъ неопредѣленностью и недосказанностью. Онъ былъ лишенъ нравственной силы. Никто изъ союзниковъ не вѣрилъ въ исполнимость «секретныхъ» статей, какъ ни блѣдны были онѣ сами по себѣ. Самъ Фридрихъ считалъ такой союзъ «слабымъ средствомъ», которымъ нужно было воспользоваться лишь «за недостаткомъ лучшаго».

¹⁾ Кабинетныя записки Фридриха министрамъ, см. у Шмидта: *Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen*. Berl., 1861, pass.

И въ самомъ дѣлѣ, чего же добился Фридрихъ? Выражаясь его собственными словами, онъ стремился «подобрать всѣ головы подъ одну шапку» ¹⁾, а пріобрѣлъ только половину курфюрстовъ (считая въ томъ числѣ его самого), да мелочь. Притомъ эти союзники вступили скорѣе въ международныя, такъ сказать, канцелярскія, чѣмъ во внутреннія отношенія къ Пруссіи. Да и на нихъ нельзя было положиться. Они были приневолены крутыми обстоятельствами и съ трудомъ подавляли свое отвращеніе къ Гогенцоллерну. Переговоры нѣсколько разъ прерывались и почти разстраивались, когда Фридрихъ уже бралъ перо, чтобы подписать договоръ. Домъ говоритъ: «многимъ фюрстамъ, радѣвшимъ о благѣ Германіи, не нравился союзъ трехъ могущественныхъ курфюрстовъ: они опасались, что послѣдніе вздумаютъ воспользоваться силами союза для собственныхъ цѣлей. Нѣкоторые еще болѣе страшились союзомъ съ Пруссіей навлечь на себя неприятности, возбудивши подозрительность и недовольство императорскаго двора. Благонамѣренныя фюрсты боялись также, что имъ придется испытать опасную зависимость отъ Пруссіи. Эта держава, — говорили они, — весьма легко можетъ вовлечь союзниковъ въ войны и замѣшательства, не имѣющія отношенія къ благоу Германіи». Это настроеніе фюрстовъ «было побѣждено лишь однимъ соображеніемъ: то, что конечно было бы лучше, невозможно. Не видѣли другого исхода. Думали, что если даже и подвергнутся опасности, простирающейся изъ тѣснаго соединенія съ Пруссіей, то это не будетъ значить слишкомъ дорого купить спасеніе независимости Германіи. Къ тому же, такой опасности нельзя было ожидать въ ближайшемъ будущемъ. А огражденіе отъ того, что возможно далеко опереди, можно предоставить потомкамъ» ²⁾).

Наконецъ, и Европа не встревожилась, когда провѣдала о союзѣ фюрстовъ. Мало того: сохранила спокойствіе даже Россія. Очевидно, Екатерина не считала этого союза опорой Пруссіи. Иначе подняла бы европейскую бурю монархія, которая поставила тогда своей задачей — «всячески обуздывать безновойный и ревнивый нравъ прусскаго короля и пользоваться первымъ случаемъ, чтобы лишить его соперничество вѣса и значенія», ибо «вся его политика сосредоточена на единственной цѣли — «ставить всевозможныя препятствія каждому плану, задуманному

¹⁾ „Ne croyez pas que ce soit une affaire de quinze jours, de mettre tant de têtes sous un chapeau“, писалъ Фридрихъ своимъ министрамъ. Schmidt, p. 52.

²⁾ Dohm: Denkwürdigkeiten, III, 83—86.

союзниками (Екатериной и Іосифомъ) въ общемъ интересѣ ихъ имперій»¹⁾.

А между тѣмъ Фридрихъ радовался. Только теперь онъ угомонился и умеръ спокойно, когда смерть пришла за нимъ, годъ спустя послѣ союза фюрстовъ.

Онъ достигъ всего, что только было возможно въ ту минуту. Не забудемъ, что тогда Австрія все еще была сильнѣе Пруссіи матеріально, и за нею стояла Екатерининская Россія. Фридрихъ одержалъ дипломатическую побѣду надъ обѣими могущественными союзницами и подорвалъ ихъ вліяніе въ Германіи. Онъ добился этого блестящаго результата съ такими же слабыми средствами, съ какими бросился въ кровавую борьбу съ Габсбургами, за сорокъ пять лѣтъ передъ тѣмъ. Проницательный и опытный Фридрихъ не преувеличивалъ нравственнаго значенія Пруссіи въ Германіи. Онъ сознавалъ, что оно было плодомъ дерзкой политики, опиравшейся на остріе меча и на насиліе. Онъ понималъ мотивы и чувства фюрстовъ, вступившихъ въ союзъ съ нимъ. Подобно имъ, онъ думалъ: «то, что возможно въ далекомъ будущемъ, можно предоставить потомкамъ».

Фридрихъ именно постигалъ важное значеніе союза фюрстовъ *для будущности Пруссіи*. По врожденному гогенцоллернскому инстинкту, онъ чувствовалъ, что Германія должна превратиться въ Пруссію, но не иначе, какъ путемъ излюбленной ею федераціи. Нужно было только умѣючи и постепенно превращать гегемонію въ державу. Союзъ фюрстовъ былъ первою попыткой прусской гегемоніи. Фридрихъ полагалъ первый камень въ основаніе великаго зданія—прусскаго объединенія Германіи.

Исторія свидѣтельствуетъ, что путь, избранный Фридрихомъ для прусско-гогенцоллернской идеи, былъ вѣренъ. Переходная форма союза постоянно повторялась въ Германіи.

Но любопытно, что рядомъ съ нею мы видимъ и другое средство—насиліе. Въ исторіи Пруссіи живутъ оба Фридриха—какъ отважный революціонеръ, герой Росбаха, Лейтена, Цорндорфа, такъ и хитрый консерваторъ, творецъ союза фюрстовъ.

Въ ту самую минуту, когда устраивался союзъ фюрстовъ, при берлинскомъ дворѣ была партія дѣйствія. Она негодовала на эту сдѣлку. Она презирала Фридриха, какъ трусливаго старца и охранителя всякой дряни въ «отечествѣ». Она смѣялась надъ его союзомъ, какъ надъ «незаряженнымъ ружьемъ». Единствен-

¹⁾ Денеша Остермана нашему послу въ Вѣнѣ, Голицыну, отъ 5/16 мая 1784 года.

нимъ ея утѣшеніемъ была увѣренность, что «потратится немного времени на заряженіе ружья» ¹⁾).

Душой «партіи дѣйствія» былъ наслѣдній принцъ.

Собственно говоря, наша задача исчерпывается этимъ моментомъ, но въ настоящую минуту германскій вопросъ такъ важенъ, что мы сочли необходимымъ присоединить къ своему изслѣдованію эпилогъ, съ цѣлью намѣтить въ главныхъ чертахъ судьбу и дальнѣйшее развитіе идеи германскаго единства въ нашемъ вѣкѣ.

XVII.

Наполеонъ I и февральская революція.

Идея *прусскаго* объединенія Германіи впервые обнаружилась въ 1785 году. Ея представители дѣйствовали сознательно. «Союзъ фюрстовъ достигнетъ чего-нибудь страшнаго», говорилъ Фридрихъ. Тогда же Иоганнъ Мюллеръ объяснялъ вѣмцамъ, что Фридрихъ основалъ этимъ союзомъ «новую систему въ Германіи». Фридрихъ хотѣлъ тотчасъ заключить военную конвенцію съ фюрстами, чтобы взять ихъ войска къ себѣ на жалованье. Но фюрсты отвѣчали, что не желаютъ «предоставлять свои войска чужому производству». Они понимали, что Гогенцоллернъ дѣйствительно хочетъ защищать ихъ отъ Австріи, но лишь съ тѣмъ, чтобы самому поглотить ихъ. Слѣдовательно, и съ этой стороны новая идея уяснилась.

Съ этихъ поръ политическая исторія Германіи состоитъ въ развитіи основъ союза фюрстовъ, т.-е. прусской идеи. Она распадается на четыре главныхъ момента — 1806, 1849, 1866 и 1870 годы. Въ каждомъ изъ этихъ моментовъ мы видимъ, въ различныхъ формахъ, дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же силъ.

Съ одной стороны, историческія условія, независимыя отъ главныхъ дѣятелей, влекутъ Германію къ прусскому объединенію. Пруссія становится средоточіемъ нѣмецкой культуры и національнаго сознанія. Самыя вышнія препятствія и даже несчастія подталкиваютъ ее на этомъ пути къ популярности. Мы видимъ, какъ союзу фюрстовъ отчасти помогла Россія, которая, поддерживая Иосифа, дала возможность Фридриху порисоваться въ роли за-

¹⁾ *Dohm*, III, 114.

нѣтнѣца отечества. Потомъ роль Россіи перешла къ Франціи. Война съ Наполеономъ I-мъ, начатая Пруссіей совсѣмъ по другимъ побужденіямъ, имѣла видъ національной.

Съ другой стороны, постоянно обнаруживается нерасположеніе нѣмцевъ къ Берлину, съ его гогенцоллернскимъ интересомъ. И оно не было лишено основаній.

Бездарное правительство Фридриха - Вильгельма II (1786—1797) было противоположностью Фридриху только по внутреннимъ дѣламъ. Германская же политика Пруссіи нисколько не измѣнилась. Это лучше всего доказываетъ неудача, постигшая благороднаго патріота, герцога саксенъ-веймарскаго, Карла-Августа. Этотъ выродокъ изъ фюрстовъ поставилъ цѣлью своей жизни развитіе союза Фридриха на современныхъ началахъ, но вовсе не въ пользу чьихъ-либо династическихъ интересовъ. Съ этой цѣлью онъ все раздѣлялъ по «отечеству», такъ что его провалили «курьеромъ союза фюрстовъ». Но Гогенцоллернъ объявилъ ему, что союзъ фюрстовъ устроенъ не для серьезнаго преобразованія отечества, а для сохраненія гнилого status quo. Это значило поступить съ Германіей, какъ Пруссія и Россія поступали съ Польшей наканунѣ ея гибели. Горько было разочарованіе Карла-Августа. «А мы,—воскликнулъ онъ,—лѣстили себя надеждой, что можно пробудить въ нашемъ отечествѣ національный духъ, послѣдніе слѣды котораго ежедневно исчезаютъ. Мы думали, что лѣнивая дремота, овладѣвшая Германіей съ Вестфальскаго мира, наконецъ разсѣется» ¹⁾.

А между тѣмъ, тогда въ Берлинѣ заботились о союзѣ фюрстовъ ²⁾, только по-своему. Гогенцоллернъ хотѣлъ самъ устроить его, по собственной программѣ, а не получить его изъ рукъ патріотовъ. Въ это же ничтожное царствованіе Пруссія приобрѣла южный кусокъ Польши и Байрейтъ съ Аншпахомъ. А въ 1795 г. Гогенцоллернъ отдалъ французамъ лѣвый берегъ Рейна и проложилъ роковую Майнскую линію, предоставивъ югъ Германіи на разграбленіе врагамъ. При этомъ постыдномъ договорѣ съ французской республикой его увлекала надежда захватить въ свои руки сѣверъ Германіи и округлить свои границы въ Вестфалии и Франконіи.

¹⁾ Письмо Карла-Августа къ министрамъ Пруссіи и Саксоніи. *Hüsser: Deutsche Geschichte*. Berlin. 1856. I, 280—281.

²⁾ См., между прочимъ, *Ranko: Die deutschen Mächte und der Fürstenbund*. Berlin. 1872. I, 356—380.

Прусская полетившая еще болѣе выяснилась при второмъ цесаревичѣ Фридрихѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ III (1797—1840).

Когда Наполеонъ уничтожалъ Австрію при Маренго, Пруссія получила изъ его рукъ нѣсколько духовныхъ владѣній и городовъ нѣмецкой имперіи. Когда, въ 1805 году, вся Европа встала противъ Наполеона, который двинулся въ Австрію, опустошая южную Германію, одна Пруссія сохраняла нейтралитетъ. Правда, Россіи удалось купить ея участіе цѣной Ганновера, который она обязалась добыть для нея у Англіи, души коалиціи. Но Пруссія, не сдѣлавъ выстрѣла, первая заключила союзъ съ Наполеономъ, который подтвердилъ ей обѣщаніе Россіи: при этомъ она отдала французамъ еще ключокъ «отечества» за Ганноверъ. Затѣмъ Гогенцоллерна не потревожила такая расправа Наполеона съ Германіей, какъ устройство «Рейнскаго союза», который подчинилъ Франціи около десяти милліоновъ нѣмцевъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III даже не безъ удовольствія смотрѣлъ на эту «революцію въ южной Германіи», которая разрушала римско-нѣмецкую имперію, чего не могъ сдѣлать даже Фридрихъ II, при всемъ его желаніи.

Все выносили Гогенцоллернъ отъ Бонапарта, не стерпѣвъ только одного—утраты Ганновера. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ III узналъ, что Наполеонъ соблазняетъ Англію возвращеніемъ этого курфюршества, «печаль его была безгранична» — и прусская армія была мобилизована. Эта минута въ прусской исторіи похожа на ту, которая предшествовала войнѣ за баварское наслѣдство. Фридрихъ-Вильгельмъ III такъ же, какъ тогда Фридрихъ, боялся войны, какъ огня, и бросился въ нее съ предчувствіемъ катастрофы, когда затронули его гогенцоллернскій интересъ. Правда, была и другая причина войны съ Наполеономъ, но значеніе ея точно такое же. Это—стремленіе образовать сѣверо-германскій союзъ.

Въ 1800 году, когда уже приближалась буря изъ-за Рейна, явился любопытный планъ знакомаго намъ Дома ¹⁾). Тутъ была и незабвенная въ судьбахъ Германіи майнская линія, и великая идея *сѣверо-германскаго союза*. Этотъ союзъ имѣлъ цѣлью «не покидать Германію на произволъ судьбы» — и бросалъ весь югъ на произволъ Наполеона. Онъ заботился «о сохраненіи имперскихъ чинновъ» — и требовалъ предоставить Пруссіи «руководство и инициативу», причемъ намекалось и на «вознагражденіе» Пруссіи неизвѣстно за что. Разгромы Наполеона въ «отечествѣ» за

¹⁾ Гейссеръ читалъ его въ подлинникѣ: Deutsche Geschichte, II, 508—530.

держали плачь Дома, но берлинское правительство возобновило его въ 1804 году,—въ тѣ самыя минуты, когда французы безпощадно распоряжались въ Германіи. На этотъ разъ проектъ сѣверо-германскаго союза былъ подкрашенъ патріотическою цѣлью: онъ долженъ былъ противодействовать Франціи и отстранить «русскихъ отъ вмѣшательства въ дѣла Германіи»,—русскихъ, которые умирали тогда на поляхъ Аустерлица, защищая нѣмцевъ отъ Наполеона. Тогда же Австрія предложила составить обще-германскій союзъ противъ французовъ. Карль-Августъ веймарскій горячо схватился за эту идею и бросился въ Берлинъ. Здѣсь холодно дали ему замѣтить, что желаютъ только сѣверо-германскаго союза.

Идея сѣверо-германскаго союза была правильнымъ развитіемъ «системы» Фридриха. Это—ея неизбѣжный второй моментъ. Поэтому она сразу прочно засѣла въ головѣ Гогенцоллерна. Уже майнская линія, навлекшая проклятія всѣхъ нѣмцевъ на Пруссію, была ея подготовкой. Съ воцаренія Фридриха-Вильгельма III эта идея постоянно носилась вокругъ гогенцоллернскаго трона ¹⁾. У принцевъ, генераловъ, дипломатовъ и даже у такихъ министровъ, какъ Штейнъ, главною задачею прусской политики считалось—«присоединить къ прусской монархіи важнѣйшія нѣмецкія государства, особенно на сѣверѣ». Они называли это «системою Фридриха и мудрости». Прямо говорили, что «желательно соединить всю Германію подъ одною главою», но пока можно ограничиться сѣверомъ. И постоянно эта мысль подкрашивалась патріотическою цѣлью: «назначеніе Пруссіи—быть оплотомъ противъ двойаго рода варварства, грозящаго Германіи—противъ папства и сѣверо-восточныхъ ордъ». Правда, до плана Дома ничего не дѣлали, но причину бездѣйствія хорошо объяснилъ одинъ приближенный Фридриха-Вильгельма III: «охотно взяли бы за дѣло, да не знаютъ, какъ начать», ибо фюрсты заявляли, что «не хотятъ стать вассалами Пруссіи». Даже министръ Гаувицъ поджидалъ только «событій» (évènements).

Пока Гогенцоллернъ не зналъ, съ чего начать, явился «рейнскій союзъ». Этотъ небывалый ударъ «отечеству» оказался желаннымъ событіемъ для Гогенцоллерна. Въ Берлинѣ тотчасъ же схватились за мысль овладѣть уцѣлѣвшими отъ наполеоновскаго разгрома фюрстами: они же именно были сѣверными. Да встали задумали «сѣверное императорство» (nordisches Kaiserthum).

Вѣрное счастье не покидало Гогенцоллерна. Нѣмцы, совсѣмъ

¹⁾ Объ интересномъ зарожденіи сѣверо-германскаго союза см. у Шмидта, стр.

придушенные Наполеономъ, заговорили о спасеніи угнѣвшаго хотя посредствомъ сѣвернаго императорства, хотя все-таки преобладало желаніе создать сѣверное «союзное государство (nord-deutsches Bundesstaat)». Какъ во время войны за баварское наслѣдство, стала развиваться мысль, что Пруссія—оплотъ нѣмецкой національности и культуры.

Мало того. Наполеонъ, котораго сильно боялись въ Берлинѣ, вдругъ выказалъ самое трогательное дружелюбіе. Въ 1806 году, тотчасъ послѣ «рейнскаго союза», онъ самъ предложилъ Фридриху-Вильгельму III какъ сѣверо-германскій союзъ, такъ и сѣверное императорство. Въ Берлинѣ отвѣчали на это французскому посланнику: «въ своемъ радостномъ очарованіи (Freudentaumel) король считаетъ себя не только союзникомъ Франціи, но и личнымъ другомъ императора. И какъ другъ, онъ ревностно будетъ содѣйствовать всему, что послужитъ къ утвержденію его династии».

Необыкновенная радость Фридриха-Вильгельма III объясняется тѣмъ, что уже за недѣлю до этого берлинскій кабинетъ самъ приступилъ къ осуществленію именно того, что предлагалъ Наполеонъ. Здѣсь былъ изготовленъ проектъ сѣверо-германскаго союза. Вотъ его основанія. Главные дѣятели—Пруссія, Саксонія и Гессенъ, какъ самые крупные изъ фюрстовъ, не вошедшихъ въ составъ «рейнскаго союза». Пруссія становится главой союза и сѣверо-германской имперіей, Саксонія и Гессенъ—королевствами. Триумвиратъ приглашаетъ пристать къ союзу всѣхъ фюрстовъ, состоящихъ внѣ «рейнскаго союза», и низлагаетъ ихъ съ престоловъ, если они не согласятся. Въ вознагражденіе за свои труды онъ беретъ у нихъ, во всякомъ случаѣ, часть земель.

Этотъ проектъ встрѣтилъ больше сопротивленія, чѣмъ даже союзъ Фридриха. Дѣло въ томъ, что какъ только исчезла нѣмецкая имперія, всѣ фюрсты и даже сенаты имперскихъ городовъ возмечтали стать «суверенами» и «потентатами». Притомъ одни возлагали свои надежды на Россію, другіе на Францію. Нѣкоторые заявляли, что скорѣе пристанутъ къ «рейнскому союзу», т. е. къ Наполеону, чѣмъ подчинятся Гогенцоллерну. Особенно упирались сами триумвиры. Они страшились «первества Пруссіи», въ которомъ видѣли желаніе Гогенцоллерна поглотить ихъ. Саксонія задавалась мыслью, въ отвращеніе этой бѣды, создать «особый саксонскій союзъ».

Пруссія пожинала плоды своей династической политики. Когда, вслѣдъ затѣмъ, Наполеонъ выступилъ противъ нея, никто въ Германіи не хотѣлъ помочь ей. Гогенцоллернъ дошелъ до того,

что обратился за помощью къ Габсбургу. Тотъ донесъ объ этомъ Наполеону. Могло ли быть иначе? Неужели Габсбургъ долженъ былъ помочь Пруссіи, воевавшей за идею сѣверо-германскаго союза, которую тщательно скрывали отъ него? Къ тому же, Австрія именно тогда предлагала Пруссіи устроить двѣ Германіи— южную и сѣверную. И это было не болѣе, какъ развитіе плана знаменитаго пруссака, Штейна, предложеннаго еще въ 1804 году. Но тогда Штейны не были въ ходу въ Берлинѣ. Тамъ замерли на мысли о гогенцоллернскомъ сѣверномъ союзѣ. Тамъ объявили войну Наполеону именно изъ-за этой идеи да изъ-за Ганновера, т.-е. изъ-за чисто гогенцоллернскихъ интересовъ. Этотъ странный фактъ объясняется политикой Франціи въ 1806 году.

Наполеонъ нуждался въ признаніи «рейнскаго союза» Пруссіей. Какъ хорошо зналъ онъ гогенцоллернское сердце, видно изъ того «радостнаго очарованія», въ которое былъ приведенъ Фридрихъ-Вильгельмъ III его предложеніями. Наполеонъ тотчасъ же сообщилъ фюрстамъ объ этомъ «очарованіи» и сталъ разоблачать предъ ними гогенцоллернскую идею сѣверо-германскаго союза. Онъ достигъ всего, чего желалъ:—усыпилъ Гогенцоллерна, получилъ отъ него признаніе «рейнскаго союза» и приобрѣлъ новыхъ членовъ для этого союза. Затѣмъ Наполеонъ сталъ открыто «упрекать» Фридриха-Вильгельма III за проектъ сѣверо-германскаго союза и объявилъ фюрстамъ, что, «сдѣлавъ ихъ государями, онъ не потерпитъ чьей-либо власти надъ ними». Самъ Гогенцоллернъ признался въ своемъ манифестѣ о войнѣ съ Пруссіей, что сѣверо-германскій союзъ былъ «приманкой» (Lockspeise) со стороны Наполеона!

Этотъ манифестъ—незабвенный аттестатъ германской политикѣ Гогенцоллерна. Въ немъ откровенно выставлено причиной войны желаніе Наполеона уничтожить сѣверо-германскій проектъ и возвратить Ганноверъ Англій. Въ самую критическую минуту, наканунѣ Иены, Пруссія готова была на все, чтобы привлечь Англію, безъ денегъ которой ей нельзя было и думать о войнѣ. Она даже предлагала ей помочь завоевать Голландію. Только Ганновера Гогенцоллернъ не могъ уступить.

Иенскій разгромъ уничтожилъ проектъ сѣверо-германскаго союза. А «рейнскій союзъ» охватилъ Саксонію и сѣверъ Германіи.

Гогенцоллернъ поступилъ въ вѣдѣніе Бонапарта и сталъ его орудіемъ. Понятно, какое чувство къ Гогенцоллерну преобладало на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Германія Вѣнскаго конгресса вышла вовсе гогенцоллернскою. *Нѣмецкій союзъ* былъ въ сущности восстановленіемъ римско-

нѣмецкой имперіи. Онъ сохранялъ преобладаніе Австріи, представивъ ей предсѣдательство въ союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Впрочемъ, Гогенцоллернъ получилъ «вознагражденіе» въ видѣ земель на Рейнѣ, которыя усиливали его вліяніе въ сѣверной Германіи. Въ сущности, идея сѣверо-германскаго союза развивалась.

Теперь задача патріотовъ была ясна. Если нѣмецкій союзъ былъ старою имперіей, то должна была возникнуть и старая оппозиція. Въ этой оппозиціи отчетливо обнаруживаются двѣ черты — либерализмъ, и недовѣріе къ Пруссіи и Австріи. Въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ общественное мнѣніе въ Германіи было яро обращено политическимъ отгвѣнкомъ. Вопросъ о конституціонной свободѣ сильнѣе занималъ умы, чѣмъ идея національнаго единства. Для послѣдней было сдѣлано весьма мало. За то возникли вынужденныя конституціи, впрочемъ, только у мелкихъ фюрстовъ. Габсбургъ же и особенно Гогенцоллернъ оказались крайними реакціонерами. Понятно, что оппозиція нѣмецкому союзу проявлялась въ формахъ, враждебныхъ имъ. Тогда мечтали объ особомъ, южномъ союзѣ на современныхъ началахъ, какъ о зернѣ новой Германіи.

Практическая оппозиція нѣмецкому союзу явилась въ концѣ 1820-хъ годовъ со стороны Пруссіи. Это — *Таможенный Союзъ* (Zollverein). Гогенцоллернъ, замѣтивъ, что его дѣло въ «отечествѣ» проиграно нравственно, схватился за матеріальные интересы. Германія была усыана внутренними таможами, губившими ея промышленность. Но онѣ были слѣдствіемъ ея раздробленности, и уничтожить ихъ значило подготовить *coup d'état* въ Германіи. Ни отъ кого не скрылось политическое значеніе этой, повидимому, невинной мѣры. Ей противодействовали не только Австрія съ Франціей, но и всѣ патріоты, т. е. именно тѣ люди, которые желали единства Германіи. Они громко негодовали въ «извиванія (Schlingen) абсолютистической политики». Но у талеровъ своя политика. Послѣ долгой борьбы, Таможенный Союзъ состоялся. Въ 1828—1835 годахъ въ немъ числилось до 25 миліоновъ жителей.

На этой основѣ Гогенцоллернъ могъ строить свое зданіе. Къ тому же, у него совершилась перемѣна въ пользу погони за популярностью. Въ 1840 году вступилъ на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Впослѣдствіи онъ, какъ и его отецъ, преслѣдовалъ печатъ и демагоговъ, но сначала блеснулъ либерализмомъ, заговорилъ о реформахъ — и не только прусскихъ, но даже германскихъ.

Въ 1840-хъ годахъ національная идея стала выдвигаться на первый планъ, рядомъ съ политической. Единство «отечества» и конституціонная свобода начали сливаться въ одинъ лозунгъ всѣхъ лучшихъ умовъ. Появилась партія «національныхъ либераловъ». Національная идея проникала даже въ науку. Тогда же поднялся шлезвигъ-голлштейнскій вопросъ, которому суждено было долго разжигать національное чувство нѣмцевъ.

Въ это же время Гогенцоллернъ выступилъ съ весьма смѣлымъ планомъ «возрожденія Германіи». Конечно, никто не повѣрилъ этому принадлежкѣ либерализма, тѣмъ болѣе, что тогда же Фридрихъ-Вильгельмъ IV далъ пруссавамъ, вмѣсто конституціи, средневѣковныя сословныя собранія. Тогда пылкій Гогенцоллернъ началъ уже превращаться въ революціонера. Онъ объявилъ, что готовъ «одинъ безъ страха» идти по новому пути. Въ его прокламаціяхъ читаемъ: «Пруссія должна расплыться въ высшемъ нѣмецкомъ единеніи! Фридрихъ-Вильгельмъ IV сталъ во главѣ всего свободнаго отечества» (Gesammt-Vaterland)! И Гогенцоллернъ развѣзжалъ по улицамъ Берлина, облекившись въ древніе нѣмецкіе цвѣта.

Это поведеніе Гогенцоллерна объясняется берлинскими баррикадами 1848 года. Оно запоздало. Фюрсты объясняли поведеніе Гогенцоллерна высокоуміемъ и погоней за популярностью. Общественное мнѣніе радовалось, что вровая баня въ Берлинѣ сдѣлала невозможной прусскую гегемонію. Дѣйствительно, поведеніе Гогенцоллерна было обидно для націи.

Во все-нѣмецкомъ парламентѣ, въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ, рѣзко обнаружилось недоумѣніе націи къ Гогенцоллерну. Кронпринца тогда ненавидѣли. Въ представители временной центральной власти выбрали популярнаго австрійскаго принца. И только ради испытанія, Пруссіи поручили защиту нѣмецкой идеи въ Шлезвигѣ.

Гогенцоллернъ, съ своей стороны, высказалъ презрѣніе къ «демагогамъ», какъ называлъ онъ все-нѣмецкій парламентъ. Онъ разгнѣвался и за предпочтеніе австрійскаго принца и за то, что нація отнимала у него возможность преобразовать Германію въ гогенцоллернскомъ смыслѣ. Его армія отказалась присягнуть австрійскому принцу. И въ Шлезвигѣ она дѣйствовала вопреки національнымъ требованіямъ. При такихъ условіяхъ мало впечатлѣнія произвела конституція, «дарованная» Гогенцоллерномъ пруссакамъ, наканунѣ 1849 года. А тосты Фридриха-Вильгельма IV за все-нѣмецкій парламентъ и обвинанія съ австрійскимъ принцемъ на вѣльнскомъ празднествѣ произвели взрывъ негодо-

ванія въ обществѣ. Тогда въ церкви св. Павла за Пруссію была ничтожная группа людей—человѣкъ тридцать. И та должна была слушаться, когда въ Берлинѣ появилось реакціонное министерство Мантейфеля. Парламентъ сдѣлалъ замѣчаніе Гогенцоллерну по поводу «правъ и свободы прусскаго народа». Прусскій кронпринцъ долженъ былъ удалиться въ Англію.

Но счастье опять выпустило Гогенцоллерна. По обыкновенію, болѣе всего помогъ ему Габсбургъ.

Во все-нѣмецкомъ парламентѣ выяснились два взгляда на судьбу Германіи. Партія *велико-германцевъ* стремилась въ «широкому» союзу, къ цѣльной Германіи, со включеніемъ нѣмецкихъ земель Австріи. Партія *мало-германцевъ* стояла за «узкій» союзъ, безъ Австріи и съ гегемоніей Пруссіи. За велико-германцевъ было большинство. Они были также популярны, какъ ихъ ловунгъ—пѣсенка Арндта на тѣму: «Германія должна быть цѣльная»! Они уличали своихъ противниковъ въ «раздѣлъ Германіи», волею намекая на судьбу Польши. Велико-германцы уже были близки къ побѣдѣ, какъ вдругъ Габсбургъ не только высказалъ взглядъ, подходившій къ идеѣ мало-германцевъ, но даже наметнулъ на свое желаніе разогнать парламентъ и не иначе слиться съ Германіей, какъ подчинивъ ее себѣ. У нѣмцевъ снова возникъ роковой вопросъ: Габсбургъ или Гогенцоллернъ? И, конечно, они опять отвѣчали, что лучше прусское, чѣмъ австрійское плѣненіе.

Заявленіе Габсбурга дало толчокъ къ выработкѣ новой все-нѣмецкой конституціи въ смыслѣ мало-германцевъ. Она явилась, въ началѣ 1849 года, въ церкви св. Павла. Это современная конституціонная монархія, но съ демократическимъ отгнѣвомъ. При этомъ замѣчательно, что, несмотря на огромную услугу, оказанную Габсбургомъ Гогенцоллерну, вопросъ о центральной власти, которая должна была достаться Пруссіи, рѣшили съ большимъ трудомъ. Въ собраніи, состоявшемъ изъ 538 человѣкъ, новый императорскій титулъ прошелъ большинствомъ 24-хъ, а его наследственность — большинствомъ всего четырехъ голосовъ! За предоставленіе императорской короны Гогенцоллерну оказалось большинство 42 голосовъ.

Наконецъ, настало возжелѣнное единство, притомъ основанное на конституціи, выработанной лучшими умами Германіи. Нѣмцы уже считали его совершившимся фактомъ. Не было мѣста опасеніямъ. Передъ волей всей націи ужаснула бы зависть иностранныхъ державъ, Габсбурга и фюрстовъ. Въ тому же, и въ правительства заняты были тогда борьбой съ революціонными

движеніемъ. Въ Пруссіи также, казалось, наступала лучшая пора. Именно въ тѣ дни національное собраніе въ Берлинѣ утверждало дарованную Гогенцоллерномъ конституцію. Министры уже намекали на радостное посольство изъ церкви св. Павла, которое привезетъ Гогенцоллерну императорскую корону. Придворные весело поджидали дорогихъ гостей. Въ Германіи хорошо помнили, какъ, за годъ передъ тѣмъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV горячо возвѣстилъ о своемъ призваніи «стать во главѣ всего отечества». Знали, что въ его романтическомъ воображеніи рисовалась картина монарха Германіи, «выбраннаго королями, фюрстами, римскимъ императоромъ и *голосомъ народа*» ¹⁾.

Радость нѣмцевъ была безгранична. Путешествіе ночтеннѣйшихъ представителей все-нѣмецкаго парламента въ Берлинѣ, для воднесенія Гогенцоллерну дара націи, весной 1849 года, было народнымъ праздникомъ.

Гогенцоллернъ отвѣчалъ посламъ нѣмецкаго народа: «Императорскую корону можно приобрести только на полѣ битвы!» ²⁾ Онъ отклонилъ корону, потому что она была предложена ему «народомъ», а не «коронованными главами, фюрстами». Онъ писалъ тогда Арндту: «эта вещь не носить на себѣ знаменія св. креста и печати «Божіей милостью». Это не корона. Это желѣзный ошейникъ рабства. Это значитъ обратить въ крѣпостного революціи, сына богѣ чѣмъ 24 государей, курфюрстовъ и королей, главу 16 милліоновъ, повелителя самаго вѣрнаго и храбраго войска».

Отвѣтъ Гогенцоллерна былъ смертельнымъ ударомъ все-нѣмецкому парламенту. Лучшіе люди утратили вѣру въ спасеніе отечества, и вышли. Остались дѣйствительно демагоги, да и они переселились въ Штутгартъ, гдѣ вскорѣ были разогнаны войсками.

Между тѣмъ примѣръ Гогенцоллерна подѣйствовалъ на фюрстовъ. Они приободрились и стали отвѣчать на требованія патриотовъ знаменитымъ «никогда, никогда, никогда!» гогенцоллернскаго министра, графа Бранденбурга. Слѣдствія понятны. Вспыхнула революція, знаменемъ которой было «признаніе имперской конституціи». Въ ней участвовали не только демагоги, но и та самая интеллигенція, которая вчера только была опорой порядка

¹⁾ См. переписку Фридриха-Вильгельма IV съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ: *Schmidt*, p. 196.

²⁾ Эти слова припомнилъ Вильгельму I великій герцогъ баденскій въ Версалѣ 1-го января 1871 г., когда ему поднесли титулъ нѣмецкаго императора.

противъ демагоговъ. Конституція,—созданіе того парламента, который сохранилъ тронъ фюрстовъ въ 1848 году,—теперь емогла бы ихъ, еслибы не поднялся самъ виновникъ нѣмецкой революціи. Гогенцоллернъ предложилъ фюрстамъ свое войско противъ подданныхъ.

Даже нѣмецкіе историки эпохи объединенія Германіи стараются набросить завѣсу на эту страницу въ исторіи Пруссіи. Дѣйствительно, здѣсь не можетъ быть двойнаго объясненія. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV тогда же объявилъ (въ депешѣ къ своему посланнику во Франкфуртъ): «король одинъ изъ первыхъ рѣшился, *по свободному побужденію*, преобразовать Германію въ союзное государство—и онъ послѣдній усомнится въ успѣхѣхъ этого великаго дѣла. Ни въ какомъ случаѣ Пруссія не устранилась отъ задачи нѣмецкаго единства. Напротивъ, она даже теперь употребитъ всѣ свои силы, чтобы подвинуть его». И дѣйствительно, въ то самое время, когда была отвергнута корона, предложенная народомъ, и былъ распущенъ прусскій парламентъ за просьбу о принятіи ея, Гогенцоллернъ хлопоталъ у фюрстовъ, чтобы они доставили ему эту самую корону. Конечно, фюрсты объявили ему въ сотый разъ, что не желаютъ быть поглощенными имъ. Нѣкоторые даже со страху признали ненавистную франкфуртскую конституцію.

Итакъ, Гогенцоллернъ остался вѣрнъ своей природѣ и фамиліи преданія. Его поведеніе въ 1849 году—правильное развитіе «системы» Фридриха Великаго.

Лучшимъ доказательствомъ тому, что «система» продолжалась, служитъ новый *союзъ трехъ королей*, заключенный Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV въ томъ же, 1849, году. На этотъ разъ Пруссія соединилась съ Саксоніей и Ганноверомъ. Но теперь Гогенцоллерну снова пришлось пожнать плоды своей политики. Габсбургъ, который задумалъ тогда «сначала унизить, а потомъ уничтожить Пруссію (*avilir et démolir*)», поспѣшилъ воспользоваться его нравственнымъ паденіемъ въ «отечествѣ». Въ 1850 году, по его наущенію, Саксонія и Ганноверъ покинули союзъ трехъ королей. Вслѣдъ затѣмъ возникъ планъ враждебнаго Пруссіи «союза четырехъ королей» (Саксонія, Ганноверъ, Баварія, Виртембергъ). Наконецъ, въ то самое время, какъ Гогенцоллернъ устраивалъ въ Берлинѣ сеймъ фюрстовъ для развитія союза трехъ королей, Габсбургъ возстановилъ созданіе Вѣнскаго конгресса—союзный сеймъ во Франкфуртъ. «Отечество» разомъ получило два правительства!

Борьба была неравная. Нравственный кредитъ Гогенцоллерна

былъ совершенно подорванъ. Курфюрстъ гессенскій, изгнанный народомъ за недарованіе обѣщанной конституціи, попросилъ помощи не въ Берлинѣ, а во Франкфуртѣ. Габсбургъ обрадовался случаю вкусить сладость эзекуціи, которая составляла привилегію Гогенцоллерна. Но Гогенцоллернъ не желалъ уступать этой привилегіи. Уже были кровавыя «недоразумѣнія» между прусскими и австрійскими войсками въ Гессенѣ, какъ вдругъ Гогенцоллернъ одумался. Онъ сообразилъ, что вовлекается въ интересъ «демагоговъ» — и предоставилъ Гессенъ Австріи.

Печально для Гогенцоллерна окончилась его борьба съ Габсбургомъ за эзекуцію. Наслѣдный принцъ говорилъ, что это вторая Иена. И за нею послѣдовали новыя униженія. Гогенцоллернъ съ завистью смотрѣлъ, какъ австрійцы ходили въ Шлезвигъ искоренять послѣдніе слѣды «революціи», т. е. подавлять нѣмецкое національное движеніе. Онъ признавалъ союзный сеймъ со всѣми его старыми пороками и съ первенствомъ Габсбурга. Торговымъ договоромъ съ Австріей онъ подорвалъ національное значеніе своего Таможеннаго союза.

XVIII.

САДОВАЯ И СЕДАНЪ.

Поразительнымъ явленіемъ начиналась вторая половина XIX вѣка. Казалось, воскресли времена до Фридриха Великаго. Габсбургъ господствовалъ въ Германіи; Гогенцоллернъ повиновался и подражалъ ему. Повсюду распоразались іезуиты перваго и кандармы втораго. Оба соперника одинаково усердно служили старому кумиру съ новымъ названіемъ: вмѣсто «государственной юльки (Staatsraison)» явилась «солидарность консервативныхъ интересовъ».

О національной идеѣ никто не думалъ. Союзный сеймъ дремалъ, какъ встарину, и былъ поприщемъ эгоистическаго соперничества между Австріей и Пруссіей. Гогенцоллернъ даже не прикрывалъ своихъ династическихъ цѣлей патріотическою маской. Онъ, заодно съ Габсбургомъ, былъ душой союзаго правительства, прованнаго «реакціоннымъ комитетомъ». Онъ уничтожилъ союзный флотъ, созданный тѣмъ самымъ народомъ, который поднеслъ ему корону, и тутъ же самъ сталъ готовить все-нѣмецкій флотъ. Онъ подрывалъ всякую національную мѣру союзаго сейма, чтобы отнять у послѣдняго даже тѣнь популярности. Въ

то же время Фридрихъ-Вильгельмъ IV, припоминая внушенія Фридриха II въ Петербургѣ, вовлекалъ императора Николая I во внутреннія дѣла Германіи. Въ 1850 году онъ просилъ у него, какъ у родственника, помощи противъ Габсбурга. Но мы стали за Австрію, которую считали настолько же консервативной, насколько Пруссію «революціонной». Объясненіе было не вѣрно, но полезно для Россіи.

Въ 1850-хъ годахъ все въ Германіи или презирало, или ненавидѣло Гогенцоллерна. У нѣмцевъ слагалось убѣжденіе, что вообще прусская государственная форма неспособна къ осуществленію національной идеи. Негодовали даже приближенные Фридриха-Вильгельма IV, и во главѣ ихъ, конечно, наслѣдный принцъ, который былъ вождемъ «партіи дѣйствія», какъ всѣ прусскіе наслѣдники престола. Впечатлѣніями этой эпохи объясняется холодность, съ которой былъ встрѣченъ, въ 1866 году, Бисмарковъ планъ преобразования нѣмецкаго союза. Слѣды ихъ замѣтны даже въ 1870 году.

Первымъ изъ событій, подготовлявшихъ окончательный успѣхъ Гогенцоллерна въ борьбѣ съ Габсбургомъ, была крымская война. Тогда Австрія и ея нѣмецкій союзъ много суетились, но ничего не сдѣлали: они только возстановили противъ себя Россію. Союзъ еще разъ доказалъ свою негодность и опротивѣлъ всѣмъ. Австрія очутилась въ одиночествѣ, а Пруссія привлекла къ себѣ Россію нейтралитетомъ, что обезпечило за ней побѣды 1866 и 1870 годовъ.

Въ 1858 году правителемъ Пруссіи былъ объявленъ нынѣ царствующій *Вильгельмъ I*. Въ лицѣ либеральнаго министерства князя Гогенцоллернъ-Зигмарингена явилось новое направленіе, прозванное «новой эрой». Правитель объявилъ, что теперь Пруссія будетъ дѣлать «нравственныя завоеванія», но тутъ же замѣтилъ, что она создастъ, не щадя денегъ, «могучую армію». Онъ прибавилъ, что Пруссія станетъ «энергически» развивать, какъ монархизмъ «Божіей милостью», такъ и «національную» политику, совершая такіе «элементы объединенія», какъ Таможенный союзъ.

Въ 1859 году разразилась итальянская война. Весь нѣмецкій міръ всколыхнулся. Въ немъ внезапно загорѣлось желаніе вернуть лѣвый берегъ Рейна. Даже либералы были убѣждены, что «нужно защищать Рейнъ на По». Они требовали только у Габсбурга ручательства въ возстановленіи германской конституціи и въ патристической расправѣ въ Шлезвигѣ. Конечно, Габсбургъ не спѣшилъ съ этимъ ручательствомъ.

Гогенцоллернъ не раздѣлялъ чувствъ «отечества». Еще въ 1858 году онъ очень обрадовался, когда Кавуръ заговорилъ съ нимъ, послѣ свиданія съ Наполеономъ III. Когда были австрійцы у Мадженты и Сольферино, онъ подсмѣивался надъ патристической восторженностью Германіи. Онъ называлъ «признаками дѣтской болѣзни» бойни анти-французскія заявленія въ палатахъ нѣмецкихъ государствъ. Впрочемъ, Гогенцоллернъ заявлялъ готовность двинуться на Рейнъ, но только если ему представить «иниціативу», т.-е. предводительство надъ союзными войсками. Тутъ онъ столкнулся на достойнаго соперника. Совѣтъ погубившій Габсбургъ объявилъ, что «скорѣе пожертвуетъ тремя Ломбардіями, чѣмъ потерять прусскую гегемонію въ Германіи». Ему вторили фюрсты, руководимые саксонцемъ, графомъ Бейстомъ.

Появтно, что виллафранкскій поворотъ Австріи, которая могла еще бороться съ надеждой на успѣхъ, былъ сюрпризомъ для всѣхъ, въ особенности же для «отечества». Габсбургъ объявилъ, что это—дѣло Гогенцоллерна, и любопытно, что большинство нѣмцевъ призвало Пруссію «измѣнницей».

Итальянская война играетъ важную роль въ исторіи Германіи. Она приблизила развязку нѣмецкаго вопроса. Габсбургъ и Гогенцоллернъ ошочательно поняли, что имъ пора драться. Было даже замѣтно, что бурю подниметь Гогенцоллернъ. Тогда явилась любопытная брошюра, требовавшая немедленно воспользоваться случаемъ, чтобы погубить Австрію. Ее приписывали Бисмарку, прусскому посланнику во Франкфуртъ, котораго тотчасъ же отправили въ Петербургъ,—по его словамъ, «какъ шампанское, которое держать во льду для позднѣйшаго употребленія». Въ то же время Гогенцоллернъ приобрѣлъ драгоцѣнный военный опытъ. Занимаясь передвиженіемъ своихъ войскъ, передъ Виллафранкскимъ договоромъ, онъ замѣтилъ слабыя стороны своей арміи, а недостатки австрійскаго войска хорошо обнаружили въ Италіи. И вотъ, «задушевиѣйшею» (eigenste) мыслию Вильгельма I становится «военная организація», т.-е. увеличеніе и улучшеніе арміи.

Но самымъ важнымъ слѣдствіемъ итальянской войны было пробужденіе національнаго чувства у нѣмцевъ. По примѣру Италіи, національная идея рѣшительно овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ. Ради нея по всей Германіи собираются слѣды поминковъ, ученыхъ, юристовъ, финансистовъ. Она переходитъ по мелкимъ жизненнымъ отношеніямъ. Наконецъ образуется національное общество (Nationalverein), на подобіе той società nazionale, которая такъ много помогла Кавуру. Здѣсь сосредоточиваясь

значительная часть нѣмецкой интеллигенціи. Нравственному авторитету общества помогали фюрсты, которые провидѣли въ немъ революцію и гоняли его членовъ съ мѣста на мѣсто, отдали ихъ подъ надзоръ полиціи. Но сами же эти премудрые фюрсты понимали, что для сохраненія троновъ имъ также нужно надѣть маску друзей единства. Изъ ихъ среды стали появляться проекты реформъ союзнаго сейма, направленныхъ противъ Пруссіи; они считали Гогенцоллерна способнымъ воспользоваться національнымъ движеніемъ для своихъ выгодъ. Габсбургъ покровительствовалъ этому стремленію фюрстовъ, и въ началѣ 60-хъ годовъ составилъ съѣздъ ихъ въ Вѣнѣ.

Опасенія фюрстовъ не были лишены основанія. Тогда возникла популярность Пруссіи. Нѣмцы, которыми вдругъ овладѣла національная горячка, невольно подумывали о Берлинѣ. У нихъ не было другого выбора. Должно помнить, что идея національности, которая въ свое время надѣлала (и можетъ еще надѣлать) не мало бѣдъ человѣчеству, на тогдашней ступени своего развитія была идея либеральная и просвѣтительная. Италін сочувствовали не потому только, что она объединялась, но и потому, что она освобождалась отъ деспотизма и іезуитства. Ослабленіе гнѣзда германской реакціи, Австріи, было настолько же торжествомъ нѣмцевъ, насколько побѣдой итальянцевъ. Гогенцоллернъ, выказавшій сочувствіе Италін, рисовался въ хорошихъ свѣтѣ. Къ тому же онъ замаскировался тогда либеральнымъ министерствомъ «новой эры». Наконецъ, нѣмецкій патриотизмъ немислимъ безъ ненависти къ иностранцамъ. Фюрсты поддерживали Пруссію своими намеками на союзъ съ Наполеономъ, если Гогенцоллернъ вдумаетъ стѣснить ихъ. А Гогенцоллернъ именно тогда началъ распространяться въ своихъ палатахъ о «неприкосновенности почвы отечества».

Правда, Пруссіи нужно было сдѣлать еще много «нравственныхъ завоеваній». Нѣмцы не довѣряли ей правительству. Но стоило только Гогенцоллерну повести дѣло въ національномъ духѣ — и онъ тогда же мирно объединилъ бы Германію. Но онъ поступалъ такъ же, какъ въ 1849 году. Онъ выказывалъ презрѣніе къ національному обществу и своими интригами разрушалъ всякую попытку ввести благотворныя преобразованія въ союзный сеймъ. Онъ вредилъ нѣмцамъ въ вопросахъ гессенскомъ и шлезвигскомъ и разстроилъ заведеніе нѣмецкаго флота тѣмъ, что не хотѣлъ подѣлиться съ Ганноверомъ начальствомъ надъ нимъ.

Но важнѣе всего было то, что дѣлалъ Гогенцоллернъ у себя дома.

Никогда еще не обнаруживалась такъ ярко гогенцоллернская политика, отбѣняемая высокимъ политическимъ развитіемъ европейскихъ обществъ. Никогда еще гогенцоллернскій интересъ не былъ такъ неисправимо упрямъ. Онъ ставилъ на карту будущность не только «отечества», въ чему привыкла исторія, но и свою собственную. Казалось, что Гогенцоллерну доставляло особенное удовольствіе противорѣчить общественному мѣнью, высказывать презрѣніе къ господствующимъ принципамъ.

Весьма умѣренная либеральная партія въ нижней палатѣ, бывшая опорой министерства «новой эры», требовала соблюденія конституціи въ Пруссіи и «узкаго союза» или «союзнаго государства» въ Германіи. А правительство намекало, что желаетъ опираться только на свои собственные штаны. Оно внезапно выступило въ нижней палатѣ съ своей «задушевнѣйшей» мыслью, по которой армія увеличивалась на 50 тысячъ, а расходы на 10 милліоновъ въ годъ. Конечно, не только прусское, но и германское общество ужаснулось. Но любопытнѣе всего, что, по несомнѣннымъ доказательствамъ, эта мѣра прошла бы, и даже безъ особеннаго труда, еслибы сумѣли взяться за нее. Нужно было только, чтобы правительство снизошло до краткаго объясненія съ палатою, и хоть намекнуло на національную дѣль. Но правительство придерживалось старыхъ приѣмовъ. Слѣдствіемъ этой политической безтактности была смѣна умѣренныхъ либераловъ демократической партіей *прогрессистовъ* (Fortschrittspartei). Правда, это — крайняя партія въ прусскомъ смыслѣ, т.-е. вовсе не ужасная. Принципы у нея были такіе же, какъ у либераловъ. Она только прямо возстала противъ «задушевнѣйшей» мысли и потребовала кореннаго преобразованія палаты господъ.

Правительство отвѣчало новою безтактною, какъ будто ему хотѣлось непременно вызвать кровавый призракъ въ самое спокойное время и среди самаго мирнаго населенія. Оно устроило пышное коронованіе, причемъ были всѣ, употребительные въ этихъ случаяхъ, рѣчи и атрибуты, кромѣ упоминанія о народѣ и конституціи и кромѣ нѣмецкихъ національныхъ флаговъ. Понятно, что было отвѣтомъ на эту демонстрацію. Вездѣ заговорили, что правительство вовсе не думаетъ о Пруссіи и отечествѣ, и что «задушевнѣйшая» мысль означаетъ лишь желаніе обрушить власть военною силою. Пожертвованія на нѣмецкій флотъ, которыя собирало національное общество и отсылало въ Берлинъ, вдругъ прекратились. Даже появилось въ газетахъ множество протестовъ противъ отправки ихъ въ Пруссію. Само національное общество отшатнулось отъ Гогенцоллерновъ. Въ прус-

своей палатѣ прогрессисты уже образовали рѣшительное большинство. Правительство закрыло ее и смѣнило дѣятелей «новой эры» феодальнымъ министерствомъ. Но новые выборы въ палату оказались красивѣе прежнихъ. «Задумевѣйшая» мысль была отвергнута большинствомъ 308 голосовъ противъ 11! Тутъ впервые Вильгельму пришла-было въ голову мысль отречься отъ престола. Но его остановилъ гогенцоллернскій долгъ. Онъ сдѣлалъ насиліе надъ собой—и осенью 1862 года вручилъ бразды правленія весьма непріятному для него, но надежному человеку—Бисмарку.

Бисмаркъ спасъ «систему», совсѣмъ-было погибавшую,—вотъ въ чемъ состояло значеніе этого государственнаго человѣка.

Магическое средство, которымъ онъ легко совершилъ это чудо, была національная идея. Ею онъ заглушилъ патріотическое негодованіе, шумѣвшее надъ головой Гогенцоллерна. Съ ея помощью онъ осуществилъ «завѣтнѣйшую» мысль Вильгельма и стяжалъ за это не проклятіе, а восторгъ нѣмцевъ. Бисмаркъ открылъ секретъ, который предчувствовалъ одинъ Фридрихъ Великій. То, что всѣмъ казалось гогенцоллернскою гибелью, онъ обратилъ въ гогенцоллернское торжество. Безъ этого секрета Бисмаркъ остался бы дерзкимъ юнкеромъ, разбивающимъ кружи на головахъ мирныхъ гражданъ въ полпивныхъ, и терся бы въ переднихъ Потсдама, въ толпѣ своихъ товарищей-феодаловъ. А съ нимъ онъ сталъ майоръ-домомъ Гогенцоллерна.

Секретъ былъ такъ простъ, что допускалъ только политичу послѣдовательную и энергическую. Уже въ 1859 году Бисмарку приписывали брошюру, которая дерзко требовала разсѣчь мечомъ Гордіевъ узелъ, связывавшій Германію съ Австріей. Въ 1861 году Бисмаркъ изумилъ всѣхъ бойкимъ протестомъ противъ феодализма. Онъ прислалъ изъ Петербурга своимъ товарищамъ, членамъ палаты господъ, строгое предостереженіе. Онъ безпощадно поносилъ фюрстовъ, «помѣшанныхъ на верховныхъ правахъ», и «нелѣпный» нѣмецкій союзъ, эту «теплицу революціоннаго партикуляризма». Этотъ прусскій «юнкеръ» сразу развертывалъ въ «отечествѣ» революціонное знамя Фридриха Великаго. Но въ то же время онъ давалъ замѣтить, что раздѣляетъ гогенцоллернскую идею, съ ея «задумевѣйшею» мыслью, и считаетъ уступки духу времени лишь ея орудіемъ. Никогда еще «система» не находила болѣе краснорѣчиваго и бойкаго истолкователя.

Наканунѣ вступленія Бисмарка въ министерство національная идея была въ разгарѣ. Даже оплоты старины принуждены

были маскироваться ею. Фюрсты начали слегка либеральничать и предаваться патриотизму. Особенно горячился великій герцог баденскій, Фридрихъ, патриотическую ревность котораго объясняли его родствомъ съ Пруссіей и инстинктомъ самосохраненія. Душа партикуляризма, Бейстъ, выступилъ съ планомъ нѣмецкаго парламента на основахъ союзнаго сейма и, конечно, «широкаго» союза. Пруссія отвѣчала Бейсту проектомъ «узкаго» союза, подъ курьезнымъ именемъ «союзнаго государства въ союзѣ государствъ» (Bundesstaat im Staatenbunde). Тогда Габсбургъ съ фюрстами прислалъ общую ноту, грозившую войной. Но это значило оказать услугу Гогенцоллерну. Общественное мнѣніе, испугавшись Габсбурга, стало на сторону Пруссіи. Національное общество потребовало, чтобы Гогенцоллернъ, опираясь на «единственно вѣрнаго союзника, на нѣмецкій народъ, не колеблясь, вступился за интересы нѣмецкаго и прусскаго народа».

Министерская программа Бисмарка была прямымъ отвѣтомъ на голосъ общественнаго мнѣнія. Она объявляла, что «великіе вопросы времени разрѣшаются кровью и желѣзомъ». Бисмаркъ тотчасъ же предложилъ Габсбургу удалиться изъ Вѣны въ Офенъ, чтобы оттуда совершать свою «восточную» миссію и помочь Гогенцоллерну въ его «нѣмецкой» миссіи. Въ противномъ случаѣ прямо угрожалъ войной. Габсбургъ перенесъ дѣло въ союзный сеймъ, гдѣ проигралъ его. Тогда онъ устроилъ (1863 г.) съѣздъ фюрстовъ, на которомъ было рѣшено вытѣснить Пруссію изъ Германіи. Австро-Прусская война разразилась бы тремя годами раньше, еслибы не возникъ шлезвигскій вопросъ. Но намъ прежде нужно рассмотреть внутреннюю политику Бисмарка.

Палата, не поладившая даже съ либеральнымъ министерствомъ «новой эры», считала Бисмарка палачомъ, котораго разгнѣванный Гогенцоллернъ избралъ въ наказаніе ей. Она основывалась на опытѣ. Въ 1847—1850 годахъ Бисмаркъ былъ душой феодальной партіи въ берлинскомъ парламентѣ. Съ истинно-юнкерскою дерзостью издѣвался онъ надъ «верховными правами народа», защищалъ помѣщичьи суды, осмѣивалъ національную идею, требовалъ подчиниться Австріи, передъ которою онъ благоговѣлъ. Правда, затѣмъ въ Бисмаркѣ произошелъ переворотъ. Во Франкфуртѣ (1851 — 1859) онъ сталъ столь же горячимъ врагомъ Австріи и поклялся истребить ее, не смущаясь ничѣмъ — «ни изгнаніемъ, ни даже эшафотомъ».

Однако прусская палата была права. Въ Бисмаркѣ произошелъ переворотъ только относительно германскаго вопроса. Бисмаркъ не конституціонный министръ. Все значеніе его въ ино-

странной политикѣ. Онъ самъ признался однажды, что не понимаетъ «внутренней». Здѣсь онъ не находчивъ и мелоченъ. Онъ не понималъ даже, что военная реформа — важнѣйшій изъ вопросовъ внутренней политики. Онъ воображалъ, что всѣ станутъ за нее, и не приготовился въ конституціонной борьбѣ, а потому запутался въ ней. Рѣшившись съ самаго начала подружиться съ палатой, какъ съ «могущественнѣйшей опорой своей внѣшней политики», онъ кончилъ тѣмъ, что раздражилъ ее до негодованія.

Бисмаркъ смѣло, самоувѣренно выступилъ въ палатѣ съ «задушевнѣйшею» мыслью и съ теоріей финансоваго произвола. Палата обвинила его въ нарушеніи конституціи, а онъ отвѣчалъ ей знаменитымъ афоризмомъ: «сила предшествуетъ праву». Затѣмъ послѣдовали гоненія на печать и ссылки прогрессистовъ.

Во внутренней политикѣ Пруссіи шлезвигъ-голлштейнскій вопросъ игралъ важную роль. Онъ спасъ совсѣмъ запутавшагося Бисмарка. Нѣмцы съ рѣдкимъ единодушіемъ требовали отдать При-эльбскія герцогства принцу Августенбургскому и присоединить ихъ къ Германіи. Одинъ Бисмаркъ, желавшій приобрести эти земли для Гогенцоллерна, выступилъ противъ кандидатуры принца. Мало того. Онъ успѣлъ убѣдить Габсбурга, что все это — «проски революціонеровъ», и привлечь его къ союзу съ Пруссіей. Бисмарку оставалось провести свой планъ въ берлинской палатѣ. Ему стоило только шепнуть о своихъ цѣляхъ вождямъ прусскихъ партій — и дѣло было бы слажено. Но онъ ограничился заявленіемъ палатѣ, что она неспособна судить о политикѣ. Палата отказала въ займѣ для предстоящей войны съ Даніей, и вся Германія выказала сочувствіе къ ней.

Но война состоялась. Данія уступила Шлезвигъ-Голлштейнъ Австріи и Пруссіи «совмѣстно». Въ сущности Бисмаркъ вышелъ побѣдителемъ: онъ насильно вовлекъ Австрію въ свою политику. Затѣмъ онъ вздумалъ тотчасъ же присоединить герцогства къ Пруссіи, хотя противъ этого было общественное мнѣніе Германіи и самое населеніе герцогствъ. Въ то же время Австрія напомнила о «совмѣстномъ» владѣніи герцогствами. Бисмаркъ былъ уже совсѣмъ готовъ воевать съ нею. Лишь по настояніямъ короля согласился онъ на голлштейнскій договоръ, по которому Голлштейнъ оставался за Австріей, Шлезвигъ за Пруссіей, а Лауэнбургъ Габсбургъ продавалъ Гогенцоллерну за 2¹/₂ милліона талеровъ.

Голлштейнскій договоръ былъ сильнымъ ударомъ Бисмарку. Онъ вызвалъ негодованіе Европы и отнял у Бисмарка всякую

надежду на популярность. Лордъ Россель назвалъ его «заслуживающимъ порицанія и недостойнымъ нашего времени». Тогда сложилось невыгодное мнѣніе не только о политической нравственности, но и о способностяхъ Бисмарка.

Но для Бисмарка голштейнскій договоръ былъ только перемиріемъ. Онъ уже рѣшился воевать. Чтобы палата не мѣшала ему, онъ распустилъ ее. А чтобы заискать сочувствіе «отечества», онъ взялся наканунѣ войны за реформу союзнаго сейма, на основаніи «вытѣсненія Австріи» изъ Германіи. Говорятъ даже, будто онъ совѣтовалъ Вильгельму провозгласить имперскую конституцію 1849 года. Такъ какъ Бисмаркъ зналъ, что никто не повѣрилъ бы этой конституціи, еслибы она была предложена имъ, то онъ готовъ былъ выйти въ отставку.

Но на этотъ разъ Бисмаркъ ошибся. Никогда еще онъ не былъ такъ непопуляренъ. Всѣ видѣли, какъ ему хочется войны — и протестовали противъ нея. Въ Пруссіи рассчитывали, что даже побѣда была бы гибельна, ибо она утвердила бы бисмаркизмъ. Въ «отечествѣ» сожалѣли, что не удалось покушеніе на жизнь Бисмарка въ маѣ 1866 года. Національное Общество объявило, что нѣмцамъ угрожаетъ «произвольная кабинетная политика». На всемъ югѣ Германіи обнаруживалось негодованіе на Пруссію. Въ газетахъ говорилось, что «господство Пруссіи было бы бѣльшимъ національнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ присоединеніе къ Франціи». Палаты единодушно давали кредитъ правительствамъ на войну съ Бисмаркомъ. Даже великій герцогъ баденскій долженъ былъ заглушить свои родственныя чувства, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Точно также не удалось Бисмарку свалить нравственную отвѣтственность за начало кровопролитія на Габсбурга. Въ іюнѣ 1866 года пруссаки, безъ объявленія войны, выгнали австрійскія войска изъ Голштейна.

Послѣдовала битва при Садовой. Самая непопулярная въ Европѣ личность вышла изъ борьбы увѣнчанною самыми завидными лаврами. Это должно было послужить новою политическою зрой въ Европѣ...

Гогенцоллернъ приобрѣлъ около 1000 кв. миль и 4 миліона жителей, и объединилъ сѣверную Германію по-своему. Габсбургъ былъ вытѣсненъ изъ Германіи. Одно только было несогласно съ планами Бисмарка — майнская линія: она была дѣломъ Наполеона III. Южныя государства обязались выставить свои войска, когда потребуетъ Гогенцоллернъ, который будетъ и командовать ими. Остальные фюрсты почти совсѣмъ лишились сво-

ихъ верховныхъ правъ. Изъ нихъ образовался *Сѣверо-германскій Союзъ*. Въ этомъ союзѣ законодательная власть предоставлена союзному совѣту (Bundesrath), состоящему изъ уполномоченныхъ отъ фюрстовъ. Глава совѣта—союзный канцлеръ, назначаемый президентомъ союза. Президентство, т.-е. исполнительная власть, наследственно въ домѣ Гогенцоллерна. Она имѣетъ право совершать экзекуціи, которыя простираются до низверженія фюрстовъ съ престола. Имперскій сеймъ (Reichstag), состоящій изъ депутатовъ, избранныхъ народомъ, надзираетъ за дѣйствіями совѣта и президентства.

Выражаясь словами Бисмарка, это—«сложная и тяжелая машина». Кромѣ того, Германія не достигла полного единства даже на сѣверѣ. Но главное было сдѣлано: остальное составляло лишь вопросъ времени. Бисмаркъ мѣтко сказалъ тогда: «наше дѣло было посадить Германію въ сѣдло, а тамъ ужъ она поѣдетъ». Власть Гогенцоллерна въ сѣверномъ союзѣ была могущественна, вслѣдствіе своей неопредѣленности. Пруссія во всемъ «отечествѣ» владѣла своимъ «инструментомъ побѣды», какъ называлъ король войско. Сверхъ того, Бисмаркъ тотчасъ же взялся за восстановление Таможеннаго союза, который прекратился на югѣ вслѣдствіе войны.

Въ 1868 году явился новый таможенный уставъ—сколокъ съ конституціи сѣверо-германскаго союза, но обнимавшій, какъ сѣверъ, такъ и югъ Германіи. Въ сущности, это было прямое нарушеніемъ майской линіи. Первое же засѣданіе таможеннаго парламента (въ Берлинѣ) отличалось не коммерческимъ, а политическимъ характеромъ. Здѣсь и правительство, и депутаты только и говорили, что объ «единой Германіи». Здѣсь дѣйствовали тѣ же самыя лица и партіи, которыя заправляли имперскимъ сеймомъ. *Национальные либералы* требовали «превращенія таможеннаго парламента въ нѣмецкій полный парламентъ». *Партикуляристы* или «южно-германская фракція» стояла за «энергическое охраненіе независимости южныхъ государствъ»—такъ, чтобы «они не опасались поглощенія Пруссіей». Пруссаки и самъ Бисмаркъ говорили съ несвойственной имъ мягкостью. «Второй Бисмаркъ», Ласверъ, возвѣстилъ, что «спокойно будутъ ждать, когда обстоятельства принудятъ южанъ просить сѣверянъ о принятіи ихъ въ союзъ». А на улицахъ Берлина были устроены трогательныя демонстраціи въ честь братьевъ изъ «отечества». Въ то же самое время южныя правительства энергически передѣлывали свою военную организацію на прусскій ладъ.

Впрочемъ, до полного единства было еще далеко. Таможен-

ный парламентъ лучше всего доказалъ это. Въ его первомъ засѣданіи побѣдили партикуляристы, и это подѣйствовало на имперскій сеймъ. Наполеонъ счѣшилъ воспользоваться этимъ. Произошло свиданіе его съ Францемъ-Иосифомъ, въ Зальцбургѣ—и онъ потребовалъ Люксембурга. А иностранныя державы не ополчились за Пруссію...

Положеніе Бисмарка стало затруднительнымъ. И вотъ, въ немъ происходитъ новый переворотъ. Передъ нами другой человекъ. Исчезли фамилныя черты прусскаго «юнкера». Явился современный государственный мужъ—защитникъ права до педантизма, поборникъ народной воли и мира, человекъ умѣренный и почти уступчивый, вѣжливый и почти благодушный. Онъ проситъ у палаты снисхожденія (Indemnität) за произвольное правленіе. Онъ восторгается передъ нею конституціонными принципами и окончательно разрываетъ связи съ юнкерами. Онъ преподаетъ уроки скромности палатѣ, которая превратилась тогда изъ «прогрессивной» въ «національно-либеральную» и хотѣла сразу присоединить къ Пруссіи чуть не всю Германію. Онъ обнаруживаетъ передъ всей Европой трогательную привязанность къ трактатамъ, къ праву и даже къ несчастіямъ фюрстовъ. Онъ отстаиваетъ верховныя права послѣднихъ и указываетъ на майнскую линію, которую онъ обязанъ соблюдать, какъ честный человекъ. Мало того. Бисмаркъ прямо говоритъ о правѣ, предшествующемъ насилию ¹⁾. Онъ горячо заступается за демократическія прямые выборы въ парламентъ и громитъ теорію прусскихъ трехклассныхъ выборовъ, какъ созданіе консерваторовъ. Онъ осмѣиваетъ, какъ радикалъ, идею двухъ-палатнаго парламента. Наконецъ, чтобы усыпить Наполеона и приобрести довѣріе Европы, Бисмаркъ дѣлаетъ дипломатическую уступку, связанную съ униженіемъ Пруссіи: онъ срываетъ люксембургскую крѣпость—этотъ важный нѣмецкій оплотъ противъ Франціи, и проповѣдуетъ о мирѣ, наперерывъ съ Вильгельмомъ I и Мольтке... По его словамъ, именно ради сохраненія мира, Пруссія должна была улучшать свою армію и быть первою военною державою въ Европѣ...

Именно тогда рѣшилъ Бисмаркъ борьбу съ Наполеономъ.

¹⁾ 11 марта 1867 г., Бисмаркъ говорилъ, между прочимъ, въ имперскомъ сеймѣ: „Насиліемъ не приобретаешь ни фюрстовъ, ни нѣмецкаго народа... Основаніемъ новыхъ отношеній должно быть довѣріе къ соблюденію Пруссіей договоровъ... Мы хотимъ общей жизни, но основанной на правѣ, а не на насиліи“. Klüpfel, Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen. Berlin. 1873. II, 186—187.

У Мольте уже былъ готовъ планъ «оборонительной войны въ формѣ наступательной». Весь смыслъ 1866—1870 годовъ состоитъ во всесторонней военной подготовкѣ Пруссіи.

Война была необходима Бисмарку для объединенія «отечества». На силу національной идеи нельзя было полагаться. Именно, въ 1867—1870 годахъ, партикуляризмъ поднялъ голову на югѣ. Онъ проявлялся не только въ органахъ общественнаго мнѣнія, но также въ палатахъ и даже министерствахъ. Для южанъ сѣверо-германскій союзъ сталъ «проклятіемъ, прусскимъ цезаризмомъ, военнымъ опрусеніемъ, податнымъ прессомъ, ложнымъ единствомъ, ведущимъ лишь къ блеску одной династіи». Въ Баваріи клерикалы, въ Виртембергѣ демократы только и говорили, что про «южные соединенные штаты Германіи». Вообще *весной 1870 года національныя стремленія были слабѣе, чѣмъ осенью 1866 года*. И, какъ нарочно, весной 1870 года самъ Бисмаркъ заставилъ имперскій сеймъ отвергнуть просьбу Бадена о принятіи его въ сѣверный союзъ. Националы были пораженны этой непослѣдовательностью... Они не знали, что тогда Бисмаркъ уже рѣшилъ, что для Гогенцоллерна выгоднѣе мечомъ присоединить весь югъ, чѣмъ мирно—одинъ Бадень...

Нужно было только вызвать Францію на объявленіе войны, чтобы поставить ее въ невыгодное положеніе виновницы кровопролитія. Гогенцоллернская кандидатура въ Испаніи произвела дѣйствіе—и Пруссія обнажила мечъ за національную идею, за свободу вездѣ, даже въ самой Франціи, за цивилизацію и за миръ, нарушенный Наполеономъ. Югъ тотчасъ же предложилъ свои войска Бисмарку. Правда, въ Баваріи, въ Виртембергѣ палаты говорили о «прусской фамиліи политикѣ» и о томъ, что Бисмаркъ вызвалъ войну; но идея «неприкосновенности нѣмецкой земли», и страхъ передъ игольчатымъ ружьемъ рѣшили дѣло въ пользу Гогенцоллерна.

Германскіе результаты французской войны были блестятельны. Всѣмъ извѣстно значеніе версальскихъ договоровъ 1871 года. Германія объединилась, ибо уничтоженіе южныхъ титулярныхъ фюрстовъ — не болѣе, какъ вопросъ времени, притомъ не важный. Въмѣсто сѣвернаго союза образовался обще-германскій. Рокочная майнская линія была прервана. Чтобы не оставалось сомнѣнія въ фактическомъ объединеніи Германіи, 1-го января 1871 года Гогенцоллернъ сталъ *нѣмецкимъ императоромъ*. Въ то же время въ Виртембергѣ упорный и даровитый вождь демократовъ, редакторъ популярнаго «*Veobachter*», Карль Мейеръ, бросилъ свою газету и удалился съ политическаго поприща.

«Система» Фридриха Великаго была завершена. Начатое имъ зданіе увѣнчалось, спустя четыре поколѣнія. Гогенцоллернъ поглотилъ Германію—и ничего не уступилъ изъ своихъ фамильныхъ преданій.

Новая нѣмецкая имперія подходитъ къ современному типу конституціонной монархіи. Но въ ней есть нѣсколько любопытныхъ и важныхъ особенностей. Прежде всего, это — имперія только по имени, въ сущности же—союзное государство (Bundesstaat). Съ одной стороны, это—собраніе государствъ, что вызвало введеніе союзнаго совѣта (Bundesrath), подлѣ нѣмецкаго парламента или имперскаго сейма (Reichstag). Союзный совѣтъ — нигдѣ не существующее учрежденіе, нѣсколько напоминающее старый имперскій сеймъ и своей неповоротливостью, и своимъ феодальнымъ отлѣнкомъ. Онъ состоитъ изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ государствъ союза, назначаемыхъ ихъ правительствами. Съ другой стороны, всѣ союзныя государства представляютъ одно цѣлое, по силѣ центральной власти. Эта власть—наслѣдственное достояніе Гогенцоллерна, въ качествѣ «президента совѣта» или нѣмецкаго императора. Она очень обширна, потому что не опредѣлена законами. Императоръ почти полный хозяинъ въ военныхъ и иностранныхъ дѣлахъ. Онъ слѣдитъ за исполненіемъ законовъ и наказываетъ за нарушеніе ихъ. Контроль надъ нимъ принадлежитъ только союзному совѣту, но послѣдній устроенъ такъ, что важнѣйшія дѣла зависятъ въ немъ отъ союзнаго канцлера, назначаемаго императоромъ. Наконецъ, центральная власть безотвѣтственна, —и это составляетъ вторую отличительную черту нѣмецкой имперіи. Имперскихъ министровъ вовсе нѣтъ. Ихъ замѣняетъ союзный канцлеръ, отвѣтственность котораго не опредѣлена въ конституціи. Оттого-то въ самомъ началѣ имперскій сеймъ требовалъ коллегіальнаго отвѣтственнаго министерства, но Бисмаркъ горячо возсталъ противъ этого. И до сихъ поръ высказывается это желаніе, но безуспѣшно. Бисмаркъ создалъ себѣ прочную диктатуру и не намѣренъ разставаться съ нею. Третьимъ отличіемъ имперской конституціи служитъ полный демократизмъ. Только здѣсь встрѣчаемъ мы соединеніе двухъ его основъ — одно-палатнаго парламента и всеобщей, притомъ прямой и тайной, подачи голосовъ.

Нѣмцы изучаютъ свое «имперское государственное право» съ свойственнымъ имъ трудолюбіемъ. Уже образовалась цѣлая литература о немъ, и ей не предвидится конца. Вообще оно подвергается сильной критикѣ, и по большей части все съ точки зрѣнія національнаго единства. Образцомъ этой критики, характе-

ривующей современное настроеніе умовъ въ Германіи, можетъ служить недавно вышедшее сочиненіе Нестора нынѣшней нѣмецкой публицистики, Роберта Моля ¹⁾.

Въ глазахъ Моля, имперская конституція — работа поспѣшная и небрежная. Она лишена системы, такъ что трудно уловить ея основы. Въ ней много случайнаго и даже пустыхъ фразъ, а еще больше пробѣловъ, противорѣчій, путаницы между опредѣленіями властей. Любопытно, напримѣръ, что въ конституціи допускаются самыя диковинныя государственныя формы. Здѣсь и императоръ, и короли, похожіе то на подданныхъ, то на претензоровъ. Здѣсь и отдѣльные государи, и личная унія всѣхъ ихъ съ Гогенцоллерномъ. Есть даже монархи съ однимъ титуломъ безъ власти (Вальдекъ).

Но Моль вездѣ скользитъ по общимъ, научнымъ или нравственнымъ, основаніямъ и упирается въ практическую идею *нѣмецкаго единства*. Онъ даже называетъ науку доктринерствомъ, которое должно преклоняться передъ «великой государственной головой». По его мнѣнію, она должна слѣпо служить національной идеѣ, въ пользу которой онъ объясняетъ всѣ недомолвки конституціи, и нерѣдко съ очевидными натяжками.

Закончимъ взглядомъ Моля на слабыя стороны современной Германіи и на мѣры къ ихъ устраненію.

Конечно, прежде всего Моля возмущаетъ то, что нѣмецкое единство все еще составляетъ вопросъ. «Невольно, — говоритъ онъ, — возникаетъ опасеніе, что явится большое разномысліе при толкованіи конституціи. Въ порядкѣ вещей, чтобы у имперіи было стремленіе возможно больше расширить свои права, а у отдѣльныхъ государствъ — желаніе возможно меньше уступать изъ своихъ верховныхъ правъ. Нечего объяснять, какъ такія распри неприяты, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже опасны, — именно, когда страсти толпы овладѣютъ спорнымъ пунктомъ, когда одни будутъ жаловаться на беззаконное насиліе со стороны имперіи или, какъ обыкновенно говорятъ, Пруссіи, другіе — на не-патріотическое неповиновеніе партикуляристовъ... Неизвѣстно, суждено ли намъ спокойно довершить наше внутреннее дѣло, или же внезапная, внѣшняя или внутренняя, опасность принудитъ насъ собрать всѣ наличныя силы и освободить ихъ отъ формальныхъ узъ». Моль согласенъ, что имперія обладаетъ достаточной силой, чтобы вступить въ открытую борьбу съ партикуляризмомъ. «Но это породило бы много важныхъ, внутреннихъ

¹⁾ *Rob. Mohl, Das deutsche Reichsstaatsrecht. Tübingen. 1878.*

враговъ. Задачи имперіи особенно трудны и обширны. Она должна употреблять свою могучую силу такъ, чтобы избѣгнуть далеко распространеннаго, серьезнаго и заслуженнаго недовольства... Конечно, пока нѣтъ основанія думать, что она не понимаетъ или не выполнитъ своихъ задачъ. Но опытъ былъ еще очень кратокъ, и еще не доказано, что при личной перемѣнѣ останется необходимое пониманіе и сила. Поэтому невозможно съ извѣстной вѣроятностью предвидѣть будущее, и въ этомъ случаѣ мнѣнія гораздо болѣе расходятся, чѣмъ при сужденіи о настоящемъ. Именно, существуетъ большое разномысліе относительно вопроса—обратится ли имперія въ единое государство, или нѣтъ? Одни желаютъ этого, другіе боятся, третьи (пока это—огромное большинство) не вѣрятъ, да и не желаютъ... На сторонѣ послѣднихъ важныя доводы—историческая привязанность къ особенности, большіе размѣры многихъ среднихъ государствъ, далеко распространенное отвращеніе къ центру, чуждому болѣе части націи, поглощающему всякое постороннее вліяніе, всякій иной бытъ». Моль припоминаетъ, какъ наканунѣ войны 1870 года, «просто приходили въ трепетъ при мысли объ отдаленной, непривлекательной и дорогой столицѣ имперіи. Чувствовали, что погибнуть тамъ въ одиночествѣ, безъ всякихъ личныхъ связей. Не вѣрили, чтобы въ сердцахъ вытянутаго въ струнку прусскаго чиновника, привыкшаго лишь къ интересамъ, формамъ и склонностямъ собственнаго отечества, нашелся уголокъ для потребностей и желаній, чуждыхъ ему и, пожалуй, кажущихся мелочными... А образованные люди видѣли во множествѣ столицъ и резиденцій, разбросанныхъ по всей Германіи, средоточія высшей духовной жизни. Они признавали, что здѣсь главная причина, почему у насъ, въ счастливую противоположность съ Франціей, утонченная культура и вкусъ къ ней не ограничиваются одною имперскою столицей, и каждый живой талантъ не стремится туда».

Рядомъ съ партикуляризмомъ стоитъ другой опасный врагъ Германіи—ультрамонтанство или клерикалы. По словамъ Моля, «пока эта сторона нѣмецкаго быта вовсе неутѣшительна. Она даже способна отравить пруссакамъ наслажденіе приобретеніями въ имперіи».

Немного менѣе значенія придаетъ Моль третьему врагу, о которомъ онъ говоритъ неохотно. Это—демократы-соціалисты. По его мнѣнію, имперская конституція страдаетъ «недостаткомъ умѣреннаго элемента, демагогическими стремленіями».

Наконецъ, Моль не разъ возвращается къ вопросу о національномъ элементѣ и о границахъ, который онъ также причис-

лзаетъ къ слабымъ сторонамъ Германіи. Его безпокоитъ то, что названіе *нѣмецкая* имперія «не совсѣмъ вѣрно въ этнологическомъ отношеніи». Во-первыхъ, въ ней есть чуждыя населенія. Познань и Восточная и Западная Пруссія, не входившія въ составъ нѣмецкаго союза 1815 года, нынѣ слиты съ имперіей. Это хорошо для Германіи въ томъ смыслѣ, что Пруссія расплылась въ «отечествѣ» и «должна руководиться нѣмецкою, а не прусскою политикою». Но бѣда въ томъ, что эти части бывшей Рѣчи-Посполитой «и понынѣ населены преимущественно поляками. Почти 2½ милліона чуждаго и непріязненнаго нѣмцамъ племени соединены съ имперіей совсѣмъ противъ ея воли... Въ большой области можно только вынуждать повиновеніе имперіи, но не вызовешь привязанности къ ней». Еще опаснѣе новое пріобрѣтеніе—Эльзась и Лотарингія. «Здѣсь еще жива сильная привязанность къ старому и отвращеніе къ прусскому быту и правленію... Меньшая, національно-французская часть во всѣхъ отношеніяхъ нежелательное пріобрѣтеніе, и никогда не будетъ оно желательнымъ; но оно было неизбежно. Касательно же нѣмецкаго населенія мы были обмануты нашимъ собственнымъ наивнымъ самовеличаніемъ и незнаніемъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Это населеніе вовсе не было склонно къ воссоединенію съ Германіей; или, по крайней мѣрѣ, его не легко было склонить къ этому. Теперь мы знаемъ, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ будетъ достигнута наша цѣль, и было бы неблагодарно закрывать глаза относительно трудностей и даже опасностей переходнаго состоянія»...

Если, съ одной стороны, въ имперіи есть чуждые этнографическіе элементы, то, съ другой, «въ нее не входятъ всѣ нѣмецкія, или же пропитанныя нѣмецкими частицами, провинціи Австріи, а также нѣмецкія прибалтійскія губерніи (Россіи). Слѣдовательно, имперія и не *чисто-нѣмецкое*, и еще менѣе *все-нѣмецкое* государство. Стало быть, не рѣшенъ національный вопросъ, какъ его понимаютъ нынѣ». По мнѣнію Моля, было бы выгодно пріобрѣсти австрійскія провинціи съ 10-милліоннымъ населеніемъ. «Тогда только можно бы было говорить съ полнымъ правомъ о *нѣмецкой* имперіи и гордиться ею». Но это — роза съ шипами. «Тутъ выгоды ослабляются честолюбивымъ, продирающимся впередъ славянствомъ и его ядовитой ненавистью къ нѣмцамъ. Если теперь у имперіи достаточно хлопотъ съ польскимъ и французскимъ элементомъ, то прибавить еще борьбу съ чехами было бы ужъ слишвомъ. Къ тому же, было бы большою опасностью для нея значительное усиленіе католицизма». Впрочемъ, со всѣмъ этимъ

можно бы было примириться, если бы присоединеніе Австріи не грозило безконечной европейской войной. «Что же касается русских остзейскихъ провинцій, то серьезному человѣку неловко (unschicklich) даже и мечтать объ ихъ присоединеніи. Сверхъ того, здѣсь масса населенія вовсе не нѣмецкая... Никто не станетъ утверждать, что положеніе Германіи исполнѣ удовлетворительно. Нужно примириться съ отсутствіемъ австрійскихъ и русскихъ нѣмцевъ, какъ съ фактомъ, во всѣхъ отношеніяхъ практически неизбѣжнымъ». Изъ этого неполнаго рѣшенія національнаго вопроса вытекаетъ и незавидное международное положеніе имперіи. «Собіраніе нѣмецкой національности до возможныхъ предѣловъ замѣтно вліяетъ на натянутыя отношенія Германіи къ иностраннымъ державамъ. Со всѣхъ сторонъ ее окружаетъ или враждебность, или крайне сомнительная и лишь внѣшняя дружба».

Вотъ мѣры, которыя предлагаетъ Мольтке противъ исчисленныхъ имъ золъ.

Такъ какъ имперія окружена врагами, то она должна быть поставлена какъ-бы въ осадное положеніе. Власть, сила, охранительныя начала — вотъ что должно быть ея основаніемъ. «Въ новой конституціи все направлено къ обезпеченію силы и единства, а обезпеченіе свободы стоитъ на самомъ заднемъ планѣ. Слышатся жалобы на то, что въ конституціи нѣтъ общихъ правъ гражданъ (Grundrechte)... Но въ этомъ видно только плохое пониманіе положенія дѣлъ... Нынѣ задача состояла въ созданіи единства и связи, а не правъ отдѣльныхъ лицъ. И эта цѣль еще долго будетъ занимать имперскія власти. Когда достигнуть ея, тогда можно будетъ взяться за установленіе свободы, если только это потребуется и насколько будетъ полезно. Нѣтъ ничего нелѣпнѣе, какъ крики: къ единству путемъ свободы! Наоборотъ: только путемъ единства можно достигнуть значительной и здоровой свободы». Подобныхъ мѣстъ много у Мольтке. Онъ готовъ на все, чтобы расширить власть. Въ этомъ смыслѣ онъ объясняетъ всѣ недомолвки конституціи и учитъ, какъ обходить или превратно толковать ея опасныя статьи. Онъ именованъ науки ободраетъ правительство «подавлять принципиальныя противорѣчія съ твердостью и низвергать врага со всей тяжестью власти». Съ этой же точки зрѣнія онъ хвалитъ неопредѣленность имперской власти, которая едва ли не введена умышленно...

Въ томъ же духѣ ставитъ Мольтке и національный вопросъ. «Не можетъ быть и рѣчи, — говоритъ онъ, — о возвращеніи не-нѣмецкихъ частей Германіи. Это — политическая, военная, географическая невозможность. Здѣсь поможетъ только — не будемъ

бояться этого слова — германизация». Объясненіемъ этого слова можетъ служить слѣдующее разсужденіе: «Должна ли имперія стараться примирить съ собой эльзасцевъ и лотарингцевъ услугами и привилегіями, пощадой ихъ образа мыслей, поддержкой ихъ дѣйствительнаго или мнимаго національнаго вопроса? Не задумываясь, отвѣчаемъ: нѣтъ!.. Толпа постепенно подчиняется силѣ и рѣшительности и принимаетъ ихъ, какъ нѣчто законное и непреодолимое: она не признаетъ робкихъ попытокъ... Неудобно должно быть совершенно втягиваніе въ великое цѣлое... Дерзость и неповиновеніе должно подавлять съ полной силой закона и карать немилосердно».

Моль не предлагаетъ мѣръ относительно другой стороны національнаго вопроса. По крайней мѣрѣ трудно вывести что-нибудь изъ подобныхъ фразъ: «имперія всѣмъ страшна и ненавистна, уже по самому своему существованію. При ея нынѣшнемъ могуществѣ, если бы она даже не притянула къ себѣ ни одной нѣмецкой головы, она все-таки должна бы была содержать такую же стражу на своихъ границахъ и быть такъ же готовой къ отпору. Да, это положеніе незавидно, и оно требуетъ великихъ жертвъ, но оно вовсе не даетъ права порицать національное свойство имперіи. Только въ «борьбѣ за существованіе» побѣждаетъ то, что сильнѣе и лучше организовано. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что неизбежная задача Германіи — поддерживать свое могущество».

Точка зрѣнія знаменитаго нѣмецкаго публициста ясна. Это — все та же «система», которую стали называть теперь «бисмаркизмомъ». Моль вездѣ преклоняется передъ «великой государственной головой», и даже подчасъ либеральничаетъ тамъ, гдѣ она находитъ это нужнымъ. Она проповѣдуетъ теорію «совершившагося факта», и вся его критика приводитъ къ восхваленію созданія «мудраго канцлера». И нельзя не согласиться съ нимъ, что самыя несовершенства этого созданія именно таковы, что ведутъ къ вѣчной цѣли. Неопредѣленность законной почвы всегда служить пьедесталомъ для права сильнаго...

Судя по всему, въ наше время приходятъ къ концу оба процесса, господствовавшіе въ новой исторіи Германіи. Нѣмцы объединились, феодализмъ почти совсѣмъ искорененъ и гогенцоллернская система сохранилась. Для Европы, быть можетъ, второй процессъ важнѣе перваго.

У того же Моля мы встрѣчаемъ два слѣдующія признанія. Содрогаясь передъ истинно-римской безпощадностью имперскаго правительства, онъ говоритъ: «ни императоръ, ни союзный со-

Вѣтъ не имѣють права освобождать отъ исполненія законовъ. Но неуклонное слѣдованіе общимъ правиламъ во многихъ случаяхъ приводитъ къ нестерпимой и даже непредвидѣнной строгости, особенно въ наказаніяхъ. Такое исполненіе имперскихъ законовъ было бы великимъ зломъ, и не только для непосредственно-загнущихъ личностей, но для всѣхъ. Имперія представлялась бы всякому грубою, неразумною силой: она совсѣмъ утратила бы уваженіе и симпатичность». Восхваляя имперскую конституцію за крайнюю щедрость въ военномъ дѣлѣ, Мольтке замѣчаетъ: «конечно, весьма печально, что вводится неисчислимый расходъ на деньги и человѣческія силы. При этомъ страдаютъ всѣ цивилизаторскія задачи и учрежденія, какъ военныя, такъ и непосредственныя: на ихъ долю выпадаютъ лишь крохи, падающія отъ стола военнаго управленія. Такое состояніе можно по справедливости назвать полуварварскимъ. Но не Германія виновата въ этомъ»...

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

ГРИБОЋДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

Окончаніе *).

1817-й и 1818-й годы.

Послѣдніе два года переписки М. А. Волковой съ В. И. Ланской носятъ на себѣ до такой степени частный и интимный характеръ, что мы присоединяемъ ихъ къ предыдущимъ годамъ въ самомъ небольшомъ извлеченіи, ради полноты изданія. Впрочемъ, извлеченное нами не лишено общественнаго интереса, и для характеристики Москвы того времени найдется въ этихъ послѣднихъ письмахъ М. А. Волковой не одна любопытная черта. Безъ сомнѣнія, болѣзненность автора, его внутренній романъ съ печальнымъ финаломъ,—все это имѣло вліяніе на ослабленіе общественнаго интереса переписки послѣднихъ годовъ; даже самое переселеніе двора въ Москву на 1817 и 1818 гг. мало оживило содержаніе переписки, и только по временамъ, какъ-бы нехотя, въ авторѣ воскресаетъ прежняя его наблюдательность, и въ письмахъ появляются снова черты, которыя можно назвать иногда драгоцѣнными для

*) См. выше: мартъ, 230 стр.

исторіи культуры, вѣѣ ея официальной стороны. — Читая эти письма, нельзя не вспомнить воздыханій Фамусова о великолѣпіи и блескѣ Екатерининскаго двора:

Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!

Изъ писемъ М. А. Волковой видно, что у Грибоѣдова помѣщена чисто историческая черта, и Фамусовъ только вслухъ сказалъ, что думала про себя Москва, увидѣвъ въ своей средѣ дворъ въ полномъ его составѣ: москвичи были не совсѣмъ пріятно поражены простотою обстановки фамильной жизни двора, и вознаграждали себя только тѣмъ, что сами разорялись въ пухъ и въ прахъ на балы въ честь высокихъ гостей, негодую при этомъ на скарденность петербуржцевъ, которая выразилась дѣйствительно въ предосудительной формѣ: составлявшіе свиту потребовали себѣ отъ обывателей даже даровыхъ квартиръ, на основаніи постоянной повинности. Всѣ такія черты и многія другія занесены авторомъ въ письма къ пріятельницѣ, но онѣ совершенно потонули бы въ массѣ извѣстій личнаго и минутнаго интереса, если бы оставить эту часть переписки безъ соотвѣтственнаго ея характеру сокращенія. — *Ред.*

Москва, 8-ю января 1817 г. — Съ Шаховскими я видѣлась наканунѣ новаго года, мы вмѣстѣ были на балѣ у кн. Андрея Гагарина. Я уѣхала раньше, а эти дамы остались до 6-ти часовъ утра, вслѣдствіе чего матушка ихъ захворала. Скажи мнѣ пожалуйста, ворчишь ли ты на Полину, также какъ на меня, за ея отвращеніе къ замужству? Она больше моего ненавидитъ замужство: не только сама не хочетъ выходить замужъ, но желаетъ, чтобъ всѣ особы, которыхъ она любитъ, оставались въ дѣвахъ. Поздравляя меня съ новымъ годомъ, она пожелала мнѣ всякаго благополучія и, между прочимъ, чтобъ я никогда не вышла замужъ. Что ты на это скажешь? Я сама не желаю выдти замужъ, но другимъ не мѣшаю выходить. Тебя позабавило, какъ я росписала жену кн. Сергѣя; вотъ тебѣ еще новость: въ среду она явилась въ собраніе въ сарафанѣ и кокошникѣ, поверхъ котораго надѣла лавровый вѣнокъ. Она одна изволила такъ нарядиться на востюмированный балъ, гдѣ всѣ были въ обыкновенныхъ балльных платьяхъ. Не могу судить объ ея краснорѣчій, потому что до слуха моего долетали лишь отрывочныя фразы, но могу сказать положительно, что у нея пренепріятный брванъ: она говоритъ какъ изъ-подъ маски.

21-ю января. — Мужъ твой исправно передалъ мнѣ твое письмо и отвѣчалъ извѣстно на всѣ мои вопросы о тебѣ, милый другъ. Сегодня вечеромъ мы увидимся съ нимъ на балѣ у Андрея Гагарина.

Теперь признаюсь тебѣ, что вчера я и твой саго спрозо посмѣялись надъ тобой. До меня дошла вѣсть, что ты взяла подъ свое покровительство «Валерію»; не удивляюсь, я очень хорошо помню, какое впечатлѣніе произвело на тебя чтеніе «Амали Мансфилдъ».

Итакъ, вы изволите оказывать свое покровительство самой глупенькой и безтолковой особѣ, между тѣмъ какъ Густавъ, често помѣшанный господинъ, котораго всѣ поступки безсмысленны, идетъ купаться въ холодную ночь и до того простужается, что схватываетъ чахотку и отправляется на тотъ свѣтъ. Вотъ какъ я разбираю эту трогательную исторію, которую многіе оплакиваютъ. Мы не мало спорили по поводу этого романа нынѣшней осенью. Вяземскій меня выводилъ изъ терпѣнія, Ипполитъ бѣсился, но молчалъ, а Матѣе раздѣлялъ мое мнѣніе. Наконецъ, всѣ споры кончились между нами. Ипполитъ отправляется въ Петербургъ, и находитъ то же разногласіе между тобой и г-жой Виллеро. Вчера опять заговорили объ этомъ романѣ. Супругъ твой былъ въ восторгѣ, узнавъ, что я раздѣляю его взглядъ на эту исторію. Ипполитъ не осмѣлился идти противъ насъ двоихъ; ты слишкомъ далеко, чтобъ защищаться, итакъ, дѣло твое проиграно. Рѣшено, что Валерія самая глупая изъ дурочекъ; это можно видѣть съ перваго взгляда, не разбирая романа по косточкамъ. Что же касается до героя, — это личность неестественная; у тѣхъ изъ его собратій, которые имъ восхищаются, что ни день, то новая фантазія, а я нахожу, что въ его поступкахъ такъ мало смысла, что онъ вовсе не заслуживаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Въ особенности я не могу ему простить этой глупой выходки на улицѣ, когда онъ, поймавъ Біанку, набросилъ ей на голову голубую шаль и удалился, прищуривъ глаза и смотря сквозь пальцы, стараясь увѣрить себя, что она похожа на Валерію. Я постичь не могу, какъ тебѣ, особѣ расудительной, можетъ нравиться такая бессмыслица. Впрочемъ, я давно замѣчаю, что людямъ холоднымъ, неспособнымъ увлекаться, въ особенности нравятся такого рода романы. Вотъ тебѣ доказательства: я не встрѣчала человека болѣе холоднаго и непостояннаго, чѣмъ Вяземскій, однако онъ въ восторгѣ отъ Густава. Прощай, моя дорогая.

29-го января. — Кончится тѣмъ, что я попрошу твоего супруга отправиться во-свояси. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, ты не пишешь мнѣ ни строки, а посылаешь цѣлыя тетради своему саго сросо. Онъ объявилъ мнѣ, что уѣзжаетъ послѣ-завтра, и потому въ воскресенье я буду ждать отъ тебя посланія. Не знаю, муженѣкъ твой отдастъ ли тебѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, которые далеко не похвальны. Представъ, онъ разоряетъ вдовъ и обираетъ молодежь. Третьяго дня онъ у насъ обѣдалъ. Исполить, шутки ради, чтобъ занять матушку, сталъ метать банкъ на 50 рублей. Мужъ твой подошелъ къ столу, поставилъ 25 руб. на карту и въ два приема сорвалъ банкъ у несчастнаго Иполита; потомъ самъ сталъ метать банкъ на выигранныя деньги, матушка начала понтировать, Иполитъ горячился, стараясь вернуть свои 50 руб. Наконецъ, черезъ часъ игра прекратилась, потому что мужъ твой выигралъ 280 рублей, и съ нимъ не желали продолжать игры, боясь потерять больше той суммы, которую въ состояннн заплатить. Я хотѣла воспользоваться случаемъ, чтобъ уронить супруга твоего въ общественномъ мнѣннн, однако это мнѣ не удалось; онъ самъ разсказалъ о своемъ подвигѣ Тормазову, который началъ подтрунивать надъ мамѣ и Иполитомъ, мнѣ не пришлось вставить свое словцо; когда люди располагаютъ власти въ свою пользу, имъ нечего бояться недоброжелателей.

5-го марта. — Какъ я досажаю, дружокъ, на несносную особу, помѣшавшую тебѣ докончить письмо. Ты была расположена болтать, что съ тобой рѣдко случается. Ты навѣрно забудешь, что хотѣла мнѣ передать, а возвращеніе мужа окончателно разсѣетъ твои мысли. Смиряюсь, что же дѣлать: съ тѣхъ поръ, какъ живу я на свѣтѣ, мнѣ постоянно приходится подчиняться обстоятельствамъ. Радуюсь, что вѣрно описала тебѣ Ланжерона. Въ настоящее время здѣсь находится еще одинъ французъ, который собирается ѣхать въ Петербургъ, чтобъ выхлопотать себѣ мѣсто въ Москвѣ. Это нѣкто Сенъ-При, младшій братъ нашего добраго Эммануила. Конечно, онъ не стоить покойнаго брата, но все-таки онъ лучше Ланжерона, который умѣетъ лишь усыплять своихъ собесѣдниковъ. Жени его пожалуйста. Теперь самая выгодная пора для вдовцовъ и молодыхъ людей его лѣтъ. У насъ двое его сверстниковъ женятся. Князь Долгорукій, нашъ губернаторъ, обручился съ дѣвицей Текутьевой; впрочемъ, еще не извѣстно, женится ли онъ: уже нѣсколько разъ онъ обручался, а потомъ свадьба разстроивалась. Нѣкто Каверинъ, сенаторъ, гу-

бернаторъ, отецъ и дѣдъ множества внучать тоже собрался жениться, отыскалъ себѣ невѣсту въ калужской губерніи, старую, некрасивую дѣву, но у которой 4,000 душъ, что очень встаетъ Каверину, не имѣющему ни гроша. Онъ давно былъ бы въ богатѣльнѣ, еслибъ ему не помогали зять его Малышевъ. По-моему, обѣ эти женитьбы предсказываютъ успѣхъ Ланжерону. Посовѣтуй ему поискать невѣсты въ провинціи, тамъ скорѣе оцѣнять его ордена.

Погода чудесная, я гуляю и пью разныя травы, которыми угощаетъ меня Скъудери. Сижу или дома, или у Пушкиныхъ, такъ вѣрно и проведу весь постъ.

12-го марта.—Сигѣйся сколько тебѣ угодно надъ моимъ желаніемъ бѣжать изъ Москвы, дружожъ, но сперва выслушай хорошенько, какія я имѣю причины на то, чтобъ помышлять о бѣгствѣ. Еслибъ Ихъ Величества прибыли съ маленькой свитой, и то было бы много шуму, волненій, но недѣли черезъ три всѣ бы успокоились. Представь, какая будетъ возня, если половина вашихъ гордецовъ свалится намъ какъ снѣгъ на голову. Начнутся сплетни да пересуды: если кто-нибудь изъ здѣшнихъ удостоится отличія, не будетъ ему пощады отъ злыхъ языковъ; а наши, въ свою очередь, молчать не станутъ. Какова же будетъ тоска людямъ, которые, какъ я, напр., не добиваются милостей и не лнуть ко двору? Я вовсе не шучу; повѣрь, мнѣ бы хотѣлось нигдѣ не показываться, сказаться больной и видѣться только съ нѣсколькими избранными лицами. Но, по милости шифра, мнѣ придется возиться съ разными фигурами, скучать, дѣлать лишнія издержки, словомъ — перспектива у меня крайне печальная.

Не удивляюсь, что жена вн. Сергѣя расхваливаетъ Вяземскихъ; она часто ихъ посѣщала въ бытность свою въ Москвѣ. Четвертинскихъ, кажется, она вовсе не видала, потому что они недавно вернулись изъ деревни. Вѣроятно, Булгаковы тоже удостоились ея похвалы, она съ ними любезничала. Теперь всѣмъ извѣстно, зачѣмъ она пріѣзжала въ Москву. Ей хотѣлось сблизиться съ мужемъ, она пускалась на разныя хитрости, однако не достигла своей цѣли, бывшей долго тайною для всѣхъ. Но ничего нѣтъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ; всѣ узнали ея секретъ и провѣдали, что князь не хотѣлъ съ ней помириться. Князь славный человекъ, онъ желалъ дружно жить съ женой, но ея поведеніе заставило и его сбиться съ пути. У него есть связь, дѣти: ихъ ради онъ не рѣшился сойтись съ женой.

Какъ охотницѣ до свадебъ, я сообщу тебѣ, что у насъ при-
стриваютъ не только своихъ дѣвицъ, но и тѣхъ, которыми вы
насъ снабжаете. Нынѣшней зимой вы намъ прислали цѣлый
полю дѣвицъ Неклюдовыхъ; онѣ всѣ некрасивы; одна получше,
эта-то и выходитъ замужъ за генерала Шеншина. Женихъ не
выше моего столика, но отличается храбростію и сдѣлалъ много
подвиговъ во время послѣдней войны. По-моему, нѣтъ надобно-
сти, чтобъ мужъ обладалъ храбростію, но если онъ отличается
и другими качествами, то куда ни шло, почему же не сдѣ-
латься женой маленькаго героя. Словомъ, по моимъ понятіямъ
о свѣтскихъ условіяхъ—они другъ друга стокуютъ.

26-ю марта. — Благодарю за поздравленіе и подарки, ми-
лый другъ. Вчера я простудилась въ церкви, у меня насморкъ,
я охрипла и вовсе не похожа на имянинницу, однако нынче
вечеромъ придется принимать множество гостей. На второй день
пасхи и рождества всѣ знаемые точно долгомъ считаютъ яв-
ляться къ намъ ужинать; къ тому же всѣмъ извѣстно, что сего-
дня мои имянины. Нынче будутъ къ намъ и Шаховскіе, я еще
съ ними не видалась. Когда матушка къ нимъ ѣздила, я лежала
въ постели съ сильной головной болью.

Напрасно не вѣришь ты, что жена кн. Сергѣя старалась съ
нимъ помириться; это вовсе не сплетня. Она очень ловко взя-
лась за дѣло, приплела и священниковъ, и монаховъ, и говѣла
здѣсь, и захотѣла исповѣдываться у мужнина духовника. Ко-
нечно, неизвѣстно, въ чемъ она ему казлась, но знаютъ, что она
поручала, ему переговорить съ княземъ. Всѣ эти подробности
слышала я отъ одной особы, которая очень дружна съ Голицы-
ными. Понятно, зачѣмъ она ищетъ помириться съ супругомъ; ты
забываешь, что у князя Сергѣя умерла мать и оставила ему три-
ста тысячъ годового дохода, а княгиня вѣдь любитъ пощеголять,
выказаться. Ей сорокъ лѣтъ, а въ эти годы, увы! красота исче-
заетъ! Я знаю, что она совѣтовала г-жѣ де-Бальменъ снова выдти
замужъ, говоря, что для женщины тяжело одиночество; ставила
себя въ примѣръ и повторяла, что дорого бы дала, чтобъ выдти
изъ положенія, въ которое сама себя поставила, и потому ей
жаловаться не на кого. Она такъ искренно, съ такою кротостію
вела рѣчь объ этомъ положеніи, что совершенно очаровала и
попа, и монаха, съ которыми бесѣдовала; а они, будучи со мно-
гими знакомы, всѣмъ ее расхваливаютъ, между прочимъ и Пуш-
кинымъ. Ловкая особа, эта княгиня: она кому захочетъ, тому и
повраится.

7-ю іюля.—Знаете ли вы, моя милая сударыня, что я дѣлхъ пять лѣтъ не получала отъ васъ такого длиннаго и любезнаго письма.

Вижу, что слѣдуетъ задѣть твое самолюбіе, тогда ты разговоришься. Изъ восьми страницъ твоего письма четыре наполнены оправданіями; ты увѣряешь, что тебя обвиняютъ несправедливо, что вовсе ты не балуешь сына. Какъ бы то ни было, а я надѣюсь, что неравенство въ обращеніи съ дѣтьми у тебя не такъ замѣтно, какъ у брата моего. Впрочемъ, теперь онъ становится нѣсколько справедливѣе: лаская Лизу, онъ считаетъ долгомъ приласкать и Аббата; ребенокъ, конечно, не понимаетъ, кому отдають предпочтеніе.

Я съ тобой согласна: очень жаль, когда въ семьѣ бываетъ нѣсколько дочерей непристроенныхъ; «черному» генералу слѣдовало жениться на одной изъ Шаховскихъ. Что касается до выгоды имѣть зятевъ въ случаѣ смерти главы семейства, скажу тебѣ, что отъ нихъ рѣдко бываетъ толкъ, обыкновенно они между собой не ладятъ. Во всемъ есть хорошая и дурная сторона. Жизнь безъ горя и заботъ—химера. Только въ юношескіе годы мечтають о полнѣйшемъ счастіи. Обрекая себя на одиночество, конечно, рискуешь подвергнуться горестямъ, свойственнымъ такому положенію. Но вѣдь и въ замужней жизни есть свои печали; только проживъ счастливо нѣсколько лѣтъ, можешь отвѣчать за будущее. Когда страстно любишь, не думаешь о томъ, что ждетъ тебя впереди; но когда смотришь на замужество хладнокровно, то ясно видишь, что бросаешься въ огонь и быть можетъ сгоришь, вѣдь многіе подверглись такой участи. Я твердо убѣждена, что нѣтъ полнаго счастья на землѣ, и не ищу его. Положенія бываютъ одно лучше, другое поуже—вотъ и все, не стоить объ этомъ и думать. Я встрѣчала людей, которыя, по видимому, блаженствовали, а между тѣмъ въ семейной жизни они страдали больше тѣхъ, которые имъ завидовали и въ свою очередь неправильно слыли баловнями судьбы. Въ жизни нашей бываютъ проблески счастья безграничнаго, но такое блаженство непродолжительно; тяжело бываетъ съ нимъ разставаться, а разлука неизбежна! Сколько горькихъ сожалѣній оставляють по себѣ эти минуты; надо быть безумцемъ, чтобъ о нихъ мечтать! У меня правило: ничего не жалѣть, брать вещи такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ; не пренебрегать тѣмъ, что легко дается, и не преслѣдовать того, что виднѣется въ туманной дали; иногда вмѣсто хорошаго поймаетъ такую дрянь! Не горевать о томъ, что имъ обыкновенно принимаемъ за горе, помнить, что все, какъ хоро-

шее, такъ и дурное быстро проходить и со всѣмъ слѣдуетъ мириться. Мы должны убѣдиться, что все, случающееся помимо нашей воли, ведетъ къ лучшему; намъ слѣдуетъ хорошенько проникнуться этой мыслию. Воображеніе—врагъ челоуѣка, оно совершенно губить способности, данныя ему для того, чтобы видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ.

Очень тебѣ благодарна за описаніе религиозныхъ обрядовъ, предшествовавшихъ бракосочетанію в. кн. Николая Павловича. Теперь буду ждать разсказа о великолѣпныхъ празднествахъ, которыя послѣдуютъ за бракосочетаніемъ. Нынѣшней зимой моя будетъ очередь сообщать тебѣ свѣдѣнія о Москвѣ. Я мучаюсь, потому что не вѣдаю, какой образъ жизни буду вести нынѣшней зимой. Воображаю, какъ бы я тревожилась, еслибъ пришлось мнѣ выходить замужъ, то-есть начинать новую жизнь и не вѣдать, что ожидаетъ меня въ будущемъ.

14-ю іюля. — Благодарю тебя за готовность исполнять мои порученія, милый другъ. Пока мнѣ не о чемъ просить тебя. Заботили меня сарафаны, я понятія не имѣю объ этихъ костюмахъ, но Пушкины научили меня какъ ихъ сдѣлать, я передала ихъ наставленія Мари Сумароковой; къ концу мѣсяца она мнѣ вышлетъ два сарафана. Изъ щегольства не бьюсь и не желаю, чтобъ туалетъ мой бросался въ глаза своимъ великолѣпіемъ, равно и безобразіемъ. Никогда не любила нарядовъ, мало въ нихъ знаю толку, потому слушаюсь совѣта добрыхъ людей. Мнѣ до смерти надоѣли эти приготовленія! Другихъ туалетныхъ принадлежностей не слѣшу покупать; навѣрное зимой купцы наши навезутъ всякихъ товаровъ, рассчитывая на большой спросъ. Хорошіе цвѣты всегда можно было достать въ Москвѣ. Впрочемъ, если найдешь букетъ изъ розъ да другой изъ амарантовъ, купи ихъ для меня; но я не могу дать дороже 25 р. за каждый букетъ. У Даманси я купила большой и прелестный букетъ изъ французскихъ цвѣтовъ за 25 р., и проносила его двѣ зимы.

Мишель поступилъ въ гражданскую службу, онъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ; но ему дозволено остаться въ Москвѣ еще на нѣкоторое время. Зимой ему минетъ 18 лѣтъ, тогда окончательно изберутъ ему карьеру.

Скоро пріѣдетъ Матвѣй Вильгорскій; ему очень хотѣлось провести недѣли двѣ въ своемъ любимомъ Высовомъ, но дѣла не позволяютъ ему выѣхать ранѣе половины августа. Только старшая племянница гр. Разумовской получила шифръ; графиня воспользуется этимъ случаемъ, чтобъ остаться въ Москвѣ, а потомъ

увѣрить мужа, что изъ благодарности за высочайшую милость необходимо дать праздникъ въ честь двора. Приемныя нужно будетъ меблировать, на это уйдетъ тысячь сто; графиня будетъ утверждать, что это все дѣлается изъ благодарности, изъ самаго благороднаго, самаго похвальнаго чувства. Кромѣ того, понадобится туалеты, да чего будутъ стоить праздники въ Москвѣ и въ Петровскомъ! Словомъ, въ концу зимы у гр. Льва прибавится тысячь четыреста долгу; не легко ему будетъ уплатить такую сумму. Вотъ что я предвижу; не мало удивить меня, если дѣла у нихъ пойдутъ иначе.

Очень рада, что дочь князя «съ глазами на выкатъ» получила шифръ. Это хотя на минуту развлечетъ ее и бѣдную мамъ. Въ 18 лѣтъ все такъ занимаетъ. Шифромъ она обязана Уварову; вотъ другъ, какихъ мало въ нашъ вѣкъ. Щербатовъ тоже могъ похвастаться своей дружбой. Эти люди истинно были дружины. Они готовы были оказать другъ другу всевозможныя услуги; каждый не прочь былъ всѣмъ пожертвовать для другого. Я убѣждена была, что Уваровъ станетъ всячески хлопотать о семьѣ Щербатова, и именно думала, что онъ навѣрно постарается доставить шифръ Софи, по случаю бракосочетанія великаго князя. Когда Щербатовой придется помѣщать сыновей, Уваровъ ей поможетъ.

Касательно г-на де-Полиньяка скажу тебѣ, что мнѣ пришлось услышать изъ вѣрнаго источника странныя вещи объ его женитбѣ. Счастіе мое, что избѣгла я участи быть его женой. Онъ отличается вѣтренностію, а это свойство далеко не привлекательно въ супругѣ. Какимъ показался онъ тебѣ, какъ мужъ и отецъ? Повѣрь, что я искренно желаю ему всякаго благополучія. При его легкомысліи и моемъ строгомъ взглядѣ на нѣкоторыя вещи мы не могли бы быть счастливы въ супружествѣ.

28-го июля.—Слышала я о несчастіи, случившемся съ прусскимъ принцемъ. Удивляюсь, какъ это въ вашей просвѣщенной столицѣ прибѣгаютъ къ операціи въ сомнительномъ случаѣ; и хотя и варвары, а безъ толку не мучимъ людей такъ жестоко, какъ вы тиранили бѣднаго потомка Фридриха Великаго! Двое изъ лакеевъ моей тетки, Пушкиной, постомъ укушены были дѣйствительно бѣшеной собакой, ихъ не изуѣчивали, а вылечили травой, которую отыскивали въ тульской губерніи; она растетъ вездѣ въ болотистыхъ мѣстахъ, и здѣсь попадаетъ. Въ Москвѣ продаютъ печатныя брошюрки, на оберткѣ нарисовано это растеніе; въ книжечкѣ говорится объ его цѣлебныхъ свойствахъ и сно-

собѣ употребленія. Оно уничтожаетъ ядъ, который остается послѣ укушенія бѣшеннымъ животнымъ. Вотъ видишь ли, какъ мы васъ опередили.

Праздниковъ, повидимому, было немного. Въ Петергофѣ вѣдь каждый годъ дается праздникъ, его нечего считать. Говорили, будто такъ великолѣпно отпразднуютъ бракосочетаніе великаго князя, какъ еще нивогда не праздновали на Руси. Мы веселимся по-своему въ здѣшной сторонѣ. Вчера провели весь день у Соймоновыхъ и полюбовались на иллюминацію и фейерверкъ, вечеръ былъ чудесный. Нынче ѣдемъ въ сосѣду, кн. Долгорукову, онъ празднуетъ свое рожденіе. Окончивъ письмо, займусь туалетомъ, чтобъ не ударить въ грязь лицомъ передъ здѣшними красавицами и красавцами; число ихъ значительно увеличилось въ нынѣшнемъ году. Всю эту недѣлю мы были въ обществѣ. Часто выдаемъ Соймоновыхъ. Ипполитъ провелъ здѣсь три дня. Давно установилась прекрасная погода, фруктовъ бездна. Вишень не знаемъ куда дѣвать. Онѣ величиною равняются маленькимъ яблочкамъ.

Не возьмешь ли ты отдать вышить мнѣ платье серебромъ, я пришлю тебѣ узоры. У вашихъ швей вѣрно много свободного времени, а наши положительно завалены работой.

31-го июля.—Совершенно случайно узнала, что въ Клину и въ Воскресенскѣ будутъ стоять войска, недавно вернувшіяся изъ Франціи. Это мнѣ вовсе не по вкусу. Судьба насъ разлучила съ Полиньякомъ, когда я желала, чтобы онъ находился по близости отъ насъ; а теперь, напротивъ, мнѣ хотѣлось бы жить отъ него за тридевять земель, а случай приведетъ его въ наши края. Мертваго, нашъ сосѣдъ по имѣнію, говорилъ намъ, что родственникъ его, Полтарацкій, командующій частію войскъ, о которыхъ идетъ рѣчь, пишетъ ему, что онъ съ своей бригадой расположится въ Клину, Воскресенскѣ и сосѣднихъ деревняхъ, и потому тотчасъ послѣ маневровъ пріѣдетъ къ нему въ Клинь. Мы отъ Воскресенска въ двадцати верстахъ, и наша деревня находится въ числѣ тѣхъ селеній, въ которыхъ галло-русскія войска должны расположиться на постой. Мы рано вернемся въ городъ; но вѣдь господа военные навѣрное часто будутъ навѣщать Москву, и мнѣ не избѣжать встрѣчи съ человѣкомъ, котораго я вовсе не желаю видѣть. Странная судьба, не правда ли? Быть можетъ, увидавъ его, я почувствую, что къ нему я также равнодушна, какъ и къ китайскому богдыхану. Однако, вспоминая о свиданіи съ г-жой Виллеро, я невольно страшусь встрѣчи съ Полиньякомъ.

Какую-то скорчу я гримасу? Если онъ не совсѣмъ безсовѣстный человекъ, то вѣрно не желаетъ со мной встрѣтиться.

Меня зовутъ въ гостиную. Прощай.

18-го августа.—На почтѣ ужасный безпорядокъ. Какъ вернусь въ Москву, сейчасъ же обращусь къ Булгакову и пожалуюсь на неаккуратность его чиновниковъ. Меня заставляютъ долго ждать твоихъ писемъ, потомъ разомъ приносятъ нѣсколько пакетовъ.

Нынче, вѣроятно, послѣдній разъ пишу изъ Высоваго. Сердце кровью обливается при этой мысли. Погода чудесная, деревня прелестна, и вдругъ—изволь ѣхать глотать московскую пыль.

Весь сентябрь буду возиться съ кущами, да съ рабочими народомъ. Въ октябрѣ увижусь съ нѣсколькими хорошими знакомыми, которые, ради пріѣзда двора, заглянуть въ Москву. Вышиваю серебромъ въ этотъ жаръ: могу сказать, что тружусь въ потъ лица. Мѣсяцъ не было дождя, гулять только и можно при лунномъ свѣтѣ. Мы просто погибаемъ отъ жару. Нѣсколько мельницъ остановились отъ недостатка воды. Вся зелень высохла, листья желтѣютъ, какъ осенью. Мы живемъ точно въ Калабриі или въ Сициліи. Шпанскихъ вишенъ пропасть, ихъ множество увезли за-границу; здѣсь мы ихъ ѣдимъ, варимъ, маринуемъ, и все-таки не знаемъ, куда ихъ подѣвать.

Письмо мое вышло пребезтолковое, сейчасъ его пробѣжала. Пеняй не на меня, а на тѣхъ господъ, которые у меня надъ ухомъ кричатъ и спорятъ о политикѣ. Надо дивиться, что Наполеонъ не очутился у меня посреди вишенъ. Я рано встаю, совсѣмъ было задремала. Прости, моя дорогая.

26-го августа.—Не хочу пропустить удобнаго случая и скажу тебѣ нѣсколько словъ. Если я, бѣгая по лавкамъ, не отыщу себѣ вышитаго платья, то попрошу тебя заказать мнѣ вышивку въ Петербургѣ. Тутолмина вышила себѣ великолѣпное платье изъ Парижа, оно ей стоитъ 150 руб.

Знаю, что половина вашихъ модницъ прикатитъ въ Москву, почему же такъ горюютъ тѣ, кто дома останется? вѣдь ѣдутъ-то въ Москву. Вотъ оно что, государю извѣстенъ секретъ, какъ заставить людей тосковать о глупой и несносной Москвѣ.

Апшеронскій полкъ навѣрное будетъ стоять въ Клину. Вѣроятно, воюандира этого противнаго полка мнѣ придется встрѣтить въ Москвѣ. Это меня сердить.

Передай пожалуйста письмо Мишелю Вильгорскому. Тебя обнимаю, а мужа привѣтствую. Завтра буду въ Москвѣ.

Москва, 30-го августа.—Спасибо, что успокоила меня насчетъ неприятной встрѣчи. Значить, эту зиму ея нечего бояться. Жаль, что г-жа Виллеро не нашла переменъ къ лучшему въ характерѣ Полиньяка. Для жены его это не утѣшительно.

Вотъ слухъ достовѣрный: рассказываютъ, что ваши богачи, генераль-адъютанты Шереметевъ, Потоцкій и другіе, просили у государя даровыхъ квартиръ. Государь велѣлъ помѣстить ихъ около Кремля. Вотъ и накинудись на лучшіе дома вблизи дворца, и отбиваютъ ихъ у домовладѣльцевъ, на правахъ постоя,—отъ котораго они освобождены сто лѣтъ тому назадъ. Хозяева не смѣютъ унести изъ дома ни одного стула, пустые дома они обязаны меблировать на свой счетъ. Вспомни, что все это творится въ городѣ, который сожженъ былъ для общаго блага, здѣсь всякій употребилъ послѣднія деньги, чтобы отстроить развалины. Хорошо отличается вашъ beau monde. Щербатовъ на собственные деньги нанялъ домъ у брата своего, Николая, да Трубецкой условился съ своимъ давнишнимъ пріятелемъ Мальцовымъ, и будетъ занимать 3-й этажъ у него въ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. Эти господа не изъ богатыхъ, а самыя-то богачи просятъ даровыхъ помѣщеній. Не могу тебѣ передать, до чего всѣхъ возмущила подобная несправедливость. Чтобы заставить людей умолять, рѣшено наложить на всѣ дома въ городѣ по 100 и по 200 р., и такимъ образомъ собрать сумму, которая пойдетъ на наемъ квартиръ для вашихъ господъ. Такимъ образомъ, убытокъ будетъ равенъ для всѣхъ. Я увѣрена, что государю неизвѣстны всѣ подробности, навѣрное эти господа замаскировали свою скарденность. Недѣли черезъ двѣ явится гвардія. Къ концу сентября городъ будетъ полнѣхонекъ.

6-го сентября.—Не знаю, какъ мнѣ и благодарить тебя за быстрое и аккуратное исполненіе моихъ порученій. Наконецъ-то дождались мы утѣшительныхъ извѣстій отъ нашихъ. Въ воскресенье, навѣрное, будетъ письмо отъ Катеньки; она дастъ намъ важныя свѣдѣнія о нашихъ больныхъ.

Какая прекрасная мысль пришла г. де-Полиньяку, радуюсь его возвращенію во Францію. Надѣюсь, что въ этой странѣ его ожидаютъ всевозможныя благополучія; вѣдь это его родина. Скажи пожалуйста, кто такая его дражайшая половина? Я слышала, что онъ женатъ, но не могла узнать, на комъ. Мадемуазель Рах-

мановой изъ Парижа писали, что Полиньякъ женился и через недѣлю раскаявался, что сдѣлалъ подобную глупость; кто его жена—не говорить. Рассказывали, что семьѣ своей онъ ее рекомендовалъ, какъ особу хорошенькую—вотъ и все, имени ея не называлъ. Хорошее или плохое, да вѣдь есть же у нея имя! Теперь, зная, что мнѣ не угрожаетъ встрѣча съ г. де-Полиньякомъ, я позволяю себѣ о немъ разспрашивать.

10-го сентября.—Пріѣхавъ въ Москву, я тотчасъ увидалъ, что не стоить заказывать вышивку въ Петербургѣ. Здѣсь во всѣхъ магазинахъ, даже въ самыхъ маленькихъ, множество вышитыхъ платьевъ, одно другого красивѣе. Самое великолѣпное стоить 350 руб. Какъ видишь, здѣсь онѣ дешевле, чѣмъ у васъ. Одинъ изъ лакеевъ гр. Кутайсовой навезъ изъ Парижа вышитыхъ платьевъ на 18 тысячъ руб. и распродалъ ихъ въ магазинъ, потому что въ срединѣ лѣта въ городѣ никого не было. Цвѣты я тоже достала, большой букетъ за 20, а маленькій за 10 руб. Мы платимъ наличными деньгами, не такъ какъ ваши щеголихи, потому и купцы лишняго не берутъ. Пока мнѣ нѣтъ причины тебя безпокоить, за то я буду утруждать твоего мужа. Намъ нужны кенветы для новаго дома; не имѣя никого близкихъ въ Петербургѣ, я рѣшилась обратиться съ порученіемъ къ твоему мужу, вѣрно онъ не откажется его исполнить.

Нѣтъ сомнѣнія, что Вяземскій могъ занять постъ гораздо важнѣе, но такъ какъ онъ еще нигдѣ не служилъ, нельзя же прямо попасть на важное мѣсто. Г-жа Новосильцева, бывшая другомъ его отца, обѣщалась хлопотать объ его повышеніи, а пока онъ рѣшился занять незначительное мѣсто. Я еще не видала ни его, ни жены. Они нынѣшнюю зиму проведутъ въ деревнѣ, куда будутъ пріѣзжать изрѣдка. Боюсь, чтобы въ Варшавѣ польки не вскружили голову кн. Петру. Прощай.

17-го сентября.—Ты самая аккуратная исполнительница порученій, милый другъ, а у меня развито чувство благодарности. Ты мнѣ вполне угодила.

Знаю, что особы, не состоящія при дворѣ, могутъ обойтись и безъ сарафана. Еслибы я не имѣла шифра, повѣрь, ни за какія блага въ мірѣ не надѣла бы я столь неудобнаго наряда. Мамѣ и многія другія дамы заказали себѣ обыкновенныя платья съ треномъ. Есть особы, напр., Разумовская, которыя ищутъ случая разрядиться въ пухъ. Она мнѣ прошлый разъ показывала простенькіе сарафаны племянницъ и свой роскошный костюмъ.

Что за бархатъ прелестный, я такого и не видывала. Спрашивается, гдѣ она покажется съ богатой золотой вышивкой?

На-дняхъ я осматривала дворецъ; особенной роскоши тамъ не нашла. Покои в. вн. Николая Павловича даже не красиво убраны. У императрицъ великолѣпныя залы, въ особенности у императрицы Елизаветы; но покои новобрачныхъ худо меблированы. Я думаю, Юсупову за это достанется.

27-го сентября.— Не знаю, успѣю ли я написать тебѣ въ понедѣльникъ, 1-го октября. Объявили, что ихъ высочества въ этотъ день будутъ у обѣдни въ соборѣ, всѣмъ велѣно явиться туда въ 11 часовъ.

Божь я ѣхать въ этотъ большой соборъ: я тамъ недавно была тепло одѣтая, и то продрогла. Каково намъ будетъ въ нарядѣ съ короткими рукавами и въ атласныхъ башмачкахъ! Я приму всевозможныя предосторожности, но врядъ ли удастся мнѣ избѣгнуть простуды; въ соборѣ и лѣтомъ сыро.

Нынче матушка везетъ меня къ гр. Прозоровской, которая очень была дружна съ покойнымъ отцомъ. Она и съ мамѣ дружна, хотя въ лѣтахъ ихъ большая разница. Матушка уже видѣлась съ княгиней, которая три дня какъ пріѣхала и просила мнѣ передать, чтобы я только съ ней ѣздила ко двору. Счастіе, что я нашла такую спутницу. Я едва помню княгиню. Когда она покинула Москву, я была почти ребенкомъ; но она, представь, помнить, какія дарила мнѣ игрушки.

Пришли мнѣ, пожалуйста, три бѣлые пера съ разноцвѣтными кончиками—для шляпы. Здѣсь перья марабу стоѣтъ ужасно дорого. Хотя городъ очень населенъ въ настоящее время, но я почти ни съ кѣмъ не видаюсь. Наше общество составляютъ Рихтеръ, акушерка, Ипполитъ и Матвѣй Вильгорскій; впрочемъ, Матвѣй вчера уѣхалъ на маневры съ своимъ княземъ. Невѣстка не велѣла пускать въ ея комнату Рихтера, а братъ непременно велѣлъ за нимъ послать; мнѣ и пришлось занимать его три часа. Мы толковали о политикѣ, магнитизмѣ, гальванизмѣ, медицинѣ, словомъ, я поддерживала разговоръ, который можетъ интересовать доктора.

1-го октября.— Звонятъ во всѣ колокола. Я не ѣздила въ соборъ, у мамѣ глаза заболѣли, я и рада была придраться къ этому случаю, тѣмъ болѣе, что многія изъ моихъ товаровъ остались дома. Кавалеры наши всѣ туда отправились. Вся царская фамилія здѣсь, со вчерашняго дня; ихъ величества и ихъ вы-

сочества изволили прибыть въ 8 ч. вечера. Они тихо проѣхали во дворецъ, народу запрещено было ихъ встрѣчать. Слѣдовательно, надо считать ихъ пребываніе въ Москвѣ съ сегодняшняго утра. Разсказъ о постоѣ у васъ преувеличили. Гр. Моревъ еще не прїѣзжалъ. Христинъ, его управитель или бібліотечарь (назови какъ хочешь), послѣ уборки всего дома, точно, имѣлъ столкновение съ полиціей, которая требовала, чтобы онъ уступилъ девять лучшихъ комнатъ въ бель-этажѣ, выходящихъ окнами на улицу. Это случилось въ августѣ мѣсяцѣ, когда мы вернулись въ городъ; дѣло было улажено. Христинъ уступилъ свое собственное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ, состоящее изъ 6 комнатъ; ихъ, кажется, готовятъ Киселеву, а Левашова помѣстили у богатаго оптоваго торговца Кирьякова. Первое, что бросилось въ глаза вашему щеголю генералу при входѣ въ гостиную, это былъ листъ бумаги, привѣщенный къ стѣнѣ, съ надписью крупными буквами: *свободенъ отъ постоа*. Во всемъ виноватъ Волеонскій: ему поручили написать Тормазову насчетъ найма квартиры, а онъ все поминалъ о постоѣ. Государь очень недоволенъ этой ошибкой и явно выразилъ свое неудовольствіе. Къ сожалѣнію, теперь трудно поправить вредъ, который исторія эта наделала нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. У одной моей знакомой, г-жи Устиновой, есть прекрасный домъ; весною Милорадовичъ писалъ ей и спрашивалъ, не согласится ли она отдать ему въ насѣ бель-этажъ за тридцать тысячъ. Она отказала, потому что у ея свекора 500 тысячъ годового дохода. Теперь у нея помѣстили этого же самаго Милорадовича на постои—то-есть даромъ. Она отдала ему комнаты, которыя ей вздумалось, этимъ и должна утѣшиться. Ее и ста тысячами не вознаградишь за причиненное ей безпокойство. И Мореву, конечно, даромъ не надо было Киселева. Вяземскій не въ духѣ, ему не хочется выѣзжать въ деревни, они здѣсь на время, и Вѣра покупаетъ наряды и, кажется, хочетъ участвовать на всѣхъ праздникахъ. Избави меня Богъ отъ соперничества въ щегольствѣ съ жн. Голицыными, онѣ тратятъ по 15 тысячъ руб. на туалетъ, а я и 15 коп. даромъ не брошу. Сюда явились нѣкоторые изъ вашихъ портнихъ, гр. Разумовская все съ ними возится. Оболенскій только-что вернулся изъ собора; говорить, что дамъ было очень мало; объявлено было, что входитъ дозволяется лицамъ, принадлежащимъ въ пяти первымъ классамъ; вообще, въ церкви было пусто.

8-го октября.—Трудно разсказать все, что случилось со мной въ теченіи недѣли. Въ происшествіяхъ много разнообразія. Во-

первыхъ, я чуть не умерла, а во-вторыхъ, меня представили императрицамъ и вел. княгинѣ. Всѣ эти представленія мнѣ кажутся сномъ. Въ понедѣльникъ мы въ соборѣ не были, во вторникъ я заболѣла, у меня сдѣлались спазмы. Это знакомый мнѣ недугъ, я принуждена была сидѣть дома. Въ четвергъ мы только-что встали изъ-за стола, вдругъ намъ докладываютъ, что пріѣхала кн. Прозоровская и желаетъ переговорить съ матушкой. Всѣ засуетились. Ниеолинъка, Матьё и Ипполитъ усѣлись-было съ трубками, готовясь приняться за кофе. Сейчасъ же трубки убрали, не знали что дѣлать съ дымомъ,—вдругъ входитъ княгиня, вся въ брильянтахъ и жемчугахъ, посреди ихъ красуются два чудесныхъ пера. Туалетъ соответствовалъ головному убору, видно было, что она явилась съ придворнаго обѣда. Ея великолѣпный нарядъ составлялъ полнѣйшій контрастъ съ моей стриженной головой, съ поношеннымъ капотомъ матушки и съ довольно-небрежнымъ туалетомъ нашихъ кавалеровъ. Княгиня объявила намъ, что императрицы, узнавъ, что въ Москвѣ есть фрейлины, которыхъ онѣ еще не видали, приказываютъ имъ явиться ко двору, съ ихъ родителями. Завтра, въ 6 ч., должны онѣ представиться императрицѣ Елизаветѣ, а въ 7 ч. вдовствующей императрицѣ. Оказалось, что не всѣ фрейлины съѣхались въ городъ и представляться приходится мамѣ и мнѣ, да гр. Разумовской съ племянницей.

Въ пятницу утромъ я занялась туалетомъ, къ обѣду у меня начались спазмы. Дома остаться невозможно, предупреждать поздно. Утромъ кн. Прозоровская сообщила намъ, что императрица Елизавета нездорова и не можетъ насъ принять ранѣе воскресенья (послѣ обѣдни); мы отвѣчали, что будемъ готовы въ часу, назначенному для представленія вдовствующей императрицѣ.

Я одѣлась съ грѣхомъ пополамъ, мы отправились во дворецъ; сперва зашли къ г-жѣ Ливенъ, которой гостиная рядомъ съ кабинетомъ императрицы Маріи Федоровны, потомъ насъ провели въ кабинетъ ея величества. Вдовствующая императрица приняла насъ очень благосклонно, лестно отзывалась о Москвѣ. Я страдала нестерпимо, не знаю, что я отвѣчала ея величеству. Полчаса аудіенціи показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ; когда я вернулась домой, отъ сильной боли у меня сдѣлался нервный припадокъ, послали за Скюдери. Въ субботу я пролежала весь день. Вчера, благодаря лекарствамъ, я встала и одѣлась. Въ 12 ч. насъ представили императрицѣ Елизаветѣ. По-моему, она—ангелъ во плоти. Никогда и никто не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ ея величество. Что за обращеніе, какой го-

лось, грація, какъ она привлекательна! Государыня рождена быть царицей міра! Отъ ея величества мы прошли къ великой княгинѣ. Ея высочество такая блѣдная, худая. Говорятъ, она страдаетъ вслѣдствіе беременности. Послѣ обѣда мы навѣстили штатсъ-дамъ. Къ вечеру я совсѣмъ расклеилась.

Нынѣ чувствую себя недурно и спѣшу отдать тебѣ отчетъ въ своихъ подвигахъ, въ доказательство, что, несмотря на свѣскія обязанности, тебѣ я всегда пишу аккуратно.

Теперь мнѣ остается увидать государя и вел. князя. Его величество навѣрное будетъ на праздникѣ въ собраніи. Двернство дастъ праздникъ въ честь высочайшихъ гостей. Отправлюсь завтра въ собраніе, если меня не назначать дежурной на время представленія, котораго конца не дождешься, потому что множество особъ будутъ представляться. Въ четвергъ представлялись наши штатскіе кавалеры, а военные ранѣ ихъ удостоились чести быть представленными. Они во вторникъ были на парадѣ, гдѣ присутствовала вся царская фамилія, а въ среду ихъ представили. Каждое утро были представленія, мужчинъ представляли по порядку; смотря по чинамъ. Въ четвергъ было принято московское дворянство. Теперь очередь дамъ. У насъ еще не было ни одного праздника.

Третьяго дня купцы давали обѣдъ гвардіи. Государь пожелалъ взглянуть на эту трапезу; триста человѣкъ сидѣли за однимъ столомъ въ залѣ собранія. На нынѣшней недѣлѣ будетъ праздникъ въ собраніи. 12-го числа готовится большая процессія, будетъ происходить закладка храма, воздвигаемаго въ память освобожденія Москвы.

Неизвѣстно, что будетъ 14-го числа. Говорятъ, что навѣрное придется отправиться въ соборъ къ обѣднѣ въ сарафанахъ. Счастье будетъ, если никто не схватитъ смертельной простуды, погода отвратительная, снѣгъ идетъ.

Тебѣ хочется знать, каково о насъ мнѣнія? Неизвѣстно, что думаютъ, но, повидимому, отъ Москвы въ восторгѣ. Всѣ члены императорской фамиліи весело смотрятъ. Что касается до куртизановъ, они меня просто потѣшаютъ. Прежде они насъ возрили безъ пощады, а теперь хвалятъ напропалую все, что прежде находили никуда негоднымъ. Толкуютъ о томъ, что людямъ благомыслящимъ Москва должна казаться весьма интереснымъ городомъ; одни говорятъ, что зимой она представляетъ болѣе интереса, а другіе утверждаютъ, что лѣтомъ. Словомъ, Москва стала самымъ любопытнымъ мѣстечкомъ земного шара.

Иногда я едва удерживаюсь от смѣха, а иногда готова плюнуть въ лицо этимъ господамъ.

Теперь дворецъ мнѣ кажется болѣе наряднымъ. Въ особен-ности хороши покои императрицы Елизаветы; но апартаменты его высочества все-таки мнѣ не нравятся. У вдовствующей императрицы великолѣпно убрано. До пріѣзда двора, ваши петербургскіе господа осматривали дворецъ и остались имъ вполне довольны. Это показываетъ, что мы судимъ иначе: по нашему, все недостаточно роскошно для царской фамиліи.

Жду Мари Сумарокову. Кн. Федоръ собирается каждую недѣлю давать балы, когда пріѣдетъ его жена. Гр. Разумовская тоже поговариваетъ о праздникахъ, которыя намѣревается устроить, чтобъ повеселить племянницъ. Вотъ сумасшедшая! Она на седьмомъ небѣ отъ того, что два раза побывала во внутреннихъ покояхъ императрицъ. Бѣгаетъ, всѣхъ обнимаетъ, разоряется на туалетъ, и воображаетъ, что она самая знатная особа, — всѣмъ надоѣла. Княгиня Прозоровская даже жаловалась матушкѣ, не знаетъ, какъ отъ нея избавиться. Племянница графини лицомъ не дурна, но, кажется, не отличается умомъ. Боюсь, чтобъ эти бѣдныя молоденькія дѣвушки, нивогда ничего не видавшія, не сблизись съ толку, какъ ихъ тетушка. Гр. Льву не очень-то нравится вся эта суета, однако графиня все дѣлаетъ по-своему. Радуюсь, что мы съ ней не близкія знакомыя, она бы меня вывела изъ всякаго терпѣнія.

Теперь твоя очередь рассказывать мнѣ, что у васъ дѣлается. Многіе, я полагаю, не знаютъ куда дѣваться, совсѣмъ головы повѣсили съ той поры, какъ исчезъ дворъ, котораго присутствіе ихъ оживляло. Соллогубъ прилетитъ сюда въ ноябрѣ, а еще имѣлъ неосторожность сказать, что надѣется никогда не заглядывать въ Москву. Однако, прости, я слишкомъ разболталась, но вспомнила, что скромной москвичкѣ нельзя посылать цѣлыхъ тетрадей на берега Невы, и вотъ перо падаетъ у меня изъ рукъ.

18-го октября.— Досадно, что не пришлось написать тебѣ въ понедѣльникъ. Въ воскресенье я страшно устала, а племянница моя, какъ нарочно, до 3 часовъ утра не дала мнѣ заснуть. На другой день пришлось возиться съ гостями, Мари Сумарокова у меня обѣдала и просидѣла до 8 ч. Нынче всѣмъ, кто пріѣдетъ, велѣла сказать, что у меня болитъ голова. Теперь побесѣдуемъ. Прошлую недѣлю я отдыхала. Въ пятницу заложенъ былъ новый храмъ; когда увижу крышу его, тогда только повѣрю, что онъ выстроится. Церемонія, говорить, была великолѣпная. Воробьевы

Горы сами по себѣ такъ хороши, а въ этомъ случаѣ видъ ихъ былъ еще прелестнѣе. Лица, наименѣе способныя восторгаться, вернулись оттуда въ восхищеніи. Жалѣю, что я тамъ не была. Я страхъ какъ люблю религіозныя процессіи. Съ моей стороны было очень разумно посидѣть дома. Пришлось бы три часа пробыть на воздухѣ въ сырую, холодную погоду. Въ субботу всѣ здѣшнія дамы представлялись императрицѣ въ присутствіи его величества, потомъ ихъ высочествамъ вел. княгинѣ съ супругомъ ея. Церемонія продолжалась съ 11 ч. до 3. Въ воскресенье были въ Успенскомъ соборѣ, совсѣмъ оконченѣли; вернувшись, я бредила какъ въ жару, меня ко сну клонило, не помню, какъ меня причесывали на балъ. Въ половинѣ 7-го мы отправились въ Грановитую палату. Всѣ были разряжены, брилліанты такъ и сверкали, ни одного смѣшного туалета я не видала. Насъ всѣхъ было человекъ пятьсотъ, такъ что въ залѣ было не тѣсно и не просторно. Ты знаешь, что такое парадный балъ при дворѣ: приходится стоять или мѣрно выступать въ полонезѣ. Продолжается балъ часа два, домой вернуться въ изнеможеніи. Такъ было и въ этотъ разъ; надо отдать справедливость вечеру, онъ отличался великолѣпіемъ. Холодъ и усталость утромъ да жаръ и утомленіе вечеромъ совсѣмъ меня дованали. Государь танцовалъ со всѣми, и я въ свою очередь прошлась въ полонезѣ съ его величествомъ. На балѣ императрица Елизавета снова очаровала меня; я и не воображала, чтобъ государыня могла быть до такой степени добра, привѣтлива, и это еще не все: въ ней есть нѣчто задушевное. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, въ томъ числѣ и я. Еслибъ не долго пришлось писать, я бы передала тебѣ слово въ слово все, что сказала мнѣ ея величество.

Ваши щеголихи едва не лопнуть отъ злости. Съ нами ласковы, намъ говорятъ, что довольны своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, хотятъ остаться здѣсь и ждать, когда ея высочество разрѣшится отъ бремени, слѣдовательно, въ Петербургъ вернуться въ іюнѣ. Ваши барыни, чтобъ отомстить намъ, выдумываютъ про насъ сплетни до того глупыя и пошлыя, что и сердиться-то не стоить.

22-го октября.—Теперь можемъ мы сказать, милый другъ, что на нашей улицѣ праздникъ. Я имѣла счастье видѣть ихъ величества, но, говоря вообще, мой образъ жизни нисколько не измѣнился. Живу я среди прежняго общества, да и знакомые мои, я полагаю, выдають тѣхъ, съ кѣмъ и прежде встрѣчались. Словомъ, вы ощущаете пустоту вслѣдствіе отъѣзда двора, а намъ отъ него ни холодно, ни жарко.

Вчера въ первый разъ собрались гости у вдовствующей императрицы. Я была дежурной и вдоволь наглядѣлась на всевозможныя ленты: были голубыя, красныя, ранжевыя и бѣлыя, кто съ портретомъ, кто съ шифромъ, на всѣхъ разные мундиры. Ветеръ удался, незамѣтно было стѣсненія; я много смѣялась надъ гримасами, которыя строятъ Альбедиллю.

Вернувшись рано домой, я застала гостей у матушки; ея вечера имѣютъ свою прелесть, ея ощущаешь даже по возвращеніи изъ дворца.

По случаю придворнаго траура увеселенія прекратились, но не на долго; въ среду мы будемъ плясать у кн. Федора.

Что касается до представленія ко двору, всѣмъ разрѣшено было являться, даже чиновникамъ 14-го класса; позволеніемъ мало кто воспользовался. Вообще, съ жителями Москвы обходятся ласково, благосклонно, за что мы искренно благодарны. Вел. княгиня въ восторгѣ отъ Москвы. Пршлый разъ ея высочество проучила свою штатсъ-даму Волконскую, теперь ваши щеголихи прикусятъ язычки. Когда ея высочеству представлялись частнымъ образомъ нѣкоторыя дамы, она изволила сказать, что ея весьма интересуеть все окружающее, что нельзя не чувствовать благодарности къ Москвѣ, когда подумаешь, что она спасла всю Европу. Ея высочество восхищалась Кремлемъ, его древними зданіями—памятниками стольныхъ событій и т. д. Кн. Волконская позволила себѣ замѣтить, что ея высочество измѣняетъ Петербургу. «Сударыня,—возразила вел. княгиня,—здѣсь я чувствую себя въ Россіи. Кажется, всякій русскій долженъ больше всего любить Москву. Никто не можетъ упрекать меня за то, что я ее предпочитаю всѣмъ другимъ городамъ».

Вчера я сама слышала, какъ вел. князь отвѣтилъ m-lle Кочетовой, что по всей вѣроятности слухъ о намѣреніи двора остаться здѣсь—окажется справедливымъ. Вотъ каковы наши отношенія къ Августѣйшей семьѣ; надѣмся, что они не измѣнятся до самаго отъѣзда высочайшихъ гостей.

Вотъ тебѣ маленькій отрывокъ изъ скандалѣзной хроники: Кн. З. В. компрометтировала себя, потомъ уѣхала въ Одессу съ синьоромъ Барбери; всѣ, даже самъ государь, совѣтовали ей остаться. Признаюсь, хорошихъ барынь присылаете вы къ намъ. Нѣкая г-жа Д., имѣющая врослаго сына, ведетъ себя черезъ-чуръ легкомысленно, вовсе не по лѣтамъ.

Забыла сказать тебѣ, что на официальномъ представленіи не Шульгинъ, а кн. Федоръ Голицынъ былъ главнымъ церемоній-мейстеромъ, онъ называлъ дамъ тещѣ своей. Должность свою

исполнилъ аккуратно, по порядку перечислилъ множество дамъ. Теперь въ воскресенье будутъ представляться. Вчера представились 25 дамъ, всѣ здѣшнія, одна только прѣзжая.

5-ю ноября.—Опять нѣтъ писемъ. Слышала, что ты хвораешь, но утѣшаю себя мыслию, что не вслѣдствіе твоей болѣзни, а просто по неаккуратности почты не получаю отъ тебя писемъ. Швейцаръ въ почтамтѣ вѣчно пьянъ, письма въ беспорядкѣ. Булгаковъ прекрасный и добрѣйшій человѣкъ, но слишкомъ слабъ съ подчиненными. Будетъ толковать про почту, поговоримъ лучше о свадьбахъ. Вчера ихъ было двѣ: Бибилова вышла за Панкратьева, а Л. Гагарина вышла за Полуехтова. Первая свадьба отличалась торжественностію; государь былъ посаженнымъ отцомъ, вѣнчались у Спаса за золотой рѣшеткой; церковь эта придворная, въ ней происходили бракосочетанія царей и царицъ, но простыхъ смертныхъ вѣнчали здѣсь въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ построена церковь. Государь исполнилъ всѣ обязанности посаженнаго отца; не дождавшись конца вѣнчанія, его величество поѣхалъ въ домъ Бибиловыхъ и встрѣтилъ молодыхъ на лѣстницѣ. Ужинать изволилъ посреди многочисленной семьи Бибиловыхъ. Г. Панкратьевъ человѣкъ вполне достойный, отецъ его въ теченіи 22-хъ лѣтъ былъ губернаторомъ въ разныхъ губерніяхъ и умеръ не оставивъ ни гроша, такъ что не на-что было его похоронить. Понятно, почему Государь такъ благосклоненъ въ сыну его: мало кто можетъ похвастаться тавой бѣдностію. Впрочемъ, теперь онъ уже не бѣденъ, онъ получилъ въ аренду имѣніе, приносящее 12-ть тысячъ дохода, а г-жа Бибилова съ своей стороны будетъ выдавать дочери по 12 т. въ годъ.

Въ четвергъ дворянство дастъ балъ въ собраніи въ честь императорской фамиліи. Народу соберется пропасть; государь и государыня, узнавъ, что здѣсь есть много особъ преклонныхъ лѣтъ и болѣзненныхъ, которымъ хочется увидать царскую фамилію, но онѣ не имѣютъ на то возможности—велѣли передать имъ, чтобъ онѣ, если достанетъ у нихъ силъ, велѣли бы себя перевезти или перенести въ одну изъ залъ собранія, гдѣ ихъ величества приказали поставить самые удобные диваны. Во главѣ стариковъ явится г. Левашевъ, ему 104 года, онъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе, служилъ въ теченіи десяти царствованій и сохранилъ до сихъ поръ живость ума. Говорятъ, очень интересно послушать его рассказы. Будь я государь, меня бы всего болѣе интересовала комната, гдѣ помѣстятся старики; а не разъ посѣщу эту залу въ продолженіи вечера.

Когда дамы представляются ея величеству, государь тутъ присутствуетъ. Говорять, это тоже нѣчто необыкновенное, только разъ въ воскресенье его не было.

Москва, 14-го января, 1818 г.—Давно не болтала съ тобой, милый другъ. Только-что оправилась послѣ мучительной болѣзни. При малѣйшей простудѣ у меня начинаются сильныя спазмы, такъ что я принуждена бываю лежать неподвижно по нѣскольку дней. На прошлой недѣлѣ кн. Федоръ Голицынъ давалъ балъ въ честь двора, и совсѣмъ-было насъ заморозилъ; простудившись на этомъ вечерѣ, я расхворалась. Нынче встала съ постели. Въ теченіи десяти дней много давалось праздниковъ, а мнѣ только и пришлось быть у Апраксиной да на противномъ балѣ у Голицына. Не удалось побывать у гр. Орловой (объ ея праздникѣ до сихъ поръ толкуютъ). Вчера не была на роскошномъ балѣ во дворцѣ. Нынче въ ночь его величество изволилъ уѣхать; праздниковъ не будетъ, пока не вернется государь; значить, недѣли черезъ двѣ снова начнутся увеселенія.

Тебѣ, конечно, извѣстно, сколько у насъ появилось новыхъ фрейлинъ съ 12-го декабря. Мы положительно тѣснимся въ маленькой придворной церкви, а кавалерамъ приходится стоять въ корридорѣ. Почти что у каждой дѣвицы, извѣстной въ обществѣ, есть шифръ; тѣ, у кого его не имѣется, по всей вѣроятности, получаютъ его, когда вел. княгиня разрѣшится отъ бремени. Всѣ блага міра сего такъ и сыплются на возлюбленную нашу кн. Голицыну, жену кн. Якова. Сынъ ея женится на миллионерѣ, дочь при дворѣ, а къ ней очень благосклонны, потому она въ прекрасномъ расположеніи духа; ни съ кѣмъ не обходится небрежно, всѣхъ дарить улыбкой, не завидуетъ чужому благополучію, словомъ, она до того счастлива, что даже другимъ позволяетъ наслаждаться кое-какими удачами.

Я еще не встрѣчала г-жи Кологривовой съ тѣхъ поръ, какъ ея дочка сдѣлалась моею товаркой. Говорять, что она на седьмомъ небѣ и, вѣроятно, потратитъ нѣсколько лишнихъ тысячъ на праздникъ, который готовить въ возвращенію государя. Дочь ея, Четвертинская, имѣетъ большой успѣхъ, она прелестна. У нея такія благородныя, изящныя манеры, она такъ красива, нисколько не жеманится, я люблю на нее смотрѣть, когда къ ней подходитъ кто-нибудь изъ царской фамиліи. Вяземская тоже нравится. У насъ появилась одна молоденькая особа, которая начинаетъ пользоваться успѣхомъ въ обществѣ: это нѣкто кн. Урусова, премиленькая дѣвушка. Мать ея, рожденная Татищева, сестра на-

шего посланника въ Испаніи, женщина весьма почтенная, а дочь ея, 16-лѣтняя дѣвочка, очень миленькая и танцуетъ хорошо. Вотъ тебѣ извѣстіе другого рода: Самаринъ сватается за м-ше Нелединскую; она колеблется, а отецъ ея дастъ отвѣтъ по возвращеніи въ Москву. Вчера была свадьба гр. Зубовой и гр. Завадовской.

27-го января. — Сейчасъ получила твое письмо, и спѣшу нынче же отвѣтить тебѣ. Мнѣ принесли объявленіе: завтра надо ѣхать въ обѣднѣ и потомъ, во время обѣда, быть во дворцѣ. Я буду дежурной у императрицы Елизаветы; слѣдовательно, домою вернусь въ 6 ч. вечера. Два раза я отказывалась отъ дежурства, по причинѣ болѣзни, а теперь необходимо ѣхать, хотя я и не совсѣмъ поправилась. Двѣ недѣли тебѣ не писала, все хвораю; мнѣ кажется, что день-отъ-дня здоровье мое слабѣетъ. На прошлой недѣлѣ два дня сряду у меня была сильнѣйшая головная боль, а теперь чувствую ужасную слабость. Страшно похудѣла; это меня не огорчаетъ, но плохо то, что я вовсе не сплю и ничего не ѣмъ; вѣдь это хорошій способъ попасть на тотъ свѣтъ? Меня лечатъ, однако аппетитъ не является, я живу почти-что однимъ воздухомъ.

Вчера принесли мнѣ посылку отъ г-жи Соловой. Братъ и я благодаримъ супруга твоего за вѣнеты.

Очень вѣрю, что приѣздъ его величества васъ оживилъ. Недѣли двѣ подышите свободно, а тамъ опять шесть мѣсяцевъ придется томиться отъ скуки, не говоря о будущей зимѣ. Ждетъ его величество дня черезъ два-три. Г-жа Кологривова не жалѣетъ денегъ на приготовленія къ празднику, который намѣревается дать по возвращеніи государя. Говорятъ, она выстроила огромную и прелестную залу. Счастье принять у себя ихъ величества будетъ ей стоить тысячъ пятьдесятъ. Весь домъ заново отдѣланъ, чудо какъ хорошъ. Другихъ развлеченій не предвидится влѣкъ до поста. Радуюсь приближенію поста, теперь такое множество баловъ, они мнѣ надоѣли. Хочется отдохнуть.

Въ прошлое воскресенье сестру представляли ея величеству, вдовствующей императрицѣ, которая настоятельно этого требовала и говорила объ этомъ матушкѣ. Катенька такъ боялась представленія во дворѣ, что отъ страха едва не захворала. Чтобъ придать ей храбрости, мамѣ пришлось всюду ей сопутствовать и ждать ее въ прихожихъ. Теперь всѣ церемоніи кончились.

Городскія новости все тѣ же: люди пляшутъ, вертятся и убѣряютъ, что имъ весело. Послѣ завтра ѣду къ Разумовскимъ на вечеръ. Графиня таин-поставила на своемъ. Вотъ удивительная

особа: ей все удается, что ни задумаетъ. Всю зиму гр. Левъ твердилъ, что увидетъ въ Петербургъ, если появится оркестръ въ его домъ. Графиня добилаcь позволенія устроить танцы запросто по средамъ, а теперь всѣмъ рассказываетъ, что это лишь проба и что 20-го числа она дастъ большой праздникъ по случаю мужнинныхъ именинъ; навѣрное она пригласитъ дворъ.

Государь ѣдетъ 26-го числа и беретъ съ собою вн. Трубецкого, значить у насъ отнимутъ Матьё. Это будетъ не малая потеря для нашего кружка.

Недавно была у Шаховскихъ. Полина чувствуетъ себя недурно, но страшно похудѣла — остались кости да кожа. У нихъ прегадное помѣщеніе, такой холодъ, что я флюсъ схватила, просидѣвъ тамъ утро. Въ лѣтнее время ихъ квартира будетъ прелестна, домъ выходитъ на одинъ изъ Прѣсенскихъ прудовъ; тамъ съ каждымъ годомъ все больше и больше публики собирается на гулянье, теперь ихъ величества посѣщаютъ эти пруды; все это прекрасно, однако не желала бы я мерзнуть, какъ Шаховскія.

Какъ тебѣ нравится поступокъ герцогини Кумберландской, тетки ея высочества; мало того, что она подробно описала вел. княгинѣ кончину принц. Шарлотты, да еще прибавила свои собственные разсужденія объ опасности первыхъ родовъ. Ожаровскій, вчера вернувшійся изъ Лондона, привезъ это письмо. Вел. княгиню такъ поразило это посланіе, она до того плакала, что захворала и не могла присутствовать вчера на придворномъ обѣдѣ. Прощай.

22-го апрѣля. — Передъ пасхой я простудилась въ лавкахъ, покупая подарки племяннику Рахманову. Первые дни праздника просидѣла дома, а въ пятницу ѣздила къ гр. Разумовской. Она устроила танцы, гостей было не много; такіе вечера утомительнѣе баловъ. Въ субботу у Аправсиной былъ балъ, послѣдній въ нынѣшнемъ сезонѣ. Вчера была обѣдня во дворцѣ по случаю тезоименитства вел. княгини. Я сочла необходимымъ ѣхать къ обѣднѣ, потому что въ началѣ Святой не показывалась при дворѣ. На улицѣ довольно свѣжо, между тѣмъ во дворцѣ и въ церкви открываютъ всѣ окна, такъ что приходится мерзнуть во время дежурства. Императрица Елизавета Алексѣевна простудилась и съ чистаго четверга не выходитъ. Вел. княгиня весьма благополучно разрѣшилась отъ бремени. Ея высочество и новорожденный совершенно здоровы. Вдовствующая императрица и вел. кн. Николай Павловичъ въ восторгѣ. Получивъ отвѣтъ отъ государя,

назначать день крестинъ, обрядъ совершится съ большою торжественностью. У г-жи Ливенъ, которая будетъ нести на рукахъ новорожденнаго, щека распухла, потому что Пашковъ слишкомъ усердно отворяетъ окна; надо дожидаться, когда у ней пройдетъ флюсъ.

Говорять, что вы катаетесь въ саняхъ? Курьеръ, прибывшій изъ Петербурга, рассказывалъ Матѣ, что отъ Петербурга до Варшавы онъ ѣхалъ по зимнему пути. У насъ снѣгу не видно, за то вотъ четыре или пять дней термометръ не поднимается выше 2 и 3°. Сухо, но свѣжо.

Ты, конечно, знаешь, что Матѣ вернулся изъ Варшавы. Онъ здоровъ. 15-го мая ему предстоитъ ѣхать съ своимъ княземъ на встрѣчу прусскому королю и сопровождать его королевское величество до Москвы, куда онъ долженъ прибыть 4-го июня.

9-го июня. — Пишу тебѣ передъ отъѣздомъ въ Высокое. Городъ въ настоящее время очень оживленъ. Даютъ праздникъ за праздникомъ, чего добраго, пожалуй, къ вамъ привезутъ прусскаго короля безъ чувствъ отъ усталости. Онъ безпрестанно разбѣгаетъ то по городу, то по окрестностямъ, все желаетъ видѣть; долго разсматривать каждый предметъ ему некогда, вотъ почему, когда она вернется домой, у него все перемѣшается въ головѣ и онъ не отличить Успенскаго собора отъ Воробьевыхъ горъ. Всѣ эти германскія величества и высочества уѣдутъ отсюда, а я даже понятія не имѣю объ ихъ наружности. По отъѣздѣ ихъ все придетъ въ обычный порядокъ и Москва станетъ прежней Москвой, а теперь ее узнать нельзя. Обыкновенно, въ июнѣ городъ пустѣетъ. Я рада, что не принимаю участія въ этой кутерьмѣ, у насъ стоятъ жары, а въ 25° не весело быть въ парадномъ туалетѣ посреди большого общества.

Въ августѣ вамъ снова придется проститься со дворомъ; вѣжета, рѣшено, что всѣ члены августѣйшей фамилии проведутъ зиму въ чужихъ краяхъ. Ваше общество навѣрное разредится во всѣ стороны. Жена кн. Бориса ѣдетъ на зиму въ Парижъ, а новобрачная, г-жа Полторацкая, будетъ сидѣть въ Клину. Гр. Разумовская просто умретъ со скуки. Благодаря своимъ и братнинимъ роскошнымъ помѣстьямъ, находящимся въ окрестностяхъ города, она удостоилась знакомства съ прусскимъ королемъ, и даже самъ государь сказалъ ей много пріятнаго. Она совсѣмъ рехнулась отъ счастья, тормозить ее некому. Гр. Левъ поспѣшилъ убраться въ свое полтавское имѣніе, гр. Алексѣй въ Батуриинѣ; такъ что она осталась одна и съ наслажденіемъ выслушиваетъ похвалы своему

Петровскому, Горенкамъ и даже городскому саду гр. Алексѣя, гдѣ три дня тому назадъ изволила завтракать вся императорская фамилія. Графиня на седьмомъ небѣ, сама не своя отъ радости, нельзя понять, о чемъ она толкуетъ. Вотъ что значить богатство! Гр. Толстая, невѣста Закревскаго, получила шифръ; благодаря 200 тыс. годового дохода, она выходитъ за генераль-адъютанта, по мужу и ее будутъ отличать. Государь велѣлъ поздравить Толстыхъ съ выборомъ жениха для дочери и передать имъ много любезнаго и лестнаго для обѣихъ сторонъ. Не будь они богаты, не видать бы имъ и милостей.

Прости, дружокъ, у меня много дѣла, приходится расплачиваться, не весело опрастывать кошелекъ. Что подѣлываетъ твоя кузина Паскевичъ? ей пришлось разстаться съ мужемъ на два года, навѣрное грустить.

Высокое, 21-го іюня. — Чему приписать твое молчаніе, дружокъ? Обыкновенно, лишь нѣчто важное мѣшаетъ тебѣ взяться за перо. Всѣ мы смотримъ уныло, здѣсь все напоминаетъ намъ Дашу, всѣ наши бесѣды отзываются грустью, дѣти нѣсколько оживляютъ насъ, подчасъ ихъ беззаботная веселость переходитъ и на насъ. Съ нетерпѣніемъ жду Николинку съ женой, они счастливы, здоровы, на нихъ пріятно будетъ смотрѣть. Деревенскій воздухъ благотворно дѣйствуетъ на мое здоровье; погода чудесная, мнѣ удобно лечиться; беру ванны, пью траву. Теперь самая пора запастись здоровьемъ; посмотримъ, какъ я буду себя чувствовать зимой.

Ни съ кѣмъ изъ москвичей переписки не веду, рѣшительно не знаю, что тамъ дѣлается, полагаю, что теперь настала тишина, и всѣ, кто ради двора оставался въ городѣ, спѣшатъ отсюда уѣхать. Что до меня касается, я рада буду вернуться въ прежнюю Москву. Не горюю объ отъѣздѣ двора; какъ нарочно, прошлую зиму я все страдала то нравственно, то физически. Прощай, обнимаю тебя.

7-го октября. — Съ мѣсяцъ тому назадъ Бува прислалъ мнѣ въ деревню книгу: «Jean Sbogag», только-что полученную изъ Парижа. Слѣдовательно, я давно прочла эту повѣсть, милый другъ, но не упоминала о ней, потому что не стоить о ней говорить. Очень рада, что ты мнѣ сказала, что это — произведеніе г-жи Крюднеръ. Выходитъ, я мастерица отгадывать: пробѣжавъ нѣсколько страницъ, я тотчасъ объявила матушкѣ и Мишелю имя автора. Они вѣрить не хотѣли, что эта пророчица,

святоша, словомъ — избранная, написала романъ. Тутъ говорится о видѣніяхъ, приводятся тексты изъ Св. Писанія, изъ Апокалипсиса, потому она ссылается на нѣмецкихъ философовъ — словомъ, я сейчасъ же узнала эту госпожу по самому слогу. Есть выраженія, которыхъ я не могу переварить, также какъ и въ другой повѣсти ея: «Валерія». Что это значитъ, напр.: «легкая какъ мысль»; я указывала матушкѣ на разные фразы и нелѣпныя сравненія. Какая странная фантазія выбрать въ герои романа разбойника, который умираетъ на эшафотѣ, не раскаявшись. Непонятно, зачѣмъ онъ попалъ въ разбойники, неизвѣстно, чѣмъ его очаровала глупая и угрюмая Аманда; она — и слѣпая, и больная и невзрачная, словомъ, вовсе не интересная особа. Полагаютъ, что чтеніе романовъ вредно для молодежи, потому что у нея воображеніе разыгрывается и является желаніе подражать героямъ. Что касается до «Жана Сбогара», его можно смѣло назвать безвреднымъ; согласишься, что никто изъ насъ не пожелаетъ имѣть поклонникомъ вора и никому въ голову не придетъ повторять слова Аманды. Вотъ тебѣ мое мнѣніе о новомъ романѣ.

Въ Москвѣ все по прежнему. Одни ѣздятъ въ Финарди, другіе смотрятъ на Семенову. На этой недѣлѣ я видѣла «Меропу»; теперь не знаю, когда попаду въ театръ, новое зданіе очень красиво, все въ немъ съ иглочки — любо глядѣть. Прости. Отправляюсь къ кн. Оболенской, у нея въ деревнѣ дѣти чуть не умерли отъ скарлатины.

14-го октября. — Ты вѣрно забываешь, милый другъ, что Москва въ 700 верстахъ отъ Петербурга. Лицо, появившееся передъ вашей публикой, сейчасъ же будетъ здѣсь узнано, хотя бы и вздумало переимѣнить свое имя. Про вашего Готье я не слыхала, а вы понятія не имѣете о Финарди. Онъ пріѣхалъ прямо изъ Варшавы, великій кн. Константинъ Павловичъ послалъ его въ Москву. Чтобы убѣдить тебя, что онъ не былъ въ Петербургѣ, скажу тебѣ, что всѣ пріѣзжіе изъ Петербурга снѣдаютъ на него посмотришь. Напрасно ты думаешь, что онъ явился сюда, потому что у васъ на него не обращали вниманія. На-дняхъ я видѣла Киселева не въ духѣ, потому что онъ не могъ достать билетъ; въ прошлую субботу онъ смотрѣлъ на Финарди, остался доволенъ его ловкостью и рѣшилъ не пропускать ни одного представленія. Гр. Бобринская и многія другія (всѣхъ не переберешь) въ восторгѣ отъ Финарди.

Если буду здорова, отправлюсь посмотреть на вѣнскихъ танцовщицковъ, ихъ пріѣхало трое: двое мужчинъ и одна жен-

щина. Не мѣшало бы имъ выбрать для дебюта балетъ съ хорошей музыкой. Смотри на Дюпора въ балетѣ: «la Rosière de Salpêtre», я ужасно соскучилась, потому что музыка была чересчуръ плоха; по-моему, хорошая музыка необходима, однихъ пѣ и граціи недостаточно.

Братъ лечится у Делонэ и, кажется, доволенъ имъ, и то хорошо: до сихъ поръ онъ по одному разу совѣтовался съ каждымъ докторомъ. Дѣти здоровы, имъ такъ нравятся новыя шубки, что они готовы весь день гулять.

Вяземскіе умираютъ съ тоски въ Варшавѣ, не чаютъ, какъ оттуда выбраться. Кн. Петръ навѣрное желаетъ идти впередъ по службѣ, бросать ее онъ не намѣренъ, а въ другомъ городѣ не легко найти мѣсто. Добраго утра, милый другъ, писать больше не о чемъ.

4-го ноября.—Грустно намъ было всю эту недѣлю, дружокъ. Болѣзнь матушки усилилась отъ неосторожности, всего два дня какъ ей стало полегче, мы тщательно слѣдимъ, чтобъ опять бѣды не случилось. Всѣ сидимъ дома, принимаемъ только близкихъ знакомыхъ. Были у насъ Ухтомская, Апраксина и Спиридовъ. Не знаю, что на свѣтѣ дѣлается. Мнѣ самой нездоровится, однако я все на ногахъ.

Слышала, что недавно явился г. Готье, про котораго ты мнѣ толковала. Онъ нашелъ себѣ покровителей, петербургскихъ господъ, между прочимъ молодого Апраксина, который его усердно расхваливаетъ. Говорятъ, что онъ просто канатный плясунъ, а вовсе не волтежеръ, его нельзя сравнивать съ Финарди. Если встрѣтишься съ кн. Голицыной, рожденной Апраксиной, спроси у нея, каковъ Финарди, она была на представленіи въ субботу и вернулась въ восторгѣ. Княгиня завтра ѣдетъ въ Петербургъ.

Апраксина назначила у себя приемный день — воскресенье. Хотя она и увѣряетъ, что не намѣрена устраивать танцевъ, потому что тревожится о дочери (Щербатовой), но я пари держу, что сыночекъ ее умаслитъ, и она, чтобъ доставить ему удовольствіе, заставитъ насъ плясать. У него страсть къ танцамъ, хотя нельзя сказать, чтобъ онъ былъ отличнымъ танцоромъ.

Василій Олсуфьевъ третьяго дня пріѣхалъ изъ Варшавы и привезъ нѣсколько писемъ отъ Вяземской. Софи Гагарина здѣсь, а Лодомирскій еще не возвращался изъ Бѣлоруссіи. Сдѣлай одолженіе, передай записку Александру Вельгорскому. У насъ погода чудесная, снѣгу нѣтъ. Каково у васъ, въ Лалландіи? Здоровье гр. Разумовскаго очень плохо.

М. СВИСТУНОВА.

НОВО-КЕЛЬТСКОЕ

и

ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВО ФРАНЦІИ.

Извѣстно, что въ числѣ вопросовъ, выдвинутыхъ во Франціи исходомъ послѣдней войны, на первомъ планѣ стоятъ вопросы о народномъ образованіи и о децентрализаціи, или, лучше, мѣстномъ самоуправленіи, ибо и у лицъ, окружавшихъ Наполеона, были планы о таковой децентрализаціи, при которой бы префекты и супрефекты получили больше самостоятельности отъ высшей центральной администраціи, но населеніе все-таки осталось бы пассивнымъ объектомъ мѣропріятій администраторовъ. Послѣдніе же событія дали практическое значеніе одному элементу жизни народной, который имѣетъ значеніе и для самоуправления и для народнаго образованія, составляя одну изъ основъ перваго и одно изъ могущественныхъ орудій для втораго, — а именно народнымъ нарѣчіямъ.

Собственно и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сторонахъ жизни, такія событія, какъ война, паденіе Наполеона, только вызвали наружу жизненное движеніе, которое медленнымъ и сложнымъ процессомъ развивалось давно по органическимъ законамъ прогресса общественнаго и культурнаго. Выраженія, въ родѣ того, что Наполеонъ III на 20 лѣтъ остановилъ ростъ Франціи, понятны, какъ проявленія жара полемики, — но въ строго историче-

своимъ смыслѣ невѣрны: во-первыхъ, Наполеоновскій порядокъ былъ самъ произведеніемъ Франціи, а во-вторыхъ, былъ часто невольнымъ орудіемъ ея роста,—и въ третьихъ, среди существовавшаго порядка своимъ путемъ пробивались и росли ростки новаго.

Мысль о децентрализаціи, начиная (если не вспоминать очень стараго) отъ жирондистовъ, не переставала капать на общественное сознаніе во Франціи, исходя отъ людей съ столь различными мнѣніями по другимъ вопросамъ, какъ Токвилль (*L'ancien régime et la révolution*), Прудонъ (*Du principe fédéral*), Лабулэ (*L'état et ses limites* и др.); мысль эта наконецъ порядкомъ источила идеаль централизованной Франціи королей и конвента. Такъ точно и съ мѣстными народными языками и нарѣчіями:—развитіе науки, преимущественно науки о языкѣ, литературы и политическихъ формъ,—все приготавливало постепенно выдвиганіе вопроса объ этихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, повидимому такъ далеко загнанных и, казалось, убитыхъ навсегда приобрѣвшимъ всемирное значеніе академическимъ французскимъ языкомъ.

Рѣшительное торжество этого языка надъ всѣми другими во Франціи совпадаетъ съ рѣшительнымъ торжествомъ централизаціи, т.-е. временемъ Ришелье, Мазарини, Людовика XIV. И здѣсь, какъ во многомъ другомъ, конвентъ только продолжалъ дѣло королевскихъ централизаторовъ Франціи. Конвентъ хотѣлъ истребить «патуа», какъ остатки «феодалнаго рабства», и въ то же время какъ зародышъ «федерализма» (см. докладъ Грегуара, 4-го іюля 1794 г., одобренный конвентомъ). «Федерализмъ и суевѣріе говорятъ по-бретонски, эмиграція и ненависть въ республикѣ говорятъ по-нѣмецки, контръ-революція говоритъ по-итальянски, фанатизмъ говоритъ по-баскски», докладывавъ еще раньше Барреръ:—«уничтожимъ же эти органы печали и заблужденія». Желая распространить повсюду «языкъ свободы, языкъ деклараціи правъ человѣка», и въ то же время «языкъ національный» (точнѣе бы, государственный), «чтобы и рѣчь была едина, какъ республика и какъ сердца населенія»,—конвентъ установилъ сначала въ двѣнадцати «оскверненныхъ» старыми или чужими діалектами департаментахъ (*Morbihan, Finistère, Côtes du Nord, Loire inférieure, Haut-Rhin, Bas-Rhin, Moselle, Nord, Mont-terrible, Alpes Maritimes, Corse*), потомъ еще въ двухъ (*Meurthe, Pyrénées Orientales*), а наконецъ во всей почти южной половинѣ Франціи систему нарочитаго обученія населенія языку французской академіи и отученія его отъ мѣстныхъ старыхъ діалектовъ. Учителя должны были ежедневно преподавать «національный языкъ» и

толковать «декларацию правъ челоѣка» молодымъ людямъ обоихъ половъ, а въ десятыя дни (замѣнившіе при республикѣ воскресныя) читать всему народу общины законы республики, предпочитая болѣе подходящія къ земледѣлію и правамъ гражданина. Конвентъ, желая организовать всеобщее и даровое обученіе на національномъ языкѣ, не чуждъ былъ и утилитарныхъ цѣлей: онъ желалъ не только, чтобы населеніе забыло свои нарѣчія и усвоило единый языкъ единой и нераздѣльной республики, но чтобы ввучилось пониманію своихъ правъ и законовъ, равно какъ и прикладнымъ знаніямъ. Конвентъ только упустилъ изъ виду, что декретомъ нельзя сдѣлать понятнымъ непонятное, и что сознаніе правъ и распространеніе утилитарныхъ знаній пойдетъ легче, если эти права и эти знанія будутъ передаваться народу на языкѣ, которымъ онъ говоритъ. О странномъ противорѣчии провозглашенія свободы и правъ челоѣка съ административной чистотой органа души челоѣческой, — языка, — мы ужъ и не говоримъ.

На бѣду, естественнымъ послѣдствіемъ всякой диктатуры бываетъ то, что централизованное государство оставляетъ въ тѣни такія сферы жизни, какъ образованіе, хотя бы оно и думало сдѣлать изъ образованія народа одно изъ орудій централизаціи, — а на первый планъ выдвигаетъ цѣли внѣшнія, напр. войны, расширеніе предѣловъ. Такъ случилось и во Франціи, гдѣ намѣреніе конвента устроить общее даровое обученіе осталось добрымъ намѣреніемъ, не исполненнымъ и до сихъ поръ за отсутствіемъ отъ другихъ дѣлъ, занимавшихъ французскія партіи въ XIX в. Народъ остался неграмотнымъ и невѣжественнымъ; провинціальныя элементы и нарѣчія остались не уничтоженными, а только загнанными, раздраженными и еще болѣе отданными въ руки реакціонныхъ партій. Французская мысль и языкъ развивались, конечно, и распространялись въ массы, но почти исключительно въ городахъ, т.-е. въ меньшинствѣ. Въ села же, т.-е. въ большинство народа, не только земледѣльцевъ, но и сельскихъ рабочихъ, рудокоповъ и т. п., — цивилизація и идеи городовъ почти не проникали. Въ то же время и самъ литературный французскій языкъ, оторвавшись отъ народныхъ нарѣчій, подвергся быстрой вѣбка на два окаменѣнію или произвольнымъ операціямъ педагоговъ, отъ коихъ онъ сталъ избавляться только со времени появленія романтической школы, — предвѣстниковъ и того разнообразнаго вниманія и энтузіазма къ народнымъ нарѣчіямъ, того даже предпочтенія языка необразованныхъ мужиковъ языку ученыхъ акаде-

мировъ, какое мы видимъ повсюду въ наше время ¹⁾. Все сказанное имѣетъ силу и относительно области *langue d'oïci*,—а что сказать о роли французскаго литературнаго языка и представляемой имъ цивилизаціи за предѣлами этой области?

Провансальскій поэтъ-патріотъ Мистраль считаетъ, что нарѣчья, близкія къ литературному французскому, говорятъ только въ десяти департаментахъ центральной Франціи, слѣдовательно, только тутъ безъ большого напряженія и недоразумѣній понятно сельскому люду писанное по-французски,—замѣчаніе, повторенное и Теофиломъ Готье въ «донесеніи министру народнаго просвѣщенія объ успѣхахъ литературы въ 1867 г.»

¹⁾ У Литтре, въ „Исторіи Французскаго Языка“ (т. II, 102 и слѣд.), можно найти любознательнѣе примѣры, какъ произвольно мѣнялись формы и слова французскаго придворнаго языка въ эпоху начала торжества централизаціи, когда дворъ перемѣщался изъ области въ область, а вмѣстѣ съ тѣмъ случайно набравшіяся формы языка кристаллизировались,—и какъ потомъ началась чистка формъ и лексикона невѣстными педантами и придворными. Въ образецъ перваго явленія Литтре приводитъ, напр., существующія и теперь выраженія *poïds* для существительнаго и *preser* для глагола, заимствованныя изъ двухъ нарѣчій: въ Ильдефрансѣ говорятъ: *pois*,—но и *poiser*, а въ Нормандіи *preser*, но и *reis*. Нельзя, говоритъ Литтре, назвать обогащеніемъ того процесса, какой творился тогда во французскомъ языкѣ. Послѣ, когда онъ совершенно сложился, когда онъ отбросилъ далеко отъ себя народныя нарѣчья, какъ извѣстныхъ и отдаленныхъ родственниковъ, которыхъ онъ краснѣлъ, проявилось гордое отвращеніе и отъ всего, что не употреблялось въ тѣсныхъ и утонченныхъ кружкахъ. „Спрухулезные люди,—говоритъ Шиффле въ десятомъ изданіи своей грамматикѣ (1897),—всегда находятся на стражѣ и слушаютъ, не употребляется ли извѣстное слово дамами въ томъ году меньше, чѣмъ въ прошломъ,—и постоянно кричатъ: то слово начинаетъ старѣться,—и если дать имъ волю,—черезъ нѣсколько времени ашъ языкъ будетъ обобранъ, какъ путникъ разбойниками“. Шиффле раскрываетъ упрѣзную исторію формы *choses* вмѣсто стараго *chouze*. Одинъ поэтъ, который въ первый разъ взялъ рѣшму на слово *roses-choses*, не смѣлъ произнести такъ „въ хошемъ обществѣ“, и смѣло прочелъ *chouzes*. Всѣ про себя засмѣялись,— а послѣднее *chouze* пришло въ такое презрѣніе, что шутники говорили, что это самка *chou*. „Это была странная прихоть въ то время,—продолжаетъ Литтре,—уничтожать въ языкѣ то, что старѣлось и чего не допускали элегантнѣй и образованный ружоъ. Обломки всего того остались въ народныхъ нарѣчьяхъ, и было бы дѣломъ куса и такта, и потому не недостойнымъ французской академіи и ея лексикона—новъ воспринять то, что можетъ быть воспринято,—т.-е. то, что, будучи легко понимаемо и будучи наиболѣе согласно съ духомъ теперешняго языка, отличается оригинальностью и извѣстностью“. Литтре самъ совершилъ добрую долю этой задачи, изъвъ свой *Dictionnaire historique de la langue française*, въ которомъ слова и формы *atois* заняли видную роль. Онъ простеръ свое уваженіе къ языку старыхъ нарѣчій о того, что даже перевелъ I пѣсню Игладн на языкъ *chansons de geste XIII в.* акъ далеко за нимъ врадъ ли многіе пойдутъ; но во всякомъ случаѣ его *Dictionnaire* и вызванное имъ уваженіе къ *ratois* не останется безъ вліянія на дальнѣйшую исторію французскаго языка.

Положимъ, Мистраль и увлекается, но недавно Тэнъ, обсуждая недостатки всеобщаго избирательства во Франціи, пожаловался, что «крестьянинъ не понимаетъ нашего языка, а мы не имѣемъ народной литературы».

Статистика населенія по языку вообще вещь трудная, но если принять во Франціи болѣе милліона кельтовъ въ Бретани, до полумилліона басковъ, слишкомъ 200.000 фламандцевъ, — не считая отошедшихъ теперь нѣмцевъ, то цифры эти не будутъ преувеличены. Остающаяся еще, за вычетомъ корсиканцевъ, часть населенія вѣтви романско-французской распадается на группы по нарѣчіямъ, изъ коихъ провансальскимъ, наиболѣе далекимъ отъ литературно-французскаго, и почитаемымъ большинствомъ филологовъ за особый языкъ, говорить по самымъ меньшимъ счетамъ 10 милліоновъ. Такимъ образомъ, изъ 36 милліоновъ населенія Франціи около 14—15 милліонамъ доступъ къ цивилизаціи, выражающейся на французскомъ языкѣ, затрудненъ, кромѣ малограмотности, еще и отдаленностію ихъ ежедневнаго языка отъ литературнаго французскаго. Съ этой отдаленностію, доходящей до того, что изъ бретанскихъ мобилей во время осады Парижа, 8,000 не понимали ни слова по-французски, — должна такъ или иначе, но считаться и система избирательства, и народнаго образованія, и военной организаціи во Франціи. Вотъ почему въ послѣднее время въ особенности начинается распространяться во Франціи убѣжденіе, что, оставивъ погоню за тѣмъ единообразіемъ сердець и рѣчи, котораго думалъ добиться конвентъ, французская политическая жизнь и образованіе должны снизойти къ народнымъ нарѣчіямъ для того, чтобы скорѣе проникнуть въ массы народа, — безъ чего, особенно при системѣ всеобщаго избирательства, отъ которой теперь отступить трудно, если не невозможно, политическая жизнь государства никогда не будетъ имѣть устойчивости.

Въ помощь такимъ утилитарнымъ соображеніямъ послужили ученые и литературныя работы надъ народными языками и провинціальною исторіей, которыя во Франціи, какъ и вездѣ въ Европѣ, постепенно увеличивались въ теченіи настоящаго столѣтія. Какъ и вездѣ, во Франціи обращеніе науки и литературы къ народному мѣстному, средневѣковому, въ противоположность официальному, столичному, новому (но не новѣйшему), было послѣдствіемъ отчасти болѣе послѣдовательнаго проведенія свободныхъ началъ того же самаго революціоннаго времени, которое думало административнымъ порядкомъ вычистить «оскверненную» душу народа, отчасти же романтической клерикально-аристократической

реакціей революціи, буржуазно-вольтеріанской по духу, диктаторско-чиновнической по приёмамъ. При этомъ вниманіе къ народной жизни и діалектамъ растетъ по мѣрѣ поднятія значенія сельскаго сословія, т.-е. дѣйствительнаго большинства народа, во имя котораго когда-то говорила церковь, королевская власть, потомъ буржуазія, наконецъ городскіе рабочіе, но которое всѣ эти виды меньшинства принимали и принимаютъ до сихъ поръ только за «объектъ мѣропріятій». Начиная съ революціи, освободившей крестьянъ отъ всякаго рода обязательныхъ работъ для дворянства и давшей имъ возможность приобрести кусочки земли при продажѣ конфискованныхъ земель, матеріальное благосостояніе крестьянъ все поднималось, — и надо сказать правду, что правленіе Наполеона III, особенно торговые трактаты его, не остались безъ полезнаго вліянія на это благосостояніе, хотя Наполеонъ далеко не сдѣлалъ всего того, что обѣщалъ и что могъ бы сдѣлать, еслибъ у него достало ума понять ясно свою историческую задачу и честности выполнять ее открыто. Во всякомъ случаѣ, поземельная собственность теперь все больше переходитъ въ руки французскихъ крестьянъ.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ дю-Шателлье въ книгѣ «о земледѣліи и земледѣльческихъ классахъ въ Бретани» ¹⁾: «Съ какою рассчитанною, но вѣрною медленностью эти люди овладѣваютъ землею, которую они по справедливости считаютъ самымъ вѣрнымъ знакомъ своей эмансипаціи. Каждый день даетъ имъ нѣсколько имѣній больше и, какъ только обстоятельства благопріятны производительности, становится невозможнымъ выдерживать ту горячую конкуренцію, съ которой они преслѣдуютъ приобретение выгодныхъ имъ кусковъ земли».

Какъ всякій органической ростъ, этотъ ростъ значенія сельскаго населенія во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, медленъ, скрытъ подъ другими слоями общественной жизни, но тѣмъ не менѣе идетъ, постепенно усиливаясь и проявляясь хотя бы въ томъ, что Наполеонъ III долженъ былъ льстить и обѣщать разныя блага сельскому люду и при послѣднемъ голосованіи прошелъ только на сельскихъ голосахъ, что нынѣшняя палата французская состоитъ въ большинствѣ изъ депутатовъ, которымъ большинство дали села. Селяне, *les giguais*, сами изъ себя еще не выработали рода людей, которыхъ бы могли посылать въ представительныя собранія, потому они должны искать

¹⁾ Du Chatellier, L'agriculture et les classes agricoles de la Bretagne. Paris. 1868, стр. 208.

ихъ среди другихъ, болѣе ушедшихъ въ развитіи сословіи, — и ищутъ ихъ среди аристократіи и духовенства, чѣмъ и объясняется странное, на первый взглядъ, явленіе, что въ Германіи, Бельгійи клерикально-консервативныя партіи стремятся провести поголовную подачу голосовъ, это исчадіе либерализма и революціи, во Франціи же либералы и притомъ такіе, какъ Литтре, Тэнъ, измышляютъ способы «исправить ошибку, сдѣланную прежними демократами», т.-е. урѣзывать всеобщее голосованіе. Для насъ, русскихъ, привывшихъ видѣть щедринскаго помѣщика, который мечтаетъ, какъ бы «мужику истребить», и жалуется на «антагонизмъ», возбужденный между нимъ и Ванькой закономъ 19-го февраля; для насъ, читавшихъ въ «Вѣсти» плачь о томъ, будто даже наша система выборовъ земскихъ гласныхъ есть организація *suffrage universel*, — такого рода явленія, какъ хлопоты бельгійскихъ клерикаловъ о всеобщемъ избирательствѣ, какъ избраніе французскими крестьянами крупныхъ помѣщиковъ, — вещи вдвойнѣ странныя, изъ которыхъ послѣднее мы могли бы объяснить только экономическою зависимоścią крестьянъ отъ помѣщиковъ. А между тѣмъ это объясненіе будетъ всего менѣе вѣрно, потому что, благодаря аукціонамъ конфискованныхъ въ революцію земель, рѣдко гдѣ сельское населеніе такъ мало похоже на батраковъ, какъ во Франціи, а слѣдовательно, рѣдко гдѣ такъ мало зависимо въ экономическомъ отношеніи отъ крупныхъ повемельныхъ собственниковъ, какъ во Франціи. Но именно эта независимость и составляетъ причину, почему тотъ старинный антагонизмъ между легитимистскою аристократіей и крестьянствомъ замѣнился во многихъ случаяхъ скорѣе взаимной симпатіей, нежели антипатіей. Крестьянинъ знаетъ, что его помѣщикъ видитъ, что у крестьянина ничего отнять нельзя, — слѣдовательно, ихъ интересы, какъ сосѣдей, какъ землевладѣльцевъ, винодѣловъ и пр., скорѣе солидарны (конечно, насколько возможна солидарность при разныхъ степеняхъ богатства), чѣмъ противоположны. Поворчавъ во время реставраціи на порядки, введенные во время революціи, аристократія, по крайней мѣрѣ часть ея, по необходимости примирилась съ ними, а будучи отторгнута отъ центра политической жизни буржуазіей орлеанской эпохи и сбродомъ наполеоновскою, часть аристократіи, и притомъ болѣе чистая морально, засѣла по деревнямъ, принялась хозяйничать и понемногу сблизилась съ крестьянствомъ. Кто изъ нея имѣлъ охоту въ учено-литературной работѣ, тотъ занялся мѣстной исторіей, археологіей, этнографіей; многіе хотѣли въ старой исторіи найти памятники и доказательства величія своего сословія, а нашли тамъ и слѣды самостоя-

тельной жизни народной, нашли въ среднихъ вѣкахъ проявленія земскаго самоуправленія. Къ тому же, на мѣстѣ, въ провинціальной глуши, для дѣловаго человѣка виднѣе всѣ нецѣпности и недостатки государственной централизаціи; вотъ, вмѣстѣ съ вѣрою въ возможность укрѣпленія вліянія на дѣла,—причины, почему изъ аристократическихъ рядовъ въ послѣднее время слышались сильнѣе всего голоса противъ централизаціи ¹⁾). Въ селахъ же, въ средневѣковыхъ архивахъ и преданіяхъ образованные аристократы нашли и народную рѣчь, несходную съ литературнымъ языкомъ буржуазныхъ городовъ, и сначала дилеттантски, а потомъ все серьезнѣе увлеклись ею. Въ то же время часть духовенства, наученная опытомъ революціи, чего можно дожидаться, если ограничивать свою духовную службу мессами и проповѣдью, въ половину пересыпанною плохой латынью, въ свою очередь призадумалась о средствахъ укрѣпить свое вліяніе на народъ, и прибѣгла къ проповѣди и къ изданію книгъ и журналовъ на народной рѣчи ²⁾). Наконецъ, разъ, когда началось движеніе въ пользу народныхъ нарѣчій, изъ разныхъ сословій стали выходить ученые и поѣты, которые принялись за разработку мѣстныхъ преданій и нарѣчій и, образовавъ по провинціямъ партіи провин-

¹⁾ Впрочемъ, когда оказалось послѣ временнаго закона 1871 года о департаментскихъ совѣтахъ и комиссіяхъ и объ общинахъ, что аристократія далеко не получила ожидаемаго вліянія, то многіе изъ нея сильно охладѣли и къ децентрализаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ толки о необходимости урѣзать всеобщую подачу голосовъ послышались уже со стороны консервативной. Это заставило прогрессистовъ нѣсколько отступить отъ идеаловъ конвента и стать на защиту всеобщаго голосованія.

²⁾ Эта связь духовной Франціи съ народными нарѣчіями, столь, повидимому, противная преданіямъ католицизма, ведетъ свое начало со времени революціи, когда и католицизмъ былъ такъ же гонимъ, какъ народныя нарѣчія. „Оппозиція политическая и религіозная,—говоритъ Piegquin, одинъ изъ защитниковъ *patois*,—будетъ пользоваться всегда народными языками противъ тѣхъ, кто ихъ преслѣдуетъ. Такъ, напр., Аріѳ, плученный епископомъ александрійскимъ, отвергнутый главами церкви, обратился прямо къ толпѣ и составилъ для всѣхъ земель (провинцій) собранія нѣсенъ. Извѣстно, что за тѣмъ послѣдовало. Развѣ не вышло изъ этого, что выдающіяся лица, которыми въ овладѣль этихъ боевыми маневрами, были подвинуты, вовлечены народнымъ попомъ въ арианизмъ. Этотъ несокрушимый способъ не былъ ли употребленъ и самими апостолами? Возвышенный Павелъ развѣ не предпочиталъ сельскую латынь языку Цицерона и Виргилія, которымъ народъ никогда не говорилъ? Развѣ нѣкоторые изъ отцовъ церкви не предпочитали народную греческую рѣчь языку Демосеена і Эсхила? Развѣ соборы не требовали, чтобъ съ народомъ говорили его нарѣчіемъ, которое онъ понимаетъ?.. А наши миссіонеры развѣ не поступаютъ такъ повсюду? Безъ сомнѣнія, протестантскія церкви обязаны своимъ успѣхомъ этому правилу.: и еще царь-пророкъ сказалъ: мы восхвалимъ тѣхъ, кто говоритъ языкомъ нашимъ“.

G. Pont. Origines du patois de la Tarentaise. Préface).

ціальныхъ народолюбцевъ, стали въ политическомъ отношеніи требовать областной автономіи, то съ аристократически-роялистскимъ, то съ демократически-федеральнымъ отгѣнкомъ. Но по большей части до самаго послѣдняго времени, какъ въ политическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, проповѣдники децентрализаціи и провинціального патріотизма принадлежали скорѣе къ клерикально-аристократическому лагерю, чѣмъ къ либерально-демократическому, а извлекаемыя изъ крестьянскихъ устъ и средневѣковыхъ поэмъ и хроникъ и обрабатываемыя патриотами провинціальныя нарѣчія во Франціи становились органами болѣе ультрамонтанскихъ и роялистскихъ, средневѣковыхъ идей и чувствъ, чѣмъ идей новой цивилизаціи. Причина тому — удаление городскихъ классовъ, буржуазіи и даже посемельныхъ собственниковъ, поселившихся въ городахъ, отъ сельскаго населенія. Дю-Шателле говоритъ въ упомянутой выше книгѣ: «Сельскій человекъ, заключающъ все больше и больше въ своемъ небольшомъ владѣніи, отдѣляется съ каждымъ днемъ все больше отъ горожанъ, которыхъ многіе изъ селянъ знаютъ только потому, что должны платить деньги владѣльцамъ фермъ, съ которыми они часто должны объясняться черезъ переводчиковъ. Нѣкоторые помѣщики, отдалившись такъ отъ фермеровъ, довели дѣло до того, что прервали съ ними всякія сношенія и возобновляютъ арендные договоры черезъ нотаріусовъ».

Буржуазные классы смотрятъ собственно на селянъ, какъ на низшую, необразованную расу, и въ свою очередь не пользуются почтеніемъ селянъ. Шарль де-Голль ¹⁾ говоритъ о настроеніи селянъ въ Бретани: «Селяне слишкомъ часто не признаваемые и презираемые горожанами, съ которыми они не обмѣниваются чувствами и мыслями, приучаются все больше смотрѣть на нихъ, какъ на иностранцевъ, и платятъ имъ презрѣніемъ за презрѣніе. Откройте народныя пѣсни, и вы увидите свидѣтельства этого чувства, такъ сказать, на каждой страницѣ! Между тѣмъ, — продолжаетъ далѣе де-Голль, — со стороны буржуазіи тѣмъ болѣе неблагоприятно отдѣляться такъ отъ крестьянъ, что эти послѣдніе, изъ которыхъ такъ охотно дѣлаютъ типъ невѣжественной и отупѣлой неподвижности, стремятся, вслѣдствіе любви къ независимости, умнаго и смѣлаго труда, стать вездѣ хозяевами земли и составить въ деревняхъ классъ способный, многочисленный, энергическій и весьма могущій заявить, въ виду городского населенія, свое соперничающее и скоропреобладающее вліяніе».

¹⁾ De Gaulle, Les Celtes au dix-neuvième siècle. Paris, 1865, p. 29.

Последнія событія, начиная съ голосованія Наполеона, вполне оправдали слова бретанскаго патриота.

Либеральные слои французскаго общества, преимущественно столичные, выходящіе изъ буржуазнаго и рабочаго населенія большихъ городовъ, не знали народныхъ нарѣчій, равно какъ и стремленій въ децентрализаци, — мало того, продолжая традиціи конвента и надѣясь съ помощью централизаци, разъ добившись власти, перестроить по-своему, декретами, страну, смотрѣли презрительно и даже враждебно на федерализмъ. Усматривая, что провинціальныя патриоты такъ близки къ клерикально-аристократическимъ кругамъ, съ двойной враждой смотрѣли либералы на возрожденіе провинціальныхъ нарѣчій, какъ на покушеніе на самую священную сторону французскаго единства, — единство литературнаго языка, и какъ на возрожденіе не только средневѣковой дробности, но и средневѣковыхъ идей. Въ довершеніе всего, — и это главное, — французскіе либералы, и вольтеріанскаго и робеспьеровскаго закала, замѣтивъ, что вообще французскій крестьянинъ, говорящій своимъ патуа, а не языкомъ Вольтера, идетъ не съ ними, относился къ этому крестьянству съ чувствомъ не только презрѣнія, но и ненависти, чѣмъ обусловливается существующее и до сихъ поръ явленіе, — поражающее въ особенности русскаго наблюдателя, — что чѣмъ болѣе это во Франціи демократъ, то, — какъ только выйдетъ изъ колеи общихъ фразъ о «народѣ», — тѣмъ болѣе относится съ презрѣніемъ къ сельскому населенію, т. е. къ настоящему народу.

Но мало-по-малу консеквентность въ либеральныхъ началахъ, прогрессъ науки исторической, политической и филологической стали приводить многихъ во французскомъ обществѣ къ иному взгляду на вопросъ о централизаци, къ иному взгляду на крестьянство и его рѣчь ¹⁾. Что же до дилеттантскаго

¹⁾ Вотъ что говоритъ Abbé G. Pont (Origines du patois de la Tarentaise): „Мы должны прибавить, что нужна смѣлость, чтобы любить наши деревни, хижины, горы, нашъ народный языкъ, въ то время когда просвѣщенные классы, какъ ихъ называютъ, презираютъ народъ и его высокія созданія, стыдятся роднаго языка, отрицаютъ всѣ способы выраженія, рожденныя на народной почвѣ и составляющіе основу нашего языка. Ученые, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы раздѣлять эти предрасудки, и если мы достаточно счастливы, что можемъ цитировать такія имена, какъ Вильменъ, Шампольонъ-Фижакъ, Фориаль, Тастю, Милленъ, Нодье, Ренуаръ, Оноръ, Цейссъ, Дюканжъ, Домъ-Карпантье и т. п., мы можемъ легко утѣшиться въ виду знаменъ тѣхъ, которые смотрятъ, какъ на дѣло ниже ихъ, на этнографическое изученіе провинціи, департамента“. А вотъ въ какихъ выраженіяхъ высказываетъ, общую теперь всѣмъ понимавшимъ дѣло, мысль о значеніи стариннаго и народнаго языка Литтре: „Эти великіе люди (герои прошлаго) говорили такимъ же хорошимъ фран-

упражнения въ провинціальныхъ нарѣчіяхъ и ученой ихъ обработкѣ, то французское, какъ и всякое западно-европейское общество, слишкомъ благососпитанно въ литературномъ и ученомъ отношеніи, чтобъ преслѣдовать подобныя попытки и разработку, когда за нее берутся люди свѣдущіе и владѣющіе такими литературными талантами, какъ, напр., провансальскій поэтъ Мистраль. Вотъ почему корифеи французской литературы и критики, какъ, напр., Гюго, Ламартинъ, Т. Готье, С. Р. Тайльяндье, С.-Бѣвъ и другіе отличались всегда самымъ любезнымъ отношеніемъ къ бретонскому и провансальскому литературнымъ движеніямъ, которое раздѣляли съ ними и важнѣйшіе французскіе журналы, напр. *Revue des deux Mondes*. Новѣйшія событія и поднятые въ недавнее время вопросы все болѣе давали хода идеямъ о децентрализаціи во Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигали любителей провинціальныхъ діалектовъ изъ сферы стихотворно-дилеттантской и учено-археологической на политическую и практическую, произвели по вопросу о децентрализаціи извѣстное сближеніе между провинціальною деревенскою аристократіей, представляющею крестьянство, и разными отпрысками либеральныхъ партій, несмотря на значительныя разногласія между ними по другимъ вопросамъ. Легитимисты-дворяне честно бились въ арміяхъ Гамбетты за цѣлость Франціи; «Южная лига защиты» соединяла въ себѣ и республиканскіе, и легитимистскіе элементы; провансальскіе и бретонскіе автономисты и даже чуть не «сепаратисты» едва ли не превосходили людей средней Франціи ревностію въ борьбѣ съ врагомъ. Борьба военная привела въ столкновеніе городскихъ радикаловъ съ крестьянствомъ, — которое потомъ выслало теперешнее *деревенское* большинство палаты. Несмотря на горечь, вынесенную первыми изъ этого столкновенія, и несмотря на то, что *les rivaux* сдѣлалось-было чуть не браннымъ словомъ, человѣкъ, который изъ всѣхъ городскихъ радикаловъ наиболѣе долженъ былъ «потерѣться» между народомъ, Гамбетта, пришелъ къ идеямъ, что Франція не была бы несчастна, еслибы она имѣла настоящее «деревенское большинство»;

русскимъ языкомъ, какъ и тѣ, кто ихъ осуждалъ; но ихъ французскій языкъ, болѣе общій и вразумительный, былъ почерпнуть изъ источника болѣе обильнаго, — чѣмъ тотъ, который доставляется первымъ лексикономъ академическимъ. Еще и теперь нужно только безъ предубѣжденія слушать, какъ говорятъ люди неграмотные, особенно изъ извѣстныхъ провинцій, чтобъ признать въ ихъ словахъ, выраженіяхъ, въ произношеніи особенности — столько же, законныя и часто гораздо болѣе вѣщныя, энергическія и приличныя случаю, чѣмъ официальное нарѣчіе (*l'idiome officiel*)". *Hist. de la langue française*, I, 307.

только надо позаботиться, чтобы это большинство представителей народа было настоящее деревенское, мужицкое, т.-е. представляло действительно интересы большинства народа, для чего надо, чтобы народ этот был просвѣщенъ, чтобы партія, называющая себя демократическою, сблизилась съ большинствомъ народа, — крестьянствомъ, деревенщиною. Всѣ эти событія и явленія дали болѣе живенное, хотя бы пока и не всегда симпатичное, содержаніе литературѣ провинціальныхъ народныхъ нарѣчій, выводя ее изъ круга средневѣковыхъ преданій и идей, и дало довольно важное живенное значеніе вопросу объ этихъ нарѣчіяхъ. Взятый въ связи съ вопросомъ о децентрализаціи и народномъ образованіи, этотъ вопросъ имѣетъ немаловажное значеніе и есть одно изъ частныхъ проявленій движенія, которое то сильнѣе, то слабѣе замѣчается во всѣхъ европейскихъ обществахъ, — движенія къ тому, чтобы дать если не преобладаніе, то сильную долю участія въ нравственной и политической жизни современныхъ обществъ сельскимъ классамъ, дѣйствительному большинству народа.

То, что французская кличка *les gigaux* дана городскими демократами сельскимъ аристократамъ, а въ другихъ мѣстахъ проповѣдь *мужичества* кричатъ люди и партія, которыхъ идеи социальныя и нравственныя всего болѣе подходятъ къ идеямъ роялистовъ французскаго собранія, не должно насъ вводить въ заблужденіе на счетъ сущности обоихъ явленій. Вообще *рорализмъ*, *деревенщина*, *мужикоманія* имѣютъ не только въ разныхъ странахъ, а въ одной и той же странѣ различныя оболочки, — но живенная сущность и стихійная причина, выдвигающая наверхъ то гѣхъ, то другихъ представителей этой идеи, все-таки остается одна и та же. Такъ, во Франціи деревенская крестьянская идея представляется теперь преимущественно, а недавно еще представлялась почти исключительно аристократическими и клерикальными кругами, но силу и опору этимъ кругамъ даютъ только голоса крестьянъ; очевидно, что союзъ этотъ, представителей и представляемыхъ, крѣпокъ только пока крестьяне не найдутъ среди себя или среди другихъ слоевъ болѣе образованнаго общества представителей, которымъ они могли бы довѣриться и пока между интересами крестьянъ, клерикаловъ и аристократіи не окажется противорѣчія. Но и теперь среди городской демократіи есть уже люди, которые начинаютъ понимать значеніе поднятія «новой общественной силы», и стремятся стать ея союзниками и выразителями, и другіе, которые и теперь сблизаются по вопросу о децентрализаціи съ самыми крайними роялистами деревенскаго большинства. При всѣхъ же своихъ общихъ сторонахъ, вопросъ

о децентрализаціи важень сначалаъ въ провинціальному, а потомъ преимущественно въ деревенскомъ и еще болѣе частно въ мужицкомъ интересѣ. Столица, хотя бы она, какъ это было съ Парижемъ, и была центромъ всѣхъ политическихъ и культурныхъ стремленій страны, а потому включала въ себя болѣе или менѣе сильную партію и децентралистовъ, тѣмъ не менѣе слишкомъ мало чувствуетъ неудобства централизаціи и слишкомъ выигрываетъ отъ централизаціи, чтобы ея даже федералистическія демонстраціи были вполне ясны и искренни. Парижское движеніе коммуналистовъ, съ его сильною якобинскою примѣсью, это подтвердило вполне. Въ то же время интересы буржуазіи, особенно богатой, склоняются болѣе на сторону централизаціи, чѣмъ децентрализаціи; но крайней мѣрѣ капиталисты, благодаря подвижности главнаго источника своихъ доходовъ, не только менѣе терпятъ, но во многихъ случаяхъ выигрываютъ отъ централизаціи. То же слѣдуетъ сказать и о той части мелкой буржуазіи, которая поставляетъ чиновниковъ, адвокатовъ и даже литераторовъ, а также о фабрикантахъ и рабочихъ, обрабатывающихъ предметы роскоши и продукты привозные. Что же до разныхъ видовъ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, равно какъ и до другихъ предпринимателей и рабочихъ добывающей промышленности и обрабатывающей туземные сырые продукты, то при неподвижности ихъ источниковъ дохода, — для нихъ интересы мѣстные, шломы элементарныя, дороги сельскія по меньшей мѣрѣ равно близки, какъ и интересы общіе, связь съ землями иностранными и т. д., т. е. для нихъ вопросъ о децентрализаціи есть вопросъ жизненный. Изъ аристократіи служащая только часть можетъ получать выгоды отъ централизаціи, потому чѣмъ больше въ какой странѣ аристократія живетъ службой, тѣмъ болѣе она и держится централизаціи; но аристократія хозяйничающая всегда танетъ за децентрализацію, не только потому, что эта послѣдняя сохраняетъ больше капиталовъ въ провинціяхъ, но и потому, что здѣсь, въ мѣстныхъ сферахъ, поземельные собственники могутъ надѣяться приобрести больше вліянія на ходъ дѣлъ въ мѣстныхъ распорядительныхъ учрежденіяхъ. Духовенство, особенно католическое, обладаетъ талантомъ приспособляться, для огражденія своихъ интересовъ, къ разнымъ политическимъ системамъ; но и оно теперь почитаетъ болѣе подходящимъ къ своимъ интересамъ децентрализацію, чѣмъ централизацію, болѣе широкое участіе массъ сельскихъ въ дѣлахъ государства черезъ поголовную подачу голосовъ: духовенство, какъ и аристократія, разсчитываетъ на свое вліяніе на мѣстахъ и на сельскія массы, и вообще на бѣдные слои на-

селения, куда меньше проникли вольтеріанскія идеи, порядкомъ заразившія средніе городскіе классы,—хотя событія 1848—52 г. и 1871 г. показали, что вольтеріанство это имѣетъ много сходнаго съ вольнодумствомъ аристократовъ время регентства, т. е. что оно имѣетъ подвладной своей болѣе сенсуализмъ свѣтскаго человѣка, чѣмъ философское убѣжденіе, и держится до первой грозы, послѣ которой буржуазія, также охотно, какъ въ свое время эмиграціонная аристократія, бѣжитъ подъ защиту духовенства, увѣряя въ то же время, что она-то и защищаетъ атрибуты «порядка»¹⁾. Весьма вѣроятно, что при дѣйствительномъ проведеніи децентрализованнаго (общиннаго) начала на практикѣ, особенно при болѣе дѣятельномъ и сознательномъ участіи сельскаго класса въ дѣлахъ общественныхъ, — въ отношеніяхъ духовенства (какъ и аристократіи) въ началу общинному произойдетъ перемѣна, а именно, высшее духовенство (какъ и аристократія) во Франціи сильно охладѣетъ въ началу общинному, что мы уже и теперь видимъ; но за то къ этому началу еще больше должно привязаться духовенство низшее для своего освобожденія отъ гнета высшаго. Расколъ этотъ совпадаетъ съ начавшимся въ недавнее время своего рода религіознымъ реформаціоннымъ движеніемъ, коего все больше усиливающейся клерикализмъ (въ однихъ мѣстахъ ультрамонтанскій, въ другихъ нео-католическій или даже нео-протестантскій) есть только одинъ изъ признаковъ. Весьма вѣроятно, что въ концѣ-концовъ нынѣшнее стремленіе аристократіи и духовенства завладѣть сельскими массами, съ помощью поголовной подачи голосовъ и децентрализаціи, кончится новымъ разладомъ между аристократически-клерикальными элементами, образцы котораго мы видѣли во время реформаціи (не вездѣ, впрочемъ) и во время революціи, — но эти расколы принадлежатъ будущимъ, — хотя, можетъ быть, и не очень далекимъ,—

¹⁾ Этой, впрочемъ, приспособительности не лишены и другіе, упомянутые нами политическіе элементы, и если мы говорили о большемъ или меньшемъ тяготѣніи ихъ къ централизаціи или децентрализаціи, то имѣли въ виду только большинство интересовъ и случаевъ,—но иногда бываетъ, что въ какомъ-либо частномъ случаѣ иной элементъ, который всегда тянутъ за централизацію, потянетъ за обратную систему, и наоборотъ... Главная задача наблюдателя процесса политической жизни заключается въ томъ, чтобы понять, куда тянетъ, въ большинствѣ случаевъ, большинство интересовъ разныхъ политическихъ стихій, а главный талантъ политическихъ дѣятелей, представляющихъ эти стихіи, состоитъ въ томъ, чтобы понять, какого рода строй подходитъ къ большинству ихъ интересовъ въ большинствѣ случаевъ. Само собою, что наблюдатель процесса общественнаго развитія не долженъ упускать изъ виду, что иной изъ дѣйствующихъ въ данное время элементовъ можетъ совершенно утратить въ послѣдующее время.

временамъ и движеніямъ, долженствующимъ совершенно видоизмѣнить теперешнія отношенія общественныхъ силъ. Теперь же ясно, — и это весьма характерно, — что аристократія и духовенство почти вездѣ въ Западной Европѣ становятся во главѣ крестьянства, и движенія къ децентрализаціи, т.-е. къ формѣ повидимому наиболее согласной съ идеями и идеалами демократіи; и наоборотъ, многіе изъ старо-демократической партіи подумываютъ объ исправленіи избирательства демократическаго, и почти всѣ то съ ужасомъ, то съ нерѣшительностью смотрятъ на движеніе къ децентрализаціи. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ несомнѣнно демократическихъ, особенно изъ соціально-демократическихъ элементовъ подаютъ руку феодально-клерикальнымъ партіямъ, и не только по вопросу о децентрализаціи, другіе ради борьбы съ буржуазіей, третьи — раздѣляя многія ученія клерикальныя и стремясь къ образованію религіозной демократіи и христіанскаго социализма, — возбуждая горькія сѣтованія и обличенія для либеральничающей и вольтеріанствующей буржуазіи и бюрократіи. Такъ, кромѣ указанныхъ примѣровъ, во Франціи села, народъ посылаетъ въ палату враговъ республики и демократіи; при помощи республиканскихъ выборовъ, легитимисты сходятся съ послѣдователями Прудона въ антипатіи къ централизму и буржуазной республикѣ. Въ Бельгіи, какъ было уже упомянуто, клерикалы требуютъ поголовной подачи голосовъ; въ Швейцаріи клерикалы за-одно съ интернаціоналами стоятъ за кантонализмъ; въ южной Германіи ультрамонтаны пугаютъ буржуазію радикально-демократическими выходками, а архіепископъ Майнцскій заявляетъ, что общественный строй не для того существуетъ, чтобы масса народа работала въ потѣ лица, а фабрикантъ и купецъ, откормившись на счетъ этого пота, вольтеріанствовали; собраніе епископовъ въ Фульдѣ говоритъ въ пользу рабочихъ ассоціацій, демократы Йоргъ и Россбахъ говорятъ о необходимости устройства государства на болѣе христіанскихъ началахъ, т.-е. равенствѣ, братствѣ и безъ экономической эксплуатаціи; демократы и клерикалы Виртемберга и Баваріи, принявъ названіе патриотовъ, стремятся отстоять мѣстную автономію и «миролюбивый духъ юга» отъ централистскихъ и военныхъ стремленій имперіалистовъ сѣвера; консерваторъ-объединитель Германіи, Бисмаркъ, вводитъ поголовную подачу голосовъ въ государственное право Германской имперіи, «топить» Пруссію въ болѣе или менѣе федеративно устроенной Германіи, и послѣ того, какъ, вопреки даннымъ неоднократно обѣщаніямъ и наперекоръ крикамъ либераловъ, присоединилъ Голштейнъ къ Пруссіи, дѣлаетъ изъ

Эльзаса и Лотарингіи, наперекоръ имперіалистамъ изъ національныхъ либераловъ, имперскую область, которую обѣщаетъ надѣлать областными и общинными правами и даже находить частицы разума въ движеніи парижскихъ федералистовъ, — къ ужасу республиканцевъ, въ родѣ Жюль-Фавра, который въ этомъ заявленіи не находитъ ничего, кромѣ коварной интриги. Въ Австріи потомки издавна отмѣченныхъ родовъ, сами едвали могущіе думать иначе, какъ по-нѣмецки, графы Туны, Мартиницы и т. п., превращаются въ чеховъ — народность, которая еще недавно только и держалась, что у *седлаковъ*, т.-е. мужиковъ; демократъ-великогерманецъ профессоръ Шефле, авторъ сочиненія «Capitalismus und Socialismus», разъясняетъ императору, что «пора положить конецъ преобладанію безнравственной бюрократіи, эксплуатирующей рабочія массы, въ которыхъ только и сохранилась австрійская идея», и пристаётъ къ такъ-называемому клерикально-феодалному министерству, этому «произведенію придворной династической камарильи», врага «мѣщанскаго конституціоннаго министерства», — къ министерству гр. Гогенварта, поставившему было цѣлью устроить Австрію, какъ союзъ областей и народностей, и предохранить ее отъ поглощенія Германіей, къ которому ведетъ буржуазно-централистическая партія и т. д. и т. д.

Такъ въ разныхъ странахъ повсюду выходитъ наружу процессъ поднятія сельскихъ классовъ и слитія въ томъ или иномъ видѣ съ ними выше стоящихъ — и связанный съ этимъ процессомъ вопросъ о децентрализаціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается и вопросъ о значеніи языковъ и нарѣчій, загнанныхъ исторіей въ глубь провинцій и селъ. Мы намѣрены сдѣлать русскимъ читателямъ характеристику положенія одного изъ этихъ вопросовъ, именно вопроса объ областныхъ, мужицкихъ и сельскихъ нарѣчійхъ во Франціи, — въ двухъ наиболѣе характерныхъ въ этомъ отношеніи областяхъ. Франція въ этомъ вопросѣ тѣмъ болѣе интересна для наблюденій, что она считается образцомъ централизованнаго государства. Мы коротко изложимъ исторію этого вопроса во Франціи, — и затѣмъ передадимъ читателю свѣдѣнія о послѣднихъ проявленіяхъ литературнаго провинціализма въ двухъ пунктахъ, гдѣ онъ наиболѣе проявляется во Франціи, и притомъ болѣе о практической, педагогической и политической сторонѣ его, чѣмъ о собственно литературно-художественной. Области, гдѣ наиболѣе проявляется литературный провинціализмъ во Франціи, — Бретань, Фламандскіе округа сѣверовосточныхъ департаментовъ, и Провансъ съ прилегающими южными департаментами.

Изъ этихъ областей фламандское литературное движеніе во Франціи есть только отраженіе движенія, возникшаго и развивающагося въ Бельгіи, а потому мы и оставимъ его въ сторонѣ настоящаго очерка, ограничившись самыми короткими замѣчаніями.

I.

Если выдѣлить изъ общей суммы людей, говорящихъ нѣмецкими нарѣчіями, — которыхъ область тянется по берегамъ морей Нѣмецкаго и Балтійскаго, отъ Дюнкирхена до нашихъ Остзейскихъ губерній, — т. е. изъ 15—17 милліоновъ, собственно фламандскую вѣтвь, то наибольшая часть ея помѣщается въ Бельгіи и Люксембургѣ, гдѣ изъ 4.782,255 жителей въ 1861 г. было 2.666,290 человекъ фламандцевъ. Во Франціи, въ округахъ около Сентъ-Омера (деп. Pas de Calais), Дюнкирхена и Газебрука (деп. Nord), въ 202 общинахъ говорятъ до сихъ поръ по-фламандски. Что касается до Бельгіи, то здѣсь собственно никогда не прерывалась богатая въ средніе вѣка литература фламандская, равно какъ никогда фламандское нарѣчіе не лишалось совершенно и оффиціальнаго значенія; оно только, то во время присоединенія Бельгіи къ Франціи, то къ Голландіи, то потомъ во времена востановленія самостоятельности Бельгіи отступало, подъ преобладаніемъ французско-валлонскихъ округовъ, на второй, и иногда очень задній, планъ въ управленіи и преподаваніи, оставаясь въ силѣ только въ церковной проповѣди. Въ послѣднее время усилія фламандскихъ патріотовъ въ Бельгіи, достигнуть полнаго равноправія фламандскаго языка съ французскимъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни общественной, близки къ достиженію цѣли. Въ прошломъ году фламандскій языкъ былъ, посредствомъ парламентскаго постановленія, уравненъ въ правахъ съ французскимъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Исторія этихъ усилій, отношенія фламандскаго движенія (*De vlaemsche beweging*) къ голландскому, нѣмецкому и французскому элементамъ весьма интересны, но выходятъ изъ предѣловъ нашей настоящей статьи. Конечно, во Франціи фламандское движеніе питается изъ Бельгіи. Но и во Франціи, въ Дюнкирхенѣ, въ 1853 г. образованъ комитетъ, имѣющій цѣлью повровительствовать поддержанію и развитію фламандской рѣчи во Франціи; комитетъ издаетъ свой ежегодникъ и на французскомъ языкѣ (*Annales du comité flamand de France*);

замѣтательно, что комитетъ выбралъ своимъ почетнымъ президентомъ известнаго нѣмца-филолога Якова Гримма, и несмотря на это и на цѣль комитета, уставъ его былъ утвержденъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Нѣмцы смотрятъ на фламандцевъ, какъ на вѣтвь ихъ народа, — что, конечно, съ учено-этнографической стороны и вѣрно, но нѣмецкая журналистика не отдѣляетъ отъ ученыхъ идей и политической идеи, и старается раздуть у фламандцевъ вражду «германскаго элемента» къ французско-романскому. Но такъ какъ, несмотря на то, что далеко еще не всѣ требованія, которые кажутся фламандскимъ патріотамъ законными, исполнены, во французскомъ элементѣ въ Бельгii и во Франціи нѣтъ систематическаго, принципиальнаго отрицанія требованій и цѣлей фламандцевъ, то у фламандцевъ замѣчается совершенно не такое отношеніе къ французамъ, каково, напр., у славянъ къ нѣмцамъ, и въ то же время обнаруживается весьма мало готовности погрузиться въ пангерманизмъ даже литературномъ, не говоря уже о политическомъ. Это не мѣшаетъ фламандцамъ считать очень близкими себѣ духовныя произведенія нѣмецкаго племени, а небольшую, но владѣющую нѣсколькими талантами литературу «плат-дейчскаго діалекта» считать почти родной себѣ ¹⁾. Какъ нарочно, чтобы опровергнуть стремленіе присоединять къ нынѣшней Германіи всѣ округа, которые по ученымъ розысканіямъ оказываются германскими, въ послѣднюю войну мобили сѣвернаго департамента въ арміи Федерба показали особенное упорство и стойкость, подобно тому какъ именно эльзасцы упорно желали продолженія войны до крайности, а цюрихцы изъ всѣхъ сосѣдей Германіи наиболѣе рѣзко протестовали противъ празднованія нѣмецкихъ побѣд ²⁾. Еще раньше образованія спеціальнаго фламандскаго комитета во Франціи, въ 1851 г. многіе духовные заявили академическому совѣту сѣвернаго департамента мнѣніе о необходимости допущенія въ элементарное образованіе фламандскаго нарѣчія. До сихъ поръ это требованіе не исполнено, но въ церкви фламандское нарѣчіе употребляется чѣмъ дальше — все больше. Во время выборовъ въ 1870 г. префектъ Лилля, для того, чтобы подѣйстви-

¹⁾ Объ ней смотри М. Миллера, *Essays*, т. III, и Klaus Groth—*Die Mundart und die mundartige Dichtung*.

²⁾ Въ Эльзасѣ сочиняются стихотворенія на мѣстномъ нѣмецкомъ языкѣ, проповѣдующія ненависть къ нѣмцамъ (*Lieder des Hasses. Politische Gedichte einer Elsasser. Genf. 1871.*) и печальное прощаніе съ Франціей (*Elsaessische Sonnette. Basel. 1871.*).

вать больше на избирателей, долженъ былъ писать циркуляры на фламандскомъ нарѣчїи, которое такимъ образомъ получаетъ официальное признаніе и въ унитарной Франціи.

Движеніе бретонское и провансальское возникло специально на французской почвѣ, хотя и эти движенія имѣютъ свои внѣшнія отношенія: первое къ княжеству Уэльскому, второе къ Каталонїи. Начались оба движенія съ археологическихъ, филологическихъ ученыхъ работъ и стихотворныхъ диалектанскихъ упражненій, отличающихся идиллическимъ или близкимъ въ характеру средневѣковыхъ и народныхъ стихотвореній, піэтистическимъ содержаніемъ. За границей, не всѣмъ, даже ученымъ, извѣстно, какъ возрастало по разнымъ угламъ Франціи количество ученыхъ и литературныхъ обществъ, и отдѣльныхъ сочиненій и изданій, посвященныхъ провинціальной археологїи, исторїи, этнографїи. Между тѣмъ, бѣглый взглядъ на библиографію даже 1870 г. показываетъ, что въ этотъ неспокойный годъ провинціальныя учебно-литературныя общества и академіи, провинціальныя ученые далеко не оставили своихъ работъ. Въ суммѣ количество ученыхъ обществъ въ провинціяхъ и работъ по изученію провинцій во Франціи въ послѣднее время едва ли не превосходитъ количество таковыхъ въ Германїи, несмотря на то, что въ послѣдней, провинціи—государства, и что уже одни многочисленныя сочиненія и брошюры біографическія, генеалогическія и т. п. о правившихъ и правящихъ въ разныхъ мѣстахъ Германїи домахъ наполняютъ цѣлыя страницы библиографій¹⁾. Въ этихъ трудахъ и изданіяхъ принимаютъ не малое участіе провинціальныя клерикально-архистократическія кружки, что тѣмъ болѣе естественно, что провинціальная исторія показываетъ не мало дѣйствительныхъ заслугъ то знатныхъ родовъ, то монастырей для колонизаціи, хозяйства, образованія въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ числѣ издателей и собирателей памятниковъ народной словесности, которыхъ съ каждымъ годомъ все больше печатается во Франціи, немалый процентъ составляютъ лица съ титулами маркизовъ, виконтовъ, или, по крайней мѣрѣ, съ дворянской частичкой *de*.

Занятія археологїей привели постепенно къ занятіямъ этнографїей и народной поэзіей,—а эта послѣдняя къ идеямъ о сохраненіи

¹⁾ Напр., даже въ 1870 г. вышли толстые томы въ 400—600 стр. междуархивнаго общества въ Брестѣ, въ Лаонѣ, академіи въ Клермонъ-Ферранѣ, императорскихъ въ Дижонѣ, Мецѣ, Реймсѣ, Савойской въ Шамберѣ, Станиславовской въ Нанси, не считая ежегодника института провинціального (*Annuaire de l'Institut des provinces, des sociétés savantes et des congrès scientifiques*), *Revue Celtique* и др., и множество монографій по исторїи провинцій, этнографїи и т. п.

и развитіи народныхъ языковъ, — въ кельтофильству, ново-провансальству и т. п. Изъ этихъ движеній кельтофильство любопытно въ томъ отношеніи, что на исторіи его съ прошлаго вѣка до послѣднихъ годовъ мы можемъ видѣть всѣ характеристическія особенности патріотическаго движенія, начавшагося съ археологическаго дилеттанства и перешедшаго черезъ романтизмъ въ идеямъ, важнымъ какъ въ научномъ, такъ и въ соціально-политическомъ отношеніи.

Уцѣлѣвшіе до XIX в. языки кельтскіе раздѣляются лингвистами на двѣ группы: ирландско-гаэльскую (Gaëlic, Ghandhelic, Erse) и кимро-бретонскую (Сумгаес, Кумрике, Gallic). Къ первой принадлежатъ діалекты: а) гаэльскій, или эрскій, распадающійся на ирландскій (Irish, Fenic, или Gaëlic-Eironach) и горно-шотландскій (Gaëlic-Albanach) и б) менскій (Manx), — языкъ жителей о-ва Менъ; во второй: с) уэльскій (Welsh, Сумгае, Кумбре) — въ Кумберлендѣ и въ велик. кн. Уэльсъ, d) корнуэльскій (Cornish), недавно вымершій, и е) бретонскій или арморическій (Breizal, Brezonek, Bas-Breton, Armoricaïn), распадающійся на нарѣчія: Treger или Trecozien (въ окр. Tréguier), Léon (въ окр. S. Paul-de-Léon) Kerné или cornique (въ окр. Quimper) и Gwened или Vanneton (въ окр. Vannes). Всѣ эти діалекты подвергались большей или меньшей литературной обработкѣ и, кромѣ вымершаго — корнуэльскаго, имѣютъ теперь литературу.

Извѣстны показанія Цезаря и Страбона о богатомъ развитіи религиозно-эпической поэзіи у кельтовъ въ Галліи и особенно на островахъ ¹⁾, — но въ сколько-нибудь цѣломъ видѣ ничего изъ этихъ поэмъ въ нѣсколько тысячъ стиховъ до насъ не дошло. Была одна эпоха, когда земли крайняго кельтскаго запада были едва ли не самыми цивилизованными странами въ Европѣ, кромѣ Византіи; это V—VI вѣка, когда варвары заняли и опустошили всѣ земли западной римской имперіи, кромѣ Уэльса, Ирландіи и Бретани, — которые явились убѣжищами римской культуры и христіанства на Западѣ. Ирландія и Уэльсъ имѣли богатые книгохранилища, высылали миссіонеровъ въ Швейцарію, Германію и

¹⁾ Caesar, de Bello Gallico, VI. Magnum numerum versuum... multa de sideribus et eorum motu, de mundi ac terrarum magnitudine, de rerum natura... Ср. Страбона, Геогр. IV, p. 248. То, что говоритъ Діодоръ Сицилійскій, вслѣдъ за Гекатеємъ, объ островѣ съ храмомъ солнца, гдѣ барды поютъ ему славу, отзывается больше мнѣшескими представленіями о краяхъ свѣта, чѣмъ реальными свѣдѣніями о британскихъ островахъ.

т. п. Нѣсколько столѣтій спустя, рыцарскій міръ наполнился именами короля Артура, Лоэнгринна, Тристана и Изольды, мага Мерлина, которыя послужили центрами цикловъ поэмъ, романовъ, сказозъ, — къ которымъ привязывались и сказанія франкскія, германскія, арабо-сицилійскія. И до сихъ поръ еще большинство изслѣдователей видятъ въ этихъ поэмѣхъ и романахъ передѣлку стараго кельтскаго друидическаго и героическаго эпоса, — хотя понемногу начинаютъ высказываться и другія мнѣнія о чисто-книжномъ и позднѣйшемъ и притомъ восточно-греческомъ происхожденіи всѣхъ этихъ сказаній, только внѣшнимъ образомъ приуроченныхъ къ землямъ кельтскимъ, можетъ быть именно потому, что эти отдаленныя земли были по невѣдомости своей удобнымъ мѣстомъ для приурочиванія героическихъ дѣяній. Есть возможность предположить средній путь для рѣшенія вопроса объ отношеніи романовъ артуро-мерлинова цикла къ старо-кельтскимъ преданіямъ. Весьма возможно, что тѣмы и подробности многихъ рассказовъ вышли съ Востока черезъ грековъ, — но именно связи Галліи съ Малой Азіей и Византіей въ III — IV в. и послѣ, и потомъ относительно высокая культура книжная въ Ирландіи до XI в. были причиною, почему здѣсь впервые акклиматизировались и восточные романы, которые должны были принять въ себя и мѣстный элементъ. Какъ бы то ни было, — но вслѣдствіе несчастной исторіи кельтовъ бретанскихъ, ирландскихъ и уэльскихъ, тѣснимыхъ франками, саксами и норманнами, образованность въ земляхъ кельтскихъ упала, — и остатки древней чисто-кельтской литературы, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, — вовсе не такъ богаты, какъ можно было бы ожидать. Чѣмъ дальше въ XVI—XVII в., — въ то время, когда литературы народовъ, взявшихъ политическій перевѣсъ надъ кельтами, все больше растутъ, — кельтскія литературы становятся все слабѣе.

Въ Ирландіи, если не считать архаическихъ гадательныхъ надписей алфавитомъ *ogham*, — чертами, которыя по всей вѣроятности древне-кельтскія, но до сихъ поръ плохо обслѣдованы¹⁾, —

¹⁾ О нихъ: Mac-Meoghagan, Histoire de l'Irlande ancienne et moderne. 3 vol. Paris, 1758, t. I, 32. O'Conor, Rerum Hibernicarum scriptores veteres, 4 vol. Buckinghamiae, 1814, t. I, p. XXXIII. Lagneau-Celtes, le Dictionnaire encyclop. des sciences médicales. Paris. 1873, 1. 732. — Древнѣйшія дешифрованныя надписи по-кельтски это — писанныя греческимъ алфавитомъ надписи на дольменахъ и монетахъ во Франціи: о нихъ см. у Пюте — Aperçu général sur la numismatique gauloise, въ Dict. Archéol. publ. par la comm. de la topogr. des Gaules. Paris, 1866, и Essai sur quelques inscriptions en langue Gauloise. Genève. Paris. 1859.

древнѣйшіе извѣстные памятники чисто-кельтской литературы не восходятъ дальше VII вѣка: это—глоссы, кельто-ирландскія слова и объясненія въ латинскихъ рукописяхъ. За ними слѣдуютъ религиозные гимны; особенно много ихъ изъ X—XI в. Наиболѣе памятниковъ кельто-ирландскаго языка дали XI—XII вѣка: это хроники, анналы, законы, такъ-называемые *lois des Brehons* (Brehon—судья), переводы съ французскаго и латинскаго, романы и т. п. Съ XVII в. въ Ирландіи почти перестаютъ писать по-ирландски, хотя и теперь 1.200,000 иначе не говорятъ, какъ по-кельтски. Литературная исторія шотландскихъ кельтовъ подобна ирландской. Знаменитая поддѣлка Макферсона обратила всеобщее вниманіе на поэзію горныхъ шотландцевъ. Особая коммиссія ученыхъ и литераторовъ изслѣдовала эту поэзію,—и нашла много балладъ, изъ которыхъ Макферсонъ сдѣлалъ свое изданіе (псевдо-) Оссіана; несомнѣнно, что много кельтскаго вошло и въ англо-шотландскія баллады, изданныя (тоже не безъ подправокъ) Вальтеръ-Скоттомъ (*Minstrelsy of the Scottish border*, 1802—1803). Изданія Макферсона и Вальтеръ-Скотта, возбуждѣвъ вообще сочувствіе въ кельтизму, можно сказать, не только открыли эру нео-кельтизма, но и эру изученія средневѣковой и народной поэзіи въ Европѣ,—но спасти кельтскую народность въ Шотландіи было уже поздно. Тамъ она совсѣмъ почти вымерла. Вымерла она совершенно въ Корнуэльсѣ, гдѣ въ XII в. былъ составленъ словарь кельто-латинскій, а въ XIV—XV в. развилась-было довольно обильная литература мистерій. Гораздо благоприятнѣе стояло дѣло кельтской народности въ Уэльсѣ, защищенномъ горами, и благодаря, можетъ быть, тому, что здѣсь рано оставлены были всякія претензіи на политическую отдѣльность отъ англійскихъ повелителей, а потому здѣсь и не было тѣхъ жестокихъ войнъ, конфискацій, выселеній, какимъ подвергались Ирландія и горная Шотландія въ XVII в. Хотя приводимыя нѣкоторыми кельтофилами уэльскія пѣсни изъ VI в. и сомнительны, но изъ VIII—IX в. дошло до насъ много уэльскихъ глоссъ, а изъ XI—XII в. гимновъ. Древнѣйшіе памятники и преданія Уэльса собраны въ изданіи «*The Myvirian Archeology of Wales, collected by Will. Owen*» (3 vols. Wales, London 1801—1807). Реформація отразилась благоприятно на развитіи литературы въ Уэльсѣ, который теперь имѣетъ изъ всѣхъ кельтскихъ земель наиболѣе богатую литературу, о коей мы скажемъ нѣсколько словъ дальше.

Во французской Бретани, или Арморикѣ, горячіе кельтофилы тоже находили, или, лучше сказать, сочиняли пѣсни, будто

бы редакціи VI в. и раньше (см. объ этомъ дальше ¹). Но древнѣйшія рукописи бретонскія врядъ ли восходятъ дальше XV вѣка: это мистеріи (древнѣйшая отъ XIV—XV в.), о коихъ скажемъ ниже, и глоссарій. Въ XVI в. нѣсколько книгъ бретонскихъ разнаго содержанія было напечатано, но чѣмъ дальше къ XVII—XVIII в.—число ихъ становится все меньше. Въ XVIII в. изданія шотландскія и уэльскія начинаютъ обращать вниманіе учено-литературнаго міра и на французскихъ бретонцевъ, которымъ начинаетъ благопріятствовать и вообще усилившееся въ половинѣ XVIII в. вниманіе къ древностямъ Франціи. Но рѣшительный толчокъ къ возрожденію кельтизма во Франціи совпадаетъ съ временемъ революціи, которая однимъ бокомъ своимъ стирала провинціальныя отличія, а другимъ вызывала къ жизни всѣ народныя силы,—то прямо, то косвенно и реактивно, — особенно со временемъ вандейской реакціи, которую слѣдуетъ считать за начало политическаго и культурнаго контръ-революціоннаго романтизма на материкѣ Европы, столь богатаго моральными и политическими послѣдствіями. Кабинетные ученые, потомъ романтики-католики въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., чѣмъ дальше, все чаще начинаютъ изучать кельтскія древности и языкъ, говорить о «кельтскомъ духѣ», а наконецъ и писать по-кельтски, — открываютъ періодъ *кельтоманіи*, надъ которою смѣются теперь и сами кельтофилы, но которая была неизбежнымъ предисловіемъ и теперешняго серьезнаго кельтофильства. Рядъ трудовъ надъ бретонскою народностью открываютъ духовные: Dom Martin (*La religion des Gaulois*, Paris 1727); Gregoire Rostrenen, издавшій словарь бретонскій въ 1732 г. и грамматику въ 1738 г.; Dom Taillandier издалъ серьезный для своего времени трудъ, Dom Le Pelletier—*Dictionnaire de la langue Bretonne*, въ 1752 г. ²). На бѣду еще показанія этихъ ученыхъ, показанія о древнѣйшихъ имъ попадавшихся памятникахъ кельто-бретонскаго языка и литературы вышли противорѣчивы. Такъ Рострененъ въ предисловіи къ словарю говорить о прорицаніяхъ Guinclaw'a, который будто бы

¹) Знаменитые остатки будто бы древней друидической премудрости, въ родѣ пѣсенъ о числахъ, представляютъ весьма распространенныя у разныхъ народовъ измышленія книжниковъ; см. напр. у Пыпина, „Опытъ Литер. Исторіи русскихъ сказокъ и повѣстей“, 357, 144—145. Wenzel, *Westslavisches Märchenschatz*, 293.

²) Каковы были взгляды и свѣдѣнія самого D. Taillandier, видно изъ того, что онъ говорить въ предисловіи къ словарю, — будто старые бретонцы не знали буквъ, и языкъ ихъ, судя по новѣйшему, былъ вѣрно грубый жаргонъ, неспособный къ стику.

жилъ въ 240 г. по Р. Х.,—а въ грамматикѣ уже ставить число 450 г. Четырнадцать лѣтъ послѣ, Dom Taillandier говорилъ, что «древнѣйшій манускриптъ, найденный Dom Le Pelletier,— это манускриптъ 1450 г., который содержитъ сборникъ предсказаній d'un prétendu prophète nommé Gwinglaff». Благоразумные патриоты вельтскіе новаго времени (Люзель,—о коемъ ниже, и др.) считаютъ послѣднюю цифру самою вѣроятною, — ибо и редакціи ббльшей части пѣсенъ бретонскихъ, до насъ дошедшихъ, относятъ наивдвнѣе въ XIV в. ¹⁾ Но во время вельтоманіи отдавали предпочтеніе показанію Ростренена. Тогда говорили, какъ le Brigant, авторъ грамматики вельтской, что *negata celtica negatur mundus*.

Съ началомъ явнаго поворота на реакцію, при директоріи и Наполеонѣ, который звалъ les chouans—les géants, нѣсколько вельтомановъ сошлось въ Парижѣ и основали Académie celtique. Между ними выдавались Ле-Бриганъ, Мало-Корре, Латуръ-д'Овернь, прозванный первымъ гренадеромъ Франціи, авторъ «Les Origines Gauloises», Камбри, авторъ «Voyage dans le Finistère». Бретонецъ Элоа Жоанно составилъ проектъ академіи, идею которой выразила выбитая въ память ея основанія медаль: на одной сторонѣ геній съ фавеломъ снимаетъ вуаль съ женщины (Галлія), сидящей между дольменомъ и пѣтухомъ (gallus),—женщина подаетъ генію свертокъ, на коемъ написаны вельтскія слова Jez ha Kizion Gall (языкъ и нравы галловъ); вдали друидическій холмъ съ деревомъ и надпись: Sermonem patrium potesque requirer. На другой сторонѣ вѣнокъ изъ омелы и дуба и надпись: Académie celtique fondée an XIII; около вѣнеа: Gloriae majorem.

Академія эта дѣйствовала, съ перерывами въ нѣсколько лѣтъ, до 1863 г. и выдала пять томовъ мемуаровъ съ 1807—1812 г. и 26 томовъ съ 1817—1863 г. Позднѣйшіе вельтофилы признаются сами, что вельтская академія плохо сама знала вельтскій языкъ,—и своими притязаніями всюду искать вельтовъ, всѣ имена географическія въ западной Европѣ объяснять изъ вельтскаго языка, вызвала реакцію и насмѣшки. Но она оставила слѣды своего вліянія надолго.

Образовавшаяся подъ вліяніемъ этой академіи школа вельтофиловъ, сначала впала въ вельтоманію, — которая почти то же говорила

¹⁾ Le Huërou, авторъ Institutions Mérovingiennes и Carlovingiennes и Origines celtiques, въ Dictionnaire historique et géographique d'Ogee, цитируемый Люзелемъ въ книгѣ De l'authenticité des chants du Barzar-Breiz, de M. de la Villemarqué, 9—10.

о кельтахъ и ихъ потомкахъ, что германоманы и славяноманы говорили о своихъ народахъ, т.-е. конфісковали въ пользу своихъ всѣ человѣческія добродѣтели, то христіански-монархическія, то либеральныя, сообразно субъективнымъ идеямъ авторовъ, то соединяя однѣ съ другими и высказывая, что именно одни кельты (какъ у другихъ германцы, или славяне) искони и умѣли соединять тѣ противоположности, изъ-за которыхъ дѣлятся люди у другихъ менѣе богато одаренныхъ Провидѣніемъ народовъ. При этомъ произвольное толкованіе фразъ Цезаревой «Исторіи гальской войны» и Тацитовой «Біографіи Агриколы» играло такую же роль, какъ комментаріи на Тацитову Германію у германомановъ и на Прокпія и Константина Багрянороднаго у славяномановъ. Такое, часто совсѣмъ потѣшное, кельтоманіемъ отличается особенно сочиненіе Жана Рейно, «Genie de la Gaule» — въ которомъ даже подробно излагается, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ почерпнутая, мудрость друидовъ. Кельтоманія коснулась и серьезныхъ ученыхъ, — братьевъ Тьерри, Ренана, Анри Мартена, который видитъ въ кельтахъ особенную способность къ правильному свободному пониманію христіанства. Въ 1848 г. еще Прудонъ, прилагая къ борьбѣ социальныхъ слоевъ теорію народностей (вторую относительно Франціи примѣняли и Свейсъ, — видѣвшій въ среднемъ сословіи галло-римлянъ, и Буланвилье и Монтлозе, выводившіе права дворянства изъ франкскаго завоеванія, и потомъ Августъ Тьерри, придавшій теоріи Свейсса научную оболочку и примѣнившій ее къ исторіи Англіи и Франціи), — Прудонъ, усиливъ эту теорію нѣмецкимъ, гегелианскимъ ученіемъ о смѣнѣ народностей, видѣлъ въ социальныхъ требованіяхъ пролетаріата восстаніе галловъ, стремящихся отмстить за Верцингеторикса, — въ чемъ и сходится съ учено-поэтическимъ романомъ Сю: *Histoire d'une famille à travers les siècles* ¹⁾. Все это вызываетъ теперь улыбки самихъ кельтофиловъ. Но все это повело однакожъ къ ученому изслѣдованію кельтскаго вопроса, въ связи съ животрепещущими вопросами дня, — и дало самому кельтофильству болѣе реальное направленіе. Уже во время дѣйствія кельтской академіи изъ ея членовъ выдался человѣкъ большой

¹⁾ Менѣе серьезные люди заходили, Богъ знаетъ, какъ далеко; такъ Кристофъ Феррь доказывалъ, что какъ Галилея — Галлія, то и Христовъ и апостолы были кельты; что большая часть Европы и передней Азіи до Іерусалима включительно были нѣкогда населены кельтами. Это недавно доказывалъ и нѣмецкій ученый Обермиллеръ, который, впрочемъ, кельтовъ соединяетъ съ германцами, т.-е. дѣлаетъ и своихъ соотечественниковъ сопричастными славѣ кельтовъ.

учености и съ искренней любовью къ народу, — человекъ, котораго надо признать настоящимъ отцомъ новаго вельтческаго движенія. Это былъ Le Gonidec (1775 — 1838), котораго біографію даетъ поэтъ Бривэ при своемъ изданіи бретонскихъ пословиць (Sagesse de Bretagne, 1843). Ле-Гонидекъ родился въ «благородномъ, но бѣдномъ» семействѣ въ Конкѣ (Conquet) на берегу моря, на западномъ концѣ Бретани. Брошенный отцомъ, мальчикъ былъ принятъ на воспитаніе въ замокъ своихъ родственниковъ de Ker-Sauzon'овъ; эти отдали его въ науку подъ надзоръ аббата — наука шла у Гонидека успѣшно, — но политическія волненія заставили юношу прервать ее. Въ 1791 г. де-Керъ-Созонъ, конечно, роялистъ, эмигрировалъ, и молодой Ле-Гонидекъ занялся управленіемъ замка и сталъ наставникомъ дѣтей бѣжавшаго аристократа. Скоро имѣніе послѣдняго было конфисковано, и Гонидекъ переехалъ въ Брестъ. Тамъ ему предложили принять начальство надъ отрядомъ шуановъ, — и хотя онъ не согласился, но какъ послѣ обыска у него нашли небольшой складъ оружія, то Гонидекъ былъ арестованъ и приговоренъ къ казни (1793 г.). Уже на площади передъ гильотиной Гонидекъ былъ освобожденъ небольшимъ отрядомъ неизвѣстныхъ друзей, коимъ удалось сбить солдатъ. Гонидеку пришлось скрываться въ городѣ и деревняхъ, принимать участіе въ гражданской войнѣ, ѣзжать два раза въ Англію, — пока амнистія 18 брюмера не позволила ему вернуться къ спокойной жизни. Съ 1804 г. онъ поступилъ на службу въ лѣсное вѣдомство, — и потомъ занималъ нѣсколько мѣстъ при Наполеонѣ во Франціи и за границей (въ Гамбургѣ, гдѣ у Гонидека, при изгнаніи французовъ въ 1813 г., пропало много книгъ и рукописей); при Бурбонахъ онъ занималъ разные низшія мѣста въ провинціи, а въ послѣдніе годы въ Парижѣ, въ администраціи des Assurances Générales, бывшей, благодаря директору (Gougeuff) своего рода притономъ бретонцевъ въ Парижѣ. Еще во время пребыванія въ замкѣ Керъ-Созоновъ, римѣрь хозяина возбуждалъ въ Гонидекѣ страсть къ изученію ревностей и этнографіи. Страствія по Бретани, жизнь съ крестьянами по лѣсамъ и ландамъ только развили эту страсть и сдѣлали изъ Гонидека отъявленнаго бретонофила. Въ 1807 г. онъ издалъ альто-бретонскую грамматику, построивъ ее преимущественно на народной рѣчи (нужно замѣтить, что средневѣковые памятники бретонцевъ сильно романизованы) и приспособивъ латинскую азбуку къ передачѣ тончайшихъ ея особенностей. Въ 1821 г. онъ издалъ бретоно-французскій, за которымъ скоро послѣдовалъ

французско-бретонскій словарь. Эти труды Гонидека обратили на него вниманіе ученыхъ авторитетовъ,—какъ Ренуаръ и т. п. Но Гонидекъ не думалъ ограничиться изученіемъ бретонскаго языка, какъ мертвѣго или умирающаго. Онъ прямо заявилъ намѣреніе обезпечить жизнь его, сдѣлавъ его орудіемъ нравственныхъ потребностей времени,—разумѣется, какъ понималъ ихъ самъ Гонидекъ. А въ этомъ отношеніи онъ былъ католикъ-романтикъ. Вскорѣ послѣ изданія словаря Гонидекъ напечаталъ переводъ историческаго катихизиса Флери (Katchiz historik), а въ 1827 г. Новый Завѣтъ, который Бризѣ называетъ самымъ лучшимъ памятникомъ бретонскаго языка. Все почти изданіе потребовано было въ Уэльсъ британскимъ библейскимъ обществомъ, которое просило и перевода Ветхаго Завѣта, несмотря на то, что Гонидекъ, какъ усердный католикъ, дѣлалъ свои переводы по Вулгатѣ. Для послѣдняго труда Гонидеку нуженъ былъ лексиконъ латинско-галльскій, изд. въ XVII Девисомъ,—который онъ насилу нашелъ. Работа была долга,—такъ что при жизни Гонидека не успѣли издать этого труда. Гонидекъ издалъ также переводъ знаменитаго «Подражанія Христу» Фомы Кемпійскаго. Переселившись въ Парижъ, Гонидекъ сталъ центромъ кружка бретонцевъ, и привлекъ къ себѣ вниманіе извѣстныхъ специалистовъ по собранію и изученію старины. Въ 1838 г., незадолго до смерти, Гонидекъ президентствовалъ на собраніи бретонцевъ въ Парижѣ, которое постановило ежегодно собираться,—и произнесъ рѣчь на бретонскомъ языкѣ, гдѣ между прочимъ сказалъ такіа слова: «Я хотѣлъ спасти отъ неизбѣжной гибели языкъ нашихъ отцовъ, который давалъ имъ столько силы. Если я сдѣлалъ что-либо, чтобъ заслужить ваши похвалы,—я обязанъ этимъ любви къ отечеству, которая рождается вмѣстѣ съ жизнью въ сердцахъ всѣхъ бретонцевъ». Такъ именно періодъ наибольшаго давленія централизма на провинціально-національныя особенности и породилъ дѣятеля, который сталъ начинателемъ сознательной реакціи на защиту національной особенности Бретани. Случилось это въ силу того закона, о коемъ говорятъ приведенныя выше слова Перрена, — что оппозиція всегда хватается между прочимъ за органическое, національное чувство. Что касается Бретани, то въ виду централистическаго игнорированія французскимъ правительствомъ не-французскихъ народностей и языковъ, всякій связующій себя бретонецъ есть прирожденный человѣкъ оппозиціи,—а во времена конвента во Франціи католицизмъ былъ гонимъ вмѣстѣ со всякими мѣстными элементами. Отсюда до союза между католицизмомъ и мѣстнымъ патріотизмомъ было недалеко,—и этотъ

союз давалъ, конечно, силу мѣстному патриотизму въ то время, когда послѣдній самъ по себѣ былъ еще слабъ. Да онъ и вообще слишкомъ слабъ, если не свяжется съ широкими всемирными интересами религіозными, или политическими, или социальными. Въ Ле-Гонидевѣ мы видимъ ясно союзъ католицизма съ бретонифильствомъ, союзъ, который не долго остался и у его послѣдователей. Важнѣйшіе по вліянію изъ послѣдователей Ле-Гонидева были: ученый виконтъ Де-ла Вильмаркѣ и поэтъ Бризе (Brizeux). Вотъ важнѣйшія изъ сочиненій и изданій Де-ла Вильмаркѣ: 1) *Barzaz-Breiz, Chants populaires de la Bretagne*, 1839, и съ тѣхъ поръ семь изданій до 1867 г. 2) *Les Bardes Bretons (poèmes du sixième siècle*, два изд. 3) *Le roman de la table ronde et les contes des anciens bretons*; пять изд. до 1807. 4) *Myrdhinn ou l'enchanteur Merlin*, два изд. 5) *La Légende Celtique en Irlande, en Cambrie et en Bretagne suivie de textes originaux*. 1859. 6) *Le grand mystère de Jesus, drame breton du moyen age*, два изд. 7) *Les bretons d'Angleterre et le breton de France*, въ *Revue des cours scientif.* 1867. t. IV. 8) *Les prières et les textes celtiques*, въ *Rev. archéol.* Fevr. 1868. 9) *De l'avenir des langues Celtiques*. Кромѣ того, Де-ла Вильмаркѣ издалъ съ своими дополненіями лексиконъ Ле-Гонидева, 1850.

Вильмаркѣ сталъ собирать народныя пѣсни еще въ ранней молодости. Онъ рассказываетъ, что первыя пѣсни ему достались отъ матери, которая лечила одну нищую пѣвицу. Эта, не зная, чѣмъ отблагодарить за леченіе, пропѣла пѣсню, которая такъ понравилась графинѣ Вильмаркѣ, что она стала просить ее пропѣть для нея еще нѣсколько. Впослѣдствіи графиня не разъ призывала эту нищую, уже по просьбѣ сына. Изданія Вильмаркѣ оказали очень широкое вліяніе и за предѣлами Бретани. *Barzaz-Breiz* былъ одинъ изъ первыхъ систематическихъ сборниковъ народной поэзіи на материкѣ Европы, приготовленной къ изученію народной словесности романтизмомъ. Во Франціи же онъ долго составлялъ нѣчто въ своемъ родѣ единственное, пріятель для другихъ провинцій. Можно сказать, что черезъ Вильмаркѣ, второй разъ послѣ Макферсона и Вальтеръ - Скотта, кельтская народная поэзія возбуждала вниманіе образованнаго общества къ народной поэзіи вообще, — со всѣми учеными, литературными и общественными послѣдствіями такого вниманія. Тогда, въ 1845 г., министръ народнаго просвѣщенія, гр. Сальванди образовалъ комиссію, которая бы «собрала народныя пѣсни, посвященныя религіи, воспоминаніямъ народнымъ, наставленіямъ, — пѣсни, которыя поетъ народъ въ каждой провинціи Фран-

ци,—всѣ, которыя заключаютъ блестящіе факты народной исторіи, всѣ пѣсни, перешедшія по преданію, способныя научить народъ въ деревняхъ и городахъ любить Бога, отечество и обязанности», онъ передалъ каждому члену этой комиссіи по экземпляру *Barzaz-Breiz* Вильмарке ¹⁾. Къ сожалѣнію, Вильмарке простеръ свою любовь къ народной повѣи своихъ земляковъ до поддѣловъ. Ему слишкомъ хотѣлось, чтобъ пѣсни бретонскія представляли поэтическую исторію Бретани, и для этого онъ переделалъ многія изъ нихъ, а другія, кажется, и совсѣмъ сочинилъ.

Любопытно прочесть у Люзеля разсказъ, какъ страдалъ онъ при видѣ того, что ему не удавалось находить въ собственной землѣ у народа такихъ «прекрасныхъ, стройныхъ» пѣсней и куплетовъ, какія будто бы удавалось собирать де-ла-Вильмарке и де-Пангерну. Въ 1857 г. послѣдній напечаталъ въ *Athenaeum Français*, будто бы народную пѣсню «Монахъ Зелѣнаго острова». Люзель записалъ въ разныхъ мѣстахъ пѣсню о монахахъ, которые соблазнили, а потомъ убили дѣвушку: то же, да не то! Какъ ни бился бѣдный Люзель, ища того варьянта, который напечаталъ его счастливый товарищъ, крестьяне отвѣчали ему: нѣтъ, ничего подобнаго мы не слышали. — «А этого ты не находишь нигдѣ?» спрашивалъ Люзеля де-Пангернъ, читая ему припѣвъ и Люзелемъ слышанной пѣсни «Морскіе Волки». — «Нѣтъ, не слыхалъ!» горестно сознавался Люзель: «но я поищу, и найду-таки». «Ищи», говорилъ коварный другъ, «но не найдешь нигдѣ» ²⁾. Въ примѣрѣ самой еще легкой поправки, какую, очевидно, допустилъ Вильмарке въ народной пѣсни, можно указать на ту, которую онъ озаглавилъ *Héloïse et Abailard*. У Люзеля (*Gwerziou*, стр. 50 и слѣд.) приведены два варьянта пѣсни о вѣдмѣ, которая закручиваетъ хлѣбъ, какъ водится это всюду, и потомъ разсказываетъ,

¹⁾ Революція 1848 г. прервала работы этой комиссіи. Послѣ, въ 1852 г., по представленію Фуртуля Наполеонъ-президентъ распорядился объ изданіи *Chants populaires de la France*. Амперъ, постоянно находившійся въ связи съ Вильмарке, составилъ *Instructions relatives aux poésies populaires de la France*. Послѣ памятники, присланные комиссіи, были изданы подъ редакціей Раттри. Другіе замѣчательные сборники пѣсней французскихъ вышли всѣ въ недавнее время подъ вліяніемъ движенія, произведеннаго кружкомъ Вильмарке: 1) *Beaugrepaire, Etude sur la poésie popul. en Normandie et spécialement dans l'Avranchin*. P. 1856; 2) *Champfleury, Chants populaires des provinces de France*. P. 1860; 3) *De Puymaigre, Chants populaires recueillis dans le pays mevin*. Metr. P. 1865. 1 v. 4) *Bujeaud, Chants et chansons populaires de provinces de l'Ouest, Poitou etc. avec les airs originaux*. P. Niort. 1866. 2 v.

²⁾ *Gwerziou Breiz-Izel*, p. 284, 285, 74, 75.

какъ она научилась колдовству. У Вилльмарке мы видимъ только одинъ разсказъ вѣдьмы, но начинается онъ такъ: «мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда я оставила домъ моего отца и послѣдовала за моимъ клеркомъ, за моимъ милымъ Абелярдомъ; когда я пошла въ Нантъ, съ моимъ милымъ клеркомъ, я не знала другого языка, кромѣ бретонскаго» и т. д. Тутъ, говоритъ Вилльмарке, Элоиза становится вѣдьмой, но такое превращеніе не новость: Амперу въ Неаполѣ говорилъ нищій, указывая на развалины мола: «*lo fece Pietro Bailardo per una maga*». Очевидно, что эта фраза, сказанная въ Италіи, гдѣ въ народъ проникло изъ книгъ свѣдѣній и именъ гораздо больше, чѣмъ гдѣ либо, и подала Вилльмарке, въ качествѣ патріота скорбѣвшему, что въ отечествѣ Абеярдла и Элоизы народъ о нихъ не знаетъ,—идею передѣлать упомянутую пѣсню. Самъ же Абеярдъ былъ менѣе любезенъ въ кельтской народности, чѣмъ бретонскій патріотъ къ нему: Абеярдъ выражался о языкѣ бретонскомъ: «*Lingua mihi ignota et turpis*».

Биографія поэта Бризе (1803—1858) нѣсколько схожа съ биографіей Ле-Гонидека, съ тою только разницею, что, живя нѣсколько позже, въ менѣе смутныя времена, когда романтизмъ сдѣлалъ свое дѣло и парализовалъ то отвращеніе отъ старины, села, провинціи, которымъ отличались передовые люди времени революціи, Бризе могъ развиться правильнѣе, болѣе согласить свои мѣстные тенденціи съ общимъ передовымъ направлениемъ Франціи и вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ пойти далѣе Ле-Гонидека въ своихъ требованіяхъ отъ бретонской литературы. Родился Бризе въ Лоріанѣ, въ небогатомъ семействѣ, переселившемся изъ Голландіи, и рано остался безъ отца. Мать, которая имѣла на Бризе большое вліяніе, послала его учиться въ Арзано къ священнику Лениру. Этотъ священникъ былъ самъ по себѣ весьма интересная личность. Онъ едва вышелъ изъ школы, какъ настала революція и терроръ. Молодой Лениръ принадлежалъ къ тѣмъ наивнымъ лицамъ, которыя стали появляться въ вѣкъ сентиментализма, предшествовавшаго романтизму, и которыя, будучи гуманными и отъ всей души стремясь къ той же чистотѣ жизни, среди природы, что и вообще поклонники Руссо, сохраняли однакожь въ себѣ слишкомъ большую долю мистицизма и пѣтизма, чтобы разорвать съ католицизмомъ. Напротивъ, въ силу своего благодушества, они и въ католицизмѣ видѣли только его благодушную, поэтическую сторону, и были на сторонѣ реакціи, не принимая участія ни въ грѣхахъ, ни въ выгодахъ стараго порядка. Бризе опозитивировалъ своего учителя съ его евангелиемъ и Виргилиемъ въ

тѣхъ поэтическихъ отрывкахъ, которымъ онъ далъ имя «Marie», а нѣсколько лѣтъ спустя видимо имѣлъ передъ собою образъ его, когда, путешествуя въ Италиі, написалъ стихотвореніе, гдѣ, немного страннымъ для строгаго доктринерски-католическаго уха образомъ, назвалъ тремя посланниками божественной любви: Рафаэля, который умѣлъ писать прелестныхъ и невинныхъ дѣвъ и дѣтей, апостола Іоанна, который забываетъ говорить о гнѣвѣ божіемъ, казняхъ и гееннахъ, а говорить только о любви, и Виргилія, который, хотъ и язычникъ и умеръ безъ крещенія, но достоинъ, чтобъ Іисусъ его любилъ, ибо онъ «кротостью поднимаетъ насъ къ истинному Богу и дѣлаетъ всѣ души сестрами»¹⁾.

• Кроткій Лениръ имѣлъ одну страсть: учить дѣтей. Этой-то страсти предавался онъ подъ страхомъ наказанія, во времена конвента, а потомъ онъ далъ ей полную волю, когда былъ сдѣланъ при Наполеонѣ священникомъ въ Арзано. Само собою разумѣется, что училъ онъ главнымъ образомъ катехизису, въ своемъ духѣ, и по-бретонски, что обезпечивало ему необыкновенный интересъ учениковъ, которые приходили нарочно издалѣка²⁾.

Кончивъ ученіе у Ленира и побывъ нѣкоторое время у него помощникомъ, Бризё въ 1816 г. поступилъ въ коллегію въ Ваннѣ (Vannes) какъ разъ въ то время, когда Бретань только что успокоилась послѣ возстанія, которое она произвела противъ Наполеона, частію изъ ненависти къ тысячамъ смертей, причиненныхъ его войнами, частію изъ легитимизма. И тотъ и другой мотивъ весьма характеренъ: окраина, далекая отъ центра политической жизни, отличная отъ него по народности, Бретань неслась всѣ тяжести войны, не принимая непосредственнаго участія не только въ выгодахъ, но даже и въ такъ-называемой гордости національной и славѣ побѣдъ французскихъ; естественно, что она была за миръ, и въ этомъ полезная для человѣчества сторона развитія самосознанія такихъ не-государственныхъ группъ, какъ Бретань. Но, съ другой стороны, будучи недовольна тяжелою современностью, Бретань обращала очи не впередъ, какъ бы слѣдовало, а назадъ, и прилѣпила свою анти-бонапартистскую реакцію къ легитимизму, къ Бурбонамъ, при которыхъ вовсе не легче было бѣдной провинціи и которыхъ Наполеонъ былъ прямымъ наслѣдникомъ.

Но черезъ таковой періодъ ошибочныхъ помѣщеній противоцентралистическихъ и противо-военныхъ чувствъ прошли вожро-

1) Brizeux. Oeuvres, II, 81—82.

2) См. въ біогр. Бризё, писанной С. Рене-Тальманде при сочиненіяхъ Бризё.

денія всѣхъ племенъ, притѣсненныхъ въ новыхъ государствахъ съ XVIII в. Къ такой ошибкѣ надо причислить и другую, едва ли не болѣе важную, которую мы отмѣтимъ дальше и подробнѣе у бретонфиловъ: тяготясь подъ давленіемъ воинственной Франціи, бретонцы не могли сразу отрѣшиться отъ воинственно-славолюбиваго идеала, — и утѣшали себя то тѣмъ, что и они тоже не послѣдніе воины среди французскаго государства, то еще чаще тѣмъ, что и у нихъ былъ періодъ своей военной славы, — тѣмъ и показывали, что и они, какъ оппозиція, собственно стоятъ на томъ же полѣ, что и централистическій элементъ, противъ котораго они ведутъ свою оппозицію. Всѣ эти противорѣчія отразились и на Бризѣ, съ тою только разницею, что онъ, какъ бывавшій въ разныхъ кругахъ, получившій болѣе многостороннее, чѣмъ провинціальныя патріоты, образованіе, — особенно одно время былъ болѣе наклоненъ къ либеральнымъ идеямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ обще-французскому патріотизму. Находя естественнымъ, что у «крестьянъ, и сыновей ихъ священниковъ и солдатъ не было другого выхода, кромѣ какъ стать шуанами», — Бризѣ самъ однако вспоминаетъ, «что на его родинѣ не только шуаны бились противъ Наполеоновыхъ войскъ при Ваннѣ», но что тамъ и «монахъ Абельяръ поднималъ свой взглядъ къ свободной мысли», — а потому онъ называетъ царицей Бретани свободу, — и оплакиваетъ часъ, когда «сѣверныя птицы (англичане, нѣмцы) подавили орла (Наполеона) и свободу Франціи». Бризѣ колебался среди двухъ привязанностей, — къ легитимистской Бретани и къ либеральной Франціи; а на бѣду еще въ двадцатыхъ годахъ, какъ извѣстно, не видѣли разницы между либерализмомъ и бонапартизмомъ.

Пребываніе въ Парижѣ во время іюльской революціи расширило идеи Бризѣ, который въ особомъ стихотвореніи воспѣлъ свободу. Тамъ онъ попалъ въ кругъ идей новаго романтизма, Гюго, Ламартина и пр., и издалъ собраніе стихотвореній съ слабою связью между собою, подъ заглавіемъ: *Marie* (1831 г.), послѣ котораго уѣхалъ въ Италію вмѣстѣ съ Барбье, гдѣ написалъ много стихотвореній, изданныхъ послѣ подъ заглавіемъ: *Les ternaires* или *La fleur d'or*. Неоднократныя поѣздки въ Италію повели за собою переводъ «Божественной Комедіи», — но бретонскій патріотизмъ пробудился сильнѣе въ Бризѣ, и онъ воротился въ Бретань. Тамъ онъ занялся собираніемъ народныхъ преданій, для чего ходилъ въ крестьянскомъ костюмѣ — вещь вообще рѣдкая въ западной Европѣ. Плодомъ пребыванія Бризѣ на родинѣ было изданіе книжки стихотвореній по-бретонски:

Telen-Arvoz (La Harpe de l'Armorique, 1844) и раньше сборничка пословиць бретонскихъ: Furnez Breiz (La Sagesse de Bretagne, 1843) съ биографіей Ле-Гонидека, а также и неизданный Dictionnaire de topographie bretonne и этнографическая поэма «Бретонцы» (les Bretons, 1845), увѣнчанная академіей по рекомендаціи Альфр. де-Виньи и В. Гюго. Въ 1847 году Бризэ опять ѣдетъ въ Италію, гдѣ между тѣмъ началось революціонное движеніе, къ которому Бризэ, видимо отставшій, отчасти благодаря своему погруженію въ бретонскія народныя возрѣнія, отъ того духа, который еще имѣлъ въ 1830 г., относился не очень симпатично. Въ 1849 г. Бризэ вернулся во Францію, и съ тѣхъ поръ издалъ новые сборники стихотвореній, подъ названіемъ Histoires poétiques, между которыми выдается особенно Primel et Nola.

Было бы долго разбирать даже важнѣйшія сочиненія Бризэ, изъ которыхъ трудно коротко передать содержаніе даже поэмъ, такъ какъ это собственно не поэмъ, а сборъ лирическихъ стихотвореній и балладъ. Такова въ особенности «Magie», въ коей авторъ прерываетъ несплѣдовательное изложеніе своей любви къ соученицѣ Маріи воспоминаніями о школѣ, учителѣ, размышленіями и чувствами къ родинѣ, свободѣ и т. д. Больше связи въ «Бретонцахъ»; но и здѣсь, въ исторію любви клерка Лонка и дочери фермера Анны, вполетены описанія разныхъ мѣстъ Бретани, обычаевъ, особенно богомольевъ, *отпустовъ* (pardons), ярмарокъ, свадебъ, похоронъ, полевыхъ работъ, изложеніе преданій и легендъ и т. п.,—что все дѣлаетъ совершенно невозможнымъ резюмировать поэму Бризэ. Мы остановимся только на тѣхъ сторонахъ сочиненій Бризэ, въ которыхъ выразились его идеи, какъ бретонскаго патріота,—его требованія отъ Франціи и отношенія къ народу бретонскому.

Разумѣется, самая главная особенность и заслуга Бризэ въ отношеніи Бретани состоятъ въ томъ, что онъ постоянно говорилъ о ней и старался выставлять такія стороны ея, которыми могъ привлечь симпатію къ ней французскаго общества,—выставлялъ симпатичныя стороны крестьянства бретонскаго и призывалъ высшій классъ Бретани къ соединенію съ народомъ, указывая на вредное вліяніе на народъ того разрыва, какой существуетъ теперь между высшими и низшими классами и какой порождаетъ классъ полународный, полупросвѣщенный,—схватывающій пороки офранцузеннаго городскаго общества, не имѣя его добродѣтелей. Такъ, уже въ предисловіи къ «Magie», Бризэ говоритъ: «Весьма немногіе обладаютъ точными свѣдѣніями о Бретани. Чтобы оцѣ-

ить простой народъ, нужно быть воспитаннымъ среди него, съ ранней молодости говорить его языкомъ, сидѣть за его столомъ; тогда лишь примѣчается его скрытая, задушевная поэзія и природная прелесть его нравовъ. Просвѣщенные села, окружающія Парижъ, слишкомъ извѣстны: здѣсь нѣтъ ни религіи, ни искусства, ни костюма, ни языка; они не обладаютъ болѣе невѣдніемъ, которое удерживаетъ при нихъ все доброе, — наука, ведущая въ послѣднему, не далась имъ еще. Наука прекрасна для цѣлыхъ народовъ, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, но лишь тогда, когда учащіеся совершаютъ полный кругъ движенія и возвращаются усовершенствованными въ мѣсту отправленія» (Oeuves, I, 3).

Вообще, всю симпатію Бригё отдавалъ своей сельско-народной Бретани, предпочитая жизнь сельскую столицѣ, на примѣръ, въ стихотвореніи, которое мы приведемъ въ подлинникѣ, чтобъ дать понятіе о французскомъ стилѣ бретонскаго поэта: *Le pays*.

Oh, ne quittez jamais, c'est moi qui vous le dis,
 Le devant de la porte où l'on jouait jadis,
 L'église, où tout enfant, d'une voix légère,
 Vous chantiez à la messe auprès de votre mère;
 Et la petite école où, trainant chaque pas,
 Vous alliez le matin, oh! ne la quittez pas!
 Car une fois perdu parmi ces capitales,
 Ces immenses Paris, aux tourmentes fatales,
 Repos, fraîche gâté, tout s'y vient engloutir,
 Et vous les maudissez sans en pouvoir sortir.
 Croyez qu'il sera doux de voir un jour peut-être
 Vos fils étudier sous votre bon vieux maitre,
 Dans l'église avec vous chanter au même banc,
 Et jouer à la porte où l'on jouait enfant. (I, 13) ¹⁾

Въ самомъ идеальномъ свѣтѣ представляются поэтотъ сельскія дѣвушки въ Арморикѣ. «Въ нашихъ кантонахъ, — говоритъ онъ, — молодыя крестьянки, обитательницы лѣсовъ или морскихъ береговъ, всѣ прекрасны; зубы ихъ бѣлы, очи ясны; ихъ разнообразная и причудливая одежда дышетъ какою-то дикой прелестью; и когда въ жары, среди чуднаго іюля, вы входите, заглядываясь, и спрашиваете молока, и когда дѣвушки входятъ прилужить вамъ, какъ всегда, скромныя и непринужденныя, облокачиваясь на столъ, говорятъ съ вами, — или когда, прядя, нагибаютъ къ землѣ колѣни, — вы, плѣненные ихъ наивнымъ ви-

¹⁾ Это настроеніе прорывается даже у Некрасова, который, впрочемъ, сейчасъ же сбѣгаетъ изъ него видки („Родина“, „Возвращеніе“, „Саша“ и особенно „Ташина“).

домъ, ихъ облизнокъ подь столь живыми красками,—вы думаете, что передь вами дочь Эль Орна, игрушка домового духа, или фея съ голубыми очами, прядущая у очага. Любовь, религія, природа!—на зарѣ моей юности такъ призывали вы меня своимъ звучнымъ голосомъ!»¹⁾

Впрочемъ, одну сторону парижской жизни желать бы видѣть Бризё и въ своей Бретани, и справедливо скорбитъ, почему ея нѣтъ тамъ; но «Парижъ—это мѣсто искусствъ и училищъ, въ немъ всякая наука имѣетъ свои храмы,—а Арморика, увы! обладаетъ лишь зелеными лѣсами!» (I. 14).

Съ особенною и, конечно, вполне справедливою горечью говоритъ Бризё о тѣхъ типахъ полуобразованія, о тѣхъ представителяхъ лакейской и дьячьевской цивилизаціи, въ средѣ крестьянской, которые знакомы и въ нашей литературѣ, благодаря Гоголю («Вечера»), Тургеневу («Свиданіе») и др.

Monsieur Flamik aussi, clerc à demi-bourgeois,
Etourdissait chacun des éclats de sa voix;
Tout fier du poil nouveau qui tremble sur sa joue,
Il passait, repassait pigeon qui fait la roue (Primel et Nola, II, 231).

Описавъ идиллическій праздникъ отпуста (pardon), Бризё ужасается, что подь вліяніемъ «новаго духа и сыновъ франковъ, которымъ открыта Бретань», опустѣютъ отпусты, забудутся стихи бардовъ,—и поэтъ восклицаетъ:

Bardes et chevaliers, saints des vieux temps, alerte!
Arches des ponts, croulez! Poussez, bois défenseurs,
Et fermez tout chemin à ces envahisseurs! (I, 107).

Свои основныя идеи выразилъ Бризё въ стихотвореніяхъ «Къ бретонскимъ священникамъ» (II, 72) и «Къ провансальскимъ поетамъ» (II, 162). Въ первомъ онъ говоритъ: «Правда ли?—въ селахъ и въ скромной тиши тысячами являются дѣтскія шкелы, такъ что шумъ волнъ на берегахъ не могъ бы покрыть голосовъ шкельниковъ? Прекрасно! надо, чтобъ земля, обильная жизнью, получала и возвращала на свѣтъ хлѣбныя сѣмена и чтобъ умъ человѣческій, та же земля, оплодотворялъ вѣчные зародыши, въ немъ заключающіеся. Но, священники, правда ли?—въ этихъ классахъ безчисленныхъ никогда не звучитъ нашъ языкъ? Наши старыя святыя плавали въ своихъ мрачныхъ капеллахъ: «увы!»

¹⁾ Оуврес, I, 18—19. Опять вспоминается намъ,—конечно, съ своими отличіями, Некрасовъ съ его «Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ» и проч., и Шевченко съ его образами «тихихъ дѣвчатъ».

говорилъ Гоэль, погибли сыны воинновъ, которыхъ я любилъ!> И такъ, когда мы вернемся въ свои ланды, уже не поднимется радостный крикъ *ali-ké*, пастухи затянутъ какую-нибудь норманскую пѣсню, и мы станемъ имъ чужими! О! пылкій соловей, синица, коноплянка не однимъ голосомъ восхваляютъ Господа; во вселенной всё соединено, но все и отчѣнно, и разнообразие — одинъ изъ ея законовъ. Однообразие — смерть! (*Le niveau, c'est la mort*). О, священники Арморикъ, столь тихіе, но и столь сильные подъ вашими шерстяными стихарями! Если Анна ¹⁾ подвергла кельтовъ игу, сохраните же, по крайней мѣрѣ, сохраните арфу Мерлина! Тамъ, за проливомъ, у нашихъ братьевъ въ Уэльсѣ, еще не забыли голубого знамени, барда съ почтеніемъ сажаютъ въ залы, и воодушевленные книги восхваляютъ великаго Артура. Священники, я говорю вамъ: вы наставники наши, мудрецы, — охладивъ суровостію сердца паствы, вы уничтожили старые обычаи, а скучающій народъ ищетъ новизны. Передъ вами борцы Корнуэльса, вы обрѣзываете волосы молодымъ людямъ Свера, — а у васъ, пастыри душъ, нѣтъ для паствы другого языка, кромѣ неправильной и непріятной мѣшанины. Неблагодарные нивелляторы! когда уничтожится старый языкъ, у васъ явятся всѣ новыя пороки, и если вы воздвигнете на алтарь крестъ святой, никто не преклонитъ своего чела у его подножія! Богъ поручилъ вамъ заботу о живой цѣпи; время, — соедините же ея таинственные кольца, укрѣпите скалу, на коей долженъ расти дубъ, поддержите плотину, которая сдерживаетъ воду. А ты, чей верескъ я воспѣлъ первый, ты, которая будешь жить въ моихъ стихахъ съ твоими чистыми нравами, прости, о моя родина, прости меня и братьевъ, если мы издаемъ издали эти печальные вопли. Всякая любовь робка; при томъ же такой кризисъ, кажется, ниспровергаетъ твои стѣны, готовыя разрушиться. Но, вѣрная себѣ и сохраняя свой девизъ, Бретань, ты еще воскликнешь: *лучше умереть!*>

Въ посланіи «*Aux poètes provençaux*» поэтъ говоритъ между прочимъ:

«Нѣтъ, ты воскреснешь, при самомъ концѣ своемъ, звучный языкъ Прованса; а на моей могилѣ еще долго будетъ шептать блуждающій голосъ Мерлина! Матери, сидя за прялкой, расскажите своимъ дѣтямъ древнія преданія родины; мудрые отцы семействъ, на поляхъ, на водахъ вскормите этимъ медомъ вашихъ сыновей. Родной языкъ — это вѣчная цѣпь, которой все держится безъ

¹⁾ Наслѣдница Бретани, жена Людовика XII.

усилій; мы научаемся имъ жизненнымъ дѣламъ, имъ поддерживается память о нихъ... О природа, что за согласіе въ твоихъ лѣсахъ, на твоихъ берегахъ! Во славу царя неба, человекъ тоже долженъ имѣть тысячу и тысячу языковъ въ общемъ концертѣ!

Но для того, чтобъ указать правильный выходъ изъ того ненормальнаго отношенія между сельскимъ и городскими классами, какое существуетъ вездѣ, а особенно тамъ, гдѣ они раздѣлены и народностями, надо стоять на болѣе широкой точкѣ зрѣнія, чѣмъ романтически-патріотическій и идиллическій взглядъ на село. А именно этого и не доставало Бривэ, какъ видно изъ его стихотворенія въ Бретани, самаго характеристическаго для уразумѣнія его тенденцій (II, 283—286). Эта «L'Élegie de Bretagne» написана передъ проведеніемъ желѣзной дороги въ Бретань, сильно напугавшей нашего поэта. Бѣгло вспомянувъ событія и герои Бретани отъ временъ сооруженія *менировъ*, и оплакавъ, что повсюду духъ выгоды дышетъ въ Бретани, поэтъ обращается къ героямъ и святымъ, чтобъ они лучше оставили бретонцевъ дикими. Онъ съ ужасомъ смотритъ на «разрушителя вѣковыхъ дубовъ и мрачныхъ гранитовъ, свидѣтелей прошлаго». Этотъ разрушитель—локомотивъ, который изображается поэтомъ такъ, что невольно улыбаешься ¹⁾. По словамъ поэта, «наступаетъ уже конецъ послѣдняго дня», такъ какъ локомотивъ—«это красный драконъ, предсказанный Мерлиномъ. Это страшный врагъ! Чтобъ урвануть ему дорогу,—вы падете, *мениры*, стоявшіе такъ долго, и дубы! Падите также и монастыри, которымъ совершали поклоненіе! Холодные строители способны сдѣлать загороду изъ могилы Артура! У нихъ нѣтъ отечества, ихъ Богъ—деньги! Прощайте, старыя нравы, прелесть хижины, священный языкъ, коимъ пѣли барды, блестящій костюмъ, который дѣлаетъ душу болѣе гордою,—полезное навсегда изгнало красоту! Земля, давай теперь все, что ты въ состояніи дать! Земледѣлецъ болѣе не другъ твой, а царь; онъ болѣе не протянется, мечтая, въ тѣни: чистой любви въ полямъ теперь уже нѣтъ ни въ комъ. Скоро тѣ, кто пѣлъ на берегахъ, веселые пастухи возъ, придутъ на городскія площади,—продавать вольныя руки на рабскія работы,—сельчане, обезображенные костюмомъ городского рабочаго... О, Боже, который насъ создалъ воинами, или поэтами на берегахъ моря и пастухами въ поляхъ,—не склоняй нашихъ головъ передъ гнусными барышами, не дѣлай изъ бретонцевъ народа купцовъ! При-

¹⁾ C'est un dragon de fer, un monstre aveugle et sourd,
Sans ailes,—ce dragon ne vole pas, il court... и т. д.

рода, добрая мать, удали онъ насъ промышленность!.. Наука идетъ съ челомъ, блестящимъ пламенемъ; не одинъ сладкій плодъ упалъ изъ рукъ ея; просвѣти же, благодѣтельница, наши умы, не засушая сердець... Я видѣлъ варваровъ безъ вѣры, безъ сердца, безъ надеждъ, скучныхъ и состарѣвшихся отъ жадности,— и я пѣлъ мою родину, которая внушала мнѣ любовь. Двадцать лѣтъ пѣлъ я!.. Но если я трудился попусту, если и къ намъ идетъ зло, отъ коего я убѣгалъ нѣкогда, — душа моя, все еще печальная, но безъ ненависти, поднимется въ другую Бретань, въ лучшемъ мѣрѣ» (Oeuvres, II, 283—287).

И тутъ многое указано вѣрно; — но только далеко не одно удаленіе въ прошлое можетъ сохранить человѣчность въ сельскихъ классахъ и спасти ихъ отъ буржуазнаго варварства, вооруженнаго всѣми матеріальными орудіями цивилизаціи. Тутъ можетъ оказать помощь только проведеніе въ народъ именно передовыхъ идей городскихъ классовъ и широкая реформа общественная, которая бы объединила интересы классовъ городскихъ и сельскихъ, и для этого-то, конечно, народный языкъ можетъ послужить хорошимъ орудіемъ, — хотя, конечно также, народу придется поступиться многимъ изъ своихъ эпическихъ и обрядовыхъ особенностей, которыя въ свою очередь—только временная форма народнаго духа, также продуктъ времени и обстоятельствъ, — иногда даже скорѣе вредныхъ народу, а слѣдовательно и народности, чѣмъ полезныхъ ей. Но Бризэ слишкомъ погрузился въ романтическую любовь къ народности, и дошелъ до раздѣленія съ народомъ всѣхъ имъ унаслѣдованныхъ воззрѣній. Это погруженіе особенно видно въ тѣхъ стихахъ его, которые онъ написалъ по-бретонски, и которые онъ самъ читалъ, бывало, крестьянамъ. Этими стихами Бризэ только формально поднималъ народность бретонскую, но не вносилъ ничего новаго въ понятія народа. Вотъ для примѣра его стихотвореніе «Молитва земледѣльцевъ» I, 311).

Святой Аланъ, святой въ странѣ Скера, звѣзда Бретани,
 Радость прекрасныхъ ангеловъ съ двумя крылами,
 Съ твоего золотого престола, возвышающагося надъ луною,
 Обрати взоръ любви къ намъ на землю.
 Увы, мы люди бѣдные, бѣдные деревенскіе люди,
 А между тѣмъ очень часто приходимъ мы къ твоему святому дому;
 Да, по самому скверному пути лѣтомъ, зимою мы приходимъ всѣ,
 Каждое воскресенье, оцѣпенѣлые отъ дождя, или сожигаемые солнцемъ.
 Мы ищемъ защитника: тяжела наша жизнь;
 Съ нами вѣчный трудъ, вѣчная бѣдность;

Мы пронзаемъ каждый день сердце земли желѣзомъ,
 А другіе ѣдятъ пшеницу, посяпанную нашими руками.
 Но все равно, взглянемъ вверхъ! Другой свѣтъ настанетъ;
 Каждый тогда получить, сообразно своимъ дѣламъ;
 Плохъ земледѣлецъ, который считаетъ свое бремя тяжкимъ,
 Плохъ крестьянинъ, не умѣющій нести свой крестъ.
 Какъ малыя дѣти, тѣснящіяся вокругъ своего отца,
 Мы всѣ тутъ предъ тобою, вогннопрекловенные, милостивый святой;
 Многіе изъ насъ въ этой странѣ носить твое имя;
 Будь же всегда съ нами на этомъ и на томъ свѣтѣ.

Странное на первый разъ дѣло! Поэтъ-бретонофилъ вышелъ передъ свой народъ съ стихотвореніями на его языкѣ, — и оказался бѣднѣе и ббразами и идеями, чѣмъ во французскихъ стихотвореніяхъ! Руководящею идеею поэта была любовь къ родитѣ и націонализмъ, и онъ рассказывалъ французамъ горячо и довольно яркими образами о милой ему Бретани и ея народѣ. Но народъ и безъ того любить свою родину, — уже потому, что не знаетъ никакой другой страны, и безъ того націоналенъ, — и у поэта-патріота не хватило содержанія, о чемъ говорить съ народомъ, — и онъ взялъ двѣ-три ходячія идейки, то изъ народнаго обихода, то изъ любимыхъ идей любителей этнографичнаго націонализма: пѣсня, арфа, родной языкъ, религія, храбрость, — вотъ все содержаніе бретонскихъ стиховъ Бризе, какъ будто народу нечего дѣлать, какъ только пѣть и любить, какъ будто сказать: «береги свои длинныя волосы, короткія штаны, палки», и даже «люби свой языкъ», значить уже дать человѣку весь матеріалъ для міровой жизни. Что же касается до восхваленія храбрости бретонцевъ, то оно какъ-то странно звучитъ рядомъ съ заявленіемъ, что бретонцы — раса мирная; да и куда примѣнить имъ эту храбрость? Поэтъ восклицаетъ: «саксонецъ бѣжитъ прямо, когда мы кричимъ: бей его въ голову». Но гдѣ теперъ этотъ саксонецъ? Бретонскій солдатъ, только какъ солдатъ французскій, можетъ воевать съ англичанами, — и при этомъ, конечно, не выигрываетъ ничего, ни какъ бретонецъ въ частности, ни какъ крестьянинъ вообще. Самъ же Бризе, поразмысливъ, говоритъ въ одномъ бретонскомъ стихотвореніи, что «Наполеонъ былъ волкъ, который безжалостно отнималъ у матерей ихъ дѣтей», — и даже прибавляетъ народный образъ: «говорятъ, что на томъ свѣтѣ онъ по губы въ болотѣ ерови». Но такова обязательность для поэтовъ - націоналовъ говорить о храбрости своего народа, что Бризе нашелся въ необходимости, за неимѣніемъ возможности бретонцу проявить свою воинственность прямымъ образомъ, — какъ встарь надъ саксонцемъ и франкомъ, — писать стихи въ

честь войны, начатой Наполеономъ III вмѣстѣ съ саксонцами противъ Россіи, совершенно безразличной для бретонскаго народа. Націонализмъ привелъ Бризё къ проявленію еще одной особенности, свойственной всѣмъ людямъ и движеніямъ, опирающимся только на мѣстный патріотизмъ. Въ четверостишіи къ гасконскому поэту, Янсемину, онъ восклицаетъ: «милый поэтъ, если надо намъ защищаться, — скажемъ злымъ галламъ (французамъ): для того, чтобъ пѣть Бога въ полѣ, всякая птица, самая маленькая, имѣетъ свой языкъ!» Это, конечно, вѣрно, — но зачѣмъ же злыми названы всѣ галлы, т.-е. французы? Вѣдь изъ этихъ галловъ вышли и А. де-Виньи, В. Гюго, Амперъ, С.-Рене-Тальяндье, которому завѣщалъ самъ Бризё издать свои сочиненія. Если были точно между французами такіе, которые неблагоклонно смотрѣли на поднятіе провинціальныхъ народностей, то не вѣрнѣе ли назвать ихъ именемъ соціальной, политической или культурной партіи, которая находитъ несовмѣстнымъ съ своими интересами всякое проявленіе самостоятельности народа и областей. Но вѣдь такіе партіи могли быть и среди бретонскаго общества, еслибы ему удалось образовать національное государство; и потомъ, если извѣстные слои бретонскаго общества, — хоть тѣ, которыхъ въ карикатурѣ изобразилъ Бризё въ видѣ Фаншика, — оторвались отъ бретанской народности, такъ потому, что оторвались прежде всего отъ бретонскаго народа. Въ свою очередь именно ходъ исторіи соціальной и культурной «злыхъ галловъ» привелъ къ тому, что появились люди, какъ Бризё, появилось бретонофильство. Не станетъ ли это послѣднее прочтѣе, если прямо признаетъ свою связь съ лучшимъ, прогрессивнымъ въ обществѣ этихъ злыхъ галловъ? Но такъ отнестись къ вопросу о бретонской народности, — значить, стать на космополитическую, а не національную точку зрѣнія, значить — признать болѣе важныя стороны въ вопросѣ народно-національномъ, чѣмъ длинныя волосы, палки, средневѣковыя традиціи. Для такого пониманія національнаго вопроса, — время Бризё было еще слишкомъ незрѣлымъ. Потому, несмотря на свою узость, — (впрочемъ, у Бризё совершенно не исчезали слѣды болѣе широкихъ французскихъ идей и симпатій; изъ заявленія Тальяндье видно, что онъ не очень поддавался и ультра-католическимъ идеямъ), — Бризё составляетъ необходимую ступень бретонскаго національнаго самосознанія, которую мы замѣчаемъ и среди патріотическихъ партій — большихъ и въ болѣе независимое положеніе поставленныхъ народовъ (нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ). Несмотря на извѣстную узость національныхъ идей Бризё, лучшіе представи-

тели французской литературы не только не относились враждебно къ нему и къ его симпатіямъ, но даже, какъ С.-Рене-Тальяндье, говорили, что Бризе—«принадлежитъ не одной только Бретани, но всей Франціи, всѣмъ сердцамъ, любящимъ благо и красоту, всѣмъ способнымъ понимать деликатность чувствъ, возвышенность мысли, прелесть и мелодію языка. Есть въ нашей поэзіи XIX в. воображенія болѣе разнообразны, болѣе блестящи, но нѣтъ болѣе чистыхъ. Многихъ ли поэтовъ знаете вы, которые могли бы сказать себѣ въ свой послѣдній часъ: «я воспѣвалъ только религію, отечество, любовь къ природѣ и къ искусству и самыя лучшія, самыя святыя движенія человѣческой души. Никогда не прислушивался я къ стомамъ отчаянія, къ прельщеніямъ роскоши, къ увлеченіямъ гордости. Исправлять сердца, утѣшать души,—въ этомъ заключалась вся моя поэзія» (т. I, стр. VI—VII) «Любовь къ Бретани, привязанность къ Франціи,—эти два чувства далеко не противорѣчатъ другъ другу, а поддерживаютъ одно другое. Я не вѣрю патриотизму, который исключаетъ любовь къ очагу, также какъ не вѣрю чувству челоувѣколюбія у тѣхъ, которые преслѣдуютъ патриотизмъ; челоувѣкъ, слишкомъ преданный своему маленькому отечеству (есть ли это цѣлая провинція, или только домашній очагъ, все равно), будетъ столь же преданъ и большому» говорить С.-Рене-Тальяндье (т. I, стр. XXVII).

II.

Несмотря на такой широко-терпимый взглядъ представителей французской критики на представителей провинціально-національнаго возрожденія, младшіе послѣдователи Бризе,—выходя только изъ одного традиціоннаго націонализма, и все больше погружаясь въ мѣстные интересы бретонскіе,—естественно должны были еще больше погрузиться въ романтически-народныя, традиціонныя идеи и еще болѣе раздражительно отнестись и къ самой Франціи. Послѣднее должно было произойти и оттого, что, несмотря на возрастающее національное самосознаніе кельтовъ, общественное положеніе кельтской народности, сложившееся въ старыя времена подъ вліяніемъ французскаго національнаго централизма, не измѣнялось,—а идеи французскихъ націоналовъ, будучи такъ же узки, какъ и идеи самихъ кельтовъ, были даже противны всякимъ уступкамъ послѣднимъ. Впрочемъ, надо сказать, что раздраженіе кельтофиловъ противъ французскаго народа не было

очень сильно, — что происходило, может быть, оттого, что во французскомъ обществѣ идеи кельтофиловъ, особенно ихъ литературно-ученныя работы, находили всегда сочувствіе — и это фактъ весьма любопытный. Отношеніе кельтскаго народа къ романо-французскому, конечно, похоже на отношеніе славянскаго народа къ нѣмецкому: романское племя романизировало Галлію съ ю.-в., нѣмцы германизировали много славянскихъ племень съ с.-з., — и, между тѣмъ какъ нѣмцы постоянно стараются доказать, что, подвигаясь на востокъ, нѣмцы только возвратили свою старую землю; между тѣмъ какъ національная нѣмецкая исторія воспѣваетъ истребительныя войны нѣмцевъ съ славянами или доказываетъ, что славянскаго элемента вовсе, или очень мало вошло въ составъ восточной Германіи; между тѣмъ какъ всякія попытки славянъ къ нравственно-литературной эмансипаціи встрѣчаются въ нѣмецкомъ обществѣ враждебно, — во Франціи школа кельтическая между историками и этнографами, можно сказать, преобладаетъ, а попытки кельтовъ сохранить свою народность литературнымъ трудомъ встрѣчаютъ сочувствіе въ передовыхъ людяхъ французской литературы и науки, и кельтофиламъ не очень ставятся въ строкъ тѣ фразы раздраженія, которыя срываются съ устъ ихъ по временамъ. Соотвѣтственно этому и кельтофилы не заходятъ дальше фразъ въ своемъ раздраженіи при сравненіи прошлаго и настоящаго своей народности, и умѣютъ цѣнить блага французской культуры. Съ обѣихъ сторонъ интересы науки, искусства, образованія ставятся выше мелочей, случайныхъ выходовъ и т. п.

Представителемъ упомянутого выше новаго поколѣнія бретонфиловъ является Ф. М. Люзель, насколько онъ выразился въ своихъ стихотвореніяхъ. Люзель уже давно началъ публиковать въ «*La Revue de Bretagne et de Vendée*» и отдѣльными листками свои стихи на бретонскомъ языкѣ, а въ 1865 году собралъ ихъ въ книжку подъ заглавіемъ: «*Bepred Breizad. Toujours Breton. Poésies bretonnes avec traduction française en regard*». Въ предисловіи, Люзель перепечаталъ статью свою изъ «*La Revue de Bretagne*», 1859, въ коей онъ выражаетъ свои основныя воззрѣнія. По его мнѣнію, журналъ, носящій титло Бретани, долженъ давать отчетъ обо всемъ, что публикуется въ этой провинціи и по-бретонски, — и что такая критика, такая попытка возрожденія (зачѣмъ бояться произнести это слово?) литературы, мало извѣстной до сихъ поръ и пренебрегаемой даже бретонцами, дастъ новое значеніе и оригинальность, полную интереса, этому изда-

нію. «Безъ этого, — говоритъ Люзель, — бретонскій журналъ будетъ заниматься старыми хрониками, легендами, монетами римскими и т. п., — занятіе почтенное, но не могущее вполне удовлетворить бретонца... Мы, бретонцы, имѣющіе драгоцѣнное преимущество обладать собственнымъ языкомъ, — я говорю, языкомъ, и отвергаю постыдное названіе просторѣчія (patois), — мы должны заниматься другимъ дѣломъ, нисколько не пренебрегая, впрочемъ, этими занятіями. Этотъ языкъ, старшая сестра всѣмъ тѣмъ языкамъ, которые процвѣтали поочередно на почвѣ Галліи и Франціи, обогащаясь его останками, — языкъ этотъ обладаетъ цѣлымъ цикломъ народныхъ пѣсенъ, героическихъ поэмъ, чудесныхъ сказокъ съ отпечаткомъ оригинальности, весьма выразительной и очень характерной, съ драматическими произведеніями, столько же любопытными и интересными, сколько и неизвѣстными, — словомъ, такъ какъ мы имѣемъ счастье обладать цѣлой народной литературой, то долгомъ журнала бретонскаго будетъ розысканіе разбросанныхъ остатковъ этой несчастной литературы, — *disjecta membra poetae*, — изученіе ихъ, введеніе въ свѣтъ и ознакомленіе съ ними упрямыхъ скептиковъ, которые до сихъ поръ считаютъ нашу прекрасную бретонскую литературу за мифъ.

«Бретонцы! не слѣдуетъ ли намъ бояться, что наше потомство, — ибо мы не послѣдніе изъ бретонцевъ, — проявившая наше равнодушіе, сдѣлаетъ намъ такой ужасный упрекъ: «Кантъ, что сдѣлалъ ты съ своимъ братомъ?» — Недостойные сыны Брейза, что вы сдѣлали съ прекраснымъ поэтическимъ языкомъ вашихъ отцовъ, языкомъ бардовъ, друидовъ и святыхъ, языкомъ, которымъ говорили Таліезинъ, и Гвенкланъ, святой Патрикій и святой Кадо? Что вы сдѣлали съ этимъ героическимъ *gwerz* (эпич. пѣсня), съ этимъ нѣжнымъ и чувствительнымъ *sones* (лирич. пѣсня), съ этими поэмами, наполненными именами Артура, Мерлина, Изельты и Женевры, съ этимъ множествомъ легендъ, которыя выросли на гробницахъ героевъ и святыхъ Армора и Эрина? Что вы сдѣлали, наконецъ, съ этими чудесными сказками домашнего очага, съ ихъ прелестью, волшебствомъ, со всѣми этими сокровищами поэзіи, съ геройствомъ, съ утѣшительными мечтами и съ сверхъ-естественными видѣніями, которыя ваши отцы разносили по всему свѣту и проносили чрезъ цѣлые вѣка, какъ священные палладіумы, отъ счастливыхъ странъ, гдѣ восходитъ солнце, до тумановъ и скалъ нашей Арморики и ея сестры, Камбріи»...

«Краснорѣчивый и дорогой бретонскій голосъ сказалъ: «памятники народности неразрушимы; они могутъ быть затемнены,

повреждены, подчасъ и затоплены среди волненія, но они никогда не погибаютъ; напротивъ, кончаютъ тѣмъ, что преодолеваютъ бездну и снова появляются на поверхности. Въ этомъ видѣнъ какъ бы символъ вѣчности, имъ предопредѣленной». Повторимъ же слова милаго барда, котораго мы будемъ долго еще оплакивать:

Старинныя пѣсни мы поемъ постоянно:
Нѣтъ, мы не послѣдніе изъ бретонцевъ! (IX).

Но нужно, говорить Люзель, работать, — «ибо врагъ у воротъ», — и цитируетъ при этомъ стихи Бризё о приближеніи краснаго дракона, т.-е. локомотива. Впрочемъ, поэтъ полагается на Бога и думаетъ, что онъ не даромъ вложилъ въ души народовъ, обдѣленныхъ исторіей (*des races deshéritées*), надежду на наступленіе дня, въ который «рука (Провидѣнія), ихъ поразившая, подниметъ ихъ изъ униженія и поставитъ на одномъ уровнѣ съ ихъ господами на столь подвижной сценѣ судебъ и страстей человѣческихъ». «Этотъ день, такъ долго ожидаемый и такъ напрасно призываемый нашими отцами, не настанетъ ли для насъ? Мы, потомки самаго древняго и самаго несчастнаго народа въ Европѣ, неужели будемъ осуждены, какъ евреи, вѣчно ждать Мессію, который никогда не придетъ? Неужели древніе барды лгали, предсказывая намъ воскресеніе Артура? — Нѣтъ, Артуръ явится снова среди своихъ вѣрныхъ бретонцевъ, и древній духъ вельтовъ возродится; и чѣмъ болѣе будетъ онъ угнетенъ, преслѣдуемъ и поруганъ, тѣмъ болѣе почерпнетъ онъ, даже изъ таковаго положенія, храбрости и силы, чтобъ пройти трудныя времена, въ которыя мы живемъ, тѣмъ болѣе пробужденіе его будетъ блестяще и славно»... «Тогда то, — говоритъ дальше Люзель, — старая и поэтическая земля Армора, вѣрная древнимъ народнымъ традиціямъ, сохранить въ цѣлости свою могущественную оригинальность; тогда какъ все вокругъ нея будетъ измѣняться, она представитъ немалую рѣдкость въ анти-поэтичномъ и всеуравнивающимъ XIX вѣкѣ. И если эта сладостная мечта вызоветъ улыбку недовѣрія или сожалѣнія на уста нѣкоторыхъ фанатиковъ прогресса и прозаическаго однообразія націй, то не разочаровывайте меня, Бога ради, позвольте мнѣ уединиться отъ волненій и беспорядочной дѣятельности въ настоящемъ, чтобы я могъ убаюкивать себя этими сладкими мечтами моего воображенія. Притомъ же, я надѣюсь, найдутся люди, которые раздѣлятъ мои мечты и предпочтутъ ихъ разочарованію и реализму, которые

угрожаютъ захватить насъ со всѣхъ сторонъ. Какъ (V и VI в.) древняя, родственная Ирландія (Эринъ), такъ и наша Арморика могла бы оставаться поэтическимъ оазисомъ среди этой пустыни изъ прозы и матеріи, которая затопляетъ насъ». Поэтъ заканчиваетъ свою статью справедливою жалобою,—что во Франціи, гдѣ изучаютъ всѣ языки, до китайскаго и малайскаго, нѣтъ нигдѣ кафедръ для изученія кельтскаго языка и литературы,—кафедръ, для которой Le Huegon указываетъ естественное мѣсто въ Реннѣ,—и которая, замѣтимъ мы мимоходомъ, существуетъ теперь въ Берлинѣ. «Почему,—спрашиваетъ нѣсколько разгорячившійся поэтъ,—почему нигдѣ (въ мѣстѣ, посвященномъ науцѣ) не говорятъ по-бретонски, чисто-кельтскимъ языкомъ, у котораго, быть можетъ, всѣ языки въ мірѣ похитили кое-что изъ его сокровищъ? Сколько великихъ и могущественныхъ гениевъ мы представили бы вашимъ изумленнымъ взорамъ, если бы только шли по слѣдамъ кельтскаго вдохновенія, начиная отъ древнихъ бардовъ до Шатобриана, считая тутъ же Оссиана и Шекспира, у котораго вдохновеніе сіяетъ всей своей силой и блескомъ, потому что Шекспиръ истый кельтъ».

Мы видимъ изъ этой статьи, что Люзелъ представляетъ ту степень развитія національнаго самосознанія, которая всего сильнѣе проявляется у народовъ, подавленныхъ исторіей, но которая замѣчается и среди народовъ большихъ, если они на время отстаютъ отъ движенія другихъ народовъ и естественно поддаются ихъ вліянію. На первыхъ порахъ, у патриотовъ народа бретонскаго проявляется, вмѣстѣ съ враждою противъ угнетателя или преобладающаго, и вражда противъ «духа прогресса» въ принципѣ, противъ «вѣка» съ его нравственными и матеріальными приобрѣтеніями.

Патриоты-націоналы съ перваго раза не соображаютъ, что эти приобрѣтенія, если, при извѣстныхъ условіяхъ, и составляютъ вѣщнее орудіе для гнеущаго элемента, для эксплуатаціи имъ любезнаго народа,—то только одни могутъ послужить орудіемъ и для освобожденія этого народа отъ эксплуатаціи. Это послѣднее народъ,—по неволѣ реалистъ,—самъ прекрасно чувствуетъ, и въ существѣ дѣла болѣе дорожитъ такими вещами, какъ паръ, чѣмъ самыми прекрасными стихами патриотовъ, поющихъ о прошлой славѣ, о короляхъ Артурахъ и т. п.,—и ради того, чтобы овладѣть этимъ реальнымъ знаменіемъ дракона, отказывается и отъ признавовъ національности, языка, одежды, преданій. Патриоты-націоналы, замѣчая это, сердятся пуще на самый народъ, про-

клиная его деморализацію и приписывая ее чужеземцамъ,—и отчасти они правы: то отреченіе отъ своей личности, которое замѣчается въ людяхъ, отказывающихся отъ своей народности, а особенно ради матеріальныхъ благъ, имѣетъ въ себѣ много не-симпатичнаго, лавейскаго. Но дѣло въ томъ, что не только процессъ деморализаціи, но и самаго обезнароживанья можно остановить только тогда, когда патріоты-націоналы перестанутъ воевать съ матеріальнымъ и нравственнымъ прогрессомъ, съ духомъ вѣка, а напротивъ, призовутъ его на службу самому дѣлу возрожденія народности. Обратимъ вниманіе хоть на такое орудіе прогресса, какъ локомотивъ, который встрѣтилъ такъ враждебно Бризё, предполагая, что онъ поможетъ стиранію особенностей Бретани. Часто и со стороны централистовъ слышится такая же самая мысль,—а именно, что областныя отличія живутъ только до тѣхъ поръ, пока желѣзныя дороги, телеграфы и т. п. не соединили окраинъ съ нивеллирующимъ центромъ. А между тѣмъ и эти надежды централистовъ, и сѣтованія автономистовъ, какъ Бризё, основаны на ошибкѣ въ расчетѣ. Дѣйствительно, ускореніе движенія отъ центра къ окраинѣ усиливаетъ вліяніе перваго, но и его подвергаетъ вліянію окраины, а главное—гораздо болѣе усиливаетъ движеніе и объединяетъ части самой окраины, т. е. увеличиваетъ ея силу сопротивленія дѣйствию центра. Благодаря «красному дракону», парижанинъ, точно, можетъ три раза въ годъ побывать въ Реннѣ, Ваннѣ и т. п., но житель Ренна можетъ за то десять разъ побывать въ Ваннѣ, и т. д. Въ то же время, возможность бретонцу быстро и часто переноситься за предѣлы его родины реактивно возбуждаетъ въ немъ сознаніе его индивидуальности. Прибавить нужно, что связь отсталой провинціи съ центромъ культуры дѣлаетъ первую болѣе чуткою къ идеямъ свободы, къ сознанію личнаго достоинства,—которыя ведутъ за собою и сознаніе національности. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что именно наше время, время ускоренныхъ средствъ сообщенія, есть именно время возрожденія самыхъ заснувшихъ, повидимому, навѣки, разновидностей чело-вѣчества. Если мы подобнымъ образомъ переберемъ и другія орудія прогресса, то увидимъ, что всѣ они не только не враждебны возрожденію народностей, а прямо помогаютъ ему. Бретонскіе патріоты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Люзелъ, послѣ это стали сознавать,—но книжка стиховъ Люзеля, изданная въ 1865 г., можетъ еще служить образцомъ того, какъ бѣдны идеи, узки интересы, какъ наивны принципы

самаго талантливаго человѣка, если онъ держится только національнаго направленія и чуждъ или враждебенъ широкому обществу движению.

Главный предметъ обожанія Лювеля—національная Бретань, какъ она есть, со всѣми ея характеристическими особенностями, а съ какими—это видно изъ слѣдующаго стихотворенія: Breiz-Izell, или Нижняя Бретань (стр. 9—15): «Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ на скалѣ растетъ дубъ, гдѣ бардъ поетъ на порогѣ своего дома, гдѣ на берегу шумитъ море? Да, эта страна—Брейзъ-Изелль. Когда я окидываю взоромъ весь міръ, то не вижу нигдѣ ей подобной земли, которая бы вызывала столь великую хвалу себѣ. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ можно еще найти и слово Божіе, и вѣру во всей ихъ силѣ, честность и справедливость въ сердцахъ людей? Эта страна—Брейзъ-Изелль. Я желалъ бы, подобно ястребу, имѣть два крыла, чтобы улетѣть въ морю, у котораго я появился на свѣтъ. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ никто не боится смерти, гдѣ люди живутъ, почитая Бога и законы своей родины? Эта страна—Брейзъ-Изелль; и въ той дали, гдѣ я живу теперь, мои мысли, подобно голубю, летятъ въ мѣста, гдѣ осталось мое сердце. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ, какъ цвѣты на поляхъ, можно видѣть молодыхъ дѣвушекъ, веселыхъ и прекрасныхъ? Эта страна—Брейзъ-Изелль. Ты, связанный дикій голубокъ, летаешь на одинъ взмахъ крыльевъ отъ моей страны, скажи же, голубочекъ, «здравствуй» моей милой Мона. Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ все еще любятъ древніе обычаи, гдѣ молятся еще въ церквахъ и у могилъ на кладбищахъ? Эта страна—Брейзъ-Изелль. О, облака, гонимыя вѣтромъ, опуститесь ниже къ землѣ и унесите меня въ мою страну! Скажи, знаешь ли ты страну, гдѣ поютъ старые *gwerg* и *sônes* у очага вечеромъ въ воспоминаніе о подвигахъ предковъ? Эта страна—Брейзъ-Изелль. Тамъ желалъ бы я умереть и быть похороненнымъ между моими земляками на ихъ кладбищѣ. Сложившій эти строки, — солдатъ съ опечаленнымъ сердцемъ, который умереть отъ тоски по своей родинѣ, если не возвратится вскорѣ въ Брейзъ».

Еще наивнѣе стихотвореніе *Enz oll vroion ar bed*:

«Брейзъ-Изелль—первая страна въ мірѣ; она не обладаетъ ни золотомъ, ни серебромъ, но это не важно: у нея есть славные юноши и честныя дѣвушки, есть вѣра въ сердцахъ и кругомъ все море. Никакого языка въ мірѣ не люблю я такъ, какъ языкъ Брейзъ-Изелля — онъ прекраснѣе всѣхъ, и отъ востока до

сѣвера не найти и столь же древняго, какъ онъ. Первая изъ всѣхъ женщинъ въ мѣрѣ, это—изъ Брейза; она сокровищница ума и вѣры; всегда живая и веселая она въ хозяйствѣ, точно солнце, распространяющее повсюду радость. Изъ всѣхъ обычаевъ въ мѣрѣ я люблю наиболѣе брейзъ-изельскіе: они не измѣняются, подобно вѣтру, ежедневно, но придаютъ силу и здоровье тѣлу, а спокойствіе разуму. Изъ всѣхъ пѣсенъ въ мѣрѣ первыя въ Брейзѣ. Когда мнѣ грустно, я начинаю пѣть старинный народный gwerz,—gwerz или sone, и сердце мое трепещетъ отъ восторга!» (146 стр.).

Для поэта прошедшее во всѣхъ отношеніяхъ лучше настоящаго: «Было время, когда между нами слышался только языкъ Брейза; въ деревнѣ и въ городѣ мы всѣ говорили старымъ языкомъ нашихъ отцовъ,—въ Ваннѣ, въ Корнуэльсѣ, въ Леонѣ, въ Трегѣ. Было время, когда мы и одѣвались иначе,—каждый носилъ большую шляпу и панталоны, и мы въ Брейзѣ не походили на французовъ, и не стригли своихъ длинныхъ волосъ. Было время, когда, вмѣстѣ съ одеждой, и наши обычаи отличались отъ обычаевъ французскихъ, и тогда изъ ста человѣкъ вы безъ всякаго труда отличили бы бретонца, въ какой бы то ни было странѣ въ мѣрѣ. Было время, когда вы могли увидѣть наши церкви, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, полныя колѣно-преклоненныхъ,—когда почиталось каждое воскресенье и каждый праздникъ, и тогда не танцовали раньше молитвы. Было время, когда въ Бретани, передъ закатомъ солнца, на дорогахъ, въ степи, на вершинѣ горы, повсюду раздавалось пѣніе старыхъ gwerz и новыхъ sones.

«Было время, когда солдаты Брейзъ-Изелля наводили ужасъ повсюду, и проклятый англичанинъ обращался въ бѣгство или погибалъ (потому что оба эти народа никогда не любили другъ друга). Было время, когда мы особенно не любили видѣть у себя иностранцевъ,—англичанъ и французовъ, приходившихъ продавать намъ другой языкъ и другую вѣру. Было время, когда считалось за счастье быть родомъ изъ Бретани, называться бретонцемъ, и тогда говорили: «добрые малые изъ Арморика!» И совершенно справедливо. Вотъ было блаженное время! Гдѣ же это время, увы! гдѣ же оно! Неужели станемъ мы англичанами или галлами? Мы, быть можетъ, старшіе сыны въ мѣрѣ, и неужели нѣтъ болѣе бретонцевъ въ Брейзъ-Изеллѣ? Неужели умеръ Арморъ? Нѣтъ, а знаю, старецъ, обремененный *жельтными цѣпями*, лежитъ распростертый на землѣ, охраняемый Іоанномъ

англійскимъ. Кругомъ него пляшутъ и поютъ цѣлыя стада грязныхъ и злыхъ карликовъ, говоря: «онъ умеръ, бѣдный Арморъ! Вотъ онъ опрокинутъ на землю! о, да! онъ умеръ, и умеръ со всѣми! онъ умеръ, умеръ, умеръ! бросимъ его тѣло въ море!» Но кто говорить все это? Англичане, французы? Нѣтъ, нѣтъ, онъ не умеръ, онъ только дремлетъ. Пойте потише; если онъ зашевелитъ лишь своимъ мизинцемъ, вы умрете отъ страха. Берегитесь же, берегитесь! если вы будете пѣть слишкомъ громко, онъ легко проснется: развѣ вы не видали большого меча Дюгеслена, славнаго воина? Повторяю: берегитесь, если проснется этотъ добрый малый (а это можетъ случиться), тогда вы расклетесь, тогда пойдетъ другая пляска! Англичане, вы знаете прекрасно, какъ тяжелъ этотъ мечъ! а вы, французы, вы перестанете смѣяться такъ много! Тогда раздастся: *Ion, ion!* въ воздухъ мечи! на ноги всѣ, въ поляхъ и на вершинахъ, на ноги повсюду! Артуръ пойдетъ съ нами, добрый малый Брейвъ-Изелли! Артуръ, идемъ впередъ, мы не можемъ быть побѣждены!»

О чемъ заботится бретонскій патриотъ, такъ это о томъ, чтобъ эта Бретань осталась, какъ есть, чтобъ бретонцы не забывали своего языка, а писатели чтобъ шли по дорогѣ бардовъ (см. Eug. Gig a-gaog, стр. 3—5). Поэтъ раздѣляетъ всѣ идеи и даже повѣрья своего народа, и посвящаетъ длиннѣйшее свое стихотвореніе какой-то полевой мессѣ (56—77 стр.) подъ названіемъ *Peden ar medergien euz ar mintin* (утренняя молитва жнецовъ). Безъ этой мессы, говорить онъ, бретонецъ не обойдется: «это можетъ статься гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, какъ, напр., въ Англии или даже, увы, во Франціи, но не среди насъ, не на землѣ Брейвъ, въ странѣ людей прямыхъ и добрыхъ, съ сердцемъ полнымъ вѣры».

Такая месса (наборъ обшихъ мѣстъ изъ католической мессы) не только облегчитъ трудъ крестьянину, но и предохранитъ его отъ злыхъ знаменій вѣва, которыхъ видимымъ символомъ является, опять-таки, локомотивъ желѣзной дороги.

«Скоро свистъ желѣзной дороги, звуча со стороны Франціи, раздастся въ ухахъ бретонцевъ, но они не оглянутся даже, чтобы посмотрѣть, если будутъ въ это время работать или молиться. И пока они будутъ сохранять языкъ своихъ отцовъ, предпочитать религію богатству, молиться утромъ и вечеромъ, испрашивая у Бога благословенія на свой трудъ, до тѣхъ поръ, будьте покойны, красный змій, предсказанный Мерлиномъ, древнимъ бардомъ, можетъ проходить, свистя, чрезъ наши поля и

степи, уничтожая цвѣты, разрушая скалы; но никогда и ни коимъ образомъ не можетъ онъ ни увлечь наши сердца, ни уничтожить нашъ старый языкъ съ нашими *gwerg* и *sônes*, нашу вѣру въ Господа Бога, нашего истиннаго отца; каждый человѣкъ въ Брейзѣ скажетъ: я всегда бретонецъ!» (стр. 75—77).

Думая только о національномъ языкѣ и обычаяхъ, поэтъ не вглядывается въ социальный строй народнаго быта: этотъ бытъ ему рисуется въ идиллическомъ видѣ. Вотъ онъ описываетъ жатву, восхищается запахомъ цвѣтовъ, пѣніемъ птицъ, видитъ и потъ на лицахъ жнецовъ, но не останавливается на немъ съ размышленіемъ, а заканчиваетъ такими благодушными словами:

«Земледѣльцы моей страны—храбрые жнецы, вы молитесь каждый день по-бретонски; завтра—воскресенье: послѣ большой обѣдни вы будете танцовать и прыгать по травѣ, а въ часъ захода солнечнаго вы всѣ возвратитесь въ свои дома со смѣхомъ и пѣніемъ, веселые и беззаботные; Эффламъ купить лакомства Фантикѣ, Эрвоанъ и Янникъ проводить своихъ милыхъ. А въ понедѣльникъ вы снова будете работать безъ жалобъ и сожалѣнія, лишь бы молочные блины были хороши, а серпы остры, и такимъ образомъ вы спокойно приблизитесь къ смерти безъ сожалѣнія и страха,—пусть себѣ приходитъ, когда пожелаешь» (стр. 217—219).

На всѣ вопросы, появляющіеся при видѣ бѣдности, у поэта одинъ отвѣтъ: чистое сердце лучше богатства, — а потому и не ищите послѣдняго, или, какъ говоритъ Маргарита швея (*Magé-halt ann pégeez*): «другіе, которые ѣдятъ бѣлый хлѣбъ, жаркое и пьютъ золотистый сидръ, эти богачи, они, быть можетъ, не счастливѣе меня. Я вижу, они часто проходятъ, и рѣдко я вижу ихъ радостными; что-то беспокоитъ ихъ; я не слышу, чтобъ они пѣли» (стр. 251—52). Вообще, съ людьми изъ народа для Люзеля бѣды случаются развѣ тогда, когда дѣвушка-бретонка выходитъ замужъ за француза или офранцуженнаго бретонца, который, конечно, сначала прельщаетъ дѣвушку тѣмъ, что богатъ, а потомъ оказывается пьяницей и негодяемъ (стр. 37, 86, 172). Если и поэтъ замѣчаетъ, что «этотъ свѣтъ не хорошъ», то у него готово утѣшеніе: на томъ будетъ лучше (стихотвореніе *Merwel'zo v'ed*—надо умереть! стр. 118—120).

При такомъ міросозерцаніи не ждите отъ Люзеля картинъ народной жизни, показывающихъ, что онъ вдумался въ нее, — хотя онъ и много видѣлъ. Лучшія вещи у него—описанія природы (напримѣръ, вечеръ на фермѣ лѣтомъ; 124—128), воспѣ-

ваніе идиллической любви (стр. 162, 200, 228 и слѣд.), чувствительныя баллады во вкусѣ старинной народной поэзіи, напр. *Eur zop kloarek*, — «пѣсня клоарека», исторія о томъ, какъ юноша ушелъ учиться и какъ его возлюбленная умерла, а онъ сталъ священникомъ въ церкви, на погостѣ которой она погребена (стр. 132); или *Ann Itron varia Sant Karé* (Богородица въ С.-Каре), о томъ, какъ мать больного отъ безнадежной любви юноши посвятила Богородицѣ С.-Каре сердце (изображеніе изъ воску) сына, чтобъ она исцѣлила его, — какъ св. Дѣва явилась ему ночью, положила палецъ на его сердце, — и юноша умеръ, а мать поетъ хвалу Богородицѣ за то, что она исцѣлила сердце сына, который теперь поетъ съ ангелами (100 стр. и слѣд.); или передѣлка распространенной по всему свѣту сказки о Христѣ, св. Петрѣ, подковѣ и вишняхъ (178 стр. и слѣд.). Заключиваетъ бретонскій поэтъ свою книжку, какъ началъ — стихотвореніемъ, въ которомъ справедливо требуетъ правъ языку своего народа, пожалуй, справедливо говоритъ о невниманіи французскаго общества къ этимъ правамъ, но мотивируетъ всѣ эти права кельтской народности все тою же романтичною аргументаціею: «Кто говоритъ, что въ Бретани умерли духъ и вѣра древнихъ, и что съ каждымъ днемъ мы утрачиваемъ нашъ языкъ? Кто говоритъ, что французъ побѣдитъ бретонца, или верба — вѣрнѣй дубъ? Духъ отцовъ нашихъ живъ и будетъ существовать до конца міра, потому что мы предпочитаемъ его богатству. Мы поемъ еще наши старыя пѣсни, и какъ поемъ сегодня, такъ будемъ пѣть и завтра. До тѣхъ поръ, пока не будетъ вереска въ Нижней Бретани и скалы на берегу голубого моря, — до тѣхъ поръ не умретъ нашъ старыи языкъ. Присылайте школьныхъ учителей въ наши деревни, мѣстечки и на фермы, чтобы бороться съ нашимъ языкомъ; но сколько ни пришлете вы этихъ учителей, дѣти Армора имѣютъ упорныя головы и никогда не послушаютъ ихъ. Если вы не отрѣжете языка ребенку, — новорожденному ребенку, — то борьба ваша будетъ напрасна. Если же вы и замкнете намъ уста, то на всѣхъ кладбищахъ возстанутъ изъ своихъ могилъ наши предки, чтобы учить нашихъ дѣтей говорить ихъ языкомъ, пѣть *gwerz* и чаще молиться. Люди Франціи, оставьте дѣтей Брейза, оставьте ихъ, они не дѣлаютъ никакого зла, и обратите вашъ умъ на чтъ другое. Оставьте намъ наши старыя обычаи, наши церкви, крестъ и языкъ тѣхъ, которые покоятся теперь въ могилахъ, — наши вечерніе рассказы у очага, зимою, послѣ труда и послѣ ужина. Позвольте нашимъ священникамъ служить

обѣдню, которую слышать каждый отъ одного конца до другого, оставьте *отпусты* въ лѣтнее время, на которые спѣшать всѣ, здоровые и больные,—одни, чтобъ молиться, другіе—потанцовать и выпить, молодой—поухаживать за красивой дѣвушкой, на которой думается жениться. Я клянусь, что дѣти Брейза никогда не совершать нигдѣ безпорядка и не стануть жаловаться. Но уничтожить нашъ милый языкъ! — нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, люди Франціи, и лишь потратите напрасно время. Какъ растутъ дрокъ на нашихъ поляхъ, такъ растутъ церкви, кресты, *sônes* и *gwerg* на землѣ Брейза. Пока будутъ скалы на берегу морскомъ, до тѣхъ поръ древній бардъ будетъ пѣть у своего порога на старомъ языкѣ Армора» (стр. 257—265). Любопытно, что поэтъ народности, подавленной централизованною властью государства, которая началась, конечно, не со вчерашняго дня, не подъ влияніемъ «духа времени», а еще со временъ «старо-королевскаго порядка», временъ военно-феодалныхъ; народности, отъ которой отреклась аристократія еще въ эти времена, — все-таки считаетъ необходимымъ похвастать воинственностью своего народа въ пѣсни: «до свиданья, Мари, моя милая, до свиданья, я иду сейчасъ туда—на валы,—умереть, защищая свою страну!— Со всѣхъ сторонъ гремѣть пушки, со всѣхъ сторонъ звучать трубы; нужно идти по доброй волѣ и безъ страха, какъ истый бретонецъ! — Да, я пойду съ радостнымъ сердцемъ въ первыхъ рядахъ, поднявъ голову высоко, — я умру безъ сожалѣнія за моего Бога, короля и отечество. Прощай въ этомъ мірѣ, гдѣ мы не должны больше видѣться; когда-нибудь, на небесахъ увидимся вмѣстѣ со всѣми вѣрными солдатами» (стр. 237—239). Сочинялъ ли Люзель это стихотвореніе во время какой-нибудь бонапартовской войны, или на всякій случай, или, какъ вѣроятно, изъ употребленія слова *roié* — король (которое по-французски Люзель переводитъ *monarque*) поэтъ имѣлъ въ виду что-либо въ родѣ бурбонской реставраціи,—во всякомъ случаѣ эта пѣсня любопытна для характеристики той стадіи бретонскаго патриотизма, какую представляютъ стихотворенія Люзеля.

Казалось бы, какъ легко поборникамъ народности, сохраняющей почти исключительно въ массахъ народа, на которыхъ лежатъ всѣ тяжести современнаго общества, а особенно лежали тяжести стараго, въ массахъ народа, подавленныхъ между прочимъ и слабостью просвѣщенія,—какъ бы легко, казалось, бретонскимъ патриотамъ признать, что только именно духъ вѣка нашего, его демократическія стремленія и положительная наука

могутъ поднять ихъ народъ, а слѣдовательно и народность, насколько ея признаки отвѣчаютъ потребностямъ цивилизаціи,—но нѣтъ: этнографическій и языковой дилеттантизмъ привелъ ихъ къ идеализаціи феодально-католическаго прошлаго и къ союзу съ его остатками въ настоящемъ, къ враждѣ съ прогрессомъ. Само собою разумѣется, что на этой ступени въ наше время не можетъ удержаться цѣликомъ ни одна національно-патріотическая партія,—какъ это случилось и съ бретанофилами, и съ самимъ Лювелемъ.

М. Драгомановъ.

НАШЪ АРГОНАВТЪ

По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Любимова въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Falsche Eingriffe zur Heilung angeblicher Leiden können bei empfindsamen Körpern leicht den Rest noch vorhandenen Wohlseins wirklich zerstören; zu solchen empfindsamen Körpern gehören unzweifelhaft die Universitäten in hohem Grade.

I. ВОНА МЕРЕР: Deutsche Universitäts-Entwicklung. 1876.

Въ виду назначенія особой комиссiи для пересмотра университетскаго устава, этотъ вопросъ получаетъ совершенно новый интересъ, и потому заслуживаетъ всесторонняго изученiя. Хотя между членами этой комиссiи, помимо служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя и официальныхъ лицъ, ректоровъ, только два изъ нынѣ читающихъ профессоровъ, а именно, нашъ знаменитый санскриптологъ г. Коссовичъ и извѣстный профессоръ физики Любимовъ,—ногѣмъ не менѣе комиссiя, повидимому, вовсе не желаетъ себя ограничивать однимъ своимъ составомъ и весьма справедливо выговорила право своему предсѣдателю приглашать экспертовъ, слѣдовательно, выслушивать мнѣнiя со всѣхъ сторонъ. Мы съ особеннымъ удовольствiемъ указываемъ на такое превосходное намѣренiе комиссiи; оно должно совершенно парализировать распространившiйся въ обществѣ слухъ, что извѣстныя статьи г. Любимова объ университетскомъ вопросѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, могутъ имѣть при всемъ этомъ какое-то исключительное значенiе. Каковы бы ни были мнѣнiя г. Любимова, въ качествѣ автора тѣхъ статей и вмѣстѣ лица, редактирующаго „Русскiй Вѣстникъ“,

но эти мнѣнія составляютъ принадлежность публицистики, и потому не могутъ имѣть ни малѣйшаго officialнаго значенія. Это—журнальныя статьи, какъ и всякія другія. Нельзя, конечно, не пожалѣть, что въ послѣднихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ январьской, февральской и мартовской книжкахъ упомянутаго журнала, самъ публицистъ дѣлаетъ ошибку и нѣсколько самозванно принимаетъ на себя officialный тонъ, даже съ увѣренностью говоритъ о видахъ и намѣреніяхъ правительства; но до этой ошибки намъ нѣтъ никакого дѣла, и мы тѣмъ не менѣе будемъ разсматривать статьи г. Любимова, какъ мы разсматривали бы всякую другую журнальную статью. Притомъ, мы даже не знаемъ, держится ли въ эту минуту г. Любимовъ мнѣній, высказанныхъ имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“; вѣдь измѣнилъ же онъ, какъ мы увидимъ ниже, свои мнѣнія, которыя онъ поддерживалъ о томъ же предметѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, — по крайней мѣрѣ, это такъ кажется; — почему же ему не измѣнить ихъ вновь? Очень будемъ довольны, если и настоящая наша статья будетъ сколько-нибудь содѣйствовать если не къ тому, чтобы г. Любимовъ вновь измѣнилъ свои мнѣнія, то хоть къ тому, чтобы онъ подумалъ о многомъ, высказанномъ имъ какъ будто второпяхъ, необдуманно и съ небольшимъ багажомъ свѣдѣній о предметѣ, лежащемъ за предѣлами его личныхъ наблюденій — о германскихъ университетахъ.

Онъ не далъ себѣ, впрочемъ, труда изучить и того, что къ нему было болѣе близко, а именно настоящаго положенія нашихъ университетовъ, и замѣнилъ все это фельетонною и мрачною картиною нашей умственной жизни; при помощи голословныхъ обвиненій онъ огуломъ осудилъ профессоровъ и учащихся, а Россію представилъ на краю страшной пропасти, и все это только для того, чтобы заключить самымъ неожиданнымъ образомъ: университеты-моль могутъ быть спасены только новымъ уставомъ, составленнымъ по программѣ г. Любимова, такъ какъ они пали вслѣдствіе недостатковъ устава 1863 г. Конечно, г-ну Любимову было бы крайне недовко пускаться въ подробности, и онъ предпочелъ древній японскій способъ устрашенія — рисовать драконовъ на знамени. Но вѣдь если бы онъ коснулся подробностей, то ему пришлось бы засвидѣтельствовать, что, напримѣръ, со времени устава 1863 г., въ теченіи 10-ти лѣтъ, университетская жизнь, именно благодаря этому уставу, проходила совершенно спокойно; даже недавно, на нашихъ глазахъ, одни университеты оставались въ сторонѣ отъ безпорядковъ въ другихъ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это вѣдь фактъ, и обойти его было бы нельзя, а потому г. Любимовъ ударился въ громкія и голословныя фразы; съ его спеціальною цѣлью такой фактъ не вл-

заяся. Съ другой стороны, ему совершенно невозможно было бы не засвидѣтельствовать другого факта, еще болѣе неприятнаго свойства: извѣстные беспорядки 1861 года въ петербургскомъ университетѣ предшествовали уставу 1863 года и при дѣйствии его не повторялись ни разу; между тѣмъ въ эпоху этихъ беспорядковъ и гораздо прежде ихъ университетскіе совѣты были въ полной зависимости отъ распоряженій департамента и канцеляріи попечителей; г-ну Любимову извѣстны результаты такого внѣшняго управленія университетскими дѣлами, и онъ благоразумно о томъ умалчиваетъ, такъ какъ онъ самъ предлагаетъ именно то, что было у насъ осуждено собственнымъ опытомъ. Не нужно быть глубокимъ специалистомъ въ исторіи, впрочемъ, уже вѣковой, нашихъ университетовъ, чтобъ понимать, какъ близокъ идеаль г. Любимова къ тому, что до устава 1863 года было фактомъ. Стоить только, на примѣръ, напомнить исторію петербургскаго университета въ попечительство М. Н. Мусина-Пушкина, и всякій, читая статьи г. Любимова, увидитъ ясно, что въ его идеяхъ нѣтъ ничего собственно новаго: положеніе университетскаго совѣта при Мусинѣ-Пушкинѣ и есть то самое, какимъ теперь плѣненъ г. Любимовъ. Теперь не время и не мѣсто пускаться въ подробности университетскаго „хозяйства“ того времени; да притомъ, еще такъ много живетъ свидѣтелей той эпохи, что это было бы и излишне. Достаточно сказать, что событія 1861 года были прямымъ послѣдствіемъ, конечно, не устава 1863 года, но предшествовавшей ему системы, которая поставила учащихся лицомъ къ лицу съ начальствомъ; результаты того памятны и до сихъ поръ. Правда, въ 1855 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ замѣненъ лицами другого характера, но система оставалась та же: совѣтъ не чувствовалъ болѣе гнета, но и не пріобрѣлъ отъ того никакого авторитета, и плоды прежней системы могли только созрѣть оттого гораздо скорѣе. Если бы мы захотѣли однимъ словомъ выразить сущность новой системы устава 1863 года, мы должны бы были сказать такъ: этотъ уставъ въ первый разъ поставилъ учащихся лицомъ къ лицу не съ начальствомъ, а съ профессорами, и счастливыми результатами того мы пользуемся до настоящей минуты, несмотря на многое, бывшее неблагоприятнымъ для полноты примѣненія этого устава: нѣкоторые и весьма важные его пункты утратили свою силу, до предприняемаго нынѣ его пересмотра.

Отъ всего этого отворачивается г. Любимовъ и старается замѣнить историческое изложеніе дѣла элоквенціею самаго непристойнаго свойства. При этомъ онъ даже забываетъ, что уставъ 1863 года открылъ множество путей для министерства народнаго просвѣщенія къ наблюденію за ходомъ университетской жизни и предоставилъ ему

вполнѣ законныя средства къ парализированію всякаго злоупотребленія и къ возвращенію совѣта на путь, указанный закономъ. Потому, читая статьи г. Любимова и его аттестацію современному положенію нашихъ университетовъ, мы вовсе не спрашиваемъ, какъ могли университеты дойти до такого ужасающаго положенія; несравненно любопытнѣе былъ бы другой вопросъ: гдѣ было все это время министерство народнаго просвѣщенія? Неужели-же оно не пользовалось предоставленнымъ ему по уставу 1863 г. надзоромъ за университетами, такъ что теперь ему приходится узнавать о печальномъ состояніи университетовъ изъ журнальной статьи? Вотъ предъ какою мыслью слѣдовало бы остановиться прежде всего, еслиби въ словахъ г. Любимова была правда. Какъ, напримѣръ, долженъ думать читатель о нашихъ университетахъ, а еще болѣе о надзорѣ за ними со стороны министерства, за эти послѣдніе годы, при такой характеристикѣ ихъ современнаго, по-истинѣ отчаяннаго положенія:

„Что добраго, — восклицаетъ г. Любимовъ, — можно ждать, когда молодой умъ, въ эпоху горячей пылливости, когда слагаются убѣжденія о великихъ загадкахъ бытія, и когда сердце открыто, чтобы повѣрить и привязаться, не получаетъ въ своемъ чтеніи другой пищи, кромѣ настойчивыхъ намековъ на разныя ученія отрицательнаго и разлагающаго свойства, да полуграмотной перефразировки нѣсколькихъ сочиненій, признанныхъ передовыми, сочиненій по большей части критическаго, а не творческаго характера, имѣющихъ значеніе и понятныхъ лишь какъ вѣтви на умственномъ деревѣ эпохи и терпящихъ живой сокъ, какъ скоро отрублены отъ этого дерева. Много ли слышитъ молодой умъ съ кафедръ, что способно было бы прекратить безплодное броженіе скудоумнаго отрицанія и вызвать живую струю исполненнаго надеждъ творчества?“ („Р. В.“, янв., стр. 340).

Обвинительный актъ противъ университетовъ и министерства народнаго просвѣщенія продолжается и въ слѣдующихъ статьяхъ. Еще назидательнѣе становится профессоръ Любимовъ, когда онъ, потушивъ глаза и краснѣя за лѣнь, невѣжество и мятельный духъ своихъ товарищей, отворачивается отъ нихъ. Будущей организаціи университетовъ онъ противопоставляетъ теперешнюю, „ведущую къ тому, чтобы укрѣпить произволь преподаванія въ чтеніяхъ, требующихъ наименьшей траты труда, и поощрять свободу праздности, бѣгущей завитіемъ“ (янв., 338). Продолженіе на стр. 350: „профессоръ читаетъ въ границахъ своего предмета, что хочетъ и какъ хочетъ, сколько хочетъ, будучи отвѣтственъ лишь предъ своею совѣстью; экзаменуетъ такъ или иначе по своему характеру, темпераменту, расположенію къ строгости или склонности къ популярничанью“ и т. д.

При такой лѣни въ чтеніи курса, неудивительно, что нѣтъ и по-

довъ кабинетнаго труда. Уставъ 1863 года, замѣчаетъ г. Любимовъ, въ широкихъ рамкахъ увеличилъ ученый персоналъ. Но увеличилась ли пропорціонально ученая производительность? „Много ли являетсяъ курсовъ и книгъ?“ спрашиваетъ авторъ учебника физики, которому скоро предстоитъ праздновать свой 25-лѣтній ученый юбилей! „Говорятъ, что съ тѣхъ поръ вышло много специальныхъ работъ. Но,“ — спѣшитъ увѣрить читателя съ видомъ знатока г. Любимовъ, — „лишь небольшой процентъ ихъ выше посредственности и значительный ниже ея“¹⁾.

Вслѣдствіе такого отвращенія къ труду немудрено, что члены университетскихъ совѣтовъ, при дурной организаціи послѣднихъ, обуреваемы мятежнымъ духомъ: еще въ 50-хъ годахъ, „общій ходъ дѣлъ способствовалъ установленію взгляда, до нынѣ не лишеннаго значенія, что каждая ученая корпорація должна представлять собою родъ благороднаго заговора противъ несвѣдущаго начальства и направлять его къ благимъ дѣламъ не настоящими соображеніями, а особенными аргументами, прилаженными къ его пониманію“ (февр., с. 640).

„Какой результатъ, — спрашиваетъ въ другомъ мѣстѣ г. Любимовъ, — имѣло расширеніе круга дѣятельности совѣта? Обращу прежде всего вниманіе на то обстоятельство, состоитъ ли это собраніе, должествующее держать бразды правленія и представлять собою нѣчто въ родѣ конвента (!?) въ миниатюрѣ изъ членовъ съ достаточно независимымъ голосомъ?“ (мартъ, с. 118). Читая все это, приходишь невольно въ ужасъ и не можешь не воскликнуть: какъ это случилось, что министерство народнаго просвѣщенія давно не замѣтило, что университетскіе совѣты превратились въ „конвенты“, положимъ, миниатюрные, но все-таки конвенты, съ миниатюрными Робеспьерами, Маратами и Дантонами. Не одинъ уставъ 1863 г. давалъ ему воз-

¹⁾ Янв., 341 стр. — Ко всѣмъ этимъ мастерскимъ изображеніямъ, для полноты картины, присоединимъ еще одно, въ томъ же самомъ родѣ. Мы встрѣтили его перепечатаннымъ въ „Голосѣ“ (№ 178): „ежегодные отчеты нашихъ университетовъ представляютъ смѣсь самаго непозволительнаго глумленія надъ русскимъ обществомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печальную картину положенія и учащихся, и учащихъ. Кассетри остаются незанатыми въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; нѣкоторые кассетри замѣщаются людьми совершенно бездарными... Наука университетская выражается въ цѣломъ рядѣ сочиненій, которыя десятки лѣтъ подготавливаются русскими профессорами, и которыми, вѣроятно, никогда не суждено удивить ученый міръ“. Все это слово въ слово по г-ну Любимову, но редакція „Голоса“ увѣряетъ, что она сдѣлала выписку изъ лондонскаго изданія „Впередъ“. Если это вѣрно, то въ объясненіе возможности такого случая мы можемъ только привести французскую поговорку: les beaux esprits se repentent! Нашимъ учащимъ и учащимся приходится переживать неудовольствія одновременно и со стороны г-на Любимова, и со стороны его неожиданныхъ единомышленниковъ.

мощность приотстановить такую метаморфозу сѣвѣтовъ въ конвенты! Неужели допустить, что она была такъ невнимательно къ исполненію своихъ обязанностей?! Но мы уже выше сказали въ чемъ дѣло, и конечно потому министерство не принимало никакихъ мѣръ къ обратному превращенію „конвентовъ“ въ сѣвѣты. Но за то послѣ всѣхъ этихъ словозверженій, г. Любимовъ не долженъ удивляться и сердиться, что онъ былъ объявленъ „врагомъ университетовъ“; что „во имя якобы либеральныхъ идей и мнимой преданности святынь университетскихъ правъ, его обвинили въ ретроградномъ направленіи, въ желаніи подслужиться власти, въ измѣнѣ университету“ (мартъ, стр. 69).

Это червь, который постоянно гложетъ сердце г-ну Любимову. Ему такъ хотѣлось бы, по пословицѣ, „и невинность сохранить, и капиталъ приобрести“, т.-е., обезпечивъ себѣ всѣ выгоды ретрограднаго человѣка, прослыть въ то же время за либеральнаго, за истинно либеральнаго! Вотъ это-то и составляетъ затруднительность его положенія. Ему было бы легко прослыть за человѣка подслуживающагося начальству, за охранителя въ области умственной и нравственной, но этого ему мало; ему также хочется нравиться людямъ, которые относятся недоувѣрчиво къ извѣстной уже въ исторіи всего міра оцѣнкѣ канцелярши надъ наукой. И вотъ что дѣлаетъ г. Любимовъ: онъ рѣшительно измѣняетъ свою „тактику“ въ новыхъ статьяхъ „Русскаго Вѣстника“. Прежде, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, онъ безцеремонно бранилъ либерализмъ въ организаціи университетовъ; теперь онъ становится даже подъ его знамя. Въ этомъ послѣднемъ выходѣ предъ публикой онъ является въ извѣстномъ средневѣковомъ двувѣтномъ костюмѣ: одна половина его желтаго цвѣта, другая краснаго. Спереди у него надѣта консервативная маска, а сзади либеральная. Забавно, какъ онъ то-и-дѣло поворачивается предъ публикой и представляется ей то въ одномъ, то въ другомъ видѣ. Его рѣчи обращены то къ людямъ „основныхъ убѣжденій“, то къ людямъ, „не желающимъ отдѣлиться отъ западныхъ идей и порядковъ“, иногда же въ одномъ общемъ аккордѣ звучать и консервативная, и либеральная нота.

Напримѣръ, обращаясь къ *либераламъ*, г. Любимовъ говоритъ: „*Великій запретъ* постоянно лежалъ (у насъ) на всякомъ свободномъ проявленіи мыслящаго духа (каково? хоть куда!). Духовная *цензура*, въ самомъ широкомъ значеніи и разнообразныхъ формахъ, ограждала нашу умственную жизнь отъ опасностей философскаго вольнодумства“. Поворачиваясь къ *консерваторамъ*: „Но, увы! не оградила она (*цензура*) наше общество отъ самыхъ дикихъ теорій, съ жадностью принимаемыхъ неувѣрленными серьезнымъ убѣжденіемъ молодыми умами; отъ нелѣпныхъ ученій, находящихся, благодаря выгодному сбыту мно-

гочисленныхъ производителей въ нашей печати и порождающихъ самыя печальныя явленія“ (январь, стр. 340).

Къ либераламъ: „Мы продолжаемъ еще расплачиваться за разореніе нашей школы въ пятидесятыхъ годахъ, за этотъ дорого обошедшійся опытъ, который практически показалъ, что *опасность, отъ которой желательнo охранить общество, не въ свободѣ и дѣятельности мысли, а въ ея безсиліи, въ неразуміи всякихъ видовъ и свойствъ*“ (январь, стр. 341). Но для успокоенія консерваторовъ г. Любимовъ спѣшитъ объяснить, какъ онъ понимаетъ „оживленіе философскаго духа, который долженъ содѣйствовать поднятію общаго образованія“, и что онъ разумѣетъ совершенно особенный *духъ*. Въ февральской статьѣ (стр. 643), гдѣ говорится объ экзаменахъ профессоровъ, г. Любимовъ вдругъ презрительно восклицаетъ: „и какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ могъ быть въ экзаменѣ Грановскаго изъ его краснорѣчивыхъ чтеній, которыхъ главное значеніе заключалось въ возбужденіи чувствъ гуманности?“

Чтобы возбудить сочувствіе другихъ въ пользу предстоящихъ измѣненій въ университетской организаціи, г. Любимовъ ясно говорить, что эти измѣненія непременно должны повлечь за собой уменьшеніе числа бѣдныхъ студентовъ. Г. Любимовъ желаетъ, чтобы „бремя государственнаго управленія“ (подъ этимъ онъ разумѣетъ чиновничьи мѣста) разлагалось преимущественно на тѣхъ, для кого жалованье не есть единственное средство къ жизни и кому достатокъ и общественныя связи даютъ извѣстную независимость положенія. „Вотъ почему,—продолжаетъ онъ,—кажущееся для иныхъ столь либеральнымъ привлеченіе людей изъ бѣдныхъ классовъ къ высшему образованію далеко не таково въ сущности, если образованіе это служить лишь орудіемъ къ достиженію чиновничьихъ мѣстъ. Привлеченіе это можетъ вести къ развитію класса искателей мѣстъ, *становящагося классомъ недовольныхъ*, если въ мѣстахъ оказывается недостатокъ, или если они не удовлетворяютъ возбужденнаго самолюбія, такъ легко переходящаго въ зависть и манищаго къ *безнравственнымъ средствамъ*“ (январь, 381).

Поэтому г. Любимовъ чрезвычайно ополчается противъ „вопроса о бѣдныхъ студентахъ“. Онъ съ усмѣшкой замѣчаетъ, что печалованіе о бѣдныхъ студентахъ сдѣлалось *модой*, и съ укоривной вспоминаетъ, что въ эпоху самарскаго голода ревнители за бѣдныхъ студентовъ выманивали и вырывали у общества пожертвованія, которыя должны были бы идти на утоленіе голода въ Самару!

Но, съ другой стороны, г. Любимовъ очень не жаляетъ, чтобы проектъ измѣненія устава 1863 г. показался кому-нибудь не-либеральнымъ, и онъ постоянно увѣряетъ, и даже съ претензіей гово-

рить отъ имени правительства, что „правительствомъ заявлено намѣреніе подвергнуть пересмотру университетскія учрежденія исключительно съ точки зрѣнія интересовъ науки и преподаванія“ (февр., стр. 642). „Высшая цѣль, соотвѣтствующая видамъ правительства, въ томъ, чтобы поднять духъ науки и ученія въ университетахъ и высшихъ школахъ“ (январь, стр. 337).

Иногда однако встрѣчаются у г. Любимова фразы, неизвѣстно для кого предназначенныя, для тѣхъ ли консерваторовъ, которымъ онъ желаетъ поправиться, или для либераловъ, осужденія которыхъ онъ смертельно боится. Такъ, напр., „соединеніе вопроса о платѣ за слушаніе лекцій съ вопросомъ о мѣрахъ къ предупрежденію студентскихъ волненій — разжигаемыхъ разными вліяніями, и сдѣлавшихся, благодаря общей смутѣ, важнымъ событіемъ, которое *эксплуатировалось* въ разныхъ направленіяхъ — не могло“ и т. д. (январь, стр. 380). Кѣмъ эксплуатировалось? Неужели тутъ идетъ рѣчь о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и ихъ подражателяхъ? Но г. Любимовъ вовсе не озабоченъ рѣшеніемъ имъ возбуждаемыхъ вопросовъ; ему нужно только болѣе или менѣе искусное подтасовываніе консервативныхъ и либеральныхъ фразъ, и на этомъ-то построено все произведеніе автора, редактирующаго „Русскій Вѣстникъ“. Въ прежнихъ статьяхъ своихъ объ университетѣ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, главнымъ предметомъ его нападеній былъ либерализмъ устава 1863 г. и его составителей, а главною цѣлью его желаній — перенесеніе выбора профессоровъ изъ университетскаго совѣта въ канцелярію попечителя. Теперь г. Любимовъ счелъ нужнымъ заявить, что вопросъ о порядкѣ назначенія профессоровъ и объ устройствѣ университетскаго управленія — стоитъ уже на второмъ планѣ сравнительно съ капитальной задачей преобразования. А этой капитальной задачей является — какъ бы вы думали, читатель, — перенесеніе къ намъ изъ Германіи — *horribile dictu* — *академической свободы*. Эта „академическая свобода“ называется первымъ благомъ и главнымъ правомъ германскихъ университетовъ, важнѣйшимъ условіемъ ихъ процвѣтанія. Не изумляйтесь однако, читатель, смѣлости г. Любимова.

При ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что эта свобода не принесетъ пользы ни *оцамъ* (такъ называетъ г. Любимовъ студентовъ), ни пастухамъ. Подъ академической свободой для профессора г. Любимовъ не разумѣетъ права читать безъ стѣсненія и опасенія о всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ извѣстной наукой; ни права печатать безъ цензуры и безъ опасенія быть отданнымъ подъ судъ; ни права получать безъ стѣсненія всякаго рода сочиненія; ни права въ вакаціонное время уѣзжать за границу безъ всякаго отпуска, ни многихъ другихъ подобныхъ правъ, существующихъ для профессоровъ германскихъ университе-

товъ; вовсе нѣтъ. Подъ академической свободой для учащихся г. Любимовъ не разумѣлъ права сходоebъ и демонстрацій, права составлять студенческія общества или принадлежать къ нимъ, права одобренія профессорскихъ лекцій, какъ подумалъ бы какой-нибудь нѣмецкій студентъ. Подъ академической свободой, которую слѣдуетъ, для процвѣтанія нашихъ университетовъ, перенести изъ Германіи, г. Любимовъ разумѣетъ только слѣдующіе 4 пункта: 1) гонораръ, т.-е. право профессоровъ получать деньги со студентовъ; 2) приват-доцентство съ гонораромъ; 3) экзаменъ на степень въ особыхъ комиссіяхъ, и 4) назначеніе профессоровъ министромъ (попечителемъ) по рекомендаціи или безъ рекомендаціи со стороны профессоровъ. Вотъ это-то и есть „академическая свобода“; все же прочее въ ней онъ, конечно, оставляетъ нѣмецкимъ университетамъ на ихъ погибель. Но между этими 4-мя пунктами, подумаетъ иной читатель, принимаясь за чтеніе статей г. Любимова, по крайней мѣрѣ приват-доцентство, т.-е. право всякаго имѣющаго университетское образованіе открывать въ университетѣ курсъ какой-нибудь науки, можетъ дѣйствительно содѣйствовать развитію академической свободы, а приват-доцентство у насъ не развивалось, можетъ быть, только оттого, что у насъ не было гонорара, и всѣ профессора были экзаменаторами?

Такого добродушнаго читателя статей г. Любимова ждетъ полное разочарованіе. Ему тотчасъ придется убѣдиться, что, во-первыхъ, упомянутые четыре пункта обставлены у г. Любимова такъ, что они не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей гарантіи академической свободы; а во-вторыхъ, что онъ вовсе не серьезно относится къ своему дѣлу и вовсе не заботится найти практически-полезныя мѣры для осуществленія своихъ совѣтовъ. Seriously заботится онъ только о двухъ вещахъ: о полученіи гонорара сверхъ жалованья и о томъ, чтобы вступленіе молодыхъ профессоровъ, отставка профессоровъ, отслуживающихъ сроки, подобно г-ну Любимову, и положеніе ихъ въ университетѣ зависѣли не отъ ихъ товарищей, а отъ канцеляріи или департамента. Но для осуществленія этихъ двухъ благъ не нужно ломать себѣ голову и придумывать разныя практическія мѣры, а достаточно просто внести въ существующій уже уставъ соотвѣтствующіе два параграфа. Вопросъ о гонорарѣ и срокахъ службы разрѣшенъ у г. Любимова ясно и положительно, потому что это только и интересовало его серьезно; за то все остальное—сбивчиво, противорѣчиво и практически-непримѣнимо или бесполезно.

Впрочемъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ доказательствамъ, коснемся одного интереснаго вопроса. Г. Любимовъ постоянно рисуется передъ читателемъ на своемъ любимомъ конькѣ „германскій университетъ“, и значительную часть его статьи въ 200 страницъ представ-

ляютъ буквальные выписки въ нѣсколько страницъ изъ сочиненій о германскихъ университетахъ... Пріемъ нетрудный и, какъ извѣстно, въ журнальной статьѣ хорошо оплачиваемый. Но спрашивается, такой ли авторъ знатокъ нѣмецкой науки, какъ онъ желаетъ заставить думать читателя; лично ли онъ знакомъ съ университетскими порядками въ Германіи, которые онъ желаетъ къ намъ перенести, или только по наслышкѣ? Мы сомнѣваемся—по крайней мѣрѣ вотъ нѣсколько данныхъ, вызывающихъ наше сомнѣніе: если бы г. Любимовъ менѣе выписывалъ, а болѣе говорилъ отъ себя, мы имѣли бы возможность точнѣе судить о степени его знакомства съ исторіей и состояніемъ нѣмецкихъ университетовъ.

Въ одной безконечной выпискѣ у г. Любимова изъ *официальной* рѣчи берлинскаго профессора Дюбуа-Реймона сказано между прочимъ: „при гонорарѣ, между профессоромъ и учащимся устанавливаются личныя сношенія, которыя часто имѣютъ самыя благодатныя послѣдствія и къ концу при безплатномъ преподаваніи не имѣются случая. Нѣтъ сомнѣнія, что это одна изъ причинъ, порождающихъ то тѣсное сближеніе нѣмецкихъ профессоровъ со студентами, которое удивляетъ иностранцевъ“ (январь, 357).

Г. Любимовъ, очарованный всѣмъ, что влится въ *полосу юмора*, принадлежитъ, очевидно, къ немногимъ иностранцамъ, удивляющимся тѣсному сближенію нѣмецкихъ профессоровъ со студентами; но кто изъ иностранцевъ не удивляющихся только, а дѣйствительно живущихъ и жившихъ при нѣмецкихъ университетахъ и наблюдавшихъ тамошніе порядки,—кто изъ нихъ не знаетъ настоящаго положенія дѣла?! Кому не случалось видѣть слѣдующую сцену или по крайней мѣрѣ слышать о ней: конецъ семестра; у двери кабинета профессора раздается слабый стукъ. Профессоръ говоритъ „herein“, входитъ молодой человѣкъ съ билетикомъ въ рукахъ, кланяется и молча останавливается у двери. Этотъ билетъ—удостовереніе, выданное изъ Amt'a, что такой-то студентъ заплатилъ гонораръ. Продолжая разговоръ съ вами, профессоръ молча беретъ билетъ, не спрашиваетъ имени студента, такъ какъ оно значится на билетѣ, удостоверяетъ на немъ, что студентъ слушалъ его курсъ и возвращаетъ билетъ. Студентъ кланяется и уходитъ, встрѣчая своего профессора иногда только на прогулкахъ. Вотъ какъ происходитъ сближеніе между профессорами и студентами при помощи и посредствомъ гонорара!

Возьмемъ другое доказательство. Въ своей январьской статьѣ г. Любимовъ выписываетъ длинный диаграммъ „академической свободы“ Германіи изъ рѣчи гейдельбергскаго профессора Куно-Фишера. Но изъ сочиненій Куно-Фишера можно бы было сдѣлать другую вы-

писку, лучше характеризующую академическую свободу въ смыслѣ г. Любимова. Знаетъ ли г. Любимовъ то мѣсто, которое мы ищемъ въ виду? Если не знаетъ, то онъ долженъ былъ бы это знать; ибо съ нѣкоторыхъ поръ г. Любимовъ, чтобы снискать въ глазахъ начальства свое архи-реальное происхождение, повадился говорить „о спасительномъ классицизмѣ“ и объ „оживляющемъ духѣ философіи“. Трудно повѣрить, чтобы онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ принялся за изученіе латинской или греческой грамматики, или чтобы онъ успѣлъ въ этомъ. Но философія есть занятіе для зрѣлыхъ умовъ. Въ настоящее время дилеттанты почти исключительно занимаются исторіей философіи, а между исторіями новой философіи самая извѣстная есть исторія философіи Куно-Фишера. Въ предисловіи къ этой исторіи К. Фишеръ рассказываетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и знаменательныхъ эпизодовъ изъ исторіи нѣмецкихъ университетовъ. Онъ началъ свою ученую дѣятельность приватъ-доцентомъ въ гейдельбергскомъ университетѣ, вскорѣ послѣ 1848 года. Ни академическая свобода, ни гонораръ не спасли его; на него поступилъ въ министерство *доносъ* со стороны одного изъ профессоровъ о *предномъ* направленіи его лекцій, Министерство сдѣлало факультету запросъ объ этомъ. Въ факультетѣ только *одна* голосъ высказался противъ Куно-Фишера; то же самое случилось и въ совѣтѣ, куда поступилъ запросъ. Министерство, повидимому, хотѣло, въ виду всего этого, затянуть дѣло, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произошла перемѣна министра и Куно-Фишеръ вдругъ былъ лишенъ права преподаванія (*venia docendi*). Изъ счастію, его спасла ученая децентрализація Германіи,—соревничество ея университетовъ и 25 нѣмецкихъ министровъ народного просвѣщенія (въ то время) или исправляющихъ ихъ должность гегеймъ-ратовъ. Баденскій министръ народного просвѣщенія гонять Куно-Фишера, но остаются еще 24 министра такого же просвѣщенія. Миниатюрный „конвентъ“ (такъ г. Любимовъ, мы видѣли, называетъ совѣтъ университета) въ Іенѣ пріютилъ преступнаго Фишера въ свои нѣдра, тамъ онъ сдѣлался профессоромъ и благоденствовалъ болѣе 10 лѣтъ, пока, наконецъ, не былъ приглашенъ профессоромъ въ тотъ же Гейдельбергъ.

Какъ думаетъ г. Любимовъ, напримѣръ, о такомъ параллельномъ случаѣ? Положимъ, до 1848 года онъ былъ профессоромъ московскаго университета и особенно сдѣлался извѣстенъ въ то время не только открытіями въ физикѣ, но и неумѣренною любовью къ классицизму. Въ 1849 году новое министерство приняло бы другую систему и г. Любимова удалило бы изъ московскаго университета, какъ крайняго классициста. Между тѣмъ, порядки въ нашихъ университетахъ были бы устроены еще прежде по идеямъ самого г. Любимова

и вмѣстѣ по образцу нѣмецкихъ университетовъ. При такомъ предположеніи спрашивается: могъ ли бы г. Любимовъ имѣть участь Куно-Фишера, который, бывъ удаленъ изъ Гейдельберга, былъ встреченъ съ распростертыми объятіями въ Іенѣ? Напримѣръ, могъ ли бы г. Любимовъ надѣяться на приглашеніе изъ Казани или изъ Харькова? И не погибъ ли бы онъ для отечественной науки, между тѣмъ какъ Куно-Фишеръ погибъ только, и то временно, для Гейдельберга, а для нѣмецкой науки остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ? Но г. Любимовъ не изъ тѣхъ, которые прямо отвѣчаютъ на прямо-ставленные ему вопросы. Мы знаемъ, впрочемъ, отвѣтъ г. Любимова. Онъ любитъ Куно-Фишера только въ предѣлахъ нѣкоторыхъ цѣнъ изъ него, удобныхъ для г. Любимова, но о самомъ Куно-Фишерѣ онъ, конечно, имѣетъ своего рода понятія. Онъ навѣрное намъ скажетъ, что ему никогда не пришлось бы нуждаться въ приглашеніяхъ другихъ русскихъ университетовъ, такъ какъ онъ вовсе не Куно-Фишеръ, и никогда не доведетъ себя до того, чтобы канцеларія удалила его изъ Москвы, какъ Куно-Фишеръ былъ удаленъ изъ Гейдельберга, а потому ему и нечего опасаться предлагаемыхъ имъ канцелярскихъ порядковъ; онъ не любитъ только совѣтскихъ порядковъ, да и вообще онъ вовсе не думаетъ серьезно пересаживать къ намъ нѣмецкую „академическую свободу“ со всѣми ея недостатками; онъ — человѣкъ прогресса, и ему желательно не слѣпое подражаніе нѣмецкимъ университетамъ, а очищеніе ихъ до вышеупомянутыхъ четырехъ пунктовъ. Поэтому-то въ многословныхъ статьяхъ г. Любимова находится, къ сожалѣнію, чрезвычайно мало указаній и совѣтовъ, которыми могла бы воспользоваться коммиссія по преобразованію устава; притомъ эти указанія и совѣты на каждомъ шагѣ противорѣчатъ другъ другу или принципамъ, которыми руководится г. Любимовъ.

Разсмотримъ поочереди тѣ знаменитые „четыре пункта“. Г. Любимовъ предлагаетъ основать у насъ приватъ-доцентство на гонорарѣ, такъ какъ онъ полагаетъ, что оно существуетъ въ Германіи только благодаря гонорару. Это прежде всего несправедливо и обличаетъ формальное, канцелярское отношеніе къ дѣлу. Но допустимъ, что это вѣрно относительно Германіи. По мнѣнію г. Любимова, изъ этого слѣдуетъ заключить, что гонораръ породитъ приватъ-доцентство и у насъ. „Только чрезъ гонораръ, — говоритъ онъ, — устанавливаются правильныя отношенія *свободно* преподавателя къ *свободнымъ* слушателямъ, и проба способности и призванія получаетъ серьезный характеръ практической оцѣнки приносимой пользы. Чрезъ гонораръ устраняется возможность увеселительныхъ

тений и привлеченія на лекціи средствами, независящими отъ ихъ научныхъ достоинствъ. Да и въ матеріальномъ отношеніи доходъ гонорара во многихъ случаяхъ далеко не былъ бы незначителенъ. Сборъ въ тысячу рублей при сотнѣ слушателей есть сумма, которую нельзя назвать маловажною даже въ нашъ вѣкъ денежныхъ денегъ и неправильной наживы“.

Сколько же въ университетѣ предметовъ, по которымъ привать-доцентъ могъ бы имѣть „сотню“ слушателей? Пусть бы г. Любимовъ сначала перечислилъ эти предметы, а потомъ бранилъ бы нашъ вѣкъ за то, что подобными фразами можно наживать въ немъ деньги въ видѣ построчной платы отъ редакціи. И что за смѣсль въ словахъ: „чрезъ гонораръ устраняется возможность увеселительныхъ чтеній?“ Если теперь профессора читаютъ, по мнѣнію Любимова, своимъ обязательнымъ слушателямъ увеселительныя лекціи, то что же будетъ съ Любимовскими привать-доцентами, которые поставлены въ необходимость привлекать къ себѣ на лекціи слушателей уже не ради славы, а ради насущнаго хлѣба! Это—логика, въ которой г. Любимовъ изощрился уже не по учебнику Куно-Финшера, а по системѣ отцовъ общества Іисуса, которые, какъ извѣстно, всегда ратуютъ за „свободу совѣсти“.

Г. Любимовъ, впрочемъ, самъ понимаетъ, что журавля баснями не кормить, и потому тутъ же предлагаетъ для обезпеченія привать-доцентства мѣры, не имѣющія ничего общаго съ нѣмецкими порядками и съ академической свободой, которыя онъ хочетъ пересадить къ намъ. Онъ требуетъ *поощренія* для привать-доцентства, припоминая вѣроятно, при этомъ словѣ Гоголя, что у насъ всѣ любятъ поощреніе; это поощреніе, говоритъ онъ, отнюдь не должно принять форму постоянного вознагражденія, то-есть жалованья. „Это извѣстно бы, по его мнѣнію, характеръ учрежденія въ его сущности, которая именно въ томъ состоитъ, чтобы привать-доцентъ пробивался по своей инициативѣ, на свой страхъ, опираясь на свою силу—и лишило бы институтъ *независимости*, которая есть одинъ изъ главныхъ его нервовъ. Поощреніе можетъ быть сдѣлано *косвенными* (отлично!!) мѣрами: порученіемъ переводовъ и иныхъ научныхъ трудовъ, особыхъ занятій со стипендіатами, занятій по разработкѣ документовъ и т. н. съ хорошимъ вознагражденіемъ, съ обращеніемъ вниманія на индивидуальныя условія каждаго случая и лишь по обнаруженіи достоинствъ“ (январь, стр. 375).

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 386) прибавлено: „въ практическихъ и самостоятельныхъ (sic) студенческихъ упражненіяхъ,—осуществленіе которыхъ требуетъ значительнаго персонала,—привать-доценты могли бы принять дѣятельное участіе, получая надлежащее вознагражденіе“.

Итакъ, Любимовскіе привать-доценты будутъ распадаться на два разряда—волюбленные и неопрямые, и неопрямые. Посредствіе будетъ состоять, во-первыхъ, изъ платы за переводъ. Кто же будетъ выбирать стюкавннхъ переводчиковъ и подбирать имъ книги по соотвѣтствующей наукѣ? Кто будетъ назначать размѣръ платы? Будетъ ли въ университетскій бюджетъ внесена особая статья за переводы? Но вѣдь недостаточно перевести книгу—гораздо значительнѣе расходы по *печатанію* книгъ, чѣмъ по переводу ихъ. Или переводы волюбленныхъ привать-доцентовъ не будутъ вовсе печатаны и будутъ такъ называться *стучными* переводами, т.-е. источникомъ непрерывнаго дохода, который получали нѣкоторые придворные поэты и историографы за сочиненія, никогда не оконченныя?

Второй способъ оопренія: плата за занятія по разработкѣ документовъ. Какіихъ? Конечно, историческихъ, хранящихся въ архивѣ. Этотъ способъ будетъ волюнтаренъ въ примѣненіи къ привать-доцентамъ математическаго, естественнаго, медицинскаго, юридическаго факультетовъ и классическихъ языковъ!! Остаются привать-доценты по историческимъ введеньямъ. Не какіе документы будутъ поручены привать-доцентамъ харьковскаго, вазаискаго и одесскаго университетовъ? Развѣ архивы тамошнихъ мировыхъ судей? Третій способъ: практическія занятія со студентами; по-просту сказать, репетиторство. Не если репетиторство держится въ военномъ училищѣ, куда и не приносятъ такъ особенной пользы, то какъ же примѣнить его къ „академической свободѣ?“ И если тугерство не налажено въ маляникъ разнѣракъ спеціальныхъ классовъ Лицея, основаннаго г. Катковскимъ, то какъ наладить его въ обширныхъ разнѣрахъ университетовъ?

Г. Любимовъ изобрѣлъ еще одинъ способъ: послать привать-доцента года на два за границу, съ обязательствомъ по возвращеніи быть три года привать-доцентомъ. А чѣмъ же ему жить? Придется послать только тѣхъ, которые внесутъ въ казну залогомъ, какъ на торгахъ, достаточную сумму для обезпеченія ихъ обязательства. Мы видимъ, что совѣтъ г. Любимова—Маниловская фантазія, сбалансированная постройкой лавочки и т. п. Всего же имѣло то, что по теоріи г. Любимова привать-доценты выигрываютъ чрезвычайно отъ оопренія ихъ—въ своей *независимости*.

Вотъ одна изъ великихъ реформъ, проведенныхъ г. Любимовымъ. Онъ очень зло нападаетъ на уставъ 1863 года за то, что послѣдній доустилъ два разряда доцентовъ: частныхъ или волюнтаристическихъ, которые не получаютъ жалованья, но которыми совѣтъ можетъ въ концѣ года назначить въ вознагражденіе за ихъ лекціи до 500 р.—и извѣстныя, избранныя совѣтомъ и получающія жалованья

въ 1,200 р. И что же предлагаетъ г. Любимовъ? Тѣ же два разряда, съ той же существенной разницей въ выгодахъ и правахъ, такъ называемыя „поощряемые“ переводами приватъ-доценты, конечно, будутъ сами легче переведены на вакансіи, сравнительно съ своими товарищами, не потратившими время на переводы. Различіе между уставомъ 1863 г. и уставомъ Любимова только касается независимости. Теперешніе штатные доценты, получая свое скромное жалованье, обезпечены относительно насущнаго хлѣба и читаютъ свои 4, 6, 8 до 10 лекцій въ недѣлю по нѣскольку лѣтъ, спокойно работая надъ докторской диссертацией или выжидая вакансіи въ своемъ или въ другомъ университетѣ. Любимовскіе доценты будутъ *независимы*. Чуть не каждый мѣсяцъ они будутъ бѣжать въ канцелярію почтителя или къ людямъ, вліяніе имѣющимъ, и будутъ выпрашивать себѣ переводовъ, документовъ или десяточекъ студентовъ, при которыхъ они будутъ числиться тьюрами.

Такъ перерождается по отношенію къ доцентамъ германская академическая свобода подъ благотворнымъ вліяніемъ свобододолюбиваго и *независимаго* г. Любимова. Точно такъ же преобразуется она по отношенію къ учащимся и профессорамъ.

Учащіеся отбилась совѣсь отъ занятій, восклицаетъ г. Любимовъ, „а вышѣ чувствуется такая потребность въ поднятій занятій студентовъ и обучающей дѣятельности профессоровъ“ (глв., стр. 389).

Г. Любимовъ очень сѣтуетъ на учащихся. „Они не желаютъ ходить или не ходятъ на лекціи, занимаются или не занимаются, заглядываютъ въ университетъ, или слушать въ частныхъ должностяхъ, или живутъ на урокѣ гдѣ-нибудь въ Орлѣ, Пензѣ, Саратовѣ. Свобода, да и тожко“... „Извѣстно“, сказано въ другомъ мѣстѣ той же статьи (стр. 367), „что студенты у насъ вообще неаккуратно посѣщаютъ лекціи, и на нѣкоторыхъ многолюдныхъ факультетахъ присутствіе на лекціи двадцати человекъ, вмѣстѣ трясотъ, есть явленіе весьма обыкновенное“.

Истину, гдѣ открылъ г. Любимовъ *никогда* счастливые курсы въ 300 слушателей?

Этой свободѣ нашихъ учащихся противопоставляетъ онъ академическую свободу нѣмецкихъ студентовъ, которые вовсе не стѣснены относительно посѣщенія лекцій, лишь бы они ухватили гонорарь. Если г. Любимовъ никогда въ глаза не видѣлъ нѣмецкихъ университетовъ, то, конечно, ему неизвѣстно техническое выраженіе: „ein Collegium schwäzen“, которое такъ часто услышишь въ устахъ нѣмецкаго студента. Г-ну Любимову едвали извѣстно, что до сихъ поръ значительная часть этихъ студентовъ, особенно на юридическомъ факультетѣ, считаетъ священною обязанностью прогулять вовсе пер-

внй или первые два-три семестра; что студенты и въ Германіи живутъ за-частую на урокъ, даже отбываютъ воинскую повинность во время семестровъ. Чего же хочетъ г. Любимовъ, этотъ поборникъ академической свободы?

Дѣло въ томъ, что „Deutsche Academische Freiheit“ въ русскомъ переводѣ существенно измѣняетъ смыслъ. „Что нѣмцу здорово, то русскому смерть“, гласитъ пословица въ передѣлкѣ г. Любимова.

Вотъ „свобода“, которую онъ назначаетъ: семинаріи, *практическія упражненія, обученія малыми группами, обязательность занятій стипендіатовъ* (январь, стр. 339).

На стр. 386 говорится подробнѣе о занятіяхъ стипендіатовъ. „Было бы волево, если бы стипендіаты раздѣлялись на группы, занимающіяся практически, подъ общимъ наблюденіемъ профессоромъ, завѣдующихъ университетскими семинаріями и при ближайшей помощи и особомъ наблюденіи молодыхъ руководителей“. Это собственно касается стипендіатовъ, но студенты, учащіеся на свой счетъ,—говоритъ г. Любимовъ,—убѣдившись, что путь правильныхъ занятій есть единственный, ведущій къ цѣли, присоединятся къ группамъ стипендіатовъ“.

Сколько тутъ опять несообразностей!—и это случается всегда, какъ только г. Любимовъ съ широкой колеи выписокъ собьется на узкій путь практическихъ совѣтовъ. Во-первыхъ, очевидно, что г. Любимовъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о такъ-называемыхъ въ Германіи профессорскихъ семинаріяхъ и смѣшиваетъ ихъ съ рентиціями въ замкнутыхъ коллегіяхъ. Профессорскія семинаріи могутъ существовать не по всѣмъ предметамъ, онѣ посѣщаются немногими студентами, специально избравшими извѣстный предметъ изученія. Г. Любимовъ такъ ратуетъ противъ склонности нашихъ студентовъ въ специальнымъ занятіямъ, такъ глумится подъ *молодыми стениментами* съ перваго курса, противопоставляя имъ Леверрье и Дюма, а теперь вдругъ ищетъ спасенія въ специальныхъ семинаріяхъ. Семинаріи въ Германіи родились не изъ потребности „большаго контроля и наблюденія надъ студентами“, которыхъ такъ жаждетъ г. Любимовъ, а изъ потребности при теперешнемъ развитіи отдѣльныхъ наукъ сберечь силы и приступить къ специальнымъ занятіямъ еще на студенческой скамьѣ, когда возможно руководство профессоромъ. Отъ того въ Германіи семинаріи устроиваются только по предметамъ, изученіе которыхъ приняло болѣе специальный характеръ, посѣщаются только специалистами, и если бы туда нахлынула толпа, какъ воображаетъ г. Любимовъ, то онѣ утратили бы возможность успѣшнаго существованія; въ семинаріяхъ бываетъ много 5 — 10 человекъ.

Итакъ, г. Любимовъ объяснитесь: чего вамъ нужно? Настоящія ли нѣмецкія семинаріи съ спеціальнымъ характеромъ, или просто наши репетиціи, заимствованныя у военнаго училища по всѣмъ предметамъ, которые долженъ изучать студентъ?

Но если ввести подобныя репетиціи, столь подходящія къ академической свободѣ, и рядомъ съ лекціями завести обязательныя частныя уроки по группамъ, то подумалъ ли г. Любимовъ, сколько для осуществленія этого дѣла, не на бумагѣ только, нужно лишнихъ преподавателей и денегъ? Или, можетъ быть, онъ думаетъ ограничить свое обязательное благодѣяніе стипендіатами, въ сущности предоставляя массѣ свободу? Такъ какъ онъ въ то же время совѣтуетъ сосредоточить стипендіи на словесномъ и медицинскомъ факультетахъ, то въ результатѣ получится *нуль*; ибо на этихъ факультетахъ студенты и теперь правильно и усердно ходятъ на лекціи; хуже посѣщаются только лекціи юридическихъ факультетовъ (въ Россіи, какъ и вездѣ), такъ какъ на этомъ факультетѣ легче замѣнить лекціи книгой или приготовиться удовлетворительно по литографированному курсу. Итакъ, по отношенію къ первымъ двумъ факультетамъ мѣра г. Любимова не нужна, а на остальныхъ она не будетъ приведена въ исполненіе, такъ какъ тамъ не будетъ стипендіатовъ.

Но у г. Любимова есть еще одно волшебное средство—отдѣлнить экзамены отъ преподаванія, т.-е. предоставить не всѣмъ профессорамъ право экзаменовать, а только нѣкоторымъ, присоединивъ къ нимъ постороннихъ экзаменаторовъ, и устроить экзамены не по лекціямъ, а по программѣ, на нѣсколько лѣтъ утверждаемой.

Знаетъ ли г. Любимовъ пѣсню нѣмецкихъ студентовъ:

Ich bin der Doctor Eisenbart,
Curir' die Leut' nach meiner Art, и. т. д.

Г. Любимовъ—такой же находчивый врачъ нашихъ университетскихъ недуговъ. Теперь студенты экзаменуются изъ содержанія лекцій и плохо посѣщаютъ лекціи. Экзаменуйте ихъ, говорить онъ, не изъ содержанія лекцій, а по печатаннымъ руководствамъ и курсамъ, и они будутъ ходить на лекціи!!!

Однако, какъ ни плохо средство, предлагаемое г. Любимовымъ для привлеченія студентовъ на лекціи, оно достаточно для того, чтобы обезпечить, относительно слушателей, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ профессоровъ, т.-е. профессоровъ *поощряемыхъ*, которые будутъ засѣдать въ экзаменаціонной комиссіи. Впрочемъ, можетъ быть, этого и не нужно. Пусть студенты только платятъ гонораръ, а готовиться къ экзамену они могутъ по учебнику, который издастъ или

уже издавъ профессоръ-экзаменаторъ. Перейдемъ теперь къ третьему разряду лицъ, которыхъ желаетъ облагодѣтельствовать академической свободой своего изобрѣтенія г. Любимовъ,—къ профессорамъ. Онъ, какъ мы видѣли, очень недоволенъ русскими профессорами, за исключеніемъ, конечно, самого себя и еще немногихъ другихъ; это не только вполноценная праздность, бѣгущая занятій, но — что еще хуже — всаый нѣтъ ни ихъ „читаетъ въ границахъ своего предмета что хочеть и какъ хочеть, столько хочеть“ (стр. 350, ян.). Этого нельзя допустить, и нашихъ профессоровъ слѣдуетъ подвергнуть большаго регламентации. И егитъ будущимъ профессорамъ въ образецъ ставить г. Любимовъ нѣмецкихъ профессоровъ, о которыхъ говоритъ (ян., 344): „въ самомъ преподаваніи профессоръ не стѣсненъ никакими предписаніями. Объемъ, методъ, направленіе, принимаемое ученіемъ, все зависитъ отъ его усмотрѣнія. Онъ читаетъ подъ общаго авторитетомъ университета безъ какой-либо регламентированной цензуры“.

Что же это такое наконецъ, если не шутка? Г. Любимовъ безцеремонно бранитъ русскихъ профессоровъ за то самое, за что хвалитъ нѣмецкихъ, и чтобы перенести къ намъ пресловутые нѣмецкіе порядки, о которыхъ до него никто ничего не зналъ, хочеть уничтожить у насъ и то, что волюнѣ согласно съ обычаями германскихъ университетовъ.

Чтобы уничтожить у насъ произволъ профессоровъ при выборѣ предмета чтеній, который, впрочемъ, вовсе не такъ великъ, такъ какъ, при малочисленности у насъ преподавателей, большинство не имѣетъ возможности избирать для чтенія спеціальныя курсы—г. Любимовъ совѣтуетъ отдѣлнить экзаменъ отъ преподаванія и поручить его особымъ комиссиямъ при университетахъ. Членами ихъ могли бы быть, говорить онъ, какъ наличные профессора, но въ ограниченномъ числѣ, такъ и профессора, окончившіе преподавательскую дѣятельность, и наконецъ сторонніе ученые, имѣющіе высшую университетскую степень. Для руководства экзаменаторамъ должна быть выработана особенная программа на навѣсенный срокъ.

Не станемъ разсматривать здѣсь спеціальныи вопросъ о возможности у насъ составить такія программы по всѣмъ факультетамъ, и обратимъ только вниманіе на результаты, которые истекутъ изъ такого порядка. Если теперь наши экзамены основаны на наученіи профессорскихъ лекцій, то тогда, напротивъ, лекціи примутъ спеціальныи характеръ, т.-е. будутъ имѣть въ виду только приготовленіе студентовъ къ экзамену въ тѣсныхъ рамкахъ утвержденной программы. Это ли желательное и то ли мы видимъ въ Германіи? Г-нъ Лю-

биновъ опять смѣшала двѣ различныя вещи. Въ Германіи существуютъ два рода экзаменовъ: на *стипендію* и на *службу*. Экзаменъ на стипендію предоставляется исключительно университетамъ и профессорамъ; экзаменъ на службу идетъ отчасти отъ университетовъ и раздробленъ на различныя функціи государственнаго управленія. У насъ до сихъ поръ эти два разряда были слиты: университетскій экзаменъ былъ экзаменомъ на ученую степенъ и въ то же время экзаменомъ, дававшимъ право вступленія на государственную службу. При этомъ первая сторона была главной — университетское образованіе дѣлало человека способнымъ для государственной службы. По проекту г. Любимова выйдетъ наоборотъ — выдержать экзаменъ въ экзаменационной комиссіи будетъ главной цѣлью всякаго студента; университетъ, его лекція и занятія будутъ интересовать его лишь настолько, насколько они будутъ помогать достиженію его главной цѣли.

Все, что въ университетѣ не будетъ содѣйствовать этой цѣли, должно пасть. Падутъ всѣ курсы, которые можно будетъ замѣнить книгой, особенно если книга будетъ расположена по вопросамъ программъ. Падутъ всѣ предметы, которые не будутъ входить въ программу или преподаватели которыхъ не будутъ членами комиссій. Профессоры не будутъ стараться о научной серьезности своихъ курсовъ, а токъ, чтобы они были выраженіемъ успѣховъ, достигнутыхъ наукой. Главною цѣлью ихъ будетъ приоровиться къ программѣ, т.-е. читать или *диктовать* студентамъ отдѣлы на вопросы, которые имъ будутъ предложены. А если какой-нибудь профессоръ не захочетъ подчиниться этому и читать по программѣ? Г-нъ Любимовъ грозитъ ему, что онъ потеряетъ гонораръ, ибо студенты пойдутъ къ приватъ-доценту, который станетъ имъ разъяснять параграфы программы. Въ этомъ случаѣ профессоръ лишается гонорара, но еще болѣе потеряютъ студенты и русская наука, если такіе курсы будутъ преподавать даромъ и выведутся изъ обычая. А если не случится такого приватъ-доцента — тогда студентамъ будетъ невозможно готовиться въ экзамену.

Связанное сейчасъ относится къ профессорамъ, которые не попадутъ въ комиссію; что же касается до тѣхъ, которые слѣдуются членами комиссій, то они поспѣшатъ написать учебникъ или перевести таковой съ иностраннаго языка, или же будутъ экзаменовать по своимъ литографированнымъ лекціямъ, и все пойдетъ по старому. Новое будетъ только то, что среди членовъ экзаменационной комиссіи будутъ возникать раздоры. Экзаменаторъ-профессоръ будетъ требовать знакомства съ своими взглядами и наслѣдованіями; экзамене-

наторы же изъ отставныхъ профессоровъ и изъ постороннихъ ученыхъ (!!?) будутъ считать это совершенно излишнимъ, а иногда и вреднымъ! Случится одно изъ двухъ: или жизнь возьметъ свое и виинесія будетъ состоять изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, которымъ за неизвѣнемъ профессора поручать чтеніе предмета (т.-е. нынѣшнихъ штатныхъ доцентовъ) и каждый изъ нихъ будетъ экзаменовать по своему предмету, т.-е. по лекціямъ; или канцеларія на время возьметъ свое и сдѣлаетъ изъ русскихъ университетовъ репетиторскія школы для приготовленія на десятый или двѣнадцатый классъ.

Таковы всѣ совѣты и указанія г. Любимова! Они очень удобны въ журнальной статьѣ; но человѣкъ практической остановится предъ ними въ раздумьи—какъ ими воспользоваться, и что изъ всего этого можетъ выйти впоследствии? Какъ бы не выросло то, чего все не желаютъ сѣять? Господамъ Любимовымъ хорошо: они полагаютъ въ карманъ гонораръ, потомъ садутъ въ экзаменаціонную комиссію; поощрять кого имъ тамъ нужно переводами—и дѣло въ шляпѣ! Но государственныя цѣли не таковы: тутъ нужно все предвидѣть, и удобство одного завтрашняго дня не считается еще удобствомъ.

Въ нашъ вѣкъ, который, по словамъ г. Любимова, долженъ называться вѣкомъ дешевой, неправильной жизни, —всякій благоразумный читатель, когда слышитъ о какомъ-нибудь новомъ проектѣ, хоть въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, долженъ спросить: qui у gagne?

Г. Любимовъ старается придать дѣлу видъ, какъ будто выиграетъ правительство и высшее начальство; это — новая его уловка, и потому не даромъ онъ спѣшитъ подѣлиться съ читателями необыкновеннымъ извѣстіемъ, которое онъ только-что узналъ изъ приведенной въ газетахъ рѣчи недавняго министра народнаго просвѣщенія Жюль-Симона, а именно, что Франція почти ничего не тратитъ на высшее университетское образованіе. Въ 1872 г. французское правительство выдало на высшее образованіе 4.402,921 фр., но получило назадъ въ формѣ взносовъ за слушаніе лекцій и экзамены 4.316,610 франковъ! Только 20,000 рублей! Какъ это дешево и мило! Пожалуй, иной подумаетъ, что до этого дѣло можно довести и у насъ, и ны тогда, согласно желанію г. Любимова, быстро догонимъ Францію въ умственномъ отношеніи, а если совсѣмъ ничего не будемъ трогать, то даже и перегонимъ. Г. Любимовъ призываетъ между прочимъ на помощь Жюлю Симону г. Георгіевскаго и приводитъ, въ видѣ оружія, его слова: „разрядъ приватъ-доцентовъ представить вѣрнѣе средство къ пополненію ученаго университетскаго сословія лицами, представившими ручательство за свое научное и нравственное (?)“

достоинство... Онъ устранить поводъ къ неудовольствію университетскихъ слушателей доставленіемъ возможности выбора между преподавателями, или же убѣдить ихъ, что недостатокъ преподавателей не зависитъ ни отъ воли университета, ни отъ воли правительства (sic!), и наконецъ, въ будущемъ, чрезъ введеніе системы гонорара, дать возможность сократить государственные расходы на содержаніе университета" (январь, 390).

Мысль о пользѣ введенія приватъ-доцентовъ для усиленія студентовъ и примиренія съ плохими профессорами и съ правительствомъ, это — *гениальное* изобрѣтеніе; что же касается до уменьшенія государственныхъ расходовъ, то это или наивность или такая арифметическая ошибка, когда вмѣсто вычитанія дѣлаютъ сложение, или, наконецъ, это — какіе-нибудь новые „классическіе шесты“, если эту истину изрекъ авторъ одной приснопаматной диссертаци. Вѣдь гонораръ пойдетъ профессорамъ, а не въ казну, теперешній же сборъ за слушаніе лекцій идетъ косвенно въ казну, такъ какъ весь употребляется на лабораторіи, кабинеты и клиники, стипендіи студентамъ и магистрантамъ и пр. и ни гроша не даетъ профессорамъ; а потому, съ введеніемъ гонорара и съ уничтоженіемъ нынѣшняго сбора, казнѣ придется взять на себя расходы, оплачиваемые теперь сборомъ со студентовъ. Г. Любимовъ жалуется, что обстоятельная записка, которую составилъ по этому предмету г. Георгіевскій для ученаго комитета главнаго правленія училищъ, не привела ни къ какимъ результатамъ. Къ сожалѣнію, г. Любимовъ привелъ изъ этой записки только упомянутый отрывокъ и мы не знаемъ убѣдительности всей записки. Но судя по этому отрывку мы нисколько не удивляемся: вѣдь это — абсурдъ, или по меньшей степени, переливаніе изъ пустого въ порожнее! Итакъ, новое назначеніе гонорара не уменьшитъ расходовъ казны, а увеличитъ ихъ; но, можетъ быть, эти расходы уменьшатся вслѣдствіе другихъ реформъ, предложенныхъ г. Любимовымъ — введенія казенныхъ переводовъ и поощреній, жалованья „членамъ экзаменаціонныхъ комиссій, не принадлежащимъ къ профессорамъ“, довольно значительнаго прибавленія къ жалованью профессоровъ, которыхъ начальство захочетъ оставить на службѣ и т. д.? Уже изъ этого ясно — *qui u gagna*, — выиграютъ *люди поощряемые*, а вовсе не правительство, которое никогда не бываетъ и не можетъ быть замѣшано въ личные интересы. Въ качествѣ приватъ-доцентовъ, „поощряемые“ получаютъ выгодные казенные переводы и первую вакантную профессуру; въ качествѣ профессоровъ, они сдѣлаются членами экзаменаціонныхъ комиссій, а по выслугѣ 25 лѣтъ получаютъ „увеличенное въ довольно значительныхъ размѣрахъ содержаніе“ — кромѣ того, могутъ быть назначены деканами и ректорами.

Но отвѣтъ на вопросъ: qui у gagnega? будетъ еще яснѣе, если мы разслѣдуемъ, что г. Любимовъ разумѣетъ подь *высшимъ начальствомъ*. Высшее начальство,—подумаете вы, читатель,—министръ? Но развѣ министръ можетъ входить во всѣ мелочи по управленію 8-ми университетовъ въ разнѣбрахъ, желаемыхъ г. Любимовымъ, при которыхъ начальству придется даже дѣлать фосфорную кислоту между профессорами и приватъ-доцентами химіи! Такъ—попечитель? Но не будемъ отгадывать: г. Любимовъ самъ спѣшитъ объяснить намъ загадку.

Въ прошломъ вѣкѣ, въ эпоху патриархальнаго быта Германіи, когда солдаты носили косички, а профессора ѣздили на лекціи верхомъ на старыхъ лошадяхъ, подаренныхъ мѣстнымъ фюрстомъ, процвѣталъ въ Германіи ученый Мейнерсъ, котораго г. Любимовъ такъ полюбилъ, что многократно выписывалъ изъ его сочиненій по тѣскольку страницъ. Мейнерсъ объясняетъ, какъ попечитель долженъ управлять университетомъ, и г. Любимовъ великодушно намъ это повѣщаетъ. „Попечители всегда знаютъ въ вѣранныхъ имъ университетахъ *надежныхъ* ученыхъ людей, которые или сами могутъ дать имъ совѣтъ, или *посоветоваться объ этомъ съ своими друзьями и знакомыми (!)*. Этими путями легко опредѣлить какъ число, такъ и достоинства кандидатовъ на вакантныя мѣста“ (мартъ, стр. 74). Это—одна сторона медали, но вотъ и другая. „Если онъ (попечитель) имѣетъ прямой талантъ и истинное рвеніе, то не преминетъ собрать лучшихъ людей; но слѣдуетъ за нимъ другой, неспособный избиратель, и мало-по-малу плохіе выборы замѣщаютъ отличныхъ преподавателей рядомъ ничтожностей“ (стр. 77)... „Слѣдовательно, всего лучше, чтобы при выборѣ преподавателей была предоставлена полная свобода *начальникамъ университетовъ*; послѣдніе же, при замѣщеніи преподавательскихъ должностей, совѣтовались бы съ людьми, которые вполне извѣстны имъ какъ самыя надежныя совѣтницы“ (стр. 76). Hier liegt der Hund begraben! — гласитъ одна нѣмецкая пословица.

Но вѣдь надъ попечителемъ есть министръ, который можетъ контролировать его дѣйствія и его выборъ *надежныхъ* совѣтниковъ изъ числа *друзей и знакомыхъ*. Конечно, но г. Любимовъ спѣшитъ и въ этомъ отношеніи „дать намъ книгу въ руки“. Никто не станетъ спорить, что какъ бы то ни было, но однимъ изъ самыхъ славныхъ министровъ народнаго просвѣщенія въ Россіи былъ графъ Уваровъ. Онъ и самъ былъ ученый, и ревностно исправлялъ свои обязанности. И что же оказывается? Состоя товарищемъ министра, графъ Уваровъ въ 1832 году дѣлалъ обзоръ московскаго университета и составилъ отчетъ объ его состояніи, изъ котораго г. Любимовъ приводитъ его отрывки

о нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессорахъ (мартъ, стр. 111). Графъ Уваровъ дѣлитъ въ своемъ отчетѣ профессоровъ на нѣсколько разрядовъ по ихъ достоинству. Въ первый разрядъ, тотчасъ послѣ *ветерана* Каченовскаго, ставитъ онъ И. И. Давыдова, „болѣе всѣхъ прочихъ владѣющаго языкомъ и даромъ выражать мысли, полезнаго на каедрѣ русской словесности, нѣкогда можетъ быть легкомысленнаго, но сзрѣвшаго чрезъ опытность, любимаго публикою и студентами и въ готовности коего быть, при хорошемъ направленіи, хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства, а не имѣю никакого повода сомнѣваться“. А между тѣмъ, теперь ни для кого не секретъ, что Давыдовъ былъ отнюдь не ученый, а человѣкъ, который за все хватался ради карьеры и оставилъ по себѣ не всѣмъ завидную славу. Надеждинъ же причисленъ къ профессорамъ, которые находились между двумя крайностями—отличныхъ и негодныхъ, къ людямъ „безъ отличныхъ способностей и безъ разительныхъ недостатковъ“. Объ немъ далѣе сказано: „молодой профессоръ археологіи Надеждинъ, слишкомъ рано возведенный въ званіе ординарнаго профессора и который занимается изданіемъ „Телескопа“ и „Молвы“,—двухъ періодическихъ изданій, не заслуживающихъ одобренія ни по содержанію, ни по духу, но, впрочемъ, не лишенный нѣкоторой способности быть со временемъ хорошимъ преподающимъ“.

„Если уже самъ калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ такъ ошибался“, сказалъ одинъ дервишъ—и замолчалъ, вмѣстѣ съ г. Любимовымъ, который предоставляетъ читателю догадаться, какое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ того, что даже и гр. Уваровъ ошибался.

Но покончимъ со статьями г. Любимова, охарактеризовавъ ихъ вкратцѣ. Занимая около 200 страницъ „Русскаго Вѣстника“, онѣ представляютъ, какъ мы замѣтили вначалѣ, главнымъ образомъ, буквальные выписки изъ уставовъ заграничныхъ университетовъ, ректорскихъ торжественныхъ рѣчей и нѣкоторыхъ сочиненій объ университетскомъ преподаваніи за-границей, съ которымъ читатель гораздо лучше познакомится, если возьметъ въ руки самыя сочиненія и не ограничится тенденціозными выдержками. Затѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ этого огромнаго балласта разсыпана брань на русскіе университеты, обвиненія профессоровъ и многое другое, не совсѣмъ благовидное. Наконецъ, настоящій запасъ, которымъ нагруженъ корабль нашего „аргонавта“, т.-е. прямыя указанія и совѣты для предполагаемой реформы, занимаетъ весьма скромное мѣсто—не болѣе 20-ти страницъ. Насколько въ этомъ запасѣ браку, необузданной фантазіи и мертворожденныхъ идей—все это ясно видно изъ буквальныхъ выписокъ, которыя мы привели.

Университетскій вопросъ — такая область, къ которой авторъ считалъ невозможнымъ подплыть на утломъ челнѣ, соответствующемъ запасу его собственныхъ мыслей. Чтобы плыть въ Колхиду, нужно судно большихъ размѣровъ, а такое судно, за неимѣніемъ товара, нагружается балластомъ. Можно спросить: зачѣмъ же переплывать море, если нечего везти? Но такой вопросъ въ данномъ случаѣ былъ бы наивенъ, какъ онъ былъ бы наивенъ и по отношенію къ Язону и его товарищамъ. Они не везли своихъ продуктовъ въ Колхиду, они шли туда, чтобы оттуда вывезть золотое руно для собственныхъ потребностей. Чѣмъ меньше собственный запасъ мыслей и свѣдѣній, и чѣмъ больше жажда къ приобрѣтенію, тѣмъ труднѣе обойтись безъ дальней экспедиціи, совершаемой хотя и съ однимъ балластомъ, но за то подъ покровительствомъ боговъ. Уставъ 1863 г. при этомъ служить для жертвоприношенія.

В. Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1875.

Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консолей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ.—Производительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣшеніе вопроса о медико-хирургической академіи.—Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства.

Нельзя не замѣтить, что въ обществѣ болѣе и болѣе утверждается крайне-оптимистскій взглядъ на наше финансовое положеніе. Болѣе всего такому настроенію способствуетъ, повидимому, крайне-высокая, преувеличенная биржевая цѣна выигрышныхъ займовъ. Читатели газетъ видѣли, что цѣна ихъ въ теченіи послѣдняго года постоянно возрастала, возрасла въ сравненіи съ іюньскими цѣнами прошлаго года болѣе чѣмъ на половину номинальной ихъ цѣны; видѣли также, что высокая цѣна этихъ бумагъ существуетъ не только на русскихъ биржахъ, но и на берлинской, и уже одного такого крупнаго факта достаточно для возбужденія иллюзій въ умахъ большинства, которое всегда склонно судить объ общемъ положеніи на основаніи отдѣльнаго, наиболѣе рельефнаго факта, оставляя въ сторонѣ присущія ему исключительныя или случайныя условія. Большинство можетъ игнорировать тотъ фактъ, что выигрышные займы—любимый инструментъ спекуляціи, и что въ необыкновенномъ возвышеніи ихъ цѣны элементъ спекуляціи участвовалъ (и будетъ участвовать, пока продолжится общее твердое настроеніе фондовой биржи и низкость учетнаго процента) болѣе, чѣмъ даже народная страсть къ лотерейнымъ шансамъ. Но справедливо, что и кромѣ такого, въ сущности ничего не доказывающаго по отношенію къ финансамъ, факта, какъ цѣна займовъ выигрышныхъ, существуютъ другіе болѣе солидные признаки благопріятнаго положенія финансовъ. Таковы: хорошее положеніе другихъ государственныхъ займовъ, невыигрышныхъ, и успѣшная реализація въ прошломъ апрѣлѣ новаго желѣзно-дорожнаго займа въ

15 милл. фунтовъ стерл. (пятый выпускъ консолидированныхъ облигацій), приносящаго уже не 5%, подобно первымъ четыремъ, а только 4½%, и выпущеннаго по относительно весьма благопріятному курсу 92 фунт. стерл. за 100 ф. нарицательнаго капитала. Если сравнить выпускную цѣну этого 4½-процентнаго займа съ цѣною выпуска перваго консолидированнаго займа (1870), которая была только 79¼%, несмотря на то, что заемъ 1870 г. былъ пятипроцентный, то нельзя было не усмотрѣть въ такомъ результатѣ серьёзнаго значенія. Замѣтимъ еще, что биржевая цѣна новаго займа теперь (биржа 9-го іюля) уже слишкомъ 104. Этотъ фактъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что условія для заключенія займовъ нашимъ казначействомъ въ настоящее время гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ были въ любомъ изъ ближайшихъ годовъ. Но цѣна 104 облигацій пятаго консолидированнаго займа сама по себѣ, очевидно, не можетъ служить образцомъ или мѣриломъ нашего общаго финансоваго положенія, потому что проценты по консолидированнымъ займамъ уплачиваются звонкою монетою, а въ общемъ положеніи нашихъ финансовъ весьма важный элементъ представляетъ бумажно-денежное обращеніе. Тѣ пятипроцентныя фонды, которые не соединены съ условіемъ металлической уплаты, стоятъ всего около 99½. Но, наконецъ, нельзя не согласиться, что и эта цѣна сравнительно весьма благопріятна. Только при оцѣнѣ ея, какъ факта финансоваго, спрашивается: въ какой мѣрѣ она зависитъ отъ упроченія кредита, представляетъ доказательство благопріятнаго положенія финансовъ, и въ какой мѣрѣ она зависитъ отъ обилія денежныхъ знаковъ, которое въ свою очередь обусловливается главнымъ образомъ обиліемъ бумажно-денежнаго обращенія, то-есть фактомъ, который не можетъ быть признакъ благопріятнымъ ни въ какомъ случаѣ.

Итакъ, за болѣе надежными справками о дѣйствительномъ положеніи нашихъ финансовъ лучше всего будетъ обратиться прямо къ документамъ, изображающимъ ходъ финансоваго хозяйства: контрольному отчету за 1873 г. и бюджету на 1875 г. Разсматривая росписи 1875 года въ одномъ изъ предшествовавшихъ обзорѣній, мы ограничились на тотъ разъ разсмотрѣніемъ способовъ, принятыхъ въ нашихъ бюджетахъ для вывода годового баланса, и отложили до другого времени обычное разсмотрѣніе фактовъ, относящихся къ самому хозяйству, возрастанія или уменьшенія доходовъ и расходовъ, и взглядовъ самихъ составителей отчета и росписи на общее положеніе нашего государственнаго хозяйства. Обратиться къ этому теперь тѣмъ болѣе умѣстно, что съ тѣхъ поръ заключенъ упомянутый новый заемъ на выгодныхъ условіяхъ, и возрастаніе цѣнъ государственныхъ фондовъ на биржѣ, представляя само по себѣ явленіе благопріятное,

могло внушить обществу иллюзіи, въ которыя впадать не слѣдуетъ, такъ какъ самъ государственный контроль въ послѣднемъ отчетѣ предостерегалъ отъ нихъ.

Относительно общаго вѣроятнаго результата при исполненіи росписи 1875 года, слѣдуетъ замѣтить, что дефицита при исполненіи ея, въ томъ видѣ, какъ она составлена, предвидѣть нельзя, если цифра сверхсмытныхъ ассигнованій не превзойдетъ итога 1873 года, а дѣйствительное превышеніе доходовъ противъ показанныхъ въ росписи 1875 года останется въ прежнемъ размѣрѣ. Въ росписи 1875 года приняты такія предосторожности противъ дефицита, которыя дѣлаютъ его мало-вѣроятнымъ: во-первыхъ, общая сумма расходовъ исчислена на 3.255,783 р. ниже общей суммы доходовъ; во-вторыхъ, на недоборъ въ податяхъ опредѣлена та же сумма 4 милл. р., которая въ росписи 1874 года представлялась обусловленною чрезвычайнымъ событіемъ — неурожаемъ; до 1874 г. на недоборъ полагалось только 1 м. р., между тѣмъ на 1875 г. не предвидится послѣдствій неурожая, а сумма на недоборъ въ податяхъ оставлена въ 4 милл. р. Наконецъ, въ-третьихъ, при сліяніи суммъ государственнаго земскаго сбора съ государственными доходами, наличный остатокъ суммъ этого сбора, подлежащій передачѣ изъ специальной его кассы въ распоряженіе государственнаго казначейства послѣ 1-го января 1875 г., введенъ былъ въ роспись 1875 г. въ количествѣ гораздо меньшемъ, чѣмъ онъ дѣйствительно предвидѣлся, — какъ-то удосто-вѣрялъ докладъ министра финансовъ. Всѣ эти предосторожности, кажется, ручаются за то, что въ результатѣ исполненія росписи 1875 года дефицита оказаться бы не должно, хотя здѣсь умѣстно еще разъ повторить, что между нашей росписью и дѣйствительнымъ ея исполненіемъ проявляется такое значительное разстояніе, что бюджетныя исчисленія не могутъ въ дѣйствительности служить основа-ніями для предположеній о дѣйствительномъ результатѣ исполненія.

Докладъ, при которомъ обнародована была роспись 1875 года, въ своемъ заключеніи выражался, между прочимъ, такъ: „оказывающееся по росписямъ послѣднихъ лѣтъ превышеніе доходовъ надъ расходами и успѣшное поступленіе доходовъ въ счетъ смѣтныхъ назначеній ясно доказываетъ, что финансовое положеніе государства ежегодно улучшается“. Разсмотрѣвъ прежде способъ составленія росписей, бросимъ теперь взглядъ на общность финансоваго положенія Россіи по отчету государственнаго контроля за 1873 г. съ предшествующимъ контрольнымъ отчетомъ. Чтобы показать отношеніе дѣйствительнаго исполненія росписей къ ихъ исчисленіямъ, достаточно привесть итоги росписи и отчета за 1873 годъ. Обыкновенныхъ доходовъ (включая оборотные) на 1873 годъ исчислено было 511.983,742 р., а дѣйстви-

тельно поступило 537.942,322 р., то-есть почти на 26 милл. рублей болѣе. Расходы обыкновенные (со включеніемъ оборотныхъ) исчислены были по росписи въ 506.956,070 р., а между тѣмъ въ дѣйствительности разрѣшено было къ расходу 545.473,892 р., т.-е. на 38½ милл. рублей болѣе. Изъ этой послѣдней суммы около 12 милл. р. были, впрочемъ, отпущены за счетъ постороннихъ источниковъ и подлежали возврату, такъ что передержка противъ росписи составляла только 26.367,822 р., то-есть примѣрно ту самую цифру, которая представляла превышеніе дѣйствительнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ противъ ихъ исчисленія. Иными словами, доходы были исчислены ошибочно на 26 милл. р., но и расходы—на ту же самую сумму. Цифра 26 милл. р. сверхсѣтныхъ назначеній представлялась умѣренною сравнительно съ сверхсѣтными ассигнованіями ближайшихъ четырехъ лѣтъ. Балансъ отчета сравнительно съ балансомъ росписи выразился за 1873 г. слѣдующимъ образомъ: общая сумма исчисленныхъ по росписи доходовъ превышала сумму расходовъ въ росписи на 27,672 рубля. Въ дѣйствительности, по контрольнымъ отчетамъ за два предшествующіе года оказывались превышенія въ доходахъ болѣе значительныя. За 1871 г. оказалось дѣйствительнаго излишка доходовъ предъ расходами на 8.452,944 р.; за 1872 г.—на 629,721 р. Въ виду этого, ожиданіе росписью 1873 года излишка въ 27,672 р. было весьма скромно. Но на дѣлѣ оно не оправдалось. Доходовъ поступило 537.942,323 р., а расходовъ дѣйствительно произведено было и имѣло быть произведено въ счетъ росписи 539.140,337 р. (изъ общей суммы 545½ милл., разрѣшенныхъ къ отпуску); то-есть, вмѣсто излишка доходовъ въ 27,672 р., оказался недостатокъ средствъ 1873 г. на покрытіе его расходовъ, дефицитъ въ 1.198,014 рублей. Вотъ, въ виду этого-то результата, контроль въ своемъ отчетѣ за 1873 г. и оговорился противъ выводовъ о „чрезмѣрной упругости финансовыхъ средствъ страны“.

Приведемъ то мѣсто объяснительной записки контроля, въ которомъ, по поводу этого факта, высказывался общій взглядъ на ходъ нашего финансоваго хозяйства за послѣдніе годы: „Изъ нынѣ представляемаго отчета и отчетовъ прежнихъ лѣтъ и изъ объяснительныхъ къ нимъ записокъ видно, въ какой поразительной степени увеличились за послѣдніе годы доходы государства. Въ такомъ безпримѣрномъ у насъ приращеніи доходовъ закрчается несомнѣнная и всѣми сознаваемая государственная заслуга финансоваго управленія. Но уравновѣшенію росписей при ихъ составленіи, и въ особенности при ихъ исполненіи, способствовало не мало попеченіе о бережливости въ расходахъ, особенно замѣтно проявившееся съ 1866 г. и не разъ указанное Государемъ Императоромъ въ собственноручныхъ над-

писяхъ Его Величества. Съ постояннымъ однако, изъ года въ годъ, улучшеніемъ нашихъ финансовъ, постоянно ослабѣвало и попеченіе о бережливости, и въ этомъ ослабленіи слѣдуетъ видѣть главнѣйшую причину оказавшагося въ 1873 году, несмотря на продолжавшееся увеличеніе общей массы государственныхъ доходовъ, недостатка сихъ послѣднихъ для покрытія всѣхъ смѣтныхъ расходовъ того года. Посему строгое ограниченіе смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ требованій, всегда обязательное для тѣхъ учреждений, отъ коихъ зависитъ ихъ удовлетвореніе, въ настоящее время становится дѣломъ обще-государственной необходимости, которой должны подчиниться всѣ частныя, хотя бы и дѣйствительно полезныя предположенія отдѣльныхъ распорядительныхъ управленій“. Возрастаніе государственныхъ доходовъ составляло дѣйствительно постоянную характеристическую черту послѣднихъ восьми лѣтъ (за которыя напечатаны контрольные отчеты).

Возрастаніе обыкновенныхъ доходовъ за послѣднее восьмилѣтіе въ каждомъ году сравнительно съ предшествующимъ составляло: въ 1867 г. 41 милл. р.; 1868 г.— $\frac{1}{2}$ м. р.; 1869 г.—34 м. р.; 1870 г.—23 м. р.; 1871 г.— $27\frac{1}{2}$ м. р.; 1872 г.—15 м. р.; 1873 г.—15 м. р.

Сумма обыкновенныхъ доходовъ за послѣдній отчетный годъ (1873) была почти на 156 милл. рублей больше суммы тѣхъ же доходовъ за первый отчетный годъ (1866). Особенно велико было приращеніе доходовъ съ 1866 на 1867 г. За послѣдніе же два года, сумма доходовъ возрастала уже въ гораздо слабѣйшей противъ прежней степени, а именно всего на около 15 м. р. въ каждый годъ. Между тѣмъ, сумма расходовъ изъ году въ годъ также возрастала, но въ гораздо болѣе равномъ размѣрѣ. Естественно, что при этомъ въ первые четыре изъ приведенныхъ годовъ (за исключеніемъ 1868 г.), когда доходы возрастали особенно сильно, въ результатѣ должны были оказываться огромныя остатки, а послѣдніе два года, когда возрастаніе доходовъ значительно ослабѣло, между тѣмъ, какъ возрастаніе расходовъ продолжалось въ прежнемъ размѣрѣ, должны были оказаться сперва незначительный остатокъ (за 1872 г.), а потомъ и дефицитъ (за 1873 г.).

Дефицитъ, оказавшійся за 1873 годъ, былъ покрытъ изъ запаса, образовавшагося вслѣдствіе благопріятнаго исполненія двухъ предшествовавшихъ росписей и составлявшаго въ 1873 г. 4.487,764 р.; за отчисленіемъ изъ этого запаса 1.198,014 р. 44 к. на покрытіе дефицита, отъ запаса осталось къ 1874 г. только 3.289,749 р. 56 к., которые и могутъ быть обращены на пополненіе недостатковъ будущаго времени. Говоря о возрастаніи доходовъ, необходимо замѣтить, что сумма податныхъ недоимокъ довольно значительна: она состав-

ляла за 1872 г. 22.243,704 р., а въ 1873 г. возросла до 23.681,259 рублей, главнымъ образомъ вслѣдствіе неурожаа, который побудилъ правительство прекратить въ нѣкоторыхъ уѣздахъ всякое взиманіе податей со второй половины 1873 года.

Обратимся теперь къ возрастанію суммы расходовъ. Въ числѣ этихъ годовъ, только за одинъ 1867 г. представилось необыкновенное явленіе — уменьшеніе цифры расходовъ на около $7\frac{1}{2}$ милл. р. Другіе года восьмилѣтія представляли рядъ постояннаго возрастанія расходовъ. Но возрастаніе ихъ съ году на годъ — какъ уже замѣчено выше — шло гораздо ровнѣе, чѣмъ возрастаніе суммы доходовъ. Вѣсто колебанія въ предѣлахъ отъ 41 милл. (въ 1867 г.) до 15 милл. рублей (въ 1872 и въ 1873 г.), какое замѣчалось въ ежегодномъ возрастаніи доходовъ, цифры, представляющія ежегодное возрастаніе расходовъ, даютъ за годы 1867 — 1873 такой рядъ: за 1867 г. на $7\frac{1}{2}$ м. р. *меньше*, за 1868 г. *болѣе* на 16 м. р., за 1869 г. болѣе на $27\frac{3}{4}$ м. р., за 1870 г. болѣе на $16\frac{3}{4}$ м. р., за 1871 г. болѣе на $14\frac{1}{4}$ м. р., за 1872 г. болѣе на $23\frac{1}{4}$ м. р., за 1873 г. болѣе на 16 м. р. Отчетъ контроля за 1873 годъ дѣлаетъ сравненіе возрастанія суммъ доходовъ и расходовъ только за пятилѣтіе 1869—1873 г. Въ теченіи этого пятилѣтія доходы возрасли на $17\frac{1}{2}\%$, а расходы на 15% . Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ при сравненіи собственно обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ нельзя сказать, что расходы возрастали въ той прогрессіи, какъ и доходы; расходы возрасли въ меньшей прогрессіи. Но вотъ фактъ менѣе утѣшительный: въ то время какъ возрастаніе доходовъ съ году на годъ, съ 41 м. р. упало до 15 м. р., возрастаніе расходовъ имѣло средней своей цифрой 16 м. р. въ годъ и ниже этой цифры трудно его ожидать и за слѣдующіе годы. Напротивъ, въ слѣдующіе годы можно предвидѣть неминуемость значительнаго увеличенія нѣкоторыхъ расходовъ. Стало бытъ, если только возрастаніе доходовъ (по отчетамъ), остановившееся за послѣдніе два отчетныхъ года на цифрѣ 15 м. р., не поднимется вновь, но, напротивъ, низойдетъ до 14 м. р., то, хотя бы возрастаніе расходовъ и осталось на прежней средней цифрѣ 16 милл. р. (убавленіе которой совершенно невѣроятно), въ результатѣ получится уже неизбежность ежегодныхъ дефицитовъ, по дѣйствительному исполненію росписей. Предполагая эти дефициты не болѣе, чѣмъ въ разкрьі 1873 года, запаса отъ благоприятныхъ годовъ не достанетъ на покрытіе трехъ такихъ слѣдующихъ дефицитовъ, а затѣмъ придется вновь прибѣгать къ покрытію ихъ изъ чрезвычайныхъ ресурсовъ — займовъ. Само собою разумѣется, что это можетъ произойти и ранѣе, если бы первый же дефицитъ поглотилъ весь запасъ или большую часть его.

Разсматривая возрастаніе разныхъ государственныхъ доходовъ въ отдѣльности за пятилѣтіе 1869—1873 г. включительно, мы найдемъ, что въ общемъ возрастаніи обыкновенныхъ доходовъ въ 1873 г. противъ 1869 г., выразившемся суммою 80.445,981 р., главное мѣсто занималъ доходъ питейный. Ему одному принадлежала ббльшая половина всего возрастанія доходовъ за пятилѣтіе, а именно онъ возросъ въ теченіи этого періода на 41.447,095 р. Второе мѣсто въ общемъ возрастаніи занималъ доходъ таможенный, который за пятилѣтіе возросъ на 14.287,351 р. Затѣмъ ни по одной изъ другихъ статей государственныхъ доходовъ, возрастаніе за пятилѣтіе не дошло и до 3-хъ милліоновъ (т.-е., разумѣется, сравнивая только годовыя цифры, а не общую сложность), кромѣ пошлинъ крѣпостныхъ и канцелярскихъ, которыя противъ 1869 возрасли на 3.611,388 р. Крупнаго уменьшенія суммы поступленій въ 1873 г. противъ 1869 г. не замѣчалось ни по одному изъ дѣйствительныхъ и постоянныхъ доходовъ; оно оказалось только по возврату ссудъ и случайнымъ доходамъ рѣзнаго рода. Но за то, по сравненію 1873 г. съ ближайшими къ нему тремя годами: 1870, 1871 и 1872, уже замѣчается крупное уменьшеніе поступленій въ податяхъ. Въ 1873 году ихъ поступило на 3.426,034 р. менѣе, чѣмъ въ 1870 г.; на 1.325,108 р. менѣе, чѣмъ въ 1871 г.; на 1.233,393 р. менѣе, чѣмъ въ 1872 г. Даже питейный доходъ, постоянно возраставшій и превысившій въ 1873 г. свои поступленія въ 1871 и 1872 годахъ, все-таки упалъ на 273,896 р. въ сравненіи съ 1870 годомъ, несмотря даже на повышеніе размѣра акциза. Замѣчательно также, что соляной доходъ въ 1873 году упалъ въ сравненіи съ 1871 г. на около милліона рублей, и въ сравненіи съ 1872 на 1.337,882 р.; а такъ какъ вся сумма этого дохода составляла въ 1873 году 11.682,452 р., то это послѣднее уменьшеніе представляетъ гораздо болѣе 10%, что объяснялось, впрочемъ, введеніемъ свободной торговли солью въ царствѣ польскомъ. Но указанное сейчасъ пониженіе въ поступленіи податей представляетъ признакъ довольно-неутѣшительнаго свойства. Податей въ 1873 г. поступило даже на около 1½ милл. руб. менѣе противъ ожиданій росписи того года, что объяснялось неурожаемъ. Что касается главнаго источника возрастанія общей суммы доходовъ за пятилѣтіе, а именно—питейнаго дохода, то слѣдуетъ замѣтить, что увеличенія его поступленія далеко уже нельзя ожидать въ прежнихъ размѣрахъ, напр. въ размѣрѣ 1869—1870 года, когда онъ въ одинъ годъ возросъ на 26 милл. рублей. Въ послѣдующіе годы возрастаніе его было уже гораздо менѣе значительно. Въ 1871 г. онъ поднялся еще на 11 слишкомъ милл. р. противъ 1870 г.; но въ 1871—1872 и 1872—1873 г. возрасталъ уже только въ размѣрахъ 2 и 6½ милл. р., причемъ послѣднее по-

вышеніе около 6½ милл. р., соотвѣтствовавшее 1873 году, произошло прямо вслѣдствіе возвышенія въ 1873 г. размѣра акциза и выбора патентовъ на право торговли пивьями по удвоенной въ 1873 году платѣ, такъ какъ выборъ патентовъ на 1874 г. начался еще въ концѣ 1873 г. Вслѣдствіе возвышенія размѣра акциза и платы за патенты, и въ бюджетахъ на 1874 и 1875 г. предположено на 1874 г. почти равное дѣйствительному поступленію 1873 г., а на 1875 годъ—примѣрно на 7 милл. р. больше. Изъ всего этого слѣдуетъ, что надежды на продолженіе возрастанія доходовъ въ прежнемъ размѣрѣ положительно нѣтъ.

Изъ предшествующаго обзора оказывается, что въ то время, какъ возрастаніе расходовъ шло въ прежней, довольно постоянной прогрессіи, возрастаніе доходовъ, которое давало средства для уравновѣшенія сверхсмытныхъ расходовъ каждаго года, въ послѣдніе годы уже не происходило въ прежней прогрессіи; и такъ какъ ослабленіе такого возрастанія оказалось въ главномъ изъ нашихъ доходовъ—въ питейномъ сборѣ, то нельзя ожидать, что ежегодное возрастаніе дохода въ слѣдующіе годы будетъ держаться наравнѣ съ ежегоднымъ возрастаніемъ доходовъ. Дефицитъ, оказавшійся по исполненію росписи 1873 года, служилъ первымъ рельефнымъ предостереженіемъ въ этомъ смыслѣ. Причину такой неспособности доходовъ къ прежнему или хотя бы равномерному съ доходами возрастанію ясно указываютъ намъ паденіе поступленій въ податяхъ и даже дефицитъ въ дѣйствительномъ ихъ поступленіи за 1873 годъ противъ исчисленія той росписи, несмотря на всю осторожность, съ какой у насъ дѣлаются предположенія о цифрахъ доходовъ въ росписяхъ. Это послѣднее явленіе обнаруживаетъ, что тѣ платежныя средства страны, на которыя рассчитана существующая податная система, уже напряжены до крайности и прежнее податное поле является уже неспособнымъ къ болѣе производительности, несостоятельнымъ къ покрытію расходовъ въ той степени, въ которой они ежегодно возрастаютъ и по необходимости будутъ возрастать. Выводъ изъ этихъ положеній можетъ быть сдѣланъ только одинъ: необходимо, стало быть, подвергнуть общему пересмотру и измѣненію нашу систему податного обложенія. Первой цѣлью такого пересмотра являлась бы потребность усилить производительность податного обложенія. Но этой цѣли не будетъ противорѣчить, а наоборотъ, должно впоследствии содѣйствовать ея достиженію исполненіе еще другой потребности: при преобразованіи системы обложенія, въ видахъ сообщенія ей болѣе производительности, должна быть проведена и болѣе равномерность въ обложеніи. О томъ, въ какомъ направленіи могло бы совершиться это преобразованіе—было бы неумѣстно говорить

здѣсь, по тѣснотѣ рамокъ нашего обзора. Но можно привести, въ видѣ примѣра, фактъ, что земля нынѣ обложена у насъ слишкомъ тяжело, въ сравненіи съ промышленностью и торговлею и въ особенности въ сравненіи съ движимымъ капиталомъ. Подходящій налогъ явился бы неизбѣжнымъ нововведеніемъ при преобразованіи податной системы. Говоря о такомъ преобразованіи, понятно, мы говоримъ не о трудахъ податной комиссіи, которая перебираетъ отдѣльные виды налоговъ и соображаетъ, нѣтъ ли лучшихъ способовъ къ взиманію каждаго изъ нихъ, или рассматриваетъ, нельзя ли отдѣльный налогъ съ выгодною замѣнить другимъ видомъ налога, взимаемаго съ прежнихъ же плательщиковъ. Дѣло не въ перемѣнѣ отдѣльныхъ кирпичей въ зданіи, но въ перестройкѣ его на новомъ, болѣе широкомъ фундаментѣ, такъ какъ на немъ постоянно выростають новые этажи и нынѣшній фундаментъ оказывается уже ненадежнымъ для дальнѣйшаго возрастанія. Мы говоримъ объ одновременномъ пересмотрѣ всей системы обложения.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на ту сторону общаго хода финансовыхъ дѣлъ Россіи, которая представляется состояніемъ суммы лежащаго на государствѣ долга. Сумма долговъ государственнаго казначейства къ 1-му января 1871 года составляла на русскую монету 1.858.343,851 р., а къ 1-му января 1874 г. она составляла 1.806.955,102 р.; итакъ, за послѣдніе три отчетныхъ года, сумма государственнаго долга уменьшилась на 51.388,749 рублей. Такой результатъ былъ бы вполне благопріятенъ для русскаго кредита, а также и для облегченія ежегодныхъ платежей процентовъ и погашенія, еслибы одновременно сумма долговыхъ обязательствъ, лежащихъ на государствѣ, не увеличилась въ еще гораздо болѣе степени, чѣмъ размѣръ произведенной уплаты, реализаціею, при посредствѣ правительства и подъ отвѣтственностью казны, трехъ новыхъ займовъ на потребности желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ теченіи того же трехлѣтія, въ которомъ сумма прямого государственнаго долга уменьшена была уплатами на 51 м. 388 т. рублей, сдѣлано было три выпуска желѣзно-дорожныхъ консолидированныхъ облигацій (2, 3 и 4) на сумму, которая къ 1-му января 1874 г. составляла 41.961,200 фунтовъ стерл., то-есть на русскую монету 272.180,759 р. При исчисленіи состоянія государственнаго долга къ 1874 году, эта послѣдняя сумма не была принята въ соображеніе, въ виду того, что выпускъ консолидированныхъ облигацій „въ сущности не составляетъ займа государственнаго казначейства, а есть заемъ для частныхъ обществъ, сдѣланный только при посредствѣ правительства, съ цѣлью обезпечить ихъ фондамъ болѣе выгодное помѣщеніе“. Это объясненіе безусловно вѣрно съ точки зрѣнія хозяйственной, такъ

какъ частныя общества обязаны возвратить казнѣ выданныя имъ ссуды и доставить ей средства къ платежу процентовъ и погашенія по этимъ займамъ. Но тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія финансовой вообще, займы и платежи эти лежатъ на заботѣ казны, которая должна соображать, насколько общества въ дѣйствительности могутъ своевременно доставлять ей эти средства. А съ точки зрѣнія кредитной, желѣзно-дорожныя консолидированныя облигаціи ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ государственныхъ займовъ; онѣ даже прямо называются такимъ именемъ въ текстѣ самихъ облигацій. Онѣ лежатъ прямо на отвѣтственности казны и, сверхъ того, принадлежатъ къ ея займамъ уже и потому, что средства, ими добываемыя, не передаются прямо и полностью въ руки частныхъ обществъ, но поступаютъ въ желѣзно-дорожный фондъ, который находится въ распоряженіи казны и изъ котораго иногда производятся даже временныя позаймствованія для обыкновенныхъ бюджетныхъ надобностей государства, какъ-то, напримѣръ, для производства платежей за границу по системѣ государственнаго кредита. Итакъ, въ смыслѣ кредитномъ, итогъ долговъ, лежащихъ на казнѣ за послѣднее трехлѣтіе, уменьшившись съ одной стороны на 51 милл. р. слишкомъ, съ другой—возросъ на 272 слишкомъ милліона рублей. Этимъ желѣзно-дорожнымъ займамъ соответствовалъ, въ дѣйствительности, долгъ казнѣ, лежащій на частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществахъ, который, въ концѣ 1873 года, составлялъ 184.123,886 рублей. Всего 5 лѣтъ тому назадъ, общества были должны казнѣ только 110¹/₂ милл. руб., а въ теченіи пятилѣтія долгъ ихъ возросъ на 85.088,959 руб. Такое увеличеніе долга обществъ казнѣ произошло, съ одной стороны, вслѣдствіе ежегодныхъ приплатъ казно обществамъ по гарантіи дохода, затѣмъ—начисленіемъ процентовъ на прежніе долги желѣзно-дорожныхъ обществъ и, наконецъ,—сравнительной незначительностью уплаты по этимъ долгамъ, вслѣдствіе недостаточности чистаго дохода.

Дѣйствительное состояніе свободныхъ, бывшихъ въ распоряженіи правительства, средствъ желѣзно-дорожнаго фонда въ 1873 году, выражалось суммою 113.244,947 р. Большая часть расходовъ, производимыхъ изъ этого фонда, идетъ на приобрѣтеніе облигацій желѣзно-дорожныхъ обществъ. Такъ, въ 1873 г., для этой цѣли употреблено было до 57 милл. р.; затѣмъ, на приобрѣтеніе акцій желѣзно-дорожныхъ обществъ, до 2 м. р., на выдачу или ссуды до 9¹/₂ м. р. и 1³/₄ м. р. на уплату за желѣзно-дорожныя принадлежности и изысканія. На устройство портовъ изъ желѣзно-дорожнаго фонда потребовалось до ¹/₂ милл. р., а всего расходовъ изъ фонда (съ нѣкоторыми дополнительными по желѣзнымъ дорогамъ и на реализацію самого фонда

издержками) было произведено 78.176,898 р., такъ что къ 1-му января 1874 г. наличныхъ средствъ фонда оставалось въ распоряженіи правительства 35.068,048 р. Но эта сумма не представляла всѣхъ чрезвычайныхъ средствъ, которыми правительство могло бы, въ случаѣ нужды, воспользоваться. Сверхъ этой суммы, въ портфель правительства находилось еще *нереализованныхъ* консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ на сумму 29.605,723 металл. рублей и акцій на 1.125,000 фунт. стерл., 16.118,500 мет. р. и 32.954,500 р. кред., кромѣ долговыхъ обязательствъ разныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, на сумму 560,497 фунт. стерл., 11.464,151 металл. руб. и 39.294,439 р. кредитныхъ.

Что касается другой важной финансовой операціи, совершающейся при посредствѣ казны, а именно до выкупной операціи, то сумма дѣйствительно выданныхъ по 1-е января 1874 г. выкупныхъ ссудъ простиралась до 646.906,533 р.; выкупныхъ платежей за 1873 г. поступило 39.687,018 р., а общая сумма недоимокъ, накопившихся доселѣ, составляла до 18 милл. р. Наконецъ, наличность специальныхъ капиталовъ (принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ и имѣющимъ каждый свое особое назначеніе) составляла къ концу 1873 г. 142.909,683 р.

Обнародованіе въ началѣ 1875 года контрольнаго отчета, въ которомъ оказывался нѣкоторый недостатокъ поступившихъ средствъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей казначейства, въ свое время столь же мало вызвало въ публикѣ опасеній, сколько предшествовавшее ему обнародованіе росписи на 1875 г. съ нѣкоторымъ излишкомъ дохода возбудило радости. Мы, конечно, не говоримъ о той публикѣ, которая не даетъ себѣ труда взглянуть на важнѣйшія цифры документовъ государственнаго хозяйства, чтобы попробовать найти взаимное отношеніе между ними. Но и изъ тѣхъ читателей, которые берутъ на себя такой трудъ, представляющій, собственно говоря, обязанность, весьма немногіе выносятъ изъ своего чтенія сколько-нибудь опредѣленное благоприятное или неблагоприятное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что цифры какъ контрольнаго дефицита, такъ и предполагаемаго бюджетомъ на 1875 г. излишка были ничтожны въ сравненіи съ тѣми внѣ-бюджетными средствами, которыми правительство располагало и которыя указаны въ концѣ нашего обзора. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, на это дѣло слѣдовало бы смотрѣть иначе. Какъ бы ни были громадны дѣла, которыя ведетъ частный капиталистъ, его полученія и издержки за свой и чужой счетъ, мы будемъ судить о положеніи его не по громадности оборотовъ его по собственнымъ и принимаемымъ имъ на комиссію или на отвѣтственность операціямъ, но именно по его балансу, который

указываетъ намъ соотношеніе его собственныхъ средствъ съ его потребностями и обязательствами. Поэтому, ничтожная въ сравненіи съ суммою всѣхъ оборотовъ цифра излишка или недостатка въ балансѣ его собственныхъ дѣлъ, на которомъ, какъ на оси, обращается и утверждается весь его оборотъ, по тѣмъ предпріятіямъ, въ которыхъ онъ участвуетъ и за которыя несетъ на себѣ отвѣтственность, для насъ будетъ гораздо важнѣе, чѣмъ сумма его оборотовъ и находящихся въ его распоряженіи условно чрезвычайныхъ ресурсовъ. Громадность оборотовъ, въ которыхъ капиталистъ участвуетъ, можетъ имѣть только то—весьма важное, впрочемъ—значеніе, что при помощи ея представляется болѣе возможности къ тому, чтобы переждать какое-нибудь неблагоприятное время и даже поправить, гдѣ нужно, самую основу собственныхъ дѣлъ капиталиста, посредствомъ ли погашенія какихъ-либо невыгодныхъ для него обязательствъ, или прямо — посредствомъ улучшенія нѣкоторыхъ частей его хозяйства. Казна находится въ такомъ же положеніи, какъ и частный капиталистъ, съ тою—для нея невыгодно—разницей, что она не можетъ по усмотрѣнію прекращать и ликвидировать всѣ дѣла, которыя оказываются убыточными. Контрольный отчетъ за 1873 годъ, показавъ намъ хотя и ничтожный по цифрѣ дефицитъ и ослабленіе въ доходахъ способности къ возрастанію, указываетъ прямо на необходимость улучшенія основъ хозяйства, а громадность средствъ, находившихся въ распоряженіи казны, свидѣтельствуетъ только о возможности приступить къ такому улучшенію. Въ то время, какъ разсмотрѣніе росписи на 1875 годъ указывало намъ на необходимость дальнѣйшихъ улучшеній въ самомъ способѣ составленія бюджетовъ, для достиженія болѣе точности и опредѣленности въ самомъ головномъ хозяйствѣ, приведенныя показанія контрольнаго отчета за 1873 годъ свидѣтельствуютъ о необходимости пересмотра всей системы податнаго обложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, контрольный отчетъ, излагая намъ, съ другой стороны, громадность средствъ, находящихся въ распоряженіи казны не только для ея надобностей, но и на вѣдѣніе дѣлъ, въ которыхъ она принимаетъ посредственное или непосредственное участіе, доказываетъ намъ, что приступить къ улучшеніямъ и въ системѣ податей, и въ системѣ кредита возможно.

Отъ предмета, о которомъ мы привыкли говорить съ наибольшимъ просторомъ, перейдемъ къ предмету, въ обсужденіи котораго мы должны всегда соблюдать особую осторожность, безъ сомнѣній потому, что нѣкоторые органы печати своими вѣчными опасеніями за прочность его приучили насъ къ самому бережливому съ нимъ обращенію. Мы хотимъ говорить о наличности въ государствѣ силъ

образовательныхъ, послѣ того, какъ мы бесѣдовали объ орудіяхъ матеріальнаго благосостоянія—финапсахъ. Опубликованное въ прошломъ мѣсяцѣ извлеченіе изъ отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1873 годъ о высшихъ и среднихъ училищахъ (отчетъ о другихъ школахъ еще не напечатанъ) представляетъ нѣсколько удивительныхъ данныхъ. Въ числѣ ихъ прежде всего отмѣтимъ, что число профессорскихъ вакансій въ университетахъ, составлявшее къ 1873 г. (безъ дерптскаго университета) 179, къ 1874 году составляло уже только до 135; въ 1872 г. преподавателей въ 8 университетовъ было 545, въ 1873 году уже 569, то-есть прибавилось 24 человѣка; въ предшествовавшемъ же году это годовое возрастаніе числа университетскихъ преподавателей представлялось цифрою 33 чел. Къ сожалѣнію, число учащихся въ университетахъ уменьшилось и въ 1873 году. Въ 1873 году было 6,697 учащихся, менѣе противъ 1872 г. на 554 чел.; а къ 1-му января 1874 года учащихся было 6,145 чел., т.-е. менѣе противъ 1873 на 552 чел. Такимъ образомъ, уменьшеніе общаго числа студентовъ за два послѣдніе года происходило въ равномъ размѣрѣ. Очевидно, впрочемъ, что по прошествіи еще нѣсколькихъ лѣтъ годовичное уменьшеніе числа студентовъ не можетъ сохранить этого размѣра уже потому, что число студентовъ будетъ вѣроятно меньше нынѣшняго.

Нельзя не признать благоприятнымъ то явленіе, что отношеніе числа студентовъ, окончившихъ курсъ, къ числу студентовъ, выбывшихъ до окончанія курса за 1873 годъ, было больше соотвѣствующихъ отношеній за два предшествующихъ года. Но для того, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ значеніи, какое придано этому явленію отчетомъ, а именно, что оно должно служить доказательствомъ „улучшенія за послѣднее время состава учащихся“, придется ожидать результатовъ еще нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, измѣненіе въ упомянутомъ отношеніи замѣчалось не особенно значительное (14% и 15%, 18% и 14%, 19 и 13% общаго числа студентовъ); ясно, что требуется болѣе продолжительный рядъ постепенно возрастающихъ отношеній, чтобы устранить всякую мысль о случайности; во-вторыхъ же, такъ какъ извлеченіе изъ отчета не показываетъ намъ вмѣстѣ съ приведенными цифрами данныхъ о томъ, сколько оставалось въ курсахъ на второй годъ въ 1873 году, сравнительно съ предшествующими годами, то мы не можемъ судить, насколько уменьшеніе числа выбывшихъ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ успѣхѣ оставшихся. Въ-третьихъ, наконецъ, окончившіе университетскій курсъ въ 1871, 1872 и 1873 годахъ, взятыхъ для сравненія, не были еще учениками гимназій послѣ преобразованія послѣднихъ по уставу 1871 года. Итакъ, улучшеніе состава уча-

щихся въ университетахъ, если признать его доказаннымъ, могло бы относиться только къ болѣе высокой требовательности вступительныхъ экзаменовъ, но не къ результатамъ преобразованія гимназій. Университетскій опытъ для учениковъ преобразованныхъ гимназій еще едва начинается. Только въ прошломъ, 1874 году, въ университетъ могли поступить ученики, прошедшіе три высшихъ класса гимназій со времени ихъ преобразованія. Само собою разумѣется, что и эти ученики еще не могутъ быть разсматриваемы какъ настоящіе продукты преобразованныхъ гимназій, такъ какъ преобразование застало ихъ прошедшими уже болѣе половины гимназическаго курса. Но до нѣкоторой степени реформа на нихъ все-таки отразилась. Къ сожалѣнію, результатъ переводныхъ экзаменовъ въ петербургскомъ университетѣ съ перваго на второй курсъ, происходившихъ весною нынѣшняго года, по слухамъ, представлялъ мало утѣшительнаго, такъ что для удостовѣренія благоприятныхъ послѣдствій преобразованія гимназій этотъ результатъ еще не годится. Относительно среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, отчетъ за 1873 годъ свидѣтельствуетъ о весьма важномъ и безусловно-благоприятномъ фактѣ: этотъ годъ ознаменовался открытіемъ 34-хъ новыхъ среднихъ училищъ, а именно — одной гимназій, десяти прогимназій и двадцати-трехъ реальныхъ училищъ.

Послѣ этихъ указаній на главные данныя отчета относительно высшихъ и среднихъ училищъ, обратимся къ свѣдѣніямъ о результатѣ „испытаній зрѣлости“ въ гимназіяхъ въ 1874 г. свѣдѣніямъ, которыя также опубликованы въ минувшемъ мѣсяцѣ. Прошлый годъ былъ вторымъ годомъ примѣненія новыхъ правилъ о выпускныхъ экзаменахъ въ гимназіяхъ, и рядомъ съ цифрами, оказавшимися въ 1874 году, мы будемъ приводить соответствующія цифры 1873 года. При этомъ, хотя на нынѣшній разъ имѣются и цифры дерптскаго округа, которыхъ въ свѣдѣніяхъ за 1873 г. не было, но мы оставимъ цифры того округа въ сторонѣ, по различію въ учебной системѣ, порядкѣ допущенія къ экзамену и языкъ преподаванія, различію, которое не допускаетъ смѣшенія статистическихъ данныхъ, относящихся къ балтійскимъ гимназіямъ съ прочими. Итакъ, въ 1874 г. выпускному экзамену въ гимназіяхъ (за исключеніемъ дерптскаго округа) подверглись 1,090 человекъ (въ 1873 г. — 1,037); изъ этого числа не выдержали экзамена 317 (въ 1873 г. изъ 1,089 чел. — 354). Процентныя отношенія невыдержавшихъ экзамена къ числу экзаменовавшихся по каждому разряду оказались слѣдующія: изъ постороннихъ лицъ 74,8% (въ 1873 г. 68,2%), изъ гимна-

зистовъ старшаго отдѣленія 22,6% (25,4%), изъ гимназистовъ младшаго отдѣленія 6,8% (14%). По отношенію ко всѣмъ категоріямъ экзаменовавшихся наименѣе успѣшно шло испытаніе изъ математики; но статья удостовѣряетъ, что этотъ результатъ зависѣлъ преимущественно отъ малоуспѣшности въ математикѣ лицъ постороннихъ. Воспитанники же правительственныхъ гимназій, хотя и не особенно успѣшно экзаменовались изъ математики, но еще менѣе успѣшно—изъ латинскаго языка. Неудовлетворительныхъ отвѣтовъ на 100 учениковъ правительственныхъ гимназій, державшихъ испытаніе, приходилось отъ 36 до 37; это число распадалось по предметамъ слѣдующимъ образомъ: по греческому языку на 4—5; по русскому сочиненію 8—9; по математикѣ 10—11, и наконецъ по латинскому языку 12. Приведемъ изъ статьи еще одно статистическое сравненіе: на 100 неудовлетворительныхъ русскихъ сочиненій приходится неудовлетворительныхъ отвѣтовъ и тѣмъ по латинскому языку 138, по математикѣ 124, между тѣмъ какъ по греческому языку неудовлетворительныхъ отвѣтовъ и упражненій оказывается только 54. Можно ли вывести изъ этихъ данныхъ такое заключеніе, что ученики успѣваютъ въ греческомъ языкѣ почти вдвое болѣе, чѣмъ въ русскомъ (!), въ математикѣ на одну четверть менѣе, чѣмъ въ русскомъ языкѣ, а въ латинскомъ языкѣ значительно менѣе, чѣмъ въ математикѣ? Едва ли. Если наименѣе удовлетворительные успѣхи оказываются именно въ латинскомъ языкѣ, которому въ гимназіяхъ посвящено наибольшее число уроковъ, въ сравненіи съ каждымъ изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, то это было бы слишкомъ неутѣшительно. Но мы не можемъ придавать приведеннымъ цифрамъ подобнаго значенія. Мы еще готовы были бы допустить, что наиболѣе слабо поставлено въ гимназіяхъ обученіе математическимъ наукамъ. Но не можемъ допустить, чтобы латинскій языкъ шелъ еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ математика, а въ особенности—чтобы въ греческомъ языкѣ были такіе поразительные успѣхи. Изъ сравненія приведенныхъ данныхъ, казалось бы возможнымъ сдѣлать сколько-нибудь правильное заключеніе только о степени требовательности экзаменаторовъ по разнымъ предметамъ. Если примемъ за норму требовательность по русскому сочиненію и увидимъ, что на 100 русскихъ сочиненій, признанныхъ неудовлетворительными, было только 54 неудовлетворительныхъ *extemporalia* и отвѣтовъ по греческому языку, то мы скорѣе всего можемъ выводять отсюда заключеніе, что требовательность по греческому языку была вдвое меньше, чѣмъ по русскому сочиненію. И въ самомъ дѣлѣ, изъ сообщаемыхъ въ той же статьѣ примѣровъ тѣмъ по разнымъ предметамъ, мы видимъ, что въ гимназіяхъ петербургскаго округа задана была гимназистамъ для

русскаго сочиненія слѣдующая тема: „Татьяна и Ольга Пушкина—параллельныя характеристики“ (1). Но вѣдь эта тема,—можеть сказать съ увѣренностью, судя по имѣющимся образцамъ,—пришлась бы не подъ силу и присяжному критику „Русскаго Вѣстника“; на три онъ еще, можеть быть, и написалъ бы о ней, но на пять едва-ли. Спрашивается: какова же должна быть требовательность по латинскому языку, если допустить, что она больше требовательности по русскому сочиненію настолько, насколько 138 больше 100? (Справедливость побуждаетъ насъ, впрочемъ, сказать, что въ статьѣ, нами разсматриваемой, упомянутая тема признается слишкомъ трудной). Въ статьѣ, о которой мы говоримъ, допускается, что „сочиненіямъ на отечественномъ языкѣ можно придавать значеніе преимущественнаго мѣрила развитости и умственной зрѣлости учениковъ“. Но сочиненія на русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ петербургскаго округа подали профессору Миллеру поводъ къ слѣдующему замѣчанію: „ученики гимназій пишутъ вообще грамотно и излагаютъ свои мысли въ логической послѣдовательности, но какихъ-либо особенныхъ признаковъ даровитости въ ихъ сочиненіяхъ, на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не оказалось“. Между тѣмъ, по другому замѣчанію того же профессора, постороннія лица хотя вообще и уступаютъ гимназистамъ въ правильности, „но за то въ нѣкоторыхъ изъ сочиненій постороннихъ лицъ попадаются проблески оригинальности во взглядѣ и изложеніи, иногда угловатой, но *всегда* свидѣтельствующей о *живой работѣ* ума“. Будемъ надѣяться, что такой сравнительный результатъ по предмету, могущему служить преимущественнымъ мѣриломъ общей развитости, представлялъ только случайное явленіе на одинъ этотъ разъ, и то только для гимназій петербургскаго округа, которыя, впрочемъ, по числу полученныхъ медалей, сравнительно съ общимъ числомъ экзаменовавшихся, занимали нынѣ первое мѣсто въ ряду всѣхъ учебныхъ округовъ.

Но возвратимся на минуту опять отъ напечатанной въ журналѣ статьи къ помѣщенному въ немъ же отчету.

Отчеты министерства народнаго просвѣщенія, какъ извѣстно, печатаются въ его журналѣ не цѣликомъ, но въ видѣ извлеченій; дѣлается это, очевидно, не съ цѣлью сокращенія при помѣщеніи пространнаго документа въ журналѣ, такъ какъ для достиженія такой цѣли приходилось бы сокращать только подробности, а между тѣмъ именно подробности сокращенію, повидимому, не подвергаются, такъ какъ трудно представить себѣ, какія еще подробности могли бы заключать въ себѣ отчеты сверхъ тѣхъ, которыя мы въ извлеченіяхъ находимъ. Не говоря уже о перечнѣ занятій разныхъ обществъ и та-

блицяхъ, которыя входятъ въ печатаемое извлеченіе, мы находимъ въ нынѣшнемъ извлеченіи изъ отчета за 1873 годъ мѣстами буквально-повторенныя мѣста изъ прошлогодней статьи журнала о дѣятельности министерства въ 1873 году. Выписана ли была эта статья изъ отчета, или въ отчетъ вошли мѣста изъ статьи, это неважно, но если уже однажды напечатанное черезъ годъ буквально перепечатывается въ томъ же журналѣ, то явно, что исключеніе изъ отчета нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя еще изданы не были, дѣлается не съ цѣлью сокращенія. Какъ бы то ни было, коль скоро отчетъ печатается въ извлеченіи, отъ лицъ, редактирующихъ извлеченія, вполне зависитъ помѣщать или не помѣщать въ журналѣ то или другое мѣсто отчета. При этомъ условіи, могло нѣсколько удивить помѣщеніе въ іюльской книгѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія того мѣста отчета, въ которомъ упоминалось (и упоминалось въ свое время вполне умѣстно) признаніе верховной властью, что медико-хирургическая академія въ Петербургѣ „по самому существу своему несомнѣнно принадлежитъ къ числу медицинскихъ факультетовъ“, между тѣмъ, какъ еще 13-го іюня состоялось высочайшее повелѣніе, согласно постановленію комитета министровъ, объ оставленіи академіи въ военномъ вѣдомствѣ „въ качествѣ высшаго общепросвѣтительнаго медицинскаго заведенія, имѣющаго притомъ спеціальною цѣлью приготовленіе врачей для военно-медицинской службы“. Впрочемъ, такое совпаденіе проще всего можетъ быть объяснено недосмотромъ при редактированіи извлеченія изъ отчета, и едва ли возможно усматривать въ напечатаніи приведенной цитаты въ настоящую минуту, послѣ законодательнаго рѣшенія вопроса о медико-хирургической академіи, чью-либо мысль о неокончателности этого рѣшенія и ожиданіе, что академія все-таки современемъ будетъ причислена къ медицинскимъ факультетамъ университетовъ, то-есть передана въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Министерство это само такъ дорожитъ прочностью, окончательностью рѣшеній о положеніи учебныхъ заведеній вообще, что оно во всякомъ случаѣ не можетъ не считать вопросъ о положеніи медико-хирургической академіи нынѣ рѣшеннымъ окончательно и безповоротно.

Мы не виѣшивались въ обсужденіе вопроса объ академіи въ то время, когда онъ былъ предметомъ оживленной газетной и не-газетной полемики. Причиной тому было наше убѣжденіе, что вопросъ этотъ только случайно, въ силу особаго и далеко не первостепенно-важнаго обстоятельства, получивъ-было по наружности какое-то государственное значеніе, для общественнаго мнѣнія былъ скорѣе вопросомъ самолюбій, какъ это вообще въ вопросахъ о „завѣдываніи“

болѣе естественно, чѣмъ во всякихъ иныхъ вопросахъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь вопросъ тутъ заключался въ томъ, кому завѣдывать академію, въ какомъ вѣдомствѣ ей состоять. Правда, вопросъ поставленъ былъ иначе, по крайней мѣрѣ въ газетной полемикѣ. Онъ формулировался не какъ вопросъ о передачѣ академіи изъ военнаго вѣдомства въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, но какъ вопросъ о „присоединеніи академіи къ университету въ качествѣ медицинскаго факультета“. Но такая постановка вопроса не соответствовала ни происхожденію его на дѣлѣ, ни тому смыслу, какой онъ могъ представлять на практикѣ. Вопросъ возникъ вовсе не такимъ образомъ, чтобы при ровномъ, спокойномъ теченіи всѣхъ дѣлъ, петербургскій университетъ, находясь на Васильевскомъ островѣ, вдругъ почувствовалъ крайнюю тоску по академіи, стоящей на Выборгской сторонѣ, и жгучее стремленіе къ академіи, подобно тому, какъ у Гейне сосна и пальма:

Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland
Einsam und schweigend tranert
Auf brennender Felsenwand,—

съ той только разницей, что роль снѣга и раскаленнаго утеса здѣсь представлялась бы двумя рукавами Невы. Вопросъ возникъ не такимъ образомъ, чтобы петербургскій университетъ, который самъ былъ основанъ позже академіи и преспокойно жилъ безъ нея болѣе полувѣка, вдругъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ ощутилъ невозможность или по крайней мѣрѣ затруднительность дальнѣйшаго существованія безъ медицинскаго факультета. Въ такомъ случаѣ, дѣло возникло бы изъ ходатайства петербургскаго университета, а между тѣмъ оно возникло совершенно инымъ путемъ, и университетъ былъ тутъ совершенно въ сторонѣ. Лѣтомъ прошлаго года, министерство народнаго просвѣщенія подняло вопросъ о приѣмныхъ экзаменахъ въ медицинскую академію, и по его инициативѣ состоялись извѣстныя ограниченія относительно этихъ экзаменовъ. Затѣмъ, осенью прошлаго года среди студентовъ академіи произошли безпорядки, которые, впрочемъ, отозвались и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ школахъ, между прочимъ въ горномъ институтѣ. Вотъ, собственно изъ этихъ двухъ обстоятельствъ, случайныхъ и не имѣвшихъ ровво никакого отношенія къ потребности университета въ медицинскомъ факультетѣ, и возникъ *на дѣлѣ* вопросъ о передачѣ академіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Но такъ какъ, несмотря на всегда возможныя разногласія между отдѣльными вѣдомствами, мы живемъ въ одномъ государствѣ, то соглашеніе экзаменовъ въ

равныхъ училищахъ, очевидно, возможно и безъ аннектированія всѣхъ школъ однимъ вѣдомствомъ. Вѣдь институтъ путей сообщенія и технологическій институтъ лишены же министерствомъ народнаго просвѣщенія права производить пріёмныя испытанія изъ обще-образовательныхъ предметовъ, и въ настоящее время предполагается, по мысли того же министерства, лишить того же права и строительное училище министерства внутреннихъ дѣлъ. Что касалось безпорядковъ, то это явленіе совершенно случайное и независящее отъ того, въ какомъ вѣдомствѣ состоитъ училище. Безпорядки бывали и въ университетахъ, и притомъ, одновременно съ бывшими въ академіи, произошли безпорядки и въ нѣкоторыхъ другихъ училищахъ, а между тѣмъ о передачѣ, напр., горнаго института въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія вопроса и не возникало.

Когда случайныя обстоятельства, давшія поводъ возбудить вопросъ о передачѣ академіи, утратили свое значеніе, вопросъ этотъ очутился лицомъ къ лицу съ нормальными условіями и потребностями; а тогда и оказалось, что дѣйствительныя потребности болѣе препятствуютъ сліянію академіи съ университетомъ, чѣмъ требуютъ такого сліянія. Оказалось, какъ то было признано комитетомъ министровъ, что „медико-хирургическая академія стоитъ не только не ниже отечественныхъ и заграничныхъ факультетовъ, но по научному значенію, съ своими клиниками и клиническимъ госпиталемъ, находится, во многихъ отношеніяхъ, въ образцовомъ положеніи“; что для сліянія потребовались бы значительныя денежныя затраты, а „разъединеніе академіи съ существующимъ при ней клиническимъ госпиталемъ, низвело бы ее съ того положенія, которое она теперь занимаетъ; накопецъ, что необходимо сохранить за военнымъ вѣдомствомъ источникъ образованія медицинскаго персонала специально для военныхъ надобностей, особенно въ виду введенія у насъ общей воинской повинности“. По этимъ соображеніямъ, вопросъ и былъ рѣшенъ окончательно противъ сліянія академіи съ университетомъ. Но на дѣлѣ такое „слияніе“ вовсе и не могло бы состояться; если бы на словахъ оно состоялось, то единственнымъ практическимъ значеніемъ такого рѣшенія было бы только то, что академія поступила бы въ завѣдываніе департамента народнаго просвѣщенія, вмѣсто того, чтобы состоять въ вѣдѣніи главнаго военно-медицинскаго управленія. Еслибы академія и была причислена къ университету, то на дѣлѣ она все-таки не обратилась бы въ факультетъ, равный прочимъ университетскимъ факультетамъ. Помѣщалась отдѣльно отъ университета въ зданіяхъ, которыхъ комплексъ, включая клинической госпиталь, больше помѣщенія всѣхъ университетскихъ факультетовъ, взятыхъ вмѣстѣ; съ бюджетомъ равнымъ или болѣшимъ въ сравне-

ни съ бюджетомъ всѣхъ прочихъ факультетовъ; съ числомъ слушателей также равнымъ или ббльшимъ числа слушателей всѣхъ остальныхъ факультетовъ, взятыхъ вмѣстѣ,—развѣ академія на дѣлѣ могла бы сравниться съ любымъ изъ этихъ факультетовъ, развѣ деканъ, завѣдующій академіею, не былъ бы въ дѣйствительности начальникомъ особаго училища, по размѣрамъ своимъ равнаго университету, и могъ бы обратиться въ университетскаго декана, котораго дѣтельность проявляется только въ утвержденіи диссертаций? Ясно, что на дѣлѣ академія не могла не сохранить отдѣльнаго существованія и вся разница въ порядкѣ управленія ею представилась бы тѣмъ, что она подчинилась бы двумъ лишнимъ инстанціямъ: университетскому совѣту и попечителю округа. Въ подобной перемѣнѣ, или, лучше сказать, переименованіи, очевидно, не могло быть, да и не было интереса ни для кого. Всѣ съ самаго начала очень хорошо понимали, что дѣйствительная перемѣна заключалась бы не въ мнгомъ слияніи академіи съ университетомъ, но въ подчиненіи академіи другому высшему начальству, въ высшемъ завѣдываніи ею тѣмъ или другимъ лицомъ. Вопросъ, какъ мы уже сказали, и сводился такимъ образомъ, въ дѣйствительности, въ общественномъ мнѣніи къ вопросу о лицахъ. Нѣтъ спора, и такой вопросъ можетъ иногда имѣть значеніе, хотя преобразование цѣлыхъ учреждений, для подчиненія ихъ тому или другому изъ данныхъ лицъ, столь часто происходившее у насъ въ прежніе періоды исторіи, надо надѣяться, отошло уже именно въ область исторіи. Да наконецъ, вопросъ о лицахъ, если бы онъ и могъ имѣть рѣшающее значеніе для преобразования учреждений, въ настоящемъ случаѣ вовсе не былъ такъ ясенъ, чтобы на основаніи одного подобнаго сравненія можно было желать перемѣны. Другое дѣло, еслибы подобный вопросъ былъ поставленъ во Франціи, между покойнымъ Дюрюи и маршаломъ Валльяномъ, то-есть между ученымъ заслуженнымъ историкомъ (Дюрюи)—съ одной стороны, и лицомъ, получившимъ скороспѣлое общее образованіе (маршалъ Валльянъ),—съ другой. Между почтенными лицами, о которыхъ могла быть рѣчь у насъ въ данномъ случаѣ, вовсе не существовало такого прямого отношенія. Но самый вопросъ о личностяхъ, разумѣется, не могъ имѣть никакого значенія въ рѣшающихъ сферахъ и въ самихъ вѣдомствахъ, призванныхъ къ участію въ обсужденіи вопроса. Всѣ стороны, участвовавшія въ обсужденіи вопроса, разумѣется, обсуждали его единственно съ точки зрѣнія потребности самаго дѣла; это доказывается и окончательнымъ результатомъ обсуждения: для дѣла полезнѣе было оставить академію въ нынѣшнемъ ея положеніи—и рѣшено было оставить ее въ этомъ положеніи. Что касается личнаго вопроса, то онъ могъ существовать только

для общественнаго мнѣнія, которое не могло не заниматься этимъ вопросомъ потому, что усердѣйшими адвокатами въ пользу передачи академіи въ вѣдомство народнаго просвѣщенія явились именно двѣ газеты, „Московскія Вѣдомости“, которыхъ отношенія извѣстны, и „Русскій Міръ“, котораго отношенія также извѣстны. Какъ было общественному мнѣнію не догадываться, что „Русскій Міръ“, котораго рвеніе таково, что, какъ недавно оказалось, онъ готовъ неправящіяся ему дѣйствія австрійскаго военнаго министерства приписать нашему военному министерству, и „Московскія Вѣдомости“, которыя недавно выставляли одного изъ своихъ редакторовъ творцомъ новаго устава гимназій,—разрабатывали вопросъ объ академіи съ необыкновенной горячностью именно съ точки зрѣнія личныхъ отношеній. Тутъ и догадываться даже было нечего, такъ какъ самое веденіе спора названными органами имѣло чисто личный характеръ. „Русскій Міръ“ выставилъ въ видѣ главнаго аргумента противъ оставленія академіи въ военномъ вѣдомствѣ—случай назначенія этимъ вѣдомствомъ профессоромъ въ академію помимо конференціи. „Русскій Міръ“ при этомъ не зналъ, что сколько бы такихъ случаевъ ни было (не мы, конечно, будемъ защищать ихъ необходимость), но все-таки это были отдѣльные случаи, которые бывали и въ другихъ вѣдомствахъ, а между тѣмъ существуетъ предположеніе о пересмотрѣ университетскаго устава; стало быть, система, основанная на выборномъ началѣ, не можетъ почитаться упроченною и въ университетахъ. „Московскія Вѣдомости“, въ редакціи которыхъ участвовали гг. Леонтьевъ и Любимовъ, не могли—*et pour cause*—виѣннать въ главную вину конференціи академіи—неизбраніе того или другого профессора, а военному вѣдомству—назначеніе таковаго профессора министерскимъ распоряженіемъ. Но доводы ихъ тѣмъ не менѣе имѣли совершенно личный характеръ, причемъ мнимая „потребность петербургскаго университета въ медицинскомъ факультетѣ“ въ ихъ рукахъ была чѣмъ-то въ родѣ носового платка въ рукахъ жестикулирующаго адвоката.

Роль медико-хирургической академіи въ военномъ вѣдомствѣ, по отзыву этой газеты „кажется уже достаточно опредѣлилась: она служитъ орудіемъ борьбы противъ всѣхъ начинаній и предположеній министерства народнаго просвѣщенія“. Ограничимся приведеніемъ этого образчика разсужденій московской газеты; не желая подражать ей въ противопоставленіи одного вѣдомства другому, избѣгая даже самаго упоминанія о настоящемъ вопросѣ до рѣшенія его, чтобы не виѣшиваться въ вопросы о личностяхъ, мы не рѣшаемся и теперь прописать подъ строками „Московскихъ Вѣдомостей“ соответствующихъ справокъ и поправокъ, а потому цитировать ихъ не бу-

демъ. Приведенныхъ словъ достаточно, чтобы показать, въ какомъ смыслѣ эта газета разумѣла вопросъ о передачѣ медицинской академіи изъ одного вѣдомства въ другое — въ смыслѣ борьбы между вѣдомствами военнымъ и народнаго просвѣщенія.

Для насъ, также какъ, по убѣжденію нашему, и для самихъ вѣдомствъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи вопроса, онъ заключался не въ дразгахъ личнаго свойства: онъ долженъ былъ заключаться въ интересахъ самаго дѣла. Если бы медицинской академіи въ Петербургѣ не было, и здѣшній университетъ не имѣлъ бы медицинскаго факультета, то вполне естественно было бы говорить о потребности медицинскаго факультета для петербургскаго университета, и по всей вѣроятности университетъ не просуществовалъ бы 56-ти лѣтъ, не заявивъ ходатайства объ учрежденіи въ немъ медицинскаго факультета. Но медицинская академія въ Петербургѣ существуетъ, а стало бытъ, и потребности университета въ медицинскомъ факультетѣ быть не можетъ. Польза соединенія всѣхъ факультетовъ въ университетѣ въ значительной степени заключается въ пользѣ сосредоточенія всѣхъ факультетовъ въ одномъ *городѣ*. Во Франціи въ настоящее время многіе просвѣщенные умы, между прочимъ Ж. Симонъ, порицаютъ существующее тамъ дробленіе факультетовъ по городамъ (кромя Парижа, гдѣ они соединены) и отдають предпочтеніе соединенію всѣхъ факультетовъ въ нѣсколькихъ университетскихъ городахъ. Но отсюда до аннектированія университетами всѣхъ высшихъ училищъ, въ которыхъ преподаются нѣкоторые университетскіе же предметы на равной высотѣ, еще очень далеко. Приверженцы мысли о сосредоточеніи разбросанныхъ по разнымъ городамъ отдѣльныхъ факультетовъ вовсе не требуютъ, чтобы существующіе въ Парижѣ отдѣльно французскій коллегіумъ, нормальная и политехническая и др. школы, были непременно соединены съ Сорбонною. Вѣдь если разсуждать такъ, какъ разсуждаютъ „Московскія Вѣдомости“,—что не только военно-медицинская академія, но и военно-учебныя заведенія „противопоставляютъ себя“ училищамъ министерства просвѣщенія, создаютъ порядки и возрѣнія, „противопоставляющіяся“ порядкамъ и возрѣніямъ министерства народнаго просвѣщенія,—то пришлось бы закрыть всякія школы въ государствѣ, кромя состоящихъ въ завѣданіи министерства народнаго просвѣщенія: всякая школа, стоящая внѣ его, если хотите, противопоставляется его училищамъ или, лучше сказать, можетъ быть противопоставляема имъ „Московскими Вѣдомостями“ и всякимъ, кто захочетъ разсуждать столь же добросовѣстно. Если молодой человѣкъ поступаетъ въ школу, изъ которой онъ выйдетъ инженеромъ или архитекторомъ, а не филологомъ, то такая школа, очевидно, можетъ быть противопоставляема филоло-

гическому факультету: не будь такой школы, молодой человекъ, можетъ быть, и сдѣлался бы филологомъ. Въ самомъ составѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія реальныя школы, тѣмъ самымъ, что онѣ существуютъ, противопоставляютъ себя гимназіямъ; не будь реальныхъ школъ, ихъ ученики, по необходимости, шли бы въ гимназію. Но пусть апробаціею московской газеты пользуются въ равной мѣрѣ гимназіи и реальныя училища, филологическій и всѣ прочіе факультеты, если только они состоятъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Ясно однако, что молодой человекъ съ самымъ убѣдительнымъ „аттестатомъ зрѣлости“ не можетъ же прямо поступить въ академію генеральнаго штаба, уже потому, что онъ совершенно незнакомъ съ основаніями военной службы; что неграмотный кирасиръ не можетъ идти въ ту школу, въ которой министерство народнаго просвѣщенія учитъ азбуку пятилѣтнихъ дѣтей. Стало быть, не можетъ подлежать сомнѣнію, что какъ для одной категоріи военныхъ учениковъ, такъ для другой и третьей, то-есть именно для высшей, средней и низшей нужны особыя школы. А если эти особыя школы нужны, то нуженъ и военно-учебный комитетъ (столь неуравняющийся „Московскимъ Вѣдомостямъ“), вырабатывающій для военныхъ школъ и спеціальныя, и даже обще-образовательныя программы. Довольно понятно, что приведеннаго нами кирасира излишне было бы учить грамотѣ по программѣ, предписанной для малолѣтнихъ дѣтей, и по учебникамъ, для нихъ утвержденнымъ; спрашивать его, напримѣръ—для развитія его способностей—что находится внизу: полъ или потолокъ? или которая рука у него лѣвая, та, въ которой онъ держитъ палашъ, или та, въ которой онъ держитъ поводъ?

Жалобы „Московскихъ Вѣдомостей“ и ихъ спутниковъ на „колебаніе основъ учебнаго дѣла“ „противопоставленіемъ“ разныхъ учебныхъ типовъ въ сущности не что иное, какъ притворство. Но если бы принимать ихъ серьезно, то вѣдь онѣ сводились бы къ недовольству тѣмъ, что въ государствѣ существуютъ вообще разныя профессіи, требующія различной учебной подготовки. Нельзя требовать, чтобы всѣ молодые люди, которые должны получить среднее образованіе, оканчивали курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. Такого требованія не предъявляютъ даже и фанатическіе приверженцы классицизма, по очевидной его неисполнимости. Но даже и типъ, представляемый низшими классами гимназій, типъ прогимназіи не можетъ быть обязательенъ для всѣхъ, потому что въ классической прогимназіи все-таки слишкомъ много времени употребляется на усвоеніе формъ древнихъ языковъ, а между тѣмъ знаніе однихъ этихъ формъ или обученіе древнимъ языкамъ въ размѣрѣ курса прогимна-

вѣй не можетъ принести никакой пользы тѣмъ, кто въ дальнѣйшемъ періодѣ ученія древними языками заниматься не будетъ. Размѣры курса прогимназіи таковы, что курсъ этотъ не представляетъ собой ничего законченнаго, и прогимназія сама по себѣ никакого учебнаго типа представлять не можетъ. Среднее образованіе получаетъ свой опредѣленный характеръ именно въ высшихъ классахъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, отъ 14 до 18 или 20 лѣтъ. Стало быть, есть ли какое-нибудь серьезное основаніе настаивать, чтобы низшая половина средняго курса проходила не иначе, какъ именно въ однихъ и тѣхъ же школахъ, по однимъ и тѣмъ же программамъ и учебникамъ? Наоборотъ, слишкомъ ясно, что если ученикъ долженъ закончить свое среднее образованіе не въ гимназіи, то чѣмъ менѣе и въ первой половинѣ средняго курса у него будетъ отнято времени на изученіе формъ языковъ, которые для него останутся навсегда въ самомъ дѣлѣ мертвыми, тѣмъ больше у него останется времени для занятія тѣми предметами средняго курса, съ которыми онъ долженъ ознакомиться основательно. Поэтому, всякая прогимназія, военная или иная, будетъ для него полезнѣе классической прогимназіи. Правда, въ системѣ средняго образованія, принятой въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, существуютъ реальныя училища. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы курсъ реальныхъ училищъ былъ согласованъ единственно съ потребностями общаго образованія безъ древнихъ языковъ, то-есть, былъ бы свободенъ отъ всякой спеціализаціи, то училища эти могли бы служить и для военнаго и для всѣхъ техническихъ вѣдомствъ. Но такъ какъ наши реальныя училища имѣютъ курсъ спеціализированный, приспособленный къ нѣкоторымъ профессіямъ, какъ-то: коммерческой, химической или механической, то не ихъ приверженцы во всякомъ случаѣ имѣютъ право удивляться, что существуютъ еще реальныя училища, приспособленные къ другой спеціальной профессіи, именно — военной. Вѣдь если уже принято въ основаніе, что реальныя училища имѣютъ цѣлью не давать общее образованіе безъ древнихъ языковъ, но именно „подготовлять молодыхъ людей къ полезной практической дѣятельности“, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что должны существовать не только реальныя училища, приготовляющія купцовъ и механиковъ, но еще реальныя училища, приготовляющія офицеровъ. Затѣмъ, весь вопросъ сводится и здѣсь къ вопросу о „завѣдываніи“, который и лежитъ на двѣ всѣхъ учебныхъ вопросовъ, поднимаемыхъ „Московскими Вѣдомостями“. Все сводится къ тому, въ какомъ вѣдомствѣ должны находиться реальныя училища, подготовляющія къ спеціальностямъ. По нашему убѣжденію, такія училища должны бы находиться въ вѣдѣніи

тѣхъ же управленій, которыя завѣдуютъ высшими спеціальными школами. Такъ, реальныя училища съ курсомъ коммерческимъ могли бы находиться въ одномъ вѣдомствѣ съ спеціально-коммерческими училищами; реальныя училища съ механическимъ или химическимъ курсами—въ однихъ вѣдомствахъ съ технологическимъ институтомъ, институтомъ путей сообщенія и горнымъ институтомъ; реальныя училища, подготовляющія къ военной службѣ—въ одномъ вѣдомствѣ съ спеціально-военными училищами и военными академіями. Затѣмъ, въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія оставались бы только тѣ среднія училища, которыя не принаровлены ни къ какой практической цѣли, и имѣютъ въ виду только общее образованіе, а таковы у насъ въ настоящее время только классическія гимназій. Такое подраздѣленіе представлялось бы наиболѣе естественнымъ, такъ какъ чѣмъ болѣе связи вообще между среднею и высшею школою—тѣмъ лучше для обѣихъ. Но въ отношеніи собственно къ военнымъ гимназіямъ не можетъ быть и сомнѣнія, въ чемъ вѣдомствѣ имъ состоять. Одно изъ двухъ—или онѣ должны находиться въ военномъ вѣдомствѣ, какъ находятся нынѣ, къ неудовольствію „Московскихъ Вѣдомостей“ и вообще приверженцевъ учебной аннексации, или министерство народнаго просвѣщенія, рядомъ съ своими реальными училищами, принаровленными къ нѣкоторымъ спеціальностямъ: коммерческой, механической и проч., должно бы открыть въ своемъ вѣдѣніи еще реальныя училища, принаровленные къ спеціальности военной, въ которой преподаватели министерства народнаго просвѣщенія обучали бы воспитанниковъ пѣшему строю, верховой ѣздѣ, сигналамъ и т. д.

Когда мы видимъ, что приверженцы мысли о спеціализаціи реального образованія, отвергающіе его обще-образовательное значеніе, допускающіе въ немъ только подготовку къ полезной практической дѣятельности, утверждающіе, что должны быть особыя реальныя училища для подготовленія къ занятію торговой частью, отвергаютъ необходимость отдѣльныхъ реальныхъ училищъ для подготовленія къ военной службѣ—то не вправѣ ли мы сказать, что они сознательно идутъ противъ собственнаго своего убѣжденія, если оно у нихъ есть, или что ими руководитъ въ данномъ случаѣ чистѣйшее притворство? Ихъ-то именно и занимаетъ въ сущности исключительно вопросъ о завѣдываніи. Сотрудники московской газеты не только по приемамъ, но и по цѣли—хотя не всегда по уму—похожи на іезуитовъ. Они согласны на многія уступки, не только въ обрядахъ, но, пожалуй, даже въ нѣкоторыхъ догматахъ, лишь бы завоевать возможно-обширнѣйшія области главному, существенному принципу—признанію папской власти и папской непогрѣшимости. Іезуиты допускали не только

богослуженіе на мѣстномъ языкѣ, различіе въ обрядахъ и облаченіи духовенства, но и причащеніе въ двухъ видахъ, лишь бы только была *унія*, то-есть лишь бы было „одно завѣдываніе“, единъ пастырь. Сотрудники московской газеты видятъ въ реальныхъ училищахъ, состоящихъ, по ея выраженію, въ завѣдываніи „настоящаго, дѣйствительнаго министерства народнаго просвѣщенія“—нѣчто въ родѣ уніи. Реалисты для нихъ то же, что уніаты для иезуитовъ; изъ убѣжденій, которыя открыто проповѣдуются тѣми и другими иезуитами, слѣдовало бы, что при столь существенныхъ различіяхъ, отдѣляющихъ уніатовъ или реалистовъ отъ католиковъ или классиковъ, первымъ трудно получить душевное спасеніе. Но по мысли, которой они держатся внутренно или которая, по крайней мѣрѣ, лежитъ въ основѣ ихъ политики—спасеніе нѣкотораго числа несчастныхъ душъ, которыя все равно бы погибли, вовсе не представляетъ такого интереса, какой представляетъ прочность основъ единоспасающей церкви и господство папы, достигаемое посредствомъ уніи.

Безперерывная настойчивость многими принимается за силу убѣжденія. Вотъ почему полезно обличать настойчивое притворство, указывая тѣ случаи, въ которыхъ настойчивость идетъ именно наперекоръ провозглашаемымъ убѣжденіямъ. Такой случай и представляется, когда фанатическіе приверженцы реальныхъ училищъ коммерческихъ съ запальчивостью доказываютъ, что реальныхъ училищъ военныхъ быть не можетъ и не должно, когда защитники специализаціи реальнаго обученія отвергаютъ специализацію его. Но мы должны еще замѣтить, что тѣ же сотрудники измѣняютъ своимъ убѣжденіямъ не только тѣмъ, что иногда сами противорѣчатъ имъ, но еще тѣмъ, что отказываются проводить свои убѣжденія послѣдовательно. проводятъ ихъ произвольно, когда имъ то кажется желательнымъ, и не проводятъ ихъ въ иныхъ случаяхъ, имѣя въ виду особня цѣли, которымъ они готовы пожертвовать этими убѣжденіями. Если, по убѣжденію сотрудниковъ московской газеты въ учебномъ дѣлѣ необходимо полное объединеніе, если военно-медицинская академія самымъ фактомъ своего отдѣльнаго отъ университетовъ существованія является уже какъ орудіе борьбы противъ извѣстной учебной системы, то почему же этотъ органъ требуетъ сліянія съ университетомъ только медицинской академіи, съ гимназіями только военныхъ гимназій, а не говорить ни объ училищѣ правовѣдѣнія, ни объ александровскомъ лицѣѣ? Почему московская газета и не возбуждаетъ вопроса о присоединеніи высшихъ классовъ этихъ училищъ къ университетскимъ факультетамъ, а низшихъ—къ гимназіямъ? Если медицинская академія, въ которой курсъ ученія не легче и не короче университетскаго, а сообщаемыя студентамъ при окончаніи курса правъ не выше универ-

ситетскихъ, можетъ колебать основы университетовъ, то что же скажутъ „Московскія Вѣдомости“ о такихъ высшихъ заведеніяхъ, въ которыхъ курсъ короче и легче, чѣмъ въ университетахъ, а права, сообщаемыя этимъ курсомъ, выше, чѣмъ сообщаемыя университетомъ? Мы очень хорошо знаемъ, что должны были бы сказать на это „Московскія Вѣдомости“, еслибы они руководствовались убѣжденіями. Но мы видимъ также, что газета объ этомъ вопросѣ не говоритъ ничего и ничего не скажетъ, потому что ея руководить притворство. Сила искренняго убѣжденія никогда не позволитъ то заявлять его громкогласно по особымъ соображеніямъ, то намѣренно замалчивать его, въ виду другихъ цѣлей. Но объяснить приведенное противорѣчіе въ дѣйствіяхъ московскаго органа весьма легко. Допустимъ, что усиленіемъ требовательности на всѣхъ ступеняхъ, ведущихъ молодыхъ людей изъ массы народа къ университетскому образованію и университетскому диплому, число такихъ людей естественно бы сократилось. Уже одинъ этотъ результатъ былъ бы важенъ для единомышленниковъ г. Любимова, встающихъ противъ искусственнаго поощренія бѣдныхъ къ высшему образованію. Но это еще не все. Если рядомъ съ этимъ новымъ результатомъ остался бы неизмѣннымъ прежній фактъ, что молодые люди изъ состоятельнаго „культурнаго слоя“, по выраженію г. Оадѣва, имѣли бы сокращенный и облегченный путь къ правамъ высшаго образованія, то результатъ вышелъ бы уже вполне желательный для сотрудниковъ г. Любимова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Вотъ почему для нихъ въ учебномъ вопросѣ, съ одной стороны, вопросъ о „завѣдываніи“ важнѣе самой учебной системы; а съ другой—даже и вопросъ о „завѣдываніи“ отступаетъ на задній планъ, становится ненужнымъ тамъ, гдѣ, для достиженія той же конечной цѣли, необходимо уже не полное объединеніе, но нѣкоторое разъединеніе высшаго образованія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 іюля.

ФИНАНСОВЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ И ОППОЗИЦІИ. ВЫБОРЫ ВЪ БАВАРІИ.

Meine goldenen Ducaten,
Sagt, wo seid Ihr hin gerathen?

НѢМЦА.

„Государственный указатель“, который ведетъ точный счетъ размѣрамъ еженедѣльнаго чекана звонкой монеты на германскихъ монетныхъ дворахъ, показываетъ по 3-е іюля общую сумму металлическихъ денегъ въ слѣдующихъ цифрахъ: 885.539.460 марокъ въ двойныхъ кронахъ (монета въ 20 марокъ), 263.733,840 марокъ въ кронахъ (монета въ 10 марокъ), и того 1.149,273,300 марокъ въ монетѣ золотой; затѣмъ — нѣсколько болѣе 109 милліоновъ марокъ въ монетѣ серебряной, 12 милліоновъ марокъ въ монетѣ изъ никеля и 4¹/₂ милліона въ монетѣ мѣдной. Итогъ выходитъ весьма почетный. А между тѣмъ, если вамъ придется въ настоящее время получать деньги въ Берлинѣ по какому-либо счету, то можете держать пари 10 противъ 1, что получите ихъ не въ видѣ красивыхъ кроновъ, но въ образѣ новыхъ имперскихъ билетовъ казначейства, а можетъ быть и растрепанныхъ и грязныхъ кредитныхъ талеровъ. Въ особенности у банкира навѣрное не получишь ни одного червонца, потому что именно банкиръ знаетъ, какъ можно нажать на немъ.

Исчезновеніе золота, выпущеннаго въ обращеніе, было замѣчено уже давно. Еще въ январѣ говорилось о томъ и въ печати, и на сеймѣ (особенно при обсужденіи закона о банкахъ), но это неблагоприятное явленіе возрасло въ послѣдніе мѣсяцы до поразительныхъ размѣровъ. Вексельные курсы на Англію сдѣлались весьма невыгодны для Германіи, и волненіе, вызванное этими обстоятельствами въ обществѣ, еще усилилось, когда сдѣлался извѣстенъ торговый балансъ за 1872 и 1873 годы, балансъ, который оказывается замѣчательно неблагоприятнымъ для Германіи. Въ 1872 году ввозъ Германіи представлялъ цѣнность 3.468 милл. марокъ, и вывозъ въ 2.495 милл., то есть почти на 974 милл. менѣе ввоза. Въ 1873 году ввозъ составлялъ 4.257 милл., марокъ, а отпускъ 2.488 милл., такъ что мы ввезли товаровъ на 1.768 милл. болѣе, чѣмъ отпустили. Эти цифры на первый взглядъ пугаютъ и какъ бы предвѣщаютъ промышленно-

сти Германіи разореніе. Является вопросъ, не окажется ли нужнымъ для покрытія такихъ огромныхъ долговъ торговли отпустить вскорѣ и послѣднюю золотую монету изъ страны? Оппозиція, разумѣется, искусно воспользовалась этими невыгодными результатами для своихъ цѣлей, причѣмъ радикалы шли рука объ руку съ реакціонерами. Вѣдь государственное хозяйство въ теченіи 10 лѣтъ находилось въ рукахъ средней либеральной партіи, а когда финансовая политика приходитъ къ банкротству, то можно питать надежду, что и вся система не устоитъ.

Но даже въ самой средней партіи предъявлены были не совсѣмъ благоприятныя оцѣнки и разнообразныя предложенія, однимъ словомъ, вполнѣ довольныхъ не оказалось никого. Несмотря на это, министры, и въ особенности Кампгаузенъ, стоятъ твердо на своемъ и надѣются, что полное осуществленіе монетнаго преобразованія возможно. Трудностей его они отъ себя не скрывали и ранѣе. Кампгаузенъ еще въ январѣ, отвѣчая въ сеймѣ на нападки, говорилъ, что торговый міръ самъ высказался прежде за введеніе золотой единицы цѣнности, а когда новая система была введена, первый испугался ея; министръ прибавлялъ, что онъ все-таки считаетъ сдѣланный шагъ вѣрнымъ, но что нужно спокойно выждать его послѣдствія. Онъ ссылаясь притомъ на фактъ, что преобразованіе монетной системы было не его личнымъ дѣломъ, но дѣломъ большинства сейма, съ которымъ былъ согласенъ и онъ. И это вполнѣ справедливо. Хотя внѣшняя политика направлялась княземъ Бисмаркомъ наперекоръ всѣмъ желаніямъ либеральной партіи, но политика внутренняя и особенно финансовая, банковое и монетное дѣло направлялись въ полномъ согласіи съ либеральной партіею. Поле было выбрано несовсѣмъ благоприятное для опыта надъ политической способностью партіи, такъ какъ въ финансовыхъ дѣлахъ случаются удивительныя неожиданности и въ отношеніи къ нимъ вполнѣ оправдалось изреченіе Гёте: „grau, Freund, ist alle Theorie“. Кто могъ ожидать, что во Франціи, когда пораженіе слѣдовало за пораженіемъ и введенъ былъ принудительный курсъ, лажъ явился только незначительный? Кто могъ предвидѣть, что французы уплатятъ колоссальную контрибуцію безъ сколько-нибудь серьезнаго разстройства своихъ дѣлъ? Германскіе политико-экономы не убоились такихъ неожиданностей, непремѣнно пожелали примѣнить свои теории къ практикѣ, и примѣнили; но разумѣется надо обождать, что покажетъ опытъ въ его совокупности. Если же онъ оказался бы неудачнымъ, то это было бы сильнымъ ударомъ не только для нихъ, но и для страны, принесшей большія жертвы установленію золотой единицы цѣнности; наслѣдство перешло бы тогда въ руки реакціонеровъ, радикаловъ и полу-

соціалистовъ, которые произвели бы новые опыты страннаго свойства. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я хочу изложить краткій обзоръ хода законодательства о монетѣ, имѣвшаго конечной цѣлью переходъ къ золотой валютѣ.

Въ Германіи первымъ научнымъ теоретикомъ золотой валюты явился директоръ берлинскаго статистическаго бюро, Гоффманъ. Въ вышедшемъ въ 1838 г. сочиненіи его, „Ученіе о золотѣ“, собраны были тѣ аргументы въ пользу установленія золотой единицы цѣнности, которые наконецъ и одержали верхъ. Сущность его разсужденія заключалась въ слѣдующемъ: золото наиболѣе соотвѣтствуетъ всѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ общаго мѣрила цѣнностей; оно—самый цѣнный изъ металловъ, и потому легче можетъ быть доставляемо на большія разстоянія, такъ какъ издержка на провозъ его ничтожна въ сравненіи съ его цѣною; оно наиболѣе удобно для чекана монеты, и золотая монета легче другой можетъ быть изъята изъ обращенія для перечековки, какъ только разность въ вѣсѣ, причиненная продолжительнымъ обращеніемъ, становится чувствительною. Предложенія эти вездѣ были отклонены и золотая валюта согласно признавалась непримѣнимою къ финансовымъ обстоятельствамъ Германіи, а открытіе калифорнскихъ и австралійскихъ золотыхъ россыпей обратило мысль о возможности введенія въ Германіи золотой валюты въ парадоксъ, который считался не требующимъ и опроверженія. Германія почитала себя счастливою тѣмъ, что удержала единицу серебряную. Адольфъ Зотберъ, въ пятидесятыхъ годахъ, также безуспѣшно старался убѣдить, что открытіе россыпей по всей вѣроятности не будетъ имѣть послѣдствіемъ паденія цѣны золота, въ сравненіи съ серебромъ, такъ какъ золотая единица принята въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи, что на многіе годы будетъ препятствовать общему паденію цѣны золота. На практикѣ первый толчокъ неожиданно данъ былъ Австрію. Въ торговомъ и таможенномъ трактатѣ 19-го февраля 1853 г., заключенномъ германскимъ Таможеннымъ Союзомъ съ Австрію, было, между прочимъ, условлено, что обѣ стороны приступать къ переговорамъ о заключеніи еще монетной конвенции. Въ собраніи уполномоченныхъ для этой цѣли, въ 1854 г. во Франкфуртѣ, Австрія потребовала принятія исключительно золотой единицы въ монетной системѣ, такъ какъ золотая валюта фактически установилась основаніемъ монетной системы въ трехъ первостепенныхъ торговыхъ странахъ. Предложеніе Австріи принято не было, но оно все-таки послужило первымъ практическимъ поводомъ къ дальнѣйшему обсужденію вопроса. Вопросомъ этимъ занималась затѣмъ торговая депутація въ Гамбургѣ, когда въ 1856 году оказался сильный запросъ на серебро въ Англію, но вопросъ и тогда

рѣшенъ не былъ, такъ какъ этому помѣшалъ торговый кризисъ 1857 года. Въ 1861 г. первый коммерческій съѣздъ въ Германіи устранилъ этотъ вопросъ изъ опасенія помѣшать достиженію главной цѣли—монетнаго единства Германіи (скажу мимоходомъ, что именно тогда была предложена счетною единицею марка). Собиравшійся въ томъ же году конгрессъ германскихъ экономистовъ заявилъ мысль о чеканѣ золотыхъ монетъ 20-ти-франковаго достоинства (т.-е. по 77 штукъ на фунтъ золота 90-й пробы). Значительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ на такомъ же конгрессѣ, происходившемъ 26—29-го августа 1867 г., въ Гамбургѣ. Война съ Австріею была уже годъ тому назадъ и сѣверо-германскій союзъ существовалъ; для него было желательно единство монетной системы, и оно могло быть проведено въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о введеніи золотой валюты. Матеріалы для обсужденія этого вопроса были уже на лицо: они были приготовлены парижскою монетною конференціею, которая происходила во время всемірной выставки. На конгрессѣ, происходившемъ въ Гамбургѣ, Зотберъ въ качествѣ докладчика поставилъ альтернативу, что должно быть принято за счетную единицу въ Германіи: марка цѣною въ $\frac{1}{3}$ талера или франкъ.

По рѣшеніи этого вопроса, предстояло бы рѣшить другой: слѣдовало ли тотчасъ перейти въ установленію золотой валюты, и затѣмъ, какую золотую монету положить въ основаніе новой монетной системы. Если бы счетною единицею былъ принятъ франкъ, то въ основаніе системы, основанной на золотой валютѣ, естественно было принять золотую монету въ 10 франковъ, такъ какъ она служила бы къ примѣненію децимальнаго счета; 20-ти-франковая же монета могла служить главнымъ орудіемъ при производствѣ платежей. Но если бы за единицу счета была принята марка, то 10-франковая золотая монета уже не годилась бы какъ основаніе новой монетной системы, такъ какъ въ 10 франкахъ—8 марокъ, и децимальнѣйшій счетъ, который всегда признавался важнѣйшимъ улучшеніемъ монетнаго дѣла, былъ бы непримѣнимъ. Пришлось бы обратиться уже къ англійскому соверену или полу-соверену, или чеканить золотыя монеты цѣнностью въ $12\frac{1}{2}$ и 25 франковъ (то-есть въ 10 и 20 марокъ).

Въ этихъ предложеніяхъ уже заключались основанія нынѣшней монетной системы, принятой въ Германіи. Оба мнѣнія сталкивались въ весьма жаркихъ преніяхъ. Зотберъ самъ принадлежалъ къ наиболѣе умѣреннымъ приверженцамъ введенія золотой валюты; онъ настаивалъ болѣе всего на установленіи монетнаго единства и десятичнаго счета, предоставляя введеніе золотой валюты будущему времени. Другіе ораторы конгресса были гораздо нетерпѣливѣе; таковы

были въ особенности Михаэлисъ (который впоследствии получалъ мѣсто начальника отдѣленія въ союзной канцеляріи и считается душою германской финансовой политики) и Александръ Мейеръ, одинъ изъ талантливѣйшихъ приверженцевъ началъ свободной торговли. Последний объявилъ, что введеніе золотой валюты есть неотразимая культурно-историческая необходимость. Въ пользу ея приводятъ обыкновенно то замѣчательное явленіе, что серебро вывозится въ восточную Азію. Но это явленіе есть одинъ изъ древнѣйшихъ фактовъ исторіи: исторія началась съ него, началась съ обмена идущими изъ продуктовъ на благородные металлы. Фактъ этотъ остается непреложнымъ доселѣ. Народы полу-цивилизованные предпочитали (напр. мексиканцы) и предпочитаютъ (жители восточной Азіи) серебро золоту, а народы культурные, начиная отъ грековъ, предпочитаютъ золото именно вслѣдствіе утонченнаго вкуса, такъ какъ золото поддается болѣе тонкой работѣ, чѣмъ серебро. Практичнѣ говорилъ Михаэлисъ: онъ доказывалъ, что цѣлью конгресса должно быть именно содѣйствіе установленію золотой валюты, такъ какъ серебро слишкомъ тяжело для нынѣшнихъ оборотовъ; пересылка большихъ суммъ въ серебрѣ слишкомъ затруднительна, а это искусственно вызываетъ усиленную потребность въ цѣнностяхъ бумажныхъ, что въ свою очередь ведетъ къ обманнымъ банковымъ предпріятіямъ. Нѣкоторые ораторы защищали принятіе счетной единицей франка, такъ какъ этой единицѣ, уже употребляемой сотнею милліоновъ людей, очевидно принадлежитъ будущность; только одинъ ораторъ предлагалъ принятіе англійской золотой монеты за основу монетной системы. Собраніе наконецъ постановило рѣшеніе въ пользу полнаго монетнаго единства Германіи и скорого перехода къ золотой валютѣ, согласно съ принципами, провозглашенными монетною конференціей.

Необходимо было упомянуть обо всемъ этомъ, дабы выяснитъ, что принятіе золотой единицы не явилось какъ результатъ каприза правительства или партіи. Во Франціи краснорѣчивымъ приверженцемъ двойной валюты, золотой и серебряной, постоянно являлся отличный экономистъ. Воловскій. Въ сочиненіи, изданномъ въ 1868 году: „*Quelques notes sur les questions monétaires*“, онъ исходитъ изъ мысли, что нѣтъ непремѣннаго мѣрила цѣнности; матеріалъ, принятый за общее мѣрило цѣнностей, самъ измѣняется въ своей цѣнности, подобно тѣмъ предметамъ, для измѣренія цѣнности которыхъ онъ служитъ. Драгоценные металлы приняты за мѣрило потому, что измѣненія ихъ цѣнности происходятъ въ сравнительно болѣе долгое время. Инструментъ для измѣренія цѣнностей будетъ устойчивѣе, если его сдѣлать изъ двухъ благородныхъ металловъ, подобно тому, какъ

малтинскъ, составленный изъ двухъ металловъ, вѣрише, потому что посредствомъ компенсаціи оказывается менѣе подверженнымъ дѣйствію температуры. Поэтому должнику долженъ быть предоставленъ свободный выборъ, въ какомъ металлѣ онъ хочетъ произвести уплату, а такъ какъ главнымъ должникомъ всегда будетъ казна или государственный банкъ, то имъ должна быть предоставлена такая же свобода. Французскій банкъ всегда пользовался этимъ правомъ выбора и обязанъ ему большими успѣхами.

Но эти воззрѣнія Воловскаго не произвели особеннаго вліянія, и въ средѣ экономистовъ приверженцы исключительно золотой валюты постоянно умножались.

Наступила война, потомъ миръ съ громаднымъ военнымъ вознагражденіемъ; казалось, если когда-либо, то именно въ то время монетный вопросъ подлежалъ рѣшенію. Обновленная Германія, начиная съ 1866 г., выказала способность къ законодательству въ области экономической цѣлымъ рядомъ новыхъ положеній: уже сѣверо-германскій сеймъ постановилъ законы объ отмѣнѣ обязательности насчетовъ, о введеніи свободы перехода и поселенія, объ отмѣнѣ ограниченія размѣра долгового процента (по примѣру, данному сперва Пруссіею) и тюремнаго заключенія несостоятельныхъ должниковъ, выработалъ новый ремесленный уставъ, устранившій ограниченія ремесленной свободы. Теперь изъ сѣверо-германскаго сейма возникъ сеймъ германскій; всѣ лучшія силы Германіи соединились въ одномъ собраніи. Если Германія способна была воспользоваться парламентской формой въ широкихъ размѣрахъ, то, казалось, именно теперь такая способность должна была проявиться. Конгрессъ экономистовъ, происходившій въ августѣ 1871 года въ Любекѣ, взялъ на себя указать пути для этого въ вопросахъ финансовыхъ. Сужденія этого конгресса привели вопросъ о монетной реформѣ къ зрѣлости. Въ сужденіяхъ этихъ принимали участіе Принцъ-Смитъ, блестящій представитель нѣмецкой школы свободной торговли, и Зотбергъ. Принцъ-Смитъ указывалъ, что *золото* принято за единственное орудіе производства значительныхъ платежей въ Великобританіи, Австраліи, Каплендѣ (англ. колонія на Мысѣ Доброй Надежды), Португаліи, Персіи, Соединенныхъ Штатахъ, Чили и Бразиліи, странахъ, имѣющихъ въ совокупности 93 милл. жителей. *Золото и серебро* вмѣстѣ, и притомъ въ отношеніи цѣнности равномъ $15\frac{1}{2} : 1$, то-есть такомъ, что за 2 лота высокопробнаго золота дается 31 лоть высокопробнаго серебра, приняты какъ совмѣстныя орудія платежей во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Италіи, Греціи, Испаніи, Перу, Новой Гренадѣ, Эквадорѣ, Боливіи и Японіи, съ общимъ населеніемъ въ 130 милл. душъ, такъ что страны, въ которыхъ золото признано за-

за орудіе платежей, одно или совмѣстно съ серебромъ, представляютъ совокупность населенія въ 223 милл. душъ. Исключительно *серебро* служитъ орудіемъ платежей въ Германіи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Данин, центральной Америкѣ, Остѣ-Индіи и Китаѣ, къ которымъ слѣдуетъ еще причислить Австрію и Россію, такъ что населеніе странъ, въ которыхъ серебро служитъ исключительнымъ орудіемъ платежей, состоитъ изъ болѣе 800 милл. душъ. Эти цифры показались въ то время важными потому собственно, что возникало опасеніе, какъ-бы серебро не упало вдругъ значительно въ цѣнѣ, если Германія освободилась бы отъ своего серебра для перехода къ золоту. Но въ дѣйствительности пониженіе въ цѣнѣ серебра, хотя Германія совершала его продажу съ осторожной медленностью, весьма затруднило самое введеніе золотой валюты. Изъ приведеннаго видно, что главныя торговыя страны, съ которыми Германія ведетъ дѣла, употребляютъ золото орудіемъ платежей. Стало быть, Германія представлялось удобнымъ принять то же платежное орудіе, для облегченія своихъ международныхъ платежей звонкой монетой. Такіе платежи, дѣйствительно, происходятъ, и держатся въ извѣстныхъ границахъ, исключая того случая, если въ данной странѣ металлическая наличность изгоняется изъ обращенія сильнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Ясно было, что необходимымъ условіемъ при переходѣ къ золотой валютѣ должно было служить ограниченіе бумажно-денежнаго обращенія, для того, чтобы очистить золотыя монеты мѣсто на внутреннемъ рынкѣ. Если же, напротивъ (предварялъ Принцъ-Смитъ, и я повторяю его слова потому, что въ несоблюденіи указанной имъ предосторожности, повидимому, и заключалась главная ошибка), бумажно-денежное обращеніе не будетъ сокращено въ той же мѣрѣ, въ какой будетъ увеличена наличность звонкой монеты въ обращеніи, тогда случится, что золотыя монеты такъ же скоро исчезнутъ изъ обращенія, какъ были введены въ него. Замѣчательно, что Принцъ-Смитъ, въ заключеніи, все-таки пришелъ къ необходимости *двойной валюты*, несмотря на все, что говорилъ въ пользу золота; но большинство конгресса не хотѣло и слышать о томъ.

Послѣ этого конгресса вопросъ созрѣлъ, и когда стали поступать первые платежи изъ Франціи, правительство внесло въ сеймъ—5-го ноября 1871 года—проектъ закона о чеканѣ имперской золотой монеты, который послужилъ основаніемъ для всей монетной реформы. Законъ, по утвержденіи его, былъ обнародованъ уже 4-го декабря 1871 года. Имъ постановлялось, что будетъ чеканиться имперская золотая монета въ 10 марокъ, по 139½ такихъ монетъ изъ фунта высокопробнаго серебра; сверхъ этой — установилась еще золотая монета въ 20 марокъ. Канцлеру предоставлено было, въ соглашеніи

съ союзнымъ совѣтомъ, опредѣлять количество серебра, постепенно назначаемого на приобрѣтеніе золота и распредѣлять золото между различными монетными дворами. Всѣ платежи, которые доселѣ по закону должны были или могли производиться на серебро, могли, по новому закону, быть производимы золотомъ, съ такимъ расчетомъ, что монета въ 10 марокъ считается равноцѣнною $3\frac{1}{2}$ прусскимъ талерамъ или 5 гульденамъ 50 крестцерамъ южно-германской монеты.

Хотя этотъ законъ и не устанавливалъ прямо единственной валютой золото, однако ясно было, что онъ предполагалъ это конечной цѣлью. Законъ этотъ, какъ мы видѣли, рѣшилъ споръ о счетной единицѣ въ пользу особой единицы и противъ присоединенія къ франковой десятичной системѣ. Приверженцы послѣдней, прежде многочисленныя, исчезли и Дельбрюкъ объяснилъ въ сеймѣ, что настоящее время было неудобно для международныхъ соглашеній, которыхъ потребовало бы приступленіе Германіи къ децимальной монетной системѣ; выжидать же для нихъ удобнаго времени, значило отсрочивать неопредѣленно преобразование національной монетной системы. Положимъ, что это и было такъ, но спрашивается, не представляло ли международное монетное единство интереса болѣе важнаго, чѣмъ преобразование національной монетной системы. Но въ пользу сохраненія отдѣльной счетной системы приводились еще другіе аргументы, какъ-то: германское правительство обязывалось извлекать изъ обращенія монету, утратившую вѣсъ отъ долгаго употребленія (а не обрѣзанную, конечно), стало быть, самая старая монета изъ всѣхъ странъ, имѣющихъ ту же систему, должна была приливаться въ Германію; при единствѣ монетнаго счета, и бумажныя цѣнности, рассчитанныя на франки, могли явиться изъ сосѣднихъ странъ въ Германію въ большихъ количествахъ, наводнить ея рынокъ; переходъ отъ прежняго счета къ франковому былъ слишкомъ неудобенъ, такъ какъ разница цѣнности между 1 франкомъ и 8 зильбергрошами составляетъ всего $1\frac{1}{4}\%$, такъ что купоны по $4\frac{1}{2}\%$ процентнымъ займамъ пришлось бы платить не 6-ю марками, а 6.834375 марками.

Но хотя счетная единица была принята особая, систему счета законъ установилъ десятичную. Отношеніе цѣнности серебра и золота было установлено закономъ въ $1:15\frac{1}{2}$. Теперь больше всего возстаютъ именно противъ этого установленнаго отношенія; но замѣтимъ, что и въ 1871 г. министръ финансовъ не скрывалъ затруднительности вѣрно установить это отношеніе, а только высказалъ надежду, что при тогдашнихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ

можно было рассчитывать, что это отношеніе легко будетъ поддерживать. Мы увидимъ далѣе, осуществилась ли эта надежда.

Монетные дворы начали свою работу, стали появляться красивыя новыя деньги, и въ то время, сколько помнится, никто не жаловался. Уплата Франціею контрибуціи производилась исправно, въ Германіи правительство дѣлало огромныя заказы для арміи и крѣпостей (такъ называемое „возстановленіе“, das Retablissement), оживлявшіе промышленность—но, впрочемъ, къ чему напоминать о томъ времени? Это было время „основаній“ предпріятій, die Gründungszeit, когда всѣ жили въ странѣ съ молочными рѣками, при висельныхъ берегахъ, и думали, что такъ и всегда будетъ. При такихъ обстоятельствахъ, правительство сдѣлало новый шагъ въ монетномъ преобразованіи, а именно, внесло въ сеймъ, въ мартѣ 1873 года, монетный законъ, имѣвшій цѣлью новое опредѣленіе чекана тѣхъ монетъ марочной системы, которыя не могли быть представлены въ золотѣ, а также установленіе всей будущей монетной системы въ Германіи на началахъ золотой валюты и счета въ маркахъ. Прежнія серебряныя монеты оставались въ обращеніи до того времени, когда представилось бы возможнымъ выпустить достаточное количество новой серебряной монеты. Въ мотивахъ къ этому закону объяснялось, что имъ создается переходное положеніе отъ прежней системы къ системѣ исключительно золотой валюты, и выражалась надежда, что серебряныя талеры могутъ быть извлекаемы изъ обращенія по мѣрѣ успѣховъ чекана золотой монеты, что обѣщало выгоду уже въ устраненіи слишкомъ большого давленія на цѣну серебра. Но расчетъ этотъ, какъ теперь оказалось, былъ ошибоченъ. Депутатъ Гонель замѣтилъ, между прочимъ, что золото должно, въ теченіи ближайшихъ десятилѣтій, постепенно подниматься въ цѣнѣ; при такомъ условіи та нація, которая предприметъ установить прочнымъ образомъ соотношеніе золота и серебра, подвергнется явной опасности; что золото, въ которомъ она будетъ нуждаться и которое она не можетъ замѣнить никакими суррогатами, будетъ уходить отъ нея и ей придется возобновлять его запасъ у себя, покупая его постепенно все дороже.

Такъ и случилось. Понятно, что такъ и должно было случиться, какъ только цѣна серебра въ дѣйствительности упала ниже опредѣленнаго закономъ отношенія ея къ цѣнѣ золота (1:15^{1/2}). Во время прежней сѣйма объ этомъ законѣ затронуть былъ и другой вопросъ—о необходимости ограничить бумажно-денежное обращеніе (билетовъ казначейства и банковыхъ билетовъ) и извлечь часть его, именно наименьшія наименованія. Правительство давно уже обѣщало представить новый законъ о банкахъ. Покажѣтъ дѣйствовалъ временный

законъ, который запрещалъ банкамъ производить новые выпуски билетовъ, до опредѣленія этого предмета новымъ спеціальнымъ союзнымъ постановленіемъ. Этотъ временной законъ былъ изданъ въ мартѣ 1870 года, срокомъ до іюля того же года, а потомъ дѣйствіе его было продолжено до конца іюня 1873 года. Но законъ этотъ оказывался недостаточнымъ, такъ какъ масса уже выпущенныхъ прежде бумажныхъ денегъ была слишкомъ велика, несоразмѣрна съ потребностями (совокупность банковыхъ билетовъ и государственныхъ бумажныхъ денегъ считали въ 400 милл. талеровъ).

Монетный законъ былъ принятъ сеймомъ. Между тѣмъ въ Австріи разразился огромный кризисъ, который, распространяясь какъ эпидемія, вскорѣ втянулъ въ себя Германію.

Въ 1873 г. и началѣ 1874 г. не произошло ничего новаго въ монетной политикѣ, но въ мартѣ 1874 г. предложенъ былъ сейму проектъ закона о выпускахъ имперскихъ билетовъ казначейства. Законъ этотъ былъ принятъ, хотя оказалась одна партія, которая и слышать не хотѣла о бумажныхъ деньгахъ. Затрудненія по преобразованію монетной системы въ то время уже стали обнаруживаться: золотыя монеты, только-что отчеканенныя, исчезали изъ обращенія. Неизвѣстно, имѣлъ ли министръ финансовъ Кампгаузенъ полную свободу дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ въ дѣлѣ бумажныхъ денегъ. Ихъ было выпущено много второстепенными государствами союза, и съ ними связаны многіе интересы; сама промышленность требуетъ „дешевыхъ денегъ“, забывая, что дешевыя деньги только соответствуютъ „дорогому товару“ и ничего сами по себѣ не означаютъ. Законъ объ имперскихъ билетахъ казначейства опредѣлялъ выпускъ такихъ билетовъ на 120 милл. марокъ, достоинствомъ въ 5, 20 и 50 марокъ, съ распредѣленіемъ этого количества между государствами союза, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ обязывались по возможности скоро извлечь изъ обращенія выпущенныя ими до того времени государственныя бумажныя деньги. Наконецъ, закономъ объ учрежденіи имперскаго банка, который былъ принятъ сеймомъ въ послѣдней сессіи, право банковъ выпускать кредитные билеты было крайне ограничено. Въ совокупности всѣхъ банковъ, могутъ быть выпущены сверхъ суммы, обезпеченной равнымъ металлическимъ фондомъ, только 380 милл. марокъ въ банковыхъ билетахъ; изъ этого количества 250 милл. приходится на имперскій банкъ и 130 милл. на остальные 32 банка, и всѣ эти билеты подлежатъ налогу въ размѣрѣ 5%.

Чтобы окончательно убѣдиться, осуществимо ли предпринятое монетное преобразованіе, можетъ ли въ Германіи удерживаться золото въ количествѣ, достаточномъ для производства платежей, приходится ожидать окончанія изъятія изъ обращенія старыхъ бумаж-

ныхъ денегъ, которому назначено срокомъ 1 января 1876 года. Правительство имѣетъ теперь хорошія надежды, такъ какъ всецѣльный курсъ на Лондонъ въ послѣднее время настолько понизился, что вывозить золото изъ Германіи не стѣбитъ; но ручаться за будущее нельзя.

Переходя къ обвиненіямъ, предъявленнымъ по поводу монетной реформы на правительство, замѣчу, что наиболѣе нгума произвели статьи „Крестовой Газеты“, въ которыхъ были собраны всѣ невыгодныя послѣдствія и выведено заключеніе, что вся политика Германіи слѣдуетъ внушеніямъ евреевъ и особенно — извѣстнаго банкира — еврея Блейхрѣдера. Конечно, это вздоръ, но требуется не мало дерзости, чтобы обращать подобныя ругательства на людей заслуженныхъ какъ Бисмаркъ, Дельбрюкъ и ихъ товарищи. Главный упрекъ, который слышится нынѣ, состоитъ въ вопросѣ: зачѣмъ не была принята двойная валюта? Но выше уже объяснено, что Кампгаузенъ болѣе уступилъ требованіямъ экономистовъ, чѣмъ предпринялъ это дѣло самъ. За то справедливо, что вся реформа была проведена безсвязно и безъ общаго органическаго принципа. Хуже всего было, что во-время не было очищено мѣсто для золотой монеты посредствомъ извлеченія бумажныхъ денегъ или серебра изъ обращенія; къ бумажнымъ деньгамъ присоединялись во внутреннихъ платежахъ еще купоны всевозможныхъ обществъ и вся эта тяжесть давила рынокъ. Сверхъ того, влияние оказало и невыгодное состояніе торговаго баланса, и плачевное положеніе промышленности. Въ эпоху высшаго процвѣтанія школы свободной торговли, значеніе торговаго баланса отрицалось совершенно; между тѣмъ его нельзя не признавать въ извѣстномъ смыслѣ. Разумѣется, не одинъ вывозъ, но и ввозъ бываетъ полезенъ для развитія внутренней промышленности; только необходимо дѣлать различіе между ввозомъ предметовъ въ самомъ дѣлѣ полезныхъ и — предметовъ роскоши. Во всякомъ случаѣ ясно, что при перевѣсѣ ввоза звонкая монета будетъ стремиться изъ страны, и это явленіе весьма неблагоприятно именно въ такое время, когда совершается переходъ къ золотой валютѣ. Страна по природѣ столь бѣдная, какъ Германія, должна сильно работать, чтобы пользоваться благосостояніемъ; но производительность земледѣлія имѣетъ свои предѣлы, стало быть, ремесла, фабрикація и торговля должны создавать это богатство. Для процвѣтанія ихъ необходима прежде всего способность выдерживать конкуренцію съ другими странами, — эта-то способность именно и ослаблена въ высокой степени. Торговля и фабричное производство переносятъ теперь тяжкое испытаніе, какъ это замѣтилъ министръ финансовъ въ рѣчи 20 января нынѣшняго года. По его мнѣнію кризисъ происходитъ отъ перемѣны цѣнъ, которыя еще не успѣли

установиться вновь въ правильное соотношеніе. Кризисъ, по его отзыву, будетъ продолжаться, пока мы не обратимся къ вѣрнымъ спасительнымъ мѣрамъ, которыхъ сущность онъ резюмировалъ словами: „производить дешевле“. А для того, чтобы производить дешевле, говорилъ онъ, мы должны стать *прилежнѣе, экономнѣе, хозяйственнѣе*. Промышленные кризисы неизбѣжны. Отчего, напр., упали недавно желѣзнодорожныя бумаги? Оттого, что всѣ порывались къ постройкамъ, забывая принципъ бережливости и настроили дорогъ столько, что сборъ на нихъ упалъ. Далѣе министръ высказалъ мнѣніе, что Германія придется иначе регулировать размѣръ платы рабочимъ, предъявляя къ нимъ большія требованія, но не возвышая имъ платы, а наоборотъ, во многихъ случаяхъ понизивъ ее. Дѣйствительно, вездѣ, гдѣ вліяніе социальнихъ демократовъ сказывается, оно ведетъ къ требованію сокращенія рабочихъ часовъ и равенству вознагражденія дурнымъ и хорошимъ рабочимъ. Берлинъ наиболѣе пострадалъ отъ этихъ условій. Онъ былъ большимъ мануфактурнымъ городомъ, но теряетъ этотъ характеръ съ каждымъ годомъ болѣе. Мануфактуры шерстяныхъ издѣлій по большей части выселились въ небольшіе города, типографское дѣло (за исключеніемъ типографій, занятыхъ газетною и казенною работами) почти уничтожилось, машинное строительство—нѣкогда гордость Берлина—чахнетъ. Вотъ почему надеждѣ честолюбивыхъ берлинцевъ, что ихъ городъ скоро будетъ имѣть миліонъ жителей, кажется, не такъ-то скоро суждено оправдаться и ростъ населенія теперь идетъ только весьма медленно.

Особое бѣдствіе постигло въ прошломъ году желѣзное дѣло. Въ теченіи 1873 года цѣны стояли очень высокія и потребленіе, вслѣдствіе того, сократилось. Между тѣмъ производители, полагая, что потребленіе опять поднимется, не хотѣли сперва продавать свои продукты ниже цѣны, въ которую они обходились имъ самимъ, и такимъ образомъ накопились такіе запасы издѣлій, что, наконецъ, пришлось сбывать ихъ по всякой цѣнѣ. Тогда цѣны упали такъ, что почти сравнялись съ цѣнами 1869 года. Результатомъ было, что заводы работали въ убытокъ, многіе закрылись, вообще стоимость ихъ быстро понизилась, и такимъ образомъ значеніе катастрофы еще увеличилось. Если нѣтъ желѣза и угля, то желѣзнымъ дорогамъ недостааетъ главнаго ихъ груза. Такъ-то отдѣльныя кольца смыкаются въ цѣпь! Какъ всегда бываетъ, люди впадаютъ изъ одной крайности въ другую. Во время прежней спекулятивной горячки, они думали, что повышеніе цѣнъ не будетъ имѣть конца, теперь говорятъ, что кризисъ еще только начался и что пропадетъ все. Министръ торговли Ахенбахъ на обѣдѣ, данномъ ему въ Кёнигсбергѣ, куда онъ ѣздилъ въ прошломъ мѣсяцѣ по случаю ремесленной выставки, сказалъ по

этому поводу между прочимъ слѣдующее: „надо сознаться, что въ послѣдніе годы сдѣлано было многое такое, что не представляло здороваго развитія; но нельзя также осуждать рѣшительно все, что было сдѣлано, потому только, что многое было неблагоприятно; трудно посреди господствующаго перелома сохранить спокойный взглядъ на вещи; теперь уже не хотятъ болѣе вѣрить въ будущность нивкаго предпріятія, а все-таки Пруссія и Германія еще поправятся и въ области ремесленной и торговой“. Эти слова произвели повсемѣстно очень хорошее впечатлѣніе и, кажется, какъ будто въ самомъ дѣлѣ дѣла уже начинаютъ поправляться. Поправленіе во всякомъ случаѣ должно когда-нибудь явиться, такъ какъ германскій народъ не пересталъ еще работать; со времени „Кгаш'а“ уже и сбережено вновь не мало, но деньги прачутся изъ недостатка довѣрія.

Впрочемъ, не одинъ Ахенбахъ въ послѣднее время вступилъ въ прямое общеніе съ народомъ; товарищи его, министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, д-ръ Фалькъ, и министръ сельскаго хозяйства, д-ръ Фриденталь, воспользовались перерывомъ сессіи для совершенія большихъ поѣздокъ: первый—въ рейнскую провинцію, второй—въ восточную и западную Пруссію. Какъ непосредственный представитель церковной политики, Фалькъ ненавидитъ ультрамонтанамъ, которые постоянно представляли положеніе дѣлъ такъ, какъ будто грозитъ неминуемый взрывъ. Правда, ультрамонтанамъ ненавидятъ и Бисмарка, но тотъ все-таки слишкомъ популяренъ въ странѣ. Такимъ образомъ Фалькъ рѣшился отправиться въ берлогу льва, и вдругъ поѣздка его оказалась настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Повсюду—въ Кельнѣ, Ахенѣ, Дюссельдорфѣ и т. д.—его встрѣчали съ восторгомъ, устраивали для него банкеты, факельшуги и т. д. Вездѣ онъ произносилъ сильныя ободрительныя рѣчи, которыя принимались съ сочувствіемъ. Конечно, все это еще не доказываетъ, что масса населенія рейнской провинціи стоитъ на сторонѣ правительства; еслибы прошесть теперь новые выборы въ имперскій сеймъ, то результатъ ихъ вѣроятно, былъ бы не менѣе благопріятенъ ультрамонтанству, чѣмъ результатъ послѣдне-бывшихъ. Но нѣчто этими демонстраціями все-таки доказывается, а именно, что мѣстные образованные классы сочувствуютъ правительству и не боятся возбудить противъ себя неудовольствіе массы, обнаруживая, съ другой стороны, что ультрамонтанамъ не удалось предупредить такихъ демонстрацій. Для революціоннаго движенія недостаетъ дѣйствительнаго стимула: искренняго голоса совѣсти. Всѣ видятъ, что католическое богослуженіе отправляется безпрепятственно. Надежды ультрамонтанскихъ вождей на восстановленіе легитимнаго престола во Франціи, на побѣду донъ-Кар-

лоса—не сбылись, а свиданія государей Россіи, Германіи, Австріи и Швеціи служатъ ручательствами мира.

Вопросъ о борьбѣ между духовенствомъ и государствомъ сводится къ вопросу: кто долѣе выдержитъ,—но вѣдь ясно, что государство находится при этомъ въ болѣе благопріятномъ положеніи. Многіе священники уже заявили готовность повиноваться церковнымъ законамъ. Сами епископы подчинились послѣднему изъ нихъ, именно, закону объ управленіи церковными имуществами, чтобы не быть совершенно отъ него устранимыми.

Съ другой стороны, въ средѣ приверженцевъ правительства оживленно разсуждаютъ о пересмотрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе жесткихъ постановленій, и если будутъ видны на замиреніе, то навѣрное будутъ взаты назадъ постановленія, наиболѣе вызывающія ненависть, и именно тѣ, которыя приводятъ къ частому заключенію въ тюрьму духовныхъ лицъ. Правительство показывало строгость не столько потому, чтобы она была безусловно необходима, сколько съ цѣлью доказать духовенству, что оно серьезно требуетъ послушанія.

Въ политикѣ не было за послѣднее время ничего примѣчательнаго, кромѣ выборовъ въ баварскую палату депутатовъ, при которыхъ ультрамонтаны напрягли всѣ свои силы. Съ 1869 года баварская палата раздѣлялась поровну на клерикаловъ и либераловъ; теперь старанія ультрамонтановъ имѣли цѣлью пріобрѣсть въ ней большинство компактное, по возможности — двухъ-третьей голосовъ, которое по баварской конституціи необходимо для важнѣйшихъ рѣшеній. Во всякомъ случаѣ, за пріобрѣтеніемъ большинства въ палатѣ ультрамонтанами послѣдовало бы образованіе ультрамонтанскаго кабинета, который, пользуясь предоставленными Баваріи отдѣльными правами въ союзѣ, старался бы расшатать по возможности ея связь съ нимъ. Баварскіе ультрамонтаны все еще проповѣдуютъ, что главный врагъ Баваріи — Пруссія, а лучший другъ — Франція, и что вступленіе въ имперскій союзъ разоритъ Баварію и уничтожитъ ея самостоятельность. На этотъ разъ надежды ультрамонтановъ были тѣмъ крѣпче, что успѣху ихъ содѣйствовали слухи о войнѣ, бывшіе въ апрѣлѣ, и церковная борьба въ Пруссіи, которой придали значеніе борьбы съ цѣлью уничтоженія католицизма. Либералы (т.-е. въ Баваріи всѣ, кто не принадлежитъ къ клерикаламъ; другого различія въ партіяхъ здѣсь нѣтъ) находились въ уныніи, но въ послѣднюю минуту произошли два обстоятельства, которыя ободрили ихъ. Во-первыхъ, въ средѣ ультрамонтановъ произошелъ раздоръ: крайніе поссорились съ умѣренными, которые включали въ свои программы заявленіе о своей преданности имперіи; ихъ упрекали въ слабости и епископы въ своихъ посланіяхъ совѣтовали избирать только „патри-

отовъ". Во-вторыхъ, заслуживающей особаго вниманія интересъ, обнаруженный французами къ баварскимъ выборамъ, дакъ германскому послу въ Парижѣ, князю Гогенлоэ, поводъ напечатать письмо, обращенное имъ къ одному депутату-пріятелю, въ которомъ онъ указывалъ на опасность, могущую произойти для Германіи отъ побѣды ультрамонтановъ на выборахъ въ Баваріи. Французы хорошо понимаютъ, что для возобновленія ими войны съ Германіею необходимо одно изъ двухъ условій: или найти союзника внѣ Германіи, или воспользоваться внутреннимъ раздоромъ въ самой Германіи. Первое доселѣ не удалось, а отъ второго они никакъ не хотятъ отказаться, хотя для всѣхъ безпристрастныхъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что стремленіе къ національному единству въ Германіи, однажды осуществясь, слишкомъ прочно, чтобы можно было рассчитывать на его ослабленіе. Если бы случилось такъ, что имперія распалась бы, и осуществилась одна изъ наполеоновскихъ идей или возстановилось бы положеніе дѣлъ, бывшее между 1866 и 1870 годами, и Германія при этомъ утратила бы часть территоріи, то всѣ, даже тѣ, кто теперь говоритъ противъ единства, сдумали бы оцѣнить такую потерю и всѣ стремленія, всѣ желанія направились бы къ возвращенію утраченнаго. Письмо князя Гогенлоэ не было имъ подписано, но имя автора тотчасъ стало извѣстно. Впрочемъ, положеніе вопроса было столь ясно, что не требовалось даже и этой демонстраціи для уясненія его. Баварскіе либералы подняли голову, стали въ свою очередь работать съ энергіею. Выборы въ Баваріи производятся въ двухъ степеняхъ: сперва избираются избиратели, которые потомъ избираютъ депутатовъ. Но отношенія партій столь извѣстны, что вопросъ положительно рѣшается уже выборомъ избирателей. Судя, на основаніи послѣднихъ извѣстій, по числу выбранныхъ избирателей, депутаты раздѣляются на 77 либераловъ и 79 ультрамонтановъ ¹⁾, что первыми считается за побѣду, а послѣдними за поражение. Хотя побѣда эта для либераловъ имѣетъ только относительное значеніе и ультрамонтаны все-таки будутъ располагать слабымъ большинствомъ, но оно вовсе не такъ твердо, чтобы нѣсколько голосовъ не могли не отпасть отъ него, какъ то было и въ палатѣ 1869 года. Ультрамонтаны уже теперь грозятъ такимъ измѣнникамъ, стало быть—боятся, что таковые окажутся. Во всякомъ случаѣ положеніе страны, которой населеніе дѣлится на равныя или почти равныя по численности партіи (на послѣднихъ выборахъ въ имперскій сеймъ, при которыхъ вліяніе массы бываетъ сильнѣе, такъ какъ выборы эти — прямые, въ Баваріи было избрано 32 ультрамонтана и только 16 либераловъ), несомнѣн-

¹⁾ Такъ и случилось. *Ред.*

благопріятно. Надо замѣтить, что преимущество въ образованности и достатѣ положительно на сторонѣ партіи либеральной. Она и одержала побѣду въ большихъ городахъ, какъ въ Мюнхенѣ, гдѣ доселѣ имѣли верхъ ультрамонтаны, и въ Вюрцбургѣ, на который послѣдніе также рассчитывали. Въ Пфальцѣ выборы были рѣшительно въ пользу либераловъ, и усилили эту партію въ палатѣ 10-ю чел. Въ альгауской области либералы также одержали верхъ, на этотъ разъ послѣ сильной борьбы. Но гдѣ духовенство сохранило прежнее вліяніе, тамъ не прошелъ ни одинъ либераль. Эти рѣзкіе контрасты весьма неутѣшительны. Партіи стоятъ непримиримо одна противъ другой, съ той разницей, что либералы въ случаѣ побѣды сохранили бы клерикаламъ законную свободу, но тѣ, въ случаѣ своей побѣды, не пощадили бы либераловъ.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся и здѣсь съ главнымъ вопросомъ, передъ которымъ даже война Германіи съ Франціею представлялась незначительнымъ дѣломъ. Свѣтъ не пережѣнится отъ того, что Эльзасъ перешелъ изъ однихъ рукъ въ другія, но пережѣнился бы, если бы Римъ побѣдилъ государство, если бы Риму покорилась Пруссія, а за нею и другія протестантскія государства. Правда, этому трудно вѣрить; деревья не врастаютъ корнями въ небо, и еслибы Римъ побѣдилъ протестантство, то въ самыхъ католическихъ земляхъ онъ все-таки встрѣтилъ бы непобѣдимую оппозицію. Такъ думаютъ французскіе либералы, предоставляя новыми законами о свободѣ высшаго обученія обученіе это въ руки іезуитовъ. Сходно съ такимъ взглядомъ и мнѣніе тѣхъ протестантовъ, которые изъ ложнопонятаго консерватизма вступаютъ въ союзъ съ Римомъ, полагаясь на крѣпость протестантства въ Сѣверной Германіи. Но римская церковь думаетъ не такъ. Она никогда не скрывала своихъ притязаній и нынѣ еще полна надежды на осуществленіе ихъ. Надъ этимъ можно смѣяться, но въ политическомъ словарѣ не должно бы быть слова „невозможность“. Вѣриже—не успокаивать себя „невозможностью“, но дѣлать все, чтобы отвратить „возможность“.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

12/24 іюля, 1875.

РАБОЧИЙ КЛАССЪ И АНГЛІЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Безъ сомнѣнія, никто на континентѣ не догадывается о *socialism* Дизраэли. Что же касается меня, то я былъ увѣренъ, что рано или поздно дѣятельность его кабинета доставитъ мнѣ поводъ заговорить объ этомъ предметѣ. Также мало оцѣнена вообще заслуга, оказанная французомъ Луи Рейбо государственнымъ людямъ всѣхъ странъ, въ тотъ день, когда онъ обогатилъ словарь этимъ неологизмомъ. Какъ оказывается, изобрѣтеніе этого слова дѣйствительно принадлежитъ ему. Реформаторы, которыхъ онъ желалъ заклеить этимъ прозвищемъ, наоборотъ, стали кичиться даннымъ имъ названіемъ, какъ въ былое время извѣстные *ducks* принца Оранскаго. До сихъ поръ, въ Англіи существуетъ общество подъ послѣднимъ именемъ, въ числѣ членовъ котораго фигурируютъ самыя аристократическія имена; цѣль его состоитъ въ поощреніи социальныхъ наукъ.

Въ данное время политика, эта краеугольная наука государства общества, распалась на двѣ половины, или, вѣрнѣе, изъ нея выдѣлили незначительную часть, которая подъ наименованіемъ социализма, трактуящаго въ дѣйствительности исключительно объ экономическихъ вопросахъ, старается захватить первенствующую роль. Реформаторы, на которыхъ я только-что намекалъ, преувеличили еще эту тенденцію, а государственные люди воспользовались этимъ, чтобы упростить свои задачи. Такъ наприимѣръ, въ Лондонѣ, въ то время какъ Гладстонъ преимущественно работаетъ надъ разрѣшеніемъ политическихъ вопросовъ, Дизраэли специально занимается „*socialism*“ ными“. Въ томъ же смыслѣ, Наполеонъ III былъ также социалистъ въ своемъ родѣ: въ его царствованіе послѣдовали отмѣны и измѣненія статей уголовного кодекса, направленныхъ противъ стачекъ рабочихъ. А что происходитъ нынѣ въ средѣ англійскаго парламента? Въ одну изъ самыхъ тихихъ и миролюбивыхъ сессій, посвященныхъ разработкѣ крохотныхъ законодательныхъ вопросовъ, чисто-мѣстныхъ и узкаго характера, въ числѣ этихъ законовъ (всѣ они еще находятся въ видѣ проектовъ или биллей), изъ семи, четыре принадлежатъ къ разряду того, что принято называть „социальными“ вопросами. Именно билль о конспираціяхъ („*Conspiracy bill*“), билль о наймѣ земли („*Agricultural holding bill*“), законы объ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ и

объ обществахъ взаимной помощи. „Всѣ они, — говоритъ „Daily-Telegraph“, — касаются самой сущности животрепещущаго вопроса и, быть можетъ, предназначены открыть собою эру примиренія между трудомъ и капиталомъ“.

Теперь въ модѣ выставлѣть новымъ и исключительно современнымъ явленіемъ фактъ борьбы между рабочимъ и капиталистомъ, говоря другими словами, между бѣднымъ и богатымъ. А между тѣмъ всякій, кто потрудится прочесть со вниманіемъ одинъ изъ трактатовъ о древней политикѣ, удостовѣрится, что большинство революцій въ греческихъ республикахъ происходило вслѣдствіе постоянныхъ непріязненныхъ столкновеній бѣдныхъ съ богатыми, взаимно оспаривавшихъ другъ у друга власть. Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, Аристотель сказалъ: „неравенство — источникъ всѣхъ революцій“. Главное правило всякой политики, какъ въ наше время, такъ равно и во времена Перикла и Клеона, должно состоять въ стремленіи сгладить по возможности это неравенство и уничтожить антагонизмъ сословій, столь вредный для существованія и благоденствія государствъ. Но, отдѣлять эти вопросы подъ именемъ социализма отъ общей политики, чистая фантазія: политика — наука, одна и нераздѣльная, и всѣ отрасли ея должны развиваться совмѣстно.

Съ этой точки зрѣнія послѣ политическихъ реформъ, совершенныхъ кабинетомъ Гладстона, было бы совершенно логично привѣтствовать социальныя реформы министерства Дизраэли, еслибы онѣ были, я не скажу искренни, но дѣйствительны и серьезны. Вообще у насъ, въ Англіи, господствуютъ самыя смутныя понятія о настоящемъ положеніи нашего рабочаго класса. Съ одной стороны, еще пробавляются разсказами о маленькихъ дѣвочкахъ, съ голыми ногами, которыхъ заставляють возить въ рудникахъ, на четверенькахъ, тяжелыя тележки, нагруженныя углемъ. Другіе, вполне полагаюсь на девизъ „свободная Англія“, вѣрятъ въ совершенную независимость и равенство всѣхъ передъ закономъ. Истина находится между этими двумя крайностями.

Дѣло въ томъ, что Англія богата, даже очень богата. Въ теченіи послѣдней четверти текущаго столѣтія цифра вывоза возросла съ 50.000,000 фунт. стерл. до 250.000,000. Ввозъ повысился въ соотвѣтственной пропорціи. Съ перваго взгляда кажется, что такое громадное приращеніе богатствъ должно было, въ извѣстной степени, распредѣляться между всѣми классами общины. Но ничуть не бывало; для рабочаго класса повышенія заработной платы отъ этого не послѣдовало. Въ Биркенгедѣ, въ „Canada Engineering Works“, работники раздѣлены на тринадцать категорій: токарей, кузнецовъ и т. д. Изъ этихъ тринадцати группъ, шесть получали въ 1869 году меньшую

плату, чѣмъ въ 1856 году; три—ту же самую, и только четыре добились легкой прибавки ¹⁾. Это печальное явленіе объяснялось различно; я считаю его печальнымъ, потому что въ дѣйствительности оно составляетъ ничто иное, какъ значительное пониженіе, въ виду общаго повышенія цѣнъ на всѣ продукты, въ такомъ размѣрѣ, что сумма, достаточная двадцать лѣтъ тому назадъ на покупку предмета, теперь составляетъ лишь три четверти его стоимости. Между многими другими причинами приводили и ту, что англійское золото перешло массами на иностранные рынки; фактъ справедливъ, но не объясняетъ одинаково разбираемаго явленія.

Одинъ замѣчательный экономистъ, членъ парламента, профессоръ Фаусеттъ, даетъ болѣе удовлетворительныя объясненія. Увеличеніе массы труда первоначально и временно увеличило благосостояніе и тѣмъ самымъ способствовало къ увеличенію числа браковъ въ рабочемъ классѣ, отсюда сильное приращеніе народонаселенія и избытокъ рабочихъ рукъ. Прибавьте въ этому возвышеніе цѣнъ на продукты, произшедшее отъ увеличенія числа потребителей, затѣмъ усовершенствованіе машинъ, упразднившее большое количество рукъ—и вы получите объясненіе, столь страннаго на первый взглядъ факта, что громадное увеличеніе богатства въ государствѣ существуетъ рядомъ съ застоємъ рабочей платы и постоянною нищетою большинства населенія.

Существованіе крайней нищеты, и поразительность ея размѣровъ составляютъ факты несомнѣнные, въ особенности для Лондона. Вопросъ въ томъ, насколько виноваты въ этомъ положеніи дѣла самѣ бѣдствующіе?—Работникамъ постоянно проповѣдуется нравственность и экономія; это совершенно правильно. Въ болѣе части промышленныхъ городовъ, которыхъ такое множество въ Великобританіи, есть работники, получающіе до пяти фунтовъ стерл. въ недѣлю и болѣе и которые тратятъ все до послѣдняго фартинга. Ихъ заработокъ возвращается государству цѣликомъ посредствомъ налога на потребленіе спиртныхъ напитковъ. Но рядомъ съ этимъ, сколько другихъ гораздо болѣе многочисленныхъ случаевъ совершенно иного свойства. Возьмемъ, для примѣра, хотя условія несчастныхъ работниковъ въ докахъ, зарабатывающихъ восемнадцать шиллинговъ въ недѣлю (около шести рублей), на которые имъ приходится прокармливать семью, состоящую обыкновенно изъ пяти-шести человѣкъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ экономія будетъ состоять уже въ томъ, чтобы уберечься какъ можно искуснѣе отъ голодной смерти. Но наступилъ только злополуч-

¹⁾ Цифры эти заимствованы изъ очень дѣльнаго сочиненія м-ра Брассея: *Work and Wages*. London, 1878.

ный восточный вѣтеръ, запирающій кораблямъ входъ въ Ламаншъ, доки опустѣютъ, и вотъ несчастная семья забастовавшаго по неволѣ работника—на мостовой.

Между тѣмъ, недѣльный заработокъ въ восемнадцать шиллинговъ все еще порядочная сумма; бываетъ хуже. Если мы заглянемъ въ жалкій кварталъ, лежащій на краю восточной части города и называющійся Уайтчепель, и войдемъ въ одинъ изъ безчисленныхъ домиковъ, расположенныхъ длинными линиями, тянущимися въ убійственномъ однообразіи, мы найдемъ непременно въ нижнемъ этажѣ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: мужъ безъ работы, жена, около которой вертится съ поль-дюжины крикливыхъ ребятъ, сидитъ за шитьемъ дѣтскихъ шапокъ для мальчиковъ. Она сбываетъ ихъ торговцу по 4½ пенса за штуку (около 11 коп.). Работая безостановочно, она можетъ изготовлять по шести шапокъ въ день, а такъ какъ барышъ ея заключается въ двухъ пенсахъ со штуки, то она зарабатываетъ шиллингъ въ день, итого шесть шиллинговъ въ недѣлю. Но и это еще не худшее. Здѣсь намъ приходится вникнуть глубже въ подробности невѣроятныхъ ремеслъ и непонятныхъ по скудости своей существованій, знать о которыхъ однакоже надлежитъ какъ законодателю, такъ и филантропу. Лондонъ, какъ и всѣ прочіе большіе города, и, болѣе остальныхъ, обильно населенъ кошками и собаками. Существуютъ бѣдняки, которые промышляютъ собирая выброшенные куски негоднаго мяса и продавая его по домамъ на продовольствіе и услажденіе этихъ четвероногихъ. И что же? есть женщины, которыя находятъ средство добывать скудный заработокъ издѣліемъ вилочекъ, на которыя насаживаютъ эти обрѣзки мяса. Тысячи вилочекъ оплачивается восемью пенсами (20 копеекъ), при этомъ матеріалъ долженъ быть отъ работницы ¹⁾.

Спустившись на такую ступень нищеты, гдѣ искать нить причинъ, породившей ее?—Въ сущности ихъ три, и связаны онѣ между собою гораздо тѣснѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ: *нестыжство*, порождающее *нѣжство*, ведущее въ свою очередь къ *чрезмѣрному размноженію народонаселенію*. Меня всегда поражало, что релігіозные моралисты съ одной стороны и французскіе социалисты—съ другой, въ томъ числѣ и Прудонъ, такъ неистово возстаютъ противъ „moral restraint“ (воздержанія) и разумнаго ограниченія числа дѣтей въ семьѣ. „Moral restraint“ хотя и не составляетъ, быть можетъ, церковной добродѣтели, навѣрное входитъ въ число похвальныхъ чело-

¹⁾ „Contrasts“—сочиненіе, вышедшее безъ имени автора, посвященное лондонскимъ „rate payers“, London, 1873 г.

вѣческихъ качествъ и въ древности законодатели считали долгомъ опредѣлить, по возможности, границы размноженія. Мальтусъ только напомнилъ объ этой основной истинѣ, которую, къ несчастью, приправилъ заключеніями сомнительной справедливости. Въ этомъ ничего нѣтъ противнаго истинной нравственности, что ни говорилъ Прудонъ, призывавшій на помощь библію. Скорѣе же безнравственно заваливать приходъ и государство дѣтьми болѣе или менѣе здоровыми, безтолково распложаемыми, и чаще всего, по крайней мѣрѣ въ бѣдныхъ классахъ Англіи, зачатыми въ состояніи опьянѣнія отъ джина и виски. На это нѣтъ конечно статистическихъ данныхъ; но по всей вѣроятности пьянство играетъ роль не менѣе важную, чѣмъ простая непредусмотрительность, въ непомѣрной плодовитости одной изъ частей англійскаго населенія. Можно сослаться на всѣхъ видѣвшихъ Лондонъ: каково количество пьяныхъ, встрѣчающихся на улицахъ по вечерамъ въ субботніе дни, и таковая же пропорція, поражающая еще болѣе неприятно, пьяныхъ женщинъ— по понедѣльникамъ, потому что послѣднія избираютъ день луни (monday) или Феба для приношенія жертвенныхъ возліаній своимъ Бахусу. Причина этому самая простая и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего миеологическаго. Мужъ, отправляясь на работу въ понедѣльникъ оставляетъ женѣ деньги, нужныя на содержаніе хозяйства въ теченіи недѣли. Она начинаетъ съ того, что пропиваетъ часть ихъ, иногда же спускаетъ всю сумму, безъ остатка. Ей дѣла нѣтъ до восклицанія бѣднаго Кассіо: „Каждая лишняя чарка проклята и чортъ сидитъ въ ней 1)“. Глядя на жадность, съ которою эти несчастныя, съ блѣдными дряблыми лицами, съ повисшими щеками, и мутными глазами, глотаютъ порцію джина или виски, можно было бы скорѣе всего предположить, что стаканы ихъ наполнены струями живой воды и онѣ ищутъ на днѣ ихъ восстановленія своей красоты и молодости. Но для многихъ это только влага Леты.

Мнѣ очень хорошо извѣстно, что климатъ—сѣверъ, холодъ и сырость—являются извиненіемъ, если не утѣшеніемъ во всемъ этомъ, но, повторяю, главное тутъ—невѣжество. Въ результатъ получается пьянство, непропорціональный приростъ населенія, нищета и такъ далѣе,—весь заколдованный кругъ или, скорѣе, гибельный водоворотъ, въ которомъ вертится человекъ и спускается ниже и ниже до послѣдней ступени паденія. Надо пожить здѣсь, чтобы оцѣнить, по достоинству огромное знаніе великой шеолы англійскихъ экономистовъ, именуемой школою утилитаризма, которая служитъ дѣйствительнымъ проводни-

1) Отелло. Актъ II, сд. 5.

комъ науки и истинной нравственности. Все, что я говорю о пьянствѣ и его гибельныхъ послѣдствіяхъ, ни мало не противорѣчитъ мнѣнію, высказанному профессоромъ Фаусеттомъ, относительно вліянія благосостоянія на приращеніе населенія. Благосостояніе умножаетъ браки, а пьянство расползаетъ дѣтей какъ въ средѣ бравовъ, такъ и внѣ ихъ.

Противъ этихъ бѣдствій, рабочее населеніе имѣетъ два различныхъ средства: одно получается имъ извнѣ отъ общины; оно заключается въ важномъ отдѣлѣ англійскаго законодательства, извѣстномъ подъ именемъ законы о бѣдныхъ; другое лежитъ въ ней самой и выработано ея собственной инициативой: это — стачки.

Система закона о бѣдныхъ въ настоящемъ ея видѣ, за исключеніемъ немногихъ перемѣнъ, ведетъ начало съ царствованія Елизаветы. До временъ Ричарда II, пауперизмъ и нищенство преслѣдовались какъ преступленія и наказывались наравнѣ съ воровствомъ, хотя пользовались меньшимъ почетомъ и уваженіемъ; ибо грабительство на большой дорогѣ, совершенное съ ловкостью и удачею, входило въ разрядъ чуть-ли не рыцарскихъ подвиговъ. Это можно видѣть на примѣръ, у Шекспира въ сценѣ изъ „Генриха IV“, когда принцъ Генрихъ обсуждаетъ съ „толстымъ рыцаремъ“ сэромъ Джономъ Фальстафомъ планъ нападенія на купцовъ. Различные подвиги такого сорта повторялись еще при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI. Наконецъ, въ 1601, въ 43-й годъ царствованія Елизаветы, былъ изданъ первый законъ, положившій прочное основаніе существующей системы. Каждый приходъ обязывался содержать своихъ бѣдныхъ; для этой цѣли былъ установленъ налогъ съ жителей каждаго дома. На нѣсколькихъ обывателей, избранныхъ самими прихожанами изъ своей среды, возлагалась обязанность наблюдать, совмѣстно съ церковными старостами или попечителями, за правильнымъ распределеніемъ собранныхъ суммъ. Законъ этотъ, какъ легко вообразить себѣ, принимался медленно и встрѣтилъ большія затрудненія со стороны плательщиковъ налога, сопротивленіе которыхъ, обезсилѣвъ отъ времени, тѣмъ не менѣе еще не вполне улеглось и теперь, и отголосокъ его продолжаетъ существовать въ формѣ ропота и постоянного неудовольствія.

Въ 1691 году, законъ „Уильяма и Маріи“ потребовалъ матрикулированія бѣдныхъ: внесеніе въ реестры прихода сдѣлалось необходимымъ условіемъ для полученія пособія. Это повело къ любопытной борьбѣ между различными приходами: каждый изъ нихъ, отклоняя отъ себя лицъ, не родившихся на его территоріи и не внесенныхъ раньше въ его книги, старался въ то же время

свалить косвенными путями съ своихъ плечъ и своихъ бѣдныхъ. Но самая важная мѣра была введена въ 1723 году, при Георгѣ I. До той поры бѣдные получали пособія на дому, имъ выдавалось такъ называемое здѣсь „out door relief“. Новое постановленіе запретило эти выдачи и издало приказъ, чтобы отнынѣ всѣ бѣдные содержались и призрѣвались въ специальныхъ зданіяхъ, отведенныхъ для этой цѣли: отсюда возникли извѣстные „Workhouses“, т. е. рабочіе дома призрѣнія, имя которыхъ пробуждаетъ, иногда несправедливо, столько печальныхъ и мрачныхъ мыслей. Позднѣе, въ концѣ XVIII столѣтія было снова разрѣшено выдавать небольшія пособія на сторону, въ видѣ добавленія къ недостаточной заработной платѣ.

Какъ бы то ни было, система водворилась. Въ 1801 году, налогъ для бѣдныхъ доставилъ четыре милліона фунтовъ стерл. Въ 1820 онъ достигъ громадной цифры семи милліоновъ. Были приходы, гдѣ всѣ землепашцы были поголовно занесены въ реестръ бѣдныхъ; доходъ отъ пособія превышалъ то, что они могли зарабатывать, и еще увеличивался въ случаѣ женитьбы на бѣдной и особенно въ случаѣ рожденія дѣтей. Подобное положеніе не могло продолжаться. „Этимъ путемъ—воскликнулъ наконецъ одинъ изъ членовъ парламента,—нищета совершенно проглотить собственность“. Первая коммиссія, созванная по этому вопросу въ 1817 году, не привела ни къ какому результату. Въ 1832 учреждена была вторая коммиссія, и труды участвовавшихъ въ ней членовъ привели къ закону 1834 года, дѣйствующему донинѣ. Пособія снова, по возможности, сосредоточены на рабочихъ домахъ и центральная власть, *Public Board* (замѣнившая коммиссію въ 1848 году), контролируетъ администрацію. Расходы на бѣдныхъ уменьшены были на половину ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе они все еще и до сихъ поръ весьма значительны; *poor-rates* составляетъ самый тягостный налогъ для плательщиковъ податей Соединеннаго Королевства. Распрежденіе его особенно безобразно въ Лондонѣ. Столица эта, какъ извѣстно, состоитъ изъ нѣсколькихъ приходовъ, ведущихъ свои дѣла отдѣльно. Изъ этого происходитъ слѣдующее. Въ то время, какъ въ богатыхъ кварталахъ, напримѣръ въ окрестностяхъ Гайдъ-Парка, платится налога для бѣдныхъ восемь фунтовъ въ годъ, съ дома, наемная сумма котораго опредѣлена въ семьдесятъ фунтовъ, въ приходѣ Св. Панкратія, идущаго отъ Гемстида къ центру города и обнимающаго самые бѣдные кварталы, взимается налогъ въ тринадцать фунтовъ съ дома равной стоимости.

¹⁾ Бѣдные приходы соединяются между собою для содержанія своихъ рабочихъ домовъ.

Но несмотря на все, скажемъ смѣло наше мнѣніе, что, несмотря на всѣ злоупотребленія и недостатки, несмотря на скандальное поведеніе администраціи нѣкоторыхъ рабочихъ домовъ, пока будутъ существовать нищія и пауперизмъ не изсякнетъ, существующіе законы слѣдуетъ признать хорошими въ принципѣ и сносными въ примѣненіи. Въ научной политикѣ давно уже признается за аксіому правило, что община обязана обеспечивать существованіе всѣмъ своимъ членамъ. Это отнюдь не открытіе современнаго социализма. „Государство не должно допускать никого нуждаться въ необходимомъ“, говоритъ Аристотель. Англія, съ помощью своего закона о бѣдныхъ, удовлетворяетъ все-какъ этому требованію. Сомнѣваюсь, чтобы гдѣ бы то ни было въ другихъ странахъ существовало такое определенное, такое грубое, отважусь я сказать, примѣненіе великаго принципа государственной власти; впрочемъ, мнѣ уже не впервые придется указывать на ея проявленія въ такъ называемой классической странѣ индивидуализма. Замѣтимъ, что рабочіе дома, какъ и множество другихъ британскихъ общественныхъ учрежденій, значительно улучшились въ послѣднее время, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Если необходимость разлучать членовъ семьи и представляется весьма жестокою мѣрою, въ случаѣ крайней нищеты или болѣзни, все же она предпочтительнѣе безпомощной и безотрадной смерти.

Другое средство противъ нищеты англійскіе рабочіе находятъ въ устройствѣ стачекъ. Объ этомъ предметѣ уже столько говорено и онъ такъ часто и подробно былъ изслѣдованъ въ вашемъ журналѣ, что останавливаться на немъ совершенно излишне. Я удовольствуюсь напоминаніемъ нѣсколькихъ фактовъ. Только въ 1825 году были уничтожены „Combination Laws“, т.е. законы противъ стачекъ и ассоціацій. До этого рабочіе классы находились въ невыносимомъ положеніи, которое, начиная съ этого времени, стало постепенно улучшаться. Союзы ремесленниковъ (Trades'Unions) съ той поры начали умножаться. Шеффилдскія событія, на одинъ моментъ, бросили тѣнь на эти ассоціаціи. Но общественное мнѣніе, сбитое съ толку несомнѣнно исключительными обстоятельствами, мало по малу вернулось къ правильной оцѣнкѣ дѣйствительности. Занялись изслѣдованіемъ дѣла и это привело къ признанію справедливыхъ требованій работниковъ, и уже въ 1871 г. посредствомъ „Trades'Unions Act“ дано ассоціаціямъ право легальнаго существованія. Но въ то же время, имѣли несчастную мысль издать другой законъ „Criminal Law amendment Act“, въ силу котораго въ случаѣ оскорбленій, дракъ и т. п. между рабочими, примѣнялись уголовные законы. Ничего неудачнѣе этого не могло быть, потому что это значило отни-

мать одной рукой то, что давали другой, и продолжать поддерживать кастовое неравенство передъ закономъ, которое съ такимъ удивленіемъ встрѣчаешь въ Англии. Слѣдуетъ указать на стремленіе союзовъ соединиться между собою. Такъ соединенное общество механиковъ, инженеровъ и проч. насчитываетъ до двѣнадцати тысячъ членовъ и имѣетъ въ своей кассѣ двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ прошедшемъ году, двое изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей и вождей союзовъ, А. Макдональдъ и Бёртъ, были избраны въ члены парламента, какъ я уже имѣлъ случай сообщить.

Главною задачею ихъ было добиться отгѣны законовъ, направленныхъ противъ рабочаго класса, каковы „Criminal Law amendment Act“, „Masters and Servants“ и „Conspiracy laws“. Дизраэли отнесся съ полною готовностью къ проведенію социальныхъ реформъ, составляющихъ специальность его администраціи; была назначена комиссія, въ составъ которой вошли члены всѣхъ отгѣнковъ, между прочемъ и м-ръ Макдональдъ. Назначеніе комиссіи было встрѣчено, нельзя скрыть этого, съ содроганіемъ со стороны заинтересованныхъ, знающихъ отлично неторопливость, отличающую обыкновенно этотъ способъ веденія дѣлъ. Однако Дизраэли заставилъ внести недавно въ палату два закона, имѣющіе цѣлью установить отношенія между хозяевами и рабочими на болѣе справедливыхъ основаніяхъ: „два закона,—говоритъ „Saturday Review“,—которые докажутъ свое безпристрастіе тѣмъ, что не удовлетворяютъ равно ни хозяевъ, ни рабочихъ“. Дѣйствительно „Employers and Workmen bill“ (билль о нанимателяхъ и рабочихъ), „Conspiracy“ и „Protection of Property bill“ (билль о заговорахъ и о покровительствѣ собственности), хотя и смягчаютъ наказанія, но продолжаютъ сохранять въ прежнемъ видѣ неравенство. Работники, служители и проч. по прежнему подлежатъ тюремному заключенію въ случаѣ нарушенія контракта, отъ чего изъяты хозяева. Только сокращенъ срокъ ихъ заключенія на двѣнадцать дней. Съ другой стороны, по статьямъ законовъ, касающимъ стачекъ и огражденія правъ собственности, рабочіе опять-таки присуждаются къ трехмѣсячному заключенію, если нарушеніе контракта происходитъ на общественныхъ работахъ, къ которымъ причислены снабженіе водою и газомъ. По поводу всего этого „Examiner“, радикальный органъ, говоритъ: „разсматривая эти два новыхъ закона, мы не можемъ удержаться отъ заявленія, что, по нашему мнѣнію, они оба заключаютъ порядочную дозу лицемерія“.

Несчастье состоитъ въ томъ, что „соціализмъ“ м-ра Дизраэли, пріобрѣтая ему мало друзей въ рабочемъ классѣ, порождаетъ ему много враговъ среди деревенской джентри, которая чувствуетъ мало довѣ-

рія къ такому сомнительному торю. Вдобавокъ премьеръ выказываетъ утомленіе: его парламентскій походъ, въ нынѣшнемъ году, былъ очень неблестящій. Въ этомъ у него есть извиненіе: уже съ годъ,—я это знаю изъ вѣрнаго источника,—его здоровье сильно хромаетъ. Отъ прежняго блестящаго Конингеби остается уже весьма мало, уцѣлѣла развѣ иронія, принявшая нынѣ болѣзненный характеръ и которая, какъ кажется, слишкомъ часто и слишкомъ ядовито направляется имъ на своихъ сотоварищей. Къ счастью, онъ имѣетъ даръ залечивать нанесенныя имъ раны добродушіемъ и любезностями. Тѣмъ не менѣе уже поговариваютъ о преемникѣ, по крайней мѣрѣ партія начинаетъ намѣчать для будущаго—сэра Стаффорда Норткота. А впрочемъ, быть можетъ, еще на нѣкоторое время все пойдетъ по старому.

Избавляю васъ отъ разбора другихъ соціальныхъ реформъ, касающихся *найма* земли; реформы эти еще менѣе интересны, чѣмъ предыдущія по своей ничтожности. Я бы не сталъ также говорить и о биллѣ касательно торговыхъ судовъ, еслибы не произошло по поводу его важнаго столкновенія въ тотъ самый моментъ, когда я пишу. Палата общинъ была вчера (10/22 іюля) свидѣтельницей скандала, который останется надолго пятномъ на лѣтописяхъ британской репутабельности. Послѣ эпизода Кинили—событіе Плимсолля, ужасное послѣ смѣшного, —этого ужъ чересчуръ много для одной сессіи!

М-ръ Плимсолль—членъ парламента отъ Дерби и нѣсколько лѣтъ сряду уже посвятилъ преслѣдованію задачи чисто филантропическаго характера. Онъ предпринялъ защитить отъ смерти множество несчастныхъ матросовъ, погибающихъ ежегодно жертвами безопасности и черствой скупости судовладельцевъ—торговаго флота. Публикѣ вообще мало извѣстно, что большинство кораблекрушеній происходитъ отъ дурнаго состоянія судовъ; но это хорошо извѣстно самимъ хозяевамъ. Еще недавно указывали на фактъ, что одно судно было такъ старо и негодно, что продавалось хозяевами на дрова и въ ломъ, но нашелся покупатель, который взялъ его цѣликомъ, поправилъ на скорую руку, подкрасилъ, подчистилъ, далъ ему новое имя и спустилъ въ море съ экипажемъ, обреченнымъ на добычу волнамъ и рыбамъ, что и совершилось при третьемъ плаваніи. Противъ этихъ-то и подобныхъ злоупотребленій, Плимсолль и рѣшился вести борьбу. Записки, памфлеты, рѣчи, время и деньги,—онъ не щадилъ ничего; его имя между моряками прославилось точно имя ангела-хранителя. Но публику онъ утомилъ несмотря на эту популярность; во Франціи его уже подняли бы давно на смѣхъ, и даже, быть можетъ, какому-нибудь вліятельному судовладельцу удалось бы

засадить его, какъ маниака, въ домъ умалишенныхъ. Въ Англіи есть по крайней мѣрѣ, за вѣнчаніемъ лучшаго, хорошая привычка не смѣяться надъ искренними людьми, работающими надъ серьезными задачами.

Дѣло въ томъ, что такъ или иначе великодушными услія члена отъ Дербн были близки къ увѣнчанію. Билль о торговомъ мореплаваніи стоялъ на очереди, когда Дизраэли объявилъ, что, по неотложности другихъ дѣлъ, этотъ вопросъ откладывается до слѣдующей сессіи. Послѣ этого-то и разыгралась „необыкновенная сцена“, какъ выразились газеты. Плимсолль всталъ въ состояніи сильнаго возбужденія и произнесъ свое обвиненіе противъ правительства и „судохозяевъ съ кровавыми стремленіями (shipowners of murderous tendencies), находящихся въ стѣнѣ палаты и въ средѣ ея“. Посыпались протесты, крики, призывы къ порядку. „Безъ обиняковъ, называйте!“ кричали ему со всѣхъ сторонъ. „Вы хотите именъ,—отвѣтилъ ораторъ, и обращаясь, по английскому обыкновенію къ спикеру,—хорошо, милостивый государь! Объявляю, что въ будущій вторникъ я внесу слѣдующій запросъ въ торговый совѣтъ и попрошу его прислать въ палату отвѣтъ о нижеслѣдующихъ корабляхъ: Thetis, Melbourne, Norah Grey, погибшихъ въ 1874 году, съ 87 человѣками, о Foundling, покинутыхъ въ нынѣшнемъ году,—я спрошу у Sydney Case торговаго совѣта, не составляютъ ли всѣ эти корабли собственность Эдварда Батса, члена отъ Плимута... Я принялъ рѣшеніе сорвать маску съ мерзавцевъ (villains), посылающихъ столькихъ людей на вѣрную смерть и гибель!“ На приглашеніе взять свои слова назадъ, Плимсолль отвѣтилъ отказомъ. Дизраэли всталъ тогда и потребовалъ, чтобы оратору былъ сдѣланъ выговоръ. Вслѣдъ за этимъ Плимсолль оставилъ палату, крича и показавъ кулакъ большинству, оппозиціи и спикеру. Ему данъ восьмидневный срокъ для явки и представленія объясненій своего поступка.

Сцена вышла рѣзкая, „shoking“—до крайности. Сквайры готовились видѣть паденіе стѣнъ Вестминстера и имъ казалось, что волосы на почтеномъ парикѣ президента поднимаются дыбомъ отъ ужаса. Но Плимсолль все-таки правъ, и всѣ журналы почти безъ исключенія становятся на его сторону, хотя и винятъ его въ нарушеніи приличій. Отсрочка закона непременно повлечетъ за собой смерть нѣсколькихъ людей, въ теченіи будущей зимы, потому что ихъ отправятъ въ море на гнилыхъ судахъ. „Это сущая правда,—говоритъ Pall-mall Gazette,—и въ виду такого результата, трудно придумать, что скажетъ правительство въ свое оправданіе“. „Хотя мы и сожалѣемъ, что произошла такая бурная сцена,—говоритъ „Times“,—

но это нисколько не уменьшаетъ нашихъ симпатій къ человѣку, допустившему себя до нея". Словомъ, это плохая исторія для кабинета и заслуженная пощечина для нѣкоторыхъ людей, смотрящихъ уже черезчуръ легко на жизнь своихъ подчиненныхъ.

Внѣшняя политика болѣе благопріятствовала правительству. По крайней мѣрѣ оно сочло возможнымъ похвалиться вмѣшательствомъ державъ въ франко-нѣмецкое столкновение. По словамъ нѣкоторыхъ восторженныхъ органовъ журналистики, Англія возвратила себѣ прежнее вліяніе на европейскія дѣла и „непреклонное поведение“ лорда Дерби чуть ли не заслонило собой все и не заставило забыть весьма существенныя дѣйствія Россіи. Но Россія, однако же, занимала, болѣе чѣмъ когда-нибудь, англійскую прессу въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ. „Saturday Review“, избравшій себѣ, кажется, роль стража Средней Азій, печаталъ статью за статью, подъ заголовками „Россія и Европа“, „Россія и Англія“ и т. д.; каждую субботу неминуемо являлись тутъ длинныя статьи объ этомъ предметѣ. Выписываю лишь нѣсколько строкъ, которыя служатъ подтвержденіемъ моего мнѣнія о возможности будущаго англо-германскаго союза ¹⁾. Упомянувъ о дружескихъ связяхъ, соединяющихъ Германію съ Россією, торійскій журналъ прибавляетъ: „но Германія слишкомъ близко граничитъ къ Россіи, она слишкомъ могущественна и опасна для того, чтобы на успѣхи ея смотрѣли съ полнымъ удовольствіемъ. Русская цивилизація въ сильной степени—нѣмецкаго происхожденія, и русскіе, по обще-человѣческимъ свойствамъ, необходимо должны ненавидѣть тѣхъ, кто былъ имъ полезенъ, и отплатить обычною за то монетою. Германія заняла теперь то мѣсто, которымъ въ былое время стремилась завладѣть Франція, для того, чтобы подорвать московское честолюбіе. Дунай защищается нынѣ въ качествѣ нѣмецкой рѣки, по примѣру того, какъ нѣкогда Франція покровительствовала Константинополю, считая его ключомъ такъ-называемаго французскаго овера“ (№ 22, май). Какъ видите, это не безъ желчи! Въ № отъ 26 іюня въ томъ же изданіи обращено вниманіе на статью „Кельнской Газеты“, выразившей самыя теплыя чувства по поводу союза Германіи съ Англією и также коснувшейся неизсягаемой тѣмъ центральной Азій! „Дѣйствительно,—разсуждаетъ въ свою очередь англійская газета,—Россія не перестаетъ подвигаться къ Индіи и всѣ ея стремленія направлены къ тому, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ будущія желѣзныя дороги въ Азій. Проекты желѣзной дороги, собирающіе Пешауеръ или Герать конечной точкой линій, воз-

¹⁾ См. выше „Корреспонденція изъ Лондона“, февраль.

никаютъ, конечно, не изъ торговыхъ цѣлей. Правительство и народъ Англіи не имѣютъ ни права, ни власти препятствовать успѣхамъ Россіи въ Средней Азіи, а потому было бы приличнѣе и умиѣе прикрываться равнодушіемъ, чѣмъ обнаруживать гнѣвъ и зависть, которымъ суждено оставаться безплодными“.

„Эдинбургское Обозрѣніе“ въ послѣдней книжкѣ (іюль) воспользовалось этимъ совѣтомъ, чтобы написать панегирикъ Россіи и ея поступательному движенію въ Среднюю Азію. Оно доказываетъ, что въ этомъ случаѣ Россія просто повинуется, какъ и англичане въ Индіи, „необѣдимой силѣ обстоятельствъ“. „Times“, до нѣкоторой степени, одобряетъ эту статью, но съ помощью различныхъ литературныхъ ухищреній кончаетъ тѣмъ, что придаетъ совершенно иной оборотъ вопросу. „Неизбѣжны ли или нѣтъ успѣхи Россіи, — говоритъ онъ, — но дѣло въ томъ, что они очевидны. Она занимаетъ всѣ главные рынки своими товарами и стремится вытѣснить наши, посредствомъ пошлинъ, которыми она ихъ облагаетъ... Вдобавокъ политика Россіи и Англіи въ Европѣ идетъ по различнымъ путямъ, выражаясь умѣренно. Хотя обѣ державы въ настоящее время состоятъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, но онѣ способны разойтись въ мнѣніяхъ относительно Турціи, а такъ какъ онѣ уже ссорились по поводу этой затруднительной націи, то существуетъ возможность новой ссоры. Мы надѣемся, что этого не будетъ. Но дипломатія и стратегія занимаются существующимъ и охраненіемъ его, а не желаніями. Мы должны приготовиться къ моменту, когда Россія переступитъ границы Афганистана, при помощи обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, которыя дадутъ ей средство передвигать войска въ нѣсколько недѣль, или же къ тому моменту, когда намъ, быть можетъ, придется помѣряться съ ней силами въ Европѣ, а она будетъ имѣть способъ поднять противъ насъ нашихъ подданныхъ на Востокѣ, которые ненавидятъ наше иго, — не высылы даже ни одного изъ полковъ своихъ къ сѣверо-западной границѣ“ („Times“, 21-го іюля). Я нарочно сдѣлалъ всю эту выписку изъ газеты, служащей органомъ англійскаго общественнаго мнѣнія, чтобы показать, до какой степени она вышла изъ безцвѣтнаго и вялаго тона, которымъ доселѣ говорила объ этомъ предметѣ. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ моихъ недавнихъ словъ, а именно, что безцвѣтность эта была лишь временная и перейдетъ въ болѣе энергическую рѣчь при первомъ поводѣ. На всякій случай, въ предвидѣніе будущихъ усложненій, здѣсь разсудили, что не дурно было бы привлечь къ себѣ по возможности „восточныхъ подданныхъ“ и посѣщеніе индійскихъ владѣній принцемъ Уэльскимъ, проектируемое съ нѣкотораго вре-

мени, теперь окончательно рѣшено, голосовано и оплачено. Говоря, что оно „оплачено“, я нѣсколько преувеличиваю, такъ какъ 142,000 фунтовъ, ассигнованные парламентомъ, конечно, не покроютъ всѣхъ издержекъ. Въ сущности, никто не доволенъ, ни радикалы и работники, находящіе, что дали слишкомъ много, — ни противоположная сторона, находящая, что дано мало. На самомъ дѣлѣ, въ подобныхъ случаяхъ, нужно давать все или ничего. Конечно, лучше было бы послѣднее, съ точки зрѣнія бюджета. Но смотря на это путешествіе какъ на политическую необходимость, слѣдовало устроить его на широкую ногу. Не надо забывать, что дѣло идетъ о посѣщеніи страны великаго Могола и Голкондскаго золота, гдѣ сто-пятьдесятъ вѣнценосныхъ данниковъ собираются истратить въ честь гостя коронную долю милліоновъ, получаемыхъ ими съ индійскихъ подданныхъ Великобританіи. Какую роль будетъ играть принцъ предъ обществомъ Пенджаба, которое открываетъ въ настоящее время подписку на 20,000 ф. для устройства ему встрѣчи и шлетъ адреса въ духѣ и стилѣ „Тысячи и Одной Ночи“, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго образчика: „Адресъ пенджабскаго общества: чистѣйшей, величайшей изъ жемчужинъ короны верховной власти, королевской жемчужинѣ, достойной всякаго счастья и благополучія, — его королевскому высочеству, *видимому наслѣднику*, властителю міра и міровъ, князю вселенной!.. Да сниспошлетъ Господь долгиа лѣта и счастье принцу королевства. Для насъ король—тѣнь Бога на землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ея августѣйшее королевское величество, королева королевства, есть тѣнь Бога на землѣ, а ваше королевское высочество—отблескъ ея тѣни. Ея августѣйшее величество—облако, орошающее всѣхъ милостями, а ваше королевское высочество—распредѣлитель щедротъ“ и т. д. Какая роскошь и щедрость могутъ стать въ уровень съ подобными похвалами и оправдать ихъ. Очевидно, что принцу, по возвращеніи, придется просить дополненія къ полученному кредиту,—это болѣе чѣмъ вѣроятно.

Путешествіе чуть не разстроилось въ виду войны, которая, казалось, неминуемо должна была завязаться съ бирманскимъ королемъ. Нѣкто Маргари былъ недавно убитъ китайцами въ китайскихъ владѣніяхъ, прилегающихъ къ Бирмѣ, и пекинское правительство отозвалось невозможностью дѣйствовать своею властью. Тогда вице-король Индіи рѣшился послать войска для отысканія и наказанія виновныхъ. Приходилось переходить черезъ бирманское королевство, но король пожелательно отказывался пропустить англійскія войска черезъ свою территорию. Депеши оповѣщали о немзбѣжности войны, но послѣдняя телеграмма лорда Нортбрука сообщила о возможности соглашенія.

Вѣроятно это не болѣе какъ отсрочка, такъ какъ индійскія власти, кажется, твердо держатся намѣренія присоединить территорію бѣлаго слона. Извѣстно, что послѣдняя война съ Бирмой привела уже къ присоединенію королевства Пегу.

Лондонскій „сезонъ“ кончается посреди проливныхъ дождей, которые еще ускоряютъ разѣздъ лондонцевъ, спѣшащихъ укрыться подъ болѣе благорастворенныя небеса. Великобританія не избѣжала также бѣдствія наводненій и жители ея, подписавшись на значительныя суммы въ пользу пострадавшихъ на югѣ Франціи, должны были перенести свои заботы на домашнія невзгоды, которыя, къ счастью, не могутъ сравниться съ ужасными бѣдствіями, разразившимися надъ Тулузою.

Сезонъ 1875 года тѣмъ не менѣе былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ. Никогда еще артистическій вкусъ, составляющій отличительный признакъ и прелесть цивилизованныхъ націй, не проявлялся съ такою яркостью. Въ нынѣшнемъ году лондонское общество оказало значительные успѣхи по части пониманія изящнаго. На первомъ планѣ приходится отмѣтить успѣхъ, выпавшій на долю Рихарда Вагнера и оперы его „Лоэнгринъ“. Въ лѣтній сезонъ два театра даютъ здѣсь оперныя представленія: „Королевская опера“, помѣщающаяся въ обширной залѣ Ковентъ-Гардена, гдѣ подъ ученымъ и искуснымъ управленіемъ г. Джаа намъ досталось наслажденіе слушать Фора и Патти; потомъ „Her majesty opera“, временно занимающій зданіе Дрюри-Лэна, гдѣ звѣздами являются г-жи Нильсонъ и Титіенсъ. Въ нынѣшнемъ году, въ первый разъ оба театра поставили „Лоэнгринъ“. Ковентъ-Гарденъ опередилъ приготовленія своего соперника и передъ залой, переполненной восторженными зрителями, развернулась поэтическая картина мелодической любви Эльзы брабантской и рыцаря Лебеда (г-жа Альбани и теноръ Николинни).

Мы пережили свою войну Глюкистовъ и Пиччинистовъ; теперь она окончена и наступилъ миръ или, вѣрнѣе, какъ въ минувшее время Глюкъ, такъ теперь Вагнеръ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы. Честь этой побѣды должна быть приписана, главнымъ образомъ, г. Джаа. Ему принадлежитъ инициатива этого дѣла въ Англіи; тщательность и роскошь постановки „Лоэнгринъ“ свидѣтельствуютъ объ его вкусѣ и щедрости.

„Лоэнгринъ“ на Дрюри-Лэнской сценѣ имѣлъ также большой успѣхъ. Тамъ была не малая приманка: г-жа Нильсонъ въ роли Эльзы. Всѣ условія были за нее, ея внѣшность, я скажу даже, ея національность. Дочь Скандинавіи, она какъ разъ была на своемъ мѣстѣ въ этой легендѣ сѣвера. Къ несчастью, во многихъ мѣстахъ партитура написана

слишкомъ низко для ея высокаго soprano. Что же касается до тенора Компанини, то онъ принадлежитъ къ категоріи несомнѣнныхъ пѣвцовъ, поющихъ безъ голоса. Наконецъ, хотя для Ортруды и не обязательно являть особенную стройность и зѣрность, но г-жа Тиенсъ пользуется чрезчуръ роскошною полнотою, чтобы фигурировать прилично въ этой воздушной и призрачной поэмѣ, гдѣ лебеди и голуби воятъ безъ малѣйшаго усилія рыцарей въ полномъ вооруженіи.

Въ этомъ театрѣ всѣ лавры принадлежатъ по преимуществу оркестру и хорамъ, исполненіе которыхъ достигло почти полнаго совершенства. Въ результатѣ всего этого, Вагнеръ и его музыка прочно водворены на англійскую территорию, къ великому удовольствію серьезныхъ любителей искусства.

Не малое торжество было доставлено послѣднимъ также поворотомъ пристрастія публики къ Шекспиру и „Гамлету“, въ роли котораго Ирвингъ такъ отличался въ театрѣ „Lyceum“. Я уже говорилъ объ этомъ ранѣе. Успѣхъ „Гамлета“ повлекъ за собой другой успѣхъ. Итальянскій трагикъ, несомнѣннаго таланта, Сальвини, игралъ Отелло въ теченіи всего сезона, въ большиимъ успѣхомъ. Весь Лондонъ смотрѣлъ его или стремился его видѣть и не напрасно. Онъ пробовалъ также играть Гамлета, но съ гораздо менѣе удовлетворительнымъ результатомъ. Оно и понятно: Гамлетъ, настоящая шекспировская драма, вся изъ психическихъ тонкостей и написанная широкой манерой Эсхила. Не думаю, чтобы итальянецъ или французъ совладали вполне съ этой ролью, развѣ, быть можетъ, Фредерикъ Леметръ. Но традиціи великой его школы утрачены, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Драма „Отелло“, напротивъ, гораздо ближе подходитъ къ французской и итальянской трагедіи Расина и Альфьери, составляющей усовершенствованное подражаніе римской трагедіи Сенеки, а вовсе не греческому театру, какъ ошибочно думаютъ. Кромѣ того, съ помощью нѣкоторыхъ пропусковъ, шекспировскій Отелло сглаженъ и еще болѣе приближенъ къ типу такъ-называемой классической драмы. Въ этой роли у Сальвини есть превосходные моменты, но есть масса другихъ, въ которыхъ онъ слишкомъ плаксивъ. Ужасающій реализмъ движенія, съ которымъ онъ перерѣзываетъ себѣ горло, заставилъ нѣсколькихъ женщинъ лишиться чувствъ, что, разумѣется, привлекло множество другихъ. Эта сцена у него положительно прекрасна и поразительна, но вовсе не классична, т.-е. не вычурна. Въ итогѣ, исключая указаннаго недостатка, о Сальвини можно сказать, что онъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ современныхъ актеровъ.

Мнѣ остается уже немного мѣста для отчета о выставкѣ въ „Royal Academy“. По правдѣ сказать, я радъ этому и было бы еще лучше обойти ее совсѣмъ молчаніемъ. Милле остался ниже обыкновеннаго своего уровня, а остальные не поднялись съ своей низкой ступени. Однакоже я обязанъ упомянуть объ одной юной артисткѣ, которой предстоитъ, какъ кажется, занять въ будущемъ почетное мѣсто между знаменитостями. Это—миссъ Элизабета Томпсонъ. Она выступила въ прошломъ году съ замѣчательной картиной, представляющей сборъ взвода англійскихъ солдатъ послѣ битвы въ Крыму (the Roll-Call). Въ нынѣшнемъ году выставленная ею картина изображаетъ эпизодъ сраженія при Катръ-Бра, происшедшаго за два дня передъ Ватерлоо. Миссъ Томпсонъ избрала жанръ Ораса Верне. Англійскій 28-й полкъ, построенный въ каре, обороняется отъ атаки французскихъ кирасиръ и польскихъ уланъ. Артистка не любитъ писать большихъ масокъ, интересъ у нея сосредоточивается на подробностяхъ, на мозахъ солдатъ, на физиономіяхъ, по большей части молодыхъ и забубенныхъ, выраженіе лицъ которыхъ дѣйствительно замѣчательно хорошо схвачено. Это было лучшею вещью нынѣшняго салона, помимо всякаго патриотизма. Миссъ Томпсонъ еще очень молода, и по всей вѣроятности пойдетъ далеко.

Такъ какъ я уже говорилъ въ прошедшемъ письмѣ о комитетѣ, учрежденномъ для сооруженія памятника лорду Байрону, мнѣ слѣдуетъ сообщить объ измѣненіи, счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ, первоначальнаго проекта. Статуя поэта будетъ поставлена въ Лондонѣ. Дизраэли предсѣдательствовалъ на митингѣ, собиравшемся на дняхъ по этому поводу. Желательно, чтобы памятникъ благородному лорду былъ исполненъ поэзіяциѣ и не увеличилъ собою числа странныхъ монументовъ, „безобразіе которыхъ, — скромно сознается „Times“, — поражаетъ удивленіемъ иностранцевъ, посѣщающихъ Лондонъ“.

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

V *).

НАВОДНЕНІЕ.

Великое бѣдствіе посѣтило Францію. Бассейнъ Гаронны, превращенный страшнымъ наводненіемъ въ озеро, въ теченіи недѣли кишилъ трупами и всевозможными обломками. Жертвы насчитываются сотнями, матеріальные убытки оцѣняются въ милліоны. Давно уже не происходило такой колоссальной драмы на такой обширной сценѣ. Цѣлая часть страны погружена въ слезы и нищету. Вотъ уже мѣсяць, какъ раздаются одни рыданія. Парижъ прожилъ недѣлю въ тяжкомъ кошмарѣ, ужасовъ, совершившихся тамъ, въ глубинѣ черныхъ волнъ. Считали утопленниковъ, подводили итоги разрушенныхъ домовъ, словомъ, жили воображеніемъ посреди пострадавшаго населенія, и теперь еще дрожь не прошла, сердце сжимается. Конечно, помощь является со всѣхъ сторонъ, открываются подписки, и благотворительность никогда еще не оказывала болѣе щедрыхъ усилій; но полученная рана такъ глубока, что залечивать ее придется долго.

О чемъ возможно говорить среди всеобщаго унынія? Всякій разговоръ невольно переходитъ на потрясающіе эпизоды ужасной катастрофы. Я не могу не поддаться общему теченію и говорить о чемъ-либо иномъ, какъ о наводненіи. Мнѣ только-что случилось бесѣдовать съ очевидцемъ, старымъ крестьяниномъ изъ села Сень-Жори, нынѣ вполне уничтоженнаго. Никогда не слыжалъ я ничего трагичнѣе, рассказанной имъ, его собственной исторіи; въ свою очередь, я повторю его рассказъ, онъ обрисовываетъ достаточно всѣ ужасы бѣдствія. Слезы текли, слушая крестьянина. Я бы желалъ вызвать вездѣ такія же слезы и заставить ихъ течь не бесплодно, а вдохнуть во всѣхъ потребность придти на помощь несчастнымъ.

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441 стр.; май, 482 стр.; июнь, 874; июль, 881 стр.

I.

Зовутъ меня Луи Рубль, мнѣ семьдесятъ лѣтъ отъ роду; родился я въ селеніи Сентъ-Жори, лежавшемъ въ нѣсколькихъ лѣ отъ Тулузы, по верховью Гаронны. Четырнадцать лѣтъ бился я съ землей изъ-за одного хлѣба. Наконецъ, добился до достатка и, не болѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ, былъ еще самымъ богатымъ фермеромъ всего околотка. Нашъ домъ казался благословеннымъ. Счастье пустило въ немъ корни. Солнце дружило намъ, и я уже не помню плохого урожая. На фермѣ, въ этомъ привольѣ, жило насъ около дюжины человѣкъ. Во-первыхъ, самъ я, еще бодрый, работалъ во главѣ семьи; затѣмъ, мой братъ Пьеръ, старый холостякъ, отставной сержантъ, моложе меня нѣсколькими годами; затѣмъ, сестра Агата, поселившаяся у насъ послѣ смерти своего мужа, король-баба, огромнаго роста и такая веселая, что смѣхъ ея слышенъ былъ на другомъ концѣ деревни, когда она, бывало, раскохочется. А вслѣдъ за ней и весь выводокъ: сынъ Жакъ, его жена Роза и ихъ три дочки: Эмэ, Вероника и Мари; старшая замужемъ за Сиприеномъ Бонисономъ, рослымъ молодцомъ, отъ котораго у нея было двое малютокъ, одинъ по третьему году и второй десятимѣсячный. Вторая дочь была просватана съ прошедшаго мѣсяца и должна была выдти замужъ за Гаспара Работо, и младшая, настоящая барышня, шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, да такая бѣлая и бѣлокурая, что, казалось, будто она не могла родиться иначе, какъ въ замкѣ. Счетомъ всѣхъ, слѣдовательно, было десять. Какъ видите, немногимъ не доставало до дюжины. Я былъ дѣдомъ и прадѣдомъ. Когда мы сажались за столъ, сестра Агата садилась по правую мою руку, а братъ Пьеръ по лѣвую, дѣти разсаживались кругомъ, по старшинству лѣтъ, и лѣстница головъ шла, понижаясь, до десятимѣсячнаго малютки, который ѣлъ свой супъ уже какъ взрослый. Послушали бы вы, какъ постукивали ложки по тарелкамъ! Выводокъ ѣлъ исправно. И что за доброе веселье бывало у насъ между двумя глотками. Я чувствовалъ, какъ гордость и счастье разогрѣвали мою кровь, когда ко мнѣ протаскивались руки съ возгласомъ:

— Дѣвушка, передай-ка намъ хлѣбца... да ломтикъ-то потолще отрѣжь!

Хорошіе то были дни. Ферма за работой звучала пѣснями, отъ крыльца до чердака. По вечерамъ, братъ Пьеръ заводилъ игры, рассказывалъ исторіи о своемъ полку. Тетуска Агата, по воскресеньямъ, пекла лепешки для нашихъ дѣвочекъ. Мари умѣла пѣть гимны, и какъ жѣ она выводила эти гимны своимъ голоскомъ, что у твоего

пѣвчаго. Она была похожа на святую, съ бѣлосурными волосами по плечамъ, со сложенными поверхъ фартука рученками.

Домъ надстроили однимъ этажемъ, когда Эмѣ вышла за Сиприена, и мы, бывало, въ шутку говоримъ, что придется опять строиться послѣ свадьбы Вероники и Гаспара, такъ что, пожалуй, дому придется вырасти до небесъ, если продолжать его надстраивать съ каждой свадьбой. Пуще всего, намъ не хотѣлось разставаться. Мы бы предпочли выстроить цѣлый городъ, за фермой, на своей землѣ. Когда семья дружная, любо жить и умирать на томъ же мѣстѣ, гдѣ выросъ.

Въ нынѣшнемъ году май мѣсяцъ простоялъ дивный. . Давно уже урожан не подавали такихъ надеждъ. Въ этотъ самый день мы, съ сыномъ моимъ Жакомъ, какъ разъ все обошли. Мы вышли изъ дома около трехъ часовъ пополудни. Луга наши, на берегу Гаронны, тянулись темно-зеленой, почти черной скатертью, трава была вышиною съ футъ и камышевый разсадникъ, разведенный прошлымъ лѣтомъ, давалъ уже прекрасные побѣги. Оттуда мы прошли къ хлѣбнымъ полямъ и виноградникамъ, купленнымъ по клочкамъ, по мѣрѣ того, какъ росли наши средства; хлѣба поднимались густо, виноградники въ полномъ цвѣту сулили необычайный сборъ. Жакъ, посмѣиваясь своимъ добродушнымъ смѣхомъ и похлопывая меня по плечу, говорилъ:

— Ну, отецъ, будетъ намъ хлѣбца и вина на старости лѣтъ... Скажите, въ какомъ уголѣ вы повстрѣчались съ Богомъ и выманили у него обѣщаніе, чтобы онъ поливалъ денежнымъ дождемъ ваши земли?..

Случалось часто, что мы поминали такимъ манеромъ о прошлой нуждѣ. Жакъ былъ правъ: мнѣ вѣроятно посчастливилось залучить дружбу кого-нибудь изъ святыхъ или самого Господа, потому что все, что ни случалось въ нашемъ краѣ, шло мнѣ въ прокъ. Пойдетъ ли градъ, туча какъ разъ минуетъ наши поля. Появляется ли у сосѣдей болѣзнь винограда, наши виноградники стоятъ невредимы, точно обнесенные стѣною. Подъ конецъ мы привыкли считать это только справедливымъ. Мы никому не дѣлали зла и думали, что этимъ заслужили свое счастье.

Возвращаясь, мы прошли другими участками, которыми мы владѣли по другую сторону селенія. Шелковичная плантація начинала разрастаться, а миндальныя деревья уже приносили хорошій доходъ. Мы весело болтали, строили разные планы:—какъ мы прикупимъ, когда у насъ будутъ нужны деньги, еще нѣкоторые участки, чтобы соединить тѣ разрозненные клочья, которые у насъ уже были, и такимъ образомъ сдѣлаемся собственниками цѣлаго кругленькаго

уголка общины. У насъ уже было приковано двѣ-трети нужной суммы, а урожай нынѣшняго лѣта, еслибы они сдержали обѣщанія, должны были дать намъ средства осуществить нашу мечту.

Подходя къ дому, мы увидали Розу, которая намъ нетерпѣливо махала и кричала:

— Идите же скорѣе!

Одна изъ нашихъ коровъ отелилась двумя телятами. Это привело всѣхъ въ волненіе. Тетка Агата катала взадъ и впередъ свою массивную фигуру. Дѣвушки разглядывали новорожденныхъ. Рожденіе этихъ двухъ близнецовъ казалось новымъ благословіемъ дому. Еще недавно намъ пришлось увеличить скотный дворъ на нѣсколько стойлъ. У насъ уже была не одна сотня головъ разнаго скота, лошадей, коровъ, и въ особенности много овецъ.

— Счастливый день сегодня,—сказалъ я,—такъ и быть, мы разольемъ бутылочку вина!

Между тѣмъ Роза отвела насъ въ сторону и сказала, что Гаспарь, женихъ Вероника, пришедшій съ цѣлью условиться о свадебномъ днѣ—дожидается. Она удержала его обѣдать. Гаспарь, старшій сынъ фермера изъ Моранжа, былъ высокій двадцатилѣтній юноша, извѣстный во всемъ околоткѣ своею необычайною силою. На праздникѣ, въ Тулузѣ, онъ поборолъ Марсіала, знаменитаго нашего южнаго льва. При этомъ необыкновенно добрый малый, съ золотымъ сердцемъ, только нѣсколько черезъ-чуръ уже застѣчивый и краснѣвшій всякій разъ, когда Вероника спокойно глядѣла ему въ лицо.

Я просилъ Розу позвать его. Онъ оставался на дворѣ и помогалъ служанкамъ развѣшивать бѣлье послѣ стирки. Когда онъ вошелъ въ столовую, гдѣ мы сидѣли, Жакъ обернулся ко мнѣ со словами:

— За вами рѣчь, батюшка.

— Что же,—сказалъ я,—ты пришелъ, молодецъ, съ вопросомъ, какой день мы согласны выбрать для великаго торжества?

— Точно такъ, отецъ Рубѣ,—отвѣтилъ онъ, сильно покраснѣвши.

— Нечего краснѣть, парень,—продолжалъ я. Если хочешь, мы назначимъ свадьбу на святую Фелиситѣ, 10-го іюля. Сегодня 23-го іюня, остается менѣе двадцати дней тебѣ ждать... Мою бѣдную покойную жену звали Фелиситѣ, это вамъ принесетъ счастье... Что-жь, такъ что ли?—идеть уговоръ?

— Да и прекрасно, въ день св. Фелиситѣ, отецъ Рубѣ.—И онъ отвѣсилъ намъ, Жаку и мнѣ по такому удару по рукамъ, которымъ можно было убить наповалъ быка. Потомъ обнялъ Розу, называя ее матерью. Этотъ рослый парень, съ геркулесовскими булаками, лю-

билъ Веронику до того, что терялъ способность пить и ѣсть. Онъ говорилъ намъ, что непремѣнно бы заболѣлъ, еслибы мы отказали ему въ ея рукѣ.

— Теперъ,—сказалъ я,—ты будешь съ нами обѣдать,—не правда ли?... Ну, всё по мѣстамъ! Меня разбираетъ волчій голодъ!

Насъ сѣло, въ этотъ вечеръ, одиннадцать человѣкъ за столъ. Гаспара посадили рядомъ съ Вероникою и онъ, засматриваясь на нее, забывалъ ѣсть; онъ былъ такъ счастливъ ея сосѣдствомъ, что минутами крупныя слезы навертывались у него на глаза. Сиріенъ и Эмѣ, женатые не болѣе трехъ лѣтъ, переглядывались съ улыбками. Жакъ и Роза, супружеству которыхъ стукнуло уже двадцать пять лѣтъ, держались солиднѣе, но и они урядкою обмѣнивались взглядами, гдѣ просвѣчивала старая нѣжность. Что касается меня, то я переживалъ свою молодость, глядя на двухъ влюбленныхъ глупцовъ, которые превращали нашъ семейный деревенскій обѣдъ въ настоящій уголокъ рая. И что за вкусный супъ хлебали мы въ тотъ вечеръ! Тѣтка Агата, у которой всегда вертѣлось веселое словцо на языкѣ, немного пересолила свои шутки. Ее пришлось унимать. Затѣмъ, добрякъ Пьеръ пустился рассказывать свои любовныя приключенія съ одной лонской барышней. Къ счастью, это было уже за десертомъ и всё говорили заразъ. Я принесъ съ погреба двѣ бутылки вина. За десертомъ чокались, желая счастливаго шанса Гаспару и Вероникѣ; у насъ въ обыкновеніи такъ говорить; подъ счастливымъ шансомъ мы подразумѣваемъ отсутствіе дракъ въ супружествѣ, изобиліе дѣтей и пузатыхъ мѣшковъ съ деньгами. Потомъ стали пѣть. Гаспаръ зналъ любовныя пѣсни на старомъ патуѣ. Въ заключеніе, попросили Мари спѣть гимнъ; она встала, ея голосъ, высокій и звонкій какъ флейта, такъ и щекоталъ ухо.

Тѣмъ временемъ я перебрался къ окошку, и такъ какъ Гаспаръ подошелъ ко мнѣ, спросилъ у него:

— Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго?

— Ничего нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—поговариваютъ только о сильныхъ дождяхъ, бывшихъ на прошедшихъ дняхъ, и боятся какъ бы они не надѣлали бѣды.

Дѣйствительно, въ предыдущіе дни дождь лилъ около шестидесяти часовъ безъ перерыва. Гаронна очень поднялась со вчерашняго дня. Но мы довѣряли ей, и, пока она не выступала изъ береговъ, мы не могли считать ее дурной сосѣдкой. Она оказывала намъ столько дружескихъ услугъ, ея водная равнина была такая красивая и спокойная. Къ тому же, крестьяннинъ не легко разстается съ своей норой, даже и тогда, когда кровля грозитъ обрушиться на его голову.

— Ба,—вскричалъ я, пожимая плечами,—ничего не будетъ. Всякій годъ повторяется то же: рѣка щетинится, будто сердится, а потомъ въ одну ночь и успокоится, уйдетъ въ берега и затихнетъ смирнѣе агненка. Увидишь, братецъ, еще разъ, что это фальшивая тревога... Посмотри только, что за чудная погода!

И рукой я указалъ ему на небо. Было семь часовъ, солнце садилось. Боже, что за синева! Все небо было голубое, какъ безпредѣльная голубая скатерть, совершенно чистая, и по которой закатывавшееся солнце рассыпалось золотой пылью. Сверху струилась тихая радость, спокойствіе и миръ все шире и шире охватывали весь горизонтъ. Чувствовалось приближеніе сна въ какомъ-то медленномъ убавканіи. Никогда наше селеніе не имѣло болѣе веселаго, болѣе безпечнаго вида, чѣмъ въ этотъ вечеръ. Черепицы на крышахъ отливали розовыми отблесками заката. Издали долеталъ до меня смѣхъ одной изъ сосѣдокъ, затѣмъ звенѣли дѣтскіе голоса, съ дороги, противъ насъ: дѣти, должно быть, играли въ какую-нибудь шумную игру. Кромѣ этого, смягченные разстояніемъ, неслись мычаніе и блѣяніе загоняемыхъ въ стойла стадъ, и тѣ неопредѣленные звуки, которые слышатся въ деревнѣ въ затишѣ сумерекъ. Густой голосъ Гаронны продолжалъ тоже безостановочно свое рокотаніе, но онъ поднимался для меня незамѣтно, какъ само безмолвіе: такъ сильно я привыкъ въ его гулу. Мало-по-малу небо блѣднѣло, и само отходило на отдыхъ. То былъ вечеръ чудеснаго дня, и мнѣ казалось, что наше счастье, тучные урожаи, домъ полный довольства, помолвка Вероники, спускались на насъ чистой росой съ безоблачнаго и аснаго неба. Угасавшій день посылалъ намъ торжественное прощальное благословеніе.

Однако же я снова перешелъ на середину комнаты. Всѣ женщины болтали. Вообще было порядочно шумно. Я улыбался, когда внезапно со стороны безмолвной деревни раздался крикъ отчаянія и гибели:

— Гаронна! Гаронна!

II.

Мы выбѣжали на дворъ.

Сень-Жори лежитъ въ котловинѣ, идущей вдоль берега, на разстояніи около пятисотъ метровъ отъ рѣки. Куртины высокнхъ топей, которыми обсажены луга, застилаютъ собой Гаронну.

Отъ насъ ничего не было видно. Но зловѣщій вопль: „Гаронна! Гаронна!“ продолжалъ раздаваться.

Внезапно на широкую дорогу, пролежавшую передъ нами, выбѣ-

жали двое мужчинъ и три женщины. Одна изъ нихъ несла на рукахъ ребенка. Обезумѣвъ отъ страха, они кричали и бѣжали со всѣхъ ногъ по жесткой землѣ. По временамъ они оглядывались и лица ихъ были искажены такимъ испугомъ, какъ будто по натамъ ихъ гналась цѣлая стая волковъ.

— Что такое съ ними? — спросилъ Сиприентъ. Дѣдъ, видите вы что-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорю я: — листья даже не шелхнутся.

Дѣйствительно, вся линія горизонта лежала неподвижно и спокойно. Но я не успѣлъ еще договорить послѣднихъ словъ, какъ у насъ всѣхъ разомъ вырвался крикъ. Слѣдомъ за бѣгущими, между стволовъ и тополей, по густымъ пучкамъ травы мы увидали цѣлое стадо сѣрыхъ и желтыхъ валовъ, которые прыгали и скакали какъ разъяренные звѣри. Со всѣхъ сторонъ набѣгали, возвышались волны, взрыгая клубы пѣны, какъ слюнявая пасть бѣшеной собаки; цѣлые потоки громадными массами напирали другъ на друга, и безконечные ряды ихъ потрясали почву глухимъ шумомъ своего тяжелого бѣга. Крупные валы однимъ прыжкомъ перескакивали черезъ меньше, какъ-бы охваченные страстью перегнать ихъ. Они тѣснились и келись впередъ какъ быки, вырвавшіеся на свободу, и по натиску ихъ можно было предугадать силу и величину ихъ рядовъ, которые растагивались болѣе чѣмъ на двадцать лѣ въ окрестности.

Въ свою очередь мы испустили вопль отчаянія:

— Гаронна! Гаронна!

Двое мужчинъ и три женщины бѣжали все скорѣе и скорѣе по дорогѣ. Они слышали за собой ускоряющійся бѣгъ страшной погони. Грозное стадо валовъ уже занимало собою всю линію горизонта. Они уже выстроились стройными рядами и, клубясь, надали съ громовыми перекатами правильнаго боевого огня. Подъ ихъ ударами пали три тополя, высокая листва ихъ покачнулась и исчезла мгновенно. Направо и налѣво волны грызли и ломали попадавшіеся имъ на пути препятствія. Досчатая избушка, стѣна, распряженные телѣги были поломаны и снесены какъ соломенки. Но бѣгущіе люди казались главною цѣлью преслѣдованія. Волны пѣнились по ихъ слѣдамъ, все ближе и ближе подступая къ нимъ, и все громче усиливая свой ревъ съ каждой захваченной пядью. Затѣмъ, выведенныя изъ терпѣнія жертвами, пытавшимися ускользнуть отъ нихъ, онѣ прибѣгли къ хитрости; скатились гигантскимъ водопадомъ съ одной крутой извилины дороги, и этимъ маневромъ отрѣзали всѣ пути бѣглецамъ, у ногъ которыхъ онѣ разлились широкой лужей. Но люди продолжали бѣжать, расплескивая воду крупными шагами, они не кричали болѣе, ужасъ охватывалъ и отуманивалъ ихъ. Вода, вздуваясь, захлестывала

имъ ноги и медленно, сильно наступала на нихъ. Громадная волна набросилась на женщину, несшую ребенка, схватила ее за бедра и свалила. Но она еще могла подняться, снова побѣжала, когда другія волны подоспѣли, кинулись ей на плечи, на руки, потащили ее зелеными своими пастями, ожесточенно потрясая ею. И все понеслось вдоль улицы села.

— Скорѣе, скорѣе!—закричалъ я.—Идите наверхъ, домъ крѣпокъ. Намъ нечего бояться. Изъ предосторожности мы тотчасъ же поднялись во второй этажъ. Дѣвушекъ заставили войти первыми. Я стоялъ на томъ, чтобы войти послѣднимъ. Впрочемъ, я даже не успѣлъ промочить ногъ. Домъ стоялъ на пригорѣхъ, возвышавшемся метра на два надъ дорогой. Вода, медленно, тихо плескивая, вступала во дворъ. Я долженъ сказать, что въ это время мы не были особенно перепуганы.

— Ну!—говорилъ Жакъ, желая успокоить семью,—ничего не случится. Помните, батюшка, въ 55 году у насъ также вода была во дворѣ. Она поднялась до фута, а затѣмъ преспокойно ушла.

— Все же это очень плохо для полей, — вполголоса вздохнулъ Сиприенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ровно ничего не значить,—сказалъ я въ свою очередь, увидя испуганные глаза дочерей.

Эмѣ уложила своихъ ребятъ на постель. Она сидѣла у изголовья въ обществѣ Вероники и Мари. Тѣтка Агата собиралась подогрѣть бутылку вина, которую она достала, чтобы приободрить общество. Жакъ и Роза, стоя у одного окна, смотрѣли въ него. Я стоялъ у второго съ братомъ, Сиприеномъ и Гаспаромъ.

— Пойдите сюда!—крикнулъ я служанкамъ, которыя бѣжали по двору по колѣна въ водѣ.—Не стойте такъ въ мокротѣ.

— А скотъ-то,—отвѣчали онѣ:—онъ совсѣмъ перепуганъ, и того и глади перебьется въ стойлахъ.

— Оставьте, говорю вамъ, идите сюда. Погодите. Надо будетъ что-нибудь придумать.

Я зналъ, что если опасность возрастетъ, то спасеніе скота будетъ невозможно. Но я считалъ лишнимъ пугать всѣхъ. Я силился даже выказывать какъ можно болѣе спокойствія. Опершись о подоконникъ, я разговаривалъ, и дѣлалъ наблюденія надъ уснѣхами наводненія. Вода, принявшись за осаду деревни, овладѣла ею до малѣйшихъ переулковъ и окружила ее со всѣхъ сторонъ. Ожесточенное нападеніе прыгающихъ волнъ прекратилось, вода изъ глубины горизонта разстилалась вокругъ всѣхъ строеній и все тѣснѣе сжимала ихъ въ своихъ тяжелыхъ объятіяхъ. Котловина, на днѣ которой находилось селеніе, превращалась въ озеро. Вода на нашемъ

дворѣ вскорѣ дошла до фута. Я видѣлъ, какъ она все поднималась, но увѣрялъ, что она остается все на одномъ уровнѣ и пробовалъ даже утверждать, что она убываетъ.

— Ты принужденъ заночевать здѣсь, другъ мой,—обратился я къ Гасвару.—А впрочемъ, черезъ нѣсколько часовъ дороги, быть можетъ, и откроются... не правда ли?

Онъ поглядѣлъ на меня молча; лицо его было очень блѣдно, и я замѣтилъ, какъ вскорѣ послѣ этого взглядъ его перенесся на Веронику съ выраженіемъ безконечной тревоги.

Время было около половины девятаго. На дворѣ еще было очень свѣтло, стояли бѣлыя печальныя сумерки подъ глубокой синевой неба. Служанки, идя наверхъ, весьма кстати захватили съ собой двѣ лампы. Я приказалъ зажечь ихъ, думая, что ихъ свѣтъ придастъ болѣе веселый видъ комнатамъ, въ которой мы укрывались и гдѣ становилось уже темно. Агата выдвинула на середину столъ и хотѣла затѣять игру въ карты. Хорошая душа, глаза которой часто искали встрѣтиться съ моимъ взглядомъ, болѣе всего заботилась развлечь дѣтей. Съ непоколебимою твердостью духа, она сохраняла свою обычную веселость и смѣялась, чтобы побороть ужасъ, который она чула вокругъ себя. Партія состоялась. Тетушка насильно усадила за столъ Эмѣ, Веронику и Мари. Всунула имъ въ руки карты и сама стала играть съ азартомъ, тасуя, снимая, сдавая игру и приправляя все это такой словоохотливой болтовней, что голосъ ея почти заглушалъ шумъ воды, слышавшійся извнѣ. Но молодежь наша не въ силахъ была развлечься. Дѣвушки сидѣли, поблѣввши какъ полотно, съ лихорадочными руками, невольно прислушиваясь. Онѣ не могли заинтересоваться игрою и съ нервными подергиваніями сбрасывали карты. Каждая двѣ-три минуты игра останавливалась. Которая-нибудь изъ нихъ оборачивалась и полу-шепотомъ спрашивала меня:

— А что, дѣдушка, все еще поднимается?

Вода поднималась съ страшной быстротой. Я, смѣясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, играйте себѣ спокойно. Опасности нѣтъ.

Никогда еще сердце не замирало во мнѣ съ такой тоской. Отъ времени до времени какой-то смертельный холодъ охватывалъ мои ноги и затѣмъ разливался по всему тѣлу. Я знаками показавъ мужчинамъ, чтобы они стали у оконъ, чтобы заслонить собой страшное зрѣлище. Мы старались улыбаться, обратившись лицомъ въ комнату, гдѣ лампа бросала на столъ свой мирный кругъ свѣта. Мнѣ вспоминались наши зимніе вечера, когда мы собирались всѣ вокругъ этого стола. Я видѣлъ тотъ же тихій семейный кружокъ, полный теплою привязанности и дружбы. И въ то время, какъ здѣсь цар-

ствоваль миръ, я слышалъ за спиной грозный вой рѣки, которая поднималась все выше и выше.

— Луи,—сказалъ мнѣ братъ, поглядѣвши внизъ,—вода уже въ трехъ футахъ отъ окна, надобно подумать...

Я заставилъ его умолкнуть, давнивъ ему руку. Но опасность нельзя было скрывать долѣе. Въ стойлахъ нашъ скотъ бился. Внезапно раздались страшныя мычанія и крики испуганныхъ животныхъ, лошади испускали потрясающее, дикое ржаніе, которое такъ далеко слышится, когда онѣ находятся въ смертельной опасности.

— Боже мой! Боже мой!—вскрикнула Эмэ, вскочивъ на ноги, сжимая кулаками виски и трясась какъ въ сильномъ ознобѣ. За ней вскочили остальные, и ихъ невозможно было остановить броситься къ окнамъ. Заглянувши въ нихъ, онѣ такъ и замерли, молча выпрямившись, въ то время какъ ужасъ вздымалъ имъ волосы. Сумерки сгустились. Тусклый свѣтъ мерцалъ надъ тинистой поверхностью. Блѣдное небо походило на бѣлый саванъ, брошенный на лѣкъ умирающей земли. Вдали тянулись дымныя полосы, какъ будто разъяренная стихія гнѣвно дышала. Все перенутивалось, свѣтъ въ агоніи боролся противъ надвигавшагося бѣдствія, и погасалъ въ ночи смерти. Ни одного человѣческаго голоса, только гулъ все расширявшагося моря, да крикъ и ржаніе животныхъ въ хлѣвахъ наполняли воздухъ.

— Боже мой! Боже мой! — повторяли женщины шопотомъ, какъ будто опасаясь возвысить голосъ.

Въ тотъ же моментъ внизу раздался сильный трескъ. Обезумѣвшій скотъ взломилъ двери хлѣва. И мы видѣли, какъ всѣ они проносились мимо насъ поочередно въ желтыхъ волнахъ, отбиваясь, захлебываясь и наконецъ побѣжденные осилившимъ ихъ потокомъ. Овцы неслись какъ сухіе листья, цѣльными вереницами, кружась въ водоворотахъ. Коровы и лошади боролись, шли, затѣмъ теряли почву изъ-подъ ногъ. Въ особенности нашъ сѣрый не хотѣлъ умирать, взвивался на дыбы, вытягивалъ шею, дулъ, фыркалъ съ силой кузнечнаго мѣха; но упорныя волны не выпускали добычи, громоздились на спину, били въ бѣка: мы были зрителями того, какъ онъ сдался и пересталъ бороться.

Тогда мы начали кричать. Крики вырывались изъ груди непродуманно. Мы испытывали потребность кричать. Протянувши руки ко всѣмъ этимъ дорогимъ животнымъ, которыя погибали, мы громко жаловались, не слыша другъ друга и давая полную волю слезамъ и рыданіямъ, до сихъ поръ тщательно сдерживаемымъ. Время понади себя и другихъ прошло, мы не могли удержаться отъ громкихъ жалобъ на нашу судьбу. Вотъ оно, разореніе! пропали наши урожай,

погибъ нашъ скотъ, и все наше состояніе истреблено въ нѣсколько часовъ. Богъ несправедливъ, мы ничего не сдѣляли ему, а онъ у насъ отнялъ все! Я грозилъ кулакомъ горизонту. Говорилъ о давишней прогулкѣ: о лугахъ, хлѣбахъ и виноградникахъ, сулившихъ намъ столько надеждъ. И все это былъ обманъ! Счастье лгало. Лгало солнце, когда оно съ такимъ миромъ и спокойствіемъ закатывалось посреди торжественной тишины полей и села.

Вода все поднималась. Пьеръ, который былъ насторожѣ, сказалъ мнѣ:

— Луи, нельзя медлить, вода дошла до окошечка.

Его окрикъ вывелъ насъ изъ припадка отчаянія. Я пришелъ въ себя и, пожимая плечами, сказалъ:

— Ва! деньги ничего. Пока мы всё цѣлы, еще не о чемъ плакать... Мы снова примемся за работу.

— Да, вы правы, батюшка,—возразилъ Жакъ порывисто.—Мы не въ опасности, стѣны наши крѣпки... мы взберемся на крышу. У насъ, дѣйствительно, другого убѣжища уже не оставалось. Вода, заливавшая ступеню за ступеней, съ упорнымъ плескомъ уже достигла двери и разливалась уже подъ нашими ногами небольшими струйками. Всѣ бросились къ чердаку, не отставая другъ отъ друга ни на одинъ шагъ, по непреодолимому инстинкту, заставляющему людей въ опасности жаться тѣснѣе одинъ къ другому. Одинъ Сиприенъ исчезъ. Я сталъ звать его, и скоро онъ показался изъ сосѣдней комнаты съ измѣнившимся лицомъ. Такъ какъ я замѣтилъ также отсутствіе двухъ служанокъ и хотѣлъ дожидаться ихъ, онъ поглядѣлъ на меня страннымъ взглядомъ и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Умерли. Уголь сарая подъ ихъ комнатою обрушился.

Вѣднати отправились вѣроятно въ свою комнату, чтобы вынуть изъ сундуковъ свои вещи. Онъ сообщилъ мнѣ все шопотомъ, что онѣ, съ помощью лѣстницы, перекинутой какъ мостъ, перешли въ сосѣднее зданіе. Я приложилъ палецъ къ губамъ, чтобы призвать его молчать. Я почувствовалъ, какъ холодная струя пробѣжала по моему черепу: то смерть переступила порогъ нашего дома.

Когда мы, въ свою очередь, стали взбираться на чердакъ, то и не подумали погасить лампы. Карты оставались на столѣ. Въ вешнать вода уже была на футъ отъ пола.

III.

Крыша, по счастью, была объемиста и очень отлога. Выходъ на нее былъ черезъ слуховое окошко, подъ которымъ была небольшая платформа. Тутъ-то и помѣстилось все наше общество. Женщины сидѣли. Мужчины пускались на рекогносцировки и пробирались по черепицамъ до двухъ большихъ трубъ, находившихся по обѣимъ оконечностямъ кровли. Я же, прислонившись къ окошку, изъ котораго мы пролѣзли, стоялъ и оглядывалъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ.

— Помощь не замедлитъ явиться, — храбро обнадеживалъ я себя: — у сѣнтинскихъ крестьянъ есть лодки. Навѣрное они подѣдутъ... Смотрите, не фонарь ли это виднѣется тамъ, на водѣ?

Никто не отвѣчалъ мнѣ. Пьеръ, не давая, впрочемъ себѣ, какъ кажется, отчета въ томъ, что дѣлалъ, зажегъ свою трубку и курилъ такъ неистово, что послѣ каждой затяжки выплевывалъ куски мундитука. Жакъ и Сиприенъ, также какъ я, смотрѣли вдаль, съ суровымъ видомъ. Гаспаръ, сжимая кулаки, продолжалъ лазить по крышѣ, будто ища выхода. У нашихъ ногъ, женщины сидѣли кучкой, безмолвныя, дрожащія, закрывая лица руками, чтобы ничего не видеть. Вдругъ Роза подняла голову, оглянулась кругомъ и спросила:

— Гдѣ же служанки? Почему онѣ не пришли сюда?

Я не отвѣчалъ. Тогда она еще разъ повторила вопросъ, обращаясь прямо ко мнѣ и глядя на меня въ упоръ.

— Гдѣ служанки?

Я отвернулся, не имѣя силы солгать. И я почувствовалъ, что холодъ смерти, испытанный уже мною, пробѣгалъ по женщинамъ и дорогимъ дочерямъ нашимъ. Онѣ поняли. Мари вскочила на ноги, глубоко вдохнула, затѣмъ вдругъ опустилась и разразилась слезами. Эмѣ плакала тоже, укутывая въ свои юбки малютокъ, которыхъ прижимала къ себѣ, какъ будто защищая. Вероника закрыла лицо руками и не шевелилась. Сама тѣтка Агата совсѣмъ поблѣдѣла, она широко крестилась и шептала молитвы. Мы занимали очень небольшое пространство на большой крышѣ, тѣснились другъ къ другу, изъ чувства самосохраненія, чтобы меньше ощущать свою беспомощность.

А между тѣмъ, окружавшее насъ зрѣлище было полно величія. Наступившая ночь продолжала сохранять всю мягкость лѣтней ночи. Ночь была безлунная, но небо, испещренное звѣздами, было такъ чисто, что наполняло все пространство голубоватымъ, живымъ, глубокимъ свѣтомъ. Казалось, что вечерняя заря еще не догорѣла, — такъ

свѣтъ былъ горизонтъ. Громадное море разстиралось подь прозрачнымъ небомъ, бѣлыя и блестя какимъ-то собственнымъ фосфорическимъ свѣтомъ, зажигающимъ блестя на гребнѣ каждой волны. Земли не было видно нигдѣ, вся равнина, должно быть, уже была залита. Сама вода будто дремала, она повышалась торжественно и плавно, въ ней было что-то успокоивающее, убаюкивающее, прибавлявшее еще болѣе тишины этой тихой ночи. Никогда не видалъ я такого незлобиваго океана, съ такимъ мѣрнымъ, ласковымъ колыханіемъ. Минутами я забывалъ опасность, забывалъ о коварствѣ этой воды. Вдали серебристая рябь принимала видъ сѣраго атласа. Мѣстами она лежала гладкими стальными зеркалами, точь-въ-точь какъ озерко, дремлющее въ тѣни лѣса, безъ малѣйшаго движенія. Однажды вечеромъ, подь Марселью, я видѣлъ море въ такомъ же видѣ, и оно привело меня въ восторгъ, полный умиленія.

— Вода поднимается, вода поднимается,—повторялъ братъ Пьеръ, откалывая зубами новые куски отъ мундштука давно погасшей трубки.

Между крышей и водой разстояніе было уже не болѣе фута. Мало-по-малу вода теряла свой дремлющій видъ. Тамъ-и-сямъ образовывались стремительныя теченія. При извѣстномъ повышеніи уровня воды, холмъ, лежащій передъ селомъ, не могъ служить намъ болѣе оплотомъ. Четверть часа спустя насъ окружало грозное, желтое море, все покрытое разными обломками: бочками, бревнами, клочками травы, которые оно съ гнѣвомъ трепало и катало изъ стороны въ сторону. Теперь бушевали цѣлыя горы пѣны, шла осада противъ стѣнъ, противъ деревьевъ, завязывались схватки, оглушительный шумъ которыхъ долеталъ до насъ. Около насъ волны сталкивались и кружились, обдавая водяной пылью безоблачное небо. Тополя падали со стономъ умирающихъ, дома обрушивались съ трескомъ камней, ссыпавшихъ на мостовую изъ тележки каменотеса. Побѣдоносная вода, подкравшись ползкомъ, теперь бѣгала по равнинѣ во весь ростъ, разрушая, убивая и истребляя все.

Жакъ, истерзанный рыданіями женщинъ, сидѣвшихъ у нашихъ ногъ, говорилъ, ломая себѣ руки:

— Не можемъ же мы сидѣть здѣсь и хлопать глазами. Надо сдѣлать что-нибудь... Умоляю васъ, батюшка, сдѣлайте что-нибудь.

Я колебался, бормоталъ вслѣдъ за нимъ:

— Да, да, сдѣлаемъ что-нибудь.

А сами мы не знали что сдѣлать. Гаспаръ предлагалъ взять на спину Веронику и спастись съ ней. Пьеръ говорилъ объ устройствѣ плота. Все это было безумно. Сиприенъ наконецъ сказалъ:

— Еслибы намъ удалось добраться только до церкви! Церковь продолжала стоять невредима, возвышая свою маленькую четырех-

угольную колокольню надъ водою. Насъ раздѣляли семь домовъ. Наша ферма стояла на краю села, она умиралась въ сосѣднее строеніе, которое было выше нашего дома, строеніе это въ свою очередь подпирало сосѣднее. Дѣйствительно, по крышамъ, можетъ быть, была возможность добраться до дома священника, а откуда уже легко было бы попасть въ церковь. Вѣроятно тамъ укрылось уже много народа, потому что сосѣднія крыши были пусты, а до насъ долетали голоса, слышавшіеся несомнѣнно съ колокольни. Но сколько предстоитъ опасностей, чтобы попасть туда!

— Это невозможно,—говорилъ Пьеръ:—домъ Ранбо слишкомъ высокъ, намъ не обойтись безъ лѣстницы.

— А все же я попробую,—возразилъ Сипріенъ.—Я вернусь, если нельзя будетъ пройти. Если же можно, то мы всѣ отсюда уйдемъ; женщинъ перенесемъ на рукахъ.

Я отпустилъ его. Онъ былъ правъ. Надобно было что-нибудь предпринять. Съ помощью желѣзнаго крюка, прикрѣпленнаго къ трубѣ, онъ взобрался на сосѣдній домъ. Въ эту минуту Эмэ, жена его, поднявъ голову и замѣтивъ, что его нѣтъ болѣе подлѣ нея, закричала:

— Гдѣ онъ? Я не хочу, чтобы онъ уходилъ отъ меня. Мы живемъ вмѣстѣ, такъ и умирать надо вмѣстѣ.

Увидавъ его на сосѣдней крышѣ, она побѣжала по черепицамъ, не спуская съ рукъ дѣтей, и крикнула ему:

— Сипріенъ, подожди меня. Я пойду съ тобой. Я хочу умереть съ тобой.

Она остановилась. Онъ нагнулся, умолялъ ее, увѣряя, что вернется, что это необходимо для спасенія всѣхъ. Но она, съ потеряннмъ видомъ, мотала головой и повторяла:

— Я иду съ тобой, иду съ тобой. Какое тебѣ до этого дѣло? Я пойду съ тобой.

Ему пришлось взять дѣтей. Она и ихъ хотѣла имѣть при себѣ. Затѣмъ онъ помогъ ей взлѣзть. Мы могли слѣдить за ними, когда они пробирались по гребню дома. Они подвигались медленно. Она снова взяла дѣтей на руки, они плакали. Онъ же оборачивался на каждомъ шагу и поддерживалъ ее.

— Вернись сейчасъ же, оставь ее здѣсь, въ безопасномъ мѣстѣ!—кричалъ я.

Я видѣлъ его жестъ, но отвѣта не могъ разслышать за гуломъ волнъ. Затѣмъ они скрылись. Они спустились на слѣдующій домъ, ниже перваго. Черезъ пять минутъ они показались уже на четвертомъ домѣ, крыша котораго, вѣроятно, была очень поката, потому что они ползли вдоль ея верхушки на колѣняхъ. На меня напалъ внезапный страхъ. Приставивши руки къ губамъ, я закричалъ изо всей мочи:

— Вернитесь, вернитесь!

И всё: Пьеръ, Жакъ, Гаспаръ—кричали имъ то же. Наши голоса на минуту остановили ихъ. Но затѣмъ они снова стали подвигаться впередъ. Теперь они находились на углу улицы, противъ дома Рэнбо, высокаго строенія, превышавшаго метра на три, по крайней мѣрѣ, остальные дома. Мы видѣли ихъ минутное колебаніе. Потомъ Сипріенъ взобрался вверхъ по трубѣ съ необычайной силой и ловкостью; вѣроятно Эмэ согласилась остановиться и подождать. Она стояла на крышѣ. Мы ясно различали ее, съ обоими дѣтьми на рукахъ; ея черная фигура вырисовывалась на свѣтломъ фонѣ неба и казалась выросшей. И вотъ, тутъ-то началось ужасное несчастье.

Домъ Рэнбо, предназначавшійся сначала для какого-то промышленнаго предпріятія, былъ выстроенъ очень непрочо. Кромѣ того, въ его фасадъ ударялось со всего размаха теченіе, образовавшееся въ улицѣ. Мнѣ казалось, что я вижу, какъ онъ сотрясается подъ ударами хлеставшихъ его волнъ, и я слѣдилъ, задыхаясь, за Сипріеномъ, который ползъ на рукахъ вдоль крыши. Вдругъ раздался страшный трескъ. Выходила луна; круглая, громадная, выкатилась она на чистое небо и озарила яркимъ свѣтомъ, какъ лампа, необъятное озеро. Ни одна изъ подробностей страшной катастрофы не ускользнула отъ насъ. Сомнѣнія не было — домъ Рэнбо развалился. Вопль отчаянія вырвался у всѣхъ насъ. Сипріенъ исчезъ. Но мы ничего не различали еще послѣ обвала кромѣ бури волнъ, всплеска воды подъ распадающейся крышей и кучи обломковъ, несущихся по теченію. Послѣ этого настала тишина, водная поверхность разгладилась, пришла въ уровень съ темной прорѣхой разрушеннаго дома, выставившаго изъ-подъ воды свой расщепленный остовъ. Тутъ громоздилась цѣлая куча перепутанныхъ балокъ, точно развалина полусохранившагося собора, съ качающимися въ воздухѣ надломанными перекладинами. Но между балками я вдругъ замѣтилъ какое-то движущееся тѣло, что-то живое, дѣлавшее нечеловѣчскія усилія.

— Онъ живъ!—воскликнулъ я.—Слава Богу, онъ живъ!.. Вонъ тамъ, надъ бѣлой полосой воды, освѣщенной луною.

На всѣхъ насъ нашель судорожный смѣхъ. Мы хлопали отъ радости въ ладоши, мы точно сами были спасены.

— Онъ поднимется,—говорилъ Пьеръ.

— Да, да, смотрите,—объяснялъ Гаспаръ:—вонъ онъ старается схватиться за бревно, налѣво.

Смѣхъ нашъ оборвался. Мы не обмѣнялись болѣе ни словомъ, ни сердцемъ въ насъ застыло отъ ужаса. Мы поняли безвыходное положеніе Сипріена. При обвалѣ дома его ноги попали между двумя балками, и онъ повисъ головою внизъ на разстояніи нѣсколькихъ сан-

тиметровъ отъ воды, не имѣя силъ высвободить зацементированныя ноги. Агонія его была ужасна. На крышѣ сосѣднаго дома стояла Эме, съ дѣтьми на рукахъ. Ея темный силуэтъ на бѣлѣвшемъ отъ луны небѣ, казалось, еще выросъ. Волосы ея распустились, судорожная дрожь колыхала ея тѣло. Она присутствовала при смерти мужа, не снукая глазъ съ несчастнаго, висѣвшаго въ нѣсколькихъ метрахъ надъ ея ногами. Она испускала непрерывный вой, вой собаки, вой сумасшедшей.

— Мы не можемъ оставить его умереть такъ, — сказалъ Жакъ, у котораго зубы стучали отъ ужаса:— надо идти туда.

— Еще, быть можетъ, возможно спуститься по перекадинамъ, — замѣтилъ Пьеръ.— Тогда мы освободимъ его.

И они направились къ сосѣдней крышѣ; но тутъ обвалился третій домъ. Дорога была намъ отрѣзана. Мы обмерли. Машинально схватились за руки, крѣпко пожимали ихъ другъ другу и не могли отвести глазъ отъ раздирательнаго зрѣлища.

Сначала Сиприенъ силился выпрямиться. Съ помощью необычайнаго напряженія онъ отстранялся отъ воды и старался держаться въ горизонтальномъ положеніи. Но наступила усталость. Однако же, онъ еще продолжалъ бороться, пробовалъ ухватиться за балки, разводилъ руками вокругъ себя, ища не попадется ли чего-нибудь, за что ему можно будетъ уцѣпиться. Затѣмъ, утомленный борьбой, онъ покорился смерти; опустился, снова повисъ, безъ движеній, обезсмысленный. Но смерть медленно наступала. Кончикъ волосъ его касался воды, но она неспѣшно поднималась, увѣренная въ своей добычѣ. Онъ долженъ былъ слышать ея плескъ, когда она прикасалась къ его лбу. Первая волна только оросила его лицо, и ушла. Слѣдующая докатилась до глазъ. Вода все еще поднималась; мы видѣли, какъ постепенно въ нее погружалась голова. Икота потрясала все туловище.

Женщины у нашихъ ногъ крѣпче сжимали лица своими сложенными руками. Мы упали на колѣни, протягивая руки, плача, бормоча мольбы и глядя на небо. А тамъ, вдали, на крышѣ, Эме все стояла, прижимая къ себѣ дѣтей и выла все громче и громче.

IV.

Не знаю, сколько времени мы провели въ оцѣпенѣннн послѣ этой муки. Когда я очнулся, вода еще повысилась. Она уже омывала черепицы. Крыша превратилась въ узкій островокъ надъ поверхностью громаднаго пространства воды. Направо и налево дома, вѣроятно, обрушились. Мы теперь были совсѣмъ одиноки, отрѣзанные отъ всего. Вокругъ насъ разстилалось море.

— Мы пьемъ,—шептала Роза, цѣпляясь за черепицы.—Мы всё испытывали омушценіе качки, какъ-будто крышу снесло и она прервалась въ плоть. Колебаніе воды вокругъ качивало насъ. Но когда мы взглядывали на церковную водокольню, неподвижно стоявшую противъ насъ, головокруженіе прекращалось; мы удостовѣрялись, что остаемся на прежнеи мѣстѣ, и что кажущееся намъ движеніе происходитъ отъ сотрясенія нашего утеса.

Вода уже начала свою осаду противъ нашего дома. Мы сдѣлались мишенью новаго теченія. До сихъ поръ оно шло вдоль улицы, но груды навалившихся на нее развалинъ заперудили ее и, заставляя потокъ повернуть съ дороги, образовали вокругъ насъ бурный водоворотъ. Осада велась по всѣмъ правиламъ, съ искусными и послѣдовательными приѣмами и стѣнобитными орудіями. Какъ только какой-нибудь обломокъ, доска или бревно проплывали мимо теченія, оно немедленно завладѣвало имъ и, покачавъ его съ минуту, пускало имъ въ насъ, какъ тараномъ. Оно уже не выпускало его; относило его назадъ, и снова пускало имъ въ стѣну съ удвоенной силой; удары повторялись правильно, настойчиво, мѣта все въ одно и то же мѣсто. Въ скоромъ времени уже десять или двѣнадцать такихъ бревенъ колотили насъ съ разныхъ сторонъ. Вода ревѣла, поддавала всей своей тяжестью, насыпала на насъ полчища своихъ волнъ, которыя поддерживали игру бревенъ. Брызги пѣны смачивали наши ноги. Стѣны глухо скригѣли, налившіеся водою дотъ гудѣо начиналъ давать трещины по перегородкамъ. Минутами, когда приступъ шелъ жарче и бревна ударили съ развала, намъ казалось, что всему настала ко-нецъ: стѣны разрушаются и свинецъ разверстыя свои брени выдаютъ насъ нашимъ разъяреннымъ врагамъ. Гаспаръ отважился пребраться къ самому краю крыши. Ему удалось остановить небольшое бревно, которое онъ потянулъ къ себѣ, своими крѣпкими руками атлета.

— Намъ слѣдуетъ обороняться,—вскричалъ онъ.

Жакъ, съ своей стороны, старался поймать длинную жердь. Пьеръ помогъ ему. Я проклиналъ старость, которая, отнявъ силы, обрекала меня на безцѣльность ребенка. Началась оборона; гигантскій поединокъ, борьба между тремя мужчинами и океаномъ. Гаспаръ, придерживая свое бревно, водилъ деревянные тараны теченія, и круто отпихивалъ ихъ, когда они подступали на близкое разстояніе. Иногда толчокъ былъ такъ силенъ, что сшибалъ его съ ногъ. Рядомъ съ нимъ, Жакъ и Пьеръ работали длинною жердью, отталкивая также плывучіе обломки, безпрерывный прибой которыхъ могъ быть для насъ гибельнъ. Борьба эта длилась около часу. Они сторожили во всѣ глаза, перебѣгали съ одного конца на другой, должны были одновременно отражать двадцать нападеній. Но, мало-по-малу, возбужде-

нѣ ударило нѣтъ въ голову, въ поступленіи они ругались съ опасеніемъ, расточали ему удары и угрозы. Гаспаръ замахивалъ бровнемъ, билъ по волнамъ, буравилъ ихъ какъ вражьи груди въ рукопашной схваткѣ; какъ кузнецъ по наковальнѣ, онъ колотилъ безостановочно съ ожесточеннымъ усердіемъ. Но волны сохраняли свое дивное упорство, навредливыя подъ ударами, спокойныя и неизбежныя; бремя продолжали свою налаженную работу, точно движимыя машинными местинителемъ; они казались живыми существами: такъ быстро движутались они избѣгать ударовъ, угрошавшихъ имъ, и такъ настойчиво, во что бы то ни стало, добивались удариться о-дѣмъ въ нацѣленное мѣсто. Жакъ и Пьеръ опустили руки. Они сѣли на крышу измученные, разбитые. Гаспаръ въ послѣднемъ порывѣ подставилъ свое оружіе теченію, которое вырвало у него изъ рукъ бревно, и снова пришлось пребывать имъ свою брешь. Верьба была невозможна.

Минута была ужасная. Женщины слѣдили съ трепетнымъ напряженіемъ на обсервоной. Онѣ считали нашу мобѣду за спасеніе, онѣ не чувствовали опасности, когда не слышали глухихъ ударовъ приближающихся, отъ которыхъ имъ казалось всякій разъ, что домъ рухнетъ. Онѣ всѣ встали, несмотря на своей страхъ, чтобы лучше видѣть. Но когда онѣ увидѣли обезоруженнаго Гаспара, Пьера и Жака, задыхавшихся отъ утомленія, онѣ начали громко рыдать и отчаяваться. Опять домъ сильно сотрясаясь, онъ дрожалъ подъ ногами, и при нѣкоторыхъ болѣе сильныхъ ударахъ, онѣ всѣ разомъ воспринимали долгимъ, протяжнымъ крикомъ.

Мари и Вероника бросились въ объятія другъ друга. Онѣ восторжались радостными голосомъ все одну и ту же фразу, вопль ужаса, который и до сихъ поръ еще постоянно раздается у меня въ ушахъ:

— Не хочу я умирать, Боже мой! Не хочу я умирать!

Роза унимала ихъ. Она хотѣла утѣшить, ободрить ихъ. Но сама она вся трясаясь, поднимала голову и повторяла за ними въ полголоса:

— Нѣтъ, не хочу я умирать, Боже мой!

Одна тетущка Агата не говорила ни слова. Она уже не молилась болѣе, не крестилась. Она глядѣла бессмысленно въ пространство и старалась улыбнуться, когда глаза ея встрѣчались съ моими. Вода еще повысилась. Она уже набѣгала на черепицы. Никакой помощи нельзя было ожидать. Крики доносились къ намъ издали; намъ на минуту показалось, будто два фонаря промелькнули въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ. Затѣмъ все смолкло, и желтая скатерть одна разстлала свою обнаженную, безбрежную поверхность. Жители Сайтина, у которыхъ были лодки, вѣроятно, были раньше насъ застигнуты наводненіемъ, а между тѣмъ мы ронтали на нихъ и полагаемъ, что они подло успѣли укрыться отъ опасности. Отчаяніе насъ ожесточало.

Гаспаръ однако же возобновлялъ свои обходы вокругъ крыши. Вдругъ онъ позвалъ насъ.

— Подите сюда, помогайте мнѣ. Держите меня крѣпче.

Съ жердью въ рукахъ, онъ сторожилъ громадную черную массу, которая медленно подплывала къ намъ. Это была большая крыша съ амбара, сколоченная изъ крѣпкихъ досокъ; снесенная водой цѣлкомъ, она плавала теперь какъ плотъ. Когда она подошла близко, Гаспаръ уперся въ нея жердью, но его потащило и онъ еще разъ закричалъ намъ, чтобы мы помогали. Мы держали его крѣпко, обнявши за станъ. Какъ только плотъ вступилъ въ теченіе, онъ самъ собой присталъ къ нашей крышѣ, и даже стукнулся о-нее съ такой силою, что мы на минуту опасались, чтобы онъ не развалился.

Гаспаръ смѣло вскочилъ на этотъ импровизированный плотъ, который судьба посылала намъ. Онъ осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, чтобы удостовѣриться въ его прочности, въ то время какъ Пьеръ и Жакъ держали его съ крыши, чтобы онъ не уплылъ. Гаспаръ смѣялся и говорилъ весело:

— Вотъ, дѣдушка, мы и спасены... Не плачьте вы, женщины!.. Вѣдь это настоящая лодка! Посмотрите, я даже ногъ не промочилъ. Она снесетъ насъ всѣхъ. Мы будемъ на ней какъ дома!

Однако же, онъ нашелъ нужнымъ еще укрѣпить плотъ. Онъ ловилъ бревна, плававшія вокругъ, и привязывалъ ихъ къ нему веревками, захваченными на всякій случай Пьеромъ изъ дома, когда мы выбрались изъ нижняго этажа. Онъ, перегнувшись, упалъ въ воду, но на нашъ крикъ онъ отвѣчалъ только смѣхомъ. Вода знаетъ его. Онъ не даромъ проплывалъ по цѣлой льѣ по Гароннѣ. Онъ вернулся обратно на крышу, встряхнулся и сказалъ:

— Ну, садитесь, времени терять нечего.

Женщины попадали на колѣни. Онѣ благодарили Бога. Гаспаръ снесъ на рукахъ Веронику и Мари на плотъ, на середину котораго усадилъ ихъ. Роза и тетюшка Агата сами скатились съ черепицъ и помѣстидись подлѣ молодыхъ дѣвушекъ. Въ этотъ моментъ я оглянулся въ сторону колокольни. Эмѣ еще все стояла тамъ, въ небольшомъ разстояніи отъ насъ. Она держалась за трубу и поднимала дѣтей на вытянутыхъ кверху рукахъ, вода была ей уже по поясъ.

— Не печальтесь, дѣдушка,—сказалъ мнѣ шопотомъ Гаспаръ.— Мы захватимъ ее мимоѣздомъ, общаюсь вамъ.

Пьеръ и Жакъ были уже на плоту. Я тоже прыгнулъ на него. Онъ немного наклонился на одинъ бокъ, но былъ дѣйствительно достаточно проченъ, чтобы выдержать нашу тяжесть. Гаспаръ, наконецъ, послѣдній спустился съ крыши. Онъ напомнилъ намъ захватить жерди, которыми онъ запасся; онѣ должны были служить намъ

веслами. Самъ же онъ взялъ очень длинный шестъ, которымъ дѣйствовалъ съ большой ловкостью. Мы предоставили ему распоразжаться. По его командѣ, мы уперли всѣ наши жерди о-домъ, чтобы заставить плоть отчалить. Но онъ точно приросъ къ нашей крышѣ, и, несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли отпихнуться. Едва мы успѣвали, налегши всѣми силами на шесты, отдѣлиться на два или три метра отъ дома, какъ теченіе яростно снова прибывало насъ къ нему. А этотъ маневръ былъ не безопасенъ, потому что столкновеніе было настолько жестоко, что всякій разъ грозило разбить въ дребезги досчаникъ, на которомъ мы находились.

И опять мы почувствовали свое безсиліе. Мы считали себя спасенными, а между тѣмъ все еще были во власти разлившейся рѣки. Мои опасенія даже возросли, я жалѣлъ, что женщины оставили крышу; здѣсь ежеминутно онѣ представлялись моему воображенію сброшенными въ пучину и борющимися съ смертью. Но когда я заговаривалъ о возвращеніи, всѣ въ одинъ голосъ кричали:

— Нѣтъ, нѣтъ, попытаемся еще. Лучше умремъ здѣсь!

Гаспаръ не смѣялся больше, и мы всѣ хранили мрачное молчаніе, возобновляя наши усилія, налегая на жерди и усугубляя нашу энергію. Пьеру пришла мысль вернуться на крышу и оттуда, съ помощью веревки, перетянуть насъ на-лѣво; такимъ манеромъ онъ насъ вывелъ изъ теченія. Когда онъ снова вспрыгнулъ на плоть, мы уже легко могли отпихнуться и выплыть въ открытое мѣсто. Гаспаръ вспомнилъ обѣщаніе, сдѣланное мнѣ: захватить по дорогѣ нашу бѣдную Эмѣ, жалобный вой которой не переставалъ еще раздаваться. Но для этого надо было переѣхать улицу, гдѣ было ужасное теченіе, противъ котораго мы такъ тщетно боролись. Онъ бросилъ мнѣ просительный взглядъ. Я совершенно растерялся: никогда еще во мнѣ не происходило такой жестокой борьбы. Для спасенія этой несчастной приходилось рисковать восемью душами. И хотя я колебался на мгновеніе, но не имѣлъ силы устоять противъ ея унылаго зова, который раздавался посреди ночи, какъ смертный стонъ.

— Да, да, — отвѣчалъ я Гаспару. — Мы не можемъ ухватъ безъ нея.

Онъ опустилъ голову, не сказавъ ни слова, и сталъ двигать плоть, упираясь шестомъ во всѣ уцѣлѣвшія стѣны. Мы прошли вдоль сосѣдняго дома, переѣхали надъ своими хлѣбами; но едва мы въѣхали на улицу, какъ всѣ вскрикнули разомъ. Теченіе подхватило насъ съ новою силою, увлекало и снова прибывало насъ къ нашему дому. Мы мчались вихремъ двѣ или три секунды. Насъ несло, какъ соломенку, съ такой быстротой, что нашъ крикъ уже окончился въ страшномъ ударѣ плота о-черепицы. Что-то треснуло, расколотыя

доски завертѣлись и насъ всѣхъ разбросало. Я не знаю, что произошло далѣе. Помню только, что, падая, я видѣлъ Агату, распростертую плашмя на водѣ; юбки поддерживали ее, но она опускалась, закинувъ голову назадъ, безъ борьбы, какъ мертвая.

Острая боль заставила меня очнуться. Это Пьеръ волокъ меня вдоль черепицъ за волосы. Я лежалъ, озираясь кругомъ въ совершенномъ одуреніи. Пьеръ бросился въ воду. Я видѣлъ какъ онъ плавалъ, въ отчаяніи, отыскивая что-то въ водѣ. Въ полусознаніи, изъ котораго я еще не вышелъ, я былъ очень удивленъ, увидя вдругъ Гаспара на томъ мѣстѣ, куда нырнулъ Пьеръ; юноша держалъ на рукахъ Веронику. Положивъ ее рядомъ со мной, онъ опять бросился въ теченіе и вытащилъ изъ него Мари, бѣлую какъ воскъ, всю зачоченѣлую и недвижимую, такъ что я принялъ ее за мертвую. Онъ же бросился въ третій разъ. Но уже безуспѣшно. Пьеръ подоспѣлъ къ нему. Они что-то говорили, показывали другъ другу, но я ничего не могъ слышать. Когда они вернулись на крышу, утомленные, я вскричалъ:

— А тѣтушка Агата! А Жакъ! А Роза!

Они повачали головою. Крупныя слезы катились у нихъ изъ глазъ. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ ими, я понялъ приблизительно, что Жаку, должно быть, проломило черепъ ударомъ о-бревно. Роза ухватилась за трупъ мужа и была увлечена имъ въ бездну. Тѣтушка Агата исчезла. Гаспаръ полагалъ, что теченіемъ ея трупъ былъ занесенъ въ домъ, подъ нами, чрезъ какое-нибудь открытое окно.

Приподнимаясь, я вспомнилъ объ Эмѣ, и повернулъ голову по направлению къ крышѣ, гдѣ нѣсколько минутъ тому назадъ она еще стояла. Но вода еще поднялась. Эмѣ умолкла. Я увидалъ только ея двѣ зачоченѣвшія руки, которыя продолжали поддерживать дѣтей надъ водою. Затѣмъ все пропало, вода все затанула ровной, гладкой скатертью, серебрившейся сонными лучами луны.

V.

Послѣдній актъ страшной драмы наступилъ. Насъ оставалось пятеро на кровлѣ. Вода оставила намъ только узкую полосу вдоль гребня дома. Съ одной стороны смыло трубу. Намъ приходилось держать Веронику и Мари, неочнувшихся еще отъ обморока, въ стоячемъ положеніи, чтобы онѣ не измокли окончательно. Наконецъ онѣ прищли въ себя, и намъ стало еще тяжелѣе смотрѣть на нихъ; изможшія, дрожа отъ холода, онѣ опять принялись кричать, что онѣ

не хотѣть умирать. Мы старались успокоить ихъ, какъ успокоиваютъ дѣтей, говорили имъ, что онѣ не умрутъ, что мы тутъ и не отдадимъ ихъ смерти. Но онѣ уже не вѣрили намъ, онѣ мотали головой: онѣ знали, что имъ предстоитъ умереть. И всякій разъ, какъ это слово „умереть“ касалось ихъ губъ, ихъ зубы стучали какъ въ лихорадкѣ, и онѣ съ неописанной тоской бросались обнимать другъ друга.

Приближался конецъ. Разрушенная деревня изъ-подъ воды выглядывала только кое-гдѣ уцѣлѣвшими остатками стѣнъ. Нашъ домъ стоялъ еще долѣе другихъ. Одна церковь продолжала невредимо выставлать свою колокольню, и только оттуда слышалось неясное жуужаніе голосовъ, тамъ спасшіеся люди говорили о смерти и разрушеніи, происходившихъ вокругъ нихъ. Съ этой стороны мы не могли рассчитывать на помощь. На нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, мы видѣли троихъ людей, взлѣзшихъ на деревья и поднимавшихся по сучьямъ, спасаясь отъ наводненія; теперь вода закрывала верхушки тѣхъ деревъ: смерть и тамъ уже совершила свое дѣло. Наше вниманіе было привлечено также другою попыткою спасенія, происходившею въ домѣ позади насъ, на берегу рѣки. Въ этой мѣстности разливъ залилъ только нижній этажъ. Жители его, съ помощью связанныхъ простыней, спустились изъ оконъ на плотъ, который вѣроятно былъ, также какъ и нашъ, какимъ-нибудь пловучимъ обломкомъ, который имъ удалось остановить. Позднѣе мы потеряли изъ виду этотъ плотъ. Раздирающій крикъ, поднявшійся вскорѣ послѣ ихъ исчезновенія, заставилъ насъ думать, что и они разбились о какое-нибудь препятствіе. Теперь направо и налево ничего не слышалось болѣе, кромѣ громкаго ропота волнъ. Даже обвалы домовъ, раздававшіеся какъ камни, ссыпанные съ тѣлѣги на мостовую, прекратились. Все опустѣло; мы находились, какъ послѣ настоящаго кораблекрушенія, посреди океана, отдѣленные отъ земли льѣ на триста, въ громадной пустынѣ, не видя ничего впереди, кромѣ смерти.

На мгновеніе, намъ почудился звукъ веселья. Мѣрный, ударявшій въ ритмъ, онъ шелъ, усиливаясь. Боже, какой дивной, желанной музыкой показался онъ намъ, и какъ мы вытягивались и напрягали слухъ и зрѣніе, вопрошая пространство. Мы удерживали дыханіе, провликали шумъ волнъ, бушевавшихъ у нашихъ ногъ и мѣшавшихъ намъ ясно слышать. Но ничего не показывалось. Желтая влага, покрытая тѣневыми пятнами, одна разстилалась подъ глазами. Ни одна изъ тѣней, верхушки деревьевъ, уцѣлѣвшіе остовы стѣнъ не двинулись, не приближались къ намъ. Обломки, пустыя бочки, травы нѣсколько разъ вводили насъ въ заблужденіе: мы хлопали въ ладоши, махали платками, пока не убѣждались въ ошибкѣ, и снова начинали

прислушиваться къ шуму, который не переставалъ доходить до насъ, хотя мы и не могли различить, откуда онъ происходитъ.

— Ахъ, я вижу ее,—закричалъ вдругъ Гаспаръ.—Видите, тамъ вонъ большая лодка!

И онъ указывалъ вытянутой рукой на далекую точку, между темными тѣневыми пятнами. Я не различалъ ничего, Пьеръ тоже. Но Гаспаръ стоялъ на своемъ. Дѣйствительно, это была лодка. Стукъ весель сталъ еще отчетливѣе доходить до насъ. И мы искорѣ стали ее видѣть. Она медленно плыла, точно кружась около насъ, но не приближалась. Я помню, что тогда мы всѣ точно помѣшались. Мы махали неистово руками, кричали до хрипоты, и наши крики переходили въ протяжный вой. Мы осыпали барку ругательствами, называли ее подлой, обвиняли ее въ нашей смерти. Мы нѣсколько времени продолжали преслѣдовать ее криками и бранью. Она же безмолвно, тихо вертѣлась. Была ли это лодка въ самомъ дѣлѣ? Я этого не знаю до сихъ поръ. Когда она скрылась, она унесла послѣднюю нашу надежду.

Теперь каждую секунду мы ждали своей гибели и разрушенія дома. Онъ былъ весь разбитъ; вѣроятно, онъ лѣпился еще благодаря какой-нибудь крѣпкой стѣнѣ, которая неминуемо увлечетъ и его въ своемъ паденіи. Онъ качался, какъ дерево, привѣренное къ землѣ только одной третью ворней. Но меня въ особенности пугало то обстоятельство, что я чувствовалъ, какъ крыша подается подъ нами. Домъ, быть можетъ, и продержался бы еще долго, но черепицы, переломанныя и постоянно сотрясаемыя прибоемъ, гнулись. Мы выбрали мѣстожъ своего убѣжища лѣвую сторону, гдѣ строила, казалось, могли выдержать нашу тяжесть. Но площадка эта была очень тѣсна, и мы съ трудомъ помѣщались на ней пятеромъ. Нѣсколько спустя и это мѣсто начало опускаться. Очевидно, оно должно было провалиться, если кто-нибудь изъ насъ не сойдетъ съ него.

Уже нѣсколько минутъ, какъ братъ Пьеръ опять взялся за свою трубку, съ безпечнымъ жестомъ. Онъ покручивалъ свои старые солдатскіе усы, морщилъ брови, ворчалъ себѣ подъ носъ. Возрастающая опасность, которая окружала его и противъ которой онъ ничего не могъ сдѣлать своей храбростью, начинала выводить его изъ терпѣнія. Онъ два или три раза плюнулъ на воду съ видомъ презрительнаго гнѣва. Потомъ, въ то время, какъ мы понемногу все опускались, онъ принялъ какое-то рѣшеніе, спустился съ крыши по кѣлѣни въ воду.

— Пьеръ, Пьеръ!—окрикнулъ я его, боясь понять его намѣреніе.

Онъ обернулся и спокойно сказалъ:

— Прощай, Луи... видишь ли, это слиткомъ долго продолжается для меня. Къ тому же, и вамъ будетъ больше мѣста.

И, бросивъ напередъ трубку, онъ бросился самъ въ самую глубь потока, съ словами:

— Прощайте, съ меня будетъ!

Онъ не всплывалъ. Онъ плохо плавалъ. Вѣроятно, къ тому же онъ и не силится плыть, его сердце было разбито разореніемъ и смертью всѣхъ нашихъ, и онъ не захотѣлъ пережить ихъ.

Мы съ полчаса могли еще продержаться на этомъ мѣстѣ кровли, которая теперь опускалась менѣе сильно. Должно было быть около двухъ часовъ, ночь была на исходѣ, эта ужасная ночь слезъ и мукъ. Но небо еще было подернуто рѣзкой синевою и все пестрѣло звѣздами. Ни единая полоса свѣта еще не показывалась на горизонтѣ, дремавшемъ подъ лучами луны. А площадь подъ нашими ногами все мало-по-малу убавлялась. Съ нѣжнымъ журчаніемъ ручейка, крохотныя волны подбирались и ползли толпами на крышу, ласково подтапливая другъ друга. Еще разъ теченіе переизмѣнило направленіе, плывучіе обломки плавно проходили мимо насъ, по правую сторону села, какъ будто вода, передъ моментомъ достиженія своей наибольшей высоты, дѣлливо отдыхала отъ утомленія.

Гаспаръ быстро разулся и сбросилъ куртку. Я уже замѣтилъ нѣсколько минутъ, что онъ былъ въ сильномъ волненіи и горѣлъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, сжималъ руки, хрустѣлъ пальцами. Когда же я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Слушайте, дѣдушья,—сказалъ онъ,—я умираю тутъ отъ ожиданія. Я не могу больше оставаться... Позвольте мнѣ, я спасу ее.

Онъ говорилъ о Вероникѣ. Я хотѣлъ противиться его мысли. У него не хватить силъ донести дѣвушку вплавь до колокольни. Но онъ упорствовалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, у меня надежныя руки, я чувствую себя въ силѣ... Вы увидите.

И онъ добавлялъ, что лучше если онъ немедленно предприметъ попытку, что онъ расслабѣваетъ, какъ баба, сидя тутъ и прислушиваясь, какъ домъ размыкаетъ по крошкамъ у насъ подъ ногами.

— Я люблю ее, и спасу ее,—повторялъ онъ.

Затѣмъ, когда, умолкнувъ, я привлекъ къ себѣ Мари, онъ подумалъ, что я обвиняю его въ дунѣ за его эгоизмъ влюбленнаго, и сказалъ, запинаясь:

— Я вернусь за Мари, клянусь вамъ. Найду лодку, устрой что-нибудь для спасенія... Надѣйтесь на меня, дѣдушья.

Я смотрѣлъ на его сборы; онъ все съ себя снялъ, кромѣ панталонъ. Потомъ быстро, шопотомъ, онъ началъ объяснять Вероникѣ,

она не должна отбиваться, должна совсѣмъ довѣриться ему и двигаться, а главное, не слѣдуетъ бояться. Дѣвушка на каждое аддисаніе отвѣчала „да“, съ растеряннымъ видомъ. Онъ же, перестая, хотя въ обыкновенное время и не отличался набожностью, скатился съ крыши, держа Веронику за веревку, которою онъ подвязалъ ей подъ мышки. Она вскрикнула, всѣми членами стала бить воду, затѣмъ задохнулась и лишилась чувствъ.

— Этакъ даже лучше, — крикнулъ мнѣ Гаспаръ, — теперь я отвѣчаю за нее.

Можно себѣ представить, съ какимъ трепетомъ я провожалъ ихъ глазами. На свѣтлой водѣ я видѣлъ каждое малѣйшее движеніе Гаспара. Съ помощью веревки, которую онъ обвилъ себѣ вокругъ шеи, онъ поддерживалъ дѣвушку надъ водой и несъ ее, перекинутую черезъ правое плечо. Тяжелый грузъ иногда заставлялъ и его самого погружаться, но онъ все плылъ впередъ съ необычайной силою и нечеловѣческимъ мужествомъ.

Я пересталъ сомнѣваться; онъ уже проплылъ треть разстоянія, когда наткнулся на что-то скрытое подъ водой. Ударъ былъ жесточайшій. Оба исчезли. Затѣмъ я видѣлъ, какъ онъ всплылъ одинъ; веревка вѣроятно оборвалась. Онъ нырялъ два раза. Наконецъ снова выплылъ, держа Веронику, которую положилъ себѣ опять на спину. Но веревки уже не было какъ прежде, чтобы держать ее, и она давила его сильнѣе всею тяжестью; черезъ каждые три-четыре шага, ему приходилось останавливаться и придержать ее, чтобы она не соскользнула. Однакоже онъ все подвигался, движимый силою воли и геройства. Я трясся съ головы до ногъ, но мѣрѣ того, какъ они приближались къ колокольнѣ. Имъ оставалось до нея не болѣе двадцати метровъ. Вдругъ, я хотѣлъ крикнуть, я увидалъ бревна, плывшія на нихъ сбоку. Я успѣлъ только разинуть ротъ, какъ новое столкновение уже разлучило ихъ и они оба исчезли; я считалъ ихъ окончательно погибшими. Водяная площадь опять сравнялась. Я прождалъ долгія секунды, не видя никакого движенія. Наконецъ Гаспаръ показался, ему еще разъ удалось найти Веронику; но силы его истощались, онъ долженъ былъ испытывать сомнѣнія добратся до крыши церковнаго дома. Но онъ вѣрно боролся. Онъ то плылъ одной рукою, то переставалъ плыть и просто толкалъ дѣвушку впередъ, шагая за ней въ водѣ, въ силу какого-то чуда любви. Наконецъ они доплыли до цѣли; онъ положилъ ее на крышу церковнаго дома, которая сообщалась съ колокольней посредствомъ высокаго стрѣльчатого окна.

— Экой славный малый! спасибо! молодецъ! — кричалъ я, забывая, что онъ не могъ меня слышать.

Вероника приходила въ себя; Гаспаръ протягивалъ къ ней, улыбаясь. И вдругъ камень съ кошельки, разбитый вѣроятно слѣдними дождями, какъ разъ въ эту минуту свалился внизъ пра въ темя Вероники и раздробилъ ей черепъ. Смерть должно бы послѣдовала мгновенно, непредвидѣнная, ужасная; въ которой на водненіе, грозившее намъ уже полъ-сутокъ всевозможными опасностями, было ни при чемъ. Я отчетливо видѣлъ Гаспара. Онъ продолжалъ стоять, все еще поддерживая трупъ Вероники, ошеломленный, помѣшанный. Неужели онъ спасъ ее отъ вѣрной смерти, бился съ волнами, у которыхъ дважды отнял ее, а она умираетъ тутъ на его рукахъ подъ ударомъ, котораго онъ не могъ предвидѣть! Она принадлежала ему, онъ заслужилъ ее, и какъ еще заслужилъ, а смерть отнимаетъ ее у него такъ глупо и жестоко! Онъ спасъ ее, а она все же погибла! Тогда я увидалъ, какъ имъ тоже овладѣла жажда смерти, онъ страстно жалъ ее въ своихъ объятіяхъ и порывисто бросился въ желтую пучину, противъ которой онъ такъ недавно еще боролся. Вода сомкнулась надъ ихъ головами. Гаспаръ умеръ тоже, не оставаясь съ Вероникой.

Съ этой минуты я потерялъ уже всякую способность понимать. Эти двѣ новыя смерти, послѣдовавшія за остальными, повергли меня въ какое-то мрачное оцѣпенѣніе. У меня сохранился только инстинктъ животнаго, заботящагося о самосохраненіи. Когда вода наступала, я лятился,—вотъ и все. Въ этомъ идиотическомъ состояніи я долго слышала смѣхъ, не трудясь дать себѣ отчета, кто можетъ такъ смѣяться подлѣ меня.

Занимался день; бѣлая заря выступала на небѣ и обладала часть разлива молочнымъ отблѣнкомъ. Было хорошо, свѣжо и тихо, какъ на берегу озера, просыпающагося на восходѣ солнца. Но смѣхъ продолжался; оглянувшись, я увидалъ Мари: она стояла въ своемъ вымошемъ платьѣ и смѣялась.

Вѣдная, дорогая дѣвочка; какъ она была мила и красива въ это раннее утро! Я видѣлъ, какъ она прыгнулась, вачеркнула воды въ свою горсточку и умыла себѣ лицо. Потомъ она закрутила свои роскошныя бѣловурныя волосы; распустились за ночь, обвила ихъ вокругъ головы. Она дѣлала утренній туалетъ: можетъ быть, она думала, что встаетъ въ своей воннатѣ, въ воскресенье, когда колокола радостно звонятъ. И она все смѣялась, своимъ дѣтскимъ смѣхомъ, съ ясными глазами и съ счастливымъ лицомъ.

Я тоже началъ вторить ея смѣху, ея помѣшательство заражало меня. Она потеряла рассудокъ отъ ужаса, и это было для нея благодѣяніемъ: съ такимъ невозмутимымъ счастьемъ она теперь наслаждалась яснымъ весеннимъ утромъ.

Я не мѣналъ ея торопливымъ сборамъ, ничего не понимая, продолжая улыбаться ей. Она все охорашивалась. Затѣмъ, когда она сочла себя готовой, она принялась пѣть одинъ изъ своихъ гимновъ звучнымъ, милымъ голоскомъ своимъ. Вдругъ она прервала пѣніе и сказала, точно отвѣчая голосу, который звалъ ее и слышанъ былъ ей одной:

— Иду, иду!

Она продолжала свой гимнъ, стала спускаться по отлогу крыши и вошла въ воду, которая тихо, неслышно прикрыла ее. Я же все продолжалъ улыбаться. Я глядѣлъ, съ счастливымъ лицомъ, на мѣсто, гдѣ она только-что свернулась.

Далѣе, я ничего не помню. Я былъ одинъ на крышѣ. Вода еще прибыла. Одна изъ трубъ стояла еще; какъ кажется, я за нее цѣпился изъ всѣхъ силъ, какъ животное, которое избѣгаетъ смерти. А потомъ все исчезло, все, темная пропасть, забытье.

VI.

Какимъ образомъ и зачѣмъ я въ живыхъ? Сказывали мнѣ, что поселяне Сэнтина, рано утромъ, въ шесть часовъ, пріѣхали къ намъ на лодкахъ и нашли меня сидящимъ, безъ чувствъ, на трубѣ. Ахъ, зачѣмъ наводненіе было настолько жестоко, что не унесло меня вслѣдъ за всѣми моими, въ то время, когда я не чувствовалъ своего горя!

Одинъ я, старикъ, уцѣпился за жизнь, всѣ мои ушли: дѣти въ пеленкахъ, дѣвушки невѣсты, молодые четы, старыя четы. Я одинъ живу, какъ сорная трава; жесткая и сухая, приросшая къ булыжнику. Еслибы хватило у меня мужества, я бы поступилъ, какъ Пьеръ, я сказалъ бы: „довольно съ меня, прощайте!“ и бросился бы въ Гаронну, чтобы уйти тою же дорогою, по которой ушли всѣ. У меня не осталось ни одного изъ дѣтей моихъ, домъ мой разрушенъ, поля мои загублены. Гдѣ вечера, когда мы всѣ сидѣли вокругъ стола, старики посередѣ, молодые по бокамъ, и меня окружала и согрѣвала вся эта веселость? Гдѣ вы, славные дни жатвы и сбора винограда, когда всѣ отправлялись мы вмѣстѣ на работу и возвращались, гордясь и радуясь нашими богатствами! О, мои красавчики-внуки и чудные грозды, красавицы-дочки и хорошіе хлѣба, вся радость моей старости, живая награда цѣлой жизни труда и любви! Если все это погибло, Господи, зачѣмъ же Ты хочешь, чтобы я жилъ!

Утѣшенія нѣтъ. Пособій не хочу. Я отдамъ мои поля людямъ, у

которыхъ остались дѣти. У нихъ хватить мужества очистить землю отъ тины и снова приняться за обработку ея. У кого нѣтъ дѣтей, тому достаточно уголка, гдѣ бы умереть. Я найду себѣ уголокъ умирать. У меня осталось одно желаніе, послѣднее. Мнѣ бы хотѣлось отыскать тѣла всѣхъ моихъ дѣтей и похоронить ихъ на нашемъ кладбищѣ, куда бы ежедневно я сталъ ходить на нихъ могилы. Но Гаронна похитила у меня многихъ покойниковъ. Трое или четверо изъ нихъ найдены между развалинами строеній, но они были уже зарыты въ перемежку съ чужими трупами другихъ жертвъ, когда я вернулся изъ Сэнтина, гдѣ одно семейство пріютило меня. Рассказывали мнѣ, что много труповъ, унесенныхъ рѣкою, вытащено изъ воды въ Тулузѣ. Я рѣшился отправиться туда, распросить, надѣясь еще подоспѣть во-время, чтобы отыскать кого-нибудь изъ дорогихъ моихъ покойниковъ. А какіе ужасы въ Тулузѣ! Около двухъ тысячъ домовъ разрушено; семьсотъ человѣкъ погибло; всѣ мосты снесены; цѣлый кварталъ истребленъ и затопленъ грязью; какія страшныя драмы! Двадцать тысячъ человѣкъ безъ крова, одежды и хлѣба. Весь городъ погруженъ въ смрадъ отъ разлагающихся труповъ и въ страхъ грозящаго ему тифа. Вездѣ трауръ, всѣ улицы запружены погребальными процессіями. Благотворительность бессильна перевязать всѣ зіяющія раны. Но я проходилъ мимо всего этого горя и развалинъ, ничего не вида. Собственныя утраты, собственныя развалины давили меня.

Мнѣ подтвердили, что дѣйствительно много труповъ вытащили изъ рѣки. Но всѣ они уже были зарыты, длинными рядами, въ одномъ изъ участковъ кладбища. Однакоже имѣли предусмотрительность снять фотографическіе портреты съ лицъ, оставшихся неизвѣстными. Между этими печальными изображеніями нашелъ я снимокъ съ Гаспара и Вероники. Помолвленные, такъ и остались соединенными въ смерти страстнымъ объятіемъ, обмѣниваясь мертвыми устами брачнымъ поцѣлуемъ. Они такъ крѣпко сплелись заостренными руками, что пришлось бы ломать ихъ кости, чтобы разлучить ихъ. Такъ они и сняты вмѣстѣ на фотографіи, и такъ вмѣстѣ и почіють подъ землею.

Они одни остались у меня: этотъ ужасный портретъ двухъ дѣтей-красавцовъ. Распухшіе, обезображенные, они сохранили и на искаженныхъ лицахъ печать героизма и величія любви. Я глажу на нихъ — и плачу.

Е. Z-1-

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданія Комитета 17-го іюня и 2 іюля.

- 1) Выдано 50 р. больной писательницѣ, не имѣющей средствъ на леченіе.
- 2) Выдано 75 р. писателю, поставленному болѣзнью въ крайне затруднительное положеніе.
- 3) Выслано 100 р. писателю, имѣющему надобность въ пособіи для спеціальнаго изученія предмета его учено-литературныхъ занятій.
- 4) Выдано 100 р. писателю, находящемуся въ бѣдственномъ положеніи.
- 5) Выдано 26 р. бывшему студенту университета на уплату невнесенныхъ имъ денегъ за слушаніе лекцій, вслѣдствіе чего канцелярію университета удержаны его документы.
- 6) Отклонены ходатайства 4-хъ лицъ о пособіи, за неимѣніемъ основанія къ выдачѣ его, 2-хъ лицъ о ссудѣ за непредставленіемъ ручательства, 1-го лица о мѣстѣ за неимѣніемъ въ виду, и 1-го лица объ опредѣленіи дочери въ учебное заведеніе на счетъ Общества, ибо другая дочь того же лица воспитывается на счетъ Общества съ 1864 г.
- 7) Больному писателю выданъ бесплатный билетъ въ лечебницу.
- 8) По ходатайству одного лица сдѣлано сношеніе съ редакціею газеты о возвращеніи рукописи.
- 9) Ходатайство одного лица передано въ другое благотворительное общество.
- 10) Изъявлена благодарность Общества за содѣйствіе Комитету А. С. Фаминцыну и Д. А. Корсакову.
- 11) Прочитанъ отчетъ казначея за іюнь мѣсяць. Къ 1-му іюня въ кассѣ было 63,048 р. 10 к. Поступило: процентовъ на капиталъ 486 р. 18 к. и отъ продажи процентныхъ бумагъ Общества 56,950

р. 50 к., всего 57,436 р. 68 к. Израсходовано: на пенсіи 4 лицамъ 220 р., единовременныя пособія 3 лицамъ 225 р., въ пособіе на воспитаніе 2 лицамъ 190 р. и куплено процентныхъ бумагъ на 53,900 р. (нарицательной стоимости), всего 54,535 р. Въ кассѣ къ 1-му іюля 65,949 р. 78 к.

ПОПРАВКИ.

Въ іюльской книгѣ слѣдуетъ исправить:

<i>Стран.</i>	<i>Строч.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>вмѣсто:</i>
66	17 св.	Грюна	Грюна
69	10 св.	человѣческая	гегелевская
136	1 св.	167,336	67,366
397	2 св.	шиповникомъ	шиповникомъ

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1875.

Книга седьмая.—Июль.

	стр.
МИКЕЛЬ-АНДЖЕО БОНАРРОСИ, ВОДЧІЙ, ВАЯТЕЛЬ И ЖИВОПИСЕЦЪ.—1475-1564.—АДР. ПРАХОВА	5 ✓
ПЬЕРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.—Correspondance de P. J. Proudhon.—Статья вторая.—I—VII.—Д.—ЕВА	32 ✓
ГЕРМАНИЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—Историческіе этюды.—XIII. Австрійскій Габсбургъ.—XIV. Прусскій Гогенцоллернъ.—XV. Нѣмецкое единство до Фридриха Великаго.—А. С. ТРАЧЕВСКАГО	78
Изъ Гейне.—Лирическія стихотворенія.—АЛЕКСѢЯ ГИЛЯРОВА	124
ЕВРЕН И ПОЛЯКИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.—По новымъ матеріаламъ для юго-западнаго края.—I—IV.—М. П. ДРАГОМАНОВА	183 ✓ 2
НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письма изъ Англій.—Второе письмо.—А. РЕНЬЯРА	180
АМЕРИКАНСКІЕ ПИОНЕРЫ.—I—II.—А. КУРВСКАГО	214
ЭМИГРАНТЪ.—Сатирическій романъ Яна Лама.—Статья первая.—Е. Л.	278 ✓
ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ КОМЕДИИ „Горь отъ ума.“—1827-1832.—Изъ воспоминаній участника.—М. Г.	319
ХРОНИКА.—Психологическая критика.—Замѣчанія Ю. Ѳ. Самарина на книгу „Задачи Психологій“.—Окончаніе.—Б. Д. КАВЕЛИНА	333
Внутреннее Овозраженіе.—Десятилѣтіе земскихъ учреждений.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ области войска донскаго.—Историческій взглядъ на военное управленіе областей.—Вопросъ о подвѣдомственности донскаго земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.—Литературныя диковины	356
Парижскія письма.—IV.—Шарль де-Ремюза.—Смѣтки и игра.—Торжества въ память Вольфѣ.—Осужденіе Ла-Фонтена.—Трагическій Парижъ.—Е. Z—I—	381
Что думать о спиритизмѣ?—По поводу письма проф. Вагнера.—III.—А. С. ШКЛЯРЕВСКАГО	409
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученимъ	419
Библиографическій Листокъ	

Книга восьмая.—Августъ.

✓ Эмигрантъ.—Сатирическій романъ Ява Лама.—Окончаніе.—Е. Л.	622
✓ Англія и ея видъ на Россію въ XVI-мъ вѣкѣ.—По новымъ документамъ.—I-X.— Ю. В. ТОЛСТОГО	477
✓ Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ письмахъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.— Статья вторая.—VIII-XIV.—Д.—ЕВА.	523
✓ Американскіе пионеры.—III.—А. КУРСЬКАГО	508
Пало и Франческа.—Изъ Данта.—А. И. ОРЛОВА	610
Германія наканунѣ революціи.—Историческіе этюды.—Окончаніе.—XVI. Союзъ фюрстовъ и нѣмцевъ политикъ Россіи.—XVII. Наполеонъ I и февраль- ская революція.—XVIII. Садовая и Саданъ.—А. С. ТРАЧЕВСКАГО	613
✓ Гревцовская Москва, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Лавской.— 1812-1818 гг.—Окончаніе.—1817-й и 1818-й годы.—М. СВИСТУНОВОЙ.	660
Ново-Кельтское и Провансальское движеніе во Франціи.—I-IV.—М. П. ДРА- ГОМАНОВА	688
Хроника.—Наше аргументъ.—По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Ле- бимова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—В. Н.	741
Внутреннее Овозраженіе.—Наше финансовое положеніе.—Пятый выпускъ консо- лей.—Сравненіе возрастація расходовъ и доходовъ.—Производительность отдѣльныхъ статей доходовъ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣ- щенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣ- шеніе вопроса о medico-хирургической академіи.—Поздравленіе объ увели- ченіи военнаго вѣдомства	755
Корреспонденція изъ Берлина.—Финансовыя затрудненія и обновленія.— Выборы въ Баваріи.—К.	768
Корреспонденція изъ Лондона.—Рабочій классъ и англійской законода- тельство.—R.	800
Парижскія письма.—У.—Наводненіе.—I-VI.—E. Z.—	805
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ	808
Библиографическій листокъ.	1

592572

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩІЙСЯ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ЮЛЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ЮЛЬ, 1875.

I.—МНКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БОНАРОТТИ, ЗОДЧІЙ, ВАЯТЕЛЬ И ЖИВОПИСЕЦЪ.— 1475-1864.—Адр. Прахова	1
II.—ПЬЕРЬ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ. — Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья вторая.—Д—ева	21
III.—ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ.—Историческіе эскизы.—XIII. Австрій- скій Габсбургъ.—XIV. Прусскій Гогенцоллернъ.—XV. Нѣмецкое единство ю Фридриха Великаго.—А. С. Тряпечеваго	79
IV.—ИЗЪ ГЕЙНЕ.—Лирическія стихотворенія.—Алексы Галарова	131
V.—ЕВРЕИ И ПОЛЯКИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.—По новымъ матеріаламъ для юго-западнаго края.—I-IV.—М. П. Драгоманова	133
VI.—НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письма изъ Ан- ліи.—Второе письмо.—А. Реньера	199
VII.—АМЕРИКАНСКІЕ ПИОНЕРЫ.—I-III.—А. Курбскаго	211
VIII.—ЭМИГРАНТЪ.—Сатирическій романъ Лиа Лама.—Е. Л.	278
IX.—ПЕРВЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ КОМЕДИИ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.—1827-1882— Изъ воспоминаній участника.—М. Г.	285
X.—ХРОНИКА.—ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.—Замѣчанія Ю. Ф. Самарина на книгу: „Задача Психологіи“.—Окончаніе.—К. Д. Кавелина	323
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Десятилѣтіе земскихъ учрежденій.—Городовое положеніе въ западныхъ губерніяхъ.—Вопросъ о введеніи земскихъ учрежде- ній въ области войска донскаго.—Историческій взглядъ на попытку управ- леніе областью.—Вопросъ о подвѣдомственности донскаго земства.—Земство уфимское.—Обзоръ дѣятельности рязанскаго земства.—Литературная въ- ловина	365
XII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—IV.—Шарль де-Ремюза.—Скачки и игра.—Торжество въ память Бозльде.—Осужденіе Ла-Фонтена.—Трагическій Парижъ.—В. З.—I—	385
XIII.—ЧТО ДУМАТЬ О СПИРИТИЗМѢ? — По поводу письма проф. Вагнера— III.—А. С. Шкляревскаго	405
XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	419
XV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., см. ниже.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Сельско-хозяйственный дѣло Европы и Америки на всѣхъ всемирной выставкѣ 1873 года и въ эпоху ея. *А. Ермолова*. Сиб. 1875; стр. 690.

Положеніе сельскаго хозяйства въ странахъ образованнаго міра, по поводу послѣдней всемирной выставки—задача весьма почтенная и весьма трудная. Понятно, что сосредоточеніе однородныхъ продуктовъ разныхъ странъ въ какомъ-либо городѣ зависитъ прежде всего отъ разстоянія этого города отъ мѣстъ производства, а затѣмъ еще и отъ силы притяженія, если можно такъ выразиться, каковъ обладаетъ пунктъ выставки въ смыслѣ торговомъ, для разныхъ мѣстъ производства. Для того, чтобы представить въ самомъ дѣлѣ полный и систематическій очеркъ положенія какого-либо промысла въ разныхъ странахъ по поводу выставки, прежде всего слѣдовало бы освободиться отъ влияния того случайнаго элемента, который представляетъ особенность выставки вообще и данной выставки въ частности. Слѣдовало бы изучить положеніе хозяйства въ разныхъ странахъ не по выставкѣ, а независимо отъ нея, и затѣмъ—пользоваться ея фактами только для того, чтобы иллюстрировать или свои очерки, пополняя пробѣлы, зависѣвшіе отъ случайности, выдвигая на первый планъ то, что важнѣе само по себѣ, независимо отъ выставки, и опуская то, что менѣе важно, хотя бы на данной выставкѣ оно занимало и не послѣднее мѣсто. Но такому плану противорѣкло самое происхожденіе настоящей книги. Авторъ писалъ статьи о сельско-хозяйственномъ дѣлѣ выставки для трехъ специальныхъ журналовъ и статьи эти печатались въ тѣсной духу дѣла; въ книгѣ онъ теперь собраны и дополнены еще нѣсколькими главами. Самъ авторъ признается, что сознанию его болѣе всего недостаетъ единства, такъ какъ первая глава книги, представляла воспроизведеніе корреспонденцій его съ выставки, имѣютъ главнымъ своимъ предметомъ самую выставку, а послѣдующія главы представляютъ уже взгляды о разныхъ сторонахъ этого сельско-хозяйственнаго дѣла въ разныхъ странахъ. Но недостатокъ единства еще не такъ значителенъ, какъ именно недостатокъ системы: вмѣсто очерка положенія хозяйства въ каждой странѣ, со ссылками на образцы продуктовъ и орудій, бывшихъ на выставкѣ, книга даетъ описаніе и оцѣнку того, что было на выставкѣ, дополнила эту оцѣнку справками о положеніи дѣла въ странахъ, приславшихъ на выставку образцы. Впрочемъ, нельзя не признать, что справки эти, имѣя часто характеръ довольно обстоятельныхъ этюдовъ, могутъ все-таки имѣть значеніе для нашей сельско-хозяйственной литературы. Мы должны еще показать, что, приводя цифровыя таблицы, авторъ рѣдко упоминаетъ на нихъ ссылки, изъ которыхъ явны имъ численныя данныя и тѣмъ лишается возможность проверить, какому именно году эти данныя относятся, а въ всякой статистикѣ составлять необходимо условіе.

Л. Н. Толстой. Москва. 1875. Ц. 14 к.; стр. 91.

Задача, „чтобы за наименьшую цѣну дать наибольшее количество понятнаго материала, расположеннаго въ правильной последовательности“, разрѣшена авторомъ весьма успешно. Материала, действительно, много и при компактности расположенія, устранена мелкость факта. Читаніе расположено постепенно отъ легкаго къ болѣе сложному, то-есть начинала

отъ самыхъ простыхъ двухсложныхъ словъ, съ введеніемъ одного за другимъ знаковь пронашенія, и кончая словами многосложныхъ. Читаніе, такимъ образомъ, составляетъ рядъ примѣровъ; а между тѣмъ не представляетъ отрывочныхъ, бесвязныхъ словъ, но, наоборотъ—удачный выборъ короткихъ рассказовъ, которые изложены чистыми, но простыми языкомъ, безъ всякихъ прибаутокъ, которыя нынѣ считаются необходимой принадлежностью книгъ для дѣтей и „народа“. Гр. Толстой старался расположить свой матеріалъ такими образомъ, чтобы порядокъ былъ удобенъ для всѣхъ способовъ обученія чтенію и письму. На оберткѣ изложено естественнѣйшій—„слуховой“ способъ. Прибавимъ, что, при своей необыкновенной сравнительно съ содержаніемъ цѣнѣ, брошюра издава весьма порядочно, даже красиво.

Изъ 25-лѣтней практики сельскаго учителя. Воспоминанія, очерки и замѣтки *Е. Стрельцова*. Ч. 1. Сельская школа, 1849—1864. Сиб. 1875. Ц. 75 коп.; стр. 448.

Здѣсь—вся жизнь сельскаго учителя, обстановка его дѣятельности, среда, въ которой онъ работалъ (и продолжалъ работать), и учебные приемы, въ удобствѣ которыхъ онъ убѣдился на дѣлѣ или до которыхъ самъ додумался. По непосредственности производимаго впечатлѣнія, по очевидной искренности автора, книга эта заслуживаетъ вниманія и можетъ принести немало пользы начинающимъ образованнымъ сельскимъ учителямъ. Въ ней они найдутъ утѣшеніе во многомъ неотрадномъ, что ими будетъ встрѣчено на первыхъ порахъ дѣятельности, и могутъ выбрать нѣсколько практическихъ указаній, внушенныхъ опытомъ и очевидной привязанностью автора къ избранной имъ почетной службѣ обществу. Книга написана безъ всякихъ тенденцій и свободна отъ всякихъ умолчаній, обычныхъ въ наше время, отличающееся менѣе всего искренностью; конечно, нерациональность нѣкоторыхъ требованій и стѣсненное положеніе сельскаго учителя въ его дѣятельности высказаны авторомъ такъ же откровенно, какъ и слабость нравственныхъ началъ въ подгородномъ сельскомъ населеніи. Авторъ исполнялъ свои обязанности въ близости Петербурга—въ ораниенбаумскомъ уѣздѣ. Въ воспоминаніяхъ его мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ печати указаніе на нелогичную дѣятельность покойной великой княгини Елены Павловны въ пользу окрестнаго сельскаго населенія, о дѣятельности которой намъ не разъ приходилось слышать отъ самихъ тѣхъ, къ кому она относилась.

Замѣтки. Картины прошлаго, *Евгенія Маркова*. Сиб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.; стр. 441.

Очерки, собранные въ этой книгѣ, печатались въ разное время въ трехъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ „Вѣсти Европы“ въ прошломъ году. Воспоминанія дѣтства прошедшаго во время и при обстановкѣ помѣщичьей власти надъ крестьянами теперь еще понятны современникамъ и не нуждаются въ подстрочныхъ замѣткахъ и указаній, которыхъ у г. Е. Маркова вовсе и не имѣется. Онъ не имѣлъ цѣлью облачать тѣхъ условій жизни, и, разумѣется, не могъ оправдать ихъ. Рассказы его написаны съ тѣмъ отсутствіемъ всякаго критическаго отношенія къ даннымъ условіямъ жизни, которыми отличается умъ дѣтей, принимавшій данное за естественное.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. П. Мамонтова (А. П. Глазунова),
на Кузнецкомъ-Мосту.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе	
въ С.-Петербургѣ:	{ 15 р. 50 коп. безъ доставки. 16 р. — „ съ доставкою на домъ.
Иногородные:	
1) въ Москвѣ:	{ 16 р. — „ безъ доставки. 17 р. — „ съ доставкою на домъ.
2) въ губерніи:	17 р. — „ съ пересылкою.
Иностраные:	
	19 р. — вся Европа (кроме Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам. Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примечаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, или
книжномъ магазинѣ Н. П. Мамонтова (бывш. А. П. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту,
могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною услугою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ	{ Базуновъ, Нев. пр., 30. Исаковъ, Гос. Дв., 24. Черкесовъ, Нев. пр., 50. Магаз. для Иногор., Нев. пр., 44.	} Москва	{ Соловьевъ, Страстная. Брлик. Центр. Книжн. магаз., Слав. Базаръ.

Отъ редакціи. Редакція обязана явиться за точную и своевременную доставку
журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и также изъ иногородныхъ и изъ
иностраныхъ, которые вносили подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Евро-
пы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фа-
милія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ
прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородныя не
плативается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ въ
иногородныя въ иностраные—подоставшее до числоуказанныхъ цѣлъ по государствен-
нымъ тарифамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сделана
въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не
позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

592572

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ПРАВЪ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1875.

	Стр.
I.—ЭМИГРАНТЪ.—Сатирический романъ Яна Лама.—Окончаніе.—Е. Д.	423
II.—АНГЛЫ И ЕЯ ВИДЫ НА РОССИЮ ВЪ XVI-мъ ВѢКѢ. — По новымъ доку- ментамъ.—I-X.—Ю. В. Толстого	477
III.—ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ. — Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья вторая.—VIII-XIV.—Д—ева	523
IV.—АМЕРИКАНСКІЕ ПИОНЕРЫ.—III.—А. Курбекаго.	565
V.—ПАОЛО И ФРАНЧЕСКА.—Изъ Данта.—Ал. Орлова.	510
VI.—ГЕРМАНИЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—Историческіе этюды.—Окончаніе.— XVI. Союзъ фюрстовъ и нѣмецкая политика Россіи.—XVII. Наполеонъ I и февральская революція.—XVIII. Садовая и Седанъ.—А. С. Травецкаго.	613
VII.—ГРИБОѢДОВСКАЯ МОСКВА, въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.— 1812-1818 гг.—Окончаніе.—1817-й и 1818-й годы.—М. Свицкуновой	660
VIII.—НОВО-КЕЛЬТСКОЕ И ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ.— I-IV.—М. П. Драгоманова	650
IX.—ХРОНИКА.—НАШЪ АРГОНАВТЪ.—По поводу новыхъ статей и новыхъ идей г. Любимова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—В. Н.	741
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Наше финансовое положеніе. — Пятый выпускъ консольей.—Сравненіе возрастанія расходовъ и доходовъ. — Производитель- ность отдѣльныхъ статей доходовъ. — Отчетъ министерства народнаго про- свѣщенія за 1873 г.—Выпускные экзамены въ гимназіяхъ въ 1874 г.—Рѣше- ніе вопроса о медико-хирургической академіи. — Полемика объ училищахъ военнаго вѣдомства.	705
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Финансовыя затрудненія и си- туация.—Выборы въ Баваріи.—К.	731
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. — Рабочій классъ и англійское законодательство.—В.	765
XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—V.—Наводненіе.—I-VI.—Е. Z-I.	803
XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	803
XV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., см. ниже.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на себя комиссію по постороннимъ изданіямъ, подписку на всѣ періодическія изданія и высылку книгъ иногороднымъ *).

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Априорная философія или положительная наука? По поводу диссертациі г. В. Соловьева. К. Кавелина. Слб. 1875. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Слб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Задачи психологіи. О методахъ и программахъ психологическихъ изслѣдованій. К. Кавелина. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія. Фрэнсисъ Гальтонъ. Перев. съ англ. Слб. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Опытъ исторіи мысли. Т. I, выпускъ I. Слб. 1875. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Маудсли. Пер. съ англ. Слб. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. К. Ушинскаго. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

БОГОСЛОВІЕ—ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

Евангельскіе рассказы, съ 30 рисунками и картою святой земли. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Нравственное Православное Богословіе. Сост. П. Солярскій. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Алексій Слѣбодникъ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Англійскіе поэты, въ біографіяхъ и образахъ. Сост. Н. В. Гербель. Слб. 1875.

Стр. 448 въ два столбца. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

* Барчукъ. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

* Въ лѣсахъ. Разсказано Андреемъ Печерскимъ (Павелъ Мельниковъ). М. 1875. 4 части. Ц. 5 р., вѣс. 6 ф.

Глушь. Провинціальныя и столичныя очерки Глѣба Успенскаго. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Горе отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоедова. Изд. Н. В. Гербеля. Ц. 25 к., въ перешлѣ 50 к., вѣс. 1 ф.

Дворянское гнѣздо. Романъ И. С. Тургенева. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Дѣтцы. Романъ въ двухъ томахъ. П. Боборыкина. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Замогильныя записки инвизискаго клуба. Романъ Чарльза Диккенса, въ 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Записки изъ мертвѣго дома. Ф. М. Достоевскаго. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Историческія лѣтніи малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кобзарь. Т. Г. Шевченко въ переводѣ Н. А. Чмырева. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

Натанъ Мудрый, драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Слб. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Наше общество (1820—1870) въ герояхъ и героиняхъ литературы. М. В. Авдѣева. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 1 ф.

Отечскъ. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой. Слб. 1875. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Олверъ Твистъ. Романъ Чарльза Диккенса, съ очеркомъ жизни Диккенса. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

*) Книги, только-что вышедшія изъ печати, обозначаются землѣдѣлками; на книгахъ, появившихся въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

* **Очерки и картины. Собрание разсказовъ, фельетоновъ и замѣтокъ Незнакомца.** (А. Суворина). I и II. Ц. 2 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Очерки и народн. В. Буренина. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Парижъ въ Америкѣ. Эдуарда Лабулэ. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Парижъ, его органы, отправленія и жизнь во второй половинѣ XIX вѣка. Максимъ Джанъ. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Полнѣизм. Романъ въ 2-хъ книгахъ. П. Д. Бобарыкина. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I, II, III, IV. Ц. каждого тома отдѣльно 75 к., вѣс. 2 ф.

— **Н. Г. Помаловскаго, съ портретомъ и биографіей автора.** 2 ч. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

* — **Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей,** пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ переп. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Послѣ труда. Литературный сборникъ, съ рисунками. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 2 ф.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ переп. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Разсказы, очерки и легенды Бретъ-Гартъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* **Рукопись мадуазель Намиль.** Романъ княгини А. Кочубей. Спб. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Русская Библіотекa. Общедоступное изданіе русскихъ писателей. Пять томовъ: I. Пушкинъ. II. Лермонтовъ. III. Гоголь. IV. Жуковский. V. Грибоедовъ. Съ портретами, биографіей и извлеченіемъ изъ критики Вѣдлинскаго. Ц. въ бум. 3 р. 75 к., въ переплетъ 5 р.; съ перес.: 5 р. въ бум., 6 р. 25 к. въ переплетъ.

Свѣтніе люди. Чернолѣсова. 2 т. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Смѣшное и грустное. Повѣсти, разсказы, очерки. Александра Соколова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Соборъ парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). В. Гюго, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Соль земли. Романъ въ четырехъ частяхъ, С. Смирновой. 2 т. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ

русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетъ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Столбы. Старая погулка на новый ладъ. Виктора Крылова. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Три повѣсти: Магдаліна, Пестренкамъ жизнь, Сухая любовь. М. В. Авдѣева. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ, медицинѣ и ветеринаріи за 1873 г. Сост. подъ редакціей профес. Бунге. Ц. 2 р., вѣс. 1 ф.

Францъ фонъ-Зиннингъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ биографіяхъ и образцахъ, сост. Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р., въ переп. 3 р. 70 к., вѣс. 4 ф.

Чемслеръ. Драма на морѣ. Жюль Вернъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Чудали. Романъ. Крашевскаго. Ц. 2 р. вѣс. 2 ф.

Шенширъ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I, II, III, IV. Ц. 14 р., вѣс. 8 ф.

ИСТОРИЯ — БИОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Автобіографія Джона Стюарта Милл. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Годъ Вѣстника Европы. Историко-политическое обозрѣніе за 1873—74 гг. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.—За 1872—73 г., т. I, II. 2 р. вѣс. 3 ф.

Жизнь Магомета съ изложеніемъ его ученія, заключающагося въ Коранѣ. Вашингтонъ-Ирвингъ. Пер. съ англ. подъ ред. Антоновича. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Записки юго-западнаго отдѣла И. Рус. Географическаго Общества. Т. I. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 3 ф.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Три тома. Т. I—783 стр.; Т. II—966 стр.; Т. III, часть первая—824 стр. Всѣ три тома—7 р. съ переплетомъ.

Историческіе очерки. С. С. Шашкова. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Историческіе этюды. С. С. Шашкова. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Рисунія женщии. Историческіе рассказы по Тацитѣ. П. Кудравцева. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русские замѣчательные люди. Рассказы. А. Суворина. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Отечественная исторія. Курсъ среднихъ учебникъ заведеній, съ приложеніемъ 3-хъ картъ. Сост. С. Рождественскій. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Очеркъ исторіи русской женщии, съ приложеніемъ статьи: русская проституція. С. С. Шашкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Историческій атласъ Россіи. Н. И. Павлицева. Ч. 1 и 2. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

На Востокъ. Поездка на Амуръ. С. Максимовъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Опытъ учебнаго руководства по географіи Россійской имперіи, съ иллюстрированными текстомъ. Н. И. Зуева и А. Г. Лакина. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Приготовительный курсъ Всеобщей и Русской Географіи. Сост. для гимназій и городскихъ училищъ М. Мостовскій. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Томъ I. Ч. II. Кованъ. Ц. 3 р. 50 к.; вел. 5 р.; вѣс. 5 ф.

Путешествіе по Средней и Восточной Аравіи. Джиффордъ Пальгрэвъ. Переводъ съ англ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русскій рабочий у стверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Селевки. Воспоминанія и рассказы изъ походовъ съ богомольцами. В. И. Немировичъ-Данченко. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* Уроки родимовѣдѣнія и элементарный курсъ отечественной географіи, съ приложеніемъ многихъ политичекихъ, плановъ, картъ, иллюминированныхъ рисунковъ и пробныхъ уроковъ. Сост. В. Рядновъ. Выпускъ I. 1875 г. Ц. 1 р. 40 к., вѣс. 2 ф.

Учебная карта Европейской Россіи. Сост. М. Мостовскій. Ц. 65 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ географіи Россіи. Курсъ гимназическій, съ картами Европейской Россіи. Сост. Михаилъ Мостовскій. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Учебный курсъ Всеобщей Географіи. Европа. Сост. М. Мостовскій. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

Швейцарскія Альпы и Альпійская жизнь. Верлеиша. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть? Э. Пфейффера. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Очерки практическаго примѣненія принципа коопераціи въ Германіи, въ Англіи и во Франціи. А. Михайлова. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* Желѣзнодорожное хозяйство. Его экономическія особенности и его отношенія къ интересамъ страны. А. Чупрова. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ статистикъ. Съ 2 политическими и картою населенности Россіи. Н. Карасевичъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Экономическіе палліативы. А. Михайловъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Басни и сказки дикихъ народовъ. I. Животный эпосъ и легенды Готтентотовъ. II. Дѣтскія сказки и преданія Зулусовъ.

Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Воспитаніе сына. Педагогическія письма къ матери. Эрнста Вэме. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Дѣтскіе рассказы. М. Цебриковой. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Дѣтскій міръ и Христоматія. Часть I и II. Составилъ К. Ушинскій. Цѣна каждой части 60 к., вѣс. 2 ф.

Задачникъ для начальныхъ школъ. Составилъ В. Воленсъ. Ц. 15 к., вѣс. 1 ф.

Замѣтки о женщинѣхъ и ея воспитаніе. В. Классовскаго. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей. Е. Водовозовой. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Исторія маленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С—вой. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ, сочиненіе П. Полевого. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Казни Андерсена з короткою его житописьмо. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Картины изъ Русской Исторіи. 2 вып. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Книга для первоначального чтенія въ народныхъ школахъ. Сост. В. Водовозовъ. Ч. I. Ц. 45 к., вѣс. 1 ф.

Краткое руководство къ методическому изученію естественной исторіи съ многими задачами и вопросами. Августа Любена. Курсъ первый. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф.

Куль хлѣба и его походы, разсказаныя С. Максимовичемъ. Съ 145 отдѣльными картинками и рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Курсъ педагогики. Составленъ по программѣ, утвержденной для женскихъ институтовъ вѣдомства учреждений имп. Маріи. М. Чистяковичемъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Методика ариметики. Пособіе для родителей, учителей и учительскихъ семинарій. Составилъ В. Евтушевскій. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Наглядное обученіе для дѣтей, только-что поступившихъ въ народную школу. Составилъ Я. Симоновичъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Народныя русскія сказки въ изложеніи П. Полевого, съ рисунками Я. Панова. Ц. 4 р., вѣс. 2 ф.

Сказанія. Сборникъ для юношества. Составилъ П. Полевой. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Общедоступная русская грамматика для младшаго возраста. Составилъ П. Полевой. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Гиппо. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

О преподаваніи русской литературы. Владиміра Стоюнина. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Отечественная исторія въ разсказахъ для народа. С. Рождественскаго. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Черныя практической педагогики. Д-ра Ф. Диттеса. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, приютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Книжка 1 и 2. Ц. за книгу по 1 р., вѣс. 2 ф.

Первые уроки ботаники. Руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ, съ 68 рисунками въ текстѣ. Соч. Германа Вагнера. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

Понемногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Разсказы для дѣтей. Составилъ К. К. Веберъ. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей. Составили А. и Я. Симоновичъ. 2 тома. Ц. 4 р., вѣс. 3 ф.

Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ въ южной Африкѣ. Жюль Верна. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Джона Гершеля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Путешествіе капли воды. I. Пиццетта. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Разсказы изъ исторіи. Для школы и для дома. Г. В. Штоля. Въ 2-хъ книгахъ: I. Передняя Азія и Греція. II. Римская имперія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фос. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажамми. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы (до новѣйшаго періода). Владиміра Стоюнина. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

— для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскихъ и иностранныхъ. Владиміра Стоюнина. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

— къ преподаванію по Родному Слову. Составилъ К. Ушинскій. Ч. I. Ц. 30 к., вѣс., 1 ф. Часть II. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Русская христоматія, съ прилѣжаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Андрей Филоновъ. Ч. IV. Изд. второе, исправленное и дополненное. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Самодѣтельность. Сочиненіе Самуила Смайльса, съ дополненіями Н. Кутейникова. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ ариметическихъ задачъ для приготовительнаго и систематическаго курсовъ. Составилъ В. Евтушевскій. Ч. I. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф. Ч. II. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

— правилъ и программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія на 1874—1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Слуги мелудна. Письма о физиологической жизни человѣка. Массе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собраніе педагогическихъ сочиненій. Слб. 1875. К. Д. Ушинскаго. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Солдатскіе разсказы о Туркестанскомъ краѣ. Львовича. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Университетское образованіе женщнны. В. Бѣмертъ. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Уроки русскаго ситяссиса съ графическимъ анализомъ рѣчи. А. Сассъ-Тисовскій. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Учебная русская христоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Часть I. Младшій возрастъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф. Часть II. Средній возрастъ. Ц. 70 к., вѣс. 2 ф. Часть III. Старшій возрастъ. Ц. 80 к., вѣс. 2 ф.

Христоматія. Сборникъ для чтенія по наглядному обученію родному языку съ матеріаломъ для въѣ-классныхъ занятій. Н. А. Соловьева-Несмѣлова и А. А. Волкова. Ц. 45 к., вѣс. 2 ф.

Зимъ XIX-го вѣка. Альфонса Эскрота, съ приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія“ Спенсера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Азбука и скоропись XVII вѣка для нагляднаго изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Grammaire Théorique et pratique de la langue française, par D. Margot. 2 ч. Ц. 1 р. 35 к., вѣс. 2 ф.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Θ. Страшкевичемъ. Ц. 8 р., вѣс. 3 ф.

Cours élémentaire et progressif de la langue française, par D. Margot. Ц. 80 к., вѣс. 2 ф.

Міромъ классической древности. Г. В. Штоля. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Опытъ русско-украинскаго словаря. Сост. Михаилъ Левченко. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 2 ф.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Алгебра. Иосифа Бертрана. 5 выпускъ. Ц. 1 р. 85 к., вѣс. 3 ф.

Алгебра. Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Воленсъ. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Аналитическая геометрія. Составилъ І. Сомовъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Астрономическій атласъ, съ XII таблицами, Брунса. Спб. 1875. Стр. 43. Переводъ съ нѣмецкаго Е. А. Сысоевой. 2-е изд., подъ редакціей Р. Н. Гришкина. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Былое и современное химіи. Общедоступная лекція Германа Копля. Ц. 30 коп., вѣс. 1 ф.

Вокругъ луны. Жюль Верна. Съ 40 рисунками. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Геометрія теоретическая и практическая. Союзъ. Выпускъ I: о линіяхъ. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

Иллюстрированная популярная физическая географія, въ 3-хъ частяхъ. Н. И. Зуева. Ц. 5 р., вѣс. 6 ф.; отдѣльная часть 3 р., вѣс. 2 ф.

Исторія неба. К. Фламаріона. Съ рисунками. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ наблюдательной физики, въ 2-хъ ч. Θ. Петрушевскаго. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 5 ф.

—— начальная алгебры. Составилъ К. Краевичъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Начала космографіи, съ политипажамми. Составилъ К. Краевичъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальная алгебра съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальнахъ училищъ. Составилъ І. Сомовъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

—— геометрія, для среднихъ учебныхъ заведеній. В. И. Беренса. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

—— Учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Воленсъ. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Начертательная геометрія. Состав. І. Сомовъ. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Опредѣленіе планетныхъ орбитъ изъ трехъ наблюденій. П. А. Ганзена. Ц. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Основанія физики. Сост. К. Краевичъ. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

Очеркъ спектральнаго анализа. Составилъ К. Краевичъ. Ц. 1 р. 40 к., вѣс. 1 ф.

Первые уроки изъ физики. Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій, съ атласомъ. Θ. Θ. Эвальда. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

—— минералогіи. Пособіе для родителей и наставниковъ. Сост. А. Гердъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Полный курсъ элементарной математикки. Состав. Н. В. Христіани. 2 ч. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣжелю, Шпизу и др. Состав. Д. Дмитріевъ. Ц. 70 к., вѣс. 2 ф.

Приготовительный курсъ геометріи. Сост. З. Вульхъ. Ц. 50 к., вѣс. 2 ф.

Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Состав. А. Фроловъ. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Путешествіе къ центру земли, Жюль Верна, съ 60 рисунками художника Рю. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Рациональная механика. Часть первая. Кинематика. Сост. І. Сомовъ. Ц. 2 руб. 50 к.; вѣс. 2 ф.

—— часть II, выпускъ I, съ билетомъ на получение II выпуска. Введеніе въ статику и динамику, и статья. Сост. І. Сомовъ. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство къ ариметикѣ. Состав. В. Воленсъ. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

—— къ начальной ариметикѣ въ элементарной школѣ на основаніяхъ эвристическаго метода А. В. Грубе. Ц. 90 к. вѣс. 1 ф.

—— къ физической и математической географіи для среднихъ учебныхъ заведе-

ній, учительскихъ семинарій и самообразова-
ванія. Состав. Ф. Винклеръ. Пер. К. К.
Сентъ-Илеръ. Ц. 1 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство къ химическому изслѣдованію
важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ про-
дуктовъ. Э. Вольфа. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Сборникъ математическихъ задачъ. Со-
ставилъ А. Ломовскій. Ц. 1 р. 50 коп.,
вѣс. 1 ф.

Собраніе арифметическихъ задачъ (по Гру-
бе) въ 2-хъ частяхъ. Состав. В. Волевскъ.
Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Справочная книга по полевой фортифика-
ціи и по военнымъ сообщеніямъ для сапер-
ныхъ офицеровъ въ 2-хъ частяхъ. Тума-
нова. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній. Состав. К. Краевичъ. Ц.
2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Физическая географія. Мери Сомер-
вилля. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія
въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и
промышленности. Д-ръ Германъ Фогель.
Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я.
Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Альпійскіе Ледники. Сочин. Джона Тин-
дала. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ. Ф.
В. Скандони, 2 тома. Ц. 5 р. 20 к., вѣс.
4 ф.

— д-ра К. Шредера, выпускъ I.
Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

Болѣзни мочевыхъ органовъ. Клиническія
лекціи проф. Генри Томсона. Ц. 2 р.
50 к., вѣс. 3 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и
глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона
Тиндала. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Воздухъ и его жизнь. Популярныя очер-
ки атмосферныхъ явленій съ 8-ю хромо-
литграфированными картинами и полити-
пажами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Вопросы общественной гигиены. В. Порту-
галова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

— питанія. Г. Летеби. Ц. 1 руб.,
вѣс. 1 фунтъ.

Двадцать пять формулъ Пресслера, для вы-
численія древеснаго прироста, и лѣсной
приростной буравъ. Перев. съ нѣмц. В.
Ольшевскаго. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Единство мнрзвданія. Сочин. Гартвига.
Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Естествознаніе и политика. Мысли о при-
жненіи началъ естественнаго подбора и
настѣдственности къ политическому об-
ществу. Вальтеръ Беджготъ. Перев. съ

англійскаго, подъ редакціей Д. А. Корон-
чевскаго. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Исторія земли. Геологія на новыхъ ос-
нованіяхъ. Сочин. Фридриха Мора. Ц.
3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

* Какъ растутъ сельско-хозяйственныя
растенія. Руководство для сельско-хозяй-
ственныхъ школъ и для самообученія. Са-
муила Джонсона. М. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс.
2 ф.

Картини растительности земнаго шара.
Людвига Рудольфа. Ц. 2 р. 50 к., вѣс.
3 ф.

Курсъ климатическихъ болѣзней. С.
П. Боткина. Вып. III. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.

— Скотоводства. Руководство къ раз-
веденію рогатаго скота, овецъ, лошадей и
свиней. Соч. К. С. Трипольскаго. Ц.
3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Лѣсовозращеніе. Ученіе о производствѣ
продуктовъ лѣсного хозяйства. Соч. Н. С.
Шафранова. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Механика животнаго организма. Передвиже-
ніе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ
117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р.,
вѣс. 2 ф.

Московская флора или описаніе высшихъ
растеній и ботанико-географическій обзоръ
московской губерніи. Соч. Н. Кауфмана.
Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

На берегу моря. Зоологическіе этюды. Геор-
га Генри Льюиса. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Настольная книга для русскихъ сельскихъ
хозяевъ, составленная А. П. Людогов-
скимъ и др. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Настѣоныя и ихъ значеніе въ сельскомъ
хозяйствѣ. О. Гримма. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Общая биологія. Изидора Жоффруа
Сентъ-Илера. 2 част. Ц. 2 р. 75 к., вѣс.
3 ф.

Общая естественная исторія настѣоныхъ.
Соч. Кэрби и Спенсъ. Ц. 2 р. 50 к.,
вѣс. 3 ф.

Общее землѣдѣніе. Карла Риттера.
Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.

Огородничество. Руководство къ разведе-
нію овощей въ огородахъ и поляхъ. Соч. Эд.
Люкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

* Опытное руководство къ малочному хозяй-
ству, съ 9-ю политипажами въ текстѣ. П.
М. Преображенскаго. М. 1875 г. Ц. 60
к., вѣс. 1 ф.

О происхожденіи видовъ путемъ естест-
веннаго подбора, или о сохраненіи усовершен-
ствованныхъ породъ въ борьбѣ за суще-
ствованіе. Соч. Чарльза Дарвина. Ц. 2 р.
50 к., вѣс. 2 ф.

Основы рациональнаго землѣдѣлія. Популар-
ное практическое руководство для русскихъ
землѣдѣльцевъ. А. Ф. Сергѣевъ. Ц. 40 к.,
вѣс. 1 ф.

Основы зоологii. Руководство для слушателей высших учебных заведений. Соч. д-ра Карла Клауса. 3 ч. Ц. 6 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Основные начала геологii или новѣйшія измѣненія земли и ея обитателей. Чарльза Лайэля. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Очеркъ основъ санитарной дѣятельности. А. Доброславина. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Очерки животной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Переселиющіеся животныя. Соч. Карла Корнелиуса. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Писчебумажное производство. Окраска бумаги. Технолога Н. П. Мельникова. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы. Соч. Карла Реклама, съ приложеніемъ дѣтской гигиены, соч. д-ра М. С. Зеленскаго. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Популярныя бесѣды о Природѣ и чловѣкѣ. Соч. Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Практическое земледѣліе. А. Розенбергъ-Дипинскій. Переводъ съ нѣмецкаго П. Костичева съ измѣненіями и дополненіями въ примѣненіи къ Россіи. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

рыболовство, по Гааку, сост. О. А. Гриммъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Природа и чловѣкъ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Производство бумаги изъ смолы, сѣна, мочала и другихъ растительныхъ матеріаловъ и значеніе ихъ для писчебумажнаго дѣла Россіи. Соч. Н. Мельникова и Шендзи-ковскаго, съ чертежами. Ц. 1 р., вѣс. 1 фунтъ.

Различные способы удаленія нечистотъ изъ населенныхъ мѣстъ по отношенію къ оздоровленію городовъ, съ 23 рисунками. Ф. Эрнсмана. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія М. I. Шлейдена. Ц. 3 р. вѣс. 3 ф.

Ружейная охота на птицъ въ Россіи. Съ картинками. Соч. С. Романова. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Руководство для фельдшеровъ и фельдшерскихъ школъ. Ч. I: анатомія, физиологiя, хирургія. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф. Часть II: уходъ за больными, гигиена и дiететика, фармакогнозія, фармація и фармакологія. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

къ изученію болѣзней кожи. И. Неймана. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

къ изученію и леченію болѣзней прямой кишки и задняго прохода, состав. И. Карпинскій. Ц. 1 р. 35 к., вѣс. 1 ф.

къ содержанію и разведенію канареекъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Руководство къ изученію садоводства и

огородничества. Сост. Э. Э. Рего. Ц. 2 р. 50 к. вѣс., 3 ф.

Руководство къ зоологii. Животныя лучистыя и безформенныя Х. Г. Бронна. 2 т. 3 в. Ц. 6 р., вѣс. 4 ф.

* Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. А. П. Сабанѣева, съ 6 картинками и 488 политипажами въ текстѣ. М. 1875. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Рѣчи и статьи Джона Тиндала. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Собирание растений и составленіе гербарія, Н. И. Раевского. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Сохраненіе энергii. Вальфуръ Стьюарта. Съ 14 политипажами, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Строеніе и жизнь чловѣческаго тѣла. Популярная физиологiя съ 255 рисунками въ текстѣ. К. Реклама. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 фунта.

Троицескій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Труды третьяго сѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Кіевѣ 1871 г. Ц. 5 р., вѣс. 6 ф.

Улэ и Вагнеръ. Руководство къ общей патологii. Переводъ съ шестого дополненнаго изданія 1874 г. студентовъ университета св. Владимира. Подъ редакціей доцента общей патологii, д-ра Н. С. Афанасьева. Ц. 4 р., вѣс. 3 ф.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Общепонятно изложено Фридрихомъ Роале. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Шокальскій. М. 1875 г. т. I. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Физиологiя обывденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Физиологическія картины. Сочин. Людовика Бюхнера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Чудеса подземнаго міра. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Этюды. Популярныя чтенія М. I. Шлейдена. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВЪДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I. Историческій очеркъ Германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. А. Градовскаго. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 1 ф.

Душевные болѣзни по отношенію къ ученію о вѣнненіи. Проф. д-ра Скржечки. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Замѣтки о русской адвокатурѣ. К. К. Арсеньева. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Значеніе римскаго права для новаго міра. Рудольфа Геринга. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Исслѣдованіе объ отвѣтственности мало

лѣтнихъ преступниковъ по русскому праву, и проектъ законоположеній объ этомъ вопросѣ. Н. С. Таганцевъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 фунтъ.

Изученіе социологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Историческій очеркъ конкурснаго процесса, Кронида Малышева. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Крестыиное дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Мешеничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе Ив. Фойницкаго. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

* Новая постановленія о гербовомъ сборѣ, послѣдовавшія по 1-е июля 1875 г. Спб. 1875 г. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

_____ уголовной психологіи для врачей и юристовъ. Д-ра Крафта-Эбинга. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

* Общинное землевладѣніе. А. Посникова. Выпускъ I. Ярославль. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскіихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Князя А. Васильчикова. 2 части. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Первыбыттая собственность. Эмиль-де-Лавелз. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Первое продолженіе къ уложенію о наказаніяхъ и мировому уставу. Н. С. Таганцева. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Политическій сборникъ. Справочная книга для читателей газетъ. Сост. А. Рѣдкинъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе рѣшеній уголовного касс. д-та прав. сената, илложенное въ сокращенномъ видѣ. 1866 и 1867 годы. Ц. 2 р., в. 2 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассад. департ. правительствующаго сената,

за 1873 г. Сост. А. Книризмъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Судобные уставы 20-го ноября 1864 г. Часть I. Учрежденія судебныхъ установлений со включеніемъ кассад. рѣшеній и послѣдующихъ узаконеній до 1 июля 1874 г. А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Уломене о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, съ разъясненіями по рѣшеніямъ уголовного касс. д-та правт. сената. Н. С. Таганцева. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Н. С. Таганцева. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дятлына. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ вандейнаго права. Соч. пр. Виндшейда. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ученіе объ управленіи и право управленія съ сравненіемъ литературы и законодательства Франціи, Англии и Германіи.—Руководство, изданное Лоренцомъ Штейномъ. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

* Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Общая часть. Т. I. А. Ф. Кистяковскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. I: 1) Это мой маленькій капризъ. 2) Роквое призываніе. 3) Дядя Беккеръ подшутилъ. 4) По кривой дорогѣ впередъ не выдать. 5) До поры до времени. 6) Не хмѣль бѣда—похмѣлье. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

_____ Т. II: 1) Сорви голову. 2) Завоеванное счастье. 3) Старое старится—молодое растетъ. 4) Двѣ скорби. 5) Клинокъ клиномъ вышибай. 6) Въ погоню за прекрасной Еленой. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Мышленное искусство въ Европѣ. Художественныя замѣтки о всемірной выставкѣ 1873 г. В. Стасова. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Руководство къ изученію сценическаго искусства, въ 2-хъ частяхъ. Сост. Н. Свѣдцовъ. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

* Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа для теоріи музыки. Гельмгольца. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАМОНТОВА,

бывшій Александра Ильича Глазунова.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

Въ июлѣ мѣсяцѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

АЛЪБЕВА, Н. Два міра. Романъ въ 4-хъ частяхъ, Спб. 1875 г. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к.

БИЛЬРОТЪ. Общая хирургическая патология и терапия въ 50 лекціяхъ, съ 168 рисунками въ текстѣ. Руководство для учащихся и врачей. Спб. 1875 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

БЛИЖНЕВЪ. По краю пропасти (семейство Свѣжинныхъ). Романъ въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

ДЕ-БОМОНЪ-ВАССИ. Тайны царствованія Наполеона III-го (Итальянская исторія). Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ. Собраніе дѣйствующихъ законодательныхъ постановленій о печати, разъясненныхъ по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената и циркуларамъ министра внутреннихъ дѣлъ. Съ приложеніемъ систематическаго и алфавитнаго указателей. Изданіе второе, книжнаго магазина А. Бортневскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ПЕГЕРЪ. Садоводство и огородничество. М. 1875 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

КРЕСТОВСКИЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Кровавый пухъ. Хроника о новомъ смутномъ времени государства російскаго. Періодъ первый: Папургово стадо. Періодъ второй: ДВѢ СИЛЫ Т. 3 (на 4 выдается билетъ). Спб. 1875 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

ЛИВАНОВЪ. „Золотая грамота“, первая въ Россіи учебно-воспитательная народная христоматія, въ 2-хъ книгахъ. М. 1875 г. Ц. каждой 60 к., съ перес. по 80 к.

ЛЯПИДЕВСКИЙ. Исторія Нотариата. М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

МАРКОВЪ. Правила линейной перспективы и способъ строить, не выходя изъ пре-

дѣловъ картины, съ приложеніемъ 32-хъ таблицъ чертежей. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

МИТЕЛЬЩИТЪ. Новая экономическая начала общественаго строя. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

ПЕТРОВЪ. Таблицы для опредѣленія родовъ двукрылыхъ насекомыхъ (Diptera), съ двумя таблицами рисунковъ. Ярославль. 1875 г. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

ПОГАНКО. Карманный латинско-руссій словарь медицинскихъ терминовъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ПОГОДИНЪ. Сборникъ, служащій дополненіемъ къ простой рѣчи о мудр. вещахъ. М. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ПОЛИВАНОВЪ. Русская христоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1875 г. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНИСТЫ. М. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

СОЛОВЬЕВЪ-НЕСМЪЛОВЪ. Дѣтскій мірокъ. Разказы и стихотворенія изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. М. 1875 г. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

МУТЪЕ. Основанія термодинамики. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

ТРАУТШОЛЬДЪ. Основы Геологій. Ч. 2. ПАЛЕОНТОЛОГІЯ. Палеозоографія и палеофитологія, около 300 политипажей. М. 1875 г. Ц. 2 р. 75 к., съ перес. 8 р.

ФАРМАКОВСКИЙ. Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей по способу Грубе. Изд. 2-е. Ватка. 1875 г. Ц. 60 к., съ перес. 80 к.

ШПЕТЪ. Родовспомогательное искусство. Руководство для акушеровъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гг. иногородные благоволятъ со воими своими требованіями какъ на новыя, такъ и на воѣ прежде вышедшія книги и за учебными пособиями обращаться на имя Николая Ивановича Мамонтова (Москва, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Требованія исполняются немедленно.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ июль поступили въ продажу слѣдующія книги:

Влюхъ, И. Русскія желѣзныя дороги, относительно доходовъ и расходовъ эксплоатации, стоимости провоза и движенія грузовъ. Б. томъ съ атласомъ графическихъ таблицъ. Спб. 1875 г. Ц. 15 р., перес. за 10 ф.

Кистяковский, А. Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Т. I. Общая часть. Киевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Джексонъ, Ч. Святочные рассказы. Полный переводъ Ф. Резенера, съ 40 политическими и 5-ю гравюрами. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., перес. за 4 ф.

Терентьевъ, М. Россія и Англія въ Средней Азіи. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Джонсонъ, С. Исторія Расселаса, принца Абиссинскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Влижневъ, П. По краю пропасти (Семейство Свѣжинныхъ). Романъ въ 4 частяхъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

Дополненіе къ сборнику „Поповка“. Еще статьи о круглыхъ судахъ. Спб. 1875 г. Ц. 25 к., перес. за 1 ф.

Китарры, М. Карта кожевеннаго производства въ Россіи. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Фонефъ, Р. Справочная книжка для читающей публики всѣхъ сословій и каждаго возраста. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Диксонъ, В. Двѣ королевы: Екаторина Арагонская и Анна Волейнъ. 4 т. Спб. 1875 г. Ц. 7 р., перес. за 7 ф.

Вейсъ, Г. Вѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Т. II-й, ч. 1-я. Византія и Востокъ. М. 1875 г. Ц. 4 р., перес. за 3 ф.

Локкьеръ, Н. Спектроскопъ и его примененія. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Азбука и скоропись XVII вѣка. Для нагляднаго изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Карамзинъ, Н. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. М. 1875 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, Высочайше утвержденный 17-го апрѣля 1874 года. Ц. 60 к., перес. за 1 ф.

Езерскій, Ф. Пренія о двойной итальянской и тройной русской системахъ торговаго счетоводства. Спб. 1875 г. Ц. 30 к., перес. за 2 ф.

Лишняя. (Рассказъ безъ вымысла). Е. Ш. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Понсонъ - дю-Террайль. Крѣпкое ожерелье. Романъ. М. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Либбахъ, Г. Съ брачной постели на эшафотъ. Романъ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Погодинъ, М. Сборникъ, служащій дополненіемъ къ „Простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ“. М. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Кудѣвскій, О. Главныя мысли и духъ Корана. Казань. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Маловъ, Е. Историко-критическое введеніе въ Коранъ. Казань. 1875 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Сочиненія Генриха Гейне. Въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей П. Вейнберга. Т. 3-й, изд. 2-е. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф. Цѣна полному сочиненію, состоящему изъ 12 томовъ 12 р., перес. за 10 ф.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, какъ вновь выходящими, такъ и прежде изданными.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

I. ЮРГЕНСОНА, П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:

Для пѣнія: Агъ, Разлука (20 к.). Бетховенъ, Подъ камнемъ могила (15 к.); Пѣснь изъ Эгмонта (20 к.). Вагнеръ, Вечерняя Звѣзда, изъ оперы Тангейзеръ (20 к.). Веберъ, Колебельная пѣснь (20 к.). Гендель, Дайте мнѣ слезы (15 к.). Гумбертъ, Прощу васъ птички (30 к.); Слеза (20 к.). Гуно, Фаустъ: Арія Зибелы (20 к.); Арія цвѣтовъ (30 к.); Пѣсни съ жемчугомъ (35 к.); Царь Оулескій (20 к.); Серенада Мефистофела (35 к.); О золотомъ тѣлцѣ (20 к.); Молитва (Ave Maria) на мелодію 1-й предлдіи Баха (20 к.). Дессауръ, Вызовъ (30 к.). Дюрамъ, Какъ въ двадцать лѣтъ (20-к.). Козень, Тогда и теперь (20 к.). Кюкенъ, Будь только ты моею (15 к.); Серенада Мавра (20 к.); Слеза (30 к.). Мендельсонъ, Фалка (20 к.); Привѣтъ (15 к.); Зимняя пѣсня (20 к.); На крыльяхъ поэзіи (20 к.); Воскресная пѣсня (20 к.); Намъ небомъ суждено (15 к.); Венеціанская баркарола (20 к.). Оффенбахъ, Прекрасная Елена: Всѣ мы жальдемъ любви (20 к.); Кувиркомъ (20 к.); Куплеты королей (20 к.). Перголезе, Три дня уже какъ Нина (15 к.). Прехъ, Альпійскій рожокъ (20 к.). Стигелли, Прелестные глазки (20 к.). Шубертъ, Скиталецъ, Желаніе, Хвала слезамъ, Неперпѣніе, Молитва, Утренняя серенада, Жалоба дѣвушки, Серенада, Баркарола, Прости (каждый 20 к.). Шубертъ, 26 избранныхъ пѣсней въ одномъ томѣ (2 р.). Шуманъ, Дай ручку мнѣ, Посвященіе, Лотось, Ты какъ цвѣтокъ, Весенняя ночь, Я не сержусь, Тихая любовь, Тихія слезы, Лунная ночь (каждый 20 к.). Шуманъ, 27 избранныхъ романсовъ, въ одномъ томѣ (2 р.). Сборникъ 50 романсовъ и пѣсней Бетховена, Мендельсона, Моцарта, Мейербергера, Кюкена, Абта и др. съ полными текстами и русскими переводами, сдѣланными Фетомъ, Майковымъ, Некрасовымъ, Плещеевымъ, Островскимъ и др. подъ редакцію Н. Рубинштейна (3 р.); Полныя оперы для пѣнія съ русскими словами: Фаустъ (4 р.); Донъ-Жуанъ (4 р.); Волшебный стрѣлокъ (3 р.).

Танцы для фортепіано: Biehl, Mazurka russe (15 к.). Бюхнеръ, Наада и рыбака. Кадриль (30 к.). Congradl, Couplet-Quadrille (30 к.). Faust, Грезь прошедшаго. Вальсъ (30 к.); A propos. Polka (15 к.); Boute-en-train. Quadrille (30 к.); Сказки волшебнаго міра. Вальсъ (45 к.); Entre nous. Quadrille (30 к.); На крыльяхъ ночи. Вальсъ (45 к.); Листочки. Вальсъ (45 к.); La voleuse d'amour. Polka-Mazurka (15 к.); Therese-Walzer (45 к.); Изъ парства звуковъ. Вальсъ (45 к.); Мала и мила. Полька (20 к.); Im Dämmerlicht. Walzer (45 к.); Съ горныхъ странъ. Вальсъ (45 к.); Жизнь и любовь. Вальсъ (45 к.); Легка на ногу. Полька (20 к.); Bluettes. Вальсъ (45 к.); Postillon d'amour. Polka (20 к.); Quatre honneurs. Quadrille (30 к.); Свѣчка. Galop (20 к.); Kleiner Schein. Polka (20 к.); Скорочоды. Galopъ (20 к.); In Freundes Kreisen. Walzer (45 к.); Um Herz und Hand. Walzer (45 к.). Эрлангеръ, Болгуны. Кадриль (30 к.); Puritani-Quadrille (30 к.); Hertel, Flick und Flock. Quadrille (30 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса месыли. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается безплатно. Требованія Гг. городовыхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были издааны и объявлены.

Дено лучшихъ итальянскихъ струнъ.

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. Münx).

St.-Petersbourg, Perspective de Nevsky, № 14.

Nouveautés de Juin 1875.

AMADOR DE LOS RIOS. Historia social, politica y religiosa de los Judios de España y Portugal. Bd. I. 12 r. 50 k.

ARCONATI-VISCONTI, G. Diaris di un viaggio in Arabia Petrea. 5 r.

ASMUS, P. Die indogerman. Religion in den Hauptpunkten ihrer Entwickelung. I Bd. 3 r. 50 k.

BELOT, A. M-me Vitel et m-lle Levièvre. Suite des «Baigneuses de Trouville». 1 r. 20 k.

BLOCK, M. Dictionnaire de l'Administration française. Nouv. ed. cpllt. 14 r. 40 k.

BRÜCKE, E. Vorlesungen über Physiologie. 2 Af. I Bd. 7 r. 50 k.

BRUGSCH-BEY. L'Exode et les monuments égyptiens. 2 r.

BUTTER, W. Akim-Foo. The history of a failure. 7 r.

CAMPAGNA LA del 1866 in Italia. Redatta dalla sezione stonca del Corpo di Stato Maggiore. Vol. I. 4 r.

CANTACUZENA, O. Cannèla. Roman. 2 r. 40 k.

CAPEN, N. The history of democracy or political progress. I. 11 r. 50 k.

CARMONTEL LECLERQ. Dramatische Sprichwörter übersetzt v. W. Graf Baudissin. 2 Rde. 5 r.

CAVELLER DE CUVERVILLE. La peche du corail sur les cotes de l'Algèries. 1 r. 60 k.

COOPER, TH. Men of the time. A dictionary of contemporaries, containing biographical notices. 9 ed. 7 r. 50 k.

CORRESPONDANCE INÉDITE de Stanislas Auguste Poniatowski et de M-me Geoffrin (1764—1777) avec notes de Mouy. 3 r. 20 k.

DANTÈS. Dictionnaire biographique et alphabétique et méthodique des hommes les plus remarquables dans les lettres. En livraisons à 40 k.

DARWIN. Insectivorous plants. 7 r.

DELFF, H. Cultur u. Religion. Entwicklung des humanen Bewusstseins. 5 r.

DU CHATELLIER. La mort de Louis XVI. Scènes historiques. 2 r.

FORSTEMANN, E. Geschichte des deutschen Sprachst ammes. II Bd. 3 r.

FORTLAGE, K. Beitræge zur Psychologie als Wissenschaft aus Speculation u. Erfahrung. 4 r.

FREY, H. Gründzuge der Histologie. 3 r.

GAUTIER, M-me. L'Usurpateur. Roman. 2 r. 40 k.

GRÖNE, V. Die Papst-Geschichte. 2 Af. 2 Bde. 6 r. 60 k.

GRUEBER, B. Die Elemente der Kunstthätigkeit erläutert. 3 r.

GUILLEMIN, A. Le son. Notions d'acoustique, physique et musicale. 80 k.

HOUSSAYE, A. Les 1001 nuits parisiennes. t. III. 2 r.

HUTH, A. The marriage of near kin, considered with respect to the law of notion. 7 r.

IMBERT, P. L'Espagne splendeurs et misères. Voyage artistique et pittoresque. 1 r. 60 k.

KERZ, F. Die Entstehung des Sonnensystems, nach der Laplaceschen Hypothese in verschiedenen neuen Richtungen ausgeführt. 1 r. 50 k.

KOPP, H. Ansichten üb. die Aufgabe der Chemie u. über die Grundbestandtheile der Koerper bei den bedeutenden Chemikern. 6 r.

LAUBE, H. Gesammelte Schriften. I Bd. Erinnerungen. 1810—1840. 2 r.

LELAND, C. Fusang, or the discovery of America by Chinese Buddhist-priests. 3 r. 75 k.

LINDAU, P. Vergnügungsreisen. Gelegentliche Auszeichnungen. 1 r. 20 k.

LUBBACK, F. Die Entstehung der Civilisation u. d. Urzustand d. Menschengeschlechts. 6 r.

MARSDEN'S numismata orientalia. A new ed. Part I, Ancien indian weights. 4 r. 75 k.

MEINICKE, C. Die Inseln des stillen Oceans. I. 4 r. 50 k.

MERIMÉE. Lettres à une autre inconnue. 1 r. 40 k.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„СБОРНИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ“

Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, выходя въ свѣтъ второго тома „Сборника Государственныхъ Знаній“ *) запоздалъ противъ предположенія редакціи издать его въ началѣ нынѣшняго года (см. предисловіе къ 1-му тому). Главною причиною этого замедленія былъ значительный объемъ настоящаго тома, почти вдвое превосходящій объемъ перваго и потому вынудившій къ соотвѣтственному возвышенію продажной цѣны книги. Уже первый томъ далеко превзошелъ своими размѣрами первоначальный планъ всего этого изданія. Единодушное сочувствіе, которое встрѣтилъ нашъ Сборникъ въ ученomъ мѣрѣ и въ литературѣ, и на которое редакція не могла рассчитывать, задумывая этотъ опытъ совершенно новаго у насъ изданія, повлекло за собою доставленіе для Сборника большого количества самыхъ интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обширныхъ трудовъ, откладывать которые до будущихъ томовъ было не желательно, тѣмъ болѣе, что возможность самаго изданія ихъ пока неизвѣстна. Въ случаѣ обстоятельствъ даже благоприятныхъ для продолженія „Сборника Государственныхъ Знаній“ слѣдующіе его томы не могутъ быть изданы ранѣе 1876 г.

И въ самомъ своемъ содержаніи II томъ Сборника получилъ гораздо болѣе развитіе сравнительно съ I томомъ, котораго многіе пробѣлы пополнены и многіе недостатки устранены. Такимъ образомъ, въ составъ настоящаго тома вошли статьи по всѣмъ безъ изъятія отраслямъ государственной науки: по церковному праву (Научная постановка церковно-суднаго права—*М. И. Горчакова* и его же рецензіи на русскія и иностранныя сочиненія по этой части), по государственному праву и его исторіи (Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ—*В. И. Сергѣевича* и критическая статья объ исторіи русскихъ городовъ—*Ф. И. Леонтовича*), по международному праву и международной политикѣ (Международное вмѣшательство—*М. Н. Капустина*, критическія статьи *Ф. Ф. Мартенса* и *г-р. Л. А. Комаровскаго*, и обсужденіе предположеній Брюссельской конференціи о правахъ и обычаяхъ войны въ третьемъ отдѣлѣ Сборника, заключающ-

*) Этотъ томъ поступилъ въ продажу во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы (цѣна 5 р.).

щемъ въ себѣ обзорніе движенія русскаго законодательства и управленія за вторую половину 1874 г.), по военному искусству (Значеніе подготовкн къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности—*Г. А. Леера*), по полиціи въ обширномъ смыслѣ (моменты исторіи законодательства о печати—*И. Я. Фойтшикаго*, и критическія статьи,—о сочиненіи Л. Штейна,—*И. Е. Андреевскаго* и о санитарной литературѣ,—*Г. И. Архательскаго*), по администраціи и административной статистикѣ (Устройство правильной переписи населенія въ Россіи—*Ю. Э. Янсона*), по финансамъ (Земскія повинности и мѣстные налоги—*В. А. Лебедева*), по государственному хозяйству (Акціонерныя общества—*Ө. Г. Тернера*, Забѣтка по поводу акціонернаго законодательства—*Д. П. Скуратова*, и Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ,—*В. И. Чаславскаго*), и по исторіи, какъ по вспомогательной для государственнаго вѣдѣнія наукѣ (рецензіи *Я. К. Грота*, *К. Н. Бестужева-Рюмина*, *Е. Е. Замысловскаго*, *А. Ф. Брикнера*, *В. С. Иконникова* и *В. В. Бауера*). Всѣ статьи перваго отдѣла сосредоточены на вопросахъ, имѣющихъ современное значеніе въ теоріи и преимущественно въ практикѣ русскаго государственной жизни, согласно съ задачею нашего изданія. Тѣмъ же характеромъ отличается и второй критическій отдѣлъ, въ которомъ, при разсмотрѣніи замѣчательнѣйшихъ явленій русской и иностранной литературы по государственнымъ знаніямъ, обсуждаются различныя интересы нашего нынѣшняго государственнаго и общественнаго быта. Нѣкоторыя статьи въ этомъ отдѣлѣ (таковъ трудъ г. Леонтовича) имѣютъ значеніе цѣлыхъ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Справедливо замѣченный недостатокъ въ критическомъ отдѣлѣ перваго тома Сборника, заключавшемъ въ себѣ по иностранной литературѣ извлеченія изъ иностранныхъ рецензій, совсѣмъ устраненъ въ настоящемъ томѣ: всѣ рецензіи иностранныхъ сочиненій написаны русскими учеными и направлены къ вопросамъ, имѣющимъ значеніе преимущественно для нашего отечества.

При всемъ этомъ, редакція не можетъ еще считать задачу, ей поставленную для этого изданія, выполненною, и потому не можетъ не желать гораздо болѣе приблизиться къ ея разрѣшенію въ будущихъ томахъ Сборника, если только будетъ возможно приступить къ ихъ изданію. Люди, знакомые съ дѣломъ, по всей вѣроятности, оцѣнятъ значительныя трудности, съ которыми было сопряжено, при новости у насъ такого рода предпріятія, изданіе даже двухъ выпущенныхъ нами томовъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, при Книж. маг. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1875-мъ году.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1875-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-тъ книгъ :

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 „ — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные

1) въ Москвѣ: { 16 „ — „ безъ доставки.
17 „ — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 „ — „ съ пересылкою.

Иностранные:

19 р.—вся Европа (кромѣ Франціи), Египеть и Сѣв.-Ам. Штаты; 21 р.—Франція; 24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обыкновенною уступкою

Коммиссіонеры „Вѣстника Европы“:

С.-Петербургъ	{	Базуновъ, Нев. пр., 30.		Москва	{	Соловьевъ, Страстн. Бульв.
		Исаковъ, Гост. Дв., 24.				Центр. Книжн. магаз., Слав.
		Черкесовъ, Нев. пр., 50.				Базаръ.
		Магаз. для Иногор., Нев. пр., 27.				Одесса : Черкесовъ, Преображ. ул. Харьковъ: Черкесовъ, Москов. ул., 6.

На оборотѣ:

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допускаема* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородныя въплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранныя—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государству.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если копія была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

„ГОДЪ“

ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Томъ второй: 1873—1874 гт.

Редакція «Вѣстника Европы», подъ названіемъ «ГОДА», продолжала начатое ею особое изданіе, въ формѣ историко-политическаго обозрѣнія, какъ издаются подобныя же обозрѣнія въ западныхъ литературахъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, ежемѣсячными обозрѣніями журнала, исправленными въ отдѣльномъ изданіи и значительно дополненными. Отдѣлъ Россіи вмѣщаетъ въ себѣ главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и внѣшнихъ отношеній; остальная Европа, съ другими частями свѣта, составляетъ общую историческую картину за годъ. Обозрѣніе доводится всегда до октября истекающаго года.

ЦѢНА:

Два рубля, съ пересылкою.

Главный складъ въ Типографіи М. Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2-я лин., 7.—Тамъ же продается первый томъ за 1872—73 гт., по той же цѣнѣ. Книгопродавцы пользуются уступкою 20%.

Новая русская литература (отъ Петра до настоящаго времени). Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Составилъ П. В. Евстафьевъ. Сиб. 1875. 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ имѣлъ въ виду своимъ учебникомъ исполнить двѣ задачи: во-первыхъ, облегчить иностранцу основательное знакомство съ важнѣйшими произведеніями нашей художественной словесности; во-вторыхъ, сдѣланный имъ подборъ главнѣйшихъ произведеній нашихъ писателей и способъ анализа должны послужить переходной ступенью для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій иностранца отечественною литературой.

Учебникъ составленъ недурно; по общій планъ совершенно таковъ же, какъ вообще въ нынѣшнихъ учебникахъ словесности. Изъ всей литературы прошлога и нынѣшняго столѣтія берется только небольшое число основныхъ писателей, и предполагается, что ихъ характеристики передаютъ все развитіе литературы. Такова, кажется, обязательная программа учебниковъ. Но понятно, что цѣль ознакомленія съ литературой не совсемъ этимъ достигается; учащійся остается безъ всякихъ свѣдѣній о другихъ фактахъ литературы, которыя имѣли бы очень не лишніи для ея пониманія, и въ этомъ отношеніи гораздо были лучше прежніе учебники, которые имѣли въ виду представлять постепенное развитіе литературы и, кромѣ чистой беллетристики, анналы читателя и съ ходомъ образованія, и съ развитіемъ и совершенствованіемъ языка, и т. п. Къ нынѣшнему учебнику должна потребоваться масса дополнительныхъ объясненій, для того, чтобы онъ съ нѣкоторой полнотой ознакомилъ учащагося съ предметомъ.

Было бы очень желательно, чтобы авторы въ особенности учебниковъ заботились больше о корректурѣ. Вообще нигдѣ у добрыхъ людей нѣтъ такого неурядица въ типографскомъ отпечаткѣ, какъ у насъ. Г. Евстафьевъ заставляетъ божьего сына жить Маусоловомъ вѣкомъ: „1171—765“; Марина Мининъ отдалась у него чистодобіемъ“, и т. п. Первую ошибку авторъ одъ конецъ поправилъ; но относительно Марини учащемуся предоставляемо недоумѣвать о истинности Марини.

Энциклопедическое земледѣніе. А. Посникова. Выпускъ I. Ярославль, 1875. Стр. 171.

Диссертация г. Посникова объ общинномъ земледѣніи представляетъ цѣльное приобращеніе для русской науки. Строгая логика мысли изложена, оригинальна и остроумна, при ней простота своей, аргументація естественно стекаетъ изъ факта, что автору, во-первыхъ, хорошо известно все, что сказано было другими о тому же вопросу, а во-вторыхъ, что ему тогда ясно то, что самъ онъ изъяснить сказать неумѣлъ. При такихъ условіяхъ эта книга—почти юморъ—заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ малъ объемистая книга коммунитивнаго свойства, издаваема на общинное пользование землею въ столѣтнее время въ Россіи авторъ относитъ къ дѣйствительному сознанию вреда этой формы владѣнія, но къ потребностямъ „капиталистической формы производства“. Для усиленнаго дѣйствія этой послѣдней силы нужны „уши“, то-есть рабочіе, не лишены никакаго значенія, никакаго средства къ прокормленію, кромѣ личнаго найма. Наме крестьянство представляетъ рабочаго класса въ этомъ смыслѣ; такого класса у насъ почти нѣтъ, или въ состояніи имъ немногочисленныхъ личнѣй-

исключеній. Отсюда—общія жалобы на недостатокъ „рукъ“ и на „вредныя экономическія послѣдствія общины“, и обращеніе къ власти, съ цѣлью сломить общину, обращеніе, которое само по себѣ призываетъ противорѣчить системѣ laissez faire, которая есть основа „капиталистической формы“ производства; но основа эта громко провозглашается только тогда, когда законодательство уже лишило рабочій классъ всякой самостоятельности передъ капиталистами.

Обращаясь затѣмъ къ сущности вопроса объ эксплуатациіи земли, авторъ доказываетъ примѣромъ британскихъ острововъ,—которыя экономическія условія послужили основаніемъ для экономической науки въ ея первоначальномъ видѣ,—что высокое положеніе сельскаго хозяйства создано въ этой странѣ не безусловной частной собственности, но совѣтъ напротивъ—срочными владѣльцами земли, фермерами, и помощью правительствъ; что неподвижная собственность оставалась почти только зрительницею увеличеній; что, наконецъ, сама эта собственность именно на британскихъ островахъ не представляла тѣхъ условій, въ силу которыхъ нѣкоторые континентальные экономисты противопоставляютъ ее общинному пользованію землей, какъ форму наиболее выгодную. Британская земельная собственность, во-первыхъ, не существуетъ въ юридическомъ принципѣ (земля принадлежитъ коронѣ); во-вторыхъ, крайне стѣснена въ сколько-нибудь значительныхъ распоряженіяхъ необходимости заручиться согласіемъ ближайшаго наследника. Все сдѣлалъ фермеры, а для процвѣтанія срочнаго фермерскаго хозяйства не требуется даже долгосрочности, но требуется вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія (tenant-right). Переходя къ землякорусской общинѣ, авторъ доказываетъ, что передѣлъ земли столь же мало могутъ быть вредны, какъ и истеченіе контрастовъ, и указывать только на два необходимыхъ условія законодательное опредѣленіе, что передѣлы не могутъ имѣть мѣста въ произвольный срокъ, но должны наступать не ранѣе срока, однажды принятаго обычая въ мѣстности, каковъ бы онъ ни былъ,—во-вторыхъ, чтобы члены общины, при передѣлѣ, получали вознагражденіе отъ общины за сдѣланныя улучшенія.

Здѣсь не мѣсто представлять возраженія. Замѣтимъ только, что авторъ не коснулся вопроса о законодательной обязательности общины (условія $\frac{2}{3}$ голосовъ для ея отмены) и о круговой поруцѣ. Въ какой мѣрѣ онъ находятъ ихъ сообразными съ рациональнымъ пользованіемъ землею и обезпеченіемъ быта крестьянства? Но такъ какъ мы имѣемъ только первый выпускъ, то не имѣемъ дѣлать упреки въ пропускѣ этой немаловажной стороны вопроса объ общинѣ. Нѣкоторые мелкія неточности (напр., рѣка восточнѣе вездѣ называется турнеюсомъ) легко могутъ быть оговорены въ слѣдующемъ выпускѣ.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Составилъ А. Н.—въ. Въ текстѣ позитивныя рисунки. Сиб. 1875. Стр. 405. Ц. 3 р.

Въ этой книгѣ собраны не только всѣ относящіяся до предмета узаконенія, но и практическія указанія о способѣ тушенія пожаровъ разнаго рода, начиная отъ пожара театровъ и до пожара дѣснаго и торфянаго, о спасеніи людей и животныхъ, и врачебной помощи при пожарахъ. Присоединены: проекты уставовъ пожарнаго дружинъ и правила о торгѣ въ пороховѣ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова),
на Кузнецкомъ-Мосту.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-тъ книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.
2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностраные:

19 р. — вся Европа (кромя Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам.
Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — остальныя
Америка.

Примчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, при
книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту,
могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ { Базуновъ, Нев. пр., 30.
Исаковъ, Гос. Дв., 24.
Чересовъ, Нев. пр., 50.
Магаз. для Иногор., Нев.
пр., 44. Москва { Соловьевъ, Страстн. Буды.
Центр. Книжн. магаз., Спб.
Базаръ.
Одесса : Чересовъ, Преображ. ул.
Харьковъ: Чересовъ, Москов. ул. 6

Отъ редакціи. Редакція отблагодаритъ вполнѣ за точную и своевременную доставку
журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и ие-
странныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію „Вѣстника Евро-
пы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фа-
милія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О *перемѣнѣ* адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ
прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородныя
плативается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ въ
иногородныя въ иностраные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственн.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана
въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, и
послѣ, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Спб., Галерная, 20. Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

B'D. OCT 17 1913

